

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE
RI
TAS
ET
CHRISTO
ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXXIII. — ТОМЪ CCXXIII. — 1/14 ЯНВАРЯ 1908

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1908

3705

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 1
ЯНВАРЬ, 1908.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1908.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ
ПОНЯТОВСКІЙ
И
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА

По неизданнымъ источникамъ.

Въ числѣ бумагъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, находятся записки послѣдняго короля польскаго, Станислава-Августа Понятовскаго, и переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны съ англійскимъ чрезвычайнымъ посломъ при императорскомъ дворѣ, сэромъ Чарльзомъ Генбюри Уилльямсомъ. Мы пользовались обоими источниками, которые были до послѣдняго времени недоступны изслѣдователямъ. Записки короля Станислава-Августа значатся въ числѣ бумагъ, найденныхъ послѣ его смерти (1/12 февраля 1798 года), въ помѣщеніяхъ Мраморнаго дворца, въ которомъ онъ проживалъ въ Петербургѣ. Изъ „Протокола о снятіи печатей“ [1]), наложенныхъ на покои короля въ день его смерти графомъ Мнишкомъ и д. т. сов. гр. Безбородко, видно, что маршалъ кн. Репнинъ [2]), канцлеръ кн. Безбородко [3]),

---

...сивъ, XII разр., № 272.

...маршалъ кн. Николай Васильевичъ Репнинъ (1734—1801).

...кн. Александръ Андреевичъ Безбородко, госуд. канцлеръ, д. т. сов.

д. т. сов. гр. Безбородко [1]) и т. сов. гр. Румянцевъ [2]), убѣдившись въ цѣлости печатей, сняли ихъ, а по осмотрѣ вещей, книгъ, картъ и бумагъ, принадлежавшихъ королю, отложили нѣкоторыя изъ нихъ для ближайшаго разсмотрѣнія.

Въ описи, приложенной къ этому протоколу, значится подъ № 24: Мемуары короля Станислава-Августа,—два тома, и подъ № 25: Мемуары короля Станислава-Августа—восемь томовъ. Изъ собственноручной надписи короля на первомъ томѣ этихъ мемуаровъ видно, что онъ началъ ихъ въ 1771 году и писалъ съ большими перерывами; ко второй части онъ приступилъ лишь черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ началъ первую.

Въ дипломатическомъ отдѣлѣ С.-Петербургскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся бумаги одного изъ секретарей короля Станислава-Августа — Христіана-Вильгельма Фризе [3]). Эти бумаги состояли преимущественно изъ прошеній на Высочайшее Имя и другихъ ходатайствъ; въ нихъ Фризе добивался, кромѣ разнаго рода милостей, разрѣшенія продолжать и дополнить записки короля, съ которымъ онъ занимался 33 года. Изъ бумагъ Фризе видно, что всѣ десять томовъ мемуаровъ написаны его рукой, подъ диктовку короля, и что, по смерти послѣдняго, онъ, Фризе, передалъ кн. Репнину восемь переплетенныхъ томовъ, которые перешли, по Высочайшему повелѣнію, на храненіе въ Императорскій Кабинетъ, а два непереплетенныхъ тома были переданы черезъ графа Сергѣя Петровича Румянцева въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Куда эти два тома поступили, когда коллегія была преобразована въ министерство, остается неизвѣстнымъ; но 7 января 1832 года были переданы отъ императора Николая I въ Государственный

---

[1]) Гр. Илья Андреевичъ Безбородко (1756—1815), т. сов., сенаторъ.

[2]) Гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (1753—1838), д. т. сов.

[3]) Papiers de Friese, Carton № 1. Изъ формулярнаго списка Христіана Фризе видно, что 6 октября 1796 г. онъ былъ принятъ на русскую службу изъ секретарей короля польскаго съ чиномъ колл. сов., причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоялъ при кн. Репнинѣ для пограничныхъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ кн. Безбородко, кн. Куракина и бар. Васильева для дѣлъ, касающихся польскихъ долговъ, и по производствѣ, 1 января 1801 г., въ д. ст. сов. отставленъ, 4 марта 1801 г., отъ дѣлъ коллегіи. 4-го апрѣля онъ застрѣлился, 76 лѣтъ отъ роду. Сообщая объ его кончинѣ графу Нессельроде, управлявшему коллегіей иностранныхъ дѣлъ, д. ст. сов. Дивовъ, завѣдывавшій секретнымъ и публичнымъ архивами министерства, въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1816 г. увѣдомилъ его о томъ, что у Фризе осталось много тайныхъ бумагъ покойнаго короля, относившихся къ жизни Екатерины II, которыми Фризе думалъ воспользоваться для снисканія милостей у государя. Дивовъ предлагалъ „ихъ перенести къ Его Величеству во избѣжаніе того, чтобы любопытный глазъ не проникъ въ такія дѣла, которыя не должны быть никому извѣстны“.

архивъ черезъ государственнаго канцлера два запечатанныхъ пакета, хранившихся въ архивѣ подъ №№ 17 и 18. По истребованіи ихъ государемъ обратно, они вновь возвращены въ архивъ 11 января 1841 года въ видѣ одного пакета съ надписью Николая Павловича о храненіи и невскрытіи ихъ безъ особаго на то разрѣшенія. Съ этого времени пакетъ этотъ хранился въ архивѣ подъ № 28 до 1891 г., когда онъ былъ истребованъ государемъ Александромъ Александровичемъ и возвращенъ обратно съ предписаніемъ хранить запечатаннымъ попрежнему. Нынѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, этотъ пакетъ вскрытъ и въ немъ оказалось восемь въ кожу переплетенныхъ томовъ записокъ короля Станислава-Августа, изъ коихъ первый томъ заключаетъ свѣдѣнія до первой поѣздки его въ Петербургъ, второй описываетъ его пребываніе при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны въ 1755, 1757 и 1758 гг. до окончательнаго его отъѣзда изъ Россіи; третій же кончается избраніемъ его на польскій престолъ (7 сентября 1764 г.), а остальные пять относятся къ исторіи Польши по 1778 годъ.

Мемуары Понятовскаго написаны по-французски чужой рукой, но ихъ надо признать подлинными, такъ какъ они исправлены самимъ королемъ. Они написаны на бумагѣ, заготовленной королевскою фабрикой и носящей водяные знаки съ буквою S, украшенной сверху короной. Часть этихъ записокъ, относящаяся къ пребыванію Понятовскаго въ С.-Петербургѣ, была напечатана по-французски въ 1862 году въ Познани. Въ предисловіи къ этому изданію говорится, что подлинныя записки хранятся въ архивѣ въ С.-Петербургѣ, но часть ихъ, заключающая разсказъ объ апрѣльскомъ возстаніи въ Варшавѣ 1794 г., досталась издателю Жупанскому въ собственноручной рукописи короля. Эта часть не вошла однако въ изданіе Жупанскаго. Въ томъ же предисловіи указывается, что хотя король вообще никому не давалъ читать своихъ записокъ, но для нѣкоторыхъ личностей онъ дѣлалъ исключенія и давалъ имъ самую рукопись или копію съ нея. Этимъ объясняется, что, кромѣ подлинника восьми томовъ, хранящагося въ Государственномъ архивѣ, существуютъ копіи, снятыя съ нѣкоторыхъ частей и появившіяся въ печати, какъ, напр., вышеуказанное познанское изданіе 1862 г., а затѣмъ переводъ первыхъ двухъ частей на польскій языкъ съ двухъ рукописныхъ томовъ, хранящихся въ парижской библіотекѣ князей Чарторыйскихъ, изданной Брониславомъ Залѣсскимъ въ 1870 г., въ Дрезденѣ (Biblioteka pamiętników i podróży po dawnej Polsce, wydawana przez J. I. Kraszewskiego, t. III).

Поступившіе въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ два послѣднихъ тома записокъ Понятовскаго, которые Жупанскій будто бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не найдены мною; они, очевидно, находились въ архивѣ министерства, такъ какъ военный историкъ Фридрихъ Шмиттъ, въ предисловіи къ своему сочиненію (Suvorow und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen dargestellt, 2 Bände. Leipzig und Heidelberg, 1858), говоритъ, что его сочиненіе должно состоять изъ трехъ частей: 1) жизнь Суворова; 2) послѣднія смуты (Wirren) Польши; 3) возвышеніе Костюшки и паденіе Польши. Третья часть не появилась въ печати, а между тѣмъ авторъ, по предложенію канцлера гр. Нессельроде и черезъ его посредство, пользовался для своего изслѣдованія Главнымъ архивомъ въ Москвѣ, военными архивами въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, бумагами Суворова, Ферзена, письмами Костюшки и мемуарами короля Станислава-Августа. Очевидно, Шмиттъ интересовался только тѣми частями мемуаровъ, которыя относились къ польскому возстанію 1794 г.; онъ ихъ имѣлъ благодаря канцлеру гр. Нессельроде; значитъ, онѣ дѣйствительно существовали и хранились въ министерствѣ, но не въ Государственномъ архивѣ, составляя, по всему вѣроятію, часть библіотеки одного изъ департаментовъ.

Въ самое послѣднее время намъ доставлены московскимъ Главнымъ архивомъ министерства бумаги изъ дѣлъ Царства Польскаго подъ заглавіемъ: „Подробное описаніе революціи Варшавской 1794 года, учиненное самимъ королемъ въ видѣ дневнаго журнала“. Онѣ написаны по-французски постороннею рукою, по всей вѣроятности секретаремъ короля, Фризе, состоятъ изъ пяти тетрадей, на корешкѣ которыхъ остались слѣды переплета, точно онѣ были вырваны изъ книги. Въ пяти тетрадяхъ числится 87 листовъ. Въ четырехъ изъ тетрадей изложены дневныя записи событій съ приложеніемъ въ иныхъ мѣстахъ копій съ документовъ. Эти записи, обнимающія промежутокъ времени съ 2 марта 1794 по августъ 1795 г., должны быть, повидимому, признаны черновыми, изъ которыхъ могли составиться два тома мемуаровъ, найденныхъ по смерти Станислава-Августа и переданныхъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ Такимъ образомъ, эти два тома остаются до сей поры неразъисканными. Въ пятой тетради заключаются копіи писемъ и документовъ разныхъ годовъ, собранныя безъ всякаго порядка; между ними—записи событій, относящихся ко времени пребыванія Станислава-Августа въ С.-Петербургѣ въ 1797 г., а послѣдняя—отъ 18/29 января 1798 г., значитъ—за нѣсколько

дней до его смерти, передаетъ его разговоръ съ министромъ Пруссіи, Грэвеномъ.

Записки Станислава-Августа не раздѣлены на главы, но къ каждому тому пріобщенъ указатель со ссылкой на соотвѣтствующія страницы рукописи. Первый томъ, содержащій воспоминанія Понятовскаго объ его молодости до перваго пріѣзда въ Россію, мы передаемъ частью въ краткомъ изложеніи, частью въ переводѣ. Второй томъ предлагается въ переводѣ, за исключеніемъ немногихъ его отрывковъ, не представляющихъ интереса для русскаго читателя. Изъ третьяго тома на томъ же основаніи приводимъ, преимущественно въ изложеніи, ту часть мемуаровъ, которая заканчивается извѣстіемъ о воцареніи Екатерины II.

Кромѣ записокъ короля Станислава-Августа, мы пользовались для настоящей работы перепиской между великой княгиней Екатериной Алексѣевной и англійскимъ посломъ Уилльямсомъ [1]). Переписка занимаетъ двѣ тетради: въ одной переписаны письма великой княгини (Lettres, 67), а въ другой—отвѣты Уилльямса (Answers, 86), всего 153 документа, относящіеся главнымъ образомъ ко второй половинѣ 1756 г. (съ 31 іюля 1756 до іюня 1757 гг.). Великая княгиня обыкновенно получала обратно отъ Уилльямса письма, иногда продиктованныя, частью собственноручныя, съ тѣмъ же посланнымъ, который ей приносилъ отвѣтъ Уилльямса. Послѣдній изъ предосторожности снималъ копіи съ писемъ Екатерины Алексѣевны и возвращалъ ей подлинники; два-три подлинника остались однако въ рукахъ Уилльямса; что же касается его отвѣтовъ, то они писаны или самимъ посломъ, или чужою рукою; повидимому, Екатерина возвратила ихъ Уилльямсу при отъѣздѣ его изъ С.-Петербурга. Въ Англіи вся эта переписка была отдана Уилльямсомъ на храненіе довѣренному лицу и оставалась тамъ понынѣ неизвѣстною. Она поступила въ Государственный архивъ 10 мая 1864 года отъ государственнаго канцлера, которому она была передана императоромъ Александромъ II. Она хранилась запечатанною до послѣдняго времени. С. М. Соловьевъ зналъ о существованіи этой переписки, такъ какъ онъ приводитъ нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ нея, безъ указанія на то, какимъ путемъ онъ ихъ получилъ [2]).

---

[1]) Государ. Арх., V разр., № 79.

[2]) Исторія Россіи, т. XXIV, изд. 2-е тов. „Польза“, стр. 935.

Первые томы Записокъ Понятовскаго относятся къ половинѣ XVIII вѣка. Соперничество Бурбоновъ и Габсбурговъ въ это время распредѣляло европейскія державы на два лагеря: въ одномъ руководящее значеніе имѣла Франція, въ другомъ—Австрія. Задача Франціи заключалась въ расширеніи своихъ предѣловъ на востокъ до Рейна, а слѣдовательно въ ослабленіи и подчиненіи германской народности; защитникомъ послѣдней считался австрійскій императоръ, какъ глава Священной Римской Имперіи. Но на мѣсто ослабѣвшей Австріи, гдѣ правила императрица Марія-Терезія, война выдвинула другое государство — Пруссію, гдѣ царствовалъ Фридрихъ II. Благодаря этой перемѣнѣ, группировка державъ также перемѣнилась. Честолюбивые замыслы прусскаго короля, захватившаго у Австріи Силезію (дрезденскій миръ 25 декабря 1745 г.), показали, что въ борьбѣ романскихъ государствъ съ германскими первенствующее значеніе между послѣдними будетъ имѣть Пруссія. Столкновеніе было неизбѣжно, но оно началось въ заокеанскихъ странахъ и по мѣрѣ своего развитія перешло въ Европу. Колоніальные интересы Англіи и Франціи столкнулись въ Остъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ и привели оба государства къ войнѣ. Англійскій король Георгъ II, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ганноверскимъ курфюрстомъ, опасаясь нападенія прусскаго короля на свои германскія владѣнія, заключилъ, 19/30 сентября 1755 г., договоръ съ Россіей (ратификованный 1-го февраля 1756 г.), по которому она обязалась выставить для ихъ защиты корпусъ въ 55.000 чел. за ежегодное вспомоществованіе въ полмилліона фунт. стерл. Узнавъ о томъ, Фридрихъ II успѣлъ убѣдить Георга II, что послѣдній можетъ быть спокоенъ за свои нѣмецкія области, и заключилъ съ нимъ вестминстерскій договоръ 16 января 1756 г., по которому оба государя обезпечивали другъ другу свои владѣнія и обязывались не допускать иностранныхъ войскъ на свои территоріи въ Германіи. Договоръ былъ направленъ, съ одной стороны, противъ русскихъ, съ другой — противъ французовъ. Такимъ образомъ, Фридрихъ II и Георгъ II изъ враговъ стали союзниками. Такая же перемѣна произошла въ отношеніи Австріи и Франціи: ихъ вѣковая вражда обратилась въ союзъ. Марія-Терезія не могла примириться съ потерей Силезіи и ждала только случая отомстить Фридриху II. Ей помогъ въ этомъ канцлеръ графъ Кауницъ, который убѣдилъ императрицу сблизиться съ Франціей, чтобы изолировать Пруссію. 1 мая 1756 г., былъ заключенъ въ Версалѣ договоръ, по которому Людовикъ XV и Марія-Терезія обязались выставить другъ другу по 24.000 чел.

Черезъ годъ этотъ договоръ былъ возобновленъ (1 мая 1757 г.) исключительно противъ Пруссіи; области ея подлежали раздѣлу; Франція обязывалась выставить войско въ 10.000 чел. и вносить ежегодно 12 милліон. гульд., пока Австрія не вернетъ Силезію. Россія была старой союзницей Австріи, и одна только императрица Елисавета Петровна не признала присоединенія Силезіи къ Пруссіи. Еще 22 мая (2 іюня) 1746 года оба государства заключили между собой въ Петербургѣ тайный договоръ, на случай нападенія Фридриха на ихъ владѣнія или на Польшу, причемъ обязались держать на границахъ съ Пруссіей по 30.000 чел. войска въ мирное время и по 60.000 чел. въ случаѣ войны. Король польскій Августъ III, въ качествѣ курфюрста саксонскаго, могъ также примкнуть къ союзу въ случаѣ опасности, хотя и не участвовалъ въ заключеніи этого договора. Прусскій король зналъ объ этомъ союзѣ и, видя, что его окружала коалиція державъ, начавшая уже стягивать войска въ Богеміи, Моравіи и въ Остзейскомъ краѣ, рѣшился перейти въ наступленіе, не объявивъ войны. Онъ въ августѣ 1756 года напалъ на Саксонію и тѣмъ положилъ начало семилѣтней войнѣ.

Нападеніе Фридриха II на Силезію вызвало заключеніе новаго оборонительнаго договора, отъ 22 января 1757 года, между Австріей и Россіей. Елисавета Петровна обязалась всѣми своими силами помогать Маріи-Терезіи въ борьбѣ съ прусскимъ королемъ за Силезію, причемъ обѣ стороны должны были выставить по 80.000 чел.

Сближеніе Австріи съ Франціей, выразившееся въ подписаніи версальскаго договора, имѣло своимъ послѣдствіемъ возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Франціей и Россіей, прерванныхъ въ 1748 г. Сама императрица Елисавета сочувствовала Франціи и за союзъ съ нею ратовали Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, но канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ считался поборникомъ союза съ Англіей; ему сочувствовала великая княгиня Екатерина Алексѣевна, а великій князь Петръ Ѳедоровичъ не скрывалъ своего расположенія къ прусскому королю. Французская партія взяла верхъ; Россія примкнула къ версальскому договору (31 декабря 1756 г.). Въ іюлѣ 1757 года въ Петербургъ прибылъ маркизъ Лопиталь въ чествѣ чрезвычайнаго французскаго посла, а братъ канцлера, . П. Бестужевъ-Рюминъ, былъ назначенъ императорскимъ поэмъ въ Парижъ; онъ явился туда въ іюнѣ 1757 г.

Фридрихъ, будучи главою маленькаго государства съ населеніемъ въ 5 милліоновъ душъ, съумѣлъ въ теченіе семи лѣтъ

вести борьбу съ соединенными силами трехъ великихъ державъ, Австріи, Россіи и Франціи, причемъ нанесъ тяжкія пораженія французскимъ и имперскимъ войскамъ подъ Росбахомъ (4 ноября 1757 г.) и Лейтеномъ (5 декабря 1757 г.) и отбился отъ русскихъ подъ Цорндорфомъ (14 августа 1758 г.) и Кунерсдорфомъ (1 августа 1759 г.). Съ цѣлью причинить вредъ непріятелю, онъ не стѣснялся въ выборѣ средствъ вплоть до грабежа и чеканки фальшивой монеты. Онъ искусно пользовался и мастерски изворачивался, пока ему не измѣнило наконецъ военное счастье. Изнемогая въ неравной борьбѣ, онъ уже собирался покончить съ собой самоубійствомъ, но 25 декабря 1761 года смерть императрицы Елисаветы спасла его отъ гибели. На русскій престолъ вступилъ Петръ III, фанатическій поклонникъ Фридриха; онъ поспѣшилъ заключить съ Пруссіей мирный договоръ (24 апрѣля 1762 г.), по которому возвращались Фридриху всѣ его земли, занятыя русскими войсками въ минувшую войну.

Первый пріѣздъ гр. Станислава-Августа Понятовскаго въ С.-Петербургъ въ качествѣ секретаря великобританскаго чрезвычайнаго посла Генбюри Уилльямса совпалъ съ переговорами по заключенію вышеуказанной конвенціи 19/30 сентября 1755 года.

Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій былъ сынъ каштеляна краковскаго, впослѣдствіи виленскаго, графа Станислава (1676 — 1762). Послѣдній, какъ адъютантъ шведскаго короля Карла XII, участвовалъ въ сраженіи подъ Полтавой и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Турцію. Приверженецъ Станислава Лещинскаго, избраннаго королемъ польскимъ въ 1704 г., по настоянію Карла XII, на мѣсто Августа II, объявленнаго низложеннымъ, Понятовскій послѣ смерти Карла XII призналъ власть Августа II. Когда же онъ умеръ, въ 1733 г., Понятовскій сталъ на сторону вновь избраннаго королемъ Станислава Лещинскаго. Говорили однако, что Понятовскій, поддерживая послѣдняго, выставлялъ и себя кандидатомъ на престолъ. Послѣ паденія Лещинскаго, графъ Станиславъ подчинился Августу III, который назначилъ его краковскимъ каштеляномъ.

Графъ Станиславъ Понятовскій былъ женатъ на княжнѣ Констанціи Чарторыйской [1]).

[1]) Отъ этого брака родились сыновья: Казиміръ (1721—1780), жен. на Аполлинаріи Устжицкой; Францискъ, краковскій каноникъ (1723—1754); Александръ, погибшій подъ Ипрами; Андрей (1734—1773), на австрійской службѣ, жен. на графинѣ Кинской; Станиславъ-Августъ (р. 1732 — 1798), король польскій; Михаилъ

При Августѣ III, Чарторыйскіе были во главѣ одной изъ партій, требовавшихъ глубокихъ преобразованій во всемъ строѣ Рѣчи-Посполитой: реформы касались, между прочимъ, престолонаслѣдія, отмѣны liberum veto и учрежденія регулярнаго войска. Эта партія была представлена братьями Констанціи Понятовской, князьями Фридрихомъ-Михаиломъ, подканцлеромъ, потомъ канцлеромъ литовскимъ [1]) и Августомъ-Александромъ, воеводой русскимъ [2]). Во главѣ другой партіи, также требовавшей реформъ, стояли графы Потоцкіе. Обѣ партіи искали поддержки у иностранныхъ державъ. Чарторыйскіе были сторонниками Россіи, Австріи и Англіи; Потоцкіе, опираясь на шляхту, держались Франціи, Турціи и Швеціи. Ожесточенная борьба между партіями еще болѣе усилила анархію въ странѣ.

Графъ Станиславъ-Августъ былъ любимцемъ своей матери, женщины умной и образованной, о которой онъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ съ большою нѣжностью. Воспитавъ его сама, она смотрѣла на него, какъ на молодого человѣка, предназначеннаго къ блестящему поприщу, но вслѣдствіе своей набожности избѣгала, хотя бы съ внѣшней стороны, поощрять его близкія отношенія къ великой княгинѣ. Громадное вліяніе на судьбу графа Станислава-Августа оказалъ его дядя, воевода русскій, князь Августъ-Александръ, который хотя и не считался главой дома князей Чарторыйскихъ, каковымъ признавался его старшій братъ Фридрихъ-Михаилъ, но своимъ тонкимъ умомъ и вкрадчивымъ обращеніемъ успѣлъ снискать расположеніе своей партіи. Служившій въ молодости въ австрійскихъ войскахъ подъ начальствомъ принца Евгенія, онъ по настоянію своей сестры и ея мужа, графа Понятовскаго, возвратился на родину и здѣсь,

---

(р. 1736—1794), примасъ польскій. Дочери: Людовика (р. 1728—1800), за польскимъ воеводой, графомъ Яномъ Замойскимъ, и Изабелла (р. 1730—1804), за коронным гетманомъ графомъ Яномъ-Казиміромъ Браницкимъ (1690—1771).

[1]) Князь Фридрихъ-Михаилъ Чарторыйскій (1696—1775), жен. на граф. Вальдштейнъ; одна изъ его дочерей была замужемъ за литовскимъ подскарбіемъ, графомъ Флеммингомъ, а послѣ ея смерти сестра ея вышла замужъ за него же. Графъ Флеммингъ (1746 — 1835) происходилъ изъ саксонскаго дома, вышедшаго изъ Голландіи и переселившагося въ Польшу при Августѣ II.

[2]) Кн. Августъ-Александръ Чарторыйскій (1698—1782), жен. на Софіи Сенявской. У него былъ сынъ кн. Адамъ-Казиміръ, староста подольскій (1734 — 1823), жен. на графинѣ Изабеллѣ Флеммингъ (1746—1835); ихъ сынъ, кн. Адамъ-Георгій (1770 — 1861), былъ извѣстный сподвижникъ императора Александра I въ началѣ его царствованія. У кн. Августа-Александра была дочь Изабелла, замужемъ за стражникомъ княземъ Любомирскимъ, который часто упоминается въ запискахъ графа Понятовскаго.

женившись на очень богатой наслѣдницѣ дома Сенявскихъ, получилъ отъ Августа II воеводство русское, предложенное сперва графу Станиславу Понятовскому, но уступленное имъ князю Августу. Взявъ за женой большое приданое, онъ не забывалъ своихъ выгодъ при раздѣлѣ родового имущества своей семьи. По этому поводу между нимъ и сестрой, графиней Понятовской, возникла распря, длившаяся до самой смерти графини.

Отношенія, существовавшія между членами семейства Чарторыйскихъ, живо характеризуетъ Понятовскій въ слѣдующемъ описаніи семейнаго совѣта:

„До 1752 года, — говоритъ онъ, — моя семья рѣшала дѣла, связанныя съ интересами страны, на совѣтѣ, въ которомъ роли между членами его распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: князь канцлеръ литовскій, какъ самый краснорѣчивый, самый выдающійся публицистъ страны, обладавшій богатымъ воображеніемъ, говорилъ обыкновенно первымъ и разсматривалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько избранныхъ друзей, допущенныхъ на совѣтъ, обсуждали его. Моя мать и воевода русскій обыкновенно рѣшали вопросъ, а исполненіе рѣшенія поручалось почти всегда моему отцу, который отличался прямодушіемъ, сердечностью, веселымъ духомъ и великодушіемъ, былъ дѣятельнѣе, выносливѣе, щедрѣе остальныхъ, пользовался большею любовью и популярностью. Его мнѣніе имѣло перевѣсъ только въ спѣшныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ. Тогда никто быстрѣе и удачнѣе его не высказывался, и онъ увлекалъ другихъ. Таковымъ онъ былъ до 76-ти лѣтъ, когда ослабѣлъ. Уже съ той поры, т.-е. съ 1752 г., онъ началъ мало-по-малу устраняться отъ дѣлъ, тогда какъ его шурья, успѣвъ установить свой кредитъ самымъ твердымъ образомъ и пріобрѣсти очень большое число приверженцевъ, стали ему высказывать, что болѣе въ немъ не нуждались. Со своей стороны моя мать, недовольная ими по разнымъ причинамъ, посвятила себя съ той поры почти исключительно двумъ заботамъ: одна заключалась въ уходѣ за матерью, княгиней Изабеллой Чарторыйской, каштелянщей виленской, другая — въ окончаніи воспитанія ея дѣтей и въ направленіи ихъ на соотвѣтственныя имъ поприща. Сама она удалилась еще болѣе прежняго отъ великосвѣтской жизни“.

Избранный по волѣ Екатерины II королемъ Польши (7 сентября 1764), Станиславъ-Августъ, по ея же волѣ, былъ вынужденъ въ Гроднѣ отречься отъ короны (25 ноября 1795). По вызову императора Павла I, онъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ

(18 февраля (3 марта) 1797), гдѣ занималъ Мраморный дворецъ до самой своей смерти (1/12 февраля 1798).

I.

Графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій родился 17 января 1732 года въ Литвѣ, въ замкѣ Волчинѣ, брестскаго воеводства, принадлежавшемъ тогда его отцу, графу Станиславу.

Мать его, Констанція Понятовская, была изъ дома князей Чарторыйскихъ.

„Послѣ осады Данцига,—говоритъ Понятовскій,—мои родители велѣли привезти меня туда [1]). Мнѣ было три года. Моя мать принялась сама за мое воспитаніе съ тѣмъ чрезвычайнымъ разумомъ, которымъ она уже прославилась при воспитаніи моихъ старшихъ братьевъ, но съ еще болѣе тщательнымъ вниманіемъ.

Эта дѣйствительно замѣчательная женщина не только обучала меня сама половинѣ предметовъ, которые обыкновенно поручаются заботамъ наставниковъ, но и приложила по преимуществу свои усилія къ тому, чтобы закалить мою душу и развить во мнѣ возвышенныя чувства, которыя, согласно ея видамъ, въ самомъ дѣлѣ скоро отдалили меня отъ обыкновеннаго дѣтскаго обихода, но вмѣстѣ съ тѣмъ были причиною многихъ моихъ недостатковъ. Я счелъ себя выше своихъ товарищей, частью потому, что я не дѣлалъ того, чтò признавалось проступкомъ съ ихъ стороны, а также потому, что я зналъ многое, чему ихъ еще не обучили. Я сталъ маленькимъ существомъ, которое казалось очень гордымъ.

Дѣйствительное и всеобщее несовершенство народнаго воспитанія въ Польшѣ, какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, побудило мою мать не допускать меня къ общенію со всѣми тѣми, которые могли подать мнѣ дурной примѣръ; это оказало на мое развитіе настолько вредное, насколько и благотворное вліяніе.

При ограниченіи круга моихъ знакомыхъ одними совершенными людьми, я почти ни съ кѣмъ не говорилъ, а вслѣдствіе немалаго числа лицъ, которыя считали себя презирае-

---

[1]) Въ 1734 году Данцигъ осаждали русскія войска подъ начальствомъ фельдмар[illegible] а Миниха. Въ немъ находился польскій король Станиславъ Лещинскій. Городъ б[illegible] взятъ 28 іюня 1734 г., а король спасся бѣгствомъ. Въ числѣ его приверженц[illegible] былъ гр. Станиславъ Понятовскій, къ нему и былъ привезенъ его сынъ Ста[illegible]въ-Августъ.

мыми мною, я пріобрѣлъ незавидное отличіе имѣть враговъ уже съ пятнадцатилѣтняго возраста, но зато выдержка, къ которой меня пріучили, оградила меня отъ заразы, причиняемой обыкновенно молодымъ людямъ дурнымъ товариществомъ.

Я усвоилъ и питалъ ненависть ко всякой лжи, но въ виду моего возраста и моего положенія уже слишкомъ сильно развилась во мнѣ эта ненависть ко всему тому, чтò пріучили меня считать пошлымъ и посредственнымъ. Мнѣ, такъ сказать, никогда не было предоставлено времени быть ребенкомъ,—точно апрѣль мѣсяцъ исключить изъ временъ года. Теперь я нахожу, что это—невознаградимое лишеніе, на которое я могу пожаловаться, такъ какъ я думаю, что наклонность къ меланхоліи, которую я, къ сожалѣнію, испытываю такъ часто, происходитъ отъ этого неестественнаго и ранняго благоразумія; оно, однако, не оградило меня отъ ошибокъ, которыя были мнѣ суждены, но предполагало сдѣлать изъ меня энтузіаста въ слишкомъ нѣжномъ возрастѣ.

Двѣнадцати лѣтъ меня настолько серьезно смущали богословскіе вопросы о свободѣ воли и предопредѣленія, о ложности чувствъ, объ абсолютномъ пиронизмѣ, что я заболѣлъ.

Это не значитъ, чтобы моя мать имѣла странность обучать меня въ этомъ возрастѣ метафизикѣ, но, стараясь удалить меня отъ пустого препровожденія времени, свойственнаго дѣтству, и пріучая меня быть внимательнымъ ко всему, чтò говорилось вокругъ меня, она достигла того, что я усвоилъ и обдумалъ много идей, на которыхъ вовсе не слѣдовало мнѣ останавливаться. Вслѣдствіе нѣжнаго расположенія и живого воображенія, я былъ склоненъ увлекаться до восторженности всѣмъ тѣмъ, чтò было или казалось достойнымъ уваженія и похвалы, какъ въ отношеніи людей, такъ и относительно предметовъ; но это увлеченіе заставляло меня, равнымъ образомъ, подвергать рѣзкому неодобренію и почти ненавидѣть все то, чтò я считалъ достойнымъ порицанія. Достигнувъ наконецъ шестнадцати лѣтъ, я былъ очень свѣдущъ для своего возраста, очень правдивъ, очень послушенъ своимъ родителямъ, почитая ихъ качества, съ которыми ничто не могло сравниться; я былъ поглощенъ мыслью, что тотъ, кто не былъ Аристидомъ или Катономъ, долженъ считаться ничтожествомъ; я былъ впрочемъ маленькаго роста, коренастъ, неловокъ, нездороваго вида и во многихъ отношеніяхъ казался дикимъ арлекиномъ (arlequin sauvage).

Съ такою наружностью меня послали путешествовать въ первый разъ".

Отецъ Понятовскаго, признавая военно-походную жизнь самою лучшею школою для образованія характера молодого человѣка и пользуясь тѣмъ, что въ 1748 году русскія войска, подъ начальствомъ князя Репнина [1]), проходили черезъ Польшу на помощь Австріи, направилъ своего сына къ генералу Левендалю, для участія въ походѣ, и поручилъ его маіору Кенигфельсу, бывшему адъютанту фельдмаршала Миниха. Но молодому Понятовскому не удалось понюхать пороху, такъ какъ скоро были подписаны въ Ахенѣ предварительныя условія мира [2]). Однако, снабженный рекомендательными письмами къ фельдмаршаламъ саксонскому и гр. Левендалю, онъ въ сопровожденіи маіора Кенигфельса, отправился въ дорогу, чтобы посмотрѣть на войска и познакомиться съ военнымъ дѣломъ. Передъ отъѣздомъ, родители взяли съ него слово, что онъ не будетъ играть ни въ какія азартныя игры, что въ ротъ не возьметъ никакого вина, ни другого спиртнаго напитка и не женится ранѣе тридцати лѣтъ.

„Я — говоритъ Станиславъ-Августъ—остался вѣренъ этимъ обѣщаніямъ, изъ которыхъ второе предохранило меня отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, которому было подвержено тогда все общество въ Польшѣ“.

10 іюня 1748 года Понятовскій прибылъ въ Ахенъ, гдѣ онъ былъ представленъ графу Кауницу, австрійскому уполномоченному на конгрессѣ; въ Маастрихтѣ онъ нашелъ штабъ маршала Левендаля, а въ Брюсселѣ представился маршалу саксонскому. Въ октябрѣ 1748 года онъ возвратился въ Польшу. Слѣдующее его путешествіе было въ Берлинъ, гдѣ впервые онъ познакомился съ кавалеромъ Генбюри Уилльямсомъ, тогдашнимъ британскимъ министромъ при королѣ прусскомъ.

Сэръ Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ происходилъ изъ древняго рода графства Ворчестеръ. Его отецъ, Джонъ Генбюри, служилъ маіоромъ въ королевскихъ войскахъ и былъ однимъ изъ директоровъ „Компаніи южнаго моря“ (South Sea Company). Имѣя лично большое состояніе въ помѣстьяхъ графства Монмаутшира и въ заводахъ, онъ случайно получилъ въ 1720 году, по духовному завѣщанію нѣкоего Уилльямса, болѣе 70.000 фунтовъ стерлинговъ подъ условіемъ пріобрѣтенія помѣстья, владѣлецъ котораго при-

[1]) Генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Василій Аникитичъ Репнинъ, начальникъ корпуса въ 30.000 чел. для дѣйствій на Рейнѣ, Мозелѣ и въ Нидерландахъ. Онъ умеръ на возвратномъ пути въ Россію въ 1748 г. (31 іюля).

[2]) Миръ, заключенный въ Ахенѣ 18 октября 1748 г., закончилъ войну объ австрійскомъ наслѣдствѣ.

нялъ бы имя и гербъ Уилльямса. Джонъ Генбюри купилъ въ своемъ графствѣ замокъ Кольбрукъ и передалъ его своему третьему сыну Чарльзу, крестнику Уилльямса, принявшему эту фамилію.

Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ родился въ 1709 году. Получивъ воспитаніе въ извѣстной Итонской школѣ и совершивъ путешествія на материкѣ, онъ женился въ 1732 году на лэди Фрэнсесъ Конингби, отъ которой у него родились двѣ дочери. Этотъ бракъ, по всему вѣроятію, не былъ очень счастливъ. Избранный въ 1735 году членомъ парламента, Уилльямсъ принадлежалъ къ партіи виговъ и былъ вѣрнымъ сторонникомъ управленія сэра Роберта Уальполя. Онъ не отличался особымъ краснорѣчіемъ, но былъ извѣстенъ живостью и изяществомъ своего разговора, своимъ ѣдкимъ словомъ, остроуміемъ своихъ замѣчаній, красивыми манерами и своимъ богатствомъ.

Кромѣ того, онъ славился своими сатирическими стихотвореніями. Занимая должность казначея морского вѣдомства (paymaster of the marine (съ 1739 г. по 1746 г.), онъ въ этомъ году обратился къ королю съ ходатайствомъ о назначеніи его на дипломатическій постъ за границу. Пожалованный въ кавалеры ордена Бани, онъ въ 1747 г. получилъ мѣсто посланника при саксонскомъ дворѣ въ Дрезденѣ.

На дипломатическомъ поприщѣ Уилльямсъ проявилъ большую способность къ дѣламъ и немалое искусство. Онъ доказалъ, что умѣлъ владѣть перомъ не только для сочиненія сатирическихъ произведеній, но и для изложенія дипломатическихъ бумагъ. Онъ обладалъ свойствами, самыми необходимыми для этого поприща; онъ былъ уменъ, образованъ, представителенъ и богатъ; его искусство по веденію переговоровъ было замѣчательно; его бесѣда блестѣла остроуміемъ. Своимъ благороднымъ обращеніемъ, веселымъ расположеніемъ духа, умѣньемъ великолѣпно принять и угостить изысканнымъ столомъ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Обладая большимъ тактомъ и большою прозорливостью, онъ очень легко разгадывалъ самые различные характеры, умѣлъ отлично пользоваться слабыми сторонами своихъ противниковъ по веденію переговоровъ и снискивать расположеніе тѣхъ, подъ невидимымъ вліяніемъ коихъ находились лица, дѣйствовавшія на первомъ планѣ. Его депеши были изложены живымъ и блестящимъ слогомъ; онъ отличался умѣньемъ легко и правдиво передавать портреты замѣчательныхъ личностей и представлять подробные отчеты о своихъ политическихъ переговорахъ, не утомляя вниманія читателя. Его частныя письма къ друзьямъ въ своемъ изложеніи не уступали его депешамъ и представля-

лись столь же важными. Они ходили по рукамъ, забавляя и поучая лицъ причастныхъ къ управленію дѣлами королевства.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ при саксонскомъ дворѣ, Уилльямсъ былъ въ 1750 году переведенъ посланникомъ въ Берлинъ, гдѣ Понятовскій встрѣтился съ нимъ въ первый разъ и былъ имъ обласканъ. Въ томъ же году Уилльямсъ, по порученію короля Георга, ѣздилъ въ Варшаву и находился при Августѣ III во время открытія имъ сейма. Здѣсь Уилльямсъ сблизился съ князьями Чарторыйскими и взялъ подъ свое покровительство 18-лѣтняго юношу Понятовскаго.

„Мое знакомство съ англійскимъ посланникомъ — пишетъ онъ — стало еще тѣснѣе и послужило во многомъ къ тому, что въ высшемъ обществѣ я пріобрѣлъ уваженіе и значеніе вліятельнаго человѣка, вовсе несвойственныя моему возрасту и моей малорослой внѣшности, которая разрослась только въ этомъ году".

Сопутствуя королю Августу III въ Дрезденъ, Уилльямсъ пожелалъ имѣть съ Понятовскимъ переписку въ шифрахъ касательно дѣлъ, которыми могли интересоваться Чарторыйскіе.

Недолго сэръ Чарльзъ оставался въ Берлинѣ; онъ не понравился королю Фридриху, благодаря своему злому языку и насмѣшливому характеру. Прусское министерство потребовало отозванія его, и въ февралѣ 1751 года онъ уже былъ переведенъ опять въ Дрезденъ, куда осенью 1751 года къ нему былъ отправленъ своими родителями молодой Понятовскій, пріѣхавшій въ концѣ года изъ Саксоніи въ Вѣну и пробывшій тамъ до апрѣля 1752 года. Вернувшись на родину, Понятовскій получилъ должность коммиссара мазовецкаго воеводства, чѣмъ онъ воспользовался, чтобъ познакомиться съ управленіемъ края. Въ концѣ марта 1753 года молодой графъ предпринялъ новое путешествіе, черезъ Венгрію, въ Вѣну, гдѣ встрѣтился съ Уилльямсомъ, пріѣхавшимъ туда съ особымъ порученіемъ вѣнскому двору отъ англійскаго правительства. Совмѣстное пребываніе въ столицѣ Австріи еще болѣе сблизило ихъ.

Изъ Вѣны Понятовскій поѣхалъ въ Дрезденъ для осмотра саксонскихъ войскъ, а оттуда вмѣстѣ съ Уилльямсомъ въ Голландію. Въ августѣ 1752 года, Понятовскій пріѣхалъ въ Парижъ [1]), гдѣ пробылъ до февраля 1754 г.

Въ іюнѣ 1754 года Понятовскій вернулся въ Варшаву. Осенью этого же года вновь пріѣхалъ на сеймъ король Августъ III въ

---

[1]) Описаніе его пребыванія въ Парижѣ и Лондонѣ составляетъ предметъ перваго тома его записокъ.

сопровожденіи Уилльямса, который, питая къ гр. Станиславу-Августу особенно дружескія чувства, взялъ съ него слово съ вѣдома его родителей, что, въ случаѣ назначенія его представителемъ короля Георга при с.-петербургскомъ дворѣ, онъ, Понятовскій, послѣдуетъ за нимъ въ Россію. Посему, когда въ 1755 году Уилльямсъ былъ назначенъ англійскимъ посломъ при императорскомъ дворѣ, онъ написалъ Понятовскому, что разсчитывалъ на него.

Родители молодого графа, который только-что весною 1755 г. былъ пожалованъ королемъ въ стольники Литовскаго княжества, съ готовностью ухватились за это предложеніе и поспѣшили снарядить своего сына въ путь. Онъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюня 1755 года, уже послѣ того, какъ Уилльямсъ, 12 іюня, былъ торжественно принятъ на аудіенціи императрицей Елисаветой Петровной [1]).

II.

Вотъ какъ излагаетъ Понятовскій въ своихъ воспоминаніяхъ все видѣнное и слышанное имъ во время пребыванія его въ Россіи.

„Пребываніе мое въ Россіи,—говоритъ Понятовскій,—въ домѣ кавалера Уилльямса [2]), было для меня школою новаго рода. Онъ ко мнѣ питалъ такую дружбу и такое довѣріе, что иногда передавалъ мнѣ на прочтеніе свои самыя тайныя депеши и поручалъ мнѣ ихъ для шифровки и для разбора. Это было обученіе своего рода, которое въ моемъ тогдашнемъ положеніи я могъ получить только при его участіи. Находясь къ нему въ столь близкихъ отношеніяхъ, я былъ свидѣтелемъ довольно важнаго случая, интереснаго для политики всей Европы.

Уилльямсу было повелѣно вести переговоры о союзѣ съ Россіею, на основаніи котораго въ распоряженіе Англіи, при уплатѣ ею впередъ извѣстной суммы въ видѣ вспомоществованія, были бы предоставлены 55 тысячъ человѣкъ сухопутныхъ русскихъ войскъ и опредѣленное число военныхъ судовъ.

Эти силы предназначались противъ короля прусскаго, имя

[1]) О своемъ пребываніи въ Петербургѣ въ качествѣ секретаря англійскаго посольства Понятовскій пишетъ во второмъ томѣ мемуаровъ.

[2]) Сэръ Чарльзъ Генбюри Уилльямсъ жилъ въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову.

котораго не было упомянуто въ договорѣ, но владѣнія котораго были указаны столь ясно, что нельзя было въ томъ ошибиться.

Первоначально Уилльямсъ имѣлъ быстрый успѣхъ, изумительный для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ медлительностью, привычною въ то время русскому двору, и съ нерѣшительностью императрицы Елисаветы.

Едва прошли два мѣсяца со дня прибытія Уилльямса въ Петербургъ, какъ его договоръ уже былъ подписанъ.

Уилльямсъ льстилъ себя надеждой получить благодарность, соразмѣрно съ своими заслугами, когда курьеръ, съ которымъ онъ ожидалъ получить утвержденіе договора, имъ заключеннаго, привезъ ему письмо статсъ-секретаря лорда Гольдернесса, гдѣ Уилльямсъ прочелъ слѣдующее:

„Вы вызвали неудовольствіе короля тѣмъ, что унизили его достоинство, подписавшись послѣ русскихъ министровъ; до тѣхъ поръ, пока эта ошибка не будетъ исправлена, король не утвердитъ договора, который вы подписали“ [1]).

Только тогда Уилльямсъ, пораженный чтеніемъ этого письма, замѣтилъ оплошность, которая, въ дѣйствительности, была гораздо менѣе важна, чѣмъ она показалась въ Англіи, но которая, однако, погубила Уилльямса. Онъ первый подписался на копіи договора, оставшейся въ рукахъ у русскихъ, точно также какъ они подписались первыми на копіи, посланной Уилльямсомъ королю.

Онъ, оба русскихъ канцлера, два русскихъ секретаря, секретарь Уилльямса и я, всѣ семеро были заинтересованы въ успѣхѣ этого дѣла; всѣ равно участвовали въ этой оплошности, въ которую Владыка судебъ ввелъ всѣхъ, очевидно, съ опредѣленною цѣлью. На первыхъ порахъ показалось очень легко поправить эту оплошность. Русскіе министры, получивъ легкій выговоръ отъ государыни, согласились безъ затрудненій на обмѣнъ обоихъ экземпляровъ, и курьеръ Уилльямса пустился въ обратный путь. Но насколько первое его путешествіе было быстрымъ, настолько второе замедлилось вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ и продолжилось въ силу обстоятельствъ, а когда онъ привезъ въ

[1]) Депеша лорда Гольдернесса была отъ 28 (17) августа 1755 года. Она получена Уилльямсомъ въ то время, когда онъ вполнѣ освоился съ придворною жизнью; въ камерфурьерскомъ журналѣ за 1755 г. упоминаются многія празднества, на которыя приглашались австрійскіе и англійскіе послы съ ихъ кавалерами. 22 августа былъ обѣдъ въ Царскомъ Селѣ, на который были приглашены изъ дипломатовъ только Уилльямсъ и Понятовскій. Они принимали участіе въ охотѣ вмѣстѣ съ государыней, вице-канцлеромъ и кн. Юсуповымъ; ужинали въ Пулковѣ, въ палаткѣ.

Петербургъ утвержденіе, вся обстановка перемѣнилась. Король прусскій прослышалъ про переговоры Уилльямса, а Англія узнала, что Австрія добивалась во Франціи заключенія новаго союзнаго договора.

Это внезапное стеченіе обстоятельствъ побудило Англію соединиться съ прусскимъ королемъ, такъ что союзный договоръ послѣдняго съ Георгомъ II, по которому они обязались не допускать вступленія въ Германію какихъ-либо иностранныхъ войскъ, былъ подписанъ за нѣсколько дней ранѣе такого же договора, на основаніи котораго Франція, по требованію Австріи, обязалась выставить войска на ея помощь.

Въ виду изложеннаго, утрачивалъ всякое значеніе договоръ, только-что заключенный Уилльямсомъ съ Россіей и основанный на ложныхъ основаніяхъ системы, противополагавшей Англію, Австрію и Россію Франціи и Пруссіи. Такое сопоставленіе одно вызвало бы неудовольствіе Елисаветы, даже если бы она не была расположена къ Франціи миссіею нѣкоего Дугласа [1]), приверженца Стюартовъ, котораго Франція подослала въ Россію (безъ всякаго оффиціальнаго характера и на его рискъ) для того, чтобы изслѣдовать первые пути.

Онъ обратился сперва къ самому кавалеру Уилльямсу, представившись шотландцемъ-католикомъ, но вѣрнымъ подданнымъ Георга II, путешествовавшимъ въ сѣверныхъ странахъ для своего здоровья.

Въ виду такого вымышленнаго повода и отсутствія какихъ-либо писемъ на его имя, Уилльямсъ съ перваго же раза убѣдился, что Дугласъ—французскій агентъ; онъ объ этомъ предупредилъ министерство, но Дугласъ нашелъ способъ понравиться нѣкоторымъ изъ его чиновниковъ.

Выждавъ немного, онъ пересталъ таиться и призналъ, что онъ предшествовалъ министру съ оффиціальнымъ характеромъ, котораго Франція готовилась прислать въ Россію, чтобы возобновить связь между обоими дворами, прерванную со времени отъѣзда Даліона (Dalion) [2]).

За нѣсколько мѣсяцевъ до Дугласа пріѣхалъ какой-то Мессонье [3]), который, будучи знакомъ съ княземъ Адамомъ Чарто-

---

[1]) Шотландецъ Мэкензи Дугласъ прибылъ въ 1755 г. (4 октября); онъ былъ отправленъ въ качествѣ агента секретной дипломатіи Людовика XV.

[2]) Полномочный министръ Даліонъ прибылъ въ 1744 и оставался при императорскомъ дворѣ до 1747, когда произошелъ разрывъ между Россіей и Франціей.

[3]) Мессонье де-Валкруассанъ (Meissonnier de Valcroissant).

рыйскимъ [1]) въ Туринѣ, выпросилъ у него письмо съ цѣлью быть принятымъ у Уилльямса на службу и въ его домъ подъ видомъ француза, недовольнаго порядками своего отечества. Мессонье обратился сперва ко мнѣ, все отъ имени моего двоюроднаго брата.

Когда я объ этомъ сказалъ Уилльямсу, онъ мнѣ предъявилъ письменное предупрежденіе, которое онъ получилъ нѣсколько дней тому назадъ отъ императора Франца I-го; въ немъ заключались точныя примѣты этого Мессонье и свѣдѣнія о томъ, какимъ способомъ онъ постарается проникнуть къ нему, Уилльямсу, въ качествѣ шпіона. Такъ какъ всѣ обстоятельства вполнѣ согласовались съ дѣйствительностью, я отвѣтилъ Мессонье отъ имени Уилльямса, что онъ долженъ благодарить судьбу за то, что нашелъ въ лицѣ Уилльямса человѣка добросердечнаго, который не желалъ причинить ему несчастье; что, зная его намѣренія, я ему совѣтовалъ отказаться отъ нихъ и покинуть какъ можно скорѣй это государство, и даже предлагалъ выдать ему паспортъ, безъ котораго нельзя выѣхать изъ Русской имперіи. Мессонье, не смутившись, отрицалъ все и вздумалъ жаловаться на то, что его обвиняли въ промыслѣ, совершенно не подходившемъ, какъ онъ говорилъ, къ его характеру. Тщетно я его уговаривалъ не прикидываться, объяснивъ ему, что онъ не зналъ страны, въ которой находился, что въ ней французы на плохомъ счету (и это тогда была совершенная правда), и что за малѣйшій признакъ шпіонства онъ навлечетъ на себя суровое обращеніе со стороны правительства, хотя бы онъ вздумалъ объяснить для своей защиты, что онъ прибылъ наблюдать не за русскими, но за англійскимъ посломъ. Все это было напрасно: онъ отказался выѣхать изъ Петербурга; а такъ какъ онъ былъ французъ и при томъ безъ всякой совѣсти, то скоро онъ былъ заподозрѣнъ. Въ виду того, что, по свѣдѣніямъ полиціи, онъ бывалъ въ домѣ Уилльямса, министерство запросило послѣдняго насчетъ Мессонье. Тогда Уилльямсъ ничего не скрылъ изъ того, что зналъ, и французъ былъ подвергнутъ строгому тюремному заключенію.

Когда маркизъ Л'Опиталь прибылъ въ Россію въ 1757 году въ качествѣ французскаго посла, онъ испросилъ освобожденіе Мессонье, и я узналъ послѣ, что онъ осмѣлился жаловаться на [м]еня лично и что французскій дворъ причислилъ его жалобу къ [друг]имъ претензіямъ, которыя онъ считалъ за мною, хотя въ дѣй-

[1]) Кн. Адамъ Чарторыйскій, сынъ кн. Августа-Александра Чарторыйскаго, русскаго воеводы, дяди Понятовскаго.

ствительности я все сдѣлалъ, что̀ могъ для него, чтобы предупредить этого француза о томъ, что̀ его ожидало. Это не было, однако, единственнымъ случаемъ, когда мнѣ отплатили зломъ за тѣ услуги, которыя я оказывалъ.

Успѣхи Дугласа скоро сдѣлались столь осязательными, что Уилльямсу стало только противно на той сценѣ, на которой онъ надѣялся играть такую видную роль. Страстность его темперамента, чувствительность его нервовъ и оскорбленное самолюбіе скоро довели его до того, что онъ призналъ справедливость совѣта, даннаго ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитымъ англійскимъ хирургомъ Чесельдономъ, сказавшимъ ему: „устранитесь отъ дѣлъ, они для васъ пагубны". Онъ сдѣлался болѣзненнымъ, скучнымъ; имъ такъ странно завладѣли впечатлѣнія отъ предметовъ, занимавшихъ его одинъ вслѣдъ за другимъ, что я видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ, поражавшій меня столько времени своимъ возвышеннымъ умомъ, ослабѣвалъ до такой степени, что онъ не могъ удерживаться отъ слезъ, когда два раза подъ рядъ ему не везло въ игрѣ, кончавшейся пустяками. Иногда, по ничтожному поводу, онъ поддавался, къ стыду своему, такимъ порывамъ гнѣва, отъ которыхъ онъ прежде воздерживался. Я помню, между прочимъ, одинъ вечеръ, когда, послѣ продолжительной бесѣды со мною и двумя англичанами, находившимися въ Петербургѣ, Комбомъ и Вудвардомъ, и съ пасторомъ англійской колоніи Дюморескомъ, разговоръ случайно перешелъ на нескончаемую тему о свободѣ воли и предопредѣленіи. Эти вопросы привели къ однороднымъ, изъ которыхъ по одному Уилльямсъ утверждалъ, что не было ни одного событія въ жизни человѣческой, счастливаго или несчастнаго, которое не могло бы быть приписано какой-нибудь ошибкѣ человѣка или какой-нибудь его заслугѣ.

Мнѣ казалось, что ударъ грома въ солнечный день, землетрясеніе въ странѣ, которая его никогда до того не испытывала, могли, напримѣръ, быть отнесены къ числу случайностей, которыя не въ силахъ была предупредить никакая человѣческая предусмотрительность и которыхъ было достаточно для того, чтобы разрушить самые хитросплетенные планы.

Каждый сказалъ свое слово: случилось, что всѣ собесѣдники объявили себя одного мнѣнія со мною, кромѣ Уилльямса, который былъ въ дурномъ расположеніи духа уже изъ-за того, что онъ одинъ остался при своемъ мнѣніи. Послѣдовала минута молчанія, но я имѣлъ неосторожность его прервать, выступивъ, я

уже не знаю, съ какимъ новымъ доводомъ въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Тогда Уилльямсъ не выдержалъ, и, вставъ какъ сбѣсившійся, онъ сказалъ: „я не могу выносить такое противорѣчіе мнѣ въ моемъ домѣ; я прошу васъ изъ него выйти и объявляю, что не хочу васъ болѣе видѣть во всю мою жизнь“. Затѣмъ онъ насъ оставилъ, хлопнувъ за собой дверью въ своей спальнѣ. Остальные гости разошлись; я остался одинъ, предавшись самымъ грустнымъ и тяжелымъ размышленіямъ.

Я говорилъ себѣ: съ одной стороны—какъ вынести такое оскорбленіе, но съ другой—какъ за него отплатить? Онъ—посолъ, но еще болѣе онъ—мой благодѣтель, такъ какъ онъ служилъ мнѣ гувернеромъ, наставникомъ, опекуномъ. Мои родители довѣрили меня ему.

Онъ меня любилъ такъ продолжительно и такъ нѣжно.

Онъ, безъ сомнѣнія, не правъ, но я, зная въ особенности его состояніе, долженъ былъ бы болѣе пощадить его щепетильность.

Подъ вліяніемъ самыхъ противоположныхъ чувствъ, я направился машинально къ двери его спальной; онъ отказался ее отворить.

Возвратившись въ комнату, гдѣ произошелъ споръ, я наткнулся на полуоткрытую стеклянную дверь, ведущую на балконъ, куда я вступилъ.

Была уже ночь. Опершись объ рѣшетку балкона, я углубился въ размышленіе; отчаяніе овладѣвало мною. Нога моя уже подымалась, чтобъ перешагнуть за рѣшетку, когда я почувствовалъ вдругъ, что какая-то сила увлекала меня назадъ. То былъ Уилльямсъ, который появился въ этотъ моментъ.

Онъ спросилъ у своихъ людей, что̀ я дѣлалъ. Ему сказали, что я уже довольно давно находился на балконѣ. Онъ вбѣжалъ туда и спасъ меня.

Нѣсколько минутъ мы стояли оба не въ силахъ вымолвить ни слова другъ другу.

Наконецъ, онъ провелъ меня въ свою комнату. Когда голосъ возвратился у меня, я ему сказалъ: „Убейте меня скорѣе, но не говорите, что вы не хотите меня видѣть“. Онъ мнѣ отвѣтилъ, сжавъ меня со слезами на глазахъ, и, продержавъ меня нѣкоторое время въ объятіяхъ, просилъ никогда не вспоминать о случившемся и не дѣлать о томъ упоминанія. Я счелъ за счастіе обѣщать ему это.

Положеніе мое на этомъ балконѣ становилось ужаснымъ вслѣд-

ствіе состоянія моего сердца, которое въ то время было увлечено самымъ сильнымъ и искреннимъ образомъ. Моя душа, а равно мои чувства были преисполнены привязанности, нѣжности и уваженія, доходившаго до обожанія. Уилльямсъ былъ моимъ довѣреннымъ, моимъ совѣтникомъ и моимъ пособникомъ. Ему, какъ послу, легко было имѣть доступъ къ особѣ, къ которой открыто я не могъ подходить; черезъ него я получалъ тьму сообщеній. По той же причинѣ его домъ, въ которомъ я жилъ, являлся для меня такимъ вѣрнымъ убѣжищемъ, какого я не могъ бы найти въ другомъ мѣстѣ. Я бы лишился всего этого, если бы я прервалъ сношенія съ Уилльямсомъ. Могъ ли я даже знать, что послѣ такой явной размолвки я буду увѣренъ въ моей тайнѣ и въ тайнѣ той особы, благо которой я ставилъ выше моего собственнаго. Въ другое время я бы съ негодованіемъ отбросилъ одну мысль о возможности такого коварства со стороны Уилльямса. Но изъ всего происшедшаго я имѣлъ основаніе подозрѣвать, что его умъ разстраивался и что, увлеченный порывомъ страстей, онъ былъ въ состояніи совершить самые неблаговидные поступки безъ того, чтобы они могли быть ему, какъ бы сказать, вмѣняемы. Этотъ страхъ меня покинулъ, какъ только мы помирились, такъ какъ я любилъ его почти какъ отца и такъ какъ я имѣлъ эту существенную потребность въ отцѣ, которая является двигателемъ жизни и особенно молодости [1]). Именно Уилльямсу было поручено повѣдать Бестужеву, бывшему тогда великимъ канцлеромъ Россійской имперіи, эту тайну. Болѣе шести мѣсяцевъ она ускользала отъ него, несмотря на его бдительность, на его шпіоновъ и даже на его особенное желаніе, которое его сильно озабочивало, управлять привязанностями принцессы, обожаемой до такой степени, что самъ былъ влюбленъ въ нее. Онъ тщетно пытался предоставить ей любимцевъ по своему выбору; съ этой цѣлью онъ намѣтилъ одного графа Лендрофа [2]), который

---

[1]) Это мѣсто является не совсѣмъ понятнымъ, почему приводимъ его въ подлинникѣ: „parceque je l'aimais presque comme un père et parceque j'avais ce besoin essentiel des pères qui fait le ressort de la vie et surtout de la jeunesse".

[2]) Собственноручное замѣчаніе Понятовскаго: „Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ послѣ". Въ текстѣ стоитъ: „comte Lehndroff". Въ Пруссіи существуетъ и теперь семейство графовъ Лэндорфъ (Lehndorff), родоначальникъ котораго Агасферъ Лэндорфъ (1634—1694) былъ возведенъ въ графское достоинство Римской Имперіи въ 1687 г.; у его сына Агасфера Эрнста (1691—1781 г.) было два сына, изъ которыхъ старшій, графъ Гергартъ Эрнстъ, родившійся въ 1734 г., прусскій капитанъ гвардейской пѣхоты, соотвѣтствуетъ тому, что говорится въ запискахъ Понятовскаго: онъ былъ молодъ, ему было въ 1755 году 21 годъ и умеръ онъ дѣйствительно скоро послѣ того— отъ ранъ полученныхъ въ сраженіи подъ Гохкирхеномъ въ 1758 г. Намъ, однако,

представленъ былъ ко двору въ одинъ день со мною и котораго любопытные придворные въ тотъ же вечеръ восхваляли нарочно великой княгинѣ. Она отвѣтила, что изъ обоихъ полякъ ей болѣе нравился. Эти слова, сказанныя ею безъ всякаго намѣренія, были замѣчены Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, бывшимъ тогда камеръ-юнкеромъ при ней, а теперь оберъ-шталмейстеромъ, который, скоро познакомившись со мной, стараясь сблизиться, передалъ мнѣ эти слова и продолжалъ мнѣ пересказывать все, что могло внушать мнѣ надежду. Долго я избѣгалъ его льстивыхъ рѣчей, мой умъ былъ такъ предубѣжденъ противъ козней и шпіонства придворныхъ вообще и въ частности противъ опасности, угрожавшей мнѣ при настоящемъ дворѣ. Мнѣ чудились страшные разсказы изъ царствованія Анны Іоанновны, отъ имени которой русскіе еще содрогались. Я зналъ, что у меня былъ предшественникъ въ лицѣ Салтыкова [1]), котораго царствующая Елисавета удалила подъ видомъ миссіи въ Гамбургъ, но я не зналъ, что великая княгиня имѣла основанія быть имъ недовольной [2]). Впрочемъ, я воображалъ себѣ послѣднюю преимущественно занятой честолюбіемъ. Я думалъ, что она — ярая сторонница Пруссіи, тогда какъ я былъ воспитанъ въ самомъ полномъ отвращеніи ко всему прусскому. Я въ ней предполагалъ столько презрѣнія ко всему, что не напоминало Вольтера. Однимъ словомъ, она мнѣ представлялась до такой степени иною, чѣмъ она была, что не только изъ осторожности, но по недостатку желанія, я въ теченіе трехъ мѣсяцевъ старательно избѣгалъ всего того, что мнѣ казалось одною ловушкою въ рѣчахъ Нарышкина.

Онъ велъ себя какъ придворный, предугадывавшій желанія, которыхъ ему не довѣрили и надѣявшійся когда-нибудь заслужить своею смѣлостью благорасположеніе великой княгини, при которой находился, ввергая ее противъ ея воли, какъ бы сказать, въ пропасть. Онъ мнѣ наговорилъ столь много, что я рѣшился предпринять нѣсколько шаговъ, особенно когда вслѣдствіе одного

не удалось выяснить, по какому поводу онъ пріѣзжалъ въ 1755 г. въ С.-Петербургъ и представлялся ко двору.

1) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, камергеръ великаго князя Петра Ѳедоровича, женатый на фрейлинѣ императрицы, Матренѣ Павловнѣ Балкъ. Его связь съ Екатериной продолжалась съ 1752 по 1754 годъ. 20 сентября этого года родился великій князь Павелъ Петровичъ. Салтыковъ былъ посланъ въ Стокгольмъ съ объявленіемъ о рожденіи великаго князя; въ декабрѣ 1754 года онъ вернулся въ С.-Петербургъ и назначенъ былъ посланникомъ въ Гамбургъ.

2) Екатерина въ своихъ запискахъ жалуется на то, что Салтыковъ разсказывалъ границей многое, о чемъ ему слѣдовало молчать. Соч. импер. Екатерины II, XII, стр. 357.

слова, сказаннаго мною Нарышкину относительно одной дамы, которую я видалъ при дворѣ, великая княгиня, проходя скоро послѣ того мимо меня, обратилась ко мнѣ со смѣхомъ и повторила почти тѣ же слова, которыя я сказалъ, прибавивъ: „Вы, какъ вижу, живописецъ". Скоро послѣ того я осмѣлился послать записку, на которую Нарышкинъ принесъ мнѣ на слѣдующій день отвѣтъ. Тогда я позабылъ о существованіи Сибири. Нѣсколько дней спустя, Нарышкинъ меня повелъ къ ней самой. Онъ предупредилъ ее только, когда я уже стоялъ у двери ея кабинета въ такую вечернюю пору и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно было опасаться прохода великаго князя четверть часа послѣ прихода. Такимъ образомъ, великой княгинѣ ничего не осталось дѣлать другого, какъ впустить меня къ себѣ, иначе она подвергла бы и себя, и меня великой опасности [1]).

Ей было двадцать-пять лѣтъ [2]). Она почти только-что встала послѣ своихъ первыхъ родовъ [3]); въ ту пору она достигла той степени красоты, которая для всякой женщины, если ей суждено быть красивой, обыкновенно является самой высшей.

Волосы у нея были черные при ослѣпительной бѣлизнѣ кожи и самомъ яркомъ румянцѣ; большіе голубые выпуклые глаза, очень выразительные, рѣсницы черныя и очень длинныя [4]), греческій носъ, ротъ, который, какъ казалось, просилъ поцѣлуя, руки и плечи верхъ совершенства, станъ гибкій, скорѣе высокій, походка крайне проворная, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненная благородства, звукъ голоса пріятный, а смѣхъ такой же веселый, какъ ея расположеніе духа, вслѣдствіе котораго она переходила съ такою же легкостью отъ самой шаловливой дѣтской игры къ таблицѣ съ шифрами, не пугаясь физическаго напряженія, потребнаго для разбора ея текста, какъ бы серьезенъ и сложенъ ни былъ самый предметъ занятій. Стѣсненное положеніе, въ которомъ она находилась со времени своего брака, а также отсутствіе всякаго общества, соотвѣтствовавшаго ея уму, заставили ее прибѣгнуть къ чтенію. Она знала очень многое. Ласковая, умѣющая схватить слабую сторону всякаго, она съ того времени, пріобрѣтая любовь народа, пробивала путь къ престолу, который она заняла впослѣдствіи съ такою славою. Такова была та женщина, которую я полюбилъ и которая сдѣлалась вершительницей моей судьбы; вся моя жизнь была ей предана, гораздо искреннѣе, чѣмъ то

[1]) Начало этой связи должно быть отнесено къ декабрю 1755 года.
[2]) Екатерина родилась 21 апрѣля (2 мая) 1729 года.
[3]) Великій князь Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 года.
[4]) Слова: „Les cils noirs et longs" прибавлены рукою Понятовскаго.

говорятъ обыкновенно всѣ тѣ, которые находятся въ такомъ же положеніи.

По странной случайности мнѣ пришлось ей преподнести, хотя мнѣ уже было двадцать-два года, то, чѣмъ никто еще не пользовался (ce que personne n'avait eu) [1]).

Первоначально строгое воспитаніе меня удалило отъ всякой гнусной связи, отъ которой впослѣдствіи меня оградило въ моихъ путешествіяхъ желаніе выйти въ люди и держаться въ такъ называемомъ (особенно въ Парижѣ) хорошемъ обществѣ. Вслѣдствіе стеченія разныхъ мелкихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ знакомства, которыя случалось мнѣ дѣлать въ иностранныхъ краяхъ и въ Польшѣ, а также въ самой Россіи, мнѣ какимъ-то страннымъ образомъ посчастливилось сохранить себя какъ бы нарочито цѣлымъ для той, которая съ той поры распоряжалась моей судьбою.

Я не могу отказаться отъ удовольствія упомянуть здѣсь о самомъ нарядѣ, въ которомъ я ее засталъ въ этотъ день: то было простое платье изъ бѣлаго атласа, легкая кружевная нашивка съ розовыми лентами служила единственнымъ ея украшеніемъ. Она, такъ сказать, не понимала, какъ было возможно, чтобъ я въ дѣйствительности очутился въ ея кабинетѣ; правда, что я часто послѣ того спрашивалъ себя самого, когда мнѣ приходилось, во время придворныхъ пріемовъ, проходить мимо столь многочисленной, стражи и прислужниковъ разнаго рода, какъ это случилось, что я уже столько разъ проникалъ, какъ бы окруженный туманомъ, въ такія мѣста, въ которыя я не смѣлъ даже заглянуть при свидѣтеляхъ.

Я сказалъ, что это былъ Уилльямсъ, который передалъ Бестужеву о томъ участіи, которое принимала великая княгиня во мнѣ. Въ томъ ощущалась необходимость; нужно было пріостановить дѣйствіе пружинъ, которыми двигалъ этотъ канцлеръ для того, чтобы вызвать обратно Салтыкова, пребывавшаго тогда въ Гамбургѣ, которому великая княгиня вмѣсто того, чтобъ видѣться съ нимъ въ Россіи, предпочитала отнынѣ продолжить высылку вспомоществованій по должности, имъ тамъ занимаемой. Къ тому же нужно было обязать Бестужева воспользоваться вліяніемъ, которымъ онъ располагалъ отъ имени императрицы, в саксонскій кабинетъ, съ тою цѣлью, чтобъ я могъ вернуться въ Петербургъ по назначенію этого правительства.

---

[1]) Вмѣсто этихъ словъ, приписанныхъ между строками рукою Понятовскаго, было зачеркнутое имъ: „des prémices que je n'avais point perdues ni à Paris, ni à Londres“, т.-е. „дѣвственность, которой я не потерялъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ“.

Достаточно было четырехъ строкъ, написанныхъ собственноручно великой княгиней и представленныхъ Бестужеву Уилльямсомъ, для того, чтобъ получить желаемое обѣщаніе отъ канцлера.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ сказать, кто былъ этотъ канцлеръ Бестужевъ [1]).

Родившись въ царствованіе Петра I, онъ былъ отправленъ, по его приказанію, на службу или скорѣе на воспитаніе къ двору курфюрста ганноверскаго, который его послалъ, вскорѣ послѣ того, къ самому Петру I съ возвѣщеніемъ о своемъ вступленіи на англійскій престолъ подъ именемъ Георга I. Петръ Великій такъ обрадовался при видѣ молодого русскаго, уже немного отшлифованнаго по иностранному и находившагося на службѣ европейскаго государя, что съ перваго же раза отнесся къ нему благосклонно и назначилъ его, нѣкоторое время спустя, своимъ резидентомъ въ Гамбургѣ.

Послѣ того онъ получилъ назначеніе ко двору датскому и шведскому. По смерти императрицы Анны, онъ находился въ С.-Петербургѣ и, какъ надо полагать, игралъ уже тогда важную роль, такъ какъ фельдмаршалъ Минихъ, свергая регента Бирона, герцога курляндскаго, призналъ Бестужева достойнымъ, чтобъ его заточили въ крѣпость, какъ государственнаго преступника. Бестужевъ былъ заключенъ въ нарвскую крѣпость, а потомъ его перевели въ Копорье. Послѣ объявленія великой княгини Анны Леопольдовны правительницей, Бестужевъ былъ освобожденъ изъ крѣпости, когда Минихъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей.

Елисавета, вступивъ на престолъ, назначила его великимъ канцлеромъ, т.-е., согласно штатамъ этого двора, начальникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ и, какъ бы сказать, первымъ министромъ. Пока онъ не оживлялся, онъ не умѣлъ сказать четырехъ словъ подъ рядъ и казался заикавшимся. Коль скоро разговоръ его интересовалъ, онъ находилъ и слова, и фразы, хотя очень неправильныя, но полныя силы и огня, которыя изрекалъ ртомъ, снабженнымъ четырьмя обломками зубовъ, и сопровождались сверкающимъ взглядомъ его маленькихъ глазъ. Выступавшія у него багровыя пятна на синеватомъ лицѣ придавали ему еще болѣе страшный видъ, когда онъ приходилъ въ гнѣвъ, что̀ случалось съ нимъ часто, а когда онъ смѣялся, то былъ смѣхъ сатаны. Онъ понималъ отлично по-французски, но

---

[1]) Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (1693—1767).

предпочиталъ говорить по-нѣмецки съ иностранцами, которые владѣли этимъ языкомъ.

Не умѣя писать ни на одномъ языкѣ и не зная ничего, какъ бы сказать, самъ по себѣ, онъ судилъ о работѣ другихъ по врожденному чувству и почти всегда. правильно. Онъ не обладалъ никакими пріобрѣтенными познаніями по части искусствъ, но все-таки можно было биться о закладъ, что изъ нѣсколькихъ рисунковъ тотъ, который онъ выберетъ, будетъ самымъ красивымъ, особенно если дѣло касалось предметовъ, которымъ свойственны благородство и величіе, какъ, напримѣръ, произведеній архитектуры. Господствовать безпрепятственно было его страстью.

Иногда онъ былъ способенъ на благородные поступки, именно потому, что онъ по чутью понималъ красоту всякаго рода, но ему казалось столь естественнымъ устранять все, что̀ мѣшало его намѣреніямъ, что онъ не останавливался ни передъ какими средствами. Его душа омрачилась еще болѣе пережитыми имъ событіями тѣхъ страшныхъ царствованій, при которыхъ онъ возвысился. Предлагая оказать услугу тѣмъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, даже съ помощью средствъ самыхъ неблаговидныхъ, онъ находилъ весьма страннымъ, чтобы можно было совѣститься.

Какъ во всемъ, онъ былъ настойчивъ въ томъ, чего хотѣлъ. Онъ всю свою жизнь былъ приверженцемъ Австріи, до ярости отъявленнымъ врагомъ Пруссіи. Вслѣдствіе этого онъ отказался отъ милліоновъ, которые ему предлагалъ прусскій король. Но онъ не совѣстился принять подношеніе и даже просить о немъ, когда онъ говорилъ съ министромъ Австріи, или Англіи, или Саксоніи, или другого какого-либо двора, которому онъ считалъ нужнымъ благодѣтельствовать для пользы своего собственнаго отечества. Принять подачку отъ государя, связаннаго дружбой съ Россіей, было по его понятіямъ не только въ порядкѣ вещей, но своего рода признаніемъ могущества Россіи, славы которой, по-своему, онъ дѣйствительно желалъ.

Обыкновенно онъ оканчивалъ день, напиваясь съ однимъ или двумя пріятелями. Нѣсколько разъ онъ являлся въ нетрезвомъ видѣ къ императрицѣ Елисаветѣ, которая питала отвращеніе къ этому пороку, что̀ ему навредило въ ея глазахъ.

Часто предаваясь гнѣву до ярости, онъ всегда былъ кроокъ и терпѣливъ со своею женою [1]), которую онъ справедливо

[1]) Анна Ивановна, рожденная Беттихеръ, дочь русскаго резидента въ Гамбургѣ, гофмейстерина императрицы Елисаветы, † 13 декабря 1761 г.

называлъ своею Ксантипой съ той поры, какъ кто-то ему разсказалъ исторію Сократа. Онъ ее нашелъ въ Гамбургѣ, гдѣ женился; она была незнатнаго происхожденія; въ молодости была красива, имѣла дарованія къ музыкѣ, была умна и весьма причудлива. Она его подчинила до такой степени, что при мнѣ Бестужевъ выслушалъ въ полномъ молчаніи цѣлый потокъ самыхъ грубыхъ оскорбленій, которыя его супруга ему нанесла за обѣдомъ изъ-за одного слова порицанія, которое сорвалось у него противъ ихъ родного сына [1]). Между тѣмъ этотъ сынъ въ самомъ дѣлѣ былъ мерзкій и гнусный уродъ.

Такая материнская ярость Бестужевой являлась тѣмъ болѣе странной, что она, не прощавшая никогда отцу этого негодяя, если Бестужевъ говорилъ что-нибудь дурное о сынѣ, часто сама жаловалась иностранцамъ на свое несчастіе быть матерью такого урода. Въ этотъ же день она мнѣ разсказала ужасы про него. Она благосклонно относилась ко мнѣ; она говорила, что я приношу ей счастье въ игрѣ; она сажала меня рядомъ съ собой за столомъ, и каждый разъ, какъ я обѣдалъ у нея, она начинала говорить о своихъ недугахъ, о томъ, что слѣдуетъ постоянно быть приготовленнымъ къ смерти, и объ отвращеніи, которое она имѣла къ радостямъ этого міра и даже къ пищѣ всякаго рода.

На это я ей представлялъ, что всякое самоубійство противорѣчитъ началамъ христіанства. Она съ этимъ соглашалась, кушала немного и начинала мнѣ проповѣдывать въ пользу лютеранства, противополагая ему то, что̀ она называла заблужденіями католичества, прибавляя однако, что Лютеръ совершилъ ошибку, вступивъ въ бракъ съ Екатериной Боръ, такъ какъ, говорила она, не надо вступать въ бракъ, разъ данъ обѣтъ безбрачія. Я съ нею соглашался по этому поводу; я ей передавалъ блюда, которыя, какъ было мнѣ извѣстно, она предпочитала; она называла меня своимъ пріемнымъ сыномъ, и уже въ концѣ второго блюда она начинала обыкновенно мнѣ разсказывать скандалы двора и города, не избѣгая именъ и кличекъ, и все это такъ громко, что она меня смѣшила, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставляла трепетать.

[1]) Графъ Андрей Алексѣевичъ Бестужевъ-Рюминъ, при Елисаветѣ Петровнѣ генералъ-поручикъ, а въ день коронованія Екатерины II уволенъ со службы съ чиномъ дѣйствительнаго тайн. сов., умеръ въ 1767 г. Со смертью его пресѣклась графская вѣтвь Бестужевыхъ-Рюминыхъ; онъ не имѣлъ дѣтей отъ двухъ своихъ браковъ съ Евдокіей Даниловной Разумовской и съ княжной Анной Петровной Долгорукой, впослѣдствіи графиней Витгенштейнъ.

Но какова бы она ни была, въ сущности, мужъ ее любилъ; она имѣла вліяніе на его умъ, она была очень оригинальна, и я ее всегда называлъ мамашей [1]). Несмотря на всѣ злобныя рѣчи, которыя она высказывала такъ часто и такъ неосмотрительно насчетъ императрицы, тогда царствовавшей и хорошо знавшей то, что̀ говорилось про нее, Елисавета Петровна отличала Бестужеву въ обращеніи. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, кто же была эта императрица Елисавета.

По смерти Петра Великаго [2]), во время короткаго царствованія Екатерины I [3]), которая не умѣла писать, ея дочери Елисаветѣ было поручено подписываться за ея мать.

Она обыкновенно приказывала своей дочери прикладывать руку по неграмотности ея матери къ бумагамъ, которыя должны были быть скрѣплены императорскою печатью, въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ комнатѣ Екатерины, двери которой были открыты. Елисавета приказывала прислужницѣ переворачивать листы, такъ что Екатерина могла думать, по шелесту переворачиваемыхъ листовъ, что бумагѝ подписывались; но когда она заходила въ комнату, чтобы взять бумаги, она часто не находила дочери, которая пользовалась этимъ временемъ для любовныхъ свиданій, такъ что было иногда очень трудно ее отыскать. Екатерина не была строгою матерью; вслѣдствіе гласности и немалаго числа ея любовныхъ похожденій и страсти къ пьянству, которой она была предана вдобавокъ, ея дочери пользовались большою свободою, а дѣйствительное управленіе дѣлами государства ею было оставлено въ рукахъ Меньшикова, какъ по причинѣ личной ея неспособности, такъ и изъ чувства благодарности.

Меньшиковъ [4]) и архіепископъ Ѳеофанъ удостовѣрили слухъ, что Петръ I, вѣнчая Екатерину на царство, тѣмъ самымъ имѣлъ въ виду назначить ее государыней послѣ своей смерти [5]). Смѣлость завершила остальное. Но Петръ былъ совершенно чуждъ мысли передать по своей смерти престолъ Екатеринѣ, особенно послѣ того, какъ онъ открылъ любовную связь своей жены съ

[1]) Эти слова зачеркнуты Понятовскимъ.

[2]) Петръ I умеръ 28 января 1725 г.

[3]) Оно продолжалось съ 28 января 1725 г. по 6 мая 1727 г.

[4]) Фельдмаршалъ князь Александръ Даніиловичъ Меньшиковъ, сосланный въ 1727 г., при Петрѣ II, въ Березовъ, гдѣ онъ умеръ въ 1729 г.

Со слова „Меньшиковъ“—собственноручная вставка Понятовскаго, замѣнившая первоначальный текстъ, имъ зачеркнутый: „Меньшиковъ составилъ подложное духовное завѣщаніе отъ имени Петра Великаго, по которому онъ будто бы назначилъ ее самодержавной государыней послѣ своей смерти“.

[5]) Конецъ вставки.

камергеромъ Монсомъ [1]). За три недѣли до своей смерти, Петръ велѣлъ казнить Монса. Онъ не удовлетворился тѣмъ, что приказалъ его повѣсить, но повезъ императрицу въ саняхъ какъ бы на прогулку вокругъ висѣлицы Монса. Я знаю, что сотня писателей, между прочими и Вольтеръ, утверждали, что Петръ Великій нашелъ въ Екатеринѣ Первой женщину, стоявшую выше своего пола и всѣхъ русскихъ мужей и единственно способную продолжать предпринятые имъ труды. Но то, что Меньшиковъ подложно выдумалъ, что лесть утверждала въ продолженіе жизни Екатерины I, что повторяли съ того времени изъ любви къ чудесному,—все это не должно служить препятствіемъ къ тому, что все мною сказанное было сущею правдою; я это знаю изъ вѣрнаго источника.

Одинъ изъ мужей этой націи, котораго правдивость общепризнана, передалъ мнѣ разсказъ, слышанный имъ отъ своего отца, командовавшаго однимъ изъ гвардейскихъ полковъ при смерти Петра I, и заключавшійся въ томъ, что этотъ императоръ составилъ духовное завѣщаніе, что его любимый карликъ Лука [2]) зналъ мѣсто нахожденія этого завѣщанія. Но Лука исчезъ въ день смерти Петра I и появился семнадцать лѣтъ послѣ него, когда императрица Елисавета приказала его найти и доставить изъ Сибири.

Это подложное завѣщаніе было уничтожено, и Меньшиковъ царствовалъ именемъ Екатерины I [3]).

Екатерина занимала престолъ съ 1725 по 1727 г., а я пріѣхалъ въ Россію двадцать-восемь лѣтъ послѣ того; еще жили тысячи свидѣтелей этого царствованія, они мнѣ его описывали

[1]) Камергеръ Монсъ (1688—1724).

[2]) Въ реестрѣ придворнымъ и дворцовымъ служителямъ за 1725 г. на листѣ 472 значится послѣ списка деньщиковъ Карла Лука Частихинъ. Въ книгѣ исходящихъ бумагъ кабинета записанъ 7 января 1727 указъ, данный государственному канцлеру графу Г. И. Головкину на изготовленіе диплома Карлу Лукѣ Частихину, котораго императрица Екатерина 24 ноября 1726 г. пожаловала баронскимъ достоинствомъ за его вѣрныя службы. Гос. арх., кабинетъ Петра Великаго, II, книга 74; IX разр., № 6.

[3]) Со словъ: „Одинъ изъ мужей“ до слова: „Екатерины I“—собственноручная вставка Понатовскаго.

Приведенное сказаніе принадлежитъ къ числу слуховъ, которые очевидно были сочинены и передавались при дворѣ. Извѣстно, что наканунѣ смерти 27 января 1724 г. Петръ въ исходѣ второго часа потребовалъ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ его рукъ. Изъ написаннаго могли разобрать только слова: „Отдайте все“. Потомъ Петръ велѣлъ позвать дочь Анну Петровну, чтобъ она написала подъ его диктовку, но когда она подошла къ нему, то онъ не могъ сказать ни слова. На другой день, 28 января, въ началѣ шестого часа пополудни, онъ умеръ.

безъ увлеченія и интереса; каждая малѣйшая подробность, которую они мнѣ передавали, согласовалась съ главнымъ разсказомъ; всякій угадаетъ, кто мнѣ его сдѣлалъ. По смерти Екатерины I, Петръ II, внукъ Петра I, вступилъ на престолъ; Долгорукіе завладѣли его умомъ, сослали Меньшикова въ Сибирь; но ихъ могущество прекратилось съ жизнью Петра II, унесеннаго оспою въ могилу въ его первой молодости [1]).

Повидимому, событіе должно было возвести на престолъ или старшую дочь Петра Великаго, великую княгиню Анну, или младшую — Елисавету.

Но первая была съ мужемъ въ Голштиніи; Елисавета, которая не имѣла мужа, была, однако, тогда въ родахъ: Россія и ея тогдашнее правительство были въ такомъ состояніи, что случай и смѣлость могли все рѣшить.

Немногіе верховники и въ особенности Долгорукіе нашли моментъ удобнымъ, чтобы сдѣлаться аристократами. Они сочинили формулу присяги съ цѣлью ограниченія будущаго государя, а такъ какъ дѣти Іоанна, старшаго брата Петра I, умершаго до него, питали меньше надежды на вступленіе на престолъ, чѣмъ дѣти Петра I, то эти верховники дали первымъ преимущество, надѣясь на ихъ уступчивость.

Герцогиня Мекленбургская, старшая дочь царя Іоанна Алексѣевича, была въ Москвѣ; можетъ быть, по этой причинѣ ее и исключили.

Ея младшая сестра, Анна, вдова герцога Курляндскаго, проживала въ Митавѣ. Верховники захватили ее врасплохъ, предложивъ ей вѣнецъ на царство.

Чѣмъ менѣе она была подготовлена къ этому, тѣмъ скорѣе согласилась на все, чего отъ нея потребовали. Можетъ быть, на ея возведеніе имѣли вліяніе слова, сказанныя Петромъ I, которыя вспомнили; онъ однажды сказалъ этой великой княгинѣ, которую онъ уважалъ: „Жаль, что ты не мальчикъ".

Она вѣнчалась на царство въ Москвѣ [2]), послѣ того какъ принесла присягу, по которой она пріобщала къ своей власти этихъ верховниковъ. Но одинъ изъ нихъ, князь Черкасскій [3]),

---

[1]) Онъ царствовалъ съ 7 мая 1727 г. по 18 января 1830 г.

[2]) 28 апрѣля 1730 г.

[3]) Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, впослѣдствіи государственный канцеръ (род. 1680 † 4 ноября 1742). Понятовскій ошибочно причисляетъ его къ верховникамъ; Черкасскій членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не былъ; при вступленіи Анны Іоанновны на престолъ въ 1730 г. онъ стоялъ во главѣ одной изъ шляхетскихъ группъ, дѣйствовавшихъ противъ верховниковъ.

представилъ ей, нѣсколько недѣль послѣ того, прошеніе, въ которомъ говорилось какъ будто бы отъ всего народа, что онъ не можетъ быть счастливъ иначе какъ подъ властью самодержавною, какою была власть предшественниковъ Анны Іоанновны; вслѣдствіе чего ее умоляли не раздѣлять своей власти ни съ кѣмъ.

Анна Іоанновна заставила себя легко убѣдить въ томъ, что таково было желаніе всей Россіи.

Она объявила себя государыней самодержавной.

Новая присяга была истребована по всей Россіи; пытками и казнями истреблено было въ десять лѣтъ царствованія Анны Іоанновны столько Долгорукихъ и другихъ именитыхъ русскихъ, что можно удивляться, находя въ Россіи еще людей съ этой фамиліей.

Ясно, что въ это царствованіе страха и самаго ужаснаго деспотизма цесаревна Елисавета Петровна подвергалась бдительному надзору.

Первоначально думали выдать ее поскорѣе замужъ. Дѣйствительно, были начаты нѣкоторые переговоры о выдачѣ ея за короля Франціи Людовика XV [1]).

Затѣмъ Кули-Ханъ просилъ ея руки для себя [2]). Всѣ эти переговоры только зарождались, а такъ какъ Елисавета Петровна была исключительно занята своими удовольствіями, то признали, что ея не стоитъ опасаться.

Послѣ смерти Анны Іоанновны, Биронъ [3]) представилъ завѣщаніе, которымъ она объявляла его регентомъ имперіи, впредь до совершеннолѣтія великаго князя Іоанна, сына принцессы Анны Мекленбургской, дочери старшей сестры императрицы Анны, замужемъ за принцемъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, младшимъ братомъ царствовавшаго герцога того же имени и старшимъ братомъ принца Фердинанда, который сражался столь славно противъ французовъ съ 1758 по 1763 г.

Биронъ былъ регентомъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ онъ былъ такъ занятъ своей защитой противъ притязаній матери молодого Іоанна Антоновича, носившаго титулъ импера-

---

[1]) Мысль о бракѣ Елисаветы съ королемъ Людовикомъ XV принадлежала еще Петру I.

[2]) Такмасъ Кули-Ханъ, шахъ персидскій, при воцареніи принявшій имя Надиръ-Шаха (р. 1688 + 1747 г.).

[3]) Императрица Анна Іоанновна умерла 17 октября 1740 г. Курляндскій герцогъ Эрнстъ Іоаннъ Биронъ (1690—1772), въ 1741 г. сосланъ въ Пелымъ; Елисавета Петровна перевела его въ Ярославль, вернулся же онъ при Петрѣ III; Екатерина II въ 1762 г. возвратила ему герцогство.

тора, что счелъ согласнымъ съ своей политикой немного приласкать самоё царевну Елисавету Петровну, которую онъ держалъ въ загонѣ во время царствованія Анны Іоанновны. Онъ, какъ говорятъ, предложилъ ей вступить въ бракъ съ его сыномъ Петромъ, теперешнимъ герцогомъ курляндскимъ. Но среди этихъ проектовъ фельдмаршалъ Минихъ, ни съ кѣмъ не сговорившись, съ помощью восемнадцати солдатъ, не знавшихъ, куда онъ ихъ велъ, низвергъ регентство Бирона [1]), объявилъ правительницею принцессу Анну Леопольдовну, вскорѣ поссорился съ нею изъ высокомѣрія, сложилъ съ себя всѣ свои должности и собирался уѣзжать, когда дѣтское и мелочное тщеславіе ввергло его самого въ бѣду.

По его просьбѣ онъ получилъ отставку самую почетную.

Остерманъ составилъ ему панегирикъ для того только, чтобъ онъ поскорѣе уѣзжалъ; этотъ документъ даже былъ подписанъ, но Минихъ, увидавъ патенты, украшенные миніатюрами и трофеями, пожелалъ, чтобъ его указъ объ отставкѣ былъ украшенъ точно такъ же. Онъ зналъ о проискахъ, начатыхъ въ пользу Елисаветы; онъ видѣлъ слабость и упущенія правительства регентши, которая меньше занималась дѣлами, чѣмъ любовными похожденіями съ саксонскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ и своею распрею съ принцемъ-супругомъ.

Впрочемъ, она была добра и снисходительна, и даже сама передавала Елисаветѣ о всѣхъ предупрежденіяхъ, которыя она получала на ея счетъ; она удовлетворилась клятвою, которую принесла ей Елисавета въ свое оправданіе.

Минихъ зналъ все это, предсказывалъ, что̀ случилось, но отложилъ свой отъѣздъ на два дня для того, чтобы прибавили къ его указу объ отставкѣ какой-то турецкій тюрбанъ и лавровый вѣнокъ.

Пока живописецъ удовлетворялъ его желаніе, французскій посланникъ Ла-Шетарди [2]) настаивалъ передъ Елисаветой, чтобъ она рѣшилась сдѣлаться императрицей, потому что правительница была расположена къ Австріи, и потому что онъ самъ, будучи однимъ изъ любовниковъ великой княгини, разсчитывалъ

---

[1]) Фельдмаршалъ графъ Бурхардтъ-Христофоръ Минихъ (1683—1767) свергъ трона 8 ноября 1740 г., получилъ отставку 6 ноября 1841 г., сосланъ въ Пелымъ, куда возвращенъ въ 1762 г.

[2]) Маркизъ де Ла-Шетарди, чрезвычайный французскій посолъ, прибылъ въ первый разъ въ декабрѣ 1739 г. и оставилъ Россію въ августѣ 1742 г.; во второй разъ онъ ѣхалъ 25 ноября 1743 и былъ висланъ подъ военнымъ конвоемъ изъ Москвы юня 1744 г.

возвести на престолъ императрицу, дружественно расположенную къ Франціи.

Изъ дѣтей Петра Великаго лишь она одна еще была въ живыхъ. Она была красива, обходительна съ русскими всѣхъ слоевъ и, насколько незначительность ея состоянія ей позволяла, щедра въ отношеніи къ своимъ многочисленнымъ любовникамъ, изъ которыхъ большинство принадлежало къ гвардейцамъ или къ духовному сословію. Русскій народъ большею частью, еще не просвѣщенный и суевѣрный, ненавидѣлъ все, что казалось нѣмецкимъ съ той поры, какъ Биронъ и Минихъ проявили свою власть съ такимъ жестокимъ гнетомъ, управляя отъ имени императрицы Анны и принцессы Анны Леопольдовны.

Послѣдняя родилась въ Германіи, ея супругъ и ея любовникъ были нѣмцы; весь ея дворъ казался нѣмецкимъ. Ненависть русскихъ къ иностранцамъ сильно помогла Елисаветѣ образовать ея партію, хотя сама великая княгиня много труда къ тому не прилагала. Вялая и робкая, она откладывала исполненіе предначертаній своихъ друзей. Принцесса регентша Анна узнала о томъ и сама ее допрашивала по этому поводу. Елисавета подъ клятвой отреклась отъ всего, но пока она говорила съ Елисаветой, Остерманъ [1]), который стоялъ во главѣ управленія со времени увольненія Миниха, послалъ за Лестокомъ [2]), врачомъ Елисаветы, ея довѣреннымъ и посредникомъ между нею и Ла-Шетарди, душою всѣхъ ея совѣтовъ. Лестокъ, родившійся въ Германіи, но отъ родителей французовъ, выселившихся изъ своего отечества, считался французомъ. Ловкій и смѣлый, онъ не пошелъ къ Остерману, но сказалъ великой княгинѣ, передавшей ему вопросъ правительницы:

„Вамъ необходимо рѣшиться быть императрицей въ эту же ночь, иначе завтра же вы будете заточены въ монастырь, а я колесованъ“.

Она не могла держаться на ногахъ отъ страха и нерѣшительности: тогда, говорятъ, она произнесла обѣтъ никого не подвергать смерти и казни, если она вступитъ на престолъ. Лестокъ почти насильно оттащилъ ее отъ налоя, у котораго она молилась, и, бросивъ въ сани, повезъ ее въ гвардейскія казармы, а оттуда во дворецъ.

Минихъ не командовалъ и посему болѣе не слѣдилъ за карауломъ; Остерманъ, свѣдущій въ кабинетныхъ дѣлахъ, не рас-

---

[1]) Графъ Генрихъ Іоаннъ Остерманъ (1686—1747), сосланъ въ Березовъ.

[2]) Графъ Іоаннъ Германъ Лестокъ, въ 1748 г. сосланъ въ Угличъ, оттуда въ Великія Луки, откуда освобожденъ въ 1762 г. Петромъ III.

поражался войсками, которыя впрочемъ не были расположены къ главнокомандующему, къ супругу правительницы, такъ что еще до зари [1]) Елисавета стала императрицей такъ же легко, какъ Анна сдѣлалась регентшей.

Вѣрная своему обѣту, она не казнила тѣхъ, которыхъ она перемѣстила, но она сослала Миниха туда, куда имъ былъ сосланъ Биронъ. Остермана сослали не такъ далеко. Принцесса Анна Леопольдовна, ея супругъ и ихъ сынъ были сперва отправлены въ Ригу, какъ будто для того, чтобъ ихъ выслать въ Германію, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Іоаннъ Антоновичъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургѣ, откуда онъ не вышелъ; мать отправили въ сторону Москвы, гдѣ она умерла, родивъ еще другихъ дѣтей; послѣ ея смерти мѣсто пребыванія принца Ульриха осталось тайною.

Годъ спустя, двѣ дамы высшаго круга Бестужева [2]), невѣстка канцлера Бестужева, котораго Елисавета вернула изъ ссылки, и Лопухина [3]) подверглись наказанію кнутомъ; кромѣ того, имъ вырѣзали языки [4]).

Самъ Лестокъ, нѣкоторое время спустя, былъ сосланъ въ Сибирь. Въ оправданіе этихъ строгостей, мнѣ передавали болѣе или менѣе вѣскія основанія, большинство же объясняло ихъ исключительно сплетнями. Послѣ кроваваго управленія Анны Іоанновны, царствованіе Елисаветы Петровны показалось русскимъ все-таки милосерднымъ. Правда, что тысячи маленькихъ придирокъ, причиненныхъ женскою завистью, которыя Елисавета Петровна преувеличивала до невѣроятности, произвели очень чувствительныя разочарованія, вызвали опалы, даже потери состояній для многихъ, но не было все-таки смертныхъ приговоровъ, тогда какъ великая Елисавета, королева Англіи, обвиняется въ томъ, что приказала умертвить свою двоюродную сестру, другую королеву, изъ-за того, что она была красивѣе ея. Въ наружности Елисаветы Петровны можно было узнать черты лица ея отца, какими онѣ представляются въ снимкѣ изъ воска съ его лица, хранящемся въ С.-Петербургской Академіи, съ той разницей, что крупныя черты Петра I соотвѣтствовали величинѣ его лица, тогда какъ у его дочери, за исключеніемъ

---

[1]) Переворотъ совершился въ ночь съ 6-го на 7-е декабря 1741 года.

[2]) Жена оберъ-гофмаршала графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, графиня Анна Гавриловна, рожденная графиня Ягужинская.

[3]) Жена вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина, Наталія Ѳедоровна, рожденная Балкъ, извѣстная красавица.

[4]) Это произошло въ 1743 г.

ея глазъ, прочія черты лица были очень мелки; его внѣшнее очертаніе казалось тѣмъ болѣе значительнымъ, что верхняя часть лба удалялась неимовѣрно назадъ, такъ что волосы у нея спереди начинали рости почти на самой макушкѣ. Ея волосы были рыжеваты; разстояніе отъ ея плечъ до верхней застежки ея корсета было громадное; несмотря на всѣ эти недостатки, это была женщина, которая могла нравиться и очень нравилась. Глаза у нея были большіе и красивые, носъ невеликій, ротъ маленькій, зубы прекрасные. Тѣло казалось очень крѣпкимъ и бѣлымъ; руки отличались своимъ совершенствомъ и были поразительно малы, онѣ, какъ будто, не могли принадлежать такому туловищу.

Она была, впрочемъ, очень легка въ походкѣ и на сѣдлѣ; я самъ видѣлъ, какъ она изящно и благородно танцовала менуэтъ.

Она одѣвалась и причесывалась преимущественно въ торжественные дни очень своеобразно, что̀, дѣйствительно, увеличивало какъ бы волшебное впечатлѣніе, которое она производила среди своего двора своею внѣшностью и своимъ обращеніемъ.

Она являлась всего привлекательнѣе, когда она смотрѣла прямо на васъ, профиль ей былъ меньше къ лицу; при взглядѣ на нее сбоку чрезвычайно выступала выпуклость ея лба и груди.

При ея воцареніи, человѣкомъ, къ которому она болѣе другихъ была привязана, былъ пѣвчій ея капеллы, малороссъ по происхожденію. Уѣзжая въ казармы передъ переворотомъ, вслѣдствіе котораго она сдѣлалась императрицей, она, какъ говорятъ, заперла своего любовника на ключъ, чтобъ онъ не раздѣлялъ съ нею опасности. Будучи императрицей, она его осыпала орденами, назначила его фельдмаршаломъ, сочеталась съ нимъ тайнымъ бракомъ, и хотя она впослѣдствіи ему много разъ измѣняла, но, однако, держала его съ почестью и постоянно при себѣ. Онъ назывался графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ [1]).

Широкоплечій, тяжеловѣсный, Алексѣй Разумовскій обладалъ красивой наружностью; на его внѣшности отражалась его душа, мягкая, тихая, лѣнивая до безконечности, но не лишенная смекалки.

Его не разъ предупреждали насчетъ новой возраждавшейся привязанности императрицы. Его отвѣтъ (когда онъ его произносилъ) былъ обыкновенно таковъ: „дайте ей развлечься"; а когда ему передавали о невѣрности другихъ любимцевъ госуда-

---

[1]) Графъ А. Г. Разумовскій (1709—1771).

рыни, онъ иногда показывалъ видъ, что слыхалъ о томъ уже давно.

Но Разумовскій никогда зла никому не сдѣлалъ. Разъ только онъ пришелъ въ такую ярость, что схватился въ передней государыни за охотничій ножъ, чтобъ имъ проколоть дежурнаго камергера, графа Петра Шувалова [1]), такъ какъ ему показалось, что онъ вздумалъ занимать его передъ дверью въ то время какъ, по его догадкамъ, государыня находилась вдвоемъ съ извѣстнымъ графомъ Панинымъ, который впослѣдствіи былъ первымъ министромъ имперіи. Петръ Шуваловъ скрылся, Разумовскій засунулъ ножъ въ ножны и на глазахъ всѣхъ придворныхъ, которые подумали, что онъ потерянный человѣкъ, спокойно ушелъ въ свою комнату. Изъ нея онъ не вышелъ, не желая обращаться къ государынѣ, несмотря на всѣ настоянія своихъ друзей. Два дня спустя, Елисавета сама пришла въ его комнату, таща за собою за чубъ того же Петра Шувалова и принуждая его на колѣняхъ просить прощенія у Разумовскаго, который сказалъ ему тогда: „я тебѣ прощаю, какъ Іисусъ Христосъ простилъ своимъ врагамъ!“ и миръ былъ возстановленъ въ императорскомъ дворцѣ.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны при ея дворѣ было столько же любовныхъ похожденій, сколько совершено церковныхъ требъ; она постилась и заставляла строго поститься. Что же касается Панина [2]), то онъ разъ заснулъ у двери бани, вмѣсто чтобъ въ нее войти, какъ того ожидала Елисавета Петровна; она послѣ купанія приказала, чтобъ его не будили, но передали ему, когда онъ проснется, что онъ назначается посланникомъ въ Швецію, и онъ тамъ оставался четырнадцать лѣтъ, до той поры, пока не былъ объявленъ наставникомъ великаго князя Павла Петровича.

Младшій братъ графа Алексѣя Разумовскаго [3]) былъ вызванъ изъ Украины, чтобъ воспользоваться положеніемъ старшаго брата. Это былъ красивый, сильный восемнадцатилѣтній юноша.

Начали его обучать грамотѣ, а такъ какъ онъ не уступалъ брату въ наклонности къ лѣни, то онъ ложился въ саду на брюхо и читалъ склады.

---

[1]) Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ (1711 — 1762), генералъ-фельдцейхмейстеръ, потомъ — генералъ-фельдмаршалъ, жен. 1) на Марьѣ Егоровнѣ Шепелевой, на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Одоевской.

[2]) Никита Ивановичъ Панинъ (1718—1783), извѣстный дипломатъ.

[3]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (1728—1803), послѣдній гетманъ россійскій.

Когда онъ немного научился писать, его отправили въ Берлинъ, гдѣ его наставникъ, Тепловъ по имени, схватилъ болѣзнь, отъ которой онъ долженъ былъ предохранить своего питомца.

Послѣдній сдѣлался масономъ, къ великой досадѣ правовѣрныхъ Россіи; по докладѣ о томъ императрицѣ, она велѣла ему вернуться въ имперію въ тотъ моментъ, когда онъ собирался уѣзжать во Францію. Ему было достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Берлинѣ, чтобъ изучить французскій языкъ гораздо лучше, чѣмъ бо̀льшая часть его соотечественниковъ, и чтобы запомнить тысячу французскихъ и итальянскихъ пѣсенъ, которыя онъ, обладая прекраснымъ голосомъ и веселымъ духомъ, превосходно исполнялъ въ теченіе всей своей жизни.

Его сдѣлали гетманомъ съ рангомъ фельдмаршала, командиромъ гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, президентомъ Академіи.

Онъ самъ смѣялся надъ послѣднимъ своимъ назначеніемъ, а когда императрица ему предложила принять начальство надъ всѣми ея войсками въ войнѣ противъ прусскаго короля, онъ спросилъ ее, неужели рѣшилась она погубить все свое войско.

Оригинальный, жизнерадостный, смѣшной до невѣроятности, смахивавшій на слона, росту котораго онъ почти достигалъ и на котораго онъ походилъ своей силою и своей неповоротливостью, графъ Кириллъ Разумовскій очень былъ привязанъ къ нынѣшней императрицѣ Екатеринѣ II, несмотря на то, что онъ осмѣлился съ большимъ рискомъ для самого себя оказать ей сопротивленіе въ одномъ очень щекотливомъ случаѣ, потому что онъ считалъ честь имперіи задѣтой.

Изъ всѣхъ русскихъ я болѣе другихъ сблизился съ нимъ и питаю къ нему наиболѣе дружескія чувства, хотя онъ былъ флегматикомъ, но все-таки онъ не былъ столь равнодушенъ, какъ его братъ, по отношенію къ милостямъ, которыми пользовался во время моего пребыванія въ Россіи Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, двоюродный братъ вышеназваннаго Петра Ивановича, произведенный изъ пажей въ камергеры и прозванный Бестужевымъ M-r Pompadour [1].

Бестужевъ вздумалъ посовѣтовать императрицѣ Елисаветѣ открыто объявить о вступленіи ея въ законный бракъ съ Разумовскимъ, чтобъ утвердить престолъ за ея потомствомъ. Онъ въ

[1]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (1727—1797) камергеръ и кураторъ московскаго университета.

томъ преслѣдовалъ двойную цѣль—обезпечить за собою благодарность сильнаго Разумовскаго и устранить отъ престола Петра голштинскаго принца, личныя качества котораго не предвѣщали никакого счастья имперіи и коего происхожденіе отъ старшей дочери Петра I могло породить новые перевороты. Но императрица не вняла смѣлому совѣту Бестужева или за недостаткомъ рѣшимости, или по чувству справедливости, полагая, что престолъ по праву принадлежалъ ея племяннику. Но ея опасеніе, что онъ вступитъ на престолъ при ея жизни, было, вѣроятно, причиною того дурного воспитанія, которое она ему дала, того дурного общества, которымъ она его окружила, и того недовѣрія, которое всегда замѣчалось въ ней противъ него, несмотря на презрѣніе, съ которымъ она относилась къ нему. Хотя его бабка была сестрою Карла XII, а мать—дочерью Петра Великаго, природа создала его трусомъ, обжорой и личностью во всемъ столь смѣшною, что нельзя было, при его видѣ, не сказать себѣ: „Вотъ подлинный шутъ гороховый“ (arlechino finto principe).

Какъ надо думать, его кормилица и первые наставники въ его собственномъ отечествѣ были пруссаками или преданы прусскому королю, такъ какъ онъ съ дѣтства возымѣлъ такое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое смѣшное чувство благоговѣнія и нѣжности къ этому государю, что самъ прусскій король говорилъ про эту страсть (и въ дѣйствительности это была страсть): „Я—его Дульцинея; онъ никогда меня не видалъ, и онъ въ меня влюбился, какъ Донъ-Кихотъ“.

Ему было двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, когда Елисавета вызвала его въ Россію; она его обратила въ православіе и объявила своимъ наслѣдникомъ.

Онъ, однако, сохранялъ всегда большую склонность къ лютеранству, въ которомъ родился; онъ всегда преувеличивалъ значеніе своихъ голштинскихъ владѣній, и онъ былъ убѣжденъ, что войска, которыми онъ въ нихъ располагалъ и во главѣ которыхъ онъ сражался, я не знаю сколько разъ, были первыми въ мірѣ послѣ прусскихъ и стояли несравненно выше русскихъ войскъ. Онъ однажды сказалъ графу Эстергази, послу вѣнскаго двора при Елисаветѣ Петровнѣ: „Съ какой стати вы ждете успѣха противъ прусскаго короля, когда нельзя сравнить ваши войска даже съ моими, а я самъ долженъ сознаться, что они уступаютъ въ качествахъ войскамъ прусскаго короля“.

Онъ мнѣ сказалъ также при одномъ изъ тѣхъ задушевныхъ изліяній, которыми онъ удостоивалъ меня довольно часто: „По-

смотрите, какъ я несчастливъ: я долженъ былъ вступить на службу короля прусскаго; я бы ему служилъ со всѣмъ рвеніемъ по мѣрѣ моихъ способностей; думается, я не ошибусь, если скажу, что теперь я бы уже командовалъ полкомъ въ чинѣ генералъ-маіора и, можетъ быть, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; а случилось совсѣмъ не то, и вотъ меня привезли сюда, сдѣлали меня великимъ княземъ этой проклятой страны". Онъ продолжалъ болтать, браня русскій народъ самыми площадными словами, которыя были ему привычны, но иногда выражаясь въ самомъ дѣлѣ очень смѣшно, такъ какъ онъ не былъ лишенъ извѣстнаго рода остроумія. Онъ былъ не глупъ, но не въ своемъ разумѣ; а такъ какъ онъ любилъ выпить, то этимъ еще онъ способствовалъ разстройству своихъ умственныхъ способностей, уже безъ того тронутыхъ; къ тому же онъ обыкновенно курилъ. Фигура его была чрезвычайно тощая и тщедушная; одѣвался онъ большей частью въ голштинскій мундиръ, иногда же въ городское платье, но всегда такъ смѣшно и такъ безвкусно, что имѣлъ видъ какого-то пугала или наряженнаго шута итальянской комедіи.

Вотъ какого себѣ законнаго наслѣдника избрала Елисавета. Онъ обыкновенно служилъ посмѣшищемъ для своихъ будущихъ подданныхъ, которые иногда дѣлали на его счетъ самыя плачевныя предсказанія.

Для своей супруги онъ былъ постояннымъ горемъ, такъ какъ ей всегда приходилось или терпѣть отъ него, или же за него краснѣть; онъ вѣчно путалъ въ своемъ воображеніи разсказы о покойномъ королѣ Пруссіи, дѣдѣ теперешняго, котораго англійскій король Георгъ II, его шуринъ, прозвалъ королемъ-капраломъ, смѣшивая ихъ съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ себѣ составилъ о теперешнемъ королѣ Пруссіи [1]).

Поэтому онъ воображалъ, что вредило послѣднему, когда говорили, что онъ предпочиталъ книги трубкѣ, а въ особенности когда утверждали, что онъ сочинялъ стихи; а такъ какъ великая княгиня, какъ многіе другіе, не могла переносить запахъ куренія и много читала, то это составляло первое его неудовольствіе противъ нея; во-вторыхъ же, онъ негодовалъ на нее за то, что она въ ту пору не стояла за прусскую систему, будучи убѣждена въ томъ, что канцлеръ Бестужевъ лучше дру-

[1]) Фридрихъ I (1657—1713), жена его Софія Шарлота Ганноверская; его сынъ Фридрихъ-Вильгельмъ I (1713—1740), прозванный королемъ-Капраломъ; его жена Софія-Доротея Ганноверская, его сынъ Фридрихъ II Великій 1740—1786; сестра его была замужемъ за королемъ шведскимъ Адольфомъ.

гихъ понималъ настоящія выгоды Россіи. Въ особенности она не могла раздѣлять преклоненіе своего супруга передъ прусскимъ королемъ, а также его вздорныя сужденія о могуществѣ Голштиніи.

Ему поэтому казалось, что Екатерина склонялась къ мысли Бестужева, который полагалъ, что великій князь долженъ былъ совершенно отдѣлаться отъ Голштинскаго герцогства. Канцлеръ опасался, чтобъ оно не сдѣлалось Ганноверомъ Россіи, какъ онъ говорилъ, намекая на чрезмѣрное предпочтеніе, которое приписывалось Георгу II, интересовъ Ганноверскаго курфюрстерства выгодамъ Великобританскаго королевства.

Я былъ далекъ отъ того, чтобъ быть приверженцемъ Пруссіи, но, говоря по нѣмецки, я подчинялся разговорному языку великаго князя, и настолько успѣлъ ему понравиться, что получилъ отъ него приглашеніе провести два дня на его дачѣ въ Ораніенбаумѣ вмѣстѣ съ однимъ шведомъ, графомъ Горномъ, который въ 1756 году пріѣхалъ въ Россію.

Онъ принадлежалъ къ партіи колпаковъ, только подвергнувшейся большому испытанію вслѣдствіе открытія заговора, главой котораго былъ графъ Браге. Его намѣренія были обнаружены, и онъ погибъ на плахѣ. Горнъ скоро убѣдился, что, несмотря на выраженное ему сочувствіе за обезглавленныхъ его соотечественниковъ, несмотря на сдѣланный ему лично благосклонный пріемъ, русскій дворъ не окажетъ никакой существенной поддержки его партіи, предводительствуемой самимъ королемъ Адольфомъ [1]), котораго не любили въ С.-Петербургѣ, хотя онъ приходился родственникомъ великому князю; полагали, что онъ зависѣлъ отъ своей супруги, сестры короля прусскаго, признанной женщиною легкомысленною до крайности. Впрочемъ, русская политика, руководствуясь предположеніемъ, что тѣмъ менѣе Швеція всегда будетъ страшна своимъ сосѣдямъ, чѣмъ болѣе ея король будетъ ограниченъ въ своихъ правахъ, устраняла естественно все то, что̀ служило препятствіемъ къ увеличенію королевской власти въ Швеціи [2]).

Въ Россіи предвидѣли, что рано или поздно шведскій дворъ, который держался русской партіи, названной партіею „колпаковъ",

[1]) Адольфъ-Фридрихъ (1710—1714) былъ дядя великаго князя Петра Ѳедоровича.

[2]) Это мѣсто изложено Понятовскимъ такъ неясно, что приводится французскій кстъ:

1) D'ailleurs la politique russe en supposant que la Suède serait toujours d'autant ins redoutable à ses voisins que son roi serait plus circonscrit, éloignait naturellent tout ce qui empêchait l'augmentation du pouvoir royal en Suède.

перейдетъ къ французской, которую называли партіею шляпъ, отъ которой онъ тогда сторонился изъ-за незначительныхъ личныхъ особенностей королевы.

Въ виду той почти дѣтской зависимости, въ которой Елисавета держала своего племянника, было необходимо особое разрѣшеніе, которое онъ долженъ былъ испросить на пріѣздъ мой и Горна въ Ораніенбаумъ. Чѣмъ болѣе меня радовало двухдневное пребываніе въ Ораніенбаумѣ, тѣмъ бдительнѣе я подвергался, какъ это очевидно, надзору со стороны шпіоновъ, которыхъ императрица держала вокругъ великокняжеской четы. Мнѣ никогда не былъ столь облегченъ доступъ къ великой княгинѣ и не приходилось наслаждаться въ обществѣ прелестями ея разговора. Онъ между прочимъ коснулся записокъ „de la grande mademoiselle“ [1]) и приложенныхъ къ нимъ портретовъ, ею сдѣланныхъ; мнѣ пришло въ голову написать свой, который великая княгиня пожелала имѣть. Я его привожу здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ его написалъ въ 1756 году. По прочтеніи написаннаго, я въ 1760 году прибавилъ еще нѣсколько строкъ, которыя значатся подъ этимъ годомъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этихъ записокъ я передамъ читателю, съ полною искренностью и насколько дозволено человѣку познать самого себя, тѣ измѣненія, которыя произошли въ этомъ изображеніи подъ вліяніемъ годовъ и обстоятельствъ.

Подъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ тамъ описаній, я захотѣлъ начертить свое изображеніе.

Я былъ бы доволенъ своею наружностью, еслибы мой ростъ былъ выше на одинъ дюймъ, нога была лучше сложена, носъ не столь походилъ на орлиный, бедра были поуже, зрѣніе лучше и зубы болѣе виднѣлись!

Это не значитъ, что при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ я счелъ бы себя верхомъ красоты, но я не желалъ бо̀льшаго, такъ какъ я находилъ свою наружность благородною и очень выразительною при достоинствѣ въ обращеніи и во всей моей осанкѣ, каковыми качествами я отличался настолько, что привлекалъ повсюду вниманіе. Отъ моей близорукости у меня бываетъ часто видъ немного смущенный и мрачный; но такое состояніе длится недолго, и коль скоро этотъ моментъ проходитъ, меня могутъ уличить въ томъ, что я принимаю слишкомъ гордый видъ. Вслѣдствіе отличнаго воспитанія, полученнаго мною, мнѣ удается скры-

---

[1]) Герцогиня Монпансье (1627—1693), дочь Гастона Орлеанскаго, брата короля Франціи, Людовика XIII.

вать недостатки моей фигуры и моего ума и извлекать выгоду изъ того и другого въ степени, превышающей ихъ дѣйствительное достоинство. У меня достаточно ума, чтобы никогда не уклоняться отъ участія въ какомъ бы то ни было разговорѣ, но у меня его не хватаетъ, чтобъ исключительно ему способствовать частымъ или продолжительнымъ участіемъ въ немъ, развѣ я увлекусь чувствомъ или вкусомъ, которымъ природа меня богато одарила ко всему, что относится до искусства. Я быстро схватываю смѣшную и фальшивую сторону во всемъ, а также странности людей, и часто я имъ давалъ ихъ чувствовать съ слишкомъ большою поспѣшностью. Я ненавижу дурную компанію изъ отвращенія. Основательная лѣнь не позволила мнѣ настолько развить мои способности и мои познанія, насколько я бы могъ. Я работаю какъ бы по вдохновенію; я дѣлаю много сразу или ничего не дѣлаю. Я не легко довѣряюсь, и поэтому кажется, что у меня больше смысла, чѣмъ я имъ въ дѣйствительности одаренъ. Что же касается веденія самыхъ дѣлъ, то обыкновенно я допускаю въ немъ слишкомъ много откровенности и поспѣшности, вслѣдствіе чего я часто совершаю промахи. Я могу вѣрно судить о дѣлѣ, сперва найду ошибки въ проектѣ или оплошность того, который его исполняетъ; но мнѣ необходимъ еще совѣтникъ, мнѣ нужна узда, которая меня бы удержала отъ совершенія такихъ же ошибокъ. У меня болѣе развита чувствительность къ печали, чѣмъ къ радости, и печаль бы овладѣла мною, если бы я не таилъ въ глубинѣ души предчувствіе великаго счастья, ожидавшаго меня въ будущемъ.

Родившись съ огромнымъ и пламеннымъ честолюбіемъ, я во всѣхъ моихъ предначертаніяхъ въ теченіе всей моей жизни руководствовался мыслями о преобразованіи, о славѣ и пользѣ моего отечества. Я считалъ себя вовсе не созданнымъ для женщинъ; я приписывалъ первые опыты мои съ ними лишь нѣкоторымъ особымъ условіямъ приличія. Наконецъ, я испыталъ и нѣжныя чувства, и я люблю такъ страстно, что въ случаѣ какого-либо переворота въ моей любви я сдѣлался бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ и впалъ бы въ полное отчаяніе. Обязанности дружбы для меня священны, и я ихъ строго исполняю. Если мой другъ несправедливъ ко мнѣ, я прилагаю всѣ свои старанія къ тому, чтобъ избѣгнуть разрыва съ нимъ, и долго послѣ полученной обиды я помню, чѣмъ я ему обязанъ.

Я считаю себя очень вѣрнымъ другомъ; правда, что я близокъ лишь съ немногими. Я очень благодаренъ за всякое добро, которое мнѣ дѣлаютъ. Хотя я легко распознаю недостатки сво-

его ближняго, я очень склоненъ ихъ извинять, разсуждая часто такъ: сколь бы ни считалъ ты себя добродѣтельнымъ, всмотрись въ себя безпристрастно, и ты найдешь въ себѣ очень низкіе зачатки, граничащіе съ самыми гнусными преступленіями. Если тщательно не уберечься, этимъ зачаткамъ понадобилось бы, можетъ быть, лишь сильное искушеніе для того, чтобъ осуществиться во внѣшнемъ мірѣ. Я люблю давать, ненавижу скаредность, но зато не умѣю управлять тѣмъ, что̀ имѣю.

Я не столь ревниво храню свои собственные секреты, сколько чужіе, относительно которыхъ я очень добросовѣстенъ. Я очень милосерденъ; мнѣ такъ пріятно быть любимымъ и хвалимымъ, что мое тщеславіе развилось бы до невѣроятія, если бы я не былъ принужденъ сдерживаться въ извѣстныхъ границахъ, боясь быть смѣшнымъ и нарушить свѣтское приличіе. Впрочемъ я не лгу изъ принципа, а также изъ естественнаго отвращенія ко лжи. Меня нельзя назвать благочестивымъ. Я былъ бы, пожалуй, далекъ отъ благочестія, но, смѣю сказать, я люблю Бога и очень часто обращаюсь къ Нему; и я льщу себя мыслью, что Онъ охотно намъ дѣлаетъ добро, когда мы Его о томъ просимъ. Я имѣю еще счастье любить моего отца и мою мать столько же по привязанности, сколько по своему долгу. Я бы не могъ никакъ довести до конца какой-либо планъ, внушенный первымъ движеніемъ подъ вліяніемъ желанія отомстить за обиду; жалость, я думаю, взяла бы верхъ. Очень часто прощаютъ столько же изъ-за какой-то лѣнивой слабости, сколько изъ чувства благородства, и я боюсь, что по этой причинѣ многія изъ моихъ намѣреній останутся когда-нибудь неисполненными. Я охотно обдумываю, и у меня есть достаточно воображенія, чтобы придти къ извѣстному убѣжденію безъ посторонней помощи и безъ книгъ, особенно съ той поры, какъ я люблю.—1756. Я долженъ теперв прибавить, что я долго желаю того же самаго; кромѣ того, я замѣтилъ, вглядываясь въ себя, что, проживъ три года среди людей отвратительныхъ и отъ которыхъ я страшно вытерпѣлъ, я сталъ меньше ненавидѣть; происходитъ ли это отъ того, что истощился во мнѣ запасъ ненависти, или потому, что мнѣ всегда кажется, что я былъ свидѣтелемъ худшаго? Я не знаю. Если когда-нибудь буду счастливъ, я бы хотѣлъ, чтобы всѣмъ было тогда хорошо, для того, чтобы никто не сожалѣлъ о моемъ счастьѣ.—1760.

Что же касается моей наружности, то, какъ мнѣ кажется, самый похожій мой портретъ былъ написанъ Баччіарелли въ

коронаціонномъ одѣяніи и находится въ такъ называемой мраморной комнатѣ варшавскаго дворца [1]).

Мое пребываніе въ Ораніенбаумѣ послужило также къ увеличенію сношеній великой княгини съ кавалеромъ Уилльямсомъ, что̀ въ связи съ доказательствами дружбы и съ вспомоществованіемъ, которое англійскій король тогда назначилъ этой принцессѣ, вѣроятно не мало способствовало предпочтенію, которое, какъ будто, она питала довольно постоянно съ того времени къ Англіи. Оно отразилось много на Франціи. Несмотря на глубокое впечатлѣніе, произведенное на Екатерину исторіею Людовика XIV, что̀ мнѣ пришлось наблюдать много разъ, такъ что я думаю не ошибаться, если скажу, что своего рода соревнованіе и соперничество со славою Людовика XIV, захватившія душу Екатерины II, были истинною причиною личныхъ ея дѣйствій и предначертаній.

Въ чемъ она, въ самой меньшей мѣрѣ, походила на Людовика XIV, это въ любви къ чтенію, которая въ королѣ совершенно отсутствовала. Къ моему удовольствію я первый далъ прочесть великой княгинѣ сочиненіе Вольтера „La pucelle d'Orléans“.

Кавалеръ Уилльямсъ часто слышалъ, какъ говорили о немъ съ восторгомъ люди, которые видѣли это произведеніе въ рукописи. Въ теченіе долгихъ лѣтъ оно оставалось скрытымъ по причинѣ страшныхъ угрозъ, которыя кардиналъ Флери произнесъ противъ автора, если только его произведеніе выйдетъ изъ печати.

Страхъ передъ этими угрозами, словно удерживавшими Вольтера еще тринадцать или четырнадцать лѣтъ послѣ смерти кардинала, уступилъ мѣсто отеческой нѣжности, которая предоставила въ это время свободу этому любимому дѣтищу. Я его получилъ въ письмѣ отца въ то время, когда мы печально кончали обѣдать вдвоемъ съ Уилльямсомъ, который еще не могъ утѣшиться отъ только-что случившагося тогда взятія крѣпости Магона маршаломъ Ришельё [2]). Я ему заявилъ о полученіи „Орлеанской дѣвы“ какъ о побѣдѣ; онъ вскрикнулъ отъ радости; я началъ чтеніе; очарованіе было таково, что я его прекратилъ только послѣ того, какъ вся книга была прочтена въ 9 часовъ вечера —, одинъ присѣстъ.

Такимъ образомъ, я забавлялъ, я утѣшалъ моего друга

[1]) Этотъ портретъ находится и теперь въ бывшемъ королевскомъ замкѣ (Château Varsovie)), въ квартирѣ генералъ-губернатора.

[2]) Крѣпость на Миноркѣ, одномъ изъ Балеарскихъ острововъ, занятая англичанами въ 1713 и взятая у нихъ французами въ 1756 г.

Уилльямса. Я ему оказывалъ услуги, какія могъ. Онъ меня обучилъ,—въ свою очередь я сталъ ему полезнымъ. Въ то время какъ онъ все болѣе замыкался подъ вліяніемъ недуговъ и другихъ обстоятельствъ, мои знакомства и мои связи расширялись съ каждымъ днемъ.

Я начиналъ порядочно говорить по-русски; до того времени очень немногіе изъ иностранцевъ и путешественниковъ принимались за этотъ трудъ.

Это послужило въ мою пользу; мнѣ открылись многіе дома, въ которые безъ того я бы не могъ войти. Впрочемъ, я воспользовался замѣчаніемъ, которое я тогда сдѣлалъ и справедливость котораго я имѣлъ случай часто провѣрять съ того времени. Великія тайны сказываются не прежде, какъ часы пробьютъ полночь. Кого я утромъ находилъ застегнутымъ до верха, тотъ, послѣ того какъ я имѣлъ возможность ухаживать за нимъ и ему угождать въ теченіе дня, забавляя его такъ, чтобъ онъ не замѣчалъ моего намѣренія подвергнуть его допросу,—самъ раскрывался къ вечеру, какъ іерихонскій цвѣтокъ; онъ распускался совершенно между часомъ и двумя утра, а къ разсвѣту онъ опять закрывался. Солнце и тайна другъ друга не терпятъ. Поэтому я отъ русскихъ гораздо болѣе узналъ зимою, чѣмъ во время ихъ лѣта, когда они шесть недѣль бываютъ безъ ночи. Тогда я могъ не спать, всегда такъ хорошо быть молодымъ и здоровымъ. Такимъ образомъ я могъ сообщать Уилльямсу многое, чего онъ вѣроятно бы не узналъ безъ меня. Я даже разъ успѣлъ ему съ пользою внушить мысль, которую ему было выгодно предложить совѣту императрицы. Предложивъ ее, онъ по доброй совѣсти счелъ себя за ея автора и приписалъ своему собственному умѣнію то, что̀ мнѣ удалось ему втолковать.

Я заболѣлъ вѣтряной оспой среди этихъ работъ. Для Уилльямса это было немалымъ зломъ. Не только онъ лишался моего сотрудничества, но при малѣйшемъ подозрѣніи о вѣтряной оспѣ жители дома, въ которомъ она открылась, не имѣли доступа ко двору въ теченіе сорока дней.

Замѣчательною чертою царствованія Екатерины II слѣдуетъ признать то, что она первая во всей своей имперіи рѣшилась привить себѣ оспу въ сорокалѣтнемъ возрастѣ; только послѣ этого дѣйствительно мужественнаго и патріотическаго испытанія она велѣла привить оспу своему сыну, и эта предохранительная мѣра стала всеобщею въ Россіи.

Елисавета была очень далека отъ мысли, чтобы считать эту мѣру возможной или дозволенной. Суевѣрные предразсудки еще

возставали также противъ этого метода леченія. Поэтому нужно было самыми разнообразными способами скрывать мою болѣзнь для того, чтобъ Уилльямсъ не былъ въ карантинѣ и сохранилъ сношенія необходимыя для своей службы.

Я скоро излечился, но не прежде какъ удостоился того посѣщенія, которое было для меня самымъ лестнымъ, но послѣдствій котораго я опасался такъ сильно, что оно состоялось въ самомъ дѣлѣ противъ моей воли.

Чѣмъ болѣе это посѣщеніе увеличило мою привязанность, тѣмъ горестнѣе показалась необходимость моего отъѣзда. Я не умѣлъ не повиноваться приказаніямъ моихъ родителей; они желали, чтобъ я былъ посломъ на сеймѣ сего года. Великая княгиня превозмогла себя, чтобъ дать свое согласіе, но съ той мыслью, чтобъ не только обезпечить мое возвращеніе, но чтобы мнѣ предоставить менѣе зависимое положеніе въ С.-Петербургѣ, а въ особенности такое, при которомъ я бы могъ подходить къ ней публично.

Я уже сказалъ выше, какъ Бестужевъ сдѣлался исполнителемъ этого желанія великой княгини. Чтобъ убѣдить меня въ его добросовѣстности, онъ прислалъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, Канцлера по фамиліи, съ письмомъ на имя графа Брюля [1]; когда я его прочелъ, Канцлеръ запечаталъ письмо у меня Бестужевскою печатью. Случилось такъ, что въ тотъ же день посолъ вѣнскаго двора, графъ Эстергази, пріѣхалъ съ визитомъ къ Уилльямсу и, посѣтивъ его, зашелъ также въ мою комнату. По неосторожности я не заперъ своей двери на ключъ; Эстергази засталъ Канцлера у меня. Это одно утвердило его въ существованіи нашихъ сношеній, которыя онъ подозрѣвалъ (какъ въ томъ онъ мнѣ признался потомъ, когда онъ сталъ моимъ другомъ).

Но тогда это послужило только къ распространенію въ публикѣ, а слѣдовательно и при дворѣ Елисаветы, свѣдѣній, которыя она уже имѣла на мой счетъ. Какъ бы тамъ ни говорили, но я выѣхалъ въ началѣ августа въ компаніи того же графа Горна, о которомъ я разсказывалъ выше. Я уже не помню, какія дѣла вынуждали его возвращаться въ Швецію черезъ Ригу.

Мы остановились вмѣстѣ въ одномъ и томъ же домѣ; когда я находился въ его комнатѣ на слѣдующій день послѣ пріѣзда, мнѣ пришли доложить, что какой-то офицеръ желалъ меня видѣть. Я приказалъ его впустить.

---

[1] Первый министръ короля Августа III.

Передо мной предсталъ маленькій человѣкъ тщедушной наружности, который держался очень униженно и протягивалъ въ рукѣ полуоткрытую коробочку; а въ ней блестѣли брилліанты [1]). Онъ пробормоталъ какое-то поздравленіе, которое я не могъ хорошенько разобрать до тѣхъ поръ, пока онъ мнѣ не передалъ письмо вице-канцлера графа Воронцова съ другимъ, отъ тогдашняго любимца Елисаветы, камергера Ивана Ивановича Шувалова. Этими письмами мнѣ сообщалось, что императрица меня удостаивала подаркомъ, который этому офицеру поручено мнѣ вручить. Я подробно отмѣчаю всѣ эти маловажныя обстоятельства, такъ какъ они достаточно показываютъ, что между ними не было ни одного, которое было способно вызвать во мнѣ тревогу и еще менѣе страхъ. Однако тѣ, которые старались мнѣ вредить

---

[1]) Изъ переписки Екатерины и Уилльямса видно, что подарокъ, полученный Понятовскимъ, имѣлъ стоимость въ 4.000 руб. (Answers, № 1, 31 іюля). Уилльямсъ, выражая свое удивленіе, по какому поводу былъ сдѣланъ Понятовскому столь необычный подарокъ, дѣлаетъ слѣдующія догадки: Понятовскій очень щедро наградилъ секретаря канцеляріи, который ему доставилъ письма великаго канцлера, и другого, который ему принесъ письмо Елисаветы къ Августу III. Первому онъ далъ очень красивые золотые часы, а другому еще лучшій подарокъ. „А такъ какъ при вашемъ дворѣ—пишетъ Уилльямсъ Екатеринѣ (Answers, № 2, 3 августа),—все извѣстно, то не могла ли Е. В., пораженная его щедростью, пожелать его перещеголять. Вы, можетъ быть, найдете эту мысль странною. Знайте же, что лицу, которое послали къ нему съ табакеркою въ Ригу, онъ, получивъ ее, подарилъ зототые часы и 100 червонцевъ. Я воображаю, какъ эта черта вамъ понравится, такъ какъ благородная душа сочувствуетъ щедрому сердцу". Въ отвѣтъ Екатерина пишетъ (Letters, № 3, 12 августа), что вице-канцлеръ Воронцовъ, по ея убѣжденію, придумалъ этотъ подарокъ, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, такъ какъ онъ вѣроятно узналъ отъ своего брата, камергера Романа Воронцова, объ ея связи съ Понятовскимъ. Уилльямсъ на это замѣчаетъ, что Романъ Воронцовъ казался всегда ему подозрительнымъ и что, по его настоянію, Понятовскій отказался отъ мысли довѣрить ихъ общую тайну Роману Воронцову. Уилльямсъ очень радъ, что Понятовскій послушался его. Онъ, Уилльямсъ, никогда бы не принялъ и канцлера въ сообщники, но онъ былъ нуженъ въ виду отъѣзда графа, а главнымъ образомъ для его возвращенія (Answers, № 16, 23 августа). Въ слѣдующемъ письмѣ (Answers, № 17, 28 августа), Уилльямсъ разсказываетъ, что канцлеръ Бестужевъ ему передалъ, будто бы графъ Понятовскій былъ страшно испуганъ, когда ему сказали въ Ригѣ, что его ищетъ офицеръ, и успокоился только при видѣ табакерки. „Вотъ—замѣчаетъ Уилльямсъ—донесеніе мошенника, который получилъ золотые часы и 100 червонцевъ. При передачѣ императрицѣ этой исторіи она недоумѣвала, какая могла быть причина испуга графа Понятовскаго". Выслушавъ этотъ разсказъ графа Бестужева, Уилльямсъ ему замѣтилъ, что хотя онъ посолъ, но еслибы при его отъѣздѣ изъ Россіи за нимъ былъ посланъ офицеръ отъ имени императрицы, то онъ могъ струсить при видѣ его, такъ какъ исторія съ де-Ла-Шетарди была въ памяти у всѣхъ. На это Бестужевъ сказалъ, что великая княгиня должна быть о томъ увѣдомлена, и просилъ Уилльямса разсказать ей это происшествіе, умолчавъ о томъ, что это дѣло было передано ему самимъ канцлеромъ.

въ глазахъ Елисаветы, убѣдили ее въ томъ, что̀ при видѣ этого русскаго офицера я проявилъ самый великій страхъ. Отсюда они вывели, что я имѣлъ причины чего-то бояться, что̀ заставило императрицу сказать на мой счетъ: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла". На эти два письма я отвѣтилъ, какъ слѣдовало, въ виду полученнаго мною отличія, столь необыкновеннаго въ отношеніи лицъ, не облеченныхъ публичною должностью. Я потомъ разстался съ моимъ другомъ Горномъ съ тѣмъ бо̀льшимъ сожалѣніемъ, что онъ, какъ казалось, подвергался многимъ случайностямъ въ виду того положенія, въ которомъ находились его отечество и его партія. Я впослѣдствіи имѣлъ удовольствіе узнать, что онъ избѣгъ всякой опасности.

Я направился въ ту часть Лифляндіи, которая была еще тогда польской. Я сперва отправился къ моему знакомому Борху [1]), тогда камергеру этого воеводства (бывшему впослѣдствіи великимъ канцлеромъ), въ его имѣніе Варкланы. Вмѣстѣ съ нимъ я поѣхалъ въ Дюнабургъ, гдѣ по закону собирались сеймики этого уѣзда; дворяне, здѣсь не столь многочисленные, но болѣе зажиточные и образованные, чѣмъ тѣ, которыхъ я видѣлъ на другихъ сеймикахъ, выразили свое удовольствіе въ виду того, что я лично явился просить объ избраніи меня въ послы отъ ихъ имени; этого уже давно не дѣлалъ никто изъ жителей королевства и рѣдко исполнялъ кто-либо изъ литовцевъ. Когда меня избрали въ послы безъ затрудненій, я поспѣшилъ выѣхать черезъ Вильно въ Варшаву"...

С. Горяиновъ.

---

[1]) Іоаннъ-Андрей Борхъ, воевода лифляндскій, великій канцлеръ королевскій † 1780 г.).

СВѢТЪ И ТѢНИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—5 гг.

Изъ писемъ къ женѣ д-ра Евг. С. Боткина.

I.—Въ пути.

18-ое февраля 1904 г.

Мы ѣдемъ весело и удобно. Всѣ ѣдутъ за однимъ дѣломъ; всѣ военные совершенно покойно настроены; нѣтъ никакого разговора о возможныхъ опасностяхъ, всѣ даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мѣрѣ приближенія къ Сибири, становится все теплѣе. На станціяхъ я выхожу иногда въ одной тужуркѣ, въ башлыкѣ и папахѣ. Сейчасъ здѣсь, въ Челябинскѣ, 9° мороза, воздухъ чудный, дорога прекрасная, солнце свѣтитъ, и лошадка летѣла стрѣлой. Интересно было посмотрѣть этотъ маленькій городокъ, въ которомъ однако все можно найти.

Преобладающее ощущеніе—будто со старой жизнью у меня все порвано, и я началъ новую; будто все, что было, осталось въ прошломъ, или было только сномъ,—что нѣтъ у меня ни семьи, ни „Общины", ни старыхъ друзей, и что предстоитъ что-то новое, невѣдомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрѣзанностью отъ васъ, отсутствіемъ всякихъ о васъ извѣстій—и несомнѣнно только временное; но не одинъ я испытываю его, а также и капитанъ К., оставившій жену и пять человѣкъ дѣтей, причемъ младшему годъ съ небольшимъ. Первые дни онъ очень грустилъ, особенно по утрамъ, а добрѣйшій капитанъ Л.,

холостякъ, помѣщающійся въ одномъ съ нимъ купэ, участливо спрашивалъ его:

— Чѣмъ бы мнѣ развлечь васъ, голубчикъ?

Генералъ Р. обѣдаетъ за нашимъ „красно-крестнымъ“ столомъ и ко всѣмъ намъ относится удивительно мило. Ложась раньше всѣхъ, онъ первый и встаетъ, и, зная, что предоставленные себѣ, мы рискуемъ проспать даже обѣдъ, будитъ насъ, предупреждая о большихъ станціяхъ.

— Докторъ, извольте приказать себѣ встать! — разбудилъ онъ сегодня меня:—черезъ полчаса Каинскъ, и мы стоимъ тамъ 35 минутъ.

Днемъ онъ сегодня надъ картой Маньчжуріи обсуждалъ различныя возможности нападенія японцевъ, и это было интересно. Къ намъ присоединился еще одинъ офицеръ, очень хорошо знающій китайцевъ и ихъ языкъ; сегодня я учился у него этому языку и съ интересомъ слушалъ его разсказы. „Ига, лянга, санга, сыга, уга, люга, чига, пага, дзюга, шига“ значитъ: 1,2,3... 10. Встрѣчаясь съ новымъ человѣкомъ, китаецъ спрашиваетъ его: „Какъ твое дорогое имя?“; потомъ, вмѣсто привѣта, спрашиваетъ: „Кушалъ ты или не кушалъ?“ Отвѣчаешь: „Кушалъ“, т.-е.: „ги фанъ ля“. Потомъ задаетъ вопросъ: „Сколько прекрасныхъ солнцъ и лунъ заключаетъ въ себѣ твоя семья?“, на что̀ полагается отвѣчать: „Грязныхъ поросятъ у меня столько-то“ (число дѣтей) и т. д. Чѣмъ возвышеннѣе и любезнѣе его вопросъ, тѣмъ униженнѣе долженъ быть отвѣтъ.

Въ Каинскѣ встрѣтили мы скорый поѣздъ, въ которомъ уѣзжали женщины и дѣти. На площадкѣ одного вагона мы увидали милаго мальчугана шести лѣтъ, съ которымъ разговорились.

— Какъ тебя зовутъ?

— Адя.

— Значитъ, Аркадій?

— Да нѣтъ, Адя!

— Да коротко что-то.

— Ну, Андрей Сергѣевичъ.

— А фамилія?

— Гонзинъ.

— Откуда ѣдешь?

— Изъ Портъ-Артура.

— Бомбардировку видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Не страшно было?

— Нѣ-ѣтъ.

— Даже забавно было?

— Да, забавно.

— Что же, ты проснулся отъ шума?

— Да нѣтъ, вѣдь они и утромъ продолжали.

— А близко упала бомба?

— Нѣтъ, онѣ падали въ старомъ городѣ, который на берегу, а мы жили въ новомъ, который подальше.

Славный мальчикъ Адя. Когда поѣздъ тронулся, онъ мнѣ ласково кивалъ съ платформы, и я еще разъ пожалъ его лапку. Видимо, и на взрослыхъ бомбардировка не произвела особаго впечатлѣнія.

Наше время все больше и больше рознится отъ вашего: вчера уже мы опередили васъ почти на три часа.

21-ое февраля 1904 г.

Сегодня ночью пріѣзжаемъ въ Иркутскъ, гдѣ я и опущу, вѣроятно, это письмо. Простоимъ тамъ, кажется, часовъ пять съ половиною, и въ этомъ чудномъ поѣздѣ къ 9 ч. утра будемъ подвезены къ Байкалу. Это огромное удобство, которое намъ выхлопоталъ милѣйшій Вас. Вас. Уфъ, начальникъ поѣзда, всю дорогу насъ всячески оберегавшій и опекавшій.

Третій день равнина смѣнилась умѣренными возвышенностями съ очень недурнымъ сосновымъ и, отчасти, березовымъ лѣсомъ, но мѣстные жители ничего этого не снимаютъ, увлекаясь своими зданіями. Въ настоящее время мы ѣдемъ по району богатыхъ угольныхъ залежей, здѣсь же—родина нефрита и графита. Знаменитый Alibert имѣлъ здѣсь большое дѣло и роскошный дворецъ, но однажды уѣхалъ—и болѣе, говорятъ, не возвращался. Что̀ съ нимъ сталось—здѣсь никто не знаетъ.

24-ое февраля 1904 г.

Только вчера телеграфировалъ тебѣ о переѣздѣ черезъ Байкалъ, такъ какъ въ Танхоѣ, куда привезли насъ, телеграфа нѣтъ, и мы ушли оттуда уже поздно, въ первомъ часу ночи. Самый переѣздъ былъ удивительно пріятенъ. Мы ѣхали въ большихъ кошевахъ по-двое, гдѣ обыкновенно ѣдутъ втроемъ, и было удобно до чрезвычайности. Я надѣлъ на рубашку шерстяную фуфайку, затѣмъ жилетъ, тужурку, лѣтнее пальто, башлыкъ на шею, папаху, доху, рукавицы, а на ноги—бурочные сапоги и валенки. Во всемъ этомъ я едва дышалъ — такъ было жарко. Погода мягкая, кругомъ по горизонту величественныя горы.

окружающія громадную площадь снѣга, прорѣзанную тутъ и тамъ вагонами; они идутъ по рельсамъ, но помощью саней, которыя везутъ двѣ лошади. Нужно признаться, что везутъ онѣ очень тихо, и никто, какъ будто, за ними не наблюдаетъ. Нашего кучера, бурята, пятнадцатилѣтняго Ивана, подгонять не приходилось и, несмотря на чахлость своихъ трехъ лошадокъ, онъ совсѣмъ незамѣтно промчалъ насъ до станціи „Середина", стоящей на 25-ой верстѣ по серединѣ озера. Дорогой я сладко дремалъ, и когда открывалъ глаза, мнѣ казалось, что я вижу чудную сѣверную сказку. Станція Середина—большой деревянный баракъ, снутри обитый войлокомъ и отлично отопленный. По стѣнамъ стоятъ длинные столы и скамейки. Закуска предлагается даромъ.

Здѣсь мы встрѣтили рядъ обитателей Владивостока, покинувшихъ его еще до бомбардировки. Между прочимъ, ѣхали двѣ сестры, съ одной изъ которыхъ было семь человѣкъ дѣтей; старшій гимназистъ, а младшему—три недѣли, и мать сама его кормитъ. Мало того, они везутъ еще съ собой четырехмѣсячнаго щеночка, который еще меньше, чѣмъ самый младшій членъ, семьи. Ѣдутъ они очень благополучно. Такія семьи разсаживаются въ кошевахъ иначе, чѣмъ мы, не на сидѣнье, а прямо на дно ея, такъ что за ея высокой спинкой онѣ должны быть очень хорошо защищены отъ вѣтра.

Оставшіяся двадцать-двѣ версты пролетѣли еще незамѣтнѣе; мы обгоняли войска, не иззябшія, а шедшія бодро и весело. Ближе къ берегу, къ пристани Танхой, мы стали встрѣчать обозы Краснаго Креста, сперва Евгеніевской Общины, а потомъ и нашей, Георгіевской.

Слѣдующіе два дня, какъ я уже писалъ, прошли значительно вялѣе, но о голодѣ, все-таки, и рѣчи быть не могло, такъ какъ каждый день были станціи съ недурными буфетами для завтраковъ и обѣдовъ. Поѣздъ стоялъ всегда достаточно, чтобы всѣ могли насытиться, и цѣны совсѣмъ обычныя, но каждую порцію приходилось добывать съ боя, съ постояннымъ рискомъ или облить кого-нибудь щами, или самому быть облитымъ. „Услужающіе" проявляли чудеса своего искусства: только-что ты уберегся отъ фазана, который пронесли надъ твоей го-овой, ты чувствуешь, что кто-то толкаетъ тебя въ ноги, и за-ѣчаешь, что между ними мальчишка проноситъ тарелку супа. егодня утромъ пріѣхали мы въ Маньчжурію.

II.—Въ Харбинѣ.

1 марта 1904 г.

Итакъ, съ неимовѣрной быстротой мы долетѣли вчера до Харбина. Осталось самое свѣтлое воспоминаніе обо всемъ путешествіи и обо всѣхъ спутникахъ.

Въ Харбинъ мы пріѣхали—какъ къ себѣ домой. На вокзалѣ насъ встрѣтили знакомые врачи и студенты. Александровскаго и меня повезъ къ себѣ докторъ Ф. А. Ясенскій, старый пріятель Александровскаго. Мы сразу попали въ уютную, теплую, благоустроенную квартирку стараго холостяка и очень милаго и гостепріимнаго человѣка. Поболтавъ до трехъ часовъ утра за кипящимъ самоваромъ, я улегся въ кабинетѣ, который уступилъ мнѣ любезный хозяинъ.

Утромъ всей компаніей Краснаго Креста ѣздили смотрѣть дома, намѣченные для нашего управленія и „сестеръ", и затѣмъ всѣ поѣхали съ визитами къ здѣшнимъ властямъ; я же, не имѣя еще мундира, отщепился, когда ѣхали мимо хорошаго парикмахера-француза. У него отличное atelier съ громаднымъ трюмо на пять креселъ, выписаннымъ изъ Парижа, въ самомъ современномъ стилѣ. И это гдѣ же?—въ Харбинѣ! Пока я стригся, пришли два призванные изъ запаса, косматые и грязные, и пока одного стригли, другой его подзадоривалъ и говорилъ:

— Остригите его машинкой! обрѣйте ему усы!

— Валяй, брѣй мнѣ усы!

— Не надо,—говоритъ французъ.

— Прошу тебя, брѣй,—трудно что-ли?

И вышелъ онъ актеръ-актеромъ.

6-го марта 1904 г.

Сегодня предсѣдательница мѣстнаго комитета Краснаго Креста, К. А. Хорватъ, устроила Красному Кресту дневной спектакль въ китайскомъ театрѣ Николая Ивановича Ти-фун-тая. Съ китайскимъ театромъ я познакомился вчера вечеромъ, побывавъ вмѣстѣ съ друзьями даже въ двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ. Это—большіе деревянные сараи съ партеромъ и ложами въ верхнемъ корридорѣ. Нижній составляетъ что-то вродѣ мѣстъ за колоннами. Мы получили лучшія мѣста въ одной изъ ложъ противъ сцены, и это стоило намъ по 60 коп.

Партеръ уставленъ маленькими четырехугольными столиками, за которыми сидятъ грязные и неблаговонные китайцы. На сто-

ликахъ, также какъ и на деревянныхъ перилахъ ложъ, стоятъ чашки, покрытыя блюдечками, съ насыпаннымъ уже чаемъ. Чай этотъ наливается кипяткомъ, долго не настаивается, остается мутнымъ и сильно пахнетъ пылью. Во все время представленія посѣтителей обносятъ сластями (за деньги) и между прочимъ обсахаренными китайскими (райскими) яблочками на тоненькихъ палочкахъ. Мы пробовали только ихъ и остались ими очень довольны. Китайцы все время ѣдятъ и пьютъ; по временамъ въ партерѣ поднимается паръ—это принесли темно-сѣрыя, повидимому, до крайности грязныя, смоченныя въ кипяткѣ салфетки, которыя и раздаются публикѣ. Китаецъ обтираетъ себѣ салфеткой руки, потомъ губы, потомъ лицо и иногда перекидываетъ салфетку другому. Затѣмъ салфетки отбираются, снова смачиваются и черезъ нѣкоторое время опять приносятся.

На сценѣ происходитъ совершенно непонятная кутерьма; люди входятъ и выходятъ всѣ въ красивыхъ китайскихъ костюмахъ и отчаянно выкрикиваютъ и вывизгиваютъ свои роли; актерамъ и актрисамъ, которымъ особенно много приходится кричать и визжать, подносятъ тоже время отъ времени чай. Лицедѣямъ приходится дѣйствительно сильно надрывать голосъ, такъ какъ они должны все время покрывать неустанно дѣйствующую музыку. Оркестръ въ этихъ театрахъ—несложный: одинъ играетъ на инструментѣ, подобномъ скрипкѣ, но съ одной струной; другой бьетъ, когда нужно, въ барабанъ, третій—въ тарелку и кастаньеты, четвертый—въ гонгъ, а пятый весь вечеръ неутомимо колотитъ двумя деревянными палочками по какой-то деревянной наковальнѣ. Вся эта какофонія не имѣетъ большею частью никакого мотива и, смотря по дѣйствію, то становится чуть-чуть потише, то бьетъ во всю. Изрѣдка раздается рожокъ или родъ флейты. Артисты кричатъ и визжатъ въ унисонъ съ оркестромъ, такъ что долго выдержать эту музыку совершенно невозможно. Китайцы же смотрятъ съ большимъ вниманіемъ цѣлыми часами подрядъ и иногда выражаютъ свое одобреніе громкимъ рыкомъ: „хау, хау", что значитъ—хорошо. Недурно выходятъ различныя декоративныя сцены и группы, да комики играютъ съ выразительностью, причемъ у нихъ носъ и окружность глазъ непремѣнно вымазаны бѣлымъ. Актрисы страшно нарумянены, даже ладони намазаны красными, а мужчины почти всѣ съ привязными бородами, покрывающими и ротъ. Но часто женщины играютъ мужскія роли, а юноши—женскія. Декорацій не было никакихъ, и все изображалось жестами: когда должна была выйти чудная китаянка, комикъ сдѣлалъ движеніе, будто

поднимаетъ ворота и потомъ опустилъ ихъ за нею; когда хотѣли изобразить, что поѣхали верхомъ, взяли какія-то палочки и помахивали ими; когда поплыли по водѣ, взяли весло и гребли по воздуху. Совсѣмъ—игры нашей дѣтворы. Иногда эта передача дѣйствія переходитъ въ большой реализмъ.

Сегодня мы всѣ сидѣли въ партерѣ за длинными столами; театръ былъ устланъ коврами. Тѣмъ не менѣе, и несмотря на пальто, ноги у насъ замерзли, я прозябъ и, будучи не въ состояніи выносить музыкальнаго шума, готовъ былъ уйти, — когда прислуживавшіе намъ китайскіе полицейскіе стали разставлять бокалы, рюмки, затѣмъ раскладывать вилки, наконецъ, ножи. У меня былъ аппетитъ, и я остался. На большихъ деревянныхъ подносахъ принесли закуску, уже разложенную на блюдечки. На каждомъ изъ нихъ лежало четыре сорта закуски, а всего ихъ было семь, причемъ все было нарѣзано маленькими кусочками: кромѣ омара (съ кислымъ и сильнымъ запахомъ), ветчины, курицы, какой-то копченой рыбы,—здѣсь была прессованная икра (очень вкусная), семилѣтнія куриныя яйца, консервированныя въ извести, съ темнозеленымъ слоистымъ желткомъ и темнокоричневымъ студенистымъ бѣлкомъ (тоже вкусныя), маринованный бамбукъ (недурно) и отвратительная морская капуста, какіе-то студенистые червячки. Когда было замѣчено, что закуски кончаютъ, принесли еще по блюдечку. Послѣ этого въ чашкахъ подали супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ; это оказался прекрасный куриный бульонъ, съ густой, какъ войлокъ, студенистой вермишелью, — это-то и были вываренныя ласточкины гнѣзда, — по мнѣ невкусныя, но Ш. и ихъ съѣлъ до тла и еще другую порцію взялъ у „сестры"; я тоже съ удовольствіемъ выпилъ бульонъ изъ чашки сосѣда, котораго чуть не стошнило при одной мысли, что это—ласточкины гнѣзда.

Послѣ этого, наши „сестры" поднялись, и всѣ стали расходиться. Все это угощенье было приготовлено здѣшнимъ китайскимъ генераломъ Джоманъ, который принималъ гостей вмѣстѣ со своей женой. Были и другія важныя китаянки, всѣ очень старательно причесанныя, съ цвѣтами и разными украшеніями въ волосахъ. Каждую изъ нихъ вводила въ залъ ея служанка, при пріѣздѣ ихъ обѣ двери открывались настежь, и генералъ звалъ свою жену, которая шла гостьямъ на встрѣчу.

Привѣтствуютъ китайцы другъ друга безъ большихъ церемоній, а складываютъ руки лодочкой и немного потряхиваютъ ими по воздуху; чѣмъ больше уваженія заслуживаетъ та, которую привѣтствуютъ, тѣмъ ниже опускаются руки; дѣвушки и дѣти

при этомъ еще присѣдаютъ и, чѣмъ онѣ моложе, тѣмъ ниже. Нѣкоторыя гостьи пришли съ совсѣмъ маленькими и очень миленькими, притомъ красиво одѣтыми китайчатами, съ которыми обращались съ большой нѣжностью. Уходя, я замѣтилъ, какъ одну изъ этихъ дѣтокъ кормили ласточкиными гнѣздами, „вправляя" ей въ ротъ, по мѣткому выраженію одной изъ „сестеръ", эту вермишель серебряной палочкой. Наканунѣ я видѣлъ, какъ одной изъ актрисъ, сидѣвшей въ боковой ложѣ, принесли грудного китайченка; она нѣжно завернула его въ свой халатъ, цѣловала и передала затѣмъ сидѣвшей съ ней рядомъ женщинѣ, которая тутъ же и покормила его грудью. Въ общемъ китайцы имѣютъ добродушный видъ, нѣкоторые даже недурны собой; къ намъ относятся съ благодушіемъ, но кто знаетъ, что у нихъ въ дѣйствительности въ душѣ?!

13-ое марта 1904 г.

Харбинъ сталъ препорядочнымъ городомъ. Онъ раскинутъ на большомъ пространствѣ и дѣлится на три части. Такъ-называемый Новый Харбинъ выросъ, разумѣется, около желѣзнодорожнаго пути, такъ какъ для него только и существуетъ. Не будь войны и войскъ, для которыхъ онъ служитъ большой стоянкой, онъ бы производилъ впечатлѣніе совершенно лишняго. Новый городъ состоитъ изъ ряда низенькихъ домиковъ, выстроенныхъ изъ краснаго кирпича, похожихъ другъ на друга, какъ родные братья. Про нихъ остроумно сказалъ капитанъ Л., оглядывая ихъ ряды: „Вотъ, сколько домовъ, а если собрать всѣхъ обитателей ихъ, то можно всѣхъ помѣстить въ одномъ пятиэтажномъ домѣ, и тогда это былъ бы не городъ, а только домъ". Дома эти такъ между собою схожи, что трудно найти свой. А. никакъ до сихъ поръ не можетъ узнать домъ, въ которомъ гоститъ у Я. Третьяго дня, онъ вечеромъ заѣхалъ въ общежитіе Краснаго Креста, чтобы его оттуда проводили; взялся одинъ изъ врачей и запутался окончательно. Много и мнѣ пришлось поплутать, пока не оглядѣлся. Дома всѣ казенные и потому подъ нумерами, но нумера ставятся не по порядку расположенія, а по порядку постройки,—поэтому № 91 оказывается между №№ 475 и 830. Извозчики улицъ совершенно не знаютъ, такъ какъ всѣ пріѣхали вмѣстѣ со своими развалистыми дрожками и ...яжью съ пристяжкой изъ Одессы: всѣ мѣстные извозчики ...званы, какъ запасные. За Новымъ Харбиномъ въ 4—5 вер...ъ находится старый Харбинъ, съ китайскими фанзами, окру...ными заборами изъ прессованнаго навоза съ глиной. Въ ста...ъ Харбинѣ помѣщается и управленіе пограничной стражи, и,

между прочимъ, была устроена отличная школа-пріютъ, въ которой были размѣщены наши „сестры", такъ какъ школа, за выѣздомъ многихъ семей, прекратила свои дѣйствія. Помѣщены были тамъ сестры отлично, и вообще школка оборудована премило, и дѣтишки, которыхъ мы тамъ застали (три мальчугана) были очень симпатичныя.

Третья часть города—за желѣзнодорожнымъ путемъ—называется пристанью. Это—торговая часть города съ улицами, полными китайскихъ лавокъ и большихъ русскихъ магазиновъ, гдѣ можно достать все, что̀ нужно.

Въ Новомъ Харбинѣ Краснымъ Крестомъ нанятъ большой трехъ-этажный домъ, построенный китайцемъ Вынь-ха-выяемъ, но попросту прозваннымъ у насъ Вей-ха-веемъ. Здѣсь помѣщается управленіе главноуполномоченнаго, будемъ жить всѣ мы и „сестры". Фельдшерскую школу въ Харбинѣ отдали намъ подъ складъ, а большія казармы барачной системы—подъ госпиталь. Въ каждомъ такомъ баракѣ могутъ помѣщаться по двѣсти человѣкъ, и такихъ у насъ будетъ шесть или семь. Теперь идетъ тамъ ремонтъ, приспособленіе—съ быстротой просто лихорадочной.

С. В. Александро̀вскій — по истинѣ молодчина: энергичный, находчивый, распорядительный, сообразительный и съ большимъ тактомъ. Онъ несомнѣнно умный человѣкъ и дѣлающій свое дѣло, ради дѣла, ничего изъ него не извлекая. Онъ — большой мастеръ узнавать людей, быстро раскусываетъ ихъ и очень объективно ихъ расцѣниваетъ. Благодаря этому, онъ умѣетъ обставить себя людьми и умѣетъ ими пользоваться. Онъ можетъ быть вспыльчивъ, но, повидимому, снисходителенъ къ тому, что̀ внѣ силъ даннаго субъекта, и не прощаетъ только нерадивости и недобросовѣстности.

Скажи отъ меня Мимулѣ, что дикихъ людей я не видалъ, но что, все-таки, китайскіе „ходи", какъ зовутъ здѣсь всѣхъ простыхъ китайцевъ (по ихнему же), особенно нищіе, въ невообразимыхъ отрепьяхъ, достаточно дикобразны, и нуженъ неисчерпаемый запасъ любви и нѣжности русской души, чтобы не только говорить: „бѣдный ходя!", какъ вчера ласково называлъ одинъ изъ истопниковъ китайца, грузившаго ночью нашъ поѣздъ,—но даже „ходюшка".

III. — Въ Ляоянѣ.

22 марта 1904 г.

...Я очень спѣшилъ съ открытіемъ 1-го Георгіевскаго госпиталя и не спѣшить не могъ, такъ какъ Александровскій бомбардировалъ меня ежедневными телеграммами на эту тему, а военно-медицинскій инспекторъ умолялъ скорѣе немного освободить переполненный военный госпиталь.

Усадьба инженера Шидловскаго, Паю-Вернъ, которую мы здѣсь занимаемъ, пресимпатичный и преуютный уголокъ, который лѣтомъ будетъ, вѣроятно, обворожительно милъ и красивъ, да и теперь даже красивъ. Въ немъ два двора; внутренній отдѣленъ живописными воротами; на дворахъ стоитъ нѣсколько столбовъ съ собаками, которыя должны изображать львовъ—одну изъ любимыхъ формъ воплощенія Будды. Во внутреннемъ дворѣ, въ глубинѣ—флигель для офицеровъ съ внутренними болѣзнями; за нимъ—отдѣльный для нихъ садикъ; налѣво покоеобразное зданіе (вчера открытое) хирургическое отдѣленіе; направо — домикъ сестеръ (съ большимъ балкономъ) и аптека. Въ первомъ дворѣ направо — терапевтическій флигель (тоже еще отдѣлывается), а налѣво—нашъ домикъ, окруженный садикомъ. Еще ближе къ воротамъ (внѣшнимъ) съ правой стороны — кухня, складъ провизіи и домикъ для китайцевъ, у насъ служащихъ, съ лѣвой—домикъ въ три окошечка, гдѣ амбулаторія, а между нимъ и нашимъ домикомъ—флигель для студентовъ и гостей. За рядомъ зданій правой стороны—бараки, въ которыхъ помѣщаются склады, санитары и наша общая большая столовая; наконецъ, ледники, закрома, конюшни, стойла и т. д. Вся усадьба обнесена высокимъ заборомъ, отъ котораго вглубь еще идутъ въ немаломъ количествѣ перегородки. Это обширное хозяйство сторожитъ караулъ, такъ что можешь быть за насъ совершенно спокойна.

Здѣсь настоящая весна, воздухъ чудный. Вѣдь Ляоянъ—на широтѣ Неаполя.

18 апрѣля 1904 года.

...Встаемъ мы рано: около восьми часовъ утра по всей садьбѣ раздается гонгъ, при звукѣ котораго В. В. А., когда ъ духѣ, начинаетъ пѣть „Славься", что̀ выходитъ очень забавно. . быстро вскакиваетъ съ постели и начинаетъ умываться. Въ го время въ сосѣдней комнатѣ раздается веселое пѣніе Ш., асвистываніе и разговоры В. В. А. Я выкуриваю папиросу,

чтобы проснуться, и тоже встаю. Теплый весенній воздухъ оживляетъ меня, и я съ неизмѣннымъ удовольствіемъ наблюдаю типичныя утреннія сцены. Чай дается только до $9^1/_2$ часовъ утра. Сейчасъ же начинаются безконечные переговоры съ С. В. Александровскимъ, писаніе телеграммъ, распредѣленіе отрядовъ и проч., ежедневно прерываемые разными лицами съ самыми разнообразными вопросами. Днемъ послѣ обѣда (въ $1^1/_2$ ч.) продолжается то же, но къ помѣхамъ присоединяются частые посѣтители, иногда несомнѣнно интересные; въ $8^1/_2$ ч.—ужинъ, телеграммы и сонъ. Въ промежуткахъ забѣгаешь въ больницу, что̀ удается далеко не каждый день, бѣгаешь по постройкамъ, подгоняешь работу. По вечерамъ нерѣдко бесѣдуемъ съ Д., который все жалуется на то, что его госпитальные запасы лекарствъ, консервовъ и проч. расхищаютъ. (Приходится снабжать и войска, и наши же отряды).

IV.—Первые раненые.

27 апрѣля 1904 года.

Я нахожусь, наконецъ, дѣйствительно на войнѣ, а не на задворкахъ ея: въ трехъ верстахъ отъ лагеря, которымъ раскинулся летучій нашъ отрядъ, находятся самыя наши передовыя позиціи (Фенчулинскій перевалъ). Я сижу на нераскупоренныхъ мѣшкахъ нашего вьючнаго отряда; съ ящиковъ слабо свѣтитъ мнѣ фонарь съ краснымъ крестомъ; слѣва дѣловито и спѣшно жуютъ голодныя лошади, шурша ногами въ соломѣ и время отъ времени отъ удовольствія пофыркивая. Справа постепенно вялѣетъ и замираетъ предсонная бесѣда въ палаткахъ. Тьму, окружающую меня, прорѣзываетъ догорающій костеръ и два движущихся фонаря дежурныхъ санитаровъ, освѣщающіе ихъ колѣни, ноги, хвосты и морды лошадей. Спустилась тихая, мягкая, теплая ночь, будто оттого, что небо прикрыло землю куполомъ изъ темно-синей стали. Небо кажется здѣсь ближе къ землѣ, чѣмъ у насъ, и звѣзды блѣднѣе и мельче. Мы расположились у подножія высокой горы, на берегу совсѣмъ мелкой, но быстрой рѣчки, дѣлающей, согласно китайскому обычаю, безчисленное количество изгибовъ. На другой сторонѣ рѣчки развернулся дивизіонный лазаретъ, составляющій одно изъ ближайшихъ къ полю сраженія медицинскихъ учрежденій (ближе только полковые лазареты). Будемъ работать съ нимъ рука объ руку. И онъ, и мы вышлемъ въ бой еще по небольшому отряду, а здѣсь, гдѣ

сейчасъ стоимъ, будемъ перевязывать доставляемыхъ раненыхъ. На ближайшихъ къ намъ возвышенностяхъ (въ одной верстѣ) днемъ какъ муравьи чернѣютъ солдатики, укрѣпляющіе позицію. Эти возвышенія окружены высокими горами, покрытыми разнообразныхъ оттѣнковъ зеленью, среди которой, причудливыми букетами, брошены бѣлыя и розовыя цвѣтущія деревья. Вообще, здѣсь удивительн окрасиво. Дорога отъ Ляояна въ Лянь-шань-гуань, особенно послѣдній крутой и извилистый перевалъ—необыкновенно живописны.

Я выѣхалъ изъ Ляояна въ 11 часовъ вечера того дня, когда получилось извѣстіе о нашихъ тяжкихъ потеряхъ подъ Тюренченомъ. Такъ какъ ни зги не было видно, то я воспользовался любезно предоставленной мнѣ парной (съ пристяжкой) военной повозкой, приспособленной для раненыхъ, такъ называемой двуколкой, и улегся въ ней вмѣстѣ съ докторомъ К., который никогда верхомъ не ѣздилъ. Насъ сопровождали мой казакъ Семенъ и солдатъ, знавшій дорогу, которому я предоставилъ свою верховую лошадь. Конечно, я скоро задремалъ, несмотря на отчаянную тряску, и не давалъ себѣ спать крѣпко, только чтобы слѣдить за нашими верховыми, боясь нападенія на нихъ хунхузовъ. Тряска вышибала изъ-подъ головы подушку, а ногамъ было свѣжо, такъ какъ ночи здѣсь холодныя, а та была къ тому же съ дождемъ и вѣтромъ, и я положилъ казенную подушку на ноги, а подъ голову—свернутую бурку и, проѣхавъ нѣсколько верстъ, уже не имѣлъ ее,—она выскочила изъ-подъ меня на радость прохожему. Въ дальнѣйшемъ пути такимъ же образомъ докторъ К. лишился своего сакъ-вояжа и былъ въ отчаяніи.

— Was haben Sie denn drin verloren?—спрашиваю.

— Ach! mein Kamm, meine Bürste, meine Seife, Alles theuerste!

Я утѣшился, хотя казакъ, посланный за потерей, ничего не принесъ.

Въ три часа ночи мы пришли въ Сяолинцзы (полу-этапъ), гдѣ, найдя какую-то грязную подушку въ офицерскомъ отдѣленіи, я прямо на канахъ (это отапливаемыя каменныя нары) уснулъ сладкимъ сномъ, уткнувъ подушку въ уголъ. Не прошло и трехъ часовъ, какъ я вскочилъ, разбудилъ свою команду, осмотрѣлъ помѣщеніе для нашего лазарета и отправился дальше верхомъ. То было одно наслажденіе: чудный воздухъ, чудные пейзажи, милая бѣлая лошадка везетъ меня покойно по отчаянно каменистой дорогѣ, перенося черезъ безчисленные изгибы одной и

той же горной рѣчки. Ѣхалъ я и все вспоминалъ разсказанную тобой легенду о царѣ, повелѣвшемъ всѣмъ своимъ подданнымъ каждый вечеръ смотрѣть на звѣздное небо. Именно, миръ и любовь внушаютъ эти чудныя мѣста, а тутъ люди другъ друга вынуждены крошить...

Отъ Ляояна до Сяолинцзы—22 версты, отъ Сяолинцзы до перваго этапа Лян-дя-сянъ—18 верстъ. Тамъ мы отдохнули, пообѣдали, полюбовались устройствомъ нашего этапнаго лазаретика, и я опять сѣлъ на коня, а бѣдный К. безпомощно заболтался въ двуколкѣ. Этотъ переходъ въ 25 верстъ былъ длинный и тяжелый, черезъ высокую гору, и я тоже ложился въ двуколку поспать, но какъ только разъ попробовалъ поднять голову, чтобы полюбоваться видомъ, получилъ отъ толчка ударъ въ голову деревянной рамой, къ которой прикрѣпляется парусиновая палатка. На гору я поднимался опять верхомъ и такъ же спустился съ нея. На второмъ этапѣ, въ Хоянѣ, мы переночевали на канахъ съ небольшой соломенной подстилкой, лежа такъ близко другъ къ другу, что почти касались носами и стукались локтями. Нашъ этапный врачъ Беньяшъ далъ мнѣ свою подушку и одѣяло, а военный врачъ, тутъ же ночевавшій—свою бурку. Распорядившись устройствомъ лазарета, я снова сѣлъ на лошадь и черезъ удивительно красивый перевалъ переѣхалъ въ Лян-шань-гуань (18 верстъ).

Наканунѣ здѣсь уже прошла первая партія раненыхъ подъ Тюренченомъ (163 человѣка), перевязанныхъ въ Евгеніевскомъ госпиталѣ Краснаго Креста. Я осмотрѣлъ этотъ госпиталь, только еще начавшій устраиваться, осмотрѣлъ и военный госпиталь, и мы сообща приготовились принять на слѣдующій день 490 раненыхъ. Они пришли, эти несчастные, но ни стоновъ, ни жалобъ, ни ужасовъ не принесли съ собой. Это пришли, въ значительной мѣрѣ пѣшкомъ, даже раненые въ ноги (чтобы только не ѣхать въ двуколкѣ по этимъ ужаснымъ дорогамъ), терпѣливые русскіе люди, готовые сейчасъ опять идти въ бой, чтобы отомстить за себя и товарищей.

— Вотъ,—говорятъ эти молодцы,—въ деревнѣ только прутикомъ тронутъ, и то слезу вышибутъ, а здѣсь и молоткомъ ея не добыть.

— Въ деревнѣ,—говорю,—прутикъ не болью, а обидой слезу вызываетъ, а здѣсь—одна честь.

— Да, да,—поддакиваютъ молодцы,—за Царя, за отечество.

Другой солдатикъ идетъ по двору, накинувъ бѣлый халатъ на голову, и распѣваетъ:

— „На супротивныя даруя“...
— Чтò поешь?
— Цѣлость Миколая Александровича охраняемъ! — торжествующе осклабился молодой парнишка.

Трогательные ребята! По счастью, японская пуля пока удивительно мила: мышцы пробиваетъ, кости рѣдко разрушаетъ, пронизываетъ человѣка насквозь—и то не причиняетъ смерти.

V.—Послѣ Тюренчена.

3 мая 1904 г. Ляоянъ.

Въ день освященія 1-го Георгіевскаго госпиталя въ Ляоянѣ его посѣтилъ командующій арміей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, одобрилъ его устройство, осмотрѣлъ помѣщеніе „сестеръ“, и, зайдя въ аптеку, спросилъ, во сколько времени госпиталь можетъ свернуться, въ случаѣ отступленія.

— Въ три дня,—отвѣтилъ аптекарь.

— Ну, это много; столько мы вамъ, можетъ быть, и не дадимъ.

То было 21-го марта, сегодня 3-е мая, и мы уже отправляемъ все, безъ чего можемъ обойтись, въ Харбинъ. То, чтò недѣль пять, шесть тому назадъ казалось невозможнымъ,—теперь почти стучится въ дверь. Тяжело это ужасно. Больно разстраивать то, чтò создавалось съ такими трудами и любовью.

Цѣлая цѣпь нашихъ краснокрестныхъ этапныхъ лазаретовъ между Ляояномъ и передовыми частями: Сяолинцзы, Ляндясянь, Хоянъ, Лян-шань-гуань, должны быть ликвидированы. Поддерживаютъ только мысль о солдатѣ, которому отступленіе должно быть еще неизмѣримо тягостнѣе, и вѣра въ Куропаткина, который, конечно, знаетъ, чтò дѣлаетъ. Какую выдержку нужно имѣть, чтобы при настоящихъ условіяхъ неуклонно вести дѣло вопреки окружающему нервному настроенію, только подчиняясь точнымъ соображеніямъ и благоразумію! Простое, симпатичное отношеніе Куропаткина къ людямъ еще увеличиваетъ его обаяніе. Меня онъ однажды привелъ въ такой восторгъ, что я въ тотъ же день хотѣлъ написать тебѣ цѣлое письмо, посвященное ему,—но, конечно, не поспѣлъ.

Въ тотъ же день уѣзжалъ Н. П. Линевичъ, этотъ почтенный и симпатичнѣйшій генералъ, дважды георгіевскій кавалеръ, командовавшій маньчжурской арміей до пріѣзда Куропаткина и назначенный послѣднимъ въ Уссурійскій край (въ Хабаровскъ).

Мы съ С. В. Александровскимъ присоединились къ группѣ военныхъ, собравшихся его проводить. Къ этому времени очистили платформу, чтобы пропустить передъ отъѣзжающимъ, церемоніальнымъ маршемъ, почетный караулъ. Вдругъ Куропаткинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу этому караулу и бодро, молодцевато прошелся во главѣ его передъ Линевичемъ. Это было такъ мило и хорошо сдѣлано, что привело меня въ восторгъ.

Но какъ давно это было и сколько воды и крови съ тѣхъ поръ утекло! Какъ будто и не во время войны было, а мирнымъ лѣтомъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ.

Не то теперь.

Теперь война чувствуется около насъ, какъ чувствуется смерть въ домѣ безнадежно-больного. Каждая мысль твоя связана съ войною, каждое дѣйствіе твое должно съ нею сообразоваться. Я былъ только-что въ лагерѣ на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ ждали врага со дня на день, гдѣ недѣлю передъ тѣмъ отступали наши и провезли тысячу раненыхъ, но тамъ война, гдѣ все для нея приспособлено, меньше ощущается, чѣмъ здѣсь, на фонѣ обычной комфортабельной жизни: ты хочешь отдать бѣлье въ стирку,—говорятъ, прачка (китаецъ) не беретъ, значитъ ожидаютъ скораго приближенія японцевъ; то ты слышишь, что такой-то госпиталь свернулся, то такая-то канцелярія выѣзжаетъ, и т. д.

А какъ хорошо теперь стало въ Георгіевскомъ госпиталѣ: всѣ зданія отремонтированы, офицерскій флигель вышелъ отличный, впереди разведенъ милый садикъ, въ большомъ саду поставлены шатры, съ другой стороны—крытые желѣзомъ асбестовые переносные бараки, выросшіе какъ грибы; всѣмъ раненымъ, прибывавшимъ сразу по 150 человѣкъ, хватало и мѣста, и бѣлья, всѣхъ ихъ, бѣдненькихъ, сестры обмывали, врачи перевязывали, и солдатики, накормленные и отогрѣтые, ѣхали дальше уже въ благоустроенномъ санитарномъ поѣздѣ.

Ляоянъ, 16-ое мая 1904 года, воскресенье.

Я удручаюсь все болѣе и болѣе ходомъ нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываемъ и стольких теряемъ, но едва ли не больше потому, что цѣлая масса нашихъ бѣдъ есть только результатъ отсутствія у людей духовности, чувства долга, что мелкіе личные разсчеты ставятся выше понятія объ отчизнѣ, выше Бога. Мы не имѣемъ въ достаточномъ количествѣ новѣйшаго образца пушекъ. Куропаткину не подво-

зится достаточное число войскъ. Подъ Тюренченомъ мы потеряли батареи и сраженіе, которое по геройству 11-го и 12-го полковъ и большинства батарей, костьми легшихъ за свое святое дѣло, должно бы остаться въ исторіи, какъ геройскій подвигъ и, можетъ быть, блестящая побѣда. Взята у насъ подъ Артуромъ позиція, которая считалась неприступной. Вчера узнали мы объ этой потерѣ нашей, и я весь день былъ самъ не свой, да и сегодня я еще не отошелъ отъ этого впечатлѣнія, и потому, вѣроятно, и пишу въ такомъ мрачномъ тонѣ,—ты ужъ прости меня. Не знаю, какъ бы я пережилъ всѣ эти событія въ Петербургѣ, ковыряясь въ обыденныхъ мирныхъ дѣлахъ. Только и спасаетъ хоть нѣкоторая непосредственная прикосновенность къ этому великому испытанію, ниспосланному бѣдной Россіи.

Всю тяжесть потерь нашихъ въ смыслѣ гибели людей я испытываю теперь, когда у насъ постепенно умираютъ наиболѣе тяжело раненые, задержанные нами поэтому здѣсь. На дняхъ, при моемъ ночномъ обходѣ Георгіевскаго госпиталя, я нашелъ одного солдатика, Самсонова, раненаго въ грудь и оперированнаго,—вслѣдствіе образовавшагося у него нарыва надъ печенью и гнойнаго плеврита,—въ бреду и въ тяжеломъ состояніи. Онъ обнималъ санитара, трогательно за нимъ ухаживавшаго, и стоналъ. Когда я пощупалъ его пульсъ и погладилъ его руку, онъ потащилъ обѣ мои руки къ своимъ губамъ и цѣловалъ ихъ, воображая, что это его мать. Когда я подошелъ къ нему съ другой стороны и заговорилъ съ нимъ, онъ сталъ звать меня тятей и опять поцѣловалъ мнѣ руку. Я не могъ лишить его этой потребности въ ласкѣ къ родителямъ и тоже поцѣловалъ этого безропотнаго и по этой безропотности высокаго душой страдальца за родину... И никто-то, никто изъ нихъ не жалуется, никто не спрашиваетъ: „За что, за что я страдаю?"—какъ ропщутъ люди нашего круга, когда Богъ посылаетъ имъ испытанія.

Ляоянъ, 19-е мая 1904 года.

Въ четвергъ на прошлой недѣлѣ вернулся я изъ поѣздки по нашимъ сѣвернымъ госпиталямъ, завтра уѣзжаю на югъ.

Здѣсь у насъ, въ Южномъ Управленіи главноуполномоченнаго, е только благополучно, но даже премило: между тремя приюсобленными фанзами разбитъ прелестный садикъ, въ котоомъ пышно цвѣтутъ розы, азаліи, функіи и гранаты; обѣаютъ даже плоды. Вчера только отчаянно изводила китайская узыка, визжавшая и свистѣвшая цѣлый день на сосѣднемъ

дворѣ надъ покойникомъ. Такъ полагается у китайцевъ, которые дежурятъ около своихъ умершихъ, чтобы къ нему не забѣжала кошка или собака. Если же забѣжитъ, то, по ихъ повѣрью, покойникъ встанетъ и пойдетъ къ живымъ людямъ, которые отъ этого начинаютъ помирать.

— И часто это случается? — спрашиваетъ нашъ санитаръ переводчика.

— Постоянно, постоянно,—убѣжденно отвѣчаетъ тотъ. А между тѣмъ, мертвыхъ дѣтей своихъ они бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Д. самъ видѣлъ, какъ недалеко отъ госпиталя собака тащила трупикъ ребенка лѣтъ четырехъ уже съ выгрызенной грудкой.

Когда я былъ недавно въ Мукденѣ, я осматривалъ, между прочимъ, знаменитыя могилы императоровъ. Каждая китайская могила есть просто песчаный бугоръ, совершенно подобный обыкновеннымъ кучкамъ, въ которыя сваливается у насъ песокъ. Кто можетъ, ставитъ передъ могилой каменный столбъ, не круглый, а плоскій. У болѣе богатыхъ онъ выше, украшенъ рѣзьбой и надписями и стоитъ на спинѣ высѣченной изъ камня черепахи. Императорская могила изображаетъ все то же, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Огромный песчаный бугоръ окруженъ высокой каменной стѣной, за которую рѣдко кого пускаютъ, но все, что за нею, ясно видно съ сосѣдняго гребешка. На могилѣ растетъ корявое полуизсохшее дерево, а на немъ—орлиное гнѣздо. Такъ и рѣютъ обитатели его надъ всѣмъ этимъ уединеннымъ мѣстечкомъ. Входъ за стѣну, которою окруженъ собственно могильный холмъ, представляетъ собою прелестныя по красотѣ ворота съ чудными орнаментами изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

Еще лучше, прямо дивно хороши первыя ворота, которыя ведутъ въ садъ, окружающій стѣну. Въ этомъ саду, между первыми и вторыми воротами—традиціонный, но исполинскихъ размѣровъ каменный столбъ на черепахѣ и по бокамъ главной аллеи—высѣченныя изъ камня животныя: верблюды, слоны, львы (собакоподобные) и т. п. Сбоку отгорожена полуразвалившаяся кумирня.

VI.—Передъ боемъ подъ Вафангоу.

Вандзялинъ, 25-ое мая 1904 года.

Послѣдніе дни можно назвать для насъ погоней за ранеными. Прошелъ слухъ, что будутъ большія операціи на югѣ, и мы спѣшно полетѣли туда. Но тамъ оказалось тихо, и дальше

послѣдней желѣзнодорожной станціи намъ двинуться не пришлось. Едва намѣтили мы новую организацію нашихъ этапныхъ лазаретовъ, какъ пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо и столкновеніи съ нашими войсками. Въ виду того, что въ Кайджоо у насъ нѣтъ ни лазарета, ни летучаго отряда, мы спѣшно собрались изъ Вафангоу и, прихвативъ еще студента V курса съ перевязочнымъ матеріаломъ и инструментами, погрузивъ нашихъ лошадей, воспользовались паровозомъ, который шелъ туда за водой, выхлопотали разрѣшеніе прицѣпить къ нему нѣсколько вагоновъ и спѣшно выѣхали назадъ на сѣверъ. Здѣсь стоитъ нашъ санитарный поѣздъ, въ которомъ я и пишу, но намъ не разрѣшено было имъ воспользоваться, чтобы доѣхать до Кайджоо, и мы должны были здѣсь переночевать. Утромъ сегодня слышимъ канонаду, моментально велимъ сѣдлать коней, чтобы ѣхать туда, — намъ объявляютъ, что черезъ часъ идетъ поѣздъ и обгонитъ насъ. Коней разсѣдлываютъ, канонада стихла, и мы опять сидимъ и ждемъ. Такъ было и вчера: японцы немного постреляли, даже, говорятъ, частью высадились и безъ боя вернулись на суда. Ожиданіе, какъ ты знаешь—самое томительное времяпровожденіе, но мы выдерживаемъ его очень бодро и терпѣливо, благодаря хорошей компаніи, живому характеру Сергѣя Васильевича и очень милому спутнику, старому доктору А. А. Г., продѣлавшему еще турецкую кампанію. Это—цѣльный и очень симпатичный типъ шестидесятыхъ годовъ, именно одинъ изъ положительныхъ типовъ этого періода, гражданинъ своего отечества, болѣющій за него душой, когда что̀ неладно, и жаждущій его успѣховъ, мечтающій о нихъ. Небольшого роста, полный, коренастый, съ лысой головой и большой сѣдой бородой, съ двумя рядами рѣдкихъ, но крѣпкихъ зубовъ, онъ своимъ басомъ и очками напоминаетъ мнѣ А. Н. Пыпина и тѣмъ уже пріятенъ.

— Очертѣло мнѣ здѣсь,—мрачно говоритъ онъ въ минуты грустнаго раздумья, а черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ разсмѣшитъ какой-нибудь молодой забавной шуткой. Такъ, вчера, когда всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы разогрѣли консервы, онъ тоже объявилъ себя голоднымъ и сталъ изображать нетерпѣливую лошадь, ударяя одной ногой объ песокъ. Мы всѣ дружно захохотали. Когда вчера пришло извѣстіе о высадкѣ японцевъ около Кайджоо, онъ первый, почти шестидесятилѣтній старецъ, сталъ подбивать Сергѣя Васильевича ѣхать туда.

— Это случай нашимъ войскамъ одержать побѣду,—радовался онъ.

27-ое мая 1904 года.

Мы пятый день безъ всякаго дѣла, все катаемся взадъ и впередъ, причемъ на каждой станціи насъ изводятъ маневрами и возятъ то нѣсколько шаговъ впередъ, то нѣсколько шаговъ назадъ, и угощаютъ такими толчками, что В., который съ нами ѣдетъ, танцуетъ, поднимая руки изящнымъ жестомъ кверху. Онъ страшно смѣшилъ насъ разными анекдотами и остротами, но подъ конецъ и онъ исчерпался, и мы устали смѣяться. Сейчасъ за этимъ письмомъ, сидя на ящикахъ съ консервами и тюфякѣ, примостившись спиной къ стѣнѣ вагона, я заснулъ, но во снѣ продолжалъ водить перомъ по бумагѣ. Въ этомъ видѣ меня снялъ князь Львовъ, главноуполномоченный объединенной земской организаціи, присылающей сюда рядъ этапныхъ лазаретовъ и питательныхъ пунктовъ.

Много дѣлается теперь для нашихъ солдатъ, но они еще не развернулись во всю родную мощь. Послушавъ разсказовъ Г. о русско-турецкой кампаніи, я какъ-то успокоился за исходъ и настоящей, снова укрѣпивъ вѣру въ наше воинство. Мы просто еще не разошлись, а разойдемся—такъ покажемъ себя снова и добьемся своего. Трудно это будетъ, мы много потеряемъ, но возстановимъ нашу репутацію славныхъ и несокрушимыхъ. Что̀ пока настоящая война въ сравненіи съ русско-турецкой, съ переходомъ черезъ Балканы, когда пушки тащили люди однимъ колесомъ по уступу скалы, другимъ по воздуху надъ пропастью, когда единицы нашихъ сражались противъ сотенъ и тысячъ врага, когда люди мѣсяцами не имѣли крова и зябли въ снѣгахъ, согрѣваясь лишь у костровъ?! Докторъ Г. разсказывалъ про своего товарища, который пріѣхалъ разъ въ шинели на голомъ тѣлѣ и въ солдатскихъ рваныхъ опоркахъ, несмотря на сильный морозъ. Оказалось, что онъ встрѣтилъ раненаго, что перевязать его было нечѣмъ, и онъ разорвалъ свое бѣлье на бинты и повязку, а въ остальное одѣлъ его. И такъ онъ это дѣлалъ весело, просто и хорошо. Далеко еще намъ, далеко до нихъ...

VII.—Въ бою подъ Вафангоу.

Дашичао, 15-ое іюня 1904 года.

...Дѣло было, какъ ты знаешь, подъ Вафангоу. 31-го мая я присѣлъ на свою кровать въ палаткѣ рядомъ съ Кононовичемъ и что-то съ нимъ обсуждалъ, когда его санитаръ Рахаевъ обратилъ наше вниманіе на то, что въ сосѣднемъ полку трубятъ

тревогу. Мы прислушались—вѣрно. Тотчасъ были осѣдланы кони, и мы поѣхали въ штабъ. Тамъ узнали, что тревоги нѣтъ, но что велѣно выступать на позицію, а войскамъ, бывшимъ впереди, въ Вафандянѣ, отступать на нее же, и что на слѣдующій день въ 12 часовъ ожидается бой.

Въ этотъ день, поспавъ одѣтый часа полтора, я перевелъ раненыхъ, пришедшихъ ночью съ юга, изъ товарнаго поѣзда въ санитарный, и когда, устроивъ ихъ, около четырехъ часовъ утра, возвращался черезъ станцію, я увидалъ, что командиръ перваго корпуса, баронъ Штакельбергъ, уже всталъ, его штабъ на ногахъ, у подъѣзда—его конвой. Я разбудилъ Кононовича, тотчасъ осѣдлали опять коней, и мы стали поджидать Штакельберга. Однако, время шло, и мы поѣхали одни на позиціи, которыя объѣхали уже наканунѣ. Мы остановились у А. А. Герngросса, очень милаго и хорошаго генерала, начальника 1-ой дивизіи, потомъ, дождавшись Штакельберга, проѣхали съ нимъ на 2-ую баттарею. Шли приготовленія къ сраженію, и мы поѣхали назадъ, выкупаться и пообѣдать. Послѣднее намъ не удалось, такъ какъ стали раздаваться орудійные выстрѣлы. Они становились все чаще, и мы невольно считали промежутки между ними, какъ между родовыми схватками. Консервы не лѣзли намъ въ ротъ, и мы снова поскакали къ Герngроссу. Онъ сидѣлъ со своимъ штабомъ въ покойномъ ожиданіи, но солдатики уже нервничали, всѣ повскакали и нетерпѣливо ждали приказанія двигаться. Наконецъ, насталъ моментъ, они стали одѣваться и пошли. Вскорѣ поѣхали и мы со штабомъ Герngросса, желая выяснить, какъ лучше расположить наши летучіе отряды. Съ часъ летали мы по всѣмъ позиціямъ и остановились опять на 2-ой баттареѣ, гдѣ и сошли съ коней.

Всѣ весело болтали; къ намъ подъѣзжали различные офицеры; одинъ изъ нихъ, артиллеристъ Сидоренко, очень симпатичной наружности, съ той самой баттареи, на которой мы стояли, оживленно разсказывалъ, какъ ихъ обстрѣливали при отступленіи изъ Вафандяна,—когда въ 1 ч. 30 мин. дня поставленная противъ насъ японская баттарея сдѣлала первый выстрѣлъ. Первая шрапнель разорвалась очень далеко впереди насъ, вторая—поближе, третья уже показала, что стрѣляютъ по насъ. Герngроссъ аспорядился увести лошадей и намъ не стоять толпой. Снаряды али ложиться все ближе и ближе. Герngроссъ сталъ спускаться горы; за нимъ пошли всѣ, а я немного задержался на горѣ. аряды свистѣли уже надо мной и со злобой ударяли въ близ жащую гору, разрываясь совсѣмъ близко отъ всей удалявшейся

по лощинкѣ группы людей. Впослѣдствіи я узналъ, что тутъ моя лошадь получила ударъ надъ глазомъ камнемъ, отбитымъ шрапнелью.

Я собирался тоже спускаться, когда ко мнѣ подошелъ солдатикъ и сказалъ, что онъ раненъ. Я перевязалъ его и хотѣлъ приказать нести его на носилкахъ (онъ былъ раненъ въ ногу шрапнельной пулей), но онъ рѣшительно отказался, заявляя, что носилки могутъ понадобиться болѣе тяжело раненымъ. Однако, онъ смущался, какъ онъ оставитъ баттарею: онъ—единственный фельдшеръ ея, и безъ него некому будетъ перевязывать раненыхъ. Это былъ перстъ Божій, который и рѣшилъ мой день.

— Иди спокойно,—сказалъ я ему,—я останусь за тебя.

Я взялъ его санитарную сумку и пошелъ дальше на гору, гдѣ, на склонѣ ея, и сѣлъ около носилокъ. Санитаровъ не было—они находились въ лощинкѣ подъ горой. Наша баттарея уже давно стрѣляла, и отъ каждаго выстрѣла земля, на которой я сидѣлъ, покрытая мирными бѣлыми цвѣточками вродѣ Edelweiss'a, сотрясалась, а та, на которую падали японскіе снаряды, буквально, стонала. Въ первый разъ, когда я услыхалъ ея стонъ, я подумалъ, что стонетъ человѣкъ; я прислушался, и во второмъ стонѣ я уже заподозрилъ стонъ земли, на третьемъ—я въ немъ убѣдился.

Это не поэтическій, а истинный былъ стонъ земли.

Снаряды продолжали свистѣть надо мной, разрываясь на клочки, а иные, кромѣ того, выбрасывая множество пуль, большею частью далеко за нами. Другіе падали на сосѣднюю горку, гдѣ стояла 4-ая, почему-то особенно ненавистная японцамъ, баттарея. Они осыпали ее съ остервенѣніемъ, и часто я съ ужасомъ думалъ, что, когда дымъ разсѣется, я увижу разбитыя орудія и всѣхъ людей ея убитыми. И этотъ страхъ за другихъ, ужасъ передъ разрушительнымъ дѣйствіемъ этой подлой шрапнели составлялъ дѣйствительную тяжесть моего сидѣнья. За себя я не боялся: никогда еще я не ощущалъ въ такой мѣрѣ силу своей вѣры. Я былъ совершенно убѣжденъ, что какъ ни великъ рискъ, которому я подвергался, я не буду убитъ, если Богъ того не пожелаетъ; а если пожелаетъ,—на то Его святая воля... Я не дразнилъ судьбы, не стоялъ около орудій, чтобы не мѣшать стрѣлявшимъ и чтобы не дѣлать ненужнаго, но я сознавалъ, что я нуженъ, и это сознаніе дѣлало мнѣ мое положеніе пріятнымъ. Когда сверху раздавался зовъ: „носилки!", я бѣжалъ наверхъ съ фельдшерской сумкой и двумя санитарами, несшими носилки; я бѣжалъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли такого кровотеченія, ко-

торое требуетъ моментальной остановки, но перевязку мы дѣлали пониже, у себя на склонѣ. Почти всѣ ранены были въ ноги и всѣ, перевязанные, вернулись къ своимъ орудіямъ, утверждая, что, лежа, они могутъ продолжать стрѣльбу, и что „передъ такимъ поганцемъ" они не отступятъ. Люди всѣ лежатъ въ своихъ окопахъ около орудій, что̀ ихъ очень выручаетъ, а офицеры сидятъ, и только мой Сидоренко чаще всѣхъ, всей своей стройной фигурой, подымался надъ баттареей.

Я благоговѣлъ передъ этими доблестными защитниками своей родины и радовался, что подвергаюсь одной съ ними опасности. „Почему — думалъ я — я долженъ быть въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ они? Вѣдь и у нихъ у всѣхъ есть семьи, для которыхъ смерть ихъ родного будетъ тяжкимъ горемъ, а для иныхъ—и разореніемъ". Санитары, разбѣжавшіеся-было по нижнимъ склонамъ горы, видя меня на ихъ мѣстѣ, всѣ подобрались ко мнѣ и расположились около носилокъ, но когда осколкомъ шрапнели и камнями у меня опрокинуло ведро съ водой, прорвало носилки и набросило ихъ на одного изъ санитаровъ, они окончательно спустились внизъ, и только изъ-подъ горы посматривали, цѣлъ ли я, послѣ особенно сильныхъ и близкихъ ударовъ. Между ними былъ и санитаръ Кононовича, Рахаевъ, упросившій отпустить его со мной, такъ какъ онъ хотѣлъ „совершить подвигъ", и казакъ Семенъ Гакинаевъ, сопровождавшій меня въ поѣздкѣ въ Ляншань-гуань и съ тѣхъ поръ считающійся моимъ казакомъ. Онъ не оставлялъ меня ни на шагъ ни 1-го, ни 2-го іюня. Гакинаевъ потомъ много разсказывалъ про мою „храбрость", особенно поразившую его потому, что, по его мнѣнію, всѣ врачи должны быть почему-то трусами.

— Сидитъ,—говорилъ онъ про меня,—куритъ и смѣется.

Смѣяться, положимъ, было нечему, но я улыбался имъ, когда они „петрушками" снизу посматривали на меня.

Одинъ изъ баттарейныхъ санитаровъ, красивый парень Кимеровъ, смотрѣлъ на меня, смотрѣлъ, наконецъ выползъ и сѣлъ подлѣ меня. Жаль ли ему стало видѣть меня одинокимъ, совѣстно ли, что они покинули меня, или мое мѣсто ему казалось заколдованнымъ,—ужъ не знаю. Онъ оказался, какъ и вся баттарея впрочемъ, первый разъ въ бою, и мы повели бесѣду на тему о волѣ Божіей.

Вскорѣ, съ лѣвой стороны, ко мнѣ подсѣлъ другой молодой солдатикъ, совсѣмъ мальчикъ съ виду, Блохинъ, который спасался то на одномъ склонѣ горы, то на другомъ, и всюду, видимо, чувствовалъ себя одинаково скверно. Казалось, онъ хотѣлъ

прижаться ко мнѣ, какъ теленокъ къ маткѣ, и причиталъ послѣ каждой шимозы или шрапнели.

Бой разгорѣлся жаркій: впереди (на лѣвомъ нашемъ флангѣ) слышался за горой неугомонный трескъ пулеметовъ и ружейнаго огня; японскія баттареи, съ небольшими паузами, осыпали насъ своими снарядами. Мы тоже отстрѣливались: въ воздухѣ слышались голоса:—„девяносто-два! девяносто-пять!—направо отъ деревни!" и т. д. Вдругъ изъ-подъ горы вылѣзаетъ одинъ изъ нашихъ краснокрестныхъ санитаровъ (10-го летучаго отряда), Тимченко, раненый въ правое плечо. Мы столпились около него, и я началъ его перевязывать. Надъ нами и около насъ такъ и рвало,—казалось, японцы избрали своей цѣлью нашъ склонъ, но во время работы огня не замѣчаешь.

— Простите меня! — вдругъ вскрикнулъ Кимеровъ и упалъ навзничь. Я разстегнулъ его и увидѣлъ, что низъ живота его пробитъ, передняя косточка отбита и всѣ кишки вышли наружу. Онъ быстро сталъ помирать... Я сидѣлъ надъ нимъ, безпомощно придерживая марлей кишки, а когда онъ скончался, закрылъ ему глаза, сложилъ руки и положилъ удобнѣе. Послѣ этого я спустился внизъ доканчивать перевязку Тимченкѣ; оказалось, что къ тому времени былъ раненъ легко въ ногу ужъ и бѣдный мой Блохинъ. Когда оба были перевязаны и остальные санитары унесли ихъ, я опять вернулся на свое мѣсто и остался вдвоемъ съ трупомъ. Къ счастью, былъ уже седьмой часъ, стало темнѣть и, послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ отъ японцевъ, бой окончился.

Я пошелъ къ моему милому Сидоренкѣ, котораго навѣщалъ и во время боя. Офицеры баттареи стали понемногу сходиться; всѣ были радостно возбуждены, что отстояли позицію, поздравляли другъ друга съ крещеніемъ огнемъ, радовались незначительнымъ потерямъ: человѣкъ девять раненыхъ и четверо убитыхъ—мой Кимеровъ и трое нижнихъ чиновъ, всѣ трое—однимъ ударомъ; значитъ, изъ всей массы выпущенныхъ на насъ снарядовъ только два оказались смертоносными.

Когда уже совершенно стемнѣло, я вмѣстѣ съ Сидоренкой провожалъ четырехъ убитыхъ на баттареѣ къ ихъ братской могилѣ, а раненыхъ, мною перевязанныхъ, повелъ на болѣе основательную перевязку, такъ какъ у меня не было возможности ни ихъ обмывать, ни себѣ руки мыть. — По дорогѣ мы встрѣтили Кононовича. Онъ тоже былъ подъ сильнымъ огнемъ, какъ и всѣ наши отряды. Отпившись немного чаемъ (консервированное тушоное мясо не лѣзло въ горло), мы съ нимъ пошли устраивать на ночь все прибывавшихъ раненыхъ и даже умершихъ.

Легли мы поздно, и на второй день боя, 2-го іюня, встали рано. Нужно было хоть немного заняться ранеными, которыхъ наканунѣ мы уложили на станціи, и развернуть тамъ перевязочный пунктъ.

Тотчасъ стали привозить новыхъ раненыхъ, и я принялся сажать ихъ въ вагоны, простые товарные, такъ какъ санитарнаго поѣзда не могли подать. Я долженъ былъ класть этихъ несчастныхъ святыхъ раненыхъ въ товарные вагоны сперва на солому и цыновки, потомъ просто на циновки, наконецъ просто на полъ и чуть ли не на уголь. А въ то же время, на разстояніи 25—30 верстъ, у насъ стоялъ чудно оборудованный поѣздъ!

Устраивая раненыхъ, я зашелъ съ ними къ сѣверному семафору версты за полторы и, провозившись съ часъ времени, во второмъ часу возвращаюсь на станцію. Тамъ все измѣнилось: суета, спѣхъ, бѣготня; раненые, зараженные общей нервной атмосферой, забывая свои раны, сами залѣзаютъ въ товарные вагоны, боясь, что ихъ оставятъ.

Что̀ случилось?

Въ часъ дня нашимъ приказано было отступать; теперь грузился послѣдній поѣздъ,—нашему перевязочному пункту велѣли спѣшно уложиться и уѣзжать. Спрашиваю Кононовича про наши летучіе отряды: Мантейфель и Родзянко уже здѣсь, имъ тоже дано распоряженіе уходить.

Я продолжалъ усаживать раненыхъ, отпуская ихъ уже съ одной первичной перевязкой. Однимъ изъ послѣднихъ сѣлъ офицеръ, относительно не тяжело раненый въ ногу, но весь въ слезахъ:

— Что̀ они съ ними дѣлаютъ, Боже мой, что̀ дѣлаютъ!— говорилъ онъ. Кто первые „они"— не знаю, но подъ вторыми онъ подразумѣвалъ своихъ бѣдныхъ солдатиковъ...

Наконецъ, погрузился и нашъ перевязочный пунктъ, сѣли всѣ сестры, студенты, врачи, и послѣдній нашъ поѣздъ сталъ отходить отъ Вафангоу.

Поѣздъ ушелъ — и во̀-время: за нимъ полетѣли шрапнели, но, къ счастью, не попадали. Я остался одинъ на опустѣвшей станціи, даже не отдавая отчета себѣ, что̀ же я одинъ буду дѣлать, но сердце говорило мнѣ, что должно остаться. Я пошелъ въ домикъ совсѣмъ рядомъ со станціей, въ которомъ мы провели послѣднюю ночь. Въ этомъ домикѣ былъ у насъ небольшой складъ, изъ котораго мы выдавали солдатикамъ и офицерамъ чай, сахаръ, табакъ, консервы и проч. Теперь въ немъ оставался небольшой запасъ перевязочнаго матеріала и 14 ко-

лесныхъ носилокъ. Тогда я понялъ, что̀ я буду дѣлать. Послѣдній поѣздъ увезъ всѣхъ раненыхъ, которые были доставлены на станцію, но ясное дѣло, что было много такихъ, которые до станціи еще не добрались, которые придутъ еще и, найдя станцію пустой, будутъ въ отчаяніи. Оставаясь одинъ, я не зналъ, какъ я буду помогать этимъ опоздавшимъ (о колесныхъ носилкахъ я, кажется, тутъ не вспоминалъ), но я чувствовалъ, что они будутъ, и что я обязанъ остаться для нихъ или съ ними.

Я сталъ вывозить колесныя носилки на площадь передъ станціей,—недавно такую оживленную, теперь пустынную,—навстрѣчу ручнымъ носилкамъ, на которыхъ приносили раненыхъ съ позицій. Раненыхъ перекладывали и везли вдоль полотна, а носилки шли назадъ на позиціи. Въ это время около насъ и надъ нами разрывались шрапнели, надо мной шелъ дождь пуль, но разрывы были такъ высоки, что ни одна не коснулась меня.

— Евгеній Сергѣевичъ, да что̀ вы дѣлаете, да станьте же сюда!—отчаянно звалъ меня старичокъ подполковникъ Лукьяновичъ, завѣдывавшій складомъ и задержавшійся при немъ съ двумя санитарами. Онъ зазывалъ меня подъ защиту небольшой каменной будочки рядомъ съ нашимъ складомъ. Въ этой грязнѣйшей будочкѣ у меня тотчасъ же образовался перевязочный пунктъ, такъ какъ стали подходить раненые, а пошедшій дождь помѣшалъ намъ перейти въ помѣщеніе склада. Я перевязывалъ ихъ и опять отправлялъ на нашихъ колесныхъ носилкахъ.

Понемногу проѣзжали мимо меня санитарныя военныя двуколки и запоздавшіе врачи и, наконецъ, перестали проѣзжать. Орудійный огонь сталъ перелетать черезъ насъ, направленный на нашихъ отходящихъ стрѣлковъ, а ружейный приблизился и защелкалъ по домику и засвистѣлъ вокругъ. Мнѣ пришли сказать, что одинъ изъ санитаровъ нашихъ, пошедшій за перевязочнымъ матеріаломъ въ складъ, на порогѣ его упалъ, раненый въ животъ. Я перенесъ тогда свой пунктъ въ этотъ складъ на разстояніе шаговъ пятнадцати. Но санитаръ мой, бѣдный, не дожидаясь, чтобы я кончилъ перевязку солдатику, попросилъ, чтобы его скорѣе унесли. Солдатикъ, съ которымъ я въ это время возился, тоже волновался, что останется въ рукахъ японцевъ, но я успокоилъ его обѣщаніемъ остаться въ такомъ случаѣ съ нимъ. На счастье, онъ былъ послѣдній и для него нашлись послѣднія носилки. Мы положили его на нихъ, посадили раненыхъ, которые могли ѣхать, на нашихъ лошадей, и тоже покинули Вафангоу.

VIII.—Отступленіе отъ Вафангоу.

Харбинъ, 25-е іюня 1904 года.

Вотъ я снова въ цивилизованномъ городѣ, въ томъ самомъ славномъ Харбинѣ, который мѣсяца три назадъ казался мнѣ дырой и захолустьемъ. Такъ-то все относительно въ жизни. Но послѣ лагерной жизни, когда приходилось спать и на землѣ, питаться скоро пріѣдающимися консервами, сидѣть на жердочкахъ или ящикахъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ на разваливающихся стульяхъ, писать при свѣтѣ задуваемой вѣтромъ свѣчи, въ мокрой, колыхающейся палаткѣ, при постоянномъ ожиданіи тревоги,—оказаться во второмъ этажѣ теплаго каменнаго дома, за письменнымъ столомъ, при керосиновой лампѣ, сидѣть на вѣнскомъ стулѣ и писать на атласномъ бюварѣ, хотя бы и чужомъ,—это переходъ болѣе рѣзкій, чѣмъ перелетѣть изъ деревни въ Парижъ,—но такова моя судьба, что мнѣ все время приходится летать. Мнѣ оказалась надобность заѣхать въ наши госпиталя въ Тьелинѣ, Каюянѣ, Гунчжулинѣ и Харбинѣ, и я, повернувшись въ Ляоянѣ, укатилъ на сѣверъ, хотя каждый день ожидался бой на югѣ. Я поѣхалъ туда, гдѣ начальство меня признавало нужнѣе. Но едва я добрался до Харбина, какъ въ Дашичао вспыхнула эпидемія дизентеріи, и Давыдовъ сегодня телеграфируетъ, что я нуженъ на югѣ. Александровскій меня однако еще не вызываетъ, и я надѣюсь додѣлать здѣсь свои дѣла.

30 іюня 1904 года.

Ты удручена, что всѣ наши потери ни къ чему, что насъ „все-таки оттѣснили". Не знаю, есть ли это общепринятое выраженіе о результатѣ вафангоускаго боя, ибо газетъ я не читаю, но не такое осталось у насъ впечатлѣніе.

— Vous n'avez pas gagné la bataille, parce que vous ne l'avez pas voulu,—сказалъ Chemineau,—одинъ изъ французскихъ военныхъ агентовъ, и сказалъ то, что намъ всѣмъ здѣсь кажется. Не то чтобы кто-нибудь измѣнилъ интересамъ родины, а повидимому дальнѣйшее наступленіе считалось для насъ невыгоднымъ: мы могли быть окружены; или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы фактически наступали, лѣвый флангъ нашъ бралъ позицію за позиціей, японцы отступали и только вправо насъ тѣснили,—когда было приказано отступать. Никто не понималъ такого распоряженія командира корпуса, солдаты

спрашивали: „Да зачѣмъ же мы отступаемъ, ваше благородіе?“— и не слушались, — имъ приходилось трижды повторять приказаніе. Казалось, если бы нашъ лѣвый флангъ окончательно опрокинулъ правый—непріятеля, то могъ бы ударить въ его лѣвый и, тѣмъ выручивъ нашъ правый,—выиграть сраженіе. Таковы мысли штатскаго,—конечно, болѣе трудно выполнимыя на дѣлѣ, чѣмъ въ письмѣ, особенно если принять во вниманіе, что вся линія боя была растянута верстъ на одиннадцать.

Но что̀ ни говори, а отступленіе есть вещь крайне тяжелая, особенно когда приходится поворачивать спину непріятелю въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ него, и наибольшія потери наши приходятся именно на отступленіе.

— Изъ насъ бы никто живымъ не вернулся,—говорятъ солдатики,—если бы японцы хорошо стрѣляли.

Изъ ружей они стрѣляютъ плохо, но тоже заваливаютъ свинцомъ, изъ орудій — мѣтко, кажется, съ помощью сигналовъ китайцевъ, которые, говорятъ, дѣлаютъ имъ знаки, то руками, то вѣтками деревьевъ. Кромѣ того, мѣстность имъ отлично извѣстна, они знаютъ разстояніе до каждой нашей позиціи и могутъ стрѣлять, хоть безъ прицѣла. На ихъ сопкахъ стоятъ столбы съ дощечками, на которыхъ нарисованы очертанія нашихъ горъ и отдѣльныя опознавательныя точки, съ точнымъ обозначеніемъ разстоянія, такъ что имъ остается только стоять и разстрѣливать наши баттареи.

Продолжаю свою безконечную повѣсть о Вафангоу.

Итакъ, мы шли изъ Вафангоу съ отступающими стрѣлками, которые двигались подъ орудійнымъ огнемъ, какъ на парадѣ. Мой послѣдній раненый, Шестопаловъ, былъ раненъ въ позвоночникъ, ноги его были совершенно парализованы, и онъ былъ тяжелъ, точно весь изъ свинца: мы съ трудомъ несли его вшестеромъ. Скоро мнѣ подвели откуда-то лошадь, и я поѣхалъ, продолжая слѣдить за тѣми ранеными, которыхъ несли, такъ какъ истомленные солдатики несли черезъ силу. Приходилось останавливаться и перевязывать или подбирать раненыхъ. Такъ, одинъ доплелся до фанзы и оттуда взывалъ о помощи: онъ былъ перевязанъ, но не могъ идти дальше, и боялся, что его забудутъ въ его фанзѣ. Его посадили на мула, но дальше мнѣ пришлось опять отдать свою лошадь одному раненому въ ногу, перетянутому выше раны полотенцемъ.

День былъ жаркій, и во рту у меня такъ пересохло, что языкъ казался кускомъ люфы, сильно царапавшимъ нёбо. Тогда я отбросилъ предразсудокъ о сырой водѣ и попивалъ у солда-

тиковъ изъ ихъ флягъ по глотку, то у того, то у другого,— чтобы не лишить и ихъ необходимой влаги. Въ одной деревнѣ какой-то китаецъ угощалъ насъ студеной водой и, чтобы мы пили ее съ довѣріемъ, говорилъ: „Знакомъ, знакомъ“.

Гдѣ-то на полъ-дорогѣ мой Гакинаевъ мнѣ привелъ еще лошадь, и я, сдавъ носилки съ ранеными полковому лазарету, который мы нагнали на стоянкѣ и съ которымъ я нѣкоторое время шелъ потомъ вмѣстѣ, причемъ черезъ рѣчку они перевезли меня на двуколкѣ,—поѣхалъ одинъ впередъ, такъ какъ Гакинаевъ отдалъ свою лошадь тоже раненому.

Дальше я нагналъ Ф., офицера, состоящаго при иностранцахъ, который разсказалъ мнѣ, что когда на лѣвомъ флангѣ былъ полученъ приказъ объ отступленіи (онъ дошелъ туда приблизительно часа черезъ два послѣ того, какъ станція, пришедшаяся на правомъ флангѣ, была уже очищена), онъ поѣхалъ на станцію одинъ, чтобы узнать положеніе дѣлъ, и въ лѣсу около станціи наскочилъ на японцевъ, которые по немъ стрѣляли, и онъ спасся только благодаря быстротѣ своего полукровнаго коня. По времени (тотчасъ послѣ грозы) это было какъ разъ тогда, когда обстрѣливали нашъ, вѣрнѣе ужъ мой, перевязочный пунктъ по другую сторону станціи. Вѣроятно, японцевъ было тутъ мало, а то бы намъ не уйти было отъ нихъ.

Еще дальше нагналъ я одного капитана генеральнаго штаба. Мы мило съ нимъ бесѣдовали, когда онъ вдругъ окликнулъ офицера въ буркѣ, скакавшаго въ сторонѣ отъ насъ, но намъ на встрѣчу.

— Есаулъ Матвѣенко, по какому праву вы позволяете себѣ распоряжаться чужими лошадьми и дали моего коня?..—слѣдовало непріятное объясненіе, и я отъѣхалъ.

Войска тянулись непрерывной нитью; впереди виднѣлся бѣлый китель командира корпуса и свѣтлое пятно его штаба. Я увидалъ красный крестъ и подъѣхалъ, думая, что это одинъ изъ нашихъ отрядовъ. Оказалось, что это 34-й полкъ несетъ за флагомъ Краснаго Креста своего раненаго командира Дуббельта. (Сегодня какъ разъ, несмотря на тяжесть полученныхъ ранъ, значительно поправившись, онъ уѣзжаетъ на Кавказъ изъ Харбина, гдѣ лежалъ въ Дворянскомъ госпиталѣ).

Дорога становилась все труднѣе, мѣстами артиллерія совершенно закупоривала путь, быстро надвигалась темнота. Въ поискахъ за проѣздомъ я уже въ совершенную темноту наткнулся на казаковъ.

— Я прилѣплюсь теперь къ вамъ,—сказалъ я офицеру въ буркѣ, отъ котораго видѣлъ одни очертанія,—а то совсѣмъ потеряю дорогу.

— Отлично, мы тоже ищемъ, какъ проѣхать, — отвѣтилъ мнѣ пріятный голосъ, сразу располагающій къ человѣку. Мы поѣхали рядомъ и разговорились.

— Не понимаю,—сказалъ мой спутникъ,—почему Красный Крестъ такъ рано уѣзжаетъ съ поля битвы, а не убираетъ раненыхъ? Это—прямая его задача.

— Оттого,—говорю,—что на него все еще смотрятъ какъ на обозъ, и приказываютъ ему отступать вмѣстѣ съ нимъ, но онъ не весь отступилъ, и вотъ вы ѣдете съ нимъ рядомъ. Меня тоже просили уйти съ моего перевязочнаго пункта, но такъ какъ я имѣлъ право располагать собой, то и остался.

Я разсказалъ ему, какъ было дѣло, а онъ—о томъ, что, испросивъ разрѣшеніе у своего начальства, поѣхалъ послѣ отступленія съ казаками на правый флангъ и вывезъ оттуда оставшихся на позиціяхъ 50 раненыхъ.

— И вотъ, представьте, мнѣ нужна была для нихъ лишняя лошадь, и попалась лошадь капитана генеральнаго штаба (имя рекъ), я и взялъ ее, а онъ потомъ встрѣтилъ меня и сталъ разносить, грозить... Ну, да Богъ съ нимъ!

— А какъ ваша фамилія,—спрашиваю.

— Есаулъ Матвѣенко.

Интересное совпаденіе и поучительный контрастъ!..

— Я разстался съ его пріятнымъ голосомъ, говорившимъ какъ-то особенно ровно и покойно, въ Вандзялинѣ и поѣхалъ въ темнотѣ искать Красный Крестъ. Данныя мнѣ указанія привели меня въ военный госпиталь, но я такъ былъ утомленъ и было такъ темно и поздно, что я рѣшилъ тутъ и переночевать. Меня отпоили чаемъ, дали закусить консервами солонины (моя первая ѣда въ этотъ день, и я сталъ такъ неудержимо дремать, разговаривая съ милыми товарищами, что рѣшился откровенно сѣсть въ уголъ, и на стулѣ заснулъ. Меня разбудилъ одинъ военный врачъ, который свелъ меня въ сосѣдній госпиталь (его—былъ переполненъ), гдѣ мнѣ дали носилки и чье-то пальто, и я подъ открытымъ небомъ заснулъ мертвымъ сномъ. Часа черезъ полтора, много два, словомъ—въ четвертомъ часу утра, чуть брезжило, меня разбудили: пора было укладывать носилки, госпиталю было приказано свернуться и отступать. Добрыя сестры, частью знакомыя, были уже на ногахъ и отогрѣли меня чаемъ и дружелюбнымъ пріемомъ, и я, когда посвѣтлѣло, пошелъ искать свои отряды.

ИЗЪ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО *)

I.

Чигиринъ.

(М. С. Щепкину.)

Чигиринъ мой, Чигиринъ мой!
    Все на свѣтѣ минетъ,
И святая твоя слава
    Пылью въ полѣ сгинетъ.
Этой пылью слава съ вѣтромъ
    Въ тучахъ пропадаетъ.
Надъ землей проходятъ годы,
    Днѣпръ нашъ высыхаетъ.
Разсыпаются курганы...
    Гибнетъ сонъ могильный,
Гибнетъ слава... Про тебя же,
    Старецъ слабосильный,
Кто же слово хоть промолвитъ,
    Кто потомъ разскажетъ,
Гдѣ стоялъ ты?... Даже мѣста
    На̀-смѣхъ не укажетъ!

За что-жъ боролись мы съ панами?
Зачѣмъ рубились мы мечами?
На что татаръ мы избивали,
Костями поле засѣвали

*) Въ истекшемъ году, изъ Шевченко было уже помѣщено нами нѣсколько стихотвореній: авг., 677 стр.; нояб., 117.—*Ред.*

И враговъ крошили—годы?
Гдѣ-жъ на нивахъ нашихъ всходы?

Только травка... Наша жъ слава—
Воли нашей лишь отрава.

А я?!—Я, къ руинамъ пришедшій случайно,
Я плàчу, безумецъ... Заснула Украйна!
Бурьяномъ, какъ плѣсенью, вся зацвѣла,
И сердце въ болотной грязи прогноила,
И змѣй подколодныхъ въ дупло напустила,
А дѣтямъ надежду въ степи отдала.

А надежду, что̀ Богъ сѣялъ,
Вѣтеръ пò-полю развѣялъ,
Буря въ морѣ разнесла.

Пускай же вѣтеръ все разноситъ
На неподрѣзанномъ крылѣ!
Пускай же сердце правды проситъ,
Лишь правды проситъ на землѣ!

Чигиринъ мой! Чигиринъ мой!
Другъ мой! Не случайно
Ты проспалъ поля и степи
И проспалъ Украйну.
Спи жъ, повитый жидовою,
Пока солнце глянетъ,
Пока гетманъ и съ нимъ войско
Грозной тучей встанетъ!

Помолившись, и я бы заснулъ...
Но, какъ ночь, угрюмы,
Зажигаютъ гнѣвомъ душу,
Сердце рвутъ мнѣ думы.

Ахъ, не рвите и не жгите!
Можетъ быть, я снова
Возвращу намъ Божью правду,
Возвращу и слово.
А изъ слова, можетъ статься,
Выкую для плуга
Лемехъ новый, рѣзакъ острый,
И въ часы досуга

Цѣлину вспашу—и въ полѣ,
Въ полѣ, у березы,
Я посѣю наше горе,
Скорбь мою и слезы.
А изъ слезъ ножи, сверкая,
Выростутъ и властно
Сердце хилое разрѣжутъ—
То, чтò спитъ безстрастно;
И изъ сердца кровь гнилую
Выльютъ—и живую
Кровь казацкую въ то сердце,
Кровь вольютъ святую.
Можетъ статься—межъ ножами
Глянетъ несурово,
Глянетъ рута, съ ней барвинокъ...
Вспомнится и слово,—
Пѣсни вспомнятся, чтò пѣлъ я,
Обливаясь кровью...
Сердце дѣвичье въ отвѣтъ мнѣ
Вспыхнетъ вдругъ съ любовью
И забьется, словно рыбка,
Надъ моей могилой...
Пѣсни, думы мои, слезы!
Край родной и милый!

Чигиринъ мой! Спи! Пусть гибнутъ
У враговъ ихъ дѣти.
Спи и гетманъ, пока встанетъ
Правда въ этомъ свѣтѣ!

1844.

II.

* * *

Не завидуй богатому.
Богатый не знаетъ
Ни любви, ни радостей...
Онъ ихъ покупаетъ.
Не завидуй и сильному:
Сила принуждаетъ.

Не завидуй и славному...
    Тотъ, кто славенъ, знаетъ,
Что не онъ любимъ отчизной...
    Любятъ лишь ту славу,
Чтò забылъ онъ, зарыдавши,
    Людямъ на забаву.

Соберутся ль юноши,—
    Жизнь горитъ въ ихъ взорѣ.
А посмотришь пристально—
    И здѣсь также горе.
Будь же чуждымъ зависти
    Средь заботъ о хлѣбѣ.
Въ мірѣ нѣтъ, вѣдь, счастія,—
    Развѣ лишь на небѣ.

1845 г.

III.

Лилія.

—„За что меня, какъ росла я
    Люди не любили?
За что, какъ я выросла,
    Молодой убили?
За что же теперь меня
    Лаской окружаютъ,
Зовутъ меня царственной,
    Очей не спускаютъ,—
Глядятъ, да любуются?
    Скажи мнѣ, мой свѣтикъ,
Мой братецъ родименькій,
    Королевичъ-цвѣтикъ?“

— Не знаю, сестра моя...

    И цвѣтикъ стыдливо
Головкой смущенною
    Поникъ сиротливо.
Склонился онъ къ лиліи,
    Къ лицу ея нѣжно...
И духъ Божій съ ласкою
    Виталъ безмятежно

Надъ ними...
    И лилія
    Слезою-росою
Заплакала, — молвила:

— „Мой братецъ! Съ тобою
Давно ужъ мы любимся...
    А я... я молчала.
Была, вѣдь, я дѣвушкой, —
    Жила и страдала.
И мать моя — помню я —
    Всю жизнь лишь скорбѣла —
И все на меня она
    Сквозь слезы глядѣла.

„О чемъ она плакала, —
    Понять не могла я...
Мнѣ ль скорби разгадывать?
    Была, вѣдь, дитя я.
Играла, рѣзвилась я...
    А мать, молча, вяла
И только помѣщика
    Кляла - проклинала.

„Скончалась мать... Въ комнаты
    Отправлена вскорѣ,
Росла я близъ барина,
    Не зная про горе,
Что дочь я, дочь барская...
    За годомъ годъ минулъ.
Уѣхалъ вдругъ баринъ нашъ,
    Меня же — покинулъ.

„И хлынули люди въ домъ...
    Все жгли, все губили.
И я была схвачена...
    Меня не убили, —
Нѣтъ! Косы мнѣ длинныя
    Остригли съ укоромъ,
Покрывъ меня тряпкою,
    Покрывши позоромъ.

„Я помню: средь хохота
Меня оскорбляли.
Жиды, издѣваючись,
Въ лицо мнѣ плевали.
Мой братикъ! Терпѣла я
Судьбу мою злую,
Пока она нѐ взяла
И жизнь молодую!

„Зимою скончалась я
Отъ мукъ, отъ кручины;
Весной же воскреснула
Цвѣткомъ средь долины.
Воскресла я лиліей...
И рощи смѣялись,
И тѣ, кѣмъ я сгублена, —
Тѣ мной любовались.
Былъ веселъ блескъ солнечный...
Луга зеленѣли...
Въ вѣнкахъ идя, юноши
И дѣвушки пѣли.

„И стали звать дѣвицы
Меня снѣгоцвѣтомъ.
Цвѣла съ того времени
Въ лѣсу я, одѣтомъ
Листвою, и въ праздничныхъ
Палатахъ, въ теплицѣ, —
И всѣ улыбались мнѣ,
Какъ будто царицѣ.

„Скажи жъ мнѣ, родименькій:
За что̀ волей Бога
Такъ много мнѣ горестей,
Страданій такъ много?
Для тѣхъ, кѣмъ я сгублена,
Служить мнѣ забавой...
За что̀, Боже милостивый?
За что̀, Боже правый?"

И плакала лилія...
А цвѣтикъ стыдливо

Головкой печальною
    Поникъ сиротливо
Къ унылому личику
    Лиліи бѣдной...

1846.

IV.

* * *

Струится изъ-подъ явора
    Вода. Внизу — долина.
Краснѣя, спитъ - красуется
    Тамъ пышная калина.
Стоитъ она, красуется...
    Лѣсà вдали синѣютъ.
И вербы спятъ надъ рѣчкою,
    И лозы зеленѣютъ.

Течетъ вода то рощею,
    То лугомъ, подъ горою.
Въ водѣ утята плещутся
    Веселою семьею.
И утка вмѣстѣ съ селезнемъ,
    Какъ мать, плыветъ за ними —
И ласково бесѣдуетъ
    Съ дѣтьми она своими.

Влилася въ прудъ у города
    Рѣка и онѣмѣла.
Пришла брать воду дѣвушка —
    И надъ прудомъ запѣла.
И мать съ отцомъ заслушались
    И думаютъ съ тоскою:
Кто намъ въ зятья достанется,
    А дочь — кому женою?

1860.

V.

* * *

Сошлись, женились, подружились...
Созрѣвъ, какъ будто подросли.

Вишневый садикъ развели
У хаты. Какъ князья, гордились.
Безпечно дѣти веселились
И незамѣтно выростали...

Солдаты — дочерей украли...
Въ солдаты сыновей забрали...
И мы съ тобой... и мы разстались!
Какъ будто никогда не знались, —
Не жили вмѣстѣ, — не вѣнчались...

1860.

Перев. Павелъ Тулубъ.

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ВЪ

ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ Н. П. ОГАРЕВУ

Вторая половина шестидесятыхъ годовъ: 1866—1870.

Вторая половина шестидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка была послѣднимъ пятилѣтіемъ (1866 -- 1870 гг.) жизни А. И. Герцена (сконч. въ Парижѣ 9 (21) января 1870 года); къ этой эпохѣ и относятся помѣщенныя ниже его письма къ Н. П. Огареву. Оставивъ Лондонъ, послѣ десятилѣтняго тамъ пребыванія, Герценъ, въ 1864-мъ году, переѣхалъ въ Женеву, гдѣ и продолжалъ изданіе „Колокола“ вплоть до 1867 г., когда изданіе этого журнала прекратилось само собою. Проживая все это пятилѣтіе въ Швейцаріи, во Франціи, на Ривьерѣ, а также въ Италіи, въ разлукѣ съ своимъ задушевнымъ другомъ Огаревымъ, переѣзжавшимъ также съ мѣста на мѣсто, Герценъ велъ съ нимъ дѣятельную переписку, которая для насъ получила, такъ сказать, значеніе настоящей его автобіографіи, гдѣ, ничего не скрывая отъ друга, онъ открываетъ ему всю тяжесть переживаемыхъ имъ послѣднихъ лѣтъ и съ горечью, напримѣръ, пишетъ Огареву въ самомъ концѣ 1866 года, отвѣчая на только-что полученное отъ него письмо: „Да, да! Die schöne Tage von Aranjuez!.. Я сержусь на тебя и себя, что мы не умѣли ничего сдѣлать изъ своей жизни для себя. Что̀ было хорошаго, ушло на другихъ! Но мѣсто въ инвалидномъ домѣ можно бы заслужить. Оставаясь *обыкновенными* людьми, мы хотѣли жить не по-людски, а повыше, хотѣли и нѣмецкой швермеріи, и французской дебошины, — ну, и какъ слѣдовало жидать, изъ всего вышло тугое, тяжелое, изуродованное житье на а мотива: съ бранью и съ желчью у меня, съ старчествомъ отъ на у тебя... Итакъ, впереди только развѣ и остается, что вспомиать тридцатые и сороковые годы, да мелькнувшую силу 1857—62 гг... Для развлеченья „dann und wann“, похороны, грязь, кото-

рую будутъ бросать разные Элпидины, клеветы"... (см. ниже, письмо 11). Съ такими же мыслями обращается Герценъ къ Огареву и въ 1865 году изъ той же Ниццы: „А пожалуй мы еще и будемъ въ Россіи; Кошутъ собирается въ Венгрію, и поговариваютъ, что Ос. Ив. ищетъ случая ѣхать въ Италію! Лишь бы безъ ранъ на спинѣ, а *общею* дверью. Осиротѣетъ тогда кладбище въ Ниццѣ, а я иногда смотрю съ удовольствіемъ на наши мѣста и думаю: вотъ тутъ будетъ (лежать) Огаревъ, тутъ я... Передъ будущимъ я съ трусостью закрываю глаза" („Вѣстн. Европы", 1907, іюнь, стр. 691). Начало 1866 года застало Герцена на берегу Женевскаго озера, въ Монтрё, откуда онъ и продолжаетъ переписку съ Огаревымъ, начиная съ января мѣсяца [1]).

1.

(1866 г., январь.) Понедѣльникъ. Hôtel des Alpes, Montreux. — Не писалъ я къ тебѣ вчера, потому что не о чемъ. Пріѣхалъ я какъ-то не во-время, засталъ русскую даму и пр...

Погода превосходная. Лиза цвѣтетъ. Она очень мнѣ была рада и водила по горамъ и разсказываетъ мнѣ, какъ большая, всю подноготную, что у нихъ дѣлается. Изъ игрушекъ сигарочный ящикъ взялъ приму. „Это, вѣрно, выбралъ ты, у тебя больше вкусу", говоритъ она мнѣ.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хорошо и покойно. Видъ удивительный изъ окна... Вотъ бы тебѣ пожить и отдохнуть, и омыться, и придти въ себя.—Прощай.

Бакстъ здѣсь, собирается ѣхать. Плащ. не сынъ Наумовой, а второй жены Пл.

2.

(1866 г., январь.) Пятница. Hôtel des Alpes.—Письмецо и телеграмму (хотя и ненужную, потому что извѣщаетъ въ четвергъ о воскресеньи, тогда какъ въ пятницу приходитъ почта) получилъ. Я пріѣду въ воскресенье въ *10 вечера*, о чемъ скажи Тхоржевскому для ради куска мяса для ужина. 29 января—годичное засѣданіе банка. Я думалъ 28-го перевести Natalie въ Hôtel. Ты подробности знаешь отъ Б. Новаго ничего, приливы и отливы...

---

[1]) Часть переписки Герцена съ Огаревымъ была помѣщена Тат. П. Пассек въ III-мъ томѣ ея „Воспоминаній"—„Изъ дальнихъ лѣтъ", въ 1889 году. Въ нашемъ журналѣ также было напечатано свыше 60 писемъ Герцена къ Огареву (1907 г. іюнь, 636 стр.).

Вѣрю очень въ твое леченье (т.-е. вѣрю въ эспасированіе припадковъ), но вѣрю несомнѣнно, что оно возможно только съ исключеніемъ дикаго питья. Кто возьметъ верхъ въ тебѣ, разумъ или безволье?—that is the question, и его я не рѣшаю...

Кинэ (Эдгаръ) меня принялъ съ распростертыми объятіями, оставилъ обѣдать и пр. Жена его—умная, энергическая женщина. Онъ очень доволенъ твоей брошюрой и хотѣлъ даже писать тебѣ хвалебное письмо. А въ той брошюрѣ, которую ты прислалъ мнѣ изъ Флоренціи, прописано, что „я, убѣгая по степямъ снѣга, преслѣдуемый *уланами* и волками, добѣжалъ до Лондона, снялъ съ себя цѣпи и изъ ихъ желѣза отлилъ неизвѣстныя буквы, которыми измѣнилъ правительство и чуть не освободилъ народъ“.

Я продолжаю быть въ модѣ, и „Opinion Nat.“, не помѣстившая нашего дѣльнаго письма, пишетъ въ послѣднемъ № о томъ, что *всякій день* таинственная рука кладетъ Александру II „Колоколъ“ подъ салфетку.

Статья Скарятина очень замѣчательна, но чего же ты ей удивился, когда Касаткинъ объ ней говорилъ и о томъ, что ее взялъ Машкаловъ (?). Я, можетъ, объ ней напишу словъ пять. Хотѣлось бы мнѣ поговорить и о книгѣ Бибикова, она все-таки очень хороша, и весь клоповникъ молодой дряни, отъ (Н.) Утина до Элпидина, ничего подобнаго не напишетъ.

Боюсь, если я не успѣю перевести. Какъ бы опять дѣло не застряло.—Засимъ кланяюсь [1]).

3.

(1866 г.) Суббота 25 февраля. Hôtel des Alpes.—...A propos, теперь опять ходитъ пароходъ до Монтрё и Вето. Это могло бы облегчить тебѣ путь, если вздумаешь. Natalie хочетъ остановиться гдѣ-то близъ Женевы. Вчера я усталъ до лихорадочной безсонницы.

Лиза ужасно умна. Ей нравится въ Hôtel'ѣ гораздо больше; она кокетничаетъ со всѣми англичанками и говоритъ мнѣ: „Ты

[1]) Кинэ Эдгаръ, во время второй имперіи, жилъ въ изгнаніи, боролся противъ рамонтанства, написалъ: „Духъ религій“, „Іезуиты“, „Исторія революціи“ и др. отношеніяхъ Герцена къ Кинэ и къ его взглядамъ см. „Былое и Думы“, напр. ıezia la bella“ и въ другихъ статьяхъ Герцена („Сочиненія А. И. Герцена и писка съ Н. А. Захарьиной“ въ семи томахъ, Спб. 1905 г.).—Скарятинъ Влади- Дмитріевичъ, издатель газеты „Вѣсть“ съ 1863 года.

не говори, что я родилась въ Англіи, чтобъ онѣ удивлялись, какъ я говорю по-англійски". Географію знаетъ по-своему и учится охотно. Жаль, что учителя нѣтъ...

Скажи Тхоржевскому, что двойной № „Моск. Вѣд." онъ долженъ искать у Касатк.; здѣсь нѣтъ...

4.

(1866 г., февраля) 27. Вторникъ.—Бахъ заходилъ вчера въ шесть и не засталъ. Должно быть, онъ больше русскій, чѣмъ нѣмецъ: онъ забылъ въ отелѣ у насъ въ ложѣ портье всѣ свои бумаги *и паспортъ*, не сказавъ, гдѣ остановился. Я жду его.

Лизѣ я очень полезенъ (и отель тоже: здѣсь много англійскихъ дѣтей и очень недурныхъ); я ей читалъ и объяснялъ *Самоучитель* Худякова — превосходно составленный учебникъ, т.-е. изъ ряда вонъ. Очень жалѣю, что я его не зналъ прежде. Она не любитъ учиться долго, но зато полчаса слушаетъ внимательно, съ толкомъ, и помнитъ все.

28. Середа.—Русскіе приводятъ меня въ отчаяніе и бѣшенство. Бахъ не былъ — и бумаги. Новаго мало. Ночью былъ шквалъ. Жду писемъ. Вчера Лиза сдѣлала новое знакомство съ Кинэ. Онъ тебѣ кланяется и, кажется, сдѣлаетъ это лично. Онъ ѣдетъ на шесть недѣль въ Глифъ (?).

Часъ. Письмо Фогта и твоя приписка. Во Франкфуртъ, ergo, можно. Насчетъ дома я знаю одно: больше 3.500 ni — ni, объ остальномъ разсуждаю философски. Давай твой проектъ. Я съ Татой могу ждать въ пансіонѣ хоть здѣсь (если погода будетъ хороша), хоть въ Женевѣ.

Письмо отъ Сатиной. Она въ Москвѣ. Сатинъ въ Петербургѣ. О его пріѣздѣ ни слова. Ал. Ал. получаетъ какой-то дивидендъ наслѣдства Суровщикова (меня это интересуетъ ужъ по части Лизы). Сатина не прочь пріѣхать до Франкфурта. Я считаю это въ сто разъ лучше Берлина [1]).

5.

(1866 г., 1 марта.) *Секретно.*—Caro mio, Долгоруковъ мнѣ написалъ таинственную записку (не говори никому). Въ ней

[1]) Бахъ—одинъ изъ семьи скульпторовъ. — Сатинъ Николай Михайловичъ — другъ Герцена и Огарева: Огаревъ и Сатинъ были женаты на родныхъ сестрахъ, Тучковыхъ.—Ал. Ал. Тучковъ—отецъ Натальи Алексѣевны Огаревой.

зоветъ переговорить о *важнѣйшемъ* дѣлѣ — what the matter? Терпѣть не могу загадокъ. Чтò такое?

Баха нѣтъ, а паспортъ и бумаги все еще тутъ. Нѣтъ, это не Себастіанъ, а просто фуга.

Писемъ не было.

Довольно тихо, но не хорошо. Я остаюсь для Лизы, можетъ, —до середы.

Жуковскій вчера надоѣлъ. Сегодня придетъ съ Ауэрбахомъ (Бертольдомъ). Онъ хотѣлъ тебѣ послать бумаги Веденяпиной и адресъ Голубева.

На первое время планъ такой. Сатина пріѣдетъ, вѣроятно, не ближе 1 мая. Она будетъ два мѣсяца, ergo—до 1 іюля. Я желалъ бы, чтобъ около 20—25 марта Тата со мной съѣздила бы сюда и въ Бернъ. Въ Бернѣ я ее оставилъ бы недѣли на двѣ. И въ это время Тхоржевскій устроилъ бы домъ, а ты исполнилъ бы желаніе свое мѣсяцъ употребить на леченье?

6.

(1866 г.) 2 марта. Hôtel des Alpes, Montreux. — Вотъ и Жемчужниковъ... Ни отъ него, ни отъ Сатиной я помощи не жду... Нѣтъ, Огаревъ, тутъ или будетъ чудо, или все потеряно. Я больше чѣмъ усталъ, старѣю, становлюсь равнодушнѣе...

Я сдѣлалъ опытъ правильно заниматься съ Лизой. Она очень понятлива, очень мило учится.

Я готовъ бы былъ полгода быть учителемъ Лизы и, если сначала не умѣлъ порядкомъ воспитывать старшихъ, заняться ею.

7.

Чтò вы, милые мои алармисты, такъ горячо приняли полицейскую д. . . . . въ „Голосѣ“? Пусть они пишутъ чтò хотятъ. Отвѣтъ я написалъ проще и короче и посылаю его. 35-го № „Моск. Вѣд.“ въ пачкѣ, полученной утромъ, нѣтъ, и потому я не знаю, въ чемъ дѣло.

Скажи Тхор., что письмо его получилъ. На весь апрѣль мнѣ ч не хотѣлось оставлять квартиру, но если иначе нельзя, дѣлать нечего. Куда же перевезетъ онъ мебель и, главное, желѣзный сундукъ? Послѣдній развѣ къ Чернецкому? Келейно сдѣлался я онъ съ Блиномъ (?), что буде нѣтъ наемщика, то онъ про-

срочитъ и заплатитъ по разсчету. Если же явится наемщикъ, то онъ въ три дня съѣдетъ. Я никакъ не позже половины апрѣля буду въ Женевѣ. Еслибъ ты на недѣлю времени переѣхалъ туда же, можно бы рискнуть до 1 мая. Но я тамъ, на юру, ни за что̀ жить не стану. Впрочемъ, вѣроятно, я опять уѣду изъ Женевы въ концѣ мая. Домъ, въ которомъ живутъ здѣсь дѣти, проданъ, и имъ слѣдуетъ въ маѣ съѣзжать. Если дѣла пойдутъ хорошо, Та́та съѣздитъ на мѣсяцъ къ Лизѣ (въ маѣ). Во всякомъ случаѣ я въ началѣ лѣта ихъ устрою.

Чему ты удивился Андріоли? Его письмо въ „Temps" вызвали отвѣты русскихъ газетъ. Вѣроятно, онъ благёрствуетъ, но отчего же ты сомнѣваешься?

Портретъ конченъ. Это первоклассный chef d'œuvre.

Дождь и слякоть при теплѣ и широкко. Если очень скверно, поѣду прямо въ Ливурну,—все же 10-го числа, и оттуда моремъ.

8.

(1866 г.) 27 августа. — Великій патронъ малаго Ланси. Трубецкого нѣтъ. 31-го въ пятницу или 1-го въ субботу ѣдетъ Nat. съ Лизой на недѣлю или дней на десять въ Женеву. Насчетъ квартиры и пр. не хлопочи.

Лугининъ—за изданіе „Кол." по-французски. Между прочимъ у Вырубова проектъ издавать „Revue". Онъ воротится въ концѣ октября, можно соединиться. Насчетъ твоихъ стиховъ „Осужденному" Луг., Nat. (да и я согласенъ) осуждаютъ 3 купл. Краткая теорія выкупа не нравится въ стихахъ. Отъ гнусности женевскихъ онъ внѣ себя и умоляетъ меня бросить Женеву. За послѣдніе полтора года они его наказали слишкомъ на 2.000 фр.

По-моему, всего лучше было бы остаться Nat. въ Лозаннѣ. Но, я думаю, изъ-за этого спорить нельзя. Въ Лугано или Комо зиму провести не дурно. Я ихъ довезу, потомъ поѣду съ Татой, ex. gr., въ началѣ октября во Флоренцію черезъ Лугано, потомъ возвращусь къ новому году и могу ѣхать опять въ мартѣ. Стало, все и пойдетъ какъ слѣдуетъ, если пойдетъ мирно [1]).

---

[1]) Лугининъ—земскій дѣятель, основатель ссудо-сберегательныхъ товариществъ.— Вырубовъ былъ душеприказчикомъ Герцена.

9.

(1866 г.) Вторникъ, 23 окт. Pens. Chevalier. — Приближается срокъ возвращенія, и я думаю объ немъ со страхомъ. Какое безвыходно нелѣпое положеніе... Въ Женевѣ оставаться, по-моему, глупо, въ этомъ пеклѣ сплетенъ... Какое эгоистически проклятое дѣло, что Сатина не хочетъ пріѣхать безъ ковчега дѣтей.

Я написалъ статью къ 1-му декабря о европейскихъ дѣлахъ вообще. Кажется, хороша. Да еще нѣсколько строкъ о Катковѣ по поводу Худякова. Ихъ я написалъ сплеча и послалъ Чернец., не перечитывая. Все касающееся до Каракоз. дѣла надобно пересмотрѣть. Пусть бы Чернец. скорѣе присылалъ корректуры.

Здѣсь я познакомился съ довольно интереснымъ человѣкомъ, директоромъ *вольной* гимназіи въ Страсбургѣ. Альзасъ живетъ сильной жизнью. То, что я подозрѣвалъ, въ самомъ дѣлѣ есть: тутъ германизмъ офранцуженъ и ґальство онѣмечено. Еслибъ я съ нимъ встрѣтился въ Базелѣ, непремѣнно поѣхалъ бы въ Страсбургъ и Мюльгаузенъ. Вотъ куда слѣдовало бы ѣхать, а не въ Ниццу.

Дождь и лѣтняя теплота. Иду за письмами.

Вчера я встрѣтилъ какого-то русскаго, должно быть, генерала. Я глазъ не могъ съ него свести. Что за ужасъ,—ни одного жеста, ни одного слова, за которое бы не стоило дать 500 палокъ. Вотъ народъ-то!

10.

(1866 г., декабрь.) Марсель. Станція. Вторникъ. 7 часовъ утра. — Ровно въ шесть пріѣхали, все шло превосходно. День сплэндидный. Лиза вяло ѣстъ бифстексъ. Я собираюсь сдѣлать тоже. Зубы болятъ у Nat., но не очень. Вещи разсматриваютъ въ Белгардѣ настолько, чтобъ безпокоить, паспорты—для шутки. Однако о книгахъ меня спросилъ. Я показалъ Долгор. и „Былое и Думы". Это, говоритъ, *греческія*,—это все равно.

Далѣе изъ Ліона сѣлъ чистенькій старичокъ англичанинъ, очень учтивый и больной. Спрашиваетъ меня: „Вы въ Марсель?" — Нѣтъ, дальше, въ Каннъ. А вы тоже дальше?—„Въ Гон-гонгъ. Мой комми въ факторіи умеръ". И я вспомнилъ минералогическую неподвижность твою, и былъ радъ, что твой комми въ Гонгонгѣ не умеръ...

11.

(1866 г., 23 декабря?) Воскресенье. Nice marit. Pension Suisse.—Сижу передъ открытымъ окномъ и открытымъ моремъ. Лѣто и даль... и мнѣ тотчасъ въ голову приходитъ браниться съ тобой за вымышленную теорію минеральной неподвижности— temperée ближнимъ кабачкомъ направо и таковымъ же—налѣво. Живой человѣкъ долженъ умѣть двигаться и въ пространствѣ, и во времени. Можетъ и на мѣстѣ сидѣть, но теоретически не поднимать мономанію въ идеалы.

Письмо твое я получилъ. Да, да, die schöne Tage von Aranjuez... Я сержусь на тебя и себя, что мы не умѣли ничего сдѣлать изъ своей жизни для себя. Что̀ было хорошаго, ушло на другихъ. Но мѣсто въ инвалидномъ домѣ можно бы заслужить. Оставаясь *обыкновенными* людьми, мы хотѣли жить не по-людски, а повыше, хотѣли и нѣмецкой швермеріи, и французской дебошины,—ну, и какъ слѣдовало ожидать, изъ всего вышло тугое, тяжелое, изуродованное житье на два мотива: съ бранью и желчью у меня, съ старчествомъ отъ вина у тебя.

Въ Ниццѣ въ 1850 году было первое крещеніе обыкновенной водой... когда сломилась семейная жизнь, въ которую я вѣровалъ, когда я увидѣлъ, что я и покойная Natalie состоимъ подъ Common law. Я съ ума сошелъ отъ удивленія, отъ униженія. А вѣдь несправедливо было состоять на особыхъ правахъ, какъ Бессарабія.

Въ тебѣ наша закваска не погибла, и въ тебя я вѣрилъ дольше. Но когда я слышу, напр., какъ это было на дорогѣ въ Lancy, когда я былъ у тебя въ послѣдній разъ, какъ *Генри* говорилъ Тхорж., что ты оттого боленъ, что сильно зашибаешь хмелемъ, и тожъ повторила Мary (надѣюсь, что ты не скажешь имъ),—я краснѣю, стыжусь и смотрю на тебя, какъ на отпѣтаго.

Съ молодымъ поколѣніемъ нашимъ еще нѣтъ той связи, по всѣмъ мускуламъ и нервамъ.

Итакъ, впереди — только развѣ и остается, что вспоминать тридцатые и сороковые годы. Да мелькнувшую силу 1857 — 62... Для развлеченья „dann und wann", похороны, грязь, которую будутъ бросать разные Элпидины, клеветы... а дома разладица.

12.

(1866 г.) 27 декаб. 87, Promenade des Anglais. Nice. — Во Флоренцію думаю ѣхать, устроивъ для Лизы что-нибудь. Остальное все устроено: квартира до 1 іюля, узналъ о докторахъ, завтра будетъ горничная и піано, возлѣ есть гимнастика и пансіонъ. Но надобно наладить. Лиза занимается хозяйствомъ и моремъ. Внутри у меня какая-то печальная пустота. Cат. необходимъ. Я уже нашелъ одного, но письменно съ нимъ ничего нельзя дать, потому что онъ ѣдетъ *на махъ* и навѣрное будетъ обыскавъ. Я говорю о милѣйшемъ Тр., съ которымъ видаюсь часто (онъ женится, но этого никому не говори). Словесно онъ берется передать московскимъ знакомымъ С., но кому? Неужели К. этого не сдѣлаетъ, или, наконецъ, Ас.? Объ этомъ напиши еще сюда.

Если ты хочешь, то на статью „Вѣстн." отвѣчай простымъ dementi:

Т.-е.: ложно, что...
ложно, что...

а пожалуй, и плевать на нее. Вреда намъ нѣтъ отъ этой статьи.

Что-то отвѣтитъ Катковъ?

Ошибка въ „Колоколѣ" меня взбѣсила до неистовства. Нѣтъ, caro mio, не намъ что-нибудь печатать безъ корректора. Не возьмется ли, наконецъ, Мерчинскій? Въ мѣсяцъ поправить листъ — не большое дѣло. Ошибка до того гидёзна, невниманье такъ колоссально, что руки падаютъ. Я послалъ errat'у. Стало быть, Чернецкій не перечитываетъ въ послѣдній разъ, т.-е. не сличаетъ.

В—ву въ Парижъ писалъ. Онъ на русскомъ языкѣ никакихъ публикацій не хочетъ дѣлать. Написалъ статью, она ужъ напечатана, обѣщалъ прислать.

Здѣсь виленск. ген.-губ. (бывшій) Назимовъ, фрондерствуетъ и либеральничаетъ. Императоръ рѣшительно не пріѣдетъ.

Скажи Тхор., чтобы Георгъ посылалъ, по крайней мѣрѣ, „Колок." акуратно къ Visconti.

Саша будетъ 6 янв. читать публичную лекцію; хотѣлось бы поспѣть, но надежды мало.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 24-го. Что за мухи васъ кусаютъ? Зачѣмъ газеты посылать во Флоренцію, когда я, мо-

жетъ, десять дней проведу здѣсь? И что̀ за паника, и за невѣрное пониманье дѣлъ? Ницца—караванъ-сарай на краю свѣта, и никто не заботится объ ея чтеніяхъ.

Кухарку гнать не надобно, это было бы безчестно съ моей стороны, но уговаривать можно, и если сама захочетъ, то дать 50 фр. (35 впередъ за мѣсяцъ, + 15 pour ses beaux yeux).

Прошу Тхорж. передать Касаткиной искреннее участіе. Мнѣ и тебѣ нечего бояться большой траты за мѣста, мы можемъ даромъ умереть: въ Ниццѣ мѣсто куплено—одно въ 1852, другое—1865. Вотъ перемѣщеніе-то будетъ.

Что̀ съ Гулев.—не понимаю. Какъ ноги отнялись отъ дурной пищи? „Вѣсть" пошлю назадъ. Если что̀ особенно важное въ газетахъ, посылайте сюда, до тѣхъ поръ, пока я напишу о днѣ выѣзда.

А что̀, читалъ ли ты, наконецъ, Шедофероти о нигилизмѣ? Здѣсь есть „Моск. Вѣд.", „С.-Пб. Вѣд." и „Эхо", „Nord".

Гулев. имѣетъ право взять изъ фонда хоть 100, не только 50 фр.

13.

(1866 г.) 30 декаб. Nizza. 87, Promenade des Anglais. — Печально встрѣчаю новый годъ. Тотъ же сумбуръ, тотъ же хаосъ. Я вспоминаю, какъ страшно встрѣчалъ я новый годъ съ 50 на 51 и съ 51 на 52. Ницца, говоря à la Филаретъ, для меня Голгоѳа, или лобное мѣсто. Но уже всякій разъ силъ меньше и такая жажда покоя (не неподвижности), которая все побѣждаетъ. Я бы уѣхалъ, ну, въ Комо, и прожилъ бы мѣсяца два, еслибъ вы могли наладить „Колоколъ" или пріостановить.

Пансіонъ я нашелъ, кажется, очень хорошій. Его держитъ M-me Onterlean, американка изъ Юга, разоренная войной. Ея мать говоритъ, что роптать нечего, что это — божье наказанье за рабство, а надо работать. Вся семья — артисты. У нихъ 30 дѣвочекъ. Лиза будетъ ходить на полдня...

Письмо твое получилъ (все ладно), а объ общемъ скажу только, что я никогда не сталъ бы спорить о неподвижности, еслибъ ты говорилъ *субъективно*, но ты возводилъ въ всеобщнос— самую всеобщую, въ аксіому — результатъ личныхъ нервовъ привычекъ.

Какъ же, caro mio, я-то могу поддержать тебя? Я все дѣлалъ, буду дѣлать, но я надежды не имѣю. Въ моей жизни э—

отхватило ломоть страшной величины. Еслибъ ты въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ остановиться, ты остановился бы. Вѣришь ли ты, что доля моей потребности бѣжать изъ Женевы основана на безсиліи остановить тебя? Это не капризы Ивана Алексѣев., а горечь слезъ.

Пока до 200 фр. можно дать новому студ., далѣе увидимъ (займи у Долгор., если надобно, я пришлю). Изучи его не какъ Утина (Н), а какъ разбойника, распятаго съ Христомъ.

14.

(1866 г.). Суббота. 4 часа, послѣ обѣда. — Статью твою отослалъ вчера.

Вотъ новое предложеніе: нельзя ли напечатать въ декаб. „Колок.", что „Колок." на 1867 начнется съ *1 марта?* Тогда и путешествіе, и все уладится. Я напишу программу и контрбомбардку. Аксаковъ дѣлалъ же себѣ сіэстье. Мнѣніе твое напиши. Квартиру я здѣсь нашелъ одну, а могу найти и двѣ, и три.

Такъ ты открылъ, что Конта все-таки веселѣе читать, чѣмъ Грима исторію Ал. Ѳед. Зарѣзалъ ты бѣднаго Конта.

А что же ты мнѣ что-то не отвѣчаешь насчетъ питья? Я спрашивалъ раза два. Я вѣдь тебя мѣряю аэрометромъ, по количеству алкоголя...

15.

1 января, 1867. Ницца. 87, Promenade des Anglais.—Ну, какъ вы встрѣтили и этотъ новый годъ? Я — въ своей постели, съ записками кн. Долгорукова. Не жду ничего путнаго и въ этомъ году. Есть особенно горькое чувство, — врядъ тебѣ извѣстно ли оно, — сознаніе, что жизнь уходитъ, что человѣкъ могъ бы и быть свѣтлымъ, и освѣщать, могъ бы жить не только schwärmerisch въ фантазіи, но дѣятельно на большой сценѣ, — знать это и чувствовать, что попалъ въ какую-то мышеловку, и дверь захлопнута. Это можетъ довести до отчаянія, меня доводитъ до озлобленнаго бездѣйствія, я безусловно ничего не дѣлаю.

Не думаю никакъ попасть къ 6-му въ Флор.; къ тому же вчерашняго дня и море бурно, что̀, вѣроятно, продолжится сколько дней. Ѣхать бы слѣдовало послѣ-завтра, а окончательно ничего не устроено. Праздники мѣшали и постоянные говоры.

9 утра. Вторникъ. Чтò твоя статья въ „Колоколѣ“?

Въ моихъ печальныхъ экспекторацiяхъ ты видишь одну часть и именно обвинительную, но ты ошибаешься: въ ней столько же своей исповѣди и покаянiя. И если я говорю, что твоя жизнь меня коробитъ, то я также говорю, что свою жизнь я ненавижу. Въ одну сторону моя жизнь бѣднѣе: ты, какъ opiumeater'ы, имѣешь свой мiръ—медитацiи и искусства; я — только дѣятельность и дѣйствительный мiръ. Ты отрѣшилъ себя отъ большей части заботъ мiра сего; на мнѣ лежитъ забота не только о дѣтяхъ, но и о совершеннолѣтнихъ... И я рѣшительно не могу съ себя снять (совѣсть не позволяетъ) должность вашего общаго garde-fou.

2 янв. Рейхель получилъ мѣсто въ Бернѣ. Тр. еще здѣсь,— его бракъ свернетъ, жаль. Онъ не знаетъ, когда ѣдетъ; словесно передастъ Щепкину коммиссiю. Если у тебя найдется вдругъ случай писать къ Сат., пиши, несмотря на записку, которая у меня.

16.

7 января, 1867. 87, Pr. des Anglais.—Вчера получилъ твое письмо. Новаго ничего, все такъ же удушливо тяжело и все двигается съ такой медленностью, что я не могу назначить дня выѣзда. Я никакъ не думалъ, что твоя статья пойдетъ въ февральскiй листъ. Зачѣмъ же въ немъ два большiе leading'а, и чтò жъ будетъ въ 1-ое марта? Мы съ тобой говорили, что твоя статья послужитъ продолженiемъ моей, а въ 1-мъ апр. была бы опять моя. Наборъ, впрочемъ, можетъ полежать. Лучше же помѣстить „Бѣлый терроръ“ и всякiй вздоръ. Я послалъ П. В. нѣсколько строкъ о его „запискахъ“, и ихъ въ этотъ листъ. Изъ чего намъ такъ роскошествовать? „Колоколъ“ надобно поддерживать какъ знамя, и потому съ нѣкоторой экономiей располагать матерiаломъ.

С. С. молодецъ. Чтò преподобный Мер. скажетъ на это? Они же правила поставили. И этотъ н...... говоритъ и признается, что получалъ не въ заемъ, а въ вспоможенiе отъ меня. Что, ты помирился, что-ли, съ Касат.? Чернецкiй пишетъ, что дѣла типографiи идутъ плохо. Пора и ее сдать въ архивъ. Подумай объ этомъ и посовѣтуйся хоть съ Долгор.

Пока, разумѣется, надобно посылать сюда. Я поѣду 12-го или 15 (такъ пароходы устроены) и во всякомъ случаѣ напишу за три дня. Отсюда переслать не хитро. Ужъ развѣ чтò осо-

бенное, такъ прямо въ Флор. Примѣръ „Вѣсти" ничего не значитъ; лучше получать днемъ позже, чѣмъ совсѣмъ не получать.

Ты, caro mio, пишешь консолаціи. Я не вижу ни одной свѣтлой точки въ будущемъ, да вѣдь и ты не видишь. Это такъ говорится. Кто первый сказалъ слово чернаго отчаянія, тому второй говоритъ слово утѣшенія. Скажи второй,—первый начнетъ утѣшать. Я говорю о нашей личной жизни. Что касается до Cosmos'a, онъ „fara da se". Быть наблюдателемъ и очищать и мысль, и жизнь, это нравственное схимничество можетъ идти. Но для этого надобно покой, а чтобъ было покойно, надобно пожертвовать безпокойными, ну, и опять логическій кругъ. За симъ, прощайте.

Я стараюсь здѣсь все устроить до 1 марта, раньше я не вернусь изъ Италіи; въ Женеву вѣроятно послѣ 15 марта, а можетъ, и позже, къ сдачѣ квартиры.

Лиза хозяйствомъ занимается такъ: накрываетъ на столъ, чиститъ ковры и хлопочетъ. Въ школу ходитъ.

17.

(1867 г.) 8 янв. 87, Pr. des Anglais.—Дождь. Здѣсь дурная погода ко всему другому невыносима. Работать не могу, много пить не могу, много спать стараюсь, и все-таки—скука.

Читаешь ли ты процессъ о возмущеніи мальчиковъ въ тюрьмѣ въ южной Франціи? Если нѣтъ,—сейчасъ примись за него. Что же за жизнь развиваютъ такія абнормальности? Главный обвиненный—15-ти лѣтъ.

Слышалъ ли ты о смерти m-me Biggs?

2 часа. Твое письмо отъ 5 янв. Какъ же это ты не догадался, что я ошибочно письмо положилъ въ пакетъ Чернецкаго? Съ какой же стати мнѣ писать черезъ типографію? Или ужъ не переложилъ ли ихъ *кто другой*, chemin faisant? Меня это и удивило, и огорчило. Чернец.—честнѣйшій человѣкъ, но я не хочу, чтобъ и онъ читалъ, что я къ тебѣ пишу. Это все размягченіе мозга.

Сегодня Nat. имѣетъ письма изъ Россіи. Опять ни слова о деньгахъ. Я сказалъ, чтобъ она непремѣнно написала; присылаютъ пусть сюда въ Ниццу, я переведу, но что-то не вѣрю.

О статьяхъ въ „Колоколъ"—я послалъ твою въ мартъ. Двойного не издавать ни подъ какимъ видомъ (развѣ для помощи Чернецкому). Какъ можно намъ (безъ читателей) бросать матеріалъ? Или я неясно понимаю твой разсчетъ, такъ напиши.

Думаю ѣхать въ *субботу* или окончательно *во вторникъ*, т.-е. ровно черезъ недѣлю. Только болѣзнь или какая бѣда могутъ остановить...

18.

(1867 г.) 11 янв. 87, Prom. des Anglais. — Моремъ ѣхать невозможно, пришлось тащиться въ malle-poste. Билетъ взятъ. Я ѣду въ самый русскій новый годъ, *13 янв.*, въ 8½ вечера, до Онеліо—въ купэ, оттуда—на банкеткѣ съ кондукторомъ въ Геную. Къ ночи, въ понедѣльникъ, буду тамъ, на другой день (15)—въ Спецціи, и оттуда по желѣзной дорогѣ—въ Флоренцію (16, а если останусь въ Генуѣ—17), гдѣ навѣрное и буду въ середу. Вотъ весь маршрутъ—sans malheur et retard.

Лекція Саши была очень успѣшна. Посылаю записку Мальвиды, принимающей во всемъ нашемъ самое горячее участіе.

Вѣрно, ты не пропустишь въ „Кол." разстрѣляніе поляковъ въ Сибири и пропустишь мое замѣчаніе объ „Отголоскахъ", которые выходятъ по старому.

Получилъ сейчасъ твое письмо отъ 8-го. На все я уже отвѣчалъ прежде. Я, право, не вижу, зачѣмъ издавать двойной листъ, зачѣмъ въ одномъ листѣ два leading'а и гдѣ то обиліе статей (и читателей), чтобъ такъ роскошествовать? Если это дѣлается для Чернецкаго, я согласенъ; если же по разсчетливости, то не могу согласиться. Поэтому и разсуди самъ. Почему ты перемѣнилъ свое рѣшеніе— статью свою печатать въ слѣдующ. листѣ?

Если брошюра дѣльная, съ чѣмъ-нибудь пришли во Фл.; если вздоръ—оставь.

Тр. ждетъ свою мать, знаменитую Витгенштейнъ. Итакъ, застрянетъ и онъ. Авось ли найду случай въ Флоренціи.

19.

(1867 г.) Генуя. Hôtel de la Ville. 15 янв. Вторникъ. — Ну, милостивый государь, наконецъ-то я дотащился до Генуи. Это не лучше поѣздки изъ Пензы въ Москву. Дождь лилъ три дня и лилъ во весь путь. Мы ѣхали 26 часовъ въ дилижансѣ. Рѣчонки поднялись въ рѣки. Закрывшись, на банкеткѣ была духота безъ предѣловъ, открывшись — вода обливала всего. Сегодня—громъ, молнія и штормъ, даже градъ. Я поневолѣ остаюсь

до 17-го здѣсь; вѣроятно, море уляжется, пытку дилижанса не хочу еще разъ.

Увидимъ, что̀ сдѣлаютъ эти два мѣсяца, — я врядъ возвращусь ли до начала марта въ Ниццу.

Благословляю издать двойной „Колоколъ“ для Чернецкаго съ тѣмъ, чтобы отъ меня не ждать ни въ мартъ, ни къ 1 апрѣля ничего, кромѣ *Смѣсей*.

Читалъ ли ты рѣчь Самарина (Дмит.) въ земскомъ засѣданіи? Я ею доволенъ.

Что̀ ты хочешь дѣлать съ статьей Каткова о раскольникахъ? Она намъ почетна. Все же и по его выходитъ, что имъ дали льготы, имѣя въ виду ихъ связь съ Лондономъ. Развѣ это и сказать?

20.

(1867 г.) Genova 16 янв. Середа. — Забава да и только. Вчера — громъ и ливень, сегодня — холодъ и ливень, — да вѣдь безпрестанный дождь сегодня десятый день. Ѣду завтра въ Александрію — крюкъ огромный, но все по желѣзной дорогѣ; оттуда черезъ Модену въ Болонью, тамъ останусь полдня и, вѣроятно, въ субботу буду въ Флоренціи. Новаго сообщить, разумѣется, нечего. Вчера я тебѣ писалъ...

21.

(1867 г.) 19 января. Флоренція. 41, Via S. Monaca. — Посылаю вмѣстѣ съ этимъ письмомъ всѣ корректуры. Твоя статья по началу какъ-разъ придется продолженіемъ моей III статьи. Она хороша. Хорошъ и „Бѣлый терроръ“, но я прошу тебя выправить его посерьезнѣе. Я полагаю, что нельзя отдавать въ печать, не поправивши. Не забудь, что въ заглавіи вмѣсто терроръ написано: герорѣ, и убавь ругательствъ. Сколько могъ, я сдѣлалъ, но дѣйствительно голова идетъ кругомъ, а времени мало. Если нельзя, то и не посылай mise en page. Хотя я не вижу резона, отчего „Колоколу“ не выйти 3—4 февр., — кого это бидитъ?

С. С. печатаетъ, какъ ты видишь, брошюру противъ насъ. то̀ же сдѣлаютъ остальные „эмигранты“ и пріятели? Это интесно для будущихъ сношеній. Предложи-ка Мерч. протестовать Мечникову. Не благодушничай. Я съ своей стороны ихъ мол-

чаніе приму за согласіе съ С. С. и *раззнакомлюсь*. Ты можешь это сказать Мерчинс. Быть съ нами знакомымъ и пускать этого мошенника къ себѣ въ домъ — двуличность. Якоби поступаетъ лучше. Если С. С. сумасшедшій, что же его не сажаютъ въ Женевѣ въ сумасш. домъ? Если же нѣтъ, пусть несетъ всю отвѣтственность за дѣла.

Здѣсь все хорошо, кромѣ ужаснѣйшей, холодной и отвратительной погоды. Ольга нѣсколько сложилась, умна умомъ и воображеніемъ, хотя ничему не учится. Тата занимается довольно, хотя собой не довольна. Саша въ самомъ дѣлѣ работаетъ. И Мейз. ничего, хотя здоровьемъ плоха. Ей вчера д-ръ Левье дѣлалъ подкожную инъекцію морфина отъ головной боли.

Я никакъ не ожидалъ, что Долгор. недоволенъ статейкой. Въ поощреніе прибавлю нѣсколько строкъ, которыя передай Черненцкому.

22.

(1867 г.) 22 янв. 41, Via S-ta Monaca.—Работы наладить еще нельзя. Да и отчего же ты не отмѣтилъ прямо для „Смѣси" кое-какія рѣзкія вещи, напр. 1) объ ограниченіи права раскладки въ земск. соб. и о московскомъ протестѣ. Такую вещь и Долг. сдѣлаетъ. Погода была до того дурна, что я къ Vieusseux не ходилъ. Присылай, пожалуй, только тѣ №№ газетъ, въ которыхъ есть что-нибудь интереснаго (ну, два раза въ недѣлю).

Можетъ, о процессѣ Чичерина есть больше подробностей, спроси у Долгор. [1]).

А въ Москвѣ рѣчь-то говорилъ Юр. Самаринъ. Это Трубецкой меня ввелъ въ искушеніе...

Итакъ, еще разъ прошу въ „Смѣсь" отмѣчать безъ меня. Думаю черезъ двѣ недѣли ѣхать въ Венецію. Здѣсь жизнь все жъ слишкомъ юна и бойка, хотѣлось бы пообдуматься одному.

23.

(1867 г.) 25 янв. 41, Via S-ta Monaca.—Получилъ отписку отъ Тхоржевскаго о холодѣ, типографіи, Долгоруковѣ и пр., и его простое письмо rather навело грусть. Впрочемъ, я вообще

[1]) О процессѣ Чичерина въ Парижѣ помѣщена статья въ „Колоколѣ" 1 февр. 1867 г.

въ хандрѣ (скверная погода продолжается, хотя теплѣе). Меня мучитъ неумѣнье устроить жизнь—для себя, для насъ, для нѣсколько близкихъ лицъ. Мнѣ иногда сдается, что мы оба—ты и я—страшные эгоисты, ты съ нѣжными, я съ жесткими велеитетами, и оттого постоянно губили все около себя, себѣ, и выкупаемъ нашу психическую антропофагію общими интересами и талантомъ.

Я стою теперь „wie ein Ochs am Berge" и рѣшительно не знаю, что̀ сдѣлаю для дѣтей и что̀ для Лизы. Я здѣсь всѣми доволенъ. Ольга, дѣйствительно, умна и жива и очень развилась, она очень красива и граціозна. Тата занимается много... Но я чувствую, что въ этой жизни онѣ будутъ глохнуть, и того и смотри выйдутъ изъ нея въ глупый бракъ... Но что̀ я сдѣлаю? Для этого надобно: 1) жить съ ними, 2) удвоить ихъ окладъ (а онъ теперь уже достигаетъ 14.000 фр.) и, наконецъ, не жить на 3 дома...

Вотъ я и ломаю голову: ну, пройдетъ мѣсяцъ, два, я опять буду въ Ниццѣ, опять пріѣду въ Женеву,—при чемъ же всѣ останутся? А тутъ еще нелѣпость — везти Лизу въ Россію. И бьемся, бьемся, и эгоизмъ беретъ верхъ, и хотѣлъ бы бѣжать, куда бы то ни было, только одинъ. Твоя жизнь несчастна, но она менѣе запутана.—Ну, довольно!

Вчера у Шиффа былъ rendez-vous для спора о libre arbitre съ Доманже. Шиффъ былъ сплендиденъ; да, онъ большой талантъ и большой логикъ. Разумѣется, онъ Доманже побѣдилъ, и тотъ (несмотря на французское многоязычіе и свое умноязычіе) сдался, что̀ въ спорахъ бываетъ рѣдко. Итакъ, libre arbitre принесенъ на закланіе [1]).

24.

29 янв. 1867. 41, Via S-ta Monaca.—Особеннаго сказать нечего, развѣ придетъ scribendo. Замѣтилъ ли статью въ „Голосѣ" (5 янв.), совпадающую шагъ въ шагъ съ моей статьей въ „Колоколѣ"? Жду продолженія ея.

Сегодня получилъ письмо отъ Луг., проситъ денегъ для Оз.—Тхор. ему послалъ 50, пошлю я отсюда 100, тогда у меня остается въ фондѣ *450* фр., и затѣмъ—финалъ. Свой взносъ я начинаю беречь съ другой цѣлью,—о томъ послѣ. А 250 могу прислать.

---

[1]) Шиффъ—нѣмецкій физіологъ.

Послѣднее письмо изъ Ниццы было *отъ 17*—все это въ наказаніе и боль. О, карѣйшій защитникъ прибавки женщинъ въ жизнь, какую новую коментарію я нашелъ здѣсь въ подтвержденіе моего взгляда!

Пьянчіани (отличившійся въ послѣднюю войну, въ которую пошелъ простымъ волонтеромъ) изнемогаетъ подъ бременемъ домашнихъ пакостей, дѣлаемыхъ дрянной и состарѣвшейся француженкой, которая жила у него еще въ Лондонѣ. Онъ старѣется, падаетъ, стыдится и не можетъ вынуть ноги изъ постромки. И эта женщина, безъ образованія, безъ ума, *безъ дѣтей*, давитъ его и все возлѣ стоящее!..

Здѣсь, т.-е. флорентинцы, меня опять приняли съ такой симпатіей и такимъ вниманіемъ, какъ въ 1863 г. Странно, они меня меньше знаютъ нашихъ швейцарцевъ, а сочувствія больше. Впрочемъ, здѣсь и русскіе всѣ лучше: Леманщиковъ, живописецъ Ге, скульпторъ Забѣла, Желѣзновъ и самъ Fri V (я его пишу, какъ Charles Quint). Вчера былъ у Муравьевыхъ (жена Алекс., умершаго въ Сибири)—портреты. Напр., мать Никиты Мур., молодая женщина, и на колѣняхъ ребенокъ лѣтъ 5—Никита.

A somme toute, думая и думая, я не рѣшился бы здѣсь жить. Все-таки маленькій городъ. Что-то Венеція? Я ей придумалъ огромную будущность—на развалинахъ Австріи и въ tête-à-tête'ѣ съ Константинополемъ.

Vedremmo—къ 15 февр. я тамъ.

Жить пока придется въ Швейцаріи.

Сейчасъ Фрикенъ получилъ приказъ возвращаться въ Россію,—что̀ за скотство! Онъ, кажется, не поѣдетъ.

Твое письмо отъ 28-го пришло. Изъ Ниццы ни слова. Какъ же при полной безотвѣтственности людскихъ дѣлъ ты пишешь, „что тебя, какъ и меня, оскорбляетъ глубоко записка"... Да если это необходимое послѣдствіе? Вѣдь не оскорбляетъ же тебя тифъ и его послѣдствія; они только могутъ огорчать. Тутъ что-то въ практическомъ приложеніи не ладно. Я это испытываю на себѣ. Конечно, изъ уравновѣшенія эгоизмовъ только и можетъ выйти норма поведенія. Но и тутъ врядъ есть ли единство между сказаннымъ и твоей теоріей о преданности, которую ты сильно защищалъ въ 1861. Да зачѣмъ же мы не работаемъ надъ этимъ вопросомъ?

Ты пишешь еще—„дѣло въ дѣлѣ", и о нерѣшительности въ жизни. Что̀ же я сдѣлаю въ частной жизни? Спасенье могло быть серьезное—это въ совокупномъ жительствѣ Лизы съ Тат. и Ольгой.

Я просто устаю и тупѣю, и тутъ никакая теорія de libero et servo arbitrio не поможетъ. Я вижу одно: *мы несчастны въ частной жизни*, и слышу ясно и отчетливо: *и по дѣломъ*,—и это я ношу, какъ ядро на ногахъ. Was haben Sie dazu zu sagen?

Скажи Тхор., что портретъ Черныш. и 2 красныя рубашки получилъ. Я ему писалъ о деньгахъ, пусть пишетъ о stricte nécessair'ѣ. Отсюда посылать—потеря 6%.

Шиффу въ понедѣльникъ было 44 года. Сегодня второй диспутъ съ Доманже.

25.

(1867 г.) 3 февраля. 41, Via S-ta Monaca. — Я что-то не въ духѣ и простуженъ; о причинахъ не хочется толковать, т.-е. о психическихъ, а что касается до причинъ физическихъ, онѣ понятны: весь день жаръ, да вѣдь невыносимый на солнцѣ, а вечеръ и утро такъ холодны, что я подкладываю дрова въ каминѣ и дрожу.

Вотъ тебѣ хорошая вѣсть. Пока мы съ тобой разсуждали насчетъ Сатина и придумывали средства, все сдѣланò. Чтò за славная m-me Reichel. Я ей писалъ мѣсяца полтора тому назадъ—найдите мнѣ случай передать С—ну слова два,—здоровье Ог. и въ особенности болѣзненное состояніе духа Nat. послѣ смерти дѣтей дѣлаютъ необходимымъ свиданіе. Мар. Касп. отвѣчала, что сію минуту нѣтъ ничего въ виду. А вчера пишетъ: „случай имѣла, записочку написала сама и сегодня получила вѣсть о томъ, что она доставлена". Молодецъ. Они черезъ мѣсяцъ (т.-е. Рейхели) будутъ въ率Бернѣ, если случится fattauna cortesia.

Второй коллоквіумъ Шиффа не былъ такъ удовлетворителенъ, какъ первый, и я начинаю думать, что споръ опять-таки *номинальный*. „Отвѣтственность за поступки объективная, а не субъективная", — съ этимъ является снова судъ и пожалуй казнь. Подожду третій разговоръ. Физіологическая необходимость многаго не объяснитъ, есть элементы ею неуловимые,—напр., историческіе антецеденты, даже наслѣдственность. Есть закраина, гдѣ оба термина антиноміи переходятъ другъ въ друга, т.-е. гдѣ человѣкъ съ сознаніемъ пользуется правомъ ступить лѣвой или правой ногой, хотя приведеніе въ исполненіе идетъ уже по физіологической необходимости. Попробуй написать, чего нѣтъ, другого тона,—тезисы съ нѣкоторымъ развитіемъ.—По моему, это право важнѣе математическихъ фантазій.

Я сталъ бы писать, но здѣсь невозможно — такъ устроена

жизнь. Ты бѣжалъ бы черезъ недѣлю. A la longue и я бы не могъ вынести. Это жертва.

Итакъ, земщину петербургскую въ три шеи. „Indép.“ пророчитъ конституцію, а все вмѣстѣ—войну.

Войну натягиваетъ Франція, въ этомъ не сомнѣвайся. Дѣла Запада я здѣсь могу лучше знать, чѣмъ вы въ Женевѣ. Если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году весной—sans иныхъ перемѣнъ—будетъ война. Смотрите, Николай Платоновичъ, вопросъ этотъ для васъ лично—to be or not to be. Тутъ случай—снова побѣдить ту позицію, съ которой насъ сбили въ 1862 г. Если же это не нравится,—торжественно умолкнуть какъ журналъ и приняться за книгу. Bedenken Sie das.

А propos, кажется, ты не замѣтилъ вылазку въ „Моск. Вѣд.“ выписывающаго изъ газеты „Pбsor“: „Кто же въ Россіи за польское возстаніе теперь? Герценисты были одни прежде, но и тѣ поссорились недавно съ поляками“.

Объ Аксак. примите въ „Смѣсь“ строкъ нѣсколько,—что̀ за бомбистъ, что̀ за риторика временъ Вадима Пассека и супруги его!

Здѣсь совершаются немалыя дѣла. Правительство aux abois безъ денегъ, хотѣло, отобравши у монастырей земли, ихъ продать обществу Белгол., подъ которыми скрывались іезуиты. Правительство вывернулось бы, а іезуиты закрѣпили бы земли какиминибудь продѣлками и уже требовали разныхъ уступокъ. Несмотря на мильоны, присланные для *хожденія по дѣлу* и покупки голосовъ, дѣло рухнулось и 7 комм. изъ 10 вотировали противъ. Вѣроятно, министерство падетъ или распуститъ камеру. Жаль одного Рикасоли.

Пока довольно. Если мысль моя ясна насчетъ войны и нашей атитуды, черкни объ этомъ слово.

„Колок.“ мнѣ не нужно было посылать.

Статейку объ Акс. не показывай прежде Долгор., онъ раскричится.

26.

(1867 г., февраля) 4-го. Понедѣльникъ. — Посылаю тебѣ „швейнерей“ о Будбергѣ, пропечатай и поправь. Да полученъ ли Мазадъ? Статейка о Будбергѣ заставитъ хохотать и сердиться.

Жду рапорта о твоемъ переѣздѣ. Сильно надѣюсь на Тхоржевскаго и плацъ-маіора. А propos, такъ какъ Тхоржевскій не

имѣлъ никакого блезиру и не тормашитъ честностью, какъ Чернецкій, я предлагаю ему villeggiatur'у, то-есть пріѣхать, ex gr. къ 20-му числу сюда, пробыть недѣлю и потомъ ѣхать съ нами до Ліона. Разумѣется, если этого ему хочется,—wenn es Spass macht.

Въ статьѣ Бакун. (въ Шассеновской Демократіи) ни слова о Россіи—sehr gut. Зачѣмъ ты гадаешь и клятвословишь о его неучастіи въ Элпидинѣ,—проще спросить.

Тата сама желала остаться долѣе во Флоренціи. Я ея письмами очень доволенъ. Ты говоришь, что настоящій разумъ значитъ *сыскать выходъ*—въ безвыходномъ-то положеніи? Да не въ томъ ли, чтобъ *выхода не искать?*

Итакъ, Георгу покажется дорого 1.000 фр. Это *50 фр.* съ листа. Громоръ больше беретъ за переводъ. Опять, „людей и лошадей зноби, мы тѣшимъ"—Чернецкаго.

Сталъ жерновъ! Воды нѣтъ, а мы надрываемся вертѣть. Аминь, аминь глаголю: еще французскій „Кол." пойдетъ,—русскаго ничего. Но теперь ужъ не польскому дѣлу мы обязаны, а Базаровымъ, которые проповѣдуютъ отъ Гейдельберга до Сольвычегодска, отъ Флоренціи до Корчевы, всему молодому поколѣнію ненависть къ намъ. Тата мнѣ пишетъ объ удивленіи молодыхъ русскихъ дѣвушекъ, познакомившихся съ нею. „Въ Россіи, говорили, васъ считаютъ за аристократокъ, какъ вашъ отецъ, а про Ольгу говорятъ, что она давно католичка".—Это échantillon.

Прощай. Есть у Мечникова статьи предисловіе? Есть подпись его? Тогда печатай съ плеча и вели прислать корректуру *какъ письмо.*

Статья о Якушкинѣ кончена.

27.

(1867 г.) Середа. 6 февраля. 41, Via S.-Monaca 2° p°. — Вѣроятно, письмо какъ-нибудь завалялось или пропало. Я ни разу не пропустилъ больше *четырехъ* дней, и если не къ тебѣ, то писалъ въ интервалахъ къ Тхоржевскому.

Дней пять я провелъ въ несказанномъ ужасѣ, не хотѣлъ ѣ писать до окончанія, и именно потому и пишу теперь. Въ нцѣ прошлой недѣли я получилъ отъ N. письмо, въ которомъ а писала, что въ Ниццѣ круппъ и дѣти мрутъ. Вслѣдъ за мъ—что у Лизы лихорадка, дальше—что у ней железы распли. Я сказалъ, чтобъ тотчасъ телеграфировали, и былъ готовъ

съ первымъ train послѣ телеграфа скакать въ Livorno и на первомъ пароходѣ ѣхать въ Ниццу. Ты можешь представить, какъ я провелъ время отъ *пятницы утра до середы*, особенно ночью. Наконецъ, сегодня получилъ письмо, что никакой опасности нѣтъ и что все это, кажется, легкая простуда.

„Тяжела шапка Мономаха“!

Вотъ тутъ и отдыхъ, и Венеція, и придти въ себя отъ тысячи тревогъ, мученій et cet.

Въ воскр. я послалъ статейку объ Аксаковѣ. Писалъ и въ прошлую пятницу (между прочимъ о Pianciani). „Колоколъ“ получилъ. Какъ бы не привязались къ слову „мошенничество“ въ статейкѣ Долгорукова, — я постоянно вымарываю ругательства. Русскіе здѣсь съ жадностью читаютъ „Бѣлый терроръ“,—скажи автору [1]).

Напишу еще въ „Смѣсь“ нѣсколько строкъ. Въ Венецію до 15 не поѣду.

Прощай. Отдай Тхоржевскому счетъ и слѣдующую страницу.

Послѣ обѣда. На сей разъ пиши, если что̀ надо, скорѣе: мнѣ хочется черезъ 10 дней быть въ Венеціи и тамъ остаться отъ 10 до 15 дней, потомъ обратно въ Флоренцію.

28.

(1867 г.) 7 февраля. Четвергъ. — Всѣ лежали дня два въ головной боли. Сегодня отхаживаемся, хотя Тата еще больна. Сегодня же извѣстный живописецъ Ге приходилъ съ требованіемъ дѣлать мой портретъ „для потомства“. Дѣлаетъ онъ удивительно (пока объ этомъ съ посторонними не говори). Завтра начнемъ, и Тата начала. А фотогр. Ольги испорчена, пришлю новую.

Я опять написалъ статейку противъ Аксакова и прошу ее непремѣнно помѣстить и тоже Долг. не слушать.

Что̀ же вы помѣстите въ 1-мъ апрѣля? Отъ меня кромѣ „Смѣси“ и пожалуй письма изъ Италіи (въ родѣ „Неаполь“ 1863) ничего не ждите.

Молнія, громъ, градъ и вьюга—все свищетъ, шумитъ, и вотъ причина фамильной головной боли.

Статью in Aksakio перечиталъ; ладно, и посылаю; разумѣется, прошу прислать корректуру.

---

[1]) Такъ назывался рядъ статей въ „Колоколѣ“ съ 1 января 1867 г., присланныхъ изъ Россіи.

Разумѣется, я доволенъ квартальнымъ надзирателемъ, и, если Утинъ (Н.) хочетъ, дозволяю употребить старое знамя „Полярной Звѣзды“. Въ него пойдетъ статья „Non possumus“, и я пожалуй дамъ отрывки изъ „Былого и Думы“. Наконецъ, вчера я спрашивалъ у Шиффа позволенія напечатать его три бесѣды о „libro arbitrio“, которыя запишутъ Саша и d-r Levier, а я и Шиффъ поправимъ. Если нужно, я заставлю дать Фри V статью (отрывокъ) изъ книги, которую онъ печатаетъ на Боткина счетъ, объ искусствѣ, т.-е. объ историческомъ развитіи. Но чтобъ ясно было 1) что вся финансовая часть ни по +, ни по —, ни тебя, ни меня не касается; 2) чтобъ поправка корректурныхъ листовъ была сдѣлана ими и на ихъ отвѣтственности, 3) чтобъ на заглавіи отмѣтить, что мы не одни...

29.

(1867 г.) Середа. 13 февраля.—О предполагаемомъ Revue я уже писалъ. Теперь было бы время начать, еслибъ были деньги, французъ. Revue. Шедо-Ферoти лопнулъ, и „Эхо“ будетъ издаваться по-русски. О Круз. и Шуваловѣ слѣдуетъ сказать слова два. Аксакова не жалѣй, въ немъ надобно добиться до совѣсти...

Библейское выраженіе „камни плачутъ“ слишкомъ извѣстно, чтобъ возможно было не шутя спрашивать, что̀ слѣдуетъ: „камни“ или „калѣка“. Это, caro, у тебя рѣшительно привычка.

Тезисы твои хороши, и я ихъ всѣмъ прочелъ и читаю. Но вполнѣ они меня не удовлетворили.

1) Даже Доманже никогда не говорилъ объ абсолютномъ libre arbitre, а объ очень *относительной* способности, de la volition, какъ о сложной функціи физіологическаго процесса, состоящей въ зависимости отъ остальныхъ и имѣющей свою самостоятельность.

2) Я совершенно не понялъ, что̀ ты хотѣлъ сказать тѣмъ, что въ организмѣ нѣтъ особаго органа воли. Центр. органъ всѣхъ физіологическихъ явленій—мозгъ. Гдѣ же отдѣльный органъ памяти, изящнаго или красоты,—не понимаю.

3) Еще меньше понимаю, по моему вовсе не идущую къ лу, отмѣтку о крикѣ больныхъ. Ни крикъ, ни помѣшательво къ дѣлу не идутъ. Еще бы отрубить голову, да и спротъ: судороги произвольны или нѣтъ? Способность *помнить* онадаетъ въ обморокѣ, ergo—памяти нѣтъ.

Я не возражаю на главную тему, а ищу яснаго пониманья.

До сихъ поръ Шиффъ довелъ *до* тѣхъ явленій, которыя неученый языкъ называетъ волей, выборомъ. Законовъ, вполнѣ отрицающихъ его, я еще не слыхалъ и жду. Дѣло такъ нелегко, что у насъ ни языка, ни категоріи, ни словъ нѣтъ, чтобъ выразить невольную волю желанья и избранья. Весь строй общественныхъ и личныхъ отношеній долженъ пересоздаться на основаніяхъ фатализма, съ одной стороны, и безпощадной защиты съ другой—(это-то Шиффъ и назвалъ объективной отвѣтственностью; я не знаю, почему ты ее отбросилъ). Объясняй, пиши... volo videre quo modo ædificatis, какъ говорилъ сумасшедшій Гро Прудону.

Поѣду въ Венецію, можетъ, въ воскресенье, 17-го, въ половинѣ 11-го вечера. Если Лиза въ самомъ дѣлѣ будетъ хворать, ускорю возвращеніе въ Ниццу, можетъ, 5—10 марта. Если же нѣтъ, пробуду еще недѣли двѣ въ Флоренціи. До слѣдующаго письма адресуй сюда. Переслать легко, а я, вѣроятно, въ субботу напишу.

Здѣшними я доволенъ. Все очень чисто, и атмосфера, и занятія. Тата очень сложилась и меньше шумитъ. Ольга идетъ своимъ путемъ, въ музыкѣ дѣлаетъ успѣхи, умна, т.-е. остра. Саша серьезно занимается,—еслибъ онъ немного сбилъ угловатыя манеры, онъ много выигралъ бы. Я уѣду безбоязненно. Еслибъ не Мейз., у которой вѣчныя идеи гименоманіи и все она ищетъ невѣстъ и жениховъ, никто не говорилъ бы и не думалъ о пропасти семейнаго счастья.

Министерство здѣсь изящно провалилось и все подало въ отставку. Жаль Риказоли, но ништо!—и камера отличилась. Подроб. найдешь въ „Journal de Génève“. Сейчасъ прочелъ, что вчера вечеромъ камеры распущены.

Сегодня былъ у Викт.-Ем., и Саша получилъ приглашеніе. Я совѣтую ѣхать взглянуть.—Затѣмъ прощай.

12 часовъ. Опять записка изъ Ниццы о лихорадкѣ у Лизы. Здѣсь была корь, но легкая. Вообще этихъ болѣзней на югѣ боятся меньше. Подожду до субботы и, если нужно, поѣду сперва въ Ниццу, потомъ въ Венецію. Безъ страшныхъ крайностей тебѣ ѣхать не совѣтую. Не знаю, что̀ сдѣлаетъ твоя риѳмованная записка (что̀ же ты мнѣ не прислалъ ее), но моя проза нашла безконечную злобу противъ тебя.

Я раздавленъ неудачами. Вотъ и отдыхъ... Это истинно ужасно въ пятьдесятъ-четыре года. Когда я пріѣду, этого я сказать не могу,—да что же это дѣлается для квартиры. Ты прожилъ страшную зиму,—можно, стало, и еще нанять на сезонъ. На мою жизнь въ Женевѣ мало можно считать. Вѣроятно, къ 1 апрѣля я пріѣду, ex. gr., на мѣсяцъ. Что̀ дальше, ей Богу, и догадаться

не могу. Поселюсь въ Лозаннѣ или около, иной разъ ты пріѣдешь погостить, иной—я въ Женеву.

30.

(1867 г.) 15 февр. Пятница.—Я все еще съ какой-то тоской жду новостей о нездоровьѣ Лизы, и потому не знаю, ѣду завтра или послѣ-завтра въ Венецію или въ Ниццу (au reste, изъ Венеціи есть прямая дорога въ Генную). Я очень усталъ и отъ тревоги, и отъ безпокойной жизни; объ отдыхѣ мечтаю, понимая, что отдыхъ мнѣ не будетъ долго, и подъ-часъ истинно падаю духомъ.

Натали пишетъ: „я получила вексель въ 3.000". Полагаю, что это—твои деньги. Я изъ Ниццы пришлю вексель въ женев. банкъ для уплаты, а пока послалъ вчера 1.000 фр. Тхоржевскому для тебя, *вторую* тысячу я тебѣ передамъ въ Женевѣ, а 1.300 пойдетъ въ коммиссію погашенія прошлыхъ долговъ. Ладно ли? Я не могу думать, чтобъ деньги эти были не тебѣ, и объ этомъ пишу.

Корректуру завтра отошлю.

Вѣроятно, въ воскресенье поѣду въ Венецію (Venezia—poste restante). Если же получу телеграмму, отправлюсь въ Ниццу. Къ 1-му марта буду назадъ. Изъ Венеціи напишу. Напечатай (если хочешь) гнусное письмо Деспота-Зеновича съ легкой прибавкой экс-либерала.

Ужасно скучно.

31.

(1867 г.) 18 февр. Понедѣльникъ. 10 часовъ утра. Venezia. Albergo Reale, Schiavoni. — Вчера въ 1/2 одиннадцатаго вечера легъ спать въ вагонѣ, сегодня около девяти былъ уже въ гондолѣ, а теперь ѣду на почту. Я возлѣ P. San Marco, на Большомъ Каналѣ.

Городъ до того оригинально красивъ и великолѣпенъ, что умирать, не видавши его, не слѣдуетъ.

Если получу изъ Ниццы что-нибудь важное, отправлюсь тотчасъ прямо туда. Если ничего, пробуду здѣсь дней восемь. Пиши, пожалуй, poste restante, или съ адресомъ, все дойдетъ.

Русскихъ и здѣсь бездна. Въ отелѣ кн. Голицыны, Ермоловы и пр.

32.

(1867 г.) 20 февр. Venezia. Albergo Reale, Riva di Schiavoni.—...Я думаю во вторникъ ѣхать во Флоренцію, стало, помни для писемъ: *я буду тамъ 27-го.* Сколько пробуду, не знаю. Меня тянетъ взглянуть на Лизу; мнѣ жаль и тѣ мученія, которыя вынесла Nat., но сказать ничего не могу. Дней десять almeno останусь, да и въ Ниццѣ, если сколько-нибудь будетъ сносно, недѣли двѣ. Жди къ 1 апрѣля.

Венеція—величайшая и самая поэтическая нелѣпость въ мірѣ. Она красивѣе и оригинальнѣе Флоренціи, но жить здѣсь нельзя. Теперь карнавалъ, и все сошло съ ума. Но теперь и мѣсячное сіяніе. Я сейчасъ пріѣхалъ, т.-е. приплылъ съ passegiat'ы. Удивительно хорошо. Помнишь внутренность Palazzo Ducale,—куда же постройкамъ XIX вѣка тянуться!

Жду писемъ отъ тебя и Тхоржевскаго.

Здѣсь нашелъ „Колок." у Мюнстера. Я ему предложилъ книги съ рабатомъ 45%, но съ заплатой провоза. Говоритъ, что подумаетъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 16 февр. Все ладно. Отвѣчать буду послѣ.

Я здѣсь обѣдаю съ двумя русскими, которые меня не знаютъ и говорятъ (по-французски) о томъ и о семъ. Это очень забавно.

Скажи Тх., что Мюнстеръ получилъ два экземпляра „Былое и Думы" и продалъ оба черезъ день.

Иду на карнавалъ, который колоссаленъ и глупъ. Коррект. отослалъ сегодня утромъ. Корреспонд. изъ Петерб. превосходна.

33.

(1867 г.) 22 февр. Пятница. Venezia. Albergo Reale.—Получилъ изъ Флоренціи двѣ записки отъ тебя, одну вчера вечеромъ, другую сегодня утромъ. Nat. пишетъ, что Лизѣ лучше, что у нея была гастрическая лихорадка (у Таты и Ольги была она очень часто), и что она начало записки ко мнѣ послала тебѣ, а записку къ тебѣ отослала мнѣ,—прилагаю ее...

Ты въ изложеніе вносишь не только разумъ, но и какую-то инквизиторскую нетерпимость, которой у Шиффа вовсе нѣтъ (да

и не въ твоемъ характерѣ). Ни ты, ни Шиффъ всей сложности задачи, особенно въ ея историческомъ воплощеніи, не касались. Тебя обрадовало слово volition, — назови практическимъ разумомъ, разумомъ дѣятельнымъ, и объясни его законы и отношенія, такъ, чтобъ я, сказавши теперь: „это дурной поступокъ", не говорилъ нелѣпости. Далѣе, сегодня вопросъ откладываю и еще разъ совѣтую писать именно объ этомъ. Я подъ словомъ „математ. фантазіи" хотѣлъ сказать фантазіи о математикѣ, такъ, какъ бы могъ сказать о себѣ, еслибъ началъ штудіумъ медицины: „моя фантазія медицины" et cet.

Видишь, какіе мы литераторы до конца ногтей. Недаромъ Морошкинъ меня съ Хомяковымъ называлъ „совопросниками міра сего".

Безъ сомнѣнія, надобно издать 15-го, если есть матеріалъ, да въ немъ и объявить, что слѣдующій листъ выйдетъ 15 апрѣля (если нѣтъ trop plein). Да и въ этомъ листѣ, т.-е. отъ 1 марта, слѣдуетъ сказать, что слѣдующій выйдетъ 15-го.

Исторія съ телеграфомъ Долгорукова изящна.

Богатство всего на свѣтѣ, въ отношеніи архитектуры, скульптуры и живописи, страшное. Я пообжился.

Большой камень свалился съ груди съ Лизинымъ выздоровленіемъ...

Прощай. „Гусь свиньѣ не товарищъ" — надобно перепечатать хоть въ 15-мъ.

Видишь, что я мѣтко считалъ, и банкъ женевскій меня не надулъ. Вчера звалъ меня Мюнстеръ, большой книгопродавецъ здѣшній, вечеромъ. Все были нѣмцы, и стало было скучно, да полякъ (знакомый съ Сверценевичемъ). Господи, что̀ онъ вралъ за чушь, и что̀ за ненависть къ русскимъ. Да, роль побѣдителей иногда гаже побѣжденныхъ. Я молчалъ.

Сынъ В. А. Жуковскаго и еще племянникъ А. П. Ермолова обѣдаютъ со мной за однимъ столомъ...

За что̀ это Долгоруковъ все сердится?

Ѣду отсюда 26 или самый поздній срокъ 27, а поэтому съ 23 прошу все посылать во Флоренцію.

Пану поклонъ и Чернецкому.

34.

(1867 г.) 26 февр. Venezia.—Сегодня въ 4 часа пріѣдетъ Гарибальди, и я остался единственно для него, до завтра. Завтра вечеромъ ѣду и въ четвергъ буду во Флоренціи.

Карнавалъ во всемъ разгарѣ. Онъ дошелъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось хорошо и оригинально. Всѣ шутки и шалости времени республики возобновились, такого карнавала не было 71 годъ.

Меня фетирують какъ гостя, знакомаго по наслышкѣ. И за однимъ обѣдомъ въ ресторанѣ... потребовали меня на лицо и прокричали мнѣ три раза „evviva" съ шампанскимъ въ рукахъ, и до того ужъ зарапортовались, что кричали: „all'illustro poeta russo"! Я боялся попасть въ pittore и scultore, и потому ушелъ. Разные господа приглашали въ ложи въ Fenice, но я не былъ ни разу. Вообще, у итальянцевъ есть ко мнѣ слабость: я нигдѣ, никогда не бывалъ больше обласканъ, какъ ими. Если это за Ос. Ив., ну, такъ я его отблагодарилъ здѣсь съ процентомъ. Объ этомъ послѣ.

Посмотримъ, какъ примутъ Гарибальди. Правительство, ничтожнѣйшее, дуется на него.

Писемъ давно что-то нѣтъ ни изъ Ниццы, ни отъ тебя, ни даже отъ Таты, которая была на большомъ балѣ. Я вѣроятно къ 10-му буду въ Ниццѣ...

Ѣду на встрѣчу, т.-е. плыву, къ Гарибальди.

Скажи Тхорж.: 1) что здѣсь графъ Хотомской, который его знаетъ; 2) что очень хорошенькихъ бездна, но что красавица изъ всѣхъ—одна польская дама, которой меня представляли; 3) разскажи ему похожденіе съ масками. A propos, въ четвергъ тѣ же маски, лилово-бѣлыя, приглашаютъ меня обѣдать, но я отблагодарю и не останусь.

Русскіе говорятъ, что въ Петерб. и Москвѣ рѣшительно никто „Колокола" не читаетъ, и что его вовсе нѣтъ. Что прежде разные книгопродавцы... хоть продавали, а теперь пожимаютъ плечами и говорятъ: „никто не требуетъ".

Вотъ тутъ и издавайте двойные №№. Замѣть, что это мнѣ говорилъ человѣкъ симпатичный намъ.

PS. Какъ же ты рѣшилъ съ квартирой?

Здѣсь все набито биткомъ, дорого очень, Hôtel полонъ, мы садимся за table d'hôte человѣкъ *сто* (чтò бы ты сдѣлалъ?), но сосѣди у меня славные—русскіе и очень милые, да англикъ изъ аристократіи, которому я сбилъ всѣ понятія о добрѣ и злѣ, къ неописанному удовольствію моихъ сосѣдей,—тотъ ужъ только качаетъ головой.

Довольно болтать.

35.

(1867 г.) 27 февр. Середа. Venezia.—Вечеромъ ѣду въ Флоренцію. Сегодня въ шестомъ утра былъ у Гарибальди. Онъ обрадовался мнѣ и одного меня расцѣловалъ. Онъ здоровъ, но не веселъ. Вчера его чуть не утопили. Каналъ былъ, à la lettre, мостъ гондолей. Утро сегодня было великолѣпное. Изъ оконъ его я смотрѣлъ и на мѣсяцъ, и на восходъ солнца, и все это на площади Марка. Zu schön!

Вчера получилъ твое письмо, сильно опоздавшее (ты мелко пишешь фамилію и высоко, печатью почтовой совсѣмъ закрыли, и потому письмо пролежало здѣсь два дня). Итакъ, caro philosopho prattico, старая штука повторяется: „Revue" будутъ издавать *общими* силами, но такъ, что деньги и статьи будутъ наши. Да вѣдь еслибъ мы хотѣли издавать, зачѣмъ же намъ было спрашивать? или ждать Утина? Гдѣ доказательство яростнаго желанія читать заграничныя изданія? И если оно есть, какъ же не найдутъ капиталисты in spe, какъ Утинъ, кредиту помимо насъ [1])? Это была штука, и ты опять попался въ нее. Недаромъ я тебѣ написалъ тотчасъ: „хлѣбъ-соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь". Можетъ, и грѣхъ, но денегъ я не могу дать, а могу и хочу дать тебѣ отчетъ вотъ въ чемъ. Ротшильдъ прислалъ мнѣ въ Флоренцію счетъ за 1866 годъ. Онъ начинается съ слѣдующаго: balance en faveur de la maison Rotsch. *10.500 fr.* Куда же я издержалъ доходъ + 10.500? Вотъ гдѣ (долгъ скопился въ *два года*): переѣздъ типографіи и ея содержаніе, и акціи, брошенныя мною, и письмо Чернецк., уничтоженное. Не грѣшно ли, caro mio, съ одного барана, да еще полуплѣшиваго, брать вторую шерсть?

Я всегда найду сотню человѣкъ, которые на даровыхъ прогонахъ поѣдутъ въ храмъ безсмертія и лавровъ, обернутые „Полярной Звѣздой".

Примите всемилостивѣйше сей протестъ къ благосвѣдѣнію и— до Флоренціи.

M-me Mario съ Гариб. поила меня сегодня кофеемъ и, хотѣвши вынуть изъ сака письмо, вынула старую туфлю. О, Татьяна Петровна (Пассекъ), и на Лагунахъ ее вспомнилъ!

28 février. Firenze. 41, Via S-ta Monaca.—Ну, вотъ я опять

---

[1]) Я найду для него, на два года, но на вексель.

здѣсь. Всѣхъ нашелъ вожделѣнно. Кончу портретъ и буду собираться. Вѣроятно, между 10 и 13 буду въ Ниццу.

Письмо получилъ здѣсь... страшно дурное по вѣстямъ: бѣдный С. И. Астраковъ умеръ. Сатины въ Москвѣ и сильно подбиваютъ Нат. ѣхать въ Россію.

Тхорж. благодарю за письмо. Чортъ съ ихъ запрещеніемъ „Колокола“ въ Парижѣ!..

36.

(1867 г.) 3 марта. Флоренція. — Начну съ мелочей. 1-ое. Въ слѣдующемъ „Колоколѣ“ напечатай: „Въ общій фондъ прислано изъ Италіи 25 фр.“; 2-ое. Скажи Тхорж., что „Был. и Думы“ (полный экземпляръ) онъ не присылалъ, и оттого я продать не могъ. Теперь поздно. Но Фр. купилъ, а потому онъ долженъ послать три экз. Сашѣ немедленно. 3-ье. О Запискахъ Долгорукова книгопродавцы не знаютъ ни здѣсь, ни въ Венеціи. 4-ое. О „Гусѣ и Свиньѣ“ можно просто упомянуть подъ заглавіемъ: „И Гусь можетъ быть Свиньей“. Этотъ анекдотъ пригодится гдѣ-нибудь къ мѣсту.

Слѣдуетъ напечатать дикій приказъ о ссылкѣ трактирщиковъ за непредъявленіе именъ проѣзжающихъ въ полицію. Вотъ тебѣ и „Habeas corpus“.

Я ѣду 10-го въ Спецію.

Вчера Бакстъ уѣхалъ въ Венецію. Онъ положительно зимой умнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Хотя такой же охотникъ до спора и споритъ самымъ безтолковымъ образомъ.

Погода ужасная. Вообще въ Флоренціи плохо и становится очень дорого.

12 часовъ. Воскресенье.—О попѣ печатать не слѣдуетъ.

Шиффъ въ дѣлѣ общественнаго отпора не знаетъ мѣры, въ силу чего допускаетъ и смертную казнь, и тюрьму.

Я очень радъ, что все же ввелъ въ твою медицинскую этику *историческій* элементъ, физіологія его не объяснитъ. Тутъ ряды иные и иные антецеденты, зависимые отъ общихъ физіологическихъ причинъ, но выходящіе изъ ея области въ одну сторону, такъ какъ астрономія выходитъ въ другую.

37.

(1867 г.) 4 марта. Понедѣльникъ. — Посылаю корректуру и прошу принять мой *протестъ* противъ всѣхъ вымаранныхъ

мною мѣстъ. Я рѣшительно не могу допустить—*безъ подписи*—все, что вымаралъ. Во-первыхъ, потому что это противно духу „Колокола"; во-вторыхъ, что я долженъ буду печатать отвѣты; въ-третьихъ, могу ждать дерзостей, которыя приведутъ къ дуэли; въ-четвертыхъ, до частныхъ дѣлъ Неклюдова и Соллогуба „Колоколу" дѣла нѣтъ. Отправься на объясненіе съ Пет. Вл., но въ этомъ отъ меня уступки не жди. *Я кладу полное* veto. Даже съ подписью я врядъ напечаталъ бы. Читалъ ты, или нѣтъ? Rather, нѣтъ.

Погода страшная. Климатъ Флоренціи—совершеннѣйшая ложь. Это мерзѣйшій котелъ въ Италіи, въ которомъ лѣтомъ печетъ, а зимой гадко и десять повальныхъ болѣзней. (Теперь свирѣпствуетъ скарлатина). У меня страшнѣйшій насморкъ.

Въ субботу вечеромъ Саша читаетъ публично, при Матеучи и друг. натуралистахъ и аматерахъ, отчетъ о своемъ спеціальномъ трудѣ. Въ воскресенье онъ ѣдетъ меня провожать въ Спецію. Вторникъ я буду въ Генуѣ. Если крайность, пиши туда (Genova. poste rest.), а не то просто въ Ниццу: 87, Prom. des Anglais, на имя Natalie.

Впрочемъ, можешь, если тотчасъ будешь отвѣчать, написать сюда къ воскресенью утромъ (отъѣздъ въ 4 часа).

О Жуковскомъ я вымаралъ для сына и потому, что съ моей стороны это неблагодарность, да оно же и невѣрно.

38.

(1867 г.) 7 марта. Firenze. Четвергъ.—Наконецъ, я сегодня оправился отъ безобразнѣйшаго катарра и получилъ строгое предписаніе твое. Я уже предвидѣлъ по прошлому письму, что выраженіе „фальшивый соціализмъ", по поводу смерти С. И., сулитъ грозу. Я потому спорить не стану, что скучно быть въ обязанности постоянно держать сторону отрицательную. Ты не можешь считать соціализмомъ разбрасываніе средствъ (шутя я бы и могъ сказать, что если такъ, то ты — самый сильный соціалистъ въ мірѣ). Ergo, 1.000 фр. я къ пріѣзду приготовлю тебѣ изъ Б. денегъ, и все же совѣтую дать ихъ частно Утину (Н.) и взять съ него росписку. Утинъ лжетъ и средства имѣетъ.

Затѣмъ я спрашиваю: гдѣ статьи? чьи статьи? Вѣдь эти милые юноши — большей частью юноши бездарные. Revue не пойдетъ, потребности на него нѣтъ, и несмотря на „Колок." sous bande — „Колоколъ" нейдетъ. Неужели sous bande или въ

конвертѣ посылается больше 10 экз.? Есть потребность на заграничный конституціонный органъ, и больше ни на какой.

Ѣду я, какъ писалъ, 10-го въ Спецію.

Оказывается, что Сат. въ Москвѣ одинъ. Кн. Труб. навѣрное мою коммиссію исполнитъ.

W.—сто франковъ можно дать, но положеніе дѣлъ не дозволяетъ платить гонораровъ.

Въ статьѣ Д. мои вымарки слѣдуетъ исполнить. Отвѣтственный редакторъ я, и на себя не беру писать, что Соллогубъ воръ и пр. Я готовъ къ Д. писать объ этомъ.

Конечно, если вы ломитесь подъ тяжестью матеріаловъ, можно издать и 1 апрѣля; если же нѣтъ, то умнѣе—15-го. У меня нѣтъ ничего.

Получилъ ли портретъ Ольги (я его послалъ Тхорж., чтобъ ему доставить удовольствіе раздачи)? Она перемѣнилась. Портретъ хорошъ, и выраженіе мило.—Затѣмъ—довольно.

39.

(1867 г.) Вторникъ, 12 (марта). Nice (Alp. Mar.), 87, Promenade des Anglais. — Я сдѣлалъ чудо и въ *полторы сутки* пріѣхалъ изъ Флоренціи въ Ниццу. Сдѣлалось это такъ.

Пріѣзжаю въ Геную вчера, спрашиваю въ дилижансѣ— мѣстà на два дня заняты; спрашиваю на пароходѣ — идетъ въ середу и *сегодня ночью.* Ну, думаю, если такъ — на пароходъ, и сегодня въ семь утра преспокойно вышелъ на берегъ. La mer n'est pas si chien, — какъ ты думаешь, — напротивъ, оно насъ потѣшило. Ночью, часу въ первомъ, всѣ спали въ каютѣ. Вдругъ вбѣгаетъ худая, старая француженка съ плачемъ и воплемъ: „Nous sommes inondés, nous sommes inondés, sauvez votre femme!“ Всѣ вскочили, итальянцы и англичане безъ портокъ. Дама вся мокрая. Старуха легла спать, да и забыла закрыть окно. Первая сильная волна ее и окатила. Ея страхъ и отсутствіе опасности сдѣлали сцену.

40.

(1867 г.) 14 марта. Четвергъ. Nice, 87, Prom. des Anglais.— Писемъ еще отъ тебя нѣтъ, зато отъ Тхоржевскаго есть, отъ 12-го. Въ два дня, проведенныхъ здѣсь, было много говорено...

Лиза продолжаетъ быть очень умна и память у ней необычайная, но въ два мѣсяца *одиночества* она опять поизбаловалась. Школы здѣсь плохи. Ходитъ къ ней D. G.,—ничего, возможная.

Я вотъ что̀ предложилъ. Квартиры съ 1 апрѣля очень дешевы. Срокъ Villa Fay 1-го іюля. На май пригласить Тату и потомъ нанять другую виллку; въ ней могутъ пожить, если хотятъ, для моря, Мейз. и Ольга, а потомъ ее займетъ Natalie до осени (ex. gr., 1 сентября). Потомъ въ Швейцарію или здѣсь оставаться. Можетъ, и Сатины подъѣдутъ. Лизу безъ школы дольше полугода оставить нельзя...

Затѣмъ, въ слѣд. письмѣ—больше.

Передай Тхоржевскому:

1-ое. Что если банкъ хочетъ взять фурно съ уступкой 30, даже 35%—сейчасъ отдать.

2-ое. Важнаго нѣтъ, если квартира останется до 1-го мая (150 фр.); цѣны въ отеляхъ вѣроятно велики, а впрочемъ, во всемъ, что̀ Тхорж. скажетъ, спорить и прекословить не буду.

Вѣроятно, мнѣ придется въ самые жары опять возвратиться сюда. Пиши твои мнѣнія... и совѣты.

41.

(1867 г.) 15 марта. 87, Promenade des Anglais.—Видѣлъ ли ты, что̀ „Indép. Belge" говоритъ о купцахъ, хотѣвшихъ сдѣлать контракты для желѣзныхъ дорогъ и остановившихся за тѣмъ, что земскія думы не имѣютъ обезпеченія и всегда могутъ быть закрыты? Если Долг. тебѣ не присылалъ, попроси его. Мнѣ кажется, что объ этомъ слова два сказать надобно. Одинъ г-нъ мнѣ говорилъ здѣсь, что онъ слышалъ отъ центральныхъ актеровъ земскаго дѣла: „а къ концу года конституцію Александръ Николаевичъ все-таки долженъ будетъ дать".

На этомъ мѣстѣ получилъ твое письмо. Отвѣчаю: α) Долгор. ругается съ посторонними и безъ причины; я *хочу* оскорбить клеветниковъ, пусть дѣлаютъ процессъ. Я же отвѣчаю самъ. А зачѣмъ ты мнѣ не написалъ, какъ принялъ „прынцъ" мои урѣзки.

β) Тхоржевскій долженъ нанять комнату на мой счетъ. Онъ мнѣ нуженъ, и я не допущу, чтобъ онъ остался à la belle étoile. Дѣло очень просто: за 100 фр. онъ найдетъ комнату съ ѣдой. Или распорядится, какъ знаетъ,—я готовъ прислать до 120.

γ) Ага... (это не Ага, а А...га) какова Ольга-то!

Долго не получая твоего отвѣта объ Аксаковѣ и выслушавъ совѣтъ боярской думы во Флор., я послалъ сегодня ему цидулку [1]). Въ слѣдующемъ листѣ „Кол.“ напечатать ее необходимо. Помѣститъ онъ или нѣтъ, все равно.

Всѣ ли письма получилъ? Это *третье* изъ Ниццы?

Very important. Я считаю необходимымъ заявить сочувствіе „Колокола“ къ греческому дѣлу и прошу сейчасъ написать твое мнѣніе. Я сегодня же попробую написать [2]).

Пишу небольшую статейку объ Италіи. Если ты не читалъ брошюру Кинé, прочти непремѣнно, — она стòитъ 50 сантим. Заглавіе: France и Allemagne.

Чтò за климатъ здѣсь, чтò за воздухъ, тепло, запахъ!.. Какое сумасшествіе жить въ другихъ захолустьяхъ! Здѣсь бы отдохнуть хоть годикъ, т.-е. подъ „здѣсь“ я разумѣю всю дугу отъ Кана до Специіи черезъ Геную...

Лизой я опять доволенъ,—очень умна и дивитъ меня памятью. Она говоритъ: „Я, какъ Тата, не буду торопиться идти замужъ — tu comprends,—я буду три года смотрѣть, чтò за человѣкъ мой женихъ. Онъ долженъ быть хорошъ и заниматься большими дѣлами, какъ ты и папа-Ага; у него должна быть новая карета“. Вотъ тебѣ и идеалъ. Тебя она... и любитъ, и помнитъ. Къ Татѣ и Ольгѣ рвется: „при нихъ,—говоритъ она,— мнѣ не надобно и дѣтей“...

О домѣ еще разъ скажи Тхорж., что я буду со всѣмъ согласенъ. Пусть сдастъ, если хочетъ, или оставитъ, если хочетъ. Разумѣется, безъ прислуги тебѣ переѣзжать нельзя и на недѣлю. Но чтò же ты будешь дѣлать, когда Саш. маленькій еще и Шар. прибудутъ? Ахъ, ты, Вишну, да и только, и по „Поляр. Звѣздѣ“ тоже Вишну. Однако, безъ росписки Ут. я не далъ.

42.

(1867 г., марта) 17. Воскресенье. Nice.—Письмо отъ 14-го получилъ. Разумѣется, если очень хочется и если печать окупается, то печатать „Колок.“ можно и къ 1 апрѣля. (Я все еще не могу убѣдиться въ томъ, что „Пол. Зв.“ пойдетъ, и, конечно, лучше готовъ бы усилить „Колок.“; но на это твоя воля).

[1]) По поводу общества поджигателей; напечатано въ № 239 „Колокола“.

[2]) „На площади Св. Марка“; напечат. въ № 238 „Колок.“.

Висконти продалъ всѣ №№ „Колок." и два экз. „Был. и Думы". Скажи Тхорж., чтобъ онъ прислалъ ему *три* экз. полнаго IV тома. Вчера я заставилъ купить Голынс. и взялъ съ него *8 фр.* Это экз. Nat. Я возьму изъ трехъ для того, чтобъ возвратить.

Газеты ужасно интересны. Посылаю: 1-ое, „На площади Св. Марка".—Это мой манифестъ о грекахъ (не давай Долгорукову мѣнять, особенно заглавіе); 2-ое, прибавку къ письму къ Аксакову. Онъ напечатаетъ мое письмо, это ясно, но теперь дѣло вышло неладно. Я не имѣлъ понятія, что и „Москва" повторила, да еще in extenso, ту же новость, но при моемъ имени поставила сильный вопросительный знакъ. Такимъ образомъ, дѣло все падетъ на Бакунина. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ участвовалъ?

„Колок." отъ 15 марта (и отъ 1 апрѣля) слѣдуетъ послать въ пакетѣ, или sous bande, но не франкируя: 1) Бергу въ Варшаву, 2) Трепову въ Петерб., 3) изд. „Варш. Дневн.", 4) „Моск. Вѣд.", 5) „Голосу", 6) „Москвѣ", 7) изд. „Journal de S.-Pétersbourg".

Я все же совѣтую напечатать объ отказѣ купцовъ, насчетъ желѣзныхъ дорогъ, по поводу шаткости зем. думъ. Съ другой стороны, хотѣлось бы упомянуть объ аквитированной бабѣ [1]). Я написалъ нѣсколько строкъ сентиментальныхъ, но свято искреннихъ. Усиль ихъ, пожалуй.

43.

(1867 г., 19 марта.) Понедѣльникъ. Nice.—Нѣсколько строкъ моихъ о Краевскомъ вышли немного „алапато", какъ говорила Луиза Ив. Я бы вымаралъ не ругательства, а ихъ повторенія. Но бѣда не велика, а имъ — на табакъ. Пусть дѣлаютъ процессъ [2]).

Насчетъ квартиры, жизни и пр. не могу придумать и ничего предрѣшать. Не найдетъ ли Тхорж. какой-нибудь уголъ въ началѣ Каружа или по дорогѣ. Мнѣ лично надобны большая комната и видъ изъ окна, остальное все равно. Я думаю, что лучше всего оставить старую квартиру до пріѣзда (supposons, къ 15 апрѣля). Не думаю, чтобъ ты не хотѣлъ, но думаю, что ты

[1]) Крестьянка Волохова, убившая мужа и оправданная по суду.

[2]) Напечатано въ „Колок.", 15 марта, 1867 г.

не можешь снова жить одинъ. Что я былъ бы радъ, въ этомъ ты не сомнѣваешься, но врядъ возможно ли. Да и долго ли я буду въ Женевѣ? „Колок." безъ меня идетъ лучше.

Если возможно имѣть квартиру особо, не дорого, въ которой ты бы оставался, а я иногда уѣзжалъ, я былъ бы доволенъ. Обо всемъ переговоримъ.

44.

(1867 г.) 20 марта. Середа. Nice. — Много приходится писать къ тебѣ и много непріятнаго. Твоя записочка сильно разсердила Nat. Замѣчаніе о Лизѣ было нѣсколько странно по отрывочности (à propos, зачѣмъ ты пишешь письма только тогда, *когда тебѣ некогда*, и всякій разъ оговариваешься объ этомъ. Тата выдумала типъ твоего письма; „Милая Т., я на дняхъ къ тебѣ буду писать", и черезъ два мѣсяца: „Сегодня мнѣ некогда"), изъ-за него — разговоръ, который могъ бы остаться и такъ...

Прибавь къ нѣсколькимъ строкамъ объ аккитированной женщинѣ, что защитникомъ ея былъ князь Урусовъ.

Вѣроятно, Краев. сдѣлаетъ процессъ. Бѣда невелика, лишь бы достать очень ловкаго адвоката. Развѣ противъ Разина—Рѣзина.

Хотѣлъ съ Гол. на общій ф.,—нѣтъ, не поддается. Ал. Шуваловъ ему навралъ съ три короба о нигилистахъ, о томъ, что Мил. представлялъ насъ въ правительствѣ, et cet., et cet.

Прислать или нѣтъ статью „Венеція": и вздоръ, и дѣло; рѣчь о будущности Италіи и, начинаясь съ шутки, опять идетъ къ нашимъ финамъ (но не чухонцамъ)?

45.

(1867 г.) 22 марта. Пятница. — Я съ тобой не согласенъ и прошу письмо къ Аксакову напечатать въ слѣд. № (т.-е. 1 апрѣля). 25 — 26 марта увидишь, будетъ у него или нѣтъ. Если будетъ, прибавь въ скобкахъ: „было помѣщено". Если нѣтъ, пусть знаютъ. Это ясно. Къ Бакун. я писалъ; я самъ его на свой страхъ не беру.

Висконти продалъ всѣ „Колок.", я ему отдалъ свои. Новый экз. „Был. и Думы" тоже пришли 1 экзем.

Статейку о Греціи надобно поставить въ срединѣ. Я на Шув. сердитъ за вздоръ, который онъ мелетъ.

Чернецкаго поздравляю. Когда выйдетъ Серно-Сол. брошюра, прошу купить и послать 1 экз. Каткову и 1 въ „Вѣсть“. Они ухватятся за нее обѣими руками, и Серно-Сол. не вынырнетъ.

По всему видно, что „Пол. Звѣзда“ — твоя фантазія съ Мечниковымъ.

Статью о Венеціи и Италіи (pars prima) написалъ. Она хороша, но за нее въ Европѣ не поздоровится „Колоколу“. И такъ, Фюрстъ (кн. Долгоруковъ) ѣдетъ, — попробуемъ.

46.

(1867 г.) 26 марта. Вторникъ. — Переписка очень трудна по странной *неакуратности* почты. Твое послѣднее письмо пришло двумя днями пбзже, а газеты — тремя; посылаю банду. Все это отнимаетъ много комфорта въ жизни.

Зачѣмъ ты попускаешь себя въ какой-то дѣтскій или старческій бредъ? Гдѣ *штофъ* столкновенія твоего съ Ал. Ал.? Стало, ты и письма моего не понялъ. Ел. С — а пишетъ, что если Nat. рѣшается ѣхать, то *Ал. Ал. пріѣдетъ за ней и Лизой въ Ниццу*.

Зачѣмъ же тебѣ заарканивать Долг. въ дѣлѣ С. С., да пусть онъ его оборветъ. Но такъ какъ я отвѣчать въ „Колок.“, вѣроятно, не стану, то ты и заяви впередъ, что въ „Кол.“ нельзя отвѣчать.

Стало, въ „Пол. Зв.“ ты совершенно воротился къ моей мысли, т.-е., что если мы хотимъ издавать ее, то мы одни и можемъ. Стало быть, я былъ совершенно правъ насчетъ милыхъ и бездарныхъ galopins.

Lesier долженъ продавать двойные №№ за 1 фр. 10 сант. Стало, лишняго онъ беретъ 10 с. Visconti беретъ больше, говоря, что отъ 1-го мая до 1-го ноября онъ вовсе не продастъ „Кол.“.

О „Пол. Звѣз.“ поговоримъ при свиданьи. Я думалъ ѣхать 10-го апр., но теперь не знаю. Хочу, чтобъ Лиза совершенно при мнѣ оправилась.

Конечно, съ Долг. можешь переговорить насчетъ Сат. Писать ему нечего, кромѣ того, чтобъ онъ оставилъ жену или бы пріѣхалъ самъ, ну, на двѣ недѣли. Однако, случай долженъ быть сто разъ вѣрный, а не то ждать. Въ крайности можешь писать и къ Ал. Ал., но его звать не слѣдуетъ.

Если нѣтъ особ. матеріала, то слѣд. „Кол.“ издать надобно

1 мая (напоретесь вы на отсутствіи статей). Венеція — послѣ, теперь она не идетъ.

47.

(1867 г.) 29 марта. Пятница.—Обилію матеріала въ „Колоколѣ" я не надивлюсь. Но по мнѣ, пожалуй, издавай къ 15 апр., только потомъ мы сядемъ. Моя статья о Венеціи хороша, но очень опасна. Она можетъ ухлопать „Кол." на время выставки; у меня ничего нѣтъ другого. По тому, что̀ пишетъ Тхорж., я не вижу, чтобъ „Кол." особенно блестяще продавался. Къ будущ. № не мѣшаетъ сказать о причинѣ *второго* avertis Аксакову, да и обо всей дикой реакціи (по „Indépendance") можно сдѣлать нѣсколько строкъ. Послѣднее попробую.

Желудк. статья хороша, „mon école", какъ говорилъ Чаад. обо мнѣ и Гран. Но я немного подожду и сдѣлаю ему печатный avertissement. Всего мерзѣе богоблудіе съ православіемъ и нападки на вольтеріанизмъ въ Румыніи.

Шувал. (Анд.) встрѣтился съ Голын. и вралъ ему всякую чушь (я писалъ объ этомъ), и твоя воля, что ты отнесъ это къ его рѣчамъ...

Ближайшая программа не идетъ дальше 1 іюля. Здоровье Лизы надобно укрѣпить. Она съ 1 февраля до 28 марта въ сущности не была двухъ дней здорова. Съ мая (втор. пол.) купаться, а потомъ надобно гдѣ-нибудь ихъ устроить. Я выбираю рѣшительно одну дугу отъ Марселя до Генуи...

До 10-го апрѣля я не поѣду и всего вѣроятнѣе буду къ 15-му. Я хочу видѣть Лизу совсѣмъ на ногахъ. Она въ болѣзнь опять искапризничалась, но умна поразительно и память необычайная. Объ Голынск. говоритъ серьезно: „Mais je pense que c'est un homme qui n'a jamais fait rien de bon, ni de mauvais"..

A propos: Гол. купилъ „Былое и Думы" и прибѣжалъ съ слѣдующей контестаціей: „У васъ напечат. на 352 стр. стихъ Тардифъ de Melo: „Worcell, Sassonoff, Olinski, Del Balzo... et. cet., и потомъ вы говорите, что одинъ изъ названныхъ попалъ въ каторжную работу за faux. Этакъ можно подумать всякому, что это случилось со мной". — „Такого свернаго мнѣнія объ васъ еще никто не имѣетъ, кромѣ васъ самихъ", — сказалъ я ему, смѣясь.

„Москва" съ моими письмами или съ означеніемъ полученія должна быть у тебя. Я кромѣ „Голоса" ничего не получилъ.

А что̀ скажете о Бисмаркѣ и Вирт.? что̀ о сопротивленіи

съ апарнементомъ противъ уничтоженія contr... par corps? да и что объ Италіи?

Rock ist weck, Stock ist weck,
Lieb' Augustin liegt im Dreck.

Желѣзновъ—не Чугунниковъ, да и не князь Стальной. Добрый человѣкъ—пусть себѣ печатается.

48.

(1867 г.) 31 марта. Воскресенье.—Обращаю ваше начальническое вниманіе на слѣдующій фактъ. Я здѣсь 20 дней. Въ нихъ получилъ два раза газеты, т.-е. разъ въ началѣ связку и потомъ *три* №№ „Голоса". Ergo, вы газеты перестали посылать, хотя посылать въ недѣлю разъ легко. Но, стало, ничегѣ не было важнаго. Беру „Спб. Вѣдомости"—выписка изъ „Вѣсти", сравненіе Каткова съ „Колоколомъ", и очень хорошій разборъ Корша et cet., et cet. Что же, это принцъ или ты меня отняли отъ груди Скарятина? Я желалъ бы до 10 апрѣля, чтобъ вы посылали такъ, какъ было съ 18 декабря. Несмотря на то, посылаю въ „Смѣсь" картинку о Катковѣ. Я еще хочу написать, по поводу реакціи и восточнаго вопроса, нѣсколько словъ воззванія къ совѣсти.

„Колоколъ" опять надобно послать „Голосу", „Москвѣ", „Варш. Дневн." и пр.

Письмо получилъ. Дѣлайте съ письмомъ къ Акс. какъ хотите. Въ Европѣ дѣлаютъ такъ: посылая рекламацію, печатаютъ ее у себя (ex. gr., Em. Girardin и пр.). Но это не важно.

Газетъ опять нѣтъ. Что же это и Тхорж?. Мнѣ иногда кажется, что ты, по Лизиному выраженію, опять „кутаешь". Такъ я сужу по почерку пришлыхъ писемъ и даже по оборотамъ и по Салевамъ.

Скажи Тхорж., что, вѣроятно, можно бы имѣть въ предметѣ хорошую, большую комнату и двѣ спальни въ Cas Roug'ѣ, только съ видомъ. Отъ 100 до 125 фр. въ мѣсяцъ.

Затѣмъ кланяюсь П. Влад.

Читали ли вы исторію, какъ десять поваренковъ въ Парижѣ насиловали беременную публич. дѣвку, вынули ребенка и бросили въ нужное мѣсто,—всѣ арестованы?

49.

(1867 г.) Вторникъ. 2 апрѣля. — Письмо отъ 30-го получилъ. Такъ какъ Долгор. тебя наказалъ за то, что ты мнѣ газетъ не давалъ, а давалъ ихъ Гулевичу, то я, признавъ въ этомъ перстъ Божій, перехожу къ другому.

Записка твоя къ П. В. нѣсколько сентиментальна и, по мнѣ, очень коротка. Это все меня поддерживаетъ въ мысли „кутанья".

Теперь къ письмамъ. Я теряю всякую латынь. Отчего ты не пишешь prosaisch? Письмо отъ XX получилъ. Я писалъ письмо и отослалъ въ немъ почтовый тимбръ газетъ,—получилъ ли ты? Я писалъ потомъ длинное письмо и наконецъ отъ 31 марта. Что̀ не получено? Письмо съ тимбромъ очень замѣтно...

Лиза выздоровѣла. На дворѣ лѣто (хотя весь мѣсяцъ былъ тяжелъ и электриченъ). Вчера она говоритъ, что будетъ издавать „Колоколъ", „mais un peu plus *astocratique*". Потомъ я ей говорилъ: какъ это ты такъ умна и такъ шалишь? „Это, говоритъ, вотъ что̀: je ne suis pas sage, mais intelligente". Это хоть въ академическій словарь.

Если что̀ найду въ газетахъ, пришлю въ „Смѣсь". Насчетъ писемъ желаю отвѣта.

Ну, что же, младый старецъ, чѣмъ порѣшили на свиданіи съ Ут., Жуков.?

Разумѣется, до письма о днѣ отъѣзда все посылать по старому.

А я, грѣшный человѣкъ, предвидѣлъ, что интрижка съ Дол. не долго останется въ любвяхъ.

50.

(1867 г.) 3 апрѣля, послѣ обѣда. — Журналовъ получилъ связку и одинъ „Голосъ" особо (а не два, какъ ты пишешь). Интереснаго бездна и въ русскихъ, и въ иностранныхъ журналахъ.

Посылаю вторую „первую Грецію" подъ загл. „Жаль".

Погодинъ издаетъ журналъ. Пошли ему (Москва, Дѣвичье Поле, въ собств. домѣ) прошлый № и тотъ, въ которомъ будетъ письмо Аксакову. Я готовъ къ нему написать письмо длиннѣе, его не скомпрометируешь. Да и мы постоянно боимся вздору. Читалъ статью Родіонова о Гарибальди въ Венеціи.

Слѣдуетъ напечатать въ „Смѣси“ о Петрашевскомъ и милое рѣшеніе о „Пастуховѣ“.

Лиза здоровѣе, но все еще не совсѣмъ. Разныя чудеса съ ней творятся. Надобно укрѣпить нервы, надобно холодную воду, морскія ванны, двигаться больше. Повторяю, весна тяжела до невозможности, даже здѣсь (въ Неаполѣ землетрясенье) безпрестанныя сухія вьюги, и вьюги съ дождемъ. На дворѣ совершенно тепло, но дышать нельзя, и голова болитъ даже у Голынскаго...

Вотъ новый анекдотъ Лизы. Не понимаю, откуда она взяла слово „аристократъ“, которое произноситъ: „astócrat“. Она говоритъ, что будетъ издавать „Колоколъ“, „mais plus astocratique“.— А знаешь ли, что аристократовъ вѣшаютъ на фонарь?—Она сдѣлала мину и говоритъ: „C'était bon du temps de Robespierre“. Ог, я увѣряю тебя, что съ моего пріѣзда о Робеспьерѣ рѣчи не было...

Письмо отъ 1-го пришло сегодня. Жаль, что ты ни разу порядкомъ не отвѣчалъ ни о числѣ писемъ, ни о числахъ. Вообще ты пишешь опять письма, когда тебѣ некогда, и въ какомъ-то вихрѣ. Пришло, да или нѣтъ, письмо, въ которомъ были почтовыя марки?

Слогъ мѣстами въ „Колок.“ очень небреженъ, а то бы „Смѣсь“ была возможна.

О полученіи письма пиши сейчасъ: „Письмо отъ 4-го получилъ“.

Вѣроятно, 12-го отсюда поѣду.

Ге будетъ на дняхъ въ Женевѣ. Я интригую, чтобъ онъ сдѣлалъ твой портретъ.

51.

(1867 г.) 3 іюня.—...Что у васъ? Если меня не нужно, я могъ бы въ $4^1/_2$ уѣхать въ Montreux и воротиться завтра съ послѣднимъ train. Могу ѣхать и завтра *въ 8*. Зависитъ отъ твоего отвѣта и твоихъ дѣлъ.

Можно ли тебѣ оставаться въ Lancy? Это тоже вопросъ. Когда срокъ квартиры?

Не забудь сказать Ч., что ты больше двухъ лѣтъ за него 1200 фр. не будешь платить. По бюджету въ 6.000 это страшная бреша. Остается 4.800. Конечно, Чернец. и этого не съѣстъ... но вино, и то, и сё, — ты концовъ не сведешь. Надобно отъ Сат. опять взять. До моего отъѣзда у меня денегъ

больше 100—150 фр. не будетъ. Къ 1 іюля придутъ ренты. Сегодня послалъ 600 Nat. и Татѣ.

52.

(1867 г.) 17 іюня.—Memorandum по финансовой части.

Я ѣду между 1 и 5 іюля и, вѣроятно, до половины сентября не пріѣду. Въ сентябрѣ пріѣду дней на десять. Отъѣзжая, я оставлю тебѣ:

деньгами	400
два чека	800
	1.200

Къ этому долженъ буду присовокупить отъ Саши по 50 фр. за три мѣсяца—150. Total—1.350. Этого должно хватить до 1 октября. 1-го октября ты снова получишь:

чеками—1.200 }
и снова— 150 } 1.350

до новаго года.

Если Сат. вышлетъ больше—2.400, то половина excédant тебѣ и половина въ amortissement, напр.: если онъ пришлетъ 3.400, то сверхъ сказаннаго 500 за домъ, 500 на хозяйство.

Я ему писалъ, т.-е. черезъ Ниццу et. cet.

За 1-ую полов. 1867 ты истратилъ	3.500
„ вторую если	2.400
	5.900

Далѣе 6.000 я не совѣтую идти.

53.

(1867 г.) Четвергъ, 27 іюня.—Вчера переѣхали: 7, Boulevard, Plein Palais. Тѣсно, но дешево. Необходимо знать насчетъ... обѣда. Я приглашаю къ Visios'у, гдѣ ѣлъ вчера. Собраться у насъ въ 5, 4, 3, когда хотите, только скажите подробно.

Чтò за день вчера?! Не было кислорода ни на волосъ. Я купался—хуже; пилъ пиво—хуже; наконецъ, взялъ № въ Hôtel de la Poste и въ 4 часа легъ спать и проспалъ до 6½. Это

первый разъ со мною съ 1812 г. Новости: а) Отъ Ротшильда письма. Онъ пишетъ: „Donnez, mon enfant. Все сдѣлано къ общему удовольствію. Присылайте фольмахтъ“.

б) Отъ Лакруа—онъ не прочь меня печатать по-французски; спрашиваетъ, что̀ я за себя беру.

54.

(1867 г.) 17 іюля. 7, Prom. des Anglais.—Давненько нѣтъ писемъ. Дѣло Берез.—вѣроятно, ты читалъ in extenso дебаты—кончено, блестяще для Франціи и двойной плюхой—для престолотечества. Сравни все съ Каракоз. процессомъ. Да и самъ Березовскій выросъ въ мученика. Я посылаю нѣсколько строкъ въ „Смѣсь“. Да еще о „Гминѣ“—спасибо за превосходныя статейки ихъ.

Жары сильные, но жить бы можно, еслибъ не закрытыя окна отъ комаровъ въ спальняхъ. На сквозномъ вѣтру хорошо. Къ тому же всѣ купаются. 14-го мы были въ Monaco и тамъ тоже купались. Я водилъ дамъ показывать казино и большую игру, поставилъ золотой и проигралъ. А propos, на дверяхъ написано: „Французскіе подданные не впускаются“. Къ этому и Флорестанъ прибавилъ: а также и „подданные принца Monaco“. Такъ-таки наивно и сказано: лупи иностранцевъ, сирѣчь англичанъ и русскихъ, пожалуй, американцевъ. Herrlich!..

Я давалъ урокъ Лизѣ о Рюрикѣ, Олегѣ и др. Все слушаетъ, все помнитъ и учится легко...

Отъ Тхорж. получилъ отъ 16-го отвѣтъ на мое письмо отъ 14-го. Письмо твое сейчасъ получилъ.

55.

(1867 г.) 19 іюля. 7, Prom. des Anglais.—Nat. посылаетъ тебѣ прилагаемый портретъ, а ты скажи мнѣ, сразу ли узналъ? Что̀ за удивительная голова, что̀ за печаль, за сила мысли,—это просто красота. Оригинальная красота еще лучше и гораздо.

Лиза начинаетъ плавать одна, безъ куржей. Море остается главной игрушкой.

Жаръ силенъ. Но со всѣмъ тѣмъ, что̀ ни толкуй, жить можно только въ этихъ полосахъ. Богато хороша, изящна природа и какъ-то гуманнѣе швейцарской. Тата согласна, что здѣсь,

и до Генуи-Специи, красивѣе Флоренции. Теперь, при перемѣщеніи капиталовъ, легко было бы купить дачу здѣсь или возлѣ Генуи (я даже думаю съѣздить туда), но „не подымается рука"!

Чума Ниццы—это страшнѣйшая вонь въ старомъ городѣ. Это ужасъ при 30°. Не сдѣлано ничего для дренажа (о, А. Фогтъ!), и при этомъ жарѣ—нечистоты и гнилая рыба дѣлають весь городъ клоакой. Мы внѣ этой атмосферы, для поясненія чего посылаю планъ. У насъ совершенно чистый морской вѣтеръ...

56.

(1867 г.) 22 іюля. 7, Prom. des Anglais.—Переписка наша не идетъ, видно, за неимѣніемъ матерьяла, а потому я начну съ печатнаго. Неужели слѣдующія статьи существуютъ въ сводѣ уг. зак.? Ихъ цитировалъ Еман. Араго при защитѣ Березовскаго. Если такъ, напечатай переводъ въ „Смѣси".

„Art. 1425. On doit dénoncer dans le cas de ce genre de crime non-seulement les principaux coupables, mais aussi ceux qui leur ont accordé leur aide, ou donné leur conseil, ou *qui avaient l'intention de commettre le crime quoiqu'ils ne l'aient pas* réalisée: on doit les dénoncer non-seulement en se fondant sur des preuves évidentes et sûres, *mais aussi dans le cas où l'on ne peut se fonder que sur les récits et les oui-dire des autres.*

„Art. 1426. Si quelqu'un déclare à son confesseur à la confession qu'il a un mauvais projet contre l'honneur et la vie de l'empereur; ou qu'il se propose de faire une révolte ou d'accomplir une trahison et si, en le déclarant, il ne manifeste ni regret, ni intention de renoncer à son projet, mais s'il le confesse uniquement pour s'affermir dans son projet criminel par le silence du confesseur, celui-ci doit le dénoncer immédiatement, vu qu'une confession pareille n'est pas régulière, car *le pénitent n'a pas manifesté de regret sur tout ses péchés*".

Чернецкій мнѣ прислалъ корректуру, *которую я просилъ не присылать*, сибирской статьи, недостаточно франкировалъ и надписалъ: Nicce, вмѣсто Nice. Я ее отсылаю и прошу объ одномъ, чтобъ безобразнѣйшій наборъ заглавія измѣнить совсѣмъ (если вы сами не догадались).

Сегодня Nat. получила 3 письма изъ Россіи. Ал. Ал. въ Москвѣ, куда пріѣзжалъ по случаю сильной болѣзни Мар. Ал. Онъ пишетъ, что онъ узналъ и что никакихъ препятствій на возвращеніе Nat. нѣтъ, и онъ зоветъ ее съ Лизой *на два года*

въ Яхонтово за нимъ походить. Вотъ твое предположенье-то и сбылось бы.

Въ газетахъ видѣлъ, не безъ радости, что у Маршева сгорѣла фабрика.

57.

(1867 г.) 27 іюля. Суббота.—Новостей мало. У меня былъ страшный поносъ и теперь еще не прошелъ. Съ рѣзью à la cholera. Журналовъ русскихъ нѣтъ—всѣ перехвачены. Это очень досадно: такъ я и не увижу все мерзкоблеваніе по поводу Березовск. процесса.

Напомни Чернец., что если дѣло состоится, подобрать афишу—Monstre—въ прибавл. къ „Колок." и въ „Journal de Genève" (послѣд. на мой счетъ). Если есть мѣсто лишнее, надобно разгонистѣе печатать.

Nat. Сат—у писала. Но все же я думаю, caro mio, безразсудно разсчитывать на бо̀льшую сумму, какъ 6.000 въ годъ. Ты, кажется, ошибся и полагаешь, что я деньги. оставилъ до 1 сент., а я оставилъ *до 1 октября*. Ты пишешь объ уплатахъ,—онѣ всегда будутъ, надобно строгій бюджетъ.

Я гарантирую 6.000, и еслибы Сат. гроша не прислалъ, но не больше,—да и ты самъ не захочешь. Отчего, финансистъ ты этакой, Рейхелю, Шиффу, А. Фогту, которые лучше тебя живутъ, имѣютъ дѣтей, пріемъ,—достаточно 5—6.000? ужъ не вино ли дѣлаетъ брешу? Обсуди хладнокровно и мужественно, а пока вотъ тебѣ счетъ за 1867:

Отъ Сатина.	3.300
Отъ меня	250
Два чека	1.200
	4.700+150.

Ergo, до 6.000 слѣд. получишь.

1.250+150 (за Сашу)=*1.400* до 1 янв. 1868. Зачѣмъ же мѣняли чекъ, когда я, *предвидя*, написалъ 1 августа?

Прими это какъ Warnung, благодушно. Я скажу откровенно, что по твоей жизни 6.000 достаточны; еслибъ было больше—c'est un autre дѣло,—хоть 60.000.

Сегодня широкко,—душно, нѐрвно и очень хорошо; небо на египетскій манеръ накалилось на горизонтѣ и море бурное.

Письма поздно ты получаешь потому, что я ихъ отправляю вечеромъ,—по жару нельзя ходить.

Если что̀ услышишь особенно гнуснаго изъ русскихъ статей, сообщи...

Я писалъ борзую статейку по-французски. Не послать ли въ „Liberté“ Жирардену? На это отвѣчай въ первомъ письмѣ.

58.

(1867 г.?) 29 іюля. 18, Rue de P.—Вчера письмо + письмо Кинкеля получилъ. Сегодня въ 7 ч. утра „телеграмъ“, ergo ты мое предложеніе принялъ. Такъ какъ, не побывавъ въ Парижѣ, я не могу выставить на трату остальные 7.950 фр., то прошу требованія дѣлать заблаговременно, almeno за 15 дней. Ты знаешь, что я протестую. Ты долженъ взять на свою *полную единичную* отвѣтственность всѣ подобныя траты.

О раздѣлѣ капитала и о томъ, что я употреблю для спасенія 10/т. ихъ всѣ на типографію, которая и будетъ представлять помѣщенный капиталъ, но не легко убакуниваемый, я составлю записку и ее мы напечатаемъ какъ отчетъ [1]).

Тебѣ никто не мѣшаетъ изъ твоей половины тоже спасти тысячъ 5 въ типографіи.

Лиза сегодня отправляется въ школу.

Чекъ, посылаемый мною Тхор., въ 1.500 фр.; изъ нихъ онъ возьметъ себѣ 450 и 1.050 вручитъ тебѣ.

Не могу ли я получить послѣд. печатную затрещину, которую поправлялъ Бакун. въ „языкѣ“.—Будь здоровъ.

Инженеръ разсказывалъ много интереснаго о желѣзныхъ дорогахъ. Концессіи вообще въ рукахъ Каткова. Одну только рыбинскую провелъ Конст. Никол., но и за это Катковъ теребитъ его...

59.

(1867 г.?) 30 іюля.—И еще „писемцо“ пришло. Не бойся отпора и пиши. Я отнесусь безъ arrière pensée и съ уваженіемъ (внутренняго честнаго разбора) къ твоей философіи жизни. Не вѣрю въ нее, потому что знаю твою реконструкцію жизни и распространеніе амнистіи на насъ самихъ. Мы поступали вообще безхарактерно и распущенно, въ силу чего такъ же

---

[1]) Не мѣшаетъ помнить, что о смерти Б. никто не говорилъ, и что онъ вправѣ потребовать.—*Авт.*

распустили все вокругъ. За это насъ бьютъ слѣдствія, и мы къ концу жизней ведемъ дрянную, узкую, неустроенную жизнь. Мы даже не умѣли устроить своей жизни вмѣстѣ, а обстоятельства насъ разведутъ еще дальше. Чтò жъ, Огаревъ, можно сказать противъ этого?

Скажи, чтò же мы за публиц., когда работаемъ два года и не можемъ найти средства переслать вѣсть С—ну? У насъ нѣтъ съ Россіей связи... Руки опускаются.

31 іюля. Отвратительная встрѣча. Лиза забыла у Висконти свою мантилью. Я съ ней пошелъ и въ дверяхъ носъ съ носомъ встрѣтился съ Ковалевскимъ, такъ что и разойтись нельзя было. Я руки не подалъ, но поклонился, сказавъ нѣсколько словъ. Глупъ онъ былъ, и дерзокъ, и сконфуженъ. Я очень недоволенъ. И зачѣмъ же этотъ человѣкъ въ Ниццѣ, зачѣмъ онъ вообще безпрестанно ѣздитъ? Вездѣ какъ грибъ. Лицо его стало ужасно, исхудалъ, вдвое прыщей. Такъ снова и пахнýло на меня изъ Элпидиныхъ мѣстъ, и твоя сентенція пришла въ голову: „Къ Женевѣ надобно привыкать".

Какъ только я уѣзжаю, у тебя часть жизни покрывается завѣсой тайны. Ты ходишь на „необходимыя свиданья", „встрѣчи", ты видишься съ таинственными Г. — , — ужъ просто бы, безъ алгебры. Повѣрь мнѣ, что тайнъ нѣтъ, да и то еще, чтò au jour d'aujourd'hui. Пусть читаютъ, что ты видѣлся съ Мечниковымъ и даже съ Жуковскимъ.

Русскія газеты совершенно не доходятъ. Жду о Чернецк. Чтò, спасъ ли ты Приб. къ „Колоколу"?

Ученую статью предложи Вырубову (пожалуй, я напишу); его адресъ: 5, Rue des Beaux Arts. Твою ситуацію refondre можно напечатать въ Сборникѣ, о которомъ мечтаю. Русскій „Кол." мнѣ всего противнѣе.

Насчетъ переписки натягивать нечего. Когда нѣтъ матерьяла, довольно два письма въ недѣлю; такъ я и руководствуюсь. Въ замедленіе не очень вѣрю. Вы бросаете письма зря, т.-е. не наблюдая часа. Это письмо если я пошлю, пошлю вечеромъ; стало, оно вечеромъ 2 августа и придетъ; а еслибъ послалъ утромъ, т.-е. теперь, пришло бы въ Женеву въ обѣдъ завтра. Въ Petit Lancy почта ходитъ разъ.

Доброе дѣло, что провѣтрилъ Тхор. на Салевъ.

Какая жалость, что романъ Чернышевскаго писанъ языкомъ ной передней! Въ немъ бездна хорошаго.

60.

(1867 г.) 4 авг. Воскресенье, вечеръ. — Совершенно дружески прочелъ твою утопію и отвѣчаю сейчасъ. Я не того ожидалъ. Я говорилъ о законности или консеквентности Немезиды, а ты дѣлаешь планъ будущему. Не знаю, что возможно черезъ годъ или годы, но теперь наша артель врядъ возможна ли. Она дастъ мѣсто новымъ столкновеніямъ и еще разъ сгложетъ и съузитъ нашу жизнь. Послѣ сильной передряги, теперь миръ и тишина, такъ что можно говорить. Постараюсь поддержать это расположеніе. Но отъ этого до жизни вмѣстѣ—безконечность. Развѣ въ одномъ городѣ и двухъ разныхъ домахъ? Иначе мудрено.

Насчетъ раскаяній—ты не можешь ихъ имѣть, ты и до сихъ поръ сохранилъ юность и чистоту. Все зло въ твоей жизни произошло отъ пьянства. Имъ ты потерялъ здоровое здоровье (подъ этимъ я разумѣю не апетитъ, а способность жить, какъ всѣ люди, и независимость отъ нервныхъ страховъ), имъ потерялъ состояніе, которое облегчило бы тебѣ не только добровольныя тяги, но участіе въ общемъ дѣлѣ. Но это порокъ субъективный, и имъ ближнихъ ты билъ только рикошетомъ, стало, нѣтъ и рѣчи о намѣренномъ вредѣ или даже сознательномъ.

Далѣе ты говоришь: „Не бросить же мнѣ ихъ". А кто же это предлагаетъ? Еслибъ я не зналъ, что тебя заставляетъ такъ говорить раздражительный фамилизмъ, я бы разсердился.

И что ты говоришь о лжи и истинѣ? Если ты говоришь о прежнемъ времени—это панихида, а теперь и такъ все ясно...

Еще, чтобъ кончить о частныхъ дѣлахъ. Сегодня опять писано С. о деньгахъ. Но какая же тебѣ разница, отъ него ли, отъ меня ли, — до 6.000 ты непремѣнно получишь, стало, ты именно и хочешь 7 и 8... Будь остороженъ. Взялъ ли ты Генри изъ дорогой школы? Знаетъ ли онъ, что онъ долженъ выучиться *въ срокъ*, ex. gr., въ два года. Дѣлать нечего, чѣмъ скорѣе возьмешь изъ пансіона, тѣмъ лучше.

Чернецк. проситъ сверхъ 500 еще 1.000. C'est un artiste très cher въ нашемъ хозяйствѣ, и конца нѣтъ.

Я француз. предисловіе написалъ бойко и съ петардами. Только книжку твою „Situation" надобно очень и очень передѣлать—refondre и renouveller, rafraichir et colorier.

Чернышевскаго романъ читай, много хорошаго. Онъ похожъ

на Бакста: уродъ и милъ. А вредъ онъ долженъ былъ принести немалый.

Прошу отвѣтъ на всѣ разсужденія, и представь больше удобоисполнимый планъ...

61.

(1867 г.) 6 августа. Вторникъ. — Мысль моя та — издать французв. брошюру, не замыкая ее, а оставляя себѣ право издать 2, 3 и т. д. Мнѣ ужасно хочется обидѣть лаятелей за ихъ безсмысліе. Твоя книга должна представить Grund und Boden. Но, вѣроятно, въ ней многое устарѣло. Слогомъ ея были недовольны *всѣ* французы. Посовѣтуйся съ P. Leroux. Всего легче ее поправить переписывая. А тамъ въ формѣ—дѣлай что знаешь. Прибавленіе ли, или refonte.

Наконецъ, явилась „Вѣсть". Это статья „Kreuzzeitung". Зачѣмъ же мнѣ отвѣчать Скар.? Онъ не прибавилъ ни слова, а перепечатать имѣлъ право. „Zukunft" помѣстилъ мой отвѣтъ. Пошли Приб. „Кол." въ „Голосъ", Москву и еще куда слѣдуетъ.

„La Nouvelle Pensée" я выпишу, она вовсе неизвѣстна. Я хотѣлъ послать ее для гласности, ее читаютъ 50.000 человѣкъ (а сколько въ café), а „Новую Мысль" читаетъ Барни. Какъ кажется, придется издать книгой.

А вотъ забава. У насъ лежала четыре года „Исторія среднихъ вѣковъ" Стасюлевича—въ передней, вездѣ. Я ее захватилъ безъ мысли (она—(Н.) Утина) и открылъ, что это—кладъ. Сборникъ статей и отрывковъ — того времени. Я держусь за мое вѣчное сравненіе Европы съ надающимъ Римомъ [1]).

Твое „нѣчто" въ послѣднемъ письмѣ темно...

О сводѣ и книгахъ, которыя надобно выписать, мы уже говорили сто разъ, и я всякій разъ говорилъ, что ихъ слѣдуетъ выписать, и, разумѣется, не на счетъ денегъ С., а просто.

Въ Ливурнѣ холера; говорятъ, и въ Генуѣ. Во Флоренціи

---

[1]) Полное заглавіе упоминаемой Герценомъ книги такое: „Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Т. I: Періодъ первый, отъ паденія Западной Римской Имперіи до Карла Великаго (476—771 гг.). Спб. 1863". Въ этотъ томъ вошли писатели V-го вѣка, свидѣтели и историки паденія З. Р. И., какъ Сидоній Аполлинарій, Сальвіанъ, Амміанъ Марцеллинъ и мн. др.; повидимому, ихъ лѣтописи и дали Герцену новую опору для сравненія явленій паденія цивилизаціи римскаго міра съ тѣмъ, что совершалось на его глазахъ въ Западной Европѣ и потому представлялось ему ея паденіемъ.—*Ред.*

берутъ мѣры, и здѣсь, говорятъ, будетъ карантинъ. Вотъ тутъ и дѣлай проекты. Мы, какъ я писалъ, живемъ на чистомъ воздухѣ, ну, а за старый городъ отвѣчать нельзя.

„Zukunft“ помѣстилъ мое заявленіе; пишу въ „Figaro“. „Pensée Nouvelle“ никто не знаетъ, даже въ спискѣ новыхъ журналовъ нѣтъ. Видишь, что я отгадалъ. Нельзя ли отъ Барни узнать, кто издаетъ, гдѣ, и цѣну?

Не дурно было бы, еслибъ ты мнѣ прислалъ экземпл. твоей брошюры „Situation“...

62.

(1867 г.) 8 августа. — Письмо отъ понедѣльника пришло. Чернецкій можетъ съ твоей помощью сдѣлать французскую особую annonce о типографіи и разослать (на мой счетъ) главнымъ книгопродавцамъ.

Неужели ни Фогтъ, ни Регель не могутъ помочь? Чернец. просилъ 500 и поручительство въ 1.000 фр. Чтò онъ теперь скажетъ, не знаю.

Твоя сціенцифич. статья не можетъ идти въ сборникъ — чисто политико-полемическій.

Охота вамъ встрѣчать Нефталя. Ну, были разъ, и довольно.

Газеты, посланныя вмѣстѣ съ письмомъ, всегда приходятъ 3-мя днями позже (такъ было зимой). Висконти получаетъ чрезъ пять № одинъ. Я увѣренъ, что я половину „Голоса“ не имѣлъ. Stell'ѣ послалъ. Мнѣ очень непріятно, что Дол. перестанетъ посылать, и не *предупредивши* меня. Тх. можетъ ему это сказать. Три пункта получены.

Какое же сомнѣніе въ симпатичномъ письмѣ „Новой Мысли“? Non capisco. Моя статейка въ Guide Paris, II vol., мало искажена, зато опечатки ужасныя.

Я вчера писалъ къ Хоецк., чтобъ онъ трубилъ, что „Кол.“ не прекращался. Мнѣ кажется, что лучше дѣлать изданіе: листъ франц. и листъ русскій.

Когда ты начнешь романъ Черныш.? Это очень замѣчательная вещь. Въ немъ бездна отгадокъ и хорошей и дурной стороны ультра-нигилистовъ. Ихъ жаргонъ, ихъ аляповатая грубость, презрѣніе формъ, натянутость, комедія простоты,—и съ другой стороны—много хорошаго, здороваго, воспитательнаго. Онъ окан- [illegible] книжк[illegible]омъ, барделью. Смѣло. Но, Боже мой, чтò за дѣлать—refondre и [illegible]поэзіи (сны Вѣры Пав.), чтò за пред- Чернышевскаго роман[illegible]ьевскаго острова! Какъ онъ льститъ

нигилистамъ!—Да, и это, какъ гебертизмъ въ 1794 году, фаза, но и она должна пройти.

Прощай. Ковал. здѣсь и никуда не показывается. На мой вопросъ: „Зачѣмъ онъ здѣсь?“ — онъ отвѣчалъ: „По дѣламъ“. Въ Ниццѣ—дѣла!..

63.

10 августа 1867. 7 Prom. des Anglais.—...Что касается до твоихъ плановъ, caro mio, думаю, что все это—мечты. Въ двухъ домахъ въ одномъ городѣ — и довольно близко — это всего возможнѣе. Теперь скажи мнѣ, когда же мы съ тобой договоримся до ясности во взглядѣ на нашу жизнь и дойдемъ до общаго, одного убѣжденія?...

Тебя я никогда ни въ чемъ не винилъ, и объ этомъ писалъ. Но я опять скажу, что какъ только рѣчь доходитъ до твоихъ семейныхъ отношеній, ты теряешь пониманье. Неужели это не отчаянный фамилизмъ? Послушай, я говорю: жить надобно тебѣ съ нами (буде было бы возможно), а для М. нанять квартиру. Ты отвѣчаешь: „бросить ихъ я считаю подлостью“.—Безуміе,— я тебѣ объясняю. Ты поясняешь мнѣ, что „бросить“, по-твоему, значитъ удалиться въ другой домъ.—Второе. Далѣе. Тебя опытъ мало учитъ, и ты имѣлъ примѣръ, что воспитывать юношей ты не можешь. Въ чемъ же *истина* твоего отношенія къ молод. человѣку? Ты его портилъ и, можетъ, не только распущенностью, но и примѣромъ (о чемъ не разъ говорила М.) нетрезваго поведенія. Итакъ, говори просто: *ты не можешь и не хочешь жить врозь*. Это будетъ ясно.

Мы воспитывать не можемъ. На это доказательство Саша (и онъ былъ юношей,—что же мы, два мужа, серьезно сдѣлали для него, я съ 1852, ты съ 1856?). Мы *мало* даемъ себя—ты съ любовью, я съ фальшивымъ желаньемъ.

Наконецъ, на тебѣ и не лежитъ та Немезида, которая лежитъ на мнѣ. Ты даже побѣждаешь свой недугъ.

Твоего выраженія „призрачнаго характера“ я не понимаю. Я полагаю, что и у меня, и у тебя характеры *рамоли* въ двухъ разныхъ формахъ, и изъ всего этого заключаю о себѣ, что только въ общихъ сферахъ я и имѣю значеніе, а семейный человѣкъ дрянной. А ты, при тѣхъ же условіяхъ, сдѣлался отличнымъ семьяниномъ.

Теперь къ практикѣ. Тата, можетъ, останется здѣсь еще

дольше, но что же потомъ?... Ѣхать бы, ну, хоть весной, въ Лозанну. Я предлагалъ теперь, отвѣта нѣтъ.

Ай да Нефталь! Дошелъ не только до Ніагары, но до фотографіи. Пришли, если хороша.

Не съѣздить ли въ Америку? Меня подмываетъ. И дѣла устрою отлично, и весь путь даромъ, на проценты.

Гдѣ взять француза для поправленья статей? Я полагаю, что сборника франц. можно издать нѣсколько книжекъ. Твоя брошюра не взойдетъ вся въ первый...

64.

(1867 г.) 14 августа. Середа. — Что глазъ болитъ—предосудительно, что онъ болитъ на другой день послѣ отъѣзда Ньютеля — неосторожно. У насъ здоровье à l'ordre du jour. Жара страшная, и притомъ штиль, море не колыхнется, вода въ морѣ 20° (100° тер.), — и ничего, только работать трудно. Праздность итальянцевъ понятнѣе въ такое время. Я встаю въ 1/2 6-го и въ 6 купаюсь. Въ 7 или въ 1/2 8-го жаръ уже невыносимый и до 7 вечера, и вечеромъ воздухъ только охлаждается близъ моря. Въ 1/2 12-го мы ложимся. Мяса почти никто не ѣстъ, фрукты, мороженое и рыба—въ неистовомъ количествѣ. Лиза пожираетъ персики, ренклоды и землянику — какъ слонъ. Она здорова очень, но жаръ развариваетъ ее. И при всемъ, эта полоса—изящнѣйшая. Я никогда не чувствовалъ это больше (старость), и Женевой не прельстишь меня...

Погодину писалъ любезности и послалъ въ Парижъ черезъ *попа Васильева!*

Тхор. правъ насчетъ объявленія о типогр., — его слѣдуетъ вмѣстѣ съ другими анонсами, но какъ же у васъ не нашлось ни одного человѣка, чтобъ въ „Колок." (который, наконецъ, получилъ) напечатать о перемѣщеніи типографіи *на французск. языкѣ?* Вѣдь это ясно какъ день.

Ясно и то, почему твоя статья не можетъ взойти въ спеціальный Сборникъ. Я, помнится, тебѣ писалъ и не разъ, что моя мысль—издать по-франц. сборникъ статей новыхъ и старыхъ *о Россіи* подъ заглавіемъ: „Encore une fois le vieux monde et la Russie. Rec. redigé par Herz. et Og." Теперь положимъ, что Александръ Македонскій великій человѣкъ, но его исторія Квинта Курція сюда не идетъ. А ужъ русскіе стихи еще меньше (объ русскомъ сборникѣ и рѣчи нѣтъ). Стихи — пусть попрѣютъ, къ

ужину (1 янв. 1868) поспѣютъ. Досадно очень, что я отрѣзанъ отъ журналовъ. Я дивлюсь, какъ ты можешь жить безъ нихъ.

Я свое предисловіе почти кончилъ. Можно изъ „La Cloche“ взять статей десять. Не печатать ли все это просто во французскомъ „Колоколѣ“? Я отвѣчаю за 10 первыхъ листовъ.

Какъ только Погод. журналъ придетъ, прочти, что это за статья обо мнѣ, и пришли ее, — если не велика, пожалуй, въ пакетѣ. Меня очень интересуетъ она. Я звалъ Погод. заѣхать по дорогѣ (онъ ѣдетъ въ Константинополь и Іерусалимъ)...

А что романъ Чернышевскаго? Брошюру твою получилъ. „Поншъ“ не пришелъ.

Скажи Тхорж., что письмо его получилъ отъ 12-го. Все очень хорошо. „Голосъ“ слѣдуетъ выписывать, но не платить же за прошлое,—видно, до октября побиться. Да не можетъ ли важныя статьи отмѣчать Мерчинскій? Со стороны Долг. я считаю неприсылку „Голоса“ за разрывъ. Если онъ имѣлъ что противъ меня, онъ могъ бы сказать мнѣ, а не звать на прощальные обѣды. Хорошо было бы внушить ему это...

65.

(1867 г.) 18 августа. Воскресенье, послѣ обѣда. — Что за проклятая невралгія, и какъ долго! Вотъ тебѣ и Женева, а мы здѣсь на закраинахъ холеры благоденствуемъ. Только жары не въ мочь, но, благодаря сквозному вѣтру, жить можно.

Журналомъ Погодина ты меня довелъ до припадка бѣшенства. Это вовсе не тотъ листъ, мнѣ нужна статья его *обо мнѣ*, какъ онъ говоритъ, писанная въ мою *защиту*. Я непремѣнно объ ней буду писать, но когда и гдѣ добуду?

Мое письмо въ „Фигаро“ и въ „Zukunft“ ничтожно, а также и строки въ „Temps“. А по ихъ поводу у меня былъ второй припадокъ бѣшенства. Хоецкій пишетъ ко мнѣ (теперь-то!) о твоей статьѣ и считаетъ тебя заклятымъ врагомъ Польши. Я долго думалъ, отвѣчать ли, и рѣшился отвѣчать. Что это за мозги! Одинъ Токаржевичъ понимаетъ что-нибудь. Я читаю теперь Духинскаго и иной разъ перечитываю, чтобъ убѣдиться, что такую белиберду можно такъ серьезно писать.

Брошюру твою почти всю прочелъ (я ее читаю съ Татой, оттого медленнѣе). Она очень хороша, но устарѣла во многомъ, и потому многое слѣдуетъ передѣлать. Слогъ больше небрежный, чѣмъ дурной, и какой-то мѣстами беззвучный. Бездна англійскихъ

словъ оскорбляетъ: settler, settlement, saving, beaut, et cet., счетъ на гинеи еще больше.

Обороты иные хороши только въ полемикѣ, а я хочу изъ твоей книги сдѣлать для нихъ руководство. Напр., называть освобожденіе крестьянъ „измѣненнымъ рабствомъ“ не годится. Особенно, когда они не надивятся, что и въ поссесію дали землю. Въ многихъ мѣстахъ надобно прибавить красокъ. Знай публику. Ко мнѣ пришелъ здѣсь познакомиться самъ предсѣдатель гражд. суда. Юристъ, ученый, не старый, серьезный, — ну, а какъ дѣло дошло до Россіи,—ни тѣни свѣдѣній. Я ему обѣщалъ дать твою книгу.

Лиза цѣлыми днями мила. Все такъ же плаваетъ. Она хотѣла тебѣ сообщить, что я сегодня тоже прыгалъ съ досокъ въ море и плавалъ съ ней au large, но вспомнила, что воскресенье и что писать нельзя. Говоритъ она точно большая, со всѣми нюансами въ выборѣ словъ маркизы S. Germain'скаго предмѣстья Она продолжаетъ питаться ягодами, фруктами и мороженымъ.

Холера свирѣпствуетъ въ Палермѣ, Ливурнѣ и Комо (туда какъ попала?). Я вчера послалъ Мейз. инструкцію ѣхать изъ Rimini сейчасъ въ Флоренцію, если есть малѣйшій случай болѣзни (во Флоренціи нѣтъ). Я алармѣ не отдамся, но если перебросить хол. сюда, на свой страхъ не оставлю Тату, Nat. и Лизу. Можно ѣхать въ Montpellier, даже въ Тулузу, Бордо. За симъ прощайте.

А не правда ли, хитрая штука, что ты пишешь на имя Таты?

Тхорж. кланяюсь въ поясъ. Ужъ онъ не достанетъ ли Погод. жур. *9 и 10 листы?...*

66.

(1867 г.) 27 августа. Вторникъ. — Твое письмо маленькое, но klein, aber lustig. Новость о Келс. все-таки перевернула меня. Помнишь ли, какъ онъ разъ въ Orsetthous'ѣ защищалъ какого-то шпіона-поляка? Мы чуть не побранились. Хорошо имѣть *старую* нравственность, когда у самого нѣтъ новой. 2-ое. Пріѣздъ Бакун. Что же это онъ о писсъ-конгрессѣ что ли безпокоится? Гвалтеріо, его врага, прогнали съ губернаторскаго мѣста. Скажи ему, чтобъ онъ не давалъ чинить реакцію Петру Влад. въ писсѣ. Я очень радъ, что меня тамъ не будетъ. И вообще, несмотря на твое высокое покровительство, Женева мнѣ противна. Здѣсь я чѣмъ больше живу, тѣмъ больше вживаюсь. Да, это удивительная полоса земли.

А ргоров, что я писалъ о Путнеѣ и что хвалилъ, во-первыхъ, я забылъ, а во-вторыхъ, навѣрное ничего не хвалилъ. Прошу тебя справиться. Какъ можно хвалить начало всѣхъ компликацій?

Сат. на ярмаркѣ, жена его собирается въ Москву. Деньги, вѣроятно, вышлетъ (сегодня письмо). Если нѣтъ, то я могу впередъ тебѣ прислать 500 фр.

Я не купаюсь третій день: отъ морск. воды вышла сыпь на рукахъ. Погода необычайная.

„Русскій" прислалъ Погод., объ этомъ я раза два писалъ. Я получилъ отъ него еще письмо. Онъ отправился въ воскр. въ Іерусалимъ и пишетъ мнѣ:

„До свиданья на томъ свѣтѣ".

Французскія Prolegomena готовы—45 страницъ. Весь вопросъ въ томъ, печатать ли отдѣльной брошюрой, или первымъ ливрезономъ, или, наконецъ, „Колоколомъ"? А кто поправитъ? Статья эта всѣмъ будетъ костью въ горлѣ. Я попробую въ Парижѣ прочесть отрывки.

Чѣмъ хуже и пустѣе статья, тѣмъ лучше плаванье. „Монитёръ" перепечаталъ часть моей статьи изъ Paris-Guide.

Я хотѣлъ писать статью о „Что дѣлать?", но оставилъ, чтобъ не раздразнить его стаю. Въ немъ много хорошаго. Это—удивительная коментарія во всему, чтò было въ 66—67 гг., и зачатки зла также тутъ. Прочти же его.

Тхорж. я писалъ въ воскресенье.

Не предложить ли Бакун. комнату, т.-е. мою спальню, безъ service'а и ѣды?

Мерчинскому кланяйся.

Отъ кого слухъ о Келс.? Не отъ лабазника ли Касаткина?

Читалъ ли ты процессъ Касса и Parent? Прочти.

Знаютъ же, кто русскіе ходятъ въ „Курону". Какъ же вора не поймать!

Отъ Хоецк. отвѣтъ дипломатическій. Конст. Ник. хотѣлъ его видѣть? Это чтò?..

67.

(1867 г.) 31 августа. Суббота.—Твое и Тхоржевскаго письма получилъ, также „Моск. Вѣд.". Отъ Бакун. *я письма не получалъ,* и вчера ходилъ справляться на почтѣ. Письма нѣтъ. А чтò онъ писалъ? Его бы слѣдовало извѣстить.

Зачѣмъ же ты, карѣйшій, вдаешься въ девилевщину и тамъ,

гдѣ просто сумбуръ и помѣшательство, предполагаешь замыслы, комплоты...

Если проектъ о Колмарѣ удержится, я ничего не имѣю противъ, весною ѣхать можно. Въ Парижъ я поѣду 8-го или 9-го. Я счетами Ротшильда недоволенъ, т.-е. его американскимъ промѣномъ, и непремѣнно надобно переговорить съ Бамбергеромъ.

Холеры здѣсь нѣтъ, ни въ Марселѣ, ни въ Тулонѣ. А у меня отъ жара и купанья сдѣлалась сыпь и даже чирій подъ рукой. Въ силу сего купаться въ морѣ не могу.

Уступокъ дѣлать не слѣдуетъ въ *писовкѣ* (abbreviation конгресовки), и если Бакун. еще разъ повлечетъ насъ ко дну, — барахтаться. Au reste — ты его дома остановишь и направишь. Большое счастье, что меня нѣтъ. Ссора была бы хуже и, можетъ, въ самой писовкѣ. Я до сегодня краснѣю за наши промахи.

Дѣла въ Россіи идутъ утомительно вяло. Тѣ же доносы въ „Моск. Вѣд.", то же крѣпостничество въ „Вѣсти". Право, слѣдуетъ печатать по-французски. Русской публики для насъ нѣтъ.

Тхоржевскій пишетъ о князѣ Гр. и что онъ его не узнаётъ. Онъ обѣщалъ въ фондъ. Нельзя ли ему объяснить, что фонда нѣтъ, но бѣдные эмигранты есть, и что мы беремъ на нашъ гоноръ. Да заставь его купить „Былое и Думы", „Колоколъ" et cet.

Затѣмъ, прощай.

Сообщ. Г. Георгіевскій.

ИЗЪ
ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
П. М. Ковалевскаго *)

I.

Памяти Шур—ки [1].

1.

Эго царство снѣга бѣлое,
Эта лѣса тишина,
Сводятъ въ сердце наболѣлое
Миръ забвенія и сна.

И не вѣрится, не чудится,
Что когда-нибудь опять
Сердце старое пробудится,—
Чтобъ по новому страдать!

Гатчино,
4 февр. 1881.

---

*) Одно изъ нихъ—„Домъ на краю"—было помѣщено въ нашемъ журналѣ (декабрь, 1907 г., стр. 730 и слѣд.), вмѣстѣ съ біографической замѣткой о покойномъ поэтѣ и художественномъ критикѣ, начиная съ 70-хъ годовъ истекшаго вѣка.—*Ред.*

[1]) Этотъ рядъ стихотвореній посвящался памяти дочери поэта, скончавшейся въ Гатчинѣ 16-ти лѣтъ отъ роду, и памяти которой было посвящено и стихотвореніе, упомянутое въ предыдущемъ примѣчаніи.—*Ред.*

2.

За поляною лѣсною,
Въ сторонѣ моей далекой,
Подъ зеленою листвою
Крестъ бѣлѣетъ одинокій—
Одинокій и забытый,
Надъ покинутой могилой,
Гдѣ безвременно зарыто
Все то счастіе, что было...

Унесла меня кручина
Въ даль невѣдомаго края;
Взоры тѣшитъ мнѣ чужбина;
Скалъ громады обдавая,
И поетъ, и стонетъ море,
Серебромъ каймитъ заливы...
И не вѣдаетъ, что горе
Міръ плѣнительно-счастливый...

Только я не слышу моря,
Только мнѣ не видно счастья
Изъ-за стонущаго горя,
Отъ сердечнаго ненастья!
Только все передо мною,
Въ сторонѣ моей далекой,
За поляною лѣсною
Крестъ бѣлѣетъ одинокій...

Отъ тоски моей нещадной
Я бѣгу, зажмуря очи...
Городъ шумный и нарядный,
Весь въ огняхъ безсонной ночи,
И сіяетъ, и трепещетъ,
И межъ пышными дворцами
Многолюдными волнами,
Какъ живое море, плещетъ...

Но не онъ передо мною!
За поляной невысокой,

Облитъ блѣдною луною,
Крестъ бѣлѣетъ одинокій—
Одинокій, незабытый,
Надъ оплаканной могилой,
Гдѣ все счастіе зарыто
И лежитъ съ моею милой!..

Сентябрь 12. 1881.
Бьярицъ.

3.

Далече мы отъ стороны унылой,
Гдѣ стужею окованъ мертвый долъ...
Вѣнками розъ октябрь нашъ садъ оплёлъ;
Но отчего нѣтъ съ нами нашей милой?

Довѣрчиво морскихъ пучинъ волна,
Лазурная, у старыхъ скалъ почила,
Ласкаяся, какъ милая она...
Но нѣтъ ея—и ласковой, и милой!

Зачѣмъ въ звѣздахъ полночныхъ небеса
Съ невѣдомой для насъ мерцаютъ силой?
Земли, небесъ и моря чудеса,
Зачѣмъ они? зачѣмъ—безъ нашей милой?

Убогій край, гдѣ стужей скованъ долъ,
Дороже намъ въ своей красѣ унылой:
Онъ въ дымкѣ слезъ отъ нашихъ глазъ ушолъ
Съ покинувшей навѣкъ насъ нашей милой!..

1881. 12/24 октября.
Бьярицъ.

4.

Кругомъ какая тишина!
Недвижна въ синевѣ олива;
На днѣ уснувшаго залива
Песчинка каждая видна...

Но страшенъ міръ невозмутимый,
Готовый молча сокрушить

Все, чтò готовилося жить—
И только самъ несокрушимый!

Была такая жъ тишина;
Май въ òкна лилъ свое сіянье.
—„Какъ Божій міръ хорошъ!“—она
Шептала жизни на прощанье.
И этотъ міръ ее убилъ—
Безъ òблака, безъ дуновенья!

Онъ темной смерти приближенье
Полудня блескомъ озарилъ;
А самъ, попрежнему прекрасный,
Все такъ же безконечно-живъ,
Невозмутимо безучастный—
И къ тишинѣ сѣдыхъ оливъ,
И къ стонамъ посланнаго горя,
И къ сонному дыханью моря...

Декабрь, 1881.
Ментона.

5.

Въ глуши родныхъ унылыхъ мѣстъ
Я различилъ твой бѣлый крестъ
Подъ черной сѣткою кустовъ,
На бѣлой скатерти снѣговъ...
Изъ края свѣта и тепла
Меня могила лишь звала...
И много, много жаркихъ слезъ
Могилѣ мёрзлой я привезъ,
Да жизни,—цѣлой жизни прахъ,
Готовый лечь въ ея ногахъ...

1884 г.

6.

Безбрежное, глубокое какъ море,
Безмолвное меня объемлетъ горе...
И думаешь,—то смерти тишина.
Но вдругъ опять воздвигнется волна,
Стенящая всѣхъ скòрбей голосами,

И все поднявъ, что̀ умерло, со дна,
Вновь обольетъ кипучими слезами.

1884 г.

7.

Посмотри на розы,
Всѣ онѣ въ слезахъ.
Помнишь эти грозы
Въ теплыхъ небесахъ?

Что̀ отъ нихъ осталось,
Кромѣ этихъ слезъ?
А отъ жизни грозъ
Сердце разорвалось.

1884 г.

8.

Не полагай одной отрады
Въ блаженствѣ возданной любви;
За нѣжность чувствъ не жди пощады,
Чужою жизнью не живи!
Измѣнитъ жизнь, оставитъ чувство
Лишь слѣдъ страданій на челѣ...
Два блага вѣчны на землѣ:
Природа и—искусство...

1884 г.

9.

Тѣни прошлаго
Вкругъ меня стоятъ,
Счастьемъ свѣтлыхъ дней
Въ очи мнѣ глядятъ,—
Тѣмъ, что̀ въ море слезъ
Утопилося,
Въ тучу черную закатилося...

1884 г.

II.

Незабвенный Квартетъ.

Посвящено Давыдову, Ауэру, Пиккелю и Вейкману.

Не пышный залъ въ его сіяньи,
Въ грозѣ оркестра, плескѣ рукъ,
Встаетъ живымъ въ воспоминаньи,—
Но этотъ тихострунный звукъ,
То четырехъ смычковъ движенье
Въ благоговѣйной тишинѣ,
Той скрипки сладостное пѣнье
И замиранье на струнѣ;
Подъ гулъ стенящей вьолончели,
Несмѣло, какъ издалека,
Альта лепечущія трели,
И вздохъ четвертаго смычка..
Въ знакомомъ ненарядномъ залѣ
Стоятъ пюпитры, какъ стояли,
И двое скромныхъ старичковъ,
Все въ качествѣ вторыхъ смычковъ,
Сидятъ, какъ смолоду сидѣли;
Все мраченъ видъ у вьолончели;
Лишь нѣсколько сѣдыхъ волосъ
У первой скрипки завелось.
Здѣсь, подъ знакомые напѣвы,
Охотнѣй сердцу вспоминать;
Про тѣхъ, кто были—думать: гдѣ вы,
Сюда ходившіе мечтать?
Иныя видишь поколѣнья
И ихъ несетъ иной потокъ;
Какъ путникъ къ мѣсту отправленья,
Приходишь скорбно-одинокъ.
И только неизмѣнны звуки
И не скудѣетъ ихъ елей,
И тѣ-жъ ихъ извлекаютъ руки
Въ едино слившихся людей.
Здѣсь міръ попрежнему духовенъ,
Здѣсь, въ чистомъ алтарѣ искусствъ,

Священнодѣйствуетъ Бетховенъ,
Въ восторгѣ свѣтлыхъ думъ и чувствъ...

А мы, въ смятеньи и тревогѣ
Запасъ растратившіе силъ,
Оставившіе по дорогѣ
Рядъ пораженій иль могилъ,—
Какой борьбы мы не искали?
Къ какимъ мы новымъ берегамъ
Своихъ надеждъ не устремляли?
Какой не мало было дали,
Чтобъ крылья развернуть мечтамъ?
О лучшей долѣ человѣка
Видали золотые сны
Не мы-ль, осмѣяннаго вѣка
Давно ненужные сыны?
Гдѣ жатва отъ сѣмянъ свободы?
Чт̀о устояло отъ годинъ?
Въ крови боролися народы—
Смычки играли какъ одинъ!
И вотъ идемъ мы—благодати
Простыхъ созвучій ихъ просить,
Защиты ихъ крылатой рати,
Чтобъ съ жизнью битву завершить...

И юность, на порогѣ жизни
Бросающая намъ укоръ,
Обречена такой же тризнѣ,
И гордый свой опуститъ взоръ.
Лишь то, чт̀о въ этомъ мирномъ залѣ
Не властно время измѣнять:
Пюпитры будутъ все стоять—
При внукахъ, какъ при насъ стояли;
И только, можетъ быть, смычки
Изъ рукъ уронятъ старички;
Но ихъ поднимутъ молодые,
И звуки тѣ же потекутъ—
Несокрушимые, живые,
Одни властительные тутъ...

1887 г.

III.

Севастополь.

Я видѣлъ городъ раззоренный
Свинцомъ, каленымъ чугуномъ,
Могилъ рядами убѣленный
И моремъ обнятый кругомъ.
Я былъ, гдѣ братская могила
Стоитъ торжественно-уныла
Надъ сотней тысячъ жизней. Тамъ—
Пріютъ умолкнувшимъ громамъ,
Конецъ отваги безпримѣрной...
А море всхлынивало мѣрно,
Въ отвѣтъ здѣсь пролитымъ слезамъ...

Я видѣлъ городъ возрожденный,
Со всплывшей стаей кораблей,
Ихъ первымъ громомъ пробужденный
Глубокій сонъ морскихъ зыбей.
Здѣсь видѣлъ смерти величанье
Я въ храмахъ мраморныхъ, а тамъ—
Погоню жизни по слѣдамъ
Еще зіявшаго страданья...
Но свѣтлый городъ средь могилъ,
Но жизни пиръ глушащій стоны,
Звучали эхомъ обороны
И пахли ладаномъ кадилъ...

1888 г.

IV.

Какъ я радъ умереть! Жизни ношу
Я въ мгновенье одно съ себя сброшу;
Перестану любить, перестану жалѣть...
Какъ я радъ умереть!..

Какъ я радъ умереть! Хоть могилой
Буду рядомъ опять съ моей милой...
Май цвѣтами сойдетъ насъ одними одѣть...
Какъ я радъ умереть!..

1904 г.

П. Ковалевскій.

„ЗА-ГРАНИЦЕЙ“

РОМАНЪ *).

I.—Весталка революціи.

— „Обязательно повидайте ее, Анну Николаевну, — непремѣнно разыщите: интереснѣйшій человѣкъ! прекрасной души человѣкъ“!

Это мнѣ говорили еще въ Сибири, снаряжая меня въ далекій путь, въ „края свободы“, которыхъ мнѣ удалось, наконецъ, достигнуть,—но только послѣ того, какъ я счастливо, при помощи контрабандиста, перебрался черезъ границу, а потомъ черезъ Вѣну добрался до Женевы. Видѣлъ я предъ отъѣздомъ и фотографію Анны Николаевны у одного изъ ссыльныхъ, товарища ея мужа, нѣкоего Кузьмича,—видѣлъ и долго всматривался въ нѣсколько строгое, худое, но очень красивое, разумное лицо скорѣй дѣвушки, чѣмъ женщины.

Кое-что я слышалъ и про мужа Анны Николаевны; зналъ я, что онъ былъ прикосновенъ къ серьезному террористическому дѣлу, но, попавъ въ руки властей, предпочелъ всѣмъ грядущимъ мытарствамъ „горькія пять минутъ самоубійцы“, какъ значилось въ его предсмертномъ обращеніи къ товарищамъ.

---

*) Авторъ настоящаго романа объяснилъ намъ, что въ декабрѣ 1906 года и въ январѣ истекшаго года онъ напечаталъ въ одномъ изъ одесскихъ періодическихъ изданій, въ „Новомъ Обозрѣніи“, исторію своего бѣгства изъ Сибири за границу, какъ ему удалось, перебравшись и за Уралъ, и проѣхавъ по Россіи, счастливо миновать границу и черезъ Вѣну добраться наконецъ до Женевы. Его романъ, который долженъ былъ затѣмъ начаться въ Женевѣ, не могъ быть напечатанъ въ томъ же „Новомъ Обозрѣніи“, такъ какъ это изданіе, въ январѣ прошлаго года, прекратилось. — *Ред.*

Эту записку я тоже видѣлъ у того же Кузьмича, который владѣлъ и карточкой Анны Николаевны.

Анну Николаевну я нашелъ въ Женевѣ, но раньше, чѣмъ найти, я много слышалъ о ней.

— Оригинальная барыня, — говорили мнѣ, — монахиня-весталка революціи, ее нигдѣ не видно, въ публику не выходитъ.

— Пси-хо-пат-ка!—говорили другіе.

— Ледяная дама! Лучше не ходите къ ней!

Такъ говорила про нее въ колоніи молодежь; только одинъ изъ старыхъ эмигрантовъ какъ-то необыкновенно тепло и грустно отозвался:

— Несчастная... Скорбный человѣкъ! Слѣдуетъ навѣстить: ей будетъ пріятно.

Добраться до Анны Николаевны было не очень легкое дѣло. Она жила въ окрестностяхъ Женевы, занимая особнячокъ-дачку.

Подойдя къ ея желѣзной калиткѣ, я замѣтилъ на балкончикѣ чью-то высокую темную фигуру. Войдя, я направился прямо внутрь.

Это и была на балкончикѣ сама Анна Николаевна.

Она быстро повернулась, бросила мнѣ сверху скучающій взглядъ и сухо, по-русски спросила:

— Вы ко мнѣ?

Я приподнялъ свою шляпу.

— Если позволите...

Позволенія я не получилъ. Анна Николаевна какой-то загробной тѣнью мгновенно скользнула куда-то въ дверь съ балкончика, и я остался въ полной нерѣшительности среди розъ подъ опустѣвшимъ балкончикомъ, рядомъ съ молодымъ тополемъ.

Когда прошло пять минутъ, а Анна Николаевна и не думала появляться, я рѣшительнымъ шагомъ направился къ небольшой двери внутри домика, черезъ нее по узкой лѣсенкѣ поднялся на верхъ и тамъ отчетливо и рѣзко постучалъ.

Мнѣ показалось, что кто-то сказалъ внутри:

— Войдите!

Я вошелъ. Среди небольшой комнатки, залитой какимъ-то сумракомъ, стояла Анна Николаевна. Теперь видъ ея мнѣ показался не столько строгимъ, сколько испуганнымъ.

Я отрекомендовался ей и добавилъ:

— Привезъ вамъ поклоны изъ Сибири.

Легкая краска прошла по лицу Анны Николаевны,—прошла и залила сначала высокій лобъ, потомъ блѣдныя щеки. Она пугливо оглядывалась по сторонамъ и, наконецъ, выговорила въ странномъ замѣшательствѣ:

— Садитесь, садитесь... Я очень рада! Извините, что я васъ такъ задержала. Я быстро сообразила, что вы... не изъ колоніи—не здѣшній! И какъ-то растерялась... не изъ здѣшней колоніи!... О, какъ я ихъ не люблю, какъ презираю здѣшнихъ,—не всѣхъ, конечно! Но большинство это такое, такое... Ну, садитесь!

Я усѣлся. Анна Николаевна однако попрежнему вертѣлась на мѣстѣ. Бросивъ мелькомъ взглядъ въ сторону, я увидѣлъ не совсѣмъ убранную постель. Тогда я понялъ, поднялся и сказалъ:

— Извините. Я вамъ помѣшалъ. Я пройду на балконъ... Оттуда долженъ быть чудесный видъ...

Затѣмъ я вышелъ на балконъ.

Черезъ нѣсколько минутъ за мной прозвучалъ тихій голосъ:

— Теперь можно.

Я обернулся. За мной стояла Анна Николаевна.

Смущеніе ея прошло, но слѣды краски еще виднѣлись на щекахъ.

Мы опять вошли въ сумерочную комнату.

— Я сама виновата... У меня есть другая комната, но я не могу тамъ спать... Вотъ и пришлось устроиться такъ неудобно.

Я усѣлся у стола, и мое вниманіе привлекла фотографія въ бронзовой рамкѣ, стоявшая тамъ. Я ее также уже видѣлъ, все тамъ же въ Сибири; это былъ портретъ мужа. Передъ нимъ стояла небольшая вазочка съ розами.

— А вы знаете: меня Кузьмичъ—мы уже около двухъ лѣтъ переписываемся—вотъ ужъ нѣсколько разъ въ Сибирь звалъ?..

— То-есть... зачѣмъ?..—сорвался у меня глупѣйшій изъ вопросовъ.

Анна Николаевна снова „испугалась“, помолчала, подумала, но такъ какъ спрятаться было трудно—отвѣтила:

— Да такъ!.. Только я не рѣшаюсь, хотя они тамъ такіе несчастные, такъ маются!..

Глаза Анны Николаевны скорбно глянули куда-то далеко, далеко, и она добавила:

— Но я не могу на это рѣшиться... Еще не могу!

Слово „еще“ она произнесла съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

— А вы уже давно здѣсь, Анна Николаевна?

— Я? Седьмой годъ... постарѣла здѣсь. Я сюда пріѣхала сейчасъ послѣ его смерти.

Она показала глазами на карточку и закончила:

— Онъ такъ хотѣлъ...

Она замолкла и не отрывала глазъ отъ портрета. Однако, странное дѣло, въ глазахъ у нея на этотъ разъ не было скорбной нѣжности, которая свѣтомъ и тѣнью мелькнула при разговорѣ о „бѣдныхъ томящихся“ въ Сибири. Наоборотъ, глаза глядѣли, какъ мнѣ казалось, жестко.

— Я вчера только получила длиннѣйшее письмо изъ Сибири отъ Кузьмича, одно изъ самыхъ мучительныхъ! Я до сихъ поръ не могу отъ него отдѣлаться. Я провела безсонную ночь, оттого вы и застали здѣсь такой безпорядокъ. Только передъ вашимъ приходомъ я встала и пошла на балконъ освѣжиться. Я тамъ стояла, глядѣла на небо, на горы и говорила, говорила... Что̀ я говорила—я вамъ не скажу, а то вы убѣжите отъ меня... отъ сумасшедшей старухи!

Она вышла, опустивъ голову, но сейчасъ же вернулась и, опять болѣзненно улыбаясь, остановила на мнѣ пытливый, долгій взглядъ.

Я отвѣтилъ тоже прямымъ взглядомъ. Анна Николаевна чуть нахмурилась, покачала головой и пошла изъ комнаты, тихо повторяя:

— Сейчасъ... сейчасъ!.. Подлая, подлая жизнь!

Сознаюсь, когда она скрылась за дверью, то я вздохнулъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Въ ея присутствіи я ощущалъ незнакомую мнѣ раньше стѣсненность.

„Богъ ее знаетъ,—подумалось мнѣ:—все это очень интересно,—эта неровная психологія... одиночества; но, кажется, интереснѣе всего будетъ удрать отсюда“...

Конечно, я не удралъ, а остался на мѣстѣ и принялся разглядывать портретъ мужа Анны Николаевны. Я этотъ портретъ и въ Сибири видѣлъ, но этотъ снимокъ былъ лучше: молодое лицо глядѣло сосредоточенно и сурово, но не хмуро. Этотъ человѣкъ, очевидно, не зналъ колебаній. Во взглядѣ не было длинныхъ лучей широкаго ума, но прямота придавала ему странную силу.

Анна Николаевна скоро возвратилась съ небольшимъ чайникомъ въ рукѣ. Она поставила его на столъ, потомъ два стакана, затѣмъ налила себѣ и мнѣ. Появились обычные сыръ, хлѣбъ и масло.

— Ну, говорите теперь все... для чего пріѣхали?—предложила Анна Николаевна, съ загадочнымъ выраженіемъ глазъ подчуя меня и помѣшивая ложечкой у себя въ стаканѣ.

Я заговорилъ. Я нарисовалъ ей картину полнаго разгрома

революціонныхъ организацій въ Россіи, характеризовалъ полное смѣшеніе идей у интеллигенціи и всеобщій упадокъ настроенія.

— Сидѣть здѣсь, сложа руки, не буду. Поживу, осмотрюсь и... за дѣло!—Такъ окончилъ я.

Губы Анны Николаевны въ отвѣтъ на это саркастически дрогнули.

— За какое?.. съ бомбами?

— .Хотя бы...

Она помолчала и какъ бы смаковала мой задорный отвѣтъ вмѣстѣ съ чаемъ изъ серебряной ложечки. Потомъ заговорила.

— Теперь я сейчасъ разболтаюсь. Вотъ видите это лицо?— Она кивнула на портретъ. Это лицо человѣка, за которымъ я, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, пошла слѣпо и безповоротно, куда онъ повелъ... Я хотѣла пойти за нимъ и послѣ его смерти,—онъ велѣлъ мнѣ, онъ мнѣ написалъ: „бросайте поколѣніе за поколѣніемъ на эту смѣну рабства, идите на нее съ огнемъ и мечомъ, не уставайте“!.. Вотъ я и пріѣхала сюда: осмотрѣться, пожить, а потомъ—„за дѣло!“ По вашему!.. Ну, и вотъ, какъ видите, сижу здѣсь семь лѣтъ, осматриваюсь, а теперь гадаю, поѣхать мнѣ въ Сибирь или не поѣхать?!.. Вы думаете, я не кипѣла, я не горѣла тоской по дѣлу—„хоть съ бомбами“! Все было. Все ушло. Остался одинъ какой-то, гдѣ-то существующій несчастный, томящійся Кузьмичъ... Кузьмичъ, котораго я никогда еще не видѣла, о лицѣ котораго я и представленія не имѣю.... Скажите, каковъ онъ изъ себя?—неожиданно перемѣнила она мотивъ разговора.

Кузьмичъ былъ небольшого роста, кругленькій, благодушный человѣкъ и почти совершенно лысый. Я не хотѣлъ рисовать этого портрета и подошелъ съ другой стороны.

— Отличный товарищъ, остроумный.

— Понимаю, — тихо остановила меня Анна Николаевна и задумалась, допивая чай.

Наступило долгое молчаніе. Среди него со двора донеслись звуки скрипки и аккомпаниментъ арфы. Во дворъ вошли, очевидно, бродячіе музыканты итальянцы.

„La donna è mobile“...—выводила скрипка мелодію извѣстной аріи. Анна Николаевна встрепенулась и стала вслушиваться. Когда кончилось, она снова повернулась къ портрету.

— Mobile? Да, я уже не люблю этотъ призракъ, но я еще чту его. Вы знаете?—обернулась ко мнѣ Анна Николаевна.— Вы знаете? Это былъ человѣкъ необыкновенной силы! Нехорошо, гибельно встрѣтить такую силу на своемъ жизненномъ пути!

Вѣдь что̀ она, эта сила, со мной сдѣлала? Вы не подозрѣваете? Этотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „для дѣла нужны деньги!“... Деньги у меня были, но я ихъ могла получить, лишь выйдя замужъ, и я вышла за него замужъ, за этого человѣка; я ему могла дать не только деньги, но хотѣла отдать и свою любовь. Но ему любви ни моей, ничьей не нужно было,—ему было нужно дѣло и деньги для дѣла, но не любовь женщины! Только передъ смертью онъ вспомнилъ, что „онъ“, въ свою очередь, любилъ меня, и послалъ мнѣ словомъ на бумажкѣ первую и послѣднюю загробную ласку. Странный человѣкъ! Оттого и я странная! Жена! Жена террориста! Жена и—не женщина!

Мнѣ показалось, что она близка къ обмороку: глаза ея чѣмъ-то заволокло, они потускнѣли.

Я быстро всталъ съ мѣста, но Анна Николаевна встряхнулась, выпрямилась.

— Да, уходите... Ну, идите, только вы еще вернетесь, вернетесь? Иначе я буду внѣ себя за свое „сумасшествіе“. Ну, прощайте пока, приходите дня черезъ три, я приведу себя въ порядокъ.—Придете? Не побоитесь?

II.—По дорогѣ старыхъ словъ.

Я не предполагалъ долго заживаться въ Женевѣ. Меня тянулъ къ себѣ Парижъ. Поэтому я не нанималъ для себя комнаты, а велъ вполнѣ кочевой образъ жизни. Утромъ, просыпаясь у какого-нибудь русскаго студента, я не зналъ, гдѣ проведу слѣдующую ночь, съ кѣмъ поведу долгую оживленную ночную бесѣду...

Меня интересовала здѣшняя публика: въ большинствѣ все молодой народъ и въ общемъ горячо настроенный. Я тоже интересовалъ публику, какъ „тюремный“ человѣкъ, какъ ссыльный и, наконецъ, какъ бѣглецъ; поэтому я почти не бывалъ самъ съ собой, и часы и дни летѣли незамѣтно.

Послѣ моего визита къ Аннѣ Николаевнѣ прошло пять дней, но я о ней совершенно забылъ: новые люди непрерывающимся рядомъ проходили у меня передъ глазами.

Я упивался этой небывалой еще у меня смѣной портретовъ, психологій и міросозерцаній. Я побывалъ у нѣсколькихъ старыхъ эмигрантовъ разныхъ эпохъ, познакомился съ молодыми болгарскими соціалистами-студентами и наконецъ долженъ былъ познакомиться съ армянскимъ кружкомъ, куда меня приглашали „разсказать сибирскія впечатлѣнія“.

Кафé, гдѣ должна была собраться публика, находилось въ центрѣ „русской“ Женевы, на „Carouge“. Я, въ сопровожденіи одного земляка, пришелъ туда довольно рано и засталъ только человѣкъ пять армянъ-студентовъ.

Не успѣли мы познакомиться и усѣсться за пиво, какъ одинъ изъ новознакомыхъ сказалъ мнѣ:

— А я васъ вотъ ужъ три дня ищу. У меня къ вамъ есть письмо отъ Анны Николаевны.

Онъ подалъ мнѣ небольшой конвертъ. Я его тутъ же разорвалъ, и въ мои руки оттуда выпалъ листокъ почтовой бумаги, исписанный четкимъ мелкимъ почеркомъ, очевидно, тоненькимъ, легкимъ перомъ.

Тамъ стояло:

„Сегодня третій день, а завтра, можетъ быть, вамъ вспомнится „жена террориста“ и, можетъ быть, ея просьба „вернуться“. Я, впрочемъ, сомнѣваюсь сильно въ этомъ: сейчасъ вамъ еще некогда что-либо вспоминать, но на всякій случай пишу—повремените приходить. Я еще все въ томъ же дикомъ и нелѣпомъ настроеніи, а можетъ быть, и въ худшемъ. Когда вы ушли, я вдругъ стала себѣ такой противной, ненавистной, словно растерзанная, пьяная, полуодѣтая очутилась на людной площади... Повторенія такихъ ощущеній я боюсь. Если вамъ и потомъ *не очень* захочется побывать у меня, то не стѣсняйтесь, я не обидчива.—*А.*“

Это письмо я прочелъ не одинъ разъ, потомъ бережно сложилъ его и спряталъ.

Между тѣмъ, разговоръ оживился; поговоривъ объ Арменіи, о курдахъ, вспомнили и Россію. За этимъ разговоромъ я не замѣтилъ, какъ кафé наполнилось русской публикой.

По крайней мѣрѣ полъ-колоніи собралось послушать мои „сибирскія впечатлѣнія“. Были здѣсь не только армяне, какъ предполагалось раньше,—были и русскіе.

— Можно начинать!—обратились ко мнѣ студенты-армяне, по иниціативѣ которыхъ было устроено это собраніе. Затѣмъ, не отходя отъ стола, онъ оповѣстилъ публику о томъ, что̀ послѣдуетъ.

Я хотѣлъ говорить сидя и не всталъ. Съ мѣста я оглядывалъ толпу кругомъ: все молодыя лица, студенты, студентки.

Это было первое свободное собраніе, передъ которымъ я свободно же могъ говорить. Въ головѣ у меня была, звучала какая-то музыка, а сердце билось ровно, спокойно, увѣренно.

Наступило кругомъ красивое молчаніе безъ всякихъ звонковъ предсѣдателя, безъ криковъ распорядителей. Всѣ смотрѣли

на меня—и я смотрѣлъ на всѣхъ. Всѣ ждали—и я ждалъ; я ждалъ перваго своего слова. Это ожиданіе длилось только секунды.

Еще раньше я приблизительно намѣтилъ себѣ содержаніе своей бесѣды. Первое слово явилось быстро. Я хотѣлъ сказать:

„Уголовные ссыльные, говоря о Сибири, любятъ такое присловье: и въ Сибири есть солнце, и въ Сибири люди не вверхъ ногами ходятъ!"

Но это начало я удержалъ на языкѣ. Мой взглядъ случайно упалъ на одно блѣдное, измученное лицо; оно пряталось въ самыхъ послѣднихъ рядахъ публики, но я узналъ его.

Это была Анна Николаевна.

Что-то перевернулось у меня внутри, что-то перестроилось въ душѣ и въ мозгу. Я вспомнилъ сочувствіе Анны Николаевны къ „бѣднымъ, томящимся въ Сибири", вспомнилъ свое первоначальное отношеніе къ ея сочувствію, вспомнилъ и ея протестъ: „Вамъ-то ничего теперь, вы ушли оттуда. Да и были вы тамъ годъ всего!"

Вспомнилъ я все это и началъ говорить совсѣмъ иными словами, чѣмъ думалъ раньше.

— Въ тайгѣ много жизни,—началъ я;—тамъ ростутъ могучія деревья, кипятъ волны широкихъ, многоводныхъ рѣкъ. Не мертва сибирская природа, она не тоску нагоняетъ на своихъ постоянныхъ обитателей. Сибиряки—здоровый, жизнерадостный народъ... съ безконечнымъ запасомъ физической энергіи, который необходимъ тамъ, гдѣ все коченѣетъ, замерзаетъ подъ тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ на шесть мѣсяцевъ. Но въ тайгѣ находятъ грустную смерть многія пылкія идеи, многія горячія настроенія, выращенныя у теплыхъ очаговъ культуры. Если эти идеи и эти настроенія прочно скованы съ тѣмъ или инымъ мозгомъ и сердцемъ, если чьи-либо мозгъ и сердце не могутъ существовать безъ этихъ идей и настроеній, тогда въ тайгѣ медленно гаснетъ жизнь, не приспособляющееся, непокорное сердце перестаетъ биться и мозгъ стынетъ...

Послѣ такого вступленія я разсказалъ исторію одного ссыльнаго, погибшаго среди чуждой ему тайги, сошедшаго съ ума безнадежно...

Я говорилъ всего около часа, но этотъ часъ утомилъ меня. Свое заключеніе я закончилъ тихимъ голосомъ, но мнѣ никто не сказалъ: „Громче!"

Я закончилъ:

— Вы думаете, что этотъ погибшій былъ большимъ „преступникомъ" въ глазахъ пославшихъ его въ тайгу? Нѣтъ, большихъ

преступниковъ посылаютъ на висѣлицу, на каторгу... Въ ссылку идетъ то, что забирается сплошь и рядомъ у порога къ дѣлу... но не на дѣлѣ. Человѣкъ, исторію котораго вы слышали сейчасъ, много думалъ, много говорилъ о всечеловѣческомъ счастьѣ, онъ мечталъ о лучшихъ дняхъ для своей родины, онъ любилъ Россію, скорбѣлъ о судьбѣ голоднаго народа, скорбѣлъ и говорилъ о его безправіи и попалъ... въ тайгу.

Онъ любилъ говорить товарищамъ: „насъ не понимаютъ“! И такъ какъ его дѣйствительно не поняли и поэтому сослали, то скоро и онъ потерялъ навсегда способность и другихъ понимать. Онъ бѣгалъ почти голый по деревнѣ и говорилъ: „зачѣмъ платье?“...

Онъ не ѣлъ днями и спрашивалъ: „зачѣмъ обѣдъ?“... Онъ не спалъ долгія зимнія ночи и кричалъ: „для чего сонъ? мы спимъ уже вторую тысячу лѣтъ!“—Такъ онъ и умеръ!..

Когда я кончилъ, меня благодарили, много благодарили.

Кто-то пустилъ предпріимчивую „фуражку“ по публикѣ „въ пользу заключенныхъ и ссыльныхъ“. Фуражка имѣла успѣхъ.

Я залпомъ выпилъ двѣ кружки пива и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Анна Николаевна. Отдавъ дань фуражкѣ, она тихонько встала и пошла къ выходу. Я далъ ей выйти и по безотчетному побужденію пошелъ слѣдомъ за ней, распрощавшись съ компаніей армянъ и земляковъ.

Среди улицы я безъ труда нашелъ темный силуэтъ Анны Николаевны. Ночь была лунная.

„Если она одна—я пойду; если съ кѣмъ-либо—вернусь пиво пить!“—рѣшилъ я.

Скоро Анна Николаевна отбилась отъ группы дѣвицъ, вышедшихъ съ нею, и свернула одинокой тѣнью въ направленіи къ Арвѣ. Я ускорилъ шаги и у моста нагналъ ее.

— Анна Николаевна!

Она быстро обернулась и моментально узнала меня.

— Здравствуйте!—спокойно поздоровалась она. Ея тонъ нѣсколько разочаровалъ меня. Это былъ уже не тотъ голосъ. Я пошелъ рядомъ.

— Вы развѣ гдѣ-либо тамъ живете?—показала она въ направленіи, куда мы шли.

— Нѣтъ. Но мнѣ хотѣлось уйти отъ публики, и я намѣренъ немного побродить.

— Прекрасно, въ такомъ случаѣ отъ нечего дѣлать проводите меня немного.

Затѣмъ мы замолчали и пошли по „Route des Acacias“, ухо-

дившей въ лунномъ сіяніи куда-то далеко, далеко. Я шелъ не торопясь, и переваривалъ въ себѣ какое-то недовольство самимъ собой. Въ сущности зачѣмъ я пошелъ за ней? Чего собственно мнѣ нужно?

Вдругъ Анна Николаевна заговорила:

— Ну, познакомились съ публикой? Какъ она вамъ нравится?

— Вы хотите, Анна Николаевна, спросить: какъ я самъ себѣ нравлюсь?

Анна Николаевна отъ такого оборота рѣчи даже остановилась.

— То-есть, какъ это? Я спрашиваю не про васъ, а про публику.

— Чѣмъ публика лучше или чѣмъ публика хуже меня... та публика, съ которой я сейчасъ говорилъ?

Анна Николаевна тихонько тронулась впередъ и отвѣтила не сразу.

— Берегитесь! не переоцѣнивайте первыхъ впечатлѣній,— задумчиво проговорила она.

— Ничего не переоцѣниваю. Молодость вездѣ молодость, на крайнемъ Востокѣ и на крайнемъ Западѣ, въ тюрьмѣ и на волѣ... „Открытая смѣлость, вѣра въ себя, химеры, вздоръ и пустяки".

Анна Николаевна сразу узнала любимыя свои выраженія при первой нашей бесѣдѣ и тихонько засмѣялась.

— Словомъ, вы не хотите...

— Чего?

— Нѣтъ, нѣтъ; я не такъ начала. Среди той молодости, съ которой вы хотите себя смѣшать, добрая половина лѣтъ на пять, на шесть въ среднемъ старше васъ... Все это почти мои ровесники! Они, эти „студенты", видавшіе виды и многіе университеты, такіе же старики, какъ и я...

— Вольно же вамъ себя старухой воображать: посмотрите въ зеркало на себя.

Анна Николаевна опять тихонько засмѣялась.

Я остановился, остановилась и она.

— Назадъ пойдете? Довольно брести со „старухой"?—Въ этомъ вопросѣ что-то непроизвольное чуть дрогнуло.

— Да, Анна Николаевна, сегодня мнѣ не нравится ни вашъ голосъ, ни вашъ тонъ, ни ваши слова...

— Чѣмъ же?

Я встряхнулъ головой и молча подалъ ей руку; она слабо пожала ее, и мы разошлись. Отойдя шаговъ десять, я однако обернулся и увидѣлъ, что Анна Николаевна тоже стоитъ и тоже

смотрить въ мою сторону. Я заставилъ себя повернуться, чтобъ уйти, но Анна Николаевна громко меня кликнула:

— На одну минуту!

Я вернулся, она пошла ко мнѣ навстрѣчу, но мы не сошлись, а остановились въ нѣсколькихъ шагахъ одинъ отъ другого.

— Мы, вѣроятно, больше не увидимся. Мой совѣтъ—примете? Впрочемъ, все равно: не принимайте, но выслушайте. Знаете, какъ насъ—меня и многихъ здѣшнихъ—охарактеризовалъ Полкановъ?

Она сдѣлала шагъ назадъ и чуть наклонила голову впередъ.

— „Инвалиды, не побывавшіе ни въ одномъ сраженіи"! Это очень правильно. Не смѣшивайтесь же съ этой толпой!

— И вы изъ этой толпы... по-вашему?

— Не знаю. Спокойной ночи!

Я повернулся, чтобы идти, и пошелъ, но опять черезъ десять шаговъ обернулся, и опять темный силуэтъ странной женщины остановился подъ акаціями и смотрѣлъ въ мою сторону...

— Нѣтъ, я не инвалидъ!—тихо сказала Анна Николаевна, не подходя ко мнѣ на нѣсколько шаговъ, какъ и раньше.

— Я не инвалидъ!—повторила она тономъ, въ которомъ я узналъ прежнюю „жену террориста"; тогда я почти съ радостью подошелъ къ ней, и мы опять пошли рядомъ.

Среди этого страннаго путешествія, которое, однако, наполнило мою душу какимъ-то теплымъ покоемъ, Анна Николаевна спросила:

— Скажите, вы получили мою записку?

— Да, сегодня, тамъ въ кафѐ передъ началомъ своего разговора.

Рука Анны Николаевны незамѣтно очутилась на моей, и она тихо, изъ какой-то особенной душевной глубины задумчиво, выговорила, словно чему-то подчиняясь:

— Ну, пойдемъ... пойдемъ...

Вдругъ Анна Николаевна остановилась на мѣстѣ и огляделась.

— Мы, кажется, не туда идемъ!

Она нервно засмѣялась.

— Хорошій вы вожатай, нечего сказать! Вѣдь мы идемъ къ Салеву...

— Къ Салеву, такъ къ Салеву... Договоримъ на его вершинѣ, посмотримъ восходъ солнца,—предложилъ я.

— Нѣтъ!.. Если бы это мнѣ предложили восемь лѣтъ назадъ... тогда: да! Теперь же не для каждаго желанія найдется

нужной жидкости въ жилахъ. Вотъ свернемъ сюда и будемъ дома... Мнѣ стало холодно!.. Цивилизованная луна не грѣетъ!

Мы свернули и пошли по узкой дорожкѣ. Я чувствовалъ „холодъ“ Анны Николаевны; ея рука иногда странно вздрагивала въ моей. Такъ мы подошли къ ея дачкѣ—молча, не сказавъ больше ни слова.

— Ну, вотъ мы и дома.

Я остановился.

— Да, вы дома...

Анна Николаевна при моей поправкѣ встрепенулась, потомъ провела рукой по лбу.

— Вы хотите вернуться въ Женеву? У васъ есть тамъ уже условленный ночлегъ?

— Да... и ужинъ съ пивомъ, и пріятная бесѣда съ землякомъ.

Анна Николаевна подумала.

— Я вамъ тоже могу предложить ночлегъ, но ужинъ безъ пива, а бесѣды вовсе не предлагаю... Немедленно спать пойду. Устала: два противоположныхъ рѣшенія для одного дня—это много; сожгла корабли и опять ихъ строить — это уже черезъчуръ.—Она засмѣялась и добавила:

— Трудно быть молодой въ двадцать-восемь лѣтъ. Итакъ, выбирайте!

— Пойду въ Женеву. Я еще хочу говорить,—рѣшилъ я и уже руку протянулъ на прощанье. Анна Николаевна ее задержала.

— Вмѣсто пива, послѣ ужина я вамъ дамъ чаю съ коньякомъ... Я его тоже пью отъ малокровія; кромѣ того, вмѣсто разговоровъ я вамъ дамъ прочесть „злую критику“ вашей собственной особы; эту критику я совсѣмъ недавно получила отъ вашихъ же сибирскихъ пріятелей... Я вамъ дамъ эту критику, но не назову автора. Итакъ, я беру васъ съ аукціона, я даю больше! Идемъ!..

Коньякъ и „критика“!—безусловно она давала больше. Я почувствовалъ себя проданнымъ и купленнымъ.

Мы вошли.

Анна Николаевна взяла отъ меня зажженную спичку и засвѣтила лампу.

— Пойдемте; я покажу вамъ комнату.

Мы прошли въ небольшую комнатку рядомъ. Тамъ стояли этажерка, письменный столъ, кресло и жесткая кушетка у стѣны. На стѣнахъ — ни картинки, только одинъ отрывной календарь, а надъ нимъ—часы. Надъ каминомъ помѣщалось большое зеркало.

— Здѣсь я работала, пока работалось! — показала кругомъ Анна Николаевна.

— А здѣсь...—она обернулась къ зеркалу—я иногда ставлю сама себѣ одинъ вопросъ: „зачѣмъ?“

— А теперь вы ничего не работаете?—спросилъ я.

— Теперь вотъ уже съ годъ—ничего!.. Ну... здѣсь мы поужинаемъ; сюда же я вамъ подамъ чай, коньякъ и „критику“, а сама спать пойду...

Она легонько зѣвнула, поставила лампу на столъ и, оставивъ меня наединѣ съ этимъ „свѣтлымъ“ предметомъ, вышла.

Если Анна Николаевна спать захотѣла, то, въ равновѣсіе съ этимъ, и мнѣ стало невыразимо скучно. Я усѣлся въ кресло и сталъ ожидать въ какомъ-то отупѣніи. Ждалъ я довольно долго— и хоть бы одна опредѣленная мысль за это время, хоть бы одно ясно выраженное ощущеніе. Только передъ самымъ приходомъ Анны Николаевны у меня мелькнула мысль:

„Съѣмъ, выпью, прочту и... сбѣгу!“

Эта идея мнѣ понравилась. Къ этому моменту подоспѣла и Анна Николаевна. Оказалось, что на ужинъ она стряпала... бифштексы!

— Нужно питаться, чтобы жить. Видите: я принимаю общую программу! — улыбаясь, заявила она, и безъ улыбки, про себя, повторила:—Чтобы жить?!..

Она словно вслушивалась въ эти звуки.

Когда мы были за столомъ, она, съ видомъ неестественной энергіи, принялась рѣзать свой бифштексъ и даже посмѣялась надо мной.

— Что̀ же вы такъ вялы? Глядите, какъ я ѣмъ, и это послѣ довольно опаснаго, въ моемъ возрастѣ, для моихъ нервовъ путешествія лунной ночью по путаннымъ дорожкамъ неизвѣстно куда съ такимъ голубемъ, какъ вы... Глядите: вотъ и нѣтъ больше бифштекса!

Она звякнула вилкой и ножомъ, отодвигая тарелку.

Я вяло улыбнулся, нѣсколько болѣе внимательно, чѣмъ нужно, посмотрѣлъ на Анну Николаевну и сказалъ:

— Такому, какъ сейчасъ у васъ, аппетиту я не завидую.

Особеннымъ блескомъ сверкнули глаза Анны Николаевны.

— Почему? аппетитъ какъ аппетитъ. Но вамъ, я вижу, даже для такого требуется... ну, рюмка коньяку?

— Это тоже мнѣ не дастъ аппетиту, но рюмка—это мое кушанье, и я не отказываюсь.

Анна Николаевна покачала головой и вышла. Она скоро

вернулась съ бутылкой коньяку, на каминѣ зажгла спиртовку, поставила чайникъ.

— Ну, вотъ вамъ коньякъ, тамъ чай, а вотъ и „критика"! Я здѣсь отмѣтила: отсюда досюда, остальное—мое.

Она положила передо мною листокъ почтовой бумаги.

— Можете пить, ѣсть, читать. Теперь вы принадлежите самъ себѣ. Меня нѣтъ. Спокойной ночи!

Въ послѣднихъ словахъ опять мелькнула прежняя вдумчивая Анна Николаевна.

— Спите... только какъ слѣдуетъ!—пожелалъ я вслѣдъ ей. Дверь тихо затворилась, и я неожиданно почувствовалъ себя одинокимъ среди всего большого міра.

— Зачѣмъ я здѣсь? Зачѣмъ все это? Вѣдь я здѣсь ничего не ищу?—Съ этимъ взглянулъ на себя въ зеркало и твердо и искренно отвѣтилъ:—Рѣшительно ничего!

Легкій стукъ въ дверь заставилъ меня вздрогнуть и обернуться отъ зеркала къ дверямъ: или мнѣ померещилось, или въ дверь кто-то дѣйствительно постучалъ. Я ждалъ. Черезъ минуту стукъ повторился. Я пошелъ самъ и полуоткрылъ дверь.

— Это я...—тихимъ голосомъ проговорила Анна Николаевна.—Можно?

Я пропустилъ ее; она, очевидно, и не собиралась спать.

— Не спится... и вы, видно, не спите?

Я молчалъ, всѣ слова убѣжали изъ головы, и я глядѣлъ на эту безсонную душу, почему-то въ ту минуту ставшую для меня совсѣмъ близкой, совсѣмъ „своей"...

— Что̀ же вы молчите?—какъ-то неувѣренно дрогнувшимъ голосомъ сказала Анна Николаевна.

Мой взглядъ, однако, должно быть, успокоилъ ее, и она болѣе твердо продолжала:

— А я пришла къ вамъ,—я видѣла свѣтъ у васъ и подумала: „Тоже не спитъ! Пойду, можетъ быть, вдвоемъ что-либо скажемъ... скажемъ такое, что... если оно намъ сна не вернетъ, то, по крайней мѣрѣ, прогонитъ его основательно, и вы..."

— Пойдемте, Анна Николаевна, пойдемте! Къ окну! Я вамъ покажу то, на что̀ я смотрѣлъ.

Осторожно, за плечо я ее подвелъ къ тихому пейзажу, нарисованному вдали лунными лучами.

— А сказать? Я вамъ тоже скажу кое-что, но, увы, „чужими" словами... На всякій случай своихъ собственныхъ еще не хватаетъ... Помните, у Полонскаго?..

..."И нѣтъ любви, такъ гаснетъ жизнь, и дни плывутъ какъ дымъ!"...

Затѣмъ я взялъ опять ее чуть за плечи, тихонько повелъ въ ея комнату и тамъ, у порога, сказалъ:

— Ну, теперь вы будете спать? Или хотите еще разговаривать, хотите еще „словъ"?

— Нѣтъ!—Анна Николаевна повернула ко мнѣ лицо, ярко освѣщенное засверкавшими глазами, и тихо, ласковыми звуками заговорила:

— Успѣемъ еще... со словами!.. Теперь я усну... усну! Только посвѣтите мнѣ... Когда я шла сюда, къ вамъ, я чуть не упала.

Я взялъ лампу и сталъ въ дверяхъ. Анна Николаевна тихо дошла до своей постели, обернулась и вновь пожелала мнѣ:

— Спокойной ночи!..

III.—Не романтики.

Я проснулся и, кажется, не очень рано. За окномъ ярко горѣлъ полный день. Я взглянулъ на часы,—незаведенные, они заснули на шести послѣ полуночи.

Когда я, постучавъ, вошелъ въ комнату Анны Николаевны, то засталъ ее уже совсѣмъ одѣтой. Постель была убрана. Въ комнатѣ вѣяло какимъ-то новымъ настроеніемъ.

Анна Николаевна молча протянула мнѣ руку на прощанье.

Я вышелъ и спустился на дворъ. Тамъ я невольно поднялъ голову къ балкону и увидѣлъ Анну Николаевну. Я поднялъ шляпу, собираясь двинуться дальше, но она, чуть улыбнувшись, сдѣлала мнѣ знакъ рукой.

— Кажется, вамъ незачѣмъ идти въ Женеву,—„Женева" идетъ сюда.

Обернувшись къ калиткѣ, я увидѣлъ дѣйствительно группу изъ четырехъ человѣкъ, моихъ новыхъ пріятелей. Они входили въ садикъ. Тамъ былъ и мой землякъ Громченко, и нѣкій Жоржикъ, и одинъ изъ армянъ, и студентка, рѣчистая, бойкая соціалъ-демократка.

— Я вамъ говорилъ, что найду его... я вамъ говорилъ, что онъ здѣсь,—торжествующе махалъ руками Жоржикъ.

— Да, да!—пробасилъ Громченко:—въ Женевѣ, братъ, нѣтъ для тебя тайнъ, нѣтъ сокровеннаго.

Мы поздоровались. Жоржикъ продолжалъ разводить руками.

— А вы не хотѣли идти!? Вѣдь я же вамъ говорилъ: соб-

ственными глазами видѣлъ его и Анну Николаевну на Арвскомъ мосту. Вотъ и нашли! Здравствуйте, Анна Николаевна... Въ вашей кельѣ сейчасъ весело будетъ!

Жоржикъ замахалъ шляпой къ балкону, Громченко и армянинъ повторили его жестъ, а соціалъ-демократка Ольга Алексѣевна—такъ, кажется, она называлась—дѣловымъ тономъ спросила, поднявъ хорошенькое, удивительно интересное, но окаменѣлое въ какой-то глупой серьезности лицо, съ сухими сѣрыми глазами, къ Аннѣ Николаевнѣ:

— Мы вотъ пришли потолковать по небольшому дѣлу.

— Милости просимъ,—спокойно отвѣтила Анна Николаевна.

Я снова поднялся вмѣстѣ съ пришедшими наверхъ.

Когда всѣ усѣлись, Ольга Алексѣевна „взяла слово", иначе нельзя охарактеризовать манеру ея говорить. Жоржикъ даже полушутя подсказалъ ей:

— Граждане и гражданки!..

— Мы имѣемъ сдѣлать маленькое предложеніе, но прежде чѣмъ высказать его, я позволю себѣ напомнить сущность переживаемаго Россіей момента...

— Ольга Алексѣевна, ради Бога, нельзя ли покороче!—взмолился Громченко, а Анна Николаевна, которая тоже, стоя въ дверяхъ балкона, приготовилась слушать, съ какимъ-то тоскливымъ выраженіемъ лица, отвернулась.

— Громченко! прошу васъ!—холодно прикрикнула Ольга Алексѣевна, но все же болѣе сжато изложила цѣль своего путешествія сюда. Дѣло шло о простомъ: кружокъ соціалъ-демократовъ предлагалъ мнѣ записать мои „впечатлѣнія" для изданія ихъ отдѣльной брошюркой.

„Фуражка" мелькнула у меня въ головѣ, а предпріимчивая дѣвица продолжала:

— Только нужно писать для... буржуевъ, понимаете, для самыхъ толстокожихъ душъ, чтобы ихъ пронять. Брошюра должна имѣть сбытъ среди денежной публики, часть средствъ мы употребимъ на помощь ссыльнымъ. Поэтому нужно немного сгустить краски: напримѣръ, пусть этотъ вашъ ссыльный, который тамъ съ ума сошелъ въ тайгѣ,—пусть онъ не только сойдетъ съ ума, но пусть еще застрѣлится, что̀-ли!

— А можетъ быть, сжечь его, Ольга Алексѣевна?—иронически спросилъ Громченко.

— Сжечь?..—Хорошенькое глупое личико задумалось.—Можно и сжечь его... Вообще—посильнѣй! Вотъ я вамъ даже маленькій планъ набросала!

Она вынула бумажонку и стала читать:

— „Ростъ соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи, аресты, ссылка... Соціалъ-демократъ въ тайгѣ...“

— Позвольте, Ольга Алексѣевна,—наконецъ, не выдержалъ я: — тотъ, про котораго я вчера разсказывалъ, не выдуманное лицо, это—дѣйствительно существовавшій человѣкъ, онъ народоволецъ, его знаютъ! Его сжечь нельзя, ибо онъ умеръ отъ безумія, но на постели, среди товарищей!..

— Ну, такъ что же такое!

Ольга Алексѣевна бросила мнѣ идіотски-спокойный взглядъ.

Я только руками развелъ и поглядѣлъ на Анну Николаевну, которая снова стояла у дверей и слѣдила за разговоромъ. Она улыбнулась.

Ольга Алексѣевна отвѣтила на мой жестъ.

— Ну, такъ что же такое, что народоволецъ? А вы напишите про соціалъ-демократа, это лучше! Народная воля, *это было*, а теперь *есть* „освобожденіе труда“, соціалъ-демократія! Тихомировъ сталъ чуть ли не литературнымъ квартальнымъ; гдѣ теперь народоволецъ? Въ Женевѣ ихъ нѣтъ ни одного!

— Есть, — не выдержала Анна Николаевна и чуть выступила впередъ.

— Должны быть и въ Женевѣ; но дѣло не въ Женевѣ... Все-таки я не могу изъ народовольца сдѣлать соціалъ-демократа! Отказываюсь!—рѣшительно заявилъ я.

— И напрасно! Мало ли народовольцевъ сдѣлалось уже соціалъ-демократами! И вы сдѣлаетесь.

На этотъ разъ въ сухихъ глазахъ дѣвицы заигралъ даже какой-то огонекъ.

— Ну, это—никогда!

Я всталъ.

— Что хотите, анархизмъ, простое радикальство, только не это.

— Такъ всѣ заявляли, а потомъ все-таки пошли за Марксомъ. Но дѣло не въ этомъ: согласны вы написать „эти свои впечатлѣнія“? Можно, пожалуй, и не сжигать этого вашего народовольца,—пусть умираетъ, какъ умеръ, только все же слѣдуетъ его называть если ужъ не соціалъ-демократомъ, то просто—революціонеромъ.

Я молчалъ. Я былъ заинтересованъ и взбѣшенъ.

Ольга Алексѣевна, однако, не вполнѣ соображала положеніе дѣла.

— А когда сможете приготовить? Медлить нельзя! Писать вы сможете хотя бы здѣсь!

Она взглянула въ сторону другой комнаты, я же посмотрѣлъ на Анну Николаевну—та стояла спокойная, но глаза ея разгорѣлись, а на щекахъ что-то чуть-чуть заалѣло.

— Можетъ быть, вы сегодня же начнете?—не унималась Ольга Алексѣевна.

— Конечно, начнетъ! — полусерьезно поддержалъ ее Жоржикъ.

Громченко увернулся отъ моего, прямо ему посланнаго, взгляда.

— Нѣтъ, я не начну сегодня, — улыбаясь, разочаровалъ я прыткую соціалъ-демократку.

— Когда же?—нетерпѣливо двинула она плечиками.

— Можетъ быть, никогда. Вы меня извините, ваше предложеніе мнѣ не подходитъ.

Такого финала Ольга Алексѣевна не ожидала и молча обернулась къ своимъ спутникамъ съ такимъ видомъ: „Стоило съ нимъ разговаривать!"

Затѣмъ она спокойно встала и такъ же спокойно заявила:

— Ну, въ такомъ случаѣ, я сама напишу!

Въ своемъ родѣ она была великолѣпна, когда, сухо распростившись, пошла изъ комнаты, чуть вздернувъ носикъ. Громченко и армянинъ послѣдовали за ней какъ-то сконфуженно, и только Жоржикъ развязно прощался съ Анной Николаевной:

— Вы совсѣмъ постарѣли въ этой... кельѣ! На свѣтъ, на воздухъ, Анна Николаевна!

Они ушли. Я продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, что̀ и раньше. Анна Николаевна стояла у балкона, опустивъ голову. Наконецъ, она подняла ее и, долго посмотрѣвъ на меня, тихо проговорила:

— Вотъ она, настоящая „Женева", начинается... Ну, что̀, пойдете туда?—Она кивнула головой на балконъ.

— Нѣтъ, не пойду!.. Ольга Алексѣевна мнѣ великодушно разрѣшила здѣсь остаться; съ вашего позволенія я воспользуюсь ея мыслью. Сяду писать „женевскія" впечатлѣнія и сравню ихъ съ таёжными!

О, скромные сибирскіе волки и деликатные медвѣди съ верхней Тунгузки!

Я не замѣтилъ, какъ всталъ. Анна Николаевна не замѣтила, какъ подошла ко мнѣ и, положивъ обѣ руки на мои плечи, проговорила:

— Да, да, пишите. Но что̀ вы скажете про нихъ, про *этихъ?*..

Я не долго думалъ.

— Это не романтики Анна Николаевна. Они родились не въ пеленкахъ идеализма. Эти монисты и несомнѣнные монети...сты!

— А мы?—Анна Николаевна снова хорошо, по-утреннему, засмѣялась:—мы „безумцы“, которыхъ эти господа могутъ „сжечь“, если имъ это нужно будетъ.

IV.—Увлеченіе.

Я работалъ съ утра до вечера, я не отходилъ отъ письменнаго стола. Листъ бумаги, перо, чернильница—это замѣнило мнѣ весь міръ. Какъ сквозь какой-то туманъ я изрѣдка видѣлъ Анну Николаевну за чаемъ, за обѣдомъ, за ужиномъ. Мы почти не разговаривали, тѣмъ не менѣе я съ каждой минутой чувствовалъ себя все больше и больше „дома“.

На пятый день къ вечеру я написалъ послѣднее слово, поставилъ послѣднюю точку и словно проснулся. Я весело оглядѣлъ свое обиталище, взглянулъ не безъ чувства извѣстнаго удовлетворенія на довольно объемистую рукопись, поправилъ ея листы и, отодвинувъ отъ себя, засвисталъ какой-то мотивъ.

На его звуки Анна Николаевна осторожно заглянула ко мнѣ:

— Кончили?

Я кивнулъ головой. Тогда она вошла и подсѣла къ столу. Тутъ только я замѣтилъ, что за эти пять дней она сильно измѣнилась. То трагическое, что̀ было въ ея лицѣ раньше, почти исчезло. Глаза глядѣли проще, довѣрчивѣй, пропали чуть замѣтныя складочки у губъ. Даже въ костюмѣ была перемѣна.

Анна Николаевна одѣлась посвѣтлѣе.

Подъ моимъ осматривающимъ взглядомъ она чуть-чуть порозовѣла, но не потупилась и тихо проговорила:

— Хорошо вы работаете! Вы весь работаете!—Она вздохнула и добавила:

— Только молодость такъ работаетъ... молодость, не убитая вѣра въ свои силы, не растерянныя силы... Хорошо!

— Да, хорошо!—повторилъ и я:—но хорошо и работается около васъ. Вѣдь я могъ отдаться работѣ, какъ хотѣлъ,—что̀ мнѣ мѣшало? Вы даже себя убрали на эти дни куда-то такъ далеко, что я васъ почти не видѣлъ!

Анна Николаевна громко разсмѣялась.

— Нѣтъ, это вы сами куда-то ушли далеко или глубоко—

еще не знаю этого, а скажу, когда вы... надѣюсь, вы меня вознаградите за пятидневное молчаніе и прочтете написанное?..

Она чуть ударила рукой по рукописи.

— О, конечно, но только, дорогая Анна Николаевна, не сейчасъ, не сегодня!—взмолился я и лѣниво потянулся, даже глаза закрылъ, устало откидываясь на спинку кресла.

— Я думаю... Ха-ха-ха! Послѣ такой порціи писанья взяться за чтеніе написаннаго, это ужъ будетъ... не по молодому!— смѣялась Анна Николаевна и, тронувъ меня за плечо, позвала:

— Теперь пойдемъ чай пить!

Я послѣдовалъ за ней въ комнату рядомъ. Тамъ тоже были перемѣны. Постели уже не было. Ее замѣнило небольшое піанино. Комнатка приняла видъ уютной гостиной.

Эту перемѣну я и раньше замѣтилъ, — замѣтилъ и то, что Анна Николаевна перенесла свою спальню въ третью комнату, совершенно отдѣльную, гдѣ раньше ютилась хозяйка — швейцарка. Но тогда я на все это, поглощенный своей работой, не обратилъ никакого вниманія. Теперь же я оглядывался и шутя спросилъ, показывая рукой вокругъ:

— Революція?

— Броженіе... — какъ-то особенно весело отвѣтила Анна Николаевна.

— Вы... музыкантша?..—Я шагнулъ къ піанино и заглянулъ въ кипу нотъ, лежавшихъ на немъ.

— Тамъ только Шопенъ... только Бетховенъ...—торопливо проговорила она, какъ бы запрещая мнѣ касаться ея нотъ, и отвѣтила на мой вопросъ:—А музыкантша ли я?.. Нѣтъ!.. Но музыку когда-то очень любила, а сама уже давно не играла, а теперь...

Она замялась.

— А теперь?—спросилъ я—и быстро повернулся къ ней.

— А теперь... не знаю... можетъ быть, и... запроситъ душа музыки... то-есть, она уже проситъ, но ей еще не разрѣшено...

Я подошелъ къ Аннѣ Николаевнѣ совсѣмъ близко и ласково взялъ ее за руку. Она глядѣла на меня, чуть поднявъ голову, и, если бы глаза вообще дышали, я могъ бы сказать, что ея взглядъ, устремленный на меня, затаилъ дыханіе.

— Позвольте мнѣ, Анна Николаевна, разрѣшить вашей душѣ музыку... позволяете?

Ея рука не дрогнула въ моей, а медленно и крѣпко пожала мою. Но взглядъ ея шевельнулся, что-то затуманило глаза, и я, впадая въ странное состояніе какой-то инстинктивности, полу-

сознательности, закрылъ ихъ двумя увѣренно прозвучавшими поцѣлуями.

Это свершилось въ одинъ мигъ, но онъ былъ дологъ и полонъ чѣмъ-то большимъ. Онъ прошелъ, и снова открылись ея глаза и глядѣли на меня какъ-то по новому.

Мы помолчали.

— Да... все-таки чай-то нужно пить! — тихо проговорила Анна Николаевна — и свободной рукой провела по своему, еще болѣе побѣлѣвшему лбу. Я продолжалъ держать ея другую руку въ своей. Я былъ во власти прежней инстинктивности. Мнѣ хотѣлось взять Анну Николаевну за другую руку и имѣть совсѣмъ близко ее всю—такую прекрасную, блѣдную, даже чуть испуганную, словно бы куда-то невиданно оборвавшуюся.

Но она собрала свои силы и тихонько отстранилась.

— Ну, идемъ же... вѣдь чай готовъ!

Да, чай былъ готовъ. Чайникъ на машинкѣ весело бурлилъ надъ столомъ. Я поглядѣлъ на него какъ на неизвѣстный мнѣ предметъ и въ данную минуту ненужный.

Анна Николаевна тоже не пошла къ столу; повернувшись, странно протянувъ руки впередъ, словно бы боясь упасть, она неувѣренными шагами дошла до піанино, подняла крышку и сѣла, уронивъ руки на клавиши... Инструментъ издалъ свой первый звенящій вздохъ и замолчалъ.

Не помню—я къ чему-то прислонился и такъ, стоя, опустился душой въ какую-то глубокую голубую волну и замеръ...

Заплакали струны...

— Что̀ это было? — спросилъ я, когда крышка піанино снова упала съ легкимъ стукомъ и когда Анна Николаевна поднялась съ мѣста.

— Marche funèbre... Шопенъ...

Я вздрогнулъ, какое-то чувство больно ущипнуло сердце. Анна Николаевна подошла ко мнѣ.

— Право, я взяла безъ выбора, первое, что̀ попалось, на чемъ открылась папка!.. Но не все ли равно: вѣдь въ сердцѣ сейчасъ есть и радость, и мука, слезы и смѣхъ... не такъ ли?

Она какъ будто бы извинялась, и я снова привлекъ ее къ себѣ. Въ своемъ сердцѣ, изъ котораго мгновенно ускользнуло обидѣвшее его чувство, я не ощущалъ ни радости, ни муки, но новое, неизвѣданное движеніе, сильное, увлекающее тамъ уже было и просилось въ ласку, еще пока тихую и осторожную.

— А все-таки чай на столѣ!—тихо, черезъ силу выговари-

вала Анна Николаевна, силясь освободиться, но сама сейчасъ же забывала сказанное и неподвижно приникала къ моей груди... Когда мы оба и на самомъ дѣлѣ вспомнили про чай, то въ комнатѣ было совершенно темно, чайникъ умолкъ на столѣ, а спиртовка среди мрака слабо догорала зеленымъ пламенемъ.

Торопливо зажженная Анной Николаевной лампа освѣтила ея лицо—красивое лицо мертвеца съ горящими необыкновенной жизнью глазами. Однако эти глаза теперь словно бы боялись взглянуть на меня и тѣнь задумчивости тихо бродила вокругъ нихъ. Анна Николаевна молчаливо захлопотала около чайника, но я не сводилъ съ нея глазъ. Мое настроеніе не ломалось, а росло; наконецъ, я не выдержалъ и, поймавъ ея руку, спросилъ:

— Что̀ съ вами?..

Она закрыла глаза другой ладонью и грустно отвѣтила:

— Не знаю... вотъ... это такъ вышло неожиданно... потомъ свѣтъ... свѣтъ... непріятенъ...—и съ мукой добавила:—въ сумеркахъ... лучше было...

Отдаленнымъ образомъ, смутно я почувствовалъ ея психическое состояніе и, замолчавъ, принялся за чай. Моя мысль очень скоро вырвалась изъ окружающей обстановки и понеслась довольно далеко отъ дѣйствительности. Когда-то, въ тюрьмѣ, я серьезно отдался стихотворному производству. Цѣлая тетрадка всякой полупоэзіи была результатомъ этого, цѣлая тетрадка, мелко исписанная коротенькими строчками подъ общимъ заглавіемъ: „Пѣсни сумерокъ"... Эти пѣсни мнѣ теперь представились чѣмъ-то ребяческимъ и наивно-дѣланнымъ, и мнѣ померещилась гдѣ-то въ дѣйствительной сумерочной глубинѣ неподдѣльно скорбная и тихая пѣсня... Ея чуть уловимые звуки страннымъ образомъ перестраивали какія-то уже далекія и почти забытыя впечатлѣнія... Я побывалъ снова въ тюрьмѣ, снова въ Сибири... Я, наконецъ, поздней ночью, при догорающей лампѣ, читалъ съ товарищемъ-гимназистомъ первую „нелегалку"-брошюрку,—біографію Вѣры Фигнеръ...

Среди этого непроизвольнаго движенія мысли въ прошломъ я неожиданно поднялъ глаза и встрѣтилъ прямой и болѣе твердый взглядъ Анны Николаевны.

— О чемъ думали?—спросила она, тихо кладя свою руку на мою.

— О многомъ, но о чемъ?.. На это трудно отвѣтить, если не продолжать своей мысли дальше вслухъ...

— Такъ продолжайте!

Ея рука была опять въ моей. Сначала одна, потомъ другая. Потомъ я увидѣлъ Анну Николаевну совсѣмъ близко, рядомъ съ собой на диванѣ, я говорилъ:

— Вотъ видите, мнѣ лампа не мѣшаетъ... наоборотъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она горѣла ярче... мнѣ хотѣлось бы, чтобы здѣсь во всѣхъ углахъ зажглись сотни свѣчей... Мнѣ бы солнца хотѣлось. Сумерки!?.. Развѣ жизнь этого проситъ?.. Развѣ жизнь въ этомъ живетъ?

Анна Николаевна, положивъ голову ко мнѣ на плечо и полузакрывъ глаза, молчала. Я продолжалъ:

— Я понимаю эти „сумерки“.., И у меня бывали такіе моменты, или, вѣрнѣй, я ихъ считалъ такими... Эти минуты упадка духа, эти минуты безсилія, минуты признанія власти внѣ меня и силы, меня себѣ подчинившей... Но жизнь—не въ подчиненіи, не въ опускающихся рукахъ, не... въ пѣсняхъ сумерокъ... Я говорю „жизнь“, а не „существованіе“... Существовать вездѣ можно... счастливо, съ пріятными ощущеніями во мракѣ, и скорбно, съ мукой подъ яркимъ солнцемъ... А жить? жить для дѣйствія, для борьбы, для побѣды или гибели—все равно—можно только въ лучахъ свѣта, яркаго, жгучаго... И такая жизнь не мука и не радость — она просто жизнь, нѣчто высшее, чѣмъ мука и радость...

Я долго говорилъ, говорилъ и слушалъ себя, я говорилъ и для себя много неожиданнаго, а внѣшнимъ образомъ мои слова звучали все громче и тембръ ихъ поднимался...

Меня остановила Анна Николаевна,—вдругъ она вся прильнула ко мнѣ; потомъ она порывисто встала...

— Да... жить! О, я вамъ тоже сказала бы, какъ я это понимаю. Но у меня „своихъ звуковъ“ нѣтъ.

Съ этимъ она быстро очутилась у піанино и, уже не трогая нотъ, заиграла...

Вещь была мнѣ знакомая—Анна Николаевна играла „Quasi una fantasia“ Бетховена. Но подъ пальцами Анны Николаевны эта соната пріобрѣла совсѣмъ иной характеръ: изнѣженность первой части фразировалась, какъ грустное чувство, а аллегро закипѣло и разрѣшилось какой-то бурей такихъ освобожденныхъ чувствъ, о которыхъ врядъ ли думалъ композиторъ.

— Да, чужіе звуки... все-таки чужіе звуки... а чужимъ добромъ не проживешь...—тихо и упавшимъ голосомъ закончила свою игру Анна Николаевна, продолжая сидѣть у піанино и не поднимая рукъ съ умолкнувшихъ клавишей. Потомъ она замолчала, словно бы прислушиваясь къ тѣмъ звукамъ, которые для нея, только для нея одной шли изъ онѣмѣвшаго для всѣхъ другихъ инструмента...

Эти неслышные мнѣ звуки, вѣроятно, были и бурны, и дивны, и вполнѣ соотвѣтствовали переживаніямъ, ихъ рождавшимъ; ихъ окончила Анна Николаевна, чуть опустивъ голову, тихо сказаннымъ, но прозвучавшимъ какъ неожиданный крикъ:

— Не человѣкъ... не человѣкъ женщина... рабыня даже у великаго алтаря *вашей* свободы!..

Затѣмъ наступило глубокое молчаніе, которое краснорѣчиво намекнуло мнѣ, что драма въ этихъ стѣнахъ не можетъ такъ легко и просто превратиться въ идиллію... Необыкновенная тяжесть налегла мнѣ на сердце; я не шевелился, какъ придавленный. Въ продолженіе послѣдовавшей долгой нѣмой сцены у меня замелькали мысли, что я недостаточно внимательно, недостаточно осторожно подошелъ къ измученному человѣку. Наличность условій требовала болѣе легкаго, незамѣтнаго развитія отношеній; не совсѣмъ ожиданная ласка здѣсь, въ этомъ сумерочномъ мѣстѣ, могла всколыхнуть задремавшія боли, могла разбередить чуть затянувшуюся рану.

Я не могъ не вздохнуть.

— Не стòитъ, не стòитъ...—тихо, но быстро зашептала Анна Николаевна. Она незамѣтно очутилась надо мной и какъ-то „по-старшему" положила мнѣ свою руку на голову.

— Не стòитъ,—повторила она и продолжала быстро и тихо, какъ прежде:—Но вотъ вы теперь и узнали, что̀ значитъ спуститься въ гробницу даже съ яркимъ факеломъ жизни въ рукѣ, даже съ пѣснями солнца на губахъ... Бѣдный!.. Уходите! Уходите скорѣй, ну, хоть туда, въ эту Женеву... пить пиво, что-ли, или разговаривать за полночь пусть съ глупыми, но живыми и прочно-вѣрующими въ жизнь людьми... И тогда надъ вами не померкнетъ ясное небо, которое пока еще надъ вами... Бѣгите же...

— Нѣтъ!—Я рѣшительно поднялся и сильно привлекъ Анну Николаевну къ себѣ за талію.—Нѣтъ, если уходить „изъ гробницы", то вмѣстѣ съ вами!

Новая минута самозабвенія. Лицо Анны Николаевны на секунду опять спряталось на моей груди, затѣмъ она какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ освободилась и, съ мольбой протянувъ ко мнѣ руки, проговорила:

— Все-таки дайте мнѣ... сообразить... зажить это...—Такъ говоря, она, какъ тѣнь, скользнула изъ комнаты, и я остался одинъ. Я долго шагалъ по комнатѣ, наконецъ вышелъ на балконъ—освѣжиться.

Небо было въ тучкахъ, было темно, вѣяло прохладой, пріятно пахло близкимъ теплымъ дождемъ. Я посмотрѣлъ внизъ. Тамъ

изъ оконъ на дорожки и клумбы падали полосы желтаго свѣта. Вдругъ среди нихъ появилась чья-то темная фигура, она на минуту остановилась какъ бы въ нерѣшимости, потомъ быстро исчезла среди дорожки, направляясь къ выходу изъ садика.

„Не Анна ли Николаевна?“—тревожно мелькнуло у меня, но черезъ секунду мнѣ показалось уже невозможнымъ, чтобы она вышла изъ дому въ своемъ теперешнемъ настроеніи.—„Заперлась и сидитъ у себя“,—рѣшилъ я и успокоился.

Съ неба стало брызгать дождичкомъ. Я ушелъ съ балкона, взялъ лампу и усѣлся въ комнатѣ, гдѣ работалъ. Я разсѣянно смотрѣлъ на свою рукопись и вдругъ густо покраснѣлъ...

— Чтò перечувствовала Анна Николаевна за эти пять дней? Ея переживанія представились мнѣ въ яркой линіи, и мнѣ сдѣлалось совсѣмъ стыдно. Передъ тѣмъ какъ совершенно уйти отъ всего и отъ нея въ свою работу, я разбудилъ въ ней несомнѣнный инстинктъ жизни, создалъ ей извѣстную атмосферу ожиданія и вдругъ словно бы вычеркнулъ ее изъ своей обстановки... Сидѣлъ, писалъ, три раза въ день встрѣчался съ ней, глядѣлъ на нее чужими глазами... Да, чтò другое она могла чувствовать, кромѣ обиды?.. Вѣдь я былъ чѣмъ-то полонъ и держалъ въ себѣ, пряталъ—и это послѣ того, когда я въ утро послѣ первой ночи подъ этой кровлей на ея вопросъ: чтò произошло и произошло ли?..—просто и естественно призналъ, что *нѣчто* произошло... Почему же я держалъ себя за работой въ продолженіе пяти дней какъ чужой,—вѣдь ее не могла не интересовать моя рàбота?.. Почему, наконецъ, окончивъ работу, я безъ особыхъ размышленій очень быстро сталъ въ линію несомнѣнно уже нарушенныхъ отношеній?

Отъ всего этого внезапно нахлынувшаго я вскочилъ съ мѣста и нетерпѣливо прошелся по комнатѣ.

Черезъ три минуты, я, захвативъ свою рукопись, уже стучался въ двери къ Аннѣ Николаевнѣ; я былъ полонъ своей виновностью и желаніемъ заслужить извиненіе.

Отвѣта на стукъ не было.

Я постучалъ еще. Тихо. Я попробовалъ дверь, она открылась: въ комнатѣ было темно... Какимъ-то ужасомъ пахнуло на меня изъ этой темноты, но я еще не вѣрилъ, что Анны Николаевны нѣтъ тамъ. Я зажегъ спичку...

Я увидѣлъ смятую постель, скомканныя подушки—тàкъ, какъ будто кто-то въ нихъ только-что лежалъ зарывшись съ головой, чтобы не видѣть ни точки свѣта и не слышать ни ползвука...

Я понялъ. У меня быстро мелькнула мысль: „Она еще недалеко ушла!"

Другого у меня въ головѣ ничего не было. Я вернулся къ себѣ, быстро одѣлся и въ какія-нибудь пять минутъ былъ на улицѣ, тоже среди мрака, подъ безмолвно плачущимъ небомъ...

Я скоро выбрался на Route des Acacias. Дорога была тускло освѣщена рѣдкими огнями, я пошелъ по ней... Минутъ черезъ двадцать, почти у Арвскаго моста, мнѣ мелькнулъ чей-то темный силуэтъ... Я не сомнѣвался, кому онъ принадлежалъ, и удвоилъ шаги...

— Анна Николаевна!—окликнулъ я.

Она стояла на мосту, опершись о перила; сбоку внизу изъ сумрака зловѣще бурлила Арва.

Недалеко былъ фонарь; при его свѣтѣ я увидѣлъ блѣдное лицо, обращенное ко мнѣ, но Анна Николаевна молчала, не отозвалась на мой окликъ. Я подошелъ и взялъ ее подъ-руку.

— Пойдемте домой!

Она кивнула головой, и мы медленно двинулись обратно. Мнѣ трудно было говорить, но я все-таки заговорилъ: молчаніе было невыносимо. Я ей разсказалъ все, что̀ прочувствовалъ, и по мѣрѣ разговора она все тѣснѣй прижималась ко мнѣ, она не подавала мнѣ репликъ, только однажды коротко вставила:

— Напрасно вы такъ растревожились. Я побродила бы здѣсь въ мокрой темнотѣ, озябла бы, себя же почувствовала бы виноватой, вернулась бы тихонько домой и утромъ была бы послушной и покорной, какъ и подобаетъ женщинѣ... Вѣдь мы всегда такъ: въ конечномъ видѣ дѣлаемъ не то, что̀ хотимъ сознаніемъ. Рѣшаемъ одно, а отдаемся другому...

— Я вовсе не хочу видѣть васъ послушной или покорной!—запротестовалъ я.

Она скептически взмахнула низко опущенной головой и ничего не отвѣтила.

Такъ дошли мы до дому. Я провелъ Анну Николаевну въ ея комнату, зажегъ лампу, помогъ ей снять шляпу и совершенно мокрый жакетъ, и затѣмъ, въ тяжелой нерѣшимости сталъ, облокотившись объ уголъ камина. Анна Николаевна устало опустилась въ кресло, откинулась головой на спинку и закрыла глаза; руки ея безпомощно упали на колѣни. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, она съ усиліемъ повернула голову ко мнѣ и, чуть открывъ глаза, спросила:

— Что же вы молчите?.. Не знаете, о чемъ говорить, какъ не знаете, что̀ дѣлать: уйти или оставаться?

Я кивнулъ головой: она вполнѣ вѣрно поняла мое настроенiе. По лицу Анны Николаевны отъ моего отвѣта прошла легкая улыбка. Она чуть подняла голову и тихо проговорила:

— Уйти вы въ состоянiи?

Я сдѣлалъ отрицательный жестъ. Анна Николаевна снова улыбнулась и снова проговорила:

— А *какъ* остаться—тоже не знаете? Ну, я помогу вамъ... На вашемъ мѣстѣ я помогла бы Аннѣ Николаевнѣ мокрыя ботинки снять... ей теперь самой это не по силамъ—пожалуйста!

Слово „пожалуйста“ прозвучало просьбой совсѣмъ обезсиленнаго человѣка, и я немедленно же, опустившись колѣномъ на полъ, принялся исполнять ея просьбу. Пока я былъ занятъ разстегиванiемъ ботинокъ, Анна Николаевна ласково положила руку мнѣ на голову и заговорила:

— Вы попали въ затруднительное положенiе... мальчикъ! Не знаете, что думать, что говорить, какъ поступить? Дальше ботинокъ по части поступковъ я вамъ не смогу уже совѣтовать, но поговорить... я сама поговорю за васъ, а вы на досугѣ обдумайте...

Я окончилъ съ ботинками, надѣлъ ей на ноги тутъ же стоявшiя туфельки, но не поднимался съ мѣста. Анна Николаевна, не снимая своей руки съ моей головы, продолжала:

— Во-первыхъ, я скажу, что вы, судя по вашимъ даже альтруистическимъ движенiямъ—большой эгоистъ... Но это нормально... А въ данномъ положенiи дѣла это даже хорошо, а не плохо... Если бы вы были не такъ эгоистичны, можетъ быть, я имѣла бы силу не допустить, чтобъ мы такъ далеко заѣхали... Это вы когда-нибудь поймете... Итакъ, вы эгоистичны—колоссально!.. Эгоистъ же—какъ бы онъ ни былъ уменъ и какъ бы ни силился проникнуть въ чужое переживанiе—всегда дѣлаетъ ошибку. Сдѣлали ее и вы и совершенно невѣрно освѣтили для себя чувство Анны Николаевны... Когда вы работали и стали похожи на лунатика, не замѣчающаго ничего вокругъ... я была довольна вами... Именно только такъ работая, можно что-нибудь сдѣлать... Словомъ, отъ васъ не было у меня „обиды“... Не было у меня обиды и потомъ, когда вы „проснулись“ и вспомнили, снова увидѣли, что около васъ живетъ Анна Николаевна; но если Анна Николаевна повела себя какъ больной человѣкъ, то въ этомъ вы не повинны... Она больной человѣкъ... Но суть вотъ въ чемъ...

Анна Николаевна сдѣлала передышку.

— Суть вотъ въ чемъ: если мое прошлое, это — сплошной сумракъ, и если я въ этомъ сумракѣ была заживо погребена,

то какимъ онъ мнѣ долженъ представиться теперь, когда меня обвѣяло неожиданнымъ тепломъ иной жизни... и когда у меня все-таки нѣтъ никакой надежды, что эта иная жизнь настала для меня... потому что... сумракъ прошлаго все-таки мнѣ дорогъ, тамъ—то мое мертвое, что у васъ сейчасъ еще живое—молодость!.. Да... вотъ... сознаніемъ я должна прогнать васъ немедленно отсюда, а сердцемъ я рада, что вы здѣсь, близко... Вы вѣдь не знаете, что, уходя сейчасъ, я думала, что ухожу навсегда; но лишь вышла, побыла нѣсколько минутъ на воздухѣ, такъ я уже знала, что вернусь... подчинюсь... какъ уже однажды подчинилась и какъ многія подчиняются... Вотъ вамъ одна сторона моихъ чувствованій; есть и другая... Вы живете, переживаете и легко это выражаете, такъ легко, что иногда кажется, что вы раньше выражаете, а потомъ переживаете. А я даже давно пережитое не умѣю или не имѣю силы выразить... Какъ результатъ этого, въ вашемъ представленіи я одна Анна Николаевна, а въ своемъ я—другая... Вотъ гдѣ черезчуръ скорый поводъ... дорога... къ новымъ сумеркамъ... Вотъ гдѣ лѣстница въ новую и еще болѣе темную гробницу... Вы понимаете?

Я опустилъ свою голову на ея колѣно и, не поднимая ея, отвѣтилъ:

— Кажется, начинаю понимать.

Рука Анны Николаевны нѣжно заиграла моими волосами, и она ласково и уже безъ грусти сказала:

— Вотъ это хорошо: „кажется, начинаю понимать". Врядъ ли вы поймете, это—другой вопросъ, но было бы до муки обидно услышать сейчасъ увѣренное: „понимаю"... Это было бы уже не молодость... а... пошлость... Я рада... И на этомъ окончу...

Я поднялся, крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ. Она приняла ласку со свѣтлымъ взглядомъ и проговорила тихо:

— Я устала, легла бы...

Я помогъ раздѣться, потомъ улечься. Она отнеслась къ моимъ услугамъ съ красивой простотой совершенно чистой души. Лежа уже въ постели, она протянула мнѣ руку и спросила:

— Пойдете спать или почитаете мнѣ что-нибудь... скучное?..

— Спать не хочу. Весь вашъ.

— Ну, такъ вотъ: тамъ, въ нашей общей комнаткѣ, есть „Одиссея" въ переводѣ Жуковскаго... Это и на васъ сонъ нагонитъ...

Я пошелъ за книгой, но по внезапному побужденію принесъ не „Одиссею", а свою рукопись.

— Отъ этого я не усну... пожалѣйте меня...—запротестовала Анна Николаевна.

Однако, пододвинувъ лампу, я устроился у постели и готовъ былъ приступить къ чтенію, несмотря на продолжавшіеся протесты Анны Николаевны.

— Отчего вы не хотите „Одиссеи“?..

— Скучно очень,—откровенно признался я.

— Нехорошій вы!..

Уступая, Анна Николаевна бросила мнѣ долгій, чѣмъ-то опять затуманенный взглядъ.

Я началъ читать. Я прочелъ небольшое введеніе. Чтеніе длилось не болѣе четверти часа; во время чтенія я облокотился на постель и своимъ плечомъ касался совсѣмъ близко Анны Николаевны. Я пересталъ слушать себя; откуда-то издали долеталъ до меня звукъ собственнаго голоса, какой-то сухой, жесткій, странный металлическій, словно не мой, а изъ сердца упавшее прежнее увлекающее необычное движеніе быстро захватывало весь организмъ. Но я все-таки читалъ, и когда окончилъ введеніе, то поднялъ глаза отъ рукописи. Лампа, стоявшая на небольшомъ столикѣ у изголовья Анны Николаевны, замѣтно уронила свое пламя, она выгорала. Я перевелъ свой взглядъ на Анну Николаевну. Она не спала, а глядѣла куда-то впередъ широко раскрытыми глазами. Красивыя, но чуть худѣющія руки, обнаженныя до плечъ, неподвижно лежали вдоль тѣла...

Наступившее молчаніе заставило Анну Николаевну посмотрѣть въ мою сторону. Она слабо улыбнулась и, протянувъ мнѣ руки, проговорила, чуть двинувъ головой къ лампѣ:

— Пусть себѣ гаснетъ... сонъ ушелъ... да и слушаю я съ трудомъ...

Свѣтъ лампы быстро умиралъ. Я держалъ руки Анны Николаевны въ своихъ; и тѣ, и другія были въ огнѣ...

Наступилъ часъ безумія, который не имѣетъ повторенія... Онъ наступилъ и прошелъ... Въ комнатѣ было темно, когда я очнулся. Анна Николаевна спала тихо, спокойно дышала. Я осторожно ушелъ къ себѣ. Тамъ я открылъ окно и, усѣвшись на подоконникъ, глоталъ ночной влажный воздухъ...

Дождь пересталъ. По небу бродили смутные сѣрые клочья тучъ и сквозь нихъ глядѣли яркія, чистыя звѣзды, глядѣли, прятались въ наползавшихъ на нихъ косматыхъ туманныхъ чудовищахъ и снова выглядывали; надъ землей, среди темныхъ массъ деревьевъ, шевелился какой-то полусвѣтъ въ борьбѣ съ полутьмой.

Въ душѣ моей тоже вспыхивали и гасли, словно звѣзды, не-

извѣданныя раньше чувства, но въ сознаніи плавали какія-то безформенныя сѣрыя массы... Во мнѣ происходила тоже смутная борьба какихъ-то двухъ началъ, и я не зналъ, грустно ли мнѣ, или радостно...

Первая ночь моей любви проходила и уступала мѣсто еще далекимъ, первымъ серебристымъ отблескамъ разсвѣта, а я все еще сидѣлъ у окна и жадно впивалъ холодный, сырой воздухъ.

Внизу въ садикѣ, уже среди предразсвѣтной тѣни, слабо розовѣли среди мутной зелени небольшія пятна розъ. Глядя на нихъ, я ощутилъ въ сердцѣ приливъ еще неиспытанной нѣжности и вслухъ прошепталъ:

— Нужно ей цвѣтовъ нарвать къ пробужденію. — Однако, вставши на ноги и отойдя отъ окна, я ощутилъ мгновенно меня захватившую власть сна...

Я опустился на кушетку и, не раздѣваясь, не успѣвъ даже лечь какъ слѣдуетъ, крѣпко уснулъ... Но фантазія не уснула; изъ дѣйствительности я какъ-то безъ всякаго промежутка перешелъ въ область сновидѣнія... Мнѣ казалось, что кушетка тихо качнулась, завертѣлась на мѣстѣ, и я старался удержаться за ея края, потомъ меня окружилъ неясный шумъ бѣгущей воды, и я поплылъ... Кушетка превратилась въ сорванную бурей сосну, она колебалась въ сѣрыхъ струяхъ, и я крѣпко уцѣпился за ея сучья... Впереди меня летѣла какая-то громоздкая черная большекрылая птица. Я съ тревогой слѣдилъ за ней и видѣлъ, какъ совсѣмъ далеко, какъ фонъ для черной птицы, выростала ярко лазурная гора, усыпанная золотыми блестками... Онѣ ярко сверкали и вдругъ, какъ дождь падающихъ звѣздъ, скатились куда-то въ темную глубь. Моя сосна, на которой я плылъ, тоже стремительно помчалась куда-то въ темную бездну... Вода шумѣла вокругъ сильнѣй, и въ водоворотѣ я вдругъ увидѣлъ закружившіяся розовыя пятна цвѣтовъ и среди нихъ легко плывущую Анну Николаевну. Она грустно улыбалась мнѣ, но меня сносило быстрѣй, все стремительнѣй,—и цвѣты, и Анна Николаевна уходили все глубже въ сѣрую тѣнь, что̀ оставалась позади...

V.—Опять дѣвица отъ марксизма.

— Ну, развѣ можно такъ?!

Это прозвучало надо мной не во снѣ, а на-яву. Я проснулся и открылъ глаза. Надо мной стояла Анна Николаевна; она силилась уложить мою голову на подушку. Я устроился дѣйстви-

тельно неудобно: рука была закинута за спинку кушетки, подушка была отодвинута, а голова, упавъ на плечо, лишь чуть опиралась о стѣнку.

Я быстро сѣлъ и расправлялъ замлѣвшую шею и руку. Анна Николаевна смѣялась.

— Теперь, если мнѣ скажутъ, что ты можешь спать, ставъ на голову... я должна буду повѣрить!..

Ей было весело, но меня поразило, ударило по сознанію не смѣхъ, а обращеніе—коротенькое „ты“... Изъ него мгновенно, во всѣхъ подробностяхъ развернулось случившееся, и я, притянувъ къ себѣ Анну Николаевну, заглушилъ поцѣлуемъ ея шутки... Однако она сейчасъ же освободилась.

— Нужно встать... Солнце, твое солнце уже живетъ, работаетъ!.. Чай—тоже давно ждетъ!...

Я не могъ не расхохотаться.

— У Поль-де Кока есть романъ: „Une fille aux trois jupons“... Ты хочешь стать героиней другого романа: „Une femme aux millions tasses du thé“?..

Моя шутка бросила мгновенную тѣнь на сіяющее лицо Анны Николаевны, но черезъ секунду глаза ея засвѣтились попрежнему тихо, красивой лаской.

— Можешь и не пить... Да здравствуетъ свобода!.. А я пойду, „подчинюсь“ закоснѣлымъ привычкамъ...—Она повернулась съ необычной живостью и исчезла.

Освѣжившись, и я присоединился къ ней. Чай мнѣ былъ налитъ; Анна Николаевна сидѣла тоже за стаканомъ и читала мою рукопись; прочла она уже достаточно, судя по отложеннымъ листамъ.

— Сегодня я лучше понимаю, чѣмъ вчера, и уже могу сказать свое мнѣніе!..

— Ну?..—лѣниво протянулъ я, припоминая въ ту минуту свой вдругъ мнѣ вспомнившійся сонъ.

— Н-у-у...—передразнила меня Анна Николаевна.—Боже! И это въ *первое* утро?!.. Все же я скажу свое мнѣніе... Все это очень интересно, интереснѣе даже, чѣмъ я ждала, но все-таки обидно!.. Пышно и звонко въ стилѣ, остроумно по логикѣ, ловко, но, увы, бѣдно въ матеріалѣ!

— То-есть?..—спросилъ я болѣе внимательно.

— То-есть... знаній не видно! Фактовъ жизни не выдумаешь, историческихъ событій изъ своихъ мозговъ не выжмешь. Для этого нужно порыться въ книгахъ и найти... Словомъ, жаль эту работу... ее нужно переписать, сѣвши на чужія книги,—понимаешь?

— Понятно... вполнѣ! — проговорилъ я. Отзывъ меня не удовлетворилъ.

— Не согласенъ?

Я улыбнулся. Анна Николаевна, чуть нахмурившись, снова углубилась въ чтеніе. Прочитавъ еще нѣсколько страницъ, она съ досадой бросила рукопись. Я былъ окончательно обиженъ, а она еще разъ подтвердила прежнее мнѣніе:

— Рѣшительно обидно! Нѣтъ, ты долженъ взяться за книжки и подработать, а тогда мы издадимъ это...

Нѣсколько волнуясь, она даже встала съ мѣста.

— Мы издадимъ это и въ томъ видѣ какъ есть!..—процѣдилъ я.

— Я не согласна и устраняю себя изъ этого „мы"!

Затѣмъ она снова усѣлась читать.

— Ну, я и самъ какъ-нибудь издамъ!

Этотъ разговоръ довольно сильно пощекоталъ мое самолюбіе. Я сидѣлъ и барабанилъ по столу, обдумывая, какимъ бы образомъ выполнить свое послѣднее заявленіе. Денегъ у меня было не много, и сознаніе этого придавало моимъ соображеніямъ нѣсколько раздраженный характеръ.

Анна Николаевна, окончивъ чай, молча удалилась къ себѣ съ рукописью.

Я нѣкоторое время погулялъ по комнатѣ, сначала по ставшей для насъ общей, потомъ по своей, но все это ничему не помогло: глупая тяжесть въ душѣ росла... Я вышелъ на балконъ.

Тамъ мгновенно мое настроеніе измѣнилось. Въ садикъ вошла не кто другой какъ Ольга Алексѣевна, со сверточкомъ бумаги въ рукѣ. Я повеселѣлъ.

„Самъ дьяволъ тебя шлетъ!"—подумалось мнѣ.

— Здравствуйте. Къ вамъ можно?

Я отвѣтилъ ей самымъ любезнымъ образомъ и даже вышелъ ей на встрѣчу.

— Вотъ видите: я написала!—говорила Ольга Алексѣевна, входя ко мнѣ и показывая мнѣ рукопись. — Сказала: напишу сама—и написала! Но вѣдь я не была тамъ, въ этой Сибири, я по книгамъ, потомъ по вашему разсказу скомпоновала, поэтому мнѣ интересны ваши замѣчанія, гдѣ я ушла отъ дѣйствительности...

Приступъ какъ-то мнѣ уже щекоталъ горло, но я съ самымъ серьезнымъ видомъ поклонился.

— Располагайте... Но думаю, что вы не очень ушли отъ дѣйствительности...

— Такъ вотъ мы сейчасъ и прочтемъ...

Ольга Алексѣевна усѣлась, разложила тетрадку, разгладила.

...„Устрою спектакль Аннѣ Николаевнѣ!“—мелькнуло у меня побочное соображеніе, и я быстро проговорилъ:

— Пожалуйста погодите! Я приглашу Анну Николаевну—пусть и она прослушаетъ, это ей будетъ интересно! Вѣдь вы ничего не имѣете?

— Разумѣется! Вѣдь я пишу для публики, а не для потайного ящика...—Ольга Алексѣевна вскинула на меня свои великолѣпно-безсодержательные глаза.

Я пошелъ къ Аннѣ Николаевнѣ и доложилъ ей о новомъ нашествіи соціалъ-демократіи. Анна Николаевна была еще занята чтеніемъ и уклонилась.

— Нѣтъ, не интересно.

— Почемъ знать?—Однако я не настаивалъ, я почему-то былъ увѣренъ, что она выйдетъ. Мое ожиданіе оправдалось. Едва Ольга Алексѣевна прочитала двѣ-три странички, какъ въ мою комнату вошла и Анна Николаевна.

— Будьте любезны,—попросилъ я Ольгу Алексѣевну—нельзя ли начать снова для Анны Николаевны, я съ интересомъ прослушаю начало и во второй разъ!

— Да?..—спросила дѣвица самодовольно.

— Очень удачное начало! — серьезно говорилъ я, загоняя смѣхъ въ глубину. Анна Николаевна, немножко холодная, немножко грустная, съ недовѣріемъ поглядѣла на меня. Я отвернулся, чтобы спрятать веселыя искры, которыя чувствовалъ въ своихъ глазахъ. Ольга Алексѣевна приготовилась бисировать свое начало, но я рѣшилъ еще прибавить ей настроенія.

— А вы знаете, вѣдь мы сегодня съ вами ужасно долго спорили о марксизмѣ?—проговорилъ я, присаживаясь къ ней ближе.

— Какъ это?—недоумѣло обводила меня своимъ выпуклымъ взглядомъ Ольга Алексѣевна.

Я засмѣялся.

— Во снѣ, конечно... Вы мнѣ сегодня всю ночь покоя не давали, а главное переспорили... Вотъ сонъ и въ руку!..

Анна Николаевна смотрѣла на меня, широко раскрывъ глаза и какъ-то болѣзненно сжавъ губы, но я уже не могъ остановиться. Началось чтеніе. Слушалъ я разсѣянно. Анна Николаевна чуть морщилась. Я разрабатывалъ свой „планъ“ и думалъ, глядя на читающую дѣвицу:

„Пожалуй она мнѣ поможетъ издать мою брошюру. Въ ней есть за чтò уцѣпиться!“

Разработавъ въ мозгу линію своихъ будущихъ поступковъ, я сталъ внимательно слушать произведеніе Ольги Алексѣевны. Это было нѣчто нелѣпое до невозможности, я еле сидѣлъ на мѣстѣ, наконецъ не выдержалъ, остановилъ дѣвицу съ дѣланнымъ удивленіемъ:

— Неужели же вы это только по „книгамъ“ написали?..

— Конечно... Я прочла Кеннана, Бѣлоконскаго, Дебагорія и вообще все, что̀ есть по этой части въ русской литературѣ легальной и нелегальной... Вотъ и написала...

— Написали... *по книгамъ!*—Слово „книги“ я усиленно подчеркнулъ и бросилъ веселый взглядъ Аннѣ Николаевнѣ.

Она поняла и отвернулась.

— Ну, какъ вы находите? — спросила съ нѣкоторой тревогой чтица, уловивъ что-то для себя подозрительное.

— Изумительно!.. Интереснѣе даже, чѣмъ я ожидалъ, но все-таки обидно... такъ много матеріалу, но не хватаетъ нѣкоторыхъ общихъ штриховъ, такъ, знаете, брошенныхъ au vol d'oiseau!

Я перефразировалъ безбожно и примѣнилъ въ дѣло утрешній отзывъ Анны Николаевны о собственной моей работѣ.

Анна Николаевна покраснѣла и быстро поднялась. Ольга Алексѣевна, совершенно не замѣтивъ движенія ея, успокоилась и съ нѣкоторымъ оживленіемъ проговорила:

— Мнѣ и самой казалось такъ... Я вамъ оставлю рукопись—вы мнѣ отмѣтьте, я нарочито оставила большія поля для замѣчаній.

Въ приподнятомъ настроеніи она дочитала свое произведеніе. Анна Николаевна дослушала, стоя у окна и глядя въ садикъ. Окончивъ, соціалъ-демократка даже не спросила ея мнѣнія, а выжидательно глядѣла только на меня одного.

— Ну, конецъ можетъ пойти безъ измѣненій. Этотъ призывъ къ борьбѣ надъ трупомъ товарища—великолѣпенъ!

Я хотѣлъ еще говорить, но Анна Николаевна не могла больше вынести создавшейся фальшивой атмосферы, пошла къ дверямъ и сдѣлала мнѣ знакъ головой. Я вышелъ за ней. За дверью мы стали лицомъ къ лицу. Анна Николаевна укоризненно смотрѣла на меня и, кивнувъ головой на то, что̀ происходило въ моей комнатѣ, коротко спросила:

— Для чего это?

— Что̀?

— Игра... эта!

— Для спасенія заблудшей соціалъ-демократической души я ее обращу въ свой полу-анархизмъ...

Анна Николаевна стала серьезная-серьезная... Она печально опустила глаза и, не сказавъ больше ни слова, пошла въ свою комнату. Я возвратился къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, болѣе возбужденный, чѣмъ былъ раньше, и началъ аттаку съ другой стороны.

— Вы совсѣмъ кстати зашли, Ольга Алексѣевна: вотъ и я написалъ одну вещь; если хотите, то я вамъ прочту выдержки; вещь длинная, но вы и по выдержкамъ сможете сказать, куда она вся годится.

Ольга Алексѣевна засіяла и приготовилась слушать, но рукописи у меня не было, за ней я отправился къ Аннѣ Николаевнѣ.

— Войди!—отвѣтила она на мой стукъ.

Я вошелъ; она полулежала въ постели.

Я понималъ ея настроеніе, и у меня шевельнулось: „Бѣдная!“... Тѣмъ не менѣе, я продолжалъ въ начатомъ стилѣ:

— Ты мою рукопись прочла?

Анна Николаевна кивнула головой и прибавила:

— Я еще разъ прочту...

— Но вѣдь не сейчасъ?..

Я взялъ рукопись, не ожидая отвѣта, и прибавилъ:

— Мнѣ нужна рукопись, я ее сейчасъ буду читать...

— Ей—этой?..—тихо спросила Анна Николаевна и усѣлась ровно на краю постели.

— Ну, да... конечно, — хладнокровно отвѣтилъ я и еще хладнокровнѣе добавилъ:—Она, конечно, ничего не пойметъ, но звонъ и шумъ словъ, логическій ритмъ ее загипнотизируетъ, что̀ для меня и требуется...

Анна Николаевна вся выпрямилась, какъ подъ ударомъ, и съ усиліемъ, вся разгораясь и сверкая глазами, выговорила:

— Это для тебя требуется?!.. Ну, такъ я скажу тебѣ: въ такой... въ такой игрѣ... есть что-то... что-то очень преступное...

Послѣднее слово прозвучало совсѣмъ тихо, но оно отдалось въ моихъ ушахъ громче другихъ. Я повелъ плечами и вышелъ.

Читалъ я Ольгѣ Алексѣевнѣ совсѣмъ тихо, но по мѣрѣ чтенія мой голосъ набиралъ и гибкость, и силу; я, тонируя, безъ усилій выдвигалъ то, что̀ необходимо было выдвинуть, чтобы купить вниманіе слушательницы, быстро и легко проскакивалъ то, что̀ могло оскорбить ея марксизмъ. Кромѣ того, я не погнушался импровизировать цѣлыя фразы въ дополненіе къ написаннымъ строчкамъ и оставлялъ непрочитанными цѣлыя страницы.

Я видѣлъ, что нужное впечатлѣніе получается. Ольга Алексѣевна была вся въ своихъ ранѣе безжизненныхъ глазахъ, а

теперь они заиграли какимъ-то слабымъ свѣтомъ. Мой экспериментъ шелъ вполнѣ успѣшно. Окончивъ, я спросилъ:

— Ну, не очень скучно?

— О... что̀ вы?! — проговорила Ольга Алексѣевна, затѣмъ, подумавъ, прибавила: — очень хорошо!.. Только кое-гдѣ есть... что-то такое...—Она не могла сформулировать.

— Что̀ не вполнѣ похоже на вашъ символъ вѣры?..

Она кивнула головой, но я быстро изобрѣлъ цѣлую теорію, что нѣмецкая соціалъ-демократія сдѣлала не во всемъ надлежащіе политическіе выводы изъ ученій Маркса, и наконецъ, что Марксъ—одно, а Энгельсъ—другое, и что всякая догма имѣетъ свою консервативную оболочку, которую слѣдуетъ какъ можно чаще мѣнять; критика законна, на одномъ мѣстѣ ничто не стоитъ, и т. д.

Словомъ, Ольга Алексѣевна встала съ мѣста въ полномъ убѣжденіи, что моя вещь и марксизмъ вполнѣ совмѣстимы. Какъ дѣловая соціалъ-демократка, она немедленно поставила вопросъ на практическую почву.

— Что̀ вы думаете сдѣлать съ вашей рукописью?

— Издать стоитъ?—скромно отвѣтилъ я вопросомъ.

— Очень даже.

— Но какъ, посредствомъ кого?.. Нѣтъ, придется въ ящикѣ оставить.—Я безнадежно махнулъ рукой и лишь, помолчавъ, добавилъ:—Вотъ развѣ собрать публики побольше, да прочесть для оживленія здѣшней общественной обстановки; вѣдь пренія загорятся жестокія,—я ставлю здѣсь много спорнаго!

Свѣтъ въ глазахъ Ольги Алексѣевны погасъ, она задумалась, у нея что-то копошилось въ головѣ, какія-то соображенія. Это было видно. Наконецъ, она выговорила:

— Нѣтъ. Это жалко. А вотъ что̀! Здѣсь есть народъ, который еще ни туда, ни сюда... Я его уже подъорганизовала немного, а вы кончайте! Вы сейчасъ свободны? Можете пойти со мною въ Женеву?

Я изобразилъ на лицѣ и выразилъ словами полное удовольствіе.

— У меня будутъ сегодня Громченко, Жоржикъ и еще публика, я вамъ намѣчу редакціонный комитетъ и—съ Богомъ издавайте; деньги найдутся.

Золото—не дѣвица!.. Я былъ почти въ восторгѣ отъ нея. Пошелъ, весело простился съ Анной Николаевной, предупредилъ ее, что вернусь только вечеромъ, и мы съ Ольгой Алексѣевной вышли.

— А я было подумала, что вы непримиримый народоволецъ,— сказала мнѣ дорогой Ольга Алексѣевна.

Мы шли подъ акаціями. Ихъ тѣни замелькали у меня передъ глазами, а за мной вдругъ неотступно пошелъ блѣдный, страдальческій образъ Анны Николаевны. У Арвскаго моста я уже почти раскаявался, что началъ эту комедію, которая и мнѣ начинала казаться неблаговидной. Я сбоку поглядывалъ на Ольгу Алексѣевну. Она шагала по-мужски, и мнѣ и ее стало жаль. Однако я шелъ и разговаривалъ.

— Непримиримый?.. Нѣтъ, я не такой!..

— Да ужъ теперь я вижу: я сразу васъ вѣрнѣй опредѣлила. И, признаться, немного огорчилась въ прошлый разъ вашимъ отказомъ, но вотъ гдѣ непримиримость, вотъ гдѣ узость-то! Это у Анны Николаевны!.. Засохшая она какая-то, будто старая дѣва. Скажите, умный она человѣкъ?

Это неожиданное заявленіе словно спичкой снова подожгло меня; я съ трудомъ сдержалъ себя, прошелъ нѣсколько шаговъ молча, заморозилъ свое бѣшенство и наконецъ подумалъ: „Это ты говоришь объ узости и умѣ,—я же тебѣ покажу!"

— Не особенно... кажется...—спокойно отвѣтилъ я и потомъ сказалъ:—Посмотрите, какъ красивы отсюда тѣ горы!

Ольга Алексѣевна поглядѣла въ направленіи моей руки, поискала красоты, видимо не нашла и откровенно призналась:

— Этого я не понимаю... природы...

— А поэзію любите?...

— Да... боевую только...

— А музыку?

Она усмѣхнулась.

— Нѣтъ, не люблю... вообще, всѣ эти искусства... все это такое... буржуазное...

VI.—„Женева".

Пролетѣли двѣ, три недѣли.

За это время мы съ Анной Николаевной нѣсколько разъ повздорили. Впрочемъ, дальше — наши ссоры перестали создавать между нами атмосферу раздраженія. Анна Николаевна заняла позицію доброжелательнаго критика моихъ дѣйствій; обнаруживала при этомъ много снисходительности и такта. Съ другой стороны, и я сталъ терпимѣе прислушиваться къ ея словамъ и совѣтамъ.

Конечно, менѣе всего я могъ слѣдовать имъ,—они шли мимо моего настроенія,—тѣмъ не менѣе, всѣ споры между нами оканчивались улыбками или даже смѣхомъ.

Однако иногда эти размолвки и выгоняли меня въ „Женеву"; я шелъ туда „перекипѣть".

За протекшіе такимъ образомъ дни организація издательскаго „комитета", обѣщанная Ольгой Алексѣевной, однако затормазилась чѣмъ-то. Я начиналъ терять надежду на эту дѣвицу. Поэтому былъ очень удивленъ и отчасти обрадованъ, когда она однажды зашла ко мнѣ и немедленно выпалила:

— Ну, маршъ — идемъ!.. Кандидаты въ „комитетъ" всѣ у меня—ждутъ.

Я не заставилъ ждать себя—и мы пошли. День былъ осенній, но необыкновенно знойный. Ольга Алексѣевна, что называется, „распалилась". Небольшая, коротенькая—она сверкала въ эту минуту крѣпкимъ здоровьемъ. Покраснѣвшая подъ солнцемъ—казалась очень интересной.

Все это, въ соединеніи съ накаленнымъ воздухомъ, который прямо-таки обжигалъ меня, дало мнѣ странное настроеніе. Какъ-то безотчетно я взялъ Ольгу Алексѣевну подъ-руку. Она засмѣялась глубокими звуками и оттолкнула съ окрикомъ:

— Не буржуазничайте!

Я не смутился. Оглядѣвъ ее сбоку, я нашелъ, что одѣвается она хотя и просто, но не безъ кокетства, а поэтому пошелъ напропалую. Я заболталъ объ испорченности русскаго интеллигента. Сокрушенно сознался въ слабости ко всему красивому: къ природѣ, къ картинѣ, къ стихотворенію и... къ обаятельной женщинѣ. Проклиная „буржуазную закваску", я опять поймалъ руку Ольги Алексѣевны. Однако я ее тотчасъ, какъ будто спохватившись, выпустилъ и только потомъ, предварительно произнеся тройную анаѳему „привычкамъ сытаго существованія", уже окончательно устроилъ руку Ольги Алексѣевны на своей.

— Неисправимый!—захохотала соціалъ-демократка, но руки своей уже не взяла у меня.

Въ комнатѣ Ольги Алексѣевны насъ поджидало довольно много всякой публики, въ ихъ числѣ Жоржикъ и Громченко.

— А я думалъ, что вы уже самоубійствомъ тамъ, въ кельѣ нашей отшельницы, покончили?—не безъ ядовитости привѣтствовалъ меня Жоржикъ.

— Это я его изъ петли полумертвымъ вынула!—смѣясь, хвастала Ольга Алексѣевна.

Эти шутки болѣзненно скользнули по моему сознанію. Именно

въ эту минуту я понялъ, что на моихъ инстинктахъ есть какая-то цѣпочка, что я не свободенъ. Моя развязность мгновенно исчезла. Я неуклюже подсѣлъ къ Громченку, и такъ какъ онъ мнѣ очень обрадовался, то я немедленно же посвятилъ его въ затѣваемое предпріятіе и позвалъ его въ „комитетъ“. Громченко немножко поспѣшно согласился; говоря съ нимъ, я наблюдалъ, какъ Ольга Алексѣевна меня тѣмъ временемъ пропагандировала среди прочаго „народа“.

Къ часу обѣда „комитетъ“ былъ готовъ: туда вошли, кромѣ меня, Громченко, одинъ армянинъ-эмигрантъ Петосьянъ, болгарскій студентъ Стойновъ, а „секретаремъ“ былъ Жоржикъ.

— Зачѣмъ послѣдній?—недоумѣвая спросилъ я, не ожидая отъ Жоржика ничего для себя хорошаго:—болтунишка, сплетникъ...

— Тсс!..—положила Ольга Алексѣевна мнѣ свой розовый пальчикъ на губы и таинственно отвела въ сторону.

— Это и требуется!—лукаво зашептала она.—Завтра же вся „Женева“ будетъ знать объ организаціи „новой группы“ и, конечно, въ положительной окраскѣ, такъ какъ самъ Жоржикъ принадлежитъ къ ней; онъ вообще любитъ „роли“—быть секретаремъ на собраніяхъ, распорядителемъ на вечеринкахъ, вообще какой-нибудь хотя послѣдней спицей... Онъ—вездѣ... Это его качество—цѣнное!

„Народъ“, бывшій въ комнатѣ, въ это время шумно и безпорядочно заспорилъ по поводу какого-то конфликта между Полкановымъ и однимъ изъ его учениковъ.

— Чортъ знаетъ что такое?—басилъ Громченко.—Никто работать не хочетъ, а всѣ лѣзутъ въ шефы революціи. Безобразіе!..

На него накинулись. Мы могли съ Ольгой Алексѣевной продолжать нашу конференцію.

— Вотъ видите, я вамъ дала армянина... Онъ интересуется только Турціей, онъ—турецкій армянинъ, къ русскимъ дѣламъ онъ равнодушенъ, ни въ чемъ не разбирается... Стойновъ—онъ болгаринъ—скорбитъ, что въ Болгаріи нѣтъ буржуазіи и капитализма, поэтому очень преданъ русскимъ дѣламъ...

— Хорошъ „комитетъ“ изъ иностранцевъ!—засмѣялся я.

— Пустяки, все это provisoirement; потомъ я сама войду къ вамъ, а со мной ужъ иная публика... А „иностранцы“ эти намъ сейчасъ нужны... Армянская и болгарская колоніи—самыя богатыя здѣсь, а безъ денегъ... Вы понимаете?..

Я хотѣлъ что-то сказать, но ручка Ольги Алексѣевны опять закрыла мнѣ ротъ.

— Довольно!

Она послѣ этого присоединилась къ „народу“ и тоже повела жаркую аттаку на Громченка, который уже охрипъ, крича:

— Безобразіе!.. Прочтутъ, вызубрятъ десятокъ брошюровъ и лѣзутъ со своими „программами“... Полкановъ?.. Полкановъ, это человѣкъ... знанія, умъ, опытъ, наконецъ заслуги, слава Богу, не вчера онъ на свѣтъ Божій вылупился! Ну, а вашъ Мордовскій... Тьфу!.. Болтливая козявка!

Въ эту минуту я съ интересомъ разглядывалъ земляка. Ольга Алексѣевна съ темпераментомъ, котораго я у нея не подозрѣвалъ, напирала на него.

— Чтò вы толкуете! Полкановъ... Полкановъ!?.. Его мы всѣ уважаемъ... Не вамъ—очень сомнительному марксисту—ратовать за него, онъ внѣ всякихъ споровъ... Мордовскій на его мѣсто въ революціонномъ движеніи и не покушается, но и онъ правъ: дѣло требуетъ дальнѣйшаго развитія... Марксизмъ не трупъ... Критика законная... Нужно догмы Маркса освободить немного отъ мертвыхъ корокъ Энгельса... Марксъ—одно, а Энгельсъ—другое... На одномъ мѣстѣ ничто не стоитъ...

Я очень внимательно слушалъ ее и улыбался.

...„Ага!—думалось мнѣ—вотъ въ чемъ бѣда твоей маленькой головки: у тебя нехватка въ своей мысли, въ своихъ словахъ, но ты до извѣстной степени умѣешь оперировать чужими!..“

Громченко выходилъ изъ себя и ругался.

— Какая критика!?.. Откуда?.. Изъ самолюбія молокососа, котораго дюжина дѣвчонокъ въ геніи произвела?.. Подите, тошнитъ!..

Когда споръ улегся, я спросилъ у Ольги Алексѣевны, кто такой этотъ Мордовскій.

— Очень способный человѣкъ... совершенный соціалъ-демократъ... Но разошелся съ Полкановымъ... Очень жаль... Ну, вѣдь надо кое въ чемъ и уступить молодымъ теченіямъ...

Тихо она добавила:

— Съ Мордовскимъ я васъ сведу, его нужно будетъ пригласить въ комитетъ... но послѣ, когда дѣло нѣсколько окрѣпнетъ, когда выяснится отношеніе къ ней здѣшней „массы“... А Громченка вы напрасно пригласили, я бы его не позвала,—совсѣмъ лишній... Нужно будетъ отъ него отдѣлаться...

Я сокрушенно промычалъ извиненіе въ своей „оплошности“ и попросилъ Ольгу Алексѣевну въ будущемъ „детальнѣе руководить мною“...

— Мы на дняхъ же—продолжала Ольга Алексѣевна—выра-

ботаемъ програму издательства, то-есть, она въ схемѣ готова, ее Мордовскій уже давно написалъ, но у него „пера“ нѣтъ, вы дадите ей, знаете, это... стиль такой, какъ у васъ!

Я кивнулъ головой, но внутренно хохоталъ; получалось положеніе: я хотѣлъ ее использовать, а она норовила меня приспособить либо къ своимъ цѣлямъ, либо къ цѣлямъ какого-то Мордовскаго. Послѣ этого я подошелъ къ комитету и сказалъ, что нужно бы завтра же собраться, чтобъ прочесть мою рукопись и рѣшить ея изданіе въ первую очередь. Условились сойтись у меня. Ольга Алексѣевна меня отозвала опять.

— Зачѣмъ это?.. Я полагаю завтра же отдать рукопись въ типографію „Соціалъ-демократа“ — прочтутъ въ корректурѣ... Нечего ихъ баловать!.. Вѣдь вы понимаете, что комитетъ этотъ, въ его теперешнемъ видѣ, такъ... мебель, обстановочка... Они и смотрѣть не будутъ. Вотъ развѣ Громченко одинъ!.. Ахъ, какая ошибка, какая ошибка!..

Однако я былъ очень радъ, что сдѣлалъ эту „ошибку“.

— Затѣмъ,—продолжала Ольга Алексѣевна,—не лучше ли „комитету“ собираться здѣсь, у меня?..

На будущее время я согласился, но на завтра отстоялъ „келью“ Анны Николаевны. Послѣ этого была поставлена на очередь финансовая сторона дѣла. Петосьянъ и Стойновъ заявили, что хоть немедленно пойдутъ по своей публикѣ сколачивать издательскій „фондъ“, причемъ Стойновъ тутъ же предложилъ изъ личныхъ средствъ триста франковъ „для начала“ — займообразно.

Такъ завершилось дѣло. Я условился, что завтра же буду у Ольги Алексѣевны и мы снесемъ рукопись въ типографію; при этомъ Ольга Алексѣевна опять не удержалась:

— Ахъ! И зачѣмъ вамъ былъ Громченко! Большая ошибка... А засѣданія комитета—впередъ знайте—только у меня!..

Въ послѣдней фразѣ мелькнула крѣпкая властолюбивая нотка. Я поклонился.

Тутъ кто-то вспомнилъ, что „матеріалисты“ безъ матеріала — никуда негодны... Что Марксъ, „ей Богу“, тоже обѣдалъ,—и мы всѣ повалили въ бывшую недалеко столовую.

Послѣ обѣда опять кто-то заявилъ:

— Господа! Марксъ и Энгельсъ, вѣроятно, не прочь были бы и выпить?.. Ну, кто любитъ пиво послѣ бифштексовъ на салѣ? Мы гурьбой повалили въ ближайшее кафé.

Я, Громченко и одинъ полякъ усѣлись въ кафé за однимъ столомъ. Остальная компанія расположилась въ сосѣдствѣ.

Я продолжалъ начатый еще въ столовой споръ съ полякомъ. Споръ меня увлекъ, а Громченко съ лѣнивой улыбкой слушалъ, прихлебывая пиво.

Вдругъ у занятыхъ нашей компаніей столовъ появилась новая, очевидно, всѣмъ хорошо знакомая фигура.

Это былъ маленькій, худенькій человѣкъ съ черной рѣденькой бородкой, съ блѣднымъ, вымоченнымъ лицомъ съ маленькими темными живыми глазками. Одѣтъ онъ былъ чистенько, въ широкополой шляпѣ на длинныхъ жесткихъ волосахъ. Онъ, сдѣлавъ общій кивокъ, усѣлся рядомъ съ нашимъ столикомъ, безцеремонно оглядывая группу.

Громченко толкнулъ меня подъ столомъ ногой, какъ бы обращая мое вниманіе на новаго сосѣда, но я уже успѣлъ его оглядѣть, и онъ мнѣ показался достаточно противнымъ, чтобы я долго любовался имъ. Есть такія мелкія физіономіи, полныя хитрости и слѣпого самомнѣнія, спрятанныхъ подъ маской напускной серьезности.

Не обращая на него больше вниманія, я возобновилъ разговоръ.

— Мы дальше ушли,—говорилъ полякъ,—мы готовы къ соціальному переустройству, а вы—нѣтъ; у насъ капиталъ совершилъ свою организаціонную работу, а вы еще топчетесь многими концами вашей жизни гдѣ-то въ доисторическомъ періодѣ... Ваша община! Ваше крестьянство!.. Нѣтъ, намъ не съ руки „ваша" эволюція, намъ нужно скорѣй отрѣзаться... Переворотъ самостоятельный у насъ двинетъ и васъ!

Громченко не выдержалъ:

— Ну, изъ вашего корыта мы уже попробовали пойла!.. Слава Богу, живемъ тысячу лѣтъ бокъ-о-бокъ, а что-то о вліяніи польской культуры на насъ не слышно!.. Всякой драки было довольно, а культурнаго сожительства—этого не спрашивай!..

Маленькая фигура въ большой шляпѣ при этихъ словахъ поднялась и, обращаясь къ намъ, проговорила вкрадчиво и даже сладко, но съ странной улыбкой, медленно, взвѣшивая слова:

— Вы всѣ, господа, по-своему, правы... Вы всѣ правы, каждый со своей точки зрѣнія... Впрочемъ, виноватъ: я, кажется, съ вами еще незнакомъ?..—спохватился онъ и обратился ко мнѣ тономъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ томъ, что, знакомясь, онъ каждому оказываетъ великую честь...—Мордовскій!..—громко и важно отчеканилъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Однако, я не торопился взять ее. Въ моихъ воспоминаніяхъ быстро мелькнулъ рядъ этапныхъ разговоровъ, а изъ нихъ ярко

выплыла и заслонила собой все одна мнѣ мастерски нарисованная и достаточно подлая физіономія.

„...Онъ!.. Онъ!... Ну, конечно! А фамилію онъ измѣнилъ, по обычаю „активныхъ эмигрантовъ“...“—гудѣло у меня въ мозгу, и я спросилъ у Мордовскаго:

— Скажите: вы сидѣли въ Вильнѣ? По дѣлу Голумба?

Мой вопросъ произвелъ на маленькаго человѣка впечатлѣніе удара кулакомъ между глазъ—они почти закрылись, а весь онъ съёжился, опустился на стулъ, съ котораго только-что всталъ. Сначала онъ отдернулъ свою руку, потомъ опять ее протягивалъ ко мнѣ нерѣшительно.

— Да, да... Я сидѣлъ въ Вильнѣ!

Послѣ этихъ словъ мое положеніе стало затруднительнымъ. Съ одной стороны, Ольга Алексѣевна что-то ужъ очень выдвигала впередъ этого гуся, а съ другой—я все-таки ему не могъ подать руки. Однако я колебался лишь секунды и, наконецъ, со спокойной вѣжливостью сказалъ господину Мордовскому:

— Виноватъ! Я кое-что слышалъ отъ Голумба и его товарищей о васъ, и до выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ пока не могу принять вашего знакомства.

Пока я говорилъ это, Мордовскій успѣлъ овладѣть собой. Съ комической величественностью онъ поднялся и важно и холодно проговорилъ, обращаясь къ поляку и Громченку:

— Господа, вы слышали?

Затѣмъ, поправивъ шляпу, онъ, не торопясь, вышелъ изъ кафѐ, бросивъ на столъ, гдѣ сидѣлъ, монету за пиво, почти неначатое.

Громченко, который въ началѣ этой сцены уставилъ глаза, пришелъ, при концѣ ея, въ худо скрытый восторгъ и даже проводилъ уходъ Мордовскаго нѣсколькими ироническими хлопками. Потомъ онъ во всю расхохотался.

— Чудесно... чудесно!.. Вотъ тебѣ и... генералъ отъ революціи! Ха-ха-ха!.. Но въ чемъ дѣло? Предательство, оговоръ?—торопливо спрашивалъ онъ меня.

— Нѣтъ... но... Онъ ловко выгородилъ себя, а сидѣлъ серьезно... Онъ „бесѣдовалъ“ съ жандармами, велъ „отъ скуки“ разговоры и создавалъ имъ впечатлѣніе, не соотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣла... Самъ очень ловко выкрутился, но другіе за простое чтеніе нелегальщины пошли въ Кресты и даже въ Сибирь!..

— Мерзавецъ!—негодовалъ Громченко и, немного подумавъ, добавилъ: — Скверно: теперь пойдетъ канитель, суды чести... Брр!.. А главное, что вамъ его и прохватить будетъ трудно.

Происшедшая сцена не ускользнула отъ сосѣдей,—они всѣ глядѣли на насъ и слушали.

— Ну, какъ-то теперь себя поведетъ Ольга Алексѣевна!—склоняясь ко мнѣ, вполголоса проговорилъ Громченко.—Я думаю, что она взбѣсится, право! Эта исторія ей совсѣмъ не къ моменту!.. А между прочимъ,—какъ она вамъ нравится?

Я усмѣхнулся. Засмѣялся и онъ, и совсѣмъ тихо заговорилъ:

— Дивлюсь я: и чѣмъ это люди успѣваютъ въ жизни! Посмотришь на иного—вся цѣна ему грошъ, а гляди—въ переднихъ рядахъ вертится; человѣкъ же съ талантомъ, съ умомъ, гдѣто далеко въ темномъ углу чахнетъ... Ну, хоть вотъ эта Ольга Алексѣевна... Здѣсь есть кое-кто, видавшій ее въ кружкахъ еще гимназисткой въ Саратовѣ. Пробка!.. Бѣгала по бѣднымъ наѣзжимъ курсисткамъ и за деньги заказывала ученые рефераты писать, которые и выдавала въ кружкахъ за свои собственные, а теперь? Теперь она „лицо“ здѣсь!..

— Ну, значитъ, есть въ ней что-то!

— Конечно, есть—страсть быть капраломъ, но „умишко съ дыркой“: по краямъ что-то шевелится, а въ серединѣ... середины-то и нѣтъ вовсе—пустота! Дивлюсь и спрашиваю: чѣмъ беретъ? Секретъ жизни какой-то знаетъ, что-ли?

VII.—Старики.

— Васъ Ольга Алексѣевна просила черезъ полчаса зайти къ Митровой.

Съ этими словами Жоржикъ очутился около нашего столика.

— Слушаюсь! — сказалъ я, приложивъ пальцы къ полямъ шляпы.

Жоржикъ развязно оглядывался и, увидѣвъ покинутое Мордовскимъ и невыпитое имъ пиво, спросилъ:

— Чье?..

— Мордовскаго, онъ вышелъ...—отвѣтилъ Громченко.

— Пусть не выходитъ другой разъ! Ага!

Жоржикъ залпомъ осушилъ пиво и хотѣлъ сбѣжать.

— Не торопись... Мордовскій совсѣмъ ушелъ—отъ огорченія. Видишь! Вонъ и деньги оставилъ.

Жоржикъ разсмѣялся.

— Отъ огорченія! То-то и пиво его мнѣ горькимъ показалось... А какое огорченіе его постигло?..

— Пойди за нимъ да узнай!..

Громченко говорилъ небрежнымъ, брезгливымъ тономъ. Жоржикъ испарился. Громченко кивнулъ ему вслѣдъ.

— Типъ!.. и... подозрительный; напрасно вы его къ „дѣлу“ устраиваете... подозрительный!.. А вы эту Митрову знаете?

— Нѣтъ.

— Тоже особа! Молодая дама... химію двигаетъ за хребтомъ мужа, какого-то чиновника... химію двигаетъ и въ любовь играетъ, романсуетъ напропалую: у нея сербъ болгарина смѣняетъ, сербъ мѣсто армянину уступаетъ. Мессалина какая-то!

— Ну, бросьте!—остановилъ я Громченка. Мнѣ стало противно, но онъ окрысился:

— Чего бросить?.. Этого слова изъ „Женевы“, какъ изъ пѣсни, не выкинешь!..—Потомъ онъ добавилъ, обернувшись:— А вонъ и дядько Жуковскій съ Узьмой двигаются сюда.

Я тоже повернулъ голову; дѣйствительно, въ кафѐ входили большіе пріятели, два старыхъ эмигранта. Съ обоими я былъ уже знакомъ.

Жуковскій, когда-то въ юности сподвижникъ Герцена и Бакунина, теперь сѣденькій, сухощавый старичокъ съ небольшой бородкой, съ живой рѣчью, съ живыми манерами и живыми глазками, былъ любимцемъ колоніи, по крайней мѣрѣ той ея части, которая была „ни туда, ни сюда“. Жуковскій стоялъ внѣ какихъ-либо дѣлъ и предпріятій ко времени моего появленія въ Швейцаріи, но онъ не чуждался колоніи, жилъ съ ней, интересовался всѣмъ, чтò тамъ происходило, и несмотря на то, что успѣлъ завоевать себѣ и въ настоящей Женевѣ извѣстное положеніе, душой всегда жилъ въ Россіи. Иногда онъ выступалъ на собраніяхъ, —говорилъ онъ не дурно; въ близости соціальной революціи онъ разувѣрился и для Россіи ставилъ какъ ближайшее: созывъ земскаго собора и политическія свободы. Держался онъ необыкновенно просто и тепло со всѣми.

Узьма, хохолъ, драгомановецъ, съ плохо подстриженной щетинистой бородой и такими же усами, былъ почти постояннымъ спутникомъ Жуковскаго. Онъ былъ тоже очень популяренъ въ Женевѣ, хотя были у него и враги, благодаря его скептическому и часто остроумному отношенію къ зарубежнымъ потугамъ двинуть русскую исторію.

Оба подошли и усѣлись около насъ.

— А вы чтò...—заговорилъ Узьма, обращаясь ко мнѣ:—не успѣли пріѣхать, а уже хотите отсюда переворотъ въ Россіи устроить?

Я вытаращилъ глаза, но вб-время вспомнилъ, что въ „Женевѣ" нѣтъ секретовъ, и что стбитъ пошевельнуться, а Carouge, Doncet и прочія улочки и переулочки уже любопытничаютъ.

— Есть такое злое желаніе!—шутливо проговорилъ я.

— Чтб же это вы затѣваете—„брганъ" новой революціонной партіи, „органчикъ" или, такъ себѣ, шарманку?—ядовито допытывался Узьма.

— А это ужъ въ зависимости отъ обстоятельствъ... Я вѣдь публики еще не знаю, вся ли она на васъ похожа... Тогда и шарманки заводить не стоитъ—не для кого... а главное—*не съ кѣмъ*!—продолжалъ отшучиваться я, но старикъ Жуковскій, однако, не далъ разговору продолжаться въ этомъ стилѣ. Онъ положилъ свою руку на мою и сказалъ:

— Вотъ ужъ вы мнѣ повѣрьте, я давно здѣсь и пришелъ къ убѣжденію, что все это напрасно... всѣ эти изданія, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, все это—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, вопль заблудившагося человѣка за сто верстъ отъ ближайшей собаки, которая ему могла бы тявкнуть въ отвѣтъ... Вотъ пройдитесь по здѣшнимъ типографіямъ—русскимъ: ихъ три, при нихъ склады, въ складахъ полки ломятся подъ „изданіями"... Ну и чтб дальше?..

— А дальше женевскіе бакалейщики намъ въ нихъ селедку заворачиваютъ...—вставилъ свое слово Узьма, насмѣшливо оглядывая всѣхъ насъ.

Я поднялся съ мѣста. Между настроеніемъ этихъ стариковъ и между психической атмосферой, въ которой находился я, была слишкомъ большая разница. Спорить съ ними мнѣ представлялось напраснымъ дѣломъ; ихъ личный опытъ я не очень цѣнилъ, но понималъ, что ихъ скептицизмъ и пессимизмъ прочно сколоченъ, ихъ можно споромъ раздражить, но все-таки ихъ не переубѣдишь. Я сталъ прощаться. Громченко тоже поднялся.

— А ручки-то у васъ холодныя!—отмѣтилъ Жуковскій, ласково задерживая мою руку въ своей, и добавилъ:—Вонъ у меня, у старика, и то теплѣе... Ну, до свиданія! Заходите ко мнѣ на свободѣ поговорить о свободѣ... Все-таки вы, молодежь, не очень намъ, старикамъ, вѣрьте,—мы тоже въ свое время старости не вѣрили... шевелились!

Онъ вздохнулъ. Я и Громченко поклонились и вышли. Я шелъ молча. Отношеніе стариковъ къ моимъ первымъ шагамъ меня непріятно поразило. Это тѣмъ болѣе, что и шаговъ-то никакихъ еще я не сдѣлалъ, а лишь проявилъ желаніе сдѣлать ихъ. Въ частности же Жуковскій причинилъ мнѣ извѣстное огор-

ченіе, потому что еще сегодня при организаціи „комитета" у меня мелькнула мысль о томъ, что было бы невредно свое начинаніе отдать подъ его покровительство.

— Чтò замолкли?—морозомъ отъ старичковъ вѣетъ?!—спросилъ Громченко, какъ бы проникая въ мое раздумье.

— Да... реакція, видно, и сюда доплеснула, не ожидалъ!.. Здѣсь тотъ же упадокъ боевыхъ настроеній, что и въ Россіи...

— А вотъ здѣсь и Мессалина наша живетъ, второй этажъ...— сказалъ Громченко.

Мы остановились у одного дома.

— До завтра!

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

Я поднимался по лѣстницѣ къ Митровой и все обдумывалъ: сказать или не сказать Ольгѣ Алексѣевнѣ про встрѣчу съ Мордовскимъ?.. Простой вопросъ, но я уже понималъ, что здѣсь его просто рѣшать нельзя было. Я и не рѣшилъ его, а, позвонивъ у квартиры Митровой, подумалъ:

„Поступлю по обстоятельствамъ и по вдохновенію".

Открыла мнѣ дверь сама Ольга Алексѣевна и, впуская, тихо проговорила:

— Здѣсь Полкановъ,—онъ выбрался изъ своего Морнэ для собесѣдованій съ однимъ кружкомъ... Я нарочно васъ пригласила...

Въ довольно просторной комнатѣ, очень небѣдно обставленной, собралась публика. Барышни, студенты, армяне, болгары, русскіе... всѣхъ было довольно. Среди этого разнообразія физіономій, улыбокъ, шопотомъ сказанныхъ словъ—громко говорилъ Полкановъ. Его бодрая типично-великорусская фигура производила впечатлѣніе. Онъ стоялъ у стола. Я засталъ его на слѣдующей фразѣ:

— Въ послѣднее время заграницей, въ частности въ Женевѣ, появились странныя идеи... Мнѣ недавно передавали объ одномъ старомъ эмигрантѣ, который рискнулъ выйти передъ довольно молодой аудиторіей со сказкой...

Онъ сдѣлалъ паузу, отпивая изъ стакана воды.

— Со сказкой... о гессенской мухѣ или о готтентотскомъ клопѣ—не помню... которые должны дать Россіи... политическую свободу... „Революціонныя" эти насѣкомыя съѣдятъ-де урожай у мужика, чтò вызоветъ стихійное движеніе среди голоднаго народа... и свобода восторжествуетъ... или, виноватъ, русскій интеллигентъ, торжествуя, въѣдетъ въ храмину свободы на готтентотскомъ клопѣ верхомъ или на гессенской мухѣ... Что касается до

насъ, соціалъ-демократовъ, то мы предпочитаемъ осѣдлать... буржуазную свинью...

Публикѣ стало очень весело. Полкановъ сдѣлалъ опять паузу. я оглядѣлся, и вдругъ мнѣ вся обстановка показалась до-нельзя мизерной.

О чемъ хлопочетъ тамъ этотъ большой человѣкъ,—человѣкъ, запертый какъ въ тюрьмѣ среди нѣсколькихъ десятковъ своихъ вѣчно однихъ и тѣхъ же слушателей? А онъ, несомнѣнно, хлопоталъ! Онъ говорилъ долго—и основательно. Онъ не проявлялъ ни лирики вообще, ни въ частности паѳоса, и пожалуй мудрено было при наличной аудиторіи проявить то или другое, но онъ обнаруживалъ большое аналитическое умѣнье; разбросавъ въ своей рѣчи тонкія мало-замѣтныя логическія нитки, онъ искусно, съ красивой и остроумной неожиданностью дѣлалъ изъ нихъ крѣпкіе узлы...

Когда объявили небольшой перерывъ, Полкановъ сѣлъ: доброе выраженіе лица у него пропало, странная усталость затемнила глаза. Онъ вяло выслушивалъ всѣ болѣе или менѣе неумные и почти все сплошь весьма нелѣпые вопросы, которыми осыпала его со всѣхъ сторонъ женская часть аудиторіи. Но онъ мгновенно оживился, когда услышалъ фразу, даже не прямо къ нему обращенную. Кто-то сказалъ:

— Интересно было бы услышать, куда, въ какую храмину завезетъ самого соціалъ-демократа его хрюкающая „лошадка"?

Въ этой фразѣ звучалъ „противникъ". Полкановъ, сокративъ объявленный перерывъ на нѣсколько минутъ, поднялся какъ ужаленный. Онъ снова былъ готовъ говорить, говорить... И онъ заговорилъ, заговорилъ быстрѣе, нервнѣе и крѣпче сжималъ въ своей рукѣ мозгъ слушателей...

Но въ это время до моего плеча кто-то дотронулся; это была Ольга Алексѣевна: она сдѣлала мнѣ пальчикомъ знакъ идти за ней. Я сразу же догадался, что, вѣроятно, приглашенъ сюда не совсѣмъ для того, чтобы послушать Полканова.

Мы вышли въ другую комнату.

— Я сейчасъ познакомлю васъ съ Митровой, побесѣдуйте съ ней. Она очень интересуется движеніемъ, помогаетъ чѣмъ можетъ, но это женщина со странностями... Будьте любезнѣе, интереснѣе! Митрова теперь при деньгахъ и, вѣроятно, не откажетъ вамъ въ пожертвованіи для нашего „фонда". „Куйте желѣзо"...

Ольга Алексѣевна, проговоривъ все это очень быстро и тихо, не ожидая отвѣта, исчезла. Я остался одинъ—по странной случайности противъ зеркала... „Будьте интереснѣе, куйте желѣзо!" Это меня удивило.

— Вотъ, тебя, кажется, уже и въ качествѣ „альфонса“ выпускаютъ на сцену! — Такъ мнѣ, какъ будто, говорила фигура изъ зеркала... Тамъ, среди зелени, стоялъ какъ бы неизвѣстный мнѣ молодой человѣкъ, почему-то слишкомъ розовый и почему-то мявшій шляпу въ рукѣ... „Неужели это я?“—думалось мнѣ, но додумать я не успѣлъ. Послышались шаги, шелестъ шолка, и я увидѣлъ передъ собой молодую, красивую женщину съ черезчуръ сонными большими глазами, съ лѣнивой улыбкой на яркихъ, особенно сочныхъ губахъ.

— Митрова!..—Она протянула мнѣ руку, усаживаясь въ уголъ небольшого дивана. Я сѣлъ и забился въ противоположный уголъ,—я вспомнилъ Громченка: „Мессалина!“—и это меня связало по рукамъ и ногамъ. Я глядѣлъ передъ собой: въ зеркалѣ тоже усѣлась парочка, и я могъ видѣть лишь свое лицо,—оно было мое, теперь я его узналъ, хотя оно и поблѣднѣло.

— Вы недавно изъ Сибири?

— Да, я недавно оттуда.

— Тамъ, вѣроятно, очень холодно?

— Морозъ воронъ на лету бьетъ. Земля трещитъ.

— Гмм!.. Я бы не могла тамъ жить...

Мы помолчали. Получилось довольно глупое положеніе. Но я рѣшительно не зналъ, что̀ говорить, и говорить ли. Митрова какъ-то сбоку бросала на меня странный взглядъ; но, наконецъ, она рѣшила, очевидно, покончить быстро и рѣшительно такое неудачное знакомство.

— Ольга Алексѣевна мнѣ говорила, что вы хотите что-то издавать...

— Намѣренъ.

— Но вѣдь для этого нужны деньги?..—наводила она меня на отвѣтъ.

Опять кровь бросилась мнѣ въ голову... Я отвѣтилъ однако хладнокровно:

— Деньги есть.

— Есть?—удивилась Митрова, поворачиваясь ко мнѣ всѣмъ лицомъ.

— Да... въ нашемъ распоряженіи всѣ средства государственнаго казначейства...

Митрова широко открыла глаза и улыбнулась.

— Ну, это не такъ просто!—а можно иначе, безопаснѣе... Теперь такъ много сочувствующихъ вашимъ идеямъ... Вотъ, напримѣръ, я: у меня по всякимъ сборнымъ листкамъ расходъ никакъ не

меньше двухъ сотъ франковъ въ мѣсяцъ... Право! Да и кромѣ этого бываетъ...

Намекъ былъ ясенъ. Я совсѣмъ озлобился и отвѣтилъ:

— Сочувствующихъ не такъ много. Насчетъ ихъ кошелька далеко не уѣдешь.

— Ахъ!:. вы совсѣмъ не практичны!.. Сочувствующихъ очень, очень много!

Убѣждаясь, она нѣсколько подвинулась ко мнѣ и склонила голову въ сторону.

Я поглядывалъ на нее довольно угрюмо и спросилъ:

— Вы сочувствуете?

— Ахъ, конечно... очень!

— Кому сочувствуете?

Этотъ вопросъ поставилъ ее въ видимое затрудненіе. Она чуть-чуть развела руками.

— Ну, вамъ... вамъ всѣмъ, которые за свободу страдаютъ...

— А тѣмъ, которые борются—имъ вы сочувствуете?.. Страдать—одно, бороться—другое. Мнѣ одинъ жандармъ говорилъ: „когда вы въ тюрьмѣ, я полонъ сочувствія къ вамъ, а на волѣ"...— Я не окончилъ и замолчалъ.

— На волѣ?.. Что̀ же на волѣ? — спросила она, дѣлаясь совсѣмъ внимательной.

— На волѣ именно онъ меня поймалъ и спряталъ въ тюрьму... Итакъ, чему вы сочувствуете: борьбѣ или страданію?

— Не знаю. Я этого не раздѣляю въ моемъ сознаніи; я сочувствую и тому, и другому.

Но я рѣшилъ идти дальше.

— Среди борющихся есть разные: соціалъ-демократы и террористы... кому изъ нихъ вы сочувствуете?

Она нетерпѣливо пожала плечами,—молъ, зачѣмъ это? скажи: „сколько"?—и дѣлу конецъ! А вслухъ она опять лѣниво проговорила:

— Я—всѣмъ... Я не разбираюсь тамъ въ вашихъ спорахъ и полемикѣ, это меня не интересуетъ...

Въ послѣднихъ ея словахъ было столько неподдѣльной и оскорбительной скуки, что языкъ у меня мгновенно развязался, и я сказалъ:

— Это обидно. Какъ можно сочувствовать дѣлу, которое не интересуетъ? Какъ можно любить, что̀ не вызываетъ вниманія? Вы даете деньги и не разбираетесь въ цѣляхъ ихъ употребленія!.. Это—самая гибельная форма несочувствія... Человѣку даютъ средства и говорятъ: дѣйствуй, голубчикъ! Онъ начинаетъ

дѣйствовать, но встрѣчаетъ вокругъ ужасную, трагическую пустоту... всѣ „сочувствующіе“ далеко: одинъ „не интересуется“, другой „не разбирается“ и т. д. И вотъ, на человѣка, кинутаго въ пустоту ложнымъ сочувствіемъ, набрасывается палачъ и душитъ его!.. Душитъ при полномъ равнодушіи „денежно сочувствующихъ“... Развѣ это не леденитъ кровь?..

Такого оборота Митрова не ожидала. Ей, видимо, хотѣлось возразить, но она не знала, за что ухватиться.

— Равнодушіе!?..—начала она:—я не равнодушна... но мнѣ скучно: ну, вотъ мнѣ сейчасъ скучно было слушать даже Полканова. Во-первыхъ, все это я уже отъ него слышала десятокъ разъ, изучила его жесты, знаю, какъ и когда онъ улыбнется!.. Вотъ я и васъ уже слышала, когда вы говорили о Сибири на собраніи... Мнѣ было интересно!.. Теперь мнѣ говорятъ: это будетъ издано... Я готова помочь и помочь не равнодушно... А эти споры, полемика, которые всѣ въ семи падежахъ одного слова: соціализма, соціализму, соціализмомъ!.. Не знаю... не влечетъ... не трогаетъ...

— Жаль!—проговорилъ я и поднялся.

Митрова нерѣшительно протянула мнѣ руку, я ее чуть пожалъ и поклонился.

— Прощайте, сударыня.

Она посмотрѣла на меня во всѣ глаза, и уже когда я повернулся, сказала вслѣдъ страннымъ голосомъ:

— До свиданія.

Я вернулся въ комнату, гдѣ говорилъ Полкановъ. Публика какъ разъ апплодировала какой-то его шуткѣ.

„Говори, говори, братъ!..“—подумалось мнѣ.

Вся обстановка теперь казалась мнѣ еще мизернѣе и безнадежнѣе.

Ив. Емельянченко.

ПИСЬМА

КЪ

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ѳ. Достоевскаго, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонскаго и др.

Въ „Литературномъ портретѣ гр. Алексѣя Толстого“, помѣщенномъ въ „Нивѣ“, весьма справедливо было замѣчено, что нашъ поэтъ въ Софьѣ Андреевнѣ „нашелъ не только жену, но и достойнаго товарища, съ критическимъ чутьемъ и серьезными умственными запросами“. Но это только указываетъ, что для біографа Ал. Толстого не можетъ не представлять особеннаго интереса также и то, что̀ касается самой Софьи Андреевны, имѣвшей, дѣйствительно, большое вліяніе на творца „Іоанна Дамаскина“ и „Ѳедора Іоанновича“. Она̀ вела обширную переписку съ выдающимися дѣятелями нашей литературы второй половины истекшаго вѣка, и изъ сохранившихся въ семейномъ архивѣ многочисленныхъ писемъ къ ней такихъ писателей, какъ Ив. С. Тургеневъ, Ѳ. М. Достоевскій, Я. П. Полонскій, А. А. Шеншинъ-Фетъ, графъ Вл. А. Соллогубъ, Вл. С. Соловьевъ и др., — можно заключить, что вліяніе на Толстого женщины большого ума и высокаго образованія, какою именно и была Софья Андреевна (рожденная Бахметева),—является уже не какъ одно предположеніе,—оно несомнѣнно существовало, въ чемъ, впрочемъ, легко убѣдится каждый, познакомившись съ содержаніемъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой. Съ другой стороны, эти письма иногда весьма характерны и для самихъ авторовъ этихъ писемъ.

Г. Х—о.

I.—Ив. С. Тургеневъ.

1.

6 марта 1853 г. С. Спасское.—Любезная Софья Андреевна, позвольте мнѣ, во-первыхъ, писать вамъ по-русски—по-французски оно гораздо легче—но дружелюбному чувству, которое я питаю къ вамъ, какъ-то привольнѣе выражаться на родномъ языкѣ. Благодарю васъ за ваше письмо, которое гораздо раньше дошло бы до меня, если бы вы, вмѣсто слова: Орелъ, поставили — Мценскъ (мой адресъ: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ, въ село Спасское). Мнѣ нечего повторять вамъ то, о чемъ я писалъ вамъ уже въ первомъ моемъ письмѣ—а именно: изъ числа счастливыхъ случаевъ, которые я десятками выпускалъ изъ своихъ рукъ, особенно мнѣ памятенъ тотъ, который меня свелъ съ вами и которымъ я такъ дурно воспользовался.

Не хочу думать, чтобы онъ никогда не возобновился—хотя, признаюсь, теперь особенно я себѣ представить не могу, какъ бы это могло сдѣлаться. Но самыя невѣроятныя вещи иногда очень легко сбываются, и я не теряю надежды увидать васъ когда-нибудь и сойтись съ вами тогда покороче. Я очень хорошо знаю, что никакая переписка—личнаго свиданія замѣнить не можетъ; самыя хваленыя письма между такъ называемыми умными людьми мнѣ всегда казались натянутыми и мелочными—притомъ вашему—что вы ни говорите—необыкновенному уму должно быть тѣсно въ узкихъ рамкахъ письма—все-таки я былъ бы радъ, еслибъ вы изрѣдка мнѣ отзывались.

Я самъ вовсе не намѣренъ щеголять передъ вами тѣмъ, что французы называютъ „les beautés du style épistolaire"—я просто желаю, чтобы та нить, которая существуетъ между нами, не перервалась до возобновленія нашего знакомства. Мы такъ странно сошлись и разошлись, что едва ли имѣемъ какое-нибудь понятіе другъ о другѣ—но мнѣ кажется, что вы дѣйствительно должны быть очень добры, что у васъ много вкуса и граціи и я чувствую, что мы можемъ быть друзьями.—Я бы съ охотой довѣрялъ вамъ и подвергалъ бы вашему суду все, что меня занимаетъ,—но все это можетъ быть такъ отдаленно!

Я слышалъ о вашей опасной болѣзни; надѣюсь, что деревенскій воздухъ (не смотря на 20-градусные морозы) васъ окончательно поправитъ. Къ сожалѣнію—вы такъ далеко отсюда живете! Гдѣ вы проведете будущую зиму?

Любезная С. А., пишите мнѣ, когда вамъ вздумается и о чемъ вамъ вздумается.

Я бы самъ разсказалъ вамъ мою недавнюю поѣздку въ губернскій городъ,—но я именно въ теперешнее время очень озабоченъ внутренно. Непринужденность, съ которой я пишу вамъ, служитъ мнѣ лучшимъ залогомъ того, что и вы такъ же будете писать ко мнѣ.—Странное дѣло! Я никогда не переставалъ чувствовать, что я ни съ кѣмъ такъ легко не сошелся бы, какъ съ вами—а между тѣмъ я не возобновилъ своего посѣщенія. Про васъ мнѣ точно сказали много зла—но это нисколько не подѣйствовало... Видно, тогда не судьба была! Если вамъ удобнѣе писать по-французски—пишите по-французски.

Прощайте—будьте здоровы и веселы; позвольте мнѣ заочно пожать вашу руку въ знакъ искренней моей дружбы—и вѣрьте тому теплому чувству сердечнаго расположенія, съ которымъ остаюсь...

2 [1]).

Спасское. 19 мая 1853 г.—Тысячу благодарностей за ваше доброе письмо. Я очень дорожу вашей памятью обо мнѣ, и очень счастливъ видѣть, что она не исчезаетъ. Я вамъ пишу въ Петербургъ, потому что вы мнѣ говорите, что останетесь тамъ до конца мая. Мое будущее письмо пошлю въ деревню. Вы мнѣ не говорите, которая изъ моихъ пьесъ удостоилась вашего одобренія; я знаю, что онѣ всѣ, болѣе или менѣе, слабы; то, что̀ можетъ быть въ нихъ хорошаго, это лишь замыселъ.

Вы отдаете ему справедливость—и я очень доволенъ этимъ; конечно, я не злой человѣкъ, и когда-нибудь будутъ удивляться, что такъ мало было желчи въ человѣкѣ, котораго считали опаснымъ.

Я не правъ, употребляя столь тщеславное выраженіе,—я просто только хотѣлъ сказать, что тѣ, которые меня судили, ошиблись на мой счетъ.

Я былъ бы очень доволенъ, если бы могъ представить на ваше обсужденіе тѣ работы, которыми я занимался послѣднее время—я убѣжденъ, что это было бы для меня очень полезно,—такъ какъ я предполагаю въ васъ столько же вкуса, какъ и ума.

Ваше затрудненіе писать по-русски доказываетъ только отсутствіе привычки; невѣроятно, чтобы съ такой тонкой наблю-

[1]) Письмо писано по-французски, кромѣ конца (со словъ: „Я не знаю...“).

дательностью, какою одарила васъ природа, вы не знали Россію и чтобы вы не съумѣли оцѣнить трудъ, который пытается высказать нѣкоторыя изъ ея сторонъ. — Но когда и гдѣ я васъ увижу? Не думаю, чтобы я скоро увидѣлъ Петербургъ, а ваша деревня такъ далеко отсюда.

Вы мнѣ говорите о графѣ Т. Это человѣкъ сердечный, который возбудилъ во мнѣ большое чувство уваженія и благодарности. Онъ едва зналъ меня, когда случился со мной мой непріятный случай, и, не смотря на это, никто мнѣ не выказалъ столько сочувствія, какъ онъ, и сегодня еще онъ, можетъ быть, единственный человѣкъ въ Петербургѣ, который меня не забылъ, единственный, по крайней мѣрѣ, который это доказываетъ. Какой-то жалкій субъектъ выдумалъ говорить, что благодарность—тяжелая ноша; для меня же—я счастливъ, что я благодаренъ Т.—и всю жизнь сохраню къ нему это чувство.

Вы мнѣ говорите, чтобы я вамъ написалъ о себѣ,—я стараюсь стоять на ногахъ—и, кажется, мнѣ это довольно удается. Но вотъ и все. Здоровье мое разстроено, и это — самое непріятное въ моемъ положеніи. Надо надѣяться, что хорошая погода придетъ мнѣ на помощь.

Весна здѣсь великолѣпна, я никогда не видалъ болѣе торжественно-свѣжей и юной листвы. Я вижу очень мало людей, чтобы не сказать — никого не вижу; сосѣдства въ Мценскѣ не существуетъ.

Я не знаю, почему я вамъ все это письмо писалъ по-французски—такъ случилось,—но, прощаясь съ вами, мнѣ хочется сказать вамъ на родномъ нашемъ языкѣ, какъ искренно я къ вамъ привязанъ и какъ живо васъ помню. Желаю вамъ быть здоровой и счастливой...

3.

С. Спасское. 12 октября 1853 г. — Недавно писалъ я къ графу Т., любезная Софья Андреевна (не знаю, почему мнѣ хочется писать вамъ по-русски), и онъ, вѣроятно, показалъ вамъ мое письмо — а теперь пишу прямо къ вамъ, хотя боюсь, что васъ уже нѣтъ въ деревнѣ.

Я очень радъ тому, что вы меня не забываете, и одна изъ самыхъ пріятныхъ моихъ надеждъ—встрѣтиться когда-нибудь съ вами; я убѣжденъ, что мы сойдемся какъ старые друзья,—и мнѣ очень будетъ весело узнавать васъ болѣе и болѣе—но судить объ васъ—какъ вы пишете—это дѣло конченное и рѣшенное. Я знаю,

что вы такъ же добры, какъ умны и милы—доброта звучитъ въ вашемъ голосѣ и свѣтится въ вашихъ глазахъ. Когда-нибудь разскажу вамъ, почему наше знакомство такъ скоро прекратилось—если только это займетъ васъ—а главное—если мы увидимся не слишкомъ поздно. Нынѣшней зимой меня въ Петербургѣ не будетъ, а дальше—не знаю, у меня нѣтъ духа загадывать за годъ впередъ. Но очень было бы нехорошо, еслибъ мы не скоро встрѣтились—жизнь коротка—пріятныхъ людей такъ мало и тѣ такъ разбросаны... Въ уединеніи, когда безцвѣтные дни однообразно и быстро скользятъ другъ за другомъ, какъ дождевыя капли осенью по стекламъ—все это чувствуешь живѣе.—И здѣсь есть люди любезные и порядочные—но знаете ли, что̀ бываетъ? Сперва обрадуешься имъ, потому что не ожидалъ встрѣтить даже и такихъ—а потомъ... а потомъ ѣздишь къ нимъ только для того, чтобы видѣть человѣческое лицо—и, пожалуй, поскучать вмѣстѣ.

Все это еще ничего, когда занятъ исполненіемъ какого-нибудь труда, литературнаго или другого—но въ послѣднее время я по неволѣ долженъ былъ, говоря возвышеннымъ слогомъ, взять самъ въ руки бразды правленія, и эти занятія, по непривычкѣ, меня утомляютъ и не даютъ думать о другомъ. Все это перемелется — мука будетъ — конечно; но пока приходится иногда плохо.

Я теперь подвергаюсь еще одному лишенію—жена г-на Тютчева, который жилъ у меня, очень хорошо играла на фортепіанахъ—въ ней было много музыкальнаго чувства—вмѣстѣ съ своей сестрой она разыгрывала въ четыре руки Бетховена, Моцарта, Мендельсона, Глука, Гайдна,—теперь это все прекратилось. Я составлялъ обыкновенно программы нашихъ маленькихъ концертовъ—и могу сказать, что они выходили иногда очень удачны. У меня есть сосѣдъ въ пятнадцати верстахъ съ музыкальными наклонностями—его сестра даже очень бойко играетъ на фортепіанахъ,—но сухо, холодно и съ трескомъ, словно барабанщикъ.—Она не можетъ замѣнить мнѣ г-жу Тютчеву.—А для меня—музыкальныя наслажденія выше всѣхъ другихъ. Хорошо ли вы знаете Глука? Помните его арію изъ „Ифигеніи“: „O, malheureuse Iphigénie“—или схожденіе въ адъ Орфея? Рекомендую вамъ также мало извѣстную сцену изъ „Армиды“ — между Армидой и Богиней ненависти, къ которой она приходитъ, чтобы искоренить изъ сердца свою любовь къ Ринальду. Это одна изъ самыхъ удивительныхъ вещей, которыя я только слышалъ.

Хотѣлъ было я начать съ вами войну за Жанъ-Поля — но на бумагѣ это почти невозможно, и я отлагаю это до нашего

свиданія. Теперь удовольствуюсь тѣмъ, что спрошу васъ: знаете ли вы Гомера? Возьмите Одиссею, хоть въ переводѣ Фосса, и прочтите или перечтите ее. — Эта молодость и свѣжесть, эта словно вѣчно смѣющимся солнцемъ озаренная жизнь—вся эта прелесть перваго появленія поэзіи въ устахъ безсмертнаго и счастливаго народа—лучше всего отвратитъ васъ отъ той полу-сентиментальной, полу-иронической возни съ своей больною личностью, которой, посреди всѣхъ новѣйшихъ писателей, отличается и Жанъ-Поль. Попробуйте и скажите мнѣ, какія выйдутъ послѣдствія.

Прощайте, любезная Софія Андреевна,—хотѣлъ бы сказать—до свиданія—да что за охота себя обманывать. — Будьте здоровы и веселы и позвольте мнѣ съ чувствомъ искренняго дружества пожать вашу руку...

II.—Вл. С. Соловьевъ.

1.

Шпалерная, 18.—4 апрѣля 1877 г.—Сейчасъ пріѣхалъ на Шпалерную и жду Л., чтобы отдать ему ваши письма, дорогая графиня.

Пролилъ я нѣсколько слезъ передъ холоднымъ каминомъ въ гостиной, но все-таки думаю, что мнѣ будетъ здѣсь очень хорошо.—Все тихо и меланхолично, какъ въ моей душѣ теперь. Еслибъ только всегда знать, что съ вами, и не выдумывать по ночамъ разные невозможные ужасы!

Здоровъ ли Рюрикъ и когда вы ѣдете? Напишите нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ. С. П. и В. буду писать въ Красный Рогъ [1]).

Заѣзжалъ къ брату и нашелъ для себя разныя бумаги изъ министерства—хорошо, что не остался въ Москвѣ—оказывается, моя должность вовсе не синекура, — это ничего — un métier comme un autre, лишь бы die göttliche Sophia оставалась въ сторонѣ.

Въ большомъ мірѣ еще ничего рѣшительнаго. Говорятъ, будто на дняхъ выступаетъ отсюда гвардія, которая должна войти въ составъ западной арміи на австрійской границѣ подъ начальствомъ Наслѣдника. Но это только слухи, а пока нѣтъ еще и манифеста.

---

[1]) Имѣніе гр. Толстого.

Сейчасъ пришелъ Л. и потосковалъ о васъ. Онъ думаетъ, что вамъ придется еще долго сидѣть въ Москвѣ; впрочемъ, онъ, кажется, все видитъ въ черномъ свѣтѣ.

Будьте здоровы—да хранятъ васъ боги.

2.

27 апрѣля 1877 г. Спб.—...Мнѣ необходимо имѣть отъ васъ извѣстія; прежде нѣкоторымъ источникомъ служилъ Л., но теперь онъ уѣхалъ и все, что было прекраснаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Я собираюсь теперь въ Пустыньку [1]), а затѣмъ, *можетъ быть*, въ Малую Азію въ объятія чумы и турокъ—въ качествѣ волонтера или же корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей"; впрочемъ, хотя я уже писалъ Каткову (въ отвѣтъ на его предложеніе писать ему корреспонденціи изъ Петербурга, что уже совершенно безсмысленно), но все это, вѣроятно, есть только „химера легкомысленной юности"...

Эти три недѣли я занимался довольно много, написалъ четвертую главу, гораздо болѣе интересную, чѣмъ прежнія, и отдалъ переписать, чтобы прочесть въ Красномъ Рогѣ (если попаду туда вмѣсто Малой Азіи).

Въ библіотекѣ пока не нашелъ ничего особеннаго.

У мистиковъ много подтвержденій моихъ собственныхъ идей, но никакого новаго свѣта, къ тому же почти всѣ они имѣютъ характеръ чрезвычайно субъективный и, такъ сказать, слюнявый. Нашелъ трехъ спеціалистовъ по Софіи: Georg Gichtel, Gottfried Arnold и John Pardage.

Всѣ трое имѣли личный опытъ, почти такой же какъ мой, и это самое интересное, но собственно въ теософіи всѣ трое довольно слабы, слѣдуютъ Бэму, но ниже его. Я думаю, Софія возилась съ ними больше за ихъ невинность, чѣмъ за что-нибудь другое. Въ результатѣ настоящими людьми все-таки оказываются только Парацельсъ, Бэмъ и Сведенборгъ, такъ что для меня остается поле очень широкое. Познакомился немного съ польскими философами, — общій тонъ и стремленія очень симпатичны, но положительнаго содержанія никакого, — пара нашимъ славянофиламъ.

О службѣ своей и о многомъ другомъ не пишу, потому что тороплюсь.

Голуби ваши здоровы, и я думаю повезти ихъ въ Пустыньку...

---

[1]) Имѣніе гр. Толстого, близъ Петербурга.

3.

14 мая 1877 г. Спб. — Дорогая графиня, вы не повѣрите, какъ я ужасно васъ люблю и какъ мнѣ тяжело, что не могу скорѣе попасть къ вамъ; я считаю дни, какъ институтка.

Сейчасъ получилъ ваше письмо по городской почтѣ, что̀ меня сначала очень удивило и испугало. Я и прежнее ваше письмо получилъ и сейчасъ же отвѣчалъ; очень буду радъ—если до васъ мой отвѣтъ не дошелъ, потому что онъ былъ очень глупъ.

Неужели вамъ было непріятно, а не забавно читать о „трехъ силахъ" въ „Вѣстникѣ Европы" [1])...

Я отчасти предчувствую, что̀ вы будете мнѣ говорить, но объявляю заранѣе, что между мною и благоразуміемъ не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ самыя цѣли мои не благоразумны.

Тутъ разсчетъ никакой не поможетъ — „не догадка, не умъ, но безумье въ тотъ край, но удача принесть тебя можетъ!"

Поэтому зачѣмъ и вамъ принимать не свойственную вамъ роль.

Въ Пустыньку я никакъ не могъ попасть, прозябаю въ Петербургѣ, прозябаю въ буквальномъ смыслѣ, ибо у насъ снѣгъ и на точкѣ замерзанія, и вмѣсто соловьевъ поютъ пьяные мѣщане, возвращающіеся изъ Демидова сада. Господи, какая мерзость и тоска!

Въ Малую Азію, кажется, не поѣду; во всякомъ случаѣ, если не умру, то въ концѣ этого мѣсяца буду въ Красномъ Рогѣ. Будутъ ли еще пѣть соловьи?

Сейчасъ получилъ письмо отъ Дмитрія. Онъ ждетъ меня. Мои тоже ждутъ меня въ Москвѣ. Итакъ я долженъ быть въ трехъ мѣстахъ за-разъ!

Несмотря на все, я очень бодръ. Большая исторія меня очень радуетъ.

Гулъ растетъ какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой—
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной...

---

[1]) Статья А. В. Станкевича „Три безсилія: три силы". Публичная лекція Соловьева (апр. 1877).

4.

Москва. 11 сентября 1877 г.—Могутъ быть другія причины, по которымъ я не писалъ вамъ и . . . . . кромѣ той, которую вы предполагаете.

Впрочемъ, нисколько не удивляюсь, что вы мною интересуетесь: я знаю, что васъ интересуютъ *всѣ предметы*—какъ живые, такъ равно и неодушевленные (иногда я принадлежу къ этимъ послѣднимъ).

Самъ же я теперь болѣе всего интересуюсь своей книгой, изъ которой выходитъ что-то большое.

Пришлю вамъ какъ только будетъ готова.

Жаль только, что не могу уничтожить двухъ главъ, написанныхъ зимою, и которыя такъ же пусты, какъ моя голова въ то время. Avec des apparences de bonté j'ai un coeur très méchant. C'est mauvais, mais je n'y puis rien [1]).

Одинъ китайскій купецъ—когда англичанинъ упрекалъ его за какой-то обманъ—отвѣчалъ ему: „I am a rogue—cannot help it" [2])...

Прощайте надолго.

Надѣюсь, встрѣтимся лучше—т.-е. когда я буду лучше.

5.

(1879—80 г.?) Химки. 12 ч. ночи.—Сегодня вечеромъ получилъ вашу телеграму, дорогая графиня, и былъ несказанно ею обрадованъ, во-первыхъ, потому, что она означаетъ, что у васъ все благополучно—а также и потому, что я по своему меланхолическому темпераменту склоненъ чувствовать себя въ забвеніи отъ Бога и людей (чего я, конечно, достоинъ), но тѣмъ болѣе радуюсь незаслуженной памяти.

Что̀ я дѣлаю, вы спрашиваете? Занимаюсь „красотой и творчествомъ"—въ теоріи, графиня, увы, только въ теоріи!

Ѣздилъ на нѣсколько дней въ Тульскую губернію, и черноземъ подѣйствовалъ на меня успокоительно.

Сегодня получилъ приглашеніе отъ Одесскаго университета на весьма выгодныхъ условіяхъ; отложилъ свой отвѣтъ до сен-

---

[1]) Подъ видомъ доброты, у меня очень злое сердце! Это дурно, но я ничего не могу подѣлать.

[2]) Я плутъ—но ничего не подѣлаешь.

тября, пусть рѣшитъ за меня кто-нибудь умнѣе меня... Уѣзжаю въ вашу сторону въ концѣ этого мѣсяца.

До свиданія, еще разъ спасибо...

6.

(1883 г. Москва ?)—Какъ я радъ, дорогая графиня, что у васъ все благополучно, повидимому, и всѣ здоровы. А у меня очень плохо. Болѣзнь моего отца—перерожденіе сердца—совершенно неизлечимая, хотя и можетъ протянуться нѣсколько лѣтъ, но бываютъ случаи и внезапной смерти отъ удушья. Теперь онъ очень слабъ, и мы по цѣлымъ вечерамъ играемъ съ нимъ въ дураки,—можете себѣ представить, какое печальное существованіе.

Если я поѣду въ Липяги [1]), то не раньше самаго конца іюля или начала августа,—мнѣ очень хочется туда, а къ вамъ, конечно, еще болѣе, но на всякое хотѣнье есть терпѣнье.

Было бы только для чего.

Я не унываю, много думаю и пишу. Васъ люблю болѣе, чѣмъ когда-либо...

Не думайте, что я думаю, что вы имѣете ко мнѣ какое-нибудь особенное расположеніе—но я ничего совсѣмъ не требую,—это „ein längst überwundener Standpunkt“, когда я требовалъ и обижался.

Прощайте — до свиданія, — мнѣ почему-то кажется, что мы все-таки увидимся въ августѣ, хотя это и невѣроятно.

Посылаю вамъ брошюру Фихте, также довольно любопытную книгу Denton'а: the Soul of things, и еще кой-что по спиритизму. Будьте здоровы.

Я дѣйствительно былъ боленъ, когда уѣзжалъ — сердцебіеніемъ и головокруженіемъ, и очень признателенъ барону N, который былъ со мною всю дорогу болѣе чѣмъ любезенъ.

А *** не дала мнѣ никакой реликвіи, хоть и обѣщала... такъ что главнымъ предметомъ моего иконопочитанія остается по прежнему фотографія съ оторванною головою...

III.—Ѳ. М. Достоевскій.

Старая Русса. 13 іюня 1880 г.—Глубокоуважаемая графиня Софія Андреевна. Вчера лишь воротился изъ Москвы въ Старую

[1]) Имѣніе кн. Д. Н. Цертелева въ Тамбовской губерніи.

Руссу и нашелъ вашу прелестную коллективную телеграмму. Какъ хорошо съ вашей стороны, что вы (всѣ) обо мнѣ вспомнили. Почувствуешь, что имѣешь такихъ добрыхъ друзей, и свѣтло становится на сердцѣ.

О происшествіяхъ со мною въ Москвѣ вы, конечно, узнали изъ газетъ. Но *газеты* и *не* могли, даже еслибъ хотѣли, передать всѣ факты, потому что корреспонденты многому и не могли быть свидѣтелями. Вѣрите ли, дорогіе друзья мои, что въ публикѣ, послѣ рѣчи моей, множество людей, плача, обнимали другъ друга и *клялись другъ другу быть впредь лучшими*, и это не единичный фактъ, я слышалъ множество разсказовъ отъ лицъ совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ даже, которыя стѣснились кругомъ меня и говорили мнѣ изступленными словами (буквально) о томъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ моя рѣчь. Два сѣдыхъ старика подошли ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: — „Мы двадцать лѣтъ были другъ другу врагами и двадцать лѣтъ дѣлали другъ другу зло: послѣ вашей рѣчи, мы теперь, сейчасъ помирились и пришли вамъ это заявить".—Это были люди мнѣ незнакомые. Такихъ заявленій было множество, а я былъ такъ потрясенъ и измученъ, что самъ былъ готовъ упасть въ обморокъ, какъ тотъ студентъ, котораго привели ко мнѣ въ ту минуту студенты-товарищи и который упалъ передо мной на полъ въ обморокѣ отъ восторга. Фактъ, повидимому, невѣроятный, но онъ однакоже явился въ „Современныхъ Извѣстіяхъ", газетѣ Гилярова-Платонова, который самъ былъ свидѣтелемъ факта. Что же до дамъ, то не курсистки только, а и всѣ, обступивъ меня, схватили меня за руки, и крѣпко держа ихъ, чтобы я не сопротивлялся, принялись цѣловать мнѣ руки. Всѣ плакали, даже немножко Тургеневъ. Тургеневъ и Анненковъ (послѣдній положительно *врагъ* мнѣ) кричали мнѣ вслухъ, въ восторгѣ, что рѣчь моя геніальная и пророческая. „Не потому, что вы похвалили мою Лизу, говорю это"—сказалъ мнѣ Тургеневъ. Простите и не смѣйтесь, дорогіе мои, что я въ такой подробности все это передаю, и такъ много о себѣ говорю, но вѣдь, клянусь, это не тщеславіе, этими мгновеніями живешь, да для нихъ и на свѣтъ являешься. Сердце полно, какъ не передать друзьямъ! Я до сихъ поръ какъ размозженный.

Не безпокойтесь, скоро услышу: „*смѣхъ* толпы холодной". Мнѣ это не простятъ въ разныхъ литературныхъ закоулкахъ и направленіяхъ. Рѣчь моя скоро выйдетъ (кажется, уже *вышла* вчера, 12-го, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"), и уже начнутъ же ее критиковать—особенно въ Петербургѣ! По газетнымъ теле-

граммамъ вижу, что въ изложеніи моей рѣчи пропущено буквально все существенное, т.-е. главные два пункта. 1) Всемірная отзывчивость Пушкина и способность совершеннаго перевоплощенія его въ геніи чужихъ націй — способность не бывавшая еще ни у кого изъ самыхъ великихъ всемірныхъ поэтовъ, и во 2-хъ тò, что способность эта исходитъ совершенно изъ нашего народнаго духа, а стало быть, *Пушкинъ* въ этомъ-то и есть наиболѣе народный поэтъ. [Какъ разъ наканунѣ моей рѣчи Тургеневъ даже отнялъ у Пушкина (въ своей публичной рѣчи) значеніе народнаго поэта. О такой же великой особенности Пушкина: перевоплощаться въ геніи чужихъ націй *совершенно* никто-то не замѣтилъ до сихъ поръ, никто-то не указалъ на это.] Главное же я, въ концѣ рѣчи, далъ формулу, слово примиренія для всѣхъ нашихъ партій и указалъ исходъ къ новой эрѣ. Вотъ это-то всѣ и почувствовали, а корреспонденты газетъ не поняли или не хотѣли понять.

Но оставимъ это: рѣчь моя вышла вчера или сегодня въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,—(увы! безъ моей корректуры, наскоро, ужасъ), а къ 1-му числу іюля я издаю „Дневникъ Писателя“, т.-е. единственный № на 1880-й годъ, въ которомъ и помѣщу всю мою рѣчь, уже безъ выпусковъ и со строгой корректурой. Тогда и пришлю ее вамъ, глубокоуважаемая Софья Андреевна, на вашу строгую и тонкую критику, которой не боюсь и которую *всегда люблю*, будь она даже мнѣ и неблагопріятна.

Въ Москвѣ сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ; не знаете ли вы или не слыхали ли объ одной Вѣрѣ Николаевнѣ Третьяковой? Какая прелестная женщина.

А сколько женщинъ приходили ко мнѣ въ Лоскутную гостиницу (иныя не называя себя) съ тѣмъ только, чтобъ, оставшись со мной, припасть и цѣловать мнѣ руки. (Это уже послѣ рѣчи.) А знаете, я столько наговорилъ о себѣ и нахвастался, что стыдно ужасно. Милая, добрая С. П., черкните мнѣ вашимъ прелестнымъ размашистымъ почеркомъ хоть одну страничку: ей Богу, утѣшите. При личномъ свиданіи я вамъ многое, многое разскажу. Такъ Юлія Ѳедоровна [1]) гостила у васъ? Глубокій ей отъ меня поклонъ и всевозможныя пожеланія, потому что я ее *очень люблю.* А Владиміра Сергѣевича [2]) пламенно цѣлую. Досталъ три его фотографіи въ Москвѣ: въ юно-

---

[1]) Ю. Ѳ. Абаза, супруга Александра Аггеевича Абазы.

[2]) Вл. С. Соловьевъ.

шествѣ, въ молодости и послѣднюю—въ старости; какой онъ былъ красавчикъ въ юности.

Пріѣхалъ и сажусь за Карамазовыхъ и буду писать до октября день и ночь. Въ Эмсъ не поѣду. Примите, глубокоуважаемая графиня, мой глубоко сердечный привѣтъ. Слишкомъ, слишкомъ цѣню ваше расположеніе ко мнѣ и потому вашъ весь навсегда.

IV.—А. А. Шеншинъ-Фетъ.

1.

10 февраля (1880 г.?). Ст. Будановка.—Глубокоуважаемая графиня! Вчера я былъ глубоко обрадованъ любезнымъ симпатическимъ письмомъ вашимъ отъ 7 февраля. Я позволилъ себѣ увлечься мыслью, что его выраженіями руководила не одна привычка блестящей женщины очаровывать всѣхъ приближающихся къ ея „душистому кругу“, какъ говоритъ мой другъ Горацій. Мнѣ послышалась въ немъ та симпатія, которая сближаетъ адептовъ одного культа. Такимъ сердечнымъ культомъ были, есть и будутъ мои помыслы о покойномъ Алексѣѣ Константиновичѣ. Я уже писалъ вамъ, что обладаю самымъ дружескимъ и до того лестнымъ для меня письмомъ его, что подобныя слова могли быть сказаны только человѣкомъ исполненнымъ ко мнѣ симпатіи. Всякое другое объясненіе абсурдно. Конечно, если вы перешлете мнѣ другія, сказанныя имъ обо мнѣ слова, то это возбудитъ ту радость, которую испытываешь, услыхавъ давнишній голосъ любимаго человѣка.

Повторяю, такихъ идеальныхъ людей, какъ онъ, я не встрѣчалъ.

Заговорилъ я снова объ этомъ только по поводу объясненія мною внутренняго смысла вашего любезнаго письма—я стараюсь всю жизнь познать самого себя. И знаю, что въ моихъ выраженіяхъ я всегда ищу самаго сильнаго, иногда доходящаго до уродливаго преувеличенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ я заклятый врагъ фразы; фразой я называю—софистическую подтасовку понятій съ цѣлью выдать ложь за истину. Я не зашелъ къ вамъ именно по извѣстной щепетильности и изъ боязни фразы. Оказывается, что наказанный я самъ.—Кто же, кромѣ меня, въ цѣлой Россіи (едва-ли это преувеличено) могъ до такой степени нуждаться въ изустной бесѣдѣ съ вами, бесѣдѣ, при которой такъ многое объясняется въ двухъ словахъ, на что̀ на письмѣ нужны томы.

За исключеніемъ Льва Толстого, я не знаю на Руси человѣка пера, чтобы не сказать—мысли, который бы находился въ подобныхъ мнѣ условіяхъ почти абсолютнаго одиночества. Но и Толстой несравненно болѣе меня пользуется духовнымъ общеніемъ, котораго я, за внезапнымъ поворотомъ самого же Толстого по настоящему его направленію, лишенъ окончательно, за исключеніемъ одного Страхова, который радуетъ меня, гостя у меня въ деревнѣ лѣтомъ по нѣскольку дней и даже недѣль.

Еще въ Красномъ Рогѣ я, по найденнымъ на вашемъ столѣ книгамъ и по словамъ самого Алексѣя Константиновича, былъ до крайности удивленъ высотою вашего умственнаго образованія. Женщинъ читающихъ много; женщинъ, читающихъ въ оригиналѣ поэтовъ и философовъ, очень мало; но читающихъ и дѣйствительно понимающихъ я по крайней мѣрѣ, кромѣ васъ, ни одной не знаю.

Чтò бы ни говорили о равенствѣ двухъ, можно сказать, *особей*—мужчины и женщины, женщина всегда будетъ обладать той тонкой инстинктивной ловкостью и юркостью, которая у мужчины замѣнена силой. Вообразите же себѣ эту инстинктивную тонкость, чудеснымъ, исключительнымъ образомъ вооруженную мужской силой и ширью ума, и тогда вы поймете, какой изъ этого выйдетъ непобѣдимый гладіаторъ.

Не горько ли, что человѣкъ, болѣе всякаго другого нуждающійся въ духовной помощи, самъ проходитъ мимо исключительно талантливаго врача? Не подтверждается ли пословица: „на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся", или слова: „имущему дастся". Но къ чему я это все говорю? Даетъ ли симпатическое письмо ваше мнѣ право на такія изліянія? Не похоже ли это на Гоголевское: „такъ и скажите, что въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій". На такіе вопросы скажу, что вы любезно обѣщали протянуть мнѣ руку помощи по отношенію къ „Фаусту". Но вы не знаете того, кому приходится помогать. Хотя вы будете отмѣчать „Фауста", а помогать придется мнѣ. Кто же я? Несмотря на исключительно интуитивный характеръ моихъ поэтическихъ пріемовъ, школа жизни, державшая меня все время въ ежевыхъ рукавицахъ, развила во мнѣ до крайности рефлекцію. Въ жизни я не позволяю себѣ ступить шагу необдуманно, чтò не мѣшало мнѣ однако глупо пройти мимо вашей двери.

Свою умственную и матерьяльную жизнь я созидалъ по одному кирпичику. Въ матерьяльномъ отношеніи я не желаю ничего, кромѣ сохраненія status quo.

Три года тому назадъ, я наконецъ осуществилъ свой идеалъ—жить въ прочной каменной усадьбѣ, совершенно опрятной, надъ водой, окруженной значительной растительностью. Затѣмъ имѣть простой, но вкусный и опрятный столъ и опрятную прислугу безъ сивушнаго запаха. Страховъ можетъ вамъ сказать, что все это у меня есть, и все понемногу улучшается. При этомъ у меня уединенный кабинетъ съ отличными видами изъ оконъ, бильярдомъ въ сосѣдней комнатѣ, а зимой цвѣтущая оранжерея. Хозяйство мое полевое идетъ сравнительно настолько хорошо, насколько позволяютъ наши экономическія безобразія. Что касается до моей умственной жизни, то, постоянно стараясь расширять свой кругозоръ, я дошелъ до сознательнаго чувства, что всякіе вздохи о минувшей юности не только безполезны, но и неосновательны. По законамъ духовной механики, что̀ теряется въ интуитивности, пріобрѣтается въ рефлекціи, и человѣкъ вмѣсто того, чтобы походить на летящую ракету, которую кто-то поджегъ, напоминаетъ наэлектризованный снарядъ, заряда котораго никто не видитъ и не подозрѣваетъ, пока къ нему не прикоснется. Я пришелъ къ убѣжденію, что безъ общаго міросозерцанія, каково бы оно ни было,—всѣ слова и дѣйствія человѣка, сошедшаго съ безсознательной quasi-инстинктивной стези, только сумбуръ и рядъ противорѣчій. Говоря объ электрическомъ снарядѣ, я говорю о себѣ. Въ исключительно интуитивной юности моей не могло быть и тѣни тѣхъ многоразличныхъ гражданскихъ, экономическихъ, философскихъ интересовъ, которые меня теперь тайно волнуютъ и наполняютъ. Говорю я это все потому, что въ настоящую минуту пишу статью объ упадкѣ нашего сельскаго хозяйства и единственномъ радикальномъ средствѣ къ его возстановленію.

Вы поймете, до какой степени для меня было бы драгоцѣнно позволеніе прочесть вамъ или представить для просмотра всю статью, которой смыслъ заключается въ словахъ: „вино новое въ старые мѣхи". Тамъ будетъ указанъ весь государственный нашъ строй, и доказано, что онъ крѣпостной, а не свободный—и что потому невозможно никакими мѣропріятіями и заплатами пригнать Тришкѣ изношенный кафтанъ.

Но все дѣло тутъ въ формѣ и ходѣ мыслей и приводимыхъ фактовъ. Я не отказываюсь отъ мысли просить вашего совѣта, когда статья будетъ окончена. Хотя она самая вѣрноподданная, но ее навѣрное не напечатаетъ ни одинъ журналъ, а въ отдѣльной книжкѣ, чего добраго, и не пропуститъ цензура.

Если вы одобрите ее, а цензура не пропуститъ, я переведу ее

на нѣмецкій языкъ и напечатаю въ Германіи. Возвращаюсь къ „Фаусту". Конечно, вы найдете въ переводѣ много недостатковъ. Въ какомъ переводѣ ихъ нѣтъ? Найдете, безъ сомнѣнія, и такіе, которые ускользнули отъ моего вниманія. Многое, или, лучше, нѣкоторое было уже мнѣ указано и, кажется, удовлетворительно исправлено. Всѣ ваши драгоцѣнныя указанія я сочту благодѣяніемъ—и буду дѣлать, чтò могу. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что самъ „Фаустъ" представляетъ для переводчика почти непреоборимыя трудности, и чтò разъ въ счастливую минуту въ пламени работы могло съ горемъ пополамъ удаться, можетъ окончательно не удаться въ другой. Исправляя текстъ согласно вашимъ указаніямъ, я только въ такомъ случаѣ буду представлять мои поправки на ваше благоусмотрѣніе, когда проникнусь убѣжденіемъ, что поправка улучшаетъ дѣло. Въ противномъ случаѣ, — я бы сверхъ своего безсилія свидѣтельствовалъ передъ вами о своемъ безвкусіи и послѣднее свидѣтельство было бы совершенно безполезнымъ самоуниженіемъ, такъ какъ вы все-таки не разрѣшили бы мнѣ такой неуклюжей поправки.

Я почти убѣжденъ, что, послѣ моего перевода, на Руси долго не будетъ на него охотниковъ, но мнѣ шестьдесятъ лѣтъ и здоровье мое слабѣетъ,—и особенно вслѣдствіе одышки мнѣ невыносимы шубы—и потому зимніе переѣзды. Не будь этого, я бы нарочно пріѣхалъ къ вамъ въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе я желалъ бы при жизни видѣть въ печати своего „Фауста", чтò теперь, конечно, не можетъ быть раньше будущей осени. А зимой, если силы позволятъ, пріѣду въ Питеръ къ вамъ. Если же вы сами поѣдете на югъ Россіи, Кіевъ, Одессу, Крымъ и т. д., то не можете миновать нашей Будановки, и тогда я буду мечтать, что заѣдете въ нашу мирную Воробьевку, куда мы васъ доставимъ въ сорокъ минутъ съ пріѣзда поѣзда.

Вотъ какъ злоупотребилъ я возможностью письменной съ вами бесѣды. Простите, если утомилъ васъ многословіемъ, и вѣрьте глубокому уваженію и признательности...

А. А. Фет

2.

Московско-Курской ж. д. станція Коренная Пустынь, 10 іюня (начало 80-ыхъ годовъ?).—Душевноуважаемая графиня! Узнавъ на порогѣ дома о вашемъ пріѣздѣ, я хотѣлъ обрушиться всей силой упрековъ на Соловьева, утаившаго отъ насъ при отъѣздѣ самую телеграмму. Но съ своей неумолимой логикой онъ тотчасъ же

обезоружилъ меня, доказавъ, что ни письмомъ, ни телеграммой онъ извѣстить васъ о нашемъ ожиданіи, за краткостью оставшагося времени, не могъ.

Не говорю о его знаніи и умѣ, но не могу не сказать, что за исключеніемъ давно утраченнаго мною друга (родного брата бабки Соловьева, которую онъ такъ напоминаетъ лицомъ), я кромѣ него и покойнаго Алексѣя Константиновича не встрѣчалъ людей до такой степени привлекательно чистыхъ душой. Время, проведенное имъ у насъ, для меня было праздникомъ. Бесѣда его сдѣлала много пользы моему „Фаусту". Съ радостью слышалъ я отъ него, что вы дозволяете мнѣ посвятить этотъ серьезный, а потому и привлекательный для меня, трудъ вамъ, какъ виновницѣ всего дѣла. Кромѣ посвященія и предисловія, готовлю подробный комментарій. Въ іюлѣ, согласно любезному обѣщанію вашему, надѣюсь представить вамъ все на досугѣ.

Моего сожалѣнія о томъ, что не засталъ ни васъ, ни прелестной С. П. въ Воробьевкѣ, описывать нельзя, его надо пѣть, что̀ и дѣлаю. —

Я опоздалъ. Какъ я жалѣю!
Ужъ солнце скрылося въ ночи.
Я не видалъ, когда въ аллею
Оно кидало къ намъ лучи.

Но силу лѣтняго сіянья
Не всю умчалъ минувшій день;
Его отраднаго прощанья
Не погасила ночи тѣнь.

Еще предъ дымкою туманной
Какъ очарованный стою,
Еще въ зарѣ благоуханной
Дыханье неба узнаю.

Вотъ мой отвѣтъ на листокъ съ замѣткой краснымъ карандашемъ, найденный мною на моемъ письменномъ столѣ.

Итакъ, въ отрадномъ ожиданіи іюля буду ждать или положительнаго срока въ письмѣ, или телеграмму о поѣздѣ за день до прибытія. Экипажъ будетъ ожидать васъ на ст. Будановка...

3.

22 января (начало 80-ыхъ годовъ?). Московско-Курской ж. д. станція Будановка.—Мнѣ сказали въ Петербургѣ, что вы неохотно принимаете, и я не рѣшался безпокоить васъ посѣщеніемъ.

Дорогія мои отношенія къ покойному графу Алексѣю Константиновичу храню въ числѣ самыхъ отрадныхъ, истинно человѣчныхъ воспоминаній,—какъ и послѣднее дружеское его письмо ко мнѣ. Такихъ людей мало на свѣтѣ и вполнѣ такого за всѣ 60 лѣтъ—не встрѣчалъ.

Все это однако не оправдываетъ и не объясняетъ настоящаго моего къ вамъ обращенія.

Съ вами, графиня, не рискуешь, говоря кратко, быть непонятымъ, а потому воздерживаюсь отъ окольныхъ путей. По моему, дѣятельность всякаго человѣка исчерпывается тремя направленіями. Двигать съ извѣстными цѣлями предметы міра явленій, изыскивать болѣе общія понятія, находить новыя конкретныя формы творческихъ идей.

На всѣхъ трехъ поприщахъ необходимо совпаденіе многихъ условій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ критика.

Я перевелъ первую часть „Фауста", и Влад. Сергѣевичъ Соловьевъ пояснилъ мнѣ,—уже въ Москвѣ,—что превосходной формой и оконченностью отдѣлки, напр., въ „Богъ и Баядера" покойный графъ Алексѣй главнымъ образомъ обязанъ вашей критикѣ. Съ этимъ стала мнѣ вполнѣ понятна внѣшняя цѣль вашего высокаго развитія. Если бы дѣло шло обо мнѣ, и я смотрѣлъ бы на свой переводъ какъ на личный товаръ, то конечно не рѣшился бы прибѣгнуть къ вашей помощи. Но дѣло идетъ о русскомъ переводѣ „Фауста", котораго до сихъ поръ удовлетворительнаго нѣтъ. Я бы хотѣлъ добиться такого, и вопросъ въ томъ, угодно ли вамъ будетъ помочь этому дѣлу нѣкоторыми замѣчаніями, которыхъ, — надо правду говорить, — ни отъ кого ожидать нельзя. Только привычная и тонкая рука можетъ найти грань между положительно невѣрнымъ духу или смыслу оригинала и законными требованіями отъ стихотворнаго перевода, въ которомъ почти на каждомъ шагу непреоборимыя препятствія. Многіе настойчиво требуютъ безотлагательнаго, отдѣльнаго изданія моего „Фауста".

Конечно, въ мои лѣта, далеко заглядывать неблагоразумно. Но еще неблагоразумнѣе явиться съ изъянами. Что касается до механической стороны дѣла, т. е. представленія вамъ рукописи, то В. С. Соловьевъ любезно взялъ его на себя.

Весь вопросъ сосредоточивается единственно на томъ, соблаговолите ли вы просмотрѣть рукопись и дозволите ли мнѣ высылать сдѣланныя по вашему указанію поправки на ваше благоусмотрѣніе?

Въ случаѣ вашего согласія не откажите почтить меня увѣ-

домленіемъ по постоянному моему адресу, стоящему въ заголовкѣ этого письма: Аѳанасію Аѳанасьевичу Шеншину; такъ какъ литературнаго моего имени „Фетъ“ въ здѣшнемъ краѣ, слава Богу, никто не знаетъ...

4.

Москва, Плющиха, соб. домъ. 29 октября (начало 80-ыхъ годовъ?).—Приступая, при любезной помощи В. С. Соловьева, къ изданію 2-й части „Фауста“, прилагаю при этомъ свое посвященіе. Если найдете нужнымъ вычеркнуть или измѣнить что̀ въ немъ, то не откажите въ простомъ указаніи, такъ какъ у меня есть другой экземпляръ.

Жена моя просить присоединить ея усердныя привѣтствія вамъ и С. П.

Если зимой соберемся въ Петербургъ, то непремѣнно явлюсь съ поклономъ на Милліонную...

5.

Плющиха, соб. домъ, Москва. 3 января 1888.—Сижу съ мучительнымъ удушьемъ, не показываясь на воздухъ, и все не вѣрю, что я у себя въ теплой комнатѣ. Мечталъ я имѣть возможность вмѣстѣ съ нашимъ общимъ съ Марьей Петровной [1]) поздравленіемъ къ новому году представить вамъ послѣдній выпускъ „Вечернихъ Огней“, но увы! — нѣмецъ типографщикъ оттягиваетъ дѣло день за день, и я не могу воздержаться, чтобы не поблагодарить васъ за дорогое участіе къ незаслуженнымъ терзаніямъ больного старика.

Я просилъ вашей помощи насчетъ сближенія моего съ княземъ К. Д. Гагаринымъ, и М. П. Боткинъ пишетъ мнѣ, что вы присылали ко мнѣ въ день моего отъѣзда. Что отъѣздъ мой не былъ малодушіемъ, подтвердилось ночью въ Тверскомъ вокзалѣ, куда я вышелъ выпить стаканъ кофею, но долженъ былъ бѣжать въ вагонъ, едва не упавши въ залѣ къ общему соблазну.

Если бы вамъ угодно было и теперь не отказать замолвить слово князю Гагарину, то, изложивъ ему кратко свое безобразное дѣло въ письмѣ, я бы еще лучше познакомилъ его съ нимъ, чѣмъ въ словесной передачѣ.

Стоитъ вамъ захотѣть, и вы, среди свѣтскаго разнообразія,

---

[1]) Супруга А. А. Шеншина, рожденная Боткина.

не забудете моей усердной просьбы, исполненіе которой послужитъ мнѣ новымъ доказательствомъ, что вы хотя немного цѣните преданность искренняго признательнаго вамъ А. Ш.

6.

Москва. 12 января 1888 г.—Еслибы вы видѣли, какъ вечеромъ, по вскрытіи вашего письма, лучезарно вспыхнулъ болѣзненно-угасающій факелъ моей жизни, то навѣрное не пожалѣли бы о томъ, что такъ задушевно протянули изящную руку вашу угасающему пѣвцу. Повѣрьте мнѣ на-слово, что радость моя возбуждена была не отдаленною надеждой на превращеніе возмутительнаго дѣла, а тѣмъ благоуханіемъ участія, какимъ вы меня вчера осчастливили, и той неуловимой сферой духовной красоты, которую вамъ дано воспроизводить немногими словами.

Радуюсь, что передъ вами не нужно расписывать и опредѣлять, а достаточно намекнуть.

Всякій сумасшедшій считаетъ себя нормальнымъ, а несвойственное людямъ стремленіе они готовы считать либо сумасшествіемъ, либо фиглярствомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы обрадовался ваятель, надъ курносымъ старикомъ котораго издѣвалась бы окружающая толпа, если бы надъ нимъ раздался голосъ: „Боже, какая правдивая статуя Сократа!“

Съ минуты на минуту жду изъ цензуры ярлыка на полученіе изъ типографіи третьяго выпуска „Вечернихъ Огней“, экземпляръ которыхъ не замедлитъ появиться около вашей лампы.

Радуюсь сочувственному отзыву вашему о моемъ Энеѣ, стоившемъ мнѣ не мало труда. Не думаю, чтобы я могъ представить вамъ вторую часть „Энеиды“ ранѣе 20 февраля...

7.

21 января 1888 г. Москва, Плющиха, соб. домъ, № 481.—26-го января многострадальный мой Овидій долженъ наконецъ выйти изъ цензуры, и я поджидалъ возможности, посылая вамъ свою книгу, въ то же время поклониться пышной Дворцовой набережной съ бѣдной Плющихи. Но вчера вечеромъ зашелъ къ намъ Левъ Толстой, прося меня написать вамъ о слѣдующемъ. Въ виду того, что простой народъ съ такимъ увлеченіемъ льнетъ къ „Князю Серебряному“, не найдете ли вы возможнымъ подарить этотъ романъ народному изданію? Вотъ простой вопросъ Толстого, которымъ я могъ бы ограничиться, если бы,

во-первыхъ, былъ безучастенъ къ вашимъ интересамъ, а во-вторыхъ, былъ бы въ состояніи въ любомъ дѣлѣ не оставаться вѣрнымъ своему образу мыслей. Начну съ послѣднихъ. При общемъ экономическомъ положеніи нашемъ, мы въ русской жизни до такой степени окружены неизбѣжными обязанностями, что, удовлетворяя однѣмъ имъ, мы могли бы быть образцовыми исключеніями. Но когда на это не хватаетъ нашихъ силъ, то всякое благодѣяніе неизбѣжно связано съ нарушеніемъ чужого права. Прекрасно крыть чужую крышу, когда собственныхъ дѣтей не поливаетъ дождемъ. Въ противномъ случаѣ я подобнаго дѣйствія не могу назвать благодѣяніемъ. Знаю, что говорю противъ всей Россіи, но это нисколько не измѣняетъ моего образа мыслей. Въ виду же вашихъ личныхъ интересовъ, я тотчасъ же, обѣщая Толстому написать вамъ, сказалъ ему: „не знаю, будетъ ли графиня въ состояніи исполнить ваше желаніе, такъ какъ мнѣ кажется, что „Князь Серебряный“ на значительное количество экземпляровъ проданъ Стасюлевичу“. Такимъ образомъ, я, на случай несогласія вашего, приготовилъ вамъ удобный предлогъ къ отказу.

Что касается до меня, то, убѣдясь окончательно въ нежеланіи С. печатать моихъ стиховъ, прошу васъ даже не говорить ему объ этомъ, такъ какъ напечатанію стиховъ моихъ я особеннаго значенія не придаю. Глаза мои и общее здоровье по прежнему плохи.

Мы оба съ женою просимъ васъ и прелестную С. П. принять наши усердные поклоны...

Не откажите въ парѣ словъ въ отвѣтъ на мой вопросъ, такъ какъ я не буду знать, что̀ сказать Толстому.

8.

Москва, Плющиха. Февраля 7, 1888 г. — Дорогая графиня! Сердечно благодарю васъ за только-что полученныя дружественныя строки. Поговорка говоритъ: comparaison n'est pas raison, — что̀ можетъ съ полнымъ правомъ относиться къ мыслителямъ и философамъ, — но увы! мы, несчастные поэты, кромѣ сравненій никакого другого резону не знаемъ, и каждый разъ, когда я сижу въ вашей гостиной или читаю ваши строки, то испытываю приблизительно то же, что покупатель, чувствующій собственный эстетическій подъемъ при выборѣ въ блестящемъ магазинѣ вещи изъ гармонической ея обстановки. Но стоитъ ему вынести дѣтище собственнаго вкуса на улицу, чтобы

отнестись къ нему иначе. Въ вашей духовной атмосферѣ мнѣ всегда кажется, что я самъ просвѣтлѣлъ и поумнѣлъ, но вслѣдъ затѣмъ убѣждаюсь, что именно при васъ я, какъ нарочно, дѣлаюсь невозможно безпомощнымъ. Прошу васъ принять это за чистую правду. При васъ я превращаюсь въ листъ душистаго тополя и, съ одной стороны, покрываюсь нѣжащимъ пушкомъ, а съ другой—начинаю дѣтски слезиться подъ всезрящими лучами вашего ума.

Я не говорилъ бы о личномъ моемъ впечатлѣніи, если бы оно возбуждалось не вами. Вотъ, напримѣръ, великій князь Константинъ Константиновичъ пишетъ мнѣ:

„Вчера вечеромъ я въ одномъ знакомомъ домѣ слушалъ музыку съ графиней С. А. Толстой, и много говорилъ съ нею о васъ. Что̀ за прелестная она женщина!“

Разрѣшите сами, почему мнѣ такъ отрадно было прочесть эти строки, въ которыхъ я наслаждался мѣткостью эпитета: *прелестная*.

Если бы вы были такъ милостивы и написали мнѣ, безтолковому, русскій и французскій адресъ С. П., то я бы прислалъ ей книги, которыя могли бы ей безъ докуки напомнить обо мнѣ, такъ какъ перваго марта я уѣзжаю въ Воробьевку. Но не проще ли, въ виду ея пріѣзда, переслать ихъ къ вамъ, въ Петербургъ, куда я около 15 февраля вышлю второй томъ „Энеиды“?

Безконечно тронутъ вашимъ дѣятельнымъ участіемъ въ моемъ дѣлѣ.

Марія Петровна сердечно благодаритъ васъ за память и привѣтствуетъ отъ души...

9.

Москва. 28 февраля 1888 г.—Вчера вышелъ второй томъ „Энеиды“, и вчера же наши вещи и лошади отправлены на желѣзную дорогу, на которой мы сами надѣемся быть 2 марта. Сердечно радуюсь, что одновременно со второю частью вашего экземпляра „Энеиды“ могу, въ ожиданіи пріѣзда милѣйшей С. П. въ Петербургъ, приложить и подносимыя мною ей книги. Пусть онѣ хоть на мигъ напомнятъ ей часы, проведенные въ ея очаровательномъ обществѣ.

Жена моя тщательно хранитъ ея изящные подарки и проситъ меня передать вамъ, графиня, и С. П. ея сердечныя привѣтствія...

10.

Москва, Плющиха, соб. домъ, № 481. 3 марта 1888 г.— Сердечно благодарю васъ главнымъ образомъ за только-что полученное любезное письмо ваше, которое Марія Петровна тотчасъ же присовокупила въ складъ дорогихъ писемъ.

Я вполнѣ былъ увѣренъ, что небольшая неаккуратность была вызвана какимъ-либо недоразумѣніемъ. Я понимаю это, тѣмъ болѣе, что, не взирая на тяжелый опытъ жизни, напрасно стараюсь пріучить себя къ аккуратности, но чистосердечно каюсь,— достигаю нѣкоторыхъ результатовъ только внѣшнимъ образомъ, а внутренно я все такъ же неизлечимо неаккуратенъ. Не даромъ покойный отецъ такъ враждебно относился къ стихамъ.

Седьмого марта мы уже на пути въ Воробьевку, куда вещи и лошади уже отправились вчера. Не буду говорить о великой радости, съ которою мы съ женою встрѣтили бы васъ въ Воробьевкѣ, въ настоящее же время искренно благодаримъ за одну эту отрадную мысль.

Работаю съ горемъ пополамъ надъ переводомъ „Энеиды“. Такъ какъ глаза совершенно отказываются служить, то всякое писаніе сопровождается болѣзненнымъ ощущеніемъ.

Никакихъ новыхъ стихотворныхъ прегрѣшеній за собою не знаю, да и впредь не ожидаю.

Какъ бы наша старая чета была счастлива, если бы я имѣлъ дѣйствительное право, цѣлуя вашу руку, подписать: до скораго свиданія...

11.

Москва. 24 декабря 1889 г.—Третьяго-дня князь Цертелевъ сообщилъ мнѣ вашъ новый адресъ, и я пользуюсь имъ, чтобы поздравить васъ и милѣйшую С. П. съ предстоящими праздниками. Впрочемъ, я, какъ больной, менѣе всякаго другого способенъ отыскивать душевные праздники въ святцахъ и, конечно, предпочелъ бы побывать у васъ и послушать ваши ласково-привѣтливые голоса.

На дняхъ, я довелъ свои воспоминанія до юбилея, т.-е. до конца, и, между прочимъ, со сладостною грустью переписывалъ письма ко мнѣ покойнаго Алексѣя Константиновича, не оставляющія мѣста сомнѣнію въ его дорогой для меня симпатіи.

Жена проситъ присоединить и ея сердечныя пожеланія вамъ

и милѣйшей С. П. всего лучшаго въ новомъ году. А я такъ радъ, что по отношенію къ вамъ мою безпомощную прозу сегодня замѣнила моя старая муза.

Къ вамъ она обращается смѣло, увѣренная въ вашемъ снисхожденіи къ самой формѣ, являющейся помимо воли стихотворца. Скорѣе вы, чѣмъ я, могли бы разъяснить, почему такъ можно, а такъ нельзя сказать. Прекрасный переводчикъ русскихъ стиховъ на нѣмецкій сказалъ мнѣ, что ни въ одной литературѣ не встрѣчалъ такого перевода „Рыбака“ Гёте, какъ мой. Конечно, я съ гордостью указалъ на особу, исправившую его своими указаніями.

Въ случаѣ напечатанія прилагаемаго стихотворенія, я желалъ бы озаглавить его во избѣжаніе сомнѣній:

Графинѣ (Алексѣй) Толстой.

Гдѣ, средь иного поколѣнья,
Намъ міръ такъ пустъ, —
Ловлю усмѣшку утомленья
Я вашихъ устъ.

Мнѣ все сдается, миновали
Восторги розъ,
Цвѣты послѣдніе увяли,
Побилъ морозъ.

И безуханна, безпривѣтна
И та гряда,
Гдѣ распушилась чуть замѣтно
Лишь борозда.

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ,
Вотъ здѣсь, со мной,
Цвѣты задышатъ прежнимъ лѣтомъ —
И резедой.

А. Фетъ.

V.—Графъ Вл. А. Соллогубъ [1]).

19 февраля (1867 г. Спб.?).—Графиня! Возвратившись вчера домой, я почувствовалъ такое головокруженіе, что подумалъ, что моя пѣсенка спѣта—но это подробность.

---

[1]) Письмо писано частію по-французски, частію по-русски, съ нѣмецкими вставками.

Придя въ себя, я сталъ обдумывать „Царя Ѳеодора“, и вотъ что я прежде всего сказалъ себѣ.

Читая Островскаго или Чаева, такъ сказать, физически чувствуешь ихъ недостатки. Не надо ломать себѣ голову, чтобы видѣть бѣдность ихъ драматическихъ замысловъ, указать ихъ пробѣлы и прибавить все, чего недостаетъ формѣ и интересу ихъ произведеній. Съ „Ѳеодоромъ“ дѣло совсѣмъ иное, — можетъ-быть, оттого, что я не знаю его въ цѣльности, и потому, что самъ Толстой не знаетъ его цѣликомъ. Трагедія не вышла изъ его головы вполнѣ вооруженной, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Это — агломерація богатыхъ и живыхъ матеріаловъ, не сплавленная въ одно цѣлое.

Новобрачная черезчуръ красива, съ слишкомъ богатымъ приданымъ.—Пьеса начинается тремя различными завязками, которыя слѣдуютъ одна за другой.

Прежде всего—Угличъ.

Предполагаешь, что сейчасъ увидимъ изображеніе одного изъ самыхъ захватывающихъ событій въ нашей исторіи—борьбу матери съ честолюбіемъ убійцы-выскочки. Развитіе драмы—въ материнской любви.—Сцена измѣняется, мы видимъ княжну Мстиславскую и догадываемся, что эта новая Джульетта будетъ принесена въ жертву ненависти партій, и что развитіе драмы будетъ въ любви несчастной и идеальной молодой дѣвушки, оканчивающейся катастрофой.—Но сцена измѣняется опять, и передъ нами третья женщина, олицетвореніе супружеской любви. Она ли будетъ узломъ драматическаго единства,—и не останутся ли другія второстепенными лицами, связанными, однако, съ главнымъ дѣйствіемъ?

Будетъ ли любовь материнская, или любовь неземная, или любовь супружеская—фономъ картины, оживленной сцѣпленіемъ фактовъ объективныхъ и, такъ сказать, оффиціальныхъ? Всѣ три въ отдѣльности очень красивыя завязки — особенно вторая выдается сильнымъ колоритомъ—образуютъ три перистиля, ведущіе въ одинъ храмъ. Но эти перистили разныхъ архитектуръ — и храма нѣтъ. Сперва — комната для водевиля, въ которомъ монархъ — ни безумный, ни бѣшеный, ни больной, ни разочарованный, безъ всякаго повода для драматизма — выступаетъ съ словами, что не даютъ-де сѣна его коню, и этимъ же доказываетъ, что онъ самъ достоинъ этой пищи.—Наконецъ является Борисъ, и драма начинается: борьба честолюбца съ слабоумнымъ. Но въ чемъ честолюбіе Годунова—толкаетъ ли его женщина, или любовь къ отечеству, или чиноманія? Если только чиноманія, то онъ вовсе не интересенъ.

Если Ѳеодоръ можетъ противопоставить ему лишь свою неспособность и любовь свою къ ухѣ,—если Ѳеодоръ самъ не чувствуетъ ненависти къ Борису,—если онъ не гложетъ свою узду съ отчаяніемъ и не наталкивается на другія препятствія, кромѣ собственнаго безсилія, онъ тоже не можетъ возбудить никакого интереса.

Лишь въ нагроможденіи и сцѣпленіи препятствій—а не въ рядѣ картинъ на одномъ и томъ же фонѣ—можетъ развиваться настоящая драма.

Ришельё, передающій свой портфель Людовику XIII—способъ легкій и французскій. Этотъ тривіальный пріемъ—мы не любимъ. Въ исторіи есть другіе мотивы—вліяніе духовенства, огромное вліяніе родства, сплетни, клевета, отцовская воля, государственныя тайны и т. д., и т. д.

Страсти и бѣдствія представляютъ болѣе интереса—въ ихъ источникахъ и въ ихъ развитіи, чѣмъ въ ихъ окончательномъ выраженіи.

На сценѣ, какъ и въ жизни, необходимо любить кого-нибудь—или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь.

Необходимо страдать и передавать свои страданія публикѣ.

Въ этомъ-то заключается борьба, жизнь, драма.

Иначе мы впадаемъ въ тотъ грустный „genre" хроники въ діалогахъ, котораго Пушкинъ не побѣдилъ—и который Островскій тривіализируетъ съ усердіемъ.

Я имѣю болѣе честолюбія за вашего мужа, чѣмъ онъ самъ. Онъ обладаетъ терпѣніемъ, энергіей, благородствомъ, онъ пріобрѣлъ слогъ, онъ твердо стоитъ на своемъ историческомъ замыслѣ, на правдивости своихъ описаній. Но онъ долженъ бояться двухъ вещей.

Прежде всего — нѣкоторой уступчивости къ самому себѣ, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ нахальствомъ, но которая ведетъ насъ къ самоизвиненіямъ, и мы доходимъ до того, что начинаемъ имъ вѣрить, и, считая ихъ вполнѣ вѣскими, вступаемъ, такъ сказать, въ компромисы съ своей литературной совѣстью.

Другая же опасность находится въ восхищеніи аудиторіи.

Господинъ Н. чуть въ обморокъ не упалъ отъ восторга передъ характеромъ Ѳеодора, который, по-моему, былъ бы допустимъ только на четвертомъ планѣ, и то только для какого-нибудь краткаго и бѣдственнаго появленія, относящагося къ главному дѣйствію. Едва ли можетъ Жокрисъ быть первымъ лицомъ въ трагедіи, и его добрая женушка — не героиня. Личность Шуй-

скаго гораздо болѣе подходитъ къ роли перваго сильнаго любовника и героя—чего-то вродѣ Эгмонта. Онъ бы боролся съ ястребиной силой Годунова,—онъ бы подогрѣвалъ возстаніе, съ поддержкой Θеодора, который его же самъ бы выдалъ. Отчего бы Θеодору хоть на мигъ не полюбить княжну Мстиславскую, не переставая обожать свою жену? Было бы лишь одной слабостью больше—и во всякомъ случаѣ митрополитъ могъ бы потребовать отъ него развода, и это прибавило бы ему еще одно нравственное истязаніе.

Двѣ большія женскія роли выросли бы изъ этого: роль княжны Мстиславской, любившей Шаховского, и роль Ирины, которая боялась бы потерять свое положеніе и своего брата. Все это могло бы копошиться въ средѣ грубаго ханжества, отклонявшагося то въ одну, то въ другую сторону, и наконецъ рухнуть отъ мести Θеодора, въ гибели Шуйскаго. Въ этомъ было бы единство дѣйствія и двойственность сюжета,—борьба двухъ фаворитовъ. Сцены должны бы распредѣляться между обоими,—и мы увидали бы всѣ тайны ихъ интимной жизни. Это было бы болѣе человѣчно — а теперь это обдѣлано какъ будто на ладъ Островскаго, который беретъ хронику, кромсаетъ ее на монологи, или на діалоги, — или на народныя сцены, смотря по надобности. Итакъ, вы видите двѣ очень длинныя и однообразныя сцены съ Θеодоромъ, которыми Толстой черезъ-чуръ злоупотребляетъ. Въ обѣихъ сценахъ Шуйскій жалуется на Годунова, и въ обѣихъ Θеодоръ обнаруживаетъ отчаянную умственную слабость.

Угличъ забытъ,—уже давно.

Вдругъ Борисъ вспоминаетъ о немъ и довольно ухарски и не очень-то осторожно, для подобнаго Макіавелли, посылаетъ туда старую негодяйку, которой онъ, съ перваго же взгляда, довѣряетъ свои планы—и драма должна окончиться убійствомъ юнаго Дмитрія.

Но развязка не имѣетъ болѣе никакого отношенія съ пьесой, которая вся строится на борьбѣ Шуйскаго, а не на холодномъ честолюбіи Годунова. Заставьте вертѣться одинъ изъ вашихъ столовъ marqueterie [1])—и спросите Шиллера, правъ ли я.

Послѣ того что я прослушалъ „Свекровь“ Чаева, я ему написалъ: „Милостивый государь, вы написали это, а *хотѣли*

[1]) Въ Пустынькѣ, въ кабинетѣ гр. А. К. Толстого, всѣ столы и стулья были marqueterie—и въ ту пору, когда гостилъ гр. В. А. Соллогубъ въ Пустынькѣ, кромѣ чтенія „Θеодора“, часто занимались по вечерамъ верченіемъ столовъ.

написать то-то". — Чаевъ мнѣ отвѣтилъ, что я правъ, что онъ самъ это чувствуетъ, но что уже слишкомъ поздно, пьеса сыграна, что онъ огорченъ, что онъ неспособенъ и т. д., и т. д.

Вотъ что̀ я называю идти на компромисы съ своей литературной совѣстью и отступать отъ утомленія въ битвѣ, передъ самой побѣдой. Я не могу сказать Толстому, что̀ онъ *хотѣлъ* написать — я этого не знаю, такъ какъ матеріала у него хватитъ не на одну только драму, какъ въ „Свекрови", но на пять или на шесть драмъ.

Во всякомъ случаѣ онъ не хочетъ написать историческую книгу à la Macaulay съ археологическими и этнографическими аксесуарами и съ разговорами для оживленія разсказа.

Онъ хочетъ написать *драму*, онъ можетъ создать chef-d'oeuvre, —если только онъ будетъ безжалостенъ къ самому себѣ.

И онъ долженъ читать свои произведенія только людямъ, которые будутъ его охранять отъ его собственныхъ уклоненій въ міръ воображенія.

Я вижу въ этихъ подвизаніяхъ новую эру, давно ожидаемый моментъ—*начало* нашей драматической литературы. Самъ я не могъ достичь этой цѣли, не имѣя ни достаточно таланта, ни достаточно характера. Но Толстой имѣетъ и то и другое.

Сцена у моста великолѣпна и съ точки зрѣнія сценической можетъ быть чрезвычайно эффектна и грандіозна. Сцена жалующихся и сцена примиренія тоже очень красива.

Какъ у всѣхъ русскихъ авторовъ, колоритъ превосходитъ рисунокъ, и богатство подробностей отчасти скрашиваетъ тонину матеріи. Однимъ словомъ, сдѣлать можно прекрасную вещь—но пока ничего еще не сдѣлано. Нѣсколько разрозненныхъ отрывковъ — одни изъ нихъ написаны съ вдохновеніемъ, другіе же съ натугой.

Если Толстой не приметъ упрямство за убѣжденіе,—если вы вмѣшаетесь съ прозрѣніемъ Эгеріи — во всемъ этомъ кроется прекрасная будущность. Но я кончаю восьмую страницу. Голова опять кружится.

Вѣрьте всей моей преданности.

P. S.—Я прочелъ то, что̀ написалъ вчера. Оно такъ же смутно, какъ произведеніе, которое я критикую. Но изъ этого проистекаетъ одна истина, а именно — что драма ни въ Ѳеодорѣ, ни въ Годуновѣ, но въ Шуйскомъ, и слѣдовательно, онъ долженъ быть двигателемъ и узломъ главнаго дѣйствія. Остальныя лица и другія происшествія отстраняются на задніе планы, хотя всетаки должны быть *соотносительно* связаны съ первенствующимъ

сюжетомъ пьесы. Еще одна истина, та,—что искусство—не что иное, какъ идеальное воспроизведеніе природы, въ театрѣ главнымъ образомъ. Въ столкновеніи двухъ честолюбцевъ, одинаково холодныхъ, одинаково безцвѣтныхъ, отсутствіе антитезиса парализуетъ интересъ и переходитъ въ crime de lèse-art, безъ каламбура.

Итакъ, слѣдовательно, Шуйскій долженъ быть идеализованъ, долженъ быть психологически подверженъ диссекціи, долженъ быть страстенъ, долженъ пріобрѣсти всѣ симпатіи публики. Иначе драма не что иное какъ хроника, и вмѣсто того чтобы превзойти Пушкина, мы спускаемся до уровня Островскаго.

Я перечелъ Карамзина и нашелъ въ немъ слѣдующія данныя.

Θеодора самъ Іоаннъ Васильевичъ называлъ *постникомъ* и *молчальникомъ*. Безпрестанно ходилъ Θеодоръ пѣшкомъ по монастырямъ съ женою въ сопровожденіи свиты, боярынь и царицыныхъ тѣлохранителей. (Какой эпизодъ для акта у моста!) Народъ любилъ Θеодора какъ ангела земного, озареннаго лучами святости (page 217). Θеодоръ спалъ въ комнатѣ, наполненной иконами и лампадами, вставалъ въ четыре часа, принималъ духовника, отправлялся къ женѣ, ходилъ съ женой къ заутрени и къ обѣднѣ, обѣдалъ въ одиннадцать часовъ, потомъ игралъ съ шутами и карликами, не любилъ бражничества, но по желанію Годунова давалъ *званые* обѣды. (Вотъ краски для mise en scène!)

И. П. Шуйскій былъ герой, лаврами увѣнчанный, слѣдовательно—воинъ, солдатъ.

Б. Годуновъ изумлялъ всѣхъ своей пышностью, обѣдами, богатствами неслыханными, могъ содержать до ста тысячъ человѣкъ на свой счетъ. Онъ былъ человѣкъ честолюбивый, но государственный и дѣйствительно необходимый для Θеодора, который не могъ этого не чувствовать.

Странно, что хроника раскроена точно драма.

1) Ненависть двухъ партій составляетъ завязку.

2) Примиреніе связываетъ ходъ пьесы.

3) Предложеніе развода по приказу духовенства подготовляетъ первую развязку.

4) Обвиненіе въ измѣнѣ царю—постриженіе княжны Мстиславской являются инцидентами. Ирина беременна. Разводъ безполезенъ. Θеодоръ идетъ на богомолье съ раскаяніемъ.

5) Развязка. Удаленіе Діонисія и Варлаама. Извѣстіе о смерти Дмитрія. Смерть Шуйскаго. Тріумфъ Годунова. Отчаяніе Θеодора, который уповаетъ лишь на справедливость небесную.

Съ этими данными я постараюсь набросать эскизъ для сцены.

I-й актъ. Сговоръ съ княжной Мстиславской. Ея красота поражаетъ всѣхъ присутствующихъ. Ея любовь къ Шаховскому. Ея грезы о счастіи. Оставшись наединѣ съ Шуйскимъ, она благодаритъ его за хорошее къ ней отношеніе. Шуйскій говоритъ ей, что онъ человѣкъ войны, что онъ прежде всего любитъ свою родину, потомъ сраженіе, — что племянница выступаетъ только на третьемъ планѣ, но что онъ радуется ея счастію. За нимъ приходятъ звать его къ приглашеннымъ на сговоръ гостямъ. Остаются въ домѣ, обсуждаютъ важный вопросъ.—Маленькая любовная сцена между Шаховскимъ и княжной. Нянька удаляетъ его изъ комнаты. Граціозный пріемъ. Нравы времени. Женщины уходятъ. Мужчины возвращаются и, увлеченные красотой княжны, устраиваютъ заговоръ, чтобы заставить царя жениться на ней. Шуйскій сперва сопротивляется, предпочитая открытое примиреніе. Ему противопоставляютъ причины государственныя—разореніе страны, гибель династіи. Тутъ же на мѣстѣ пишется челобитная, которую долженъ подписать митрополитъ. Посылаютъ за княжной и сообщаютъ ей, что ея бракъ съ Шаховскимъ разстраивается. Она не поддается. Ее заставляютъ молчать. Шуйскій говоритъ, что прежде всего женщина должна покоряться старшимъ — но онъ рѣшилъ обвинить Годунова передъ царемъ самъ и явиться представителемъ отъ народа.

Такимъ образомъ завязка не является законченнымъ фактомъ, а подготовляетъ, драматизируетъ его.

II-й актъ. Открытыя сѣни монастыря, въ которомъ живетъ митрополитъ. Атмосфера ризницы.

Интриги духовенства. Старушки, послушницы, игуменіи хлопочутъ за княжну Мстиславскую—она должна стоять на виду, когда Θеодоръ, который у обѣдни, выйдетъ изъ церкви и направится въ гости къ больному митрополиту. Старанія Шаховского проникнуть до нихъ. Его задерживаютъ какъ подозрительнаго человѣка. Боярыни вразумляютъ княжну, говорятъ ей о преданности, о долгѣ и т. д.

Θеодоръ выходитъ изъ церкви, озабоченный, едва передвигая ноги, и проходитъ, не бросивъ ни одного взгляда на молодую дѣвушку, которую ему представляютъ. Входъ Шуйскаго съ купцами и народомъ. Возгласы противъ Годунова. Θеодоръ, окончивъ свой визитъ, появляется снова, подавленный горемъ. Митрополитъ повелѣлъ ему развестись съ женою. Послѣ этого начинается сцена обвиненія. Подносятъ челобитную...

Прелестный эпизодъ со старикомъ. Лишь два слова о медвѣдѣ, который удлиняетъ явленіе. Снимаютъ съ княжны Мстиславской

фату, царь обворожень ея красотой и говорить съ ней нѣсколько минутъ. Партія Шуйскаго ликуетъ.

Входитъ Годуновъ, который все видѣлъ, все слышалъ. Обвиненія переходятъ въ страшныя угрозы. Примиреніе. Ѳеодоръ продолжаетъ свой путь, за нимъ слѣдуетъ Шуйскій.

Годуновъ отдаетъ приказаніе, чтобы купцовъ отвели въ тюрьму, а княжну Мстиславскую постригли *насильно*.

III-й актъ. У Ирины. Археологическія подробности. Годуновъ пришелъ къ сестрѣ. Она умоляетъ его жить въ мирѣ со всѣми. Онъ высказываетъ ей свою profession de foi — говоритъ ей о своемъ долгѣ къ родинѣ—и какая судьба ихъ ожидаетъ. Политическіе виды. Чтобы достичь цѣли, всѣ способы годны.

Онъ ей передаетъ о предполагаемомъ разводѣ. Ирина въ ужасѣ. Годуновъ выходитъ, чтобы идти къ Ѳеодору. Въ эту минуту княжна Мстиславская вбѣгаетъ, кидается къ ногамъ Ирины, признается ей въ любви къ князю Шаховскому и умоляетъ ее спасти отъ постриженія. Обѣ женщины плачутъ вмѣстѣ. Докладываютъ о приходѣ Ѳеодора. Царица прячетъ свою соперницу. Входитъ Ѳеодоръ. Его привычки, его развлеченія, его неудовольствія. Онъ жалуется женѣ, что хотятъ ее отнять у него,—хочетъ развлечься, требуетъ къ себѣ карликовъ и шутовъ—но едва они появились, Годуновъ опять приходитъ и требуетъ всего вниманія своего монарха. Политическій докладъ. Равнодушіе Ѳеодора. Годуновъ заканчиваетъ свой докладъ, представляя доказательства объ измѣнѣ Шуйскихъ. Недоумѣніе Ѳеодора. Нерѣшительность. Онъ говоритъ, колеблясь, о разводѣ.

Но Годуновъ объявляетъ ему, что его сестра беременна. Восторгъ Ѳеодора. Онъ пѣшкомъ пойдетъ со всѣмъ дворомъ къ Троицѣ. Ирина проситъ за княжну Мстиславскую.

Ѳеодоръ соглашается — онъ будетъ самъ присутствовать на свадьбѣ. Арестъ Шуйскаго рѣшенъ.

IV-й актъ. Декорація моста. Народная сцена. Гусляръ. Три процессіи. Шуйскихъ ведутъ въ тюрьму. Ихъ прощаніе съ народомъ. Попытка бунта, прекращаемая Годуновымъ. Являются стрѣльцы. Проходитъ княжна Мстиславская, которую ведутъ въ монастырь на постриженіе. Отчаяніе Шаховского. Прощаніе жениха съ невѣстой. Шаховской идетъ за княжной. Но народъ негодуетъ на него. Шествіе царя и царицы къ Троицѣ, звонъ колоколовъ, пушечная пальба, во время отдыха разговоръ Ѳеодора съ Годуновымъ. Паломники проходятъ. Актъ кончается возобновленіемъ народныхъ сценъ и пѣніемъ гусляра о подвигахъ Шуйскаго.

V-й актъ. 1-я картина.—Тюрьма въ Бѣлоозерѣ. Смерть Шуй-

скаго. 2-я картина.—Дворъ Θеодора. Онъ у себя больной, встревоженный жалобами Шаховского, онъ молится. Настроеніе мрачное. Онъ укоряетъ Годунова, что онъ ослушался его,—отчего постригли княжну Мстиславскую? Годуновъ отвѣчаетъ, что это случилось по ошибкѣ, но что черезъ это она спасетъ душу.

Θеодоръ принимается опять за молитвы. Тогда Годуновъ объявляетъ ему о смерти Шуйскаго. Θеодоръ приходитъ въ ярость, бранитъ своего любимца. Годуновъ объявляетъ ему о смерти Дмитрія въ Угличѣ. Θеодоръ падаетъ въ изнеможеніи, подавленный этимъ извѣстіемъ. Провидѣніе наказываетъ его за грѣхи отца.

Онъ — который весь проникнутъ любовью, уподобляется неблагодарному, кровожадному, убійцѣ.

Онъ проситъ только мира, желаетъ только смерти и прощенія грѣховъ.

Годуновъ будетъ теперь царствовать, пока онъ живъ, и послѣ его смерти—также,—такъ какъ ребенокъ, котораго носитъ жена его, не будетъ жить, а его судьба — искупать грѣхи другихъ.

На этомъ можно было бы создать хорошее драматическое движеніе. Онъ могъ бы поднести вѣнецъ шурину — который бы открыто отвѣчалъ: „Я не достоинъ“—и прибавилъ бы про себя: „Еще слишкомъ рано“.

Во всемъ этомъ есть движеніе, интересъ, правда, огонь. Главное—въ этомъ есть, чѣмъ удовлетворить требованіямъ публики. Не надо забывать,—говоритъ Тютчевъ,—что драмы происходятъ на виду у публики. Надо сообразить, что̀ возможно и невозможно—на сценѣ. Необходимо, чтобы Толстой отказался отъ ошибочной мысли, что онъ болѣе поэтъ, чѣмъ драматургъ; къ тому же—драма не поэма, и поэма не драма. Надо совмѣстить много обстоятельствъ и положеній на маломъ пространствѣ. Я бы могъ написать еще 20 страницъ. Но для первой записки, мнѣ кажется, уже довольно я написалъ. Размѣръ моей записки свидѣтельствуетъ о моемъ интересѣ къ произведенію и къ автору.

VI.—Я. П. Полонскій.

1.

Спб., Знаменская ул., 22, кв. 8. 17 сентября 1884 г.—Многоуважаемая графиня, поздравляю васъ и С. П. со днемъ вашего ангела. Дай вамъ Богъ вѣру, надежду, любовь...

Вчера былъ у М. П. Соловьева—и унесъ отъ него на душѣ новый, невольный грѣхъ: зависть. Позавидовалъ его пребыванію

у васъ и не безъ нѣкотораго озлобленія подумалъ о путяхъ Провидѣнія.

Для меня эти пути такъ дурно устроены, что я безпрестанно на нихъ то ломаю ноги, то вязну по горло, то зябну... Дурная погода, конечно, не могла бы остановить меня, но боль въ печени, кашель и предписанный хининъ—все это на кого хотите надѣнетъ узду и нагонитъ хандру невыразимую—къ тому же и домашнія обстоятельства мѣшали мнѣ пріѣхать въ Пустыньку и въ вашемъ кругу почувствовать себя на 10 градусовъ умнѣе, на 5 градусовъ любезнѣе, и на 1 градусъ добрѣе...

Что вы здоровы, это я знаю, и мнѣ остается только пожелать, чтобы вы были еще здоровѣе.

О себѣ скажу вамъ только, что лѣтомъ написалъ я большущую повѣсть („Проигранная молодость") и продалъ ее въ новый журналъ „Новь", который разрѣшено уже издавать книгопродавцу Вольфу и который появится въ ноябрѣ сего 1884 года.— Съ натуры сдѣлалъ не болѣе 12 этюдовъ, такъ какъ дурная холодная погода мѣшала мнѣ.—Въ іюлѣ топилъ я печи и наблюдалъ, чтобы дрова изъ нихъ не вывалились и не зажгли нашей безпомощной дачи. Мы жили совсѣмъ одиноко,—на мысу озера, нелѣпо прозваннаго *Заозернымъ*, въ десяти верстахъ отъ станціи Окуловки, въ шести верстахъ отъ усадьбы хозяина и въ трехъ верстахъ отъ какой бы то ни было крестьянской избы, окруженные лѣсомъ, болотами, зайцами, грибами, медвѣдями и муравьиными кучами.—Жена моя лѣпила и вылѣпила бюстъ Тургенева въ натуральную величину — и бюстъ мальчугана, сына нашей бывшей хозяйки—Mad. Вонлярлярской.—Тургеневъ лѣпился на верхнемъ балконѣ—пугалъ прохожихъ жнецовъ, также какъ я пугалъ коровъ своими костылями.

У Тургенева, въ одинъ прекрасный день, отсырѣла борода, и отвалилась, такъ что нужно было лечить его.—Теперь эта монументальная фигура (уже въ гипсѣ) стоитъ у насъ и всѣхъ, кто ее видитъ, поражаетъ сходствомъ. Дѣйствительно, Иванъ Сергѣевичъ вышелъ очень похожъ на живого, на того, котораго мы видѣли въ Спасскомъ за полтора года до его смерти. Очень сожалѣю, что въ числѣ судей нѣтъ ни васъ, ни С. П. Скоро ли вы пріѣдете? Господь васъ знаетъ! Вѣроятно, не раньше какъ замерзнетъ ваша рѣка и на станцію Саблино проляжетъ санный путь.

Чтò еще сказать вамъ, не знаю.—Mad. Абаза должна была вчера пріѣхать въ Петербургъ...

Княгиня Имеретинская, у которой я былъ въ началѣ іюля, все еще на дачѣ близъ Ораніенбаумской колоніи.

Поэтъ графъ Голенищевъ-Кутузовъ здѣсь, — мы „случайно встрѣтились и братски обнялись". Онъ далъ мнѣ слово на другой же день непремѣнно, непремѣнно посѣтить меня — и вотъ уже двѣ недѣли, какъ я жду его. Гдѣ Цертелевъ поэтъ? гдѣ Маркевичъ романистъ? гдѣ Соловьевъ философъ? гдѣ всѣ тѣ, которыхъ я встрѣчалъ у васъ? Не знаю. Видѣлся только съ И. А. Гончаровымъ — онъ еще болѣе постарѣлъ — все лѣто страдалъ воспаленіемъ больного глаза — и незавидна жизнь его — не можетъ читать — а можно ли существовать безъ чтенія!..

Кстати, читали ли вы въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины" — „Вопросы Жизни", записки Пирогова. Онѣ писаны не для женщинъ, но въ этомъ случаѣ вы — исключеніе, хоть вы и женщина. Записки эти — новое доказательство, что когда матеріалистъ въ области реальныхъ фактовъ — пройдетъ ее всю вдоль и поперекъ, волей-неволей онъ станетъ заглядывать за предѣлы этого доступнаго намъ знанія, и духовный міръ покажется ему возможнымъ, хотя и недоступнымъ для научнаго познаванія. — Только полузнайки остаются вѣчными матеріалистами... Но пора мнѣ и кончить.

Свидѣтельствуйте мое почтеніе вашей милой гостьѣ, если только она не уѣхала. Передайте мой поклонъ и привѣтъ С. П. и не забывайте вамъ душевно преданнаго.

2.

24 марта 1889 г. — Въ середу такъ въ середу. — Мнѣ все равно, въ какой день и часъ вы будете жестоко критиковать мое произведеніе [1]). Оно совершенно въ новомъ родѣ, — его корни не въ Пушкинѣ, не въ Лермонтовѣ, а скорѣй въ Островскомъ и въ Гоголѣ. — Рѣшаюсь читать у васъ, не потому что я доволенъ трудомъ своимъ, а потому что мнѣ дорого ваше мнѣніе — каково бы оно ни было.

Чѣмъ больше судей, тѣмъ лучше; чѣмъ больше великосвѣтскихъ дамъ и дѣвицъ, тѣмъ хуже...

Мое произведеніе понравилось Майкову, Лѣскову и хорошо было принято въ литературномъ обществѣ.

Даже Буренинъ не возражалъ; но отчего оно не нравится журналистамъ?

Не понимаю.

Вѣроятно, послѣ чтенія у васъ, я въ мое произведеніе внесу поправки и кое-что передѣлаю.

---

[1]) „Собаки".

Надѣюсь, вы не будете со мной церемониться.
У меня вовсе нѣтъ щекотливаго, авторскаго самолюбія.
Досаднѣе всего, что у меня небольшой гриппъ.
Постараюсь къ будущей середѣ какъ-нибудь вылечиться.

3.

1890 г., 22 декабря. С.-Петербургъ, Знаменская, 26, кв. 8.— Давно порываюсь къ вамъ, но сижу дома подъ арестомъ, засаженный лихорадкой, по мнѣнію Эскулаповъ, *печеночной*, держу діэту и дожидаюсь саней, такъ какъ на дрожкахъ выѣзжать мнѣ не дозволено. Очень хочется мнѣ и погоревать вмѣстѣ съ вами, и побесѣдовать, и доброе старое время вспомнить, и о современныхъ намъ, великихъ, государственныхъ мужахъ поговорить.

Но—не могу; ибо ни настоящей зимы нѣтъ, ни настоящаго здоровья. — Не удалось мнѣ лично вамъ передать мою книжицу,—посылаю. Авось прочтете и что-нибудь себѣ по вкусу найдете.

Вы знаете, какъ я вѣрю вашему эстетическому чувству,— слишкомъ тонкому для моей, иногда грубоватой музы, но не лично для меня, который, какъ художникъ, знаетъ свои недостатки и никакъ не можетъ отъ нихъ отдѣлаться.

Какъ ваше здоровье и здоровье С. П. и ея милой дочери? Свидѣтельствуйте ей мое почтенье и скажите ей, что теперь я смѣло готовъ побиться съ ней объ закладъ, что она 26 декабря (въ середу, на 2-ой день праздника) не бýдетъ у меня на именинномъ вечерѣ,—что скорѣй будете вы, съ Mad. Абазой и Вонлярскими, скорѣй будетъ почему-то разлюбившій меня Влад. С. Соловьевъ, скорѣй будетъ великій князь или жена турецкаго султана, чѣмъ С. П.! По случаю моей болѣзни, я съ 2 ноября нигдѣ не былъ, никого не звалъ, но по слухамъ знаю, что соберется не мало народу, и что будетъ много всяческой музыки.

Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ перевалило за 70 лѣтъ, каждый обычный этого сорту праздникъ мой кажется мнѣ послѣднимъ моимъ праздникомъ въ жизни, — старыя деревья уже идутъ на срубъ, а я уже старое дерево. Вотъ почему я всегда дорожу 26-го декабря присутствіемъ людей мнѣ особенно близкихъ и милыхъ.—Заочно поздравляю съ наступающими святками. Если выпадетъ снѣгъ и мнѣ не нужно будетъ зябнуть на дрожкахъ,— не утерплю и пріѣду къ вамъ...

СИЛЫ ЗЕМЛИ

Романъ Рене Базэна.

— *René Bazin.* Le blé, qui lève. Paris. 1907. Calmann-Lévy.

I.

Солнце склонялось къ закату. Восточный вѣтеръ увлажалъ верхушки пригорковъ и ускорялъ процессъ гніенія листвы; отъ него стволы деревъ, молодыя деревца и увядшія травы покрывались какимъ-то налетомъ, какъ это бываетъ со скалами при вѣтрѣ съ моря. Но море было далеко и вѣтеръ дулъ съ другой стороны. Воздухъ казался чистымъ, но на горизонтѣ, надъ лѣсами и опушками, въ глубинѣ тропинокъ — дымилось нѣчто голубоватое, похожее на дымъ.

— Ты увѣренъ, Ренаръ, что этому дубу сто-шестьдесятъ лѣтъ?

— Да, ваше сіятельство, его годà отмѣчены на его стволѣ: вотъ восемь красныхъ зарубокъ, сдѣланныхъ мною самимъ, когда я отмѣчалъ деревья, которыя нужно сохранить.

— Вотъ видишь, ты его спасъ, а теперь отъ меня требуютъ, чтобы я осудилъ его на смерть. Нѣтъ, Ренаръ, я этого не могу. Сто-шестьдесятъ лѣтъ! Онъ видѣлъ на своемъ вѣку нѣсколько поколѣній маркизовъ де-Мексимьё...

— Однако ужъ это выходитъ, что мы исключаемъ счетомъ тридцать-второе дерево! Въ этомъ возрастѣ, при такой грубой почвѣ, какъ наша, дубъ уже не ростетъ, онъ только становится болѣе крѣпкимъ. Впрочемъ, это не мое дѣло, пусть г. графъ переговоритъ съ г. маркизомъ.

Сторожъ смолкъ; его красное, бритое лицо выражало нѣко-

торое презрѣніе. Онъ стоялъ нѣсколько поодаль въ своемъ костюмѣ изъ темнозеленаго плиса и въ такой же шапочкѣ; въ рукахъ онъ держалъ развернутую тетрадь, озаглавленную: „Списокъ старыхъ деревьевъ въ имѣніи Фонтэнейль"; его ноги, казавшіяся слишкомъ тонкими для его грузнаго туловища, придавали ему видъ нѣмецкой маріонетки. Онъ смотрѣлъ на барина, а тотъ, любуясь стройнымъ, изящнымъ силуэтомъ дуба, говорилъ себѣ, что онъ спасъ этого красавца и придетъ весною полюбоваться на его листву.

— Видишь ли, Ренаръ,—продолжалъ Мишель де-Мексимьё,—я очень люблю мои деревья, я давно ихъ знаю, я вижу ихъ верхушки изъ окна моей комнаты. Они—болѣе надежные друзья, нежели тѣ, кто ихъ рубятъ...

— Бездѣльники эти дровосѣки, ваше сіятельство, браконьеры, дрянь-народъ...

— Нѣтъ, другъ мой. Если бы они только охотились за моею дичью, я простилъ бы имъ. Но души у нихъ, какъ и у многихъ другихъ, очень мелкія...

Мишель машинально вложилъ въ ножны у пояса топорикъ, которымъ онъ дѣлалъ помѣтки. Онъ смотрѣлъ на обширный лѣсной дворъ, заключавшій въ себѣ десять гектаровъ лѣса, почти уже срубленнаго; дровосѣки еще продолжали работать, каждый—на своемъ участкѣ.

— Скажи отцу, Ренаръ, что я буду ждать его на перекресткѣ Фонтэнейль, и вели Баптисту запречь викторію,—генералъ ѣдетъ къ поѣзду въ Корбиньи.

— Слушаю, г. графъ.

Сторожъ повернулся налѣво кругомъ и удалился бодрымъ шагомъ.

Мишель де-Мексимьё повиновался тяжелому для него и даже унизительному приказанію.

Еще въ мартѣ часть лѣсовъ была продана на срубъ мѣстному лѣсопромышленнику, а теперь, по приказанію отца, приходилось жертвовать старыми деревьями и собственноручно дѣлать на ихъ корѣ зарубки. Ренаръ находилъ, что онъ пощадилъ слишкомъ большое количество деревьевъ,—Мишель, наоборотъ, упрекалъ себя въ излишней уступчивости.

Онъ былъ молодъ, силенъ и некрасивъ. Некрасивость его происходила отъ недостатка гармоніи и соразмѣрности въ чертахъ его лица и во всей фигурѣ: длинныя ноги, короткая талія, крупная голова съ широкимъ носомъ, голубыми, глубоко сидящими глазами, длинная верхняя губа—губа оратора быть можетъ, если

бы обстоятельства жизни Мишеля сложились иначе и дозволили развиться его дарованіямъ. Лицо его выражало твердую волю, на немъ словно было начертано: „я боролся!“ Жизнь уже не ослѣпляла его, онъ имѣлъ о ней свои сужденія. Улыбка его была молода и привѣтлива, но слишкомъ мимолетна.

Теперь онъ не улыбался; онъ смотрѣлъ, прищурившись, вдаль, отыскивая взоромъ одного изъ рабочихъ—Жильбера Клокэ. Надо будетъ обратиться къ кому-нибудь изъ „соціалистовъ“.

„Спрошу у его зятя“,—подумалъ онъ.

Перепрыгивая черезъ вѣтви и обходя сложенныя въ кучу бревна, онъ достигъ середины участка. Работавшій тамъ молодой человѣкъ издали узналъ хозяина, но подпустилъ его на три шага прежде чѣмъ поклониться. Мишель де-Мексимьё уже привыкъ къ этому: онъ заговоритъ первый. Ранка оскорбленнаго самолюбія и привязанности ныла въ его душѣ, но голосъ его этого не выдалъ.

— Ну, чтò, Люрё, сегодня ночью навѣрно подморозитъ, если только вѣтеръ не спадетъ?

Молодой, но сухой голосъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, онъ не спадетъ.

Въ тонѣ, въ подчеркиваніи слова: „не спадетъ“, въ улыбкѣ, мелькнувшей надъ ниспадающими внизъ усами, можно было уловить двусмысленность: Люрё, говоря о вѣтрѣ, имѣлъ въ виду другую силу, которая тоже не спадетъ.

Дровосѣкъ, отвѣтившій этою двусмысленною фразою, былъ одного возраста съ Мишелемъ, средняго роста, съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, выражавшаго въ данную минуту самодовольство и рѣшимость—не произнести болѣе ни слова. Глаза его, недавно оживленные и насмѣшливые, теперь скрытые полуопущенными вѣками, походили на цвѣтокъ буквицы между двухъ листовъ. Онъ сбросилъ куртку на кучу стружекъ; его полосатая рубашка обрисовывала формы удивительно стройнаго и гибкаго тѣла. Зная, что товарищи издали наблюдаютъ за нимъ, онъ рѣшилъ лучше быть невѣжливымъ съ „хозяиномъ“, чѣмъ навлечь на себя обвиненіе въ томъ, что онъ „якшается съ буржуа“. Мишель понялъ это и спросилъ:

— Гдѣ вашъ тесть? Я не вижу его.

— Тамъ,—отвѣтилъ рабочій, указывая налѣво;—онъ рубитъ старое дерево.

— Благодарю васъ, Люрё. До свиданія.

— До свиданія.

Мишель прошелъ съ опушки въ лѣсъ. Метрахъ въ ста

отъ себя онъ увидалъ того, кого искалъ. Дровосѣкъ рубилъ сбоку. При каждомъ ударѣ лезвіе топора вонзалось въ стволъ и отъ него отскакивали стружки — бѣлыя и влажныя, какъ ломтики свѣжаго хлѣба; все дерево вздрагивало—до самыхъ корней. Прилипшая отъ поту къ спинѣ рубашка и поношенныя панталоны обрисовывали выдающіяся лопатки дровосѣка, его длинныя мускулистыя бедра. Свѣтлые глаза его были подернуты тѣнью, обличавшею сердечную рану. Ввалившіяся скулы, худая шея — все словно говорило о томъ, что тяжелый трудъ и бури обточили это человѣческое тѣло, срѣзали излишекъ мяса, закалили его.

— Здравствуйте, Жильберъ.

— Здравствуйте, monsieur Мишель.

Топоръ былъ брошенъ, одна рука поднялась, чтобы снять шапку, другая протянулась для пожатія. Усталое лицо дровосѣка просвѣтлѣло, какъ лезвіе топора — отъ солнечнаго луча. Лицо его было въ прошломъ красиво. Пятьдесятъ тяжелыхъ лѣтъ измѣнили его, но черты остались тонкими, и бѣлокурая борода, благородно его удлиннявшая, придавала Жильберу Клокэ видъ сѣверянина, уроженца Скандинавіи.

— Ну чтò, Жильберъ? Ты не очень доволенъ положеніемъ дѣлъ, я полагаю? Еще вчера я слышалъ звукъ трубы. Это покуда—не стачка, но тѣмъ не менѣе—угроза по нашему адресу и повтореніе предыдущаго — для васъ. Ты вѣришь въ новую стачку?

Дровосѣкъ погладилъ бороду и сощурилъ глаза.

— Не вѣрю,—сказалъ онъ ровнымъ голосомъ; — они, какъ вы говорите, хотятъ нагнать страху, боясь пониженія заработной платы. Надо надѣяться, что работа не станетъ, monsieur Мишель. Я самъ нуждаюсь въ заработкѣ...

Онъ замолчалъ, и Мишель понялъ, что онъ говоритъ о своей франтихѣ и транжиркѣ дочери, Мари Люрё. „Люрёза“ ухитрилась разорить въ конецъ бѣдняка-отца.

Издали доносились глухіе удары топора. Мишель продолжалъ:

— Но вѣдь и ты принадлежишь къ синдикату. Ты вносишь свои пять су ежемѣсячно. Я всегда этому удивлялся.

— Я съ ними, но больше сердцемъ, чѣмъ головою.

— И ты повинуешься ихъ постановленіямъ? Въ твои года!

— Такъ хочетъ партія, monsieur Мишель, но зачастую мнѣ трудно бываетъ ладить съ ними!

— Выбрали вы себѣ новыхъ хозяевъ, но едва-ли вы отъ этого выиграли! Впрочемъ, я не для этого пришелъ. Я оставилъ для себя небольшой участокъ—запасъ дровъ и лѣса на эту зиму,

и предлагаю тебѣ вырубить его. Я обратился именно къ тебѣ, какъ къ старому другу нашего дома.

Они сговорились насчетъ дня и ударили по рукамъ, а затѣмъ Жильберъ съ видимымъ замѣшательствомъ попросилъ задатка. Онъ и самъ не знаетъ, куда онъ столько тратитъ.

Мишель далъ ему луидоръ.

— А я знаю, старина. Ты черезчуръ балуешь кого-то, кто совсѣмъ тебя не балуетъ.

Мишель спустился по тропинкѣ, перепрыгнувъ черезъ ручеекъ. Сквозь вѣтви деревьевъ солнце лило цѣлые потоки пурпура; далекіе холмы казались ярко-алыми. Но въ растревоженномъ лѣсу уже умирали солнечное сіяніе и жизнь. Дрозды кружились съ криками.

— Здравствуйте, г. графъ!

Рѣзкій горловой голосъ заставилъ Мишеля вздрогнуть. Онъ замѣтилъ вблизи сидѣвшаго на камнѣ стараго бродягу, прозваннаго Грачомъ изъ-за его черныхъ космъ и черной бороды, среди которыхъ свѣтились фосфорическимъ блескомъ его бѣлесоватые глаза. Мѣстные жители почему-то боялись его.

— Я не ожидалъ видѣть васъ здѣсь, Грачъ,—сказалъ Мишель, ища въ портмонэ серебряную монету.

— Меня никогда не ждутъ,—отвѣтилъ нищій, покуривая трубку:—вы слушали птичекъ, а самая малая птаха поетъ послѣднею...

Онъ пристально посмотрѣлъ на Мишеля и проговорилъ:

— Берегитесь Люрё, г. графъ, берегитесь Турнабьена и Сюпіà, если вамъ вздумается купить косилку.

— Я никого не боюсь, Грачъ, и никто не знаетъ, что̀ я намѣренъ дѣлать.

Онъ поднесъ руку къ шляпѣ и продолжалъ свой путь, но у него мелькнула мысль: кто это могъ узнать о его намѣреніи купить косилку?

Издали доносилось дыханіе теплаго вѣтерка, этотъ поцѣлуй его, нисходящій каждый вечеръ съ воздушныхъ волнъ. Онъ проносится по лѣсамъ и лугамъ, разливаетъ повсюду свою живительную мягкость. Мишель глубоко вдохнулъ въ себя эту дивную струю, и у него словно прибавилось силъ.

Солнце стояло уже высоко надъ лѣсомъ; порою среди вѣтвей алѣла вода озера. Мишель свернулъ въ сторону, быстро прошелъ лѣсокъ и очутился на перекресткѣ.

— Вы здѣсь, папà? Я не опоздалъ?

— Нѣтъ, другъ мой, также какъ и я.

На этомъ перекресткѣ сходились двѣ дороги; одна вела къ зàмку, другая—къ деревнѣ Фонтэнейль.

Генералъ де-Мексимьё, надменный, элегантный, напоминалъ собою портреты вельможъ прежняго времени. Высокаго роста, очень стройный, онъ въ шестьдесятъ-три года считался первымъ красавцемъ въ арміи: маленькая голова, черные усы, сѣдѣющая бородка, рѣзкія правильныя черты, орлиный носъ, выпуклая грудь и стройныя ноги. „Ни унціи жиру, ни крошечки ревматизма"— такъ характеризовалъ онъ самъ себя.

На немъ былъ верховой костюмъ, какой носятъ на прогулкахъ въ Булонскомъ лѣсу: круглая шляпа, синій съ широкими концами галстукъ и сѣрая англійская пара. Хлыстикъ съ золотою ручкою торчалъ изъ-за голенища лакированнаго сапога. Генералъ смотрѣлъ съ выраженіемъ презрѣнія и вызова по направленію къ юго-востоку.

— Ты слышалъ?

— Чтò?

— То, чтò они поютъ? Они подходятъ.

До Мишеля донеслись звуки „Интернаціоналки"; словъ нельзя было разобрать, но поющіе, очевидно, приближались.

— Канальи!—ворчалъ генералъ: — можно ли пѣть эти гадости?

— Они пьяны.

— Тѣмъ хуже.

— Пьяны отъ ненависти, которую въ нихъ вливаютъ. Но первоначальный лозунгъ былъ прекрасенъ...

— Ты находишь? Не убійство ли офицеровъ?

— Нѣтъ,—братство людей.

Вѣтеръ на своихъ холодныхъ крыльяхъ доносилъ пѣснь дровосѣковъ. Порою подъ сводами лѣса она звучала мощно, какъ церковный канонъ. Наступающая темнота заставляла прислушиваться. Вдругъ слѣва показалась группа людей, шедшихъ въ безпорядкѣ. У одного изъ нихъ была на перевязи труба; другіе несли на плечахъ копья—тонкообструганныя жерди, верхушки которыхъ задѣвали вѣтви деревьевъ. Шедшій во главѣ былъ Раву́, предсѣдатель синдиката фонтэнейльскихъ дровосѣковъ, блѣдный чернобородый человѣкъ, холодно-экзальтированный теоретикъ. Онъ не пѣлъ и давно уже замѣтилъ присутствіе „буржуа". Рядомъ съ нимъ шли двое молодыхъ людей, которые пѣли, смѣялись и подставляли грудь вѣтру. За ними слѣдовалъ Люрё и еще дюжина другихъ—пожилыхъ и молодыхъ, съ оживленными и сумрачными лицами. Замѣтивъ прямо передъ собою

обоихъ де-Мексимьё, они словно смутились и пѣсня ихъ оборвалась, но Раву̀ металлическимъ голосомъ подхватилъ припѣвъ, и товарищи послѣдовали его примѣру.

Радостная искра вспыхнула въ глазахъ каждаго: злая радость, вызванная возможностью безнаказанно оскорбить врага. Они прошли, но тѣмъ не менѣе они почти всѣ приподняли шляпы и нѣкоторые поздоровались. Они удалились по направленію къ деревнѣ. За ними слѣдовала другая, болѣе многочисленная толпа.

— Они возвращаются изъ моихъ лѣсовъ и оскорбляютъ того, кто имъ даетъ хлѣбъ!—воскликнулъ генералъ:—ты знаешь всѣхъ этихъ молодцовъ?

Среди приближавшихся былъ Жильберъ Клокэ. Мишель называлъ ихъ отцу по именамъ по мѣрѣ того, какъ они проходили. При имени Гандона, маркизъ воскликнулъ:

— Гандонъ? Да вѣдь я знаю его! Бывшій кавалеристъ! Онъ былъ у меня въ дивизіи пять лѣтъ тому назадъ. Ты увидишь, какъ я научу его уму-разуму. Гандонъ!

Отъ группы отдѣлился высокій рыжій молодецъ съ веселыми глазами, съ засученными, несмотря на холодъ, рукавами и открытымъ воротомъ рубашки.

— Это ты, Гандонъ, кавалеристъ 1-го класса изъ 3-го эскадрона въ Венсеннѣ? А вѣдь я тебя узналъ.

Парень подошелъ и снялъ фуражку.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Очень радъ, что ты не такой невѣжа, какъ другіе. Ты что̀ же, сдѣлался нынче любителемъ забастовокъ?

— Мы теперь не бастуемъ.

— Знаю. Но вы вправѣ забастовать, конечно. Нашъ родъ тоже бастуетъ...

— Вы шутите, ваше превосходительство? — осклабился парень.

— Нѣтъ. Вся разница въ томъ, что мы бастуемъ въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ, и, пользуясь этимъ, нашъ родъ служилъ родинѣ почти безъ вознагражденія въ рядахъ арміи, дипломатіи, духовенства. У насъ былъ и остался тотъ же господинъ: отечество. А вспоминаешь ли ты полкъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Помнишь наши сентябрскіе маневры, аттаку, смотръ?

— Такъ точно.

— Скажи, развѣ начальство плохо съ тобою обращалось, плохо кормило?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, пожаловаться—грѣхъ! — отвѣтилъ парень, подумавъ и угадывая въ этомъ вопросѣ „политику".

— Видишь, Мишель? Онъ не даромъ прошелъ мою школу! Ты былъ неправъ, Гандонъ, связавшись съ революціонерами.

— Это—партія.

— Безпорядка!

— Возможно.

Парень уже былъ настороже; смущенная улыбка исчезла съ его лица, ставшаго сумрачнымъ и недовѣрчивымъ. Генералъ выпрямился. Стоя между своимъ сыномъ и дровосѣкомъ, онъ казался дубомъ между двухъ молодыхъ деревьевъ. Вытянувъ повелительно руку, онъ проговорилъ, словно отдавая приказъ по полку.

— Я не хочу, чтобы ты губилъ себя съ ними, Гандонъ. Въ случаѣ мобилизаціи, мы опять пойдемъ вмѣстѣ. Ты не вѣришь въ то̀, что̀ ты пѣлъ сейчасъ!

Отвѣта не было. Генералъ поблѣднѣлъ и подошелъ къ нему.

— Это невозможно. Ты? Мой солдатъ? Подойди пожать руку твоему генералу.

Дровосѣкъ отступилъ, посмѣиваясь. Его ждали, за нимъ наблюдали. Вдругъ онъ повернулся и побѣжалъ вслѣдъ за товарищами. Снова молодой голосъ затянулъ язвительный куплетъ, и въ обманчивой тишинѣ лѣса и ночи звучали отголоски политическихъ страстей.

Когда замолкли шаги и голоса, казавшіеся маркизу дурнымъ сномъ, онъ посмотрѣлъ на сына—менѣе высокаго, красиваго и сильнаго, чѣмъ онъ, менѣе, повидимому, закаленнаго для борьбы. Несмотря на густыя сумерки, Мишель почувствовалъ презрительное состраданіе, это „непризнаніе", тяготѣвшее надъ всею его молодостью.

— Скажи, тебѣ не тяжело имѣть дѣло съ этими скотами?

— Что̀ же дѣлать! Это—послѣдствіе многихъ ошибокъ. На комъ изъ насъ нѣтъ грѣха?

— Не на мнѣ! Я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. У нихъ нѣтъ ни сердца, ни отечества, ничего. И ты еще защищаешь ихъ!

Снова Мишель почувствовалъ, какъ отецъ презираетъ его за все: за его идеи, за его профессію, за его сложеніе, за его молчаніе въ данную минуту, которое онъ считаетъ трусостью. У него не достало силъ защищаться, объяснять, сохраняя при

этомъ почтительность, которою онъ былъ обязанъ по отношенію къ отцу и къ самому себѣ. Поэтому онъ сказалъ:

— Пойдемте, вѣдь вамъ нужно поспѣть въ Парижъ къ завтрашнему дню.

Они быстро пошли по направленію къ зàмку. Становилось очень холодно, вѣтеръ со свистомъ проносился въ вѣтвяхъ, запахъ опавшихъ листьевъ чувствовался сильнѣе, небо блѣднѣло и кое-гдѣ показывались звѣзды.

Мишель спросилъ отца: скоро ли онъ думаетъ вернуться? Имъ почти не пришлось видѣться. Генералъ отвѣтилъ, что онъ пріѣдетъ ко дню уплаты денегъ лѣсопромышленникомъ. Кстати, онъ обѣщалъ внести впередъ часть денегъ за старые дубы. Всѣ ли ихъ отмѣтилъ Мишель для порубки? Почти всѣ? Какъ почти? Ему необходимо получить 30 тысячъ франковъ въ два срока. Имѣются ли они въ кассѣ?

Мишель сдѣлалъ уклончивое движеніе.

— Говорю тебѣ, что онѣ мнѣ необходимы!—возвысилъ голосъ генералъ.—Ты долженъ ихъ достать; если нѣтъ старыхъ деревьевъ, пусть рубятъ полувѣковыя, молодыя, все равно. Ты завтра же этимъ распорядишься!

— Нѣтъ, папà.

Рука генерала—нервная, сильная—опустилась на плечо Мишеля.

— Кто здѣсь хозяинъ? Я никогда не отдаю приказаній дважды.

Маркизъ увидѣлъ во мракѣ поднятое къ нему лицо сына—такое же твердое и рѣшительное, какъ его собственное.

— Это невозможно, папà. Вы губите будущность имѣнія.

— Оно—мое, полагаю?

— Вы забываете, что съ нимъ связана и моя будущность; я не могу истреблять лѣсовъ.

Генералъ двинулся далѣе, проговоривъ:

— Все, чтò я могу тебѣ сказать, другъ мой, это—тò, что у меня нѣтъ денегъ: причина, стоющая всѣхъ остальныхъ.

Замокъ Фонтэнейль было зданіе XVIII вѣка съ террасою и двумя круглыми башенками, увѣнчанными остроконечною кровлею. Уже во дворѣ генералу пришло въ голову, что онъ почти не видался съ сыномъ за эти сутки. Онъ сталъ разспрашивать его о сосѣдяхъ, о новомъ кюрэ, и даже передалъ сто-франковый билетъ „на бѣдныхъ“; что же касается до ремонта крыши, конюшенъ и еще чего-то—съ этимъ придется обождать.

Экипажъ подали, и генералъ вскочилъ въ него.—До свиданія!

Въ Корбиньи, вѣроятно, есть автомобили? Въ слѣдующій разъ надо будетъ взять автомобиль. Экипажи уже устарѣли. До свиданія!

Проводивъ отца, Мишель наскоро пообѣдалъ одинъ въ столовой за столомъ, за которымъ когда-то помѣщалось пятьдесятъ человѣкъ гостей.

Онъ былъ грустенъ. Рубить дубы, уничтожать красу лѣса, истреблять еще и еще! Что̀ онъ можетъ сдѣлать? Онъ не хозяинъ. И скоро отъ этой красы ничего не останется. Никакими улучшеніями, никакою его работою отецъ не интересуется. Пусть бы онъ уступилъ ему часть имѣнія, хотя ферму, гдѣ бы онъ могъ приложить свои знанія. Поговорить развѣ съ матерью?

Генералъ, вслѣдствіе избытка жизненности, принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые всегда спѣшатъ, увлекаютъ за собою другихъ, никого не выслушиваютъ до конца, все понимаютъ съ полуслова и не допускаютъ возраженій. Всякая духовная жизнь внушаетъ имъ смутную вражду, и, быть можетъ, это помѣшало ему ближе узнать Мишеля и познакомиться съ его духовнымъ міромъ.

Мать Мишеля, добрая женщина, любившая его по-своему, много выѣзжала и была поглощена исполненіемъ свѣтскихъ обязанностей, и ребенокъ съ раннихъ лѣтъ смутно чувствовалъ себя лишнимъ въ семьѣ. Въ восемнадцать лѣтъ онъ ощутилъ это вполнѣ опредѣленно. На другой день послѣ того, какъ онъ сдалъ экзаменъ на баккалавра (этотъ день остался памятнымъ для него), ему пришлось выдержать другой экзаменъ.

Отецъ стоялъ у камина, мать полулежала на бержеркѣ.

— Ну, Мишель, какую же карьеру ты намѣренъ себѣ избрать? Только одну я запрещаю тебѣ: военную. — Почему?— Потому что ты не созданъ для нея.

Взглядъ отца досказалъ его мысль. Изъ сына не вышелъ ожидаемый полубогъ. Онъ словно былъ не изъ рода легендарно красивыхъ де-Мексимьё, онъ не будетъ изящнымъ кавалеристомъ, блестящимъ военнымъ „орломъ", которымъ любуются солдаты и толпа. Мишель угадалъ недосказанное и отвѣтилъ:—Успокойтесь, я буду земледѣльцемъ.

Онъ мысленно давно уже это рѣшилъ. Онъ любилъ землю врожденною любовью, любилъ тишину лѣсовъ, не нарушаемую встрѣчею съ крестьянами, любилъ народъ. Ему улыбалась культурно-просвѣтительная роль крупнаго землевладѣльца, одушевленнаго прогрессивными стремленіями. Вскорѣ послѣ разговора съ отцомъ, Мишель поступилъ на курсы земледѣлія и, окончивъ ихъ, поселился въ Корбиньи.

Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ. Сколько усилій! Сколько плановъ! Онъ успѣлъ сжиться съ землею, пріобрѣсти нѣкоторый опытъ, побороть враждебность, установившуюся за долгое время отсутствія владѣльцевъ между ними и крестьянами. Но генералъ грозитъ загубить все дѣло его жизни. Мать должна помочь ему; она по временамъ навѣщаетъ его, хотя ненавидитъ деревню, и проситъ его то показать ей образцоваго бычка изъ Рамбульѐ, то указать разницу между букомъ и дубомъ. Здѣсь во всякомъ случаѣ жизнь его не безполезна; здѣсь онъ, быть можетъ, найдетъ счастье. Ему вспомнились дровосѣки, пѣвшіе „Интернаціоналку“, и онъ съ грустною улыбкою поглядѣлъ въ окно на поднимавшійся туманъ.

— Какую пользу я принесъ? Я хотѣлъ жить не для себя. Я мечталъ поднять умственный и нравственный уровень деревни. Но что̀ я сдѣлалъ до сихъ поръ? Въ чемъ мое вліяніе? Чью дружбу я пріобрѣлъ? Какъ они отвѣтили сегодня на благородныя въ общемъ — слова отца? Я мечталъ, что у насъ будетъ все общее: интересы, вѣра...

Мишель выпрямился; онъ словно прислушивался къ чьимъ-то словамъ.

— И все же я принадлежу имъ навѣки. Они—мнѣ братья.

Ночь становилась болѣе мягкою и поля жадно впивали миръ, невѣдомый среди дневной суеты.

Неподалеку отъ за̀мка въ поселкѣ, состоявшемъ всего изъ пяти домовъ, Жильберу Клокэ тоже не спалось. Его тревожили денежныя заботы. Онъ недостаточно заработываетъ,—на пропитаніе, положимъ, хватаетъ, но онъ совсѣмъ обносился, даже по праздникамъ стыдно выйти. Но дѣло не въ этомъ, а въ Мари. Она транжирка.—„Отецъ, у насъ нѣтъ зерна для птицы.—Отецъ, лавочникъ не отпускаетъ хлѣба въ долгъ. — Мы задолжали хозяину за аренду. Насъ опишутъ!“

Опись у дочери Жильбера Клокэ! Нѣтъ, онъ этого не допуститъ. Завтра онъ отдастъ ей половину денегъ, полученныхъ въ задатокъ отъ monsieur Мишеля за неначатую еще работу. А затѣмъ онъ наймется къ нему же весною—косить сѣно.

Жильберъ ворочался съ боку на бокъ. У сосѣдей что-то хлопало и стучало. Никому нѣтъ до него дѣла, никто его не жалѣетъ, за исключеніемъ monsieur Мишеля, а того всѣ ненавидятъ за то, что онъ—аристократъ.

II.

Жильберъ Клокэ умѣлъ порядочно писать, читать, считать; онъ обучался даже катехизису, и когда ему минуло одиннадцать лѣтъ, мать его, тетушка Клокэ, хотя и сокрушавшаяся въ душѣ о томъ, что нужно будетъ съ нимъ разстаться, объявила, что ему уже пора зарабатывать свой хлѣбъ, такъ какъ онъ — взрослый.

Въ ближайшее передъ Ивановымъ-днемъ воскресенье она повела его на ярмарку въ Базолль—наниматься.

Площадь кишѣла фермерами, явившимися искать прислугу. У парней, нанимавшихся въ возчики, былъ повѣшенъ на веревкѣ вокругъ шеи кнутъ, у землепашцевъ красовался на шляпѣ зеленый листъ, дѣвушки держали въ рукахъ розы, но одѣты онѣ были бѣдно—для того, чтобы ихъ не сочли транжирками, хотя каждая принесла съ собою узелокъ съ хорошимъ платьемъ и лентою, съ тѣмъ чтобы принарядиться къ танцамъ. Всѣ явились съ матерями, съ родными или друзьями. Съ Жильберомъ пришла мать его — въ черномъ, съ красными глазами, старая Клокетта, хорошо извѣстная въ Фонтэнейлѣ и Базоллѣ, какъ женщина бѣдная, но трудолюбивая, опрятная и бережливая. Мальчикъ былъ младшимъ изъ всѣхъ пришедшихъ наниматься, и мать спрашивала себя: возьметъ ли кто-нибудь одиннадцатилѣтняго мальчугана въ деревянныхъ башмакахъ и синей блузѣ, съ лицомъ бѣлокурой веснущатой дѣвочки, но съ живыми, прозрачно голубыми глазами, смотрѣвшими изъ-подъ широкополой шляпы?

Первымъ нанимателемъ оказался одинъ изъ самыхъ крупныхъ фермеровъ, г. Онорэ Фортьè, только-что наслѣдовавшій отъ отца аренду ста гектаровъ земли, находившихся подъ фермою „La Vigie". Онъ освѣдомился: случалось ли мальчику пасти коровъ?

— Частенько, г. Фортьè,—отвѣтила, присѣдая, Клокетта,— онъ ихъ не боится, ему даже хочется пахать...

— Ну, это еще рановато, но мальчонка мнѣ приглянулся.

Онъ смѣрилъ взглядомъ ширину груди Жильбера, ощупалъ его руки, слегка встряхнулъ его за плечи и предложилъ „для начала" пистоль въ мѣсяцъ. Мать согласилась и шепнула мальчику, чтобы онъ снялъ шляпу и поблагодарилъ хозяина „за честь".

Фермеръ вынулъ изъ кошеля монету въ сто су, отдалъ ее матери и обратился къ мальчику:

— Слушай, пастухъ! Можешь остаться у меня два года,

десять, двадцать лѣтъ, станешь человѣкомъ; съ однимъ только условіемъ: слушайся меня во всемъ.

Они пожали другъ другу руки, и Жильберъ пошелъ за вещами, такъ какъ ему предстояло въ тотъ же вечеръ перебраться на ферму.

— Ты доволенъ?—спросила мать.

— Ничего себѣ.

— Что же ты ничего не сказалъ?

— А зачѣмъ?

Онъ былъ изъ того края, гдѣ воля сильна, но лицо остается безстрастнымъ, а языкъ зачастую молчитъ.

Отечествомъ Жильбера сдѣлалась ферма, величественно расположенная на вершинѣ круглаго холма, откуда открывались безконечные горизонты воздѣланныхъ золотыхъ полей, темныхъ лѣсовъ, озеръ, деревень, прячущихся въ зелени, подобно макамъ,— вплоть до горъ, далекихъ, прозрачныхъ, вѣчно мѣняющихъ оттѣнки.

Красота мѣстности втайнѣ восхищала маленькаго пастуха, зрѣніе котораго изощрялось среди простора. Ему хотѣлось приняться поскорѣе за ремесло пахаря: ходить съ пѣснею во главѣ упряжки, погонять четырехъ бѣлыхъ быковъ, носившихъ имена: Гривò, Шавò, Монтаня и Россиньò. Онъ постепенно повышался въ чинѣ и жалованье его увеличивалось. Для того, чтобы Фортьè могъ вносить высокую арендную плату—десять тысячъ франковъ въ годъ—приходилось много и упорно работать, и всѣ относились къ труду очень добросовѣстно; притомъ хозяинъ былъ требователенъ и отъ него ничто не ускользало. Г-жа Фортьè походила на него серьезностью и ровностью нрава, и на фермѣ царила образцовая дисциплина труда.

Времена года смѣняли другъ друга, чередовались—зелень пастбищъ, лиловатый оттѣнокъ, лежащій на паровыхъ поляхъ, блѣдное золото овса, червонное золото ржи. Въ теченіе десяти, двѣнадцати, четырнадцати часовъ земля поглощала всѣ жизненные соки людей. Какъ же было ей не давать жатвы?

Иногда съ зарею Фортьè, выйдя на дворъ, обращался къ рабочимъ.

— Ну, ребята, сегодня у насъ будетъ трудный денекъ! Если къ вечеру вспашемъ участокъ, я плачу за красное вино! Кто уберетъ сѣно до грозы? Кто снесетъ бòльшее число мѣшковъ въ житницу? Кто взберется на самое высокое дерево и собьетъ каштаны?

Въ такихъ случаяхъ Жильберъ всегда оказывался первымъ.

Бѣлокурый мальчикъ сталъ бѣлокурымъ молодымъ парнемъ — однимъ изъ наиболѣе ловкихъ и выносливыхъ. Онъ казался нѣсколько серьезнымъ и разсѣяннымъ, но при волненіи или шуткѣ глаза его оживлялись и приподнимались уголки губъ, опушенныхъ золотистымъ пухомъ. Онъ спалъ крѣпкимъ сномъ—безъ сновидѣній; жизнь онъ велъ трезвую, былъ умѣренъ въ своихъ потребностяхъ и сохранялъ цѣломудріе. Мать огорчалась только его равнодушіемъ къ церкви.

Онъ уже около года былъ первымъ работникомъ на фермѣ. Его голубые, безстрашно спокойные глаза, молодые усики, свѣжее лицо подъ золотистымъ загаромъ, нѣкоторая склонность къ молчаливости, высокій ростъ, смѣлая походка, привычка высоко держать голову, увѣренное движеніе, какимъ онъ брался за рукоять плуга или подхватывалъ вилами двойной снопъ сѣна, словно это были тростинки, его спокойная веселость, репутація работящаго и бережливаго малаго—все это нравилось дѣвушкамъ, и не разъ, когда онъ ходилъ за плугомъ, онѣ заговаривали съ нимъ:—Здравствуйте, мосьё Жильберъ! Будете въ воскресенье на танцахъ?

— Не знаю. Какъ случится.—Онъ не пояснялъ, что̀ можетъ задержать его, а темноволосыя или бѣлокурыя головы въ бѣлыхъ чепцахъ слѣдили поверхъ колючей изгороди за парнемъ, шагавшимъ задумчиво и сосредоточенно, какъ его быки.

Въ разговорахъ, если только они не относились непосредственно къ его дѣлу, Жильберъ мало принималъ участія, но онъ ко всему прислушивался: къ толкамъ по поводу того, что̀ пишутъ, напримѣръ, въ газетахъ, которыя многими читались и обсуждались на фермѣ, и мало-по-малу въ немъ незамѣтно совершалась извѣстная работа мысли. Онъ самъ не зналъ, къ хорошему это или къ дурному, но многія прежнія вѣрованія его постепенно отпадали. Изъ тумана смутныхъ и чуждыхъ идей для Жильбера выдѣлилась и уяснилась только одна: идея справедливости; въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ людьми онъ постоянно проявлялъ ее. Если онъ слышалъ о плохо выполненной работѣ, о разныхъ мошенническихъ продѣлкахъ: дурной кладкѣ дровъ, порубкахъ, порчѣ деревьевъ, которыми зачастую хвастались дровосѣки, онъ краснѣлъ отъ гнѣва и громко говорилъ:— „Кто такъ поступаетъ, тотъ—негодный рабочій!“ Ни смѣшки, ни ругательства не дѣйствовали на него, а угрозъ онъ никогда не слышалъ, такъ какъ онѣ произносились вполголоса: кулаковъ его опасались, и у него была привычка смотрѣть людямъ прямо въ глаза, которая не обѣщала ничего хорошаго обидчику.

Съ хозяиномъ у него тоже бывали стычки, но тайная любовь къ фермѣ заставляла его мириться съ хозяиномъ—самовластнымъ, но въ корнѣ справедливымъ. И тотъ, со своей стороны, хотя онъ и не высказывалъ этого, высоко цѣнилъ умѣнье и честность старшаго работника, — что̀ онъ и доказывалъ на дѣлѣ, давая Жильберу отвѣтственныя порученія по части покупки и доставки скота. Такимъ образомъ, Жильберъ побывалъ въ Нанси, въ Ліонѣ, что̀ увеличило его опытъ и придало ему увѣренности.

Въ двадцать-четыре года — въ качествѣ сына вдовы онъ былъ освобожденъ отъ военной службы—Жильберъ считался богатымъ человѣкомъ и могъ выбирать жену среди лучшихъ невѣстъ, но, къ изумленію всѣхъ и къ ужасу матери, онъ женился на дочери мелкаго лавочника, хорошенькой дѣвушкѣ, похожей на барышню, но не пріученной къ хозяйству. Два мѣсяца спустя, мать его умерла, увѣренная, что сынъ ея будетъ несчастливъ.

Она ошиблась только наполовину. Кокетливая дѣвушка сдѣлалась женщиною вполнѣ скромною, да Жильберъ и не потерпѣлъ бы ухаживанія, но она любила наряжаться, была слабаго здоровья и неспособна держать домъ въ порядкѣ. Жильберъ поселилъ ее въ домикѣ ближайшей деревни и приходилъ домой ночевать. Онъ любилъ ее всею силою своей непочатой молодости; она тоже любила его по-своему, и ей доставляло удовольствіе показываться подъ-руку съ первымъ красавцемъ во всемъ околоткѣ, на свадьбахъ, ярмаркахъ, ѣздить съ нимъ по окрестностямъ, когда Фортьѐ посылалъ его съ порученіями. Но она сохранила свои вкусы полугорожанки; все валилось у нея изъ рукъ, даже куры ея—и тѣ не лоснились, какъ куры ея сосѣдки, г-жи Жюстамонъ. Она жаловалась, что скучаетъ, почти не видя мужа, котораго Фортьѐ иногда не отпускаетъ даже по воскресеньямъ. На что̀ ей и деньги?

Вода точитъ камень—жалобы Адели медленно подтачивали сильную волю Жильбера.

Онъ сознавалъ, что неправъ, покидая ферму, въ каждую пядь земли которой онъ вложилъ свой трудъ, но слова любимой женщины, толки новаго поколѣнія людей—повліяли на него, и въ 1883 г., въ разгаръ сѣнокоса, онъ, поспоривъ о чемъ-то съ хозяиномъ, заявилъ ему, что съ Иванова-дня онъ оставляетъ ферму.

Лицо Онорэ Фортьѐ вспыхнуло отъ гнѣва и постарѣло на десять лѣтъ.

— Почему ты хочешь уходить?

— Чтобы стать самому себѣ господиномъ.

— Будь себѣ господиномъ. Я уже не господинъ тебѣ. Околѣвай съ голоду, если хочешь. Запомни только одно: ни теперь, ни потомъ, когда ты состаришься, я не возьму тебя.

— Я и не приду къ вамъ, мосьё Фортьѐ.

— Если бы ты на колѣняхъ сталъ меня просить, я и то бы не взялъ тебя. Идемъ. Я дамъ тебѣ разсчетъ сейчасъ же! Нечего ждать Иванова-дня.

Жильберъ пошелъ впереди и слышалъ, какъ хозяинъ, слѣдуя за нимъ, ворчалъ:

— Девятнадцать лѣтъ жили по хорошему! Девятнадцать лѣтъ ты имѣлъ хорошій заработокъ... Пожалѣешь ты о своемъ хозяинѣ, Жильберъ Клокэ!

Затѣмъ Жильберъ разслышалъ слова:

— Ты неправъ. Ты поступаешь несправедливо.

Жильберъ съ гнѣвомъ обернулся.

— Запрещаю вамъ такъ говорить! Я — въ моемъ правѣ, тутъ нѣтъ несправедливости. Вы замѣните меня другимъ.

Голосъ отвѣчалъ:

— По нашимъ временамъ, хорошіе служащіе—незамѣнимы. Ты уходишь безъ уважительныхъ причинъ и совершаешь несправедливость...

На этомъ разговоръ оборвался.

Вечеромъ Жильберъ въ послѣдній разъ пошелъ знакомою дорогой; онъ ничего не видѣлъ, чувство гордаго самодовольства все разрушало. Онъ увидитъ, наконецъ, какъ ростетъ его дочка.

Четыре года тому назадъ у него родилась дѣвочка, которую онъ видѣлъ въ большинствѣ случаевъ лишь спящею. Теперь она будетъ лучше знать отца.

Для Жильбера началась новая эра. Ему было тридцать лѣтъ. Онъ былъ въ цвѣтѣ силъ, всѣ знали его за прекраснаго работника, его всюду приглашали, между прочимъ—управляющій маркиза де-Мексимьё. Жилось веселѣе, хотя трудъ былъ тяжелый и случайный. Низкія цѣны и прогульные дни портили дѣло. Съ ноября до марта случалось иногда сидѣть почти безъ работы.

Въ лѣтнюю и осеннюю пору Жильберъ старался наверстать. Возвращаясь домой изъ лѣсу, онъ высоко поднималъ свою дѣвочку, которая говорила, что „папа любитъ долго гулять въ лѣсу“, и отвѣчалъ, смѣясь и заглядывая въ ея блестящіе лукавые глазки:

— Я работаю, моя маленькая Мари, для того, чтобы вы обѣ могли не работать.

Онъ пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ среди товарищей за свою силу и безпристрастіе, и они зачастую прибѣгали къ нему при рѣшеніи какихъ-нибудь споровъ. Жильберъ игралъ роль посредника, улаживавшаго недоразумѣнія между рабочими и приказчиками. Онъ жаловался во всеуслышаніе—другіе дѣлали это исподтишка—на недостаточное вознагражденіе.

Тѣмъ временемъ здоровье окончательно стало измѣнять Клокеттѣ, она теряла зубы, волосы; ей уже не доставляли удовольствія наряды. Мари, наоборотъ, становившаяся красивѣе, чѣмъ была въ молодости ея мать, тонкая блондинка, съ прелестными, но легко вспыхивавшими гнѣвомъ глазами, росла, какъ молодой дубъ на опушкѣ. Отецъ не находилъ ничего въ мірѣ красивѣе ея и очень ее баловалъ. Въ свое извиненіе онъ говорилъ:

— Я такъ мало бываю дома, что не хочу доводить ее до слезъ, когда я бываю съ нею. Она не успѣетъ меня полюбить, видя меня только за ужиномъ.

Десяти лѣтъ Мари конфирмовалась; это было большимъ праздникомъ, связаннымъ съ большими тратами для Клокэ. Жильберъ хотѣлъ, чтобы его дочка была всѣхъ нарядиѣе.

Два года спустя, Клокетта умерла, и это послужило для Жильбера источникомъ новой печали и заботъ. Хотя и покойная была плохая хозяйка, но съ дочерью вышло хуже; она не выучилась даже той несложной стряпнѣ и шитью, съ которыми справлялась Клокетта. Жильберъ пробылъ дома цѣлую недѣлю, стараясь ближе познакомиться съ характеромъ и склонностями Мари, пріохотить ее къ работѣ. Въ сущности, она въ четырнадцать лѣтъ была здорова и сильна, какъ шестнадцатилѣтняя, и легко могла бы справляться съ хозяйствомъ.

Но отецъ натолкнулся на отказъ, сначала—въ формѣ ласки и упрашиваній, а потомъ—въ видѣ упрямаго, глухого, гнѣвнаго сопротивленія, весьма похожаго на неблагодарность.

На восьмой день къ Жильберу подошла сосѣдка, тетка Жюстамонъ.

— Дядя Клокэ,—сказала она,—у меня пятеро ребятъ на рукахъ, съ вашею будетъ шестеро. Не безпокойтесь ни о чемъ.

И Мари продолжала лѣнтяйничать и играть съ младшими дѣтьми тетки Жюстамонъ. Она собиралась поступить въ бѣлошвейки для того, чтобы „видѣть людей".

Домъ Жильбера сталъ еще неуютнѣе, а самъ онъ—еще болѣе одинокимъ и несчастнымъ, чѣмъ прежде. Онъ ближе сошелся съ товарищами; иногда онъ даже засиживался съ ними до поздняго часа въ кабачкѣ, гдѣ лились горячія рѣчи. Платье его было

заношено; онъ обросъ бородою и началъ по внѣшности опускаться. Сосѣди говорили про него:

— Жильберъ Клокэ дичаетъ!

Но онъ жилъ, наоборотъ, болѣе полною жизнью, жилъ для другихъ и съ другими. Нарождалась новая корпорація, и его душа была полна иллюзій, благороднаго негодованія и восторга.

Въ 1891 году дровосѣки Ньевра объединились для того, чтобы добиться повышенія заработной платы. Въ лѣсахъ, въ часъ отдыха, въ кабачкахъ, по воскресеньямъ и на фермахъ, гдѣ машины уже сокращали ручной трудъ, всюду собирались крестьяне и рабочіе и обсуждали свои дѣла. Старыя деревья вздрагивали при звукѣ новыхъ словъ: „интересы трудящихся, объединеніе, поддержимъ свои права, устроимъ кассу взаимопомощи"...

Жалобы увеличивались. „Нельзя жить... Торговцы эксплуатируютъ народъ... Чтò это за плата: одинъ франкъ пятьдесятъ сантимовъ? У насъ—жены, дѣти!" Произносились и другія слова; не всѣ вѣрили имъ, но они чувствовались въ воздухѣ—вмѣстѣ съ запахомъ наливающихся почекъ и молодой листвы. Люди говорили: будущее принадлежитъ народу. Демократія создастъ новый міръ... Всѣ имѣютъ право на хлѣбъ, право на землю.

Жильберъ Клокэ съ его жаждою справедливости былъ однимъ изъ первыхъ, потребовавшихъ учрежденія синдиката. Онъ говорилъ безъискусственно, но со сдержанною силою и вначалѣ — съ легкимъ заиканіемъ, придававшимъ какую-то внезапность его фразамъ. Но онъ пользовался доброю славой среди товарищей, ему поручались переговоры съ другими синдикатами, онъ редактировалъ условія, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жилъ для того, чтò онъ съ гордостью называлъ „дѣломъ справедливости".

Жильберу случилось даже попасть на часъ въ знаменитости.

Онъ присутствовалъ на собраніи лѣсопромышленниковъ и рабочихъ въ Неверѣ, въ 1893 году, на которое явились представители синдикатовъ различныхъ округовъ. Когда дровосѣкамъ предложили изложить ихъ требованія, нѣсколько голосовъ крикнули:

— Клокэ! Пусть говоритъ Клокэ!

— Здѣсь господинъ Клокэ?—спросилъ префектъ.

— Рабочій Клокэ здѣсь!—отвѣтилъ Жильберъ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ сенсацію. Затѣмъ высокій дровосѣкъ, ничуть не стѣсняясь и чувствуя поддержку въ сердцахъ и сверкающихъ глазахъ зрителей, продолжалъ:

— Мы жить хотимъ. Мы не богатства требуемъ, а хлѣба, и готовы отказаться отъ сала для того, чтобы купить ленточку на-

шимъ дочерямъ. У меня у самого ростетъ дочь. Мы желаемъ, чтобы всѣ торговцы приняли предлагаемый нами тарифъ. Тогда мы всѣ станемъ на работу. Намъ нужна справедливость, которую изгнали изъ лѣсовъ!

Ему апплодировали за громкій голосъ, высокій ростъ, за его безстрашіе. Это былъ настоящій тріумфъ. Его проводили съ пѣніемъ „Марсельезы" до дому, на порогѣ котораго стояла красивая блѣдная Мари, выбѣжавшая на звуки пѣнія.

Молодой дровосѣкъ выступилъ впередъ и спросилъ:

— Онъ здòрово говорилъ, папá-Клокэ. Да здравствуетъ Мари Клокэ! Да здравствуетъ папá-Клокэ!

Его уже второй разъ называли „папá-Клокэ", но, упоенный славою, онъ не обратилъ на это вниманія и отвѣтилъ:

— Молодъ еще ты, чтобы смѣяться, Люрё! Я сдѣлалъ то, чтò надо. Надѣюсь, что намъ удастся добиться своего. Угости товарищей стаканчикомъ вина и поцѣлуй меня, Мари.

И Мари съ глазами дикой козы—длинными, золотистыми и жгучими—поцѣловала его.

Славѣ скоро пришелъ конецъ. На первыхъ же забастовкахъ Жильберъ сталъ осуждать крайнія выходки и насилія со стороны нѣкоторыхъ молодыхъ. Онъ отказался принять участіе въ разгромленіи дома одного „эксплуататора". Въ другой разъ, онъ протестовалъ противъ „снятія съ работъ" тѣхъ, кто не принадлежалъ къ синдикату.—„У нихъ тоже есть жены и дѣти, которыя пить-ѣсть хотятъ".—Въ третій разъ, когда ему пришлось видѣть избіеніе шести человѣкъ, не пожелавшихъ примкнуть къ стачкѣ, которыхъ окружили, повели по деревнямъ, толкая ихъ и нанося имъ удары, Жильберъ не выдержалъ и вступился за избиваемыхъ. Во мракѣ произошла свалка, и Жильберъ вернулся ночью домой въ разорванномъ платьѣ, съ окровавленною челюстью.

— Не безпокойся. Другимъ больше досталось! — сказалъ онъ испуганной Мари.

Онъ нажилъ себѣ этимъ непримиримыхъ враговъ. Друзья слабо защищали его, и когда одинъ изъ главарей — Сюпіá — предложилъ избрать вмѣсто него предсѣдателемъ синдиката Раву, импонировавшаго имъ своимъ каменнымъ безстрастіемъ, всѣ согласились. — Разъ уже машина пущена въ ходъ, нечего ее тянуть назадъ, Жильберъ!

Онъ сожалѣлъ не о потерянной власти, но о томъ, что не могъ противодѣйствовать тому, чего не одобрялъ.—Такое хорошее дѣло,—и они его портятъ!

Проходили мѣсяцы и годы; Мари стала взрослою дѣвушкой и ходила работать поденно, но работала она неровно, иногда— съ большимъ рвеніемъ, иногда же—у нея все валилось изъ рукъ и отъ нея нельзя было добиться ни слова.

Отецъ боялся ее и за нее. Часто онъ думалъ о ней за работою. Что-то она дѣлаетъ? У нея, какъ у всѣхъ дѣвушекъ ея возраста, есть тайны, которыхъ она ему не довѣряетъ. Какая жалость, что нѣтъ матери!

Когда онъ пытался пожурить ее, она дѣлалась необычайно ласкова и очень ловко успѣвала увѣрить его, что люди сплетничаютъ на ея счетъ потому, что завидуютъ ей, какъ прежде завидовали ему. Втайнѣ онъ не совсѣмъ вѣрилъ ей, но потребность вѣры была слишкомъ велика, и вечеръ заканчивался по наружности мирно. Онъ закуривалъ трубочку, въ небѣ зажигались звѣзды, и сосѣди, слыша веселый смѣхъ Мари, радовались за отца.

Когда Мари заявила, что она желаетъ выйти за Этьена Люрё, отецъ хотя и зналъ его за лѣнтяя и мота, не съумѣлъ ей отказать. Онъ поступилъ какъ мать, желающая во что бы то ни стало счастья дочери. Онъ отдалъ ей всѣ свои сбереженія: четыре тысячи франковъ, плоды многолѣтней тяжелой работы, для того, чтобы она могла взять въ аренду небольшую ферму. У Мари былъ работникъ, она пріобрѣла новую мебель, коровъ, овецъ, пару лошадей, золотые уборы и право — глядѣть сверху внизъ на своихъ прежнихъ товарокъ-бѣлошвеекъ. Люрё сразу вошли въ долги, но самъ онъ клялся, что за пять лѣтъ все выплатитъ всѣмъ—до гроша.

Напрасно тетушка Жюстамонъ предупреждала Жильбера передъ свадьбой:

— Не мое дѣло, конечно, сосѣдъ, но не слѣдуетъ всего отдавать дѣтямъ! Они берутъ это какъ должное и даже спасибо не скажутъ.

Жильберъ отвѣчалъ:

— Я работалъ для жены, и она умерла; я работалъ для товарищей, и они покидаютъ меня; теперь я пробую пріобрѣсти любовь дочери и зятя. Не мѣшайте мнѣ.

Прошло еще семь лѣтъ, и многое вокругъ Жильбера измѣнилось. Ферма „La Vigie“ процвѣтала, стада увеличились, фермеры богатѣли, но рабочіе-поденщики жаловались, такъ какъ работы было меньше, вслѣдствіе большого количества машинъ: сѣялокъ, вѣялокъ, молотилокъ и проч. Дровосѣки, въ силу угрозъ, стачекъ, даже насилій, цѣною голодовокъ и лишеній, добились уве-

личенія платы, но толпы безработныхъ стекались отовсюду и записывались въ синдикатъ.

Жильберъ очень страдалъ отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Ему было пятьдесятъ-два года. Привычка къ труду, свѣжій воздухъ, жизнь въ бѣдности—закалили его, и онъ работалъ какъ молодой. Когда, по воскресеньямъ, онъ, почистившись и пріодѣвшись, рано вечеромъ возвращался изъ трактира, гдѣ выпивалъ иногда стаканчикъ вина, многіе встрѣчавшіеся по дорогѣ принимали его за молодого, особенно когда глаза у него смѣялись.

Но смѣялся онъ рѣдко; товарищи, сохраняя къ нему уваженіе, расходились съ нимъ; дѣла Мари шли плохо. Люрё не выплатилъ долговъ, зато онъ любилъ устраивать у себя попойки; Мари совершенно забросила хозяйство, со всѣмъ справлялся кое-какъ работникъ; имъ грозили описью, а она, разряженная, отправлялась куда-нибудь на свадьбу. Жильберъ часто предлагалъ ей присматривать за скотомъ, но дѣти не желали, чтобы онъ видѣлъ всѣ непорядки, и онъ бывалъ у нихъ лишь по приглашенію, а они рѣдко звали его, и онъ чувствовалъ въ душѣ, что первое рѣшительное слово его—можетъ вызвать окончательный разрывъ.

Теперь, засыпая, онъ радовался, что имѣетъ возможность отнести завтра Мари двадцать франковъ, половину задатка, полученнаго имъ отъ Мишеля де-Моксимьё.

III.

Жильберъ, съ топоромъ на плечѣ, рано отправился къ дочери.

Было такъ тихо, что слышался шумъ воды, встрѣчающей камешки на пути. Идти ему было недалеко. На лугу онъ остановился, чтобы пересчитать коровъ, на пашнѣ окинулъ взглядомъ взрытые пласты земли. Во дворѣ онъ увидѣлъ Мари съ ведромъ у колодца. Она была непричесанная, въ короткой юбкѣ, очевидно — прямо со сна. Замѣтивъ отца, она поставила ведро на кучу навоза и поздоровалась съ напускною привѣтливостью:

— Какъ? Это вы, папа?

Она протянула губы для поцѣлуя. Глаза ея все еще были красивы, но черты огрубѣли. Жильберъ поцѣловалъ ее.

— Вы здоровы? куда вы идете съ топоромъ? Люрё говорилъ мнѣ, что работа кончена.

— Я кончилъ мой участокъ, а теперь отправляюсь на другую работу.

— Хорошо, что у васъ она всегда бываетъ—не то, что у другихъ,—сказала Мари, закусивъ губу.

— Ну, Мари, не тебѣ бы жаловаться! Будь у меня такая славная ферма, я не вышелъ бы изъ нея. Я обработалъ бы каждый кусочекъ. Зачѣмъ твой мужъ ходитъ рубить лѣсъ? Это не занятіе для фермера.

— Три-четыре раза въ недѣлю. Невелика бѣда.

— Лучше бы онъ любилъ свой домъ.

— Мы должны хозяину. Никакъ не удается заплатить.

— Вотъ какъ! И виноторговцу—тоже? И кузнецу, продавшему вамъ желтую телѣжку?

— Не заплачено ни имъ, ни многимъ другимъ. Нечего теперь это скрывать.

— Такъ онъ лгалъ—твой Люрё, когда онъ увѣрялъ меня, что онъ почти все уже уплатилъ, и уплатитъ остальное, если я немного помогу ему?

Она отвернулась и не отвѣтила.

Жильберъ воткнулъ въ землю топоръ.

— Значитъ, это—полное разореніе, Мари,—для васъ и для меня?

— Можетъ быть, папа. Если только вы не раскошелитесь, не окажетесь щедрѣе, чѣмъ были до сихъ поръ.

Жильберъ подался впередъ, словно собираясь на нее кинуться.

— Безсердечная ты женщина!—воскликнулъ онъ.

Она откинула голову назадъ и лицо ея приняло такое жестокое выраженіе, что всякіе слѣды красоты исчезли.

— Да, безсердечная! Вотъ твое спасибо. Я отдалъ вамъ все, мною заработанное, всю мою жизнь. И тебѣ все мало? Работайте же, лѣнтяи вы этакіе! Надо и стыдъ знать!

— Мать моя не очень-то церемонилась! Развѣ она работала? Не больше меня.

— Она хотя причесывалась съ утра, прежде чѣмъ приняться за хозяйство.

— Спасибо за урокъ.

— Она не поставила бы чистаго ведра съ водою на навозную кучу.

— И еще спасибо!

— А по воскресеньямъ она не наряжалась въ кружева, какъ барыня.

— Чѣмъ мы хуже барынь?

— Бѣднѣе ихъ. У тебя всего семь коровъ, да и то—худыхъ. А гдѣ овцы, на покупку которыхъ я далъ тебѣ деньги?

Дочь видѣла, что гнѣвъ его возрастаетъ, и захотѣла умаслить его. Они—такіе несчастные... Ихъ опять собираются описывать.

Она захныкала. Жильберъ опустилъ въ ея руку пару монетъ.

— Я очень бѣденъ, Мари, но не хочу, чтобы васъ описали. Скажи Люрё, что я отдалъ тебѣ деньги, еще не заработанныя... И еще скажи ему, что у васъ на лугахъ нѣтъ скота.

— Это легко сказать!

— И поля у васъ не унавожены.

— Никто васъ не проситъ туда заглядывать.

— Дѣтей—и тѣхъ нѣтъ въ домѣ.

На этотъ разъ — красная отъ гнѣва, съ дрожащею губою, она воскликнула:

— Это уже наше дѣло! А почему у васъ была всего одна дочь?

Отецъ не отвѣчалъ. Дочь смутно почувствовала, что она зашла слишкомъ далеко, и покраснѣла. Молчаніе длилось и неловкость все увеличивалась. Наконецъ Мари взялась за свое ведро, чтобы отнести его домой. Когда она уже дошла до порога, Жильберъ воскликнулъ:

— Мари Люрё, ты — на краю гибели! Я слишкомъ тебя любилъ, и это сгубило тебя; я слишкомъ много давалъ тебѣ, и ты стала лѣнтяйкою. Съ этого дня ты ничего больше отъ меня не получишь. Между нами все кончено. Скажи Люрё, чтобы онъ не приходилъ ко мнѣ!

Она воскликнула, полуобернувшись:

— Онъ и не придетъ... Если что-нибудь случится—тѣмъ хуже!

Жильберъ поднялъ топоръ и пошелъ со двора, бормоча:

— И это—Мари? Мари, которая, бывало, сидѣла у меня на колѣняхъ!

Передъ поворотомъ въ лѣсъ Жильберъ пріостановился, чтобы посмотрѣть издали на кровлю фермы „La Vigie“. Онъ мысленно перенесся на широкій дворъ ея, гдѣ онъ распрягалъ своихъ быковъ. Затѣмъ онъ окинулъ взглядомъ безконечныя поля. Жильберъ не могъ пройти мимо этого мѣста безъ того, чтобы не вспомнить, какъ онъ впервые поднимался по этой дорогѣ, еще будучи мальчуганомъ, и какъ онъ въ послѣдній разъ спускался по ней, уступая желанію жены.

— Женщины, всегда женщины толкали меня къ гибели. И тогда, и теперь! Пойдемъ въ лѣсъ, бѣдняга Клокэ, неудачливый отецъ! Работа всегда помогаетъ горю.

Онъ отвелъ глаза отъ холма и направился въ лѣсъ.

Было уже за полдень. Дровосѣки обѣдали на полянѣ, составлявшей середину лѣсного двора. Сюда пришли многіе изъ сосѣднихъ участковъ. Они закусывали хлѣбомъ съ сыромъ или съ саломъ и возлѣ каждаго стоялъ откупоренный литръ вина. На вѣтру было холодно, но здѣсь тепло, и надвинутая на лобъ шляпа защищала ихъ глаза отъ яркаго солнца.

Группа Раву была ближайшею къ пруду. Предсѣдатель синдиката уже кончилъ обѣдать. Сидя на пнѣ, онъ читалъ про себя съ нервными гримасами какую-то бумагу; около него стояло человѣкъ восемь рабочихъ: Фонтрубадъ, каменщикъ, длинноносый, съ губами вѣчно растянутыми въ улыбку; Дизнёфъ, тоже каменщикъ, отставной зуавъ, старикъ; Лампріеръ, высокій худой человѣкъ, казавшійся постоянно разсерженнымъ; Люрё, зять Жильбера, фермеръ, присутствію котораго многіе дивились, пьяница, съ усами, обезцвѣченными алкоголемъ, шутникъ, лѣнтяй, человѣкъ ненадежный; кровельщикъ Турпабьенъ, испорченный мальчишка, ловкій какъ дикій котъ; Деворэ, работникъ съ фермы, краснолицый, тяжеловѣсный; Сюпіà, называвшійся столяромъ, но въ сущности жившій браконьерствомъ, малый съ лисьимъ взоромъ и ухватками, и наконецъ—высокій, красивый, веселый юноша лѣтъ двадцати, по имени Жанъ-Жанъ.

— Чтò такое читаетъ предсѣдатель? Рѣчь нашего депутата, что-ли?

— Нѣчто поважнѣй,—отвѣтилъ Раву, поднимая лицо, обросшее растрепанной бородой:—это секретный документъ изъ Парижа, который я желаю сообщить товарищамъ.

Онъ снова погрузился въ чтеніе, но слухи о „секретной бумагѣ“ уже распространились, дровосѣки спѣшили на мѣсто сбора, страсти уже разыгрывались. Плевать имъ на депутатовъ! На прошлой недѣлѣ въ X. явился одинъ депутатъ къ своимъ „дорогимъ избирателямъ“; они ѣли селедку и говорятъ ему:— „Если ты нашъ товарищъ, садись и ѣшь съ нами. А мы такъ полагаемъ, что мы—тебѣ господа, а ты—нашъ слуга!“—Такъ селедкою его и угостили. Захотѣли бы, такъ заставили бы его и кость отъ селедки съѣсть...

Тѣмъ временемъ Раву приготовился читать. Это—призывъ къ земледѣльцамъ.

Лица сдѣлались серьезными, зашуршали опавшіе листья и стружки, люди собрались въ кружокъ; Раву началъ чтеніе, видимо смакуя слова. Воззваніе начиналось съ обычныхъ фразъ о „вѣковомъ рабствѣ земледѣльца, согбеннаго съ утра до вечера

и съ трудомъ вырабатывающаго кусокъ хлѣба". Это вступленіе прошло безъ замѣчанія.

„Но дѣло поправимо. Кто производитъ рожь, то-есть хлѣбъ? Крестьянинъ. Кто производитъ вино, сидръ? Крестьянинъ. Кто кормитъ дичь? Крестьянинъ".

— Вотъ это правда!

— Молчи, Лампріеръ! Вы съ Сюпіà повывели всю дичь. Дайте говорить предсѣдателю.

„Словомъ, вы производите все. Чтò производитъ вашъ владѣлецъ или арендаторъ? Ничего".

— Онъ даетъ намъ землю.

— Кто это говоритъ! Жанъ-Жанъ? Молчи, Жанъ-Жанъ! Ты еще молодъ, чтобы разсуждать!

Страсти разгорались. Глаза ихъ сверкали. Турнабьенъ точилъ свой ножикъ о хлѣбъ, Люрê посмѣивался. Произойди новая революція, всѣ они станутъ богаты и могущественны. Смутныя видѣнія синдикатовъ, собраній, погромовъ надъ врагами, притѣснителями, актовъ возмездія и справедливости, грабежей и попоекъ—кружили всѣмъ головы.

„Товарищи-земледѣльцы, мы сильнѣе богачей,—свергнемъ же ихъ иго! Товарищи-фабричные уже показали намъ путь. Исчезни завтра всѣ земледѣльцы—страну постигнетъ голодъ, нищета, смерть. Исчезни завтра всѣ господа—можно предположить, что ничего худого не произойдетъ и многіе даже вздохнутъ съ облегченіемъ. Но мы не желаемъ ничьего исчезновенія"...

Слушатели закивали головами.

„Мы желаемъ одного: наступленія дня, когда не будетъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. Это должно быть началомъ нашего дѣла. Впередъ, товарищи! Да здравствуетъ освобожденіе рабочаго класса!"

Слова смолкли, но въ душѣ остался послѣ нихъ ѣдкій, какъ дымъ, осадокъ ненависти и злыхъ чувствъ.

— Ловко сказано!

— Это цѣлый планъ организаціи,—сказалъ Раву́, складывая бумагу.

— Долой хозяевъ! Кто хочетъ поджечь лѣсъ?—воскликнулъ Турнабьенъ, вскакивая на ноги. Онъ шарилъ по карманамъ, ища огнива.

— Безъ глупостей! — осадилъ его Раву́. — Лѣсà—тотъ же хлѣбъ. Парижскіе товарищи совѣтуютъ вамъ не поджигать лѣса, а съорганизоваться; надо завербовать въ наши ряды всѣхъ рабочихъ.

— Есть канальи, не желающіе быть за-одно съ нами.

— Есть и предатели,—злобно хихикнулъ Сюпіà,—плохой же ты предсѣдатель, Раву́, если этого не знаешь...

— Кто? Кто?

— Кого нѣтъ среди насъ? Поглядите-ка!

— Кловэ! Его нѣтъ здѣсь!

— Гдѣ же онъ?

— Спросите у Люрё.

Четверо молодцовъ схватили Люрё и встряхнули его. Тотъ струсилъ, но попытался отшутиться.

— Нечего трясти меня какъ грушу. Я и такъ скажу. Сегодня тесть мой отправился въ рощу налѣво отъ зàмка.

— Съ нимъ былъ топоръ?

— Да!

— Онъ нанялся одинъ? Измѣнникъ! — воскликнулъ Турнабьенъ.—Идемъ снять его! Кто со мною?

На зовъ сбѣжалось нѣсколько человѣкъ — самыхъ отчаянныхъ. Предсѣдатель, поблѣднѣвъ, пытался остановить Сюпіà, Турнабьена и Лампріера. Жильберъ имѣлъ полное право наняться къ владѣльцу; это признано ихъ законами. Но ему не дали договорить, обезумѣвшіе люди угрожали ему кулаками. Наплевать имъ на законы! Въ Фонтэнейль!

Толпа кинулась, увлекая за собою другихъ, не понимавшихъ хорошенько, въ чемъ дѣло, но возбужденныхъ шумомъ; кто-то затрубилъ въ рогъ, и они съ топотомъ и свистомъ кинулись въ лѣсъ, подобно охотникамъ, травящимъ кабана.

Взбѣшенный Раву́ хотѣлъ бѣжать за ними, но его популярность и безъ того уже была наполовину поколеблена, и онъ, махнувъ рукою, остался.

Жильберъ работалъ съ утра. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ сходилъ домой пообѣдать, затѣмъ вернулся въ рощу — густую, тѣнистую. Радуясь своему одиночеству, онъ принялся очищать рощу отъ порослей бука, березы, даже дуба. Куртку свою онъ сбросилъ, и подвигался впередъ, прокладывая ровную дорожку среди чащи. Мускулы его не ослабѣли; онъ безъ усилія подрубалъ однимъ ударомъ двадцатилѣтнія деревья; онъ жилъ и забывалъ о жизни. Порою онъ втыкалъ топоръ въ землю, а лѣвою рукою отиралъ рукавомъ потъ съ лица, глубоко переводя духъ.

Въ одну изъ такихъ передышекъ онъ замѣтилъ Турнабьена съ Лампріеромъ и другими, оставшимися позади. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло,—и ему случалось снимать съ работы штрейкбрехеровъ,—но тутъ было другое дѣло.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? — спросилъ Турнабьенъ, остановившись по другую сторону загородки, образуемой срубленными деревьями.

— Почему ты измѣняешь товарищамъ? — воскликнулъ весь красный Лампріеръ.

Тѣмъ временемъ рабочіе окружили Жильбера, но еще держались поодаль.

— Мы пришли тебя снять съ работы! — сказалъ, подходя къ нему, Сюпіà. — Идемъ съ нами. Завтра мы придемъ сюда вмѣстѣ съ тобою.

— Посмотримъ, — сказалъ Жильберъ, крѣпче стиснувъ ручку топора.

— Кто нанялъ тебя одного?

— Мексимьё. Онъ — хозяинъ, онъ былъ волёнъ нанять меня, а я — наняться.

— Это — общая работа.

— Нѣтъ, потому что она — не отъ лѣсоторговца, но отъ хозяина. Такъ было всегда.

— Теперь такъ не будетъ! Ступай впереди насъ, Жильберъ. Живо!

— Турнабьенъ правъ. Долой измѣнника!

— Я въ своемъ правѣ. Не подходите.

Люди подошли. Послышался шорохъ листвы, трескъ ломающихся вѣтвей. Сюпіà, ловкій, увертливый, пытался выхватить у Жильбера топоръ или ухватиться за его ноги. Добровольно или нѣтъ — выпущенный изъ рукъ топоръ взвился въ воздухѣ, описавъ кривую линію и упалъ на вѣтви.

Все смѣшалось — руки, головы, кулаки. Жильбера повалили и десять человѣкъ насѣло на лежачаго.

— Смерть измѣннику! Убійца! Вотъ тебѣ, вотъ!

Они дрались между собою для того, чтобы ударить Жильбера. Изъ этой копошащейся на землѣ массы вырывались крики ярости и боли. А другіе съ обезумѣвшими глазами ждали тутъ же, какъ собаки, которымъ нѣтъ мѣста у добычи, поваленной и терзаемой болѣе смѣлыми.

— Назадъ, негодяи! Оставьте его!

Въ одну секунду человѣческій клубокъ разсыпался. На землѣ виднѣлось распростертое тѣло.

— Это не я, мосьё Мишель... Онъ хотѣлъ меня убить!

Сюпіà шелъ навстрѣчу графу де-Мексимьё, остальные медленно отступали. Мишель бѣжалъ, раздвигая вѣтви обѣими руками; онъ былъ безъ оружія, въ своемъ лѣтнемъ синемъ

костюмѣ. Онъ на бѣгу старался сосчитать дровосѣковъ и замѣтить ихъ лица.

Оттолкнувъ Сюпіà, Мишель, блѣдный, запыхавшійся, опустился на колѣни возлѣ Жильбера, лицо котораго было все въ крови, а взглядъ неподвиженъ.

— Жильберъ? Ты слышишь меня?

Отвѣта не было. Жилетъ былъ въ лохмотьяхъ, рубашка порвана, въ красныхъ пятнахъ.

Мишель обернулся къ Сюпіà, стоявшему поодаль съ огорченнымъ видомъ; другіе всѣ исчезли. Солнечные лучи играли съ вѣтромъ и тѣнью.

— Сюпіà, помогите мнѣ. Перенесемъ его.

Онъ взялъ Жильбера за плечи, Сюпіà — за ноги. Голова безсильно болталась и струйка крови сбѣгала на рыжеватую бороду.

Потребовалось полчаса на то, чтобы отнести Жильбера домой; хотя онъ жилъ по близости, но онъ былъ тяжелъ, а дорога — трудная.

Наступилъ вечеръ. Докторъ, вызванный немедленно изъ Корбиньи, только-что вышелъ отъ больного. Помимо сильныхъ контузій, одно ребро оказалось переломаннымъ; обморокъ длился болѣе часа, но теперь въ глазахъ Жильбера появилась жизнь. Онъ заговорилъ, онъ даже попробовалъ засмѣяться, что у бѣдняковъ служитъ признакомъ выносливости, но трудно было узнать правильное лицо Жильбера въ этой кровавой маскѣ, полускрываемой бинтами. Изъ-подъ опухшихъ вѣкъ голубые глаза слѣдили за уходившимъ изъ комнаты Мишелемъ и за тетушкой Жюстамонъ, которая, облачившись въ передникъ изъ грубаго холста, приготовилась ухаживать за своимъ больнымъ. Затѣмъ Жильберъ уставился въ пространство печальными, свѣтлыми глазами.

Черезъ нѣсколько времени онъ спросилъ:—Вернулся ли домой Раву́?—Тетка Жюстамонъ заворчала. Есть о комъ спрашивать! Послѣ того, что̀ этотъ негодяй сдѣлалъ съ нимъ! Тѣмъ не менѣе, она вызвалась пойти посмотрѣть, но въ это время дверь отворилась и вошелъ самъ Раву́. Его нервное лицо сильно подергивалось; онъ снялъ фуражку при видѣ распростертаго на постели товарища.—Сильно ему досталось? Сердце не затронуто? Тѣмъ лучше!

Мужчины смотрѣли другъ другу въ глаза, угадывая, что̀ думаетъ каждый изъ нихъ. Затѣмъ Раву́ развернулъ сдѣланный

изъ газеты свертокъ, изъ котораго на постель Жильбера посыпались серебряныя и мѣдныя деньги. Онъ съ двумя товарищами докончилъ сегодня его участокъ. Это—его доля.

Жильберъ кивнулъ головою.

— Слушай, Клокэ, ты не станешь жаловаться въ судъ?

Подать жалобу въ судъ? А судебныя издержки? А невозможность вызвать свидѣтелей? А сознаніе въ томъ, что онъ ничего не достигъ своими стараніями? Притомъ, прощеніе обидъ было у него въ крови, подсыхавшей на его ранахъ.

Онъ медленно повернулъ на подушкѣ свою израненную голову и прошепталъ:

— Не безпокойся... Я не стану жаловаться.

Лицо Раву нѣсколько разгладилось, въ его взорѣ мелькнула признательность, онъ былъ почти тронутъ. Онъ ощущалъ благодарность къ Жильберу за свою партію, за свое дѣло; его обычная самоувѣренность покинула его, такъ какъ онъ зналъ, что синдикатъ поступилъ беззаконно. И ему было стыдно. Не своимъ ли чтеніемъ воззванія онъ подготовилъ нападеніе на Жильбера?

Жильберъ страдалъ и боль трижды останавливала слова у него на губахъ. Наконецъ онъ проговорилъ тономъ, которому его незлобіе и страданія придавали вѣскость:

— Ты считаешь себя ихъ главою, Раву, а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

— Знаю.

— Ты думаешь о дѣлѣ, а большинство—о грабежѣ и безпорядкахъ. За послѣднее время они стали даже хуже...

— Не говори, Клокэ. Дѣло развивается. Мы добились нѣкотораго успѣха.

— Можетъ быть, Раву. Но братства нѣтъ у людей, а я ждалъ его.

Раву ухватился за тему и отвѣтилъ „милостивыми“ словами. Конечно, организація пролетаріата далека отъ совершенства. Но будущее научитъ людей, сдѣлаетъ ихъ разумными и свободными.

Жильберъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Полно, Раву... Ты все толкуешь о будущемъ, когда дѣло не ладно. А я скажу, что будущее ничему ихъ не научитъ. Через кого можетъ оно научить ихъ? Черезъ учителя? Такъ они же прошли черезъ его руки. Черезъ священника? Но время священниковъ прошло. Черезъ газету? Они ежедневно читаютъ... Или ты ихъ чему-нибудь научишь? Полно!

Несмотря на боль, Жильберъ задвигался.

— Слушай, Раву, я выскажу тебѣ мое горе... то, что я думаю о нихъ. Могу я сдѣлать это, — разъ уже я не жалуюсь въ судъ. Ну, такъ слушай: *имъ нечѣмъ жить.*

— Это правда.

— И тебѣ нечѣмъ... Нечѣмъ жить.

Раву думалъ, что Жильберъ бредитъ и говоритъ о хлѣбѣ насущномъ. Но Жильберъ подразумѣвалъ умы и сердца, не запасшіеся ничѣмъ для жизни. Они не поняли другъ друга.

Пользуясь тѣмъ, что Жильберъ закрылъ глаза, Раву на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, стараясь не стучать своими грубыми башмаками.

Тетка Жюстамонъ сварила напитокъ изъ травъ и напоила больного, котораго лихорадило. За Мари онъ запретилъ посылать. Уже поздно она вернулась къ себѣ домой, думая, что больной наконецъ заснулъ.

Но онъ не спалъ. Онъ думалъ о прошломъ, о женѣ, не умѣвшей воспитать дочь, о товарищахъ, поднявшихъ руку на него—старшаго ихъ друга и товарища.

„Нѣтъ, имъ нечѣмъ жить!"

Прошло нѣкоторое время, и вдругъ за дверью раздался тихій молодой голосъ:

— Мосьё Кловэ, если вы не спите, скажите мнѣ: какъ ваше здоровье?

— Плохо, милый. Но кто ты такой? Войди.

— Нѣтъ, я не смѣю—изъ-за Раву. Но я вамъ вполнѣ сочувствую, мосьё Кловэ.

Легкіе шаги удалились.

Кто это могъ быть? Сынъ Мего, бывшаго кровельщика, добрый юноша? Или Этьенъ Жюстамонъ, бѣлокурый подростокъ, всегда ласково съ нимъ здоровавшійся? А можетъ быть это заходилъ веселый Жанъ-Жанъ?—Больной не могъ угадать, но какъ ни слабо было это утѣшеніе, оно ободрило Жильбера и онъ заснулъ.

IV.

Мартовское солнце уже сильно пригрѣвало, когда туманъ разсѣялся.

Пробило два часа. Рыжая лошадка, запряженная въ викторію Мишеля де-Мексимьё, быстрѣе бѣжала по фонтэнейльской дорогѣ, подгоняемая бодрящимъ весеннимъ воздухомъ, напоен

нымъ запахомъ поднимающихся всходовъ. Съ неразвернувшихся еще завязей капала смола.

Генералъ и Мишель сидѣли рядомъ, но каждый думалъ о своемъ. Они ѣхали въ Вокрёзъ, небольшой бѣлый зàмокъ, принадлежавшій лейтенанту Жакмену, вышедшему въ отставку въ 1891 г., тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду. Съ нимъ пріѣхали жена и дѣвочка лѣтъ четырехъ, Антуанетта, единственная ихъ дочь. Вслѣдъ за разбитою карьерой его постигъ другой ударъ: смерть жены, скончавшейся отъ гриппа. Къ счастью, Антуанетта принадлежала къ тому разряду утѣшителей, благодаря которымъ міръ еще существуетъ; они умѣютъ „заговаривать" страданіе и, не будучи въ состояніи совершенно его уничтожить, укрощаютъ его, какъ дикаго звѣря, и отнимаютъ у него его остроту. Она сдѣлалась повѣренною отца, его другомъ, и зорко слѣдила за всѣмъ, чтò могло огорчить его, устраняя напоминаніе о мучительномъ для него прошломъ.

Экипажъ остановился у подъѣзда.

Посѣтителямъ пришлось обождать съ минуту въ большой, обтянутой розовымъ кретономъ, комнатѣ, куда вливались три яркихъ снопа свѣта изъ трехъ оконъ, выходившихъ на террасу.

— Повѣришь ли, Мишель, я взволнованъ свиданіемъ съ Жакменомъ! Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ въ 6-мъ кирасирскомъ полку. Забралъ онъ себѣ въ голову идеи о развитіи солдата, которымъ я принужденъ былъ подрѣзать крылья. А въ общемъ — прекрасный офицеръ, строгій къ себѣ, снисходительный къ подчиненнымъ. Какъ я убѣждалъ его! Онъ сильно измѣнился?

— Не очень. Отяжелѣлъ слегка.

— Это все деревня! Какъ ты думаешь, сердится онъ на меня за то, что я — виновникъ его отставки? Но вѣдь я долженъ былъ исполнить мой долгъ!

Изъ дверей въ глубинѣ вышелъ быстрою походкой человѣкъ сангвиническаго вида. Онъ пожалъ протянутую ему генераломъ руку.

— Ваше превосходительство, я долженъ извиниться... Вы меня застаете по домашнему: въ курткѣ и въ толстыхъ сапогахъ. Я прямо съ поля...

— Пожалуйста... Я очень радъ васъ видѣть, Жакменъ. Вы ѣмъ не измѣнились: тѣ же волосы ёжикомъ, тѣ же черные а безъ страха и упрека... Простите, m-lle Антуанетта, я васъ амѣтилъ!

Онъ почтительно поклонился, оглядывая молодую дѣвушку

взоромъ знатока. Мишель уже поздоровался съ нею. Эта нетронутая молодость, гордое и тонкое личико, бѣлокурые съ отливомъ волосы, гибкая талія и врожденное умѣнье держать себя—сразу бросились ему въ глаза.

— Сейчасъ видно, mademoiselle, что среди вашихъ предковъ были дамы, служившія моделью Латуру. Вашъ родъ очень старинный. Почему вы отбросили частичку *de*?

— По примѣру отца. Онъ думалъ, что крестьяне скорѣе полюбятъ его, если онъ будетъ называться просто господиномъ Жакменомъ.

— И это помогло ему?

— Нѣтъ. На выборахъ, вмѣсто того, чтобы кричать: „Долой аристократовъ!“—ему кричали: „Долой буржуа!“—Вотъ и все.

— Мосьё Жакменъ ошибается!—воскликнулъ Мишель:—его отецъ пользовался репутаціей прекраснаго агронома, человѣка справедливаго и готоваго всѣмъ помочь, а это не забывается въ народѣ. Онъ помнитъ добро... Выборы ничего не доказываютъ.

— Конечно! Все, что̀ противорѣчитъ нашимъ гуманитарнымъ мечтаніямъ, ничего не доказываетъ,—вмѣшался генералъ.—Мишель защищалъ, на дняхъ, забастовщиковъ, пѣвшихъ „Интернаціоналку“.

— Простите, я только объяснялъ.

Генералъ обернулся къ дивану въ глубинѣ, на которомъ сидѣли Антуанетта и Мишель. Ея совсѣмъ молодой голосъ проговорилъ:

— Знаете ли вы, генералъ, что̀ я думаю о нашихъ дровосѣкахъ? Они представляются мнѣ сиротами, у которыхъ нѣтъ отца, чтобы ими руководить...

— Это насъ не касается.

— И нѣтъ матери, чтобы любить ихъ.

— Вы хотите быть имъ матерью?

Глаза ея блеснули, гордая голова приподнялась.

— Да, я люблю ихъ. Я могла бы пойти совершенно одна въ лѣсъ, и не нашлось бы ни одного человѣка, который бы рѣшился меня обидѣть, но зато нашлись бы многіе—на мою защиту...

— Восемнадцать лѣтъ и красота—достаточныя причины для оптимизма. А вы, Жакменъ, довольны? Изъ васъ вышелъ замѣчательный сельскій хозяинъ.

— Никогда не бываешь вполнѣ доволенъ. Я пятнадцать лѣтъ въ отставкѣ.

Онъ проговорилъ это съ горечью, поразившею генерала. Онъ нагнулся къ Жакмену, готовый его обнять.

— Вы сожалѣете объ арміи? Но во что она теперь превратилась! Во всякомъ случаѣ, я только исполнилъ мой долгъ.

— Нѣтъ, генералъ, отецъ мой исполнилъ свой!

Антуанетта отвѣтила такъ быстро, что всѣ были поражены, и генералъ сердито обернулся къ ней.

— Вы говорите какъ ребенокъ, mademoiselle! Вашъ отецъ былъ лучшимъ моимъ подчиненнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—упорнѣйшимъ изъ всѣхъ клерикаловъ. Онъ проповѣдывалъ теоріи, которыя я такъ же мало признаю, какъ и нынѣшнія...

— Онѣ совершенно противоположны.

— Все равно. Въ казармахъ намъ не нужно никакихъ доктринъ, если онѣ не имѣютъ отношенія къ профессіи, и никакой проповѣди—кромѣ патріотической. Онъ желалъ устраивать нравственныя собесѣдованія, требовалъ освобожденія солдатъ отъ службы ради посѣщенія церкви. Онъ кончилъ тѣмъ, что безъ моего разрѣшенія устроилъ чтеніе въ манежѣ. Я посадилъ его подъ арестъ, онъ принесъ жалобу. Министръ принялъ мою сторону, и вашему отцу пришлось подать въ отставку. Но я не сожалѣю о томъ, что сдѣлалъ...

— Тѣмъ хуже. Вы должны были пожалѣть объ этомъ хотя одинъ разъ.

— Когда?

— Когда забастовщики пѣли „Интернаціоналку". Быть можетъ, они не стали бы ее пѣть, если бы полковникъ де-Мексимьё не запретилъ лейтенанту Жакмену его лекцій...

— Антуанетта! Генералъ, извините!

— Вы не считаете себя отвѣтственнымъ за броженіе въ умахъ, но вы отвѣчаете за это, изгнавъ изъ арміи такихъ офицеровъ, какъ мой отецъ...

— Антуанетта!

Мишель нагнулся къ ней и тихо сказалъ:

— Прошу васъ, mademoiselle!

Антуанетта смолкла, но грудь ея все еще колыхалась отъ волненія. Однако, лицо ея вскорѣ утратило гнѣвное выраженіе; она полуулыбнулась Мишелю, словно говоря: „Ради васъ, я не ду больше защищать моего отца".

Но генералъ уже не смотрѣлъ на нее, онъ видѣлъ только кмена, который, откинувшись на спинку кресла, прикрылъ за рукою, и изъ-подъ пальцевъ его выкатились слезы. Генеръ схватилъ его руку, еще влажную, и сжалъ ее въ своей.

— Жакменъ, я всегда сожалѣлъ о васъ, другъ мой. Мы—люди различныхъ взглядовъ, но мое уваженіе къ вамъ, моя дружба—остаются въ полной силѣ.

Руки ихъ разъединились.

— Если бы я былъ человѣкомъ ловкимъ, какъ это утверждаютъ, мнѣ не слѣдовало бы вызывать этихъ воспоминаній,—продолжалъ генералъ, — такъ какъ я долженъ просить васъ о большой услугѣ...

— Тѣмъ лучше, генералъ, если я буду въ состояніи оказать ее вамъ.

— Для васъ это вполнѣ возможно.

— Въ такомъ случаѣ—говорите. Пойдемте въ садъ. Молодежь послѣдуетъ за нами.

Песчаная площадка передъ террасою, спускавшійся отлого лугъ, голубая лента рѣки—все казалось помолодѣвшимъ въ сіяніи весенняго дня.

Спускаясь съ террасы, Антуанетта догнала г. де-Мексимьё и, нагнувшись къ нему, шепнула:

— Простите меня, генералъ. Я погорячилась. Но меня такъ мучитъ этотъ разговоръ объ уходѣ отца со службы, мы постоянно къ нему возвращаемся...

— Вы—храбрая, mademoiselle. Военная кровь сказывается.

Она разсмѣялась и обернулась къ Мишелю, словно желая ему показать, что все улажено.

— И затѣмъ, генералъ, я должна еще сказать вамъ: онъ ни съ кѣмъ объ этомъ не говоритъ, кромѣ меня,—это слишкомъ больно ему. Итакъ, папа, я васъ оставляю съ генераломъ. Мы съ мосьё Мишелемъ пойдемъ вдоль Гаронны. Хорошо?

Съ франц. О. Ч.

СѢВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ

А. С. ПУШКИНА

ОЧЕРКЪ.

Въ біографіи Пушкина есть много темныхъ мѣстъ, но нѣтъ ни одного, которое было бы менѣе освѣщено, чѣмъ тотъ эпизодъ, которому посвящены настоящія замѣтки. Мы говоримъ о первой поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ, въ 1820 году. Здѣсь ничего не обслѣдовано: ни душевное состояніе Пушкина въ эти первые дни изгнанія, ни вліяніе на него новой обстановки, ни даже внѣшняя исторія поѣздки. Правда, документальныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Пушкина чрезвычайно скудны: два-три отрывка въ его письмахъ, нѣсколько замѣтокъ въ путевыхъ запискахъ Геракова, который путешествовалъ по Кавказу и Крыму въ одно время съ Пушкинымъ и нѣсколько разъ встрѣтился съ нимъ тамъ, наконецъ, коротенькій разсказъ врача, сопровождавшаго Раевскихъ въ этой поѣздкѣ,—Рудыковскаго,—вотъ и все, что у насъ есть. Но и этими свѣдѣніями біографы Пушкина далеко не воспользовались вполнѣ, а главное—они оставили безъ вниманія весь тотъ обильный біографическій матеріалъ, который заключенъ въ самыхъ стихахъ Пушкина. Пушкинъ необыкновенно правдивъ, въ самомъ элементарномъ смыслѣ этого слова; каждый его личный стихъ заключаетъ въ себѣ автобіографическое признаніе совершенно реальнаго свойства, — надо только пристально читать эти стихи и вѣрить Пушкину. Такой опытъ „медленнаго чтенія“ и представляетъ нашъ очеркъ. Мы не думаемъ исчерпать вопросъ о первой поѣздкѣ Пушкина на югъ, но, можетъ быть, наша попытка побудитъ и другихъ изслѣдователей заняться этимъ же предметомъ и освѣтить его всесторонне.

I.

Какъ извѣстно, въ началѣ мая 1820 года Пушкинъ, высланный изъ Петербурга въ распоряженіе главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, ген. Инзова, отправился по мѣсту назначенія въ Екатеринославъ. Здѣсь онъ вскорѣ схватилъ жестокую лихорадку, выкупавшись въ Днѣпрѣ. Недѣли двѣ по его пріѣздѣ проѣзжалъ чрезъ Екатеринославъ генералъ Н. Н. Раевскій, герой 12-го года, направлявшійся съ частью своей семьи (сыномъ Николаемъ и дочерьми Маріей и Софьей, въ сопровожденіи врача, гувернантки и прислуги) на кавказскія минеральныя воды, гдѣ долженъ былъ уже застать старшаго своего сына, Александра Николаевича, который его опередилъ. Н. Н. Раевскій-сынъ былъ еще въ Петербургѣ близокъ съ Пушкинымъ. Найдя послѣдняго больнымъ въ Екатеринославѣ, Раевскіе, съ разрѣшенія Инзова, взяли его съ собою. Съ ними Пушкинъ прожилъ два мѣсяца на минеральныхъ водахъ, и съ ними же въ половинѣ августа переѣхалъ въ Крымъ, въ Гурзуфъ, гдѣ находились остальные члены семьи Раевскаго — его жена и другія двѣ дочери—старшая Екатерина и Елена. Въ Гурзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли, послѣ чего, разставшись съ Раевскими, отправился на новое мѣсто своей службы—въ Кишиневъ.

Такова общеизвѣстная исторія этой поѣздки. Начнемъ съ внѣшнихъ фактовъ и постараемся, прежде всего, установить возможно подробно *итинерарій* поэта.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 5 или 6 мая; 4-мъ мая помѣчено письмо гр. Каподистрія къ Инзову о переводѣ Пушкина къ нему на службу (это письмо долженъ былъ доставить Инзову самъ Пушкинъ), а 7-го мая Екат. Ник. Раевская, посылая изъ Петербурга письмо брату Александру въ Кіевъ, поясняла, почему оно идетъ почтою: „мама забыла послать его съ Пушкинымъ“. Это показываетъ, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга *до* 7-го [1]. Въ тѣ времена пользованіе „оказіями“ для пересылки писемъ было, какъ извѣстно, очень распространено. Раевскіе, конечно, знали Пушкина, хотя бы чрезъ Н. Н. Раевскаго младшаго, съ которымъ онъ былъ близокъ, знали и о его высылкѣ; но ничто— и эта приписка въ письмѣ Екат. Ник. въ томъ числѣ—не даетъ

---

[1]) „Онъ *завтра* отправляется курьеромъ къ Инзову“, писалъ А. И. Тургеневъ 5-го мая. „Остаф. Арх.“, II, 37.

основаній думать, что онъ въ Петербургѣ былъ вхожъ въ это семейство. Напротивъ, все показываетъ, что только на югѣ онъ не только сблизился, но даже познакомился съ Раевскими. Достаточно вспомнить, въ какомъ тонѣ онъ разсказываетъ о нихъ брату тотчасъ по пріѣздѣ въ Кишиневъ (въ письмѣ отъ 24 сентября).

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ „Новомъ Времени“ (№ 8.285) было напечатано письмо въ редакцію изъ Бахмута, оставшееся, къ сожалѣнію, незамѣченнымъ. Автору этого письма (онъ подписался: „бывшій предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи“) въ 1820 году было только десять лѣтъ, значитъ—свои свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Екатеринославѣ онъ могъ почерпнуть только изъ чужихъ разсказовъ или изъ какой-нибудь современной записи. Но свѣдѣнія, заключающіяся въ его письмѣ, чрезвычайно любопытны. Вотъ оно.

„Пушкинъ проживалъ въ Екатеринославѣ въ 1820 году, съ половины мая до начала іюня, что̀ длилось дней 18, до пріѣзда въ Екатеринославъ генерала Раевскаго, который ѣхалъ со своимъ семействомъ на Кавказъ изъ Петербурга и проѣздомъ остановился въ Екатеринославѣ по просьбѣ своего сына, который ѣхалъ повидаться со своимъ пріятелемъ Пушкинымъ, котораго, по указанію генерала Инзова, нашли въ домѣ, или скорѣе въ домикѣ, на Мандрыковкѣ. Когда генералъ Раевскій съ сыномъ вошли въ комнату, то глазамъ ихъ представилось слѣдующее: Александръ Сергѣевичъ лежалъ на досчатой скамейкѣ или досчатомъ диванѣ. Онъ былъ боленъ. На Раевскихъ онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе при этой обстановкѣ. При видѣ Раевскихъ у него отъ радости показались слезы. Раевскій выхлопоталъ ему отпускъ, и четвертаго или пятаго іюня онъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ на Кавказъ“.

Въ этомъ сообщеніи есть свѣдѣнія, которыми мы раньше не располагали. Во всемъ, что̀ было извѣстно раньше, оно совершенно точно, и даже освѣщаетъ кое-что, что̀ было не совсѣмъ ясно; такъ, напримѣръ, авторъ пишетъ, что навѣстить Пушкина отправился не только Раевскій-сынъ, но и самъ генералъ, его отецъ,—и это подтверждается словами самого Пушкина въ упомянутомъ уже письмѣ къ брату: „*Генералъ Раевскій*... нашелъ меня въ жидовской хатѣ“, и т. д. Эта точность сообщенія въ его извѣстной части внушаетъ довѣріе и къ новымъ свѣдѣніямъ, которыя оно содержитъ: что Раевскій заѣхалъ въ Екатеринославъ по просьбѣ сына, который хотѣлъ повидаться тамъ съ Пушкинымъ; что Пушкинъ былъ до слезъ обрадованъ ихъ пріѣздомъ, и что изъ Екатеринослава они выѣхали 4 или 5 іюня.

Мы имѣемъ теперь возможность съ точностью установить дальнѣйшій маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Въ семейномъ архивѣ внуковъ М. Ѳ. Орлова, который, какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ женился на старшей дочери ген. Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, сохранились письма, писанныя Раевскимъ-отцомъ къ этой самой дочери съ кавказскихъ минеральныхъ водъ въ теченіе этого лѣта. Въ главной своей части они представляютъ какъ бы дорожный дневникъ. Имя Пушкина въ этихъ письмахъ не упоминается ни разу—безъ сомнѣнія, потому, что, кромѣ самого Ник. Ник., писали Екатеринѣ Николаевнѣ съ дороги и съ мѣста и братъ Николай, и сестры, ѣхавшія съ отцомъ: они вѣроятно и описали ей встрѣчу съ поэтомъ въ Екатеринославѣ и дальнѣйшее совмѣстное путешествіе съ нимъ. По той же причинѣ старикъ не упоминаетъ и о встрѣчѣ съ сыномъ Александромъ въ Горячеводскѣ, и вообще ничего не пишетъ о бывшихъ съ нимъ членахъ семьи. На всѣхъ его письмахъ — надпись: „Катенькѣ"; очевидно, полный адресъ (и не на ея имя, а на имя матери, С. А.) писался на общемъ пакетѣ, заключавшемъ и его письма къ женѣ, и письма молодежи.

Эти письма Н. Н. Раевскаго читатель найдетъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Они любопытны, какъ итинерарій Пушкина и какъ живая рѣчь его амфитріона. Въ нихъ—точно движущаяся панорама тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣзжалъ поэтъ, и отзвукъ тѣхъ поясненій, которыя, можетъ быть, давалъ старикъ Раевскій своимъ молодымъ спутникамъ.

Эти письма позволяютъ, прежде всего, устранить одно недоразумѣніе, связанное съ ссылкой Пушкина на югъ. Опираясь на слова Карамзина въ письмѣ къ кн. Вяземскому, что Пушкинъ „благополучно поѣхалъ *въ Крымъ*", многіе думаютъ, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ зналъ о предстоящей ему поѣздкѣ на Таврическій полуостровъ. Эта догадка безъ сомнѣнія ошибочна. Самъ Пушкинъ, въ упомянутомъ письмѣ къ брату, разсказавъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Екатеринославѣ, пишетъ: „Сынъ его . . . . *предложилъ мнѣ* путешествіе къ Кавказскимъ водамъ", т.-е. предложилъ тутъ же, при встрѣчѣ; слѣдовательно, предварительнаго уговора не было. Что же касается Крыма, то, какъ показываютъ помѣщаемыя ниже письма Раевскаго, послѣдній и самъ до конца лѣта не былъ увѣренъ, что попадетъ въ Крымъ: его жена съ двумя дочерьми оставались въ Петербургѣ, и ихъ пріѣздъ въ Гурзуфъ повидимому не былъ окончательно рѣшенъ съ весны. Выраженіе Карамзина объясняется,

конечно, простой неточностью; онъ имѣлъ въ виду больше служебное званіе Инзова, къ которому прикомандировывался Пушкинъ („попечитель колоній южнаго края“), нежели точное обозначеніе мѣста.

По этимъ письмамъ маршрутъ Раевскаго и Пушкина можетъ быть опредѣленъ довольно точно. Въ Екатеринославъ Раевскіе пріѣхали въ десятомъ часу вечера, и еще въ тотъ же вечеръ (какъ свидѣтельствуетъ Рудыковскій) старикъ съ сыномъ разыскали Пушкина: любопытная черта для характеристики отца-Раевскаго; этотъ превосходный человѣкъ, сильный духомъ и вмѣстѣ нѣжный, видно, съ теплымъ участіемъ отнесся къ больному пріятелю сына, если ночью, усталый съ дороги, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ разыскивать его; неудивительно, что Пушкинъ былъ тронутъ.

Согласіе Инзова на отпускъ Пушкину было получено, конечно, безъ труда, и уже на другой день послѣ завтрака путешественники выѣхали изъ Екатеринослава. По всей вѣроятности, это было именно 4-го іюня. Отъ Екатеринослава ѣхали весь остальной день и затѣмъ всю ночь. Утромъ 5-го іюня пріѣхали въ Таганрогъ, провели здѣсь день и ночевали. 6-го утромъ выѣхали изъ Таганрога, проѣхали Ростовъ-на-Дону, и вечеромъ того же дня пріѣхали въ Аксай; здѣсь переночевали, и слѣдущій день провели въ Новочеркасскѣ. Утромъ 8-го числа выѣхали изъ Аксая; 9-го пріѣхали въ Ставрополь и, проѣхавъ далѣе, ночевали, не доѣзжая Георгіевска; 10-го пріѣхали въ Георгіевскъ, здѣсь переночевали и, выѣхавъ утромъ 11-го, въ тотъ же день прибыли на Горячія воды. Съ этимъ разсчетомъ вполнѣ согласуется то, что 13-го Раевскій-отецъ принялся писать свое обстоятельное письмо дочери.

На Горячихъ водахъ Раевскіе съ Пушкинымъ прожили, какъ показываютъ тѣ же письма, нѣсколько больше трехъ недѣль; 3-го іюля они переѣхали въ Желѣзноводскъ, разсчитывая пробыть тамъ двѣ недѣли и затѣмъ перебраться въ Кисловодскъ тоже на двѣ недѣли. Вѣроятно, около 1-го августа Раевскіе оставили Кисловодскъ и двинулись въ обратный путь, опять чрезъ Горячія воды, гдѣ, повидимому, провели день или два; здѣсь Гераковъ, 2-го августа, видѣлся съ Пушкинымъ („Путевыя записки“, 99—100). По этимъ же запискамъ Геракова мы можемъ возстановить весь обратный маршрутъ Раевскихъ съ Кавказа въ Крымъ: 8-го августа онъ встрѣтился съ ними въ Темижбекѣ и потомъ въ крѣпости Кавказской, 14-го—въ Тамани, 15-го—въ Керчи, 17-го—въ Ѳеодосіи. Изъ письма Пушкина къ брату видно,

что ѣхали они до Тамани въ каретахъ, отсюда до Керчи моремъ, затѣмъ опять въ каретахъ до Ѳеодосіи. Если и допустить, что въ Ѳеодосіи они нѣсколько задержались (младшій Раевскій захворалъ въ дорогѣ), то все-таки морской переѣздъ изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ они совершили, безъ сомнѣнія, числа 18-го и 19-го. Во время этого ночного переѣзда, какъ извѣстно, была написана Пушкинымъ элегія „Погасло дневное свѣтило". Эту элегію Пушкинъ потомъ послалъ брату для передачи Гречу, и вѣроятно уже братъ выставилъ подъ нею ту ошибочную помѣтку: „Черное море, 1820, *сентябрь*", съ которою она была напечатана въ „Сынѣ Отечества" и печатается донынѣ.

Итакъ, въ Гурзуфъ Пушкинъ прибылъ около 19-го августа. Здѣсь уже ждали ихъ жена Раевскаго съ остальными двумя дочерьми, Екатериной и Еленой, по которымъ старикъ такъ скучалъ на Кавказѣ. Въ письмѣ къ брату Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Гурзуфѣ три недѣли; значитъ, онъ долженъ былъ уѣхать оттуда, считая съ 19-го августа, около 10-го сентября, и въ Кишиневъ онъ прибылъ, вѣроятно, около 15-го. И дѣйствительно, 24-го сентября онъ пишетъ изъ Кишинева брату неоднократно упомянутое нами письмо, которое по всему своему характеру заставляетъ думать, что онъ въ Кишиневѣ уже, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дней. Всѣ эти даты почти абсолютно точны; но почему въ черновыхъ рукописяхъ Пушкина *два раза* встрѣчается помѣтка подъ стихами: „Юрзуфъ, 20-го сентября", мы не можемъ себѣ объяснить. Чтобы писать брату изъ Кишинева 24-го, онъ долженъ былъ выѣхать изъ Гурзуфа во всякомъ случаѣ раньше 20-го.

Изъ Гурзуфа Раевскіе поѣхали, какъ извѣстно, въ Каменку. Въ Пушкинской литературѣ было много споровъ о томъ, сопровождалъ ли ихъ туда и Пушкинъ, чтобы уже оттуда направиться въ Кишиневъ. Но этотъ вопросъ рѣшается безъ труда. Изслѣдователи упустили изъ виду, что у Геракова есть, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ „Путевыхъ записокъ", еще и „Продолженіе путевыхъ записокъ", изданное отдѣльной книгою въ 1830 г. Здѣсь онъ разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19-го и 20-го сентября (стр. 24, 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму; значитъ, онъ не могъ сопровождать Раевскихъ въ Каменку. Упустили изъ виду еще и то, что И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.", стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Sабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ

изъ Одессы въ Крымъ 11-го сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и слѣдовательно не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18-го—20-го сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина, въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г.: „Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились".

II.

Отъ этихъ внѣшнихъ фактовъ перейдемъ къ внутренней, къ душевной жизни Пушкина въ первые мѣсяцы его ссылки.

Уже В. Д. Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что въ стихахъ Пушкина задолго до ссылки, едва ли не съ 1817-го года, временами сказывается неудовлетворенность разсѣянной петербургской жизнью. Инстинктивно онъ, повидимому, давно уже рвался вонъ изъ этой обстановки. Къ концу петербургскаго періода это чувство въ немъ крѣпнетъ, овладѣваетъ сознаніемъ и обнаруживается съ полной ясностью. Весь послѣдній годъ передъ ссылкою Пушкинъ уже сознательно стремится вонъ изъ Петербурга. Мы знаемъ, что въ мартѣ 1819-го года онъ собирался вступить въ военную службу и уѣхать на Кавказъ; потомъ, оставивъ это намѣреніе подъ вліяніемъ авторитетныхъ совѣтовъ, онъ рѣшаетъ удалиться въ отцовскую деревню:

Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь *съ тайною свободой*,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ, *и т. д.*

Лѣтомъ этого же года, живя въ деревнѣ, онъ пишетъ:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ Цирцей, *и т. д.*

И здѣсь опять звучитъ у него тотъ же мотивъ—жажда свободы:

Я здѣсь, *отъ суетныхъ оковъ освобожденный*,
Учуся въ истинѣ блаженство находить...

Онъ впервые сблизился съ Чаадаевымъ, еще будучи въ лицеѣ, и затѣмъ тѣсно подружился съ нимъ уже въ Петербургѣ, въ 1818—1819 гг.; и вотъ какъ онъ, въ посланіи къ Чаадаеву, характеризуетъ эти два момента своей жизни:

Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ *потомъ* въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной...

Эта строка, въ которой Пушкинъ изображаетъ свое душевное состояніе за время передъ ссылкой, не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ ясности: онъ „тайно изнывалъ“ въ „суетныхъ оковахъ“—онъ жаждалъ „свободы“.

И вотъ онъ покидаетъ Петербургъ. Правда, онъ не самъ расторгнулъ оковы,—онъ выброшенъ отсюда грубой рукой; но онъ такъ долго, такъ страстно рвался вонъ, что важность самаго факта застилаетъ для него причину: ему кажется, что онъ *самъ* бѣжалъ, въ поискахъ свободы и свѣжихъ впечатлѣній. Въ томъ же посланіи къ Чаадаеву (апрѣль 1821 г.) онъ говоритъ:

И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.

Еще опредѣленнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ элегіи, написанной на пути изъ Ѳеодосіи въ Гурзуфъ:

Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья.

И еще долго спустя, въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“, онъ упорно повторяетъ: „Покинувъ сѣверъ *наконецъ*“...

Это—капитальный фактъ изъ внутренней біографіи Пушкина; мы увидимъ дальше, какую важную роль онъ сыгралъ въ творчествѣ нашего поэта.

Итакъ, онъ на волѣ, онъ вырвался изъ душной атмосферы „свѣта“, онъ свободенъ отъ „стѣснительныхъ условій и оковъ“. Какъ же онъ чувствуетъ себя въ первые мѣсяцы ссылки? Счастливъ ли онъ своей свободой? вбираетъ ли онъ жадно тѣ новыя впечатлѣнія, которыхъ такъ искалъ?—Нѣтъ; въ немъ произошла какая-то глубокая перемѣна, которую онъ самъ не въ силахъ себѣ уяснить. На протяженіи многихъ мѣсяцевъ послѣ пріѣзда на югъ его стихи и письма говорятъ объ одномъ: о полной апатіи, объ омертвѣлости духа, о недоступности какимъ бы то ни было впечатлѣніямъ.

Это началось, повидимому, тотчасъ по прiѣздѣ. На Горячихъ водахъ онъ пишетъ эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“—и здѣсь мы находимъ такiя строки:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огнь поэзiи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣнiй:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновенiй!

Недолго спустя, на южномъ берегу Крыма, онъ въ стихотворенiи „Чаадаеву“ говоритъ о себѣ:

...въ сердцѣ, бурями смирённомъ,
Теперь и лѣнь, и тишина.

И тамъ же, въ Гурзуфѣ, пишетъ онъ великолѣпное стихотворенiе „Мнѣ васъ не жаль“, гдѣ, перечисливъ безъ сожалѣнiя, утѣхи своей бурной юности, говоритъ:

Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
Гдѣ прежнiй жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Его обычная впечатлительность какъ бы атрофировалась. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ такъ—самъ удивляясь своей безчувственности—разсказывалъ въ письмѣ къ Дельвигу (черновомъ) о своемъ переѣздѣ съ Кавказа въ Крымъ: въ Керчи онъ посѣтилъ гробницу Митридата. „Воображенiе мое спало; хоть бы одно чувство, нѣтъ! тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ его безъ всякаго сожалѣнiя. Развалины Пантикапеи подѣйствовали на мое воображенiе еще того менѣе“. Ночью, плывя изъ Ѳеодосiи въ Гурзуфъ, онъ не спалъ, но когда капитанъ указалъ ему вдали Чатырдагъ, онъ не различилъ его, „да и не любопытствовалъ“. И дальше, среди тѣхъ строкъ, гдѣ онъ описываетъ свою жизнь въ Гурзуфѣ, есть неоконченная фраза: „Холодность моя посреди прелестей природы“... Только

на минуту, въ ту безсонную ночь на кораблѣ, ожила его душа при воспоминаніи о прошломъ—и „въ очахъ родились слезы *вновь*".

Надо замѣтить, что это состояніе безчувственности, безочарованности, осложняясь и углубляясь, длилось у Пушкина затѣмъ еще очень долго,—но это для насъ теперъ не важно: мы изучаемъ только первое время его ссылки.

Въ эти первые мѣсяцы безчувственность сказывалась у него еще и косвенно: временной утратой поэтическаго вдохновенія. Ему самому казалось, что онъ утратилъ вдохновеніе навсегда. Мы уже видѣли въ эпилогѣ къ „Руслану и Людмилѣ": „огнь поэзіи погасъ", и т. д. Этотъ эпилогъ кончается такими строками:

Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

И это сознаніе, опять-таки, еще долго звучитъ въ его стихахъ:

И ты, моя задумчивая лира,..
Найдешь ли вновь *утраченные* звуки.
(„Желаніе", 1821 г.)

Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой *уснувшій* геній...
(„Война", 1821 г.)

и еще въ первой пѣсни „Онѣгина":

Адріатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, *вдохновенья снова полный*,
Услышу вашъ волшебный гласъ!

Пушкинъ, разумѣется, старался дать себѣ отчетъ—откуда эта мертвенность его духа,—и отвѣтъ напрашивался самъ собою: бурныя страсти опустошили его душу;

...рано *въ буряхъ отцвѣла*
Моя потерянная младость,

—говоритъ онъ въ элегіи „Погасло дневное свѣтило", и повторяетъ это потомъ многократно: „въ волненіи страстей я тайно изнывалъ", и т. д. Но къ этому мы еще вернемся.

III.

Надо ясно представить себѣ душевное состояніе Пушкина въ эти первые мѣсяцы ссылки, чтобы не исказить перспективы

его настроеній. Эту самую мертвенность духа надо понимать условно. Пушкинъ писалъ потомъ о своей жизни въ Крыму, что это были „счастливѣйшія минуты его жизни“, что онъ „наслаждался“ южной природой. Но это было наслажденіе пассивное: онъ самъ прибавляетъ, что сразу привыкъ къ южной природѣ „и ни на минуту ей не удивлялся“. Его душа была закрыта для очарованій, но красóты природы, миръ, счастливый кругъ семьи, въ которую онъ вошелъ,—все это дѣйствовало на него благотворно.

А въ глубинѣ души онъ въ эти самые дни внѣшней безчувственности свято лелѣялъ какое-то живое и сильное чувство.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Пушкинъ вывезъ изъ Петербурга любовь къ какой-то женщинѣ, и что эта любовь жила въ немъ на югѣ еще долго, во всякомъ случаѣ—до Одессы. Онъ говоритъ о ней съ ясностью, не оставляющей мѣста никакимъ толкованіямъ. Почему онъ не спалъ въ ту ночь на военномъ бригѣ, везшемъ его и Раевскихъ въ Гурзуфъ? Онъ плылъ въ виду полуденныхъ береговъ — но Чатырдагъ оставляетъ его равнодушнымъ: „воспоминаньемъ упоенный“, онъ думаетъ о своей любви — онъ „вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь“, и это-то воспоминаніе вызвало слезу на его глаза. Онъ говоритъ о томъ, что бѣжалъ отъ минутныхъ друзей юности, бѣжалъ изъ отеческаго края,—

Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви ничто не излечило.

Въ посвященіи къ „Кавказскому Плѣннику“ онъ говоритъ Раевскому-сыну, вспоминая свою ссылку и время, проведенное съ нимъ на Кавказѣ и въ Крыму:

Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда *любви тяжелый сонъ*
Меня терзали и мертвили—
Я при тебѣ еще спокойство находилъ;

и образъ этой же женщины „преслѣдовалъ“ его тогда, когда онъ стоялъ передъ фонтаномъ слезъ въ Бахчисараѣ, и о ней онъ говоритъ въ заключительныхъ строкахъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (1822 г.):

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную [1]);
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...

---

1) „Еще земную“—въ противоположность *тѣнямъ* Маріи и Заремы.

Эти намеки слишкомъ содержательны и слишкомъ тождественны, чтобы можно было ими пренебречь. Эти сейчасъ приведенные стихи („любовный бредъ", какъ назвалъ ихъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ) онъ выключилъ при первомъ изданіи поэмы—какъ дѣлалъ всегда съ стихами, содержавшими личный намекъ. Что женщина, которую онъ любилъ, жила на сѣверѣ, показываетъ стихъ:

О ней *въ изгнаніи* тоскую.

Кто была эта женщина? Біографы не знаютъ за Пушкинымъ никакой *сѣверной* любви на югѣ. Напротивъ, они утверждаютъ, что Пушкинъ въ Крыму влюбился въ Екатерину Николаевну Раевскую (другіе думаютъ, что въ Елену), и къ ней относятъ всѣ эротическія мѣста въ стихахъ Пушкина за 1820—1821 гг. Мы сейчасъ видѣли, что это была старая любовь, что воспоминаніе о ней преслѣдовало Пушкина и на Кавказѣ, и на пути въ Крымъ, т.-е. до встрѣчи съ Екатериной и Еленой Раевскими, наконецъ, что любимая имъ женщина несомнѣнно жила далеко („въ изгнаніи тоскую"). Но и помимо этихъ прямыхъ указаній, все говоритъ противъ предположенія о любви Пушкина къ какой-либо изъ Раевскихъ. Единственное стихотвореніе, которое съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ одной изъ Раевскихъ — „Увы, зачѣмъ она блистаетъ", — не содержитъ ни малѣйшаго намека на любовь. Уже позднѣе, въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ элегію: „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда", полную воспоминаній о Крымѣ. Посылая эту элегію въ Петербургъ, онъ потребовалъ, чтобы послѣдніе три стиха не были напечатаны,—и очень разсердился, когда увидѣлъ ихъ въ печати. Вотъ эти три стиха:

...Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя (звѣзду) искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

Это былъ конкретный намекъ, возможно — на одну изъ Раевскихъ (и тогда—на Елену: „дѣва *юная*"). Но и въ этихъ трехъ стихахъ нѣтъ намека на любовь; напротивъ, весь характеръ воспоминанія исключаетъ мысль о какомъ-либо остромъ чувствѣ: „Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь", говоритъ Пушкинъ о себѣ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ Гурзуфа Пушкинъ раза два ѣздилъ изъ Кишинева къ Раевскимъ въ Кіевъ, но и тутъ ни однимъ стихомъ не обмолвился о своей любви. Наконецъ, его дальнѣйшія отношенія къ Екатеринѣ Николаевнѣ уже совершенно исключаютъ мысль о любви къ ней. Черезъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ послѣ Гурзуфа она вышла замужъ за М. Ѳ. Орлова и съ тѣхъ поръ жила въ Кишиневѣ, Пушкинъ былъ ежедневнымъ гостемъ въ ихъ домѣ и очень друженъ съ мужемъ, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ, ревновалъ и т. п. [1])

Главнымъ основаніемъ легенды о любви Пушкина къ Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской служатъ тѣ строки въ его стихахъ и письмахъ, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, впервые разсказавшей ему исторію Бахчисарайскаго фонтана. Теперь даже трудно доискаться, кто первый пустилъ въ ходъ этотъ аргументъ. Все дѣло заключается въ слѣдующемъ. 8-го февраля 1824 года Пушкинъ писалъ Бестужеву: „Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De la bouche aimable et naïve“.

Эти строки изъ Пушкинскаго письма неизвѣстно какимъ путемъ попали къ Булгарину, который и напечаталъ ихъ въ своемъ журналѣ съ поясненіемъ: „П. писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: „Недостатокъ плана...“ и т. д. Когда Пушкинъ узналъ объ этомъ, его бѣшенству не было предѣла, и 29-го іюня онъ пишетъ Бестужеву (выговаривая и за другую нескромность—за напечатаніе тѣхъ трехъ заключительныхъ стиховъ): „Чортъ дернулъ меня написать еще кстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки, и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Чтò жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней *съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей*... Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась“.

И вотъ, біографы Пушкина, сопоставляя эти строки съ его словами въ письмѣ къ Дельвигу, что о фонтанѣ слезъ онъ впервые услыхалъ отъ какой-то К**, рѣшили, что это и была Екатерина Николаевна Раевская, и что, слѣдовательно, въ послѣднюю и былъ влюбленъ тогда Пушкинъ. Надо замѣтить, что подлинникъ этого письма къ Дельвигу не сохранился, и мы не знаемъ, какое имя стояло на мѣстѣ этого К** и дѣйствительно ли это К, а не какая-либо другая буква.

---

[1]) См. нашу „Исторію Молодой Россіи“, М. 1908, стр. 26—28.

Но это не важно, а важно и вполнѣ несомнѣнно то, что о Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкинъ впервые услыхалъ *въ Петербургѣ*, отъ женщины, побывавшей въ Крыму. Объ этомъ съ полной ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала „Бахчисарайскаго Фонтана“.

Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я *въ шумѣ радостномъ* унылъ
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья, *и т. д.*

Здѣсь такъ ясно обрисована *петербургская* жизнь Пушкина, что сомнѣній быть не можетъ. Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ говоритъ, что К** поэтически описывала ему фонтанъ, называя „la fontaine des larmes“, а въ самой поэмѣ онъ говоритъ объ этомъ:

Младыя дѣвы *въ той странѣ*
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Эти выдержки, думается, рѣшаютъ вопросъ. Да и какъ можно было относить этотъ эпизодъ къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которую мы хорошо знаемъ за натуру холодную, положительную, строгую,—когда самъ Пушкинъ ту женщину, которая разсказывала ему о Бахчисарайскомъ фонтанѣ, характеризуетъ выраженіями: „поэтическое воображеніе К**“, „элегическая моя красавица“ и примѣняетъ къ ней стихъ: „bouche aimable et naïve“? Какою представлялась ему Екатерина Николаевна, можно судить по тому, что̀ Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому по поводу „Бориса Годунова“: „Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова“.

Итакъ, кто же былъ предметомъ этой сѣверной любви Пушкина на югѣ? Если до сихъ поръ мы стояли на почвѣ несомнѣнныхъ фактовъ и категорическихъ показаній самого Пушкина, то теперь мы вступаемъ въ область предположеній, очень соблазнительныхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, но требующихъ во всякомъ случаѣ еще всесторонней провѣрки.

Мы рѣшаемся думать, что этой женщиной была княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса. Въ перепискѣ Пушкина нѣтъ никакого намека на его отношенія къ ней или къ ея семьѣ, біографы

Пушкина ничего не говорятъ о ней. Свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать о ней, скудны. Она родилась 26 февраля 1802 г., значитъ, въ моментъ ссылки Пушкина ей было 18 лѣтъ. Она вышла замужъ 9 мая 1820 г., т.-е. дня черезъ три послѣ высылки Пушкина, за кн. Мих. Мих. Голицына, и умерла она въ 1870 году [1]). Вотъ все, что̀ мы о ней знаемъ. Но среди стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ на югѣ, есть три, несомнѣнно относящіяся къ ней. Приводимъ здѣсь же эти три стихотворенія, такъ какъ намъ придется въ дальнѣйшемъ не разъ ссылаться на нихъ.

I.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о, милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
„Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ“.

23 авг. 1821.

II.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что̀ я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю не вполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?

---

[1]) В. Саитовъ, „Петербургскій Некрополь“, М. 1883, стр. 36.—Кн. Н. Н. Голицынъ, „Матеріалы для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ“, Кіевъ, 1880, стр. 81. Эту Голицыну не надо смѣшивать съ другою—кн. Евд. Ив. Голицыной, которою Пушкинъ увлекался въ 1817 году.

Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24—25 авг. 1821 г., въ ночь.

III.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть, и вдохновеньемъ.

Одесса, 1823 г.

Изъ этихъ трехъ стихотвореній только послѣднее отмѣчено самимъ Пушкинымъ, какъ посвященное кн. М. А. Голицыной; первыя два отнесены къ ней уже позднѣйшими издателями сочиненій Пушкина по соображеніямъ, убѣдительность которыхъ, кажется, не можетъ быть оспариваема. Въ самомъ дѣлѣ, конецъ I и III тождественны; далѣе, въ I есть ясный намекъ на то, что данная женщина была очарована какими-то печальными стихами Пушкина,—и этотъ самый случай вспоминаетъ Пушкинъ и въ III, несомнѣнно посвященномъ Голицыной. Что же касается II, т.-е. средняго стихотворенія, то оно хронологически такъ тѣсно связано съ первымъ, что ихъ невозможно отнести къ разнымъ лицамъ: первое написано 23 авг., второе 24—25-го. Притомъ, ихъ нераздѣльность удостовѣряется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ черновомъ набраскѣ первая пьеса начиналась такъ: „Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье“—и о наслажденьи же говоритъ и вторая пьеса: „Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій“ (слово „наслажденье“ и тамъ, и здѣсь употреблено не въ чувственномъ смыслѣ, а въ

значенія радости, счастья). Итакъ, есть всѣ основанія относить эти три стихотворенія къ кн. М. А. Голицыной, какъ это и дѣлаютъ П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ.

По этимъ тремъ пьесамъ мы можемъ, не прибѣгая къ натяжкамъ, до нѣкоторой степени уяснить себѣ и личность женщины, которую любилъ Пушкинъ, и характеръ самой его любви. Это была очень молодая женщина, еще полу-ребенокъ, съ яснымъ духомъ, съ тихимъ умомъ, нѣжная и полная участья, неопытная въ страстяхъ и злѣ. Пушкинъ давно ее любилъ („дивились *долгому* любви моей мученью“). Любила ли она его? Онъ этого долго не зналъ. Была только одна минута, когда ему показалось, что онъ любимъ: онъ узналъ, отъ нея самой или чрезъ другое лицо, что ей понравились какіе-то (опредѣленные) его стихи и что она твердила ихъ про себя. Въ августѣ 1821 года случилось что-то, что̀ *почти* увѣрило его въ ея взаимности; возможно, что это былъ именно тотъ случай съ его стихами. Какъ бы то ни было, 23-го августа онъ пишетъ первую элегію: онъ слишкомъ поздно узналъ о ея любви, онъ мертвъ духомъ, жизнь кончена для него. Вторую пьесу онъ пишетъ черезъ два дня: она просила его разсказать ей о его бурной молодости, о томъ, сколько разъ и въ кого онъ былъ влюбленъ до нея; нѣтъ, онъ не разскажетъ ей этого; его разсказъ омрачилъ бы ея свѣтлый духъ, ее испугала бы его любовь, въ которой—его послѣднее наслажденье. Но о *ея* любви къ нему онъ все время, и въ I, и во II, говоритъ неувѣренно: въ I— „*если* я любимъ“, а во II—ни разу о *ея* любви, все только о *своей*: „*моей любви*, быть можетъ, ужаснешься“, „сегодня *я люблю*“...

Эти два стихотворенія составляютъ, очевидно, одинъ этюдъ. Они написаны въ Кишиневѣ,—какъ уже сказано, 23—25 августа 1821 г.; и они свидѣтельствуютъ, что предметъ его любви былъ тутъ же,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пушкинъ слишкомъ правдивъ и слишкомъ конкретенъ въ своемъ творчествѣ, чтобы выдумывать сюжеты для своихъ стихотвореній. Но у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, была ли М. А. Голицына въ Кишиневѣ въ августѣ 1821 г. Мы знаемъ только, что ея семья имѣла близкія отношенія къ югу, къ Одессѣ и Крыму. Ея мать—во второмъ бракѣ тоже Голицына—по крайней мѣрѣ въ 30-хъ годахъ жила въ Одессѣ, и тамъ же умерли и она, и ея мужъ [1]). Сестра Маріи

[1]) „Русск. Стар.“ 1878, дек., 749. Н. Н. Голицынъ „Матеріалы“, 78.

Аркадьевны, по мужу Башмакова, уже въ 1823 г. жила съ мужемъ въ Одессѣ [1]); одинъ изъ братьевъ нѣкоторое время былъ адъютантомъ Воронцова [2]), съ которымъ они были въ довольно близкомъ родствѣ.

Мы видѣли, что о Бахчисарайскомъ фонтанѣ впервые разсказали Пушкину въ Петербургѣ; женщиной, отъ которой онъ услыхалъ эту легенду, мы и считаемъ М. А. Голицыну; это о ней онъ писалъ: „поэтическое воображеніе", „sa bouche aimable et naïve", ее назвалъ: „элегическая моя красавица". И не о ней ли онъ говоритъ („Желаніе", 1821), вспоминая Крымъ: „Златой предѣлъ, *любимый край Эльвины*", и не къ ней ли относится стихъ (въ этомъ же стихотвореніи):.. „Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный"? Эти слова: „изгнанникъ неизвѣстный" указываютъ, можетъ быть, на то, что *въ то время* (когда онъ жилъ въ Крыму) она еще не знала о его ссылкѣ.

Намъ остается сказать два слова о третьемъ изъ стихотвореній, посвященныхъ кн. М. А. Голицыной. Оно написано почти чрезъ два года послѣ первыхъ пьесъ. Чувство Пушкина уже остыло. Онъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали; теперь случилось нѣчто другое—объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно. Возможно, что она чрезъ сестру Башмакову, съ которой Пушкинъ встрѣчался у Воронцовыхъ, прислала ему какіе-нибудь свои, вѣроятно французскіе, стихи въ отвѣтъ на его поэтическія пѣсни:

Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки.

Это послѣднее стихотвореніе онъ, конечно, чрезъ Башмакову, переслалъ Голицыной. По крайней мѣрѣ, въ 1825 году, готовя изданіе своихъ стихотвореній, онъ поручаетъ брату взять эту пьесу у Голицыной.

IV.

Теперь, зная настроенія Пушкина въ первый періодъ ссылки, зная и его омертвѣлость, и его сѣверную любовь, мы глубже и вѣрнѣе поймемъ его „Кавказскаго Плѣнника", написаннаго не-

[1]) Вигель, нов. изд., ч. VI, стр. 188—189.
[2]) „Русск. Стар." 1894, мартъ, 70.

посредственно послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ (начатъ еще въ Гурзуфѣ).

Если бы нужны были еще доказательства поразительной, щепетильной, почти педантической правдивости Пушкина, лучшимъ изъ нихъ могла бы служить эта поэма. Она вѣрна дѣйствительности до мелочей. Пушкинъ самъ, въ письмѣ къ Гнѣдичу, указалъ на одну такую черту: какъ ни соблазнительно было избрать мѣстомъ дѣйствія горы и ущелья Кавказа, — онъ „поставилъ своего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца". И подобныхъ чертъ много. Напримѣръ, дѣйствіе поэмы происходитъ лѣтомъ, въ періодъ грозъ, косьбы (можетъ быть, второй) —когда и Пушкинъ былъ на Кавказѣ. Онъ описываетъ Байрамъ—и отъ Геракова мы знаемъ („Пут. зап.", 153), что въ тотъ годъ Байрамъ начался 5-го или 6-го сентября, и слѣдовательно Пушкинъ могъ его видѣть у крымскихъ татаръ.

Пушкинъ неоднократно признавался, что въ лицѣ Плѣнника онъ изобразилъ самого себя. Соглашаясь съ мнѣніемъ Горчакова, что характеръ Плѣнника неудаченъ, онъ замѣчаетъ: „Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія", и, посвящая поэму младшему Раевскому, онъ говоритъ:

Ты здѣсь найдешь...
Мечты *знакомыя, знакомыя* страданья
И тайный гласъ души *моей*.

Мы видѣли, каково было душевное состояніе Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму — и какимъ оно представлялось ему самому. Три чувства преобладали въ немъ: 1) онъ чувствовалъ себя на свободѣ, и былъ интимно увѣренъ, что *самъ* бѣжалъ отъ „стѣснительныхъ условій и оковъ"; 2) онъ чувствовалъ себя нравственно мертвымъ, недоступнымъ никакому очарованью, никакой радости; 3) наконецъ, онъ лелѣялъ какую-то давнюю, нераздѣленную любовь.—Этими тремя элементами всецѣло исчерпывается и психологическій сюжетъ „Кавказскаго Плѣнника". Больше въ немъ нѣтъ ничего. Замѣчательно, что въ своей безсознательной правдивости Пушкинъ и Плѣнника сдѣлалъ поэтомъ, какимъ былъ самъ: „Охолодѣвъ къ мечтамъ *и лирѣ*", говоритъ онъ о Плѣнникѣ.

Въ стихотвореніяхъ, написанныхъ Пушкинымъ за это первое время его ссылки, можно подобрать рядъ признаній, почти буквально совпадающихъ съ характеристикой, которую онъ даетъ своему Плѣннику. И Плѣнникъ, какъ самъ Пушкинъ, „бѣжалъ" съ сѣвера—и по той же причинѣ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

И то, что̀ дальше говорится о Плѣнникѣ:

Свобода! онъ *одной тебя*
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,—

это самое Пушкинъ, въ 1821 г., писалъ Дельвигу о себѣ:

Къ невѣрной славѣ я хладѣю—
Одна свобода мой кумиръ.

Общъ ему съ Плѣнникомъ и „души печальный хладъ". Какъ въ немъ самомъ это—самая рѣзкая черта въ душевномъ состояніи Плѣнника, — она проходитъ красной нитью чрезъ всю поэму. Въ отвѣтъ на любовь черкешенки Плѣнникъ говоритъ:

Но поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ отлетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Когда, въ августѣ 1821 г., Пушкину показалось, что кн. М. А. Голицына готова отвѣчать на его любовь, онъ писалъ ей (въ первомъ изъ посвященныхъ ей стихотвореній,—эти стихи были потомъ отброшены):

Нѣтъ, поздно, милый другъ, узналъ я наслажденье:
Ничто души моей не воскреситъ.
Ей чуждо страсти упоенье
И счастье тихое меня не веселитъ.

И онъ объясняетъ эту душевную мертвенность Плѣнника такъ же, какъ собственную разочарованность: дѣйствіемъ страстей, рано опустошившихъ душу:

Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну *жертвою страстей*

...Или:

Страстями сердце погубя...

Или:

Гдѣ *бурной жизнью* погубилъ
Надежду, радость и желанье... *и т. д.*

Но, какъ и онъ, Плѣнникъ унесъ съ собою изъ родного края долгую, мучительную страсть — и также безъ взаимности, какъ Пушкинъ. То, что̀ Пушкинъ говоритъ о себѣ въ элегіи „Погасло дневное свѣтило",—то самое онъ почти буквально говоритъ и о Плѣнникѣ:

...въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней...
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.

Даже романтическую фабулу своей поэмы (которую надо отличать отъ психологическаго сюжета) Пушкинъ не выдумалъ, а взялъ, повидимому, изъ собственнаго опыта. Въ объятіяхъ женщины думать *о другой*—такова эта фабула:

Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной
Какъ тяжко мыслить о другой!..

Вся эта фабула „in nuce“ заключена въ стих. „Дорида“, которое было написано Пушкинымъ еще въ Петербургѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ссылки: въ объятіяхъ Дориды ему „другія милыя ...видѣлись черты“ и „имя чуждое уста“ его „шептали“.

Надо обратить вниманіе на тѣ два стиха о Плѣнникѣ:

Измучась ревностью *напрасной*,
Уснувъ безчувственной душой...

Въ нихъ вся исторія „сѣверной“ любви Плѣнника—и Пушкина.

V.

Этой сѣверной любовью вдохновлялась поэзія Пушкина на югѣ цѣлыхъ два года, ею внушенъ былъ не только „Кавказскій Плѣнникъ“, но и „Бахчисарайскій Фонтанъ“. Чуднымъ свѣтомъ озаряется для насъ его творчество — мы нисходимъ до таинственныхъ источниковъ вдохновенія.

Но ихъ даже не надо искать, ихъ показываетъ намъ самъ Пушкинъ. Онъ увезъ на югъ только смутный обликъ любимой женщины, не настоящую страсть, а глубокое томленіе, сладкое очарованье недостижимой, нѣжной, кроткой красоты. И, можетъ быть, именно этой безбурной полнотой волшебнаго очарованья, этой туманностью чарующаго образа и питалось больше всего вдохновеніе поэта. Реальная страсть узка, нетерпима, въ ней нѣтъ такой дали. Въ черкешенкѣ и въ Маріи Потоцкой Пуш-

кинъ возвелъ въ „перлъ созданія“ женщину своей сѣверной любви.

Онъ самъ говоритъ это. Стоя передъ фонтаномъ въ Бахчисараѣ, онъ равнодушно смотрѣлъ кругомъ:

...не тѣмъ
Въ то время сердце полно было

Ему чудилась тѣнь дѣвы:

Чью тѣнь, о, други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня,
Неотразимый, неизбѣжный?

То были не Марія и Зарема,—то былъ образъ другой, живой женщины:

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски *напрасной*!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Это—та самая любовь, о которой онъ говорилъ въ первомъ стихотвореніи кн. Голицыной:

Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью...

Пушкинъ самъ разсказываетъ (1823 г.), что, прочитавъ Туманскому отрывки изъ своего „Бахчисарайскаго Фонтана“, онъ сказалъ ему, что не желалъ бы напечатать эту поэму, „потому что *многія мѣста* относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру“. То самое, что онъ говоритъ въ заключительныхъ стихахъ поэмы, онъ повторилъ и въ стихотвореніи „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“:

Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?
Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Въ черновомъ было: „*Любви безумной* идеалъ“.

И уже позднѣе, въ „Онѣгинѣ“, вспоминая обѣ свои поэмы— и „Плѣнника“, и „Фонтанъ“,—онъ писалъ:

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила:
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, *мой идеалъ*,
И плѣнницъ береговъ Салгира...

Не потому ли Пушкинъ въ томъ стихотвореніи кн. Голицыной, 1821 г., писалъ:

...Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали,

—и упорно говорилъ, что̀, можетъ быть, ей былъ обязанъ вдохновеньемъ?

На югѣ Пушкинъ, какъ извѣстно, впервые узналъ Байрона, и отсюда начинается „байроническій“ періодъ его творчества. Вопросъ о байронизмѣ у Пушкина требуетъ коренного пересмотра. Нельзя—какъ это большею частью дѣлалось до сихъ поръ—говорить о вліяніи, не изучивъ предварительно ту психическую почву, на которую легло это вліяніе; чтобы выдѣлить байроническіе элементы въ поэзіи Пушкина, надо знать, чѣмъ былъ Пушкинъ въ моментъ своего ознакомленія съ Байрономъ. Этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, но основныя линіи уже теперь ясны. Мы видѣли, какъ много „байроническихъ“ элементовъ было въ душѣ Пушкина уже въ 1819 г. и началѣ 1820 г., т.-е. прежде, чѣмъ Раевскіе познакомили его съ поэзіей Байрона; и съ другой стороны, легко замѣтить, что одна изъ основныхъ чертъ Байроновскаго настроенія осталась чужда ему и послѣ этого знакомства: бурный протестъ, мятежъ противъ соціальнаго насилія. Высылка Пушкина изъ Петербурга была соединена съ ужасными оскорбленіями, доводившими его до мыслей о самоубійствѣ или убійствѣ, да и помимо этого, самая ссылка была насильственнымъ актомъ. Пять лѣтъ спустя, Пушкинъ заговоритъ о мести и назоветъ ее: „бурная мечта ожесточеннаго страданья“. Но на первыхъ порахъ, на Кавказѣ и въ Крыму, у него не только не вырывается ни одной ноты возмущенія, протеста, но, какъ мы видѣли, онъ игнорируетъ даже самый фактъ

ссылки, а чтеніе Байрона въ этомъ отношеніи нимало не вліяетъ на него; по его стихамъ никто не догадался бы, что онъ—жертва грубаго произвола. Такимъ образомъ, мы думаемъ, что вліяніе Байрона не внесло въ психику Пушкина ни одного новаго элемента; оно только помогло ему яснѣе осознать его собственное душевное состояніе, въ какомъ онъ былъ тотчасъ по пріѣздѣ на югъ.

Въ заключеніе приведемъ письма Н. Н. Раевскаго-отца къ Ек. Н. Раевской, о которыхъ мы упоминали выше:

1.

13-го іюня. Горячія воды. — Гдѣ ты, милая дочь моя Катенька? каково твое здоровье и сестры твоей Аленушки?—вотъ единственная мысль моя, которая и во снѣ меня не оставляетъ. Я никакихъ плановъ не дѣлаю, пока не получу отъ васъ извѣстія; послѣднее имѣлъ въ Кіевѣ отъ 6-го мая. Выѣхалъ я 19-го [1]), 21-го ночевалъ въ Смѣлѣ, отпустилъ сестеръ по утру въ Каменку, самъ же поѣхалъ въ Сунки для нѣкоторыхъ испытаній на винномъ заводѣ, и пріѣхалъ къ матушкѣ вечеромъ.

Изъ сего начала ты видишь, мой другъ, что я пишу родъ журнала, родъ, потому что для онаго недовольно подробно, а для письма слишкомъ обстоятельно и длинно.

О Каменкѣ тебѣ ни слова, все по прежнему — хуже быть не можетъ, развѣ новыя мерзости.

Я выѣхалъ изъ Болтышки [2]) послѣ ночлега, позавтракалъ у Аграфены Ивановны [3]) и пустился въ путь. Въ Елисаветградѣ остановился у Фундуклея, гдѣ нашелъ доктора Бетриха. Первый жаловался, что люди мало пьютъ водки, второй—что мало больныхъ!

Изъ Елисаветграда ѣхалъ я нѣкоторое время Николаевской дорогой, потомъ повернулъ влѣво на Кременчугскую, не доѣзжая его, повернулъ вправо на *Екатеринославль* въ виду Днѣпра нагорнымъ берегомъ; мѣста прекрасныя, рѣка излучистая, во всей своей красотѣ. Въ Екатеринославль пріѣхалъ въ десятомъ часу ночи, къ губернатору Карагеоргію, который имѣлъ ударъ отъ паралича, но болѣзни своей не знаетъ. Екатеринославль на прекрасномъ мѣстѣ расположенъ вдоль Днѣпра. Городъ не обширный, улицы и дома чистые, и при каждомъ садъ, что составляетъ картину весьма пріятную. Съ горы, которую предположено застроить, въ хорошую погоду виденъ Павлоградъ въ 70-ти верстахъ разстоянія. На сей высотѣ заложена была церковь императрицей Екатериной, которой величиной мало въ Европѣ рав-

---

[1]) Т.-е. изъ Кіева; это же число указываетъ и Рудыковскій („Русскій Вѣстн." 1841 г., ч. I).

[2]) Имѣніе Н. Н. Раевскаго, кіевской губ.

[3]) Величковской.

няться могутъ, — она оставлена; тутъ валится дворецъ, въ которомъ жилъ князь Потемкинъ, при немъ прекраснѣйшій, но запущенный садъ, обширный, съ прекрасными деревьями, коимъ окружающія степи цѣну прибавляютъ! „Великій князь Николай Павловичъ, смотря на дворецъ, повторилъ слышанныя слова: *этотъ человѣкъ все начиналъ, ничего не кончилъ.*—Потемкинъ заселилъ обширныя степи, распространилъ границу до Днѣстра, сотворилъ Екатеринославль, Херсонъ, Николаевъ, флотъ Чернаго моря, уничтожилъ опасное гнѣздо непріятельское внутри Россіи пріобрѣтеніемъ Крыма и Тавриды, а не докончилъ только круга жизни человѣческой, не достигнувъ границы, ей предназначенной, умеръ во всей силѣ ума и тѣла!

Въ Екатеринославлѣ переночевалъ, позавтракалъ и поѣхалъ по Маріупольской дорогѣ. Въ 70-ти верстахъ переправился черезъ Днѣпръ при деревнѣ *Нейенбургъ*, — нѣмецкая колонія въ цвѣтущемъ положеніи, уже болѣе 30-ти лѣтъ тутъ поселенная. Тутъ Днѣпръ только-что перешелъ свои пороги, посреди его — каменные острова съ лѣсомъ, весьма возвышенные, берега также мѣстами лѣсные; словомъ, виды необыкновенно живописные, я мало видалъ въ моемъ путешествіи, кои бы могъ сравнить съ оными.

За рѣкой мы углубились въ степи, ровныя, одинакія, безъ всякой перемѣны и предмета, на которомъ бы могъ взоръ путешествующаго остановиться; земли способныя къ плодородію, но безводныя и посему мало заселенныя. Онѣ отличаются отъ тѣхъ, что мы съ тобой видали, множествомъ травы ковылемъ называемой, которую и скотъ пасущійся въ пищу не употребляетъ, какъ будто бы почитаетъ единственное ихъ украшеніе. Надобно признаться, что при восходѣ или захожденіи солнца, когда смотришь на траву противъ онаго, то представляется тебѣ чистаго серебра волнующееся море.

Близъ Маріуполя открыли глаза наши Азовское море. Маріуполь, какъ и Таганрогъ, не имѣетъ пристани, но суда пристаютъ по глубинѣ ближе къ берегу. 40 лѣтъ, какъ населенъ онъ одними греками, торгуютъ много хлѣбомъ, скотомъ, въ 120-ти верстахъ отъ Таганрога, окружены землями плодородными, а хлѣбъ, то-есть пшеница, и въ теперешнее дешевое время продается до 16-ти рублей. На первой почтѣ за Маріуполемъ встрѣтили мы жену Гаевскаго, которая дожидалась меня трое сутокъ и отправилась къ мужу; ей не дали лошадей, для меня приготовленныхъ. Она за то приготовила намъ завтракъ, мы поѣли, я написалъ съ нею вамъ письма, и поѣхали.

Въ Таганрогъ пріѣхалъ я утромъ. Городъ на хорошемъ мѣстѣ, строеньемъ бѣдный, много домовъ покрытыхъ соломой, но торговлей богатъ и обыкновенно вдвое приноситъ правительству противъ Одессы. Способовъ ей не даютъ, купцы разныхъ націй не имѣютъ общественнаго духа, отъ сего нѣтъ никакого общественнаго заведенія, пристани нѣтъ, а по мелководью суда до берега далеко не доходятъ, а при мнѣ сгружали и нагружали оныя на подмощенныхъ телѣгахъ, которыя лошади въ водѣ по горло подвозили къ судамъ.

Обѣдалъ я у градоначальника Папкова, ночевалъ и поутру рано отправился въ *Ростовъ*, что̀ прежде было предмѣстьемъ крѣпости *Святого Димитрія*.

Крѣпость сія есть то мѣсто, гдѣ 37 лѣтъ тому назадъ жилъ

почти годъ съ матушкой по той причинѣ, что Левъ Денисовичъ, командовавшій полкомъ, ходилъ на Кубань подъ командой Суворова, а чтобъ разсмѣшить тебя, мой другъ, напомню пѣсенку, мной сочиненную дѣвицѣ Пеленкиной и тебѣ извѣстную, въ которой я назвалъ ее Лизетой, потому что къ ея имени, т.-е. Алены, я риѳмы пріискать не могъ. Въ первый разъ ѣхавъ на Кавказъ при жизни ея мужа тому 25 лѣтъ, я у нихъ обѣдалъ; нынче, узнавъ, поѣхалъ къ ней, засталъ у нихъ гостей; одна дочь замужемъ, другая же, 17 лѣтъ, въ дѣвицахъ, и такъ хороша, какъ мало видалъ я хорошихъ. Я посидѣлъ, посмѣялись насчетъ ребяческихъ лѣтъ нашихъ и... разстались безъ слезъ ни сожалѣнья.

За крѣпостью есть другой форштатъ, или городъ армянскій, *Нахичевань* называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образъ жизни, строенье, лица, одѣянье, все оригинальное. Мы его проѣхали и прибыли на ночлегъ въ станицу *Аксай* на устьѣ рѣки *Аксай*, вверхъ по которой въ 35-ти верстахъ перенесена столица донскихъ казаковъ и названа *Новымъ Черкасскомъ*. Въ Аксаяхъ долженъ былъ я переправляться чрезъ Донъ; послалъ тотчасъ письмо съ казакомъ къ атаману Денисову, что буду назавтра къ нему обѣдать, и куда всей гурьбой на утро отправился. Новый Черкасскъ, заложенный Платовымъ, — городъ весьма обширный, регулярный, но еще мало населенный, на высокомъ степномъ мѣстѣ, на берегу рѣки Аксай, которая теперь въ половодье разливами соединяется съ Дономъ, но различить ихъ весьма можно по разности цвѣта воды. Пообѣдавъ, выпросилъ шлюпку и поѣхали назадъ водой. Вообрази ты себѣ берегъ нагорный, съ разнообразными долинами, холмами, рощами, виноградными садами, и застроенный безпрерывными дачами на разстояніи сорока верстъ, въ степномъ уголку земного шара,—ты можешь легко представить чувства смотрящаго на сіи картины человѣка, коего сердце къ пріятнымъ чувствамъ открыто быть можетъ. Мои всѣ были въ восхищеніи, и я былъ бы также, когда бъ вы были со мной и здоровы! — На пути, спросивъ на дачѣ граф. Кат. Дмитр. Орловой, вдовы атамана, тещи Палена, и узнавъ, что съ часъ какъ пріѣхалъ сосѣдъ нашъ Орловъ Алексѣй Петровичъ, который теперь здѣсь на водахъ, мы вышли на берегъ, я съ нимъ повидался, потомъ сѣлъ въ шлюпку и пріѣхали уже ночью довольно поздно въ Аксай.

На другой день рано, отправивъ кареты на большомъ суднѣ на другой берегъ, до коего было 18 верстъ, сѣли опять въ шлюпку и поѣхали въ Старый Черкасскъ. Сей разжалованный городъ въ станицу еще болѣе обыкновеннаго залитъ водою. Въ немъ осталось домовъ до 700, въ томъ числѣ нѣсколько старыхъ фамилій чиновниковъ, какъ-то Ефремовыхъ и пр., другія-жъ перевезены въ Черкасскъ. Но церквей не перевезли и ихъ богатства, но не могли увезть памяти, что это первое было гнѣздо донскихъ казаковъ. Словомъ, Старый Черкасскъ останется вѣчно монументомъ какъ для русскихъ, такъ и для иностранныхъ путешественниковъ. — Обойдя все, что тамъ есть достойнаго, отправились и мы на лѣвый берегъ Дона и приплыли въ Азію въ одно время съ нашими каретами.

Тутъ кончу, другъ мой Катенька, первое описаніе мое; продолженіе впредь, я усталъ писать, ты устанешь читать,—отдохнешь,

опять примешься за чтеніе, а я за перо. Прощайте, милыя мои дочки, обнимаю васъ.

2.

Продолженіе.—Мы вышли на лѣвый берегъ Дона, сѣли въ кареты и пустились въ путь, 200 верстъ ѣхали землями, принадлежащими донскому войску, кои въ мое время, равно и 170 верстъ Кавказской губерніи до называемой *Донской крѣпости*, составляли степь безводную и необитаемую, и на всемъ семъ разстояніи кромѣ однѣхъ землянокъ ничего не было, нынѣ жъ нашелъ я большія селенья, колодцы, пруды и все необходимо нужное для жизни проѣзжающаго. На другой день пріѣхалъ въ *Ставрополь*, уѣздный городъ, на высокомъ и пріятномъ мѣстѣ и лучшемъ для здоровья жителей всей Кавказской губерніи. Въ немъ нашелъ я каменные казенные и купеческіе дома, сады плодовитые и немалое число обывателей, словомъ, преобразованный край, въ который ѣдущаго ничего кромѣ отдаленности страшить не должно. Сильная гроза и дождь заставили меня остановиться ночевать за сорокъ верстъ отъ Георгіевска, куда я отправилъ кухню и на другой день пріѣхалъ на готовый обѣдъ въ домъ генерала Сталя, начальника Кавказской линіи. Тутъ я обѣдалъ, ходилъ по городу, но не нашелъ и слѣдовъ моего жилища и мѣста рожденія брата твоего Александра; запасся всѣмъ нужнымъ, переночевалъ и на другой день пріѣхалъ на Горячія воды въ нанятый для меня домъ.

Воды горячія истекаютъ изъ горы, называемой Мечукъ, надъ рѣкой Подкумкомъ лежащей; самый низкій ключъ, не менѣе 6 или 7 саженъ вышины, истекаетъ отъ подошвы небольшой долины, въ которой все селеніе расположено въ 2 улицы; я примѣтилъ до 60 домовъ, домиковъ и лачужекъ, и какъ сего недостаточно для пріѣзжающихъ, то нанимаютъ калмыцкія кибитки, палатки, и располагаются лагерями, гдѣ кому полюбится, и какъ будто поддѣлываются нестройной здѣсь природѣ. Ванны старыя, хотя стоятъ казнѣ довольно дорого, ни вида, ни выгодъ не имѣютъ, новыя жъ представляютъ и то, и другое, и возможную чистоту и опрятность. Видъ изъ оныхъ наипріятнѣйшій на *Бештовую* гору или *Пятигорію*, ибо по оной бывшее тутъ въ древности нѣкое княжество называлось. Я расположилъ мою жизнь слѣдующимъ образомъ: встаю въ 5 часовъ, иду купаться, возвратясь черезъ часъ пью кофій, читаю, гуляю, обѣдаю въ 1-мъ часу, опять читаю, гуляю, купаюсь, въ 7-мъ пьемъ чай, опять гуляемъ и ложимся спать. Сестры купаются по одному разу, а когда жарко — по два, въ водѣ кисло-сѣрной, теплотою какъ парное молоко, единственно для забавы, я—въ горячей, имѣющей выше 38-ми градусовъ, и часто прихожу заблаговременно пользоваться съ галлерей видомъ наипріятнѣйшимъ горъ и забавнымъ сего селенія и жителей, каррикатурныхъ экипажей, пестроты одѣяній; смѣсь калмыковъ, черкесъ, татаръ, здѣшнихъ казаковъ, здѣшнихъ жителей и пріѣзжихъ—все это подъ вечеръ движется, встрѣчается, расходится, сходится, и все до бездѣлицы съ галлерей новыхъ ваннъ глазамъ вашимъ открыто.

Мы ѣздили въ называемую неправильно *шотландскую* колонію, ибо ихъ только двѣ фамиліи, кои миссіонеры лондонскаго Библейскаго

общества, остальные жъ разные нѣмцы. Ѣздили мы на благодѣтельный желѣзный горячій ключъ, въ Бештовой горѣ находящійся. При первомъ хорошемъ днѣ положено ѣхать на верхъ шпица Бештоваго, съ котораго верстъ на сто открывается во всѣ стороны. Въ первыхъ числахъ переселюсь на Желѣзныя воды, гдѣ пробывъ двѣ недѣли, поѣду на Кислыя, и тамъ только рѣшительно могу сказать о пользѣ здѣшняго моего лѣченія, теперь же, кромѣ надежды, ничего имѣть положительнаго нельзя. Желѣзныя воды дѣлаютъ чудеса во всякомъ родѣ разслабленія, какъ и въ томъ случаѣ, въ какомъ и ты, мой другъ, находишься; я для тебя полную имѣю на нихъ надежду. Кислыя жъ, полагаю, и для Аленушки могутъ быть полезны, употребленіе жъ всѣхъ оныхъ испытавъ на себѣ, могу быть путеводителемъ. Возьму заблаговременно всѣ мѣры для пріятности жизни, и намъ, кромѣ пользы здоровья, вѣрно будетъ весело. Прощай, милая моя Катенька, хотя письмо адресую въ Кіевъ, но надѣюсь, что оно найдетъ васъ въ Крыму, куда явлюсь я въ половинѣ августа молодецъ молодцомъ.

3.

29-го іюня. Горячія воды.—Отъ матери вчерась получилъ письмо съ полковникомъ Преображенскимъ, отъ 24-го, по почтѣ жъ двѣ недѣли не имѣю объ васъ извѣстія и не вижу, чтобъ вы сбирались ѣхать въ Крымъ, посему все адресую письма въ Кіевъ. Самъ же я переѣзжаю чрезъ пять дней на Горячія Желѣзныя воды на двѣ недѣли, оттоль на Кислыя также недѣли на двѣ, а оттоль въ Крымъ.

О себѣ, другъ мой Катинька, ничего еще сказать не могу; рюматизмъ не чувствую, но это можетъ только въ здѣшнемъ климатѣ, а избавился-ль ихъ, это покажетъ время... Жизнь наша та же; ѣздили мы на Бештовую высокую гору, ходимъ, спимъ, пьемъ, купаемся, играемъ въ карты, словомъ, кое-какъ убиваемъ время. Нынче Петровъ день, вечеромъ будетъ маленькій фейерверкъ. Все это хорошо, когда ничего нѣтъ лучшаго. Прощай, милая Катенька, обнимаю тебя, мой другъ.

4.

6-е іюля. Желѣзныя воды бештовыя.—Вотъ четвертый день, какъ мы здѣсь, милая Катенька; купаемся, и я немного пью воду. Здѣсь мы въ лагерѣ, какъ цыгане, на половинѣ высокой горы. 10 калмыцкихъ кибитокъ, 30 солдатъ, 30 казаковъ, генералъ Марковъ, сенаторъ Волконскій, три гвардейскихъ офицера и нынче пріѣзжающій Карагеоргій составляютъ колонію. Мѣста такъ мало, что 100 шаговъ сдѣлать негдѣ—или лѣзть въ пропасть, или лѣзть на стѣну. Но картину передъ собой имѣю прекрасную, т.-е. гору Бештовую, которая между нами и водами, которыя мы оставили. Купаюсь три раза, ѣмъ одинъ разъ, играю въ бостонъ,—вотъ физическое упражненіе, а душою съ вами. Большое для меня будетъ удовольствіе узнать, что вы изъ Петербурга выѣхали. Я къ вамъ пишу всякую недѣлю, то-есть всякую почту, а вы не вздумали дѣлать то-же. Я сердитъ. Прощай.

М. Гершензонъ.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

ПОВѢСТЬ.

The Sinews of War. By Eden Phillpotts and Arnold Bennett. London. 1907.

Чудовище Лондонъ ложился на покой. Часы церквей и отелей на Страндѣ показывали три-четверти перваго; была осенняя лунная ночь. Черезъ окна запертыхъ пивныхъ видно было, какъ слуги съ заспанными глазами и съ тряпками въ рукахъ смывали послѣднія пятна со стоекъ. Страндъ населенъ былъ въ этотъ часъ только полицейскими, осматривавшими двери магазиновъ, и запоздалыми омнибусами, которые спѣшили домой; медленно проѣзжалъ возъ ломовика, выѣхавшаго въ ночной путь. Во дворахъ двухъ большихъ отелей стояло нѣсколько каретъ, поджидая своихъ знатныхъ господъ. На панеляхъ между Альдвичемъ и Чарингъ-Кросомъ было не болѣе двадцати человѣкъ вмѣсто двадцати тысячъ, проходящихъ тамъ среди дня. Огромный городъ какъ бы утомленно вздыхалъ, говоря: „попробую уснуть, но не знаю, удастся ли".

Въ числѣ рѣдкихъ пѣшеходовъ былъ также Филиппъ Мастерсъ, коренастый человѣкъ, лѣтъ тридцати; онъ уже кое-что пережилъ въ жизни, и судьба готовила ему еще большія испытанія. Онъ медленно шелъ по направленію отъ Чарингъ-Кроса, остановился на минуту передъ ювелирнымъ магазиномъ, освѣ-ннымъ для соблазна громилъ, затѣмъ перешелъ съ южной на ерную сторону у Веллингтонъ-Стрита и направился къ двичу. Съ обѣихъ сторонъ возвышались роскошные бѣлые, ъ мраморъ, новые дома, и Филиппъ удивлялся, какъ есте-нно удивляться людямъ въ его положеніи — откуда берутся

деньги, чтобы такъ быстро воздвигнуть бѣлые дворцы, предназначенные только для роскошной и веселой жизни.

У Филиппа было въ карманѣ только шесть пенсовъ; все свое имущество онъ несъ въ маленькомъ черномъ саквояжѣ, и самъ теперь изумлялся тому, какъ это среди города, гдѣ двѣнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ тратится въ день только на разъѣзды въ кэбахъ, онъ очутился безъ пріюта на ночь и безъ всякихъ видовъ на то, чтобы что-нибудь прибавилось къ его сикспенсу. А было время, когда онъ бросалъ по полъ-кроны на чай кэбменамъ. Мать его умерла при его рожденіи, а отецъ—нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и онъ выросъ на попеченіи своихъ двухъ опекуновъ; когда онъ достигъ совершеннолѣтія, они вручили ему шесть тысячъ фунтовъ и дали много полезныхъ совѣтовъ. Они очень разумно воспитали его, не посылали его въ школы и университеты, а доставили ему мѣсто въ хорошей книгопродавческой фирмѣ, и въ общемъ сдѣлали для него все, что̀ могли. Но они не научили его слѣдовать хорошимъ совѣтамъ, не внушили ему любви къ книгоиздательскому дѣлу и не уберегли его отъ соблазна биржевой игры. Поэтому, по прошествіи шести лѣтъ, онъ не только отказался отъ книгоиздательства и пренебрегъ почти всѣми ихъ совѣтами, но и потерялъ почти всѣ свои шесть тысячъ фунтовъ. У него было много качествъ, онъ былъ даже философомъ въ жизни и многое понималъ—но, къ его несчастію, онъ родился съ дырой въ карманѣ, которую никакъ нельзя было зашить.

Въ двадцать-семь лѣтъ онъ потерялъ почти все, кромѣ спокойствія духа и вѣры въ людей. Онъ пробовалъ браться за самыя разнообразныя занятія, начиная отъ службы въ страховомъ обществѣ и до должности клубнаго секретаря, но ни одно изъ этихъ занятій не соотвѣтствовало его призванію. Можетъ быть, ему слѣдовало бы уѣхать въ колоніи, и тамъ бы онъ нашелъ дѣло, соотвѣтствующее его способностямъ, — но ничто не звало его туда. Вѣдь не всѣ тѣ ѣдутъ въ колоніи, которые могли бы составить тамъ свое счастье. Пикадилли полонъ колонистовъ, которымъ слѣдовало бы ѣхать въ Канаду. Онъ дольше всего пробылъ на своемъ послѣднемъ мѣстѣ помощника директора и преподавателя въ школѣ японскаго бокса, „ю-юитсу“, такъ какъ былъ хорошимъ атлетомъ. Но и тамъ ему не повезло. Въ школѣ учился какой-то герцогъ, и во время одного сеанса борьбы Филиппъ сломалъ ему руку; а такъ какъ хозяинъ школы очень дорожилъ своимъ аристократическимъ ученикомъ, то Филиппу пришлось отказаться отъ мѣста.

Это случилось двѣ недѣли тому назадъ. Съ тѣхъ поръ Филиппъ Мастерсъ тщетно искалъ другого примѣненія своихъ талантовъ, и хотя онъ еще не дошелъ до того, чтобы открывать дверцы каретъ при разъѣздахъ изъ театра, не продавалъ вечернихъ газетъ, не пошелъ въ солдаты, и не предпринималъ еще ничего, что̀ полагается людямъ въ его печальномъ положеніи, но уже былъ близокъ къ отчаянію. Мысль о томъ, что ему нечего ѣсть, сначала только удивляла и забавляла его; но теперь она была ему уже непріятна.

Онъ внутренно говорилъ себѣ: „Не можетъ быть, чтобы это я блуждалъ по Лондону. Не можетъ быть, чтобы я умеръ съ голоду или сталъ просить милостыни". Такъ разсуждаютъ про себя всѣ люди, очутившись въ безвыходномъ положеніи.

Онъ повернулъ на Кингсуэ, огромную артерію, которую прорѣзали лондонскіе архитекторы-хирурги, но въ которую кровь городской жизни еще не научилась вливаться. Двойной рядъ фонарей величественно тянулся до Гольборна; съ одной стороны улицу окаймляли гигантскіе плакаты лондонскихъ театровъ или рекламы всевозможныхъ цѣлебныхъ средствъ; съ другой стороны виднѣлись обломки домовъ, срѣзанныхъ ножомъ хирурга-архитектора, какъ гильотиной. Очутившись среди этой величественной пустоты, Филиппъ остановился. Онъ искалъ одинъ новый домъ, гдѣ сдавались меблированныя комнаты. Точнаго адреса онъ не зналъ; ему только сказали, что домъ этотъ находится въ одной изъ боковыхъ улицъ къ западу отъ Кингсуэ. Онъ оглянулся и увидѣлъ костеръ ночного сторожа, горѣвшій яркимъ краснымъ пламенемъ, который боролся съ желтымъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ; по серединѣ улицы виднѣлись красные фонари; они свидѣтельствовали о томъ, что улица разрыта и тамъ прокладываютъ трубы. Въ свѣтѣ костра двигались двѣ фигуры. Продолжая медленно подвигаться впередъ, Филиппъ внутренно спрашивалъ себя, хватитъ ли у него духа справиться у сторожа о домѣ, куда онъ направлялся. Онъ не могъ рѣшиться и, приблизившись къ костру, перешелъ на противоположную сторону улицы, въ то время, какъ убѣждалъ себя, что слѣдуетъ подойти къ сторожу. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное.

— Эй, пойдите сюда! — крикнулъ сторожъ, который стоялъ теперь одинъ у костра и казался нѣсколько возбужденнымъ.

— Что̀?—спросилъ Филиппъ.

— Идите сюда!—крикнулъ сторожъ.

„Неужели я похожъ на бродягу,—подумалъ Филиппъ,—что онъ такъ безцеремонно зоветъ меня?"

Но онъ все-таки пошелъ на зовъ. Сторожъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и скорѣе худой. На немъ было пальто, а поверхъ него еще плащъ.

— Вы ищете работы?—отрывисто спросилъ онъ Филиппа, предварительно разглядѣвъ его. Онъ былъ давно ночнымъ сторожемъ на лондонскихъ улицахъ, и сравнительно хорошая, хотя и потертая одежда Филиппа ни на минуту его не обманула. Онъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Филиппъ не умѣлъ лгать, и потому сказалъ правду.

— Послушайте,—сказалъ сторожъ.—Посидите у меня въ будкѣ, не давайте погаснуть огню—и за это получите цѣлый шиллингъ.

— Согласенъ,—отвѣтилъ Филиппъ.—Вамъ развѣ нужно уйти?

— Мнѣ только-что пришли сказать, что жена заболѣла, и я пойду взглянуть, чтò съ нею.—А живемъ мы далеко—въ Блумсбюри. Я-то, конечно, все равно бы пошелъ, если бы и не было замѣстителя. Да увидѣлъ, что человѣкъ безъ дѣла—вотъ и предложилъ. Только держать ухо востро!

— Оставьте мнѣ плащъ,—сказалъ Филиппъ.—А чтò я долженъ дѣлать?

— Караулить,—сердито сказалъ сторожъ, и сейчасъ же ушелъ.

Филиппъ, завернувшись въ плащъ, сталъ сторожить Кингсуэ. У него неожиданно оказался домъ и свой собственный очагъ. Онъ сталъ обшаривать углы и наткнулся на кружку съ чаемъ и на узелокъ въ красномъ платкѣ. Конечно, это ему не принадлежало, и пользованіе ѣдой не входило въ условіе. Ѣда принадлежала честному человѣку, у котораго случилось горе въ семьѣ. Взять все это—значило ограбить бѣднаго человѣка. Но все же, послѣ нѣсколькихъ минутъ, Филиппъ принялся за ѣду,—онъ чувствовалъ только голодъ, и совѣсть молчала. Голодный человѣкъ хотя и не скажетъ неправды, но способенъ украсть.

По улицѣ быстро проѣхалъ кэбъ, въ то время какъ Филиппъ грѣлъ чай.

— Не обожги пальцевъ, Чарли!—крикнулъ кучеръ, подражая женскому голосу, проѣхавъ мимо него. Филиппъ отвѣтилъ шуткой, стараясь поддѣлаться подъ тонъ настоящаго ночного сторожа, и такъ какъ кучеръ ничего не отвѣтилъ, то Филиппъ былъ доволенъ успѣхомъ. Онъ сталъ пить чай. Потомъ на горизонтѣ показался полисменъ, и онъ рѣшилъ завязать съ нимъ разговоръ. Но когда тотъ приблизился, Филиппъ все-таки испугался, и вернулся въ свой домикъ, дѣлая видъ, что задумался. Можетъ

быть, подъ вліяніемъ того, что онъ съѣлъ половину мясного пирога, полъ-ковриги хлѣба и выпилъ кружку чая, а можетъ быть просто отъ усталости, Филиппъ не долго просидѣлъ въ задумчивости; черезъ нѣсколько минутъ онъ заснулъ. По прошествіи нѣкотораго времени, продолжительность котораго онъ не могъ опредѣлить, Филиппъ проснулся и почувствовалъ себя очень виноватымъ. Онъ заснулъ на сторожевомъ посту и заслуживаетъ разстрѣла. У него было даже особенно тяжело на душѣ—точно по близости произошло что-то, чему слѣдовало помѣшать. Къ тому же огонь почти совсѣмъ догоралъ.

Онъ поправилъ шляпу на головѣ, закутался въ плащъ и вышелъ на развѣдки. Будка его стояла на углу Стрэнджъ-Стрита и Кингсуэ, и вдоль южной стороны Стрэнджъ-Стрита и приблизительно черезъ три дороги поперекъ Кингсуэ вырытъ былъ ровъ. Онъ былъ огороженъ веревками и желѣзными прутьями и окруженъ фонарями. На южной сторонѣ Стрэнджъ-Стрита было пустое пространство, но на сѣверной сторонѣ тянулся рядъ большихъ старыхъ домовъ, которые пережили много перестроекъ въ своемъ околоткѣ и, вѣроятно, переживутъ еще много другихъ.

Когда Филиппъ устремилъ взглядъ вдоль рва, онъ увидѣлъ, что оттуда вылѣзла какая-то смутно очерченная фигура, на разстояніи около ста ярдовъ отъ него, прошла черезъ Стрэнджъ-Стритъ и исчезла. Но вошла ли она въ одинъ изъ домовъ, или прошла въ какой-нибудь переулокъ, этого онъ не могъ рѣшить. Не могъ онъ также рѣшить, была ли это большая собака, или левъ, убѣжавшій изъ гипподрома, или человѣкъ, проползшій на четвереинькахъ.

Онъ громко крикнулъ.

— Что̀ случилось?—пробормоталъ глубокій голосъ.

Филиппъ вздрогнулъ отъ удивленія. Оказалось, что съ нимъ говоритъ полисменъ, стоящій неподалеку отъ него, за будкой.

— Мнѣ показалось, что кто-то выскочилъ оттуда,—проговорилъ Филиппъ, указывая на ровъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ полисменъ, подходя къ огню, и прибавилъ иронически:

— Странно, что я ничего не видѣлъ.—Вы сторожъ?

— Да,—отвѣтилъ Филиппъ.

— Да неужели? — насмѣшливо спросилъ скептически настроенный полисменъ.—Лучше ужъ я самъ посмотрю.

Онъ величественно пошелъ вдоль Стрэнджъ-Стрита и затѣмъ, снисходительно заглянувъ въ ровъ, крикнулъ: — Ничего тутъ нѣтъ!—и исчезъ въ отдаленіи.

Филиппъ, который вовсе не думалъ, что во рву спрятанъ отрядъ пѣхоты, достаточно замѣтный даже для глазъ полисмена, не удовлетворился успокоительнымъ отвѣтомъ. Какъ только полисменъ исчезъ изъ виду, онъ взялъ фонарь и прыгнулъ въ ровъ, въ которомъ лежали въ безпорядкѣ водопроводныя трубы. Въ самомъ концѣ, гдѣ трубы были уже проложены, дно было на два фута выше, чѣмъ повсюду, и оттуда торчалъ конецъ проложенной трубы на томъ мѣстѣ, гдѣ дно опускалось. Рядомъ лежалъ сломанный кусокъ трубы, а въ отверстіе проложенной трубы воткнутъ былъ маленькій кусочекъ отломанной части. Филиппъ поднялъ его и, разсмотрѣвъ, увидѣлъ ясный слѣдъ пальцевъ на черной массѣ. Онъ взялъ обломокъ, думая, что, можетъ быть, это отпечатокъ пальца кого-нибудь изъ рабочихъ. Ничего другого интереснаго онъ не нашелъ, и прежде чѣмъ вернуться обратно, замѣтилъ только, что отъ самаго конца рва идетъ къ сѣверу отъ Стрэнджъ-Стрита узкій переулокъ. Въ домѣ, стоявшемъ на углу Стрэнджъ-Стрита и переулка, виднѣлся свѣтъ.

— А гдѣ же мой завтракъ?

Этими словами былъ встрѣченъ Филиппъ, когда вернулся въ сторожевую будку. Ночной сторожъ, котораго онъ замѣщалъ, вернулся, задыхаясь отъ быстрой ходьбы.

— Простите,—сказалъ Филиппъ,—я его съѣлъ.

— Отъ вашихъ извиненій мнѣ мало пользы,—отвѣтилъ сторожъ.—Завтракъ обойдется вамъ въ шиллингъ—никакъ не меньше. Я бѣгомъ помчался домой, думая, что моя старуха сейчасъ Богу душу отдастъ, а она даже и не больна. Спитъ, какъ ребенокъ, такъ что я ее даже разбудилъ.—„Что̀ случилось, Чарли?"—спросила она.—Какъ что?—отвѣтилъ я.—Мнѣ сказали, что ты умираешь, старуха.—„Я объ этомъ что-то не слышала",—сказала она и засмѣялась.

— Значитъ, это была фальшивая тревога?

— Да, кто-то подшутилъ надо мной и заставилъ понапрасну пройтись туда и обратно. А тѣмъ временемъ и мой завтракъ съѣденъ, и чай выпитъ, и огонь почти потухъ. Проваливайте—я вамъ ни гроша не заплачу.

Филиппъ смущенно молчалъ и взялъ съ пола свой маленькій саквояжъ.

— Не знаете ли вы, гдѣ тутъ меблированныя комнаты подъ названіемъ „Угло̀вый Домъ"?—спросилъ онъ.

— Да вотъ тамъ, на углу Стрэнджъ-Стрита и переулка.

— Благодарю васъ,—сказалъ Филиппъ.

Раздавшійся вдругъ грохотъ заставилъ его обернуться. Цѣлый

обозъ газетныхъ фургоновъ мчался съ Флитъ-Стрита по направленію къ Юстенъ-Роду. Не слышно было ни стука копытъ о мостовую, ни щелканья бича — ничего кромѣ оглушительнаго гула тяжелыхъ колесъ и запаха керосина. Чудовище-городъ просыпался.

II.

Домъ, указанный Филиппу сторожемъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ, тянувшихся сплошнымъ рядомъ вдоль улицы. Онъ былъ пятиэтажный, темно-краснаго цвѣта, съ девятнадцатью окнами на Стрэнджъ-Стритъ. Какъ почти всѣ подобные дома между Страндомъ и Юстонъ-Родомъ, онъ какъ бы рано потерялъ всѣ иллюзіи и ждалъ конца съ холоднымъ достоинствомъ гордой непривлекательной женщины. Не снилось ему въ его молодости, въ эпоху Георговъ, о томъ, какую единственную въ своемъ родѣ судьбу готовитъ ему м-ръ Гильгэ.

Свѣтъ еще горѣлъ въ передней, а лунный свѣтъ озарялъ девятнадцать сонныхъ оконъ, производя странный, театральный эффектъ. Филиппъ поднялся на ступеньки крыльца и подошелъ къ входной двери. Было слишкомъ темно, чтобы онъ могъ разобрать вырѣзанную на мѣдной дощечкѣ слѣдующую надпись:

УГЛОВЫЙ ДОМЪ
КОМНАТЫ И ПАНСІОНЪ.
АДРІАНЪ ГИЛЬГЭ, собственникъ.

Входная дверь, какъ онъ замѣтилъ, была полуоткрыта. Онъ толкнулъ ее и очутился передъ второй дверью, верхъ которой былъ изъ матоваго стекла. За стекломъ онъ увидѣлъ силуэты двухъ людей, видимо вступившихъ въ серьезную драку. Онъ слышалъ тяжелое дыханіе обоихъ; быстро открывъ вторую дверь, онъ увидѣлъ хорошо одѣтаго молодого человѣка, на котораго нападалъ матросъ, видимо очень немолодой и сильный.

— Помогите мнѣ!—крикнулъ, задыхаясь, молодой человѣкъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!—откликнулся Филиппъ, обрадовавшись приключенію, и бросилъ на полъ свой саквояжъ.

Онъ ударилъ правой рукой плашмя матроса прямо въ ухо, съ ловкостью спеціалиста въ японскомъ боксѣ. Пораженный неожиданностью и силой удара, матросъ бросилъ свою жертву на полъ и подскочилъ къ Филиппу, чтобы свалить его съ ногъ; но тотъ уже самъ легъ на спину между дверями. Если бы у матроса было хоть малѣйшее представленіе о „ю-юитсу“, онъ бы

отступилъ передъ этой позиціей, самой выгодной для самообороны. Но матросъ понятія не имѣлъ о японскомъ боксѣ и пострадалъ за свое невѣжество; ударомъ поднятой лѣвой ноги Филиппъ выбросилъ матроса на улицу, вывихнувъ ему при этомъ руку.

Когда ловко побѣжденный матросъ пришелъ въ себя, ему показалось, что воскресли чудеса древнихъ временъ. Но такъ какъ онъ не былъ герцогомъ и не могъ отомстить искусному боксеру, онъ молча поднялся и кое-какъ поплелся дальше.

Филиппъ всталъ.

— Ю-юитсу?—спросилъ молодой человѣкъ, тоже поднимаясь.

Филиппъ утвердительно кивнулъ головой.

— Я непремѣнно научусь этому боксу. Позвольте поблагодарить васъ отъ души.

— Пустяки,—сказалъ Филиппъ.—Можете вы дать мнѣ комнату? Я вѣдь полагаю, что вы хозяинъ?

— Развѣ вы меня не знаете?—спросилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Филиппъ.—Откуда мнѣ васъ знать? Но такъ какъ вы собирались вытолкать матроса, то я естественно предположилъ...

— А вы не узнали меня по портретамъ?—Въ удивленіи молодого человѣка звучала нѣкоторая обида.

— По какимъ портретамъ?

— Они были во всѣхъ газетахъ. Всюду печатались интервью со мной. Я—Гильгэ. Вы слыхали вѣдь о „букмэкерѣ“ Гильгэ?

— Нѣтъ, никогда не слыхалъ, — отвѣтилъ Филиппъ съ улыбкой.

— Не слыхали о букмэкерѣ Гильгэ?! Онъ пользовался огромной извѣстностью. Мнѣ совѣстно говорить объ этомъ, потому что это—мой отецъ. Онъ былъ абсолютно честенъ въ дѣлахъ. Умирая, онъ оставилъ мнѣ большое состояніе; но такъ какъ я, къ несчастію, не одобряю букмэкерства, то пришлось найти какое-нибудь дѣло, удовлетворяющее требованіямъ моей совѣсти. Таково именно мое теперешнее предпріятіе.

— Какое?

М-ръ Гильгэ старался сдержать свое изумленіе передъ необыкновеннымъ невѣжествомъ Филиппа и сказалъ:

— Пойдемте ко мнѣ въ бюро; тамъ я вамъ все скажу.

Онъ провелъ Филиппа въ бюро налѣво отъ передней. Оно было освѣщено электричествомъ; вся мебель была зеленая въ новомъ стилѣ, а на стѣнахъ висѣли снимки съ картинъ Уотса

— Хотите табаку? — предложилъ Гильгэ, раскрывая свой кисетъ.—Мое предпріятіе—филантропическое, сэръ. Я хочу сдѣлать для опустившихся людей хорошаго круга то, что̀ лордъ Роутонъ сдѣлалъ для низшихъ классовъ. Я ничего не имѣю противъ низшихъ классовъ, но у нихъ другія привычки, чѣмъ у насъ. И мнѣ всегда казалось, что самое тяжелое для человѣка изъ общества, когда ему очень не везетъ въ жизни,—это необходимость жить, какъ живутъ люди низшаго сословія, и терпѣть ихъ общество. Представьте себѣ, каково человѣку, болѣе или менѣе утонченному, если несчастье или легкомысліе доводятъ его до того, что ему приходится жить въ одномъ изъ Роутоновскихъ домовъ. Представьте себѣ его естественное отвращеніе къ одеждѣ, манерамъ,—въ особенности за столомъ,—къ говору тѣхъ, съ кѣмъ ему приходится жить вмѣстѣ. Я поэтому устроилъ пансіонъ для людей изъ общества, которые потеряли все до послѣдняго сикспенса.

— Мое положеніе въ эту минуту именно такое,—вставилъ Филиппъ.

Гильгэ учтиво поклонился и продолжалъ:

— Мой пансіонъ названъ „Углòвымъ Домомъ", потому что здѣсь есть уголъ для всякаго человѣка приличнаго вида и умѣющаго вести себя въ обществѣ.

— А кто судья, рѣшающій, благопристоенъ ли человѣкъ и хорошія ли у него манеры?—спросилъ Филиппъ.

— Я самъ, сэръ. Если мнѣ гость не нравится, я говорю, что всѣ комнаты заняты.

— Вы, значитъ, всегда здѣсь?

— Да, всегда. Этотъ домъ—цѣль моей жизни. Я сплю отъ пяти часовъ утра до двѣнадцати... А отъ двѣнадцати до двухъ я гуляю. У меня вышла стычка съ человѣкомъ, котораго вы такъ любезно вышвырнули за дверь, изъ-за того, что я не хотѣлъ принять его. Я сказалъ ему, что нѣтъ свободныхъ комнатъ, а онъ не повѣрилъ. Такого человѣка невозможно впустить въ Углòвый Домъ, гдѣ манеры настолько изысканны, насколько кошельки пусты. Мы ѣдимъ на мраморныхъ столахъ безъ скатерти, но никто изъ насъ не ѣстъ горошка ножомъ. У насъ бумажныя салфетки, но мы не шумимъ и не говоримъ бранныхъ словъ. Дамы поднимаются первыми изъ-за стола.

— Есть и дамы?

— Конечно. Потерпѣвшія несчастье женщины общества, я полагаю...

— И цѣна за ночлегъ шесть пенсовъ?—спросилъ Филиппъ, наполняя комнату табачнымъ дымомъ.

— Да. Это какъ разъ оплачиваетъ расходы. Комнаты маленькія, но вентиляція отличная. Прежнія комнаты раздѣлены на двѣ и даже на три каютки, но плотными перегородками, не пропускающими звука. Меблировка дешевая, но въ каждой комнатѣ иная — въ современномъ художественномъ стилѣ. Я даже не могъ отказать себѣ въ удовольствіи украсить стѣны каждой комнаты дешевыми снимками съ картинъ. Въ наше время, когда можно купить за три пенса Рафаэлевскую Мадонну...

— Совершенно вѣрно! — прервалъ его Филиппъ.—Скажите, могу я получить комнату за сикспенсъ?

— Я крайне сожалѣю: всѣ комнаты заняты, — отвѣтилъ Гильгэ.

— Вотъ какъ! — сказалъ Филиппъ. — Я, значитъ, для васъ недостаточно приличенъ. Такъ я и думалъ. Но даю вамъ честное слово, что я не ѣмъ горошка ножомъ.

— Увѣраю васъ честью,—повторилъ Гильгэ,—что дѣйствительно нѣтъ ни одной свободной комнаты. Впрочемъ, одна изъ нашихъ жилицъ, м-ссъ Оппотэри, сказала мнѣ вчера, что уѣзжаетъ сегодня утромъ. Я дамъ вамъ ея комнату. А до ея отъѣзда, если хотите, расположитесь на этомъ креслѣ. Я передъ вами въ большомъ долгу, и буду очень радъ услужить вамъ.

Филиппъ сталъ благодарить его за любезность, но онъ вѣжливо отклонялъ его благодарность. Въ это время пробило пять часовъ, и въ передней раздался звукъ шаговъ.

— Это мой помощникъ,—сказалъ Гильгэ, открывая дверь.— Я дамъ распоряженія относительно васъ. Устройтесь здѣсь, какъ сможете. Добраго утра. Еще разъ благодарю васъ.

Онъ вышелъ съ грустной улыбкой на лицѣ, а Филиппъ сѣлъ въ зеленое кресло и заснулъ, не потушивъ электричества. Онъ проснулся черезъ короткое время отъ шума на улицѣ. Рабочіе шли на работу и оповѣщали объ этомъ всю улицу, очень громко разговаривая. Филиппъ всталъ и увидѣлъ, что окно открыто и что блѣдный свѣтъ лондонскаго утра борется въ комнатѣ съ электрическимъ освѣщеніемъ. Онъ всталъ, потушилъ электричество и вышелъ въ переднюю.

Два мальчика мели полъ. Очевидно предупрежденные о его присутствіи, они показали ему, гдѣ помыться. Приведя себя въ порядокъ, онъ вышелъ на улицу. Было холодно и дулъ восточный вѣтеръ. Утренній воздухъ успокоилъ его нервы, возбужденные ночными происшествіями, и онъ почувствовалъ, что, несмотря

на всѣ несчастія и незавидность его положенія, все-таки хорошо жить на свѣтѣ.

Онъ подошелъ ко рву и заглянулъ внизъ. Земля, которая была насыпана на заложенныя уже трубы, имѣла странный видъ на томъ концѣ, у котораго онъ стоялъ. Она лежала какъ-то неровно, точно ее отрыли и потомъ снова насыпали. Группа рабочихъ занята была на другомъ концѣ, у Кингсуэ, и фигуры ихъ смутно мелькали въ слабомъ утреннемъ свѣтѣ. Филиппъ глядѣлъ на насыпь, и у него зарождались странныя подозрѣнія, вызванныя смутными ночными впечатлѣніями. Въ это время къ нему приблизился рабочій, который шелъ вдоль рва.

— Послушайте, — внезапно спросилъ его Филиппъ: — вамъ не кажется, что насыпь въ этомъ мѣстѣ какая-то странная?

— Да, какъ будто не очень гладко насыпано, — отвѣтилъ рабочій, жуя кусокъ хлѣба.—А вамъ-то чтò за дѣло? Вы вѣдь, полагаю, не его величество предсѣдатель городского совѣта?

Филиппъ улыбнулся.

— Мнѣ только показалось, точно землю здѣсь ночью разрыли,—сказалъ онъ.

— Пустяки!—сказалъ рабочій.

— Вы будете ровнять насыпь?—спросилъ Филиппъ.

Онъ стоялъ, обернувшись лицомъ къ улицѣ, такъ что видѣлъ и ровъ, и Углòвый Домъ; вдругъ онъ замѣтилъ, что въ одномъ изъ оконъ убѣжища для людей хорошаго круга кто-то осторожно приподнялъ штору и потомъ быстро ее опустилъ.

— Немножко выровняемъ, — отвѣтилъ рабочій на вопросъ Филиппа. — Мы работаемъ по контракту, такъ что не обязаны очень ужъ стараться. А вы думаете, что слѣдуетъ выровнять?

— Не знаю, право,—отвѣтилъ Филиппъ, всѣ подозрѣнія котораго улетучились отъ спокойнаго, дѣловитаго тона работника. Онъ отошелъ и направился вверхъ по Кингсуэ, по направленію къ Гольборну. Ему вѣдь нужно было еще раздобыть себѣ, чтò покушать.

Но у рабочаго почему-то вдругъ тоже зародились подозрѣнія, и онъ сталъ внимательно смотрѣть на насыпь.

— Билль!—позвалъ онъ наконецъ.

Старикъ, стоявшій на другомъ концѣ рва, поднялъ глаза, и звавшій его товарищъ подозвалъ его къ себѣ движеніемъ головы.

— Посмотри-ка сюда, Билль,—сказалъ онъ.

Билль почесалъ голову.

— Странная штука! — пробормоталъ онъ горловымъ голосъ, охрипшимъ отъ водки.

Чрезъ минуту четверо рабочихъ получили приказаніе разрыть землю въ этомъ мѣстѣ. Минутъ черезъ пять началось страшное волненіе. Откопали сначала сапогъ, потомъ—все тѣло человѣка, положеннаго прямо на водосточную трубу. Рабочіе окружили трупъ, охваченные ужасомъ передъ величіемъ смерти.

— Нѣтъ ли тутъ по близости полицейскаго?—спросилъ Биллъ. — Слѣдовало бы его позвать.

— Хорошо, что мы обратили вниманіе и стали копать,— проговорилъ рабочій, который разговаривалъ съ Филиппомъ, все еще держа недоѣденный хлѣбъ. — Не будь тутъ меня, онъ бы Богъ вѣсть сколько еще пролежалъ тутъ.

III.

Дойдя до Гольборна, Филиппъ инстинктивно повернулъ къ Вэстъ-Энду, какъ лошадь идетъ въ конюшню, даже когда ей не засыпано тамъ овса. Онъ всегда жилъ въ Вестъ-Эндѣ и на востокъ отъ Оксфордъ-Стрита чувствовалъ себя какъ въ чужомъ краю. Ему хотѣлось ѣсть, но у него не было на что позавтракать. Правда, у него былъ еще сикспенсъ, но онъ считалъ его уже собственностью мистера Гильгэ, какъ плату за обѣщанную комнату со снимкомъ Рафаэля. Несомнѣнно, что, въ виду особенныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они познакомились, м-ръ Гильгэ готовъ будетъ уступить ему комнату даромъ и даже накормить его завтракомъ. Но ему почему-то не хотѣлось пользоваться гостепріимствомъ м-ра Гильгэ; будь онъ самъ человѣкомъ со средствами, имѣй онъ заработокъ шиллинговъ въ двадцать-пять въ недѣлю, онъ бы съ удовольствіемъ принялъ и комнату, и завтракъ отъ своего новаго знакомаго, но при данныхъ обстоятельствахъ ему это было бы крайне тягостно.

Вдоль Гольборна стояли въ разныхъ мѣстахъ телѣжки чистильщиковъ улицъ, и всѣ лавки были еще на-глухо закрыты. Люди шли быстро, съ мрачными, озабоченными лицами, поднявъ воротники и засунувъ руки въ карманы; женщины, большей частью молодыя, искали, гдѣ бы имъ найти кровъ. Подземная желѣзная дорога выбрасывала цѣлыя толпы людей изъ-подъ земли. Всѣ торопились; каждому нужно было быть въ опредѣленный часъ на опредѣленномъ мѣстѣ; казалось, что они заняты тѣмъ, чтобы попасть на поѣздъ, а на самомъ дѣлѣ они думали только о томъ, чтобы не заплатить штрафа.

Только Филиппу некуда было спѣшить—у него не было от-

ношеній къ міру капиталистовъ, эксплуатирующихъ трудъ пролетаріата. Онъ былъ бездѣльникъ, самъ это зналъ; рабочіе тоже какъ будто это понимали. Они смотрѣли на него, какъ на одного изъ потонувшихъ въ омутѣ жизни, и онъ не могъ отрицать, что это именно такъ. Когда человѣкъ идетъ ко дну, это чувствуется и это видно по его лицу. Но для Филиппа приближался часъ торжества.

Вдоль Блюмсбюри-Стрита быстро промчался великолѣпный автомобиль и свернулъ на Оксфордъ-Стритъ. Имъ управлялъ величественный шофферъ въ мѣховой курткѣ и везъ другого, еще болѣе величественнаго человѣка, тоже въ мѣхахъ. Филиппъ любилъ автомобили и зналъ въ нихъ толкъ; онъ сразу увидѣлъ, что мчавшійся мимо него автомобиль—Панкартъ въ шестьдесятъ силъ, что карета—одной изъ лучшихъ фабрикъ, и что шофферъ неосторожно ѣдетъ четвертой скоростью. Онъ остановился и сталъ глядѣть. Нѣтъ ничего удивительнаго, конечно, въ томъ, что человѣкъ останавливается, чтобы глядѣть на автомобиль; но если автомобиль останавливается передъ человѣкомъ, стоящимъ на улицѣ, то это кажется очень страннымъ. Можно, поэтому, представить себѣ удивленіе Филиппа, когда автомобиль вдругъ остановился прямо около него.

Человѣкъ, сидѣвшій въ автомобилѣ, выглянулъ изъ него; изъ мѣховъ высунулось улыбающееся молодое лицо съ синими глазами и длинными свѣтлыми усами.

— Филь, это ты?

— Тонни! Здравствуй!

Они поздоровались, крѣпко пожавъ другъ другу руку.

— Какъ это ты такъ рано всталъ?—спросилъ Филиппъ.

— Да я еще и не ложился. Послушай, ты очень занятъ?

— Нѣтъ.

— Хочешь позавтракать со мной?

— Гдѣ?

— У меня. Я живу въ Девоншайръ-Меншіонсъ. Вѣдь нужно же тебѣ гдѣ-нибудь позавтракать?

— Не знаю, такъ ли это необходимо. Ну, да я принимаю твое приглашеніе.

— Довезите насъ поскорѣе,—сказалъ Тонни шофферу, когда Филиппъ сѣлъ къ нему въ автомобиль.—Прибавьте ходу.

— Слушаюсь, сэръ Антони.

Автомобиль быстро помчался. Филиппъ уже не шелъ ко дну, какъ нѣсколько минутъ до того. Встрѣча съ автомобилемъ совершила волшебную метаморфозу въ его судьбѣ.

— Я, кажется, уже года три или четыре не видѣлъ твоего поразительно спокойнаго лица,—сказалъ Тонни послѣ короткаго молчанія.

— Мы не видѣлись уже пять лѣтъ,—поправилъ Филиппъ. Затѣмъ наступила пауза, какъ это часто бываетъ между друзьями послѣ долгой разлуки.

— Я вижу, что ты не сталъ разговорчивѣе, — сказалъ Тонни.

— Да зачѣмъ говорить, когда другіе достаточно болтаютъ! Скажи, почему твой шофферъ называетъ тебя сэромъ Антони?

— Мнѣ совѣстно сказать тебѣ, Филь,—отвѣтилъ Тонни,— но, право же, это случается даже въ очень почтенныхъ семействахъ. Я—баронетъ, двѣнадцатый баронетъ въ моемъ роду. Мой двоюродный братъ умеръ за два дня до своей свадьбы.

— Я никогда не зналъ, что у тебя есть двоюродный братъ.

— Потому что ты никогда ни о чемъ не спрашиваешь. Да, титулъ перешелъ ко мнѣ.

— Славная игрушка. Но, кромѣ нея, тебѣ досталось и нѣчто существенное?

— Да. Пятнадцать тысячъ фунтовъ въ годъ.

Филиппъ отвѣтилъ не сразу. Ему нужно было подавить много чувствъ въ себѣ, чтобы сохранить равнодушный видъ. Пять лѣтъ тому назадъ, когда Филиппъ разорялъ одинъ клубъ въ Сентъ-Джемсѣ, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ, Тонни Дидрингъ, которому было тогда двадцать-два года, начиналъ неудачную адвокатскую карьеру. Контрастъ между ихъ характерами послужилъ къ ихъ сближенію въ клубѣ, членомъ котораго состоялъ и Дидрингъ. Тогда они оба нуждались, — а вотъ теперь Тонни сдѣлался титулованной особой съ доходомъ въ пятьдесятъ фунтовъ ежедневно, за исключеніемъ воскресеній.

— Что-жъ, ты все это тратишь, я полагаю?—пробормоталъ Филиппъ.

— Очень легко. А ты что̀ дѣлаешь?

— Ничего.

— Вотъ какъ. Ты не похожъ на празднаго человѣка.

— Именно похожъ,—возразилъ Филиппъ.

Моторъ домчалъ ихъ очень быстро къ дому, гдѣ жилъ Тонни, по близости отъ Гайдъ-Парка. Огромное зданіе, въ одиннадцати этажахъ котораго помѣщались отель, ресторанъ, кафѐ, нѣсколько клубовъ, роскошный табачный магазинъ, парикмахеръ, билліардная академія, библіотека, почтовое и телеграфное бюро и, кромѣ того, много роскошныхъ квартиръ, было объято утренней тишиной.

Дневная жизнь еще не началась. Въ обширныхъ сѣняхъ разсыльные стояли еще въ теплыхъ жилетахъ съ рукавами, а мальчикъ, который поднялъ сэра Антони и его досужаго друга по лифту на пятый этажъ, не успѣлъ еще пригладить волосы.

Пожилой, гладко выбритый человѣкъ, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, встрѣтилъ ихъ у дверей квартиры сэра Антони.

— Съ добрымъ утромъ, сэръ Антони.

— Здравствуйте, Оксвичъ. Завтракъ на двоихъ. Икру. Почки.

— Я осмѣлился заказать манную кашу.

— Чтò за глупости! М-ръ Мастерсъ не для того пріѣхалъ сюда изъ Блюмсбюри, чтобы ѣсть манную кашу.

— Вашъ желудокъ, сэръ, послѣ такихъ нѣсколькихъ ночей...

— Правда, Оксвичъ. Но мой другъ...

— Я съ удовольствіемъ буду ѣсть манную кашу,—сказалъ Филиппъ.

Величественный Оксвичъ взялъ ихъ шляпы и пальто, и Филиппъ увидѣлъ, что сэръ Антони—во фракѣ.

— Я еще не раздѣвался со вчерашняго вечера, объяснилъ сэръ Антони.—Мы играли въ карты, — нужно же пользоваться жизнью,—и двое изъ моихъ друзей пропустили послѣдній поѣздъ въ Манчестеръ. Даже не пропустили, а забыли. Тогда я обѣщалъ имъ, что они попадутъ на первый утренній поѣздъ. На чтò имъ понадобился Манчестеръ—право, не знаю. Имъ, кажется, нужно было попасть туда по важному дѣлу. Я переодѣнусь послѣ завтрака, Оксвичъ. Я слишкомъ голоденъ.

— Я осмѣлился приготовить вамъ ванну, сэръ Антони, и вашъ новый сѣрый костюмъ съ синимъ галстукомъ. Я перешилъ пуговицы на жилетѣ.

— Ну, хорошо. А мистеру Мастерсу приготовьте помыться во второй ванной.

Тонни быстро вышелъ изъ комнаты.

— Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, сэръ, — сказалъ Оксвичъ Филиппу и, подойдя къ комнатному телефону, тихо проговорилъ въ трубку: — Еще одну порцію манной каши и порцію почекъ.

Затѣмъ онъ обратился съ вѣжливой улыбкой къ Филиппу и провелъ его въ ванную. Гость и хозяинъ сошлись потомъ въ уборной Тонни, и Филиппъ осмотрѣлъ гардеробъ своего друга: восемнадцать костюмовъ, семь фраковъ, сорокъ паръ модныхъ панталонъ, сто-восемнадцать галстуковъ, тридцать-три палки, семь зонтиковъ, четыре ряда ботинокъ, большая желѣзная шкатулка съ ювелирными украшеніями, изумительная коллекція все-

возможныхъ шляпъ, золотыя принадлежности туалета — все это поражало своей роскошью и изысканностью. Филиппъ пришелъ въ убѣжденiю, что, даже имѣя пятьдесятъ фунтовъ въ день, молодому человѣку, который избралъ дорого стоющую и трудную профессiю дэнди, не дурно отъ времени до времени дѣлать экономiю на завтракѣ и ограничиваться манной кашей. Они пошли завтракать въ великолѣпно убранную столовую; Оксвичъ, со строгимъ видомъ почтительнаго мэтръ-д'отеля, усадилъ хозяина и гостя на двухъ противоположныхъ концахъ стола и подавалъ каждому отдѣльно приготовленныя для него блюда.

— Оксвичъ, — сказалъ вдругъ баронетъ, — манная каша превосходна. Будьте любезны, протелефонируйте, чтобы мнѣ оставили мой обычный столъ въ ресторанѣ къ обѣду. Пойдите сейчасъ же.

Какъ только Оксвичъ вышелъ съ невозмутимо величественнымъ видомъ изъ столовой, Тонни быстро вскочилъ со стула и подошелъ къ Филиппу.

— Филь, дай мнѣ скорѣе одну изъ твоихъ почекъ.

Не дожидаясь отвѣта, онъ отобралъ у гостя часть его мясной порцiи и сталъ быстро ѣсть.

— Боишься Оксвича? — спросилъ Филиппъ.

— Только морально, — отвѣтилъ Тонни. — Его власть надо мною чисто моральная, увѣряю тебя. И онъ правъ относительно моего желудка.

— Гдѣ ты его взялъ?

— Я его не бралъ, онъ взялъ меня. Онъ былъ лакеемъ моего кузена и перешелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ титуломъ и наслѣдствомъ.

— Мнѣ онъ нравится, — сказалъ Филиппъ.

— Мнѣ тоже. Онъ какъ манная каша — полезенъ для меня. И у него удивительный вкусъ въ выборѣ галстуковъ.

Тонни проглотилъ послѣднюю почку, которую стащилъ у Филиппа, въ тотъ моментъ, когда Оксвичъ вернулся съ тѣмъ же величественнымъ видомъ.

— Прикажете еще манной каши, сэръ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ — хотя она, конечно, превосходна. Если ты кончилъ, Филь, пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Оксвичъ, дайте папиросы.

— Въ кабинетъ? — удивленно переспросилъ Филиппъ, который зналъ, что Тонни совершенно равнодушенъ ко всякимъ литературнымъ занятiямъ.

— Въ мою берлогу — можно назвать ее какъ угодно. Я тебѣ что-то покажу.

Въ сопровожденіи Оксвича, который несъ папиросы разныхъ сортовъ, они прошли по корридору въ большую комнату, обставленную чрезвычайно роскошно. Посреди комнаты, рядомъ съ роялемъ, стоялъ странный продолговатый столикъ, на крышкѣ котораго изображена была въ краскахъ колода картъ, разложенная въ четыре ряда. Вокругъ этихъ картъ шла широкая полоса зеленаго сукна, а на одномъ концѣ изображенъ былъ кругъ съ вписаннымъ въ него словомъ „банкъ".

— Что̀ это такое?—спросилъ Филиппъ.

— Это именно то, что̀ я хотѣлъ тебѣ показать,—отвѣтилъ сэръ Антони, и лицо его просіяло. — Это — послѣдняя новость азартной игры. Она только-что появилась, и въ слѣдующемъ сезонѣ войдетъ въ моду по всей Ривьерѣ. Это называется карточной рулеткой — и гораздо лучше обыкновенной рулетки. Не нужно катать шарика, никакого шума; только стасовать карты и сдавать; деньги ставятъ или на какую-нибудь отдѣльную карту, или на всю масть, или на фигуры.

— А вмѣсто нуля въ колодѣ карта съ надписью „банкъ",— такъ что-ли?—спросилъ Филиппъ.

— Совершенно вѣрно. Ты угадалъ. Колода состоитъ изъ пятидесяти-трехъ картъ. Мы играли до пяти часовъ утра. Эта игра никогда не надоѣдаетъ.

— Ты выигралъ или проигралъ?

— Выигралъ. Я держалъ банкъ. Сколько я выигралъ, Оксвичъ?

— Когда я пошелъ спать, въ банкѣ было двѣсти восемьдесятъ фунтовъ, сэръ Антони, — сказалъ Оксвичъ, зажигая спичку и поднося ее Филиппу, который взялъ папиросу.

— Мнѣ нравится эта игра, — сказалъ Филиппъ. — Своего рода домашній Монте-Карло.

— Не правда ли? — воодушевленно подтвердилъ Тонни. — Хочешь, сыграемъ?

— Хорошо, съ удовольствіемъ.

— Разсчетъ такой: пятьдесятъ-одинъ противъ одного, когда ставишь на одну карту. Три противъ одного, если ставить на рядъ, и двѣнадцать противъ одного, если на фигуру. Ты хочешь самъ держать банкъ, или предоставляешь мнѣ?

— Держи ты,—небрежно сказалъ Филиппъ.

— Хорошо. Оксвичъ будетъ тасовать и раскладывать. Оксвичъ, дайте карты.

Филиппъ вынулъ сикспенсъ изъ кармана и положилъ его на пиковую даму.

— Ты сдѣлался экономнымъ на старости лѣтъ, — сказалъ

сэръ Антони, вынимая изъ кармана кучку денегъ и кладя ее передъ собой.—Начинайте, Оксвичъ.

Оксвичъ величественно растасовалъ карты и снялъ первую. Это была пиковая дама.

— Тебѣ повезло, — сказалъ Тонни. — Оксвичъ, сколько это будетъ—сикспенсъ, помноженный на пятьдесятъ-одинъ?

— Одинъ фунтъ, пять шиллинговъ и шесть пенсовъ, сэръ.

— Оставьте всѣ деньги на пиковой дамѣ. — Оксвичъ еще еще разъ смѣшалъ карты и вынулъ опять пиковую даму.

— Чортъ возьми!—пробормоталъ Тонни.—Оксвичъ, сколько это—пятьдесятъ-одинъ разъ фунтъ, пять шиллинговъ и сикспенсъ?

— Шестьдесятъ-четыре фунта и сикспенсъ, сэръ.

— Шестьдесятъ-пять фунтовъ и сикспенсъ,—поправилъ Филиппъ.

— Простите,—сказалъ Оксвичъ.—Я ошибся.

— Ничего,—отвѣтилъ Филиппъ.—А какой максимумъ ставки на масть?

— Двадцать фунтовъ,—сказалъ Антони, вынимая банковые билеты изъ бокового кармана.

— Я ставлю максимумъ на пики,—сказалъ Филиппъ.

Вышли пики. Филиппъ сосчиталъ свой выигрышъ. Оказалось сто-двадцать-шесть фунтовъ, шесть шиллинговъ, не считая сикспенса, съ котораго онъ началъ.

— А на что ты теперь ставишь?—спросилъ сэръ Антони.

— Если ты позволишь, то я ничего больше не поставлю,—отвѣтилъ Филиппъ.

— Почему?

— Я какъ-нибудь тебѣ скажу въ другой разъ, — сказалъ Филиппъ страннымъ голосомъ.

Баронетъ взглянулъ на Оксвича, и тотъ сейчасъ же вышелъ изъ комнаты.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ сэръ Антони.

— Ничего. Я тебѣ даю реваншъ. Сыграемъ въ орелъ и рѣшетку.

— Хорошо, — сказалъ баронетъ и взялъ монету со стола.

— Орелъ,—сказалъ Филиппъ, когда монета упала.

Онъ угадалъ. И Тонни прибавилъ еще нѣсколько билетовъ къ выигрышу Филиппа.

Филиппъ, стоявшій все время на ногахъ, вдругъ опустился на стулъ.

— Мнѣ не хорошо,—сказалъ онъ.

— Почему?—спросилъ Тонни.—Вѣдь тебѣ везетъ...

— Дѣло въ томъ, — началъ Филиппъ, запнулся, но потомъ продолжалъ: — Ты помнишь, я положилъ сикспенсъ на карту въ началѣ игры?

— Помню.

— Такъ вотъ это былъ послѣдній мой сикспенсъ. Я былъ голоденъ, и не имѣлъ, на что поѣсть, когда мы встрѣтились сегодня утромъ. А теперь у меня цѣлое состояніе — двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ. Я никогда до сихъ поръ не игралъ, и никогда не буду играть впредь, Тонни.

— Вотъ не ожидалъ! — тихо проговорилъ баронетъ.

IV.

Они пошли вмѣстѣ обѣдать въ этотъ вечеръ въ ресторанъ „Louis XIV“, въ первомъ этажѣ дома, гдѣ жилъ сэръ Антони, и сѣли за столъ, который Тонни всегда заказывалъ для себя, между второй и третьей ониксовой колонной отъ главнаго входа. Они провели странный, но интересный день. Почти все время шелъ дождь. Разсказавъ, по обыкновенію кратко, свою одиссею молодому баронету, Филиппъ заявилъ, что пойдетъ заказать себѣ три костюма — три, не больше — дневной костюмъ, фракъ по послѣдней модѣ и черный сюртукъ. Филиппъ намѣревался жить очень экономно. Но, имѣя двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ въ карманѣ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи прилично одѣться. Сэръ Антони отвѣтилъ, что безсмысленно выходить въ такую погоду, и что гора, если ее вызвать по телефону, навѣрное придетъ къ Магомету. Гора, дѣйствительно, пришла, и даже не одна, а нѣсколько, включая Монбланъ въ видѣ фешенебельнаго портного и другую вершину въ образѣ знаменитаго спеціалиста по изготовленію элегантныхъ сорочекъ. Но на этомъ чудеса не кончились. При содѣйствіи Оксвича и баронета — Филиппу изготовили вечерній костюмъ въ теченіе восьми часовъ.

Послѣ лэнча, они оба легли спать и проспали два часа.

Затѣмъ послѣдовалъ чай, сандвичи, примѣрка и визитъ къ одной знакомой сэра Антони, жившей въ томъ же домѣ — миссъ Кэти Сарторіусъ, звѣзды Regency-Theatre. Былъ какъ разъ пріемный день Китти, и у нея собиралась лондонская золотая молодежь.

Филиппъ отказался сначала отъ приглашенія сэра Антони къ обѣду, но въ концѣ концовъ согласился пообѣдать съ нимъ

въ ресторанѣ съ тѣмъ, чтобы сэръ Антони былъ его гостемъ. Филиппъ объяснилъ, что гостепріимство не должно быть монополіей одного, и что, кромѣ того, онъ отнялъ у сэра Антони его пятидневный доходъ. И наконецъ, хотя онъ и собирался жить крайне экономно, но все же не хотѣлъ, чтобы эра бережливости началась съ полной строгостью до завтрашняго дня.

— Послушай, — сказалъ вдругъ Тонни, въ то время, какъ имъ подали timbale de macaroni: — хочешь проѣхаться завтра въ автомобилѣ, если погода будетъ хорошая?

— Нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Филиппъ.—Сегодня я буду ночевать въ „Угловомъ Домѣ“, въ комнатѣ, оставленной для меня мистеромъ Гильгэ. — А завтра я начну искать какого-нибудь занятія.

— А что̀ если не найдешь? Это вѣдь не такъ легко. Ты вѣдь уже долго искалъ.

— Конечно,—сказалъ Филиппъ.—Но у меня не было трехъ хорошихъ костюмовъ и достаточно денегъ, чтобы прожить цѣлый годъ. Фракъ, который я заказалъ себѣ, доставитъ мнѣ какое угодно мѣсто.

— А меня ты оставляешь на произволъ судьбы? Ты вѣдь мой единственный другъ. Я не влюбленъ, у меня нѣтъ долговъ. Мнѣ только скучно.

Сэръ Антони вздохнулъ. — Вѣдь ты не воображаешь, что я счастливъ?

— Развѣ ты не влюбленъ? Ты всегда вѣдь въ кого-нибудь влюбленъ.

— Я пережилъ тяжелое разочарованіе въ этой области, — сказалъ баронетъ.—Это навсегда омрачило мою жизнь. Я никогда не буду прежнимъ.

— Конечно—пока снова не влюбишься,—возразилъ Филиппъ съ улыбкой.—Разскажи мнѣ. Ты еще не разсказывалъ мнѣ ничего интереснаго о себѣ.

Мысль о томъ, что веселый, легкомысленный Тонни навѣки несчастенъ отъ неудачной любви, позабавила Филиппа.

— Это была... — началъ Тонни, но сейчасъ же остановился. — Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не могу объ этомъ говорить. Достаточно сказать, что я семьдесятъ-три раза подъ-рядъ ходилъ въ театръ, чтобы смотрѣть на нее. Что̀ ты на это скажешь?

— Изумительно!

— Нечего смѣяться... А! м-ръ Варко... Вы здѣсь? Выпейте кофе съ нами.

Сэръ Антони быстро обернулся къ маленькому смуглому человѣку въ очкахъ, который проходилъ мимо ихъ стола. М-ръ Варко остановился и поднялъ глаза на баронета.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ онъ.—Я сейчасъ къ вамъ приду.

— Кто этотъ м-ръ Варко?—спросилъ Филиппъ въ его отсутствіе.

— Понятія не имѣю. Встрѣтилъ его у Китти сегодня днемъ. А ты его развѣ не замѣтилъ? Онъ показался мнѣ интереснымъ человѣкомъ. Больше всего онъ любитъ плавать. Говоритъ, что купается и зимой, какъ я... Предлагалъ мнѣ плавать взапуски на Рождество. Я отказался. Онъ совершенно помѣшался на плаваніи—ни о чемъ другомъ не говоритъ.

— А, такъ вотъ зачѣмъ ты его пригласилъ къ моему столу,—сказалъ Филиппъ.

— Прости, пожалуйста. Я и забылъ, что хозяинъ сегодня ты, а не я.

Но когда м-ръ Варко вернулся и Тонни познакомилъ его съ своимъ другомъ, онъ ни словомъ не упомянулъ о своемъ любимомъ спортѣ. Онъ держалъ въ рукахъ нумеръ вечерней газеты, и то, что̀ онъ прочелъ въ ней, видимо такъ взволновало его, что онъ сталъ обнаруживать странную нервность.

— Есть что-нибудь интересное въ газетѣ? — небрежнымъ тономъ спросилъ Филиппъ.

М-ръ Варко пристально посмотрѣлъ на Филиппа черезъ очки.

— Да,—сказалъ онъ.—Про убійство стараго капитана...

— Какого капитана?—спросилъ Филиппъ.

М-ръ Варко оглянулся вокругъ себя. Въ ярко освѣщенной залѣ не было почти никого, кромѣ лакеевъ. Маленькое тріо, состоявшее изъ молодого англійскаго дэнди, его друга и смуглаго человѣка безъ опредѣленнаго возраста и національности, сидѣло одиноко среди моря пустыхъ бѣлыхъ столиковъ.

— Капитана Поликсфена, — сказалъ м-ръ Варко тихимъ, спокойнымъ голосомъ.

Онъ, казалось, ждалъ, что слова его произведутъ сильный эффектъ. Но никакого эффекта они не произвели.

— А кто этотъ капитанъ Поликсфенъ? — лѣниво спросилъ сэръ Антони, вынимая папироску изъ портъ-сигара.

— Просто какой-то капитанъ торговаго судна. Больше ничего о немъ не извѣстно.

— Гдѣ его убили? И кто?

— Ему проломили черепъ.

— Гдѣ?

— Это еще не установлено.

— Но трупъ-то его нашли?—спросилъ баронетъ, закуривая папиросу.

— Да, — отвѣтилъ м-ръ Варко, продолжая говорить очень тихо. — Трупъ его нашли зарытымъ надъ водосточной трубой на Кингсуэ.

У Филиппа дрогнуло сердце, и зола отъ его папироски упала на столъ.

— Странное кладбище! — замѣтилъ сэръ Антони, раньше чѣмъ Филиппъ смогъ вставить слово въ разговоръ. — Знаете вы уже что-нибудь относительно убійцы?

— На одинъ слѣдъ, кажется, напали. Сдѣлана была попытка удалить ночного сторожа, и его замѣстилъ одинъ молодой человѣкъ, — сказалъ Варко, глядя въ глаза Филиппу. — Убійство произошло именно въ то время, когда на посту стоялъ этотъ молодой человѣкъ. Онъ очень странно велъ себя съ полисменомъ, который явился туда. Потомъ онъ пошелъ нанимать комнату въ домѣ, который находится какъ разъ насупротивъ мѣста, гдѣ зарытъ былъ трупъ. Комнаты онъ тамъ не получилъ, но хозяинъ оставилъ его у себя въ бюро. Сегодня на зарѣ, когда отрядъ рабочихъ пришелъ прокладывать трубы, этотъ молодой человѣкъ подошелъ къ нимъ и даже сказалъ одному изъ рабочихъ, что, по его мнѣнію, тутъ разрывали ночью землю.

— Обычная исторія: убійцу тянетъ къ трупу его жертвы,— сказалъ баронетъ.

— Можетъ б[illegible]ть, — согласился м-ръ Варко.

Филиппъ приподнялся со [illegible] стула, потомъ опять сѣлъ.

— Вы сыщикъ, м-ръ Варко, — [illegible]ыпалилъ онъ.

— Да, — спокойно отвѣтилъ м-ръ Вар[illegible]ко.

— Сыщикъ! — съ негодованіемъ воскликн[illegible]улъ сэръ Антони.

— И я слѣдилъ за вами обоими сегодня съ [illegible] десяти часовъ утра, — прибавилъ м-ръ Варко.

Настроеніе сидѣвшихъ за столомъ было очень воз[illegible]буждённое.

— Вы хотите увести меня съ собой? — спросилъ [illegible] Филиппъ, дѣлая Тонни знакъ, чтобы онъ молчалъ. — Вы меня [illegible] подозрѣваете? Видимость противъ меня, не правда ли?

— Видимость была бы противъ васъ, — отвѣтилъ м-[illegible] Варко, — если бы вы обнаружили малѣйшее волненіе, когда [illegible] назвалъ сначала просто капитана, а потомъ имя Поликсфена. Но вы были совершенно спокойны. Это подтверждаетъ то, что

я думалъ съ первой минуты. Такъ что видимость теперь не противъ васъ. Но кое-что и противъ васъ. Я не собираюсь „увести васъ съ собой“, но попрошу сообщить мнѣ вашъ адресъ. Во всякомъ случаѣ ваше свидѣтельское показаніе можетъ быть очень цѣннымъ. Я бы хотѣлъ знать, что̀ вы видѣли.

— Хотите, чтобы я сейчасъ же разсказалъ вамъ?

— Это было бы лучше всего, — сказалъ м-ръ Варко, прихлебывая кофе. — Если сэръ Антони ничего противъ этого не имѣетъ, то...

— Пойдемъ лучше наверхъ ко мнѣ, — предложилъ сэръ Антони. Онъ былъ потрясенъ всѣми этими разоблаченіями, такъ какъ Филиппъ не разсказалъ ему о ночномъ происшествіи.

Въ кабинетѣ или „логовищѣ“ Тонни Филиппъ разсказалъ все, что̀ зналъ, и за этимъ послѣдовалъ странный разговоръ.

— Были какіе-нибудь родные у Поликсфена? — спросилъ Тонни.

М-ръ Варко пристально взглянулъ на сэра Антони, какъ бы стараясь проникнуть ему въ душу.

— Знаете, — сказалъ онъ, — я ожидалъ, что вы это спросите.

— Почему?

— Только потому, что вы сэръ Антони Дидрингъ — больше ни почему. — Да, у капитана Поликсфена были родные — братъ и дочь. И самое удивительное, что и братъ, и дочь исчезли.

— Со времени убійства?

— Нѣтъ, за нѣсколько дней до того.

V.

Въ большой бѣлой комнатѣ неправильной формы, со стеклянными окошечками, выходившими куда-то внутрь, собралась кучка людей человѣкъ въ двадцать мужчинъ и нѣсколькихъ женщинъ; они ходили отъ одного окошечка къ другому, заглядывали въ нихъ, шептались между собой, плакали. И всѣ они инстинктивно старались ступать какъ можно тише по жесткому полу. Въ одно окошечко виденъ былъ трупъ ребенка, во второе — тоже трупъ ребенка, въ третье — трупъ монахини среднихъ лѣтъ, повѣсившейся у себя въ кельѣ на шнурѣ отъ оконной шторы. А въ [...]ое окошечко виденъ былъ трупъ стараго капитана, о кото[...] только и было извѣстно, что имя его Поликсфенъ, и что [...] убили и зарыли, положивъ на водосточную трубу, на

Кингсуэ. Это была покойницкая одного изъ центральныхъ лондонскихъ полицейскихъ участковъ, и всѣ пришедшіе сюда были вызванные судебной властью свидѣтели, у которыхъ совѣсть была болѣе или менѣе чиста — а также присяжные, созванные на слѣдствіе — мелкіе лавочники и служащіе, оторванные отъ дѣла. Они всѣ были недовольны тѣмъ, что теряютъ время, но въ то же время гордились важностью своей роли.

Открылась дверь и вошли монахиня и изящно одѣтый господинъ въ сопровожденіи полицейскаго. Публика стала съ любопытствомъ оглядывать ихъ. Монахиня была настоятельницей монастыря, а господинъ, вошедшій одновременно съ нею, былъ Филиппъ Мастерсъ. Монахиня только на минутку заглянула въ окошечко, плотно сжала свои тонкія губы, прижала къ груди большой крестъ, который носила поверхъ платья, и вышла. Полицейскій направилъ Мастерса къ окошечку, за которымъ лежалъ трупъ Поликсфена, и Филиппъ увидѣлъ типичное лицо моряка, старое, морщинистое, съ сѣдовато-русой круглой бородой, которая торчала изъ-подъ подбородка, съ вытянутой впередъ верхней губой. Волосы были растрепаны, руки жилистыя и блѣдныя. Трудно было повѣрить, что старикъ дѣйствительно мертвъ. Онъ точно закрылъ глаза и заснулъ. Казалось невозможнымъ, что эти спокойные глаза недавно еще видѣли страшную угрозу убійства въ глазахъ другого человѣка, и что этотъ старикъ для того уцѣлѣлъ отъ опасностей на морѣ, плавая въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей капитанской службы, чтобы погибнуть въ водопроводной трубѣ—на радость газетнымъ репортерамъ. Это было неправдоподобно и страшно. Филиппъ задрожалъ, вспомнивъ о томъ, что онъ спалъ въ сторожевой будкѣ, въ то время какъ въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ него чьи-то быстрыя злодѣйскія руки зарывали трупъ моряка среди улицы.

Полицейскій тронулъ его за плечо. Покойницкая опустѣла. Осмотръ труповъ кончился—должно было начаться засѣданіе слѣдственнаго суда. Была уже половина третьяго. Въ сопровожденіи полицейскаго Филиппъ перешелъ черезъ улицу и прошелъ въ помѣщеніе слѣдственнаго суда—комнату неопредѣленнаго типа, которая могла быть яслями, столовой для бѣдныхъ, мастерской, школой—только не храмомъ правосудія. Онъ показалъ при входѣ повѣстку, которой его вызвали, и ему указали мѣсто на скамьѣ. Онъ увидѣлъ рядомъ съ собой стараго негра. Комната была почти полна. Приставъ записывалъ имена присяжныхъ, сидѣвшихъ со смущеннымъ, но полнымъ сознанія своей важности видомъ въ два ряда на скамьяхъ противъ мѣста для

свидѣтелей. Въ глубинѣ комнаты сидѣла кучка людей, которые, за неимѣніемъ работы, изображали собой просвѣщенную англійскую публику. Два полисмена стояли на виду у всѣхъ, придавая торжественность залѣ засѣданія.

Вдругъ публика заволновалась. Всѣ поднялись и вошелъ слѣдственный судья, знаменитый Акрфэръ, имя котораго было хорошо извѣстно по газетнымъ отчетамъ. Это былъ худой человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, очень живой. Онъ быстро снялъ пальто, положилъ на стулъ свой черный сакъ, который держалъ въ рукахъ, и сѣлъ у стола. Началось слѣдствіе о дѣтяхъ, трупы которыхъ были найдены.

М-ръ Акрфэръ велъ только слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ. Онъ проводилъ весь день въ атмосферѣ внезапныхъ насильственныхъ смертей. Онъ былъ невозмутимъ, разочарованъ во всемъ и велъ слѣдствіе страшно быстро, такъ какъ у него было всегда на рукахъ больше дѣлъ, чѣмъ времени на разслѣдованіе каждаго изъ нихъ. Въ часъ съ четвертью онъ покончилъ съ двумя дѣтьми и монахиней,—причемъ у него вышло легкое препирательство съ настоятельницей,—тонко вышутилъ одного священника, допросилъ семнадцать свидѣтелей, сдѣлалъ три заключенія для присяжныхъ и произнесъ три рѣшенія. Быстрота его, съ которой онъ все продѣлывалъ, умѣнье вызывать у свидѣтелей все, что нужно и въ самое короткое время, его твердая рѣшимость дознаться до полной истины, его пониманіе психологіи свидѣтелей, его авторитетность—всѣ эти качества изумляли Филиппа и приводили его въ восторгъ. Онъ подумалъ, что было бы пріятно побесѣдовать съ этимъ человѣкомъ вечеромъ гдѣнибудь въ спокойномъ уголку въ клубѣ, и внимать, куря сигару, его жизненной философіи.

Быстро подписавъ какія-то бумаги, м-ръ Акрфэръ взглянулъ на присяжныхъ и сказалъ внушительнымъ тономъ:

— Слѣдующее дѣло, господа, нѣсколько необычное и потребуетъ особаго вниманія съ вашей стороны.

Онъ, повидимому, уже изучилъ его заранѣе.

Первымъ свидѣтелемъ былъ полисменъ, который присутствовалъ при обнаруженіи трупа. Онъ далъ свое показаніе такъ, какъ льютъ чай изъ чайника—ровно, безъ паузъ и не дожидаясь вопросовъ. Онъ явился уже въ концѣ, когда трупъ былъ отрытъ. Трупъ лежалъ параллельно водопроводной трубѣ, рядомъ съ нею и обернувшись къ ней лицомъ. Потомъ онъ присутствовалъ при перевозкѣ трупа въ покойницкую. Это происходило во вторникъ утромъ, въ половинѣ восьмого.

— Вы обыскали трупъ?—спросилъ судья.

— Да, сэръ.

— Что̀ вы нашли?

— Ничего, сэръ.

Судья дѣлалъ отмѣтки на бумажкѣ и разсѣянно смотрѣлъ на портретъ принца Уэльскаго, висѣвшій противъ него на стѣнѣ.

Затѣмъ явился докторъ, очень важный съ виду, въ синемъ пальто, съ длинной сѣдой бородой и съ большимъ бѣлымъ носомъ.

— Вы сдѣлали посмертное вскрытіе тѣла, описаннаго послѣднимъ свидѣтелемъ?

— Да; вчера днемъ.

— Что̀ было причиной смерти?

— Сотрясеніе и сжатіе мозга отъ сильнаго удара въ затылокъ.

— Сжатіе мозга?—спросилъ старшина присяжныхъ, рѣшившій во что бы то ни стало оградить присяжныхъ отъ мистификаціи.—Не будете ли вы столь любезны объяснить, что̀ значитъ сжатіе мозга?

— Сжатіе мозга происходитъ тогда, когда его такъ сдавливаютъ, что функціи его останавливаются.

— Благодарю васъ,—сказалъ старшина.

— Я констатировалъ кровеизліянія въ нѣсколькихъ пунктахъ и сильный приливъ крови на всей поверхности мозга. Никакихъ внѣшнихъ поврежденій не было, только кожа была слегка отодрана на круглой поверхности дюймовъ въ пять.

— Смерть наступила моментально?

— Это невозможно опредѣлить.

— Но убитый былъ зарытъ въ землю уже мертвымъ?

— Да.

— Какъ вы полагаете, въ которомъ часу онъ умеръ?

— Я началъ вскрытіе вчера въ четыре часа дня—и думаю, что онъ умеръ часовъ шестнадцать до того; значитъ, приблизительно, во вторникъ въ полночь.

— Но ударъ былъ, можетъ быть, нанесенъ раньше?

— Во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ за часъ до смерти.

— Какимъ орудіемъ былъ нанесенъ ударъ? Вы можете это опредѣлить?

— Чѣмъ-то мягкимъ и тяжелымъ, по всей вѣроятности мѣшкомъ съ мокрымъ пескомъ.

— Смерть не могла произойти отъ паденія?

— Нѣтъ. Для этого онъ долженъ былъ бы упасть съ вы-

соты тридцати или сорока футовъ,—а отъ такого удара онъ бы поломалъ кости...

— Тѣло убитаго было упитанное?

— Да.

— Сколько онъ вѣсилъ?

— Я не взвѣшивалъ. Но на глазомѣръ—около одиннадцати стонъ.

— Желаете вы предложить какіе-нибудь вопросы свидѣтелю?—спросилъ судья старшину присяжныхъ.

— Нѣтъ, сэръ.

Судья кончилъ записывать и уставился опять глазами на портретъ, висѣвшій противъ него.

М-ръ Адріанъ Гильгэ, послѣдовавшій за докторомъ, былъ первымъ изъ свидѣтелей, который ударился въ слезы. Репутація Углòваго Дома сильно пострадала отъ убійства капитана. Судья пристально взглянулъ на него.

— Вашъ пансіонъ — благотворительное учрежденіе, м-ръ Гильгэ?—спросилъ онъ послѣ общихъ предварительныхъ вопросовъ.

М-ръ Гильгэ покраснѣлъ.

— Расходы по дому вполнѣ окупаются,—отвѣтилъ онъ.

— Сколько вы берете за комнату?

— Шесть пенсовъ или шиллингъ за ночь.

— И это окупаетъ расходы? Плату за помѣщеніе? Проценты на капиталъ? Жалованье завѣдующему? Ремонтъ?

— Я не плачу за наемъ—домъ мой. Я самъ завѣдую всѣмъ и не беру жалованья. А капиталъ я отдалъ на дѣло безъ процентовъ. О ремонтѣ я еще не думалъ.

— Вы, значитъ, хотите только сказать, что оплачивается прислуга, и что расходы по ѣдѣ пансіонеровъ, приблизительно, окупаются?

— Да.

— Вы недавно только начали заниматься благотворительностью?

— Да. Всякое дѣло приходится начинать съ начала.

— Конечно,—согласился судья.—И вы полагаете, что вамъ удастся облегчить положеніе лондонскихъ бѣдняковъ?

— Конечно.

— Вотъ какъ. Сколько вамъ лѣтъ, м-ръ Гильгэ?

— Не понимаю, зачѣмъ вамъ это знать?.. Мнѣ двадцать-шесть лѣтъ.

— Вы узнали тѣло убитаго?

— Да. Это тѣло капитана Поликсфена, который нанялъ у меня комнату дней десять тому назадъ.

— Когда именно?

— Перваго октября.

— Какъ его звали по имени?

— Не знаю.

— На какомъ суднѣ онъ былъ капитаномъ?

— Не знаю.

— Онъ оставилъ службу?

— Кажется.

— Что̀ вы можете сказать о его образѣ жизни?

— Онъ былъ боленъ около недѣли и выходилъ изъ комнаты только къ завтраку и обѣду.

— Онъ казался вамъ человѣкомъ неимущимъ?

— Я полагалъ, что онъ, какъ большинство моихъ пансіонеровъ, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но не нищій.

— Онъ былъ разговорчивъ?

— Нѣтъ.

— Никогда съ вами не бесѣдовалъ?

— Никогда. Говорилъ только о погодѣ — и всегда точно опредѣлялъ направленіе вѣтра.

— За столомъ онъ не разговаривалъ?

— Очень мало.

— Были у него друзья, знакомые?

— Никого, кромѣ негра, по имени Коко, который иногда навѣщалъ его.

— Онъ проходилъ прямо въ комнату капитана?

— Да.

— Вы не знаете, вернулся ли капитанъ недавно изъ путешествія?

— Не знаю.

— Когда вы видѣли его въ послѣдній разъ?

— Во вторникъ вечеромъ, часовъ въ восемь.

Тутъ м-ръ Гильгэ заплакалъ.

— Гдѣ?

— Онъ пришелъ домой и поднялся къ себѣ наверхъ. Его комната была въ первомъ этажѣ.

— Вы говорили, что онъ не выходилъ недѣлю изъ дому.

— Въ этотъ день онъ въ первый разъ вышелъ. Онъ выходилъ два раза. Разъ днемъ и во второй разъ вечеромъ.

— Откуда вы знаете?

— Я видѣлъ его оба раза.

— Гдѣ же вы находились?

— Въ моемъ бюро, налѣво отъ передней. Дверь въ бюро стеклянная, и, сидя за моимъ письменнымъ столомъ, я вижу всякаго, кто входитъ и выходитъ.

— Какъ долго былъ онъ въ отсутствіи во второй разъ?

— Около получаса.

— Вы видѣли, когда онъ ушелъ?

— Да. Я вошелъ въ бюро послѣ обѣда, около семи часовъ, и оставался тамъ, выходя только иногда въ переднюю, до четырехъ часовъ утра въ среду.

— Новые жильцы къ вамъ въ этотъ день не пріѣзжали?

— Нѣтъ. Всѣ комнаты были заняты.

— А прежніе жильцы провели этотъ день, какъ обыкновенно?

— Вполнѣ.

— Кто выходилъ изъ дому послѣ того, какъ капитанъ Поликсфенъ вернулся въ восемь часовъ?

— Никто.

— Подумайте хорошенько, м-ръ Гильгэ. Вы сказали намъ, что никто не могъ выйти изъ дому такъ, чтобы вы его не видѣли, и что послѣ того, какъ капитанъ вернулся, никто не уходилъ. Значитъ, онъ былъ у себя въ комнатѣ съ восьми часовъ вечера—а между тѣмъ рано утромъ на слѣдующій день трупъ его былъ найденъ зарытымъ на Кингеуэ. Какъ вы это объясняете?

— Я не могу никакъ этого объяснить.

— Или онъ былъ убитъ въ вашемъ домѣ...

— Это невозможно, сэръ. Невозможно!

— Нѣтъ ничего невозможнаго,—возразилъ судья.—Или онъ былъ убитъ у васъ въ домѣ и его тѣло вынесли, или онъ вышелъ изъ дома и былъ убитъ на улицѣ. Вы полагаете, что никто не могъ пробраться мимо двери вашего бюро незамѣченнымъ вами?

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— Гдѣ расположена лѣстница?

— Она начинается какъ разъ у дверей бюро въ передней.

— А другой лѣстницы нѣтъ въ домѣ?

— Есть еще лѣстница чернаго хода, по которой ходитъ только прислуга.

— А, вотъ что̀! Есть еще черный ходъ. Сколько у васъ человѣкъ прислуги?

— Пять мальчиковъ и двѣ кухарки.

— Куда ведетъ вторая лѣстница?

— Въ кухню и на дворъ.

— А со двора есть выходъ?

Въ эту минуту одинъ изъ полицейскихъ зажегъ газъ.

— Да, — отвѣтилъ м-ръ Гильгэ, щурясь отъ неожиданнаго свѣта. — Оттуда есть выходъ въ переулокъ. На ночь дверь со двора запирается на засовъ.

— Въ которомъ часу?

— Послѣ обѣда—въ семь часовъ.

— Запирается изнутри?

— Да.

— Такъ что изнутри всякій могъ бы ее открыть?

— Да.

— Можно спуститься съ этой лѣстницы и выйти, не проходя черезъ кухню?

— Да.

— Въ которомъ часу тушатъ свѣтъ на черной лѣстницѣ?

— Около одиннадцати часовъ.

— Переулокъ ведетъ въ Стрэнджъ-Стритъ подъ прямымъ угломъ, и вашъ домъ угловой,—не такъ ли?

— Да.

— Гдѣ расположена была комната капитана?

— Окно его выходитъ въ переулокъ.

— Кто занималъ комнату рядомъ съ нимъ?

— Одна вдова, м-ссъ Оппотэри.

— Она здѣсь?

— Нѣтъ. Она больна и лежитъ въ постели.

— А съ другой стороны?

— Съ другой стороны комнаты идетъ внѣшняя стѣна.

— Значитъ, дверь комнаты капитана ближе къ черному ходу, чѣмъ къ лѣстницѣ, ведущей внизъ въ переднюю.

М-ръ Гильгэ подумалъ.

— Да. Она ближе къ черному ходу.

— Вы теперь, значитъ, соглашаетесь, что, въ концѣ концовъ, капитанъ могъ уйти, или его трупъ могли унести изъ дома въ теченіе вечера безъ вашего вѣдома?

— Да-а, —протянулъ м-ръ Гильгэ.—Но мои пансіонеры никогда не ходятъ по черному ходу.

— Конечно, — насмѣшливо сказалъ судья. — Но такъ какъ онъ, вѣроятно, не выскочилъ изъ окна...

— То, значитъ, сошелъ по черному ходу послѣ того, какъ прислуга ушла спать.

— Но зачѣмъ бы онъ это сдѣлалъ?

— Не могу себѣ представить. Никакой причины для этого не было. Онъ былъ человѣкъ безупречнаго поведенія.

— Такъ что болѣе вѣроятно, что его вынесли?

— Я не могу допустить, что въ моемъ домѣ могло быть совершено злодѣяніе!

— Сколько у васъ жильцовъ?

— Около шестидесяти.

— Вы заручаетесь удостовѣреніемъ ихъ порядочности?

— Я полагаюсь на мое собственное сужденіе.

Судья презрительно сжалъ губы; затѣмъ онъ быстро повернулся къ присяжнымъ.

— Хотите предложить какіе-нибудь вопросы?

Старшина присяжныхъ готовъ былъ бы заплатить гинею за то, чтобы выдумать какой-нибудь хитрый вопросъ, которымъ бы онъ смутилъ свидѣтеля. Но ему ничего не приходило въ голову, и м-ръ Гильгэ вернулся на свое мѣсто въ залѣ, внутренно удивляясь, почему съ благодѣтелемъ человѣчества обращаются какъ съ человѣкомъ, заподозрѣннымъ въ преступленіи.

Судья сталъ снова смотрѣть на олеографію на стѣнѣ, и въ это время полицейскій ввелъ на свидѣтельское мѣсто стараго негра, одѣтаго въ широкій суконный пиджакъ, съ краснымъ галстукомъ на шеѣ. Онъ былъ видимо очень взволнованъ и на глазахъ у него выступали слезы.

— Ваше имя?—началъ судья.

— Мое имя, судья? Мое имя Марсъ Коко, сэръ.

— Ну, а настоящее имя?

— Мое имя Марсъ Коко, сэръ. Меня звали Марсъ Коко еще когда я былъ поваромъ въ „Ледяномъ Домѣ“.

— Въ „Ледяномъ Домѣ“?

— Да, сэръ. Въ Бродъ-Стритѣ. Въ Бриджтоунѣ, судья.

— Въ Бриджтоунѣ—въ Девоншайрѣ?

— Нѣтъ, сэръ, въ Барбадосѣ. „Ледяной Домъ“—большой ресторанъ, сэръ. Я былъ главнымъ поваромъ, сэръ. И всѣ негры называли меня Марсъ Коко за мой почтенный видъ, судья. Капитанъ Поликсфенъ взялъ меня оттуда.

— Вы знали капитана Поликсфена?

— Да, сэръ. Я былъ его другомъ, сэръ. Мы были большими пріятелями.

— И онъ взялъ васъ изъ „Ледяного Дома“?

— Да, сэръ. Онъ взялъ Марса Коко поваромъ на „Кобру“.

— Какой линіи?

— Не знаю, сэръ.

— Это было давно?

— Давно ли, судья? Очень давно. Двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло.

— И вы все время служили у капитана Поликсфена?

— Да, сэръ. Я служилъ на его дрянной „Кобрѣ" шестнадцать лѣтъ, судья, потому что я любилъ капитана.

— А потомъ оставили службу на „Кобрѣ"?

— Она оставила насъ. Она потонула въ Карлэйльскомъ заливѣ.

— Кому она принадлежала?

— Господи Боже мой, сэръ! Не спрашивайте меня, кому она принадлежала,—я не знаю, сэръ.

— Чтò вы дѣлали послѣ того?

— Я остался въ Бриджтоунѣ и продавалъ сыръ и разныя лакомства на пароходахъ, сэръ.

— А капитанъ?

— Капитанъ вернулся на пароходѣ королевскаго флота.

— Это было пять лѣтъ тому назадъ? Когда же вы снова встрѣтились съ нимъ?

Негръ заговорилъ нѣсколько упавшимъ голосомъ:

— Мнѣ пришлось уѣхать изъ Барбадоса, судья. Непріятности вышли съ чернокожими. Я поступилъ поваромъ на пароходъ, который возвращался въ Соутгамптонъ. И тамъ, на пристани, я увидѣлъ капитана...

— Когда это было?

— Въ сентябрѣ. Я побѣжалъ за нимъ. Онъ очень обрадовался мнѣ и повезъ меня въ Лондонъ. Онъ сказалъ, что скоро опять поѣдетъ въ Барбадосъ и возьметъ меня съ собой, потому что ему нужна моя помощь.

— Для чего?

— Это тайна, судья. Развѣ я долженъ сказать?

— Конечно.

— Для того, чтобы разыскать кладъ, сэръ. Онъ хотѣлъ поѣхать за кладомъ, сэръ. За кладомъ, опущеннымъ на дно. Онъ сказалъ это мнѣ—и никому другому не говорилъ, судья.

Судья улыбнулся.

— Значитъ, капитанъ собирался въ Барбадосъ искать кладъ? А онъ разсказывалъ вамъ, чтò онъ дѣлалъ въ эти четыре года?

— Онъ былъ капитаномъ на другомъ суднѣ.

— На какомъ?

— Не знаю. Онъ плавалъ въ русскихъ водахъ, сэръ.

— Когда же вы должны были отправиться въ Барбадосъ?

— Очень скоро, сэръ. Капитанъ только долженъ былъ сговориться съ судовладѣльцами. У нихъ о чемъ-то вышелъ споръ. О чемъ они спорили—не знаю. Я этихъ дѣлъ не понимаю. А потомъ онъ заболѣлъ, сэръ.

— Когда вы его видѣли въ послѣдній разъ?

— Во вторникъ, судья. Во вторникъ днемъ. Въ два часа, сэръ.

— Ему было тогда лучше?

— Да, сэръ. Гораздо лучше. Онъ былъ совсѣмъ веселый.

— Чтò онъ сказалъ вамъ, когда вы его видѣли въ послѣдній разъ?

— Онъ сказалъ: „Мы скоро поѣдемъ". Онъ сказалъ, что закажетъ каюты на слѣдующей недѣлѣ, сэръ.

— Вы не знаете, у капитана были друзья?

— У него былъ одинъ другъ—Коко, сэръ.

— А другихъ не было?

— Нѣтъ, сэръ.

— И никакихъ родныхъ?

Негръ не сразу отвѣтилъ.

— Да, сэръ,—сказалъ онъ наконецъ.—У него были родные.

— Кто же?

— У него былъ братъ, сэръ. Три недѣли тому назадъ я былъ съ нимъ у его брата въ „Обелискъ-Отелѣ", на Ватерло-Родѣ. Я все это разсказывалъ вчера господамъ полицейскимъ. Дѣло было такъ, сэръ: въ среду утромъ я зашелъ провѣдать капитана—и вдругъ вижу его мертвое тѣло. Я зарыдалъ, сэръ... Тогда полицейскій сталъ предлагать мнѣ дерзкіе вопросы; очень грубый онъ господинъ, этотъ полицейскій, сэръ.

— Хорошо, хорошо. Разскажите про брата. Вы говорите, что капитанъ былъ у него въ „Обелискъ-Отелѣ". Чтò же произошло между ними?

— Не спрашивайте меня, судья. Я не знаю. Я только слышалъ, что капитанъ очень сердито говорилъ съ своимъ братомъ.

— А послѣ того вы видѣли его брата?

— Нѣтъ, сэръ.

— Были у капитана еще другіе родные?

— Да, сэръ. У капитана была дочь. Но капитанъ уже давно сказалъ мнѣ, что не хочетъ ничего о ней знать. Это потому, что она пошла на сцену. Вѣтреная дѣвчонка, сэръ. Капитанъ былъ очень сердитъ, когда я разъ шелъ съ нимъ по Кингсуэ и онъ показалъ мнѣ ея портретъ на афишѣ.

— А! Какъ ея имя?

— Какъ она названа была на портретѣ?

— Да.

— Джиральда, сэръ.

Когда онъ произнесъ имя знаменитой актрисы, въ публикѣ произошло замѣтное волненіе;—только судья, полицейскій и м-ръ Варко, присутствіе котораго Филиппъ замѣтилъ только въ эту минуту, сохранили невозмутимое выраженіе лица. За часъ до того у стола репортеровъ сидѣлъ только одинъ молодой человѣкъ—теперь тамъ сидѣло уже три репортера. Наступило молчаніе и слышно было только шипѣніе газа.

— Можете вы объяснить чѣмъ-нибудь убійство капитана?—спросилъ судья, понизивъ голосъ.

— Нѣтъ, судья, не могу,—слезливо проговорилъ негръ.

Судья посмотрѣлъ на присяжныхъ.

— Что̀ вы знаете еще о кладѣ?—спросилъ старшина присяжныхъ.

— Не спрашивайте меня! Не спрашивайте Ково! — молилъ негръ.—Капитанъ мнѣ ничего не говорилъ.

Старшина придумалъ наконецъ важный вопросъ.

— Что̀ вы дѣлали во вторникъ ночью?—спросилъ онъ.

— Вы не обязаны отвѣтить на этотъ вопросъ, если не желаете,—быстро сказалъ судья.

— Я могу отвѣтить, судья,—сказалъ Коко, отирая глаза.— Я спалъ, какъ сплю каждую ночь. Я далъ мой адресъ полицейскому, сэръ.

М-ръ Варко подошелъ на цыпочкахъ къ судьѣ и прошепталъ ему что-то на ухо.

— Засѣданіе прерывается. Продолженіе завтра, въ половинѣ одиннадцатаго,—сказалъ судья, взглянувъ на часы.

VI.

Филиппъ почувствовалъ, къ своему собственному удивленію, что слѣдствіе его сильно взволновало. Образъ убитаго капитана все время стоялъ у него передъ глазами. Неожиданно раскрытое имя Джиральды тоже произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ думалъ о томъ, какъ гончія собаки правосудія, пока еще ничего не открывшія, набросятся на открывшіеся слѣды и въ концѣ концовъ выловятъ своимъ острымъ чутьемъ убійцу изъ шести милліоновъ людей и предадутъ его неминуемой его судьбѣ. Немыслимо, чтобы убійца могъ ускользнуть. Онъ вѣдь суще-

ствуетъ въ эту минуту. Гдѣ-нибудь, по всей вѣроятности въ самомъ Лондонѣ, онъ живетъ, дышитъ и ѣстъ и будетъ стараться заснуть ночью.

Филиппъ почти обѣщалъ сэру Антони пообѣдать съ нимъ, но ему хотѣлось остаться одному. Онъ скромно пообѣдалъ на Юстонъ-Родѣ, и прошло много часовъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился вернуться въ Углóвый Домъ. Болѣзнь м-ссъ Оппотэри не позволила ей освободить ея комнату, и первую ночь послѣ убійства капитана Филиппъ провелъ въ квартирѣ сэра Антони. А теперь освободилась именно комната капитана. Полиція окончила осмотръ, и м-ръ Гильгэ предложилъ ее—съ извиненіями—Филиппу. Послѣ нѣкотораго колебанія, Филиппъ согласился взять ее.

Войдя въ Углóвый Домъ, онъ увидѣлъ м-ра Гильгэ, сидѣвшаго въ бюро. Они кивнули другъ другу головой въ знакъ привѣтствія, и Филиппъ поднялся наверхъ. Маленькая комната, освѣщенная электричествомъ, съ ея узкой зеленой кроватью, умывальникомъ, который могъ быть превращенъ въ туалетъ, съ кресломъ, вѣшалкой, гладкимъ паркетомъ и тремя снимками—по три пенса каждый—шедёвровъ Національной Галереи, имѣла самый мирный видъ. Трудно было представить себѣ, что тутъ было совершено убійство. Филиппъ осмотрѣлъ комнату. Размѣры ея были такъ малы, что трудно было запереть дверь, не натолкнувшись на умывальникъ. Онъ осмотрѣлъ все съ острымъ любопытствомъ и заперъ дверь, прижавшись для этого къ кровати. Случайно онъ заглянулъ въ это время въ уголъ за дверью и увидѣлъ, что мальчики наскоро убрали комнату — вѣроятно, страшась долго оставаться въ ней. Они не подмели въ углу. Днемъ уголъ былъ въ тѣни, и только теперь, при электрическомъ свѣтѣ, видно было, что тамъ лежитъ густой слой пыли. Филиппъ нагнулся и поднялъ маленькій предметъ янтарнаго цвѣта. Это былъ зубецъ отъ черепаховаго гребня. Сначала онъ не придалъ значенія находкѣ, но потомъ сообразилъ, что зубецъ слишкомъ большой для мужского гребня и, навѣрное, отломился отъ женской гребенки.

Въ эту самую минуту электричество потухло,—оно горѣло только до двѣнадцати часовъ ночи.

Онъ легъ въ постель, но не могъ заснуть до пяти часовъ утра, отчасти потому, что ему пришлось быть въ бѣльѣ, взятомъ у сэра Антони; его саквояжъ съ туалетными принадлежностями куда-то исчезъ съ того времени, какъ онъ бросилъ его на полъ въ передней, выталкивая матроса.

Онъ всталъ позже, чѣмъ намѣревался, взялъ кэбъ и поѣхалъ

въ судъ. Зала была биткомъ набита публикой, и пришлось принести еще одинъ столъ для репортеровъ.

Допрашивали рабочаго, прокладывавшаго трубы на Кингсуэ.

— Сколько нужно времени, чтобы вырыть землю, зарыть трупъ и выровнять землю?

— Зависитъ отъ того, сдѣлаетъ ли это человѣкъ, понимающій дѣло, или такой, который не умѣетъ взять лопату въ руки.

— А тотъ, кто зарылъ трупъ, умѣетъ взять лопату въ руки?

— Да. Не хуже, чѣмъ я самъ.

— Работа была сдѣлана умѣлымъ человѣкомъ?

— Да.

— Такъ сколько же на это могло понадобиться времени?

— Если работать поштучно, то около трехъ-четвертей часа и даже еще меньше. А при поденной платѣ можно провозиться и нѣсколько часовъ.

Судья сдержанно улыбнулся.

— Можете идти.

— Ну, а мои издержки?—проворчалъ рабочій.—Что же насчетъ издержекъ?—Его увели, и онъ все время повторялъ:—А издержки-то?

Слѣдующимъ свидѣтелемъ былъ ночной сторожъ, Чарли, котораго замѣщалъ Филиппъ. Онъ показалъ, что къ нему пришелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и сказалъ, что жена его заболѣла, вслѣдствіе чего онъ и оставилъ свой постъ. Вслѣдъ за нимъ выступили два болѣе почтенныхъ человѣка, хозяинъ „Обелискъ-Отеля“ на Ватерло-Родѣ и м-ръ Оскаръ Токъ, директоръ театра „Метрополитэнъ“.

Хозяинъ отеля показалъ, что человѣкъ, котораго Коко назвалъ братомъ убитаго, оставилъ отель въ пять часовъ, въ понедѣльникъ, 5-го числа, говоря, что вернется черезъ пять минутъ, и оставилъ пустой саквояжъ и неоплаченный счетъ на двадцать-два шиллинга и три пенса. Онъ болѣе не возвращался.

М-ръ Оскаръ Токъ показалъ, что днемъ 14-го октября онъ получилъ телеграмму отъ миссъ Джиральды о томъ, что она не можетъ играть въ этотъ вечеръ. Ея роль исполняетъ съ тѣхъ поръ дублёрша, такъ какъ миссъ Джиральда исчезла съ этого дня. Ея квартира на Шафтсбюри-Авеню заперта и прислуга разсчитана. Онъ ничего не зналъ о роднѣ миссъ Джиральды. М-ръ Токъ, какъ и рабочій, былъ, видимо, раздраженъ противъ всего состава суда. Онъ такъ говорилъ, точно кто-то убилъ капитана Поликсфена только для того, чтобы сдѣлать ему непріятность.

Затѣмъ появился еще м-ръ Варко и сказалъ судьѣ, что онъ тщательно осмотрѣлъ комнату убитаго и не нашелъ ничего, что̀ могло бы навести на какой-нибудь слѣдъ. Послѣ того Филиппъ услышалъ свое имя, отчетливо произнесенное приставомъ; тогда онъ пошелъ на свидѣтельское мѣсто и принялъ присягу.

Судья осмотрѣлъ его быстрымъ холоднымъ взглядомъ.

— Что̀ вы можете сказать намъ?—спросилъ судья.

Филиппъ разсказалъ, сначала нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, но потомъ овладѣвъ своимъ возбужденіемъ, о томъ, какъ его подозвалъ ночной сторожъ и поручилъ ему замѣстить его, и о томъ, какъ, проснувшись отъ сна, онъ увидѣлъ таинственную фигуру, вышедшую изъ рва.

— Въ которомъ это было часу?

— Около трехъ часовъ ночи.

— Въ какомъ направленіи исчезла эта фигура, вошла въ Угловый Домъ или пошла въ переулокъ?

— Я не могу сказать съ точностью, но кажется, что въ переулокъ.

— Что̀ еще?

— Я нашелъ во рву обломокъ камня, на которомъ отпечатлѣлся слѣдъ пальца,—кажется, окровавленнаго. Я положилъ его въ саквояжъ. Но саквояжъ гдѣ-то затерялся.

— Затерялся?

— Да.

— Что̀ еще?

Филиппъ показалъ зубецъ отъ гребня, найденный имъ за дверью. Судья и присяжные осмотрѣли его—и онъ произвелъ сенсацію. Репортеры были въ восторгѣ, предвидя сенсаціонное дѣло.

— Послушайте, м-ръ Мастерсъ, вы говорите, что были безъ гроша во вторникъ ночью, и что поэтому приняли предложеніе сторожа. Но теперь вы не имѣете вида человѣка безъ гроша. Напротивъ того, вы производите впечатлѣніе человѣка со средствами.

Филиппъ, одѣтый въ платье отъ одного изъ лучшихъ портныхъ, не говоря уже о черномъ галстукѣ, выбранномъ Оксвичемъ, невольно смутился словами судьи. Несмотря на свою полную невинность, ему было непріятно, что правосудіе вмѣшивается въ его личныя дѣла. Онъ сказалъ судьѣ, что его снабдилъ деньгами одинъ его другъ.

— А!—сказалъ судья и сталъ опять глядѣть на портретъ принца Уэльскаго.

Филиппъ понялъ, что судьѣ ничего больше отъ него не нужно, но что онъ остался при особомъ мнѣніи о немъ.

— Больше нѣтъ свидѣтелей, — тихо сказалъ судьѣ приставъ.

— Простите,—произнесъ вдругъ твердый, густой контральто,—я прошу выслушать меня.

Полная женщина среднихъ лѣтъ, довольно большого роста, поднялась и направилась къ судьѣ.

— Кто вы, сударыня?—спросилъ изумленный судья.

— Я м-съ Оппотэри,—отвѣтила женщина.—Я была больна вчера и сегодня тоже должна была бы остаться въ постели, но, увидѣвъ сегодня утромъ, что мое имя попало въ газеты, я пришла возстановить свою репутацію.

— Если вы можете помочь слѣдствію,—сказалъ судья,—то мы охотно выслушаемъ васъ, но я не вижу, отчего могла бы пострадать ваша репутація.

— Какъ отчего?—возразила женщина.—По вашему...

— Успокойтесь, сударыня,—уговаривалъ ее судья,—и примите присягу.

Она приняла присягу какъ вдова Каролина Оппотэри.

— Говорите,—пригласилъ ее судья.

М-ссъ Оппотэри была очень представительная женщина, и лицо ея, лишенное женственной привлекательности, выражало рѣдкую силу характера. Оно было широкое, покрытое морщинами, съ тонкими, выразительными губами, съ темнымъ пушкомъ на верхней губѣ, съ толстымъ носомъ. Она была въ глубокомъ траурѣ. На головѣ у нея была черная шляпа; руки, въ черныхъ перчаткахъ, были прижаты къ груди, и въ одной рукѣ она держала портмонэ и платокъ съ черной каймой. Она была достойной представительницей почтеннаго пансіона м-ра Гильгэ.

— Вчера тутъ было сказано, что моя комната была рядомъ съ комнатой покойнаго капитана.—Она величественно взглянула на судью и бросила презрительный взглядъ на присяжныхъ.—Ну, такъ что же? Развѣ это моя вина?

— Послушайте, милая...

— Чтò я вамъ за милая!—оборвала она судью, который въ первый разъ не нашелся, чтò отвѣтить.

— Если это все, чтò вы можете намъ сказать...

— Нѣтъ, это вовсе не все. Да развѣ я не знаю, что въ Лондонѣ сегодня всѣ начнутъ судачить, говорить, что м-ссъ Оппотэри жила рядомъ съ капитаномъ, что это происходило въ такомъ-то пансіонѣ—и вотъ сплетня готова. Моя репутація погибла.

Въ особенности, когда оказывается, что другой комнаты рядомъ съ капитаномъ не было. Такъ вотъ я пришла объяснить.

— Что?

— Прежде всего я ужъ лучше сразу скажу, что обломокъ гребенки, что вотъ нашелъ этотъ франтъ за дверью у капитана,—принадлежитъ мнѣ.

— Да? —сказалъ судья, побуждая ее продолжать показаніе.—Какъ же онъ попалъ туда?

— А вотъ какъ,—сказала м-ссъ Оппотэри.—Я была невѣстой капитана...

Она разразилась рыданіями — какъ разъ во-время, чтобы остановить взрывъ смѣха въ публикѣ.

— Ваше обрученіе было тайное?—продолжалъ судья ласково разспрашивать ее.

— Да, — отвѣтила м-ссъ Опотэри, сдерживая свое волненіе.—Генри не хотѣлъ огласки.

Судья и репортеры тотчасъ же отмѣтили, что убитаго звали Генри.

— А вы давно стали его невѣстой?

— Я переѣхала въ Угловый Домъ 11-го октября.

— Черезъ день послѣ того, какъ тамъ поселился капитанъ?—вставилъ судья.

— Кажется. Я капитану сразу понравилась. Онъ ничего не говорилъ,—онъ вообще былъ неразговорчивъ,—но я сразу это замѣтила. Поэтому я при первомъ удобномъ случаѣ сказала ему, что я похоронила уже трехъ мужей. Это его не охладило. Я по его глазамъ видѣла, что онъ влюбленъ. Онъ какъ-то узналъ, что я по утрамъ хожу гулять въ садъ по близости, и сталъ приходить туда вслѣдъ за мной. Потомъ онъ заболѣлъ. Я ухаживала за нимъ немного, но такъ, чтобы никто не зналъ. Въ пансіонахъ нужно вести себя крайне осторожно, чтобы не пошли сплетни. Никто не видалъ меня поэтому въ его комнатѣ. Потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Говорилъ, что ни въ кого не влюблялся съ тѣхъ поръ, какъ жена его умерла — двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ спросилъ, согласна ли я соединить свою судьбу съ нимъ—и я согласилась. Тогда онъ поцѣловалъ меня, и у меня выпалъ гребень изъ головы; я наступила на него, и одинъ зубецъ отломался. Вотъ вамъ объясненіе находки; я предпочитаю сказать сама—все равно такія вещи обнаруживаются рано или поздно—и въ моемъ щекотливомъ положеніи лучше ничего не утаивать.

— Когда онъ вамъ сдѣлалъ предложеніе?

— Въ прошлый понедѣльникъ.

— Т.-е., за день до его смерти?

— За день до того, какъ его убили!—горестно воскликнула м-ссъ Оппотэри.—Затѣмъ наступило молчаніе.

Обнаружившаяся идиллія произвела странное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Она казалась такимъ необычайнымъ смѣшеніемъ трагизма съ величайшимъ комизмомъ, что хотѣлось въ одно и то же время и смѣяться, и плакать.

— Какъ долго онъ ухаживалъ, прежде чѣмъ сдѣлалъ предложеніе?—спросилъ судья.

— Мы полюбили другъ друга съ первой минуты,—сказала женщина съ морщинистымъ лицомъ, которая воплощала для капитана Поликсфена всѣ чары женственности. И она сказала это такимъ голосомъ, что никто изъ ея слушателей не посмѣлъ шевельнуть мускуломъ.

— Подозрѣваете ли вы кого-нибудь въ убійствѣ капитана?—спросилъ судья.

— Да, — отвѣтила она, — я знаю, кто его убилъ. Генри былъ капитаномъ на „Волгѣ", которая совершала рейсы въ Одессу.

— Какому обществу принадлежитъ „Волга"?

— Не знаю я. Откуда мнѣ знать? Вы, мужчины, должны съумѣть сами разобраться. Пароходовъ „Волга" не сорокъ штукъ, я полагаю?—Она сказала это оскорбленнымъ тономъ.

— Продолжайте,—сказалъ судья.

— Пароходъ его былъ въ одесскомъ порту, когда тамъ происходили безпорядки, и на него прибѣжалъ, ища защиты, офицеръ, котораго преслѣдовала толпа... Вожаки толпы потребовали отъ капитана его выдачи, но капитанъ не выдалъ его. Не таковскій онъ! Тогда капитанъ получилъ извѣщеніе отъ тайнаго общества о томъ, что онъ приговоренъ къ смерти. Я увѣрена, что капитанъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ революціонеровъ. Я знаю это навѣрное.

— Какія у васъ основанія это думать?—спросилъ судья.

— Я прокралась въ комнату Генри сейчасъ послѣ того, какъ онъ вернулся домой, часовъ около девяти. Я хотѣла посмотрѣть, не повредила ли ему прогулка; въ комнатѣ его былъ какой-то молодой человѣкъ—иностранецъ по виду. И Генри мнѣ сказалъ: „Мнѣ нужно переговорить съ этимъ господиномъ, м-ссъ Оппотэри". Молодой человѣкъ поклонился мнѣ на иностранный манеръ, и я вышла. Не думала я въ эту минуту, что можетъ случиться недоброе!..

— Вы не видѣли, какъ ушелъ этотъ таинственный незнакомецъ?

— И не видѣла, и не слышала. И больше я уже не видѣла капитана въ живыхъ!

— Вы не слышали никакого шума?

— Никакого. И уже не видѣла капитана больше въ живыхъ!—повторила она, поднося къ глазамъ платочекъ съ черной каймой.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше показаніе,—сказалъ судья.—Если у васъ нѣтъ ничего другого, чтò вы могли бы разсказать намъ, то вы можете идти.

— Простите, еще одинъ вопросъ, — сказалъ старшина присяжныхъ. М-ссъ Оппотэри обернулась къ нему съ видомъ разъяренной тигрицы. — Капитанъ не боялся, что его могутъ убить?

— Дѣлалъ видъ, что не боялся,—отвѣтила м-ссъ Оппотэри.

Она оставила свидѣтельское мѣсто; и видъ ея, и ея показанія навели ужасъ на судью, на присяжныхъ и на публику. Нѣкоторые считали, что смерть спасла капитана отъ еще бòльшаго несчастья, если онъ дѣйствительно собирался жениться на м-ссъ Оппотэри.

— Еще одинъ свидѣтель, сэръ,—сказалъ приставъ, подходя къ судьѣ.—Только-что пришелъ.

— Кто онъ такой?

Очень прилично одѣтый молодой человѣкъ, очевидно служащій изъ Сити, поднялся и обратился къ судьѣ.

— Мои принципалы поручили мнѣ поспѣшить сюда, чтобы предложить вамъ, господинъ судья, ту помощь, которую они могутъ оказать вамъ.

— А кто ваши принципалы?

— Фаркаръ и Грэмъ изъ Канонъ-Стрита, судовладѣльцы-собственники „Волги“ и двухъ другихъ пароходовъ.

— Приведите его къ присягѣ,—сказалъ судья.

Новый свидѣтель назвался Ланцелотомъ Спригъ, служащимъ фирмы Грэмъ, Фаркаръ и Грэмъ.

— Покойный капитанъ Поликсфенъ состоялъ на службѣ у вашей фирмы?—началъ допрашивать судья.

— Да, онъ служилъ у насъ. Но послѣ послѣдняго путешествія онъ ушелъ со службы.

— Когда это случилось?

— Недѣль семь тому назадъ.

— Онъ долго у васъ служилъ?

— Нѣсколько лѣтъ. Мои принципалы были довольны имъ.

— Онъ отказался только потому, что уже хотѣлъ уйти на покой?

— Да. По крайней мѣрѣ, онъ не называлъ другой причины.

— Какихъ онъ былъ лѣтъ?

— Я полагаю, что ему было за шестьдесятъ.

— Значитъ, у него были кое-какія сбереженія, если онъ могъ оставить службу?

— У него было двѣ тысячи фунтовъ, положенныхъ въ наше дѣло. Онъ получалъ хорошіе дивиденды. И мои принципалы были поражены не только его внезапнымъ отказомъ отъ службы, но и рѣшительнымъ требованіемъ сейчасъ же вернуть ему весь капиталъ. Когда ему сказали, что нельзя сразу вынуть деньги безъ большой потери, онъ былъ очень огорченъ. Ему хотѣлось во что бы то ни стало какъ можно скорѣе получить всѣ свои деньги. Онъ нѣсколько разъ приходилъ къ намъ за ними. Наконецъ, мы удовлетворили его. Двѣ тысячи фунтовъ были ему выданы, и у насъ есть его росписка.

— Когда это случилось?

— Во вторникъ, часовъ около трехъ.

— Вы заплатили ему чекомъ?

— Да, сначала чекомъ. Но онъ былъ чудакъ во многихъ отношеніяхъ, и не любилъ чековъ. Онъ потребовалъ, чтобы ему вручили деньги банковыми билетами. Мы тогда попросили его сдѣлать надпись на чекѣ, и послали человѣка въ Лойдъ-Банкъ взять деньги по чеку до закрытія кассы. Часовъ около четырехъ мы передали капитану Поликсфену деньги въ билетахъ и, кромѣ того, двадцать-четыре фунта, шесть шиллинговъ и шесть пенсовъ золотомъ и серебромъ.

— Значитъ, онъ ушелъ отъ васъ съ этой суммой?

— Да.

Это показаніе произвело большую сенсацію.

— Вы записали нумера билетовъ?

— Конечно. Мнѣ поручено сказать, что только сегодня утромъ мы узнали изъ газетъ о случившемся. Мы понятія не имѣли объ убійствѣ капитана Поликсфена. Иначе мои принципалы предложили бы вамъ свои услуги уже вчера.

— Я очень благодаренъ вашимъ принципаламъ, — сказалъ судья съ легкимъ ироническимъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Не за что, сэръ.

На этомъ кончилась роль Ланцелота Сприга въ судебномъ разбирательствѣ.

— М-ссъ Оппотэри!—позвалъ судья.

— Чтò вамъ угодно, сэръ?—Женщина въ траурѣ поднялась съ мѣста.

— Говорилъ вамъ покойный капитанъ о томъ, что получилъ болѣе двухъ тысячъ фунтовъ?

— Я его не видѣла наединѣ послѣ того, какъ онъ вернулся изъ Сити.

— Но онъ вѣдь вернулся до обѣда, по показанію м-ра Гильгэ. Развѣ вы не видѣли его за столомъ?

— Видѣла; но мы сидѣли — изъ предосторожности — всегда на противоположныхъ концахъ стола.

— Онъ никогда не говорилъ вамъ, что у него скоро будетъ такая сумма?

— Я никогда не вызывала его на разговоры о деньгахъ,— сказала м-ссъ Оппотэри.—Я не изъ-за денегъ согласилась стать его женой.

— И вы все-таки полагаете, несмотря на показаніе судовладѣльцевъ, что его убійство — дѣло мести какого-нибудь тайнаго общества?

— Да, — сказала м-ссъ Оппотэри, и прибавила сердито: — двѣ тысячи фунтовъ были бы имъ полезны для революціи, я полагаю.

И всѣ присутствующіе подумали: „Вотъ необыкновенная женщина!“

— А чтò вы знаете объ исторіи съ кладомъ? съ Коко? Капитанъ съ вами объ этомъ не говорилъ?

— Ахъ, знаете ли,—пренебрежительно сказала м-ссъ Оппотэри, — это было невинное помѣшательство капитана. Я вышучивала это и только смѣялась надъ нимъ.

Ея глубокій голосъ странно дрожалъ въ густо заполненной людьми комнатѣ. Въ воздухѣ осталась дрожь и послѣ того какъ она замолчала и сѣла на мѣсто.

— Господа присяжные,—сказалъ судья, обращаясь къ нимъ, —вы слышали всѣ свидѣтельскія показанія, довольно разнорѣчивыя, но не очень спутанныя. Мы узнали, что покойный капитанъ ушелъ во вторникъ днемъ изъ пансіона Гильгэ послѣ того, какъ проболѣлъ недѣлю. Въ три часа онъ былъ въ конторѣ господъ Грэма, Фаркера и Грэма. Тамъ онъ оставался приблизительно до четырехъ. Послѣ того видѣли, какъ онъ вернулся домой. Онъ, вѣроятно, пошелъ въ свою комнату. Потомъ обѣдалъ, какъ всегда. Затѣмъ онъ вышелъ на полчаса и вернулся около восьми. Куда онъ ходилъ,—никто изъ свидѣтелей не знаетъ. Изъ свидѣ-

телей позже всѣхъ его видѣла, вѣроятно, м-ссъ Оппотэри. Вы помните, что она говорила о присутствіи еще одного человѣка въ комнатѣ. У насъ нѣтъ свидѣтельскихъ показаній относительно того, когда это второе лицо вошло въ домъ или вышло изъ него. Отъ того момента, когда м-ссъ Оппотэри на минутку зашла къ нему, и до слѣдующаго утра, мы теряемъ слѣдъ капитана. А потомъ мы находимъ его зарытымъ во рву насупротивъ дома. Докторъ предполагаетъ, что онъ умеръ часовъ въ двѣнадцать ночи.—Гдѣ же онъ былъ убитъ, дома или на улицѣ? Единственное свидѣтельское показаніе относительно этого пункта—то, что никто не слышалъ шума на улицѣ: если бы его убили внѣ дома, было бы что-нибудь слышно. Но съ другой стороны—и это очень существенно — почему бы капитанъ ушелъ изъ дома тайкомъ, такъ какъ если онъ вышелъ изъ дому живымъ, то вышелъ непремѣнно чернымъ ходомъ? Конечно, нѣтъ невозможнаго въ предположеніи, что онъ вышелъ, такъ какъ свѣтъ тушится въ домѣ въ одиннадцать часовъ, а онъ умеръ только въ двѣнадцать. — Если онъ былъ убитъ въ домѣ, то или незнакомцемъ, котораго м-ссъ Оппотэри видѣла въ его комнатѣ, или кѣмъ-нибудь изъ жильцовъ, или кѣмъ-нибудь, кто незамѣтно прокрался въ домъ. Убилъ ли его одинъ человѣкъ, или нѣсколько? Вы помните, что, по свидѣтельству доктора, капитанъ вѣсилъ около одиннадцати стонъ, а такую тяжесть трудно снести одному по черной лѣстницѣ или спустить на веревкахъ изъ окна. Но—по свидѣтельству рабочаго, трупъ капитана былъ зарытъ опытной рукой,— опытная рука значитъ въ этомъ случаѣ очень сильная рука— можетъ быть, такая, которая можетъ снести тяжесть въ одиннадцать стонъ безъ малѣйшаго шума. Докторское показаніе, указывающее на кровеизліянія въ мозгу и на поврежденіе дыхательныхъ центровъ, свидѣтельствуетъ, что смерть была по всей вѣроятности моментальной. Относительно мотивовъ преступленія вы слышали старую сказку о кладѣ, которую невѣста убитаго капитана опровергаетъ. Вы слышали также довольно дикую исторію о мести русскаго тайнаго общества. И, наконецъ, установленъ фактъ, что у капитана въ карманѣ было двѣ тысячи сто-двадцать-одинъ фунтъ, шесть шиллинговъ и шесть пенсовъ, и что эти деньги, вмѣстѣ со всѣми его бумагами, исчезли. Я предоставляю вашей проницательности разобраться въ этихъ трехъ предположеніяхъ. Исчезновеніе родныхъ капитана—или странное совпаденіе, или болѣе чѣмъ совпаденіе—но я не думаю, что это обстоятельство повліяетъ на ваше рѣшеніе. Исчезновеніе саквояжа, принадлежащаго Филиппу Мастерсу, молодому

человѣку, который не умѣетъ беречь своихъ вещей, тоже является страннымъ совпаденіемъ — такъ какъ въ саквояжѣ было цѣнное вещественное доказательство. Если дѣйствительно слѣдъ пальца былъ въ крови, то это важно въ томъ отношеніи, что, значитъ, убійца повредилъ палецъ, закапывая трупъ,—такъ какъ трупъ не имѣлъ наружныхъ пораненій. — Господа присяжные, я жду вашего заключенія.

Судья принялся что-то писать, точно вдругъ забылъ о существованіи присяжныхъ.

Шестнадцать присяжныхъ стали шептаться между собою съ поблѣднѣвшими серьезными лицами. Но, несмотря на желаніе старшины взвѣсить въ точности каждое обстоятельство, формальность совѣщанія не должна была длиться болѣе чѣмъ нѣсколько минутъ.

Старшина откашлялся.

— Мы того мнѣнія,—сказалъ онъ громко,—что Генри Поликсфенъ былъ убитъ однимъ или нѣсколькими неизвѣстными людьми.

Публика устремилась къ дверямъ. Драма слѣдственнаго суда кончилась.

Выйдя изъ зданія суда, Филиппъ наткнулся на сэра Антони, которому не удалось проникнуть въ залу засѣданія.

— Филь!—крикнулъ баронетъ:—почему ты не пришелъ ко мнѣ вчера? Я долженъ тебѣ что-то разсказать.

Съ англійск. З. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1908.

Минувшій 1907-ой годъ. — Вторая Государственная Дума и ея небезпристрастный обвинитель. — Первый періодъ дѣятельности третьей Думы. — Наступило ли „успокоеніе“ страны? — Ноябрьская однодневная забастовка и процессъ соціалъ-демократовъ. — Высшая школа и реакціонная печать. — Пренія о бюджетѣ и о попечительствахъ народной трезвости. — Закрытіе польской „Матицы“. — Еще нѣсколько словъ объ оффиціозной прессѣ.

Минувшій годъ начался въ періодъ перваго „междудумья“, наполненный рѣзкими проявленіями торжествующей реакціи. Одно за другимъ издавались „временныя“ правила, лишь по имени основанныя на ст. 87-ой осн. зак.; одинъ за другимъ слѣдовали сенатскіе указы, не столько разъяснявшіе, сколько измѣнявшіе содержаніе тѣхъ или другихъ статей положенія о выборахъ въ Государственную Думу. Дѣйствіе законовъ, обезпечивающихъ личную и общественную свободу, упразднялось, въ бо̀льшей части губерній, разными видами экстраординарной охраны. Съ необыкновенною быстротою расло, послѣ учрежденія военно-полевыхъ судовъ, число постановляемыхъ и исполняемыхъ смертныхъ приговоровъ. Не уменьшалось, однако, число террористическихъ актовъ. Отказъ въ „легализаціи“ оппозиціонныхъ партій увеличивалъ шансы торжества консервативныхъ и ретроградныхъ политическихъ союзовъ. Единственной свѣтлой точкой среди глубокой тьмы было ожиданіе второй Государственной Думы; но и въ немъ съ надеждой смѣшивалась тревога, въ виду полной невозможности опредѣлить, какъ отразится на результатѣ выборовъ новыя условія, созданныя для избирателей... Теперь у насъ имѣется на лицо Государственная Дума, третья по счету. Заключать о вѣроятномъ будущемъ можно уже не по догадкамъ, а по фактамъ—и въ этихъ заключеніяхъ нѣтъ ничего отраднаго.

Чѣмъ дольше продолжается ненормальное положеніе, тѣмъ сильнѣе чувствуется его тяжесть, даже если оно не обостряется вновь приходящими элементами. Истекшій годъ принесъ съ собою немало такихъ элементовъ. Первый изъ нихъ—избирательный законъ 3-го іюня. До его изданія можно было вѣрить въ прочность главныхъ устоевъ государственнаго строя, призваннаго къ жизни манифестомъ 17-го октября. Этой вѣрѣ нанесенъ ударъ, трудно изгладимый. Казавшееся немыслимымъ совершилось на самомъ дѣлѣ. Широко, вслѣдъ затѣмъ, распространилась мысль, что за первымъ отступленіемъ отъ порядка, установленнаго основными законами, во всякое время могутъ послѣдовать другія. Края пропасти, отдѣляющей конституціонный режимъ отъ абсолютизма, какъ бы придвинулись другъ къ другу; начались попытки соединить ихъ мостомъ, по которому легко и удобно происходило бы обратное—частичное или общее — движеніе. Утрачено, такимъ образомъ, одно изъ главныхъ благъ, считавшихся пріобрѣтенными цѣною столькихъ жертвъ и усилій: утрачено сознаніе безповоротнаго разрыва съ прошлымъ, необходимое для спокойнаго отношенія къ будущему... Примѣненіе новаго избирательнаго закона усилило наклонъ, присущій ему по самому его содержанію — наклонъ въ сторону интересовъ, наиболѣе враждебныхъ движенію. Московскій общеземскій съѣздъ обнаружилъ вожделѣнія значительной части землевладѣльческаго класса— и именно въ пользу этого класса была пущена въ ходъ дискреціонная власть, предоставленная правилами 3-го іюня министру внутреннихъ дѣлъ.

Что̀ же дали выборы, произведенные на тщательно подготовленной почвѣ? Въ составъ Думы вошли въ большомъ числѣ ставленники привилегированныхъ группъ и классовъ, готовые идти по предуказанной имъ дорогѣ; но далеко не безсильными оказываются тѣ партіи, противъ которыхъ направлено было и остріе закона, и остріе административныхъ „разъясненій“ и мѣропріятій. Отсюда ясно, какъ далеко и глубоко проникли въ жизнь теченія, за которыми оффиціально не признается право на существованіе. Если цѣлая треть депутатовъ не вошла въ русло, прорытое съ огромными затратами правительственной энергіи, то невольно возникаетъ вопросъ, что̀ случилось бы при отсутствіи такого русла, при менѣе искусственной и менѣе тенденціозной организаціи избирательнаго права?.. Съ этимъ вопросомъ неразрывно связанъ другой: насколько великъ нравственный авторитетъ думскаго большинства, когда оно творитъ волю отворившихъ передъ нимъ двери Думы? Какой преградой оба вопроса стоятъ на пути, предстоящемъ третьей Думѣ—это не требуетъ поясненія. Устранить ихъ или, по меньшей мѣрѣ, смягчить ихъ жгучесть можно было бы только раскрытіемъ *неизбѣжности* всего предшествовавшаго — неиз-

бѣжности роспуска второй Думы, неизбѣжности коренныхъ, внѣ-законныхъ перемѣнъ въ положеніи о выборахъ. На эту тему много написано казенными и услужливыми перьями, бороться съ которыми мы не имѣемъ охоты и не видимъ надобности; но мы не можемъ пройти молчаніемъ цѣлую книгу, посвященную ей такимъ почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ, какъ В. И. Герье.

Продолжая дѣло, начатое имъ въ обширномъ разборѣ работъ первой Думы и въ небольшой брошюрѣ: „О конституціи и парламентаризмѣ въ Россіи", В. И. Герье въ своемъ новомъ сочиненіи („Вторая Государственная Дума", 1907) является неумолимымъ обвинителемъ оппозиціонныхъ партій вообще и партіи народной свободы въ особенности. „Кадеты"—говоритъ онъ—„загубили вторую Думу, какъ ранѣе того они загубили первую Думу. Первую — потому что въ своемъ самообольщеніи вздумали произвести политическій переворотъ и захватить правительственную власть; вторую — потому что шли рука объ руку съ революціонерами въ самой Думѣ... Чѣмъ на самомъ дѣлѣ была вторая Дума? Чѣмъ она занималась, какъ не революціонной агитаціей? Какіе законы она дала странѣ? Въ области законодательства она только отмѣнила все, чѣмъ междудумское правительство сочло нужнымъ усилить власть, обезпечить порядокъ и оградить армію отъ вторженія революціонныхъ элементовъ. Цѣлью заявленныхъ Думою запросовъ было поносить правительство и волновать страну. И единственный законопроектъ, который исходилъ отъ Думы, имѣлъ цѣлью соціальную революцію... Россія используетъ свою конституцію лишь тогда, когда кадеты, съ ихъ *товарищами*, станутъ въ Думѣ безотвѣтственнымъ меньшинствомъ, и ихъ рѣчамъ будутъ придавать цѣну тѣхъ блуждающихъ болотныхъ огоньковъ, которые указываютъ путнику, чего онъ долженъ остерегаться".

Матеріалъ для опроверженія посылокъ, изъ которыхъ исходитъ В. И. Герье—и, вмѣстѣ съ ними, его заключеній,—нетрудно найти въ самомъ содержаніи его книги. Несмотря на явное недоброжелательство къ партіи народной свободы, онъ не могъ не признать, что во многихъ случаяхъ именно она старалась предупредить — и часто предупреждала — уклоненіе Думы съ пути правильной законодательной работы. Онъ разсказываетъ подробно, какъ въ вопросѣ о помощи голодающимъ „кадетамъ удалось одолѣть соціалъ-демократовъ и шедшихъ за ними лѣвыхъ", и какъ, благодаря кадетамъ, были выдвинуты на первый планъ законопроекты, касающіеся „переустройства русской жизни" — т.-е. главной задачи Государственной Думы. Какъ ни безцвѣтно въ книгѣ В. И. Герье изложеніе преній о бюджетѣ, изъ него ясно видно, что и здѣсь кадеты не только не „шли рука объ руку" съ крайними лѣвыми, но подвергались съ ихъ стороны самымъ ожесточеннымъ нападкамъ.

Чтобы свести всю дѣятельность Думы къ революціонной агитаціи, автору обличительной книги пришлось умолчать о дѣятельности думскихъ коммиссій, усердно работавшихъ надъ правительственными законопроектами и успѣвшихъ внести нѣкоторые изъ нихъ на разсмотрѣніе Думы. Ему пришлось забыть о вечернихъ засѣданіяхъ Думы, въ которыхъ разсмотрѣно и утверждено немало дѣловыхъ узаконеній. Ему пришлось назвать *единственнымъ* такой законопроектъ, который Думою вовсе не былъ составленъ [1]), и приписать ему соціально-революціонное значеніе, тогда какъ въ окончательномъ его видѣ цѣлью его могло оказаться *предупрежденіе* соціальной революціи. Чтобы придти къ выводу, что заявленные Думою запросы не имѣли въ виду ничего другого, кромѣ „поношенія правительства и возбужденія волненій въ странѣ", автору пришлось упомянуть лишь *вскользь* о запросѣ относительно дѣйствій московскаго генералъ-губернатора Гершельмана: сколько-нибудь обстоятельная передача преній по этому запросу показала бы слишкомъ ясно, что для пользованія правомъ интерпелляціи Дума имѣла весьма и весьма серьезныя причины. Чрезвычайно подробно изложены пренія по запросу о злоупотребленіяхъ властей въ прибалтійскомъ краѣ, потому что авторъ видитъ въ нихъ аргументъ въ пользу своей любимой темы. И что̀ же? Кадеты—говоритъ В. И. Герье (стр. 152)—„понудили министерство признаться, что при подавленіи революціи и террора происходили насилія со стороны полиціи, а прокуратура ихъ не остановила". Неужели это признаніе не служитъ лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности запроса?.. Полнѣйшее отсутствіе безпристрастія въ сужденіяхъ В. И. Герье о кадетахъ—а слѣдовательно, и о загубленной ими второй Думѣ—оттѣняется еще сильнѣе крайнею снисходительностью его къ министерству и къ правымъ партіямъ. У него не находится ни одного слова осужденія и по отношенію къ „междудумскому" законодательству, какъ будто бы оно дѣйствительно „усиливало власть и обезпечивало порядокъ", не нарушая ст. 87-ой и не выходя за предѣлы необходимой обороны; у него нѣтъ и намека на противодѣйствіе такимъ законнымъ и разумнымъ начинаніямъ Думы, какъ напримѣръ приглашеніе экспертовъ въ думскія коммиссіи. Шутовской законопроектъ депутата Шульгина о правѣ всѣхъ гражданъ на пользованіе капиталомъ — законопроектъ, грубо нарушавшій достоинство законодательнаго собранія,—В. И. Герье называетъ стрѣлой, попавшей въ цѣль. Въ извѣстномъ вопросѣ того же депутата: „нѣтъ ли, господа, у кого-нибудь изъ васъ бомбы въ карманѣ?" усматривается только „мужество" вопрошавшаго. Съ очевидной симпатіей относится В. И. Герье и къ гг. Келеповскому и Пуришкевичу.

---

[1]) Въ аграрную коммиссію второй Думы переданы были только предложенія разныхъ партій, и на чемъ остановилась бы сама коммиссія—совершенно неизвѣстно.

Сожалѣя отъ души, что оффиціозный взглядъ на оппозицію встрѣтилъ поддержку со стороны В. И. Герье, мы думаемъ, что болѣе убѣдительнымъ явно невѣрное мнѣніе отъ этой поддержки сдѣлаться не можетъ. Обвиненія, взводимыя на вторую Думу, бьютъ мимо цѣли. Все больше и больше, мы въ томъ убѣждены, будетъ выясняться тотъ фактъ, что доказать свое призваніе къ производительной работѣ второй Думѣ, какъ и первой, помѣшалъ только поспѣшный ея роспускъ. Съ бо̀льшимъ трудомъ, съ бо̀льшею медленностью, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, но столь же неизбѣжно сложился бы стройный союзъ политическихъ группъ, готовыхъ и способныхъ приняться за законодательное обновленіе Россіи. Чтобы упрочить его существованіе и облегчить его дѣятельность, недоставало бы только одного: соотвѣтствующей перемѣны въ составѣ министерства. Передъ открытіемъ первой Думы кабинетъ Витте-Дурново сошелъ со сцены именно потому, что его прошлое устраняло возможность соглашенія его съ народнымъ представительствомъ. Весьма мало вѣроятнымъ являлось, послѣ всего происшедшаго во время междудумья, и сближеніе между кабинетомъ Столыпина и второю Думой. И все-таки вторая Дума не старалась увеличить разстояніе, отдѣлявшее ее отъ министерства, не брала на себя починъ рѣшительнаго разрыва. „Modus vivendi“ былъ ею найденъ—и не отъ нея шли попытки его нарушить. Министры спокойно выслушивались Думой; ихъ не встрѣчалъ, какъ прежде, крикъ: „въ отставку“! Работа налаживалась и подвигалась, какъ ни мало благопріятствовала ей обстановка. Отсюда ясно, что̀ могло бы быть достигнуто совмѣстнымъ дѣйствіемъ той же Думы и другого кабинета—кабинета, въ пассивѣ котораго не было бы ни роспуска первой Думы, ни военно-полевыхъ судовъ, ни сенатскихъ „разъясненій“, ни распространительнаго толкованія ст. 87-ой. Въ традиціяхъ, завѣщанныхъ правительству вѣками абсолютизма, не было, къ несчастію, почвы для уступокъ. Дилемма ставилась такъ: Дума должна подчиниться министерству — или должна прекратить свое существованіе. Третій выходъ—образованіе новаго кабинета, которому ничто не мѣшало бы пойти навстрѣчу Думѣ — оказался немыслимымъ. Совершенно напрасны, поэтому, усилія (повторяемыя и въ книгѣ В. И. Герье) пріурочить роспускъ второй Думы къ отказу ея *немедленно* исполнить требованіе министерства объ устраненіи изъ ея среды соціалъ-демократовъ, привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности. Что судьба второй Думы была предрѣшена гораздо раньше — это доказывается обнародованіемъ, одновременно съ указомъ о ея роспускѣ, новаго положенія о выборахъ, составленіе котораго требовало несомнѣнно нѣсколькихъ недѣль, а можетъ быть и нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Возвратимся теперь къ третьей Думѣ, принявшей на себя по истинѣ тяжелое наслѣдство. Думы, избранныя на основаніи прежняго избирательнаго закона, приносили съ собою обаяніе, свойственное народному представительству; Дума, избранная на основаніи правилъ 3-го іюня, должна еще завоевать его, при условіяхъ, крайне затрудняющихъ эту задачу. Къ недовѣрію, вызванному самымъ ея происхожденіемъ, скоро присоединились невыгодныя для нея сравненія со второй и въ особенности съ первой Думой. Она бѣднѣе талантами, бѣднѣе выдающимися именами—и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ней неизбѣжно предъявляются строгія требованія, пущенныя въ ходъ, какъ боевое орудіе, во время и по окончаніи предшествовавшихъ парламентскихъ сессій. Обѣимъ первымъ Думамъ ставили въ вину—особенно справа—медленность работы, многоглаголаніе, безплодную потерю времени; съ тѣми же упреками приходится теперь считаться третьей Думѣ. Сохраняя вѣрность взглядамъ, высказаннымъ нами въ защиту второй Думы [1]), мы не станемъ слишкомъ строго относиться къ итогамъ и полуторамѣсячныхъ трудовъ третьей Думы; но едва ли ей самой пріятно сознавать, что никакихъ правъ на похвалу, заранѣе отпущенную ей въ кредитъ, она пока не заслужила. Чего никогда не было въ первой Думѣ, что̀ произошло во второй Думѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ ея открытія—отклоненіе всѣхъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ, т.-е. оставленіе вопроса, поставленнаго на обсужденіе, безъ всякаго отвѣта,—то̀ случилось въ третьей Думѣ въ теченіе перваго же мѣсяца ея занятій, и притомъ по поводу такого важнаго момента, какъ декларація предсѣдателя совѣта министровъ. Ни первой, ни второй Думѣ не приходилось имѣть дѣло съ такими коммиссіонными докладами, которые не допускали немедленнаго разрѣшенія (докладъ продовольственной коммиссіи, заслушанный въ засѣданіи 7-го декабря) или требовали возвращенія въ коммиссію для новой переработки (докладъ финансовой коммиссіи объ отмѣнѣ личной подати въ измаильскомъ уѣздѣ бессарабской губерніи, заслушанный въ засѣданіи 11-го декабря). Цѣлыя засѣданія наполняются праздными, безсодержательными рѣчами по поводу учрежденія той или другой коммиссіи. Веденіе засѣданій затрудняется шумомъ, криками, смѣхомъ даже тогда, когда разсматриваются дѣла заурядныя, не дающія пищи для страстнаго возбужденія. Такъ напримѣръ, въ засѣданіи 11-го декабря слушалось предложеніе объ усиленіи вѣроисповѣдной коммиссіи двумя католиками. Никто противъ этого предложенія не возражалъ, въ вызванныхъ имъ рѣчахъ—въ сущности совершенно ненужныхъ—не было ничего дѣйствующаго на нервы слушателей. И тѣмъ не менѣе во

---

[1]) См. „Внутр. Обозр." въ №№ 5 и 7 „Вѣстника Европы" за 1907 г.

время баллотировки вопроса о прекращеніи преній въ залѣ происходило такое „движеніе", что предсѣдатель, послѣ напрасныхъ обращеній къ звонку, долженъ былъ воскликнуть: „но, господа, если будетъ такой шумъ, вѣдь здѣсь надорвешься"!.. Само собою разумѣется, что безпорядокъ, въ однихъ случаяхъ стихійный, становится намѣреннымъ въ другихъ. Представителямъ лѣвыхъ партій часто не даютъ говорить, покрываютъ ихъ голосъ шумомъ, смѣхомъ, криками: „довольно!" (см., напр., рѣчи деп. Гайдарова въ засѣданіяхъ 15-го ноября и 11-го декабря, рѣчи деп. Гегечкори въ засѣданіяхъ 15-го и 27-го ноября, рѣчь деп. Чхеидзе въ засѣданіи 20-го ноября, рѣчь деп. Покровскаго въ засѣданіи 16-го ноября). Съ величайшимъ трудомъ, и далеко не всегда, предсѣдателю удается оградить хоть сколько-нибудь свободу слова. Иногда, впрочемъ, ея стѣсненіе исходитъ отъ самого предсѣдателя. Въ засѣданіи 15-го ноября, напримѣръ, онъ три раза прерывалъ деп. Шурканова просьбою не касаться вопроса о существующихъ законахъ (на недостатки которыхъ указывалъ ораторъ), между тѣмъ какъ именно въ Думѣ вполнѣ умѣстны и даже неизбѣжны указанія на несовершенства или пробѣлы дѣйствующаго законодательства. Насколько неодинакова строгость предсѣдателя по отношенію къ эксцессамъ слова, идущимъ слѣва или справа—это показали съ достаточною ясностью извѣстные инциденты въ засѣданіяхъ 13-го и 17-го ноября.

Шероховатости, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, могутъ сгладиться, партіи, теперь упоенныя своимъ торжествомъ, могутъ образумиться и понять необходимость сдержанности, президіумъ можетъ свыкнуться съ своимъ призваніемъ и водворить внѣшній порядокъ засѣданій; но этого мало, чтобы обезпечить успѣшность думской работы. Послѣ соглашенія, состоявшагося, на почвѣ адреса, между союзомъ 17-го октября и партіей свободы, можно было полагать, что устранена опасность, коренившаяся въ „равненіи направо". Если бы министерство вступило на путь, указанный адресомъ, новая политическая комбинація могла бы пріобрѣсти нѣкоторую прочность. Возможнымъ, хотя и менѣе вѣроятнымъ, такой результатъ оказался бы и тогда, если бы декларація 16-го ноября встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны октябристовъ. Не случилось ни того, ни другого— и въ Думѣ по прежнему не оказывается большинства, способнаго провести хотя бы самыя необходимыя реформы. По прежнему неопредѣленнымъ остается отношеніе ея къ новому государственному строю. У власти по прежнему стоитъ министерство, все болѣе и болѣе удаляющееся отъ пути, намѣченнаго манифестомъ 17-го октября. Не только не съуживается область всякихъ охранъ, но обостряется ихъ примѣненіе. Непрерывнымъ рядомъ слѣдуютъ одно за другимъ внѣ-

судебныя запрещенія періодическихъ изданій, внѣ-судебныя взысканія съ нихъ—и въ то же время отнюдь не уменьшается число уголовныхъ процессовъ по дѣламъ печати. Не оскудѣваютъ обязательныя постановленія, путемъ которыхъ создается цѣлое законодательство внѣ закона. Число смертныхъ казней развѣ немногимъ уступаетъ тому, которое ознаменовало собою эпоху существованія военно-полевыхъ судовъ. И что же? виднѣются ли признаки „успокоенія“, наступленіе котораго должно положить конецъ господству ничѣмъ не сдерживаемой силы? Утвердительно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ одни профессіональные оптимисты, подневольные или добровольные апологеты власти. Отрицательный отвѣтъ слышится не только въ осужденіи произвола, насколько оно еще возможно, но и въ призывахъ къ новымъ правонарушеніямъ. Что означаютъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣчи крайнихъ правыхъ о недостаточно суровой расправѣ съ печатью, что означаютъ угрозы университетской автономіи, идущія изъ того же источника? Не заключается ли весь ихъ смыслъ въ томъ, что не миновало еще тревожное время, не потушено пламя, а только менѣе ярки и болѣе рѣдки стали его вспышки?.. Да, до „успокоенія“ еще далеко—но оно и не можетъ быть достигнуто тѣми средствами, въ единоспасительную силу которыхъ вѣрили до сихъ поръ и продолжаютъ вѣрить представители и слуги русской бюрократіи.

Чрезвычайно характерной, съ этой точки зрѣнія, кажется намъ однодневная или двухдневная забастовка, которою отозвались на процессъ бывшихъ соціалъ-демократическихъ депутатовъ съ одной стороны фабричные рабочіе, съ другой—учащаяся молодежь. Въ Петербургѣ 22-го ноября не было занятій ни въ одной высшей школѣ; число рабочихъ, не явившихся на фабрики, опредѣлялось приблизительно въ семьдесятъ-пять тысячъ (около трехъ-пятыхъ общаго числа). Аналогичныя явленія наблюдались и въ Москвѣ. Конечно, далеко не всѣ бастовавшіе студенты и курсистки принадлежатъ къ соціалъ-демократической партіи, не всѣ бастовавшіе рабочіе одинаково тверды въ своей преданности партійной доктринѣ: и тамъ, и тутъ играло немалую роль чувство солидарности съ товарищами, нежеланіе отставать отъ другихъ, можетъ быть даже опасеніе непріятныхъ столкновеній. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что соціалъ-демократическія идеи имѣютъ множество приверженцевъ и въ средѣ учащейся молодежи, пылкой, свѣжей, искренней, и въ средѣ рабочихъ, представляющихъ собою самую развитую и подвижную часть народной массы. Съ этимъ фактомъ необходимо считаться; его нельзя было предотвратить, его невозможно уничтожить. Репрессіи могутъ только утвердить преданность ученію, неотразимо распространяющемуся въ ширь и глубь, со всею силою общеисторическаго факта. Безплодны были по-

пытки предупредить пересадку его на русскую почву или, по меньшей мѣрѣ, привить къ нему здѣсь чуждые ему элементы. Сначала бывшее достояніемъ немногихъ, оно захватило собою цѣлый общественный классъ, сложившійся при новыхъ условіяхъ жизни. Отъ западно-европейской соціалъ-демократіи наша соціалъ-демократическая партія отличается тѣмъ, что открытое выступленіе ея на сцену совпало съ измѣненіемъ политическаго строя. Движенія, у нашихъ сосѣдей отдѣленныя одно отъ другого значительными промежутками времени, у насъ совершаются почти совмѣстно. Это увеличиваетъ ихъ остороту—но чѣмъ запутаннѣе положеніе, тѣмъ труднѣе выйти изъ него путями, проложенными въ иное время, при совершенно иныхъ обстоятельствахъ... Не менѣе грозный смыслъ имѣетъ другая особенность русской жизни. Въ Германіи, во Франціи соціальный вопросъ не усложняется вопросомъ о высшей школѣ; у насъ эти вопросы тѣсно связаны между собою. Въ Германіи, во Франціи инертнымъ, мало причастнымъ къ соціальной борьбѣ является сельское населеніе; у насъ оно переживаетъ періодъ глубокихъ волненій—и его стихійныя требованія встрѣчаютъ отголосокъ въ партіяхъ, совершенно незнакомыхъ Западной Европѣ.

Какою мелкой, какою ничтожной представляется, съ этой точки зрѣнія, мѣра предосторожности, принятая судомъ при разсмотрѣніи только-что упомянутаго нами процесса! Двери засѣданія были закрыты „въ видахъ охраненія общественнаго порядка и обезпеченія правильнаго хода судебныхъ дѣйствій“, т.-е. на основаніи закона 1887-го года, состоявшагося въ самый разгаръ реакціи и создавшаго, безъ всякой надобности, цѣлый рядъ ограниченій судебной гласности. Давно пора было бы, не ожидая отмѣны этого закона, отказаться отъ его примѣненія, слишкомъ явно не соотвѣтствующаго новымъ условіямъ русской жизни. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эпоху господства всякаго рода цензуръ, оглашеніе, въ судебной залѣ, ученій, рѣзко отрицающихъ существующій политическій и соціальный строй, могло казаться опаснымъ для общественнаго порядка, то не странны ли подобныя опасенія теперь, когда ученія этого рода безпрепятственно излагаются съ думской трибуны и доходятъ, въ думскихъ протоколахъ, до всеобщаго свѣдѣнія? Что касается до „правильнаго хода судебныхъ дѣйствій“, то для обезпеченія его судъ всегда имѣетъ достаточно средствъ и при открытыхъ дверяхъ засѣданія. Благоразумнѣе, во всякомъ случаѣ, „ожидать поступковъ“, т.-е. принимать мѣры противъ безпорядковъ дѣйствительныхъ, а не возможныхъ. Можно, пожалуй, мириться съ допущеніемъ публики не иначе какъ по билетамъ—но вѣдь закрытіе дверей засѣданія не только затрудняетъ доступъ въ залу суда: оно устра-

няетъ возможность опубликованія въ печати всего происходившаго на судѣ, т.-е. уничтожаетъ именно самую важную форму гласности—важную не для однихъ подсудимыхъ, а для всего общества. Въ настоящемъ случаѣ она была особенно необходима. Обвиненіе, взведенное на весь составъ думской соціалъ-демократической фракціи, послужило непосредственнымъ поводомъ къ роспуску второй Думы. Отсюда его историческое значеніе; отсюда право русскаго общества на полное и всестороннее освѣщеніе дѣла, сыгравшаго такую крупную роль въ ходѣ событій. Въ еще бо̀льшей мѣрѣ это право принадлежало обвиняемымъ. Совершенно понятно, что они настаивали на открытіи дверей засѣданія и ставили исполненіе этого домогательства условіемъ участія ихъ въ разборѣ дѣла. Судъ не нашелъ возможнымъ измѣнить постановленное имъ опредѣленіе—и оказался вынужденнымъ разсмотрѣть и рѣшить дѣло безъ бытности большинства обвиняемыхъ и безъ выслушанія ихъ защиты, т.-е. внѣ существеннѣйшихъ условій состязательнаго процесса. Нѣтъ надобности пояснять, въ какой степени это уменьшаетъ нравственную авторитетность судебнаго приговора.

Все болѣе и болѣе очевидной становится ненормальность положенія, создаваемаго съ одной стороны требованіемъ легализаціи партій, съ другой—сохраненіемъ въ полной силѣ такихъ узаконеній, которыя были составлены при дѣйствіи другого государственнаго строя и согласованы съ условіями теперь радикально измѣнившимися. Какъ бы ни урѣзывался составъ народнаго представительства, какъ бы ни умалялись его права, самый фактъ его существованія неизбѣжно влечетъ за собою признаніе партій, какъ легализованныхъ, такъ и нелегализованныхъ. Въ оффиціальныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ Государственной Думы имена ораторовъ приводятся съ обозначеніемъ фракцій, къ которымъ они принадлежатъ. Между депутатами оказываются, такимъ образомъ, не только конституціоналисты-демократы, но и соціалъ-демократы (а во второй Думѣ оказывались и соціалъ-революціонеры). Какой же смыслъ имѣютъ, затѣмъ, постановленія „особаго присутствія“, упорно отказывающія оппозиціоннымъ партіямъ въ правѣ на жизнь—въ правѣ, наиболѣе важная часть котораго безпрепятственно осуществляется ими въ одномъ изъ высшихъ государственныхъ учрежденій? Какой смыслъ имѣетъ сохраненіе тяжкой уголовной кары за принадлежность къ сообществу, ставящему цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго общественнаго строя, разъ что къ той же цѣли направлены рѣчи, открыто произносимыя съ думской трибуны? Не пора ли понять, что при представительномъ образѣ правленія не могутъ быть изъяты изъ обращенія цѣлыя группы людей, соединенныхъ общею мыслью, какъ не можетъ

быть подавлена самая мысль? Чѣмъ свободнѣе партія въ открытомъ выраженіи своихъ *взглядовъ*, тѣмъ меньше для нея поводовъ прибѣгать къ тайнымъ *дѣйствіямъ*, могущимъ служить объектомъ уголовнаго преслѣдованія. Опытъ Германіи показываетъ съ полною ясностью, что съ увеличеніемъ законныхъ правъ партіи не увеличивается, а уменьшается ея активная революціонность.

Невѣрная отправная точка всегда ведетъ къ невѣрнымъ выводамъ. Разъ что выраженіе соціалъ-демократическихъ мнѣній признается преступленіемъ, ускользающимъ отъ уголовной кары лишь постольку, поскольку оно исходитъ отъ члена Думы и не выступаетъ за предѣлы отчета о думскомъ засѣданіи, то вполнѣ возможнымъ становится преслѣдованіе за буквальное повтореніе сказанныхъ въ Думѣ словъ, съ указаніемъ на источникъ, лицомъ, не принадлежащимъ къ числу членовъ Думы. Такому преслѣдованію подвергся крестьянинъ Федоровъ, за распространеніе декларацiи, прочитанной въ первой Думѣ депутатомъ Джапаридзе. Судебная палата оправдала обвиняемаго, находя, что если закономъ разрѣшено оглашеніе цѣлаго (т.-е. отчета о думскомъ засѣданіи), то не можетъ считаться незаконнымъ оглашеніе той или другой его части. Сенатъ, однако, отмѣнилъ рѣшеніе палаты, и дѣло о Федоровѣ подлежитъ новому разсмотрѣнію. Мотивы, которыми руководствовался Сенатъ, еще неизвѣстны; въ печати появилось пока—благодаря освѣдомительному бюро—лишь заключеніе оберъ-прокурора. Толкованіе, принятое палатою, привело бы, по мнѣнію оберъ-прокурора, къ тому, что пришлось бы признать ненаказуемымъ распространеніе воззванія къ бунту, прочитаннаго на судѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства, только потому, что оно извлечено изъ судебнаго отчета. На самомъ дѣлѣ аналогія, указанная оберъ-прокуроромъ, вовсе не существуетъ. Воззваніе къ бунту, составлявшее предметъ судебнаго разбирательства, представляетъ собою преступленіе, преступленіемъ является и его повтореніе—а рѣчь, произнесенная или прочитанная депутатомъ въ Государственной Думѣ, сама по себѣ ни въ какомъ случаѣ преступной считаться не можетъ... Настоящую политическую и юридическую ересь мы видимъ въ утвержденіи оберъ-прокурора, что предсѣдатель Государственной Думы является *цензоромъ* оффиціальныхъ ея отчетовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подъ именемъ *одобренія* отчетовъ, о которомъ говорится въ ст. 45 Учрежд. Госуд. Думы, разумѣется исключительно удостовѣреніе въ согласіи ихъ съ дѣйствительностью. Идти дальше, значило бы возлагать на предсѣдателя отвѣтственность за всякое слово, произнесенное въ Думѣ, и создавать тѣмъ самымъ возможность такихъ злоупотребленій предсѣдательскою властью, которыя обратили бы въ мертвую букву гласность думскихъ засѣданій и нравственный авторитетъ предсѣдателя.

Спокойный ходъ занятій въ высшей школѣ нарушенъ кое-гдѣ волненіями среди учащихся. Широкихъ размѣровъ эти волненія почти нигдѣ не достигали; въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ они могутъ быть названы незначительными. Степень вниманія, оказываемаго имъ въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ и не-оффиціальныхъ сферахъ, соотвѣтствуетъ не столько внутренней ихъ важности, сколько общему духу господствующихъ настроеній. Никакихъ возраженій не вызываетъ, самъ по себѣ, созывъ ректоровъ, предпринятый министерствомъ народнаго просвѣщенія. Совѣщаніе о способахъ „установленія нормальнаго теченія академической жизни" могло бы быть даже полезно, если бы работа съѣзда была ограждена отъ посторонняго вмѣшательства. Не такова, къ сожалѣнію, обстановка, при которой началась эта работа. Ей предшествовало съ одной стороны указаніе „мѣръ къ устраненію безпорядковъ", идущее отъ совѣта министровъ, съ другой—составленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проекта „реорганизаціи внутренняго распорядка въ университетахъ". Одновременно съ открытіемъ съѣзда внесенъ въ Государственную Думу запросъ 68 депутатовъ, предлагающій министру народнаго просвѣщенія разъяснить, что̀ сдѣлано имъ въ виду закононарушеній, допущенныхъ университетскими совѣтами въ Юрьевѣ и С.-Петербургѣ. Ко всему этому присоединяется, какъ зловѣщій признакъ, усиленная агитація реакціонной печати.

Нигдѣ уроки прошлаго не забываются такъ скоро, какъ у насъ; нигдѣ не распространено въ такой мѣрѣ ихъ намѣренное игнорированье. Самой поверхностной справки съ исторіей нашей высшей школы достаточно для того, чтобы доказать безплодность мѣръ, направленныхъ къ насильственному усмиренію учащейся молодежи и къ водворенію пассивнаго повиновенія среди учащихъ; но этой справки не хотятъ слышать, раскрываемыхъ ею фактовъ не хотятъ видѣть. Вновь и вновь приходится напоминать—какъ это дѣлаетъ кн. Е. Н. Трубецкой въ № 49 „Московскаго Еженедѣльника",—что въ „подчиненныхъ" университетахъ безпорядки возникали чаще и достигали бо̀льшей силы, чѣмъ въ автономныхъ; что всякая „фильтровка", всякое массовое изгнаніе студентовъ, даже сопровождаемое отдачей въ солдаты, приводили только къ ухудшенію положенія; что порядокъ, установленный въ 1905-мъ году, дѣйствуетъ, собственно говоря, только второй годъ—и все-таки успѣлъ привести къ замѣтному оживленію академической жизни. Она начала входить въ свое нормальное русло—а совершенно положить конецъ выходамъ оттуда можетъ только торжество права и свободы.

Глубокое отвращеніе внушаютъ пріемы, съ помощью которыхъ извѣстные органы печати стараются подготовить почву для крутого

поворота назадъ въ области высшаго образованія. „Къ какимъ политическимъ партіямъ"—вопрошаетъ одинъ изъ нихъ —„принадлежатъ управители высшихъ школъ? Сторонники ли они государственно-патріотической школы, или школы учебно-нейтральной, или. наконецъ, школы революціонной? Правительство обязано знать, кому оно вручаетъ столь важные органы, какъ университеты". Но развѣ оно этого не знаетъ? Развѣ не на его глазахъ проходила, напримѣръ, по истинѣ самоотверженная дѣятельность А. А. Мануилова или И. И. Боргмана, всецѣло направленная къ поддержанію спокойствія и мира? Развѣ не благодаря ихъ усиліямъ рѣдки и непродолжительны были, въ теченіе трехъ послѣднихъ полугодій, перерывы занятій въ университетахъ московскомъ и петербургскомъ? Развѣ, ведя борьбу съ агитаціонными элементами студенчества, они не рисковали на каждомъ шагу потерей популярности, которою не могутъ не дорожить друзья молодежи? Развѣ А. А. Мануиловъ уклонялся когда-либо съ пути, на который сразу сталъ его приснопамятный предшественникъ, кн. С. Н. Трубецкой? Наука (физика), которой посвятилъ себя И. И. Боргманъ, имѣетъ мало точекъ соприкосновенія съ общественностью; но развѣ политико-экономическіе труды А. А. Мануилова не доступны для каждаго, кто желалъ бы ознакомиться съ его образомъ мыслей? Позволителенъ ли, притомъ, вопросъ: „како вѣруеши", когда идетъ рѣчь о дѣятеляхъ высшей школы? Не ясно ли, что эта школа должна быть именно *нейтральной*, какъ нейтральна сама наука? Хороши были бы наши университеты, если бы изъ нихъ сразу были удалены всѣ профессора, не раздѣляющіе ходячихъ взглядовъ на государственность и патріотизмъ!

„Еще необходимѣе знать"—продолжаетъ представитель газетнаго сыска,—„чтò такое само правительство въ учебномъ вѣдомствѣ и кто они, главные дѣятели, командующіе нашимъ просвѣщеніемъ (просвѣщеніе, отданное подъ *команду*—какъ характерно это выраженіе!). Оффиціально министромъ народнаго просвѣщенія считается г. фонъ-Кауфманъ, но, *по отзыву свѣдущихъ лицъ*, дѣйствительнымъ главою вѣдомства состоитъ товарищъ министра, г. Герасимовъ". На чемъ основана столь своеобразная экспертиза, чѣмъ она руководствуется при опредѣленіи такого невѣсомаго факта, какъ степень вліянія того или другого должностного лица—это остается тайной автора... Дальше идетъ „напоминаніе о главныхъ фактахъ біографіи г. Герасимова"—напоминаніе, сплошь и рядомъ принимающее форму инсинуаціи. Ограничимся однимъ примѣромъ. „Г. Герасимовъ состоялъ дѣятельнѣйшимъ членомъ педагогическаго общества при московскомъ университетѣ. Это общество, какъ извѣстно, приняло ярко „освободительное" направленіе до такой степени, что впослѣдствіи правительству при-

шлось закрыть его въ административномъ порядкѣ. Выдвигаемый этимъ обществомъ, г. Герасимовъ къ „эпохѣ свободъ" считалъ себя первымъ кандидатомъ на должность попечителя округа". Прямого обвиненія на г. Герасимова, такимъ образомъ, не взводится, но съ истинно-іезуитской хитростью проводится мысль, что товарищъ министра попалъ на эту должность прямо изъ участниковъ „ярко-освободительнаго движенія". Недостаткомъ ловкости обличительная рѣчь страдаетъ только тогда, когда приписываетъ назначеніе г. Герасимова одновременно кн. Трубецкому (бывшему московскому губернскому предводителю дворянства) и представителямъ ноябрьскаго земскаго съѣзда. Здѣсь, очевидно, смѣшаны мотивы изъ двухъ оперъ: кн. П. Н. Трубецкой, нынѣшній предсѣдатель группы центра въ Государственномъ Совѣтѣ, едва ли могъ дѣйствовать заодно съ представителями съѣзда, на которомъ преобладала конституціонно-демократическая партія... По сдѣланнымъ нами выдержкамъ можно судить о всей статьѣ, озаглавленной: „Чѣмъ быть школѣ?" („Новое Время", № 11407), а по этой статьѣ—о характерѣ агитаціи, усердно поддерживаемой реакціонною печатью. Выступать въ роли защитника гг. Герасимова и фонъ-Кауфмана мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія—но для насъ слишкомъ ясно, какихъ преемниковъ желали бы имъ дать неисправимые апологеты „подтягиванья" высшей школы. Опыты подтягиванья производятся, отъ времени до времени, и теперь—и даютъ такіе же точно результаты, какъ въ недавнемъ прошломъ.

Чего бы ни коснулись органы печати, потерявшіе, въ послѣднее время, всякій стыдъ и всякое чувство мѣры, они всегда остаются вѣрными своей ненависти ко всему честному, правдивому, возвышающемуся надъ общимъ уровнемъ. И до слушанія, и во время слушанія въ судебной палатѣ дѣла о выборгскомъ воззваніи, они не переставали травить и чернить подсудимыхъ, какъ бы опасаясь снисходительности къ нимъ со стороны суда. Наканунѣ процесса онъ провозглашается „судомъ надъ всей партіей тайныхъ революціонеровъ, причинившихъ Россіи гораздо больше вреда, чѣмъ открытые враги русской государственности". А вотъ что̀ мы читаемъ въ статьѣ: „Носы, поднятые кверху" („Новое Время", № 11409), напечатанной за два дня до окончанія процесса: „они (подсудимые) посягнули на дѣяніе глубоко преступное... Выборгскій манифестъ былъ призывомъ къ бунту... Одно заглавіе манифеста обезпечиваетъ выборгцамъ тюремное заключеніе—но нельзя же совсѣмъ пренебрегать и текстомъ воззванія... Составленная съ іезуитскою осторожностью, выборгская прокламація взываетъ въ сущности вовсе не къ пассивному сопротивленію... Выборгская компанія съ поднятыми носами

бросила въ темную жизнь русскую нѣчто такое скверное, что̀ извлечь будетъ тяжелыхъ жертвъ". И рядомъ съ этимъ подчеркиваньемъ тяжкой вины подсудимыхъ идутъ жалкія усилія унизить, осмѣять ихъ („выборгское дѣяніе — плоская буфонада... Выборгская компанія не умна... Выборгскіе герои въ полъ-вершка—трудно удерживаемые въ памяти незначительные люди") — жалкія потому, что не по силамъ гг. Меньшиковыхъ бросить тѣнь на имена, завоевавшія для себя видное мѣсто въ исторіи первой Думы... Достойнымъ завершеніемъ статьи служитъ попытка доказать, что главными виновниками выборгскаго инцидента были евреи. „За два дня они (бывшіе члены Думы) могли бы придти въ себя, но гг. евреи, завѣдывавшіе антрепризой смуты, не дали имъ опомниться... Что дѣлать въ Выборгѣ—объ этомъ знали гг. Винаверы, Герценштейны и Іоллосы". За два дня до появленія этихъ словъ въ печати В. Д. Набоковъ произнесъ, въ засѣданіи судебной палаты, рѣчь, изъ которой видно, что Герценштейнъ и Іоллосъ возражали противъ выборгскаго воззванія и подписали его только въ силу солидарности съ большинствомъ товарищей по партіи. И раньше, по справедливому замѣчанію В. Д. Набокова, этотъ фактъ былъ общеизвѣстенъ—но его не хотѣли и не хотятъ знать тѣ, кому нужно воскликнуть лишній разъ: „thut nichts, der Jude wird verbrannt"!

Со времени окончанія въ Государственной Думѣ общихъ преній о бюджетѣ прошло уже болѣе мѣсяца. Подробно останавливаться на нихъ мы, поэтому, не будемъ; отмѣтимъ только двѣ-три черты, особенно характерныя. Въ отвѣтѣ П. Н. Милюкова на первую рѣчь министра финансовъ была подробно мотивирована необходимость расширенія бюджетныхъ правъ Думы — необходимость, которую еще раньше призналъ представитель октябристовъ, депутатъ Еропкинъ. За двѣ недѣли передъ тѣмъ отъ имени партіи народной свободы былъ внесенъ соотвѣтствующій законопроектъ, дальнѣйшая судьба котораго зависитъ отчасти отъ отношенія къ нему министра финансовъ. Что̀ же сказалъ по этому поводу, въ своей репликѣ, В. Н. Коковцовъ? Онъ заявилъ, что „представитъ, въ свою пору, всѣ необходимыя разъясненія". Болѣе чѣмъ вѣроятно, что обѣщанныя разъясненія будутъ не въ пользу мѣры, за которую стоитъ даже умѣреннѣйшая изъ конституціонныхъ партій. „Бюджетная инициатива Государственной Думы"—воскликнулъ г. министръ — „безпредѣльна"; но все сказанное имъ дальше касалось *законодательной* иниціативы, посредствомъ которой Дума можетъ возбудить вопросъ объ измѣненіи того или другого закона, а слѣдовательно и объ исключеніи основаннаго на немъ расхода. Въ томъ-то и дѣло, однако, что иниціатива

законодательная и инціатива бюджетная—далеко не одно и то же. Дѣйствіе первой медленно и проблематично, дѣйствіе второй быстро и вѣрно ведетъ къ цѣли. Измѣнить или отмѣнить законъ можно лишь при согласіи всѣхъ органовъ законодательной власти; для исключенія изъ бюджета расходной статьи достаточно—при нормальной организаціи бюджетнаго права—неутвержденія ея народнымъ представительствомъ. Отвѣта на вопросъ, поставленный П. Н. Милюковымъ, г. министръ финансовъ, такимъ образомъ, вовсе не далъ; по извѣстному французскому выраженію: il a parlé à côté de la question.

П. Н. Милюковъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что представитель финансоваго вѣдомства не указалъ системы, которой онъ намѣренъ держаться. В. Н. Коковцовъ возразилъ на это, что его система или программа опредѣлена съ достаточною ясностью: первый ея пунктъ—сдержанность и умѣренность въ расходахъ, второй—отказъ отъ дальнѣйшаго увеличенія налогового бремени, упадающаго на народныя массы. Едва ли такимъ отвѣтомъ можно удовлетвориться. Значеніе умѣренности и сдержанности обусловливается тѣмъ, въ чемъ и какъ проявляются эти качества. Одно дѣло—сокращеніе непроизводительныхъ расходовъ, совершенно другое—достиженіе экономіи въ ущербъ настоятельнымъ народнымъ нуждамъ. О достоинствѣ системы можно судить только тогда, когда извѣстны ея руководящая мысль и ея конечная цѣль. Бережливость—только форма, въ которую можетъ быть вложено самое различное содержаніе. Очень похвальна рѣшимость не увеличивать налоговое бремя, упадающее на народную массу—очень похвальна и вмѣстѣ съ тѣмъ очень понятна, потому что непосильная тягость долга можетъ повлечь за собою неоплатность должника; но для характеристики системы важно было бы знать, имѣется ли въ виду *уменьшеніе* налоговъ, уплачиваемыхъ, главнымъ образомъ, неимущими классами населенія?.. Второе замѣчаніе П. Н. Милюкова сохраняетъ, въ нашихъ глазахъ, свою силу и послѣ реплики министра финансовъ.

Почти одновременно съ преніями о бюджетѣ въ Государственной Думѣ, Государственный Совѣтъ обсуждалъ поднятый однимъ изъ его членовъ вопросъ о томъ, приносятъ ли какую-нибудь пользу такъ называемыя попечительства о народной трезвости. Защитниками ихъ выступили два министра финансовъ — настоящій и бывшій. Въ рѣчи В. Н. Коковцова попечительствамъ выдавался похвальный аттестатъ: они „по мѣрѣ силъ боролись съ народнымъ бѣдствіемъ", но боролись „въ сферѣ недовѣрія", такъ какъ нерасположеніе общества къ питейной монополіи распространилось и на учрежденныя въ связи съ нею попечительства. Нѣсколько строже отнесся къ нимъ графъ Витте, признавшій, что дѣло попечительствъ

поставлено плохо, и возстававшій только противъ совершеннаго ихъ уничтоженія. Усилія бывшаго министра финансовъ были направлены преимущественно на защиту питейной монополіи, которой вовсе не касался проектъ упраздненія попечительствъ, но надъ которой нависли, въ послѣднее время, тяжелыя тучи. Эгидой для своего созданья гр. Витте выставилъ имя Александра III-го, „великаго духомъ богатыря-императора", который „не моргнулъ бы глазомъ, если бы исчезъ весь доходъ отъ питейной монополіи". „Не погибнетъ"—воскликнулъ ораторъ — „то дѣло, которое сдѣлалъ императоръ Александръ III-ій". Эта аргументація кажется намъ весьма рискованною, какъ потому, что она напрасно вводитъ въ разгаръ спора имя умершаго монарха, такъ и потому, что на нашихъ глазахъ разрушается многое, возникшее или тщательно охранявшееся въ минувшее царствованіе... Недоумѣніе возбуждаютъ и многія другія мѣста въ рѣчи графа Витте. Онъ утверждалъ, что „въ такъ называемый періодъ гр. Лорисъ-Меликова все вниманіе было обращено на питейное дѣло; тогда впервые появилось понятіе о свѣдущихъ людяхъ, и въ первый разъ они явились благодаря питейному дѣлу". Это не такъ. При гр. Лорисъ-Меликовѣ питейный вопросъ вовсе не выдвигался на первый планъ; его заслоняли другіе, гораздо болѣе важные. „Свѣдущихъ людей", въ специфическомъ смыслѣ слова, создала позднѣйшая эпоха, отмѣчаемая именемъ гр. Н. П. Игнатьева, и въ первый разъ они были призваны не по питейному дѣлу, а по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей. Ошибся ораторъ и въ ссылкѣ на западно-европейскую исторію. Говоря о возраженіяхъ, которыми встрѣченъ былъ проектъ питейной монополіи—возраженіяхъ, исходившихъ изъ мысли, что государство призвано только управлять, а не хозяйничать,—гр. Витте просилъ не забывать, что эту мысль „первый побѣдилъ великій Бисмаркъ, но тогда онъ ее еще не опрокинулъ, а только опрокидывалъ". Законопроектъ о питейной монополіи былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1892-мъ или 1893-мъ году—а Бисмаркъ сошелъ со сцены въ 1890-мъ году: если онъ что-нибудь „опрокинулъ", то во всякомъ случаѣ это произошло гораздо раньше времени, которое имѣлъ въ виду гр. Витте... Въ виду защиты, встрѣченной питейною монополіей въ лицѣ В. Н. Коковцова и гр. С. Ю. Витте, далеко не излишними кажутся намъ выступленія депутата Челышева, односторонніи, но рѣзко подчеркивающія опасность алкоголизма. Совершенно правильно бар. Мейендорфъ (товарищъ предсѣдателя Государственной Думы) назвалъ эту опасность *настоящею* и противопоставилъ ее опасностямъ *мнимымъ*, въ родѣ той, которая усмотрѣна была недавно въ лекціи объ интуитивномъ правѣ [1]). Болѣе чѣмъ

[1]) 16-го ноября с.-петербургскимъ градоначальникомъ было запрещено, на осно-

странно было бы видѣть въ ослабленіи или прекращеніи пьянства достаточный залогъ всеобщаго благоденствія, болѣе чѣмъ странно было бы забывать о всемъ другомъ, удручающемъ народную массу и заставляющемъ ее искать забвенія въ винѣ; но примѣръ западно-европейскихъ государствъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что борьба съ пьянствомъ необходима на всѣхъ ступеняхъ политическаго развитія и что всякая въ ней задержка представляетъ собою „periculum in mora“.

Другая „не мнимая“ опасность, борьба съ которою не терпитъ ни отсрочекъ, ни полу-мѣръ, это—народное невѣжество. Зло такъ велико, что противодѣйствіе ему не по силамъ одному правительству, сколько бы оно ни старалось загладить грѣхъ многолѣтняго безучастія и равнодушія. Быстро достигнуть крупныхъ результатовъ можетъ только самая широкая, ничѣмъ не стѣсняемая общественная иниціатива. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда это становится вполнѣ очевиднымъ, однимъ почеркомъ пера упраздняется учрежденіе, въ короткое время успѣвшее сдѣлать неимовѣрно много именно тамъ, гдѣ народная отсталость чувствовалась особенно сильно. Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ закрыта польская школьная „Матица“, въ теченіе одного года открывшая болѣе тысячи школъ и множество библіотекъ, читаленъ, пріютовъ, собравшая до милліона рублей, привлекшая въ свою среду болѣе ста тысячъ членовъ. Мотивирована эта по истинѣ чрезвычайная мѣра слѣдующимъ образомъ: „1) основною цѣлью Матицы признается не столько достойное правительственной поддержки просвѣщеніе народныхъ массъ, сколько преступное возбужденіе въ народѣ духа узко-національной обособленности; 2) съѣздъ членовъ Матицы не позаботился о правильной постановкѣ преподаванія государственнаго языка въ школахъ Матицы и, такимъ образомъ, закрѣпилъ длящееся нарушеніе названнымъ обществомъ закона, и 3) въ средѣ членовъ общества укрѣпляется недопустимое по существу стремленіе къ вытѣсненію изъ его состава наиболѣе спокойныхъ его дѣятелей и къ сосредоточенію руководительства дѣятельностью общества въ рукахъ польскихъ сепаратистовъ“. Ни въ какомъ уголовномъ уложеніи не считается преступленіемъ возбужденіе духа національной обсобленности. Этотъ духъ, у такого народа, какъ польскій, проистекаетъ самъ собою изъ всего прошлаго, изъ любви къ своей вѣрѣ, къ своему языку, къ своей культурѣ, къ своему искусству. Поддерживаютъ и обостряютъ его именно тѣ мѣры, которыя, въ силу рутины,

---

ванія чрезвычайной охраны, чтеніе въ юридическомъ обществѣ доклада профессора Л. I. Петражицкаго, озаглавленнаго: „Интуитивное право“.

принимаются къ его подавленію. Съ сепаратизмомъ, въ смыслѣ усилій, направленныхъ къ разрушенію связи между польскимъ населеніемъ и русскимъ государствомъ, онъ не имѣетъ ничего общаго. Если и допустить—что̀ мало вѣроятно—существованіе внутри Матицы теченія, враждебнаго наиболѣе спокойнымъ ея элементамъ, то борьба съ этимъ теченіемъ—дѣло самого общества, составъ котораго не подлежитъ регламентаціи со стороны. Администрація можетъ требовать только одного: чтобы общество, изъ кого бы оно ни состояло, не нарушало мира и порядка — а въ такихъ нарушеніяхъ генералъ-губернаторъ Матицу не обвиняетъ. Если, наконецъ, преподаваніе русскаго языка въ школахъ Матицы велось не такъ, какъ слѣдовало по закону, то это могло дать поводъ къ усиленію надзора за соблюденіемъ установленныхъ правилъ, а отнюдь не къ разрушенію дѣла, такъ много обѣщавшаго для края.

Отвѣчая на нашу декабрьскую замѣтку объ оффиціозной прессѣ, „Россія" гордо признаетъ себя повинной въ партійности, если понимать подъ этимъ словомъ „защиту русской государственности". Всякой иной партійности чужда газета, служащая органомъ правительства, такъ какъ „правительство русскаго Государя не можетъ быть партійнымъ". Органъ печати, явно издающійся съ помощью казны, полезнѣе, по мнѣнію „Россіи", чѣмъ тайные оффиціозы: онъ „не обманываетъ читателя". Бываютъ эпохи — читаемъ мы дальше, — „когда честные люди обязаны стать вокругъ правительства и помогать ему, позабывъ о мелкомъ самолюбіи... Такого служенія государству требуетъ родина... Тѣ, кто ставитъ родину выше себя, тѣ жертвуютъ ей своимъ именемъ, своей популярностью и торговымъ успѣхомъ своихъ произведеній; а какъ ихъ зовутъ, обскурантами, рептиліями или какъ-нибудь иначе—это совершенно безразлично"... Помимо политическаго значенія, „Россія" признаетъ за собою значеніе учительное: „русскому обществу и русскому народу должна быть доступна такая газета, которая бы давала возможно точную картину дѣйствительности, которая бы вдохнула въ общество бодрость и самодѣятельность, которая не занималась бы критикой для критики, оппозиціей ради оппозиціи... Оппозиція ради оппозиціи — явленіе преступное въ эпохи смутъ и мятежей".

Не такова самозащита „Россіи", чтобы чувствовалась надобность въ подробномъ ея опроверженіи. Кому же, въ самомъ дѣлѣ, неясно, что при существованіи крѣпко сложившихся партій правительство — а слѣдовательно и принадлежащая ему газета — только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ оставаться безпартійнымъ, а министерство П. А. Столыпина къ числу такихъ исключеній нельзя отнести?

Кому неясно, что о партійности, и притомъ весьма опредѣленнаго свойства, свидѣтельствуетъ самый тонъ, господствующій въ „Россіи"? Кому неясно, что служеніе родинѣ можетъ быть понимаемо различно и что монополіи правительства и его присныхъ оно не составляетъ? Кому неясно, что въ основѣ всякаго серьезнаго отрицанія лежитъ нѣчто положительное и что „оппозиціи ради оппозиціи" въ дѣйствительности вовсе не существуетъ? Кому неясно, наконецъ, что помогать правительству, убѣжденно и энергично, можно и не работая въ оффиціозной газетѣ? Мы старались доказать, что изъ всѣхъ видовъ этой помощи наименѣе цѣлесообразенъ именно тотъ, который отстаиваетъ „Россія". Никогда и нигдѣ оффиціозная пресса не оказывалась реальной поддержкой для ея вдохновителей—а вредила она имъ нерѣдко, усиливая взаимное раздраженіе и обостряя страсти. Меньше всего ей подобаетъ мечтать объ учительствѣ, немыслимомъ безъ довѣрія и уваженія къ учителю... Что тайные оффиціозы не лучше явныхъ—съ этимъ мы готовы согласиться; но большой разницы между тѣми и другими нѣтъ уже потому, что тайна, въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно оказывается „секретомъ Полишинеля".

Мы выразили предположеніе, что у „Россіи" есть обязательные подписчики; намъ отвѣчаютъ, что ихъ не было и нѣтъ. Считаемъ долгомъ довести этотъ отвѣтъ до свѣдѣнія нашихъ читателей. Упомянемъ, въ заключеніе, о „пріемѣ ироніи", пущенномъ въ ходъ „Россіей". Въ одномъ изъ писемъ К. П. Побѣдоносцева къ П. А. Тверскому, напечатанныхъ въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы", нашъ журналъ причисленъ къ органамъ „узкаго кружка доктринеровъ, не знающихъ и не хотящихъ знать народа, душу его и потребности, не вѣрующихъ ни во что̀, кромѣ своей доктрины, да въ тупую оппозицію всему, что называется правительствомъ. Это — въ иномъ родѣ тѣ же канцеляріи". Изъ того, что мы ничѣмъ не выразили нашего несогласія съ этимъ опредѣленіемъ, „Россія" заключаетъ, что мы признаемъ его правильнымъ. Не нужно большихъ усилій мысли, чтобы понять причину нашего молчанія — и мы убѣждены, что ее прекрасно понимаетъ и нашъ иронизирующій противникъ. Да развѣ могъ покойный Побѣдоносцевъ иначе отозваться о „Вѣстникѣ Европы", оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, и вотъ почему „мы ничѣмъ не выразили нашего несогласія съ этимъ опредѣленіемъ"...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1908.

I.

— **Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи. Съ 7 портретами. Изданіе С. В. Бунина. 1908. Стр. XV и 614.**

Новая книга г. Лемке, извѣстнаго своими разысканіями по исторіи русской цензуры и журналистики, представляетъ собою результатъ полуторагодичной работы въ архивѣ Третьяго Отдѣленія. Этотъ архивъ былъ недоступенъ до министерства Святополкъ-Мірскаго и закрылся тотчасъ потомъ; теперь опять могутъ пройти годы, прежде чѣмъ онъ откроется для изслѣдователей, и потому книга г. Лемке пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, какъ единственный пока источникъ свѣдѣній о дѣятельности Третьяго Отдѣленія. Авторъ добровольно ограничилъ свою задачу: онъ поставилъ себѣ цѣлью обслѣдовать только „литературную“ дѣятельность Третьяго Отдѣленія — его отношенія къ печати и писателямъ. И надо отдать ему справедливость: въ этой области онъ собралъ все существенное, такъ что на основаніи его книги можетъ быть написана полная исторія политическаго положенія нашей печати въ царствованіе Николая I. Самъ онъ этой исторіи не далъ: его книга — собраніе сырыхъ матеріаловъ, документовъ и справокъ, безъ руководящей исторической идеи, безъ методической разработки этихъ матеріаловъ. Повидимому, такова именно была цѣль автора; но свою скромную подготовительную задачу онъ исполнилъ съ такой неутомимостью и такой полнотой, которыя даютъ ему право на признательность общества. Быть можетъ, онъ самъ еще — лучшій у насъ знатокъ внѣшней исторіи нашей литературы XIX вѣка — разработаетъ добытый имъ и его предшественниками матеріалъ и дастъ стройную,

осмысленную картину русской цензуры въ ея историческомъ развитіи; этимъ онъ исполнилъ бы вторую и, надо прибавить, важнѣйшую часть своей задачи. Пока онъ этого не сдѣлалъ, ему слѣдовало бы, на нашъ взглядъ, строже ограничиться ролью лѣтописца; главнымъ недостаткомъ его книги, какова она есть, мы считаемъ анти-историческій субъективизмъ автора, его склонность давать нравственную оцѣнку дѣятелямъ прошлаго, совершенно не считаясь съ историческими условіями и психологіей. Абсолютной политической нравственности не существуетъ; разумѣется, тяжело видѣть, что Пушкинъ или Гоголь принимали подачки отъ Николая I, но развѣ можно мѣрять эти ихъ поступки нынѣшней мѣркой, которую мы вправѣ были бы прилагать въ аналогичномъ случаѣ къ Чехову или Бальмонту? Грубымъ образомъ это историческое разстояніе измѣряется уже тѣмъ, какъ относилось къ такимъ поступкамъ передовое общество тогда, и какъ отнеслось бы теперь: теперь подачка отъ власти навѣкъ заклеймила бы писателя въ глазахъ общества, а въ 1842 году никто не думалъ ставить это въ вину Гоголю, тѣмъ меньше Пушкину въ 1834-мъ.

Книга г. Лемке распадается на двѣ неравныя части: первая представляетъ собою погодный перечень фактовъ изъ исторіи дѣятельности Третьяго Отдѣленія въ отношеніи печати и писателей, вторая содержитъ связное изложеніе пяти эпизодовъ изъ этой исторіи (Булгаринъ, Чаадаевъ и Надеждинъ, Пушкинъ, кн. П. В. Долгоруковъ, И. Головинъ). За исключеніемъ главы о Пушкинѣ, представляющей сводку уже ранѣе обнародованныхъ матеріаловъ, все остальное содержаніе книги въ главномъ является новинкой. Полными пригоршнями авторъ черпаетъ изъ архивовъ, и если онъ не даетъ намъ новыхъ общихъ точекъ зрѣнія, то количество историческихъ лицъ, дѣятельность которыхъ освѣщается въ его книгѣ новыми данными, весьма значительно; таковы: Бенкендорфъ, Дубельтъ, Н. Полевой, Булгаринъ, Чаадаевъ, Надеждинъ и мн. др.

Но, разумѣется, главный интересъ книги не въ этомъ. Въ такомъ громадномъ политическомъ явленіи, какимъ была дѣятельность Третьяго Отдѣленія, личности стушевываются, — на первый планъ выступаетъ общее, система, тотъ замыселъ, которымъ былъ вызванъ къ жизни институтъ, и историческая роль послѣдняго. По внутреннему своему смыслу исторія Третьяго Отдѣленія — эпизодъ всемірно-историческій, одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, въ которыхъ Аристотели и Маккіавели находятъ готовыя схемы для своихъ построеній. Глубокая закономѣрность этого явленія поразительна; его не могло не быть, оно съ абсолютной неизбѣжностью вытекало изъ природы политическаго строя. С. М. Соловьевъ назвалъ имп. Николая воплощеннымъ „*не разсуждать*“; но это была не личная черта характера, а историческій постулатъ;

въ извѣстный моментъ всякій абсолютизмъ попадаетъ по отношенію къ обществу въ положеніе осаждаемой крѣпости, и тогда онъ неизбѣжно провозглашаетъ законъ осаднаго положенія — принципъ: „не разсуждать“. У насъ эта система предупредительныхъ мѣръ противъ „разсужденія“ приняла форму Третьяго Отдѣленія, и во всемірной исторіи, знающей всевозможныя разновидности этой системы, отъ остракизма древнихъ до законовъ о печати Наполеона III, нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы она достигала такой ужасающей планомѣрности и мощи, какъ въ лицѣ нашего Третьяго Отдѣленія. Насъ поражаетъ почти мистическимъ ужасомъ власть фараона, губившаго десятки тысячъ жизней на постройку своей будущей усыпальницы-пирамиды; намъ жутко читать о фискальной системѣ Западной Римской имперіи, закрѣпощавшей милліоны ради цѣлости государства; но и эти страшные примѣры не могутъ идти въ сравненіе съ дѣятельностью Третьяго Отдѣленія, которое въ двухъ или трехъ поколѣніяхъ многомилліоннаго народа душило высшее, что̀ есть у человѣка,—мысль и слово,—ради незыблемости трона, въ интересахъ даже не фетиша-государства, а одного или нѣсколькихъ лицъ. Если фараонъ могъ оправдаться своей вѣрою въ загробную жизнь, а римскій императоръ — идеей міроваго владычества, то здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ голаго эгоизма власти, кромѣ животнаго самосохраненія. Разумѣется, и здѣсь были попытки замаскировать истинную цѣль разсужденіями о народномъ благѣ, но это дѣлалось только тогда, когда власть обращалась непосредственно къ обществу; наединѣ же между собою представители власти, не стѣсняясь, называли вещи ихъ именами. Какъ извѣстно, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ орудій системы „не разсуждать“ во всѣ времена являлось прегражденіе низшимъ сословіямъ доступа къ образованію. Николай I установилъ эту мѣру уже вскорѣ по вступленіи на престолъ, и она неуклонно проводилась всѣ тридцать лѣтъ его царствованія. Вотъ безпримѣрныя по цинизму строки, въ которыхъ Уваровъ давалъ отчетъ Николаю I объ успѣхахъ, достигнутыхъ въ этой области за его десятилѣтнее управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія: „Не исключая даже лицъ крѣпостного состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностію для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія ограниченъ одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ, всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостного состоянія эта строгость еще болѣе усилена: они не иначе допускаются въ эти заведенія,

какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія. Согласно съ тѣмъ, и частныя заведенія, въ которыхъ кругъ ученія соотвѣтствуетъ гимназіямъ, сдѣланы недоступны для лицъ крѣпостного состоянія, а въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, въ которыя допускаются ученики всѣхъ состояній, кругъ наукъ словесныхъ приведенъ въ соразмѣрность съ приходскими и уѣздными училищами и изъ нихъ исключено все, что̀ не относится прямо и непосредственно къ техническимъ наукамъ". — Надо вчитаться въ эти ласковыя, гладкія, самодовольныя строки, надо вдуматься въ существо ужаснаго дѣла, о которомъ они говорятъ, въ это безкровное избіеніе младенцевъ, чтобы понять и духъ системы, и психологію ея исполнителей.

Эта система, какъ извѣстно, увѣнчалась полнымъ внѣшнимъ успѣхомъ: она задушила и развратила печать, превратила школу въ муштровку, оттѣснила народъ отъ знанія и на четверть вѣка окаменила Россію. Въ картинѣ, которую рисуетъ г. Лемке, нѣтъ ни одной свѣтлой черты: народъ молчитъ, общество покорствуетъ, лучшіе люди гнутъ спину передъ грубой властью. Но, читая эту безотрадную книгу, вы невольно держите въ памяти образы тѣхъ юношей, которые какъразъ въ эти годы накопляли въ себѣ великую энергію идеализма, и въ ней самой, въ этой книгѣ, вы воочію видите, какъ власть, душа все живое, сама мертвѣла, сама невидимо рыла свою могилу, разверзшуюся потомъ въ Крыму. Въ этомъ—фатализмъ всякой деспотической власти: она не можетъ, если хочетъ удержаться, не умерщвлять все живое въ народѣ, но смерть, которую она сѣетъ, отравляетъ міазмами ее самоё, и тогда ея паденіе—только вопросъ времени: она рухнетъ при первомъ сотрясеніи.

II.

— Ivan Tourgueneff. Lettres à Madame Viardot. Publiées et annotées par E. Halpérine-Kaminsky. Paris. 1907. 263 pp.

Г. Гальперинъ-Каминскій, какъ извѣстно,—спеціалистъ по изданію заграничныхъ писемъ И. С. Тургенева, но спеціалистъ особаго рода, такъ сказать, спеціалистъ-мультипликаторъ. Ему мало разъ издать добытыя имъ письма: онъ любитъ перепечатывать ихъ многократно, въ разныхъ видахъ, съ добавленіями и пропусками, безъ конца. Такова и настоящая книжка; ея предисловіе мы читаемъ уже въ третій разъ, а насчетъ вошедшихъ въ нее писемъ читатель непремѣнно будетъ введенъ въ заблужденіе. По предисловію можно думать, что всѣ эти письма, за исключеніемъ восьми, появляются здѣсь впервые; г. Гальперинъ-Каминскій счелъ излишнимъ упомянуть, что изъ 67 писемъ,

составляющихъ этотъ томикъ, 47 уже были имъ самимъ изданы, по крайней мѣрѣ по-русски, въ книгѣ „Неизданныя письма И. С. Т.“ 1900 г., и затѣмъ въ „Русск. Мысли“ 1906 г. Такимъ образомъ, новаго въ этой книжкѣ — всего двадцать писемъ, обнимающихъ годы 1865 — 1871 (именно, начиная письмомъ XLVI и до конца, за исключеніемъ писемъ XLVIII и XLIX, опубликованныхъ уже раньше).

Эти двадцать писемъ не представляютъ ничего замѣчательнаго; они любопытны только для характеристики самого Тургенева, но самостоятельной цѣнности не имѣютъ. Въ этомъ отношеніи они значительно рознятся отъ раннихъ писемъ Тургенева къ г-жѣ Віардо, которыя по глубинѣ мыслей, по остроумію, по блеску языка, а главное — по необыкновенной поэтичности общаго тона принадлежатъ къ лучшему, что̀ представляетъ въ этомъ родѣ міровая литература. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневъ уже старъ и вялъ; письма его носятъ бо̀льшею частью освѣдомительный характеръ, въ нихъ нѣтъ лиризма, нѣтъ движенія и легкости. Но, повторяемъ, для личной характеристики Тургенева въ эту пору они даютъ цѣнный матеріалъ.

Отношенія къ г-жѣ Віардо и теперь стоятъ для него на первомъ планѣ. Въ разлукѣ его мысли неотлучно съ нею. Письмо отъ нея оживляетъ его, возвращаетъ ему здоровье и бодрость; онъ десять разъ перечитываетъ письмо, и съ благодарностью вспоминаетъ изобрѣтателя письменности, Кадма: „что за чудесная вещь этотъ листокъ бумаги, приносящій чрезъ даль пространства физическій и моральный отпечатокъ дорогой жизни!“ Въ концѣ писемъ онъ жметъ ей обѣ руки „со всей силою своей привязанности“. Упомянувъ о томъ, что весною слѣдующаго, 1868 г., исполнится двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности, онъ прибавляетъ: „Тотъ же 1843 годъ отмѣченъ въ моей жизни и другой датой, болѣе памятной и болѣе дорогой для меня: въ ноябрѣ 1843 г. я имѣлъ счастіе познакомиться съ вами“. Въ эти годы Віардо и Тургеневъ жили, какъ извѣстно, въ Баденъ-Баденѣ, и въ кратковременныя свои отлучки онъ стремится туда, какъ въ рай: „не могу передать вамъ, какую Sehnsucht я питаю къ Бадену и какимъ долгимъ и тяжелымъ кажется мнѣ каждый день“; „клянусь вамъ, что когда я увижу наконецъ Баденъ, я издамъ такое *уфъ!* которое потрясетъ всѣ горы Шварцвальда“. Онъ отвыкъ отъ Россіи, русскій климатъ приводитъ его въ ужасъ; его письма полны жалобъ на „отвратительный“ снѣгъ, который „дѣлаетъ его больнымъ“. Значительная часть новыхъ писемъ относится къ веснѣ 1867 года, когда Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію, чтобы покончить дѣла съ дядею, Н. Н. Тургеневымъ, по управленію Спасскимъ. Для этого ему необходимо было съѣздить въ Спасское, — и эта поѣздка получаетъ въ его письмахъ характеръ настоящаго испытанія. Доѣхавъ изъ Москвы до

Серпухова по желѣзной дорогѣ, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ—у него начался кашель; четыре версты отъ станціи Серпуховъ до города „своими ужасающими ухабами" (онъ ѣхалъ въ саняхъ, и дѣло было въ мартѣ) привели его въ такое состояніе, что послѣ ужасной ночи въ гостинницѣ, съ пульсомъ въ сто ударовъ въ минуту и съ кашлемъ, раздирающимъ грудь, онъ на утро рѣшился ѣхать обратно въ Москву, куда и прибылъ „болѣе мертвый, чѣмъ живой". Домъ Маслова показался ему послѣ этого ада настоящимъ раемъ; тотчасъ приглашенъ былъ врачъ, были пущены въ ходъ слабительныя, потогонныя и пр., и скоро бронхитъ сталъ ослабѣвать. Но въ Спасское все-таки надо было поѣхать, и эта мысль терзала Тургенева. Онъ откладываетъ поѣздку—или „штурмъ Севастополя", какъ онъ ее называетъ, — со дня на день. Письма его полны самыхъ плачевныхъ жалобъ. Если бы не эта поѣздка, если бы не это ядро, привязанное къ его ногѣ, онъ уже могъ бы быть въ Баденѣ; онъ не скоро забудетъ тѣ проклятыя четыре версты; несносные ухабы ждутъ его съ раскрытой пастью, — и если бы они еще были прямы, такъ нѣтъ,—въ глубинѣ ихъ кроются безумныя извилины, производящія на путника то же дѣйствіе, какъ боковая качка корабля; и т. д. Онъ и вообще чувствуетъ себя плохо въ Россіи. Благодаря г-жу Віардо за частыя письма, онъ пишетъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я не могу отдѣлаться отъ страннаго чувства: мнѣ все кажется, что я въ тюрьмѣ; и меня дѣйствительно держатъ въ заключеніи—дурная погода, мерзкій, отвратительный снѣгъ, дѣлающій улицы непроѣздными, затѣмъ моя нога, едва позволяющая мнѣ двигаться по обширнымъ комнатамъ дома, гдѣ я живу,—наконецъ, этотъ не оставляющій меня кашель... И тутъ ваши письма для меня—точно вѣстники свободы. Они какъ бы говорятъ мнѣ, что черезъ нѣсколько дней всѣ эти затворы падутъ, и я снова стану тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ... Я считаю минуты... еще одиннадцать дней... какъ долго! О, какъ мнѣ надоѣли и эта нескончаемая зима, и все, что я вижу, все, что меня окружаетъ!"

Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію и въ слѣдующемъ году, побывалъ и въ Спасскомъ, но лѣтомъ. Изъ Спасскаго онъ писалъ Віардо: „Россія производитъ на меня теперь удручающее впечатлѣніе; не знаю, есть ли это результатъ только-что пережитого голода, но, кажется, никогда еще я не видѣлъ такихъ жалкихъ, разоренныхъ избъ, такихъ истощенныхъ лицъ, такой печальной обстановки... — всюду кабаки и непоправимая нужда. Кромѣ Спасскаго, я не видѣлъ до сихъ поръ ни одной деревни, гдѣ бы соломенныя крыши не были разобраны, — а какъ непохоже Спасское на самую жалкую деревушку Шварцвальда! Пишу все это, и какъ подумаю о громадномъ, неизмѣримомъ пространствѣ, которое раздѣляетъ насъ, кровь стынетъ въ моихъ жилахъ. За-

клинаю васъ, будьте здоровы, всѣ, сколько васъ есть, весь домъ!“ Онъ и на этотъ разъ пробылъ въ Спасскомъ недолго; погода была хороша, и если бы его не осаждали просители, онъ провелъ бы время пріятно. Здѣсь нахлынули на него воспоминанія дѣтства. „Я вижу себя маленькимъ, гораздо моложе Поля (сынъ Віардо), бѣгающимъ по аллеямъ и прячущимся среди грядъ, чтобы красть землянику. Вотъ дерево, гдѣ я впервые убилъ ворону; вотъ площадка, гдѣ я нашелъ тотъ огромный грибъ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ борьбы ужа и жабы, борьбы, которая впервые поколебала мою вѣру въ благое Провидѣніе. Затѣмъ пришли воспоминанія студенчества, зрѣлаго возраста...“ Въ другой разъ онъ пишетъ — и эти строки могли бы найти себѣ мѣсто среди его „Стихотвореній въ прозѣ: „Сегодня у насъ первый хорошій день, и я провелъ нѣсколько часовъ на дворѣ... Сидя на лавочкѣ (какъ въ первомъ письмѣ моей повѣсти: *Фаустъ*), я невольно вспомнилъ о Віардо; залитая необыкновенно чистымъ свѣтомъ, вся насыщенная ароматами, красотою и кажущейся тишиною, земля вокругъ меня представляла настоящее поле битвы: все пожирало другъ друга съ яростью, съ бѣшенствомъ. Я спасъ жизнь крохотному муравью, котораго болѣе крупный муравей тащилъ и каталъ въ пескѣ, прыгая какъ тигръ, несмотря на отчаянное сопротивленіе. Едва я выручилъ маленькаго муравья, онъ, увидѣвъ полумертвую мушку, вцѣпился въ нее такъ же свирѣпо,—и на этотъ разъ я не сталъ мѣшать. Губить или гибнуть—средняго нѣтъ; итакъ, будемъ губить!“

III.

— Литературно-художественный альманахъ издательства „Шиповникъ“. Кн. III. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 305.

На первомъ мѣстѣ—разсказъ Л. Андреева „Тьма“, одно изъ слабѣйшихъ и вмѣстѣ характернѣйшихъ произведеній этого замѣчательнаго писателя. По фабулѣ „Тьма“ — сколокъ съ „Штабсъ-капитана Рыбникова“ А. Куприна. Террористъ, выслѣженный агентами полиціи, два дня преслѣдуемый ими, изнемогая отъ усталости и безсонницы, пріѣзжаетъ вечеромъ въ публичный домъ, только для того, чтобы отдохнуть и выспаться. Черезъ день ему предстоитъ совершить террористическій актъ, который неминуемо принесетъ ему смерть. Съ школьныхъ лѣтъ онъ обрекъ себя дѣлу народному, и вся его жизнь—непрерывный рядъ опасностей, лишеній, настоящее мученичество во имя идеи; онъ отдалъ все, ничего не взялъ для себя, онъ не зналъ личнаго счастія, не зналъ и женской любви. Онъ, разумѣется, никогда не думалъ о своемъ благородствѣ, но у него есть общее чувство, что

его жизнь—чистая, героическая жизнь. И вотъ, въ отдѣльной комнатѣ публичнаго дома ему приходится выслушать отъ проститутки ошеломляющій упрекъ: какое право ты имѣешь быть хорошимъ, когда я дурная? Страшная правда этой мысли охватываетъ его неотразимо; для него немыслимо долѣе пользоваться привилегіей чистоты, такъ грубо оскорбляющей нечистыхъ и еще глубже втаптывающей ихъ въ грязь. Онъ уже готовъ отречься отъ чистоты и остаться здѣсь, т.-е. добровольно погрузиться въ порочность, но на выручку является полиція, и его арестуютъ.

Психологія террориста и проститутки въ этомъ разсказѣ еще болѣе фантастична, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у Л. Андреева. Переходы настроенія у проститутки, ея слова — все это такъ сложно и глубоко, что нѣтъ и тѣни правдоподобія, и вся она перенесена сюда изъ философско-романтическаго репертуара Максима Горькаго. Нехорошъ и террористъ. Однако въ разсказѣ множество поразительныхъ художественныхъ чертъ, и нѣкоторыя второстепенныя фигуры нарисованы съ высокимъ мастерствомъ; таковъ особенно приставъ въ концѣ разсказа.

Но сила Л. Андреева — не въ правдоподобіи, не въ наружномъ художественномъ реализмѣ. Онъ напоминаетъ тѣхъ великихъ живописцевъ, чьи картины не выдерживаютъ критики съ анатомической точки зрѣнія, и тѣмъ не менѣе полны выразительности и поэзіи. Въ чувствахъ, которыя переживаетъ террористъ подъ вліяніемъ словъ проститутки, есть высшая художественная правда, и это уже не „литература“, это—живая, трепещущая жизнь. Правда въ томъ, что чувство равенства и братства между людьми, безсознательно для него самого, составляетъ самую сущность души террориста, какимъ онъ изображается здѣсь; что нарушеніе этого равенства для него невыносимо и не можетъ быть оправдано передъ его совѣстью ничѣмъ, ни даже героическимъ служеніемъ идеѣ. Этого чувства, разъ оно пробуждено, не заглушить никакой мыслью, особенно такому человѣку; онъ долженъ отдаться ему такъ же всецѣло, какъ до сихъ поръ отдавался другому, — и это значитъ, что онъ долженъ погибнуть, погибнуть физически, потому что въ такомъ раздвоеніи сознанія и чувства человѣкъ не можетъ жить. Онъ шелъ до сихъ поръ по прямой линіи,—теперь онъ попалъ въ нравственный водоворотъ, въ одно изъ глубочайшихъ нравственныхъ противорѣчій, которыми полна хаотическая, злая современная жизнь; разрѣшить это противорѣчіе, одинъ среди всѣхъ, онъ не можетъ, да и лично для него нѣтъ другого выхода, кромѣ смерти. Такимъ образомъ, арестъ является для него не внѣшней развязкой, а одной изъ формъ логически-необходимаго вывода, и неправы критики, упрекающіе автора

„Тьмы“ въ томъ, что онъ разрубилъ узелъ вмѣсто того, чтобы разрѣшить его: эта внѣшняя катастрофа обусловлена субъективно.

Кромѣ „Тьмы“, въ настоящемъ сборникѣ помѣщены еще четыре другихъ разсказа — И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна и А. Серафимовича, нѣсколько стихотвореній и начало романа Ѳ. Сологуба. О романѣ мы пока не будемъ говорить; здѣсь только первая часть его. Изъ разсказовъ всѣхъ лучше небольшая картинка Б. Зайцева, „Сестра“, полная души, обвѣянная нѣжностью и грустью. Содержанія ея невозможно передать; братская нѣжность, воспоминанія дѣтства, скорбь и тихое недоумѣніе передъ тайной мірозданія сливаются въ одинъ глубокій аккордъ, звучащій какъ молитва. Развѣ не молитва эти строки: „Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть твердыми — съ честью и мужествомъ пронести свой духъ сквозь эту юдоль, неугасимымъ пламенемъ, — и съ спокойной печалью умереть, отойти въ вѣчную обитель ясности. Это непреложно, и это даетъ сердцу миръ и твердость. И тишина теперь, не есть ли она отображеніе той вѣчной тишины, что ждетъ насъ?“ Эта дѣвственная чистота и ясность чувства, невозмутимая равно и въ солнечномъ экстазѣ, и въ грустномъ раздумьи, составляетъ лучшую сторону дарованія Б. Зайцева.

Остальные три разсказа тоже хороши и читаются съ интересомъ, но не выдаются ничѣмъ особенно. Если по содержательности наша современная беллетристика, за немногими исключеніями съ Л. Андреевымъ во главѣ, стоитъ не слишкомъ высоко, то ея художественная техника несомнѣнно достигла теперь небывалаго совершенства. Десять лѣтъ назадъ любая страница этихъ трехъ разсказовъ показалась бы какимъ-то откровеніемъ; мастерство, съ какимъ здѣсь подмѣчены и выражены самыя смутныя, самыя тонкія ощущенія и тѣ общія впечатлѣнія будничной жизни, которыя переживаются органически, направляютъ волю, но почти не доходятъ до сознанія, это мастерство есть завоеваніе послѣднихъ лѣтъ и въ значительной мѣрѣ добыто исканіями и ошибками такъ-называемыхъ декадентовъ. Великіе художники владѣли имъ и раньше, но теперь оно стало у насъ общимъ достояніемъ. Разсказъ г. Бунина не лишенъ раздражающей напряженности, разсказъ г. Куприна довольно поверхностенъ, въ повѣсти г. Серафимовича непріятенъ ея нудный, однообразный тонъ, но во всѣхъ трехъ разсказахъ много чуткости, много тонкой художественной правды, и потому въ нихъ чувствуется не литературный шаблонъ, а подлинная жизнь.

IV.

— Ан. Кремлевъ. Давидъ, царь Іудейскій. Историческая хроника въ 5 дѣйствіяхъ. С.-Петербургъ. 1908. Стр. VI и 117.

Авторъ предпослалъ своей хроникѣ совершенно ненужное предисловіе изъ семи параграфовъ, кончающееся такими строками: „Высказывая приведенныя соображенія, я на 1000 англійскихъ миль далекъ отъ мысли видѣть въ моей пьесѣ полное удовлетвореніе всѣмъ требованіямъ искусства“. Что насъ касается, то мы принуждены отойти отъ этой мысли еще гораздо дальше. Мы не только далеки отъ мысли видѣть въ пьесѣ г. Кремлева *полное* удовлетвореніе *всѣмъ* требованіямъ искусства, но положительно видимъ въ ней полное отсутствіе какихъ бы то ни было проблесковъ искусства.

Взять библейскую фабулу сюжетомъ для художественнаго произведенія дозволительно только генію. Кому случалось слышать звуки оркестра на морскомъ берегу, когда море неспокойно (въ морскихъ курортахъ часто бываетъ музыка на „пляжѣ“), тотъ помнитъ, какъ жалко тонутъ жиденькіе звуки оркестра въ мощномъ гулѣ валовъ. То же повторяется съ посредственностью, когда она пробуетъ перекричать величавый голосъ міровыхъ, тысячелѣтнихъ преданій. Они тоже—стихія, и надо быть Мильтономъ, чтобы воплотить въ новые образы и слова ихъ стихійность. И, наоборотъ, можно быть даже такъ безмѣрно непохожимъ на Мильтона, какъ г. Кремлевъ, и все-таки всей шумихѣ сценическихъ эффектовъ и словесной реторики не заглушить глубокаго смысла этихъ преданій. Г. Кремлевъ выбралъ мѣткій эпиграфъ для своей хроники: „Весь міръ былъ освѣщаемъ яснымъ свѣтомъ... а надъ ними одними была распростерта тяжелая ночь, образъ тьмы, имѣющей нѣкогда объять ихъ; но сами для себя они были тягостнѣе тьмы“ (Соломонъ). И какъ ни плоха пьеса г. Кремлева, даже въ ней еще чувствуется это обреченіе, зловѣщей тучей висящее надъ Давидомъ и его близкими и затмевающее имъ свѣтъ солнца. Чувствуется, что Давидъ — не простой человѣкъ, что на немъ почіетъ тяжелая рука Бога; онъ — роковая личность, и все вокругъ него совершается съ роковой послѣдовательностью. Г. Кремлевъ не повиненъ въ этомъ: преданіе слишкомъ грандіозно, чтобы отъ него не уцѣлѣло хоть что-нибудь.

Правда, авторъ сдѣлалъ все, чтобы истребить, подмѣнить, опошлить глубокій трагизмъ своего сюжета. Онъ объясняетъ въ предисловіи, что мотивы поступковъ, совершаемыхъ дѣйствующими лицами, онъ большей частью не заимствовалъ изъ Библіи, а придумалъ самъ. Но,

Боже, что̀ это за мотивы и что̀ за психологія вообще въ этой хроникѣ! Она напоминаетъ своей комической прямолинейностью движенія игрушечнаго паяца, котораго дергаютъ сзади за ниточку: дернешь— обѣ руки кверху, дернешь другой разъ—обѣ руки книзу. Вся эта хроника—точно схема элементарныхъ человѣческихъ поступковъ; честолюбіе, месть, любовь, даже идеализмъ дѣйствуютъ здѣсь не съ психологической сложностью, а какъ бы механически или рефлекторно; если бы куклы, которыя, какъ извѣстно, лишены души, умѣли испытывать страсти, эти страсти должны были бы проявляться у нихъ именно такъ, какъ у героевъ г. Кремлева. Сложность душевныхъ движеній онъ замѣняетъ пусто-звонкой реторикой, цѣлыми потоками крикливыхъ, но нисколько не страстныхъ словъ, которыя ничего не освѣщаютъ, а только назойливо повторяютъ на всѣ лады одно и то же односложное чувство. Все это очень болтливо, и въ довершеніе переложено въ стихи, убійственныя по прозаичности и скукѣ. И, разумѣется, на всякой страницѣ—монологи наединѣ въ высокомъ трагическомъ стилѣ.

Вотъ образчикъ діалога:

Іонадавъ.

Ты юнѣ еще, мой милый другъ, Амнонъ!
Ты не привыкъ читать у человѣка
На сердцѣ всѣ намѣренья его.
А помнишь, что̀ сказалъ Господь твой: „я
Смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ;
Онъ смотритъ на лицо, Господь же смотритъ
На̀ сердце“. Вотъ что̀ ты постигнуть долженъ —
А ты того еще не постигалъ!

Амнонъ.

Быть можетъ, я и юнъ, Іонадавъ,
Но только говорить съ тобой—мученье:
Боясь, чтобъ ты не хохоталъ надъ чувствомъ,
Надъ мыслью—рѣдко я тебѣ рѣшаюсь
Открыть мою и душу, и секретъ.

Это скучно и даже не очень грамотно, но это еще не худшія вирши г. Кремлева. Сплошь и рядомъ встрѣчаются стихи вродѣ слѣдующихъ: „Вотъ какая мысль мое мнѣ точитъ сердце“, „Давидъ! къ чему ему злоумышлять?“ (это Авениръ разсуждаетъ самъ съ собою); вручая передъ смертью Соломону планы будущаго храма, Давидъ говоритъ: „Въ *бумагахъ этихъ* ты найдешь всю смѣту“, и т. п. А вотъ образчикъ монолога; говоритъ Давидъ, очевидно подражая Пушкинскому Борису:

Восьмнадцать разъ уже смѣнялся годъ
Со смерти моего Авессалома —

Горячей и мятежной головы!
И только лишь теперь душой смущенной
Я понялъ, что неправъ былъ передъ нимъ...

монологъ продолжается въ томъ же родѣ на протяженіи трехъ большихъ страницъ, и онъ еще не самый длинный: Авессаломъ однажды говоритъ сплошь четыре страницы.

Въ этой „хроникѣ“ только и есть хорошаго, что эпиграфъ да двѣ прекрасныхъ головы на обложкѣ.

V.

— Архимандритъ Анатолій. Въ странѣ шамановъ. Индіане Аляски. Бытъ и религія ихъ. Одесса. 1907. Стр. XI и 139.

Эта книга составилась изъ замѣтокъ, которыя велъ авторъ, живя въ качествѣ миссіонера среди индѣйцевъ Аляски и въ ежедневномъ общеніи наблюдая ихъ бытъ и нравы. Непосредственность наблюденія и составляетъ ея главное достоинство. Этнографъ, соціологъ, историкъ религій найдетъ въ ней для себя богатые матеріалы, но и всякій мыслящій человѣкъ съ интересомъ прочитаетъ книжку арх. Анатолія, написанную живо и литературно. При своемъ небольшомъ объемѣ она чрезвычайно содержательна и, такъ сказать, дѣловита, т.-е. свободна отъ праздныхъ разсужденій; въ общемъ получается очень наглядное представленіе о внѣшней и духовной культурѣ полудикихъ обитателей Аляски.

„По долгу службы“ автора, конечно, больше всего интересовали религіозныя вѣрованія индѣйцевъ, и этому предмету посвящены едва-ли не двѣ трети книжки. Онъ исходитъ изъ гипотезы объ общемъ происхожденіи религіозныхъ вѣрованій человѣчества и прослѣживаетъ процессъ постепенной матеріализаціи у аляскинскихъ индѣйцевъ первоначальной чистой идеи Божества, идеи единаго Великаго Духа, вынесенной ими изъ азіатской пра-родины. Всю ихъ религію онъ дѣлитъ на три группы: на древнѣйшіе миѳы о богахъ и титанахъ, позднѣйшія легенды о полубогахъ и герояхъ, и вѣрованія въ загробную жизнь и духовъ, обусловливающія собою шаманство,—дѣленіе, точно соотвѣтствующее тому, что̀ открывается и при изученіи греческой религіи. Чрезвычайно цѣнны и новы свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ индѣйской миѳологіи. Она полна, разумѣется, всемірно-историческихъ отзвуковъ; очень разработаны въ ней преданія о потопѣ, рожденіи бога дѣвою, и т. п. Здѣсь есть миѳы поразительные по мощи породившей ихъ фантазіи, и есть миѳы, могущіе поспорить по нѣжности съ прекраснѣйшими миѳами Эллады. Таковъ, напримѣръ, миѳъ

о богинѣ Тлянахидукъ. Когда-то она была беззаботной, шаловливой русалкой. Она любила морочить людей—подражала крику звѣрей и птицъ, вводила въ обманъ охотника и водила его вокругъ озера, пока онъ выбьется изъ силъ и утонетъ. Такъ, шутя, погубила она много человѣческихъ душъ, и даже сестры-русалки осуждали ее за жестокость. Но вотъ однажды на берегу озера появился молодой охотникъ; настрѣлявъ дичи, онъ сѣлъ въ задумчивости на берегу и просидѣлъ до ночи, тоже и на другой, и на третій день, и всегда онъ былъ одинъ, и его красивое лицо было грустно. Рѣзвая русалка принялась за него, но всѣ ея продѣлки пропадали даромъ—онъ и не замѣчалъ ихъ. Постепенно она начала жалѣть его, прекратила свои шутки, и когда съ наступленіемъ зимы озеро покрылось льдомъ и ей нельзя было выплывать наверхъ и видѣть охотника, она сильно загрустила. Едва тронулся ледъ, она снова появилась—и скоро ея озерныя подруги узнали, что она забеременѣла отъ человѣка. Всѣ отстранились отъ нея, да и самъ охотникъ охладѣлъ къ ней, и даже однажды измѣнилъ ей; въ ссорѣ она поцарапала его, а онъ пронзилъ ей сердце ножомъ. Съ тѣхъ поръ ея духъ скитался по землѣ съ малюткой; водяные духи изгнали ее, къ человѣческимъ душамъ она не можетъ пристать. Она чувствуетъ себя виновной предъ людьми за былыя свои шалости, и теперь при всякомъ случаѣ старается имъ благодѣтельствовать. Съ принятіемъ христіанства индѣйцы, по словамъ автора, нерѣдко смѣшиваютъ эту богиню съ личностью Богоматери.

VI.

— П. Бирюковъ. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Изд. „Посредника". Москва 1903. Стр. 236.

Эта книга—не исторія духоборческаго движенія: въ ней изложены только судьбы духоборовъ за послѣднее десятилѣтіе, съ тѣхъ поръ, какъ началось гоненіе на нихъ въ Россіи, и до окончательнаго водворенія ихъ въ Канадѣ. Авторъ начинаетъ съ своего личнаго знакомства съ нѣсколькими духоборами въ 1894 году и даетъ далѣе непрерывный разсказъ, частью по собственнымъ воспоминаніямъ (подъ его руководствомъ шло ихъ устроеніе на Кипрѣ), частью прерывая повѣствованіе вставкою подлинныхъ писемъ и другихъ документовъ. То и другое придаетъ его разсказу чрезвычайную живость. Впереди помѣщена извѣстная записка о духоборахъ 1805 г., безъ сомнѣнія—лучшій источникъ для ознакомленія съ исторіей и ученіемъ этой секты; въ заключеніи приведены избранные духоборческіе псалмы. Кто и ничего не читалъ о духоборахъ, тотъ можетъ по этой книгѣ получить

достаточно ясное и полное представленіе о нихъ. Авторъ преклоняется предъ духоборствомъ, но разсказъ его сдержанъ и серьезенъ.

И дѣйствительно, явленіе это до такой степени грандіозно, что слова восхищенія, удивленія замираютъ на устахъ. Явленіе, несомнѣнно всемірно-историческаго свойства, далеко выходящее за предѣлы не только данной страны и народности, но и самаго христіанства. Можетъ быть, наше мнѣніе ошибочно, но мистическій, собственно религіозный элементъ въ духоборчествѣ кажется намъ примитивнымъ и очень запутаннымъ. Сущность и сила этого явленія—въ сферѣ нравственности, но такъ какъ оно опирается на основныя, т.-е. на глубочайшія положенія человѣческой нравственности,—на ея аксіомы, то, по свойству человѣческаго духа, не принимающаго аксіомъ недоказуемыхъ, духоборческое ученіе, какъ и всѣ нравственныя ученія въ мірѣ, кладетъ предѣлъ здѣсь, объявляя эти аксіомы божественными. Въ высшемъ смыслѣ здѣсь дѣйствительно предѣлъ: онѣ соотвѣтствуютъ природѣ вещей, онѣ дѣйствительно божественны, поскольку божество—„внутрь насъ есть". И это самое хотятъ выразить духоборы, когда, намекая на иконы, говорятъ: „Образу мы кланяемся неоцѣненному, внутрь насъ сіяющему". Но у духоборовъ есть, повидимому, и положительная метафизика или, по крайней мѣрѣ, метафизическая символика—повторяемъ, наивная и неясная.

По высотѣ идеала и, главное, по органической проникновенности духоборы стоятъ на высшей точкѣ, какой когда-либо достигало человѣчество. Ихъ идеалъ очень простъ: это—искренность и любовь, они хотятъ только быть честными и добрыми. Своей судьбою они доказали двѣ вещи: что существующій строй жизни всячески противится исполненію этого идеала,—но это и безъ нихъ было слишкомъ хорошо извѣстно: ново было другое; очевидно, что идеалъ этотъ, несмотря на все искаженіе нашей жизни, удивительно соотвѣтствуетъ духовной природѣ человѣка, такъ что осуществленіе его даетъ человѣку радость и мощь, какихъ онъ въ другомъ состояніи не находитъ. Это самое говорятъ намъ преданія о первоначальной христіанской общинѣ; но на духоборахъ міръ увидѣлъ это воочію, и этотъ наглядный урокъ міру — урокъ истиннаго, не выдуманнаго счастія — представляетъ собою безмѣрную цѣнность, бо̀льшую, нежели открытія Пастёра, Беринга и Ру. Это — тоже экспериментальное открытіе, но въ области важнѣйшей, нежели какая-либо наука, въ области, совпадающей со всей нравственной жизнью человѣчества.

Идеалъ духоборовъ такъ простъ и ясенъ, что отъ него некуда укрыться и не остается лазеекъ для мудрствующаго соблазна. Разъ воспринятый, онъ наполняетъ всего человѣка и становится въ немъ 'ворческимъ началомъ, безошибочно регулирующимъ все поведеніе,

создающимъ внѣ—красоту, внутри—миръ и радость. Читая книгу г. Бирюкова, вы на каждомъ шагу поражены удивительнымъ тактомъ, какой обнаруживаютъ духоборы въ дѣйствіи. Эти необразованные мужики изъ своего нравственнаго центра дѣйствуютъ безукоризненно, съ достоинствомъ и благородствомъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, на нашъ взглядъ поразительныхъ. Будучи посажены въ тюрьму, духоборы отказываются снять свое платье, заявляя, что оно имъ привычно и они не считаютъ нужнымъ снимать его. Ихъ раздѣваютъ насильно и даютъ арестантское платье,—они отказываются надѣть его, потому что оно имъ не нужно — у нихъ есть свое, и потому что арестантское платье считаютъ для себя неприличнымъ. Послѣ знаменитаго сожженія оружія духоборы до утра оставались на мѣстѣ сожженія въ общей молитвѣ. Утромъ пріѣхалъ нарочный съ приказомъ идти всѣмъ въ Богдановку къ губернатору. Старики отвѣтили: „Мы теперь молимся, и раньше, чѣмъ окончимъ молитву, никуда не пойдемъ, а если губернаторъ хочетъ насъ видѣть, пускай пріѣдетъ къ намъ; насъ—тысячи, а онъ одинъ“. Ни въ этомъ, ни въ первомъ случаѣ не было ни тѣни вызова или жажды мученичества,—они просто исходили изъ существа вещей и изъ чувства своего достоинства; но и интеллигенты могли бы поучиться у нихъ этому. Такъ же безошибочно дѣйствуетъ и отдѣльный изъ нихъ. Өедоръ Лебедевъ былъ заурядымъ крестьяниномъ-духоборомъ. Въ его село Родіоновку пригнали по этапу арестанта для дальнѣйшаго препровожденія. Очередь вести арестанта пала на Лебедева; онъ отказался, заявивъ, что будетъ безполезенъ, такъ какъ все равно не совершитъ надъ арестантомъ никакого насилія. Староста сказалъ, что это его не касается, и, приведя арестанта на дворъ къ Лебедеву, самъ ушелъ. „Өедоръ Лебедевъ обошелся съ арестантомъ, какъ со странникомъ; обогрѣлъ, напоилъ, накормилъ его, уложилъ спать. На другое утро, видя, что арестантъ—человѣкъ бѣдный, далъ ему на дорогу 1 р. 50 к. денегъ и предложилъ вывести изъ деревни; когда вышли за деревню, онъ показалъ ему двѣ дороги: одну—направленіе его этапнаго пути, а другую—на волю, предоставивъ выбрать ему, что̀ онъ хочетъ“ (арестантъ выбралъ первое и дошелъ по назначенію).

И такъ во всемъ: прямой человѣческій смыслъ, тактъ и благородство; если бы мы не имѣли другихъ средствъ опредѣлить цѣнность ихъ ученія,—одно это внѣшнее его проявленіе, та прекрасная, одушевленная красота, которую оно сообщаетъ человѣку, достаточно свидѣтельствуетъ о его величіи. Это ничего больше, какъ только оздоровленіе нравственнаго ядра человѣка. Сколько бы вы ни читали о духоборахъ, вы все время чувствуете, что предъ вами просто, но удивительно здоровые люди, здоровые духовно, и невозможно отдѣлаться

отъ удивленія, что это такъ просто, точно колумбово яйцо. Въ нихъ нѣтъ ни тѣни фанатизма, ни тѣни аффектаціи; славные, серьезные, добрые люди—и только. Можно сказать, что у нихъ даже вовсе нѣтъ ученія; ихъ простая человѣчность стала „ученіемъ" только во тьмѣ современной жизни.

Нельзя безъ боли и ужаса читать книгу г. Бирюкова—такъ безбожны и безчеловѣчны были гоненія, которымъ подверглись духоборы за свое „ученіе". Ихъ били до полусмерти, томили въ тюрьмахъ, разоряли постоями, мучили въ дисциплинарныхъ батальонахъ, ссылали въ Якутскую область, разселяли и разоряли безъ конца. И вотъ еще доказательство глубочайшей *нормальности* ихъ идеала: эти муки не сдѣлали ихъ фанатиками; они, какъ были просто настоящими людьми, такъ людьми и остались, и съ грустью и недоумѣніемъ ушли на другой материкъ. Поразительныя слова вырвались разъ въ письмѣ у ихъ духовнаго вождя, Петра Веригина: „Господи, вѣроятно еще долго будутъ страдать во злѣ народы! Когда всмотришься въ окружающую жизнь, то чувствуешь себя какъ во снѣ".—Невольно вспомнишь д-ра Крупова.

Гоненіе не сдѣлало ихъ изувѣрами, но оно до крайности обострило ихъ нравственное чувство, какъ и естественно. При нормальныхъ условіяхъ они, безъ сомнѣнія, не впали бы въ аскетизмъ; нравственный идеалъ безграниченъ по существу, но здоровое чутье находитъ предѣлъ, обусловленный плотскимъ началомъ въ человѣкѣ, и такимъ по преимуществу здоровымъ людямъ, какъ духоборы, всякая экзальтація осталась бы чужда. Но какъ прекрасно и самое ихъ заблужденіе! Новое движеніе началось уже въ Канадѣ, когда духоборы, намучившись неслыханнымъ образомъ, наконецъ обрѣли миръ и покой, устроились, зажили нормальной жизнью и начали благоденствовать. Тутъ-то и началось: „вотъ съ чего оно началось: что люди много думали и говорили о томъ, что незаконно они живутъ". Стали говорить о томъ, что вотъ-де хотимъ жить безъ насилія, а пашемъ на лошадяхъ, мяса не хотимъ ѣсть, а негодный для молока скотъ продаемъ на убой и покупаемъ шкуры для покрытія своего тѣла, люди для насъ работаютъ въ рудникахъ, и пр. и пр. И вотъ, продали весь скотъ и деньги отдали эмиграціонному агенту, перестали употреблять металлическія вещи, и т. д. Въ концѣ концовъ движеніе приняло экстатическую форму (около 2.000 человѣкъ, неся больныхъ, стариковъ и дѣтей на носилкахъ, двинулись изъ села въ село, питаясь зернами и ягодами и зовя всѣхъ съ собой „на брачный пиръ") и потребовало вмѣшательства канадскихъ властей. Въ это время прибылъ наконецъ въ Канаду, послѣ пятнадцатилѣтней ссылки, Петръ Веригинъ. Весело читать, съ какимъ вѣрнымъ и прямымъ чутьемъ онъ

разрѣшилъ эти вопросы: „лошадь,—сказалъ онъ,—добываетъ не только пшеницу для человѣка, но и овесъ для себя; человѣкъ для нея коситъ и убираетъ сѣно, строитъ конюшню; тутъ выгода взаимная: давайте,—закончилъ онъ,—смотрѣть на дѣло такъ: лошади—наши соработники, пусть будутъ они также членами нашей общины". Что же касается скота, предназначаемаго въ продажу, то и онъ согласился, что продавать его мяснику—нехорошо, но предложилъ отдавать его бѣднымъ земледѣльцамъ-эмигрантамъ.

Навѣки печально, что духоборы ушли изъ Россіи: пусть бы они въ нашей странѣ свѣтили кругомъ, какъ яркое пламя правды и человѣчности. Они свѣтятъ, конечно, и въ Канадѣ, но тамъ заразительность ихъ примѣра слабѣе среди чуждыхъ имъ народностей. Мы вѣримъ, что они еще вернутся, а пока пусть всякій, кто сознательно болѣетъ зломъ міра или кто мучится собственной неудовлетворенностью, читаетъ объ ихъ жизни и страданіяхъ. Легче становится на душѣ, когда вспомнишь о нихъ.—М. Г.

VII.

— П. Кропоткинъ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Спб. 1907.

Когда Дарвинъ производилъ свои геніальныя изслѣдованія, разъяснявшія процессъ образованія видовъ растеній и животныхъ и обрабатывалъ многочисленныя сочиненія, въ которыхъ придавалъ такое важное значеніе борьбѣ между индивидуумами изъ-за средствъ существованія — онъ не считалъ, что эта борьба составляетъ единственный факторъ эволюціи, а въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ прямо указывалъ на безчисленные факты замѣны борьбы за существованіе между членами животныхъ обществъ ихъ коопераціей и даже высказывалъ мнѣніе, что „тѣ общества, которыя содержатъ наибольшее число сочувствующихъ другъ другу членовъ, будутъ наиболѣе процвѣтать и оставятъ по себѣ наибольшее потомство". Эта мысль, однако, была совершенно игнорирована послѣдующими дарвинистами, разсматривавшими дарвиновскую „борьбу за существованіе" исключительно какъ борьбу между индивидуумами и перенесшими идею этой борьбы въ человѣческія общества, провозгласивъ ее, какъ единственный факторъ совершенствованія не только въ царствѣ животныхъ, но и въ развитіи человѣка. „Безпощадную борьбу изъ-за личныхъ выгодъ они возвели на высоту принципа, закона всей біологіи, которому человѣкъ обязанъ подчиняться,—иначе онъ погибнетъ въ этомъ мірѣ, основанномъ на взаимномъ уничтоженіи". Нѣкоторые

отдѣльные эволюціонисты не поддались, однако, общему увлеченію, а русскій зоологъ, Кесслеръ, высказалъ даже въ 1880 г., что, кромѣ закона борьбы за существованіе въ узкомъ смыслѣ этого слова, „есть другой законъ, который можно назвать *закономъ взаимной помощи*, который, по крайней мѣрѣ по отношенію къ животнымъ, едва-ли не важнѣе закона борьбы за существованіе". Это мнѣніе совпало съ общимъ настроеніемъ мысли извѣстнаго русскаго географа и соціолога (и, прибавимъ, эмигранта) Кропоткина, усумнившагося въ исключительности значенія борьбы за существованіе еще во время своихъ географическихъ изслѣдованій Восточной Сибири въ началѣ 70-хъ годовъ. Мнѣніе столь авторитетнаго ученаго, какъ Кесслеръ, дало толчокъ развитію взглядовъ г. Кропоткина, и онъ рѣшилъ (и былъ поддержанъ въ этомъ извѣстнымъ натуралистомъ, В. Бэтсомъ) написать сочиненіе, устанавливающее важность взаимной помощи, какъ фактора эволюціи, „оставляя дальнѣйшимъ изслѣдователямъ задачу о происхожденіи инстинктовъ взаимной помощи въ природѣ". Переводъ этого сочиненія (съ латинскаго языка) подъ редакціей и съ дополненіями автора и составляетъ предметъ настоящей замѣтки.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ разсмотрѣнія взаимопомощи у безпозвоночныхъ животныхъ и заканчиваетъ современными намъ движеніями въ цивилизованныхъ и человѣческихъ обществахъ. Изслѣдованіе фактовъ зоологическаго міра приводитъ его къ заключенію, что „ассоціаціи встрѣчаются въ животномъ мірѣ на всѣхъ ступеняхъ эволюціи... и по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся по лѣстницѣ эволюціи, мы видимъ, какъ ассоціація теряетъ чисто физическій характеръ (обусловливаемый физіологическою структурою у пчелъ и муравьевъ), перестаетъ быть просто инстинктивной и становится обдуманной" (стр. 64). Результатомъ же развитія ассоціаціи является то, что виды животныхъ слабыхъ и плохо вооруженныхъ для индивидуальной борьбы за существованіе оказываются побѣдителями въ этой борьбѣ и наибольшее распространеніе по территоріи земного шара имѣютъ не индивидуально-сильные, а сравнительно слабые, но хорошо организованные въ общества виды животныхъ. Жизнь обществами, поэтому, не только не представляетъ исключеніе въ животномъ мірѣ, но „является общимъ правиломъ, закономъ природы" (стр. 63).

Соперничество, или, какъ предпочитаетъ выражаться авторъ, состязаніе между индивидуумами одного вида, не только не составляетъ высшаго закона природы, какъ думаютъ дарвинисты, но, напротивъ того, природа какъ бы предостерегаетъ отъ широкаго его примѣненія и говоритъ: „Избѣгайте состязанія! оно всегда вредно для вида, и у васъ имѣется множество средствъ избѣжать его!.. Объединяйтесь, практикуйте взаимную помощь... она является лучшей гарантіей для

существованія и прогресса физическаго, умственнаго и нравственнаго! Вотъ чему учитъ насъ Природа; и этому голосу вняли тѣ животныя, которыя достигли наивысшаго положенія въ соотвѣтственныхъ классахъ. Этому же велѣнію природы подчинился и человѣкъ, и лишь вслѣдствіе этого онъ достигъ того положенія, которое мы занимаемъ теперь" (стр. 86—87).

Многіе соціологи, и въ числѣ ихъ Спенсеръ, допускали важность взаимопомощи среди животныхъ, но отрицали его по отношенію къ первобытному человѣку, полагая, что преобладающимъ закономъ жизни послѣдняго была „война каждаго противъ всѣхъ". Это мнѣніе не выдерживаетъ критики уже потому, что въ естественномъ состояніи человѣкъ слишкомъ слабъ самъ и слишкомъ слабо вооруженъ природой для того, чтобы успѣшно бороться съ другими животными за мѣсто на землѣ, и еще Дарвинъ замѣтилъ, что эти его свойства съ избыткомъ уравновѣшивались его умственными способностями и общественными качествами, въ силу которыхъ онъ подавалъ помощь своимъ собратьямъ и получалъ ее отъ нихъ. Многочисленныя же наблюденія показали, что не только первобытный человѣкъ не жилъ въ одиночку или небольшими семьями, но что естественнымъ его состояніемъ было стадное существованіе, при которомъ „онъ отождествляетъ свое собственное существованіе съ жизнью своего рода", и въ которомъ „правило: каждый за всѣхъ (въ предѣлахъ, конечно, своего рода)— царствуетъ безусловно". „Въ теченіе многихъ тысячелѣтій родовой строй служилъ для объединенія людей, хотя въ немъ не имѣлось рѣшительно никакой власти, чтобы сдѣлать его принудительнымъ". Человѣкъ, такимъ образомъ, не составляетъ исключенія въ природѣ. Онъ также подчиненъ великому началу взаимной помощи, которая обезпечиваетъ наилучшіе шансы выживанія только тѣмъ, кто оказываетъ другъ другу наибольшую поддержку въ борьбѣ за существованіе" (стр. 126).

Когда въ первоначальномъ родовомъ быту, не знавшемъ ни личныхъ брачныхъ узъ, ни личной собственности, начали создаваться отдѣльныя семьи, а это вело къ индивидуальному накопленію богатствъ и власти, то родовому быту пришелъ конецъ, а его мѣсто въ дѣлѣ объединенія людей заняла деревенская община, признавшая частное накопленіе движимаго богатства и общественное владѣніе землей. У людей „выработалось представленіе объ общей территоріи, пріобрѣтенной ими и защищаемой ихъ общими усиліями, и это представленіе заступило мѣсто угасшаго уже представленія объ общемъ происхожденіи" (стр. 131). „Этотъ новый строй, выросшій естественнымъ путемъ изъ родового, позволилъ варварамъ пройти черезъ самый смутный періодъ исторіи, не разбившись на отдѣльныя семьи, кото-

рыя неизбѣжно погибли бы въ борьбѣ за существованіе", и достигнуть такого высокаго состоянія—экономическаго, умственнаго и нравственнаго,—„что когда, позднѣе, начали слагаться государства, они просто завладѣли, въ интересахъ меньшинства, всѣми юридическими, экономическими и административными функціями, которыя деревенская община уже отправляла на пользу всѣхъ" (стр. 161).

Народныя массы всегда отличались миролюбивымъ характеромъ, и этимъ, между прочимъ, по мнѣнію автора, объясняется ихъ порабощеніе, такъ какъ „самое миролюбіе человѣка было причиной спеціализаціи военнаго ремесла", а вооруженный классъ общества легко могъ поработить невооруженныя массы, и въ результатѣ получилось „рабство и всѣ войны государственнаго періода въ исторіи человѣчества" (стр. 148). Но въ то время, когда Европа, „подпавшая подъ власть тысячи мелкихъ правителей, шла прямо къ установленію такихъ деспотическихъ государствъ, какія слѣдовали за варварской стадіей въ предыдущія эпохи цивилизаціи... жизнь въ Европѣ приняла новое направленіе... Съ единодушіемъ, которое кажется намъ теперь почти непонятнымъ, городскія поселенія, вплоть до самыхъ маленькихъ посадовъ, начали свергать съ себя иго своихъ свѣтскихъ и духовныхъ господъ" (стр. 170). Городская община, развившаяся изъ деревенской, и дала новыя формы ассоціаціи и взаимопомощи, наложившія глубокій отпечатокъ на великую культуру среднихъ вѣковъ. Основной ячейкой этой организаціи были братства, дружества, гильдіи, возникавшія всюду, „гдѣ только появлялась группа людей, объединенныхъ какимъ-нибудь общимъ дѣломъ". Гильдія была ассоціаціей для взаимной поддержки и для утвержденія правосудія, при чемъ въ дѣло суда она вводила братскій элементъ вмѣсто формальнаго, составляющаго характерную черту суда государственнаго. Лица, входившія въ гильдіи, по профессіямъ, въ то же время объединялись въ терроторіальные союзы, составлявшіе части города, который былъ въ свою очередь союзной единицей болѣе высокаго порядка. Города стремились затѣмъ къ взаимному соединенію въ еще болѣе широкія организаціи. Средневѣковый городъ не былъ, слѣдовательно, лишь политическимъ союзомъ. „Онъ представлялъ попытку организаціи тѣснаго союза для цѣлей взаимопомощи, для потребленія и производства и для общительной жизни вообще, предоставляя въ то же время полную свободу для проявленія созидательнаго генія каждой отдѣльной группы людей въ области искусства, ремеслъ, науки, торговли и политическаго строя" (стр. 193). Результатомъ этого гармоническаго сочетанія личнаго творчества и коллективной работы въ различныхъ областяхъ жизни была та высокая культура средневѣковья, которая удивляетъ нашихъ современниковъ. Очень характернымъ г. Кропоткинъ считаетъ то обстоя-

тельство, что наивысшаго развитія въ эту эпоху достигла архитектура—искусство по преимуществу общественное, при чемъ въ большинствѣ случаевъ появленіе средневѣковыхъ сооруженій, вызывающихъ наше восхищеніе, не связывается съ именемъ какого-либо архитектора. И они, дѣйствительно, не были произведеніемъ единоличнаго генія; они воздвигались массою участниковъ, сообща вырабатывавшихъ и общій планъ, и всѣ детали, и лично выполнявшихъ работы. Средневѣковая архитектура была велика еще потому что „она являлась выраженіемъ великой идеи. Подобно греческому искусству, она возникла изъ представленій о братствѣ и единствѣ, воспитываемыхъ городомъ" (стр. 217). Какъ велики были культурные результаты дѣятельности свободныхъ городскихъ общинъ, можно судить, сравнивая время, когда пали свободные города, съ предшествующей эпохой ихъ цвѣтущаго состоянія. „Дороги пришли въ упадокъ, города опустѣли, свободный трудъ превратился въ рабство, искусства заглохли, даже торговля пришла въ упадокъ" (стр. 215).

Главы, посвященныя средневѣковымъ городамъ, составляютъ наиболѣе интересную часть труда г. Кропоткина. На послѣдующихъ страницахъ онъ входитъ въ область новѣйшихъ проявленій идеи взаимопомощи въ тѣхъ многочисленныхъ и многообразныхъ союзахъ, которыми объединяется въ настоящее время трудовой народъ, и которыхъ авторъ могъ только коснуться, а не изслѣдовать. Этимъ союзамъ, какъ извѣстно, посвящена огромная литература; и если бы такое же богатство матеріаловъ осталось отъ предшествующихъ проявленій идеи взаимопомощи—автору не пришлось бы доказывать важное значеніе ея въ исторіи человѣчества. Но древніе лѣтописцы не считали интересными обыденныя проявленія жизни массъ, а заносили на страницы своихъ сказаній явленія необычныя, бѣдствія, постигавшія ихъ современниковъ, описанія войнъ и ихъ героевъ. „Вслѣдствіе этого, даже тѣ историки, которые приступали къ изученію прошлаго съ наилучшими намѣреніями, безсознательно рисовали изуродованную картину того времени, которое они стремились изобразить. И для того, чтобы возстановить дѣйствительное отношеніе между борьбой и единеніемъ, мы обязаны теперь заняться детальнымъ анализомъ мелкихъ фактовъ и блѣдныхъ указаній, случайно сохранившихся въ памятникахъ прошлаго, объяснить ихъ съ помощью сравнительной этнологіи; и послѣ того, какъ мы столько наслышались о томъ, что̀ раздѣляло людей—возсоздать камень за камнемъ тѣ общественныя учрежденія, которыя объединяли ихъ. Вѣроятно, уже недалеко то время, когда всю исторію человѣчества придется написать сызнова, принимая въ разсчетъ оба только-что указанныя теченія человѣческой жизни и оцѣнивая роль, которую каждое изъ нихъ сыграло въ эво-

люціи" (стр. 128). Этой цитатой мы закончимъ нашу замѣтку, выразивъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что цитируемый нами трудъ русскаго ученаго за-границей обратитъ на себя то вниманіе читателя, какого онъ по справедливости заслуживаетъ.

VIII.

— Пр.-доц. Ал. Билимовичъ. Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи. Кіевъ. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ можно усмотрѣть и изъ заглавія этой книги, авторъ поставилъ себѣ цѣлью разсмотрѣть законодательство о нашихъ землеустроительныхъ коммиссіяхъ съ точки зрѣнія очередныхъ землеустроительныхъ задачъ, какъ онѣ понимаются г. Билимовичемъ. Понимаются же эти задачи и оцѣниваются средства ихъ выполненія соотвѣтственно тому, какъ онѣ возникали, понимались и выяснялись въ Германіи. Воззрѣнія г. Билимовича совпадаютъ въ этомъ отношеніи съ воззрѣніями современнаго правительства, подобно тому, какъ и „программа нашихъ землеустроительныхъ коммиссій довольно точно совпадаетъ съ теперешними функціями прусскихъ генеральныхъ коммиссій" (стр. 17). Совпаденіе это не случайно. „Какъ въ освобожденіи крестьянъ мы *поползли* за Западной Европой, хотя провели эту соціальную реформу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ наши сосѣди, такъ и въ ликвидаціи стараго аграрнаго устройства мы вступаемъ на тотъ путь, который уже цѣликомъ прошли западно-европейскія государства. Тамъ ростъ населенія и развитіе путей сообщенія и промышленности сдѣлали необходимымъ переходъ къ интенсивнымъ системамъ сельскаго хозяйства, а для этого нужно было созданіе свободныхъ хозяйствъ: точно также и у насъ аналогичныя измѣненія въ народной жизни привели къ необходимости тѣхъ же мѣръ" (стр. 18—19). Интересно и характерно для автора выраженіе, что въ экономическихъ реформахъ намъ предстоитъ лишь „ползти" за Европой. Г. Билимовичъ такъ увѣренъ въ универсальности не только общихъ задачъ хозяйственнаго развитія, — въ Европѣ выдвинувшихся раньше, чѣмъ въ Россіи,—но и конкретныхъ средствъ, при помощи которыхъ они тамъ осуществлялись, что считаетъ себя уволеннымъ отъ обязанности изученія такихъ, напр., грандіозныхъ явленій народнаго быта, какъ общинное владѣніе землей, и высоко поучительнаго процесса приноровленія этого, даннаго прошлой жизнью, института къ выполненію задачъ, выдвигаемыхъ новѣйшимъ хозяйственнымъ развитіемъ. Русская земельная община для автора есть лишь запоздалый пережитокъ чего-то, давно и справедливо упраздненнаго на Западѣ, и подлежитъ

такому же упраздненію въ Россіи. Русская община для г. Билимовича „выросла изъ родовой связи членовъ, долгое время покоилась на ней и была необходима для первоначальной борьбы съ природой". Эта архаическая, никому фактически невѣдомая община только и извѣстна автору. „Но это время давно прошло", справедливо замѣчаетъ авторъ. Борьба съ природой — будемъ продолжать то, что должно бы слѣдовать за приведенной фразой г. Билимовича — смѣнилась борьбой между людьми за обладаніе отвоеваннымъ у нея полемъ для приложенія труда, и какъ результатъ этой борьбы явились уравнительные передѣлы земли — самый характерный фактъ русской общины. Объ этомъ авторъ могъ бы узнать изъ многочисленныхъ изслѣдованій общины, если бы его интересовали вопросы русской жизни сами по себѣ, а не то, какъ мы „полземъ" за Европой.

Настали опять новыя времена, и передъ бѣднымъ, невѣжественнымъ и страдающимъ отъ малоземелья крестьяниномъ поставленъ былъ вопросъ о болѣе интенсивныхъ системахъ хозяйства. Какъ онъ справляется съ этой задачей, — для облегченія которой написана и книжка г. Билимовича,—автору извѣстно лишь изъ описанной г. Кафодомъ попытки крестьянъ западной полосы, путемъ разселенія хуторами, „ползти" въ этомъ отношеніи за Западной Европой. Но его совершенно не интересуетъ весьма широкое движеніе разрѣшать задачу усовершенствованія хозяйства общиннымъ путемъ, подвигающимъ впередъ и многоземельнаго, и малоземельнаго, и сильнаго, и слабаго, и умнаго, и глупаго,—движеніе, вызвавшее у одного изъ интеллигентныхъ его пособниковъ замѣчаніе, что разъ община „попадетъ на новый путь, то вдругъ сразу прорвется и пойдетъ впередъ съ неудержимой силой, безпощадно ломая и коверкая старый порядокъ" (Зубрилинъ),—движеніе, далеко обогнавшее наличность культурныхъ силъ общества и въ главной его части остающееся поэтому безъ направляющаго руководительства науки. Заявленіе г. Билимовича о томъ, что ему извѣстны лишь „отдѣльные случаи введенія хозяйственныхъ улучшеній при общинномъ землевладѣніи" и вызваны они „исключительными условіями"—съ очевидностью доказываетъ, поэтому, что автору чуждъ интересъ къ процессамъ эволюціи крестьянскаго хозяйства въ Россіи, разъ только оно не „ползетъ" по нѣмецкимъ слѣдамъ. И утвержденіе автора, будто бы „исторія русскаго общиннаго землевладѣнія показала несовмѣстимость его съ прогрессомъ земледѣлія" и для осуществленія послѣдняго необходимо созданіе ни отъ кого независящихъ индивидуальныхъ хозяйствъ—мы можемъ поэтому безъ обиняковъ считать плодомъ незнакомства съ русскимъ хозяйственнымъ бытомъ, съ одной стороны, и одностороннихъ увлеченій—съ другой. Автору, конечно, извѣстно, что, вступая въ кооперативные

союзы, „свободный“ мелкій хозяинъ на Западѣ сплошь и рядомъ вынужденъ подчиняться наставленіямъ посторонних для него лицъ относительно, напр., кормленія и содержанія своего скота. И если это ограниченіе хозяйственной свободы имѣетъ послѣдствіемъ увеличеніе производительности, то не получится ли такой же результатъ вслѣдствіе постановленія русской общины (прибавимъ, большею частью единогласнаго) о переходѣ, напр., отъ трехполья къ шестиполью съ посѣвомъ на поляхъ травъ. Можно отдавать преимущество свободной коопераціи передъ принудительной, но утверждать, вопреки многимъ тысячамъ фактовъ, что общинный строй „*совершенно* не отвѣчаетъ требованіямъ современнаго хозяйства“ (стр. 6), значитъ—отдавать предпочтеніе доктринерству невысокаго пошиба передъ анализомъ дѣйствительности.

Столь же мало вниманія удѣлилъ авторъ изслѣдованію русской дѣйствительности и въ вопросѣ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель. Главу, посвященную этому предмету, авторъ, къ сожалѣнію, начинаетъ мало приличной и совершенно несправедливой выходкой по адресу Государственной Думы (первой или второй — не говорится), „цѣлый рядъ ораторовъ“ которой, будто бы, „не стѣсняясь старался поддержать усиленными подговорами крестьянъ къ насильственному захвату земель и рагрому помѣщичьихъ усадебъ“, и мало умѣстными упреками городской буржуазіи, будто-бы поддерживающей требованіе принудительнаго отчужденія въ убѣжденіи, „что волна принудительнаго отчужденія остановится на дворянскомъ землевладѣніи и покорно уляжется у предѣловъ города“. „А городскія „латифундіи“, многоэтажные дома, фабрики, заводы, торговыя предпріятія, банки, хранящіяся въ нихъ цѣнности?“—пугаетъ буржуазію авторъ. „Или городская бѣднота нуждается во всемъ этомъ меньше, нежели крестьянская бѣднота въ землѣ?“ (стр. 39). Такія вульгарныя выходки врядъ ли служатъ къ украшенію серьезной книги.

Уподобивъ стремленіе крестьянъ обезпечить себѣ средство честно трудиться на землѣ грабительскимъ инстинктамъ бѣдноты, зарящейся на цѣнности, хранящіяся въ банкахъ,—г. Билимовичъ, къ удивленію, вслѣдъ за Вагнеромъ, признаетъ, что принципіально нельзя ничего возразить противъ принудительнаго отчужденія земель крупныхъ собственниковъ въ пользу малоземельныхъ крестьянъ. Если же онъ, тѣмъ не менѣе, отвергаетъ это средство разрѣшенія крестьянскаго вопроса, то лишь потому, что той же цѣли „улучшенія распредѣленія землевладѣнія“ можно достигнуть „облегченной покупкой у добровольныхъ продавцовъ. Эту задачу должны выполнить крестьянскій банкъ и недавно созданные органы, на которые возложено руководство этими покупками“. Столь рѣшительное утвержденіе по основному вопросу

современной аграрной политики авторъ основываетъ не на сколько-нибудь солидныхъ изслѣдованіяхъ нашихъ аграрныхъ отношеній и затрудненій, а на нѣсколькихъ цифрахъ, извлеченныхъ изъ чужой статьи, и на отношеніи къ вопросу о принудительномъ отчужденіи аграрныхъ политиковъ въ Германіи. Если въ Германіи „даже для восточныхъ провинцій Пруссіи не ставится вопросъ о принудительномъ отчужденіи, а думаютъ помочь злу рентнымъ банкомъ и покупкой, то не странно ли требовать во что бы то ни стало его намъ, при меньшей неравномѣрности въ распредѣленіи земельной собственности, возможности болѣе широкой дѣятельности крестьянскаго банка, отдачѣ крестьянамъ части удѣльныхъ и казенныхъ имѣній и обиліи (?) пустыхъ земель для переселенія" (стр. 59—60). Въ этомъ уподобленіи задачъ аграрной политики Германіи,—гдѣ земледѣльческое населеніе сокращается и весь приростъ сельскаго населенія находитъ обезпечивающій его заработокъ въ быстро-развивающейся промышленности,—и Россіи, гдѣ большая часть прироста сельскаго населенія вынуждена тѣсниться на землѣ и безъ мѣры дробить земельные участки — болѣе, кажется, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, проявляется отчужденіе автора отъ того, что̀ совершается въ хозяйственной жизни нашей страны.

Мы остановились на той части книги г. Билимовича, которая посвящена обоснованію его точки зрѣнія на задачи землеустроительнаго дѣла въ Россіи. Другая часть разсматриваемаго труда заключается въ разборѣ нашего землеустроительнаго законодательства, и въ этой части читатель найдетъ не мало дѣльныхъ замѣчаній о новыхъ землеустроительныхъ законахъ.

IX.

— Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ. Годъ первый. Спб. 1907.

Статистическія данныя, касающіяся различныхъ сторонъ народной жизни, интересуютъ теперь не только спеціалистовъ, но и обыкновеннаго читателя, не остающагося равнодушнымъ къ тому, что̀ совершается въ нашемъ отечествѣ, и вѣрящаго, что общественному мнѣнію предстоитъ играть болѣе видную, нежели ранѣе, роль въ процессѣ общественныхъ преобразованій. Книгоиздатели откликаются на эту вновь возникшую потребность, и нашъ журналъ отмѣтилъ уже нѣсколько изданій, заключающихъ исключительно таблицы статистическихъ матеріаловъ. Частнымъ издателямъ, однако, затруднительно составлять статистическіе справочники на основаніи первоначальныхъ, болѣе надежныхъ матеріаловъ, и они широко пользуются сводными

изданіями различныхъ вѣдомствъ, болѣе или менѣе уже устарѣвшими. Было бы, поэтому, очень желательно, чтобы такія сводныя оффиціальныя изданія появлялись періодически, отвѣчая при этомъ за возможную достовѣрность заключающихся въ нихъ данныхъ, потому что не всѣ наши правительственныя статистическія учрежденія стоятъ на высотѣ своего призванія. Въ этомъ отношеніи полезную роль могъ бы сыграть совѣтъ изъ представителей статистическихъ отдѣленій различныхъ нашихъ правительственныхъ учрежденій. Онъ могъ бы установить сравнительную цѣнность имѣющихся оффиціальныхъ статистическихъ матеріаловъ, выработать програму и взять на себя редакцію статистическаго ежегодника и доставлять для него свѣжіе, еще не опубликованные матеріалы. Мы полагаемъ, что рано или поздно такое изданіе будетъ осуществлено; а пока мы имѣемъ передъ собой, предпринятый отдѣломъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики, статистическій ежегодникъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, составляющій предметъ настоящей замѣтки.

Разсматриваемое изданіе составлено по очень широкой програмиѣ, обнимающей не только собственно сельское хозяйство, но и техническую переработку продуктовъ послѣдняго, кредитъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, дѣятельность крестьянскаго и дворянскаго банковъ, мелкій кредитъ и т. п. Въ отдѣлѣ внѣшней торговли приводятся свѣдѣнія не только о сельско-хозяйственныхъ продуктахъ, но и о земледѣльческихъ орудіяхъ, удобреніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, представляющихъ интересъ съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства. Свѣдѣнія даются за цѣлый рядъ лѣтъ и распредѣляются, гдѣ это возможно, по губерніямъ. Для иностранныхъ государствъ даются свѣдѣнія объ урожаяхъ главнѣйшихъ хлѣбовъ, ввозѣ ихъ и вывозѣ, о хмелеводствѣ, шелководствѣ; производствѣ вина и сахара, о цѣнахъ хлѣбовъ въ немногихъ портахъ. Какъ видитъ читатель, эти свѣдѣнія до извѣстной степени случайны, и остается непонятнымъ, почему въ разсматриваемомъ изданіи отсутствуютъ свѣдѣнія о скотоводствѣ, о посѣвѣ и урожайности хлѣбовъ въ иностранныхъ государствахъ, о ихъ внѣшней торговлѣ молочными и мясными продуктами, представляющія, между прочимъ, тотъ интересъ, что ими выясняется объемъ спроса міровово рынка на привозные товары, въ поставкѣ которыхъ рекомендуется, какъ извѣстно, принять энергичное участіе и нашей странѣ. Для Россіи тоже желательно было бы имѣть свѣдѣнія, напр., о водныхъ и желѣзнодорожныхъ перевозкахъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и о ввозѣ и вывозѣ хлѣбовъ въ предѣлы и за предѣлы отдѣльныхъ губерній, подобныя тѣмъ, какія помѣщаются въ „Ежегодникѣ Министерства Финансовъ“. Въ виду отсутствія ежегодныхъ свѣдѣній о муко-

мольномъ производствѣ — только по даннымъ о перевозкѣ муки и можно судить о колебаніяхъ мукомольнаго дѣла въ разныхъ раіонахъ. Для внѣшней торговли Россіи въ разсматриваемомъ изданіи приводятся подробныя свѣдѣнія по государствамъ, съ поясненіемъ, значительно подрывающимъ ихъ значеніе, и не указывается, какъ распредѣляются экспортируемые хлѣба по главнѣйшимъ пограничнымъ участкамъ. Намъ кажется, что кромѣ текущихъ свѣдѣній въ разсматриваемомъ изданіи было бы полезно помѣщать нѣкоторыя данныя основного характера, вродѣ распредѣленія по угодьямъ земель въ Россіи и заграницей. Въ предисловіи, впрочемъ, редакція замѣчаетъ, что данный, первый годъ изданія выполненъ не съ тою полнотою, съ какою это желательно, и что недостатки по возможности будутъ исправляться въ слѣдующихъ выпускахъ.

Разсматриваемое изданіе не представляется неуязвимымъ и со стороны критическаго отношенія къ нѣкоторымъ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ. Такъ, извѣстно, что культура льна въ черноземныхъ губерніяхъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, цѣль полученія сѣмени, а въ нечерноземныхъ — волокна. Но центральный статистическій комитетъ, издающій свѣдѣнія объ урожаѣ хлѣбовъ, игнорируетъ это обстоятельство и на основаніи получаемыхъ имъ данныхъ о площади посѣва и сбора сѣмени и волокна съ десятины опредѣляетъ для каждой губерніи, сколько получилось бы въ ней льняного сѣмени и льняного волокна, если бы весь посѣвъ этого растенія былъ использованъ одновременно и для полученія сѣмени, и для полученія волокна, и итоги этихъ ариѳметическихъ упражненій помѣщаетъ въ соотвѣтствующія рубрики, какъ дѣйствительные результаты мѣстнаго льноводства. Получаются совершенно фантастическія цифры, упорно сохраняемыя названнымъ учрежденіемъ, несмотря на неоднократныя указанія частныхъ и оффиціальныхъ статистиковъ на нераціональность практикуемаго имъ пріема исчисленія урожая льна. Эти-то фантастическія цифры перенесены и въ разсматриваемое нами изданіе. Указанный случай, прибавимъ кстати, наглядно показываетъ насколько было бы полезно участіе въ оффиціальныхъ статистическихъ публикаціяхъ совѣта представителей всѣхъ статистическихъ правительственныхъ учрежденій. Въ такомъ совѣтѣ, безъ сомнѣнія, было бы обращено вниманіе на выше указанный недостатокъ регистраціи урожаевъ масличныхъ растеній и выработанъ болѣе раціональный для того пріемъ.

Желательно, чтобы въ послѣдующихъ выпускахъ изданія Отдѣла сельской экономіи были сдѣланы нѣкоторыя дополненія редакціоннаго характера, вродѣ, напр., указаній, къ какому моменту времени относятся свѣдѣнія о русскомъ виноградарствѣ, подведенія итоговъ въ

отдѣлѣ о винокуренной промышленности по раіонамъ, принятымъ для отдѣла о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣбовъ, и т. п.—В. В.

Въ теченіе декабря мѣсяца истекшаго года въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анненская, А. Н. — Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Изд. 3-ье. Спб. 908. Ц. 50 к.

Бальмонтъ, К. — Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Баулинъ, А.—Думы и пѣсни. Спб. 907.

Блюменау, Ал.—„Amores". Стихотворенія. М. 907. Ц. 1 р.

Бирюковъ, П., составит.—Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ приложеніемъ рис. и избранныхъ духоборческихъ псалмовъ. М. 908. Ц. 1 р.

Брюсовъ, Валерій. — Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. I. М. 908. Ц. 2 р.

Бѣляевъ, Юр.—„Въ нѣкоторомъ царствѣ"... Спб. 907. Ц. 1 р.

Вахтина, И.—Рефераты по женскому вопросу, читанные въ Клубѣ женской прогрессивной партіи. Спб. 908. Ц. 8 коп.

Веселовскій, Ю. А.—Трагедія дѣтской души. М. 907. Ц. 55 к.

Волгинъ, А.—Объ арміи. Изд. 2-е. Спб. 907. Ц. 20 к.

Глинскій, Б. Б. — Борьба за конституцію. 1612—1861 гг. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. Спб. 908. Изд. Н. П. Карбасникова. Стр. IX + 619. Ц. 3 р. 50 к.

Дмитріева. — Малышъ и Жучка. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Изд. 3-ье Спб. фребелевскаго общества. Спб. 908. Ц. 50 к.

Жоресъ, Жанъ. — Соціалистическая исторія (1789—1900). Т. I: Учредительное собраніе (1789—1791). Перев. Е. Бартеневой, М. Львовой и Н. Тютчева. Спб. 908. Ц. 2 р.

Карабчевскій, Н. П. — Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 2 р.

Карпентэръ, Эд.—Цивилизація, ея причина и излеченіе, и другія статьи. Спб. 907. Ц. 80 коп.

Катранъ.—Отставной помѣщикъ. Повѣсть. Спб. 907. Ц. 50 к.

К—овъ, Н.—Земельный бытъ и общественный строй. Самобытна ли Русь? Томскъ. 907. Ц. 30 к.

Козловъ, П. К.—Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Имп. Русскаго Географическаго Общества, въ 1899—901 гг. Т. II, вып. 1: А. Н. Казнаковъ, Мои пути по Монголіи и Каму. Спб. 907.

Крашенинниковъ, Н. - Восемь лѣтъ. Воспоминанія о гимназіи. М. 907.

Кубе, Ѳ. Н.—Программа исторіи философіи права, по лекціямъ В. Н. Сперанскаго. Спб. 907. Ц. 30 к.

Лафаргъ, П.—Изъ исторіи соціализма во Франціи. Перев. Н. Михайловой. Спб. 908. Ц. 25 к.

Леметръ, Жюль. — Серенусъ. Исторія мученика. Съ франц. Ю. Бромлей. М. 908. Ц. 1 р.

Македоновъ, П.—Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ экземпляровъ листовъ переписи 1897 года. Екатеринодаръ. 907.

Масловъ, П. — Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. I: Условія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Мережковскій, Д.—Вѣчные спутники. Монтень и Флоберъ. 3-ье изд. Спб. 908. Ц. 30 к.

——— Кальдеронъ и Сервантесъ. 3-ье изд. Спб. 907. Ц. 30 к.

Никитинъ, В. — Геологическія изслѣдованія центральной группы дачъ верхъ-исетскихъ заводовъ, равдинской дачи и мурзинскаго участка. Вып. I: Текстъ. Вып. II: Таблицы и Карты. Спб. 907.

Никоновъ, Б. — Въ стѣнахъ гимназіи. Очерки школьной жизни. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Нѣмоевскій, А.—Изъ-подъ пыли вѣковъ. II. Ашуръ и Муцуръ. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Погодинъ, А. Л. — Главныя теченія польской политической мысли (1863—1907). Спб. 907. Ц. 3 р.

Рожковъ, Н. — Отъ самовластія къ народовластію. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. Спб. 908. Ц. 1 р.

Рвачевъ, П. — Страничка казачьей жизни. Военные и бытовые разсказы. Кн. I. Од. 907. Ц. 40 к.

Свириденко, С.—На Сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверо-германскихъ племенъ. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Святловскій, В.—Профессіональные рабочіе союзы и учрежденія, ими созданныя. 3-ье изд. Вып. I и II. Спб 908. Ц. 1 р.

Сергѣевскій, Н. Д.—Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 4-е. Спб. 908. Ц. 50 к.

Силантьевъ, А.—Одноцвѣтный или рыжеватый усачъ, вредитель деревянныхъ издѣлій на Кавказѣ. Спб. 907.

Слонимскій, Л.—Князь Бисмаркъ. Опытъ характеристики. Спб. 908. Изд. „Политич. Энциклопедіи". Стр. 101. Ц. 30 к.

Сталь, А.—Пережитое и передуманное студентомъ-врачомъ и профессоромъ. Быль. Кн. I: Студенчество. Спб. 908. Ц. 1 р. 60 к.

Трачевскій, проф. А.—Новая исторія. Т. II: 1750—1848. Спб. 908. Ц. 3 р.

Тэнъ, Ипполитъ.—Происхожденіе современной Франціи. Т. V: Новый порядокъ. Съ франц. перев. п. р. Я. Швырова. Спб. 907.

Хлопинъ, Г., и *Добровольскій*, К.—Обезвреживаніе питьевой воды посредствомъ озона, въ примѣненіи къ улучшенію водоснабженія. Съ 2 рис. Спб. 907.

Шершеневичъ, Г.—Общее ученіе о правѣ и государствѣ. М. 908. Ц. 40 к.

Шницлеръ, Артуръ.—Маріонетки. Три одноактныя пьесы. Съ нѣм. А. Будкевичъ. Спб. 908. Ц. 75 к.

Шоръ, А. С. — Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Спб. 907. Стр. XVI + 356. Ц. 1 р. 50 к.

Эбергардтъ, И. — О клѣточныхъ формахъ крови и соединительной ткани у черепахи, въ нормальномъ состояніи и при воспаленіи. Спб. 907.

Bouniation, D-r Mentor.—Wirtschaftkrisen und Ueberkapitalisation. München, 908.

——— Geschichte der Handelskrisen in England. München. 908.

— Библіотека свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей, п. р. И. Горбунова-Посадова. М. 907. Вып. 14: Трагедія дѣтской души, Ю. Веселовскаго.—Вып. 16: Отто Рюле, Дѣти пролетаріата. Съ нѣм. М. Веселовскаго.—Вып. 20: Дѣти—работника будущаго. М. 908.

— Библіотека „Просвѣщенія": № 53. Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе. Соч. Эд. Доллеана. Съ франц. Н. Суворовъ. Спб. 907. Ц. 50 к.—№ 54. Ахиллъ Лоріа, Соціализмъ и Соціальный Дарвинизмъ. Съ франц. д-ръ Е. Аркинъ. Спб. 907. Ц. 15 к. — № 55. Эдм. Виллей, Избирательное законодательство въ Европѣ. Съ франц. Н. Сорина. Спб. 907. Ц. 75 к. — № 56. Проф. Фальбекъ, Современный парламентаризмъ. Съ франц. Н. Сорина. Спб. 907. Ц. 40 к.— № 57. Фр. Мерингъ, Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха В. Съ нѣм. А. Израилитинъ. Спб. 907. Ц. 60 к.

— Вопросы теософіи. Сборникъ статей по теософіи. Вып. 1. Спб. 907.

— Врачебная Хроника Харьковской губерніи. Годъ XI. Харьк. 907.

— Ежегодникъ народной школы, п. р. В. И. Чарнолусскаго. Вып. 1-ый. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

— Живая Старина. Кн. 63. П. р. В. И. Ламанскаго. Вып: III: 1907-й годъ. Спб. 907.

— Записки Горнаго Института Имп. Екатерины II. Т. I, вып. 1.

— Исторія русской литературы, п. ред. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсянико-Куликовскаго. Т. I, вып. 1. М. 908.

— Къ вопросу о борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Спб. 907. Брошюра.

— Матеріалы для оцѣнки земель Харьковской губерніи. Старобѣльскій уѣздъ. Вып. III. Доходность крестьянской пашни. Харьк. 907.

— Отчетъ о дѣятельности московскаго общества народныхъ университетовъ съ 1906-7 гг.

— Оцѣночно-статистическое отдѣленіе Вологодской Губернской Земской Управы: 1) Матеріалы для оцѣнки земель Вологодской губерніи. Т. II: Вологодскій уѣздъ. Волог. 907. Ц. 2 р.—2) Основаніе оцѣнки недвиж. имуществъ, подлежащихъ обложенію земскими сборами. Вологод. уѣздъ. Ц. 50 к.—3) Сельско-хозяйственный обзоръ Вологодской губерніи. 1905—1906 г. Годъ V. Вып. 1: Зима и Весна. Вол. 907. Ц. 75 к.

— Починъ. Литературный Сборникъ, п. р. Н. Степаненко. Харьк. 907. Ц. 75 к.

— Православная Богословская Энциклопедія. Т. VIII. Состав. п. р. Н. Глубоковскаго. Спб. 907.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. V. Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности имп. Академіи Наукъ. Спб. 907.

— Русская Муза. Художественно-историческая Хрестоматія. Составилъ А. Я. Спб. 908. Ц. 1 р. 75 к.

— Современное положеніе переселенческаго дѣла и его нужды. Справки для гг. членовъ Государственной Думы. Составлено переселенч. Управл. Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Спб. 907.

— Труды перваго всероссійскаго съѣзда спиритуалистовъ и лицъ, интересующихся вопросами психизма и медіумизма въ Москвѣ съ 20 по 27 октября 1906 года. М. 907. Ц. 3 р.

— Тысяча-девятьсотъ-седьмой годъ (1907) въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отмѣткамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV и V. Спб. 907.

— Чудесныя приключенія барона Мюнхгаузена. Съ нѣм. С. Рогова. 4-е изд. Спб. 907.

— Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. 55: Н. Казминъ, Современное воспитаніе въ Россіи. Спб. 908. Ц. 40 к.—Вып. 56: П. Каптеревъ, Объ общественно-нравственномъ развитіи и воспитаніи дѣтей. Спб. 908. Ц. 30 к.

ЗАМѢТКА

По поводу новой книги П. Пирлинга.

„La Russie et le Saint-Siège" (études diplomatiques), par P. Pierling. Paris, 1907.

Рядъ случайныхъ, но періодически возобновляющихся соприкосновеній двухъ стоящихъ на разныхъ полюсахъ европейской цивилизаціи міровыхъ силъ,—соприкосновеній, въ которыхъ одна изъ этихъ силъ съ традиціонной настойчивостью старается провести по отношенію къ другой свои затаенныя или явныя, но всегда однородныя намѣренія, а другая—съ одинаковымъ упорствомъ отклоняетъ предлагаемыя ей условія—таковъ общій характеръ длившихся съ XV вѣка отношеній между Римомъ и Россіей. Вызванная къ жизни флорентійскою уніей, идея соединенія православной церкви съ католическою, подъ главенствомъ папы, никогда съ тѣхъ поръ не умирала въ средѣ католическаго духовенства; проявлялась она на протяженіи вѣковъ въ разнообразныхъ формахъ, пользуясь для своего осуществленія самыми разнородными, нерѣдко неожиданными орудіями и предлогами. И греческая царевна, сосватанная Римомъ великому князю Ивану III, и планъ крестоваго похода противъ турокъ, провозвѣстникомъ котораго явился въ Москву ученый и опытный іезуитъ Антоній Поссевинъ, и загадочная авантюра царя-самозванца, посаженнаго польскимъ оружіемъ на московскій престолъ съ благословенія папы, и усердныя молитвы окружавшихъ его отцовъ Іисусова-ордена, и бѣдный хорватскій священникъ Юрка Крижаничъ, котораго увлекла въ далекую Московію его восторженная вѣра въ соединеніе славянъ подъ эгидой русскаго царя и римскаго папы для торжества надъ угнетателями-мусульманами—всѣ эти случайные люди и факты являлись орудіями для достиженія преслѣдуемой Римомъ грандіозной цѣли соединенія церквей. Попытки Рима разбивались о неуклонное недовѣріе къ католицизму, и задуманныя въ широкихъ размѣрахъ предпріятія неизмѣнно оканчивались неудачами; но это не останавливало ни папъ, ни отдѣльныхъ представителей католическаго духовенства отъ новыхъ такихъ же попытокъ, въ которыхъ съ настойчивостью проводились начала одинаковыя съ тѣми, какія руководили дѣйствіями предшествовавшихъ борцовъ за то же дѣло.

Въ вышедшемъ, нынѣшняго года, четвертомъ томѣ изслѣдованія о. Пирлинга еще разъ сказывается съ особенной рельефностью этотъ отмѣченный выше характеръ упорнаго стремленія къ одной

цѣли со стороны католическаго духовенства, какой раскрытъ былъ авторомъ въ трехъ предыдущихъ томахъ. Новая часть труда о. Пирлинга охватываетъ время съ половины XVII-го вѣка до царствованія имп. Елисаветы Петровны включительно, т.-е. цѣлое столѣтіе слишкомъ. Попытки Рима къ сближенію съ Россіей чередуются здѣсь безъ внѣшней связи одна съ другою, возобновляясь иногда на промежуткѣ двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ, внѣ зависимости отъ предыдущихъ и безъ связи съ послѣдующими, но объединенныя тою же идеей, какая руководила ими и въ XV-мъ, и въ XVI-мъ вѣкахъ. Вслѣдствіе такого отрывочнаго характера изслѣдуемаго теченія въ политикѣ папскаго престола, книга о. Пирлинга и помимо воли автора должна была принять форму ряда очерковъ, разнаго времени, въ предѣлахъ разсматриваемой эпохи, и недаромъ поэтому названа имъ въ подзаголовкѣ „дипломатическими этюдами"; на эту же точку зрѣнія долженъ стать и читатель, чтобы не требовать отъ автора невозможнаго, т.-е. связнаго и послѣдовательнаго повѣствованія не связанныхъ ни хронологически, ни по содержанію явленій. Единственнымъ связующимъ звеномъ этихъ явленій, повторяемъ, служитъ одушевляющая ихъ, поддерживаемая на римской почвѣ идея соединенія церквей.

О. Пирлингъ оказался для IV-го тома своего изслѣдованія въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ въ смыслѣ разработанности предмета въ русской исторіографіи, чѣмъ для трехъ первыхъ томовъ. Въ нашей исторической литературѣ появлялись и раньше, и особенно въ новѣйшее время цѣнные матеріалы и сочиненія, посвященныя тѣмъ или инымъ вопросамъ, которые входятъ въ кругъ изслѣдованія о. Пирлинга. Не говоря о капитальномъ трудѣ Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, упомянемъ, что за послѣдніе 3—4 года появились: обстоятельное изслѣдованіе г. Бѣлокурова о Юріи Крижаничѣ; основанная на документахъ русскихъ и иностранныхъ архивовъ, работа г. Чарыкова (а также г. Шмурло) о Павлѣ Менезіи; изданный г. Шмурло сборникъ документовъ, относящихся къ царствованію Петра Великаго, и, наконецъ, напечатанныя археографическою коммиссіею письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка. Къ свѣдѣніямъ, доставленнымъ этими новыми работами, о Пирлингъ присоединилъ извлеченныя имъ изъ нѣсколькихъ архивовъ данныя; въ приложенномъ къ его книгѣ обширномъ спискѣ пересмотрѣннаго имъ сырого матеріала указано до 14 городовъ, въ архивахъ которыхъ онъ умѣлой рукой почерпнулъ въ высокой степени интересные документы для освѣщенія своего предмета. Изъ русскихъ архивовъ о. Пирлингъ работалъ въ архивѣ академіи наукъ и въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Центральнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи о. Пирлинга является

реформа Петра Великаго, даже не столько сама реформа, сколько личность Преобразователя. Разсматривая политику Петра въ ея отношеніяхъ къ папскому престолу и къ католикамъ въ Россіи, авторъ выдвигаетъ любопытную особенность въ этихъ отношеніяхъ, рисующую русскаго царя въ роли тонкаго дипломата. До полтавской побѣды Петръ, дорожа союзомъ съ Польшей и Австріей противъ Швеціи и Турціи, съ разсчетомъ идетъ навстрѣчу всѣмъ предложеніямъ, клонящимся къ сближенію между Россіей и римской куріей; онъ хорошо знаетъ, что обѣ католическія державы находятся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ куріи, а потому не останавливается ни передъ чѣмъ, даже передъ открытымъ признаніемъ своей склонности къ церковной уніи съ Римомъ, чтобы пріобрѣсти себѣ расположеніе послѣдняго и поддержку своимъ политическимъ видамъ при вѣнскомъ и краковскомъ дворахъ. Порывая съ виду съ традиціонной политикой недовѣрія своихъ предшественниковъ къ папскому престолу, онъ, если вѣрить его бесѣдамъ о желательности соединенія церквей, о которыхъ доносятъ въ Римъ различные агенты папы, является какъ бы убѣжденнымъ и искреннимъ сторонникомъ идеи уніи. Это представленіе о себѣ Петръ съумѣлъ внушить всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя вступали съ нимъ по этому поводу въ сношенія. Между тѣмъ, подъ лестными для Рима словами скрывался практическій разсчетъ дальновиднаго политика; поддержка авторитета главы католической церкви нужна была Петру, пока онъ самъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ; какъ только сознаніе своей слабости уступило мѣсто увѣренности въ своихъ силахъ,—а это явилось результатомъ побѣды при Полтавѣ,—такъ политика сношенія съ Римомъ на почвѣ дорогой и близкой для послѣдняго идеи соединенія церквей смѣнилась прежнимъ, обычнымъ для русской дипломатіи холоднымъ отношеніемъ ко всякимъ попыткамъ сближенія со стороны римской куріи. Тотъ же характеръ своей политики по отношенію къ римской куріи Петръ внушилъ и своимъ дипломатамъ, и окружавшимъ его лицамъ: и кн. Петръ Голицынъ въ Вѣнѣ, и кн. Борисъ Куракинъ въ Римѣ одинаково поддерживали созданную стараніями самого царя фикцію относительно склонности его къ уніи съ католической церковью; одинъ изъ агентовъ папы даже изъ устъ царевича Алексѣя, этого тайнаго приверженца древляго православія и московской старины, услышалъ такія слова: „Я надѣюсь, что не умру раньше, чѣмъ не увижу насъ добрыми братьями во Христѣ; я желалъ бы, чтобы мы были соединены". То же самое говорилъ и тому же лицу и митрополитъ Стефанъ Яворскій, но съ оговоркой, что унія съ Римомъ можетъ встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны народа, котораго по невѣжеству его трудно будетъ убѣдить въ ея желательности. Эти

намеки должны были окрылять надежды папскаго престола на близкое осуществленіе того идеала, который былъ впервые выдвинутъ флорентійскою уніей. Но разсчеты Рима не оправдались, и сколько бы потомъ ни бесѣдовали съ Петромъ о соединеніи церквей и Лейбницъ, и сорбонискіе богословы, онъ на всѣ эти внушенія отвѣчалъ ничего не обѣщавшими, неопредѣленными фразами. О. Пирлингъ не допускаетъ даже, чтобы въ началѣ своего царствованія Петръ могъ смотрѣть на соединеніе церквей, какъ на одно изъ средствъ къ сближенію Россіи съ Западомъ, а поэтому и могъ до извѣстной степени искренно увлекаться этимъ проектомъ; нѣкоторые современники такъ именно и толковали высказываемыя русскимъ царемъ соображенія относительно уніи съ Римомъ; эти толкованія, при всемъ значеніи, какое они могли бы имѣть для католическаго писателя, рѣшительно отвергаются о. Пирлингомъ на основаніи выясненнаго имъ характера политики Петра по отношенію къ Риму, выражавшагося въ увлеченіи Святѣйшаго Престола несбыточной мечтой о соединеніи церквей въ разсчетѣ на поддержку послѣдняго при католическихъ дворахъ Запада.

Въ первыхъ главахъ своей книги о. Пирлингъ даетъ картину трехъ послѣдовательныхъ попытокъ къ сближенію между Москвой и Римомъ. Эти главы служатъ какъ бы предисловіемъ къ центральному пункту изслѣдованія, къ отношеніямъ Россіи къ папскому престолу во время Петровской реформы. Смѣлая и горячая проповѣдь „панслависта-миссіонера" Юрія Крижанича разматривается авторомъ исключительно съ точки зрѣнія связи ея съ идеей соединенія церквей; дѣятельность Крижанича, какъ одного изъ провозвѣстниковъ реформы Петра, сознательно обойдена о. Пирлингомъ. Въ двухъ другихъ очеркахъ до-Петровскаго времени авторъ разсматриваетъ двѣ неудачныя попытки сближенія съ римской куріей, а именно — отправленіе изъ Москвы къ папѣ въ 1673 г. посольства, съ шотландцемъ Павломъ Менезіемъ во главѣ, и установленіе въ Москвѣ въ 80-хъ годахъ XVII-го столѣтія іезуитской общины, окончившееся изгнаніемъ іезуитовъ въ 1689 г., вскорѣ послѣ переворота, положившаго конецъ правленію царевны Софіи. Въ послѣдней части своего изслѣдованія о. Пирлингъ касается новой попытки уніи, предпринятой на этотъ разъ не по почину Рима, а противниками папства, янсенистами. Къ исторіи этой попытки примѣшано имя одной женщины, княгини Ирины Петровны Долгорукой, жены русскаго дипломата, перешедшей въ католичество подъ вліяніемъ янсениста, аббата Жюбѐ. Всестороннее освѣщеніе на основаніи новыхъ документовъ, которое придалъ о. Пирлингъ исторіи пропаганды Жюбѐ въ Россіи въ царствованія Петра II и Анны Іоанновны, значительно дополняетъ и измѣняетъ представленіе объ этомъ эпизодѣ, какое мы выносимъ изъ единственнаго

до сихъ поръ касавшагося его сочиненія въ русской исторіографіи, а именно изъ изслѣдованія Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Но это освѣщеніе страдаетъ однимъ недостаткомъ, котораго нельзя не отмѣтить. О. Пирлинга принято было когда-то обвинять у насъ въ недостаткѣ безпристрастія по отношенію къ Россіи, православію и русской церкви, въ стремленіи придавать своеобразный колоритъ отношеніямъ Рима къ Россіи, при чемъ дѣятельность агентовъ Рима выставлялась въ исключительно благопріятномъ свѣтѣ, тогда какъ дѣйствія русскихъ объяснялись только низменными мотивами, невѣжествомъ или злой волей. Мы считаемъ подобное обвиненіе несправедливымъ, и IV-й томъ сочиненія о. Пирлинга лучше всего служитъ къ его опроверженію; авторъ стоитъ здѣсь на совершенно научной почвѣ, безпристрастно оцѣнивая всѣ промахи и увлеченія своихъ единовѣрцевъ и съ полнымъ уваженіемъ относясь къ дѣятельности Петра Великаго, хотя, казалось бы, у него не могло бы быть особыхъ причинъ отзываться о ней благосклонно, еслибъ онъ былъ проникнутъ узко тенденціознымъ взглядомъ на предметъ своего изслѣдованія. О. Пирлингъ, какъ историкъ, не можетъ допускать такого рода пріемы въ своей работѣ; но онъ въ то же время католикъ, и притомъ—духовное лицо, и этого обстоятельства, конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду при чтеніи его книги. Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ, что онъ одобряетъ митрополита Исидора за присоединеніе къ флорентійской уніи, хвалитъ Лжедимитрія за его склонность къ католицизму и благосклонно судитъ о переходѣ княгини Долгорукой въ лоно католической церкви. Обвинять его за это, какъ это иногда дѣлалось, невозможно; иначе писать онъ и не могъ, и не захотѣлъ бы. По этому поводу и намъ будетъ не безполезно вспомнить, что и у насъ появлялись такія же рѣзко тенденціозныя „историческія" произведенія, какъ книга гр. Д. А. Толстого о римскомъ католицизмѣ въ Россіи и сочиненіе Морошкина о іезуитахъ въ Россіи, а потому и не будемъ слишкомъ требовательны къ ученому іезуиту, пишущему по такому жгучему для сторонника соединенія церквей предмету, какъ отношенія Россіи къ Святѣйшему Престолу.

Но въ разсказъ о. Пирлинга объ аббатѣ Жюбè вкрадывается, однако, нѣкоторая тенденція, исходящая изъ иныхъ побужденій, а не изъ тѣхъ, какія могли бы быть заподозриваемы въ авторѣ. Жюбè, какъ мы сказали, былъ янсенистъ, т.-е. противникъ папскаго главенства надъ французской церковью; этого достаточно, чтобы авторъ „Россіи и Святѣйшаго Престола" крайне отрицательно отнесся къ его дѣятельности и даже съ нѣкоторымъ злорадствомъ отмѣтилъ неудачу его пропаганды въ Россіи. Нѣсколькими главами раньше такое же пренебреженіе высказалъ о. Пирлингъ и къ запискѣ о соединеніи церквей, поданной сор-

бонпскими богословами-янсенистами Петру I въ 1717 г. Изъ этого отношенія о. Пирлинга къ такимъ попыткамъ уніи, гдѣ первую роль играли не римская курія и не іезуиты, невольно напрашивается выводъ, что соединеніе церквей, буде оно когда-либо станетъ мыслимымъ, можетъ быть осуществлено лишь руками правовѣрныхъ католиковъ, и на первомъ мѣстѣ—іезуитами, и что всѣ старанія въ томъ же направленіи со стороны другихъ лицъ, не раздѣляющихъ въ полной мѣрѣ іезуитскую точку зрѣнія на дѣло уніи и пропаганды вѣры, не заслуживаютъ ни вниманія, ни тѣмъ болѣе поощренія. Съ такимъ взглядомъ о. Пирлинга на способъ осуществленія церковнаго единства нельзя согласиться, и слѣдуетъ пожалѣть, что о. Пирлингъ не удержался отъ внесенія въ свою цѣнную научную работу такого ненаучнаго мотива и не отрѣшился всецѣло отъ узко-вѣроисповѣдной точки зрѣнія на вопросъ, который, конечно, не можетъ быть вовсе разрѣшенъ, если заинтересованныя въ немъ стороны будутъ продолжать стоять на такой почвѣ.

О. Пирлингъ ничего не говоритъ о томъ, намѣренъ ли онъ продолжать свой трудъ. Но нельзя не выразить съ нашей стороны пожеланія, чтобы изслѣдованія его въ области отношеній между Римомъ и Россіей не остановились на той точкѣ, до которой они имъ доведены. Изслѣдованіе этихъ отношеній за вторую половину XVIII-го и начало XIX-го вѣка представитъ несомнѣнно значительный историческій интересъ; присоединеніе къ Россіи католическихъ польскихъ провинцій, вызывающее постоянныя сношенія съ римской куріей, появленіе въ Россіи первыхъ послѣ Поссевина папскихъ нунціевъ, Аркетти—при Екатеринѣ II, Литты—при Павлѣ I и Ареццо—при Александрѣ I, наконецъ, движеніе въ пользу католицизма въ высшихъ кругахъ русскаго общества подъ вліяніемъ пропаганды іезуитовъ—таковы главныя явленія за указанное время, всецѣло заслуживающія, чтобъ ученый авторъ „Россіи и Святѣйшаго Престола“ приложилъ къ освѣщенію ихъ свой талантъ изслѣдователя и свою неутомимую энергію въ разысканіи доселѣ неизвѣстнаго и въ большинствѣ случаевъ совершенно недоступнаго русскимъ историкамъ архивнаго матеріала. Это освѣщеніе вышеуказанныхъ фактовъ авторомъ-католикомъ было бы тѣмъ болѣе важно для насъ, русскихъ, что въ нашей исторіографіи эти вопросы, понятно, трактовались съ нашей точки зрѣнія, а потому изслѣдованіе ихъ о. Пирлингомъ съ его точки зрѣнія было бы знакомствомъ съ той „altera pars“, которая всегда и во всемъ должна быть выслушиваема.

Кн. Н. В. Голицынъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1908 г.

Событія въ Европѣ за истекшій годъ. — Торжество консервативныхъ теченій въ Германіи. — Особенности нѣмецкаго патріотизма. — Вильгельмъ II и камарилья. — Прусскіе либералы и реакціонные проекты.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.— Британскія дѣла.—Международныя соглашенія и Гаагская конференція.—Французская политика.—Конституція въ Персіи.

Крайне смутное и неопредѣленное впечатлѣніе производитъ ходъ политическихъ событій въ Европѣ за истекшій годъ. Съ одной стороны, мы видимъ ликвидацію старыхъ международныхъ счетовъ посредствомъ добровольныхъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній, а съ другой—дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе системы военно-національнаго соперничества, недоброжелательства и нетерпимости; крупные практическіе успѣхи идеи международнаго третейскаго суда—рядомъ съ произвольными завоевательными планами и предпріятіями въ области колоніальной политики; оффиціальное обсужденіе вопроса о сокращеніи вооруженій — одновременно съ постояннымъ ростомъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженныхъ силъ; широкое распространеніе демократическихъ и соціалистическихъ началъ — параллельно съ упорнымъ господствомъ сословныхъ привилегій. Трудно сказать, чтобы гдѣ-нибудь въ Европѣ торжествовали темныя силы реакціи, а между тѣмъ чувствуется разлагающее вліяніе реакціонныхъ силъ, создающихъ атмосферу застоя среди внѣшнихъ условій свободнаго прогресса.

Эти внутреннія противорѣчія нигдѣ не выражаются такъ ярко, какъ въ современной Германіи. Несомнѣнно, что Германія даетъ тонъ всей европейской политикѣ и налагаетъ свою печать на общее политическое положеніе въ континентальной Европѣ. Именно изъ Германіи исходитъ тотъ консервативный духъ, который парализуетъ всякія стремленія къ смѣлымъ реформамъ. Если вторая Гаагская конференція мира должна была отказаться отъ мысли осуществить предположенныя серьезныя улучшенія и нововведенія въ сферѣ международнаго права, то этимъ она обязана прежде всего настойчивымъ протестамъ и возраженіямъ германскаго правительства. Узкій національизмъ, усматривающій оплотъ могущества въ поощреніи племенной розни между народами, находитъ свою главную опору въ Германіи. И это консервативное теченіе поддерживается не только обществен-

нымъ строемъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, но и настроеніемъ значительной части нѣмецкаго народа. Германскій консерватизмъ не есть продуктъ одностороннихъ правительственныхъ усилій, а является порожденіемъ особыхъ политическихъ обстоятельствъ, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ нѣмецкая нація.

Въ началѣ года обновился составъ имперскаго сейма, избираемаго всеобщимъ народнымъ голосованіемъ. Выборы 25 января и 5 февраля дали большинство консервативнымъ партіямъ и укрѣпили такимъ образомъ охранительную позицію германскаго правительства. Соціалъ-демократія потерпѣла чувствительное пораженіе и потеряла почти половину прежняго числа представителей въ парламентѣ; реакціонный центръ возродился въ прежней силѣ; консерваторы, аграріи, націоналисты, воинственные патріоты и умѣренные либералы выступили опять на первый планъ, въ качествѣ народныхъ представителей, а прогрессисты разныхъ оттѣнковъ остались въ рѣшительномъ меньшинствѣ. Нѣмецкій народъ и на этотъ разъ добровольно доставилъ торжество консерваторамъ. И это положеніе вещей тянется уже многіе годы, при всѣхъ перемѣнахъ правительственнаго персонала. Бисмаркъ и его преемники всегда располагали большинствомъ имперскаго сейма и имѣли полную возможность успѣшно отражать нападки и требованія либеральной оппозиціи. Массы избирателей не оказывали нужной поддержки прогрессистамъ. Чѣмъ объяснить эту странную органическую слабость нѣмецкаго либерализма?

Можно указать двѣ главныя причины этого печальнаго факта. Во-первыхъ, внѣшнее положеніе Германіи, унаслѣдованное отъ эпохи великихъ удачныхъ войнъ, вызывало постоянную заботу о сохраненіи и обезпеченіи достигнутыхъ результатовъ, о предупрежденіи возможныхъ опасностей со стороны недавнихъ враговъ, направляя общественное вниманіе преимущественно на интересы національной обороны, дипломатической и военной; устройство внѣшнихъ оборонительныхъ союзовъ и усиленіе арміи и флота сдѣлались главнѣйшими предметами и опорами національной политики. Занимая центральное положеніе въ Европѣ, окруженная могущественными соперниками или противниками, германская имперія должна быть всегда готова къ борьбѣ за свое существованіе, и это тревожное чувство неувѣренности и страха за будущее заставляетъ нѣмецкую націю жертвовать всѣмъ для успѣховъ дипломатіи и военнаго дѣла. А гдѣ господствуютъ дипломатія и военный классъ, тамъ нѣтъ мѣста либерализму. Во-вторыхъ, трудящіяся народныя массы, вдохновляемыя соціально-демократическими идеями, относятся враждебно къ либеральной буржуазіи и во имя этой вражды отрицаютъ значеніе даже тѣхъ либеральныхъ принциповъ, которые наиболѣе важны и необходимы для рабочаго класса.

Соціалъ-демократія, владѣющая умами дисциплинированной арміи сознательныхъ рабочихъ, возстаетъ противъ либераловъ и прогрессистовъ, вмѣсто того, чтобы заодно съ ними воевать противъ устарѣлаго политическаго строя, и эта внутренняя рознь въ рядахъ оппозиціонныхъ группъ обрекаетъ ихъ на безсиліе. Пока соціалъ-демократы заняты борьбою съ либеральными прогрессистами, надъ тѣми и другими легко одерживаютъ верхъ консерваторы, и правительству остается только пользоваться плодами чужихъ ошибокъ и увлеченій. На послѣднихъ выборахъ дѣло доходило до того, что соціалъ-демократы подавали голоса за реакціонеровъ центра, лишь бы провалить либераловъ и свободомыслящихъ. Подъ вліяніемъ соціалъ-демократической пропаганды либеральныя идеи потеряли популярность въ народѣ, а идеалы соціалъ-демократіи отодвигаютъ борьбу въ неопредѣленное будущее, такъ что настоящее само собою становится удѣломъ фактически господствующихъ высшихъ классовъ и солидарной съ ними военно-придворной бюрократіи.

Роспускъ имперскаго сейма, объявленный 13-го декабря 1906 года, вызванъ былъ отказомъ партіи центра увеличить численность нѣмецкихъ войскъ въ южной Африкѣ до предложенной правительствомъ цифры, т.-е. ассигновать необходимыя для этого средства. Выборы происходили такимъ образомъ подъ знаменемъ патріотизма и въ то же время направлены были противъ реакціонной католической партіи, особенно непріятной для либеральныхъ элементовъ нѣмецкаго общества. Партія центра, правда, не пострадала, но патріотизмъ восторжествовалъ, доставивъ нужное правительству большинство, и этимъ объясняется удивительная по своей наивности манифестація берлинскихъ либеральныхъ гражданъ въ ночь на 6 февраля, передъ помѣщеніемъ канцлера Бюлова и дворцомъ императора Вильгельма II. Канцлеръ и императоръ произнесли изъ своихъ оконъ патріотическія рѣчи къ народу, и удовлетворенные въ своихъ чувствахъ обыватели разошлись, выражая свою радость пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Имѣли ли они поводъ радоваться торжеству консерваторовъ и аграріевъ? Они едва ли отдавали себѣ ясный отчетъ въ истинномъ значеніи правительственной побѣды; они не думали, вѣроятно, ни о консерваторахъ, ни объ аграріяхъ, а просто слѣдовали инстинктамъ заурядныхъ патріотовъ, привыкшихъ безусловно довѣрять правительству въ дѣлахъ патріотизма. Это довѣріе къ добросовѣстности носителей государственной власти есть также характерный фактъ германской политической жизни: очевидно, власть заслужила свою репутацію и оправдываетъ ее своими дѣйствіями. Манифестація 6-го февраля въ Берлинѣ не была организована какою-нибудь политическою партіею, и въ Германіи вообще не существуетъ ничего подобнаго на-

шимъ черносотенцамъ; тамъ нѣтъ союза истинно-нѣмецкихъ людей, а всѣ нѣмцы признаютъ себя одинаково истинными, каковы бы ни были ихъ партійныя различія. Никакія оппозиціонныя группы не вмѣшивались въ эту манифестацію, не противодѣйствовали ей и не пытались противопоставить ей съ своей стороны какую-либо контръманифестацію; императоръ могъ спокойно выйти на зовъ толпы и говорить ей хорошія слова, не опасаясь какого-либо диссонанса въ настроеніи собравшихся обывателей. Германское правительство не находится въ разладѣ съ большинствомъ населенія, и средній нѣмецкій патріотизмъ дѣйствительно мирится съ консервативными формами государственнаго быта и съ консервативными цѣлями германской политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Оттого перспективы ближайшаго будущаго представляются мало утѣшительными съ точки зрѣнія прогрессивно-либеральныхъ и демократическихъ идей.

Когда князь Бюловъ впервые предложилъ либераламъ вступить въ „блокъ" съ консерваторами для совмѣстной борьбы противъ партіи центра и соціалъ-демократіи, то эта мысль казалась лишь насмѣшкою надъ безсиліемъ оппозиціи; но реальное положеніе дѣлъ какъ нельзя лучше освѣщается проектомъ подобной противоестественной комбинаціи. Правительство имѣетъ предъ собою выборъ—или опираться на либерально-консервативный „блокъ" противъ партіи центра и соціалъ-демократіи, или же сойтись опять съ центромъ противъ либераловъ и соціалистовъ; а такъ какъ соглашеніе правительства съ реакціоннымъ центромъ было бы сильнымъ ударомъ для либеральныхъ группъ, то послѣднимъ ничего не остается, какъ идти послушно за канцлеромъ, въ союзѣ съ умѣренными консерваторами. При отсутствіи единой, тѣсно сплоченной либеральной оппозиціи, правительство можетъ дѣйствовать свободно въ предѣлахъ своей законной компетенціи, не стѣсняясь требованіями общественнаго мнѣнія; министры смѣняются одни другими по неизвѣстнымъ публикѣ закулиснымъ мотивамъ, причемъ на мѣсто заслуженныхъ и даровитыхъ дѣятелей назначаются иногда мало выдающіеся чиновники. Имперскій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Посадовскій, весьма свѣдущій и опытный въ вопросахъ соціальной политики, долженъ былъ выйти въ отставку, и никто не знаетъ въ точности, почему онъ устраненъ; многое дѣлается внезапно, по случайнымъ личнымъ рѣшеніямъ Вильгельма II. Несмотря на парламентъ, на свободу печати и на живой общественный контроль, личный режимъ еще въ значительной мѣрѣ сохраняетъ свою силу, со всѣми его обычными послѣдствіями, и недавній процессъ Максимиліана Гардена раскрылъ передъ публикою нѣкоторыя любопытныя черты придворной камарильи, играющей иногда рѣшающую роль въ ходѣ и направленіи прусско-германскихъ государствен-

ныхъ дѣлъ. Въ Пруссіи нѣтъ парламентаризма въ собственномъ смыслѣ, и потому процвѣтаетъ камарилья; нѣтъ отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ, но зато существуетъ фаворитизмъ; нѣтъ открытаго господства общественнаго мнѣнія, но взамѣнъ даютъ себя чувствовать скрытыя придворныя интриги. Только традиціи политической честности, присущія прусскому правящему классу, избавляютъ страну отъ золъ, неизбѣжно связанныхъ съ одностороннею системою бюрократическаго управленія.

Личная роль Вильгельма II не всегда представляется въ правильномъ свѣтѣ; быть можетъ, она часто преувеличивается въ ту или другую сторону, благодаря особенностямъ монархическаго режима. Вліянію германскаго императора и его приближенныхъ приписывается все то, что̀ возбуждаетъ тревогу въ международныхъ отношеніяхъ, что̀ имѣетъ связь съ воинственными замыслами, съ колоніальною предпріимчивостью, съ проектами созданія могущественнаго флота и увеличенія сухопутныхъ военныхъ силъ. Ему приписывалась также попытка дружественнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи, въ критическіе моменты послѣднихъ двухъ лѣтъ; въ этомъ же смыслѣ истолковывалось и свиданіе двухъ императоровъ близъ Свинемюнде, въ іюнѣ прошлаго года. Безусловно благопріятными для общаго мира считались его свиданія и переговоры съ королемъ Эдуардомъ въ замкѣ Вильгельмсгёе, въ августѣ, и затѣмъ въ Англіи, въ ноябрѣ. Соперничество съ Англіею на моряхъ, въ международной торговлѣ, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ политической программы берлинскаго кабинета; вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальная Германія настойчиво ищетъ сближенія съ Англіею, чтобы отвлечь ее отъ союза съ другими державами или парализовать возможный вредъ этихъ союзныхъ комбинацій для нѣмцевъ, и эту задачу успѣшно выполняетъ Вильгельмъ II.

Военно-національная точка зрѣнія, почти исключительно озабочивающая германскаго императора, переносится имъ и на внутреннія отношенія, что̀ выражается нерѣдко въ рѣзкихъ фразахъ по адресу соціалъ-демократіи, а въ послѣднее время — въ проектахъ рѣшительныхъ мѣръ противъ польской народности въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель для передачи ихъ въ нѣмецкія руки при помощи государственнаго казначейства, внесенный правительствомъ въ прусскую палату депутатовъ, есть чисто-реакціонная мѣра, соотвѣтствующая всему политическому кругозору Вильгельма II; это актъ боевого нѣмецкаго націонализма, основанный на прямомъ отрицаніи общихъ гражданскихъ правъ извѣстной категоріи прусскихъ подданныхъ. Предполагается, что граждане польскаго происхожденія имѣютъ меньше правъ на суще-

ствованіе въ предѣлахъ прусскаго государства, чѣмъ чистокровные нѣмцы, и что въ извѣстныхъ случаяхъ они должны уступать свое мѣсто послѣднимъ, по требованію государственной власти; но польскіе землевладѣльцы не явились въ Пруссію и не просили зачислить ихъ въ прусскіе подданные, а напротивъ, пруссаки пришли къ нимъ и взяли надъ ними власть, съ занятіемъ Познани и Силезіи; поляки остались на своихъ мѣстахъ, въ качествѣ коренныхъ туземцевъ, и вытѣснять ихъ оттуда, изъ родовыхъ наслѣдственныхъ гнѣздъ, послѣ вѣковой принадлежности ихъ къ прусскому государству, — значитъ нарушать даже тѣ обычныя нормы международнаго права, которыя соблюдаются культурными націями при военномъ занятіи непріятельскихъ земель. Если просвѣщенные нѣмецкіе министры могли предложить парламенту такой явно-несправедливый законъ и если подобное предложеніе встрѣтило сочувствіе нѣмецкаго патріотическаго большинства, то это свидѣтельствуетъ объ извращеніи самаго понятія о задачахъ и роли государства, какъ высшаго цѣлаго, объединяющаго всѣ категоріи гражданъ въ одну націю. Такой же характеръ посягательства на принципъ равенства гражданъ носитъ на себѣ законопроектъ о собраніяхъ и союзахъ, запрещающій употребленіе не-нѣмецкаго языка въ публичныхъ рѣчахъ безъ особаго разрѣшенія администраціи; это ограниченіе опять-таки направлено спеціально противъ жителей польскихъ провинцій, привыкшихъ говорить на родномъ языкѣ. Либералы и соціалъ-демократы видятъ теперь, куда ведетъ ихъ политика взаимной партійной борьбы и какими опасностями грозитъ народу консервативный парламентскій „блокъ" подъ руководствомъ безпринципныхъ министровъ.

Въ Австро-Венгріи окончился, повидимому, періодъ тяжелыхъ хроническихъ кризисовъ, съ тѣхъ поръ какъ дана была возможность удовлетворенія справедливыхъ требованій различныхъ народностей, населяющихъ имперію. Провозглашеніе принципа всеобщаго избирательнаго права для австрійскихъ земель сразу внесло успокоеніе въ страну; но прочный внутренній миръ достигнется еще не скоро, такъ какъ при господствѣ численнаго большинства интересы отдѣльныхъ малочисленныхъ племенъ не могутъ считаться вполнѣ гарантированными отъ систематическаго угнетенія. Обезпечить меньшинство иноплеменниковъ отъ посягательствъ господствующей въ данной области національности, при крайне пестромъ племенномъ составѣ населенія австрійской монархіи, — задача трудная и щекотливая даже при самой усовершенствованной системѣ выборовъ. Для этого недостаточны однѣ внѣшнія реформы; нужно, чтобы измѣнились нравы и взгляды гражданъ, чтобы все самоуправленіе, отъ мѣстнаго до національнаго,

прониклось новымъ духомъ, чтобы идеи взаимнаго признанія и компромисса вошли въ плоть и кровь представителей различныхъ національностей.

Въ январѣ вступилъ въ силу новый австрійскій избирательный законъ, а въ маѣ состоялись первые парламентскіе выборы на основѣ всеобщаго народнаго голосованія. Какъ и слѣдовало ожидать, совершилась полная перетасовка прежнихъ политическихъ партій, и на сцену выступила многочисленная группа соціалъ-демократовъ, объединяющая разноплеменные элементы по крайней мѣрѣ въ средѣ рабочаго класса и сочувствующей ему интеллигенціи. Парламентская сессія, отрытая тронною рѣчью 19 іюня, не обошлась, конечно, безъ шумныхъ и даже скандальныхъ эпизодовъ, которые сдѣлались какъ бы обязательными для австрійскаго рейхсрата; но эти вспышки, возникающія большею частью на почвѣ старинныхъ племенныхъ раздоровъ, остаются лишь мимолетными и не мѣшаютъ парламенту работать для пользы страны. Дѣловое министерство, во главѣ котораго стоитъ баронъ Бекъ, очень умѣло и осторожно справляется съ выпавшею на его долю миссіею проведенія въ жизнь новыхъ началъ народнаго представительства. Пополняемое въ своемъ составѣ отдѣльными членами парламента, сообразно обстоятельствамъ, министерство всегда поддерживаетъ близкую связь съ выборною палатою, избѣгаетъ конфликтовъ, сглаживаетъ недоразумѣнія и противорѣчія, и не даетъ вообще повода къ недовѣрію и антагонизму между правительствомъ и парламентомъ.

Въ другой половинѣ имперіи, благодаря внутреннему единству и безспорному фактическому преобладанію господствующей національности, положеніе представляется гораздо болѣе прочнымъ и устойчивымъ, со времени образованія самостоятельнаго парламентскаго министерства подъ руководствомъ Векерле. Такъ какъ въ составъ кабинета входятъ популярные вожди главныхъ венгерскихъ партій, то въ Венгріи установилась дѣйствительная автономія, и вѣнскій дворъ отказался наконецъ отъ прежнихъ притязаній на вмѣшательство въ мадьярскія дѣла. Мадьяры съ энергіею оберегаютъ свою независимость и рѣзко протестуютъ противъ малѣйшаго покушенія на ихъ политическія права; еще недавно разыгрался въ этомъ смыслѣ интересный инцидентъ, вызванный критическими замѣчаніями, которыя позволилъ себѣ сдѣлать относительно Венгріи одинъ изъ ораторовъ въ австрійскомъ парламентѣ. Венгерская палата признала эту критику неумѣстною, и министръ-президентъ Векерле высказалъ мнѣніе, что предсѣдатель обязанъ былъ немедленно остановить оратора; австрійскій парламентъ и его предсѣдатель съ своей стороны заявили, что о какой-либо намѣренной некорректности по отношенію къ Венгріи

не могло быть и рѣчи,—чѣмъ и закончился неожиданный конфликтъ между двумя парламентами.

Судьба Австро-Венгріи во многомъ зависитъ отъ личности престарѣлаго императора Франца-Іосифа, царствованіе котораго продолжается шестьдесятъ лѣтъ (съ 1848 года), и который въ теченіе многихъ лѣтъ управлялъ монархіею по своему усмотрѣнію; только со второй половины шестидесятыхъ годовъ, послѣ несчастной войны съ Пруссіею, онъ сталъ добросовѣстнымъ конституціоннымъ государемъ и допустилъ необходимыя преобразованія, которыя спасли имперію отъ окончательнаго разложенія. При его преклонномъ возрастѣ (род. 1830 г.) и частыхъ болѣзняхъ невольно является вопросъ о будущности могущественной нѣкогда династіи, въ составѣ которой нѣтъ теперь ни одного способнаго или популярнаго человѣка; законный наслѣдникъ, Францъ-Фердинандъ д'Эсте, извѣстенъ лишь какъ ярый клерикалъ, и потомство его отъ морганатическаго брака не имѣетъ права на престолъ. Лотарингская отрасль фамиліи Габсбурговъ клонится къ упадку, тогда какъ Гогенцоллерны необыкновенно быстро множатся, торопятся не отставать отъ вѣка и сознательно идутъ въ гору.

Въ Англіи не замѣчается заботъ ни объ упадкѣ династіи, ни объ ея чрезмѣрномъ размноженіи; англичане давно уже привыкли жить и дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, и для нихъ монархія служитъ только удобнымъ украшеніемъ, за которое они готовы платить съ истинно-королевскою щедростью. Исполняя программу, выработанную первымъ министромъ, король въ своей тронной рѣчи при открытіи парламентской сессіи, 12 февраля, поставилъ на очередь вопросъ о реформѣ палаты лордовъ, хотя по своимъ личнымъ взглядамъ и фамильнымъ традиціямъ онъ, вѣроятно, предпочелъ бы не умалять значенія этой палаты и не касаться вообще столь родственнаго монарху института наслѣдственныхъ законодателей; но англійскій король въ своей оффиціальной дѣятельности руководствуется не тѣмъ, что̀ ему нравится или не нравится, а только тѣмъ, что̀ требуется для пользы государства по мнѣнію лучшихъ людей, выдвинутыхъ народнымъ представительствомъ.

Министерство сэра Кемпбелля-Баннермана, впрочемъ, не пошло въ поднятомъ вопросѣ далѣе платоническихъ пожеланій и замаскированныхъ угрозъ; по предложенію премьера, палата общинъ приняла 26 іюня резолюцію о желательности упраздненія или ограниченія права veto, принадлежащаго верхней палатѣ,—и дѣло пока на этомъ остановилось. Если лорды перестанутъ фактически пользоваться или злоупотреблять своимъ правомъ въ ущербъ либеральному большин-

ству палаты общинъ, то, вѣроятно, задуманная реформа вовсе не осуществится. Англичане избѣгаютъ ломки своихъ учрежденій, хотя бы самыхъ устарѣлыхъ, безъ крайней къ тому надобности; зато они не останавливаются передъ смѣлыми нововведеніями и мѣропріятіями, которыя требуются интересами общаго блага и, не упраздняя ничего существующаго, подготовляютъ почву для лучшаго будущаго. Такъ, британское правительство даровало побѣжденнымъ бурамъ Трансвааля либеральную конституцію, и главою перваго бурскаго кабинета сдѣлался генералъ Бота, сражавшійся еще сравнительно недавно съ оружіемъ въ рукахъ противъ Англіи. Изъ врага генералъ Бота превратился въ друга и поклонника Англіи, и на съѣздѣ колоніальныхъ премьеровъ въ Лондонѣ, въ апрѣлѣ, онъ неоднократно выражалъ свои чувства искренней лойяльности по отношенію къ коронѣ.

Главнѣйшей заслугою министерства сэра Кемпбелля-Баннермана—и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшимъ политическимъ событіемъ истекшаго года—слѣдуетъ считать англо-русскую конвенцію 18 августа, которою разъ навсегда положенъ конецъ неопредѣленнымъ средне-азіатскимъ спорамъ и опасеніямъ, такъ долго и мучительно питавшимъ фантазію патріотовъ-авантюристовъ кошмаромъ будущихъ войнъ, походовъ на Индію, въ Тибетъ и къ Персидскому заливу. Другая конвенція, русско-японская, заключенная 17 іюля, покончила съ столь же опасными мечтаніями о неминуемой будто бы дальнѣйшей борьбѣ съ Японіею, ради реванша. Отнынѣ публицисты, промышляющіе дешовымъ воинственнымъ патріотизмомъ, должны придумывать другіе мотивы для своихъ заботъ, и на первый разъ они нашли себѣ занятіе въ усиленной травлѣ „внутреннихъ враговъ“, финляндцевъ и прочихъ инородцевъ.

Англія, на ряду съ Соединенными Штатами, принимала дѣятельное участіе въ Гаагской второй конференціи мира, созванной оффиціально по инииіативѣ русской дипломатіи, но дѣйствительно обязанной своимъ осуществленіемъ президенту Рузевельту. Конференція засѣдала цѣлыхъ четыре мѣсяца, съ половины іюня до половины октября, и работала старательно подъ общимъ предсѣдательствомъ нашего отечественнаго дипломата, г. Нелидова, при участіи многочисленныхъ делегатовъ разныхъ государствъ изъ всѣхъ частей свѣта. Ученые спеціалисты по международному праву, теоретики и практики военнаго дѣла, сухопутные и морскіе офицеры, вносили свои посильныя лепты въ общую массу разнообразнаго матеріала, собраннаго конференціею; спеціальныя коммиссіи и подкоммиссіи изучали и обсуждали различные вопросы, входившіе въ установленную заранѣе программу, и въ общемъ нельзя отрицать, что достигнуты нѣкоторые полезные практическіе результаты. Но общая задача конференціи, руководящая идея ея ини-

ціаторовъ, ея смыслъ и цѣль,—остались гдѣ-то въ сторонѣ. Два основныхъ проекта—предложеніе Англіи о постепенномъ сокращеніи вооруженій или о воздержаніи отъ дальнѣйшихъ усиленій арміи и флота, и англо-американское предложеніе объ обязательномъ третейскомъ судѣ, съ постояннымъ для этого трибуналомъ,—признаны достойными сочувствія, но не одобренія, и сданы въ архивъ, въ назиданіе будущему. Приняты къ свѣдѣнію и руководству разныя частности, болѣе или менѣе важныя и полезныя, но не для нихъ приводился въ дѣйствіе громоздкій, дорого стоющій аппаратъ всеобщей международной конференціи мира. Кропотливыя работы этого почтеннаго собранія не возбуждали общественнаго интереса, и прекращеніе ихъ было едва замѣчено отзывчивою европейскою прессою. Разумѣется, съ самаго начала было наивно думать, что державы, основывающія свое могущество и величіе на вооруженной силѣ, пойдутъ по пути реформъ за великими націями, не имѣющими постоянныхъ армій.

Во Франціи министерство Клемансо-Бріана продолжало лавировать между различными враждебными ему политическими партіями и группами, имѣя противъ себя съ одной стороны всю умѣренно-либеральную часть французскаго общества, а съ другой—всѣ крайніе элементы, какъ лѣвые, такъ и правые. За правительство стоитъ компактная масса передовыхъ республиканцевъ и радикаловъ-соціалистовъ, образующихъ въ совокупности большинство палаты депутатовъ; устойчивость этого большинства подвергалась частымъ испытаніямъ, но кабинетъ выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ, потому что крайне трудно его замѣнить и нѣтъ повода стремиться къ такой замѣнѣ при существующемъ положеніи вещей. Противниками министровъ въ палатѣ и въ странѣ выступаютъ клерикалы, умѣренные либералы и прямолинейные соціалисты, т.-е. именно тѣ, которые не могутъ входить въ составъ какого бы то ни было республиканскаго большинства.

Французская республика поставлена въ необходимость такъ или иначе довести до конца начатую борьбу съ клерикализмомъ, съ католическою церковью или вѣрнѣе съ папствомъ; и эта печальная необходимость предопредѣляетъ характеръ, цѣли и направленіе всякаго министерства, которое беретъ на себя отвѣтственность власти въ современной Франціи. Способы борьбы, пущенные въ дѣло съ наибольшею безпощадностью кабинетомъ Комба, не могутъ быть остановлены или измѣнены; они приняли уже обязательную форму законовъ, получившихъ принудительную силу и приведшихъ къ опредѣленнымъ практическимъ послѣдствіямъ. Можно дѣлать поправки къ этимъ законамъ, по указаніямъ опыта, для устраненія обнаруженныхъ неудобствъ и

несообразностей при практическомъ примѣненія установленныхъ мѣръ; но общій планъ дѣйствій не подлежитъ уже никакимъ существеннымъ перемѣнамъ. Законодательство, судебная власть и администрація произвели уже рядъ сложныхъ преобразованій въ положеніи отдѣльныхъ церквей, ихъ имуществъ и духовнаго персонала; и въ результатѣ выходитъ совсѣмъ не то, что̀ имѣлось въ виду правительствомъ. Правительство разсчитывало на неизбѣжность подчиненія духовенства и католическихъ обывателей новому законному порядку; но вмѣсто того оно встрѣтило упорное пассивное сопротивленіе, вдохновляемое и руководимое высшими органами церкви,—сопротивленіе, парализующее всю систему старательно обдуманныхъ мѣропріятій и доходящее до фактической остановки религіозныхъ обрядовъ и богослуженія въ значительной части страны. Избранный путь борьбы оказался, быть можетъ, ошибочнымъ по существу и нецѣлесообразнымъ на практикѣ; принужденіе вообще не достигаетъ желанныхъ результатовъ въ области вѣрованій, убѣжденій и суевѣрій,—и министерство до сихъ поръ еще вынуждено бороться съ затрудненіями, вызванными одностороннею политикою по церковному вопросу.

Болѣе удачно справляется министерство Клемансо съ волненіями рабочихъ и съ агитаціею соціалистовъ, предоставляя и тѣмъ и другимъ свободу дѣйствій въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускаются законами, и прибѣгая къ силѣ только для прекращенія насилій. Волненія винодѣловъ въ южной Франціи вслѣдствіе промышленнаго кризиса приняли въ іюнѣ характеръ грандіозныхъ манифестацій, направленныхъ отчасти противъ правительства; недовольные нашли своего вождя и организатора въ лицѣ Марселена Альбера, который своимъ энтузіазмомъ и безъискусственнымъ краснорѣчіемъ пріобрѣлъ въ короткое время великую славу и популярность. Клемансо съумѣлъ терпѣливо дождаться того момента, когда возставшіе истощили запасъ своей энергіи и потеряли вѣру въ своихъ вождей; самъ Альберъ явился къ министру, и послѣдній не только убѣдилъ его въ незаконности и безцѣльности ѐго дѣйствій, но и побудилъ отречься отъ допущенныхъ увлеченій и оказать содѣйствіе умиротворенію края, послѣ чего репутація „искупителя юга" сразу уничтожилась.

Личная талантливость, остроуміе и находчивость Клемансо помогаютъ ему легко преодолѣвать такія трудности, которыя для всякаго другого оказались бы роковыми. Его парламентскія схватки съ Жоресомъ, его быстрыя реплики противникамъ, блещущія юморомъ и иногда полныя скрытаго яда, доставляютъ удовольствіе даже тѣмъ, кто совершенно не раздѣляетъ его взглядовъ. Въ международной политикѣ онъ является неизмѣннымъ сторонникомъ тѣснаго сближенія съ Англіею, и это обстоятельство значительно облегчаетъ для Фран-

ціи мирную развязку мароккскаго кризиса, особенно обострившагося въ августѣ вслѣдствіе неожиданныхъ нападеній туземцевъ на европейцевъ. Клемансо никогда не теряется, не колеблется и не отступаетъ въ сторону при самыхъ рискованныхъ положеніяхъ. Такого министра замѣнить трудно даже въ богатой разнообразными талантами французской республикѣ.

Къ числу конституціонныхъ государствъ присоединилась въ недавнее время и Персія, казавшаяся уже какъ бы мертвою подъ давленіемъ вѣковыхъ, самобытныхъ истинно-персидскихъ традицій самодержавія. Послѣ народныхъ волненій, вызванныхъ въ октябрѣ 1905 года чрезмѣрными поборами и насиліями придворныхъ сановниковъ, началось въ странѣ освободительное движеніе, которое заставило шаха Музафферъ-ед-Дина вспомнить, что кромѣ его приближенныхъ и его гарема существуетъ еще вѣрноподданный народъ, считающійся обыкновенно обязательною принадлежностью престола и отечества.

Узнавъ, что народъ чѣмъ-то недоволенъ и жаждетъ улучшенія своей судьбы, шахъ послѣдовалъ хорошимъ совѣтамъ духовенства и издалъ рескриптъ о созывѣ національнаго собранія. Въ этомъ рескриптѣ сказано слѣдующее: „Такъ какъ Господь Богъ Всевышній вручилъ въ наши руки нити преуспѣянія и счастія Богомъ охраняемой Персіи и сдѣлалъ нашу августѣйшую особу защитницей и хранительницей правъ всего населенія Персіи, вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, то мы возымѣли счастливую мысль, для величія и спокойствія всего населенія Персіи и укрѣпленія государственныхъ основъ, даровать должныя реформы и произвести улучшенія въ управленіяхъ правительственныхъ и государственныхъ; поэтому мы рѣшили учредить въ Тегеранѣ національное совѣщательное собраніе, состоящее изъ избранныхъ отъ принцевъ, улемовъ, вельможъ, аристократіи, землевладѣльцевъ, купцовъ и ремесленниковъ по ихъ же выбору, дабы они во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ и во всемъ, что̀ касается общаго блага, помогали своими совѣтами и замѣчаніями нашимъ министрамъ въ реформахъ и улучшеніяхъ, которыя будутъ сдѣланы для счастія и благоденствія Персіи. Высказывая съ полною увѣренностью и безопасностью свои мнѣнія и убѣжденія относительно благъ государства и націи и нуждъ всего населенія, они доведутъ о томъ до нашего свѣдѣнія черезъ посредство перваго сановника государства, дабы это было утверждено нами и приведено въ исполненіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было выработать уставъ этого собранія и надлежащія правила о выборахъ.

Торжественное открытіе національнаго собранія или „меджлиса“ шахомъ Музафферъ-ед-Диномъ состоялось въ сентябрѣ 1906 года, послѣ чего депутаты приступили къ занятіямъ. Между тѣмъ шахъ заболѣлъ

и умеръ въ концѣ декабря; его сынъ и наслѣдникъ, Мухамедъ-Али, надѣялся возстановить старые порядки, хотя передъ смертью отца обѣщалъ ему свято соблюдать конституцію. Новый шахъ окружилъ себя приверженцами истинно-персидскихъ исконныхъ началъ беззаконія, казнокрадства и произвола; народъ волновался, и постоянные безпорядки и столкновенія происходили въ разныхъ мѣстахъ страны. Но правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи достаточныхъ вооруженныхъ силъ, а всѣ классы народа, съ духовенствомъ во главѣ, дѣйствовали заодно, не останавливаясь передъ весьма рѣзкими выступленіями въ защиту дарованныхъ правъ. На случай опасности отъ военной расправы со стороны „казачьей бригады" и тѣлохранителей шаха обыватели всегда имѣли возможность прибѣгнуть къ традиціонному спасительному средству—укрыться въ мечети или въ одной изъ иностранныхъ миссій. Въ періодъ волненій значительная часть оппозиціонныхъ гражданъ побывала такимъ образомъ въ мечетяхъ или въ помѣщеніи британской миссіи; революція обходилась поэтому почти безъ жертвъ. Любопытныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ собраны въ книгѣ г. М. А.: „Послѣднее политическое движеніе въ Персіи по разсказамъ персовъ-тегеранцевъ", съ рисунками и документами, два выпуска (Спб., 1906—1907). Недавняя вспышка, угрожавшая самому существованію меджлиса, окончилась мирнымъ соглашеніемъ, при участіи иностранныхъ дипломатическихъ представителей, и въ концѣ концовъ шахъ Мухамедъ-Али поневолѣ сдѣлается конституціоннымъ государемъ..

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Francis Laur. Le Coeur de Gambetta. Стр. 420. Paris, 1907.

Гамбетта, которому Франція обязана основаніемъ на твердыхъ началахъ современной республики послѣ ужасовъ „страшнаго года" войны и коммуны, пережилъ въ сравнительно короткій срокъ блестящую и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическую эпопею славы и разочарованій—почти паденія. И въ тотъ моментъ, когда, быть можетъ, ему удалось бы снова овладѣть вліяніемъ въ странѣ, ускользнувшимъ отъ него среди партійныхъ раздоровъ, — въ тотъ самый моментъ жизнь его круто оборвалась вслѣдствіе несчастной случайности.

Въ 1882 году — ему было тогда сорокъ-пять лѣтъ — Гамбетта пріобрѣлъ маленькій домикъ въ Вилль д'Аврэ, принадлежавшій прежде Бальзаку. Роскошную виллу, гдѣ жилъ самъ Бальзакъ, Гамбетта, стѣсненный въ средствахъ, не могъ пріобрѣсти и удовольствовался прилегающимъ къ главному дому маленькимъ домикомъ садовника — къ несчастью, очень сырымъ и неблагоустроеннымъ. Въ одинъ изъ первыхъ же дней послѣ переселенія туда, Гамбетта, взявъ револьверъ, чтобы пойти упражняться въ стрѣльбѣ, неосторожно ранилъ себя въ палецъ. Рана была изъ легкихъ и не внушала опасеній. Но общее состояніе здоровья Гамбетты было плохое. Онъ прожигалъ жизнь въ политической борьбѣ, не щадя силъ и не обращая вниманія на разныя болѣзненныя явленія въ своемъ организмѣ. Кромѣ того, негигіеничныя условія его новаго помѣщенія тоже содѣйствовали неблагополучному теченію его болѣзни. Рана его, казавшаяся легкой, не поддавалась такъ скоро леченію, какъ надѣялись врачи и друзья. Появилось осложненіе—внутренняя болѣзнь, то, что̀ теперь медицина называетъ апендицитомъ и, въ большинствѣ случаевъ, излечиваетъ хирургическимъ способомъ. Но въ то время эта болѣзнь еще не была изучена и врачи не умѣли успѣшно бороться съ нею. Стали поговаривать объ операціи, но нѣсколько врачей, окружавшихъ Гамбетту, въ томъ числѣ и знаменитый Шарко, спорили между собой и медлили—пока не стало поздно. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Гамбетта „слегка поранилъ себѣ палецъ", онъ умеръ—къ великой печали многочисленныхъ друзей, не ожидавшихъ столь близкой трагической развязки. Тогда вся Франція, безъ различія партій въ республиканской средѣ, забывъ о временныхъ распряхъ, вспомнила, чѣмъ былъ Гамбетта для своей родины,—и похоронила его съ единодушнымъ взры-

вомъ патріотической скорби, которая должна была вознаградить прахъ народнаго трибуна за всѣ несправедливости и разочарованія, какія онъ испыталъ при жизни.

Несчастный случай въ Вилль д'Аврэ неожиданно раскрылъ удивленному Парижу тайну личной жизни Гамбетты. Жизнь Гамбетты принадлежала его родинѣ, протекала на виду; каждое слово его подхватывалось и оглашалось въ прессѣ, и, казалось бы, ничто касающееся его не могло ускользнуть отъ вниманія всей страны. Знали, что онъ трогательно любитъ свою мать и бросилъ Парижъ въ разгарѣ политическихъ дѣлъ, чтобы поѣхать на югъ хоронить ее. Но никакія другія личныя привязанности Гамбетты не были извѣстны. Онъ не былъ женатъ и никакой связи въ свѣтѣ или полу-свѣтѣ ему не приписывали. И вдругъ узнали о присутствіи въ домикѣ, гдѣ такъ трагически оборвалась жизнь Гамбетты, какой-то таинственной молодой незнакомки. „Франція любитъ театръ",—говоритъ авторъ книги, раскрывающей невѣдомую до сихъ поръ исторію личной жизни Гамбетты,—и потому всѣ стали сразу сомнѣваться въ „случайности" выстрѣла, ранившаго Гамбетту,—простая случайность лишена была бы столь любезной французамъ сенсаціонности—и стали отыскивать романтическую подкладку драмы. Возникло предположеніе, что Гамбетту ранила именно таинственная незнакомка,—конечно, выстрѣлившая въ него въ припадкѣ ревности. Кто-то пустилъ этотъ слухъ, другіе недостаточно энергично опровергли его, и злословіе продолжало питать любопытство толпы сплетнями о романѣ, будто бы разыгравшемся въ Вилль д'Аврэ. Стало извѣстнымъ имя незнакомки—дѣвицы Леони Леонъ. Но, послѣ смерти Гамбетты, незнакомка исчезла; простившись съ тѣломъ Гамбетты тамъ, гдѣ онъ умеръ, она не появлялась на его торжественныхъ похоронахъ; и такъ какъ лишь очень немного людей знали правду ея отношеній къ умершему, то ничего, кромѣ глухихъ сплетенъ непосредственно послѣ смерти Гамбетты, о ней не было извѣстно. Можно было предположить, что незнакомка Вилль д'Аврэ — героиня случайнаго увлеченія Гамбетты, что его смерть была эпилогомъ банальной любовной интриги.

Только теперь одинъ изъ людей, близко знавшихъ Гамбетту, Франсисъ Лоръ, издалъ интересную, сенсаціонную до нѣкоторой степени, книгу, въ которой раскрывается исторія „сердца Гамбетты", т.-е. его отношеній къ Леони Леонъ. Подруга Гамбетты умерла лишь недавно, ревниво оберегая до конца тайну своей любви, и только послѣ ея смерти явилась возможность огласить факты, рисующіе интимную жизнь Гамбетты, а также напечатать его письма, подтверждающія эти факты. Книга Лора интересна главнымъ образомъ именно этими письмами, очень любопытными для психологіи Гамбетты. Въ связи съ ними, Франсисъ Лоръ разсказываетъ самую исторію любви Гамбетты

къ Леони Леонъ. Прочтя его письма и ознакомившись съ личностью его подруги и съ послѣдовательной исторіей ихъ отношеній, мы видимъ, что это не было банальное увлеченіе, эпизодъ изъ жизни, посвященной заботамъ о родинѣ, а рѣдкая во многихъ отношеніяхъ любовь двухъ одинаково сильныхъ, одинаково глубокихъ натуръ. Если Леони Леонъ скрывала въ теченіе всей своей жизни роль, которую она играла въ жизни Гамбетты, то это свидѣтельствуетъ только объ исключительной деликатности этой благородной женщины. Не было не только ничего позорнаго въ этой связи, о которой обѣ стороны хранили глубокую тайну; напротивъ того, Леони Леонъ, если бы она этого хотѣла, могла раздѣлять славу своего друга и быть окруженной почетомъ и поклоненіемъ, какъ любимая жена и подруга знаменитаго трибуна. Почему она этого не захотѣла—выясняется въ исторіи ихъ отношеній, и причина, по которой она всегда жила въ тѣни, свидѣтельствуетъ о необычайномъ благородствѣ ея души. Среди „любовныхъ союзовъ", о которыхъ говорится въ біографіяхъ знаменитыхъ людей, любовь Гамбетты и Леони Леонъ занимаетъ особое мѣсто. Это не случайный эпизодъ въ богатой событіями жизни, не любовь, которой Гамбетта посвящалъ свои досуги отъ важныхъ дѣлъ,—а также не привязанность къ женщинѣ, охраняющей семейный очагъ, окружающей „великаго человѣка" попеченіями о его здоровьи и житейскомъ благополучіи. Это нѣчто гораздо болѣе серьезное, связанное и съ душевной жизнью Гамбетты, и со всей его общественной дѣятельностью. Леони Леонъ не была одной изъ случайныхъ подругъ изъ свѣтской или полу-свѣтской среды, имена которыхъ часто приводятся въ связь съ именами министровъ и государственныхъ людей во Франціи, которыя пользуются извѣстностью, извлекая всякаго рода выгоды и удовлетворенія изъ этой извѣстности. Не была она также похожа на одну изъ окруженныхъ почетомъ преданныхъ женъ великихъ государственныхъ людей, какими были, напримѣръ, жена Бисмарка и жена Гладстона, которыя не раздѣляли трудовъ своихъ великихъ мужей, но ставили себѣ цѣлью заботы о сохраненіи ихъ здоровья или продленіи ихъ жизни, создавая имъ уютный очагъ для часовъ отдохновенія. Леони Леонъ не только не была заботливой женой Гамбетты, но по разнымъ причинамъ отказывалась вступить съ нимъ въ законный бракъ. Зато она была не только единственной женщиной, которую онъ любилъ со всей страстью своего южнаго темперамента, но и самымъ драгоцѣннымъ для него совѣтчикомъ и другомъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ. Онъ ничего не предпринималъ, не обсудивъ предварительно съ нею цѣлесообразность каждаго выступленія въ палатѣ, каждой публичной рѣчи, и во многихъ случаяхъ ея образъ мыслей оказывалъ прямое воздѣйствіе на его рѣшенія;

различіе ихъ взглядовъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ удерживало его отъ многихъ крайностей и обусловливало его примирительную политику, его стремленіе объединить всѣ республиканскія партіи въ тотъ моментъ, когда единеніе было необходимо для прочности молодой третьей республики. Оппортунизмъ, созданный Гамбеттой, выродился потомъ въ нежелательное явленіе и долженъ былъ уступить мѣсто болѣе рѣзкой и непримиримой партійной политикѣ, но въ то время, когда Гамбетта стоялъ во главѣ французскаго республиканскаго движенія, единеніе было необходимымъ и его политика была разумной. Съ какимъ удивленіемъ узналъ теперь міръ изъ писемъ самого Гамбетты, а также изъ дополнительныхъ свѣдѣній біографа Леони Леонъ, Франсиса Лора, что въ значительной степени политическая сдержанность Гамбетты, составляющая контрастъ съ его необузданной южной натурой, вызвана была вліяніемъ женщины, о существованіи которой никто не подозрѣвалъ до самой смерти Гамбетты, но которую онъ самъ называлъ, какъ гласитъ надпись на его портретѣ, подаренномъ ей,—„свѣтомъ его души, звѣздой его жизни".

Вся необычная исторія ихъ встрѣчи и ихъ любви, рѣзко и трагично окончившаяся неожиданной катастрофой въ Вилль д'Аврэ, изложена подробно въ книгѣ Лора. Ихъ первое знакомство относится къ 1869 году, хотя ихъ тогдашнюю встрѣчу нельзя даже назвать знакомствомъ. Въ 1869 году, когда Гамбетта произносилъ въ законодательномъ корпусѣ рѣчь, въ которой излагалъ свою радикально-демократическую программу и провозглашалъ принципъ всенароднаго голосованія, онъ замѣтилъ на одной изъ боковыхъ галерей молодую женщину, очень красивую, всю въ черномъ, которая всегда бывала тамъ, когда онъ говорилъ. Онъ много разъ встрѣчался съ ней взглядами. Наивный и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлый въ своихъ чувствахъ Гамбетта, никогда не знавшій серьезныхъ увлеченій даже во время бурныхъ студенческихъ лѣтъ въ Латинскомъ кварталѣ, рѣшился на дерзкій поступокъ. Когда чрезъ нѣсколько дней онъ опять увидѣлъ на томъ же мѣстѣ прекрасную и таинственную незнакомку, онъ написалъ тутъ же нѣсколько слишкомъ смѣлыхъ словъ, положилъ записку въ конвертъ и послалъ на галерею привлекавшей его женщинѣ. Потомъ онъ сталъ смотрѣть наверхъ, ожидая отвѣта. Незнакомка приняла письмо, прочла и медленно, на глазахъ Гамбетты, разорвала письмо въ клочки и исчезла.

Послѣ этого онъ не видѣлъ ее нѣсколько лѣтъ. Когда кончились ужасы войны, Гамбетта выступилъ организаторомъ національной защиты и сталъ подготовлять національное возрожденіе, надѣясь достигнуть его путемъ обновленнаго гражданскаго и военнаго обученія. Произнося рѣчь въ національномъ собраніи, онъ вдругъ снова уви-

дѣлъ въ галереѣ таинственную незнакомку, воспоминаніе о которой не изгладилось изъ его памяти, и тотчасъ же, не задумываясь, снова написалъ записку и послалъ ей. На этотъ разъ она не разорвала письма, въ которомъ Гамбетта говорилъ только о томъ, какъ онъ обрадовался, увидавъ ее, а вложила письмо за корсажъ, — но снова исчезла, какъ и въ первый разъ. Послѣ того Гамбетта встрѣтилъ ее совершенно случайно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, у постели одного своего друга, котораго пришелъ навѣстить, узнавъ, что онъ былъ раненъ на охотѣ. Среди посѣтителей у больного оказалась, къ глубокой радости Гамбетты, его незнакомка, о которой онъ не переставалъ думать. Они обмѣнялись нѣсколькими словами, и въ ихъ взглядахъ отразилось охватившее обоихъ взаимное чувство. Они вышли вмѣстѣ, и на улицѣ Гамбетта сейчасъ же заговорилъ о своей любви и сталъ спрашивать о причинахъ ея непонятной сдержанности, того, что она такъ избѣгала знакомства съ нимъ. Съ перваго же раза Леони Леонъ — это была она — объяснила ему, что онъ не долженъ ее любить, такъ какъ она одна изъ тѣхъ женщинъ, „на которыхъ не женятся“; она прибавила, что не будетъ принимать его у себя и не придетъ къ нему, такъ какъ безупречность его репутаціи для нея важнѣе всего. Гамбетта добился однако, чтобы она назначила ему свиданіе для дальнѣйшихъ объясненій, и во время двухъ встрѣчъ въ Версальскомъ паркѣ молодая женщина разсказала ему свою исторію, а также выяснила свой образъ мыслей. Оказалось, что она дочь полковника, выросшая въ бѣдности послѣ смерти отца и пережившая тяжелыя испытанія въ жизни. Она и ея сестра, обѣ неопытныя дѣвушки, сдѣлались жертвами случайныхъ соблазнителей. У сестры ея ребенокъ, котораго она любитъ какъ собственное дитя. Ее самоё соблазнилъ отецъ дѣвочки, къ которой она поступила воспитательницей. Послѣ этого несчастія она живетъ одна, въ тиши, считая себя опозоренной. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выяснилась твердость ея традиціонныхъ убѣжденій, связанная, однако, съ независимымъ свѣтлымъ умомъ. Она твердо заявила Гамбеттѣ, что никогда не станетъ его женой, считая, что для его общественной дѣятельности союзъ съ соблазненной дѣвушкой былъ бы пагубенъ. Кромѣ того, она говорила ему о твердости своихъ религіозныхъ убѣжденій, о томъ, что для нея святъ только церковный бракъ и что вообще рознь ихъ религіозныхъ убѣжденій должна составить непреодолимую преграду между ними. Они говорили также о политическомъ положеніи страны; Леони поддерживала въ Гамбеттѣ мысль о необходимости объединенія республиканскихъ партій, и указывала ему на способы, которыми это объединеніе можетъ быть достигнуто. Гамбетта увидѣлъ въ ревностной молодой католичкѣ ясный политическій умъ и сталъ ей дока-

зывать, что именно такой искренній, независимый, понимающій другъ, какъ она, былъ бы для него драгоцѣннымъ совѣтчикомъ. Онъ объяснилъ ей, что враждуетъ съ церковью и ея вліяніемъ, а вовсе не съ религіозными убѣжденіями, такъ какъ свобода совѣсти—основной принципъ республиканцевъ. Ихъ бесѣда обнаружила духовную близость и нескрываемую обѣими сторонами глубину чувства, и привела къ тому, что Леони согласилась стать подругой Гамбетты, но втайнѣ отъ всѣхъ, для того, чтобы ихъ свободная связь, — которую Леони считала оправданной Богомъ и скрѣпленною обѣтомъ вѣрности, — не повліяла на политическую карьеру ея друга. Они торжественно обручились втайнѣ, и съ тѣхъ поръ до самой смерти Гамбетты — ихъ счастье длилось всего десять лѣтъ — ихъ соединяла любовь, въ которой духовная близость усиливала сердечную связь. Эти десять лѣтъ были самыя дѣятельныя въ жизни Гамбетты; они привели его къ апогею славы, послѣ котораго наступилъ неизбѣжный въ судьбѣ великихъ людей трагическій моментъ паденія. Въ моментъ ихъ тайнаго обрученія, Леони поклялась своему другу, что если бы онъ когда-нибудь сталъ несчастнымъ, непонятымъ, если бы его стали преслѣдовать, то она утѣшитъ его, создавъ ему семейный очагъ; и когда этотъ моментъ наступилъ, Леони исполнила клятву и согласилась, послѣ десяти лѣтъ сопротивленія, стать женой Гамбетты. Но смерть помѣшала осуществленію того, что̀ было страстнымъ желаніемъ Гамбетты въ теченіе десяти лѣтъ.

Различіе ихъ натуръ и было причиной благотворнаго вліянія Леони на Гамбетту. Она была мистической натурой, и мистицизмъ ея сказался въ твердости ея католическихъ вѣрованій. Религіозность и любовь были единственными стимулами этой богато одаренной души, и на этихъ двухъ чувствахъ построена была ея жизнь. Она съумѣла ихъ согласовать въ своей привязанности къ Гамбеттѣ — въ томъ, что отказывалась стать его оффиціальной женой, пока это, по ея мнѣнію, могло повредить ему, и готова была, забывъ о своемъ предубѣжденіи противъ гражданскаго брака, принять его имя, когда это стало необходимостью для него въ моментъ политическаго разочарованія. Для него ея вліяніе было благотворно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ, именно благодаря ей, сталъ дѣлать рѣзкое различіе между борьбой съ церковью и преслѣдованіемъ религіозныхъ убѣжденій. Благодаря ей, онъ въ своихъ рѣзкихъ рѣчахъ противъ церковнаго вліянія, въ своей борьбѣ за отдѣленіе церкви отъ государства, говорилъ съ симпатіей о бѣдномъ сельскомъ духовенствѣ и ясно подчеркивалъ свою полную терпимость въ вопросѣ о свободѣ совѣсти. Францисъ Лоръ предполагаетъ, на основаніи писемъ Гамбетты, что если бы отдѣленіе церкви отъ государства,

осуществленное теперь, произошло при Гамбеттѣ, оно не сопровождалось бы тѣми насильственными дѣйствіями, въ которыхъ виновна теперешняя Франція; оно произошло бы болѣе мирнымъ способомъ;—подъ вліяніемъ Леони, Гамбетта велъ переговоры съ папой Львомъ XIII объ измѣненіи конкордата, о раздѣленіи гражданской и церковной власти въ жизни Франціи. Тогда никто не зналъ, кому Гамбетта поручилъ дипломатическую миссію въ Ватиканѣ,—а теперь, изъ опубликованныхъ Лоромъ писемъ Гамбетты, выясняется, что его посланницей была Леони Леонъ, и что, благодаря съ одной стороны ея искренней привязанности къ католичеству, а съ другой стороны, благодаря ея уму и пониманію французской политики и раздѣляемыхъ ею патріотическихъ идеаловъ Гамбетты, ея миссія была успѣшной; только позднѣйшее осложненіе обстоятельствъ помѣшало осуществленію того, чего добивался Гамбетта въ Римѣ.

Десять лѣтъ Гамбетта и его подруга жили согласной жизнью, освященной горячей любовью и духовной близостью, и охраняли тайну своей любви отъ всего міра. Въ редакціи „République Française“, во главѣ которой стоялъ Гамбетта, и гдѣ собирался весь политическій міръ Франціи, никто не подозрѣвалъ, что туда ежедневно приходитъ въ отдѣльное помѣщеніе Гамбетты молодая, очень красивая женщина, раздѣляетъ съ нимъ его скромныя трапезы въ маленькой столовой, обсуждаетъ съ нимъ всѣ политическіе вопросы дня, и что когда имъ приходится разставаться, когда онъ уѣзжаетъ изъ Парижа, или ей иногда приходится уѣхать для поправленія здоровья, Гамбетта ежедневно пишетъ ей письма, въ которыхъ изливается его страстная и нѣжная душа. Въ книгѣ Лора собраны письма Гамбетты за десять лѣтъ ихъ совмѣстной жизни. Въ письмахъ этихъ прежде всего отражается нѣжное и удивительно цѣльное чувство Гамбетты къ его подругѣ. У него вѣрная простая душа; она показалась бы наивной по сравненію съ изнервленными, сложными чувствами современныхъ людей, которые вносятъ въ любовь больную психологію. Гамбетта былъ человѣкъ активнаго темперамента, страстный въ политической жизни, не знающій сомнѣній, безъ разсудочности, осложняющей и убивающей страсть. Таковъ онъ и въ любви. Онъ полюбилъ разъ и на всю жизнь, и такъ какъ судьба его свела съ женщиной, равной ему по духу, то отношенія ихъ были истинно прекрасными. Ничто ихъ не нарушаетъ. Гамбетта всецѣло вѣритъ своей подругѣ; никакихъ подозрѣній и сомнѣній—ни относительно ея, ни относительно своего чувства къ ней. У него только одна печаль: она не хочетъ стать его женой, твердо рѣшивъ оставаться въ тѣни. Онъ знаетъ, что она руководствуется при этомъ только мыслью о немъ, и потому старается побѣдить ея сопротивленіе,—что и удается ему только въ тяжелую минуту, когда слава его меркнетъ. Внѣ этихъ

настаиваній на бракѣ, нѣтъ ни одного облачка въ ихъ отношеніяхъ. И самое цѣнное въ нихъ—ихъ духовная дружба. Гамбетта дѣлитъ съ Леони всѣ свои политическія заботы, обращается къ ней за совѣтомъ, какъ къ опытному другу, называетъ ее часто учителемъ, а себя ученикомъ, и постоянно поетъ гимны ея красотѣ, ея уму, ея благородству. Ихъ свѣтлая и ясная любовь отразилась въ его письмахъ съ удивительной красотой. Среди этихъ писемъ есть пламенныя посланія, въ которыхъ онъ выражаетъ всю благодарность своей нѣжной души за свѣтъ, который она пролила въ его жизнь. „Я обожаю тебя, какъ святые обожали Бога,—пишетъ онъ,—какъ обожали чистый духъ"... „Все мое существо принадлежитъ тебѣ",—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ; „моя жизнь зависитъ отъ твоей..." „Съ тѣхъ поръ, какъ судьба насъ соединила,—пишетъ онъ опять,—ты стала вдохновительницей всѣхъ моихъ дѣйствій, вѣрнымъ руководителемъ моихъ рѣшеній, и я люблю тебя, какъ когда-то греки вѣроятно любили своихъ покровительствующихъ богинь, каждый свою Минерву... Отъ сколькихъ ошибокъ ты уберегла меня, сколько вѣрныхъ словъ вложила въ мои уста, отъ сколькихъ необдуманныхъ поступковъ и вспышекъ гнѣва спасла меня"... Или еще въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ: „Жизнь была бы ложью, не стоило бы сохранять ее, не имѣя такого соратника, какъ Леони. И я поэтому не только люблю ее, но повинуюсь ей и сливаю любовь къ ней въ единую любовь къ родинѣ". Писемъ Гамбетты къ Леони множество, несмотря на то, что они были почти постоянно вмѣстѣ, потому что онъ ей часто писалъ послѣ того, какъ она уходила отъ него, оставляя его преисполненнымъ любви и благодарности, а когда онъ уѣзжалъ, писалъ ей ежедневно. Приведенныя выдержки характеризуютъ характеръ ихъ отношеній. Любовь къ одной единственной женщинѣ и такое отношеніе къ ея духовнымъ качествамъ кажутся исключительнымъ явленіемъ въ жизни француза, особенно столь поглощеннаго общественной дѣятельностью. Французы склонны преклоняться передъ „женскими чарами" и готовы „забывать о дѣлахъ" въ женскомъ обществѣ, но слить любовь къ женщинѣ съ дѣломъ жизни, мыслить и работать совмѣстно съ нею—это не въ духѣ французовъ. Въ этомъ смыслѣ дружба Гамбетты и Леони Леонъ особено поразительна. Такія письма и такія отношенія не удивили бы въ жизни русскаго общественнаго дѣятеля—и такихъ союзовъ между выдающимися людьми и достойными ихъ подругами много въ русской жизни, гдѣ женщина въ большинствѣ случаевъ не обособляется въ сферѣ „женскихъ спеціальностей"—кокетства и воздѣйствія на мужчинъ путемъ „женскихъ чаръ". Но такихъ француженокъ, какъ Леони Леонъ, такъ рѣшительно отвергнувшая всякія удовлетворенія самолюбія, съ такой глубиной и вѣрностью любившая своего друга и съ

такимъ свободнымъ умомъ влiявшая на его дѣятельность,—найдется очень мало, и пришлось бы называть имена великихъ женщинъ французской исторiи и французской общественной и литературной жизни, чтобы найти равную ей по духу и по душевнымъ качествамъ.

Гамбетта дѣлилъ съ Леони всѣ свои политическiя заботы и въ пору своего блеска, и въ тяжелый для него 1882 годъ, когда въ парламентѣ крѣпла оппозицiя противъ него. Въ его письмахъ, наряду съ увѣренiями въ любви, съ горячими просьбами стать его женой, Гамбетта говоритъ Леони и о текущей политикѣ, о борьбѣ съ врагами, о томъ, что̀ онъ считаетъ своимъ долгомъ передъ страной, и всѣ эти изліянія передъ подругой, въ которую онъ такъ вѣритъ, дышатъ поразительной искренностью, отражаютъ чистую, пламенно вѣрящую въ дѣло, почти безмятежную въ своей неозлобленности, хотя и гнѣвную порой душу. Онъ пишетъ ей въ 1878 году о берлинской конференцiи, о „чудовищѣ", какъ онъ зоветъ Бисмарка, пишетъ о нацiональномъ празднествѣ 24 мая 1878 года, о бурѣ восторговъ, которую вызвала его рѣчь, о своей радости, что удалось выдвинуть молодую республику въ одинъ рядъ съ другими европейскими народностями и укрѣпить ея силу на основѣ внутренней солидарности республиканскихъ партiй. „Наши дѣла хороши,—пишетъ онъ,—и Минерва можетъ гордиться. Аѳины воздвигнутъ ей статую, если Аѳины, вернувшись къ прежнему блеску, вспомнятъ прежнюю свою доблесть: умѣнiе быть признательными".

Участiе Леони въ дѣятельности Гамбетты выражалось главнымъ образомъ въ совѣтахъ благоразумiя, которые давала ему та, которую онъ называлъ „мудрой Минервой". Благодаря ей онъ велъ „политику результатовъ", благодаря ей онъ протянулъ руку Тьеру, Луи Блану, Греви, Виктору Гюго, и укрѣпилъ республиканскiй либерализмъ; она внушила ему тактичность и терпимость въ религiозномъ вопросѣ, она же смягчала его южную необузданность и первоначальную рѣзкость, сдѣлала изъ Гамбетты, котораго вначалѣ его карьеры противники называли „бѣшенымъ" (fou furieux), обаятельнаго въ обращенiи, тактичнаго свѣтскаго человѣка, который обворожилъ Тьера и умѣлъ вызывать расположенiе всѣхъ, кого считалъ полезными для своего дѣла. „Если въ теченiе десяти лѣтъ—говоритъ Франсисъ Лоръ—Гамбетта могъ придать обаятельность французской республикѣ, въ области изящныхъ искусствъ, науки, военной жизни, финансовъ, то въ этомъ сказывается влiянiе высококультурной, изящной женщины — его подруги. Это влiянiе было какъ бы невидимой связующей нитью между второй имперiей и третьей республикой".

Мы видѣли уже, что Леони Леонъ принимала иногда и непосредственное участiе въ государственныхъ дѣлахъ, что ей была поручена

миссія къ папѣ Льву XIII. И особенно драгоцѣнной сдѣлалась близость съ Леони для Гамбетты, когда онъ вошелъ въ пору политическихъ неудачъ, когда палата становилась все въ бо́льшую оппозицію съ нимъ. По письмамъ этого времени видно, что онъ и тогда не падалъ духомъ, а хотѣлъ до конца выполнить патріотическій долгъ и радъ былъ похоронить всякое личное честолюбіе въ любви къ своей подругѣ. Въ январѣ 1882 года Гамбетта былъ разбитъ оппозиціей и лишился власти. Его возмущали обвиненія въ диктаторскихъ помыслахъ;—онъ боролся и, можетъ быть, еще вернулъ бы себѣ прежнее положеніе—если бы смерть не унесла его въ самомъ концѣ того же злополучнаго для него года. Его мысли, послѣ паденія его министерства, были направлены на то, чтобы окончательно соединиться съ Леони, — и она, въ виду его измѣнившагося положенія, уже не сопротивлялась. Они строили планы совмѣстной жизни, и рѣшено было поселиться неподалеку отъ Парижа. Въ возникновеніи этого плана сыгралъ роль—самымъ неожиданнымъ образомъ—Бисмаркъ. Франсисъ Лоръ разсказываетъ эту любопытную исторію вмѣшательства Бисмарка въ жизнь его политическаго врага. У Гамбетты были постоянныя косвенныя сношенія съ Бисмаркомъ черезъ разныхъ друзей, и въ особенности черезъ одного изъ самыхъ преданныхъ друзей Гамбетты, Шебюри. Въ 1878 году, въ Варцинѣ, Шебюри сталъ восхвалять Гамбетту нѣмецкому канцлеру и говорить о его возрастающемъ вліяніи во Франціи. Бисмаркъ, нѣсколько раздосадованный, согласился, что это единственный опасный для Германіи человѣкъ во Франціи, но прибавилъ, что, къ сожалѣнію,—для Франціи, конечно,—этотъ высокодаровитый человѣкъ не долго проживетъ. Шебюри удивился, возразилъ, что Гамбетта пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. Но Бисмаркъ отвѣтилъ ему, что слѣдитъ очень внимательно за образомъ жизни Гамбетты, знаетъ, что онъ очень не бережется, и что ему недостаетъ тихаго семейнаго очага. „Чтобы долго работать на пользу странѣ,—сказалъ Бисмаркъ со смѣхомъ,—нужно имѣть некрасивую жену, много дѣтей, какъ всѣ средніе люди, имѣть загородный домъ и уѣзжать туда отдыхать и готовиться къ выступленію въ каждый данный моментъ". Шебюри, послѣ нѣкотораго колебанія, передалъ это мнѣніе Бисмарка Гамбеттѣ, и тотъ, тоже со смѣхомъ, согласился, что Бисмаркъ правъ, и рѣшилъ сохранить какъ можно дольше Бисмарку его главнаго врага. Съ цѣлью жить спокойной деревенской жизнью и былъ купленъ домикъ въ Вилль д'Аврэ,—но судьба не дала Гамбеттѣ возможность воспользоваться и дальше совѣтами своего врага. Онъ уѣхалъ въ Италію, писалъ оттуда пламенныя письма Леони и подъ конецъ путешествія просилъ ее поѣхать до него въ Вилль д'Аврэ и слѣдить самой за скорѣйшимъ приведеніемъ всего въ порядокъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ самъ, и они

совмѣстно закончили устройство дома на скромныя средства—и поселились въ немъ. Черезъ нѣсколько дней разразилась катастрофа—за недѣлю до предполагаемой свадьбы.

Жизнь Леони Леонъ послѣ смерти Гамбетты выясняется до нѣкоторой степени изъ ея писемъ къ одной пріятельницѣ, помѣщенныхъ въ книгѣ Лора. Всѣ долгіе годы, которые она прожила одна—она умерла года полтора тому назадъ,—посвящены были памяти ея единственной любви. Она изъ религіознаго чувства не кончила самоубійствомъ, но жила совершенно одиноко въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ей были дороги по воспоминаніямъ, преимущественно въ Римѣ, „городѣ гробницъ", наиболѣе отвѣчавшемъ ея настроеніямъ. Всѣ ея письма до послѣдняго времени полны мыслью объ умершемъ другѣ, и послѣ многихъ лѣтъ она пишетъ такъ, какъ будто онъ умеръ наканунѣ. Эта жизнь была всецѣло посвящена одному человѣку, а потомъ—памяти о немъ. Она жила очень скромно, не имѣя средствъ,—и послѣдніе годы провела въ маленькомъ домикѣ на окраинахъ Парижа, въ Отейлѣ, совершенно одиноко, видя только нѣсколькихъ друзей ея великаго друга.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1908.

Судъ надъ членами первой Государственной Думы.—Объясненія подсудимыхъ.—Политическая сторона процесса.—Обвиненіе и защита.—Приговоръ.—Контрасты.—Третья Дума и искорененіе пьянства.—Дѣло о сдачѣ Портъ-Артура.—„Батумская крѣпостная педагогія".

Мы беремся за перо подъ живымъ впечатлѣніемъ процесса о выборгскомъ воззваніи. Черезъ полтора года послѣ памятнаго „разгона"—„не разгона, а роспуска",—замѣчалъ нѣсколько разъ предсѣдатель судебной палаты во время рѣчи И. И. Рамишвили—опять раздались громкіе голоса первыхъ избранниковъ народа. Газеты опять разнесли по всей странѣ спокойно-величавыя слова С. А. Муромцева, острыя, какъ бритва, и проникнутыя вѣрой въ силу и конечное торжество конституціонной идеи,—Ив. И. Петрункевича, блещущія знаніями и логикой,—Ѳ. Ѳ. Кокошкина и В. Д. Набокова, полныя искренней преданности трудовому, забитому нуждой и горемъ, народу—почтеннаго старца В. И. Лунина и Н. И. Семенова, и страстно фанатичныя—И. И. Рамишвили... Ихъ рѣчи воскресили воспоминанія о томъ настроеніи, въ которомъ Россія жила въ краткіе мѣсяцы первыхъ выборовъ и первой Государственной Думы. Изъ дали такого близкаго и въ то же время такого давняго прошлаго обрисовались надежды, которыми тогда были охвачены всѣ отъ мала до велика, вспомнились мысли, волновавшія тогда и городъ, и деревню, вспомнился никогда небывалый подъемъ духа...

Съ 12-го по 18-е декабря, происходила въ петербургской судебной палатѣ судебная ликвидація этихъ мыслей, этого настроенія и этого подъема. Въ лицѣ 169 подсудимыхъ, составившихъ выборгское воззваніе и обвинявшихся въ участіи въ его распространеніи, палата судила первую Государственную Думу. И съ внѣшней стороны это не былъ судъ надъ 169 обывателями, которые совмѣстными усиліями совершили преступное дѣяніе и на намѣреніи совершить его объединили свою преступную волю. Это былъ судъ надъ организованной людской массой, объединенной формально закономъ. Каждый моментъ процесса показывалъ, что скамью подсудимыхъ занимаетъ Государственная Дума, распадающаяся на связанныя партійной дисциплиной политическія фракціи и подготовляющая внѣ залы суда планъ дѣйствій на судѣ. И именно — Дума перваго созыва: еди-

пая въ страстномъ стремленіи къ обновленію государственнаго строя, — та самая Дума, которая единогласно вотировала отвѣтный адресъ, недовѣріе на декларацію министерства и законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Глядя на длинные ряды стульевъ и скамей съ сидящими по фракціямъ бывшими депутатами, что-то безконечно искусственное и далеко оторванное отъ дѣйствительной жизни слышалось въ формулѣ обвиненія: „задумавъ возбудить населеніе... по предварительному между собою уговору и дѣйствуя сообща... составили... завѣдомо для нихъ"... Люди въ теченіе семидесяти-двухъ дней дѣйствовали сообща, по предварительному уговору и завѣдомо о послѣдствіяхъ осуществляли задуманное,—въ отношеніи же того, что̀ ими было сдѣлано въ семьдесятъ-третій день, имъ инкриминируется не только сдѣланное само по себѣ, но и соглашеніе для совмѣстнаго дѣйствія.

„Въ залѣ суда законный кворумъ на-лицо",—смѣясь, говорили подсудимые. Дѣйствительно, передъ судомъ была третья часть бывшихъ членовъ первой Думы. Къ нимъ надо прибавить тринадцать участниковъ совѣщаній въ Выборгѣ—убитыхъ, умершихъ и скрывшихся—и до пятидесяти впослѣдствіи присоединившихъ свои подписи. А съ другой стороны, только три подписи стояли подъ извѣстнымъ письмомъ въ „Новое Время", появившимся въ противовѣсъ воззванію. Это—фактъ, котораго нельзя ни выбрасывать, ни забывать. Цензурныя условія, возбужденіе судебнаго дѣла и добровольческій сыскъ, чинившійся дворянскими собраніями и правой печатью, на всѣ полтора года изъяли выборгское воззваніе изъ предметовъ всесторонняго объективнаго обсужденія. Намъ только мимоходомъ случалось отмѣчать наше отношеніе къ воззванію, какъ къ политически ошибочному акту. Но психологически составленіе его и даже содержаніе намъ были всегда понятны. „Что̀ оставалось дѣлать депутатамъ— говорилъ на судѣ И. И. Рамишвили—послѣ роспуска Думы? Надѣть шапки и уйти было невозможно; въ соотвѣтствіи съ тѣми надеждами, которыя возлагались на Думу,—это было бы позорно. Вѣдь долгая прошлая жизнь народа представляла одну сплошную цѣпь страданій. Онъ былъ объявленъ податнымъ сословіемъ и стоналъ подъ игомъ налоговъ, раздѣвавшихъ его до-гола. На просьбы ему отвѣчали горячими пулями, какъ это было на улицахъ Петербурга... (Предсѣдатель останавливаетъ подсудимаго.) Этотъ народъ искалъ спасенія, но его не было ни откуда. Даже высокое небо долго и долго молчало, а служители неба здѣсь на землѣ пристали къ угнетателямъ народа и сами терзали его. Надъ страною стояла темная ночь, оглашавшаяся порою лишь мрачными могильными пѣснями, и вдругъ эту темноту прорѣзалъ лучъ солнца—народное представительство. Чего же

удивляться, что народъ бросился къ нему, какъ къ путеводной звѣздѣ, какъ къ якорю спасенія. И вдругъ разгонъ... („Никакого разгона не было, а былъ роспускъ Государственной Думы",—останавливаетъ предсѣдатель)—хорошо, роспускъ. Онъ раздался надъ родиной, какъ громовой ударъ, и передъ народомъ всталъ вопросъ: гдѣ депутаты, кто, почему ихъ разогналъ (Предсѣдатель останавливаетъ оратора.)... распустилъ Думу. Да, теперь пусть распустятъ хоть десятую Думу,—такіе вопросы не будутъ имѣть мѣста [1]).

Чувство не снимаемой ничѣмъ и никѣмъ отвѣтственности передъ народомъ составляло доминирующій моментъ въ жизни первой Думы. Могло ли это чувство оборваться въ минуту прочтенія наклееннаго на углахъ улицъ указа о роспускѣ? Могъ ли членъ первой Думы въ одну минуту переродиться въ обывателя—„надѣть шапку и уйти"? Въ комъ суровое междудумье, партійная рознь второй Думы и торжество реакціи не вытравили памяти о первыхъ выборахъ, на которыхъ избиратели и избранники обмѣнивались клятвами, кто не забылъ тронной рѣчи въ Зимнемъ дворцѣ, когда монархъ непосредственно обращался къ стоявшимъ передъ нимъ представителямъ народа, а залитые золотомъ мундиры сановниковъ лишь оттѣняли величіе картины новой эры — эры непосредственнаго общенія и единенія царя и подданныхъ,—для того не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Вторая Дума уже не была въ той мѣрѣ проникнута чувствомъ отвѣтственности—и послѣ роспуска члены ея разошлись молча. Третья—пожалуй разойдется съ поклономъ. Члены же первой Думы въ роковой день 9 іюля не могли не смотрѣть черезъ голову правительства и задаваться вопросомъ: что̀ будетъ?

Эту сторону психологическаго объясненія совершеннаго въ Выборгѣ „дѣянія" съ исчерпывающей ясностью освѣтилъ въ своей рѣчи Ив. И. Петрункевичъ: ...„Мы рѣшили немедленно выбрать такую территорію, гдѣ бы представлялась возможность собраться. Мы остановились на Выборгѣ, на ближайшемъ пунктѣ, гдѣ можно было найти помѣщеніе. Мы выѣхали въ Выборгъ, ничего не предрѣшая"... „Насъ всѣхъ объединяло одно чувство: невозможность не дать отчета, не дать совѣта народу. Вамъ можетъ показаться страннымъ, почему мы считали это необходимымъ, но я долженъ сказать, что хотя юридически полномочія членовъ Госуд. Думы окончились, однако въ сознаніи народа, въ сознаніи страны, наши полномочія еще не прекратились, пока мы не дали отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Такое требованіе мы считали и считаемъ справедливымъ, и для насъ, бывшихъ депутатовъ, обязательнымъ. Независимо отъ этой прямой обязанности была и другая причина, побуждавшая насъ обратиться къ народу съ

[1]) Эта и слѣдующая цитаты приведены по „Рѣчи", №№ 295, 297 и 298.

воззваніемъ. Можетъ быть, наши соображенія были ошибочны, но ту же ошибку раздѣляло съ нами правительство. Мы полагали, что въ странѣ роспускъ Государственной Думы можетъ быть встрѣченъ не совершенно равнодушно, что онъ можетъ вызвать хотя бы мѣстные безпорядки, которые мы, представители народа, должны были предупредить, тѣмъ болѣе, что въ то время только Государственная Дума пользовалась довѣріемъ и авторитетомъ въ странѣ. Что̀ же мы могли сказать народу? Мы могли сказать, что Дума распущена, что надо ждать новой Думы, т.-е. поддерживать его надежды. Мы могли также, подобно Пилату, умыть руки и ровно ничего не сказать. Наконецъ, мы могли сказать то, что̀ сказали. Въ первомъ случаѣ мы солгали бы народу, потому что сами утратили всякую надежду на дальнѣйшее существованіе Государственной Думы. Точно также мы не могли умыть руки, т.-е. предоставить народъ самому себѣ и толкнуть его на самые рискованные шаги. Мы предпочли послѣдній путь—единственно возможный и, по нашему убѣжденію, предупреждающій новую смуту, новые безпорядки и, быть можетъ, пролитіе крови"...

И своему совѣту, за который черезъ полтора года члены первой Думы заняли скамью подсудимыхъ, они предпослали: „до созыва народнаго представительства". Эту предпосылку обыкновенно забываютъ, когда говорятъ и пишутъ о выборгскомъ воззваніи. А между тѣмъ она весьма существенна. Ею ясно подчеркивалась конституціонность цѣли и даже болѣе того—на почвѣ дѣйствующихъ основныхъ законовъ. Правда, ранѣе въ воззваніи говорилось: „ни одного дня Россія не должна оставаться безъ народнаго представительства". Слѣдовательно, требовался созывъ Думы немедленный. Но, съ другой стороны, за фразой не стояло ея неизбѣжнаго во всѣхъ резолюціяхъ того времени продолженія: „на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права". Если прибавить къ этому, что указъ о роспускѣ первой Думы, вопреки основнымъ законамъ, не назначалъ срока производства новыхъ выборовъ, то устраняются всякія сомнѣнія въ искренности словъ того же оратора-подсудимаго: „Не смуту мы хотѣли создать въ странѣ, а укрѣпить тотъ порядокъ вещей, который въ данное время существовалъ и былъ санкціонированъ Верховной властью, порядокъ, который мы, какъ граждане, были обязаны защищать"...

Еще одна выдержка изъ рѣчи Ив. И. Петрункевича: „Не всякое дѣйствіе, совершенное въ странѣ въ извѣстный моментъ ея жизни, является уголовнымъ преступленіемъ: бываютъ моменты, когда создается коллизія между жизнью и закономъ. Коллизія эта не всегда разрѣшается въ пользу дѣйствующаго закона, она нерѣдко разрѣшается въ пользу жизни". Иллюстраціей этого положенія Ив. И. Пе-

трункевичъ привелъ резолюціи перваго земскаго съѣзда—преступное дѣяніе, нашедшее свое разрѣшеніе не въ приговорѣ суда, а въ Высочайшемъ манифестѣ 17 октября...

Полтора года если не для всѣхъ сплошныхъ преслѣдованій и сплошной борьбы съ нуждой, то для всѣхъ — горькаго и обиднаго устраненія отъ политической и общественной дѣятельности—не разрушили въ подсудимыхъ той спайки, которую создала для нихъ работа „первыхъ“ избранниковъ народа. Какъ бы то ни было, но людямъ—живымъ людямъ, имѣющимъ семьи, личныя привязанности, личные интересы и вкусы,—грозило лишеніе свободы до трехъ лѣтъ. И никто изъ 169 не сказалъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного шага, продиктованныхъ личными интересами. Молчали бывшіе священники, за подписаніе воззванія лишенные сана и обращенные въ нищихъ. Молчали дворяне, исключенные изъ собраній. Молчали присяжные повѣренные, лишенные права практики. Молчалъ бывшій мировой судья, едва добившійся мѣста смотрителя какого-то зданія за комнату и тридцать рублей въ мѣсяцъ. Молчалъ столяръ, котораго не принимаютъ ни въ одну мастерскую. Молчали крестьяне, которые цѣлый годъ по два раза въ мѣсяцъ обязаны были ходить за десятки верстъ въ становую квартиру. Молчали люди. Молчало людское горе — то горе, которое уже позади, и то, которое ожидалось впереди... Молчали девять подсудимыхъ, пріѣхавшихъ въ Выборгъ послѣ составленія воззванія и которымъ, несмотря на это, предъявлялось обвиненіе въ томъ, что они „10-го іюля въ гор. Выборгѣ составили для распространенія“ и т. д. Никто не вырывалъ изъ рукъ прокурора возможности обвиненія. Никто не сказалъ: „докажите, что я виновенъ, покажите мою подпись“...

На судѣ говорили бывшіе члены Думы. Говорили по уполномочію фракцій. Не знаемъ, входило ли то въ намѣренія подсудимыхъ, но отъ процесса осталось неизгладимое впечатлѣніе, что судили не 169 преступниковъ, что-то совершившихъ въ Выборгѣ, а первую русскую Государственную Думу. Присутствовавшимъ на процессѣ и часто посѣщавшимъ засѣданія первой Думы нужно было извѣстное усиліе мысли, чтобы представить себя въ зданіи судебныхъ установленій, а не въ Таврическомъ дворцѣ. Особенно во время перерывовъ—въ кулуарахъ суда. Подсудимые—все слишкомъ знакомыя лица. Тѣ же представители печати, та же публика, тѣ же стенографистки. Такъ и чувствовалось, что сейчасъ перерывъ кончится и раздастся голосъ С. А. Муромцева—не съ „позорной“ скамьи, а съ предсѣдательской трибуны. Глазъ невольно начиналъ искать двухъ самыхъ памятныхъ ораторовъ первой Думы: графа Гейдена и Аладьина... Кадеты разрѣшили защитникамъ освѣщать исключительно юридическую сторону

дѣла. Трудовики и соціалъ-демократы и отъ юридической защиты отказались. Къ нимъ присоединились ихъ защитники. „Намъ ли ихъ защищать—заявилъ присяжный повѣренный Александровъ, — ихъ, въ которыхъ была сосредоточена вся жизнь всего народа? Вѣдь мы же ихъ провожали, мы плакали, вѣдь мы взвалили на эти плечи страшную историческую тяжесть. Мы, быть можетъ, жестоко требовали, чтобы они разрѣшили ее въ Таврическомъ дворцѣ. Намъ ли ихъ защищать, — тѣхъ людей, которыхъ мы послали защищать весь народъ и какой народъ?..“

Послѣднимъ изъ подсудимыхъ говорилъ С. А. Муромцевъ, въ глазахъ бывшихъ членовъ первой Думы оставшійся ихъ предсѣдателемъ и въ залѣ суда. Когда въ первый день процесса его вызвали для отвѣта на вопросы объ имени, званіи и проч., всѣ подсудимые встали. За ними встали защитники и публика. Рѣчь С. А. Муромцева не имѣла и тѣни сходства съ обычнымъ послѣднимъ словомъ подсудимаго. Это было, всего ближе, предсѣдательское резюме, сказанное спокойно, съ твердостью и полнымъ достоинствомъ. Только два раза въ теченіе рѣчи спокойствіе видимо покидало оратора: когда онъ парировалъ приведенный товарищемъ прокурора уличный слухъ о фразѣ, которою будто бы были открыты занятія въ Выборгѣ; а затѣмъ — когда онъ говорилъ о попыткахъ установить аналогію между внѣшними врагами государства и внутренними врагами правительства.

„Намъ говорятъ — началъ эту часть своей рѣчи С. А. Муромцевъ,—что когда наступаетъ врагъ—всѣ партіи соединяются, что на Западѣ даже соціалъ-демократы соединяются съ другими партіями противъ врага. Но кто же здѣсь врагъ? Вѣдь всѣ партіи соединяются, когда наступаетъ внѣшній врагъ, когда чужестранецъ наступаетъ на страну, когда нужно спасать страну... Но развѣ собственный народъ можетъ намъ быть врагомъ? Можетъ быть врагомъ правительства? Можетъ быть врагомъ кого бы то ни было? Развѣ возможно такое отношеніе къ народу? Такія воззрѣнія возвращаютъ насъ въ средніе вѣка, когда населеніе государства дѣлилось на завоевателей и завоеванныхъ, и когда, дѣйствительно, правительство, находившееся въ рукахъ завоевателей, смотрѣло на населеніе, какъ на врага... Развѣ кто-нибудь — будь онъ той или другой партіи, того или другого сословія, крестьянинъ или дворянинъ — развѣ можетъ кто-нибудь такъ смотрѣть на свой народъ? Гг. судьи! говорятъ, что это патріотическая точка зрѣнія... Нѣтъ, это не патріотическая точка зрѣнія... У меня словъ нѣтъ для того, чтобы протестовать всей душой противъ такого антигосударственнаго взгляда... Но будемъ спокойны и пойдемъ дальше“...

Дальше С. А. Муромцевъ развивалъ свою основную тему: вопросъ

о выборгскомъ воззваніи съ самаго начала былъ обращенъ въ вопросъ о первой Государственной Думѣ. „Мы ждали, что эта фантасмагорія, наконецъ, разсѣется, когда дѣло дойдетъ до судебнаго разслѣдованія; мы ждали, что обвинители наши поставятъ дѣло на свое мѣсто и скажутъ: „оставьте въ сторонѣ первую Государственную Думу, рѣчь идетъ о выборгскомъ воззваніи,—и только". Но мы получили обвинительный актъ. Обвинительный актъ называется въ первыхъ строкахъ: дѣло о такомъ-то, такомъ-то и такомъ-то. О комъ же? — О лицахъ, составляющихъ президіумъ первой Государственной Думы. Мы поняли, что судятъ не составителей выборгскаго воззванія, а на судъ поставили первую Государственную Думу, и, какъ члены таковой, мы и явились сюда"... „Что же касается до самаго акта выборгскаго воззванія — это старый, давнишній вопросъ о двухъ важнѣйшихъ формахъ политики, примѣняемой въ случаяхъ, когда грозитъ политическое несчастье. Когда идетъ на васъ горный потокъ, — чтобы спасти деревню, лежащую на пути этого потока, нужно сдѣлать плотину и потокъ остановить, а кто думаетъ, что потока нельзя остановить, тотъ предлагаетъ другія средства — прорыть всевозможные обходные каналы и пустить его по этимъ каналамъ. Члены Государственной Думы думали именно такъ"...

Въ юридическую сторону обвиненія судебное разбирательство не внесло ни одного новаго штриха. 129 статья уголовнаго уложенія, какъ висѣла въ воздухѣ въ моментъ возбужденія дѣла, такъ и осталась связанною съ дѣяніемъ 156 подсудимыхъ изъ 169 желаніями — по выраженію одного изъ защитниковъ—обвинительной власти, а не доказательствами и уликами. Обвинительная рѣчь товарища прокурора, г. Зибера, вполнѣ соотвѣтствовала общей постановкѣ дѣла и оправдывала мысль о томъ, что не изъ доказательствъ и уликъ вытекла необходимость квалифицировать составленіе выборгскаго воззванія, какъ участіе въ его распространеніи, а изъ соображеній иного свойства — о подсудности и, главное, о послѣдствіяхъ предъявленія обвиненія по 129 статьѣ вмѣсто 132-ой.

Строго говоря, юридическаго содержанія въ обвинительной рѣчи не было, если не считать весьма своеобразнаго, чтобы не сказать болѣе, толкованія ученія о соучастіи по дѣйствующему уголовному законодательству. Были утвержденія—вродѣ: „я утверждаю, что преступленіе совершено" или „вполнѣ установлено, что воззваніе нѣкоторыми изъ подсудимыхъ, по соглашенію со всѣми остальными, было распространено",—но не было вовсе сопоставленія этихъ утвержденій съ конкретными обстоятельствами. Весьма характерно: обвиняя 169

подсудимыхъ, въ отношеніи которыхъ суду предстояло рѣшить вопросъ о виновности каждаго въ отдѣльности и которымъ каждому же въ отдѣльности судъ долженъ былъ избрать наказаніе въ предѣлахъ отъ двухъ недѣль тюрьмы до трехъ лѣтъ исправительнаго дома,—обвинитель не назвалъ ни одной фамиліи. Впрочемъ, одну фамилію онъ назвалъ—Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Но отнюдь не въ цѣляхъ выясненія его индивидуальной виновности, а чтобы противопоставить словамъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ 1848 г. въ Пруссіи, полемическую замѣтку, появившуюся въ тотъ день въ „Новомъ Времени" [1]). Едва ли въ соображенія г. Зибера входило намѣреніе подчеркнуть политическій смыслъ процесса—сужденіе первой Государственной Думы. Но, устранивъ изъ своей рѣчи индивидуализированіе дѣйствій и отвѣтственности подсудимыхъ и объединивъ ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое, онъ этотъ смыслъ процесса несомнѣнно подчеркнулъ. Или, быть можетъ, г. Зиберъ помимо воли поддался общему настроенію и черезъ стѣны зданія судебныхъ установленій тоже видѣлъ передъ собой Таврическій дворецъ?..

Г. Зиберъ началъ рѣчь съ пріема, рѣзко кольнувшаго всѣхъ, кому дорогъ судъ и дороги судебные уставы. „...Собрались они въ одной изъ гостинницъ Выборга, причемъ засѣданіе было открыто бывшимъ предсѣдателемъ Думы, бывшимъ или настоящимъ профессоромъ Муромцевымъ. *Говорятъ*, будто собраніе было открыто словами: „засѣданіе Государственной Думы продолжается". Среди подсудимыхъ раздались крики: „неправда! ложь!" Предсѣдатель, обратившись въ сторону прокурорской каѳедры, что-то сказалъ—повидимому, остановилъ оратора. „Это не было предметомъ изслѣдованія на судебномъ слѣдствіи,—я не знаю, правда ли это, и на этомъ не останавливаюсь",—переходя далѣе, замѣтилъ г. Зиберъ. „Не останавливаюсь" на томъ, на чемъ уже остановился! Такой пріемъ недопустимъ, когда къ нему прибѣгаетъ адвокатъ. А что сказать про государственнаго обвинителя, который аргументируетъ свои доводы слухами, неизвѣстно, отъ кого исходящими, и затѣмъ прячется за „не знаю, правда ли это" и „не останавливаюсь"?

Заключая рѣчь, г. Зиберъ поднялся на высоту исторіи. И съ этой высоты онъ объявилъ новую историческую истину, что родина и правительство—одно и то же. „Почему вы пошли противъ родины, хотя вы говорите, что ваши дѣйствія направлены были противъ правительства? Правительство и страна настолько тѣсно связаны, что такой

[1]) Съ большимъ тактомъ, по нашему мнѣнію, отвѣтилъ г. Зиберу Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ: не въ судѣ, а въ статьѣ, напечатанной на другой день въ „Рѣчи". Онъ указалъ прокурору, гдѣ настоящее мѣсто для полемики.

способъ борьбы противъ правительства допустимъ быть не можетъ! Какая бы борьба ни велась противъ него, она является всегда преступленіемъ. Вы говорите, что народъ васъ оправдалъ, что народъ вамъ вѣритъ; но исторія усомнится и въ этомъ и скажетъ, что если бы народъ, дѣйствительно, повѣрилъ вамъ, то и пошелъ бы за вами, а народъ за вами не пошелъ"... Итакъ, оказывается, что въ глазахъ обвинителя „народъ за вами не пошелъ" есть одно изъ основаній обвиненія въ возбужденіи народа къ тому, чтобы онъ пошелъ за подсудимыми. Получается, что если бы преступное намѣреніе осуществилось, то этотъ фактъ являлся бы, по мысли г. Зибера, не усугубляющимъ вину обстоятельствомъ, а однимъ изъ основаній къ устраненію отвѣтственности. На какой же точкѣ зрѣнія, позволительно спросить, стоялъ прокуроръ: на юридической, или на политической? Что̀ сказалъ онъ въ конечномъ выводѣ своей рѣчи: „дѣяніе, воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, должно влечь кару", или: „побѣдителей не судятъ, а побѣжденнымъ—горе"?

Почему народъ не пошелъ за подсудимыми—тоже не было предметомъ судебнаго изслѣдованія. Но что народъ не осудилъ составителей выборгскаго воззванія—объ этомъ говорилъ на судѣ Н. И. Семеновъ. „Когда я послѣ роспуска Думы вернулся домой, ко мнѣ пришли старики-крестьяне, и первый вопросъ ихъ былъ: „Ты подписалъ?" А когда настали выборы во вторую Думу, крестьяне ко мнѣ пришли опять и снова просили быть ихъ представителемъ. Я объяснилъ имъ, что подъ-судомъ и лишенъ этого права. „Да вѣдь мы-то не снимали съ тебя полномочій", отвѣтили мнѣ крестьяне"... И что отношеніе крестьянъ къ депутатамъ первой Думы, такъ ярко бьющее изъ словъ Н. И. Семенова, составляетъ общее, а не исключительное явленіе—это хорошо знаютъ всѣ участники выборовъ во вторую Думу и слѣдившіе за выборами въ третью на низшихъ ступеняхъ выборной процедуры.

Разбить такъ построенное обвиненіе для защиты, конечно, не представляло большого труда. Какъ мы уже отмѣчали, трудовики и соціалъ-демократы не пожелали юридическаго опроверженія предъявленнаго обвиненія. Намъ кажется, что они поступили такъ по недоразумѣнію. Даже съ ихъ точки зрѣнія не могло быть сомнѣнія въ необходимости детальнаго анализа происходившаго на судѣ—вѣрнѣе, того, чего на судѣ не было, и отсутствіе чего, все-таки, не помѣшало прокурору требовать обвиненія и именно по 129 статьѣ уголовнаго уложенія. Рѣчи гг. Тесленко, Пергамента и Маклакова воочію показали, какъ по извнѣ поставленному заданію шло дѣло съ самаго начала и какой ничтожный юридическій багажъ понесли съ собою судьи въ совѣщательную комнату.

„Тамъ—совершенно вѣрно говорилъ Н. В. Тесленко,—гдѣ раздается голосъ прокурора, должна раздаваться и рѣчь защитника. Оружіе обвиненія должно встрѣтить равное оружіе защиты. Пусть попытка разсмотрѣть эпилогъ перваго русскаго парламента съ точки зрѣнія ст. 129 походитъ на желаніе разсмотрѣть въ микроскопъ звѣзды или на попытку окинуть міръ съ высоты небольшого роста,—пусть это такъ, но эта попытка должна быть также взвѣшена по достоинству". И съ полнымъ основаніемъ, послѣ разбора фактической стороны дѣла, онъ имѣлъ право назвать обвиненіе, охватившее подсудимыхъ, „такой паутиной, которая можетъ выдержать прикосновеніе только дружеской руки"; а послѣ разбора статьи 129—назвать ее тѣмъ „надежнымъ костылемъ", опираясь на который, обвиненіе привыкло приходить въ судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно „хромаетъ и очень сильно хромаетъ". Развѣ эти твердо аргументированные выводы понизили политическое значеніе процесса? Или развѣ его понизили слова В. А. Маклакова, который, защищая подсудимыхъ, всталъ на защиту идеи законности и независимости суда. „Обращеніе власти къ суду—предпослалъ онъ развитію своихъ мыслей—было не только неожиданно,—оно для многихъ показалось отраднымъ. Для тѣхъ оптимистовъ, быть можетъ, наивныхъ, которые привыкли вѣрить словамъ, разрѣшеніе этого спора не экстраординарными средствами, а передачей его простому общему суду, казалось подтвержденіемъ тѣхъ оффиціальныхъ сообщеній, въ которыхъ правительство говорило, что оно безповоротно перешло на путь законности и права. Обращеніе къ суду, который не служитъ политикѣ, а только закону, у котораго, какъ гордо говорили когда-то французскіе судьи, власть можетъ требовать рѣшеній, но не услугъ, къ суду, для котораго нѣтъ различія между людьми, облеченными властью и ей подчиненными,—обращеніе къ такому суду, какъ бы ни была узка и формальна задача, которую ставили на его разрѣшеніе, казалось все же торжествомъ правосудія... Но чѣмъ отраднѣе были надежды, тѣмъ плачевнѣе тотъ конецъ, къ которому мы приходимъ"...

Органическій порокъ обвиненія—отсутствіе состава 129 статьи—судебная палата сдѣлала попытку исправить по собственной иниціативѣ въ формулѣ вопроса о виновности. Она предположила включить въ формулу одно небольшое слово: „передалъ", котораго не хватало обвинительному акту и рѣчи прокурора и которое, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, дѣлало примѣненіе 129 статьи безспорнымъ. Палата объявила, что она намѣрена въ совѣщательной комнатѣ задаться вопросами въ такой редакціи: виновенъ ли каждый подсудимый въ томъ, что онъ... совокупно съ согласившимися съ нимъ лицами „со-

ставилъ, подписалъ и самъ или черезъ другихъ участниковъ соглашенія *передалъ* другимъ лицамъ для распространенія" и т. д.

Мы ждали момента постановки вопросовъ. Пока говорится суммарно о 169 лицахъ: „обвиняются" или „виновны",—фактическая необоснованность утвержденій не выступаетъ съ полной рельефностью. Въ данномъ дѣлѣ она затемнялась еще тѣмъ, что въ отношеніи, хотя немногихъ, но все-таки нѣкоторыхъ подсудимыхъ фактически имѣло основаніе утвержденіе о распространеніи ими воззванія. Когда же говорится объ одномъ опредѣленномъ лицѣ, что оно „обвиняется" въ томъ, что вступило въ соглашеніе, составило и приняло участіе въ распространеніи совокупно съ другими составленнаго документа, то во всей силѣ встаетъ необходимость твердыхъ и конкретныхъ, а не отвлеченно-предположительныхъ обоснованій. А потому въ моментъ оглашенія поставленныхъ вопросовъ не могло не прозвучать со всей рѣзкостью, что добытый обвинительной властью матеріалъ абсолютно не говоритъ: въ чемъ состояла роль даннаго лица въ общей дѣятельности по составленію воззванія и въ какихъ дѣйствіяхъ оно проявило участіе въ распространеніи? Легко представить себѣ впечатлѣніе, произведенное на юристовъ словомъ „передалъ", которое внезапно выплыло въ заключительную минуту процесса и нашло мѣсто въ вопросномъ листѣ.

„Обстоятельства, являющіяся центромъ всего обвиненія, вы устанавливаете въ первый разъ въ концѣ процесса во время постановки вопросовъ",—заявилъ палатѣ отъ имени защиты присяжный повѣренный Н. В. Тесленко,—„это небывалый случай въ судебной практикѣ". И затѣмъ палатѣ пришлось выслушать тяжелый упрекъ при мотивировкѣ требованія удостовѣрить въ протоколѣ отрицательные факты,—что передача воззванія въ отношеніи 156 подсудимыхъ не вытекаетъ ни изъ обвинительнаго акта, ни изъ данныхъ судебнаго слѣдствія, ни изъ заключительныхъ преній. „Идя въ процессъ, ведущійся на основаніи судопроизводственныхъ правилъ, защита не могла обладать предвидѣніемъ ничего подобнаго... Защита привыкла видѣть въ процессахъ открытую борьбу, а не засады или иныя козни враговъ. Идущіе защищаться вправѣ надѣяться, что въ судебномъ засѣданіи они найдутъ соблюденіе закона и не обязаны заранѣе принимать тѣхъ мѣръ, которыя долженъ принимать человѣкъ, находящійся въ опасномъ мѣстѣ и ждущій нападенія"...

Прокуроръ, сначала не возражавшій противъ поставленныхъ вопросовъ, послѣ замѣчаній Н. В. Тесленко призналъ правильнымъ указаніе защиты на нарушеніе 751 статьи устава уголовнаго судопроизводства. Особое присутствіе палаты редакцію вопросовъ измѣнило и слово „передалъ" исключило. И за исключеніемъ изъ вопросовъ слова „пе-

редалъ", судебная палата, все-таки, однако, нашла въ признанной ею виновности подсудимыхъ признаки 129 статьи угол. уложенія и всѣмъ осужденнымъ назначила одинаковое наказаніе: три мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ, и въ приговорѣ получило полное отраженіе общее впечатлѣніе процесса: судились политическіе противники за политическій актъ. Индивидуальныя различія въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ не повліяли нисколько на размѣръ назначенной кары. Не участвовавшіе въ составленіи воззванія и только присоединившіе къ составленному воззванію свои подписи понесли ту же кару, какъ составители и даже фактическіе распространители. Съ другой стороны, примѣненіе 132 статьи отвергнуто, хотя, въ случаѣ ея примѣненія, осужденные могли быть подвергнуты лишенію свободы даже на гораздо болѣе продолжительный срокъ. Но тогда 167 членовъ первой Государственной Думы не были бы лишены на будущее время избирательнаго права. А теперь, по состоявшемуся уже толкованію сената, они впредь представителями народа быть не могутъ, пока дѣйствуетъ нынѣшній избирательный законъ...

Ничто такъ не усиливаетъ впечатлѣній, какъ контрасты. Для процесса о членахъ первой Государственной Думы роль контрастирующаго фона сыграла Дума третьяго созыва. Но въ то же время и для этой, нынѣ занимающей Таврическій дворецъ, „работоспособной" и „законопослушной" Думы процессъ прошелъ не даромъ. На фонѣ того, что̀ говорилось въ процессѣ, и особенно того, что̀ процессъ возродилъ въ памяти, съ живостью вырисовались черты, уже ставшія характерными для „Думы-наоборотъ".

Вспомнились ежедневныя засѣданія первой Думы съ утра до глубокой ночи, и мысль невольно поставила рядомъ съ этой „неработоспособностью" два четырехчасовыхъ засѣданія въ недѣлю. Вспомнились пренія объ отмѣнѣ смертной казни, поражающая величіемъ программа реформъ, намѣченная въ отвѣтномъ адресѣ, рѣчи по земельному вопросу, изготовленный проектъ закона о личной неприкосновенности и сотни запросовъ о завѣренныхъ незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ высшихъ органовъ администраціи. Во что̀ вся эта громада дѣла, громада задачъ и надеждъ обратилась? — Въ пренія о томъ, есть ли въ Россіи конституція, или нѣтъ. Въ мстительный сыскъ о подписаніи торжественнаго обѣщанія. Въ доклады по мелочнымъ вопросамъ текущаго законодательства. Въ постоянное стремленіе засвидѣтельствовать передъ исполнительной властью готовность Думы помогать ей и слѣдовать ея руководящимъ указаніямъ... За первый мѣсяцъ существованія третьей Думы въ нее поступилъ одинъ запросъ,

предметъ котораго—незакономѣрныя дѣйствія студенческихъ старостъ въ университетахъ. Только изъ устъ крестьянъ-депутатовъ раза два-три вырывались робкія слова: „землю нужно дать народу". Зато депутаты-помѣщики многожды кричали: „Что мы сдѣлали для крестьянъ?—Мы выстроили десятки тысячъ школъ, потому что, главнымъ образомъ, при нашемъ усердіи земство ихъ строило... Земство большую часть своихъ средствъ жертвовало на гигіену. Вотъ что сдѣлали помѣщики!" [1])

Можетъ быть, если бы не процессъ о выборгскомъ воззваніи, то прошли бы менѣе замѣтно титулъ истинныхъ народныхъ представителей, данный членамъ третьей Думы министромъ финансовъ, и признаніе „подавляющаго" большинства депутатовъ „сливками, собранными со всей страны", сдѣланное предсѣдателемъ совѣта министровъ. Въ отчетахъ первой Думы не печатали слова „правительство" съ прописной буквы, какъ печатаютъ теперь. И въ засѣданіяхъ думскихъ коммиссій не просили „ихъ высокопревосходительства" давать руководящія указанія, какъ просятъ теперь. Въ первой Думѣ рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ призывъ совѣта министра помочь „ему" внести успокоеніе. Первая Дума полагала, что ея сила въ самостоятельности и что ея задачи не имѣютъ ничего общаго съ внѣшнимъ и показнымъ полицейскимъ благополучіемъ...

Въ третьей Думѣ, подъ вліяніемъ проповѣдника трезвости, г. Челышева, выдвинулся вопросъ о народномъ пьянствѣ. Конечно, пьянство порокъ—объ этомъ извѣстно даже изъ прописей, не только что изъ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Конечно, народное пьянство—колоссально большое соціальное и экономическое зло. Конечно, система государственнаго кабака—внутренне противорѣчива и съ этической точки зрѣнія не можетъ быть оправдана никакими софизмами. Конечно, нельзя не принимать мѣръ противодѣйствія развитію алкоголизма. Все это—истины несомнѣнныя. Но рѣшеніе Думы сосредоточить особое вниманіе на вопросѣ о пьянствѣ вызываетъ гораздо болѣе опасеній, нежели иныхъ чувствъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ опасность психологическая. Въ народномъ пьянствѣ такъ легко и просто усмотрѣть причину всѣхъ причинъ. А кто нашелъ первопричину, тотъ уже успокоился, тотъ уже на-половину закрылъ глаза на все остальное. Когда же это остальное затрогиваетъ его интересы, то онъ закрываетъ на него глаза вовсе. Увѣрить себя, что все горе народное, вся его нужда и вся бѣда отъ пьянства—что можетъ быть легче для помѣщичьяго состава

---

[1]) См., напр., Оффиціальный стенографическій отчетъ о засѣданіи 7 декабря, стр. 876.

Думы? Во-вторыхъ, опасность заключается въ неразрѣшимости вопроса государственными средствами. Законъ если не абсолютно безсиленъ въ борьбѣ съ людскими страстями и пороками, то, во всякомъ случаѣ, значительной силой для того не обладаетъ. Но даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ законодательнымъ порядкомъ возможно было бы реагировать на особенно больныя стороны вопроса, онъ, при данныхъ государственныхъ условіяхъ, не поддается разрѣшенію. Чѣмъ восполнить въ бюджетѣ полмилліарда рублей, взимаемаго съ народной страсти къ алкоголю? Наконецъ, въ-третьихъ, опасность лежитъ въ недавнемъ прошломъ вопроса о пьянствѣ, какъ онъ ставился тѣми самыми людьми, которые сейчасъ господствуютъ въ Думѣ.

„Крестьяне получили одну свободу—свободу идти въ кабакъ",—сказали крѣпостники на другой день послѣ 19 февраля 1861 г. И двадцать лѣтъ, до начала реакціи восьмидесятыхъ годовъ, они неустанно повторяли эту фразу. Наступила реакція—и изъ народнаго пьянства выросла распущенность, изъ распущенности—потребность въ властной рукѣ, опека, возведенная въ систему, земскіе начальники. Какое основаніе думать, что при наступившей или наступающей снова реакціи развитіе вопроса пойдетъ въ другомъ направленіи, или что не будетъ попытокъ повести его развитіе именно въ томъ же самомъ направленіи? Прислушайтесь къ тому, что̀ говорилъ въ Думѣ одинъ изъ иниціаторовъ предложенія объ образованіи коммиссіи „о мѣрахъ къ прекращенію пьянства". Заявивъ, что онъ раздѣляетъ требованіе г. Челышева объ упраздненіи системы казенной винной монополіи, г. Ткачевъ продолжалъ: „И я съ убѣжденіемъ говорю, что бѣдствіе, которое производитъ пьянство, не можетъ быть преувеличено: оно развращаетъ и обѣдняетъ всю страну. Но бѣдствіе это чрезвычайно сложно, и разрѣшеніе вопроса о прекращеніи или сокращеніи пьянства однимъ только исключеніемъ изъ смѣты государственныхъ кредитовъ, которые получаются отъ алкоголя, не можетъ произойти. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ цѣлымъ рядомъ мѣръ. Въ числѣ этихъ мѣръ несомнѣнно, конечно, на первомъ мѣстѣ должно быть ограниченіе продажи водки и увеличеніе ея цѣны; но еще большее значеніе должна имѣть система уголовнаго преслѣдованія за злоупотребленіе этимъ ядомъ. Тѣмъ, кто жилъ въ деревнѣ, хорошо извѣстно, что сплошь и рядомъ несовершеннолѣтнія дѣти и женщины систематически развращаются водкою. Мѣръ противъ такого разврата не принято, между тѣмъ какъ въ томъ же законѣ существуетъ наказаніе для тѣхъ, кто развращаетъ малолѣтнихъ. Затѣмъ несомнѣнно, что неправильное пользованіе водкой разоряетъ множество хозяйствъ и совершенно безнаказанно. Хозяинъ семьи, подверженный этому пороку, продаетъ послѣднюю корову, послѣдній свой

достатокъ, и за подобное разореніе своей семьи онъ не подвергается никакой уголовной отвѣтственности, онъ даже не предается опекѣ, какъ человѣкъ расточительный и до нѣкоторой степени безумный, потому что всѣ эти поступки можно только объяснять алкогольнымъ помѣшательствомъ" [1]).

А съ другой стороны, вдумайтесь въ то, какія слова и мысли вызывали шумъ, смѣхъ и вообще явные признаки неудовольствія среди иниціаторовъ вопроса. Въ отчетѣ отмѣчено: „смѣхъ справа"— послѣ слѣдующихъ словъ г. Воронина: „Нужно бороться (съ пьянствомъ) такъ: нужно заводить такія просвѣтительныя учрежденія вродѣ школъ, вродѣ увеселительно-просвѣтительныхъ заведеній, театровъ и т. д. Но у насъ этого почти положительно ничего нѣтъ. У насъ, повторяю, этого нѣтъ". Г-на Косоротова нѣсколько разъ перебивали криками и смѣхомъ, когда онъ говорилъ, что „крестьянство все время находится подъ опекой", что у него нѣтъ „ни одного дня просвѣта" отъ работы, что всякое устройство благоразумныхъ развлеченій для народа давятъ и душатъ. Г-на Астраханцева оборвали на словахъ: „Членъ Думы Челышевъ говорилъ, что все будетъ хорошо, когда уничтожится вино, но мнѣ кажется, господа, что этого еще мало, недостаточно. Не хватаетъ только одного—просвѣщенія, человѣческихъ правъ, культуры для человѣка,—вотъ въ чемъ заключается дѣло. Когда онъ будетъ просвѣщенъ, онъ самъ не будетъ пить водку"...

Другой контрастъ съ процессомъ о выборгскомъ воззваніи — процессъ о сдачѣ Портъ-Артура. Одновременно происходилъ судъ надъ первой Государственной Думой—надъ учрежденіемъ новой Россіи—и надъ системой управленія страной, приведшей къ проигрышу войны,— надъ учрежденіемъ Россіи старой. Но если въ первомъ процессѣ изъ-за 169 подсудимыхъ съ полной ясностью выступало учрежденіе, къ которому они принадлежали, то во второмъ—приняты были самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы изъ-за четырехъ генераловъ не видно было системы, создавшей какъ ихъ, такъ и условія, въ которыхъ они оказались въ осажденной крѣпости.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться на разборѣ обстоятельствъ сдачи Портъ-Артура и виновности генераловъ Стесселя, Смирнова, Фока и Рейса. Когда мы пишемъ эти строки, разсмотрѣніе дѣла еще не окончено, не окончено даже судебное слѣдствіе. Мы хотѣли только отмѣтить портъ-артурскій процессъ, какъ крупный общественно-государственный фактъ въ минувшемъ мѣсяцѣ. Какой бы приговоръ ни

---

[1]) Оффиціальный стеногр. отчетъ, стр. 850.

былъ вынесенъ, онъ не удовлетворитъ общественнаго сознанія, какъ не удовлетворилъ его приговоръ по аналогичному дѣлу о сдачѣ эскадры Небогатовымъ. Что въ томъ, что Небогатовъ уже годъ сидитъ въ крѣпости? Развѣ это гарантируетъ хоть сколько-нибудь, что въ будущемъ у насъ будутъ вступать въ бой корабли, а не „старыя калоши"? Чѣмъ гарантируетъ приговоръ надъ четырьмя генералами, что въ будущемъ вопросы личныхъ самолюбій и закулисныхъ интригъ хоть на войнѣ будутъ забываться? Вотъ, если бы процессъ раскрылъ истинныя причины, почему командующій арміей не только не принудилъ генерала Стесселя исполнить приказаніе, но даже представилъ его къ награжденію званіемъ генералъ-адъютанта, или почему могъ возникнуть споръ между бывшими министрами — военнымъ и финансовъ—о томъ, кто изъ нихъ повиненъ въ постройкѣ Дальняго,—тогда другое дѣло. Такихъ „почему?" можно было бы перечислить десятки. Стоитъ ли только ихъ перечислять?..

„Батумская крѣпостная педагогія"—заглавіе, подъ которымъ въ № 287 „Рѣчи" былъ напечатанъ слѣдующій достопримѣчательный приказъ коменданта крѣпости: „Если еще будетъ хоть одинъ случай неповиновенія учителямъ со стороны учениковъ, независимо отъ поведенія учителя, то генералъ-губернаторъ выселитъ изъ предѣловъ своего крѣпостного района не только ученика, но также и родителей, ибо родитель, имѣющій сына, осмѣливающагося не слушать учителя, вредный для крѣпости элементъ".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ душеприказчиковъ В. Д. Спасовича.

Душеприказчики по духовному завѣщанію бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета, присяжнаго повѣреннаго Владиміра Даніиловича *Спасовича*, объявляютъ во всеобщее свѣдѣніе, что ст. 6 означеннаго завѣщанія гласитъ слѣдующее: „Авторскими правами на сочиненія мои на польскомъ и русскомъ языкахъ я распоряжаюсь такимъ образомъ, что они прекращаются съ момента моей смерти. Предоставляю право перепечатыванія моихъ произведеній каждому желающему“.

Душеприказчики покорнѣйше просятъ редакціи другихъ изданій не отказать въ перепечатаніи настоящаго сообщенія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій.** Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Т. III, вып. IV. Спб. 1907. Цѣна за каждый томъ — въ 4-хъ выпускахъ — 50 рублей.

Съ четвертымъ выпускомъ заканчивается третій томъ и вмѣстѣ третій годъ изданія, а въ наступающемъ 1908-мъ году выйдетъ четвертый и послѣдній томъ; съ выходомъ его въ свѣтъ окончится и самое изданіе. Въ настоящемъ томѣ, какъ и въ предыдущихъ, содержится всего до ста таблицъ; одна половина ихъ состоитъ изъ геліогравюръ, а другая—изъ равнаго же числа фототипій; выполненіе тѣхъ и другихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго въ отношеніи печати. Уже теперь можно сказать, что главная задача этого роскошнаго изданія, а именно, дать сборникъ портретовъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей изъ эпохи царствованія Екатерины II, Павла I и Александра I (1762—1825 г.г.), въ снимкахъ съ лучшихъ современныхъ портретовъ и миніатюръ, находящихся во дворцахъ, музеяхъ, галереяхъ и въ частныхъ собраніяхъ—эта задача разрѣшена вполнѣ удачно. Только благодаря этому изданію, каждый теперь можетъ имѣть подъ руками—за небольшую относительно сумму—богатѣйшее собраніе произведеній портретной живописи той эпохи—и нерѣдко—лучшихъ ея мастеровъ.

Карабчевскій, Н. П. — **Около правосудія.** Спб. 908. Ц. 2 р.

Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ нашъ извѣстный адвокатъ, далеко не ограничившійся, конечно, хлопотами только около правосудія, какъ то можно подумать на основаніи заглавія, —собралъ вмѣстѣ свои статьи, сообщенія и судебные очерки, появлявшіеся въ разное время въ современныхъ изданіяхъ. Этотъ сборникъ, очевидно, обратилъ на себя вниманіе, и доказательствомъ его успѣха служитъ появленіе новаго изданія, исправленнаго и значительно дополненнаго; въ новое изданіе вошли такія статьи, какъ: „Что такое дѣло Дрейфуса", „О судѣ присяжныхъ"; „О адвокатствѣ"; „Смертная казнь", и нигдѣ до сихъ поръ не появлявшіяся по цензурнымъ условіямъ статьи: „Три узника"—Брешковская, Гершуни и Сазоновъ.

М. Гершензонъ. — П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

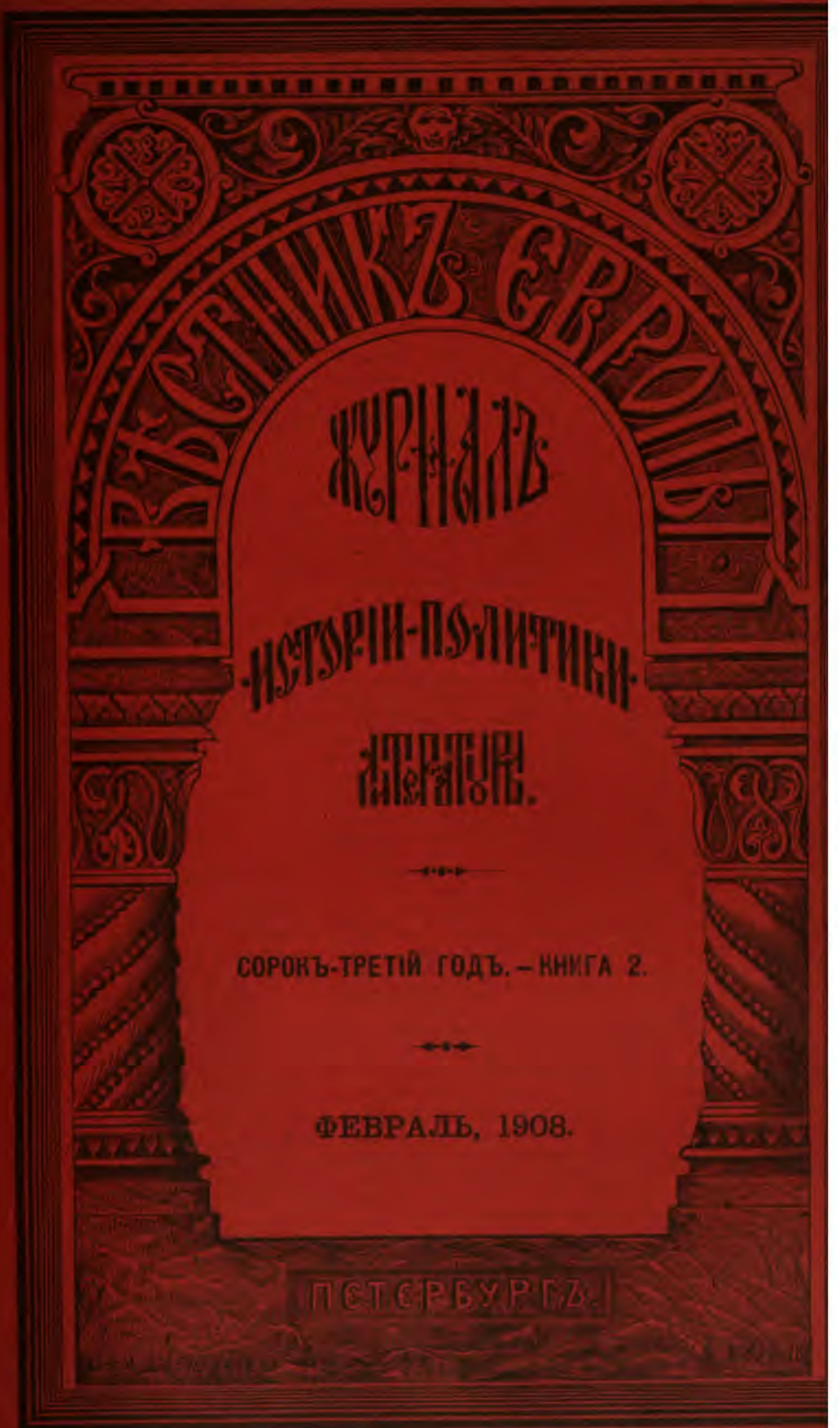
Весьма справедливо авторъ начинаетъ свой интересный этюдъ словами: „О Чаадаевѣ много писали и его имя знакомо почти всякому образованному русскому; но понимать его мысли мы научились только теперь". Чаадаева, дѣйствительно, преслѣдовало какое-то роковое недоумѣніе еще при самой его жизни: правительство объявило его сумасшедшимъ, а въ глазахъ общества этотъ „сумасшедшій" являлся главою освободительнаго движенія—и за одно и то же: „за политическое вольнодумство, въ которомъ—заключаетъ авторъ—онъ нисколько не былъ повиненъ, какъ осуждавшій исключительно политическое направленіе и политическое вольнодумство интеллигенціи того времени". Такая судьба Чаадаева опредѣлила задачу автора,—посильному, простую, но не легкую,—„возстановить подлинный образъ Чаадаева"—и вотъ къ какому выводу приходитъ авторъ, опредѣляя систему идей Чаадаева: исходный пунктъ, его основное непоколебимое убѣжденіе состояло въ томъ, что въ человѣкѣ рядомъ съ божественнымъ, безличнымъ началомъ дѣйствуетъ начало личное — источникъ слѣпоты и корысти. Въ концѣ книги читатель найдетъ весьма любопытныя приложенія, среди которыхъ встрѣчаются „Философическія письма" Чаадаева, а также весьма важное и, такъ сказать, автобіографическаго характера его же письмо къ Сиркуру.

Жоресъ, Жанъ. — **Соціалистическая исторія** (1789—1900 г.г.). Т. I: Учредительное собраніе (1789—1791 г.г.). Перев. Е. Картевской, М. Ламовой и Н. Тютчева. Спб. 908. Ц. 2 р.

Исходя изъ точки зрѣнія на французскую революцію 1789 года, какъ на фактъ далеко не законченный и служащій только началомъ того, что продолжается на нашихъ глазахъ въ формѣ борьбы соціализма и капитализма,—Жоресъ приходитъ къ заключенію, что французская революція является не больше, какъ только выходомъ на историческую арену третьяго сословія и пролетаріата. Первыя сто лѣтъ исторіи этихъ новыхъ дѣйствующихъ силъ авторъ раздѣляетъ на три періода: торжество буржуазіи съ 1789 года до 1848 г.; второй періодъ исторіи соціализма начинается февральскою революціею и кончается майской кровавой расправой съ коммуной въ 1871 г.; третій періодъ обнимаетъ собою конецъ XIX столѣтія; это—эпоха укрѣпленія рабочаго класса и пролетаріата, гдѣ авторъ объясняетъ, какими путями эти два новые фактора исторіи пріобрѣли рѣшающее значеніе въ современной исторіи. Кромѣ статей самого Ж. Жореса, въ этотъ сборникъ войдутъ этюды Г. Девиля, П. Брусса, Р. Віивіани и др.

— **Ежегодникъ народной школы.** Вып. 1-й. П. р. Н. В. Чарнолускаго. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Задача новаго только-что появившагося періодическаго изданія, какого именно недоставало до сихъ поръ, по заявленію его редакціи, будетъ состоять въ томъ, чтобы создать внѣпартійный органъ, который всесторонне освѣщалъ бы настоящее положеніе народнаго образованія, служа, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніемъ потребностей всѣхъ работниковъ по народному образованію. Такая задача „Ежегодника" должна вызвать полное сочувствіе къ нему всѣхъ, кто заинтересованъ у насъ въ судьбѣ народнаго образованія, а также городскихъ и земскихъ учрежденій, работающихъ на этомъ поприщѣ. Первый выпускъ, конечно, является скорѣе полезною справочною книгою, въ которой собрано все необходимое для ознакомленія съ основами народнаго образованія у насъ и съ главнѣйшими фактами, дающими понятіе о его современномъ положеніи въ Россіи; кромѣ того, уже и въ первомъ выпускѣ мы находимъ статью, знакомящую съ положеніемъ народнаго образованія въ другихъ странахъ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1908.

ВЛАДИМІРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
СТАСОВЪ

Очеркъ жизни его и дѣятельности.

Дѣятельность покойнаго В. В. Стасова была органически слита въ продолженіе болѣе полувѣка съ ходомъ развитія русскаго искусства. Она была на виду у всѣхъ, возбуждала одобреніе однихъ, нападки другихъ, но она не могла оцѣниваться объективно при его жизни. Во всякомъ случаѣ, потеря его для русскаго искусства очень чувствительна. Съ его смертью кончилась цѣлая эпоха въ развитіи искусства и живо чувствуется грань, отдѣляющая прошедшее отъ грядущаго.

Литературная дѣятельность Стасова началась въ 1847 году [1]) и окончилась, по достиженіи имъ восьмидесятилѣтняго возраста, за нѣсколько дней до его смерти [2]). Дѣятельность эта совпадаетъ, такимъ образомъ, съ интереснѣйшимъ періодомъ русской жизни. Стасовъ помнилъ живо всѣ ужасы крѣпостного права, а умеръ на зарѣ новой эры—конституціонной. Сколькихъ событій русской жизни онъ былъ свидѣтелемъ! Онъ могъ наблюдать, какъ эта жизнь отражалась въ искусствѣ, и, можетъ быть, никогда еще искусство не сливалось съ жизнью столь тѣсно, какъ въ этотъ періодъ русской исторіи.

Дать полную, обстоятельную исторію жизни и дѣятельности Стасова—дѣло будущаго. Но необходимо уже и теперь отдать себѣ

[1]) „Отечественныя Записки", апрѣль: „Музыкальное Обозрѣніе".

[2]) Газ. „Страна", 28 сентября 1906 г.: „Дружескія поминки".

отчетъ, кого мы потеряли въ Стасовѣ. Вотъ потому мы и задались цѣлью дать посильный очеркъ жизни и дѣятельности Стасова, насколько то возможно выполнить почти вслѣдъ за его смертью.

Стасовъ всегда проявлялъ большую заботливость въ сохраненіи историческихъ и біографическихъ матеріаловъ и документовъ. О себѣ самомъ онъ позаботился только отчасти, не оставивъ полной автобіографіи или воспоминаній. Драгоцѣннымъ матеріаломъ для его біографіи и вмѣстѣ съ тѣмъ для исторіи его эпохи является обширнѣйшая его переписка. Другимъ важнымъ матеріаломъ послужатъ воспоминанія о Стасовѣ близкихъ къ нему лицъ. Но пока переписка еще не собрана, не приведена въ порядокъ и не издана, пока мы не имѣемъ еще воспоминаній о немъ,—въ нашемъ распоряженіи находится лишь отрывокъ автобіографіи, напечатанной подъ заглавіемъ: „Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ", статьи автобіографическаго характера: „Воспоминанія гостя Библіотеки" и „Румянцевскій музей"[1]), воспоминанія о раннихъ годахъ жизни въ книгѣ о сестрѣ его Надеждѣ Васильевнѣ[2]) и фактическія свѣдѣнія его формулярнаго списка. Дополняя эти данныя разспросами нѣкоторыхъ близкихъ къ Стасову лицъ и собственными нашими о немъ воспоминаніями, все же мы получимъ достаточный матеріалъ для біографическаго очерка и оцѣнки дѣятельности Стасова.

I.

Отецъ Стасова, Василій Петровичъ, былъ придворный архитекторъ, любимецъ императора Александра I. Онъ былъ хорошо извѣстенъ въ Петербургѣ и оставилъ по себѣ память въ видѣ многихъ зданій, и до сего времени украшающихъ Петербургъ, какъ, напримѣръ: Измайловскій и Спасо-Преображенскій соборы, Московскія и Нарвскія ворота и, наконецъ, Смольный монастырь, который онъ строилъ, впрочемъ, по проекту Растрелли.

Мать Стасова—урожденная Сучкова, изъ дворянъ, дочь поручика, имѣвшаго достатокъ и оставившаго своей женѣ, Маріи Ѳедоровнѣ Сучковой, бабушкѣ Стасова, деревянный домъ въ Семеновскомъ полку.

Владиміръ Васильевичъ родился 2 января 1824 г. въ Петербургѣ и былъ пятымъ ребенкомъ у своихъ родителей. Старше

---

[1]) Собраніе сочиненій В. В. Стасова (1847—1886), 3 т. Спб. 1894.

[2]) В. В. Стасовъ: „Н. В. Стасова" Спб. 1899 г.

его были братья Николай и Александръ и сестры Софія и Надежда, а моложе его—братья Дмитрій и Борисъ.

О своихъ дѣтскихъ годахъ Стасовъ разсказываетъ кое-что въ своей книгѣ о сестрѣ Надеждѣ Васильевнѣ. Стасовъ вспоминаетъ свою бабушку, постоянно больную, лежавшую въ постели, про то, какъ ихъ дѣтьми возили къ ней въ Семеновскій полкъ, про ея домъ, имѣвшій совершенно провинціальный отпечатокъ и настолько просто обставленный, что внутреннія стѣны такъ и оставались бревенчатыми, непокрытыми обоями.

По словамъ Стасова, его мать была — „высокая, стройная, красивая дама, съ милой и доброй улыбкой на лицѣ, франтиха и охотница до гостей, собраній и танцевъ, на балахъ и вечерахъ у себя дома и въ гостяхъ, но также и отличная хозяйка". Съ нею „любилъ встрѣчаться и разговаривать императоръ Александръ I, когда родители Стасова въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. жили въ Царскомъ Селѣ и отецъ Стасова занятъ былъ перестройкой и ремонтомъ царскосельскаго дворца.

Сестра Надежда была старше Стасова только на два года и по возрасту наиболѣе подходила къ нему.

„Мы вдвоемъ—вспоминаетъ Стасовъ—были самыя живыя и безпокойныя дѣти въ семьѣ, а также и самые „затѣйщики" на всѣ дѣла; впрочемъ, у насъ двоихъ всегда, во всю жизнь, было въ характерѣ много сходнаго, а потому мы и съ перваго дѣтства жили въ большой дружбѣ". Они вмѣстѣ играли, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ читали сказки и путешествія, сочиненія Марлинскаго, увлекаясь, между прочимъ, „Аммалатомъ Бекомъ". Мать Стасова на дѣтей никакого вліянія не оказывала, и только обнаруживала въ отношеніи ихъ материнскую любовь и доброту. „Мы ее только очень любили и она насъ",—говоритъ Стасовъ. Впрочемъ, интеллектуальное вліяніе ея собственно на Владимірѣ Васильевичѣ и не могло успѣть обнаружиться, такъ какъ она умерла очень рано, будучи унесена въ два-три дня свирѣпствовавшей въ 1831 г. холерой, т.-е., когда мальчику Стасову было едва семь лѣтъ. Вся родня со стороны матери—бабушка и тёти—представляли особый міръ, сотканный изъ привычекъ старой провинціальной жизни съ ея своеобразіемъ, некультурностью, причудами и предразсудками. Совершенно другой міръ былъ міръ его отца. „Первый міръ была провинція, второй — столица", говоритъ Стасовъ. Этотъ второй міръ и оказалъ первенствующее, сильнѣйшее вліяніе на всю жизнь Стасова. Отецъ Стасова былъ, по его словамъ, „человѣкъ очень образованный, много читавшій и еще болѣе любознательный". Онъ не былъ

узкимъ профессіоналомъ-архитекторомъ, но интересовался наукой и искусствомъ всесторонне. Стасовъ вспоминаетъ, какъ, будучи уже 65-лѣтнимъ старикомъ, онъ, не стѣсняясь далекими петербургскими разстояніями, послѣ занятій на постройкахъ, отправлялся на лекціи разныхъ знаменитостей, при чемъ иногда „какъ бы въ награду“ бралъ съ собой и мальчика Стасова, побывавшаго такимъ образомъ на лекціяхъ проф. Ленца и Степана Куторги. Въ послѣдніе дни своей жизни 79-лѣтній энергичный старикъ продолжалъ интересоваться книгами и заставлялъ дѣтей читать себѣ вслухъ. „Я на свою долю,—вспоминаетъ Стасовъ,— и дома и на работахъ, послѣдніе мѣсяцы его послѣдняго года жизни читалъ ему „Эстетику“ Гегеля въ французскомъ переводѣ Бенара, переводы „Фауста“ Гёте и множество путешествій. Его жизненныя правила, его энергія добра, неподкупной ничѣмъ честности, его великодушіе и доброжелательность ко всѣмъ — были несравненны. Но самое вѣрное и самое главное были у него тѣ слова, которыя мы всего чаще слыхали изъ его устъ, и которыя моя сестра записала у себя въ „Запискахъ“: „человѣкъ достоинъ этого имени только тогда, когда онъ себѣ и другимъ полезенъ“. Эти слова Стасовъ твердо помнилъ всю жизнь и всегда старался имъ слѣдовать. У отца Стасова былъ обширный кругъ знакомствъ въ сферахъ тогдашней высшей интеллигенціи. Еще 25-лѣтнимъ юношей онъ былъ любимцемъ знаменитой княгини Екатерины Дашковой; въ первые годы царствованія Николая I онъ былъ другомъ президента академіи художествъ, А. Н. Оленина, у котораго собирался весь цвѣтъ талантовъ и знаменитостей во всѣхъ областяхъ учено-литературной и художественной дѣятельности того времени; наконецъ, онъ былъ другомъ двухъ замѣчательныхъ женщинъ своего времени: одной—А. П. Полторацкой, завѣдывавшей, послѣ своего отца, Хлѣбникова, а потомъ и брата, знаменитой Хлѣбниковской библіотекой въ Москвѣ и много вообще способствовавшей русскому просвѣщенію, и другой — А. М. Сухаревой, предсѣдательницы женскаго попечительнаго совѣта о тюрьмахъ и предсѣдательницы петербургскаго женскаго патріотическаго общества — энергичнѣйшей дѣятельницы въ сферѣ просвѣщенія и благотворительности. Такой отецъ долженъ былъ оказать—и дѣйствительно оказалъ—благотворнѣйшее вліяніе на всѣхъ своихъ дѣтей, въ томъ числѣ и на Владиміра Стасова. Въ годъ смерти матери (1831) къ дѣтямъ поступила, по рекомендаціи А. М. Сухаревой, гувернантка, О. К. Николаева, институтка, учившая языкамъ и „хорошимъ манерамъ“ и жившая въ домѣ одиннадцать лѣтъ,

но у дѣтей были и другіе учителя, „студенты, тогдашняго знаменитаго педагогическаго института“—Ив. Ег. Озеровъ и Ал. Фил. Тихомандрицкій, впослѣдствіи извѣстный математикъ. Первой учительницей музыки Стасова была Ек. Ант.—въ первомъ замужествѣ Третьякова, во второмъ—Рудольфъ, мало освѣдомленная; ее скоро замѣнилъ нѣмецъ Фольвейлеръ, гораздо больше ея знавшій, затѣмъ Ал. С. Григоровскій, чуть ли не изъ русскихъ крѣпостныхъ,—„исправный техникъ“, и затѣмъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Герке — „тогдашній лучшій и солиднѣйшій фортепіанный учитель въ Петербургѣ“, по словамъ Стасова, отличный музыкантъ и превосходный человѣкъ. Онъ, около сороковыхъ годовъ, „ввелъ у насъ въ домѣ—прибавляетъ Стасовъ—Шопена и Шумана, и съ тѣхъ поръ у насъ въ семействѣ узнали настоящую музыку“ [1]). Самыми близкими знакомыми семьи Стасовыхъ были Александровы, у которыхъ дѣти были очень даровиты къ искусствамъ, а старшій сынъ, Владиміръ Тимоѳеевичъ, училъ даже маленькихъ Стасовыхъ рисованію. У Александровыхъ бывалъ Глинка, учившій пѣнію одну изъ барышенъ, дававшій ей „что-то въ родѣ уроковъ“; тамъ же бывали Несторъ Кукольникъ и Брюлловъ, но въ этой компаніи Стасову не пришлось бывать, такъ какъ скоро его постоянная жизнь въ семьѣ должна была прекратиться.

II.

Стасовъ въ дѣтствѣ обнаруживалъ влеченіе къ профессіи отца. Отецъ поощрялъ его дѣтскія игры въ постройки и даже купилъ ему игрушечные кирпичи, изъ которыхъ подъ его руководствомъ, по особымъ планамъ и чертежамъ, мальчикъ воздвигалъ зданія. Но когда пришла пора позаботиться о серьезномъ образованіи сына,—весной 1836 г. отецъ отдалъ его въ училище правовѣдѣнія. Сначала, впрочемъ, отецъ думалъ помѣстить сына въ царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался его сынъ Александръ. Но Владиміръ Стасовъ на конкурсномъ экзаменѣ не получилъ требуемыхъ балловъ; въ дѣйствительности же просто былъ оставленъ за флагомъ, въ виду того, что его вакансія потребовалась для другого мальчика съ сильной протекціей. Стасовъ не только не жалѣлъ, что не попалъ въ лицей, но наоборотъ, всю жизнь считалъ это для себя къ лучшему. Онъ былъ правъ по многимъ

---

[1]) „Над. Вас. Стасова“, стр. 16.

причинамъ и прежде всего потому, что „Правовѣдѣніе“ было молодымъ учебнымъ заведеніемъ, основаннымъ лишь за годъ передъ тѣмъ (въ декабрѣ 1835 г.) и лишеннымъ, слѣдовательно, обветшалыхъ традицій прочихъ русскихъ учебныхъ заведеній того времени. Основатель Правовѣдѣнія, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, въ то время еще 23-лѣтній молодой человѣкъ, давшій на это дѣло болѣе милліона, считалъ его своимъ личнымъ, дорогимъ и отдавалъ ему всю свою душу. Воспитатели и преподаватели, имъ самимъ выбранные и приглашенные, лучшіе изъ современной среды, были по большей части иностранцы, преимущественно нѣмцы, люди неравныхъ достоинствъ, если и не всегда стоявшіе на высотѣ требованій европейской педагогики того времени, то всѣ недурные, гуманные, не очень подавлявшіе личность воспитанниковъ, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ прочими учебными заведеніями того времени. Чрезвычайно привлекательной стороной училища правовѣдѣнія было то, что въ немъ усиленно культивировалась музыка, которую Стасовъ страстно любилъ съ дѣтства. Причиной такого исключительнаго отношенія именно къ музыкѣ, была особая любовь къ этому искусству самого принца. Воспитанники учились играть на всевозможныхъ инструментахъ, сначала у одного преподавателя, скрипача Кореля, а потомъ у разныхъ спеціалистовъ по тому или другому инструменту отдѣльно — на віолончели у Кнехта, потомъ у Карла Шубарта, впослѣдствіи извѣстнаго дирижера, на духовыхъ инструментахъ — у оркестровыхъ музыкантовъ; на фортепіано съ 1838 года началъ давать уроки Адольфъ Гензельтъ, извѣстнѣйшій тогда піанистъ и педагогъ. У него же сталъ заниматься и Стасовъ, какъ одинъ изъ лучшихъ піанистовъ училища. По уговору его отца съ директоромъ, онъ съ первыхъ же дней пребыванія въ училищѣ могъ продолжать занятія фортепіанной игрой на квартирѣ директора. Не ограничиваясь уроками Гензельта, онъ по воскресеньямъ бралъ уроки еще на дому у Герке. Черезъ него онъ познакомился съ нѣкоторыми произведеніями современной музыки, — напр., Тальберга, Листа, Шопена и Шумана, которыхъ Гензельтъ, не выходившій изъ чисто классическаго репертуара, или вовсе не зналъ, или ими пренебрегалъ. Въ училищѣ устраивались концерты, въ дни которыхъ воспитанники вовсе освобождались отъ учебныхъ занятій. Воспитанники составляли хоръ и оркестръ, пополняемый наемными оркестровыми музыкантами, и выступали въ качествѣ солистовъ. Программы концертовъ, впрочемъ, не отличались ни большимъ вкусомъ, ни знаніемъ современной музыкальной литературы. Въ своихъ воспоминаніяхъ Стасовъ при-

водитъ цѣликомъ програму одного концерта 1840 года. Изъ нея видно, что онъ выступалъ тогда исполнителемъ фортепіанной партіи въ септетѣ Гуммеля (d-moll). Скоро онъ настолько овладѣлъ инструментомъ, что могъ играть и нѣкоторые фортепіанные концерты съ оркестромъ.

Принцъ заботился развивать музыкальность воспитанниковъ не только обученіемъ ихъ игрѣ на различныхъ инструментахъ, но и доставленіемъ имъ возможности слышать лучшихъ изъ тогдашнихъ музыкальныхъ знаменитостей, выступавшихъ или во дворцѣ принца, или въ квартирѣ директора за счетъ принца. Такимъ образомъ, Стасовъ слышалъ не разъ, начиная съ 1838 г., извѣстнѣйшаго тогда піаниста Тальберга и затѣмъ Пасту, Росси, Липинскаго, Ольбуля, Дрейшока, Леопольда Майера. Наибольшее впечатлѣніе производилъ на него Тальбергъ вплоть до перваго знакомства съ игрой Листа въ 1842 г.

III.

Товарищеская среда въ училищѣ была прекрасная. Всѣ воспитанники жили между собою дружно и чувствовали себя равными другъ передъ другомъ, „охотно признавали, по словамъ Стасова, справедливость и законность общей равноправности и равноправной подачи голосовъ“. Даже выбранные администраціей училища изъ ихъ среды такъ называемые „старшіе“ не могли идти противъ воли большинства или „Господина Класса“, по установившейся среди нихъ терминологіи. Воспитанники учились хорошо, интересовались литературой и много читали, упиваясь бывшимъ тогда въ модѣ Марлинскимъ и особенно Пушкинымъ, Бѣлинскимъ и Гоголемъ, а изъ иностранныхъ писателей — Викторомъ Гюго, Александромъ Дюма, Лесажемъ и особенно Вальтеръ-Скоттомъ. Въ безконечныхъ спорахъ и обсужденіяхъ прочитаннаго формировались ихъ вкусы, взгляды, идеи, убѣжденія и характеры. Литературныя наклонности воспитанниковъ выражались и въ издаваемыхъ ими двухъ журналахъ „Зничъ“ (священный огонь), главнымъ дѣятелемъ котораго былъ Церпинскій, и „Литературныя Записки“, въ которыхъ участвовали чуть ли не всѣ воспитанники. Эти журналы, при переходѣ на высшій курсъ, были заброшены и прекратились.

Изъ товарищей Стасова самымъ замѣчательнымъ былъ А. Н. Сѣровъ. Онъ былъ старше Стасова на четыре года и выше нѣсколькими классами. Однако этимъ неравенство и ограничивалось.

Въ сущности между ними было много общаго. Стасовъ вспоминаетъ, какое большое впечатлѣніе на второй же день пребыванія въ училищѣ произвела на него игра Сѣрова на фортепіано. Вечеромъ, послѣ ужина, въ небольшой комнатѣ, гдѣ стояло маленькое, четыреугольное фортепіано, собралось человѣкъ сорокъ воспитанниковъ, всегдашнихъ слушателей Сѣрова. Старинное фортепіано порядкомъ дребезжало, но Сѣровъ игралъ увѣренно, съ большой опытностью и бѣглостью. Онъ игралъ, между прочимъ, тріо изъ „Волшебнаго Стрѣлка“ Вебера. Стасовъ былъ пораженъ и очарованъ какъ исполненіемъ, такъ и самой музыкой, совершенно для него новой. Но не только своей игрой на фортепіано да еще на віолончели прельщалъ Стасова Сѣровъ. Они тотчасъ познакомились, разговорились и узнали, что у обоихъ была одинаково сознательная и горячая любовь къ музыкѣ. Они стали дѣлиться между собою знаніями и впечатлѣніями, и Стасовъ могъ скоро убѣдиться, какъ развитъ музыкально, какъ начитанъ, особенно въ нѣмецкой музыкѣ, какъ понятливъ, быстръ въ усвоеніи и вообще какъ исключительно даровитъ былъ его старшій товарищъ.

Сѣровъ увлекался и естественной исторіей, читая Бюффона, и сказками Гофмана, интересовался и живописью, будучи и самъ превосходнымъ рисовальщикомъ, и изящной словесностью, проявляя великолѣпныя способности въ чтеніи стиховъ и прозы. „Навѣрное, никто въ цѣломъ училищѣ такъ не дивился на Сѣрова и не восхищался имъ, какъ я,—пишетъ Стасовъ [1]).—Еще въ первый разъ въ жизни я видѣлъ собственными глазами такую даровитую натуру, какая у него была. Несмотря на разныя прекрасныя исключенія, несмотря на то, что въ училищѣ было не мало умныхъ, и хорошихъ, и честныхъ, и благородныхъ, и образованныхъ мальчиковъ и юношей, всѣ они были для меня дрянь и мелочь въ сравненіи съ Сѣровымъ. Лучшаго собесѣдника невозможно было бы сыскать на цѣломъ свѣтѣ. Онъ какъ воскъ гнулся во всѣ стороны, принималъ какія угодно формы и направленія, въ запуски бѣжалъ по какому хотите намѣченному рельсу, разбрасывая по пути чудеснѣйшія и красивѣйшія варіаціи на любую попавшуюся тему. Твердыхъ убѣжденій у него никогда не было, и всѣ самыя важныя вѣрованія свои онъ много разъ перемѣнялъ въ жизни, то взадъ, то впередъ, именно какъ актеръ свои роли, въ которыхъ онъ можетъ быть одинаково прекрасенъ, но которыя не составляютъ сущности его натуры и

---

[1]) „Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ“. Соч. В. В. Стасова, т. III.

жизни,— но зато тѣмъ чудеснѣе былъ въ бесѣдѣ, въ разговорѣ этотъ разносторонній, многоспособный Протей, поминутно оборачивавшійся, незримымъ волшебствомъ, на сто разныхъ манеровъ и представлявшій сто разныхъ лицъ и натуръ. Съ Сѣровымъ можно было прожить сто лѣтъ вмѣстѣ и никогда не соскучиться".

Понятно, какъ былъ цѣненъ для Стасова такой человѣкъ. Самъ влюбленный въ искусство, самъ многосторонній, любознательный, пытливый и живой, Стасовъ нашелъ въ Сѣровѣ лучшаго друга, съ которымъ могъ дѣлиться рѣшительно всѣмъ, что интересовало и волновало его самого. Сѣровъ больше читалъ по-нѣмецки, Стасовъ—по-французски. Сходясь, они дѣлились прочитаннымъ, вмѣстѣ разсматривали альбомы картинъ, изучивъ, напримѣръ, до мельчайшихъ подробностей многотомное изданіе Ландона снимковъ въ контурахъ съ коллекцій картинъ, награбленныхъ Наполеономъ по всей Европѣ; они вмѣстѣ разбирали и новыя музыкальныя сочиненія. Подъ вліяніемъ музыкальной натуры Сѣрова Стасовъ даже чуть не принялъ рѣшенія всецѣло посвятить себя музыкѣ, а именно композиторству. Попытки сочинять у него проявлялись въ Правовѣдѣніи. Однако, къ сожалѣнію, дружба Стасова съ Сѣровымъ въ Правовѣдѣніи могла продолжаться только четыре года. Въ томъ же 1840 году, когда Стасовъ перешелъ на старшій курсъ, Сѣровъ былъ уже выпущенъ изъ училища. Разлука была очень тяжела для обоихъ друзей, и такъ какъ они не могли уже такъ часто видѣться, то стали переписываться. Письма были длинныя, подробныя, и у Стасова, остававшагося въ Правовѣдѣніи еще около трехъ лѣтъ послѣ Сѣрова, они отнимали не мало времени; зато эти письма были очень полезны для Стасова, пріучая его отдавать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, углубляться въ сущность своего художественнаго міровоззрѣнія и свободно излагать письменно все пережитое и передуманное. Письма писались по частямъ въ теченіе недѣли какъ Стасовымъ, такъ и Сѣровымъ. По воскресеньямъ же, черезъ одного товарища, Стасовъ передавалъ свое письмо Сѣрову и черезъ него же получалъ написанное за истекшую недѣлю письмо Сѣрова. Переписка не прекратилась и по выходѣ Стасова изъ училища. Потребность въ ней даже усилилась, когда наступила болѣе длительная разлука друзей, вызванная отъѣздомъ Сѣрова въ 1846 году на службу въ Симферополь, а послѣ во Псковъ [1]).

---

[1]) Письма Сѣрова къ Стасову напечатаны частью въ „Русской Старинѣ" 1876 г., частью въ „Русской Музыкальной Газетѣ" 1899—1900 гг. См. также новую серію писемъ въ „Русской Старинѣ" 1907 г.

IV.

Быстро развиваясь умственно и эстетически, благодаря природнымъ богатымъ задаткамъ, жаждѣ знанія, удовлетворяемой разнообразнымъ чтеніемъ, благопріятной обстановкѣ и товарищеской средѣ во главѣ съ Сѣровымъ, Стасовъ не могъ не относиться весьма критически къ преподаванію въ училищѣ, скучному, сухому, педантичному и неинтересному. Талантливыхъ преподавателей, умѣющихъ заинтересовать своимъ предметомъ молодыхъ слушателей, въ сущности вовсе не было въ училищѣ. Такую постановку преподаванія Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ объясняетъ и господствовавшимъ въ то время оффиціальнымъ направленіемъ, склоннымъ гораздо болѣе подавлять индивидуальность, чѣмъ развивать ее. Вотъ что̀ онъ пишетъ по этому поводу: „Переходя на высшій курсъ, каждый изъ насъ думалъ, что вотъ, наконецъ, мы вступаемъ въ настоящее „святое святыхъ", вотъ сейчасъ отдернутся какія-то завѣсы, вотъ мы, наконецъ, увидимъ тайны науки, великой, широкой, глубоко-серьезной. Скоро мы убѣдились, что ожиданія были напрасны. Никакихъ завѣсъ не отдернулось, и мы продолжали слушать то, что̀ прежде слушали"... „Ничего живого, двигающаго впередъ, одухотворяющаго, раздвигающаго горизонты мысли. Одна только самая ординарная схоластика, имена, цифры и голые факты — и болѣе ничего. Во-первыхъ, и самое время то было такое, когда вовсе рѣчи не шло о томъ, какъ бы развивать людей и дать рости ихъ интеллектуальнымъ силамъ, а во-вторыхъ, и наши преподаватели были все такой народъ, который если бы и захотѣлъ, то не зналъ бы, чему еще насъ учить и въ чемъ насъ просвѣщать, кромѣ того, что̀ стоитъ въ книжкахъ, одобренныхъ самою невѣжественною, глубоко-темною цензурою тогдашнихъ временъ" [1]).

На старшемъ курсѣ читалось чуть ли не шестнадцать или семнадцать предметовъ—иногда съ громкими названіями, какъ: „уголовное право", „государственное право", „энциклопедія права", логика и психологія; даже „межевые законы" составляли отдѣльный предметъ съ особымъ преподавателемъ. Но все это была—по выраженію Стасова—„фольга на показъ", а не наука или сводъ свѣдѣній, дѣйствительно потребныхъ для развитія

---

[1]) „Учил. Прав.". Соч., т. III.

или для практической жизни. Изъ всѣхъ предметовъ старшаго курса заинтересовали воспитанниковъ только два—политическая экономія и судебная медицина, какъ наиболѣе жизненные.

По воспоминаніямъ Стасова лучше всего обстояло дѣло съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, особенно съ первымъ, который считался необходимой принадлежностью элегантнаго, блестящаго, свѣтскаго молодого человѣка, сформировать котораго имѣло училище главной своей цѣлью. Изъ древнихъ языковъ обязательнымъ былъ латинскій, но многіе воспитанники заявили желаніе на свой счетъ учиться и греческому языку. Среди нихъ былъ и Стасовъ. Преподавателемъ греческаго языка былъ молодой ученый Шифнеръ, впослѣдствіи извѣстный оріенталистъ. Наиболѣе сильными стимулами развитія Стасова за время пребыванія его на старшемъ курсѣ были опять-таки стимулы художественные.

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвелъ на него Листъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1842 г. и давшій нѣсколько концертовъ. Такого исполненія на фортепіано онъ никогда еще раньше не слышалъ, а впослѣдствіи подобное же впечатлѣніе на него производилъ только Антонъ Рубинштейнъ, да и то не всегда. Стасовъ бывалъ въ концертахъ вмѣстѣ съ Сѣровымъ. „Мы были какъ влюбленные, какъ бѣшеные“, вспоминаетъ Стасовъ. Послѣ перваго же концерта, 3 апрѣля 1842 г., они поспѣшили домой, чтобы написать другъ другу письма. „Наединѣ съ бумагой, чернильницей и перомъ вѣдь намъ казалось — говоритъ Стасовъ — гораздо лучше, превосходнѣе, возможнѣе, чѣмъ прямо въ лицо одинъ другому, высказывать, что̀ намъ нужно было и что̀ кипѣло внутри“. Игра Тальберга, которую они считали до сихъ поръ наисовершеннѣйшей, совершенно померкла передъ игрою Листа. Въ пылу увлеченья оба они написали Листу восторженныя письма; ихъ понесъ къ Листу Сѣровъ, познакомившись черезъ Герке съ своимъ кумиромъ, принявшимъ его любезно и сыгравшимъ ему свою знаменитую фантазію на „Донъ Жуана“ Моцарта“. Спустя много лѣтъ, когда Стасовъ встрѣтился съ Листомъ, въ 1869 г., въ Мюнхенѣ, Листъ вспоминалъ про эту выходку Стасова и Сѣрова. На первомъ же концертѣ Листа Стасовъ впервые увидалъ и Глинку, съ произведеніемъ котораго только-что начиналъ тогда знакомиться.

Сильно увлекался тогда же Стасовъ и Брюлловымъ, къ которому впослѣдствіи, когда его воззрѣнія на искусство вполнѣ сформировались, относился отрицательно. То было время наибольшей плодовитости и славы Брюллова. Его картину „Взятіе Божьей Матери на небо“ Стасовъ сначала видѣлъ на выставкѣ

въ академіи, но не удовольствовался этимъ и не разъ бѣгалъ смотрѣть ее въ Казанскій соборъ, куда она была взята какъ запрестольный образъ. Въ смыслѣ освѣщенія картина была помѣщена очень невыгодно, и Стасовъ вспоминаетъ, какъ онъ, приходя въ церковь рано утромъ, дожидался, когда солнце освѣтитъ его обожаемую картину, послѣ чего онъ нѣсколько часовъ подърядъ могъ безпрепятственно любоваться ею. Другая картина Брюллова, „Распятіе", помѣщенная въ лютеранскую церковь Петра и Павла на Невскомъ проспектѣ, не столь ему нравилась, и онъ посѣщалъ эту церковь не столько для нея, сколько для того, чтобы слушать большой новый органъ, доставлявшій ему громадное наслажденіе. Онъ познакомился съ органистомъ и, сдружившись съ нимъ, оставался иногда послѣ богослуженія на хорахъ, слушая его игру. Органистъ импровизировалъ скучно, но за то игралъ такія сочиненія, какъ прелюдіи и фуги І. С. Баха. „Я тутъ прослушалъ и узналъ много хорошаго,—пишетъ Стасовъ,—а выходилъ изъ церкви совершенно потрясенный, не только исполняемыми сочиненіями, но даже и одними только несравненными, величавыми, колоссальными звуками музыкальнаго мастодонта-органа". Органъ Стасовъ всегда очень любилъ, и пишущему эти строки не разъ приходилось встрѣчаться съ нимъ въ лютеранскихъ церквахъ на концертахъ, въ которыхъ исполнялись ораторіи, какъ, напримѣръ, „Страсти по св. Матѳею" І. С. Баха, котораго онъ обожалъ, и др.

Сильнѣйшими тогдашними впечатлѣніями Стасова въ области литературы были: Лермонтовъ, стихотворенія котораго и отрывки изъ „Героя нашего времени" появлялись тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ", и печатавшійся тамъ же Бѣлинскій, который, по словамъ Стасова, былъ „рѣшительно нашимъ настоящимъ воспитателемъ. Никакіе классы,—говоритъ онъ,—курсы, писанія сочиненій, экзамены и все прочее не сдѣлали столько для нашего образованія и развитія, какъ одинъ Бѣлинскій, со своими ежемѣсячными статьями". Громадное впечатлѣніе произвели на Стасова „Мертвыя Души" Гоголя, появившіяся въ концѣ лѣта 1842 г., когда онъ перешелъ уже въ послѣдній высшій классъ и получилъ, какъ всѣ выпускные воспитанники, шпагу. Всѣ товарищи—вспоминаетъ Стасовъ—собрались вмѣстѣ и по очереди вслухъ читали и перечитывали это, по словамъ Стасова, „великое, неслыханно-оригинальное, несравненное, національное и геніальное созданіе". Несомнѣнно, Гоголь имѣлъ большое вліяніе на выработку у Стасова всѣхъ его основныхъ взглядовъ на искусство. Изъ иностранныхъ писателей Стасовъ познакомился тогда

съ Винкельманомъ, перечтя всѣ его двѣнадцать томиковъ на нѣмецкомъ языкѣ, и съ Гейне, „Salon“ котораго читалъ, сидя за что-то въ карцерѣ. Онъ полюбилъ Гейне, по собственному выраженію, „страстно на вѣки, не взирая на разныя его странныя уродства и недостатки, которые сознавалъ очень хорошо“.

Вотъ какова была обстановка, среда—всѣ условія, при которыхъ росъ, воспитывался, развивался будущій ученый изслѣдователь и писатель, въ сферѣ искусства.

Изъ отрицательныхъ сторонъ училищной жизни слѣдуетъ упомянуть сѣченіе, широко принятое въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и примѣнявшееся часто, въ особенности въ младшемъ курсѣ, хотя и не въ столь жестокой формѣ, какъ вездѣ. Другой, еще болѣе радикальной мѣрой противъ провинившихся воспитанниковъ было исключеніе ихъ изъ училища. Воспитанники, въ которыхъ, по словамъ Стасова, чувство законности и справедливости было очень сильно развито, не только бывали потрясены и возмущены этими варварскими мѣрами, оскорбляющими человѣческое достоинство и вовсе не достигающими въ концѣ концовъ воспитательныхъ цѣлей, но всегда стремились въ той или иной формѣ выразить свое сочувствіе наказанному и реагировать сообща противъ наказавшаго или вызвавшаго наказаніе. Наказанные считались товарищами обиженными. Стасовъ разсказываетъ, какъ на старшемъ курсѣ было выражено коллективно негодованіе и злоба по поводу исключенія одного товарища, кн. Трубецкого, за то только, что онъ заболѣлъ нехорошей болѣзнью. „Господинъ Классъ“ собрался на засѣданіе. На классной доскѣ было написано имя родственника кн. Трубецкого, сенатора Горголи, сообщившаго директору про его болѣзнь и тѣмъ вызвавшаго исключеніе. Однимъ изъ товарищей произнесена была обвинительная рѣчь, а затѣмъ весь классъ забросалъ доску—чѣмъ попало подъ руку, мѣломъ, губками, карандашами и проч. Это, конечно, было черезчуръ наивно. Но иногда протестъ воспитанниковъ училищному начальству выражался и въ болѣе рѣзкой формѣ,—напримѣръ, воспитанники отвѣчали на привѣтствіе директора демонстративнымъ молчаніемъ. Были и другія, менѣе существенныя, отрицательныя стороны въ училищной жизни, но всѣ онѣ не могли со всѣмъ затмить тѣхъ хорошихъ сторонъ, о которыхъ была рѣчь раньше.

V.

Изъ правовѣдской жизни нельзя пройти молчаніемъ нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ самый характеръ юноши Стасова.

Еще мальчикомъ онъ не выносилъ насмѣшекъ, и когда, въ первые же дни пребыванія въ училищѣ, къ нему сталъ приставать и насмѣхаться одинъ товарищъ, то онъ энергично съ нимъ расправился, схвативъ за уши и пригнувъ къ землѣ. „Моя героическая расправа—разсказываетъ Стасовъ—имѣла важные результаты не только для той минуты и для моего мальчишескаго самолюбія, но и для всей послѣдующей моей училищной жизни. Съ этого же перваго вечера я уже никогда не былъ „преслѣдуемымъ“, никогда не былъ тѣмъ, къ кому можно приставать и надъ кѣмъ потѣшаться. Классъ меня *уважалъ*“.

Но, не вынося нападокъ и насмѣшекъ, самъ Стасовъ былъ порядочный задира и насмѣшникъ. Онъ разсказываетъ про два случая такихъ своихъ назойливыхъ приставаній, послѣдствіемъ чего была жестокая расправа его жертвъ съ нимъ посредствомъ перочиннаго ножа. Одинъ разъ, своими насмѣшками надъ „бараньей натурой“ (по его словамъ) одного воспитанника онъ его привелъ въ такую ярость, что тотъ ударилъ его ножомъ въ палецъ руки до самой кости. Въ другомъ случаѣ, запущенный въ Стасова ножъ вонзился ему въ лѣвое плечо; рана могла бы быть смертельной, если бы ножъ прошелъ на одну линію глубже въ сторону аорты.—Не указываютъ ли эти факты на обнаружившуюся еще въ юношескіе годы способность Стасова подмѣтить слабыя стороны чужой индивидуальности и аттаковать ее съ этой стороны—способность, проявившуюся впослѣдствіи, конечно, въ иной формѣ, въ области критики и полемики?

Интересенъ и слѣдующій случай изъ ученическихъ лѣтъ Стасова, показывающій другую черту его характера. Во второмъ классѣ законоучитель священникъ Мих. Изм. Богословскій задалъ воспитанникамъ одну богословскую тему, которую въ своихъ воспоминаніяхъ Стасовъ приблизительно формулируетъ такъ: „Почему тѣло Христово называется церковью?“.—Воспитанники долго мучились надъ этой темой, но всѣ ихъ письменныя объясненія, подаваемыя еженедѣльно законоучителю, отвергались имъ. Тогда Стасовъ и еще одинъ его товарищъ предложили „Господину Классу“ разспросить объ этомъ извѣстнѣйшихъ въ Петер-

бургѣ высокихъ духовныхъ особъ. Предложеніе было весело принято. Кто къ кому, а Стасовъ по назначенію класса отправился интервьюировать самого митрополита московскаго Филарета, находившагося тогда въ Петербургѣ и допустившаго юношу къ себѣ по знакомству съ его теткой Вѣрой Петровной, родной сестрой его отца. Митрополитъ сначала разсердился, узнавъ, для какой цѣли требуется его мнѣніе; но Стасовъ умѣлъ съ нимъ обойтись, митрополитъ далъ просимое объясненіе и, заставивъ Стасова повторить его, убѣдился, что оно вполнѣ усвоено. Интересно, однако, что сфабрикованные сообща всѣмъ классомъ отвѣты, полученные изъ разныхъ источниковъ, законоучитель вновь не одобрилъ и, наконецъ, изложилъ свое объясненіе. Въ своей шуткѣ воспитанники ему признались только передъ самымъ выпускомъ, чѣмъ заставили его смѣяться до слезъ. Несомнѣнно, со стороны молодого правовѣда нужна была не только иниціатива, предпріимчивость, но и немалая смѣлость и находчивость, чтобы привести въ исполненіе такой планъ. Тамъ, гдѣ другой отступилъ бы изъ робости или изъ скромности, Стасовъ, напротивъ, пошелъ напроломъ. Такую же иниціативу, предпріимчивость, упорство въ достиженіи поставленныхъ цѣлей Стасовъ проявлялъ и во всю свою жизнь.

Пребываніе Стасова въ Правовѣдѣніи чуть не окончилось для него диссонансомъ.

Изъ молодечества и шалости нѣсколько воспитанниковъ вздумали играть въ карты, пить и курить. Стасовъ всегда питалъ ко всему этому великое отвращеніе и въ продѣлкахъ товарищей не участвовалъ, что̀ и было извѣстно училищному начальству. Поэтому, когда, благодаря доносу одного изъ классныхъ солдатъ, продѣлка обнаружилась и приняты были самыя крутыя мѣры для разслѣдованія виновныхъ—прекращены классы, весь почти классъ разсаженъ по одиночнымъ карцерамъ,—Стасовъ былъ оставленъ на свободѣ. Всѣмъ воспитанникамъ угрожало исключеніе, если они не сознаются и не выдадутъ виновныхъ; а чтобы подвинуть ихъ на этотъ недостойный поступокъ, коммиссія по разслѣдованію распространяла ложные слухи, что нѣкоторые воспитанники уже выдали товарищей. Стасовъ былъ до̀ послѣдней степени возмущенъ этой гадкой исторіей и не допускалъ мысли, чтобы среди товарищей нашлись доносчики,—и вотъ, чтобы подбодрить товарищей, онъ разными хитростями, а отчасти и подкупомъ сторожей, устроилъ себѣ свиданія съ заключенными и сообщилъ имъ, чтобы крѣпились, такъ какъ въ дѣйствительности начальство ничего покуда не раскрыло. Одного

же товарища, сухого эгоиста, хотѣвшаго уже выдать своихъ,—уломалъ не столько просьбами, сколько угрозами, и взялъ съ него честное слово молчать. Продѣлка Стасова сдѣлалась извѣстной, и онъ былъ исключенъ изъ училища и уже отвезенъ воспитателемъ домой. Отецъ страшно огорчился, хотя былъ на сторонѣ сына. Недѣли три Стасовъ пробылъ дома, лишенный правовѣдской формы, и сталъ уже готовиться въ университетъ, какъ со стороны получилъ извѣстіе, что его вновь примутъ, если онъ письменно раскается передъ директоромъ училища. Собравъ всѣ свои силы, онъ написалъ письмо—и дѣйствительно былъ принятъ, чему помогли, впрочемъ, главнымъ образомъ хорошія отношенія его отца съ директоромъ, а также и то, что отца лично зналъ принцъ. Само собою разумѣется, что Стасову сбавили нѣсколько балловъ за поведеніе, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря единогласному ходатайству профессоровъ, онъ былъ все-таки выпущенъ изъ Правовѣдѣнія съ чиномъ IX класса, и весной 1843 года однимъ элегантнымъ свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, сформированнымъ въ Правовѣдѣніи, стало больше.

VI.

Молодой Стасовъ, выйдя изъ Правовѣдѣнія, поселился въ родной семьѣ съ отцомъ, братьями и сестрой Надеждой. Сестра Софія вышла замужъ и потомъ (въ 1857 г.) умерла за-границей. Стасовъ былъ особенно друженъ съ братомъ Дмитріемъ и сестрой Надеждой. Первый года четыре былъ еще въ Правовѣдѣніи и являлся сначала домой только въ отпускъ, а окончивъ курсъ и поступивъ на службу въ сенатъ, жилъ вмѣстѣ со всѣми до 1861 года, когда женился. Обоихъ братьевъ связывала главнымъ образомъ любовь къ музыкѣ, а также и общій складъ мыслей. Они часто играли въ четыре руки и устраивали „ансамбли“ на двухъ фортепіано въ восемь рукъ со знакомыми любителями. Дмитрій Васильевичъ зналъ всѣ намѣренія брата и былъ ему не разъ потомъ полезенъ въ дѣлахъ практическихъ, пріобрѣтя большую опытность особенно въ юридическихъ дѣлахъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ. Братья остались дружны на всю свою жизнь [1]). Сестра Надежда Васильевна, при всей разницѣ характеровъ, имѣла съ Владиміромъ Васильевичемъ и много

[1]) Указаніями и разсказами Дмитрія Васильевича я пользовался въ настоящемъ очеркѣ.

общаго, а главное, была такая же, какъ онъ, предпріимчивая, дѣятельная и настойчивая въ осуществленіи своихъ намѣреній и плановъ. Извѣстна ея неутомимая дѣятельность по учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ и вообще по развитію женскаго образованія, а также по благотворительности. Стасовъ очень любилъ и цѣнилъ сестру, и послѣ ея смерти, въ 1895 году, посвятилъ ей цѣлую книгу, о которой мы упоминали. Книга эта даетъ цѣлую исторію женскаго движенія въ Россіи.

Молодой Стасовъ не походилъ на своихъ сверстниковъ-правовѣдовъ. Онъ былъ гораздо серьезнѣе ихъ и вовсе былъ лишенъ шаблонной свѣтскости, но зато очень образованъ, жизнерадостенъ, подвиженъ, не чуждался общества, былъ очень неравнодушенъ къ женской красотѣ, какъ и во всю свою долгую жизнь холостяка, но его людскость не имѣла никакого отпечатка легкомыслія, фатовства или пошловатости. Онъ держалъ себя просто и прежде всего былъ озабоченъ своими занятіями—литературой и искусствомъ.

Уже изъ предыдущаго можно заключить, насколько не соотвѣтствовала Стасову карьера правовѣда или чиновника. Однако, не будучи матеріально обезпеченнымъ, онъ естественно нуждался въ вѣрномъ, постоянномъ заработкѣ, и потому, тотчасъ же по окончаніи курса въ Правовѣдѣніи, поступилъ на службу въ канцелярію межевого департамента правительствующаго сената. Сухія служебныя занятія, понятно, не удовлетворяли Стасова. Духовныя потребности сильно обозначались у него еще въ ученическіе годы и, выйдя изъ училища, онъ продолжалъ свое умственное и эстетическое развитіе, много читалъ и сталъ довольно спеціально изучать искусство. Онъ посѣщалъ Эрмитажъ и разсматривалъ тамъ въ кабинетѣ хранителя эстамповъ Уткина богатыя эрмитажныя коллекціи гравюръ. Желая изучить гравюру исторически, онъ не удовлетворился Эрмитажемъ, въ коллекціяхъ котораго находилъ большіе пробѣлы. Тогда, по совѣту Уткина, онъ идетъ (въ 1845 г.) въ императорскую Публичную Библіотеку къ одному знакомому отца, Василію Ивановичу Собольщикову, завѣдывавшему, какъ оказалось, въ библіотекѣ отдѣленіемъ художествъ. Библіотека была тогда невзрачна, грязна, мрачна, неустроена и безлюдна. Собольщиковъ какъ разъ занимался приведеніемъ въ порядокъ эстампной коллекціи, имѣвшей довольно бѣдный, неприглядный видъ. Онъ все же съ большою готовностью предоставилъ ее для осмотра, а вмѣстѣ съ тѣмъ разныя книги и каталоги, и Стасовъ часто сталъ ходить въ библіотеку; впрочемъ, интересъ къ

коллекціи былъ скоро исчерпанъ, такъ какъ она оказалась отрывочной и далеко не полной, и Стасовъ прекратилъ посѣщенія библіотеки.

Обладая уже достаточнымъ запасомъ знаній и начитанностью, Стасовъ искалъ случая примѣнить ихъ въ литературной дѣятельности, чтобы противопоставить ее сухой неинтересной службѣ. Случай представился въ 1847 г., когда старшій его по выпуску правовѣдскій товарищъ Калайдовичъ, будучи назначенъ на службу въ Москву, отрекомендовалъ его редактору „Отечественныхъ Записокъ" Краевскому, чтобы продолжать въ журналѣ вмѣсто него обзоры иностранной исторической литературы. Въ томъ же журналѣ Стасовъ вызвался давать и музыкальныя обозрѣнія, съ которыхъ собственно и началась его литературная дѣятельность.

Въ 1850 и 1851 годахъ Стасовъ возобновилъ посѣщеніе библіотеки уже по другому случаю. Онъ ходилъ туда къ другому своему знакомому, молодому библіотекарю, по спеціальности оріенталисту, Ѳед. Ник. Попову, и помогалъ ему писать карточки съ заглавіями иностранныхъ книгъ, что̀ было ему очень интересно и доставляло большое удовольствіе. Въ это время библіотека уже начинала измѣняться къ лучшему. Прежняго начальника Бутурлина, „имѣвшаго—по словамъ Стасова—видъ и всѣ качества отставного армейскаго полкового командира, которому библіотека, представлялась, повидимому, въ родѣ цейхгауза или амбара", уже не было. Исчезъ съ нимъ и какой-то своеобразный военный характеръ библіотеки. Назначенный въ 1849 году директоромъ библіотеки баронъ М. А. Корфъ повелъ дѣло совсѣмъ иначе. Библіотека стала принимать болѣе уютный видъ, библіотекари перестали ходить въ струнку и давать отрывистые отвѣты по военному, стали усиленно покупаться книги и число посѣтителей значительно возросло. Но всѣ главныя переустройства въ библіотекѣ произошли уже во время отсутствія Стасова изъ Петербурга.

VII.

Въ 1848 году (16 февраля) Стасовъ перешелъ изъ межевого департамента сената въ департаментъ герольдіи, а затѣмъ продолжалъ чиновничью службу съ 1850 г. (17 іюля) въ департаментѣ юстиціи исправляющимъ должность помощника юрисконсульта.

Службой Стасовъ не интересовался и мало дорожилъ ею; когда, въ 1851 году, ему представился случай въ качествѣ секре-

тaря князя Анат. Ник. Демидова поѣхать на нѣсколько лѣтъ за-границу, онъ съ радостью ухватился за этотъ случай и въ 1851 году (2 мая) вышелъ въ отставку. Его радости передъ этой первой заграничной поѣздкой не было конца. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ признается, что подобное же сильное, нетерпѣливое ожиданіе новыхъ впечатлѣній онъ испыталъ только еще разъ въ жизни—въ дѣтствѣ, когда отецъ объявилъ ему о поступленіи въ Правовѣдѣніе.

Какъ и тогда, жажда новой, неизвѣданной жизни пересиливала родственныя и дружескія привязанности. А между тѣмъ въ Петербургѣ Стасовъ оставлялъ Сѣрова, который, казалось, составлялъ для него такъ много. Онъ, однако, не забывалъ своего друга, очень тосковавшаго по немъ, и писалъ ему изъ разныхъ мѣстъ большія письма, въ которыхъ краснорѣчиво описывалъ свои впечатлѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣдомлялся, вспоминаютъ ли его, чувствуютъ ли его отсутствіе. Очевидно, ему пріятно было слышать, что онъ нуженъ тамъ, на далекой родинѣ. Сѣровъ признавался ему, что чувствуетъ боль по случаю его отсутствія. „Эта боль—писалъ онъ—мое почти нормальное состояніе. Ты слишкомъ хорошо знаешь всѣхъ, кто меня окружаетъ, и мои отношенія къ каждому изъ этихъ лицъ—а между тѣмъ ты спрашиваешь, вспоминаю ли я о тебѣ, чувствую ли твое отсутствіе... и вѣрно это случается со мною не только по случаю неигранія въ четыре руки... Мало ли въ чемъ я осиротѣлъ безъ тебя! Тебя нѣтъ въ Петербургѣ,—съ кѣмъ же, скажи мнѣ, я могу бесѣдовать о самомъ важномъ для меня—о всемъ, что всего меня наполняетъ?“ Письма Стасова были для Сѣрова праздникомъ. Онъ жадно впитывалъ путевыя впечатлѣнія своего друга и писалъ ему: „видѣть чужіе края твоими глазами—для меня совершенно то же, что я бы и самъ видѣлъ“ [1]).

Впечатлѣнія Стасова во время заграничной поѣздки были живы, сильны, обильны и прочны. Больше всего времени онъ прожилъ во Флоренціи. О впечатлѣніяхъ его мы можемъ судить если не изъ собственныхъ его писемъ, которыхъ полностью пока не имѣемъ, то опять-таки изъ писемъ А. Н. Сѣрова.

...„Я искренно радъ,—писалъ онъ Стасову 17 сентября 1851 г. изъ С.-Петербурга,—что ты начинаешь потихоньку влюбляться въ Италію; мнѣ было бы больно, еслибъ эта страна, на которую мы, по слухамъ, привыкли смотрѣть, какъ на обѣтованную землю для артистической жизни,—оказалась бы на дѣлѣ

---

[1]) Изъ серіи новыхъ писемъ Сѣрова къ Стасову. „Русск. Стар.“. 1907 г., мартъ.

не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ. Теперь я вижу, что ты только немножко опрометчиво осудилъ Флоренцію по первому впечатлѣнію, — и, вѣроятно, одной искорки будетъ довольно, „чтобъ фейерверкъ вспыхнулъ и загорѣлся". Эту искорку зажгутъ итальянскіе глазки — и вѣрно недолго этого ждать. Ахъ, женщины, женщины! Какъ все кисло идетъ въ жизни безъ нихъ, безъ постояннаго сообщенія съ ними".

Сѣровъ не ошибался въ своемъ предсказаніи. Большой поклонникъ женщинъ, Стасовъ дѣйствительно не могъ остаться равнодушнымъ къ „итальянскимъ глазкамъ". Онъ страстно полюбилъ одну красавицу-римлянку и одно время велъ съ нею даже переписку.

Литературностью писемъ Стасова Сѣровъ восхищался не разъ и по нимъ предсказывалъ своему другу блестящую будущность писателя. „Чтò за досада,—писалъ онъ,—что кромѣ Димитрія (брата Стасова) мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ наслаждаться твоими письмами. Какъ бы я читалъ ихъ Сонечкѣ и М. Б. Какъ бы вмѣстѣ со мною онѣ обѣ вливали въ себя все безподобное, чтò ты намъ такъ щедро даришь въ каждомъ твоемъ письмѣ!"... „Какъ бы я хотѣлъ тутъ же разомъ перелить въ другихъ то, чтò волнуется у меня въ душѣ, при чтеніи твоихъ нынѣшнихъ писемъ—такъ горячо и такъ славно писанныхъ, что во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія не остается насчетъ твоей настоящей писательской дѣятельности. Отчего жъ бы въ тебѣ зародилась такая страсть къ писанію, еслибъ тебѣ не назначено было выработать изъ себя автора и автора не безъ силы и не безъ значенія въ мірѣ искусствъ! Вѣдь когда же нибудь выскажется огненная твоя душа во всеуслышаніе—вѣдь будетъ же то время, когда всѣ твои умственныя слова получатъ достойное тебя направленіе — все приведется къ одному знаменателю, и тогда тебѣ нельзя будетъ ограничиться письмами къ твоимъ близкимъ... Я увѣренъ, что этого не долго ждать! Поѣздка твоя въ Италію во многомъ перемѣнитъ тебя, вышлифуетъ и натолкнетъ тебя на твою настоящую дорогу" [1]).

Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ писемъ Стасова мы все же имѣемъ. Одно письмо изъ Флоренціи 2/14 декабря 1852 г. было напечатано въ „Спб. Вѣдомостяхъ" [2]). Въ немъ живо и талантливо описывались октябрьскія народныя празднества въ

---

[1]) Тамъ же; апрѣль.

[2]) „С.-Петерб. Вѣдомости" 1853 г., 15 апр., № 84: „Письма изъ Италіи" съ подписью: „В. С.".

Римѣ. Напечатана была и часть писемъ Стасова къ красавицѣ Нинѣ [1]), чрезвычайно увлекательныхъ. Здѣсь все дышало любовью и страстью, молодостью, жизнерадостностью и солнцемъ Италіи, а описаніе римскаго карнавала отличалось картинностью, яркостью красокъ и жизненностью. Не даромъ на эти письма обратилъ вниманіе критикъ Аполлонъ Григорьевъ, отозвавшись съ большой похвалой о талантѣ автора.

VIII.

Съ 1851 по 1854 годъ Стасовъ пробылъ съ княземъ Демидовымъ за-границей, побывавъ, кромѣ Италіи, проѣздомъ въ Германіи и Австріи, а также въ Парижѣ и Лондонѣ. Онъ не ограничивался накопленіемъ впечатлѣній туриста. Его занятія секретаря оставляли ему не мало свободнаго времени, которымъ онъ распоряжался съ большой для себя пользой. Онъ посѣщалъ музеи, библіотеки, выставки и, проявляя неустанный интересъ къ старому и новому искусству и къ литературѣ, не только пополнялъ пробѣлы своихъ знаній, но и могъ сообщить новыя свѣдѣнія въ печати.

Посѣщая въ Римѣ русскихъ художниковъ и знакомясь съ ихъ работами, онъ дѣлится полученными свѣдѣніями и впечатлѣніями съ читателями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ [2]). Послѣ смерти К. П. Брюллова въ Римѣ, 23 іюня 1852 г., онъ по свѣжимъ слѣдамъ спѣшитъ разспросами близкихъ къ нему лицъ разузнать о послѣднихъ дняхъ его жизни, пересматриваетъ тщательно всѣ его картины, рисунки и эскизы и обо всемъ этомъ печатаетъ въ видѣ письма къ редактору „Отечественныхъ Записокъ“ цѣлую обстоятельную статью [3]).

Въ Римѣ же онъ долго былъ занятъ изученіемъ музыкальныхъ коллекцій аббата Сантини, и результатомъ этихъ занятій является весьма пространная и цѣнная статья.

Вообще говоря, это пребываніе за-границей, впервые поставившее Стасова лицомъ къ лицу съ европейской культурой и жизнью и со многими произведеніями архитектуры, скульптуры

---

[1]) „Библіотека для Чтенія“ 1853 г., мартъ: „Три письма“, безъ подписи.

[2]) „С.-Петерб. Вѣдомости“ 1852 г., 3 и 4 сентября, №№ 196 и 197: „Работа русскихъ художниковъ въ Римѣ“. „Еще о работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ“. Обѣ съ подписью: „—въ“.

[3]) „Отечеств. Записки“ 1852 г., т. 84, отд. VIII: „Послѣдніе дни К. П. Брюллова и оставшіяся въ Римѣ послѣ него произведенія“. Соч., т. I.

и живописи, съ которыми онъ ранѣе былъ знакомъ лишь по снимкамъ, расширило его кругозоръ, завершило художественное развитіе, сформировало ясное и вполнѣ сознательное отношеніе къ жизни и искусству и, наконецъ, послужило прочнымъ основаніемъ для оріентированія при дальнѣйшихъ заграничныхъ его поѣздкахъ.

Возвратившись изъ-за-границы въ Петербургъ и покончивъ свои секретарскія обязанности при князѣ Демидовѣ, Стасовъ сталъ пріискивать себѣ постоянныя служебныя занятія, а въ ожиданіи полученія мѣста началъ вновь усиленно посѣщать Публичную библіотеку. При новомъ ея директорѣ, баронѣ Корфѣ, послѣ переустройства, она совершенно обновилась, заставляла о себѣ много говорить и рѣшительно вошла въ моду. „Когда я воротился и въ первый разъ побывалъ въ библіотекѣ,—пишетъ Стасовъ [1]), — мнѣ показалось, точно съ нея сползла старая, заплѣснѣвшая шкурка, и она щеголяла въ яркомъ весеннемъ уборѣ. Пропалъ прежній старческій, нахмуренный видъ, вездѣ стало свѣтло, изящно и колоритно; тамъ и сямъ блестѣли зеркальныя стекла, элегантная рѣзьба изъ дерева; весело было пройти теперь по оживленнымъ заламъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ были выставлены интересныя гравюры или библіографическія рѣдкости, а безконечные шкафы съ книгами, наполненные красивыми цвѣтистыми переплетами, потеряли прежній, несносный видъ, нагонявшій уныніе и тоску". И все это сдѣлалъ баронъ Корфъ. Неудивительно, что библіотека наводнилась посѣтителями, могущими отъ десяти часовъ утра до девяти часовъ вечера читать всевозможныя книги по всѣмъ отраслямъ знанія и при томъ безплатно. Для многихъ она сдѣлалась истиннымъ источникомъ образованія, второй школой. И самъ Стасовъ признавался, что „обязанъ библіотекѣ безконечно много":— „добрую часть своего образованія я вынесъ изъ нея, во множествѣ работъ она мнѣ помогла — всего этого не было бы, если бы она оставалась такою, какою я ее зналъ за нѣсколько лѣтъ прежде, напр., въ 1845 году. Мнѣ бы и въ голову не пришло, что тамъ надо искать того, что̀ можетъ быть мнѣ полезно"... Но не одинъ порядокъ, внѣшняя красота обстановки, удобства занятій, уютность или любезное обращеніе Собольщикова, завѣдывавшаго теперь цѣлыми двумя отдѣленіями—художественнымъ и Rossica, — сдѣлали изъ Стасова ревностнаго посѣтителя библіотеки, просиживавшаго большую часть дня за книгами и рукописями. По мѣрѣ

---

[1]) „Воспоминанія гостя Библіотеки" (май 1867 г.). Соч. Стасова, т. III.

того какъ расширялся его умственный кругозоръ, росла и жажда знанія; скоро онъ сдѣлался въ библіотекѣ своимъ человѣкомъ, особенно сойдясь съ помощникомъ Собольщикова по отдѣленію Rossica, Беркгольцемъ, человѣкомъ большой учености. Онъ постоянно съ нимъ бесѣдовалъ и пользовался его совѣтами настолько, что въ воспоминаніяхъ признается, „что безконечно много обязанъ ему всѣмъ своимъ развитіемъ". Стасовъ мало-по-малу такъ втянулся въ эту жизнь, такъ полюбилъ и самое библіотечное дѣло, что съ радостью принялъ предложеніе Собольщикова составить систематическій каталогъ отдѣленія Rossica. „Систематизированіе, распредѣленіе по отдѣламъ всегда было моею страстью во всемъ, — признается Стасовъ, — а тутъ мнѣ представлялся случай распоряжаться съ нѣсколькими десятками тысячъ книгъ, касавшихся едва-ли не всѣхъ сферъ человѣческаго знанія, въ этомъ удивительномъ, въ этомъ безпримѣрномъ отдѣленіи Rossica". И вотъ онъ весь отдался составленію каталога и работалъ надъ разборомъ карточекъ и дома по вечерамъ. Регистрируя и вмѣстѣ съ тѣмъ просматривая книги, онъ, увлекаясь, часто прочитывалъ ихъ. „Мнѣ кажется, въ немногіе мѣсяцы,— вспоминаетъ онъ,—я тутъ больше узналъ новаго, чѣмъ прежде во многіе годы". Хотя составленіе каталога было начато уже до Стасова, но онъ внесъ въ распредѣленіе книгъ свою систему, которая, по окончаніи каталога къ осени 1856 года, была разсмотрѣна въ Академіи Наукъ и, за незначительными мелкими подробностями, была одобрена. Тогда же Стасовъ сослужилъ для библіотеки и другую службу. Онъ напечаталъ нѣсколько статей, близко ея касающихся. Первой была статья о греческой рукописи „Святоградецъ", заключающей интересныя свѣдѣнія о византійскомъ церковномъ пѣніи. Эту рукопись онъ видѣлъ въ Публичной библіотекѣ въ Парижѣ, заказалъ съ нея копію и подарилъ ее нашей библіотекѣ. Второй — была статья о хранящихся въ библіотекѣ автографахъ музыкантовъ. Наконецъ, третьей — статья о великолѣпнѣйшемъ художественномъ французскомъ изданіи „Imitation de Jesus Christ". Оно было напечатано для всемірной парижской выставки 1855 года всего въ ста экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ былъ пріобрѣтенъ барономъ Корфомъ за большую сумму для библіотеки.

Стасовъ не прекращалъ своихъ занятій и въ художественномъ отдѣленіи у Собольщикова, пересматривалъ каталоги книгъ по искусству и выбиралъ изъ нихъ тѣ, которыя, по его мнѣнію, нужно было пріобрѣсти для библіотеки.

Его занятія, его любовь къ книжному дѣлу, его живой интересъ къ искусству, его литературный талантъ были замѣчены барономъ Корфомъ, постоянно встрѣчавшимъ молодого библіофила въ библіотекѣ и знавшимъ его такимъ образомъ лично, хотя имъ и не приходилось сколько-нибудь продолжительно бесѣдовать другъ съ другомъ.

IX.

Наскучивъ безуспѣшными въ теченіе двухъ лѣтъ поисками мѣста, Стасовъ вздумалъ черезъ Собольщикова обратиться къ барону Корфу, имѣвшему обширныя связи, и просить его рекомендаціи. Неожиданно для Стасова баронъ тотчасъ же позвалъ его къ себѣ, удивлялся, почему Стасовъ не обратился къ нему прямо, и обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ разсказалъ, что на дняхъ получилъ особое порученіе отъ государя императора, для исполненія котораго ему нужны люди, владѣющіе перомъ и при томъ хорошіе работники; а такъ какъ онъ хорошо знаетъ Стасова съ этой стороны, то и предлагаетъ ему служить при немъ. Къ тому же, по его замѣчанію, эти занятія не помѣшали бы занятіямъ его въ библіотекѣ. Предложеніе барона Корфа сразу пришлось Стасову по душѣ. Онъ зналъ барона какъ рѣдкаго человѣка и благоговѣлъ передъ его дѣятельностью на пользу любимой имъ библіотеки. Служить съ нимъ и имѣть непосредственныя личныя къ нему отношенія—ему улыбалось, и онъ тотчасъ же съ радостью принялъ предложеніе. Черезъ нѣсколько дней состоялся и приказъ о поступленіи Стасова на службу. Въ его послужномъ спискѣ подъ датой 5-го декабря 1856 года читаемъ: „По Высочайшему повелѣнію назначенъ. состоять при статсъ-секретарѣ баронѣ Корфѣ по особо возложенному на него порученію по собранію матеріаловъ для исторіи царствованія Императора Николая I". Новая государственная служба на этотъ разъ вполнѣ соотвѣтствовала природнымъ склонностямъ и способностямъ Стасова. По своей новой должности помощника-сотрудника барона Корфа онъ долженъ былъ много заниматься въ различныхъ архивахъ, дѣлать разысканія первоисточниковъ, пересматривать массу рукописей. Все это дало ему возможность, кромѣ анонимнаго участія въ историческихъ трудахъ подъ руководствомъ барона Корфа написать и нѣсколько самостоятельныхъ историческихъ этюдовъ, основанныхъ на первоисточникахъ и подлинныхъ документахъ: „Исторія

Императора Іоанна Антоновича и его семейства"; „Обозрѣніе исторіи цензуры въ царствованіе Императора Николая I" [1]); „Молодые годы Императора Николая I до вступленія его въ бракъ"; „Обзоръ дѣятельности III-го Отд. Собственной Его Величества Канцеляріи"; „Исторія попытокъ ко введенію грегоріанскаго календаря въ Россіи и въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ" [2]). Но его почти ежедневныя посѣщенія библіотеки не прекращались. Здѣсь, въ художественномъ отдѣленіи, у него былъ свой столъ, и баронъ Корфъ часто заходилъ къ нему узнать о ходѣ разныхъ работъ. Онъ теперь поручилъ ему, вмѣсто себя, составлять ежегодные отчеты библіотеки, оставивъ за собой только редакторство ихъ. „Это новое предложеніе—пишетъ Стасовъ—было необыкновенно пріятно для меня: я въ нѣкоторомъ родѣ становился исторіографомъ любезной мнѣ библіотеки и всего, что̀ мнѣ такъ сильно нравилось въ тогдашней ея кипучей дѣятельности. Я благодарилъ барона, но тутъ же просилъ у него позволенія, представляя ему черновой отчетъ, указывать въ совершенно конфиденціальныхъ отмѣткахъ, не назначенныхъ для печатнаго отчета, что̀, по моему мнѣнію, могло бы быть сдѣлано еще полезнаго въ той или другой отдѣльной части. Баронъ согласился съ удовольствіемъ" [3]).

Такимъ образомъ, Стасовъ сталъ постепенно принимать болѣе активное участіе въ дѣлахъ Публичной библіотеки. Изъ предложеній Стасова, какъ видно изъ его собственнаго перечисленія, осуществились слѣдующія, какъ онъ называетъ, „выставки" въ залахъ библіотеки: „выставка церковно-славянскихъ рукописей съ миніатюрами—нѣчто въ родѣ хронологическаго атласа древне-русской живописи"; „выставка церковно-славянскихъ крюковыхъ (нотныхъ) рукописей въ хронологическомъ порядкѣ отъ XI и до XIX вѣка";—„это была тоже выставка, дотолѣ нигдѣ еще невиданная; потомъ выставка нотныхъ рукописей западной Европы, съ самаго IX в.; выставка матеріаловъ письменности (начиная отъ древесныхъ листьевъ, бересты и металла и до нынѣшней бумаги); выставка русской гравировальной школы—(идущая отъ древнихъ лубочныхъ картинъ XVII в.) и т. п.". Наконецъ, совершенно экспромптомъ, на вопросъ барона Корфа заданный ему однажды, по поводу пустыхъ шкафовъ въ одной

---

[1]) Часть этого труда напечатана въ „Русской Старинѣ".

[2]) Эти труды В. В. Стасова не изданы и находятся въ распоряженіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Послѣдній же напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступалъ.

[3]) „Воспоминанія гостя Библіотеки".

залѣ художественнаго отдѣленія, не изобрѣтетъ ли онъ и здѣсь какой-нибудь выставки, чтобы оживить залу, онъ предложилъ собрать и выставить всѣ гравированные портреты Петра Великаго [1]).

„Кромѣ мною предложенныхъ, начали устраиваться въ библіотекѣ и другія выставки",—прибавляетъ Стасовъ. Всѣ эти выставки, наглядно представлявшія въ исторической постепенности развитіе той или другой области человѣческой культуры и искусства, привлекали многочисленную публику и дѣйствительно служили, какъ и вся библіотека, по выраженію Стасова въ одномъ отчетѣ, „большою, открытою для всѣхъ посѣтителей справочною книгою, однимъ обширнымъ музеемъ".

Для устройства такихъ выставокъ Стасовъ не жалѣлъ ни труда, ни времени. Такъ, напр., для устройства выставки портретовъ Петра Великаго онъ потратилъ нѣсколько мѣсяцевъ на пересмотръ отдѣленія эстамповъ, и кромѣ того—всѣхъ книгъ, могущихъ заключать въ себѣ портреты, а именно всего отдѣленія Rossica, состоявшаго тогда болѣе чѣмъ изъ 20.000 томовъ, и части Русскаго отдѣленія. Немало также постарался Стасовъ, чтобы пріумножить богатства библіотеки. Онъ всячески содѣйствовалъ къ привлеченію въ библіотеку новыхъ рѣдкихъ книгъ и рукописей. Услышавъ случайно отъ одного морского капитана, что въ Абхазіи, въ какой-то ветхой, покинутой церкви пицундской крѣпости находится драгоцѣнное древнее рукописное евангеліе, которое недурно было бы получить для храненія въ библіотеку, вмѣсто того, чтобы подвергать его риску совершенной потери, онъ тотчасъ же докладываетъ объ этомъ барону: дѣлаются надлежащія сношенія съ кавказскимъ намѣстникомъ, и по высочайшему повелѣнію драгоцѣнное пицундское евангеліе XI вѣка на грузинскомъ языкѣ дѣлается достояніемъ библіотеки.

По его указаніямъ, П. И. Севастьяновъ изготовляетъ фотографическіе снимки съ находящихся на Аѳонѣ и въ другихъ мѣстахъ славянскихъ и греческихъ рукописей, а также съ „средневѣковыхъ рукописей, заключающихъ образцы древняго греческаго церковнаго пѣнія", и затѣмъ даритъ ихъ библіотекѣ. По его же указаніямъ и просьбѣ, кн. М. А. Волконскій собираетъ, чтобы потомъ подарить библіотекѣ, „коллекцію аѳонскихъ лубочныхъ картинъ на священные сюжеты". Устраиваетъ Стасовъ и по-

---

[1]) Стасовъ составилъ обширный каталогъ этихъ портретовъ, первая часть котораго была напечатана подъ заглавіемъ: „Галлерея Петра Великаго въ Имп. Публ. Библ." Спб. 1903 г.

ступленіе въ библіотеку автобіографіи и до двухсотъ писемъ Глинки и его нотныхъ рукописей, которыя онъ потомъ перечисляетъ въ своемъ ежегодномъ отчетѣ по библіотекѣ за 1857 годъ. Наконецъ, онъ постоянно трудится надъ спискомъ книгъ и изданій для выписки или покупки ихъ за-границей и каждый разъ при поѣздкѣ барона Корфа за-границу особенно озабоченъ вручить ему этотъ списокъ.

Вся эта дѣятельность Стасова, съ годами только расширявшаяся, послужила залогомъ дальнѣйшаго его движенія какъ по службѣ, такъ и въ литературѣ. Баронъ Корфъ сразу оцѣнилъ Стасова и уже на экземплярѣ отчета за 1857 годъ, посланномъ ему, надписалъ: „Любезному моему Влад. Вас., въ знакъ памяти и душевной моей благодарности за пламенное и разумное его содѣйствіе какъ къ составленію этого отчета, такъ и вообще по всѣмъ нашимъ занятіямъ, — содѣйствіе, на которое онъ всегда такъ охотно самъ вызывается, съ вполнѣ оцѣняемою мною ревностью“ [1]).

Не порываетъ Стасовъ и своихъ связей съ музыкой. Онъ подобралъ себѣ компанію изъ нѣсколькихъ піанистовъ-любителей, чтобы играть въ восемь рукъ переложенія большею частью оркестровой музыки новыхъ авторовъ. Его тогдашними партнерами были: Нат. Ив. Собольщикова, братъ Дмитрій, служившій тогда оберъ-секретаремъ въ сенатѣ, и товарищи по Правовѣдѣнію Вас. Пав. Энгельгардтъ и Ал. Ник. Сѣровъ. Участвовали, но очень рѣдко, и музыканты Сантисъ и Вильбуа. Стасовъ вспоминаетъ, что исполнялся преимущественно Бетховенъ и еще чаще — Глинка, который, будучи тогда въ Петербургѣ, нерѣдко самъ присутствовалъ на этихъ собраніяхъ, бывавшихъ то въ одной, то въ другой квартирѣ, а иногда и у него. Переложенія его произведеній, „Хоты“, „Камаринской“, отрывковъ изъ оперъ „Жизнь за Царя“ и „Русланъ“, дѣлались Энгельгардтомъ или Сѣровымъ и просматривались самимъ Глинкой. Ансамбль получался хорошій, такъ какъ собранія бывали довольно часто. На одномъ изъ такихъ собраній, вѣроятно, въ 1856 году, у Собольщиковой, разъ какъ-то присутствовалъ и баронъ Корфъ съ женой, оставшіеся въ восторгѣ отъ „Полонеза“ и „Мазурки“ изъ „Жизни за Царя“.

---

[1]) „Воспоминанія гостя Библіотеки.“

X.

Но хорошимъ отношеніямъ Стасова съ барономъ Корфомъ суждено было подвергнуться тяжелому испытанію въ виду одного случая, прекрасно характеризующаго вмѣстѣ съ тѣмъ независимый и свободолюбивый характеръ Стасова.

Случай этотъ былъ вопросъ о переводѣ въ 1860—61 годахъ Румянцевскаго музея изъ Петербурга въ Москву и отношеніе къ этому дѣлу Стасова въ разрѣзъ со взглядами и дѣйствіями барона Корфа, въ лицѣ котораго объединялось тогда высшее завѣдываніе не только Публичною библіотекой, но и Музеемъ, несмотря на то, что у Музея былъ свой директоръ—князь В. Ѳ. Одоевскій. „Въ концѣ 1850-хъ годовъ,—разсказываетъ Стасовъ, —мнѣ случалось часто бывать въ Румянцевскомъ музеѣ. Я задумалъ тогда сочиненіе, гдѣ намѣренъ былъ изслѣдовать происхожденіе и характеръ главныхъ славянскихъ архитектурныхъ и орнаментальныхъ стилей, а для этого мнѣ нужно было начать съ того, чтобы изучить рисунки славянскихъ рукописей, какъ самыхъ надежныхъ для моей цѣли, самыхъ разнообразныхъ и неизмѣнныхъ памятниковъ древности. Понятно, что свои разысканія я долженъ былъ начать раньше всего съ великолѣпныхъ собраній нашей Публичной библіотеки и Румянцевскаго музея. Поэтому я дѣлилъ все свободное время пополамъ, и половину его проводилъ въ читальной залѣ Библіотеки, а половину—въ читальной залѣ Румянцевскаго музея“.

Постоянно занимаясь съ рукописями въ Музеѣ, Стасовъ привыкъ цѣнить и самое учрежденіе, ихъ хранившее, привыкъ чувствовать благоговѣніе и благодарность къ графу Румянцеву, государственному канцлеру, собирателю книгъ и рукописей, и его брату Сергѣю, принесшему, по смерти брата, отъ его и своего имени и домъ, и всѣ его коллекціи въ даръ отечеству, во всеобщее пользованіе „на благое просвѣщеніе“, какъ гласила самая надпись на фронтонѣ стараго дома канцлера на Англійской набережной. Легко можно представить себѣ чувства изумленія, досады и негодованія, овладѣвшія Стасовымъ, когда онъ случайно узналъ, что Музей уже рѣшено перевести въ Москву, а зданія Румянцева продать съ публичнаго торга. „Я былъ пораженъ—вспоминаетъ Стасовъ.—Какъ?! продавать историческій, народный памятникъ?!“ Разузнавъ, что главные мотивы перевода Музея въ Москву были невозможность затраты большой суммы, требовав-

шейся, будто бы, на ремонтъ дома, и желаніе положить основаніе въ Москвѣ Публичной библіотекѣ, Стасовъ, поддержанный молодымъ ученымъ Вл. Ив. Ламанскимъ, съ которымъ онъ часто видѣлся тогда въ Публичной библіотекѣ, задумалъ помѣшать осуществленію этого дѣла. Вмѣстѣ съ Ламанскимъ, онъ повидался почти со всѣми тогдашними свѣтилами науки, академиками и профессорами, занимавшимися въ Музеѣ, и сочинилъ протестъ, подписанный двѣнадцатью лицами, противъ перевезенія Музея изъ Петербурга [1]. Когда же этотъ протестъ, составленный въ весьма умѣренныхъ, корректныхъ выраженіяхъ, цензура не разрѣшила напечатать въ газетахъ потому, будто,—какъ явствовало изъ личныхъ объясненій предсѣдателя цензурнаго комитета, ген.-лейт. барона Медема,—что оно написано „скопомъ“, а это казалось тогда совершенно непозволительнымъ,—и когда не позволили одинаково напечатать замѣтокъ о томъ же даже отдѣльныхъ лицъ,—то Стасовъ сталъ дѣйствовать иначе. Онъ составилъ подробнѣйшую записку, гдѣ разбивалъ всѣ доводы, выставленные главными пособниками этого дѣла, въ числѣ которыхъ былъ и баронъ Корфъ, и узнавъ, что дѣло о переводѣ музея будетъ разсматриваться въ комитетѣ министровъ, передалъ свою записку—черезъ А. В. Головнина — великому князю Константину Николаевичу. Горячо отстаивая свою мысль въ запискѣ, Стасовъ выставлялъ главнымъ доводомъ тотъ, что „Румянцевскій музей есть собственность не казенная, а народная“; между тѣмъ лица заинтересованныя, ни университетъ, ни академія, ни ученые вовсе и не были спрошены въ данномъ случаѣ. „Въ Парижѣ или Лондонѣ — писалъ Стасовъ — не только никому не пришло бы въ голову спустить „по вольной продажѣ“ домъ Румянцева, но его берегли бы на вѣки вѣковъ какъ зѣницу ока, но держали бы чуть не подъ стекляннымъ колпакомъ“.

Лица, высказывавшіяся за переводъ музея въ Москву, какъ показало позднѣйшее изслѣдованіе Стасова [2], дѣйствовали однако по

[1] Вотъ этотъ протестъ: „Заявленіе. Въ Петербургѣ пронесся слухъ, что Румянцевскій Музей будетъ переведенъ въ Москву, самое зданіе продано, а собраніе рукописей, книгъ и прочія коллекціи переданы въ Московскій Университетъ. Главное значеніе музея заключается въ его рукописяхъ незамѣнимыхъ, какъ единственныхъ въ своемъ родѣ. Долгомъ считаемъ выразить наше убѣжденіе, что такое нарушеніе правъ Петербурга на одинъ изъ его лучшихъ историческихъ памятниковъ было бы невознаградимою потерею для здѣшнихъ изслѣдователей русской исторіи древности“. Подписали: А. Востоковъ. Н. Буличъ. Н. Благовѣщенскій. А. Вицынъ. К. Кавелинъ. Н. Костомаровъ. В. Ламанскій. Б. Пекарскій. А. Пыпинъ. И. Срезневскій. В. Стасовъ. М. Сухомлиновъ.

[2] См. его статью „Румянцевскій Музей“. Соч., т. III.

убѣжденію, а не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей. В. Ѳ. Одоевскій, высказавшій первый эту мысль въ своемъ докладѣ по начальству, не видѣлъ другого исхода для музея въ виду того, что денегъ на ремонтъ дома Румянцева, несмотря на его неоднократныя представленія,—не давали. Генералъ Н. В. Исаковъ, попечитель московскаго учебнаго округа, ухватился за ту же идею, желая подвинуть этимъ дѣло основанія Публичной библіотеки въ Москвѣ. Баронъ же Корфъ, обратившій все свое вниманіе на любимое дѣтище — Публичную библіотеку, искренно былъ убѣжденъ, что при невозможности большихъ затратъ на музей онъ обреченъ въ Петербургѣ на жалкое существованіе, которое все равно долго длиться не можетъ, и втайнѣ надѣялся, что при продажѣ дома музея часть вырученной суммы пойдетъ на Публичную библіотеку.

Въ комитетѣ министровъ вопросъ о переводѣ Румянцевскаго музея въ Москву былъ рѣшенъ утвердительно, при чемъ было, однако, постановлено, что сумма, вырученная отъ продажи дома, должна идти полностью на нужды самого музея. Такъ чисто по чиновнически было рѣшено это дѣло, и „историческое чувство“ Стасова, по его собственному выраженію, должно было перенести оскорбленіе.

Баронъ Корфъ, узнавъ о томъ, что Стасовъ принималъ дѣятельное участіе въ оппозиціи этому дѣлу, разъ какъ-то въ библіотекѣ выразилъ ему свой упрекъ за этотъ чуть ли не измѣнническій въ его глазахъ поступокъ. Стасовъ былъ задѣтъ за живое словами барона Корфа и огорченъ, такъ какъ въ сущности дѣйствовалъ не противъ него и не съ какой-нибудь эгоистическою цѣлью, а для пользы, по его мнѣнію, національнаго дѣла Онъ написалъ для барона подробнѣйшую записку, гдѣ объяснялъ всѣ мотивы своего поступка; писалъ, что жалѣетъ, что поздно узналъ о принятомъ уже рѣшеніи барона и не могъ предупредить сдѣланное имъ представленіе о переводѣ музея въ Москву; признавался, что жалѣетъ и о томъ, что не могъ сказать ему ранѣе, что это дѣло „будетъ для Петербурга—вредно, для Москвы—безполезно, лично для васъ,—будетъ пятномъ въ вашей біографіи, столь чистой, благородной и славной“... „Я чувствую,—говорилъ Стасовъ въ концѣ записки,—что дѣйствовалъ честно и справедливо, и что работалъ на дѣло общее и на дѣло частное, ваше собственное, дѣло вашей репутаціи, для выставленія которой во всемъ ея истинномъ свѣтѣ я не задумался бы рѣшиться на что-нибудь и еще болѣе трудное и тягостное“.

Баронъ Корфъ зналъ независимый и свободолюбивый характеръ Стасова, понялъ его побужденія и оцѣнилъ его откровенныя объясненія, но на запискѣ все же выразилъ свое мнѣніе, что у Стасова „образъ дѣйствія могъ бы быть и иной". Вскорѣ, однако, ихъ добрыя отношенія возстановились вполнѣ, и когда, 6-го декабря 1861 года, баронъ Корфъ долженъ былъ разстаться съ любимой библіотекой, получивъ назначеніе быть главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, онъ взялъ къ себѣ въ канцелярію и Стасова. Здѣсь служба Стасова при баронѣ Корфѣ въ сущности имѣла тотъ же характеръ, что̀ и прежде, и продолжалась вплоть до 1872 года, пока баронъ Корфъ занималъ этотъ постъ.

Григорій Тимофеевъ.

КУМИРЪ
НЕБУКАДНЕЦАРА

Посвящается *К. П. П.*

Настоящее стихотвореніе было доставлено въ Редакцію покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ, задолго до его смерти, еще въ ноябрѣ 1891 года, изъ Москвы, при слѣдующемъ письмѣ къ редактору журнала:

„NB. *Все дезинфицировано.* — 8 ноября 1891 года.—Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

„Дорогой М. М.! Съ моего болѣзненнаго,—но тщательно дезинфицированнаго ложа—шлю сего стихотворнаго идола, за невозможностью, при сихъ обстоятельствахъ, прислать прозаическаго [1]). Еслибъ встрѣтились цензурныя затрудненія, то существуетъ хорошій прецедентъ: стихотвореніе Хомякова на ту же тему и столь же рѣзкое по содержанію, хотя болѣе слабое (vive la modestie!) по формѣ. У меня болѣе сохранена couleur locale, и нѣтъ слишкомъ опредѣленныхъ намековъ, тогда какъ Хомяковъ обвиняетъ Навуходоносора (Небукаднецара) за преслѣдованіе печати, которая, насколько извѣстно, еще вовсе не существовала въ тѣ времена.—Дифтеритъ мой доброкачественный и я выздоравливаю, но еще не окрѣпъ и къ напряженнымъ занятіямъ не способенъ. Впрочемъ, посылаю К. К. Арсеньеву о гностикѣ Валентинѣ для Словаря (Брокгауза).—Ослабѣлъ! До свиданья! Усердно кланяюсь Л. Й. и всему вашему дружеству.—*Влад. Соловьевъ.*

„PS.—Обратите особое вниманіе на сегодняшнюю (отъ 9 ноября) лжедоносную передовую статью „Московскихъ Вѣдомостей"; она отчасти касается и васъ,—но не бойтесь: этотъ почтенный органъ такъ много вралъ, что, кромѣ его вдохновителей, ему никто не вѣритъ".

---

[1]) Вл. С. обѣщалъ статью для журнала.—*Ред.*

Редакція согласилась съ поэтомъ и нашла даже, что цензурныхъ препятствій вовсе не предвидится, такъ какъ предметъ самой поэмы цѣликомъ заимствованъ изъ библейскаго сказанія о печальной участи Навуходоносора, преслѣдователя чуждыхъ ему религій—участи, грозящей, по мысли поэта, каждому врагу свободы религіозной совѣсти; но въ то же время редакція просила Вл. С. отказаться отъ его посвященія: хотя лицо и не названо полнымъ именемъ, тѣмъ не менѣе, инициалы его имени не оставляютъ и тѣни сомнѣнія, кому посвящается стихотвореніе, а именно К. П. Побѣдоносцеву; содержаніе стихотворенія вполнѣ подтверждаетъ это. Но авторъ придавалъ особое значеніе своему посвященію: основная идея стихотворенія была вмѣстѣ и любимою мечтою поэта о торжествѣ повсюду, а также и у насъ—свободы религіозной совѣсти;—вотъ, конечно, почему онъ такъ настаивалъ на посвященіи своего стихотворенія оберъ-прокурору св. синода. Такъ какъ редакціи все же казалось въ то время неудобнымъ такое посвященіе, то Вл. С., не взявъ рукописи обратно, выразилъ надежду, что редакція перемѣнитъ свой взглядъ и все-таки когда-нибудь напечатаетъ его „стихотворнаго идола". Мы не называемъ это стихотвореніе „посмертнымъ": такъ обыкновенно называются труды авторовъ, найденные въ ихъ бумагахъ послѣ смерти, и при этомъ всегда остается неизвѣстнымъ, почему самъ авторъ не напечаталъ своего труда; настоящее же стихотвореніе, можно сказать, печатается нами не только по желанію, но даже по настоянію поэта—и уже теперь вполнѣ согласно съ его первоначальною волею и пожеланіемъ.

Эта поэма явилась въ собраніи его стихотвореній (стр. 75) подъ тѣмъ же заглавіемъ, но уже безъ соблюденія его первоначальной воли, вслѣдствіе чего въ собраніи она лишена того внутренняго смысла, какой былъ несомнѣнно вложенъ поэтомъ въ его поэму: во-первыхъ, снято посвященіе ея К. П. П., чѣмъ такъ прежде дорожилъ Вл. С., напоминая своею поэмой каждому, а въ особенности тѣмъ, отъ кого зависитъ рѣшеніе вопроса о свободѣ совѣсти, объ участи, ожидавшей Навуходоносора, изображеннаго у пророковъ гонителемъ чуждыхъ ему религій; во-вторыхъ—и это самое важное—въ этой поэмѣ, въ собраніи стихотвореній, совсѣмъ выпущена 15-ая строфа ея, гдѣ именно упоминается о превращеніи, предстоявшемъ Навуходоносору, какъ гонителю свободы совѣсти—въ вола; вмѣсто этой строфы мы встрѣчаемъ, въ собраніи, многоточіе, конечно, по обстоятельствамъ все еще независѣвшимъ отъ автора, но такимъ образомъ, поэма въ собраніи лишается того смысла, ради котораго и была она написана. Сверхъ того, въ этой поэмѣ выпущены, въ собраніи, первыя двѣ строфы (1-ая и 2-ая), и она начинается прямо 5-ою строфой, за которой слѣдуютъ сначала 4-ая, а потомъ 3-ья. Въ то же время, послѣ 12-ой строфы поэмы, въ собраніи помѣщена цѣлая строфа, которой вовсе нѣтъ въ нашемъ оригиналѣ, вотъ она:

Все небо ярко пламенѣло,
И дунулъ духъ, и погасилъ
Огонь небесъ, и поблѣднѣло
Лицо земли предъ Богомъ силъ.

Въ виду всего вышесказаннаго, мы и рѣшились возстановить поэму, текстъ которой весьма пострадалъ въ „Собраніи стихотвореній Вл. Соловьева", — и возстановить его на основаніи оригинала, окончательно утвержденнаго поэтомъ и въ переписанномъ на-чисто видѣ доставленнаго намъ. — *Ред.*

1.

Онъ кликнулъ кличъ: „Мои народы!
Вы всѣ рабы, я—господинъ,
И пусть отсель изъ рода въ роды
Надъ вами будетъ богъ одинъ.

2.

„Въ равнину Дуры [1]) васъ зову я.
Бросайте всякъ боговъ своихъ
И покланяйтесь, торжествуя,
Сему созданью рукъ моихъ“.

3.

Толпы несмѣтныя кишѣли;
Былъ слышенъ мусикійскій громъ;
Жрецы послушно гимны пѣли,
Склонясь предъ новымъ алтаремъ.

4.

И отъ Египта до Памира
На зовъ сошлись князья земли
И рукотворнаго кумира
Владыкой Жизни нарекли.

5.

Онъ былъ великъ, тяжелъ и страшенъ,
Съ лица какъ быкъ, спиной—драконъ,
Надъ грудой жертвенною брашенъ
Кадильнымъ дымомъ окруженъ.

[1]) Или *Дейръ* по неправильной греческой транскрипціи—равнина въ Халдеѣ, близъ Вавилона.

6.

И передъ идоломъ на тронѣ,
Держа въ рукѣ священный шаръ
И въ семиярусной коронѣ,
Явился Небукаднецаръ.

7.

Онъ говорилъ: „Мои народы!
Я царь царей, я богъ земной.
Вездѣ топталъ я стягъ свободы, —
Земля умолкла предо мной.

8.

„Но видѣлъ я, что дерзновенно
Другимъ молились вы богамъ,
Забывъ, что только царь вселенной
Могъ дать боговъ своимъ рабамъ.

9.

„Теперь вамъ богъ дается новый:
Его святилъ мой царскій мечъ,
А для ослушниковъ готовы
Кресты и пламенная печь".

10.

И по равнинѣ дикимъ стономъ
Пронесся кликъ: „Ты богъ боговъ!"
Сливаясь съ мусикійскимъ звономъ
И съ гласомъ трепетныхъ жрецовъ.

11.

Въ сей день безумья и позора
Я крѣпко къ Господу воззвалъ,
И громче мерзостнаго хора
Мой голосъ въ небѣ прозвучалъ.

12.

И отъ высотъ Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Какъ пламя жертвенника зрима
Твердь разступилась надо мной.

13.

И бѣлоснѣжныя метели,
Мѣшаясь съ градомъ и дождемъ,
Корою льдистою одѣли
Равнину Дурскую кругомъ.

14.

Онъ палъ въ паденіи великомъ
И опрокинутый лежалъ,
А отъ него въ смятеньи дикомъ
Народъ испуганный бѣжалъ.

15.

Гдѣ жилъ вчера владыка міра,
Я нынѣ видѣлъ пастуховъ:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотовъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Москва.—7 ноября 91.

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ВЪ

ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ Н. П. ОГАРЁВУ

Вторая половина шестидесятыхъ годовъ: 1866—1870.

68 *).

(1867 г.) 3 сентября. Вторникъ.—Итакъ, невралгія прошла. Это очень хорошо. Моя морская сыпь не проходитъ, стану ее лечить, какъ чесотку,—сѣрой.

У насъ съ той „бурраски" совершенная тишина.

Лиза учится хорошо, да и еще разъ—учителя превосходные. Я боюсь, что Nat. поссорится съ учителемъ музыки за то, что онъ кричитъ на Лизу и бранится, а она дѣлаетъ большіе успѣхи.

Отъ Мейз. получилъ письмо,—въ Fanno нѣтъ холеры и около. Саша пишетъ, что и въ Флоренціи пока нѣтъ, но что, еслибъ была, ѣхать нельзя. Правительство отставляетъ бѣгущихъ отъ холеры и печатаетъ имена въ газетахъ.

Отъ Бамбергера сейчасъ получилъ письмо. Онъ на день останавливался въ Парижѣ и уѣхалъ въ Трувиль. Придется ѣхать къ нему туда. Онъ мнѣ необходимъ, и на *одного* Ротшильда полагаться нельзя. Когда рѣшу, что ѣхать, напишу за 24 часа. 500 фр. пришлю изъ Парижа.

Какъ возможно Бакунину предлагать квартиру съ ѣдой? Я

---

*) См. выше: январь, стр. 91.

предлагалъ только стѣны, стулья и Тхоржевскаго бесѣды. Это былъ бы такой антецедентъ и такое бы разореніе, что упадешь.

Твое положеніе въ „писовкѣ“ не изъ пріятнѣйшихъ. Если Бакун. съ тобой согласенъ—ничего, если же вы будете не одного мнѣнія — что̀ ты сдѣлаешь публично? Если Долгор. будетъ отъ имени русскихъ говорить вздоръ? (Какъ я зналъ, что Бак. испугаетъ его; напусти его хорошенько). Не занемочь ли тебѣ? Молчать нельзя, а публично собачиться ты не привыкъ. Я пишу къ Барни и влагаю письма,—ты при пакетѣ его и пошли.

Статейка моя „Prolegomena“ готова (50 страницъ), но что̀ дѣлать — потолкую съ Бамберг. Я всякій день дальше отъ Запада, и даже не имѣю потребности видѣть Гарибал. въ Женевѣ. Зачѣмъ въ Россіи нѣтъ чистыхъ, понимающихъ людей возлѣ Гарунъ-аль-Рашида? Онъ не онъ, а рычагъ, т.-е. levier, хоть и не тотъ, который былъ у тебя.

Пустѣ Барни читаетъ, даже, если хочетъ, печатаетъ мою эпистолу. Я бы прислалъ тебѣ § 1 моей статьи показать имъ. Можетъ, и пришлю. Боюсь, пропадетъ. Вотъ Бакунинъ могъ бы по поводу моего письма сказать слово—другое.

Кому дать поправить—не знаю. Всѣмъ имъ статья станетъ поперекъ горла. А слогъ гадить я не позволю. Далѣе чистки subjonctif'а—ничего.

Тхоржевскому доношу, что жары здѣсь хуже іюльскихъ. Въ воскресенье было гулянье на Варѣ. Здѣсь извозчики ѣздятъ очень скоро, и жаръ былъ такъ великъ, что лошади падали мертвыя. Мы сами *видѣли* трехъ.

P.-S. Ты спрашиваешь—когда въ Женеву. Ну, „писовкой“, Бакофкой, Грузиновкой и Князевкой не заманишь. На „писовку“ пріѣду только въ случаѣ, если ты потребуешь.

У насъ ничего не рѣшено. На дняхъ срокъ квартиры, и тогда все рѣшится.

Мейзенбугъ посланное тобою письмо ей отъ Шурца получила.

69.

5 сентября 1867 г. Четвергъ.—Тема твоей баллады больно допотопна. Отъ „Бѣдной Лизы“ Карамз. до Ніоба и Шарлоты она была высказана во всѣхъ формахъ. Но это не резонъ, и все вмѣстѣ не дурно.

Я радъ, что послалъ Барни письмо, и еслибъ онъ отвѣчалъ,

я радъ писать второе—и даже для печати. Намъ надобно себя поставить въ противоположность съ глупыми обвинителями.

Прочти статью въ „Temps“ отъ 3-го, кажется (если цѣла, я пришлю), и всенепремѣнно статью Клячко въ „Revue des Deux Mondes“ 1 сентября о панславизмѣ, гдѣ онъ кадитъ Австріи и Турціи и зоветъ ихъ на войну противъ Россіи.

Неужели намъ все сидѣть между креселъ—задъ на полу? Надобно просто стать противъ этихъ Клачковъ старой ткани. Мѣсто въ западной публицистикѣ для насъ есть и большое. Не напечатать ли мою статью какъ coup de tam-tam, особо, вродѣ specimen'а? „Новую Мысль“ я читалъ,—мило, умно, свѣжо, но все же studentmässig и также не будетъ расходиться, какъ вырубовка.

Фогтъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Парижѣ. Онъ за обѣдомъ восхитилъ своей рѣчью; его и Фирхова особенно фетировали. „Liberté“ говоритъ: если Фирховъ похожъ на Робеспьера, то Фогтъ на Дантона. Скажи ему это.

Пріѣздъ Бакунина меня интересуетъ. Это очень хорошо, если онъ остановится у Клатр. (будетъ Кл. всю жизнь помнить). Онъ знакомъ съ Скарятинымъ, и вообще мнѣ хочется узнать, какъ онъ станетъ съ Элпидьевкой, а главное съ поляками. Чтò онъ мнѣ писалъ? Спроси его. Къ Гарибальди тебѣ придется сходить. Скажи ему, почему меня нѣтъ.

Я жду отвѣтъ (второй) отъ Бамб. и вѣроятно скоро поѣду въ Парижъ на нѣсколько дней.

Мнѣ очень жаль, что я не видался съ Погодинымъ. Постараюсь найти Ханыкова. Мы ничего не знаемъ, т.-е. ровно ничего.

Затѣмъ скажу, что жары здѣсь въ августѣ шли крѣпче, чѣмъ въ іюлѣ, а теперь крѣпче, чѣмъ въ августѣ, т.-е. отъ 7 утра до 5 вечера жогомъ жжетъ.

Я не съѣдаю $^1/_4$ фунта говядины въ сутки. За то питаюсь фруктами и легкимъ медокомъ съ содовой водой безъ конца, но съ абсентомъ.

Всѣ, впрочемъ, совершенно здоровы. Лизѣ я до твоего письма прислалъ отъ тебя красивую книгу и другую небольшую отъ Тхоржевс., такъ что письмо вышло dementi'емъ. Но она не догадалась. Она тебѣ сообщаетъ, что у нея былъ soirée и на немъ:

5 Françaises (mél. avec des Italiennes)
2 Irlandaises
1 Anglaise.

Старшей дамѣ—10 лѣтъ.
Самой меньшой—2 года 8 мѣсяцевъ.

70.

(1867 г.) 8 сентября. Воскресенье.—Я жду еще записки отъ Бамб., чтобъ ѣхать; au reste, до 15 сентября и даже 20-го большой крайности нѣтъ. Въ началѣ ноября все покончится, т.-е. будетъ отвѣтъ изъ New-York.

Попроси Тхорж. присылать „Journal de Genève" (или чтò самое подробное будетъ о конгрессѣ). Въ журн. здѣшнихъ не все напечатается. У васъ Луи Бланъ (кланяйся ему) и Thiérs. А все же мнѣ внутренній голосъ говоритъ, что мы—не у мѣста. И это была бы единственная заслуга, которую могъ бы сдѣлать Бакунинъ, еслибъ онъ это сказалъ. Онъ можетъ говорить, какъ фармазонъ, какъ демократъ, какъ соціалистъ, какъ богословъ невѣрія, et cet., et cet.

Но пусть скажетъ, что, какъ русскій, онъ могъ бы только вести полемику за то, что вся Европа насъ понимаетъ по-польски. Скажи ему.

Кстати, если ты найдешь нужнымъ, скажи Бакун. о домашнихъ дѣлахъ. И вообще поступай со всѣми какъ знаешь. Къ Б. я буду писать. Пусть онъ будетъ въ письмахъ остороженъ. Спроси, какъ ему понравилась моя статейка объ немъ?

А propos, зачѣмъ или за что ты посылаешь мнѣ Погодина журналъ? Я хотѣлъ только исключительно тотъ №, въ которомъ статья обо мнѣ. Онъ разсказалъ встрѣчу вѣрно, хотя и есть пропуски преднамѣренные. Далѣе я его журналъ въ руки брать не хочу. Это бредъ въ духѣ холопской демократіи, пропущенной черезъ кишки попа и пузырь старой няньки, любящей Митрофанушку. А не забылъ сказать, злодѣй, что въ Montreux виноградъ стòитъ лучшій 50 сант. фунтъ! Какъ онъ подлъ въ описаніи обѣда у Берга! А все же онъ многое бы разсказалъ, и я жалѣю, что не видалъ его.

Прошу же и тебя, и Тхорж.—всякія подробности и анекдоты; конечно, любопытно было бы взглянуть, но... но, entre nous, я очень радъ, что я не въ Женевѣ. Даже наша жизнь врозь и все остальное лежало бы плитой на груди.

20 сентября надобно быть на другой квартирѣ, но ничего еще не рѣшено, даже того, остается ли Nat. въ Ниццѣ. Холера въ Италіи проходитъ. Дня черезъ два напишу всѣ планы.—Прощай.

71.

(1867 г.) 9 сентября. Понедѣльникъ.—Поздравляю съ открытіемъ *писовки*... Да, да и да, мнѣ нечего было дѣлать на этой Vanity fair, и есть случай объясниться, что мы не съ ними.

Я дѣйствую и по разсужденью, и по чутью. Конечно, есть демонъ подталкивающій, но баста ошибаться: польскій вопросъ, раскольники и микро-нигилисты проучили!. Я готовъ всю полемику вынести на своихъ плечахъ.

Скажи Бакун., чтобъ прочелъ книгу Талбота „О Европѣ и Россіи" (вѣрно, есть у Георга или кого-нибудь, не то пришлю).

Отъ Бамбер. письмо самое удовлетворительное съ двумя рекомендаціями къ банкирамъ.

Напишу, когда поѣду. Ищу квартиру, и весь въ чирьяхъ (четыре!) и въ сыпи. Вотъ море-то.

72.

(1867 г.) 11 сентября. Середа. — Жду съ ярымъ нетерпѣніемъ вашъ рапортъ и фельетонъ Тх. Меня сокрушаетъ моя сыпь, и я отъ нея не поѣхалъ къ Ротш. Пять небольшихъ чирьевъ и мелкая сыпь. D-r даетъ bicarbonati di potassi для мытья. Къ утру, кажется, все кончено, а какъ только на солнце или много ходишь до поту, сыпь и красныя пятна выступаютъ. Да это бы ничего, но тогда начинаетъ чесаться и колоть.

Кажется, окончательно рѣшено: Nat. остается до весны.

Мое предисловіе готово. Я пишу теперь lettre à M. Bakounin. Въ немъ-то я хочу на свой манеръ бросить перчатку, шитую жемчугомъ по бархату, — Западу. Благословите, отцы-святители! У меня накипѣла такая злоба, что я пишу съ мягкостью млека и меда. Тамъ я скажу in extenso, что̀ сказалъ въ письмѣ къ Барни (ты мнѣ ничего не писалъ о его полученіи; я послалъ 3-го).

Я здѣсь дождусь послѣдняго письма о писовкѣ и тотчасъ поѣду. Въ Трувиль мнѣ ѣздить незачѣмъ. Въ П. пробуду 5 или 6 дней. Пиши сюда до перемѣны адреса.

Если нужны какія деньги на „писовку", ты не скупись и скажи Тхор., чтобъ онъ за меня взносилъ, или за себя на мой счетъ.

Въ письмахъ будьте мудры яко зміи.

Послѣ обѣда. 5 часовъ. — Читалъ два вечера Татѣ Юмор. Нѣтъ, господа Tchernischefski et école, вы не вырвете эту полосу поэтическаго пробужденія, этотъ юный размахъ и пр.

73.

(1867 г.) 14 сент., суббота.—Я до того оставленъ безъ всякихъ вѣстей и сведенъ на здѣшнія новости, что и винить васъ не хочу. Письма опаздываютъ безобразно. До сего времени я не знаю, дошло ли мое письмо къ Барни?

Квартиры не можемъ найти. Можно пока съѣхать на недѣлю въ пансіонъ, хотя все это дорого. Въ Парижъ не могу ѣхать отъ чирьевъ, а ѣхать нужно. У васъ какой-то хаосъ. Все вмѣстѣ очень скучно...

Сейчасъ узналъ изъ „Temps“, что ты вице, а Вырубовъ секретарь. То, что̀ я прочелъ о рѣчи Бак., мнѣ не нравится, и я еще разъ радуюсь, что меня не было.

Вечеръ. — Домъ нашли и наняли. Тутъ же на Promenade des Anglais № 27, третій этажъ. Это (т.-е. лѣстница) худшее дѣло, но квартира an sich хороша и помѣстительна. Разъ можешь писать по старому адресу.

Письма, стало, не будетъ, ergo переписка окончательно невозможна. Я съ истиннымъ бѣшенствомъ склоняю голову...

Далѣе сказать нечего.

Было ли послано письмо послѣ 9-го?

74.

(1867 г.) 16 сентяб., послѣ обѣда. Понедѣльникъ.—Наконецъ-то письмо отъ 13-го. Не особенно умно, что ты не писалъ, тѣмъ не меньше изъ совокупности газетъ видно, что конгрессъ провалился, и это можно было предвидѣть по неопредѣленности и разношерстности. Бак. письмо жду. Но рѣчью его я недоволенъ. Скажи ему. Это все было хорошо при Николаѣ въ Батиньолахъ, когда цвѣлъ Служальскій. Еслибъ онъ сказалъ: „мы въ томъ же положеніи, какъ вы“,—у васъ и у насъ Польша и Муравьевъ,—другое дѣло. Исторія не идетъ такими путями. Письмо къ нему (французс.) я изодралъ. У Кинé есть мысль. Онъ ходитъ возлѣ дѣла, да имъ нужно „сознаніе паденія“.

Я все еще не знаю, получено ли мое письмо Барни.

Квартира нанята порядочная, немного высоко, но видъ въ обѣ стороны удивительный, и двѣ террасы. Дороговизна страшная, въ годъ и эта стоитъ 3.000. Я полагаю, что Ольга и Мейзенб. могутъ ее занять на лѣто. Впрочемъ, я сдѣлалъ условіе, что м... съѣхать весной. Хозяйство идетъ по..., т.-е. тратится не много.

Вотъ и еще письмо отъ 14 сент. Да развѣ Бакун. не можетъ сдѣлать процесса за квартиру? 500 фр. отъ Тхор. получишь. Еслибъ Сат. прислалъ, я бы написалъ. Буде Бак—ну дѣйствительно на перехватъ нужно фр. 100, дай ему и возьми у Тхорж.

Меня очень огорчаетъ, что мало о Долгорукомъ.

Напиши о дѣлѣ Шарл. Я въ Парижъ ѣду 21-го. Еслибъ очень нужно было, я заѣхалъ бы, но не знаю, лучше потомъ.

Съ учителемъ все уладилось. Дома штиль. Лиза учится превосходно и пишетъ свои мемуары. Она очень рада была, что ты произв. въ вице-през. Она читала это сама въ „Temps“.—Прощай.

Писать можешь еще разъ на старый адресъ, или и на новый послѣ 20-го. 27 Promenade des Anglais, au 3-me.

75.

(1867 г.) 19 сент. Четвергъ.—Твою записку изъ Café de la Couronne, пропитанную пачулями и которую ты такъ свернулъ, что половина мокрая стерлась, получилъ. Чтò значитъ „неблагопріятные слухи“ о Сатинѣ? А съ другой стороны, зачѣмъ ты надѣешься, чтобъ онъ больше присылалъ? Круглымъ счетомъ онъ посылалъ отъ 4 до 6 тыс. въ годъ, прибавляя въ продолженіе *десяти* лѣтъ: „*и скоро вышлю еще*“. Вѣроятно, тысячи три онъ пришлетъ. Caro mio, на Сат. надѣйся, а самъ не плошай, живи *на бюджетъ* 6.000 фр. и ни въ какомъ случаѣ его не переходи. Пока я не разорюсь, онъ будетъ выплаченъ, а Сат. присылки будутъ изрѣдка помогать мнѣ и тебѣ. Я держусь за одно—за бюджетъ—и знаю, что это для тебя стѣснительно, но тутъ ужъ дѣло мужества и расплаты за былое.

Какъ пробивается Бак.? Тхор. пишетъ, что Долг. печатаетъ противъ него артикулъ. Чтò тебѣ понравилось въ его рѣчи и въ дѣтскихъ тезисахъ Фанъ-Левалда! Вы всѣ были до драки Фази въ благодушіи и умиленіи. Пяти дѣльныхъ словъ не было сказано и, кромѣ плача Кинé, все плохо. Это—fiasco...

Послѣ обѣда.—Читалъ ли письмо Осипа Иван. въ писовку? Отчего его не прочли? Умно и послѣдовательно.

Ѣду я 21-го въ ½ 2-го и вечеромъ 22 буду на Ort und Stelle. Газеты посылай сюда, 27 Promenade des Anglais au 3-me, а если чтò нужно сообщить — пиши M-r L. Bamberger, 26 Rue de la Chaussée d'Antin pour remettre à M. H.

Поѣздка эта скучна (30 часовъ кряду) и дорогá, но рѣшительно необходима. Можетъ, я и улажу выгодно.

Что же письмо Бакун. и твоя критика?

Сейчасъ иду на новую квартиру.

Ты говоришь, что Бак. меня ждетъ, т.-е. зачѣмъ?

Возвратившись, придется въ началѣ окт. везти Тату до Генуи, можетъ—заѣхать во Флоренцію. И чтò же я буду дѣлать собственно въ Plein Palais? Женева послѣ писовки еще противнѣе. Если нужно, я заѣду теперь дней на пять, но нужно ли? Объ этомъ черкни на адр. Бамбергера. Всѣ свиданья съ другими (кромѣ тебя, т.-е.) до большого добра не доведутъ.

А что же „Колоколъ“—издавать по-французски или нѣтъ? Русскій безполезенъ.

76.

(1867 г.) 24 сент. 26, Rue de la Chaussée, d'Antin. — Вотъ тебѣ и Hôtel de Bade. Бамбергеръ меня спасъ отъ него и его дороговизны и нашелъ комнату въ томъ домѣ, гдѣ живетъ.

Вчера цѣлый день хлопоталъ. Сегодня—аудіенція у Ротшильда. Голдшмитъ совѣтуетъ раздѣлить операцію на два. Нѣтъ моего Шомбурга... Hélâs!

Никого не видалъ. Скука, толпы туристовъ овладѣли Парижемъ: ни мѣста обѣдать, ни мѣста идти по бульварамъ. Дороговизна чудовищная,—и все ѣстъ, пьетъ съ утра до ночи.

Слышали ли о книгѣ Мориса Дюфресса? Услышите, если нѣтъ.

Пойду сегодня къ Вырубову послѣ дѣлъ и отыщу Ханыкова для новостей. Затѣмъ прощай.

Въ Парижѣ былъ слухъ, что мы разошлись за твою статью о Польшѣ, и что я бросилъ „Колоколъ“ по этой причинѣ.

Письмо твое черезъ Ниццу получилъ ужъ здѣсь.

Скажи Тхорж., что я готовъ давать статьи Брокгаузу, да и ты можешь. Пусть бы онъ печаталъ у Чернецкаго, но, вѣроятно, на это не согласится.

Пріѣхать я готовъ, но ты вовсе не пишешь—зачѣмъ. Видѣть Б. могу и послѣ. Ты мнѣ лучше скажи, чтò же за мысль въ его рѣчи? Вся вещь, что русское правительство не хуже и не лучше другихъ. И тостъ его о Польшѣ—анахронизмъ.

Совсѣмъ секретно пріѣхать мудрено. А тутъ Долгор., еще не знаю, какъ рѣшится. Къ началу октября пришлю тебѣ 1.000 фр. на два чека, для того, чтобъ одинъ оставить до ноября. Тогда посмотримъ, что̀ Сатинъ. Я не считаю на него.

77.

(1867 г.) 28 сентяб. Ліонъ. Grand Hôtel. Суббота.—Пріѣхалъ сюда въ три часа совсѣмъ въ cold'ѣ. Ночь была иркутская. Хочу себя поправить и для этого остаюсь до понедѣльника, а то и свиданье не въ свиданье. Я пишу на всякій случай Тхорж. Нужно же ему было ѣхать теперь въ Вевей.

Я пріѣду въ $3^1/_2$ на станцію. Если никого не найду, велю снести чемоданъ въ „Швейцергофъ". Пробуду дня четыре.

Вырубовымъ, какъ человѣкомъ, я доволенъ, но онъ французъ и доктринеръ.

Затѣмъ—до свиданья. Если cold еще остановитъ, я буду телегр. въ понедѣльникъ часовъ въ девять утра на имя Тхоржевскаго.

Говорятъ, Кавелинъ очень боленъ.

78.

(1867 г.) 8 окт. Вторникъ.—Второй день на морѣ страшная буря, шумъ, вьюга. Воображаю, что̀ у васъ. Здѣсь фонъ воздуха теплый.

Лиза учится хорошо, читаетъ безпрестанно, но въ смыслѣ характера и, главное, дерзости—исправленья нѣтъ, и это странно... Теперь будутъ ходить три дѣвочки вмѣстѣ учиться, я этому способствую. Тата до половины ноября остается. Во Флоренціи не могутъ найти квартиру меньше 3.000. Я писалъ, чтобъ брали немеблированную, а я свою мебель пришлю,—увидимъ.

9 вечера.—Ты переслалъ письмо Мар. Касп., въ которомъ она пишетъ, что Шумахеръ съ женой въ Германіи. Гдѣ же лучше случай? Я ей написалъ и Сатину рѣзко. Ты бы тоже послалъ Мар. Касперовнѣ.

Nat. сегодня опять начинаетъ говорить о поѣздкѣ въ Россію. Толгаузъ!

79.

(1867 г.) 22 окт. Вторникъ. — Ты новости знаешь. Признаюсь, что крестъ современнаго человѣка не по плечамъ человѣческимъ. Я истинно подавленъ не неожиданностью, а тѣмъ, что долженъ все это смотрѣть zögernd, по каплѣ. О, Вырубовъ и Latium! Правъ я былъ и въ 1849, и послѣ.

А ты толкуешь о „независимости мысли". Да то, что она лучше, чѣмъ зависимость, спора нѣтъ. Только что она невозможна безъ отрѣшенія себя отъ всего человѣческаго, — что̀ и дѣлали схимники и монахи. Я и не жду гавани, отдыхъ—потомъ.

А тутъ для диверсіи Осипъ Ив. пишетъ правительству, что теоріи Шифо-Молешотовскія губятъ молодежь, что пора остановить зло матеріализма. Вотъ à propos-то, такъ à propos.

Дома покойно. Я не двинусь до отвѣта изъ New York'а. Можетъ, Саша заѣдетъ за Татой. Я ей разрѣшилъ ѣхать, когда хочетъ, развѣ переждать нѣсколько дней неизвѣстности. Les va et viens будутъ трудны.

Тесье ускакалъ въ Парижъ. Ему—новое предложеніе и очень выгодное.

Послѣ обѣда.—„Голосъ" приходитъ исправно. Отмѣть для твоей будущей статьи о проектѣ „цензуры". Это лучше теоріи „сѣченій". Мнѣ что-то не пишется объ нашихъ лужахъ — въ озерахъ грязи. О, еслибъ теперь мнѣ воля да журналъ! Я бы этимъ „писамъ" и краснобаямъ задалъ перцу. А тутъ склоняй голову и молчи.

80.

(1867 г.) 25 октяб. Пятница.—Твое письмо конфузно означено „18 Окт. Вторникъ", на пакетѣ: Genève 22. Ог—*вторника* въ октябрѣ 18 не было, а ошибиться *четырьмя* числами труднѣе, чѣмъ вспомнить настоящее.

Объ открытіи Тесье пишутъ въ газетахъ чудеса. Въ Парижѣ дѣлали опытъ. Онъ взялъ привилегію освѣщать кислородомъ въ New York'ѣ, Парижѣ, Канадѣ и Петербургѣ. Онъ зашибетъ больше 300.000 фр. Вотъ работа, такъ работа.

Посылаю тебѣ одну изъ галетъ корректуры. Страшная перестановка. Объясни Чернецкому. Да знаешь ли что̀? Поправлять, читая про себя, недостаточно, надобно читать съ David'омъ, кор-

ректоромъ, т.-е. свѣрять по оригиналу. Ошибокъ теперь немного. Я послалъ Чернецк. третью главу. Четвертую пришлю черезъ пять дней. Можно 1-ый листъ отпечатать 15 ноября, какъ Specimen, съ числомъ 1 янв. 1868. Какъ будутъ бѣситься Галлы,—я не нарадуюсь. Объявленіе печатать сейчасъ и разсылать направо и налѣво.

Будетъ ли русское прибавленіе? Вѣроятно и начало Situation? Можетъ, напишу нѣсколько строкъ о Кельсіевѣ. Онъ насъ явнымъ образомъ выгораживалъ. Правда ли, что другихъ утопилъ?

Никакой Б. не былъ.

Письмо Ротш. пропало при посылкѣ изъ Ниццы въ Парижъ. N. адресовала въ Hôtel Helder. Я въ перепискѣ съ bureau de réclamation.

Vorwärts твой ничего, но ты все словно пишешь наскоро, traînant. Надобно фразы круто рѣзать, швырять и, главное, сжимать.

Объявл. я послалъ на адресъ Тхорж. Корректуру остальную Чернецк. и, въ другомъ пакетѣ, ему же рукопись. Не худо о полученіи написать.

Ваши письма приходятъ черезъ день аккуратно.

И. Аксаковъ говоритъ о насильственномъ уничтоженіи католицизма всѣми средствами. Какая свинья!

Дома новаго ничего.

Читалъ ли ты, что̀ Босанъ и Булевскій сдѣлали за вызовъ намъ? Жалости подобно. Хочешь, я отвѣчу съ дигнитетомъ и иголкой?

81.

(1867 г.) 28 окт. Понедѣльникъ.—Откуда попалъ Бени къ вамъ и зачѣмъ ты объ этомъ не писалъ? Я получилъ отъ него изъ Женевы письмо, — хочетъ рекомендательныхъ писемъ въ Италію.

Тоска отъ общихъ и частныхъ дѣлъ, доходящая до сплина, до невыносимой боли. А что̀ Гар.? Съ своей шлюпкой вдвоемъ махнулъ черезъ Средиз. море. Вотъ новая легенда.

У насъ были вещи нехорошія, и все идетъ къ дурнымъ развязкамъ.

Писемъ еще не приносили.

82.

(1867 г.) 14 ноября. Четвергъ. Ницца.—Спѣшу увѣдомить о благополучномъ прибытіи Вормса, что не помѣшало милѣйшему Бени попасть въ тюрьму, да еще въ поповскія лапы, и получить, будучи зрителемъ, un coup de poule, какъ говорила какая-то барыня. Вотъ совокъ да неловокъ. Онъ потерялъ чемоданъ и всѣ вещи. Вѣроятно, его, какъ корреспондента, пустятъ.

Далѣе, сколько я ни предупреждалъ, мои неловкіе флорентинцы все-таки приняли Долгор., и онъ далъ rendez-vous Фрикену у нихъ и сидѣлъ весь вечеръ. Это мнѣ ужасно непріятно, хотя и возьму всѣ мѣры, но нельзя же у себя въ домѣ дѣлать сцену. Думаю написать ему тихо и покойно, что мы не можемъ продолжать знакомства. Какъ ваша опинія?

Лиза продолжаетъ также учиться — хорошо и даже очень, но въ первую минуту досады — дѣлать ужасы. Надо надѣяться, какъ ты сказалъ въ стихахъ, на здоровый умъ.

Русскій уѣхалъ (о которомъ я писалъ) и прямо въ Петербургъ — отсюда черезъ Вѣну пять сутокъ. Это нигилистъ pur sang, со всѣми ихъ достоинствами и паршами. Но очень не глупъ. Самолюбіе—безъ границъ, и вялость, усталь—ему 24 года! Насъ въ Россіи не читаютъ и не хотятъ, вообще въ заграничную прессу не вѣрятъ. Школы внутри Россіи задавлены надзоромъ и попами. Въ Катковскій Лицей втрое больше охотниковъ, чѣмъ мѣста.

Худяковъ сосланъ на поселенье въ якутскую деревушку. Жена его въ Петерб. вела себя геройски.

Все тотъ же вопросъ: „что дѣлать и что дѣлать“? Ты обѣщалъ объ этомъ писать въ твоихъ письмахъ. Мнѣ теперь хочется только ругаться съ Западомъ.

А что это за подлый „Голосъ“!

Отвѣтъ Босану и Булев. готовъ, это для второго №. Онъ тепло-золъ, не противъ нихъ, разумѣется.

Ѣду. Ѣдемъ въ воскр. въ 5 ч. вечера, утромъ переѣзжаемъ горы (Col de Tende) и къ вечеру въ Туринѣ. Пиши во Флоренцію, туда пошли и корректуру, и все. Я непремѣнно буду тамъ 20 или 21. Рожденье Ольги.

83.

(1867 г.) 15 ноября.—Началомъ твоей статьи я безконечно доволенъ. Именно такую-то refonte я и хотѣлъ. Изложеніе ясно и дѣльно. Но какъ же вы хотите ее помѣстить прежде окончанія Prolegomena? Au reste, это какъ желаешь. Mise en page мнѣ необходимъ. Въ Флоренцію можете просто послать sous bande и франц. корректуры два экземпляра.

Детали Шуваловскія мнѣ не нравятся.

Вся исторія кабака и добыванья бумагъ не красива. Нужна ли она?

Въ текстѣ есть прибавочки, ex. gr. (Сохрани, Боже).

Есть плохія новости изъ общихъ, ихъ сообщу изъ Specola.

Кельсіевъ произвелъ своей лекціей эффектъ дурной—тѣмъ, что прикинулся православнымъ. Стало, статейка-то кстати.

Остальную корректуру послалъ Чернецкому. Пожалуйста, прочти внимательно III „Proleg.“. Тутъ наврано много. Mise en page пошла Сашѣ.

Если ничего не помѣшаетъ, послѣ завтра будемъ въ дорогѣ.

Напиши, достаточно ли тебѣ до новаго года *800 фр.* Я дѣлаю теперь бюджетъ. Прислать ихъ могу сейчасъ.

84.

(1867 г.) 19 нояб. Вторникъ. Torino. Hotêl Fed.—Вотъ и въ Италіи. Одна часть души отдыхаетъ. Col de Tende, несмотря на два дня тропическаго дождя, мы переѣхали торжественно по бѣлому снѣгу и солнцу. Здѣсь сыро, холодно,—гораздо хуже, чѣмъ въ Ниццѣ.

Ниццу оставили мирно. Was weiter—не знаю. О Россіи все замолкло. Я и самъ теперь не знаю, куда лѣтомъ ѣхать. Жить даже въ Ниццѣ невыносимо тяжело. Чтò за неисправимое несчастіе было въ разбродѣ изъ Буасьеры.

Можетъ, я Тату отправлю завтра одну впередъ во Флоренцію и кончу здѣсь банкирское дѣло.

Ненависть ко всему французскому—безгранична. Пусть попробуютъ, каково было намъ при Николаѣ.

Письмо твое я получилъ и, право, не понимаю, всуе ты плачешься такъ на типографію. Куда вы торопитесь, и какъ

можетъ *серьезно* быть много работы отъ трехъ листовъ корректуры? Въ двѣ недѣли (а теперь въ мѣсяцъ), полагая по три часа [1]) на листъ, выходитъ девять часовъ на пятнадцать дней. Я писалъ къ Чер. или Тхор. какъ-то *о необходимости читать корректуру* вмѣстѣ съ рукописью.

Объявленіе 2-ое о „Колоколѣ" плохо. Нельзя было позволить имъ печатать безъ твоего bon à tirer. Jour. redigé par M. M. H. et Og. — я не видывалъ, чтобъ себя называли Messieurs. Но это не важно. Жду во Флоренціи mise en page.

Статейка моя въ отвѣтъ Босану готова—и зла. За симъ— addio. Тата тебя обнимаетъ и дрожитъ отъ холода.

85.

(1867 г.) 23, суббота. Firenze.—Посылаю корректуру. Ошибокъ много, и все умничаетъ Давидъ. Я пишу: retrovolution, онъ — retrorevolution; наконецъ, Prolegomena онъ пишетъ: Prologomenes. Франц. окончаніе ничего, но это *о*—уголовно. Пропущено слово *jury*, и вышла безсмыслица. Если ты думаешь, что возможно печатать—печатай. А не то—лучше еще разъ прислать. Къ 2 или 3 декабря можно прислать.

Далѣе. Форматъ гадкій и надпись такова же. Хоть бы на палецъ побольше. Да не лучше ли „*Колок.*" сверху по-русски? Все заглавіе слѣдуетъ разставить красивѣе, шире. Первую страницу *непремѣнно* сдѣлать *послѣдней*. Надобно это схлопотать, потомъ тебѣ отдыхъ отъ коррект. до начала января.

А еслибъ Чернецк. соединился съ Пфеферомъ, я далъ бы дорого. Посовѣтуй ему дружески. Я даже часть расхода возьму на себя.

Письма Мейз. и Ольга, и я, получили.

Здѣсь великая скорбь налегла на всемъ. Странно, что люди все-таки сердцемъ солидарны со страной. Все чувствуетъ обиду, все чувствуетъ пятно и преступленіе.

Тхор: буду писать.

Мнѣ что-то стало казаться, что мы придаемъ слишкомъ важности Долгор. Еще не видалъ его.

---

[1]) А теперь, выходитъ, три листа въ пять, шесть недѣль. Въ Лондонѣ разомъ шли сборники: „Былое и Думы", „Полярн. Звѣзда", „Колоколъ" et cet.

86.

(1867 г.) 22 декабря. Генуя. Fed.—Почти тотъ же номеръ и тотъ же корридоръ, въ которомъ мы жили, Тесье, Саша и я, послѣ нохоронъ въ 1852. Здѣсь-то, сидя у меня на постели, теперешній проконсулъ Сициліи, генералъ et cet. Медичи, пришедшій, когда я ужъ легъ, поймалъ скорпіона, и мы его утопили въ маслѣ, оставшемся отъ салада. Здѣсь Энгельсонъ, Орсини, Пизакане... и странно при этихъ воспоминаніяхъ, и благородно-печально.

Когда поѣду—не знаю. Тонъ писемъ изъ Ниццы убійственъ, ни тѣни человѣчности, пощады. Что̀ дальше? Что̀ я сдѣлаю, чтобъ спасти, наконецъ, даже *свое* уваженіе *къ себѣ?*—не знаю. Ночь и стѣна—перелѣзть можно, а Лиза?

Надобно было доносить трауръ 1852...

Ну, да вѣдь ты все это знаешь. Выхода нѣтъ.

Работа, работа... И тутъ загвоздка. Я свое сдѣлалъ. Платонически заниматься наукой не хочется, реально не можется. Наше слово сказано и даже услышано. Другого у насъ нѣтъ. Мы, какъ Диккенсъ, повторяемъ одно и то же. Можетъ, я шутки ради и напишу, по поводу письма Тург., еще: „Концы и начала“, одно письмо, но и въ немъ будетъ та же репетиція.

А мы бранимъ или смѣемся надъ Тург., что онъ въ Бадъ-Баденъ удалился, спитъ на мягкой постели и моется въ мокрой ваннѣ. Что̀ же мы нашимъ эпикуро-стоицизмомъ... лучше устроились?

Даже нѣтъ пріюта. Развѣ остаться здѣсь на зиму въ Генуѣ? Письмами все будетъ отравлено. Развѣ проситься въ Ташкентъ или въ Абиссинію?

23 декабря. Понедѣльникъ.—Прими къ свѣдѣнію мою промеморію къ Тхоржевскому насчетъ цертификатовъ.

Письмо Тхоржевскому.—22 декабря. Генуя. Hot. Feder.—Третьяго дня я вамъ послалъ страховое письмо изъ Милана, любезный панъ, вчера все обдѣлалъ въ Туринѣ и вчера же въ ночь пріѣхалъ въ Генную. Вотъ и опять у нашего моря.

Когда ѣду, еще не знаю. Коли бурно, поѣду въ дилижансѣ, коли тихо—на пароходѣ. А такъ какъ дилижансъ можетъ свалиться, а пароходъ потонуть и документы пропасть, то прошу васъ сохранить слѣдующее.

21 декабря 1867, получены мною отъ банкирскаго дома

Fidel, Berné et C-nie въ Туринѣ — Via della Providenza 42 — одиннадцать цертификатовъ на итальянскій заемъ 5% — девять въ 1.000 фр. ренты, одинъ въ сто и одинъ въ пятьдесятъ. Всѣ выданы банкиру или подписаны 1 декабря 1867 и всѣ au porteur...

Еслибъ у меня украли ихъ, или что-нибудь случилось бы, вы идите къ итальянскому консулу и заявите и тотчасъ пишите банкирамъ въ Туринъ.

Само собой разумѣется, что вы эту записку припрячьте. Всего, какъ видите, выходитъ ренты ежегодной 9.150 фр. До 1 іюля 1868 проценты получены. Надобно остановить, если возможно, капиталъ. Въ случаѣ потери въ морѣ, пожара, я думаю, что это возможно.

Ну, вотъ и все. Второе письмо и „Голосъ" получилъ. Досадно, что все кашляю, а то бы ничего. Какъ же это я буду въ Женевѣ жить въ вашихъ льдахъ? Я совершенно здоровъ, хотя всѣ говорятъ, что немного похудѣлъ, но безпрестанно простуженъ съ конца сентября. Это дѣлаетъ такую тяжесть головы иногда и боль въ груди, что бѣда.

Затѣмъ желаю въ Вевеѣ попраздновать. Рейхелю поклонитесь, Бакунину, Мрчвск. и проч. А „Польша Польская" значитъ та, о которой Бакунинъ писалъ въ своей статьѣ въ „Колоколѣ", онъ пусть и объяснитъ. Кому же нравится нашъ злой взглядъ—напишите. — Усердный богомолецъ А. Г.

87.

27 декабря 1867. Nice. 27 Promenade des Anglais. Проспавши, какъ у себя въ постели, цѣлую ночь въ каютѣ, „мы бросили якорь" въ 6 утра въ Ниццѣ. Ergo, я здѣсь. Пишу— только чтобъ тебя успокоить насчетъ пучинъ и мглы.

Лиза умна и весела; для ея физическаго развитія Ницца превосходна. Климатъ здѣсь все-таки удивительный, даже послѣ Флоренціи и Милана (уже въ Генуѣ чувствуется морская влажность и мягкость). Жду писемъ. Отъ Тхорж. со счетомъ B-quel получилъ. За Бесонов. слѣдуетъ заплатить и слѣдуетъ сказать, что еще за годъ будетъ заплачено, *если* и семья что-нибудь дастъ.

Вотъ пока и все. Тхоржевск. скажи, что Vichy пить не нужно. Все это вздоръ. „Cicerone" получаю.—Прощай.

88.

(1867 г. 30 декабря). Понедѣльникъ. Ницца. 27 Promenade des Anglais.—Вчера пріѣхалъ весьма вожделѣнно сюда. Всѣ здоровы. До Тараскона было очень холодно. Оттуда—солнце грѣетъ сильно и днемъ жарко. Но холодный вѣтеръ и здѣсь.

Нашелъ здѣсь приглашеніе отъ Ротшильда, опоздавшее въ Парижѣ,—это очень жаль,—и твое послѣднее письмо. Если нужно, я пришлю дополнительные 400 фр. къ тысячѣ. Но какъ же ты дотянешь до новаго года? Не понимаю. Пиши сейчасъ объ этомъ. Отъ Сатина ничего нѣтъ. Возьми какъ можно скорѣе Г. изъ школы. Тхоржев. поможетъ.

Вотъ и все.

Лиза здорова и весела. Бумагой очень довольна.—Прощай.

89.

(1867 года, между 7 и 17 февраля.)—Еще нѣсколько словъ о препинаніяхъ. За что ты меня не понимаешь въ вещахъ простыхъ? Мнѣ это кажется то баловствомъ, то раздраженьемъ. Я сказалъ, что „намъ по дѣломъ“. Ты отвергаешь. Какъ же выразить мысль такую, напр.? А. выпрыгнулъ въ окно, когда всѣ говорили и самъ А. зналъ, что высоко,—онъ сломалъ себѣ ногу. В. не прыгалъ въ окно, шелъ по улицѣ и сломалъ себѣ ногу. Отчего же я не могу сказать: какое несчастье незаслуженное В. и какое заслуженное А.!?

У насъ на первомъ планѣ были общіе интересы, искусство и пожалуй разгулъ (пьянство, женство...). Зачѣмъ же мы посягали на *семейную* жизнь? Грозная туча разбила въ черепки мою жизнь. А я все-таки выпрыгнулъ въ окно—и еще добилъ себя... Пьянчани сблизился въ Марселѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, съ женщиной пустой, простой, которая ходила за нимъ за умирающимъ съ самоотверженіемъ и преданностью. Съ лѣтами она развилась въ Мегеру. Пьянч. говорилъ Гауссу, что считаетъ ея положеніе патологическимъ и полагаетъ, что это его долгъ не знать ее. Я на его мѣстѣ ушелъ бы. Но не жестоко ли сказать: „ничто ему“?

Не совсѣмъ ясно для меня и то, что все *злое* (при необходимости) должно оскорблять, и вообще—чтò *злое*, когда оно безъ

участья воли? Уравновѣшиваніе эгоизмовъ—очень хорошая вещь, но не злоупотребляй и ею. Общество должно его достигать. Но лица имѣютъ еще другія отношенія и требованія другъ на друга, кромѣ отсутствія эгоистическихъ притязаній.

Вотъ тутъ я и прибавлю послѣднее объясненіе. Ты разсердился за то, что я сказалъ: „это важнѣе математики", такъ какъ могъ бы сказать: „это важнѣе музыки". Рѣжь меня, жги меня,—а я опять повторю. Если ты яснѣе можешь понять и развить твое понятіе о полной необходимости и безотвѣтственности, то этимъ заняться—важнѣе всѣхъ дилеттантизмовъ въ мірѣ.

Для памяти помѣчаю, что ты забылъ о рядѣ писемъ, писанныхъ тобою изъ Alpha road въ Bornemouth, въ которыхъ ты слово любовь переводилъ преданностью, жертвой (очень вѣрно), и писалъ, между прочимъ, что безъ преданности старѣетъ человѣкъ въ эгоизмѣ и пр.

2.000 фр. завтра пошлю Тхорж.

Вчера или сегодня *20 лѣтъ* съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи.

Портретъ идетъ Rembranteisch.—Прощай.

90.

(1867 года, до мая.)—Лиза благоухаетъ и процвѣтаетъ какъ кринъ $^{s}/_{c}$ельный. Ей физически ниццкій климатъ сдѣлалъ большую пользу. Только глаза красны,—это отъ злодѣйской яркости солнца. Она шалитъ много, учится вяло (потому что опять одна), но умна и попрежнему говоритъ сентенціями и отборнымъ слогомъ, но, hélàs, не по-русски. Завтра она получаетъ на гимнастикѣ призъ за успѣхи. Къ 1 мая здѣсь все закрывается: школы, ³/₄ лавокъ, театры, рестораны. Къ концу мая и мы выѣдемъ; настоящаго плана нѣтъ, но я, главный промоторъ длиннаго свиданья на Леманѣ, начинаю уступать скептическимъ мыслямъ. Къ тому же и Пранженъ дорогъ. Я сдѣлалъ имъ предложеніе.

Затѣмъ вотъ какую новость я тебѣ сообщу. Пустая записка Бамбергера подала мнѣ мысль спросить его, не берется ли онъ оффиціально узнать — имѣю ли я право циркулировать по Германіи въ качествѣ швейцарскаго гражданина, и защищаетъ ли меня натурализація отъ экстрадиціи? Если да, то я потребую schriftlich. Я съ большимъ любопытствомъ взглянулъ бы на нѣмецкое движеніе (вижу твое изумленіе передъ удободвижимостью и буддоистическій ужасъ).

Насчетъ митинга въ S. James Hall и рѣчи Росселя ты, вѣроятно, все знаешь. Въ „Голосѣ“ два плохонькихъ фельет. Кельсіева. Благов. пишетъ изъ Парижа. Онъ тоже не знаетъ, куда склонить путь.

Кажется, довольно.

P.-S. Скажи Мерчинскому, что я теперь читаю большое сочиненіе Дрепера и, несмотря на его отзывъ, не совсѣмъ доволенъ. Планъ хорошъ и есть превосходныя мѣста, но широкой Бёклевской рѣки нѣтъ, и онъ иногда просто завирается по части религіознаго консерватизма и американскаго лицемѣрія.

Получилъ ли онъ Rom'a?

А „Базарова“ бросить не могу. Я его передѣлаю въ письма и оставлю на годъ въ портфелѣ. Я изъ нея откинулъ asperitis, и долженъ присягнуть, что это не только истинная статья, но полезная. Жаль, что я *не ее* читалъ Мерчинскому. Addio.

91.

(1867 г.?) Четвергъ. — Передай записку Тхорж. Писать нечего, многое я здѣсь изучилъ и не раскаяваюсь, что проѣхалъ много миль. Пріемъ все лучше и лучше. Пиши, какъ сказано, въ Mulhouse. Я тамъ жду рѣшеній Таты и всѣхъ. Вѣроятно, оттуда двинемся въ сѣверную часть Швейцаріи.

Лиза здорова. Вчера Шофуръ ее водилъ въ музей и закормилъ конфетами.

Colmar.—Не хочешь ли и ты Тхор. поручить — тоже объявить или эквивалентное Долгорукову. Увидимъ, *что* въ письмѣ къ Тхорж.

Долг. долженъ бы былъ omni casu что-нибудь сдѣлать для Тхорж.

Татѣ кланяюсь и жду ея отвѣта на мое вчерашнее письмо.

(1866? 1867?)—Холеры здѣсь нѣтъ. И въ Генуѣ, кажется, прошла. Сегодня была здѣсь сильная гроза. Это, вѣроятно, и послѣд. очиститъ.

Отъ Капа письмо изъ New York. Онъ тоже совѣтуетъ продать бумаги и купить америк. Теперь aggio хорошъ.

Можетъ, и придется ѣхать изъ Ниццы. Это не къ добру, здѣсь очень хорошо. Въ пансіонъ Natalie Лизу realiter не отдастъ, а сценъ будетъ много. Можетъ, я поѣду въ Парижъ для амер. сдѣлки.

Письмо, какъ видишь, получено (отъ 21).

92.

(1866? 1867?) Четвергъ, 2 часа.—Я въ какомъ-то дурномъ расположеніи и, вѣроятно, не пріѣду. День испортили тѣмъ, что вмѣсто девятаго часа Туца привелъ Г. въ *половину одиннадцатаго.* Отъ этого все пошло въ безпорядкѣ, и Саша раньше $2^1/_2$ не будетъ.

Но дурное расположеніе не отъ того, а отъ разныхъ думъ ночныхъ и дневныхъ. Я ѣду и смотрю на всѣ три стороны — на Lancy, на Ниццу и на Флоренцію, и все туманъ, и свѣтлыхъ точекъ мало, а туманныхъ пятенъ много.

Покоя, простого, добраго покоя! Sechs und fünfzig Jahre und Nichts für die Ruhe gemacht! Я чувствую, добросовѣстно и sans minauderie, coquetterie, какъ я много виноватъ въ томъ, что все идетъ безумно, и исправить не могу. Сашина судьба рѣшена, говорить съ нимъ напрасно. Его ждетъ свѣтлая полоса, а за ней что̀? Armuth und schlechte Nahrung.

Изъ Ниццы (потому я и не говорилъ о письмахъ) ничего хорошаго.

Вѣроятно, я поѣду во вторникъ, можетъ—вмѣстѣ съ Сашей. Если нужно, останусь до середы. До завтра.

93.

(1868 г.) 4 янв. Суббота.—Въ благонамѣренность Никол. и его добродушіе не вѣрю. Въ томъ, что Элпидинъ нелѣпъ, согласенъ. Ты испыталъ, какъ трудно въ публикѣ встрѣчаться съ непріятными людьми. Это-то и было со мной и Долгоруковымъ.

У тебя было два обморока черезъ день. Я увѣренъ, что ты паки и паки принялся за быстрѣйшее разрушеніе. Но такъ какъ въ этомъ ты непоколебимъ,—taceamus.

Фогтъ пишетъ, между прочимъ, что Густавъ жалуется на интриги Бакунина по конгрессу!.. О, Бедламъ!

Мое сумасшествіе—въ томъ, что не могу рѣшительно работать. Написалъ небольшую статью объ Италіи, но передъ совокупностью всего падаютъ руки. Статейка, разумѣется, въ „Колок.“ не идетъ. „Полярную Звѣзду“ я печатать готовъ хоть съ марта. Надобно бы взять записки декабристовъ у Касаткина.

О корреспонденціяхъ, разумѣется, отвѣчать надобно положительно. Да — можно сдѣлать отдѣлъ, да — не нужно полное единство.

Програмы я не понимаю. Литературнымъ произведеніямъ мѣста нѣтъ въ „Колок.“, но есть же замѣчательныя вещи, не идущія ни подъ какой ранжиръ. Корресп. хотятъ помѣщать въ франц. или русскомъ? Платить слѣдуетъ (max. 10 фр. съ колонны) *въ томъ случаѣ*, когда сказано впередъ, что хотятъ платы, и, разумѣется, послѣ напечатанья.

Мнѣ все кажется, что при всѣхъ усиліяхъ „Колок.“ ни франц., ни русскій не пойдутъ. Смотри на ниву. Туда ли вѣтеръ дуетъ? А этотъ вѣтеръ еще будетъ дуть до конца войны. У меня несчастное чутье. Я вижу, какъ колосья клонитъ въ противоположную сторону. Лишь бы „Колоколу“ прожить... Пусть двѣ послѣднія страницы займутся объявленіями. Твоей книгѣ еще хватитъ на нѣсколько листовъ. Это трудъ начатой и, слѣд., легкій къ продолженію.

Сегодня прочелъ, что иностранцамъ въ Россіи стѣснены паспорты. Эти с...ны дѣти. Если это въ русскихъ газетахъ—слѣдуетъ помѣстить.

P.-S. Дома тихо. Жемчуж. уѣхалъ. Прощаясь, онъ мнѣ разсказывалъ, что С—нъ въ Москвѣ продулъ до 20.000 фр. Вотъ и жалѣй его.

94.

(1868 г.) 5 янв. — Съ досадой и внутренней злобой вижу я, что, несмотря ни на что, все-таки финансы плохи и вывернуться мудрено безъ ежегоднаго дефицита отъ 10 до 12.000 фр., что̀, по-моему, скверно. Чтобы не возвращаться до 1867 года — вотъ тебѣ отчетъ для того, чтобъ ты зналъ, что съ моей стороны тутъ нѣтъ произвола.

Дохода теперь около 48.000.

Расходъ:

Содержаніе дома, т.-е. Кухня, Вино, Отопл., Освѣщ.	12.000
Прислуга и стирка	2.000
Наемъ дома	5.000
Сашѣ	5.000
Ольгѣ и Мейз.	5.000
Татѣ съ уроками	2.500
Типографія—minim.	4.000
Nat. и Лизѣ	8.000
	43.500

Экономій сдѣлать можно на 2 — 3.000 — это всѣ extra для меня. Затѣмъ остается *4.500* для тебя, платье et cet. А потому я и долженъ тебѣ сдѣлать предложеніе—до полученія отъ Сатина, Саліасъ или Виргиніи денегъ свести твои расходы на *300 фр.* въ мѣсяцъ,—а для начала прилагаю 500 фр., что̀ съ 100 фр. и составитъ *600 до 1 марта.*

Вѣрь мнѣ, что мнѣ досадно это, но мы не дѣти. Изъ счета ты увидишь, что я для себя ничего не назначилъ.

Къ этому надобно присовокупить, что при полученіи отъ Сат. или Сал. ты долженъ долю 1/3 или 1/5 брать на ремонтъ...

P.-S.—Экономія можетъ только быть въ хозяйствѣ, она и будетъ съ 1 апрѣля. Записочку эту мнѣ отдай: у меня нѣтъ другого бюджета, такъ ясно составленнаго.

Это было написано прежде твоей записки.

95.

(1868 г.) 8 янв. Середа. Послѣ обѣда. — Unsere Correspondenz—stockt, лишь бы не отъ нездоровья. Вѣроятно, вы всѣ замерзли. Флоренція и Марсель покрыты снѣгомъ, а мы—дождемъ. На дняхъ начали *въ первый разъ* топить. За то и Веньерѝ пришелъ ко мнѣ вчера цвѣтущій какъ кринъ сельный.

Дорого бы я далъ, еслибъ ты могъ пробѣжать книгу, которая доставляетъ мнѣ перцовое наслажденіе — „Сочиненія Писарева“. Они изданы въ четырехъ частяхъ. Какъ досадно, что я порядкомъ узналъ этого Макавея петербургскаго нигилизма такъ поздно. Вотъ собственное сознаніе и самооправданіе, сдѣланное не дуракомъ, не мошенникомъ, а умнымъ человѣкомъ. Онъ заставилъ меня иначе взглянуть на романъ Турген. и на Базарова. Можетъ, я напишу что-нибудь объ немъ. Безграничная ненависть къ Пушкину, снисходительное снисхожденіе къ Бѣлинскому и къ намъ то отношеніе, какъ къ выжившимъ изъ ума безпокойнымъ старичкамъ. Нѣтъ ли у кого хоть „Русскаго Слова“? Самыя замѣчательныя вещи: „Пушкинъ и Бѣлинскій“ и „Базаровъ“.

Новая мысль — не перевести ли „Энгельсона“, или „Сороку-Воровку“, или тому подобное для „Колок.“ en français? Прошу совѣта.

96.

9 янв. Четвергъ. — Я ломаю голову и не могу придумать, что̀ сдѣлать для франц. „Колокола“. Мы фурфуировались,—дѣло

ясное, что никто не хочетъ ни франц., ни русскаго „Колок.“. Я не могу при этихъ условіяхъ работать. Доманже хотѣлъ писать противъ моей статьи письмо мнѣ,—это дало бы жизнь,—такъ онъ лежитъ при смерти съ изъязвленіемъ кишокъ. Шифъ бываетъ у него два раза въ день [1]).

Я намѣренъ былъ даже перевести съ комментаріями мое письмо къ Аксакову или передѣлать что-нибудь о русской литературѣ.

Письмо твое отъ 3-го сейчасъ получилъ. О Бибиковой ничего не знаю, кромѣ того, что у нея была хорошенькая дочь и сынъ написалъ книгу „Опыты“, за которую былъ судимъ. Она о себѣ говорила: „Дочь адмирала, жена генерала“. Вотъ и все.

О какой новой статьѣ ты говоришь?

Слѣпцовъ боится ходить ко мнѣ—хорошъ! Addio.

97.

(1868 г.) 18 февраля. Вторникъ.—Очень жаль, если ты не напечаталъ, сколькихъ №№ „Голоса“ нѣтъ. Зачѣмъ же знать причину, и что̀ за дѣло, что „Моск. Вѣд.“ не получаютъ иностранныхъ газетъ? Твоя выноска непонятна (та, что была въ коррект.). Также я не совсѣмъ дѣлю безпокойство, чтобъ прибавл. было упечатано до послѣдняго уголка. Бросай имъ статью, да прибавь объявленье, нѣтъ матеріала — одну четвертинку. Любопытно, какъ же вы напечатали письмо *не для печати*.

Чернецкій ничего не понялъ и хитритъ. Ему понравилась его метода — брать нахрапомъ взаймы и платить несчастіями своего положенія. Я рѣшился пожертвовать изъ отлож. Бах. денегъ 5.000 фр., чтобъ съ нимъ *кончить*. Заплатилъ 3.000 долга, 1.000 — для устройства и обѣщалъ 1.000 при окончательномъ рѣшеніи. Чернецк. на корректурѣ написалъ, что *въ ссуду* получилъ 1.000, и что постарается ее заработать. Гдѣ же пониманье? Я говорю впередъ, видя, что изъ этого выйдутъ будущія гадости.

Если 20-го „Кол.“ не будетъ посланъ, это очень безобразно. 4-й № долженъ непремѣнно быть разосланъ 1 марта. Читалъ ли „Imbroglio“? Каково я угостилъ „Le Temps“!

Досадно, а одинъ Эм. Жирарденъ понимаетъ. Онъ въ „Liberté“

---

[1]) 1 января Шифу поднесли мраморный бюстъ работы Забѣлы, очень хорошо сдѣланный по заказу всѣхъ флорентинскихъ почитателей и друзей.

напечаталъ: да что вы пристали къ русскимъ, что они туранцы? Монголы. Вѣдь ужъ проучилъ васъ „Колоколъ", и очень хорошо.

Слѣдилъ ли ты за дебатами о прессѣ? Если нѣтъ, это преступно. Тутъ высказалось все, — это не ниже римской элегіи прошлаго года. Очень дурно, если ты пропустилъ.

Жду отвѣта насчетъ Базарова.

Лиза совершенно здорова и мила.

Говорятъ, Ормсъ умираетъ. Я—завѣдомо unsentimental—не жалѣю (я еще все не переварилъ черный ободокъ на Касат.). И до завтра.

Изъ Флор. сейчасъ получилъ письмецо. Досадно. Т. безпрерывно съ этой дряннѣйшей Володимировой, да еще въ дополненіе къ нимъ таскается подъ пару ей (Н.) Утинъ—самый лицемѣрный изъ нашихъ заклятыхъ враговъ.

A propos. Какъ это здѣсь разнесся слухъ, что Серно-Соловьевичъ чуть не подрался съ Николадзе?

98.

(1868 г. Февраля) 19. Середа.—Теперь обдумай порядкомъ, что объявить 1 марта? Что „Колок." будетъ въ одинъ листъ, или въ 1½? Даже безъ объявленья можно издать въ 1½. Далѣе, что 5-й № выйдетъ 1 апрѣля (послѣднее хуже).

Сколько у насъ подписчиковъ *на годъ?* Имъ надобно послать какое-нибудь утѣшенье.

Съ приближеніемъ весны у насъ возникаетъ вопросъ, т.-е. у Nat., что дѣлать. Мой совѣтъ ей пріѣхать на жаркіе мѣсяцы (іюнь, іюль, августъ) въ Швейцарію и возвратиться въ Ниццу. Лучше она нигдѣ не устроится, какъ здѣсь. На два года здѣшнихъ учителей хватитъ. И гдѣ онѣ найдутъ такихъ милыхъ дѣтей, какъ случилось встрѣтить здѣсь.

Надобно бы нанять дачу на нѣсколько лѣтъ (я увѣренъ, что въ такомъ случаѣ легко можно найти за 1.800 или 2.000, а безъ мебели за 1.500 съ usufruit сада). Иногда могли бы пріѣзжать Тата и Ольга для купанья. Иногда отдавать въ наймы. Тутъ одинъ рискъ страшенъ—какъ турнутъ по Пряжкѣ.

Не помѣстить ли, исправивши, изъ фонтановскаго „Колокола" La Princesse Dachkoff, V. Karasine?

Отвѣчай подумавши.

На дняхъ пошлю Тхорж. чекъ. Онъ тебѣ принесетъ 1 марта 500 фр.

99.

(1868 г.?) 25 марта.—Прилагаю 500 фр. на апрѣль. Чтобъ не путаться ни въ какихъ счетахъ и наладить тебя, ты начни съ того, что забудь о Сатинской присылкѣ и знай вотъ что̀. Я дамъ Тхорж. два чека, — одинъ для Маіора и расх. 500, другой для уплаты долговъ въ 500, — и оставилъ у себя для твоего ремонта къ выходу 500. Это составляетъ 2.000.

Затѣмъ ты долженъ рѣшиться и свести себя на сказанные 500 фр. въ мѣсяцъ съ 1 мая. И ganz prosaisch сдѣлать бюджетъ. Болѣзнь твоя не ввела тебя въ траты, но здоровье—очень. Сатинъ, послѣ такого обильнаго кровопусканья, навѣрное два года ничего не пришлетъ.

Согласенъ?

Теперь одно слово и послѣднее о Генри. Не въ Фрибургъ или Невшатель ему нужно, а *вонъ изъ твоего дома*, гдѣ онъ идетъ, съ правильностью брегетовыхъ часовъ, къ гибели. Онъ избалованъ, баричъ, nervous и празденъ. Въ успѣхахъ его я сомнѣваюсь. Виноватъ, разумѣется, не онъ. Виноватъ ты. Что̀ ты сдѣлалъ изъ него? Работникомъ онъ не будетъ, научникомъ неспособенъ, наслѣдства не получитъ, притязанія на жизнь развиты. Да ты думалъ ли, куда это ведетъ? Это — худшее общественное положеніе. Изъ своего круга онъ подвышенъ, для нашего недоразвитъ. И это мы (я въ своей жизни бьюсь и не могу выбиться) de propos délibéré и de gaité de coeur допускаемъ передъ глазами. Мнѣ жаль будущихъ угрызеній. И все-то это безъ фаталитета выдумано, т.-е. натянуто тобой. Я увѣренъ, что М. практичнѣе тебя смотритъ и отдастъ его сейчасъ.

Я долженъ былъ тебѣ сказать, за симъ объ этомъ *говорить не стану*. Поговори съ Сашей. Онъ свѣжій человѣкъ. Можетъ, и я ошибаюсь. За симъ прощай.

P.-S. Помни, что послѣ 1 мая, т.-е. къ 3, 4, должна быть готова твоя статья, а прежде, такъ лучше.

100.

(1868 г.) 5 апрѣля. — Все ладно. Прилагаю 400 фр. зол. Тхорж. далъ 300. Для Маіора 300. Чекъ 1 мая 500.

Къ этимъ 1.500 прибавь 500 за апрѣль и истраченные

Тхорж. около 200 (135 фор. и пр.). Мы, entre nous, и внявъ совѣтъ М., заказали тебѣ рубашекъ, взявъ на свой страхъ. Somme toute, у тебя къ 1 іюня 8.000.

Если ты думаешь, что еще на ремонтъ будутъ тогда нужны 200 фр., т.-е. на платье, дѣлай какъ знаешь, возьми ихъ у меня. Но затѣмъ 500 фр. monatlich und kein Heller до сентября 1869. Итакъ, это въ порядкѣ.

Затѣмъ ѣду. Буду писать два раза въ недѣлю, almeno — и ты также. И чтобъ все привести къ слову,—что̀, ка̀къ ты располагаешь послѣ выздоровленія, угомонить питье или нѣтъ? Ты только не клянись, въ такихъ случаяхъ ты не держишь слова, а скажи просто: будешь дѣлать опытъ или нѣтъ? Совѣтую. Ты знаешь, что ты въ Женевѣ пріобрѣлъ извѣстность по этой части. Мнѣ это ужасно непріятно. Прощай.

Лучше ждать письма. Но если что̀ экстренное, можно писать: Paris, Grand Hôtel du Londre.

101.

(1868 г.) Воскресенье, 19 апрѣля.—Записочку отъ 16 получилъ. Пожалуста повнимательнѣе разбери рукопись Мечникова, въ началѣ легче поправить и направить,—да и на его гальскій языкъ посмотри. Буде ладно, то я за полученное готовъ ему заплатить полцѣны до разсчета послѣ печати (разумѣется, если онъ будетъ просить).

Неужели нѣтъ никакого слуха о моей статьѣ по польскому дѣлу? Хоть бы отъ Михаила Вевейскаго? Книгу Мерчинск. послалъ съ Владиміровой. Скажи ему, чтобъ онъ ее окурилъ, а то нимфоманія пристанетъ, пожалуй.

Я напишу нѣсколько строкъ о статьѣ Мазада.

Если устаешь, работай меньше. Скажи, сколько примѣрно можешь дать „Колок." къ 5 мая. Я дополню.

Теперь N. очень хочется ѣхать прежде въ Альзасъ, посмотрѣть школы въ Страсбургѣ, потомъ въ Швейцарію. Такъ какъ это важности не имѣетъ, я готовъ. Къ Татѣ не писалъ еще, жду ея письма. Саша, разумѣется, пріѣхалъ.

Что̀ Давидъ—остается или нѣтъ? Я былъ у Громора въ Парижѣ. Съ нимъ сладить можно. Работать на свой кулакъ онъ не можетъ, но дѣлать черную работу очень. „Кто виноватъ?" у него готовъ, и какое счастье, что онъ похвастался измѣненіемъ заглавія, — онъ хотѣлъ назвать, пользуясь модой на Крупова: „Случай изъ практики Крупова".

— „Я вамъ сдѣлаю процессъ en foux",—сказалъ я ему шутя. Но слушаться меня онъ будетъ какъ негръ.

У меня носится въ головѣ проектъ переводныхъ изданій. Я въ Парижѣ видѣлъ разныя возможности.

102.

20 апр. Понедѣльникъ.—Получилъ оттиски изъ Флорентійской вотчины. Все хорошо. Но врядъ Тата пріѣдетъ ли прежде іюля.

Чтò костыли? Лиза цѣлуетъ тебя.

Нѣсколько словъ о Мазадѣ и 1-ая статья о Якушкинѣ готовы. Но Якушкинъ, вѣроятно, пойдетъ въ іюньскій №.

103.

(1868 г. Апрѣля) 22. Середа. — Очень радъ, что квартиру Тхор. нашелъ. Мѣсто немного бойкое и близко къ городу, но опасаться нечего, и если окажется неудобнымъ, я ее черезъ 6 мѣсяцевъ сниму у тебя для этапа, Тхорж. и склада „Кол." и книгъ. Жаль, что ты не могъ видѣть прежде. А твой Dunoyer—мерзавецъ: черезъ два года больного постояльца не гонятъ въ срокъ. Не нѣжничай съ нимъ при отъѣздѣ.

Подумай теперь о помѣщеніи внѣ дома Генри. Я совѣтовалъ Сашѣ и Туца черезъ годъ отдать въ правильную школу. Учреди около себя тотъ „отрицательный покой", о которомъ ты пишешь, и не теряй изъ виду, что съ Г. ты *ничего* дома не сдѣлаешь.

Сашино дѣло я похерилъ и писать не стану больше.

О „дуванѣ" польскихъ земель я послалъ, ты можешь не пропускать. Я торопился съ приб. для корреспонд., надобно ихъ заманивать. Элдырина „Современность" жду. Если она хороша, надобно объ ней въ „La Cloche" сказать. Юморъ Мечникова будетъ хромать.

Если ничего другого нѣтъ въ leading-article, возьми мое entrefiler о Мазадѣ, я его пришлю на дняхъ. Меня ужасно интересуетъ отвѣтъ Мирославскаго. Тутъ можно и далѣе пощекотать вопросъ. Ну, а отвѣтъ Бакунина? Мечникова статья не можетъ и не должна идти въ 15 мая, а въ 15 іюня. Если много мѣста, я пришлю „Якушкина" (гл. II, отдѣлъ 1).

Чтò за милѣйшій необыкновенникъ Чернецкій, der edle Exploitator. Въ чувствительномъ объясненіи въ день отъѣзда онъ просилъ къ 1 мая 500 фр. *впередъ*. Я сказалъ, что это невозможно, но что я готовъ дать ему—*во всѣ стороны*—500 изъ послѣдней 1.000, подаренной мною или отложенной для него. Онъ помялся и согласился. Работой заваленъ. Дѣлаетъ мало. Вчера отъ него письмо,—проситъ къ 1 мая не 500, а 1.000. Я рѣшительно не дамъ больше 500. Онъ оборветъ меня. А гоноръ туда же и безкорыстіе.

104.

(1868 г.) *Огареву*. 27 апр. Понедѣльникъ.—Перечитывая въ „Современности“ статью о Европѣ, я нахожу еще больше признаковъ „бакунондности“. Узналъ ты? Зачѣмъ же это дѣлается тайкомъ отъ насъ? Не журналъ противъ насъ, а *утайка* противъ насъ. Я очень радъ, что не былъ въ Вевеѣ.

Читалъ ли ты рѣчь Ж. Фавра при вступленіи въ Академію? Чтò это за махровые краснобаи и чтò за узколобые риторы! Какое спасенье отъ такой оппозиціи!

Насчетъ Туцовыхъ обѣдовъ у Мерч. я писалъ Тхорж. Смотри, чтобъ не вышло какой-нибудь чудовищной сплетни. Не отъ Мерч., а отъ его однокорытниковъ.

Ну, какъ вы разсудили дѣло Вормса? Я думаю, что со временемъ мнѣ придется носить дощечку съ надписью: „Прохожій, ты можешь этого человѣка оскорблять безнаказанно“. А все скрюпюли,—напечатать по второму письмо *все*, а тамъ хоть бы его въ Нерчинскъ послали. У насъ на это куражу нѣтъ, а эти подлецы пользуются этимъ.

105.

Огареву. (1868 г.) 28 апр. Вторникъ.—Неужели ты по второй корреспонд. не отгадалъ, отъ кого онѣ? Я тотчасъ послалъ Чернецк. Печатать необходимо, но къ 1-му или къ 10-му—это вы, локальныя власти, должны велѣть. Пожалуй, можно ко мнѣ и не посылать, если ты очень внимательно будешь поправлять.

Якушкина мнѣ бы не хотѣлось въ этотъ листъ. Это только въ крайности. Для наполненія переведи изъ русскаго прибавл. изъ 1-ой корреспонденціи подъ заглавіемъ: „Les incorruptibles!“ Анекдотъ о Тимашевѣ, просящемъ 45 т. на подъемъ, и объ

отвѣтѣ Алекс. дать столько, сколько Pahlen'у. У меня нѣтъ оригинала.

Посылаю Чернец. 500 фр. Онъ мнѣ отвѣчалъ не грубо, но кисло. Уморительный человѣкъ! Да двиньте вы общими силами его на дѣятельность. Тхорж. разскажетъ подробности. Онъ заваленъ работой, и не работаетъ, а ждетъ „запасного капитала".

Съ Prangins сладить можно, онъ уступаетъ много. Но до половины іюля N. не пріѣдетъ й, вѣроятно, Тата тоже. Теперь все тихо. Писалъ къ Стелѣ и къ D-r Kuhff о подробностяхъ Страсбурга. Видѣть Альзасъ я не прочь. Можетъ, оттуда до Женевы съѣзжу въ Парижъ. Попробую взять въ услуженіе Громора. У меня все бродитъ проектъ переводной библіотеки.

Сейчасъ получилъ письма изъ Флоренціи, — все ладно. Всѣ кланяются тебѣ. Долгор. втесался таки къ нимъ. Придется мнѣ писать къ нему. Прощай.

106.

(1868 г.) 29 апрѣля. Жаль, что ты не прочелъ письмо изъ Парижа, которое мнѣ прислалъ: ты бы могъ вполовину сдѣлать то, что̀ нужно. Письмо это отъ секретаря Джемса Ротшильда— Майрарга. Онъ проситъ отъ имени Пемоза и Трипье добыть свидѣтельство о смерти Сазонова для *его сына*, живущаго въ Парижѣ. Я полагаю, что это можно узнать черезъ Raisin или Duchosali, спроси маіора. А я съ своей стороны писалъ Майраргу, чтобъ онъ сообщилъ, что̀ это, кто это—сей сынъ. Если они не знаютъ, передай просьбу Тхоржевскому. Помнится, онъ умеръ въ 1861 году, какъ же не найти въ état civil.

Прибавленіе выдавай какъ хочешь, я спорить и прекословить не буду. Вѣроятно, съ „Малор." наберется цѣлый листъ. Можно разослать ½ листа 1 мая и ½ — 15-го. Можно соединить. Малороссъ—Комаровъ; дама, у которой живетъ Вальцъ, у Тхор. есть адресъ. А тотъ корреспондентъ, бывшій въ Женевѣ, помнится, Венюковъ, писавшій о Кавказѣ и Сибири.

Если твоя статья не готова, не торопись, а помѣсти Мечникова. Только сообщи, какое заглавіе, и вели прислать не рукопись, а корректуру. Якушкинъ не можетъ идти рядомъ съ заключеніемъ статьи о Каразинѣ въ одномъ №. Или онъ убьетъ Каразина, или Каразинъ убьетъ его. Оба—люди хорошіе.

Чѣмъ же Бакун. недоволенъ? Это очень интересно. Да ты спроси у него, участвуетъ ли въ журналѣ? А журналъ, мнѣ кажется, все-таки не пойдетъ.

Какое же впечатлѣніе на тебя дѣлаетъ перечитываніе Чернышевскаго? Я годъ и день умолялъ тебя перечитать „Что дѣлать?". Ты все прочелъ, Достоевскаго и Ергунова, но „Что дѣлать?" не развернулъ. Это не даромъ. Мнѣ кажется, что ты боишься разочарованья.

Вормсу я не отвѣчалъ. Но, мнѣ кажется, это лицемѣріе — говорить, что не оскорбился, когда человѣкъ *права не имѣетъ не оскорбляться*. Безъ вызова въ меня бросаютъ г....., а я буду величественно отвѣчать: я тебя до того презираю, что не признаю за твоимъ г...... дурного запаха?! Какъ же не раздавить всю эту мошенническую шайку, позорящую молодое поколѣнье? Найди ты мнѣ въ какомъ-нибудь народѣ, отъ Исландіи до Абиссиніи, гдѣ бы *на сценѣ* была au grand jour такая трактирная голь и съ такими нравами? Тург. съ ними только пошутилъ. Ихъ надобно выставить къ позорному столбу во всей наготѣ, во всемъ халуйствѣ и наглости, въ невѣжествѣ и трусости, въ воровствѣ и доносничествѣ. И можетъ, если силы не ослабѣютъ, я еще и буду ихъ палачомъ и положу имъ клеймо глупости на лобъ. Передняя, казарма, застѣнокъ полицейскій и дьячки могли только развести этотъ испанской воротникъ на шеѣ Россіи. Тутъ всѣ — и Бакстъ, отпирающійся отъ своихъ словъ, сладкоглаголивый, семитическій „муранъ" Венери и пердословый Елпидинъ, сопля Вормсъ и гной Серно-Соловьевичъ, жиденяты, утяты и гуляты. Ну, и довольно съ нихъ.

Насчетъ частныхъ дѣлъ новаго сказать нечего...

Я Татѣ писалъ опять длинное письмо. Мы съ ней ближе понимаемъ другъ друга, чѣмъ съ другими.

107.

(1868 г.) 12 мая. Вторникъ. Получилъ ли ты мое письмо отъ 10-го съ наклеенной бумажкой? Я его бросилъ въ казино. Боюсь немного дерзостей хохла, да будто ты не знаешь, что̀ можно и чего нельзя пропустить въ печати? Это вѣдь просто лѣнь. А что же вы—опоздаете или нѣтъ? Статья о Якушкинѣ готова, ее хватитъ на 3/4 №, или около. Что̀ будетъ еще?

Видѣлся ли ты съ Ботк.? Я думаю, что это для ноги да и для прочаго не дурно. А его въ „Голосѣ" Шипулинскій за Дубовицкаго пощелкалъ. „Виноватъ",—скажетъ Мерч.

О какомъ ты *другомъ* источникѣ сплетней говоришь, по поводу сообщеній Таты, рѣшительно не понимаю. У насъ есть

противники, но *ненавидящихъ и дѣятельныхъ враговъ*, кромѣ нашихъ личныхъ поросятъ, нѣтъ. Поясни.

Насчетъ „поднятаго пульса"—при свиданьѣ. Поднятой пульсъ не всегда означаетъ прибавку здоровья, а иногда прибавку лихорадки. Пора бы отъ этихъ лихорадокъ домой,—я согласенъ съ Сатинымъ. А львомъ сдѣлаться сенскимъ, если это для Руси полезно, легко. Это-то и важно для „Колокола".

Вотъ тебѣ философія Лизы. Она вчера читала со мной очень внимательно въ переводѣ „Былое и Думы" объ Ив. Ал. и потомъ, подумавъ, говоритъ: „Mais ton père était un fou". Далѣе, о жизни толкуетъ: „Moi je pense qu'il faut faire quelque chose d'utile — et s'amuser beaucoup. Car vois-tu, personne ne sait quand il mourra—et alors c'est fini". Вотъ поди и разсуди!

Какъ плохи проспекты „Демократіи",—все старое. Философія Лизы свѣжѣе.

Жду письмо и иду гулять.

Отъ Таты превосходное письмо.

Попроси отъ меня маіора о свидѣтельствѣ Сазонова.

13. Середа.—Корректуры всѣ получилъ и сейчасъ ихъ отошлю. Итакъ, опять *опоздали*. Этотъ разъ надобно было особенно стараться, чтобъ опоздать. Статьи были главныя двѣ недѣли тому назадъ готовы. Это очень печально.

Мечникова статья хороша, но еслибъ онъ меньше полемизировалъ и отвѣчалъ Костомарову, было бы лучше. *Разсказъ* нуженъ для Европы, *изложеніе фактовъ*, а до Костомарова ей дѣла нѣтъ.

Основную мысль я не понялъ ясно. Вѣроятно, подъ словомъ National онъ разумѣетъ что-нибудь въ родѣ „народный".

Почему казаки *воры* вышли казаками *скупцами*? Ladre значитъ „скупой" по-французски, что̀ не мѣшаетъ ladro быть воромъ по-итальянски. Или я ошибаюсь? Просмотри въ mise en page или и прежде. Но все же статья *хороша и интересна*. Русскихъ пріемовъ много, всѣ ходячіе, битые обороты употреблены, даже ex ungue leonem не забытъ, персифлядъ надъ Костомар. съ illustre. Ты это уевангиль и посовѣтуй ему. Какая-нибудь подпись была бы лучше, какъ свидѣтельство новаго сотрудника.

Еще! Можно ли сказать:

hasarda à une nouvelle batoile?

Есть рѣка Ферекъ? Или это Терекъ?

Въ твоей статьѣ рѣчь о *принципахъ* Мин. Внутр. Дѣлъ.

Да тамъ взятки, палки и тому подобныя ягоды только,—какъ-то неловко.

Получилъ изъ Альзаса письмо отъ D-г Куфа. Не утѣшительно. Вѣроятно, и тамъ клерикалы пакостятъ въ воспитаніи. Онъ завелъ вольную гимназію близъ Страсб., но все бросилъ.

Программа Бакунина здѣсь очень нравится въ „Демократіи".

108.

(1868 г. Мая) 17. Воскресенье.—Досадно, что Чернецкій помѣшалъ армяшкѣ высказаться. Жду съ нетерпѣніемъ, но они теперь сгладятъ его espéritée. Честь инициативы будетъ принадлежать имъ. Я радъ и всегда готовъ съ милосердіемъ за зубъ вышибить два.

Пока эта сыпь, этотъ сапъ не сойдетъ съ Россіи, ничего не будетъ. Теперь и мой Базаровъ пойдетъ въ ходъ. Экая досада, что имъ помѣшали.

Къ чему печатать письмо Шувалова и Волтера? Cui prodest? Развѣ Фрерону, заклятому врагу Волтера, надъ которымъ ты поставилъ вопросительный знакъ. Этимъ путемъ не попадешь въ лёвство на Сенѣ.

18. Понедѣльникъ.

Письмо Коста D-г получилъ. Экъ, онъ за Робеспьера меня, а все же милѣйшій изъ докторовъ Монпелье. Что Спиридовъ тамъ или нѣтъ? И—прощай.

Чернышевскаго 2-ой томъ одолѣлъ (кромѣ диссертаціи). Одна первая статья хороша, да и то вздоръ о наукѣ какъ о дойной коровѣ. Корову доятъ, но помимо еще она корова an sich. Вѣдь это скудный утилитаризмъ. Остальное плохо.

Пишу въ маленькомъ кабачкѣ на Corso въ $^1/_2$ 7 утра. Въ 5 я отправился въ шато (т.-е. на кладбище). Что это за чудо—и море, и деревья, но теперь жаръ солнца такъ великъ, что идти невозможно, и я ѣмъ холодную телятину. Вотъ послѣдняя новость.

109.

(1868 г.) 20 мая. Середа.—Я посылаю первую часть „Якушкина" и часть „Смѣси" Чернецкому. Лучше было бы тебѣ прочесть прежде набора. Главная небрежность въ томъ, что имена собственныя не всѣ, т.-е. не всякій разъ, одинакимъ образомъ

писаны и печатаны. Вторая часть готова. Но для Мечникова надобно больше мѣста. Если увидишь его, то попроси, чтобъ онъ не забылъ *о рыбномъ промыслѣ* на Уралѣ изъ офицерской книги. За 500 экз. пусть онъ разсчитывается съ Чернецк., а я готовъ по его приказу Чернец. отдать деньги. Я считаю, что іюньскій листъ готовъ, — пусть же Чернец. доставитъ mise en page не позже 10 іюня. А мы посылали манускрипты *какъ письма*, въ то время какъ ихъ позволено посылать sous bande. О полученіи рукописи премного прошу увѣдомить.

Жду вѣстей о прибытіи Перда Владиміровича.

Обрати особенное вниманіе на „Смѣсь", выбрось все, чтò не нравится, добавь все, чтò нравится, но не переписываясь об этомъ и не совѣщаясь съ деспотизмомъ Негуса Теодороса.

А видѣлъ ли ты, какъ казнили японскаго полковника (невиноватаго), по требованію европейцевъ? Народъ роптал. А послѣ казни Жепонской Шуваловъ подносилъ ко всѣмъ представителямъ западн. державъ голову на блюдѣ и спрашивалъ, кланяясь: „Довольны ли вы?"

„Колоколъ" полученъ, но статьи польской еще не получалъ. Читалъ ты отвѣтъ Бамбергера? Министръ юстиціи сказалъ секретарю Бисмарка, Kendel'ю, что никакого затрудненія нѣтъ, и что картеля насчетъ полит. преступн. теперь вовсе нѣтъ (чтò я зналъ, впрочемъ). Ну, вотъ, дорога открыта. Бамбергеръ совѣтуетъ опросить оффиціально у посланника, сославшись на его письмо.

Вторую Мазадницу (15 мая „R. des Deux M.") читалъ? Начало недурно.

Мерчинскому 1 + 1 + 1 + 1 . . . . . + n 1 благодарности.

110.

(1868 г.) 26 мая. Вторникъ, вечеръ. — Чтò за машину еще тебѣ надобно на ногу? Не понимаю. Костъ предлагаетъ еще для тебя лекарство,—посылаю.

Изъ письма къ Тхор. ты увидишь, какъ Барановская виновата, что я ее не видалъ.

Если въ „Газетѣ Народовой" была Леонтина, а не fleurs doubles, то слѣдуетъ сдѣлать слѣдствіе: я рукописи *никому* не давалъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ ты получишь премилый и похожій портретъ Лизы. Она много перемѣнилась, и ей слѣдуетъ воро-

титься въ теплый климатъ. Она полтора года въ самомъ дѣлѣ не была больна.

Ѣдемъ мы 2-го, но вѣроятнѣе 3-го утромъ. Въ Ліонѣ я остановлюсь на недѣлю. Вчера старикъ D-r Bernac... отправился во Флоренцію и пріѣдетъ назадъ въ субботу съ свѣжими вѣстями отъ Таты. А Мейзенбугъ вдругъ прорвало ѣхать въ Крейцнахъ съ Ольгой отъ 15 іюня до августа. Стало, Татѣ во Флор. дѣлать будетъ нечего.

Читалъ ли ты „летучіе листы", изд. въ Женевѣ? Мысли хороши, форма подлая и со всей торбой „ерунды" и прочихъ выраженій de ces messieurs?

Чтò за нелѣпость, что Бакунинъ заводитъ станокъ? Или деньги откуда-нибудь свалились? Да и въ такомъ случаѣ безобразно. За что же онъ подрываетъ Чернецкаго?

Вотъ и твое письмо. Чернецкаго брани и ругай. Съ Молокассомъ (sic) безобразіе, съ коррес.—два. Чтò за мерзость такая?

Совѣтую послѣ 31 мая писать (если не будетъ contre-ordr'a) въ Ліонъ: Lyon, poste-restante.

Я пришлю тебѣ 500 іюньскихъ, 100 туцевскихъ и про запасъ Тхорж. 400 для маіора.

Деньги Сат. размѣнялъ, франк. 70 потери. Но было 10.320, стало 70 — 20 = 50.

Затѣмъ счастливо оставаться.

Неужели Бакун. ни слова не говорилъ о моей статьѣ Миросл.? Насчетъ типографіи напишу ему.

111.

(1868 г.) 28 мая. Четвергъ. — 28 — 29 — 30° жары въ тѣни по стоградуснику. А все-таки мнѣ чѣмъ ближе отъѣздъ, тѣмъ больше кажется, что и тебя слѣдуетъ, и всѣхъ перетащить въ эти благодатныя полосы. Долго здѣсь живши, трудно привыкнуть къ вашимъ Сибирямъ.

Я писалъ, что мы ѣдемъ 2-го или даже 3-го. Стало, всѣ безпокойства, съ которыми ты писалъ *26*, нераціональны. Люди часто опаздываютъ, но никогда до срока не ѣздятъ. Ко мнѣ можно было писать до 30-го утра.

Статья скучна въ „Русск. В.", слишкомъ между подрясникомъ и рясой. Ал. Ал. таковъ и былъ. Онъ послѣ этихъ неудачъ сталъ извергомъ. А какъ онъ сбиваетъ на нашего князь-Перда... (а чтò—гипертрофія тебя примирила?) Я зналъ и оберъ-

суперинтендента, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ былъ въ Вятку сосланъ 76 лѣтъ за attentat'ы à la pudeur. Я его въ Вяткѣ дразнилъ вольными сужденіями sur la „кестіонъ релижіёсъ". Похабство ему не мѣшало быть піэтистомъ.

Скажи Тхор., что я отослалъ прямо въ Парижъ біографическія поправки, о которыхъ просили Трюбнеръ и Георгъ.

Ѣдемъ во вторникъ въ 3½, и въ 6 утра въ середу будемъ въ Ліонѣ. Оттуда буду еще писать и останусь тамъ съ недѣлю.

А что̀ еще будетъ въ „Поляр. Звѣздѣ"? Что̀ твоя статья? Нельзя же ее фаршировать однимъ снадобьемъ.

Лиза писала тебѣ по секрету, не хочетъ показать, и посылаетъ портретъ, который очень удался.

Сегодня день грозный. Въ морѣ я купаюсь.

Если ты сбилъ съ толку и Тхорж., то я писемъ не буду получать до Ліона. Охъ, молодость, молодость!

Пишите: Lyon, poste-restante.

Телеграфировать можно.

112.

(1868 г.) Суббота. Lyon. „Hôt. de l'Europe". Часъ. 6 іюня.— Нѣтъ сомнѣнья, что одно письмо, и очень важное, пропало, именно то, въ которомъ я хотѣлъ узнать твое послѣднее мнѣніе о Prangins. Напиши еще разъ. А я здѣсь похлопочу на почтѣ.

Ты пишешь (вслѣд. моей описки) Lion (это Ольга Ив.), а не Lyon. Можетъ, не разобрали.

Съ чего ты взялъ, что я именно въ воскресенье собирался ѣхать въ Женеву, и панъ тоже? Я вообще писалъ вопросительно и дубитативно. Во всякомъ случаѣ, ничего не рѣшалъ. Конечно, извѣщу Тхор. за 12 часовъ. Можетъ, пріѣду изъ Милгуза или Колмара. Теперь прошу написать письмо (въ понедѣльникъ могу получить) для того, чтобъ сказать, что̀ же ты писалъ насчетъ Prangins.

А что̀ портретъ Лизы?

Ліоновичъ доволенъ, а Нефталь—Шурцомъ и Капомъ, благодаритъ меня за него. Письмо его свѣтло...

Брошюру Саши прочиталъ и напишу нѣсколько „соображеній". Это тоже, что̀ было по-французски, и возраженія остались тѣ же?

Чтò будетъ въ „Поляр. Звѣздѣ“ послѣ моей статьи?

Иду на почту справляться о письмѣ. Прощай.

Изъ Ниццы все прислано аккуратно съ почты. Кто носилъ твое письмо? Можно справиться.

Въ „Монитёрѣ“ панегирикъ И. Тургеневу.

Еще слово: зачѣмъ ты пишешь на адресѣ фамилію микроскопическими буквами?

3 часа.

Письма нѣтъ. Не послалъ ли въ Sion? Справьтесь тамъ. Г. Г. здѣшніе говорятъ, что, можетъ, отослано въ Парижъ, если не было poste-rest., и тамъ рекламировать.

113.

(1868 г. Іюня) 8-ое. Понедѣльникъ.—Ну, не понялъ, такъ тѣмъ лучше. Только, я думаю, ни Контъ, ни Франкёръ, ни самъ Брашманъ (я все набираю математиковъ) иначе не развернули бы скобки тобой предложеннаго уравненія. Но все же авантажъ съ моей стороны, и мнѣ очень досадно, что не понялъ.

Еслибъ тебя можно было хоть къ августу, вмѣсто Prangins, перетащить сюда (т.-е. въ Ліонъ), тутъ пожили бы свободно мѣсяцъ.

Въ Альзасъ, *очевидно*, ѣздить не нужно, но этого не посадишь въ голову.

Чтò же ты ждешь отъ Туца и Лизы? Они встрѣтятся, какъ дѣти; съ ними, вѣроятно, Nat. будетъ хороша.

Портретъ Плаутиной отошли твой, тѣмъ больше, что Лиза тебѣ готовитъ другой въ сюрпризъ, съ рамкой, которую она купила *на свои деньги*. За симъ до свиданья.

Въ середу или четвергъ буду.

Зачѣмъ ты не прочелъ письмо Булевскаго? У меня голова тяжела и работать не могу.

114.

27 іюня 1868. Mulhouse. „Hôtel Romaine“.—Итакъ, кристѣйшій Ник. Плат., и ты сталъ догадываться, что Бакун. за спиной конспирашничаетъ съ Элдыринымъ? А я тебѣ изъ Ниццы писалъ объ этомъ въ апрѣлѣ.

Познай людскую злобу ты
И вѣроломства вкусъ отвѣдай,—

—могъ бы написать Сумароковъ. Le sublime est à un pas du vil,—могъ бы сказать Наполеонъ. Однако, при свиданьи ты не обо всемъ помолчи.

Съ 1-го іюля мы въ Базелѣ. Съѣздимъ по окрестностямъ въ Шафгаузенъ и пр. Здѣсь будемъ ждать, 1-е, Тату, если хочетъ, 2-ое,—твой приказъ о Prangins хоть къ 1 августа, если раньше не можешь. Что̀ за Prangins — не знаю. Лиза рвется къ тебѣ, это истинно безъ увеличенія.

Къ „Колок.“ нѣтъ leading articl'я. Глупую статью изъ Дрездена не слѣдуетъ помѣщать; глупую статью поляка о Громекѣ—просто выбросить. Да вѣдь, пожалуй, можно и безъ leading articl'я?

Здѣсь самое замѣчательное дѣло—Cités ouvrières. Это—цѣлый городъ маленькихъ домиковъ, каждый съ садикомъ, подъ общимъ управленіемъ. Тутъ есть все свое, — большіе рестораны, по 75 сант. обѣдъ, передъ входомъ—ванны теплой и холодной воды, чтобъ работ. могли послѣ работы и до обѣда вымыться, et cet. Все дѣло частное, а не правительственное. Странный городъ,—почти все населеніе изъ работниковъ. У нихъ свои школы и высшія, въ которыхъ химія и физика преподаются и въ совершенно модерномъ видѣ. Засимъ прощай.

P.-S. Вотъ и въ Швейцаріи.

Ну, что̀ принцъ?

Записки Meis. одолѣлъ. Я скажу, какъ апостолъ Павелъ: лучше не печатать, но если нѣтъ воздержанія, то пусть печатаетъ у Чернецкаго.

Если Тхор. воротился, попроси его узнать, можно ли послать въ Женеву изъ Ліона готовыя рубашки, не платя пошлины, а также и ящикъ? И, наконецъ, пришли ли вещи изъ Ниццы въ Женеву?

P.-S. Всѣ письма изъ Colmar'а пришли. Ради самого Аллаха: не заботься о письмахъ, когда адресъ писалъ, какъ сказано.

115.

(1868 г.) 8 іюля. Середа. Lucerne. „Belle Vue“.—Очень радъ, если Мечниковъ дастъ пятый листъ. Насчетъ „Полярной Звѣзды“ спроси его, что̀ (т.-е. о какомъ предметѣ) будетъ его статья. О журналахъ—слѣдуетъ видѣть подробную перечень съ журналами. Скажи еще Мечник., что очень трудно платить гонораръ, потому что я его плачу изъ собственныхъ денегъ. За 5 листовъ

„Колокола“ онъ получитъ, какъ сказано было, 350 фр., но за „Полярную Звѣзду“ я предлагаю вдвое (140 фр. съ листа — книгами, т.-е. „Полярную Звѣзду“ и „Колоколъ“). Это необходимо сказать. „Колоколъ“ до сихъ поръ *не окупился*. Итакъ, сверхъ 4.500 фр., данныхъ мною Чернецк. въ нынѣшнемъ году, вся печать „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“ на моихъ плечахъ, а я не Раппо, поднимавшій карету шестерикомъ, нагруженную свинцомъ.

Корректуру одну я послалъ изъ Тана *28*, въ воскресенье. Другую—изъ Базеля, вѣроятно, 2-го или 3-го. Третью—изъ Лю-(съ несчастнымъ Круповымъ).

Я писалъ къ Адольфу Фогту письмо подробное о болѣзни и о томъ, что вслѣдъ за конгестіями и до—у меня опять пошли чирьи и небольшая сыпь. Разумѣется, онъ желаетъ видѣть, но прежде всего говоритъ о необходимости ѣхать въ Карлсбадъ. Этому я не вѣрю. Но на швейцарскія воды готовъ ѣхать отъ церна С. Мориса до Луеша.

Купилъ на дняхъ книгу „Чего желать Россіи“, безъ имени автора, началъ читать и ex ungue leonem узналъ Н. И. Тургенева. Пришлю тебѣ, если хочешь.

А „Голосъ“ поразительно интересенъ, только не письмомъ, которымъ помарался Кельсіевъ, а крестьянами, посылаемыми на заработки, процессомъ мужа съ женой. О крестьянахъ можно бы тиснуть что-нибудь во французскомъ „Колок.“. Посылаю ихъ.

Пишу скверно, потому что на пальцѣ чирій.

Можетъ, поѣду 10-го въ Бернъ и буду назадъ 12-го или 13-го. Прощай.

Пиши въ Люцернъ, а если что̀ особое, можешь сообщить черезъ Тхоржевскаго.

Въ „Моск. Вѣдом.“ есть еще отмѣтка о раздачѣ (дуванъ) казенныхъ имѣній и фермъ въ Западномъ краѣ.

116.

(1868 г. Іюля) 16. Luzern. „Schweizerhoff“.—Писемъ свѣжихъ нѣтъ, а вотъ темы разсказамъ:

α) Какъ я ѣхалъ съ чиновникомъ русск. Потаповымъ и его другомъ и разговаривалъ incognito.

β) Какъ Потаповъ со мной завтракалъ и еще генералъ и молодой человѣкъ, который похожъ на Сатина (когда онъ былъ молодъ), какъ двѣ гутты воды.

γ) Какъ я спалъ стѣна о стѣну съ Потаповымъ. Огаревъ, помни пословицу: non bis in idem. Домбр. хорошій человѣкъ, но все же припомнить не мѣшаетъ Гиппери и 1863.

Сегодня день тяжелый, и голова болитъ немного (кажется, простуда).—Прощайте.

Вотъ какая бѣда: глядѣлъ въ озеро, безъ вѣтра, и уронилъ шляпу. Купилъ для наказанія отвратительную.

За то вотъ и хорошая новость. Фредерикъ не умеръ и не боленъ, а точно въ Фуламѣ, слава Богу, здоровъ, о чемъ доношу Тхоржевск. особенно.

Лиза, прощай, а то и здравствуй.

117.

(1868 г.) 19 іюля. Воскресенье.—Наконецъ, я расчистилъ „Крупова". Онъ мнѣ огадилъ. Изъ-за колосальныхъ ошибокъ я въ первый разъ не видалъ небольшихъ. Есть, конечно, и авторскія поправки, но если дозволить типографу такъ перевирать, то онъ вгонитъ листъ въ 200, 300 фр. Посылаю тебѣ объясненіе къ „Крупову". Вели его набрать въ концѣ (это только заставитъ перемѣнить страницу справа налѣво). Оно необходимо. Иначе непонятно. Я могъ бы прямо послать къ Чернец., но я стараюсь избѣгать всякой переписки съ нимъ. А. Фогтъ говоритъ, что при леченіи діабета не надобно волноваться, а дерзость—сердитъ.

Вѣроятно, Тхор. пріѣхалъ и разочаровалъ тебя въ бракосочетаніи Мрачковскаго. Что Бакунинъ очень фальшивъ и, стало, былъ съ тобою милъ,—это dans l'ordre des choses. Онъ о розни съ нами и о поступленіи своемъ къ Елпидину трубитъ Ауэрбаху и всѣмъ.

Все добрые люди. Я взялъ у Долгор. „Москву". Что ни №, доносъ гадчайшій. Вотъ и рьяный Аксаковъ, баярдъ славянопердія.

А что скажешь о старикѣ, котораго отдерутъ и пошлютъ на каторгу? Изъ этого слѣдовало бы сдѣлать хоть *Смѣсь*.

Къ „Рылѣеву" будетъ прибавка. Прощай.

118.

(1868 г.) 25 іюля. Lucerne. „Belle Vue".—Иногда всѣ люди, и даже Тхоржевскій, сходятъ съ ума. Онъ уѣхалъ отсюда 16-го,

написалъ тотчасъ рапортъ, и ни слова больше, такъ что я не знаю вовсе, когда онъ можетъ ѣхать въ Женеву. Это скучно и мѣшаетъ мнѣ ѣхать, какъ я хотѣлъ. Я ему послалъ разныя письма въ Женеву и писалъ о деньгахъ Мечникова.

Мы ѣдемъ въ понедѣльникъ вечеромъ или вторникъ утромъ въ Цюрихъ (два часа ѣзды). Пиши: Zuric, poste-restante. Вѣроятно, остановимся въ „Hôtel Baur", но poste-rest. сначала вѣрнѣе. Тамъ я подожду финалъ della tragedia ippopotamica. Изъ Цюриха ѣду всѣмъ показывать Рейнскій водопадъ, и снова черезъ Луцернъ въ Унтервалденъ, и оттуда, по соглашенію съ тобой, въ Prangins, гдѣ, если хорошо, я останусь хоть до 1 октября.

Мейз. пишетъ, что ихъ общая артель флорентійская не пойдетъ. Она хотѣла бы жить съ Ольгой одна, еще лучше—отдѣлить бы Лизу, да кстати Тутсу взять особую ферму!..

Ауэрбахъ говоритъ, что Ариѳмет. Мерчинскаго очень хороша для учителей и трудна для учениковъ.

Читалъ ли ты гнуснѣйшій доносъ въ „Голосѣ" на какого (то) нѣмца изъ балтиковъ? Чтò же это такое? Аксаковъ, Кельсіевъ, журналы... Охъ, Ник. Пл., какъ бы намъ не пришлось подъ конецъ жизни и этотъ идолъ (Russland) по боку? Я много читаю и почти все съ омерзѣніемъ.

А propos, зачѣмъ ты съ Татой прислалъ старый „Вѣстникъ", который я читалъ въ Ліонѣ? Нѣтъ ли новаго?

Что ты не умѣлъ послать Кельсіева, это досадно.

Мы хотимъ отправить отсюда въ Женеву тюкъ, а можетъ, два, ненужныхъ вещей. Адресую ихъ къ тебѣ.

Сейчасъ пришло твое письмо отъ 23—*два дня* изъ Женевы, но путешественниковъ сотни тысячъ, и почты въ конфузѣ.

Если не боишься, то отдай напечатать въ „Кол." чтò на оборотѣ. Поправь, убавь, прибавь, а больно не по душѣ— брось.

Ты все, кажется, *ступаешь* на больную ногу, а мнѣ думается—не слѣдуетъ.

Къ 15—въ Prangins и—прощай.

119.

(1868 г.) 26 іюля. Lucerne.—Наконецъ-то получилъ письмо отъ пана. Вѣроятно, онъ теперь у тебя въ объятіяхъ и дѣло все пошло по маслу.

О какомъ „Гол.“ говоришь, не знаю. Пошлю пачку; замѣть статью о нѣмцахъ, которую я отмѣтилъ. Объ этомъ я напишу статейку небольшую и объ Аксаковѣ. Я начинаю русскихъ ненавидѣть.

Ѣдемъ во *вторникъ* въ Цюрихъ, и тамъ буду ждать писемъ и подробный рапортъ Тхоржевскаго.

120.

(1868 г.) 28 іюля. Вторникъ. Lucerne. — Твое письмо и письма, пересланныя Тхор., — все исправно пришло, также и Кельсіевъ.

Сегодня собираемся ѣхать въ Цюрихъ. 15-го можемъ навѣрное быть въ Prangins, даже прежде.

Все набито-биткомъ. Въ Цюрихѣ, говорятъ, нѣтъ мѣста. Я телеграфировалъ въ „Hôtel Baur au Lac“,—оттуда отвѣчаютъ, что три комнаты, *можетъ*, будутъ.

Жары и грозы безпрерывно.

Платья Таты и книги послалъ на твое имя. Книги пусть Тхор. разберетъ и отдастъ Долгорукову.

Посылаю статейку о „Голосѣ“ и Аксаковѣ; кажется, не дурна. Что касается нѣсколькихъ строкъ нашимъ противникамъ, присланныхъ въ прошломъ письмѣ,—какъ угодно.

Изъ Цюриха напишу завтра.

А ужъ ты тамъ.. какъ хочешь, а я выбираю третейскимъ судьей Тхоржевскаго въ дѣлѣ Мрачковскаго. Самое забавное, что ты все принимаешь съ матримоніальной стороны и не замѣчаешь, wo die Pointe ist.

Въ письмахъ изъ Россіи — что Сатинъ былъ боленъ и крѣпко, будто что-то въ родѣ легкаго удара, но выздоровѣлъ и пьетъ. (Что онъ сильно пилъ, говорила мнѣ въ Бернѣ и Мар. Касп.). Наше поколѣніе можно назвать губчатымъ. Дальше—ничего.

P.-S. Скажи Тхорж., что ящика посылать не нужно въ Люцернъ. Nat. писала Чернецкой. Я пришлю чекъ, мнѣ скоро нужны будутъ деньги. Что̀ говорятъ о Banque Suisse? Мнѣ хочется опять у Ротшильда взять и положить туда тысячъ пять. Это все вопросы для пана, которому кланяюсь.

P.-S. Нат. Ал. проситъ Чернецкую погодить посылать до новаго адреса поясъ, а если послала—извѣстить.

121.

(1868 г.) 30 іюля. Zuric. H-l Baur.—Послѣ Люцерна здѣсь кажется плоско, безвидно, надобно войти въ видъ. Рама въ Люцернѣ до того хороша, что городъ забывается. Шафгаузенъ отсюда въ 2½ часахъ желѣзн. дороги. Можетъ, завтра поѣдемъ туда, потомъ начнется обратный путь опять черезъ Цюрихъ, гдѣ возьму письма. А если въ Шафгаузенѣ понравится, я телеграфирую.

Кельсіева прочелъ въ ¾ ч., и до сихъ поръ писать отказываюсь. Въ книгѣ есть много слабаго; его ошеломило освобожденіе, онъ мало видитъ гнусной стороны, онъ падокъ до религіозныхъ припадковъ. Но гдѣ же преступленіе? О чемъ ты такъ развоевался? Я не понимаю. А коли съ него не шкуру снимать, такъ мнѣ и рукъ нечего марать. Всего глупѣе, что именно то, что̀ нужно было, того и нѣтъ, т.-е. его дѣла въ Петербургѣ подъ арестомъ. Die Pointe ist verloren. Но что̀ за шагъ впередъ, когда и эта книга могла выйти въ Россіи? Все, что̀ я могу сдѣлать, это поговорить о Кельс. по поводу его книги. Впрочемъ, дочитаю до конца.

О смоленск. управѣ и о голодѣ была рѣзкая статья въ „Голосѣ" (я тебѣ объ ней писалъ) мѣсяца *два* тому назадъ. Между прочимъ, что крестьяне отказывались отъ помощи,—такъ безобразно все было устроено. Что̀ „Моск. Вѣд." отвѣчали—не знаю. Напиши нѣсколько словъ въ „Кол." .О дѣлѣ Шумина я именно потому и писалъ, что читалъ въ „Моск. Вѣд.".

Продолженіе о Рылѣевѣ вчера послалъ изъ Цюриха, а статью о доносахъ—передъ отъѣздомъ изъ Луцерна.

Пора думать о торжественной кончинѣ „Колокола". Я чувствую, что довольно!

Статейку, переданную Касаткиной, оставь покамѣстъ или (если сто̀итъ) дай перевести Мечникову.

По дѣлу Мерчинскаго, разумѣется, ты меня поставилъ въ затруднительное положеніе. Отвѣтъ твой былъ очень простъ: „Только на томъ Г. и держитъ свой финансовый балансъ, что никому не даетъ никогда въ займы, и это не по капризу, а потому что онъ много потерялъ и имѣетъ семью. Я не могу ему этого предложить: моимъ вліяніемъ онъ далъ Мельгунову послѣднія шесть тысячъ фр., и тотъ не отдалъ. А потому я зарекся" et cet.

Само собой разумѣется, что нельзя не найти 1.000 фр. Но чтобъ навѣрное сказать, что М. отдастъ въ октябрѣ или мартобрѣ, нельзя.

Еслибъ я надѣялся на Сатина, я тебѣ бы сказалъ: рискуй, если такая охота. Но я увѣренъ, что онъ года два ничего не пришлетъ. Моя финансовая мудрость идетъ только на то, чтобъ не брать изъ капитала, чтóбъ ни дѣти, ни ты не имѣли остановки, чтобъ faire face такой штукѣ, какъ Сашина женитьба, и то, что они въ полгода истратили за $^3/_4$ года. Всю скуку этой прозы я беру на себя, но за это и вы должны меня пощадить и послѣ Мельгунова позволить мнѣ отказаться отъ ссудъ и банкирства. Но такъ какъ ты, вѣроятно, компрометировался въ этомъ дѣлѣ, то я предлагаю одно: я готовъ дать 500 фр. съ тѣмъ только, чтобъ ты никогда не вводилъ меня въ искушеніе. Съ 500 онъ можетъ взять у всѣхъ Боткиныхъ et cet. и переждать. Мерчинскому ты скажешь просто, что за свадьбой Саши и путешествіемъ у меня нѣтъ свободныхъ денегъ, и я предлагаю, чтò могу. Не хочетъ—какъ хочетъ. Буду ждать отвѣтъ.

О Тутцѣ я писалъ шутку, по поводу предложенія Мейз. ей отдѣлиться съ Ольгой. Перечти.

Мнѣ очень хочется начать *дуванъ*, и именно съ Саши, отдѣлить ему его долю—и пусть получаетъ свой доходъ. Потомъ—Татѣ. Но боюсь нашей слабости. Ну, продуй Саша, напр., на какую-нибудь спекуляцію,—ты первый (по Христовой экономіи) потребуешь ему вновь денегъ. А это будетъ разореніе трехъ другихъ. Не правда ли? Старайся, чтобъ Тутцу не натолковали тоже о капиталѣ, а это очень можетъ быть. Затѣмъ прощай.

122.

(1868 г.) 4 августа. Вторникъ. Lyon.—Посылаю „Смѣсь" и замѣтку о Кельсіевѣ. Я буду писать о немъ, но о книгѣ—ничего больше. „Вѣстникъ Европы" его ошельмовалъ мастерски—и довольно...

Ѣдемъ въ Цюрихъ. Оттуда напишу. Тамъ, вѣроятно, и деньги, и ворохъ писемъ. Не знаю, по какой дорогѣ ѣхать. По той же—скучно.

Надѣюсь, что корректура „Колокола" ждетъ меня. Мнѣ необходимо поправить свои небольшія дѣла.

Погода упоительная. Воздухъ здѣсь чудесный (2.500 фут. вышины).

Если не хочешь, о Кельсіевѣ не печатай. Прощай.

Сообщ. Г. П. Георгіевскій.

ИЗЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

Читателю.

Когда стихи я вамъ читаю,
Ихъ мнѣ страница ужъ чужда;
О чемъ же я безъ словъ мечтаю—
Вы не прочтете никогда.

Какъ вкругъ цвѣтовъ благоуханныхъ
Тѣснятся стаи мотыльковъ,
Такъ рой мелодій безымянныхъ—
Вкругъ думъ моихъ, вкругъ грёзъ и сновъ

Лишь тронешь этотъ сонмъ завѣтный,
Ихъ стая робкая спорхнетъ,
Оставивъ нѣжный, чуть замѣтный
Непрочныхъ крылышекъ налётъ.

Въ рядъ на бумагу ихъ пришпиля,
Отнимешь жизнь у сердца ихъ,
Ихъ не поймать,—чтобъ этой пыли
Не отряхнуть съ ихъ крылъ цвѣтныхъ

И въ книжкѣ здѣсь не эти крылья
Волшебныхъ бабочекъ ночныхъ,
А лишь окрашенные пылью
Персты, касавшіеся ихъ.

1.

Трудъ.

Творить свою судьбу мы, люди, можемъ сами,—
Мы, раса гордая, съ блестящими висками.
И родъ людской, трудясь умомъ иль силой рукъ,
Надѣясь на заслуженный досугъ,
Могучъ среди своихъ страданій.
Лишенный счастья весь свой вѣкъ,
Ты болѣе великъ, о, человѣкъ,
Чѣмъ божество, лишенное желаній!
Нашъ кратокъ путь отъ люлекъ до могилъ,
Нашъ бѣденъ міръ, и скупо въ немъ блаженство...
Но пусть Творецъ рѣшилъ, что міръ нашъ—совершенство,
Тѣмъ больше красоты въ упорствѣ нашихъ силъ.
Среди нужды, средь бѣдъ и горя,
Среди непрочности вещей,
Бороться будемъ мы съ водой небесъ и моря,
Съ могилой ежедневною ночей.
Мы живы: это все! Кипитъ работа дружно.
Пусть отойдетъ Творецъ, намъ помощи не нужно:
Мы міръ его беремъ такимъ, каковъ онъ есть.
Что̀ начато Творцомъ, докончить—наша честь.
Пусть Богъ лишь наше завтра обезпечитъ,
Пусть только послѣ сна, что̀ скорби лечитъ,
Насъ встрѣтятъ тотъ же день, работа та жъ
И умъ,—единый свѣточъ нашъ.

2.

Работники.

Въ пространствѣ неба безграничномъ,
Описывая кругъ, за вѣкомъ вѣкъ,
Стремясь путемъ своимъ обычнымъ,
Планета каждая свершаетъ звучный бѣгъ.

Числа нѣтъ солнцамъ, нѣтъ числа планетамъ...
Онѣ плывутъ, рабы своихъ орбитъ;
И каждая горѣла иль горитъ
То голубымъ, то краснымъ свѣтомъ.

Такъ вертятся онѣ, хладѣя иль горя;
А тамъ, вкругъ нихъ, вкругъ каждой точки звѣздной—
Безъ имени невѣдомыя бездны,
Нѣмая ночь небытія.

И вѣчно такъ дорогой неизмѣнной
Имъ двигаться Господь опредѣлилъ,
И Кеплеръ числитъ ходъ вселенной
И траэкторіи свѣтилъ.

И вѣчно ихъ по кругу вѣсомъ тянетъ,
И Богъ въ скрижаль свою занесъ:
Да ни одна звѣзда въ пути своемъ не станетъ,
И да не будетъ вновь хаосъ!

Вращайтесь, трудовыя сферы,
Блистайте въ васъ объявшей темнотѣ!
Одинъ лишь шагъ отъ точной мѣры,—
И судьбы міра ужъ не тѣ!

И въ мірѣ нѣтъ частицы косной.
Движенье сферъ изъ вѣка въ вѣкъ ведетъ
За зимами блистающія вёсны,
За ночью—день, за годомъ—годъ.

Участьемъ васъ никто не удостоитъ,
Работники! И въ людяхъ мысли нѣтъ,
Какихъ трудовъ вселенной стоитъ
Денницы каждой новый свѣтъ.

Огроменъ трудъ вашъ въ службѣ безпрерывной.
А мы, проживши свѣтлый день,
Вкушаемъ сонъ съ надеждою наивной,
Что завтра солнце смѣнитъ тѣнь.

3.

Память.

О дѣтскихъ дняхъ, о той порѣ счастливой
Мы помнимъ все такъ хорошо, такъ живо...
Мы помнимъ всѣ мельчайшія черты,
Свѣжи въ душѣ давнишніе цвѣты.

Когда жъ о томъ, что̀ было такъ недавно,
Хотимъ мы вспомнить,—память своенравно
Намъ измѣняетъ; прошлое темно,
Въ забвеніе на вѣкъ погружено.

Какъ нѣкій кравчій, время торопливо
Намъ наполняетъ памяти сосудъ,
И капли отъ послѣдняго разлива
Всѣ черезъ край въ забвеніе текутъ.

Все новое, скользя, прольется мимо.
А старое, попавъ въ сосудъ давно,
Отъ всѣхъ толчковъ навѣкъ защищено,
Лежитъ на днѣ, лежитъ ненарушимо.

4.

Сходство.

Почему вы другихъ мнѣ дороже,
Я причину отъ васъ не таю;
Я люблю васъ за то, что похожи
Вы на юность мою.

Вы обвѣяны тихой печалью,
Вы проходите, думы тая,
И полны вы мечтательной далью,
Какъ вся юность моя.

И какъ мраморъ Эллады старинный,
Недоступны вы, гордость храня;
Сердцемъ чисты и думой невинны:
Вы—какъ юность моя.

Выражаю, надеждой томимый,
Каждый разъ вамъ любовь свою я,—
Но проходите мимо вы, мимо...
Какъ и юность моя.

Перев. С. Пинусъ.

СВѢТЪ и ТѢНИ

РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—5 гг.

Изъ писемъ къ женѣ д-ра Евг. С. Боткина.

IX.—Послѣ Вафангоу *).

4-ое іюля 1904 г.

Снова сижу въ вагонѣ и возвращаюсь на югъ. Чтобы доѣхать до Ляояна, я воспользовался любезностью полковника Н. и занялъ мѣсто въ его вагонѣ II-го класса. Это представляетъ громадныя удобства по нынѣшнимъ временамъ, такъ какъ разстояніе въ какихъ-нибудь 60 верстъ отъ Мукдена до Ляояна теперь требуетъ до сутокъ времени. Сейчасъ мы стоимъ на послѣдней станціи передъ Ляояномъ и стоимъ уже безконечное число часовъ, хотя намъ съ полъ-часа тому назадъ дали уже третій звонокъ. Остановки эти объясняются тѣмъ, что въ Ляоянѣ происходитъ выгрузка войскъ и интендантскихъ грузовъ, и станція не можетъ насъ принять. А здѣсь уже скопилось поѣзда три, если не четыре. Очень возможно, что на оставшіяся верстъ 30 у насъ уйдетъ еще весь день, и что насъ въ концѣ концовъ еще не довезутъ до Ляояна, а на часокъ, другой, остановятъ у закрытаго семафора. Ты понимаешь, какъ отъ этого должны страдать бѣдные солдаты, которыми полны всѣ эти поѣзда, какъ трудно разсчитать при этой системѣ, гдѣ и когда ихъ можно будетъ кормить, такъ что они цѣлыми днями остаются

---

*) См. выше: янв., стр. 54.

безъ ѣды или получаютъ свой обѣдъ въ 2—3 часа ночи. Единственное спасеніе, если въ поѣздѣ у нихъ походная кухня. Мнѣ же, когда бъ не любезность полковника, пришлось бы тоже и голодать, и проводить ночь въ переполненномъ вагонѣ III-го класса. Теперь же я сладко спалъ на мягкомъ диванѣ и съ чистыми простынями. Полковникъ отлично говоритъ, какъ будто все знаетъ, и мнѣ было крайне интересно все, что̀ онъ сообщалъ: о Мукденѣ и Ляоянѣ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которымъ приписываются и, какъ видно изъ его словъ, несправедливо, многія изъ нашихъ бѣдъ; о способностяхъ того и другого изъ дѣятелей; о ходѣ и концѣ нашей кампаніи. Онъ не сомнѣвается въ нашемъ успѣхѣ, считаетъ, что Японія будетъ раздавлена на много лѣтъ, что она уже проиграла войну благодаря собственнымъ ошибкамъ, не менѣе крупнымъ и многочисленнымъ, чѣмъ наши. На-дняхъ она высадила послѣднія свои двѣ дивизіи (теперь онъ считаетъ у нихъ 250 тысячъ) и больше сформировать арміи не можетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ офицеровъ. Что мы выиграли первую половину кампаніи—доказывается и всѣми оптимистами; такъ какъ японцамъ не удалось сдѣлать того, на что они разсчитывали: ни Артура, ни Ляояна, ни Мукдена они не взяли и нигдѣ дороги не разрушили, такъ что дали намъ подвезти порядочное количество войскъ. Планъ ихъ, какъ говорятъ, былъ: взять Артуръ (это они могли сдѣлать 27-го января пятью тысячами человѣкъ безпрепятственно) и сильно укрѣпить его; затѣмъ взять Владивостокъ и тоже укрѣпить, а затѣмъ засѣсть въ Кореѣ, изъ которой намъ пришлось бы выбивать ихъ въ теченіе пяти лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія они, разумѣется далеки отъ успѣховъ.

Подъ Вафангоу мы имѣли дѣло съ противникомъ вдвое насъ сильнѣйшимъ, что̀ узналось лишь поздно, или измѣнилось за ночь между 1-мъ и 2-мъ іюня. Между тѣмъ, у насъ всѣ были убѣждены, что японцы превосходили насъ всего какими-нибудь тремя тысячами.

Долженъ признаться, что отсутствіе единства управленія боемъ меня тогда же поразило. Я всегда воображалъ, что командиръ корпуса или другой военачальникъ, руководящій сраженіемъ, составляетъ центръ самой интенсивной распорядительной работы; я думалъ, что къ нему и отъ него безостановочно летятъ гонцы съ донесеніями и распоряженіями, что онъ ежесекундно знаетъ, что̀ творится на любомъ концѣ поля брани,— на дѣлѣ же получается впечатлѣніе, что каждый за себя, а за всѣхъ—одинъ Богъ. Думаю, что и тебѣ должно было такъ пока-

заться изъ того, что̀ я раньше писалъ о Вафангоу,—слуховъ же передавать даже не рѣшаюсь.

X.—Смерть есаула Власова.

5 іюля 1904 г. Вафангоу.

Я пріѣхалъ въ Ляоянъ вчера въ $5^1/_2$ часовъ дня и прямо прошелъ въ Управленіе, гдѣ обсуждалъ дѣла съ Михайловымъ. Къ ужину собрались врачи и разсказали мнѣ печальную вѣсть, что Коля Власовъ вчера же утромъ въ 6 часовъ скончался. Бѣдняга говорилъ обо мнѣ съ момента раненія, просилъ свезти его именно туда, гдѣ я; пріѣхавъ къ намъ въ 1-ый Георгіевскій госпиталь, все время меня спрашивалъ,—а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняетъ смерть такого прекраснаго, благороднѣйшаго человѣка, мнѣ ужасно тяжело, что я не былъ при немъ. Какъ я былъ огорченъ, когда сегодня утромъ уже засталъ гробъ заколоченнымъ! Это—длинный и узкій, немного китайскаго покроя, гробъ, обтянутый китайской малиновой матеріей съ нашитымъ на крышкѣ крестомъ изъ бѣлаго атласа. На крышкѣ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ головѣ, лежалъ уже замѣтно увядшій вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, вчера положенный однимъ изъ товарищей покойнаго; сестра милосердія украшала гробъ цвѣтами изъ госпитальнаго сада; здѣсь же, въ маленькомъ деревянномъ сараѣ, служащемъ намъ покойницкой, я нашелъ одного молодого офицера, сильно и сердечно удрученнаго, оказавшагося графомъ Б. Товарищи понемногу сходились; всѣ, даже наименѣе знавшіе Власова, успѣли оцѣнить и полюбить его; нѣтъ ни одного человѣка,—будь то генералъ, солдатъ, офицеръ, врачъ или, сестра,—который бы иначе отзывался о немъ, какъ восторгомъ. И погибъ-то онъ оттого, что былъ слишкомъ хорошъ.

30-го іюня, они съ генераломъ Ренненкампфомъ (который тоже былъ тогда раненъ, лежитъ у насъ и велѣлъ себя принести на отпѣваніе Коли) попали въ засаду: шли въ долинѣ, а сверху, съ сопокъ, ихъ разстрѣливали японцы. Наши должны были немедленно отступить; сотня Власова прикрывала это отступленіе. Уже всѣ ушли, онъ все еще оставался. Солдаты убѣждали его поторопиться уйти,—онъ сказалъ, что это невозможно, такъ какъ онъ привыкъ уходить послѣднимъ. Въ это время онъ присѣлъ на корточки, чтобы посмотрѣть еще разъ въ бинокль,—и получилъ рану въ животъ. Сперва онъ не по-

чувствовалъ боли и думалъ, что только контуженъ, не позволилъ даже себя нести и четыре версты прошелъ пѣшкомъ, но потомъ долженъ былъ уступить. Его донесли до рѣки, и тамъ онъ плылъ до Ляояна на шаландѣ, уже сильно страдая, въ теченіе трехъ дней.

Въ Георгіевскій госпиталь онъ уже поступилъ съ явленіями прободного перитонита и въ такомъ состояніи, что операція была признана невозможной. Онъ продиктовалъ телеграммы матери и друзьямъ. Во всѣхъ онъ говорилъ, что раненъ легко, мать просилъ не безпокоиться и обѣщалъ подробности въ письмѣ. Телеграммы эти не были посланы, такъ какъ положеніе его быстро ухудшалось: въ 2 часа дня онъ прибылъ, а въ 2 часа ночи потерялъ сознаніе, вскакивалъ, не узнавалъ сестры милосердія, съ которой днемъ еще бесѣдовалъ, — и въ 6 часовъ утра его не стало.

Въ надгробномъ словѣ священникъ о. Курдовъ сказалъ, что покойный поручилъ ему передать матери его, что онъ умираетъ христіаниномъ, съ мыслью о ней, которую любилъ и чтилъ больше всѣхъ въ жизни. Онъ радовался, что успѣлъ причаститься, такъ какъ зналъ, что матери это будетъ пріятно. Онъ все-таки имѣлъ надежду, что можетъ поправиться, а по впечатлѣнію сестеръ онъ былъ даже далекъ отъ мысли о неизбѣжности смерти. Въ день кончины его, одинъ изъ его товарищей, который горько плакалъ, принесъ Е. Н. Ивановой сто рублей на похороны и уѣхалъ. На похоронахъ было много офицеровъ и всѣ искренно опечалены. Мы несли его гробъ на полотенцахъ и веревкахъ, такъ какъ онъ былъ безъ ручекъ, и донесли до самой могилы.

XI.—Смерть ген. Келлера и отступленіе отъ Холангоу.

Деревня Кофенцзы (Восточный отрядъ) 25 іюля 1904 г.

Живу я здѣсь цѣлую недѣлю почти на самыхъ позиціяхъ, каждый день можетъ разразиться бой, но именно здѣсь я и отдохнулъ немного, и поуспокоился. Въ нашемъ Управленіи въ Ляоянѣ необычайно нервная атмосфера. Правда, всюду всѣ переутомлены и всѣ изнервничались: покойный генералъ Келлеръ послѣднее время почти не спалъ по ночамъ, вставалъ и говорилъ своему адъютанту:

— Vous savez, je ne suis pas alarmiste, mais j'entends qu'on tire.

Адъютантъ выходитъ изъ палатки, вслушивается въ тем-

ноту и убѣждается, что это двуколка громыхаетъ гдѣ-нибудь по каменистой дорогѣ (звукъ, дѣйствительно, очень похожій на ружейную стрѣльбу).

— Какая двуколка, это стрѣляютъ!—Не сразу успокаивается графъ.

Какъ жаль этого храбраго рыцаря! Я помню его еще въ Ляоянѣ, когда онъ пришелъ въ Георгіевскій госпиталь лечиться: небольшого роста, съ розовыми щеками, ясными голубыми глазами и бѣлокурой съ просѣдью, расчесанной на-двое, бородкой,—онъ былъ сама любезность. Въ отрядѣ всѣ скоро полюбили его и прежде всего за его необыкновенную со всѣми обходительность. Затѣмъ онъ съ перваго же боя проявилъ необычайную, даже излишнюю храбрость: онъ ходилъ часто въ бѣломъ кителѣ по самымъ батареямъ подъ отчаяннымъ огнемъ. Ему говорили, что такъ нельзя, такъ не надо, но онъ ничего не хотѣлъ слушать. 18-го іюля онъ продѣлывалъ то же самое. Когда онъ шелъ съ одной батареи на другую, ему предстояло пройти по сильно обстрѣливаемому мѣсту; его предупредили, онъ молча взглянулъ на говорившаго и своимъ особымъ смѣлымъ шагомъ пошелъ впередъ. Тотчасъ же разорвалась шрапнель, и онъ упалъ; никто на батареѣ и никто изъ его штаба не былъ раненъ, но онъ, бѣдняга, получилъ въ себя весь зарядъ,—говорятъ, до 34 ранъ. Когда его поднимали, онъ могъ только сказать: „оставьте меня“, и тотчасъ же, повидимому, скончался. Это было въ бою подъ Холангоу. Говорятъ, бой шелъ блестяще, мы положительно побѣждали, когда вдругъ одинъ полкъ, по приказанію своего командира, ушелъ и тѣмъ открылъ японцамъ мѣсто къ наступленію. Командира смѣнили, его собрались судить, есть слухъ даже, что онъ куда-то скрылся, но, тѣмъ не менѣе, мы все-таки должны были отступить.

Никогда не забуду этой ужасной ночи, cette nuit funèbre (вѣдь нѣтъ точнаго перевода этого выразительнаго слова) съ 18-го на 19-е іюля.

18-го іюля, утромъ, я выѣхалъ изъ Ляояна сюда, въ Восточный отрядъ, съ особымъ порученіемъ и особыми полномочіями отъ Александровскаго. Со мной ѣхали одинъ изъ главноуполномоченныхъ земской соединенной организаціи, Н. Н. Ковалевскій, и еще одинъ изъ ея членовъ. Мы отлично, несмотря на сильнѣйшую жару, доѣхали до полуэтапа Сяолинцзы; я осмотрѣлъ тамъ этапный лазаретъ харьковскаго земства, полюбовался чуднымъ устройствомъ Евгеніевскаго госпиталя, только-что вновь открытаго, и мы поѣхали дальше.

Это—та самая дорога, которую я дѣлалъ ровно три мѣсяца тому назадъ, когда послѣ тюренченскаго боя ѣхалъ въ Ляншаньгуань. Теперь живописныя скалы покрылись пятнами темной бархатистой зелени, поля—высокимъ изумруднымъ гаоляномъ, такимъ высокимъ, что, сидя верхомъ на конѣ и поднявъ нагайку, я все-таки оказываюсь ниже этого лѣса тонкихъ тростниковыхъ стеблей. Недаромъ китайцамъ запрещено сѣять гаолянъ ближе трехъ сотъ, если не ошибаюсь, саженъ отъ желѣзнодорожнаго пути,—иначе въ немъ прятались бы хунхузы и обстрѣливали бы поѣзда. И то онъ служитъ японцамъ во время ночныхъ разъѣздовъ: юркнетъ на лошади въ гаолянъ—и не найти его. Гаолянъ даетъ китайцамъ прекрасную кашу, вродѣ гречневой, даетъ солому для скота и даетъ топливо. Временами и мѣстами другого топлива не найти. Изъ гаоляна же плетутся отличныя изгороди. Теперь онъ достигъ, кажется, своей максимальной высоты и цвѣтетъ густыми, съ лиловатымъ отливомъ, кистями. У китайцевъ примѣта, что если періода дождей не было до начала цвѣтенія гаоляна, то его и не будетъ вовсе.

Мы пріѣхали на первый этапъ, въ Ляндясянъ, уже вечеромъ, въ полную темноту. Около русской лавочки, гдѣ можно поѣсть и попить, стояли спѣшившіеся казаки и ихъ лошади. Въ ресторанчикѣ мы нашли одного моего знакомаго сотника, измученнаго, исхудалаго, истерзаннаго душой. Сначала онъ не хотѣлъ разбалтываться, сказалъ только, что подъ Холангоу, куда мы ѣхали, цѣлый день идетъ сильный бой, что Келлеръ смертельно раненъ, генералъ Гершельманъ отброшенъ, князь Д.—въ очень опасномъ положеніи, терско-кубанскій полкъ зашелъ японцамъ въ тылъ и, вѣроятно, погибнетъ.—Ты себѣ легко представишь, какое впечатлѣніе должны были произвести на меня всѣ эти извѣстія въ эту мрачную ночь, въ маленькомъ закоптѣломъ кабачкѣ, полученныя отъ офицера, только-что выскочившаго, какъ онъ выражался, „изъ грязной исторіи“. Онъ разговорился и сталъ отводить душу. Не смѣю даже повторить всего, чтò онъ говорилъ, но впечатлѣніе отъ его словъ получалось удручающее: такому-то было приказано начать бой ночью,—онъ началъ его только утромъ, когда было свѣтло; другого предупреждали не идти такой-то дорогой, а непремѣнно другой, такъ какъ иначе онъ рискуетъ всей своей частью, а онъ повелъ ее именно по запрещенной дорогѣ, вслѣдствіе чего массу потерялъ, вò-время не пришелъ и способствовалъ проигрышу боя, и т. д., и т. д.

Мы съѣли по яичницѣ, выпили по стакану чая и всѣ вмѣстѣ выѣхали.

— Евгеній Сергѣевичъ, разскажите что-нибудь! — проситъ мой бѣдный спутникъ, чтобы отвлечься.

— Что̀ я могу вамъ разсказать послѣ всего, что̀ слышалъ: языкъ присохъ у меня къ гортани.

Мы разстались около самаго Холангоу. Сотникъ поѣхалъ въ лагерь, а мы—въ этапный лазаретъ харьковскаго земства.

Тамъ уже лежало свыше ста раненыхъ. Князь Ширинскій-Шихматовъ досказалъ намъ новости: графъ Келлеръ убитъ, докторъ Ивенсенъ, старшій врачъ 6-го московскаго летучаго отряда, раненъ въ ногу; сейчасъ идетъ военный совѣтъ, обсуждающій вопросъ, держаться ли на позиціяхъ, или отступать.

Мрачность ночи все сгущалась.

Я прошелъ къ тѣлу Келлера (раненые были уже всѣ перевязаны); оно стояло подъ шатромъ Краснаго Креста, любовно убраннымъ княземъ Ширинскимъ разнообразной зеленью; двѣ свѣчи тускло освѣщали послѣднее земное жилище храбраго воина; два солдата стояли на часахъ у тѣла. Съ глубокимъ чувствомъ поклонился я останкамъ, едва приведеннымъ въ человѣкоподобный видъ и закутаннымъ кисеей. Кто знаетъ, не есть ли это самый счастливый удѣлъ русскаго гражданина въ настоящую тяжелую годину?!

Князь ушелъ узнать результатъ совѣщанія военачальниковъ, а я остался поджидать его. Вдругъ въ темнотѣ раздались стоны, и справа отъ меня показалась черная вереница носилокъ, съ которыхъ и долетали эти стоны на разные голоса.

Мы еще распредѣляли этихъ раненыхъ по палаткамъ этапнаго Харьковскаго лазарета, когда вернулся Ширинскій и объявилъ, что рѣшено отступать и раненыхъ приказано немедленно эвакуировать. Было 2½ часа утра. На чемъ и какъ эвакуировать? Стали разсортировывать несчастныхъ, и раненымъ въ руку, только-что уснувшимъ послѣ пережитыхъ душевныхъ и физическихъ напряженій, было предложено идти пѣшкомъ. Ширинскій остановилъ ѣхавшія мимо пять санитарныхъ двуколокъ, въ одной изъ которыхъ едва растолкали измученнаго заснувшаго врача, и попросили его взять съ собой человѣкъ двѣнадцать, которые идти не могли. Я отдалъ фудутунку Краснаго Креста, въ которой пріѣхали наши вещи, раненымъ, чтобы перевезти еще троихъ. Осѣдлали лошадей и думали и ихъ отдать подъ раненыхъ, когда подошелъ еще цѣлый транспортъ пустыхъ санитарныхъ двуколокъ. Усадили всѣхъ, кого было можно, оста-

лись только такіе, которыхъ необходимо было нести на носилкахъ. Но кто ихъ понесетъ? Китайцы наотрѣзъ отказались. Спасителями явились саперы съ своимъ милѣйшимъ офицеромъ, капитаномъ Субботинымъ, которые принесли раненыхъ; они и понесли ихъ дальше и захватили еще новыхъ. Наконецъ, пришли санитары съ носилками изъ дивизіоннаго лазарета, и всѣ больные были унесены. Унесли и графа Келлера, положеннаго въ неимовѣрной тяжести гробъ, за ночь сколоченный солдатиками.

Къ этому времени солнце уже ярко горѣло на небѣ, освѣщая все по-своему и отогрѣвая измученныя души. Шла рѣчь о томъ, какъ хорошо шелъ бой, какая была бы славная побѣда, если бы не такой-то полкъ; что съ княземъ Д. ничего не случилось; что терско-кубанскій полкъ благополучно вернулся, и т. д. Никакія осадныя орудія, которыхъ боялись ночью, не стрѣляли, и сестры лазарета, уложивъ вещи, тоже благополучно уѣхали. Ковалевскій остался укладывать оставшееся имущество, а я пустился въ обратный путь. Встрѣчаю молодого офицера, съ которымъ познакомился въ Ляоянѣ, гдѣ онъ навѣщалъ одного изъ нашихъ уполномоченныхъ. Онъ былъ у Ренненкампфа и занимался развѣдками. Каждое утро выѣзжалъ онъ съ 16-ью казаками искать японцевъ, постоянно на нихъ натыкался и замучился такъ, что въ Ляоянѣ находили его сильно измѣнившимся и изнервничавшимся.

— Знаете,—разсказывалъ онъ тогда,—иной разъ выѣзжаешь такой бодрый и все ничего; встрѣтишь японцевъ, скомандуешь—и все такъ покойно; но иной день такъ скверно себя чувствуешь, что такъ бы и удралъ отъ нихъ, ей Богу.

Теперь онъ имѣлъ довольный видъ, солнце играло и на немъ, и въ немъ.

— А знаете, докторъ, вѣдь я перехватилъ транспортъ, ей Богу! хоть паршивый, но перехватилъ, ужъ и въ газетахъ объ этомъ было, ей Богу! Вы не читали?

Милое его улыбающееся лицо само дѣйствовало на меня, какъ солнце, и я поѣхалъ пріободренный, не замѣчая, что не спалъ ночь.

Дорогой я нагонялъ раненыхъ, которыхъ несли, и слѣдилъ за ними; на первомъ этапѣ вздремнулъ два часа, затѣмъ пріѣхалъ въ Чинертунь, около котораго и теперь стоимъ, а къ вечеру добрался до военнаго госпиталя, куда прибыли всѣ наши раненые и гдѣ и я переночевалъ.

XII.—Въ Восточномъ отрядѣ.

Кофенцзы, 26-ое іюля 1904 года.

Пользуясь дождемъ и затишьемъ—навѣрное передъ бурей—я расписался эти дни. Въ эти междубоевые періоды часто испытываешь малодушное состояніе больного, которому предстоитъ неизбѣжная операція: можетъ быть, чѣмъ раньше она состоится, тѣмъ лучше, но онъ радъ всякой оттяжкѣ, — то операціонная комната не готова, то докторъ прихворнулъ, и т. д. Такъ и я: знаю, что бои должны быть и большіе, и много ихъ, и, можетъ быть, иногда чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, но радуешься невольно, когда они оттягиваются, представляя себѣ, сколько опять горя и страданій они должны съ собой принести.

Но такое настроеніе опять-таки развивается преимущественно въ Ляоянѣ. Здѣсь, въ лагерѣ, оно гораздо болѣе боевое, и даже переутомленные офицеры тяготятся затяжкой бездѣйствія. Въ иныхъ полкахъ настроеніе даже очень бодрое, такъ-что радостно на нихъ смотрѣть.

Вообще, солдаты и офицеры въ огромномъ большинствѣ случаевъ дерутся великолѣпно; не всегда удачно бываетъ, повидимому, болѣе высокое командованіе, и вѣчная бѣда, что приказъ къ отступленію приходитъ и неожиданно, и не всюду одновременно, и часто несоотвѣтственно, какъ будто, положенію дѣла, такъ что многое изъ того, что̀ говорилъ мой знакомый сотникъ, къ сожалѣнію, кажется, справедливо.

Во всякомъ случаѣ мы еще въ недостаточной количественной силѣ, и трудности, съ которыми нашимъ войскамъ приходится бороться, громадны. Но русскій человѣкъ ко всему примѣняется, и многіе полки уже бѣгаютъ по сопкамъ не хуже японцевъ. Большое преимущество нашего врага въ томъ еще, что онъ черезъ китайцевъ отлично о насъ освѣдомленъ, мы же знаемъ о немъ только то, что̀ сами раздобудемъ.

Стойкости японскихъ войскъ и стратегическихъ способностей ихъ военачальниковъ здѣсь никто не отрицаетъ. Самъ Куроки, говорятъ, даже боленъ ревматизмомъ, его носятъ на носилкахъ, но ему особой подвижности и не нужно: со всѣми позиціями онъ соединенъ телефономъ, обо всемъ происходящемъ онъ каждую минуту освѣдомленъ, можетъ немедленно отдать любое распоряженіе и такимъ образомъ объединяетъ дѣйствія всей своей арміи. Кромѣ того, у японцевъ отлично организована система сигнали-

заціи флагами во время боя. Пользуются они и геліографомъ, по ночамъ рыщутъ съ какими-то огнями по горамъ. Словомъ, многому можно намъ у нихъ поучиться.

Въ Восточномъ отрядѣ, впрочемъ, очень хорошо: позиціи тоже соединены между собой телефонами, настроеніе въ штабѣ разумное и бодрое, у всѣхъ готовность биться до послѣдней капли крови и—что особенно важно—вѣра въ возможность побѣды. Дай имъ, Боже, успѣха!

Удивительно, какъ отличается лагерь отъ лагеря. Здѣсь лагерь имѣетъ характеръ боевой, дѣловой, серьезный, въ Кудзяцзы—казовой и эффектный: пѣсни, музыка, воздушный шаръ. Тамъ я былъ какъ разъ въ очень подавленномъ состояніи, и эти пѣсни раздражали меня: мнѣ слышалась въ нихъ фальшь...

За эту недѣлю, что я въ Восточномъ отрядѣ, я отдохнулъ и снова значительно окрѣпъ нервами. Я высыпаюсь здѣсь, несмотря на крайне жесткое ложе (еще я сплю на буркѣ, которую мнѣ уступаетъ одинъ изъ моихъ сожителей, студентъ летучаго отряда, Перримондъ, большой молодецъ, работавшій въ послѣднемъ бою цѣлый день на батареѣ); ѣда наша крайне умѣренная и дѣла я сейчасъ не имѣю никакого. Я остался здѣсь временно, до присылки уполномоченнаго Восточнаго отряда вмѣсто князя Ширинскаго, и, какъ будто, забытъ начальствомъ. Пока я этимъ только доволенъ, но сейчасъ отрѣзанъ отъ Ляояна на неопредѣленное время: послѣ одного дня дождя рѣка мѣстами уже стала непроходима, и казакъ, чтобы свезти въ штабъ донесеніе, долженъ былъ раздѣться, положить донесеніе въ фуражку, снять сѣдло съ лошади и поплыть рядомъ съ нею. Я же доѣхалъ до рѣки и вернулся назадъ въ свою деревню.

Радуюсь своей задержкѣ еще и потому, что это дастъ мнѣ, я надѣюсь, возможность посмотрѣть на дѣлѣ работу летучихъ отрядовъ. Жизнь я ихъ уже вижу. Внѣ дѣла — это мытарство: безъ всякихъ удобствъ, безъ настоящаго питанія, безъ книгъ и духовной пищи, жизнь въ грязи и отчаянной скукѣ, когда начинаютъ, какъ три сестры у Чехова, стонать: „въ Москву, въ Москву!". Я этого, конечно, не испытываю, такъ какъ первые дни все ѣздилъ верхомъ: одинъ день объѣхалъ наши позиціи съ генераломъ Кашталинскимъ и полковникомъ Орановскимъ (начальникомъ штаба отряда), другой—отыскивалъ мѣсто для перваго летучаго отряда, третій — устраивалъ Курляндскій отрядъ, на четвертый—выдѣлялъ изъ Курляндскаго отряда еще меньшихъ размѣровъ летучку для отряда генерала Грекова; на пятый день

ѣздилъ въ Сяолинцзы, въ Евгеніевскій госпиталь,—послѣдніе же два дня сижу и пишу, „какъ поденщикъ“. Такъ я могъ бы выдержать долго, но на завтра китайцы предвѣщаютъ бой.

Когда китайцы ожидаютъ, что будетъ „война“, какъ они говорятъ, они увозятъ своихъ „бабушекъ“, „мадамъ“ и дѣтей въ горы. Наши хозяева сдѣлали это уже нѣсколько дней тому назадъ и съ горя стали курить опій и пить свою отчаянную китайскую водку—ханшинъ, отъ которой наши солдатики иногда умираютъ, а въ лучшемъ случаѣ и на второй, и на третій день пьянѣютъ лишь только выпьютъ стаканъ воды. Ханшинъ и опій приводятъ китайцевъ въ разслабленное довольное состояніе, и они дѣлаются смѣшливы. Къ намъ, своимъ непрошеннымъ гостямъ, они относятся вполнѣ дружелюбно, а двое изъ нихъ особенно ко мнѣ расположены: при видѣ меня улыбаются, повторяя каждый разъ: „капитанъ шанго“. Чрезвычайно ихъ интересуетъ мое утреннее мытье, изъ котораго они дѣлаютъ себѣ цѣлое зрѣлище.

Кофенцзы — славная деревушка съ довольно обширными и чистыми фанзами и славными огородами при каждой изъ нихъ. Бобы и огурцы вьются по тщательно переплетеннымъ гаоляновымъ прутьямъ и по каменнымъ стѣнкамъ, отдѣляющимъ одинъ домъ отъ другого. Тутъ ростутъ и баклажаны, и дыни своеобразнаго вида, — маленькія, но очень недурныя на вкусъ, — посажены гряды лука, въ иныхъ деревняхъ—цѣлыя красивыя поля мака. Нигдѣ я не видалъ столько женщинъ, какъ въ этой деревнѣ. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что здѣсь народъ, повидимому, побогаче, и кто можетъ себѣ позволить эту роскошь, тотъ имѣетъ и двухъ, и трехъ женъ. На иныхъ дворахъ женщины, какъ только появишься, закрываютъ быстро окна, на другихъ онѣ менѣе боязливы и только скромно прячутся, если замѣчаютъ направленный на нихъ взоръ. Когда входишь въ фанзу, китаецъ-хозяинъ любезно приглашаетъ въ лѣвую (бо́льшую) мужскую половину ея, проситъ сѣсть: „Садиза!“—иногда вынимаетъ изо рта трубку и предлагаетъ: „Кури, кури“. Но, когда хочешь войти изъ сѣней въ правую дверь, хозяинъ передъ ней останавливается, придерживая ее, и почти шопотомъ предупреждаетъ: „Мадамъ сипи́, сипи́“. И дѣйствительно, тамъ постоянно какая-нибудь „мадамъ“ спитъ. Китайцы очень берегутъ своихъ женщинъ, которымъ предоставляютъ, повидимому, только домашнюю работу, на поляхъ же и въ огородахъ работаютъ почти исключительно мужчины; только однажды случилось мнѣ видѣть двухъ китаянокъ, срывающихъ головки мака.

Высоко цѣня счастье семейнаго очага, китайцы на всѣхъ

своихъ издѣліяхъ изображаютъ его эмблемы, часто весьма своеобразныя. Такъ, летучая мышь у нихъ эмблема семейнаго счастья, лягушка—эмблема любви. Квакаютъ онѣ здѣсь сотнями голосовъ па два тона, съ беззастѣнчивостью привилегированныхъ особъ, и такъ громко, такъ неумолчно, что люди чуть понервнѣе отъ этого не могутъ спать. Стóитъ выпасть днемъ дождю, чтобы къ вечеру онѣ уже затянули свою пѣснь любви. И съ какимъ благоговѣніемъ слушаютъ подчасъ эту пѣсню китайцы! Я видѣлъ одного, который стоялъ передъ лужей, не отрывая глазъ отъ невидимаго хора,—наконецъ, даже на корточки присѣлъ, чтобы слушать съ полнымъ удобствомъ. Китайцы вообще народъ очень гибкій и на корточкахъ сидятъ, видимо, съ такимъ же удобствомъ, съ какимъ мы сидимъ на креслѣ. Рыба у нихъ тоже прикосновенна къ семейному счастью, и молодымъ на свадьбу принято дарить чашку съ двумя рыбами. Наконецъ, аистъ имѣетъ, надо думать, то же значеніе, что и въ Европѣ, почему въ необыкновенной шпилькѣ, изображающей розу съ удивительными листками, ты найдешь и рыбъ, и лягушку, и аиста, и лотосъ — цвѣтокъ вѣрности.

Китайцы несомнѣнно очень чадолюбивы. Они нѣжны съ дѣтьми, и я никогда не видалъ, чтобы они ихъ наказывали или били. Зато не видалъ я и дракъ между дѣтьми. Вообще, дѣтишки китайскія—славныя, только отчаянно грязныя. Манеры, игры и плачъ ихъ совершенно общедѣтскія, рожицы часто очень миловидныя; всѣ они черноглазыя. Лѣтомъ маленькія дѣтки если не совсѣмъ голы (въ большую жару и взрослые китайцы работаютъ совершенно нагишомъ), то имѣютъ въ высокой степени упрощенный костюмъ, состоящій изъ одного передника, висящаго на шеѣ и прикрывающаго только грудь и животъ. Такіе передники носятъ, повидимому, рѣшительно всѣ китайцы подъ своимъ обычнымъ платьемъ, иные даже на серебряной цѣпочкѣ. Большею частью эти передники вышиты, иногда очень красивымъ узоромъ, синимъ по бѣлому. На нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы даже карманы. Взрослые китайцы, когда жарко, ходятъ большею частью только въ однихъ панталонахъ, а выше—или ничего, или такой передникъ. Панталоны у нихъ широкія, но около щиколотокъ туго обтянутыя; сверху они надѣваютъ еще рабочія панталоны, устройство которыхъ я долго не могъ понять вслѣдствіе ихъ страннаго вида: они завязываются такъ же низко, какъ и другая пара, но выше закрываютъ только переднюю часть голени, колѣни и нѣсколько выше ихъ кончаются, привязываясь тесемками къ поясу. Это, такъ сказать, мужской передникъ, который китайцы

послѣ работы снимаютъ; но пока они въ немъ, особенно сзади, это имѣетъ препотѣшный видъ. Ужасно уродлива у нихъ эта бритая передняя половина головы; не понимаю, зачѣмъ это они дѣлаютъ. Скорѣе миришься съ ихъ косой, которую они часто кладутъ вѣнцомъ на голову, напоминая тогда, при извѣстныхъ типахъ, древнихъ римлянъ въ вѣнкахъ.

...Я лично не видалъ еще ни одного насилія русскихъ надъ китайцами,—вижу напротивъ, что за все, за всякую потраву, за всякую вещь, китайцы получаютъ большія, согласно ихъ требованіямъ, деньги; что они часто подходятъ къ „капитану" съ жалобой на того или другого солдата, будто онъ ему денегъ не заплатилъ или срываетъ незрѣлую кукурузу. Эти жалобы доказываютъ, по-моему, ихъ увѣренность, что подобные поступки солдатъ наказуются, и нерѣдко такія обвиненія бываютъ просто шантажными. Такъ, мнѣ разсказывали, какъ одинъ китаецъ, которому не удалось съ обоихъ денщиковъ офицера получить по полтиннику за одну и ту же курицу, сталъ бить себя лицомъ объ дверь и выть. Вбѣжавшій офицеръ, увидавъ китайца въ крови, хотѣлъ сильно наказать денщиковъ, да дѣло объяснилось.

Высказывается, однако, и противоположное мнѣніе. Конечно, отдѣльные случаи безобразій не могутъ не перепадать, но мнѣ невольно вспоминается разсказъ про одного этапнаго коменданта, который, вопреки своимъ обязанностямъ, не давалъ казакамъ сѣна безъ денегъ. Денегъ у казака нѣтъ, а лошадь свою онъ кормить долженъ, ибо что такое казакъ безъ лошади? Ну, и перерубили казаки китайцу руку и отняли у него солому. Кто же наталкивалъ ихъ на разбой, спрашивается?

...Когда я въ Кудзяцзы навѣщалъ наши отряды, я поѣхалъ отыскивать Курляндскій. Въѣзжаемъ въ ближайшую деревню и натыкаемся на казаковъ съ оголенными шашками, офицеръ—съ револьверомъ въ рукѣ.

— Что случилось?—спрашиваемъ.

— Сейчасъ изъ гаоляна хунхузы казака ранили и скрылись въ этой деревнѣ.

Деревню сейчасъ оцѣпили казаки, встрѣчныхъ китайцевъ всѣхъ задержали, и, черезъ нѣкоторое время (мы уже проѣхали тогда дальше) поймали двадцать хунхузовъ и между ними двухъ японцевъ.

Былъ еще случай, когда я чуть не попалъ подъ пули хунхузовъ.

Есть у насъ на одной изъ станцій ближе къ Харбину, въ Шуанмяоцзы, госпиталь казанскаго дворянства. Я пріѣхалъ туда

въ 11 часовъ вечера, благополучно прошелъ мимо часовыхъ, которые изъ темноты вдругъ громко окликаютъ: „кто идетъ?“ (скорѣе отвѣчаешь: „свой!“ чтобы не стрѣляли) и пришелъ въ домикъ, занимаемый врачами и сестрами. Старшій врачъ госпиталя Н. сталъ разсказывать мнѣ, какъ на дняхъ было нападеніе хунхузовъ на ихъ станцію, какъ нѣсколько пуль попало даже въ крышу госпиталя, и какъ вчера хунхузы опять обстрѣливали неподалеку воинскій поѣздъ; что ихъ — три эскадрона подъ начальствомъ японскихъ офицеровъ, и что на фуражкахъ убитыхъ хунхузовъ найдена японская надпись „Великая Японія“.

Въ это время вдругъ слышимъ свистъ и щолкъ, свистъ и щолкъ.

— Ну, вотъ, вотъ опять! — заволновался бѣдный докторъ, затушилъ скорѣе лампу, согласно приказанію пограничной стражи — а то стрѣляютъ на огонь, — и сталъ успокаивать меня изъ темноты.

— Вы не бойтесь, сейчасъ перестанутъ.

Его помощникъ, второй врачъ госпиталя, Крамеръ, всталъ съ постели, куда уже улегся на ночь, и пошелъ въ госпиталь на случай прихода раненыхъ. Хорошія условія работы!

Стрѣльба, дѣйствительно, сейчасъ прекратилась: пограничная стража пошла усмирять разбойниковъ.

Видѣлъ я хунхузовъ и вблизи: двое лечились въ Георгіевскомъ госпиталѣ отъ побоевъ, полученныхъ при дознаніи (китайцы при допросѣ подвергаютъ пыткамъ), хотя имъ предстояла смертная казнь. Видъ у нихъ былъ обычныхъ китайцевъ, но они были крупнѣе и мрачнѣе, прямо злѣе, но вѣдь и въ другихъ же условіяхъ!

Однажды видѣлъ я красиваго, большого, пріятнаго хунхуза, ихъ полковника, вошедшаго, со своими солдатами, въ извѣстный отрядъ полковника Мадритова. Онъ дрался за насъ, былъ раненъ, и я засталъ его во время перевязки. Онъ очень благодарилъ за нее, но отказался лечь въ госпиталь и объявилъ, что пойдетъ курить опій. Никогда еще не казалось мнѣ столь умѣстнымъ это употребленіе опія...

XIII.—Въ ожиданіи боя.

28-го іюля 1904 года. Кофенцзы.

Ложимся мы здѣсь спать довольно рано, не позже одиннадцати, а подъ-утро спишь уже сквознымъ сномъ: съ одной сто-

роны, бока разболятся отъ жесткаго ложа, съ другой—невольно прислушиваешься къ жизни лагеря, не начинается ли, молъ, что, и присматриваешься къ небу; съ третьей—начинаютъ одолѣвать мухи. Это настоящія мухи-назои, которыя называются здѣсь нѣкоторыми египетскою казнью. Обиліе ихъ, дѣйствительно, неимовѣрное, и, глядя на нихъ, я себѣ ясно представляю, какъ могутъ японцы намъ досаждать уже одною своею численностью. Мухи покрываютъ собою все съѣстное, такъ что все приходится защищать колпаками, для чего пользуются обычными китайскими соломенными шляпами конической формы; чуть на столѣ появится кусокъ сахару, онъ тотчасъ дѣлается чернымъ отъ насѣвшихъ на него мухъ; потолки черны и отъ мухъ, и отъ ихъ слѣдовъ; пока стоитъ рюмка вина или ты пьешь чай, тебѣ неоднократно приходится вылавливать оттуда утопленницъ; иной разъ вздохнешь неосторожно, и тебѣ въ горло попадаетъ муха; чтобы спастись отъ нихъ, тебѣ нужно и окна, и двери затянуть кисеей, первыя никогда не открывать, вторыя держать на блокѣ, чтобы онѣ были открыты только когда пропускаютъ человѣка; гдѣ этого нѣтъ—облегчаешь свое существованіе вѣеромъ, который заводятъ здѣсь почти всѣ въ борьбѣ со страшной жарой. Китайцы всѣ ходятъ съ вѣерами, даже самые бѣдные (намъ продаютъ вѣера по пятнадцати копѣекъ), а отъ мухъ у нихъ особыя опахала изъ конскихъ волосъ. Я тоже ложусь спать съ вѣеромъ (окна у насъ въ фанзѣ, конечно, никогда не запираются) и подъ утро обмахиваюсь имъ, иногда даже во снѣ.

Боя все нѣтъ, и я продолжаю писать.

Слѣдовало бы брать примѣръ съ солдатиковъ. Спрашиваю одного раненаго въ Евангелическомъ госпиталѣ, котораго засталъ за письмомъ.

— Чтò, другъ, домой пишешь?

Обыкновенно лицо солдатика при этомъ засіяетъ.

— Домой,—говоритъ.

— Чтò же, описываешь, какъ тебя ранили (онъ былъ раненъ легко) и какъ ты молодцомъ дрался?

— Никакъ нѣтъ, пишу, что живъ и здоровъ, а то бы старики страховаться стали.

Вотъ оно—величіе и деликатность простой русской души!

Въ томъ же Евангелическомъ госпиталѣ была слѣдующая трогательная сцена. Куропаткинъ обходилъ раненыхъ и раздавалъ георгіевскіе кресты. Получилъ и одинъ фельдфебель или унтеръ-офицеръ 34-го сѣвскаго полка. Разспросивъ, по обыкновенію, раненаго о дѣлѣ и похваливъ за него: „хорошо рабо-

тали", Куропаткинъ своимъ громкимъ, покойнымъ голосомъ, передавая ему знакъ военнаго отличія, говоритъ:

— Именемъ Государя Императора поздравляю тебя кавалеромъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокопревосходительство!— молодецки выкликаетъ раненый.

— Теперь тебѣ всюду и всегда почетъ будетъ за этотъ крестъ. Постарайся его еще разъ заслужить,—продолжаетъ Куропаткинъ и отходитъ.

— Радъ стараться, ваше высокопревосходительство!—громко раздается ему вслѣдъ.

Такъ обошелъ онъ вѐсь баракъ и вышелъ. Я задержался за какими-то разспросами, когда меня остановилъ новый кавалеръ 34-го сѣвскаго полка и въ волненіи заговорилъ:

— Ваше высокородіе, я еще долженъ доложить, я непремѣнно долженъ доложить его высокопревосходительству...

— Чтò, другъ?

— Меня командиръ полка отъ плѣна японскаго спасъ; когда я былъ раненъ, онъ мнѣ отдалъ свою лошадь и велѣлъ скорѣе везти. Я непремѣнно долженъ это доложить,—повторялъ со слезами на глазахъ благодарный солдатикъ.

— Хорошо, я передамъ.

На первомъ же обѣдѣ у Куропаткина я разсказалъ ему это.

— За такимъ командиромъ — сказалъ онъ,—конечно, весь полкъ, какъ одинъ человѣкъ, пойдетъ.

Черезъ нѣсколько времени въ Кудзяцзы мнѣ пришлось обѣдать у Куропаткина какъ-разъ рядомъ съ этимъ командиромъ. Это оказался высокій, полный, съ большой бѣлокурой бородой и добродушнымъ лицомъ человѣкъ. Я разсказалъ ему все, чтò написалъ тебѣ, и онъ былъ, видимо, доволенъ.

— Повидимому, солдатикъ увѣренъ, что вы сами рисковали плѣномъ японскимъ, когда отдали ему свою лошадь. Вѣрно ли это?

— Нѣтъ, конечно, этого риска не было, но онъ все вѣрно разсказалъ.

Послѣ этого обѣда Куропаткинъ собралъ у себя въ палаткѣ всѣхъ полковыхъ командировъ и другихъ начальниковъ частей и сказалъ имъ, какъ мнѣ потомъ передавали слышавшіе, блестящую импровизированную рѣчь. Онъ очертилъ имъ весь ходъ истекшей кампаніи, описалъ дальнѣйшіе планы, указалъ на назначеніе 10-го корпуса и коснулся нѣкоторыхъ, замѣченныхъ имъ, недостатковъ.

— Мы не привыкли,—говорилъ онъ,—къ горной войнѣ, и думаемъ ужъ, что трудности ея непреодолимы. Такое представленіе передается отъ офицеровъ и нижнимъ чинамъ. Между тѣмъ, къ ней можно пріучиться,—нужно только упражняться.

На другой же день солдатъ стали заставлять брать приступомъ сопки или, какъ ихъ здѣсь нѣжно называютъ, „сопочки". Пошли на одну изъ нихъ и генералы осматривать позиціи, но одинъ, бѣдняга, отсталъ на первой трети и сталъ взывать о помощи: онъ не могъ ужъ сойти—такъ у него кружилась голова. Красный Крестъ и тутъ помогъ.

— Ну, вотъ, — говорилъ бѣдный генералъ, спустившись,—а я, пѣхотный генералъ, говорятъ, долженъ видѣть все расположеніе моихъ частей,—ну, гдѣ мнѣ съ моимъ сердцемъ!

— Да зачѣмъ вамъ самому, ваше превосходительство, у васъ есть замѣститель,—утѣшаетъ его другой генералъ.

— Да онъ совсѣмъ не можетъ по горамъ ходить!—съ отчаяніемъ воскликнулъ первый:—отяжелѣли мы, засидѣлись!

XIV.—Въ Евгеніевскомъ госпиталѣ.

1-ое августа 1904 г. Сяолинцзы.

Удивительная энергія у этого талантливаго человѣка Н. Н. Исаченко, не могу на нее налюбоваться! Если бъ ты видѣла, что̀ онъ, вмѣстѣ съ уполномоченнымъ, графомъ П. Н. Апраксинымъ, другими врачами и сестрами создалъ въ Евгеніевскомъ госпиталѣ?! Нанявъ нѣсколько жалкихъ фанзъ на склонѣ горы, онъ часть ея срылъ, образовалъ двѣ террасы, на одной расположилъ хирургическихъ больныхъ (ближе къ перевязочной), на другой—терапевтическихъ, все въ шатрахъ, соединенныхъ между собою брезентами и вытянутыхъ въ линію, и свою палатку поставилъ такъ, что отъ нея виденъ весь госпиталь; по всему участку проложилъ дорожки и прорылъ канавки; установилъ правильную выносную систему человѣческихъ отбросовъ; устроилъ церковь въ шатрѣ и образовалъ хоръ изъ сотрудниковъ и выздоравливающихъ. Больныхъ ведетъ и относится къ нимъ идеально. Всѣ чрезвычайно милые люди, евгеніевцы пріобрѣли и массу личныхъ друзей, благодаря которымъ они для своего госпиталя, пользующагося во всемъ Восточномъ отрядѣ самой блестящей репутаціей и любовью, въ различныя трудныя минуты со всѣхъ сторонъ получаютъ необходимую помощь. Только отъ нихъ я и слышу о нашемъ движеніи впередъ, о наступленіи на

японцевъ, какъ о чемъ-то реальномъ, что̀ будетъ непремѣнно, и я самъ начинаю вѣрить, что оно можетъ наступить, даже скоро.

Теперь ихъ все отзывали отсюда, въ виду нашего отступленія, приказывали сниматься, а я все отстаивалъ, и госпиталь удержался, продолжая приносить свою громадную пользу. Все, безъ чего можно обойтись, отослано въ Ляоянъ, и все-таки всего еще достаточно.

Пришлось отослать и иконостасъ, и шатеръ, въ которомъ такъ мило была устроена церковь, но служба все-таки продолжается: по канавкѣ, которой былъ окруженъ церковный шатеръ, натыкали сосенокъ, сдѣлали изъ нихъ Царскія Врата, поставили одну сосенку за алтаремъ, другую—впереди передъ аналоемъ, приготовленнымъ для молебна; на двѣ послѣднія сосенки повѣсили по образу—и получилась церковь, которая казалась еще ближе всѣхъ другихъ къ Богу потому, что стоитъ непосредственно подъ Его небеснымъ покровомъ. Его присутствіе чувствовалось въ ней больше, чѣмъ въ какой-либо другой, и такъ вспоминались слова Христа: „Гдѣ двое или трое соберутся во Имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ". Эта всенощная среди сосенъ въ полутьмѣ создавала такое чудное молитвенное настроеніе, что нельзя было не подтягивать хору и не уйти въ молитву, забывъ всѣ житейскія мелочи...

Это было въ субботу вечеромъ, въ тотъ самый вечеръ, когда на нашихъ горахъ, „сихъ проклятыхъ цопкахъ", какъ ихъ называютъ солдатики, впервые за эту кампанію раздалось наше радостное русское „ура". Я возвращался въ это время изъ штаба, расположеннаго въ сосѣдней деревнѣ въ Чинертунѣ, и какъ ни былъ далекъ отъ ожидавшагося событія, сейчасъ же предположилъ, что родился Наслѣдникъ, ибо какое другое событіе могло насъ теперь порадовать?!

Какъ разъ въ Сяолинцзы расположенъ тотъ славный 12-ый полкъ, шефомъ котораго назначенъ Наслѣдникъ.

Вечеромъ третьяго дня раздавались музыка и пѣніе, и вчера съ утра тоже. Въ это время въ нашей сосновой церкви шла обѣдница; едва затихало церковное пѣніе—къ намъ летѣли звуки бравурнаго марша, напоминая мнѣ церковную католическую процессію во время состязанія автомобилей, видѣнную нами съ тобой въ Полланцѣ. Тогда мы чувствовали въ этомъ совпаденіи борьбу церкви съ мірскимъ началомъ,—теперь, наоборотъ, эти противоположные мотивы звучали въ унисонъ: такъ, казалось, въ счастливой душѣ сливаются пѣсни радости съ благодарной молитвой къ Богу.

Послѣ службы мы пошли на площадь, гдѣ были выстроены именинный 12-ый полкъ и другіе, въ ожиданіи начальства и молебна. Пріѣхалъ начальникъ Восточнаго отряда Н. І. Ивановъ со штабомъ (изъ Чинертуни).

— Здравствуй, славный 12-ый полкъ! — раздалось на площади, „покоемъ“ окруженной войсками. Грянулъ отвѣтъ; поздравленіе продолжалось, мы пошли туда. Въ это время вдали появился генералъ Бильдерлингъ, командующій всѣмъ восточнымъ флангомъ. Онъ со всѣми поздоровался, обошелъ войска и пригласилъ всѣхъ въ середину каррэ къ молебну. Передъ аналоемъ стали знамена 11-го и 12-го полковъ. Я залюбовался знаменщиками, георгіевскими кавалерами, особенно однимъ изъ нихъ, высокимъ бѣлокурымъ молодцомъ съ двумя Георгіями. Съ какой счастливой гордостью держалъ онъ это воплощеніе идеи полка, идеи ихъ единства и вѣрности Царю и Отечеству, съ какой нѣжностью подносилъ, вѣрнѣе—опускалъ его передъ священникомъ для окропленія святой водой! Совсѣмъ какъ любящая и гордая своимъ ребенкомъ мать подноситъ его къ причастію...

Передъ молебномъ священникъ 12-го полка, въ бою подъ сильнымъ огнемъ причащавшій умирающихъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе, сказалъ нѣсколько простыхъ и сердечныхъ словъ, на тему о томъ, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Его громкій голосъ яснымъ эхо раздавался надъ ближайшей горой въ направленіи къ Ляояну, и казалось, что эти звуки изъ нашего жуткаго далека такъ и будутъ скакать съ горы на гору къ нашимъ роднымъ и близкимъ, въ нашу бѣдную, дорогую отчизну пастыря для того, чтобы и вы всѣ, родные, услыхали ихъ...

Послѣ молебна генералъ Бильдерлингъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, и оркестры двухъ полковъ грянули „Боже, Царя храни!“ Темпераменты обоихъ капельмейстеровъ оказались совершенно разными: одинъ велъ торжественнымъ „andante“, другой—радостнымъ, ликующимъ „allegro“. Послѣ первыхъ же звуковъ, вмѣсто чуднаго величественнаго гимна, послышалась трудно понятная какофонія. Такъ-то, — подумалъ я, — и наши русскія сердца, даже одинаково преданныя своему Царю, бьются и звучатъ совершенно по разному, и что изъ этого получается?! А когда въ тотъ же хоръ вплетаются еще души, настроенныя не на нашъ гимнъ, а на „Wacht am Rhein“, или марсельезу, или камаринскую?!

Въ 12½ часовъ дня, въ 12-мъ полку былъ обѣдъ, на который и мы всѣ были приглашены. Знаменитый полковой коман-

диръ, полковникъ Цыбульскій, необыкновеннаго, какъ говорятъ, хладнокровія въ бою, встрѣчалъ гостей. Большой шатеръ былъ убранъ зеленью, скамейки—покрыты синей китайской матеріей; изъ солдатскихъ палатокъ—сдѣланъ второй шатеръ, въ которомъ, за недостаткомъ скамеекъ, были вырыты канавки: въ нихъ гости ставили свои ноги, садясь на землю, покрытую зеленью, и имѣя другую сторону канавки столомъ. Тѣмъ не менѣе, обѣдъ былъ обильный и яствами, и питьемъ, и тостами, и прошелъ очень мило и оживленно. Очень кстати выпалъ и на нашу долю праздникъ, — маленькій отдыхъ многимъ измученнымъ душамъ; какъ чувствовалось это въ различныхъ рѣчахъ и пр.!

Бильдерлингъ оставался долго и сказалъ офицерамъ-хозяевамъ очень милое слово: „Однажды Наполеонъ разспрашивалъ своихъ приближенныхъ, кто имѣлъ какихъ знаменитыхъ предковъ. Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ знатныхъ людей среди своихъ предковъ, но постарается, чтобы потомки его имѣли такого. Вотъ вы, господа, являетесь такими предками, которыми потомки ваши будутъ гордиться“, и т. д.

Въ отвѣтъ на тостъ за мое здоровье, я просилъ слова и разсказалъ, какъ былъ пораженъ мужествомъ и терпѣніемъ, съ которыми раненые подъ Тюренченомъ переносили свои страданія, въ глубокомъ убѣжденіи, что они дѣлаютъ свое великое дѣло за Царя и Отечество. „Они умѣли биться, умѣли и страдать“, — сказалъ я и предложилъ выпить за здоровье тѣхъ изъ тюренченскихъ раненыхъ, которые еще не поправились. Тостъ былъ встрѣченъ очень сочувственно; генералъ Ивановъ поцѣловалъ меня и предложилъ всѣмъ офицерамъ 12-го полка сдѣлать то же, что̀ и было очень мило исполнено, и я съ удовольствіемъ расцѣловалъ этихъ скромныхъ, но истинныхъ героевъ въ сѣрыхъ изношенныхъ рубашкахъ.

Пили и за здоровье иностранныхъ представителей, изъ которыхъ двое, въ томъ числѣ и германскій, отвѣчали на русскомъ языкѣ. Послѣдній подчеркнулъ, что германская армія, особенно прусская, была всегда союзницей русской.

Однимъ изъ распорядителей обѣда былъ очень милый офицеръ полка, сынъ полкового командира. Что̀ чувствуютъ оба, отецъ и сынъ, когда вмѣстѣ идутъ въ бой?! Жутко мнѣ поставить себя на ихъ мѣсто...

...Въ Ляншангуани я познакомился съ однимъ офицеромъ; сперва онъ былъ помощникомъ коменданта. Когда полкъ его, 24-ый, пошелъ въ походъ, онъ, молодой мужъ и отецъ малолѣтняго мальчика, отказался отъ своего сравнительно безопас-

наго и выгоднаго мѣста и попросился въ полкъ. Тамъ его тотчасъ же назначили на какую-то нестроевую должность,—онъ отказался, чтобы быть въ строю. Покойный Келлеръ хотѣлъ взять его къ себѣ въ штабъ, но онъ попросилъ командира полка, славнаго полковника Лечицкаго, удержать его въ полку—и получилъ роту.

Въ первомъ же бою на его глазахъ были убиты два его лучшихъ друга, изъ которыхъ одинъ былъ ему спеціально порученъ старикомъ-отцомъ. До тѣхъ поръ онъ все желалъ войны, но тутъ съ нимъ произошелъ переворотъ: онъ слишкомъ наглядно увидалъ всю жестокость и мерзость ея. Когда онъ, послѣ боя, представлялъ Келлеру остатокъ своей роты, человѣкъ въ двадцать-пять, и графъ спросилъ его, гдѣ его рота, ему сдавило горло, и онъ едва могъ проговорить, что она—вся тутъ!

XV.—Врачи на войнѣ.

...При дальнобойности современныхъ ружей и орудій, всѣмъ врачамъ приходится работать подъ огнемъ, и, къ чести ихъ сказать, они всѣ безъ исключенія, какъ военные, такъ и наши, краснокрестные, повсюду ведутъ себя просто доблестно. Даже офицеры говорятъ, что въ мирное время привыкли относиться къ врачамъ, какъ къ не-военнымъ, а теперь убѣдились, что они такіе же военные, какъ они сами, и столько же рискуютъ собой. Забираются наши врачи и на батареи, и одинъ изъ врачей Евгеніевскаго отряда, докторъ С., временно бывшій главнымъ врачомъ одного изъ летучихъ отрядовъ, даже такъ увлекся, что вмѣстѣ съ офицерами высматривалъ японцевъ и просилъ въ нихъ стрѣлять. Онъ остался въ восторгѣ отъ дѣйствія артиллеріи, работа которой, дѣйствительно, всѣми признается безупречной.

Каждый изъ нашихъ летучихъ отрядовъ заработалъ себѣ въ частяхъ, при которыхъ дѣйствовалъ, самое лестное имя и самую сердечную благодарность; всѣ свидѣтельствуютъ о ихъ самоотверженности. Радостно и трогательно мнѣ было вчера видѣть, какъ сердечно и горячо относились въ 12-мъ полку къ уполномоченному Курляндскаго летучаго отряда, барону фонъ-Хану.

Балтійскіе нѣмцы, которыхъ на войнѣ здѣсь оказалось довольно много, вообще повсюду работаютъ прекрасно: и курляндцы, и Евангелическій госпиталь, выдѣлившій свой летучій отрядъ, и профессоръ Мантейфель со своими учениками, и врачи отряда П. В. Родзянко, тоже изъ балтійскихъ провинцій, наконецъ,

русско-голландскаго отряда, — всѣ внушаютъ къ себѣ самое искреннее уваженіе и тѣмъ, конечно, что они пріѣхали, и тѣмъ, какъ они себя держатъ и какъ работаютъ. Здѣсь совсѣмъ не проявляется у нихъ то, чтò меня обыкновенно такъ обижаетъ съ ихъ стороны,—это неуваженіе къ русскому человѣку, неуваженіе, которое и было, по-моему, причиной враждованія съ ними. Здѣсь, какъ они сами заявляютъ, научаешься уважать русскаго мужика, а раньше многіе изъ нихъ его, пожалуй, и въ глаза не видали.

Не помню ужъ, писалъ ли я тебѣ, что, памятуя свои обязанности завѣдующаго медицинской частью Краснаго Креста, я, во время боя подъ Вафангоу, не хотѣлъ упорствовать въ томъ, чтобы сидѣть за фельдшера. Когда пришелъ военный фельдшеръ съ другого перевязочнаго пункта, я спросилъ его, не можетъ ли онъ за меня остаться,—онъ сказалъ, что долженъ спросить своего врача. Разумѣется, я послалъ его къ врачу, но онъ больше не возвращался.

Прибѣжалъ потомъ, запыхавшись, на гору ко мнѣ профессоръ Цеге-Мантейфель съ двумя санитарами и носилками.

— Говорятъ, у васъ много раненыхъ? — спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ,—говорю,—и вы, пожалуйста, уходите.

Глядя на его огромную фигуру въ большомъ бѣломъ шлемѣ, я думалъ, что по немъ тотчасъ же откроютъ только-что затихшій огонь.

— А вы чтò же здѣсь дѣлаете?—спрашиваетъ онъ.

— Я сижу за фельдшера, который раненъ.

— Такъ я вамъ пришлю своего.

— Отлично,—говорю,—присылайте.

— Ахъ, нѣтъ,—вспомнилъ Мантейфель,—вѣдь онъ у меня совсѣмъ въ другомъ отрядѣ. Ну, я останусь за васъ.

— Ну, нѣтъ, этого я не могу позволить; это я, терапевтъ, могу остаться за фельдшера, а вы, профессоръ хирургіи, нужны на перевязочномъ пунктѣ подальше. Дайте мнѣ только, пожалуйста, папиросъ, потому что мои—на исходѣ, а сами уходите.

Такъ и проводилъ его. Никогда не забуду я ему этихъ папиросъ...

У насъ здѣсь пока затишье продолжается, объясняемое разными слухами, но, можетъ быть, поддерживаемое дождями, которые опять зарядили, особенно сегодня. Быть застигнутымъ ими здѣсь — мнѣ одно удовольствіе, но мнѣ уже становится стыдно, что я здѣсь такъ долго отдыхаю. Неясно тоже вижу, почему меня оставляютъ здѣсь въ покоѣ.

P.-S.—3-е августа 1904 года. Ночью получилъ телеграмму отъ Александровскаго изъ Ляояна: „Жду тебя съ нетерпѣніемъ". Завтра выѣзжаю.

5-ое августа 1904 года. Ляоянъ.

На дняхъ, кажется, опять поѣду въ Харбинъ разбирать одно дѣло. Много у меня такихъ „дипломатическихъ" порученій,—надо бы какъ-нибудь и о нихъ разсказать. Удрученъ я ужасно свѣдѣніями о нашемъ флотѣ. Если онъ погибъ, погибъ и Артуръ, быть можетъ, — погибла и кампанія, особенно, если въ Петербургѣ пойдетъ внутренняя передряга.

13-ое августа 1904 года.

Вотъ и опять я ѣду въ Харбинъ. Туда пріѣхалъ второй Георгіевскій отрядъ, пріѣхали бактеріологическіе отряды „имени С. П. Боткина", снаряженные комитетомъ великой княгини Елизаветы Θеодоровны, пріѣзжаетъ лазаретъ для сестеръ, посланный Императрицей Маріей Θеодоровной.

Ѣду туда съ удовольствіемъ, разсчитывая, что ничего не пропущу на югѣ, и радуясь встрѣчѣ съ М. Необыкновенно пріятно здѣсь, на чужбинѣ, знать, что увидишь искренно, сердечно расположеннаго къ тебѣ человѣка, такъ исключительно расположеннаго, какъ милый М.

Долженъ, впрочемъ, сказать, что на этотъ разъ я попалъ и въ Ляоянъ, дѣйствительно, какъ домой: не въ примѣръ предыдущимъ разамъ меня ждала хорошая комната, которую я раздѣляю съ другомъ своимъ, уполномоченнымъ Г.

Въ Георгіевскомъ госпиталѣ нашелъ рядъ больныхъ изъ персонала: докторъ Ш. боленъ брюшнымъ тифомъ; сначала онъ былъ легкій, но вторая волна посильнѣе; переноситъ онъ его очень удовлетворительно; сестра Л. продѣлываетъ совсѣмъ серьезный тифъ, но къ моему отъѣзду температура стала спадать; студентъ О. тоже въ тифѣ, теперь ему получше; наконецъ, дѣлопроизводитель Ж.—тоже, но и у него дѣло идетъ на улучшеніе.

XVI.—Бомбардировка Ляояна.

3-ье сентября 1904 года. Мукденъ.

Ѣхалъ я въ Ляоянъ, какъ писалъ тебѣ съ дороги, съ большимъ волненіемъ. Уже въ Мукденѣ слышалась пальба, на станціи Шахэ ясно видны были и дымки орудій и снарядовъ.

Мы добрались до Ляояна въ среду, 18-го августа. Много

физіономій перемѣнилъ онъ на моихъ глазахъ: засталъ я его скромной и довольно безлюдной резиденціей „папаши“ Линевича, какъ называютъ офицеры своего любимаго старика-генерала; присутствовалъ при встрѣчѣ командующаго арміей Куропаткина и при послѣдовавшемъ затѣмъ оживленіи этого городка, приковавшаго къ себѣ вниманіе всего міра; видѣлъ его, наконецъ, совсѣмъ опустѣвшимъ большимъ этапомъ, когда командующій перенесъ свою квартиру на югъ, и Ляоянъ сталъ только отголоскомъ былого и мѣстомъ отдохновенія замученныхъ и изнервничавшихся офицеровъ.

18-го августа, я нашелъ его въ совершенно новомъ, боевомъ нарядѣ. Долженъ признаться, что этотъ нарядъ уже тогда произвелъ на меня впечатлѣніе дорожнаго костюма: какъ будто воинъ облачился, чтобы выступать. Несмотря на отсутствіе командующаго, который уже былъ на востокѣ, оживленіе на станціи было чрезвычайное, но съ характеромъ желѣзнодорожной лихорадки, въ смыслѣ нѣмецкаго „Reisefieber“. Нашъ санитарный поѣздъ ожидался съ нетерпѣніемъ, самъ Θ. Θ. Треповъ встрѣчалъ его и тотчасъ же приступилъ къ дѣловымъ переговорамъ съ комендантомъ и главнымъ врачомъ поѣзда. На платформѣ ходила масса военнаго народа со спѣшными движеніями и дѣловыми серьезными лицами. На станціи, около станціи, въ городѣ, на нашей окраинѣ (около Георгіевскаго госпиталя) развѣвались новые флаги съ краснымъ крестомъ, виднѣлись новыя колоніи палатокъ. Громкій многоголосый говоръ станціонной толпы казался виртуозными варіаціями правой руки подъ односложный аккомпаниментъ лѣвой, въ видѣ гула орудій, заставлявшаго всѣхъ невольно повышать голосъ. Разыгрывалась сложная боевая симфонія...

Со мной пріѣхали сестры и врачи, и я поспѣшилъ въ наше Управленіе, чтобы узнать положеніе дѣлъ и получить распоряженія. Тамъ я засталъ только инвалидовъ: генерала Р. и нашего уполномоченнаго, П. П. В., тоже свалившагося съ лошади и повредившаго себѣ колѣно; остальные были на позиціяхъ. Я попросилъ свою лошадь,—оказалось, что на ней уѣхалъ мой казакъ; другой не осталось, да и куда было ѣхать,—я не зналъ, на какихъ позиціяхъ идетъ бой; къ тому же пріѣхалъ санитаръ, объявившій, что сейчасъ возвращается Александровскій. Тѣмъ временемъ канонада достигла своего апогея, громъ орудій сталъ непрерывнымъ: мы отбивали отчаянную аттаку японцевъ съ высокой горы впереди Ляояна. Мы удерживали ее второй день и были довольны ходомъ дѣла.

Стали спускаться сумерки, стрѣльба порѣдѣла, пріѣхалъ Александрòвскій, усталый, серьезный, и велѣлъ тотчасъ же собрать санитаровъ, желающихъ ѣхать выбирать изъ траншей раненыхъ.

Канонада совсѣмъ смолкла, наступила темнота, и съ нею пришло извѣстіе, что раненыхъ нужно убрать до 9 часовъ вечера, такъ какъ мы... отступаемъ: мы отдавали гору и переходили на форты, которыми давно окруженъ Ляоянъ.

Мы съ М. пошли въ Георгіевскій госпиталь искать еще врачей, которые съ перевязочнымъ матеріаломъ и санитарами поѣхали бы за ранеными въ деревню Маэтунь. Разумѣется, Александрòвскій и я ѣхали тоже. Въ Георгіевскомъ госпиталѣ застали транспортъ въ двѣсти слишкомъ раненыхъ, въ новомъ перевязочномъ пунктѣ еще шли перевязки прежде доставленныхъ. Тѣмъ временемъ разразилась гроза со страшнымъ ливнемъ, промочившимъ меня насквозь и въ нѣсколько минутъ обратившимъ дороги въ едва пролазную скользкую грязь, по которой я двигался лишь съ трудомъ, опираясь на руку М., но и то, наконецъ, поскользнулся, упалъ и чуть не свалилъ своего спутника. Когда мы добрались до нашего Управленія, Сергѣй Васильевичъ уже измѣнилъ планъ, послалъ за ранеными только уполномоченнаго В. В. Ширкова съ санитарами, такъ какъ въ такой грязи и темнотѣ немыслимо было дѣлать перевязки, — а мы съ нимъ пошли на платформу нашего госпиталя принимать раненыхъ съ поѣзда, который долженъ былъ сейчасъ придти съ южныхъ позицій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ необходимо было разспросить Александрòвскаго про все, чтò было сдѣлано безъ меня, дабы войти въ курсъ дѣла.

Оказалось, что, кромѣ ранѣе намѣченныхъ перевязочныхъ пунктовъ въ Георгіевскомъ госпиталѣ и на этапѣ, — въ городѣ развернулся Евгеніевскій госпиталь, снова отлично оборудовавшій полученный домъ, опустѣвшій за выѣздомъ какого-то Правленія; около станціи—земскіе отряды, которые предполагалось поставить въ ближайшей деревнѣ, оказавшейся, однако, подъ сильнымъ разстрѣломъ; наконецъ, на разъѣздѣ, въ разстояніи полуверсты отъ сѣвернаго семафора, были поставлены два подвижныхъ лазарета, куда отсылались изъ нашихъ городскихъ госпиталей всѣ легко раненые. Разъѣздъ этотъ уже сталъ называться Ляояномъ № 2; изъ него шла усиленная эвакуація раненыхъ, помощью всегда стоявшихъ тамъ теплушекъ.

Мы приняли привезенныхъ раненыхъ, спѣша поскорѣе освободить желѣзнодорожный путь для подвоза снарядовъ. „Если

я буду имѣть возможность, — сказалъ, будто, командующій, — я вывезу всѣхъ раненыхъ; если же мнѣ нужны будутъ снаряды, я сперва ихъ подвезу, а потомъ буду вывозить раненыхъ", — и это, разумѣется, совершенно правильно, такъ какъ эти снаряды защищаютъ и этихъ самыхъ раненыхъ. Сергѣй Васильевичъ поѣхалъ къ Трепову, а я пошелъ въ госпиталь Мантейфеля и Галле, куда вновь прибывшіе раненые были направлены. Два большихъ керосиновыхъ факела освѣщали подходившія носилки и двуколки, въ перевязочныхъ шла нервная работа надъ несчастными окровавленными солдатиками, большая палата барака была заполнена страдальцами. Да, ужъ это не Тюренченъ!

Вотъ они, ничѣмъ нескрашенные ужасы войны!.. Въ воздухѣ стояла ужасная, подавляющая масса стоновъ. Налѣво стонетъ безъ сознанія раненый въ голову; рядомъ другой — въ полномъ сознаніи — громко жалуется на боль; впереди кличетъ тебя несчастный, прося глотокъ воды; направо — раненый въ животъ жестоко страдаетъ оттого, что не можетъ выпустить жидкость, его распирающую... Кого напоивъ, къ кому направивъ сестру или врача, я, совершенно удрученный, подавленный, пошелъ домой.

Каюсь, видъ раненаго японца въ своемъ кэпи среди всѣхъ этихъ мукъ мнѣ былъ непріятенъ, и я *заставилъ* себя подойти къ нему. Это, конечно, глупо: чѣмъ онъ-то виноватъ въ страданіяхъ нашихъ солдатиковъ, съ которыми онъ ихъ раздѣляетъ! — но ужъ слишкомъ душа переворачивается за своего, родного...

Сергѣй Васильевичъ привезъ извѣстія, подтверждавшія наше отступленіе съ доминирующей горы, — опять, казалось, ничѣмъ не вызванное и непонятное.

Поспавъ часа четыре—пять, мы, проснувшись, были удивлены затишьемъ. Какъ будто и войны нѣтъ. Яркое солнце озаряло нашъ милый садикъ, гдѣ не было видно крови и не слышно было стоновъ, кругомъ царили тишина и, казалось, полный миръ. Сергѣй Васильевичъ рѣшилъ, что мнѣ непремѣнно нужно поѣхать отыскивать новыя мѣста для перевязочныхъ пунктовъ сѣвернѣе Ляояна, сталъ отчаянно торопить меня, а когда я уѣхалъ (верхомъ, конечно), послалъ за мной еще Михайлова съ цѣлымъ штабомъ: уполномоченнаго, студентовъ и санитаровъ съ флагами Краснаго Креста.

Какъ прогулка, поѣздка была очень пріятной. Въ ближайшей деревнѣ я нашелъ прелестную усадьбу богатаго китайца, окруженную каменной стѣной, съ хорошими фанзами, чистыми дво-

рами, садиками и огородами. Мы всѣ съѣхались въ ней и на ней сошлись: ее выбралъ бы и каждый изъ насъ въ отдѣльности, тѣмъ болѣе, что другой такой и не было въ деревнѣ. Отпустивъ домой весь лишній персоналъ, Михайловъ поѣхалъ со мной на 101-ый разъѣздъ,—конечная цѣль нашего путешествія, верстахъ въ двѣнадцати отъ Ляояна. Занявъ и тамъ нѣсколько смежныхъ фанзъ, мы зашли къ будущимъ сосѣдямъ, врачамъ дивизіоннаго лазарета, гдѣ нашли старыхъ знакомыхъ и выпили чайку. Казалось, миръ продолжался, несмотря даже на орудійные выстрѣлы, которые стали изрѣдка долетать до насъ со стороны Ляояна. Вотъ прошелъ мимо насъ товарный поѣздъ. Съ ранеными? Нѣтъ, почти пустой, съ чьимъ-то скарбомъ. Значитъ, раненые не прибываютъ, — слава Богу! Еще поѣздъ, — опять безъ раненыхъ. Должно быть, пассажирскій, потому что съ классными вагонами, тоже почти пустой. Въ одномъ изъ товарныхъ вагоновъ замѣчаемъ нашего правителя канцеляріи, который уже дня два назадъ сложилъ ее и дневалъ и ночевалъ на ней въ товарномъ вагонѣ. Весело раскланялись и ѣдемъ еще искать помѣщеній,— такъ какъ Сергѣй Васильевичъ просилъ занять всѣ свободныя фанзы. Поражаемся, однако, что подходятъ все еще и еще поѣзда, устанавливаясь цѣпью одинъ за другимъ на пути, за невозможностью проѣхать.

— Да вѣдь это отступленіе, — догадывается Михайловъ— Ляоянъ очищается!

На поѣздѣ, остановившемся на разъѣздѣ, замѣчаю врача одного изъ земскихъ отрядовъ и подъѣзжаю къ нему.

— Что̀ дѣлается въ Ляоянѣ?—спрашиваю.

— О, станція обстрѣливается, одной сестрѣ Харьковскаго отряда ноги оторвало, врача ранило. Все вывозится.

Этого и слѣдовало ожидать. Отступая на переднюю линію нашихъ фортовъ (а ихъ было, если не ошибаюсь, три вокругъ Ляояна), мы еще далеко не отдавали города, но, очистивъ доминирующую гору, мы передали ее японцамъ и тѣмъ поставили себя подъ разстрѣлъ. Говорятъ, будто на этой горѣ утромъ появился японецъ съ бѣлымъ флагомъ. Пока у насъ разсуждали, стрѣлять въ него или нѣтъ, онъ скрылся, а вслѣдъ за этимъ непріятель поднялъ на гору свою артиллерію и началъ насъ громить.

Взволнованные извѣстіями, мы съ Михайловымъ поскакали въ Ляоянъ и, помнится, всю дорогу мы съ нимъ были единственные, ѣхавшіе въ этомъ направленіи. Когда встрѣтившійся намъ врачъ узналъ, куда мы ѣдемъ, онъ удивился.

— Тамъ страшно,—сказалъ онъ.

И все шло намъ навстрѣчу: арбы, двуколки, верховые, солдаты, китайцы, — все это тянулось нескончаемой смѣшанной унылой чередой, будто шествіе умершихъ на тотъ свѣтъ.

Канонада становилась все громче и злѣе.

На станціи Ляоянъ № 2 мы нашли аккуратно сложенное имущество Евгеніевскаго госпиталя, убранное изъ города уже подъ огнемъ, когда снарядомъ была попорчена крыша ихъ дома. Впослѣдствіи Александровскій разсказывалъ, что когда онъ пріѣхалъ къ евгеніевцамъ въ эти опасные часы и предложилъ вынести самое для нихъ дорогое, черезъ нѣсколько минутъ появились врачи, неся на рукахъ гробъ съ тѣломъ умершаго у нихъ офицера (раненые были всѣ уже эвакуированы).

Когда мы подъѣхали къ Георгіевскому госпиталю, онъ собирался выносить своихъ раненыхъ на платформу.

— А госпиталь, ты сворачиваешь? — спрашиваю Давыдова.

— Приказаній никакихъ не было.

Я попросилъ, чтобы, вынеся всѣхъ раненыхъ и больныхъ, онъ свернулъ госпиталь, согласно распоряженію Ѳ. Ѳ. Трепова, и пригласилъ бы сестеръ укладывать свои вещи. А онѣ ходили по госпиталю, будто онъ заколдованъ отъ снарядовъ, и продолжали свое святое дѣло, не замѣчая, казалось, что опасность все къ нимъ приближалась.

Насталъ темный южный вечеръ. Раненые и больные заняли вплотную нашу платформу и подходъ къ ней и ждали поѣзда.

Я пришелъ въ опустѣвшій госпиталь поторопить сестеръ и пошелъ по палатамъ. Онѣ были еще всѣмъ оборудованы: стояли кровати съ помятымъ бѣльемъ и одѣялами, тутъ и тамъ — подкладныя судна, на столахъ кружки,—было, словомъ, все, кромѣ образовъ. Госпиталь производилъ впечатлѣніе только-что умершаго человѣка: онъ еще весь тутъ, и теплый и мягкій, но жизни въ немъ нѣтъ. Я аукался съ темнотой, боясь, не затерялся ли кто изъ тѣхъ восьми или девяти сотъ человѣкъ, которые помѣщались въ этой огромной усадьбѣ,—и молчаніе было гробовое... Грустный, могильный обходъ! Давыдовъ предложилъ зайти въ церковь, пустой покинутый шатеръ, и мы съ нимъ въ послѣдній разъ помолились въ Ляоянѣ; это было что-то вродѣ литіи надъ трупомъ много поработавшаго госпиталя.

Тѣмъ временемъ выяснилось, что поѣзда намъ уже не могутъ подать къ платформѣ и нужно нести больныхъ и раненыхъ къ Ляояну № 2. Несмотря на темноту, обстрѣливаніе продолжалось и снаряды ложились все ближе. Они долетали уже до деревни,

въ которой было наше Управленіе, падали въ общежитіи пріѣзжавшихъ и резервныхъ врачей и сестеръ, въ такъ называемомъ „красномъ домѣ“, и, вотъ-вотъ, должны были ударить въ госпиталь или на платформу. Больные чувствовали это и волновались,—каждый боялся быть оставленнымъ.

— Меня, меня, ваше высокородіе, возьмите,—я не могу ходить...

Кто только могъ, тотъ уползалъ пѣшкомъ; приходилось ловить тѣхъ, кому это было вредно.

— Всѣхъ, всѣхъ унесемъ, родной...

Бацъ!—разорвалось неподалеку.

— Потушите огни, фонари потушите!—раздается громкій голосъ капитана К.

Продолжаемъ переноску въ полномъ мракѣ, почти ощупью, затѣмъ съ фонарикомъ, свѣтящимся только съ одной стороны. Сестры Е. Н. Игнатьева и только-что овдовѣвшія Хвастунова и Тучкова все время тутъ же, на платформѣ, помогаютъ, успокаиваютъ нетерпѣливыхъ и рѣшительно отказываются уходить, пока всѣ не унесены.

Сама по себѣ канонада на такомъ разстояніи послѣ батареи не производила на меня никакого впечатлѣнія, но я ужасно боялся, чтобы какой-нибудь подлый осколокъ не задѣлъ нечаянно сестры или кого-нибудь изъ раненыхъ или больныхъ. Существуетъ разсказъ, будто такъ и случилось, и одинъ изъ нашихъ раненыхъ былъ вторично раненъ у насъ на платформѣ, но я отношусь къ этому скептически, такъ какъ все время толокся на ней и не видалъ этого, а видѣлъ, какъ одинъ военный врачъ перевязывалъ на ней только-что раненаго, дѣйствительно, кажется совсѣмъ близко отъ платформы.

Слава Богу, наконецъ всѣхъ унесли! Бѣгу опять въ госпиталь. Тамъ все еще сидятъ сестры, докторъ С. угощаетъ ихъ консервами изъ грушъ. Я поручаю ему провести ихъ на Ляоянъ № 2, и послѣ настойчивыхъ понуканій онѣ уходятъ; остается одинъ Давыдовъ.

Я подсаживаюсь къ нему на камешекъ, и мы раскуриваемъ меланхолическую папиросу. Пришли солдатики выносить вещи; я снова забѣгаю къ Мантейфелю и Галле, чтобы посмотрѣть, не везутъ ли еще раненыхъ, и, въ случаѣ чего, направить ихъ прямо на Ляоянъ № 2. Наконецъ, добираюсь и я туда, ожидая найти больныхъ уже нагруженными или уже уѣхавшими. Оказывается, они всѣ здѣсь, разставлены въ палаткахъ двухъ нашихъ подвижныхъ лазаретовъ военныхъ госпиталей, и прямо

на воздухѣ между шатрами, разочарованные, что они такъ мало подвинулись.

— Когда же нашъ поѣздъ придетъ? Да придетъ ли онъ?.. Живьемъ попадемся „ему"...

— Да нѣтъ, что ты! Увеземъ всѣхъ васъ, а не то съ вами останемся, да и не идетъ „онъ" сюда вовсе,—стараешься „ихъ" успокоить.

— Да „онъ"-то не придетъ, а снаряды-то „его" долетятъ,— говорятъ несчастные, измученные страдальцы...

Настала эта мучительная ночь ожиданія поѣзда.

„Что, — думаешь, — встанетъ солнце, освѣтитъ непріятелю эти шатры, да какъ катнетъ онъ по нимъ и по желѣзнодорожному пути, вдоль котораго вытянуты эти ряды носилокъ, — что будетъ тогда?!"

На разбросанныхъ ящикахъ и чемоданахъ, въ самыхъ разнообразныхъ и неудобныхъ положеніяхъ, спятъ и дремлютъ, усталые и озябшіе отъ утренней свѣжести сестры и врачи. Мы съ сестрой Л. усѣлись на какой-то ящикъ очень удобно, но къ намъ подсѣлъ кто-то чужой.

— Пересядемъ, — говорю я ей, — на бурку, которая тамъ такъ заманчиво брошена на ящикѣ.

— Пересядемъ, — говоритъ Л. И мы переходимъ. Едва, однако, она хотѣла присѣсть на нашъ соблазнительный диванъ, какъ изъ-подъ него поднялась красивая, грустная голова нашего священника, о. Николая Курлова, который захворалъ тифомъ и, тоже ожидая поѣзда, съ головой закутавшись въ бурку, пристроился на грудѣ чемодановъ. Было и смѣшно, и страшно неловко, и жаль мнѣ стало ужасно такого одинокаго и безпомощнаго человѣка въ своей тяжелой болѣзни.

Представь себѣ, сегодня (8-го сентября) я узналъ, что онъ, бѣдный, не перенесъ ея и отъ прободного воспаленія брюшины скончался. Это былъ хорошій, увлекающійся человѣкъ, заботливо и сердечно относившійся къ раненымъ и все записывавшій ихъ откровенные и безхитростные разсказы. Мнѣ больно подумать, что этотъ семейный человѣкъ (у него жена и трое маленькихъ дѣтей, которыя безъ него хворали дифтеритомъ, а онъ въ Ляоянѣ ужасно этимъ волновался) умеръ совершенно одинъ, гдѣ-то въ Куанчанцзахъ.

Когда я въ ту ночь тревожнаго ожиданія въ Ляоянѣ № 2 сидѣлъ и бесѣдовалъ съ однимъ изъ врачей и студентомъ Ф., къ намъ подошелъ интендантскій чиновникъ и разсказалъ, что днемъ, около продовольственнаго пункта въ Ляоянѣ, трое изъ ихъ служителей

были ранены, и онъ просилъ насъ ихъ убрать. Очень характерно, что самъ онъ, уходя оттуда, не позаботился объ этомъ, а теперь ночью, насъ, находящихся за три—четыре версты и при своемъ дѣлѣ, объ этомъ проситъ. Конечно, я бы охотно сейчасъ же за ними отправился, но я не могъ отлучиться, ожидая съ минуты на минуту, въ худшемъ случаѣ съ часу на часъ, прихода поѣзда, въ который я долженъ былъ грузить раненыхъ. Великодушный интендантъ отошелъ, очень неудовлетворенный, казалось—даже негодующій на равнодушіе или малодушіе Краснаго Креста. Мы сдѣлали, однако, попытку воспользоваться носильщиками и носилками дивизіоннаго лазарета, такъ какъ мои собесѣдники собрались идти за ранеными, но дѣло не выгорѣло, и всѣ остались.

Когда стало чуть-чуть разсвѣтать, пришли изъ нашего Управленія Александровскій, Кононовичъ и другіе. Пришелъ и генералъ Треповъ, — стали ждать всѣ вмѣстѣ. Больные поуспокоились и большею частью спали, а я боялся и подходить къ нимъ еще разъ, когда поѣздъ упорно не шелъ и каждую минуту могло начаться обстрѣливаніе.

Наконецъ, пришелъ желанный и, по счастью, всѣхъ вмѣстилъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ поѣхали сестры и врачи Георгіевскаго госпиталя. Остался только весь персоналъ Евгеніевской общины со всѣми сестрами и все имущество ея за недостаткомъ мѣстъ и вагоновъ; имущество же Георгіевскаго госпиталя находилось частью на платформѣ, а частью еще въ госпиталѣ,—ради него задержался и Давыдовъ.

Евг. Боткинъ.

„ЗА-ГРАНИЦЕЙ“

РОМАНЪ *).

VIII.—„Программа“ и опять „келья“.

Наше собраніе у Митровой закончилось очень поздно. Я хотѣлъ-было отправиться прямо домой, но страннымъ образомъ меня не тянуло туда. Я зналъ, что Анна Николаевна ждетъ меня. Зналъ я, что первымъ ея вопросомъ будетъ:

— Ну, что̀ видѣлъ, что̀ дѣлалъ?

Такой ужъ порядокъ у насъ завелся. Говорить неискренно я не могъ, но въ то же время мнѣ очень не хотѣлось показать Аннѣ Николаевнѣ свое опредѣлившееся къ концу вечера настроеніе. Оно было не изъ важныхъ. О моментѣ организаціи „комитета“ я не могъ уже вспомнить безъ раздраженія. Объ Ольгѣ Алексѣевнѣ съ ея попыткой „напустить“ меня на Митрову я думалъ уже съ негодованіемъ; въ моемъ сознаніи то вставалъ старикъ Жуковскій, то насмѣшливый Узьма, то, наконецъ, Полкановъ, толкущій воду. Въ ушахъ, какъ резюме всего этого, звучали слова „Мессалины“: „сочувствую всѣмъ вообще... не разбираюсь... скучно!“

Показаться Аннѣ Николаевнѣ такъ—мнѣ казалось невозможнымъ. Въ ней я нашелъ не только любящаго человѣка, но и „противника“; къ этому послѣднему я не хотѣлъ явиться съ первой глубокой моральной раной. Я нерѣшительно отошелъ отъ квартиры Митровой.

Меня нагнала и остановила Ольга Алексѣевна.

---

*) См. выше: янв., 155 стр.

— Пойдемъ ко мнѣ!.. Обсудимъ, чтобы не откладывать, „программу“!—предложила она.

Я попробовалъ уклониться за позднимъ временемъ. Перспектива дальнѣйшей возни съ „программой“ и Ольгой Алексѣевной раздражала меня.

— Пустое! — настаивала дѣвица:—можете и заночевать у Жоржика; онъ живетъ въ томъ же домѣ, его комната рядомъ съ моей. Вѣдь васъ не очень должно тянуть въ „келью“!

Говоря это, она взяла меня подъ-руку и старалась увлечь. Это переполнило мою чашу. Я окончательно озлился, и оказалось, что меня „ничто“ не тянетъ туда.

— Ну и отлично. Идемъ!

— Новый ботинокъ жметъ!—оправдывалась она, сильно налегая на мою руку: — можно немного „побуржуазничать“, но... немного, немного!

— Немного, *только* немного?—спросилъ я, закусывая губу.

— Ну... можно и „немного съ половиной“. Черезъ нѣсколько шаговъ она спросила:

— Долго вы бесѣдовали съ Митровой?..

— Не особенно.

— О чемъ?..

Она подвергла меня детальному допросу, но я отвѣчалъ уклончиво, тогда она пояснила:

— Мнѣ это очень интересно... Вы на нее произвели какое-то особенное впечатлѣніе. Послѣ разговора съ вами она заперлась у себя, и когда я все-таки вошла къ ней, было видно, что она только-что ревѣла...

— Ревѣла?!..—Я удивился, но, вспомнивъ, что „слезы у бабъ вещь дешевая“,—успокоился и шутя отвѣтилъ:

— Да... я ей разсказалъ нѣсколько трогательныхъ тюремныхъ и сибирскихъ исторій... Сжегъ одного соціалъ-демократа и дюжину перевѣшалъ на тюремныхъ рѣшеткахъ... Вотъ и все. Сочинить это мнѣ не стоило труда.

Ольга Алексѣевна повисла у меня на рукѣ и разразилась неудержимымъ, но негромкимъ смѣхомъ. Я почему-то не только не отодвинулся, но сильно прижалъ ея руку. Она мнѣ отвѣтила такимъ же движеніемъ и, смѣясь, сказала:

— Молодчина! А о деньгахъ говорили?

— Нѣтъ. Отложилъ.

— Великолѣпно, великолѣпно! Теперь она дешево не отдѣлается.—Ольга Алексѣевна была очень довольна, и мы снова перемолвились о чемъ-то движеніями рукъ.

— Въ слѣдующій разъ—наставляла она меня—вы немножко поухаживайте за ней... но въ предѣлахъ!..

Слово „въ предѣлахъ" она выговорила съ какимъ-то смѣшкомъ и, касаясь щекой моего плеча, заглядывала мнѣ въ лицо.

— Что̀ за предѣлы?..

— Это значитъ: немного...

Я подхватилъ:

— Но безъ „половины"?

Она услышала свое выраженіе и опять захохотала.

— Да... а то кое-кто разсердится!.. Безъ „половины"! Именно...

Кое-кто? Не на Анну ли Николаевну она намекаетъ? Но она намекала не на нее: черезчуръ ужъ много жизни проявляла ея рука, лежавшая на моей.

— Это вы запомните... сохраните и духъ, и плоть бодрыми... хоть и не легко это будетъ... такъ какъ дамочка en question черезчуръ жаждетъ все новыхъ... впечатлѣній.

Веселое настроеніе ее не покидало, но дѣлалось все нервнѣе. Мнѣ незачѣмъ было давать ей реплики, она разговорилась.

— Ее за это очень осуждаютъ... но я... я шире смотрю на вещи: въ сущности она права. Что̀ такое любовь?!

Она подождала отвѣта, а я, какъ эхо, повторилъ:

— Что̀ такое любовь?!

— Вотъ именно: что̀?! Вздохи при лунѣ? Или простой физіологическій моментъ?

Она говорила все смѣлѣе. У меня поднималось желаніе унизить, оскорбить ее. Все это выразилось въ моихъ репликахъ и въ ихъ тонѣ. Но рядомъ съ этимъ, идя плечо къ плечу съ ней, обмѣниваясь непроизвольными движеніями, я ощущалъ нѣкоторую тревогу. Я былъ въ странномъ состояніи, чувствуя раздвоеніе между инстинктомъ и сознаніемъ. Однако я шелъ впередъ.

Этимъ заполнился довольно долгій путь къ ея квартирѣ. Тамъ она предложила мнѣ:

— Пока лампы не будемъ зажигать... я хочу переодѣться... Посидите въ сумерочкахъ...

Я усѣлся „въ сумерочкахъ" и слышалъ шумъ смѣняемаго туалета, вмѣстѣ съ нимъ легкій смѣшокъ и такія фразы:

— Послѣ революціи... можно будетъ переодѣваться въ тѣхъ же условіяхъ, но, можетъ быть, при полномъ свѣтѣ... а то неудобно: одѣла кофточку наизнанку... Послѣ революція все будетъ иначе, отойдетъ въ вѣчность буржуазная мораль... предразсудки...

Фразы сыпались, шумъ юбокъ продолжался. Наконецъ, я получилъ позволеніе зажечь лампу и зажегъ ее.

— Ой!..—вскрикнула Ольга Алексѣевна и захохотала.

Я поглядѣлъ на нее. Она была въ изящной домашней, свободной кофточкѣ, но въ нижней, хотя и красивой юбкѣ.

— Вотъ что̀ значитъ подчиниться предразсудкамъ!—улыбалась она, но безъ смущенія: — я хотѣла одѣть совсѣмъ-другое, но эти сумерки!.. Ну, можете не глядѣть на меня!

Она, какъ ни въ чемъ не бывало, оправила черезчуръ ужъ короткую юбку и подала мнѣ тетрадку.

— Вотъ вамъ „схема-программа", а я по хозяйству займусь: будетъ чай, сыръ, масло... по холостому поужинаемъ.

Я пересталъ ее слушать и взялся за произведеніе Мордовскаго. Писалъ онъ тщательно, мелко. Фразы строилъ тщательно и тоже мелко, мысли были тоже небольшія, и всѣ слова производили впечатлѣніе ползущихъ козявокъ...

Читалъ я не больше десяти минутъ, потомъ отложилъ рукопись.

— Не читается?—спросила Ольга Алексѣевна. Она окончила съ хозяйствомъ и подсѣла ко мнѣ. Въ глазахъ ея запрыгали какія-то искорки.

— Ну, что̀ схема?—спросила она дѣловымъ тономъ.

— Схема схемой,—заговорилъ я, смакуя каждое слово,—но вотъ въ чемъ бѣда: я съ Мордовскимъ ничего не могу имѣть общаго... Оказывается, я знаю его по разсказамъ: онъ утопилъ своихъ товарищей по дѣлу.

Ольга Алексѣевна чуть измѣнилась въ лицѣ.

— Я сегодня ему отказался подать руку... въ кафè... Онъ хотѣлъ тамъ познакомиться со мной...

Она задумалась.

— Ахъ, какая ошибка!..

Она подошла къ закипѣвшему чайнику, погасила машинку и повторила:

— Непоправимая ошибка!.. За нимъ стоитъ такъ много публики!.. такъ много!

Она, очевидно, взвѣшивала, какую позицію ей занять въ намѣченномъ конфликтѣ.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ еще?!—Ольга Алексѣевна недовольно поморщилась и пошла къ дверямъ. Она чуть полуоткрыла ихъ и выглянула.

— Можно?—услышалъ я чей-то знакомый голосъ.

— Нельзя, нельзя!—заторопилась Ольга Алексѣевна:—я не одѣта, пройдите пока въ комнату Жоржика...

Она захлопнула дверь и, возвратясь ко мнѣ, быстро проговорила:

— Мордовскій! Вы идите пока, погуляйте минутъ пятнадцать; я его сейчасъ выпровожу...

Я быстро оставилъ ея комнату, вышелъ на лѣстницу, сбѣжалъ на улицу и пошелъ, пошелъ быстро, безъ мыслей, какъ бы спасаясь отъ чего-то.

Было уже очень поздно, когда я пришелъ къ себѣ. Къ Аннѣ Николаевнѣ я не заходилъ и, засвѣтивъ лампу, улегся на кушеткѣ.

Я чувствовалъ себя скверно: я сталъ ревизовать ощущенія, впечатлѣнія и мысли этого дня. Изъ всего, что̀ я сегодня натворилъ, меня немножечко только удовлетворяло мое поведеніе у Митровой. Правда, мнѣ было ее жалко, слово: „ревѣла“ совершенно не гармонировало съ ея характеристикой, какую сдѣлалъ Громченко.

— Это обстоятельство нужно изслѣдовать, — рѣшилъ я и перешелъ къ обсужденію инцидента съ Мордовскимъ.

Кто-то стукнулъ въ дверь; затѣмъ, не ожидая отвѣта, вошла Анна Николаевна.

— Ты не спишь?

Она была совершенно одѣта и покачала головой, усаживаясь около меня.

— Я хотѣла тебя дождаться.

Я взялъ ея руку.

— Ну, разсказывай: что̀ дѣлалъ и что̀ сдѣлалъ...

Ея взглядъ, тихая улыбка источали какой-то глубокій покой, и я почувствовалъ, какъ быстро улеглась взбудораженность, въ которой я только-что находился. Повинуясь какому-то властному, безотчетному позыву, я ей разсказалъ все, очень подробно, даже финалъ дня у Ольги Алексѣевны.

Потомъ я умолкъ и сталъ ждать „интерпелляцій“ по поводу конца моей исповѣди. Однако, къ моему удивленію, вниманіе Анны Николаевны упало вовсе не на то, ка̀къ мы съ Ольгой Алексѣевной приступили сегодня къ выработкѣ „программы“. Скрывъ улыбку и сосредоточенно глядя куда-то въ сторону, она проговорила:

— Ложь... Митрова — чистый человѣкъ... Я бы ее назвала русской дурой, но она и не глупа... Жаль, что я не могла знать, что ты попадешь къ ней... Я предупредила бы тебя, и ты обошелся бы съ ней не такъ... грубо. Бѣдная! Воображаю, что̀ она почувствовала!.. Кто тебѣ наговорилъ про нее этихъ грязныхъ ужасовъ?

— Громченко.

— А!.. Нашелъ ты, у кого освѣдомляться... Это вѣдь у него такое легковѣріе и легкомысліе! Кромѣ того, онъ, кажется, чисто

по-„бабски“ любитъ эту атмосферу... любитъ копаться въ томъ, что̀ касается того: кто съ кѣмъ, когда и т. д... Бѣдная Митрова! Я ее отлично знаю; она—опустившійся, скучающій человѣкъ, но и только... Все—ложь: она, дѣйствительно, разошлась съ своимъ мужемъ и жила сначала на средства своей тетки, а теперь живетъ на свои: тетка недавно умерла и все состояніе ей отказала... Теперь за ней здѣсь всѣ „группы“ ухаживаютъ и обхаживаютъ. Я очень рада, что у тебя не явилось никакихъ экстренныхъ соображеній финансоваго свойства...

Она снова взяла мою руку, которую было оставила.

— Словомъ, пока я еще ничего особенно плохого не натворилъ?—спросилъ я, нѣсколько оживая.

— Очень много... но... заслуживаешь нѣкотораго снисхожденія. Исторія съ Мордовскимъ мнѣ нравится, хотя тебѣ она въ твоихъ планахъ сильно повредитъ. Вотъ что̀ значитъ строить въ воздухѣ по методу эквилибристики и въ то же время быть... я бы сказала Донъ-Кихотомъ, потому что и съ Мордовскимъ, и у Митровой, ты велъ себя именно въ послѣднемъ стилѣ... Съ натяжкой, даже игру въ опасное съ Ольгой Алексѣевной можно туда же отнести. Хотя, говоря къ слову, мнѣ представляется не совсѣмъ понятнымъ то, что̀ ты мнѣ разсказалъ объ этой игрѣ... Съ одной стороны, дѣвица тебѣ противна, но ты идешь къ ней и флёртуешь... Но, вообще говоря, эта область мало меня интересуетъ и мало я въ ней что̀ понимаю, а поэтому отъ сужденій рѣшительныхъ уклонюсь... Но не посовѣтовала бы я тебѣ устраивать надъ собой такіе эксперименты... Ты еще очень молодое растеніе и врядъ ли очень крѣпокъ, а въ особенности...

На этомъ мы заключили миръ.

Затѣмъ, она встала, чтобы идти къ себѣ, но въ дверяхъ остановилась и спросила:

— Ну, а насчетъ изданія твоей рукописи подумай; ты теперь не въ очень самолюбивомъ настроеніи—взвѣсь спокойно... Подумаешь?

— Хорошо.

— Ну, спи...

Она, очень довольная, тихо вышла и оставила, какъ слѣдъ своего присутствія, какую-то особенную, почти святую тишину и въ этой небольшой комнатѣ, и въ моей душѣ.

„Келья!“ —думалось мнѣ: —дѣйствительно, кругомъ царило что-то такое, что̀ напомнило мнѣ монастырь...

Откуда-то, сквозь какую-то сонную дымку, до меня сталъ до-

носиться тихій, неспѣшный звонъ, и онъ заливалъ, казалось, все вокругъ и всѣ уголки моего сознанія; я засыпалъ, но мнѣ думалось, что я просыпаюсь для чего-то чистаго, хорошаго...

Тѣмъ не менѣе, среди ночи я проснулся. Потому ли, что уснулъ одѣтый, или мнѣ приснилось что-то тревожное, но я, проснувшись, безпокойно присѣлъ. Затѣмъ, мнѣ хотѣлось узнать, дѣйствительно ли спитъ Анна Николаевна. Меня что-то толкало туда, къ ея комнатѣ. Я всталъ и пошелъ.

Изъ ея дверей выбивались въ корридорчикъ полоски свѣта. Лампа у нея горѣла. Я прислушался и явственно услышалъ шаги... Они не умолкали. Анна Николаевна не спала, ходила по своей спальнѣ. Я долго стоялъ, шаги не умолкали... Наконецъ, я рѣшилъ отворить дверь... Анна Николаевна какъ-разъ въ этотъ моментъ повернулась лицомъ ко мнѣ: лицо ея было необыкновенно строгое, блѣдное. Руки она крѣпко скрестила на груди. Увидавъ меня, она остановилась. Руки ея разжались, она постаралась принять обычный свой видъ и силилась улыбнуться.

— Ты тоже не спишь? — спросила она.

— Нѣтъ, я уснулъ, потомъ проснулся... Отчего ты такая? Чтò у тебя?..—спрашивалъ я, усадивъ ее въ кресло.

Она молчала.

— Скажи!.. Вѣдь я тебѣ все говорю...—настаивалъ я, опускаясь на полъ подлѣ нея.

Она порывисто обхватила мою голову и прижалась къ ней грудью. Я услышалъ тихій шопотъ:

— Не требуй, чтобъ я говорила... Иногда мнѣ тяжелѣй говорить, чѣмъ молчать...

Потомъ она добавила:

— Скажи, чтò ты чувствовалъ, когда ушелъ отсюда?.. Веселѣй тебѣ было?.. Легче?..

— О, нѣтъ!.. Кромѣ этого, я не могу уйти отсюда настолько далеко, чтобы не чувствовать тебя всегда близко...

Говоря это, я почувствовалъ на своей щекѣ что-то теплое и влажное и услышалъ тихій вопросъ:

— Близко?!.. Да, мы близки... Чтò это?.. Назвать ли это тѣмъ словомъ, которое обычно произносятъ и котораго мы оба избѣгаемъ почему-то...

— Любовь?

— Да.

— Не знаю... Это... Подъ этимъ—милліонъ чувствъ... Чтò оно, это слово, выражаетъ: начинаешь преклоняться—любишь; пре-

клоняешь — тоже любишь... Не знаю. Не будемъ разбираться: пусть сердце живетъ внѣ шпіонскаго глаза сознанія!..

IX.—„Около дѣлъ“.

На другой день, утромъ, Анна Николаевна, послѣ нѣсколькихъ дней полнаго затворничества, собралась „въ противную Женеву“.

— Зайду къ Митровой,—нужно приласкать, утѣшить эту глупую, но хорошую бабу!—объясняла она мнѣ, чуть улыбаясь.

Уходила Анна Николаевна изъ дому въ прекрасномъ настроеніи, а мнѣ посовѣтовала посидѣть дома.

— Къ обѣду буду дома и вѣроятно... съ новостями!

Слово „новости“ она выговорила какъ-то особенно громко и медленно отошла, держась середины дорожекъ, обходя тѣ мѣста, гдѣ алѣли лепестки обсыпавшихся розъ.

Я глядѣлъ на ея стройную, медленно удаляющуюся фигуру, и мнѣ стало почему-то грустно. Отъ природы кругомъ начинало вѣять настоящей осенью, кое-гдѣ уже ярко золотились мертвые листья деревьевъ. Небо было нѣжно-голубымъ. Солнце какъ будто не хотѣло подниматься слишкомъ высоко...

Мнѣ захотѣлось звуковъ какой-либо негромкой, красивой печали. Машинально я вошелъ въ комнату, приблизился къ піанино и поднялъ крышку. Не знаю, для чего я это сдѣлалъ,— я самъ не игралъ, меня просто потянуло къ тому, гдѣ рождалась и могла звучать музыка... На клавишахъ я не безъ удивленія увидѣлъ брошенный лоскутъ нотной бумаги, испещренный непонятными для меня точками, кружками и запятыми.

Все это было написано карандашомъ, и карандашъ лежалъ тутъ же подлѣ, на клавишахъ.

...Анна Николаевна компонировала!?.

Я съ живымъ любопытствомъ принялся разсматривать ея произведеніе.

Можетъ быть, въ этихъ запятыхъ и было то, чего мнѣ хотѣлось—звуки негромкой красивой печали... начало осени и чистая душа необыкновенной женщины? Увы, я ничего не понималъ въ этихъ письменахъ и поспѣшилъ осторожно опустить крышку піанино...

Я пошелъ къ себѣ и сѣлъ къ столу; рука противъ моей воли стала рисовать на бумагѣ какую-то фигурку, низко поднявшееся солнце, голые сучья деревьевъ, и тутъ я вспомнилъ то, чему вчера не придалъ значенія...

— „Чѣмъ это кончится?.. Вотъ вопросъ который мнѣ не даетъ покоя!..“ Это мнѣ вчера ночью говорила Анна Николаевна, и теперь я припоминалъ звуки этого разговора, и мнѣ сдѣлалось вовсе не по себѣ.

— „Я тебя полюбила... ты пришелъ, когда у меня душа была раскрыта... Приди моментомъ позже или раньше... я бы съумѣла вспомнить, что небо блекнетъ... цвѣты облетаютъ“.

Вспоминалось мнѣ все это съ болью теперь. Вчера я не воспринималъ жуткихъ чувствъ, вложенныхъ въ эти фразы, но теперь не могъ не ощупать ихъ сознаніемъ.

„Чѣмъ кончится?“—сталъ и у меня въ головѣ мучительный вопросъ. Но въ этотъ моментъ я услышалъ за собою шаги и, обернувшись, увидѣлъ входившаго ко мнѣ Громченка. Онъ былъ очень оживленъ и, потирая руки, вмѣсто привѣтствія возвѣстилъ:

— Ну, батенька, „Женева“ зашевелилась... Здѣшнюю публику хлѣбомъ не корми, а дай ей скандальчикъ. Только и разговору, что о васъ и о Мордовскомъ—расшевелилось болото!.. Пошли языки на работу!

Онъ усѣлся около меня и сталъ отдуваться.

— Уже?—коротко спросилъ я.

— Ффа... Уже?!.. А вы думали что? У насъ это скоро, но могу васъ успокоить,—когда „Женева“ окончательно расколется на два лагеря, на „вашихъ“ и „евоныхъ“, то вы можете разсчитывать на большинство; такъ по крайности чуетъ мой носъ...

Онъ и дѣйствительно повелъ носомъ, словно что-то вынюхивалъ. Глаза его сверкали торжествующе; онъ былъ какъ будто доволенъ, что начинается „скандальчикъ“, но, неожиданно обративъ вниманіе на мой довольно вялый видъ, онъ уже нерѣшительно спросилъ:

— Да вы что такой, словно васъ въ уксусѣ подержали?

— Непріятно мнѣ.

— Что?.. Эта исторія? Плевать. Вы только не бездѣйствуйте. Немедленно требуйте изъ Сибири отъ этого — Голумбъ онъ что ли? — требуйте отъ него письменнаго свидѣтельства, что, молъ, и вправду прохвостъ г. Мордовскій... А помимо этого не сидите здѣсь, будьте больше на публикѣ — ораторствуйте и...

— Противно.

Громченко всталъ и хлопнулъ себя по ляжкамъ.

— Ну, извините. Этого я не понимаю. Развѣ не дѣло: изобличить негодяя, стащить съ пьедестала проходимца, развѣнчать?..

— Не дѣло, — коротко и лѣниво продолжалъ я цѣдить по слову.—Для чего? Кому нужно? Мордовскому—грошъ цѣна, когда

онъ на пьедесталѣ, и тотъ же грошъ за него можно дать, когда онъ развѣнчанъ... Изъ-за чего же хлопотать?

Громченка что-то такъ и перевернуло:—онъ не шутя, а въ серьёзъ взбѣсился:

— Дѣло ваше... Только, если вы изъ этой исторіи побѣдителемъ не выйдете, ваша заграничная карьера уже сломана, и вы можете скрестить руки и сидѣть, какъ сидятъ другіе тихо, мирно, ибо что̀ бы вы ни предприняли, за вами никто не пойдетъ... Здѣсь — по заграничнымъ колоніямъ — есть извѣстнаго сорта публика, — она тоже все больше изъ козявокъ состоитъ, но изъ козявокъ не дѣятельныхъ,—она сидитъ здѣсь годами, голодаетъ, бездѣльничаетъ и накопляетъ въ душѣ ядъ ненависти ко всему свѣжему, еще живому, еще не имѣющему трупнаго запаха... Вы пріѣхали сюда и сдѣлали живой жестъ, и уже сотни глазъ обращены на васъ,—одни съ надеждой, а больше съ затаенной злобой: а ну-ка, пошевелись еще да оступись: вотъ мы тебѣ зададимъ! мы тебя!..—Это вы помните!

Онъ умолкъ. Я тоже задумался и, спустя нѣсколько минутъ, спросилъ:

— Вы хотите познакомиться съ рукописью?

Онъ замоталъ головой.

— Пока не въ ней дѣло. Скучно вы не напишете, а содержаніе—второстепенное дѣло. Важно бросить первую искру. Вотъ я сегодня уже пересмотрѣлъ уйму народа: вниманіе колоніи вполнѣ завоевано, нужно его лишь захватить и направить въ сторону своихъ цѣлей... Медлить нельзя. Я только-что отъ болгарина,—онъ уже колеблется и сюда не придетъ, но деньги триста франковъ я уже взялъ у него... чортъ возьми!

— Напрасно, напрасно!—нахмурившись, проговорилъ я.

— Что̀ напрасно?

— Да насчетъ денегъ. Онъ, Стойновъ, вправѣ колебаться; не нужно ловить и эксплуатировать его на словѣ, я самъ сейчасъ колеблюсь: издавать или не издавать?

Громченко вскочилъ какъ ужаленный и скороговоркой, тряся меня за плечи, разразился:

— Да вы что̀ въ самомъ дѣлѣ?!.. Вы зачѣмъ сюда ѣхали?.. Пиво пить? Бифштексы ѣсть? Амуры амурничать?.. Да вѣдь все это вы могли и въ Сибири... Тьфу!..

Онъ былъ окончательно внѣ себя и, ругаясь, тяжело усѣлся уже на кушеткѣ. Потомъ сорвался, схватилъ шляпу.

— Стыдно... но Богъ съ вами: на первый разъ прощается... Теперь вотъ что̀: рукопись я сейчасъ же беру и несу въ типо-

графію, но мы должны согласиться на одномъ: наше издательство не партійное, мы не надѣваемъ на себя никакихъ мундировъ, идемъ пока безъ ярлыка подъ девизомъ: „живое слово по мертвому мѣсту!..“ Согласны?

— Согласны!

Громченко захватилъ мою рукопись и сказалъ мнѣ на прощанье:

— Ольга Алексѣевна еще не рѣшила, на чью сторону стать. Я ее видѣлъ сегодня, но она притворилась, что ей ничего не извѣстно о происшедшемъ. Хитрая дѣвица! Она меня все разспрашивала... Тѣмъ не менѣе, я точно знаю, что она съ утра командировала Жоржика „по колоніи“ звонить и слушать. А звонить она ему велѣла не во вредъ вамъ. Это нужно отмѣтить,—поняли?

— Я предпочелъ бы, чтобы и она сама скорѣй зазвонила мнѣ во вредъ!—досадливо вырвалось у меня.

Оставшись одинъ, я испыталъ серьезное недовольство самимъ собой. Въ такомъ настроеніи я пребывалъ, пока не влетѣлъ Жоржикъ ко мнѣ. Признаться, я нисколько не удивился его приходу, и какъ къ чему-то вполнѣ ожидаемому протянулъ руку къ письмецу, которое онъ еще въ дверяхъ вынулъ изъ кармана.

— Отъ Ольги Алексѣевны?—коротко спросилъ я.

Жоржикъ въ отвѣтъ кивнулъ головой, особымъ образомъ улыбнулся и, не снимая шляпы, зашагалъ вокругъ меня, насвистывая какую-то французскую пѣсенку.

Я началъ читать.

„Дорогой!.. Вы вчера, навѣрное, соскучились ожидать выхода Мордовскаго и удрали. Мордовскій меня прямо замучилъ, канительный онъ, я еле избавилась отъ него; но и на васъ сердита: нужно было дождаться, нетерпѣніемъ все теряется. Такъ-то. Разрѣшаю вамъ явиться сегодня вечеромъ, буду дома.—Ольга“.

За чтеніемъ этого посланія я, должно быть, покраснѣлъ, ибо, поднявъ глаза, встрѣтилъ крайне любопытный взглядъ Жоржика. Онъ стоялъ противъ меня и въ упоръ разглядывалъ. Это меня взбѣсило. Первымъ моимъ движеніемъ было сейчасъ же взять клочокъ бумаги и написать только два слова: „Не буду. Незачѣмъ“.

Но почему-то я этого не сдѣлалъ, а внимательно разглядывалъ лицо Жоржика. Оно мнѣ показалось интереснымъ, и я подумалъ:

„У очень умнаго и ловкаго „шпика“ должно быть именно такое!“

Затѣмъ я отвелъ свои глаза, и спросилъ:

— Что́ же вы не садитесь?

Онъ сѣлъ и снова сталъ насвистывать.

— Скажите,—проговорилъ я:—вы не изъ Малороссіи?

— Нѣтъ.

— Изъ Польши?

— Нѣтъ.

Я назвалъ еще два или три мѣста, но онъ отвѣчалъ короткимъ „нѣтъ": очевидно, не хотѣлъ почему-то избавить меня отъ безплодныхъ вопросовъ прямымъ заявленіемъ, откуда онъ. Тогда я пошутилъ:

— Значитъ, вы ниоткуда?

Жоржикъ нѣсколько смѣшался, перемѣнилъ позу и процѣдилъ:

— Я изъ Познани.

— Вы полякъ?

Онъ опять перемѣнилъ позу и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Наполовину. Мать—нѣмка.

Я зналъ, что онъ отлично говорилъ по-русски, по-польски, по-нѣмецки и по-французски. Должно быть, я очень внимательно его разглядывалъ и, должно быть, мое вниманіе ему не нравилось—по крайней мѣрѣ, онъ вдругъ поднялся, странно захохоталъ и проговорилъ:

— Видѣлъ Мордовскаго... Ха-ха!..

— Ну?..

— Онъ хочетъ васъ на дуэль вызвать.

Жоржикъ не переставалъ смѣяться и при этомъ не смотрѣлъ на меня. Я тоже расхохотался.

— Съ удовольствіемъ отстрѣлю ему кончикъ уха.

— Ха-ха!..—отворачиваясь отъ меня, Жоржикъ добавилъ, вставая:—Что́ же сказать Ольгѣ Алексѣевнѣ?

— Буду!—неожиданно сорвалось съ моего языка.

X.—„На волосокъ отъ грѣха".

Анна Николаевна, несмотря на свою аккуратность, обѣдать не пришла. Я пообѣдалъ одинъ и досадовалъ. Я боялся, что она и къ вечеру не придетъ, и тогда я былъ увѣренъ, что пойду къ Ольгѣ Алексѣевнѣ. Дѣлать этого мнѣ очень не хотѣлось. Сказавъ „буду" Жоржику, я сейчасъ же раскаялся въ этомъ, и если бы онъ стремительно не убѣжалъ отъ меня съ своимъ отвѣтомъ, я бы измѣнилъ свое рѣшеніе.

Почему я сказалъ: „буду"? У меня мелькнуло инстинктивное нехорошее подозрѣніе относительно Жоржика и его политическаго амплуа, и мнѣ настоятельно захотѣлось порыться вокругъ него. Ольга Алексѣевна была близка съ нимъ, у нея можно было многое узнать, поэтому у меня и вырвалось: „буду"... Но я раздумалъ, и мнѣ показалось глупо и даже нехорошо выслѣживать въ чемъ-то человѣка по какому-то безсознательному толчку. Это — во-первыхъ; во-вторыхъ, идти для этой цѣли къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, отъ которой я вчера „чудомъ" спасся, — это мнѣ представлялось верхомъ несообразности и легкомыслія.

— Нѣтъ, не пойду!—рѣшалъ я вслухъ, шагая послѣ обѣда по комнатѣ съ папиросой въ рукѣ. Однако въ этомъ рѣшеніи я не слышалъ нужной рѣшительной нотки и маялся. Откуда-то кто-то будто шепталъ мнѣ:

— Нѣтъ, однако, пойдешь.

— Не пойду!..

По мѣрѣ приближенія вечера послѣднее заявленіе звучало все неувѣреннѣе. Я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и глядѣлъ черезъ садикъ на дорогу, но, увы, тонкая фигура Анны Николаевны тамъ не мелькала.

— Что ее могло задержать въ этой проклятой Женевѣ?—задавалъ я себѣ праздный вопросъ, праздный — потому что меня вовсе не интересовало—что. Мнѣ хотѣлось лишь, чтобъ она была здѣсь, и тогда я зналъ бы навѣрное, что никуда не пойду, несмотря на обѣщанное „буду".

Наступили сумерки — Анны Николаевны не было. Я сталъ медленно одѣваться. Одѣвшись, вышелъ и постоялъ въ садикѣ, потомъ, не торопясь, вышелъ изъ него и, не спѣша, направился къ Женевѣ. Съ момента, когда я оставилъ комнату, мою мысль самымъ отвратительнымъ образомъ захватила Ольга Алексѣевна. Я видѣлъ ее передъ собой, возбужденную, съ оживленными и какими-то жадными глазами. Это былъ какой-то кошмаръ наяву, я чувствовалъ ее подлѣ и не могъ смахнуть этого ощущенія. „Зачѣмъ я допустилъ до этого?"—мелькало у меня.

Мнѣ страстно хотѣлось повернуть назадъ домой и хотѣлось встрѣтить Анну Николаевну. Однако я шелъ все впередъ, закусивъ нижнюю губу, шелъ все скорѣе, а кошмарные переливы воображенія дѣлались все ярче...

Я немного успокоился къ моменту, когда пришлось подниматься на лѣстницу, гдѣ жила Ольга Алексѣевна. Я пересталъ видѣть ея глаза, ея фигуру, передо мной былъ мелкій умъ, у ко-

тораго „что-то шевелилось только у краевъ“. Я постучалъ въ дверь къ Ольгѣ Алексѣевнѣ и услышалъ:

— Войдите!

Ольга Алексѣевна сидѣла у стола и читала что-то у лампы. При моемъ входѣ она быстро поднялась съ мѣста и привѣтливо двинулась ко мнѣ. Съ перваго взгляда я уже понялъ, что она въ настроеніи, которое является продолженіемъ вчерашняго. Я молча поздоровался и молча усѣлся.

Она стояла противъ меня, одѣтая какъ вчера...

— Ну?..—односложно спросила она меня, чуть касаясь рукой моего плеча. Я невольно опустилъ голову и чувствовалъ, что падаю въ какую-то темную яму.

— Ну?—проговорила она и все той же рукой чуть приподняла мою голову кверху.

— Мы сегодня не въ духѣ... намъ... вчера помѣшали?— Она смѣялась всей грудью тихо, какими-то хватающими за нервы звуками.

Отъ этого смѣха тревожная напряженность первыхъ минутъ исчезла.

Мною овладѣвало раздраженіе; но я не далъ ему прорваться и какъ можно спокойнѣе проговорилъ:

— Ну, что̀ говорилъ вамъ Мордовскій вчера,—разсказывалъ что-либо объ инцидентѣ?

Она чуть отошла и, подумавъ, отвѣтила:

— Разсказалъ, но... но... я боюсь, что вы были правы... Сообщивъ мнѣ, онъ немедленно сталъ *оправдываться*... понимаете? Это дурно: значитъ, что-то гдѣ-то было не совсѣмъ чисто... Онъ уже написалъ въ свою Вильну, чтобъ оттуда ему выслали, такъ сказать, сертификатъ о его безупречности... Это уже совсѣмъ скверно... Безупречные люди такъ не поступаютъ: прежде всего они требуютъ предъявленія къ себѣ опредѣленныхъ обвиненій... Вчера онъ былъ и жалокъ, и скученъ.

— Жоржикъ мнѣ говорилъ, что онъ меня на дуэль собирается вызвать!—засмѣялся я, выходя изъ прежняго состоянія: разсужденія Ольги Алексѣевны мнѣ показались совсѣмъ не глупыми.

Она тоже усмѣхнулась презрительно и небрежно.

— Ду-эль?.. Онъ?.. Это такъ онъ разыгрываетъ трагедію... для „мордвы“...

— Что̀ за „мордва“?

— Громченко такъ обозвалъ десятокъ барышенъ, которыя около него свой штабъ-бабъ устроили...

Тонъ, которымъ теперь она говорила о Мордовскомъ, меня удивилъ; я не удержался и замѣтилъ:

— По совѣсти сказать,—я и васъ было-считалъ „мордовкой“.

Она засмѣялась и даже схватилась за бока.

— Я?!.. Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, сударь!.. Я — своя... ничья... и менѣе всего „мордовка“; но Мордовскаго я кое въ чемъ поддерживала до сихъ поръ,—мнѣ казалось, что стоитъ поддерживать; онъ упоренъ, трудолюбивъ... какъ паукъ какой-то: медленно, но поднимается и... совсѣмъ по незамѣтнымъ ниточкамъ... Изъ него выйдетъ толкъ, если эта исторія съ вами пройдетъ для него благополучно... А это зависитъ, кажется, больше всего отъ васъ.

Говоря это, она подошла опять совсѣмъ близко ко мнѣ. Я опять заволновался, прижался крѣпко къ спинкѣ стула и поспѣшилъ „разговаривать“. Кстати вспомнилась мнѣ моя „благочестивая“ цѣль прихода сюда.

— Скажите, Ольга Алексѣевна, Жоржикъ очень нуждается?

Это былъ вопросъ внѣ линіи ея мысли, и она отвѣтила какъ-то непроизвольно:

— О, нѣтъ! У него есть деньжонки, водятся...

Потомъ она спохватилась и добавила:

— Впрочемъ, не знаю навѣрное. Живетъ онъ очень скромно, иногда должаетъ... А что?..

— Да такъ... я не знаю, кого казначеемъ намѣтить для нашего дѣла!..—быстро придумалъ я ложь въ оправданіе своего вопроса.

Ольга Алексѣевна вновь отодвинулась отъ меня и что-то соображала, потомъ заявила:

— Казначеемъ буду я. Я рѣшила немедленно же войти въ вашъ комитетъ, но пока полуоффиціально. Поняли, мой другъ?

Я начиналъ понимать и только голову поднялъ, разсматривая ее съ возрастающимъ интересомъ. Она замѣтила мое вниманіе и совершенно правильно его объяснила:

— Да, да, мой дорогой... познакомимся—тогда совсѣмъ поймете... Кажется, Жоржикъ пришелъ?—вдругъ стала прислушиваться она, и быстро вышла изъ комнаты.

Я всталъ съ мѣста и прошелся по комнатѣ. За дверью Ольга Алексѣевна разговаривала съ Жоржикомъ. Я слышалъ ея чрезвычайно повелительный тонъ:

— Я сказала, что узнать нужно, поняли!.. Идите сейчасъ!

Ольга Алексѣевна вошла вся розовая и возбужденная. Я стоялъ посреди комнаты, и она направилась прямо ко мнѣ. При-

близившись, она стала рядомъ, но, видя мою неподвижность, взяла меня подъ-руку и повела къ столу со словами:

— Мордовскій уже обратился къ старикамъ эмигрантамъ съ просьбой устроить общественное судбище... Начинается!

— Ну, а они что?

— Ихъ отвѣта Жоржикъ еще не знаетъ, и я сейчасъ погнала его непремѣнно разузнать... Черезъ часокъ онъ будетъ здѣсь со свѣдѣніями... Ну, а пока?.. Будемъ скучать?.. Будемъ смотрѣть Макбетомъ?

Она остановилась и за каждымъ вопросомъ обжигала меня своими опять загорѣвшимися глазами, но не получала съ моей стороны въ отвѣтъ ни звука, ни движенія.

Я молчалъ. Ольга Алексѣевна опустила свои руки по моимъ и этимъ движеніемъ оставила на мнѣ какіе-то горячіе слѣды своихъ пальцевъ.

Я ощущалъ въ душѣ нѣчто держащееся на тоненькомъ волоскѣ, готовое оборваться, и я едва имѣлъ силы проговорить:

— Макбетъ?! Это вѣдь изъ поэзіи... Ольга Алексѣевна! Это не по вашей части?!

— Макбетъ?! Да!.. Это не по моей части, но, знаете, мнѣ хотѣлось бы имѣть... немножко воображенія...

Вдругъ она съ холодной тревогой проговорила:

— Двери! Ради Бога—двери!.. Я забыла...

Я отошелъ къ дверямъ, взялся за ихъ ручку и... вышелъ... Шаги мои шатались, и я бросился, какъ обезумѣвшій, по лѣстницѣ внизъ. При выходѣ на улицу, я остановился какъ вкопанный, столкнувшись неожиданно лицомъ къ лицу съ Анной Николаевной, которая хотѣла подниматься.

— Я за тобой шла. Жоржикъ сейчасъ былъ у Митровой и сказалъ, что ты здѣсь...—Она въ тревогѣ оглядывала меня.—Что съ тобой!?

Я ей не отвѣтилъ, и прошелъ молча впередъ. Когда, сдѣлавъ десятка два шаговъ по троттуару, я оглянулся,—Анны Николаевны я уже не увидѣлъ,—она не пошла за мной.

Я понялъ, что она поднялась наверхъ... къ Ольгѣ Алексѣевнѣ...

XI.—Митрова.

На другой день я вышелъ изъ своей комнаты лишь къ обѣду. Ни вечеромъ наканунѣ, ни утромъ, я не видѣлъ Анны Николаевны. Усаживаясь за столъ, я поймалъ на себѣ ея внимател-

ный взглядъ: должно быть, безсонная ночь оставила на мнѣ свои слѣды, и видъ у меня былъ не важный. Я молча принялся за ѣду, Анна Николаевна тоже ничего не говорила. Мнѣ почему-то казалось, что она въ общемъ знаетъ все, и мнѣ было тяжело сидѣть противъ нея и не имѣть силъ говорить.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ, Анна Николаевна выговорила первая:

— Вчера у Митровой я видѣла старика Жуковскаго.

Тонъ ея словъ былъ обычный; я поднялъ на нее глаза, и тихое спокойствіе, разлитое по ея лицу, мгновенно передалось мнѣ. Я спросилъ:

— Ну, а что̀ Митрова?..

— Т.-е., что̀ она говорила о встрѣчѣ? Это тебя интересуетъ?

Я кивнулъ головой.

— Она на тебя не обидѣлась... Но ей теперь вообще тяжело живется. Она вѣдь разошлась съ мужемъ, но не формально, и теперь онъ опять заявляетъ о своихъ правахъ на нее,—это, конечно, послѣ того, какъ она получила наслѣдство!.. Онъ даже сюда ѣдетъ!.. Вообще, неожиданное богатство дѣлаетъ ее прямо-таки несчастной. Она — человѣкъ слабохарактерный, и теперь стала объектомъ очень нехорошей политики со стороны нѣкоторыхъ „группъ“... Въ особенности на ея карманъ налегаетъ такъ называемая „мордва“... Ты ихъ знаешь?

— Знаю.

— Главное, что хотя она въ здѣшнихъ дѣлахъ и идеяхъ разбирается плохо,—„мордва“ ей почему-то особенно антипатична: она дѣйствуетъ крайне безцеремонно и прямо-таки отравляетъ жизнь Митровой... Теперь „мордовки“ чуть ли не очередное дежурство устроили у нея, — такъ сказать, взяли ее подъ свой неослабный надзоръ... Она мается, но не имѣетъ характера выпроводить ихъ... Боюсь, что это кончится тѣмъ, что онѣ ее опутаютъ, и она должна будетъ выкупать свою свободу и спокойствіе...

Я не могъ не согласиться. Анна Николаевна продолжала:

— Она очень хотѣла познакомиться съ тобой; она видѣла тебя, когда ты выступилъ съ сибирскими впечатлѣніями передъ публикой, и обрадовалась, когда Ольга Алексѣевна предложила познакомить тебя съ нею... Но она сейчасъ же насторожилась, когда та ей намекнула, что тебѣ нужны деньги на изданіе... Она не скупа, и считаетъ деньги несчастьемъ своей жизни: благодаря имъ, она сдѣлалась объектомъ домогательствъ негодяя и по безхарактерности вышла за него замужъ; благодаря день-

гамъ, она живетъ и здѣсь въ сферѣ самой тяжелой... По ея мнѣнію, деньги—проклятіе ея жизни... Можешь понять ея настроеніе, когда ей предлагаютъ познакомиться съ интересующимъ ее человѣкомъ и въ первую же очередь выдвигаютъ все то же: деньги, деньги!.. Она была поражена въ сущности странной сценой, которую ты ей устроилъ, но она не замѣтила ея странности, а только... обрадовалась и... расчувствовалась!.. Въ ея глазахъ ты теперь почти герой!

Во всемъ этомъ стала слышаться какая-то мнѣ еще незнакомая рѣзкая нотка; она прозвучала совсѣмъ отчетливо, когда Анна Николаевна съ холодной суровостью закончила:

— Словомъ, теперь, если хочешь, ты и ее всю можешь взять съ ея богатствомъ или безъ... смотря по твоимъ эстетическимъ склонностямъ...

Финалъ былъ рѣзокъ и неожиданъ. Я быстро поднялся. Наши глаза встрѣтились. Анна Николаевна глядѣла на меня съ какимъ-то спокойнымъ ожиданіемъ, поднявъ вилку въ рукѣ вверхъ остріемъ.

Ударъ былъ безпощаденъ. У меня не было словъ, и я опустилъ глаза.

— Я тебя обидѣла?—тихо спросила Анна Николаевна.

Я молчалъ; уже все во мнѣ было сковано. Она продолжала:

— Получить обиду больно, и такую, какъ ты сейчасъ получилъ, и другую... такую, какую ты нанесъ вчера Ольгѣ Алексѣевнѣ... Я все знаю...

Медленно и спокойно звучалъ этотъ голосъ.

— Когда ты убѣжалъ впередъ, я рѣшила вернуться и пойти къ Ольгѣ Алексѣевнѣ и узнать, въ чемъ дѣло. Она очень крѣпкій человѣкъ, тѣмъ болѣе крѣпкій, что нехорошій, но она не имѣла силъ солгать мнѣ и сказала все... Я взяла ее врасплохъ... Она разсказала мнѣ происшедшее безъ слезъ и истерики, но металась какъ тигрица,—это-то и было ужасно!.. Теперь ты скоро узнаешь, что̀ такое ненависть женщины!.. Я ей не вполнѣ вѣрю въ томъ, какъ все произошло; конецъ опрокидывалъ начало въ ея редакціи, но какъ бы вы ни доигрались... все равно: есть положенія, откуда возврата нѣтъ и не должно быть...

— Такъ мнѣ нужно было довести дѣло до конца?.. — нашлось, наконецъ, у меня съ трудомъ выговоренное слово.

— Да, разъ конецъ былъ на разстояніи секунды...

Мы снова глядѣли другъ на друга.

— Это говоришь ты?—снова спросилъ я.

— Это говоритъ женщина... не я говорю... Я буду говорить

объ этомъ, когда *ты* мнѣ разскажешь обо всемъ. Точка! Теперь я ничего не знаю, забыла...

Она помолчала и съ ясностью во взглядѣ и голосѣ заключила:

— Будемъ же обѣдать.

Я усѣлся. Внутри у меня все задвигалось; я хотѣлъ многое сказать, но не могъ: оковы, бывшія на мнѣ, какъ-то еще болѣе стягивались.

— Между прочимъ, — возобновляя разговоръ, сперва заговорила Анна Николаевна,—Мордовскій уже обращался къ старымъ эмигрантамъ съ просьбой дать ему возможность „общественнымъ образомъ — какъ онъ выразился — потребовать отъ тебя объясненій твоего поступка, бросившаго тѣнь на его репутацію“.

— Ну и что же? — тихо спросилъ я.

— Старики уклонились отъ этого, но „мордва“ не успокаивается и, вѣроятно, достигнетъ чего-либо у молодой части колоніи... Кстати, чтобы не забыть... Митрова очень просила тебя зайти къ ней... сегодня!.. Независимо отъ нашихъ отношеній, которыя, къ слову сказать, дали непоправимую трещину,—ты это понимаешь, конечно, — но независимо отъ всего этого я не совѣтовала бы тебѣ идти къ ней: она въ очень глупомъ и несчастномъ настроеніи, и знакомство съ тобой, qui es si beau parleur... вещь совершенно лишняя... Извини за откровенность.

— Не извиняю, а благодарю!

Мы окончили обѣдъ, и я всталъ. Мнѣ, собственно, не хотѣлось оставлять разговоръ на этой точкѣ, но, увы, настоящихъ словъ, тѣхъ, которыя могли бы меня удовлетворить, я не находилъ въ своемъ распоряженіи.

И Анна Николаевна какъ будто ждала отъ меня чего-то, но я, постоявъ нѣсколько минутъ у стола, пошелъ молча къ себѣ.

Я собственно не думалъ, не собирался никуда идти; но оказалось, что очень тяжела одна и та же кровля для двухъ людей, разошедшихся и засѣвшихъ по разнымъ угламъ и обдумывающихъ свои взаимныя „отношенія“.

Черезъ четверть часа я былъ уже на улицѣ. Я вышелъ изъ дома безъ опредѣленныхъ намѣреній, но передъ тѣмъ, какъ оставить садикъ, я обернулся и увидѣлъ вышедшую на балконъ Анну Николаевну; она глядѣла мнѣ вслѣдъ.

Что-то оборвалось у меня внутри, мнѣ стало невыразимо больно, и я быстро устремился впередъ, къ Женевѣ, навстрѣчу еще не сформулированному вполнѣ, но крайне тяжелому рѣшенію.

Оно клубилось въ сознаніи чѣмъ-то смутнымъ, безформеннымъ, но страшнымъ, и съ каждымъ шагомъ, который я дѣлалъ, мнѣ казалось, что позади меня расширялась съ болѣзненнымъ шумомъ какая-то трещина въ землѣ, превращалась въ пропасть и навсегда отдѣляла меня отъ Анны Николаевны, которую я тоже не переставалъ видѣть, какъ она стояла, и не уходила со своего балкона...

Въ такомъ состояніи я пришелъ въ Женеву и тамъ поставилъ себѣ вопросъ:

— Куда въ сущности я иду?

Сначала я повернулъ-было къ Громченко, потомъ остановился, пошелъ въ другую сторону и сталъ шляться безъ цѣли... Незамѣтно для себя я очутился недалеко отъ дома, гдѣ жила Митрова. Я вспомнилъ приглашеніе и рѣшилъ:

— Зайду къ ней...

Митрова встрѣтила меня и обрадованная, и немного смущенная.

— А я думала, что вы не придете,—созналась она.

— Почему же?..

— Да ужъ такъ... Сердечный вы... Ну, пойдемте въ мой уголокъ...

Она провела меня въ свой кабинетикъ и добавила:

— Тамъ публика засѣдаетъ... — Она указала на большую комнату, гдѣ говорилъ третьяго дня Полкановъ.

Я улыбнулся. „Мордва", очевидно, была на своемъ мѣстѣ. Когда мы усѣлись въ крошечной комнаткѣ у письменнаго стола, я съ интересомъ взглянулъ на Митрову и, не удержавшись, проговорилъ:

— Однако, тѣсновато въ вашемъ уголкѣ!..

— О, это и хорошо... По крайней мѣрѣ, только здѣсь я могу спрятаться!

— Отъ публики?—засмѣялся я.

— Ну... да...

Я вглядывался въ Митрову: она производила теперь иное впечатлѣніе, именно такое, которое вполнѣ соотвѣтствовало характеристикѣ Анны Николаевны.

Разговоръ очень быстро завязался. Митрова стала разсказывать о себѣ. Большую квартиру она сначала взяла по привычкѣ, а теперь держитъ, ибо „нельзя же: гдѣ-нибудь публика должна имѣть мѣсто собираться". Ей же самой „теперь нужна только небольшая комната!"

— Вотъ не больше этой... Я теряюсь въ пустотѣ и тоскую...

— Такъ отчего же вы не устроитесь согласно вашимъ желаніямъ!—спросилъ я.—Бросьте эти „аппартаменты“ и перекочуйте въ комнату...

— О, какъ можно! Да меня загрызутъ мои „дѣвицы“; кромѣ того, здѣсь я имѣю, куда убѣжать, запереться, а въ одной комнатѣ, если придетъ кто-либо мнѣ несимпатичный, то куда я дѣнусь изъ „одной“-то комнаты: на улицу? Такъ вѣдь я не люблю улицы, шуму этого, суеты... Нѣтъ, ужъ такъ, какъ есть—лучше! Публика приходитъ, уходитъ, а многихъ я и не вижу вовсе! Вѣдь я сама по себѣ кому нужна?.. Человѣкъ я неразговорчивый, интересныхъ бесѣдъ заводить не умѣю, тамъ спорить что-ли!.. Ну, и вотъ... меня оставляютъ въ покоѣ, развѣ потревожатъ на минуту, когда...

Она сконфузилась и остановилась.

— Когда ваше сочувствіе требуется? — помогъ я ей.

Она кивнула головой и еще болѣе покраснѣла.

Мы помолчали, и вдругъ у нея вырвалось:

— О, если бы я умѣла работать, я бы имъ отдала все, все!.. Я такъ ненавижу эти минуты, когда я должна „сочувствовать“; я чувствую тогда себя такой жалкой, ничтожной, и мнѣ дѣлается такъ противно жить, что, кажется, пошла бы... и умерла, если бы съумѣла это сдѣлать... Знаете?—неожиданно и живо обернулась она ко мнѣ:—я часто думаю, почему это Богъ не даетъ человѣку при его рожденіи... ну, ящичка такого что-ли,—гдѣ его, этого человѣка, смерть заперта:—вотъ тебѣ, живи, пока будетъ житься, а захочешь умереть—возьми и открой ящичекъ!....

Я улыбнулся. Отъ ея словъ на меня повѣяло чѣмъ-то неподдѣльно дѣтскимъ, и я мгновенно понялъ, какъ нужно держать себя здѣсь.

— А вы вѣрите въ Бога?—спросилъ я.

— Да... вонъ!—Она показала въ уголъ, гдѣ я увидѣлъ ранѣе незамѣченный снимокъ съ Мадонны Мурильо. Она висѣла совсѣмъ какъ икона.

— И молитесь?

— Нѣтъ, не молюсь... Я вѣрю, но... но... мнѣ кажется, что молиться оскорбительно для Бога. А вы вѣрите въ Бога?..

Я засмѣялся. Она поторопилась взять свой вопросъ назадъ.

— Ну, конечно, не вѣрите,—какая я, право...

Она говорила все это, какъ-то застѣнчиво отвернувшись; но вдругъ она вздрогнула и встрепенулась.

Въ дверь постучали.

По лицу Митровой, которое потеряло совершенно свою обычную сонливость, прошла страдальческая гримаска.

— Войдите! — проговорила она и, поморщившись, глядѣла на дверь.

Вошла непріятнаго вида дѣвица, съ некрасивымъ желтымъ лицомъ и угловатыми движеніями; я съ ней не былъ знакомъ, но уже видѣлъ ее у Ольги Алексѣевны. Она теперь очень подозрительно и враждебно взглянула въ мою сторону.

— Ну, Наденька, одѣвайтесь! — громко и рѣзко приказала она: — сейчасъ пойдемъ!

— Куда? — взмолилась Митрова.

— Куда?!.. Извѣстно, по дѣлу, а не на прогулку.

— По дѣлу? По какому?..

— Ну, объ этомъ я вамъ на улицѣ разскажу.

Дѣвица рѣзко повернулась въ мою сторону.

— Да я никуда не хочу идти, — краснѣя, заволновалась Митрова.

— Нѣтъ, Наденька, вы пойдете. Нужно. Одѣвайтесь, а „словесничать" съ этимъ господиномъ вы еще успѣете!

Я поднялся.

— Сударыня, — обратился я къ дѣвицѣ, — я, конечно, не жалѣю о томъ, что еще не имѣю чести быть съ вами знакомымъ, тѣмъ не менѣе я былъ бы доволенъ, если бы могъ на правахъ знакомства сказать вамъ: — ваше поведеніе довольно-таки оригинально!..

Я подалъ руку Митровой; она тоже встала и умоляюще поглядѣла на меня, не отпуская моей руки.

— Куда вы?.. Останьтесь, я прошу.

— Какъ?! — вскипѣла дѣвица, и вдругъ добавила съ обиженнымъ видомъ: — Нѣтъ, Надя, вы пойдете... Нужно идти къ Мордовскому; тамъ соберутся сегодня по важному дѣлу представители всей колоніи... Я не хотѣла говорить въ присутствіи этого господина...

Она указала на меня и добавила:

— Дѣло идетъ, кажется, объ его поступкахъ... Ну, одѣвайтесь же.

Митрова не оставляла моей руки. Неожиданно она поблѣднѣла и тихо выговорила, обернувшись къ дѣвицѣ:

— Слушайте, Морская, пожалуйста идите вы одна... Это дѣло меня не интересуетъ; къ Мордовскому я не пойду... хотя бы уже потому, что для меня нѣтъ здѣсь человѣка несимпатичнѣе, чѣмъ онъ... Пожалуйста!

— Симпатіи и антипатіи?!.. Это нужно, Наденька, оставить,

дѣло идетъ о покушеніи на безупречную честь человѣка... Общественное дѣло. Одѣвайтесь!

Дѣвица въ ожиданіи подбоченилась и поворачивалась на мѣстѣ.

— Я не пойду... Оставьте меня, ради Бога!

Дѣвица вспыхнула.

— Чтò это значитъ?!..

— Ахъ, ничего... Оставьте меня, это, наконецъ, невыносимо!..

У Митровой стояли слезы на глазахъ; она выпустила мою руку и тяжело опустилась въ кресло. Дѣвица медлила. Уйти ей не хотѣлось, и она злобно глядѣла на Митрову.

— Кажется, вашъ разговоръ здѣсь конченъ! — напомнилъ я дѣвицѣ:—будьте добры не мѣшать намъ!

Я поспѣшилъ ей открыть дверь и твердо проговорилъ:

— Пожалуйста!..

„Мордовка“ бѣшено выскочила изъ комнаты.

XII.—Пробужденіе спящей.

— Скажите, вы очень ее любите?.. Анну Николаевну?

Съ этимъ вопросомъ Митрова придвинулась ко мнѣ.

Мы сидѣли все тамъ же, въ крохотномъ кабинетикѣ. Моя хозяйка успокоилась. Лицо ея оживилось. Маленькое моральное усиліе, которое она только-что сдѣлала надъ собой, защищаясь отъ мордовки, не обезсилѣло ее, а наоборотъ, какъ будто разбудило въ ней тихо дремавшій запасъ энергіи. Глядѣла она веселѣе, а голосъ звучалъ рѣшительнѣе.

Даже послѣдній вопросъ, который неожиданно поворачивалъ бесѣду совсѣмъ въ иную сторону и безъ всякихъ предварительныхъ фразъ, она поставила съ удивительной простотой и смѣлостью.

Я не сразу нашелъ отвѣтъ. Митрова тогда добавила:

— У Анны Николаевны нѣтъ секретовъ отъ меня: я знаю ваши отношенія...

Я привелъ кое-какъ въ порядокъ чувства, съ которыми шелъ сюда и о которыхъ было-отрѣшился здѣсь и которыя вновь завозились въ душѣ при имени Анны Николаевны. Потомъ сказалъ:

— Однимъ какимъ-либо словомъ на вашъ вопросъ мнѣ трудно отвѣтить,—мои чувства къ ней сложнѣе простого влеченія мужчины къ женщинѣ... Но почему вы спрашиваете объ этомъ?

— Сейчасъ скажу. Вотъ... знаете ли... мнѣ показалось, что она, любимая и полюбившая, не вполнѣ счастлива, все-таки. А она стòитъ очень большого счастья! Это человѣкъ рѣдкой ду-

ховной красоты! Я сказала бы, что она святая женщина, но она лучше этого: она—чудный человѣкъ!.. Вотъ она вчера весь день провела у меня. Мы много говорили о васъ; она относится къ вамъ съ безпощадностью, иногда почти враждебной, но это и есть настоящая любовь, безъ повязки на глазахъ подошедшая къ принадлежащему ей сердцу... Она считаетъ васъ богатымъ матеріаломъ для крупнаго человѣка и боится, со слезами на глазахъ боится, чтобы жизнь не превратила васъ въ обидную миніатюру; а для этого здѣсь, за-границей, она видитъ всѣ данныя: и легкость первыхъ шаговъ, почти даровые первые успѣхи...

Митрова замолчала и поглядѣла на меня какъ-то вопросительно. Потомъ она выпрямилась, словно бы встряхнулась, и въ неожиданномъ порывѣ проговорила:

— Я ее очень люблю!.. Если бы я была мужчиной, я положила бы у ея ногъ всю свою жизнь и сказала:—Возьми!..—И она—единственная женщина, которая стòитъ этого... Вотъ такъ и любйте ее!.. Чисто и красиво!

Я былъ сильно тронутъ, и вдругъ у меня явился порывъ разсказать ей о тучѣ, нависшей надъ нашими отношеніями, но я не успѣлъ этого сдѣлать. Митрова снова заговорила:

— Я не могу вамъ сказать, — чтò такое значитъ: чисто и красиво. Но я попробую разсказать вамъ, чтò значитъ —нечисто и безобразно. Если вамъ я не надоѣла, то слушайте!.. Разсказывать?..—добавила она.

— Душа моя открыта!.. Ключъ у васъ,—отвѣчалъ я.

Митрова ласково улыбнулась, а я былъ серьезенъ.

— Я буду съ вами говорить какъ съ братомъ старшая сестра, которая неудачно вышла замужъ и вернулась домой послѣ цѣлаго ряда страшныхъ оскорбленій. Мой мужъ женился на мнѣ изъ-за денегъ, но... но онъ находилъ меня интересной женщиной... Вы понимаете?

Выговоривъ послѣднее слово, она нѣсколько пугливо посмотрѣла на меня, но мой видъ былъ попрежнему очень серьезенъ, и она продолжала смѣлѣе:

— Но иногда онъ приходилъ ко мнѣ, только-что оставивъ другую женщину. Онъ былъ недуренъ собой, большой весельчакъ и въ дѣлахъ съ женщинами обнаруживалъ и большую предпріимчивость, и рѣшительность... Однажды, подъ пьяную руку, онъ мнѣ прихвастнулъ, что овладѣлъ одной женщиной, съ которой только-что познакомился, послѣ пятнадцати минутъ разговора... И я ему вѣрю: это могло быть... Онъ отъ меня вообще не скрывалъ своихъ приключеній: онъ предполагалъ, что чрезъ

это дѣлается гораздо интереснѣе и для меня... Онъ самъ мнѣ говорилъ, что съ того момента, какъ онъ узнаетъ о какихъ-либо моихъ „побѣдахъ“, онъ съ большей гордостью придетъ ко мнѣ... Вотъ такъ-то мы и зажили: съ вечера онъ грязнилъ мое воображеніе пакостными разговорами и анекдотами, а утромъ оставлялъ меня въ такомъ видѣ и настроеніи, что я себѣ сама казалась грязнѣе тряпки... Я стала себѣ противна, его возненавидѣла, и то, что такъ прочно привязываетъ мужчину къ женщинѣ и обратно, стало мнѣ внушать глубокое омерзѣніе... Къ концу года я стала сопротивляться... Онъ сталъ брать меня насиліемъ, и такъ какъ это давало ему, очевидно, особаго рода удовольствіе, то онъ чаще мучилъ меня и всегда старался вызвать у меня желаніе вступить съ нимъ въ неравную борьбу... Однажды я заперлась отъ него, ибо онъ на моихъ глазахъ привязывался къ горничной. Онъ выломалъ дверь и ворвался... Онъ всю меня истерзалъ, но я успѣла выскочить изъ его рукъ и, схвативъ револьверъ, молила оставить меня въ покоѣ...Я выстрѣлила въ него и ранила въ плечо... Уже лежа, забинтованный, онъ предложилъ мнѣ: „убираться!“... Такимъ-то образомъ я вырвалась на свободу... Такъ, вотъ, все это я называю нечистой любовью... О, если бы я умѣла это лучше объяснить!..

Она умолкла. Молчалъ и я. Этотъ простой разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Митрова ласково заключила:

— Такъ-то. Вотъ такого сорта любовь... грѣхъ, преступленіе.

Когда она окончила, у меня явился опять порывъ разсказать ей о женщинѣ, появившейся среди нашихъ отношеній съ Анной Николаевной, и я заговорилъ легко, безъ принужденія. По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, мнѣ дѣлалось все грустнѣе, а Митрова застыла въ какомъ-то испугѣ.

Я сообщилъ ей все происшедшее у Ольги Алексѣевны, но ее не назвалъ; сообщилъ я и разговоръ съ Анной Николаевной, конечно, кромѣ того, что касалось самой Митровой.

— Такъ вотъ и судите,—оканчивалъ я:—я не чувствую себя правымъ настолько, чтобы вернуться; но я не чувствую за собой никакой вины, чтобы уйти навсегда... Сегодня я останусь въ Женевѣ, а дальше сдѣлаю то, что скажутъ умъ и сердце...

— Нѣтъ, нѣтъ!—энергично замахала руками Митрова.—Вы сегодня же отправляйтесь назадъ. Пусть будетъ тяжело, но не тяжелѣе же, чѣмъ такъ. Вы можете не разговаривать, но будьте вмѣстѣ, не слѣдуетъ расширять трещины неловкими движеніями... Вы только обсудите ея чувства! Они—одни, когда вы близко, и

они—другія, когда вы далеко: неизвѣстно почему и неизвѣстно гдѣ! Вы вѣдь не чужіе другъ другу!

Потомъ, помолчавъ немного, она добавила:

— По моему мнѣнію, у васъ было... мало основаній сходиться, но разъ это случилось, то основанія для разрыва должны быть серьезнѣе... Конечно, можетъ быть, я говорю это безсознательно, проникаясь теоріями моего бывшаго мужа, или, вѣрнѣе, одной стороной ихъ... Я-то вѣдь понимаю, что можно отдаться внѣшне одному и принадлежать душой другому... О, какъ я это понимаю!

Она встала и провела рукой по лбу. Потомъ съ нѣкоторымъ усиліемъ продолжала:

— Вѣдь и я любила, хорошо, чисто любила!.. Любила одного человѣка, въ то время, когда принадлежала другому; онъ приходилъ, глядѣлъ на меня, вздыхалъ и уходилъ... Однажды мужъ ему сказалъ какую-то грубость и мнѣ сознался: „Я его хочу прогнать, онъ что-то ужъ очень долго собирается мнѣ рога ставить—слюняй какой-то“... Но онъ больше не пришелъ, а прислалъ мнѣ страстное письмо и вовсе уѣхалъ изъ того города, гдѣ мы жили!.. Такъ вотъ я и осталась вѣрной женой невѣрному супругу... Впрочемъ, я собственно не объ этомъ... а мнѣ хотѣлось сказать, что наша плоть и душа не всегда въ согласіи живутъ... Вѣдь, полюбивъ, я должна была бы отклонить отъ себя мужа, однако я этого не сдѣлала, и наоборотъ, въ тѣ минуты, когда онъ былъ приличенъ и вспоминалъ, что и я человѣкъ, т.-е. когда онъ не былъ грубъ, а подходилъ ко мнѣ мягко... Вообще, это—проклятая область!

Я не успѣлъ ничего отвѣтить. Рѣзкій звонокъ заставилъ насъ вздрогнуть. Митрова поспѣшила въ переднюю. Черезъ секунду я услышалъ знакомый мнѣ голосъ Жоржика:

— Ну, конечно, я зналъ, гдѣ его найти. Подайте его намъ сюда!

Я понялъ, что рѣчь шла обо мнѣ, и вышелъ на голоса. Въ передней я увидѣлъ не только Жоржика, но и Громченка. Послѣдній что-то хотѣлъ мнѣ сказать, но Жоржикъ вылѣзъ впередъ.

— Имѣю честь сообщить вамъ, что представители русской колоніи въ Женевѣ, собравшись для сужденія по поводу всего происшедшаго между вами и господиномъ Мордовскимъ, приглашаютъ васъ сейчасъ же на собраніе для защиты вашихъ моральныхъ интересовъ!

Эту тираду онъ выговорилъ очень важно и громко. Онъ былъ полонъ своей роли... герольда общественной воли.

— Чтò за пустяки! Не ходите!—торопливо заговорила Миртова.—Отправляйтесь лучше сейчасъ же къ себѣ.

Жоржикъ только руками развелъ:—Вотъ онѣ—женщины!..

Но Громченко былъ тоже противъ того, чтобы я шелъ.

— Чтò за экстренность?.. Тьфу! Развѣ такъ собираются представители колоніи для „сужденія“?.. Нужно оповѣстить дѣйствительно всѣхъ... Это вѣдь узурпація!!.. Они узурпируютъ правомъ называться выразителями общественнаго мнѣнія!..

Я раздумывалъ. Громченко отвелъ меня въ сторону, убѣждая не ходить:

— Пусть покипитъ, пусть исторія разростется; завтра мы бросимъ въ публику нашу первую брошюру,—она набрана и уже печатается,—понимаете!

Онъ былъ доволенъ и потиралъ руки, но я рѣшилъ пойти на собраніе. Рѣшилъ пойти защищать свои моральные интересы, которые, по совокупности обстоятельствъ, мнѣ показались въ серьезной опасности.

— Ну... такъ и я пойду съ вами!—заявилъ Громченко.—Одного васъ туда пустить нельзя,—можетъ быть, и до рукопашной дойдетъ... Это тоже бываетъ...

Громченко собрался-было слѣдовать за мной и Жоржикомъ, но Митрова его остановила.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, раньше, чѣмъ вы уйдете, ужъ разъ вы попали ко мнѣ, нужно вамъ десятокъ-другой холодныхъ словъ сказать,—пожалуйте-ка!..

Громченко нѣсколько смѣшался, но все же пошелъ за ней въ „ея“ уголокъ, и только попросилъ меня не уходить безъ него.

Я остался съ Жоржикомъ въ передней. Жоржикъ демонстративно отвернулся отъ меня. Было очевидно, что внѣ своей оффиціальной миссіи онъ не желалъ со мной бесѣдовать.

Это до извѣстной степени мнѣ уже указывало на настроеніе „собранія“ представителей нашей колоніи въ Женевѣ. Я не могъ не задуматься и уже колебался—идти ли мнѣ, или не идти?

Въ это время, послѣ двадцати-минутной бесѣды съ Митровой, появился Громченко; онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и сильно сконфуженнымъ тономъ, почесывая въ затылкѣ, сказалъ:

— Ну, идемъ!..

Мы вышли на улицу; Жоржикъ шагалъ впереди, заложивъ руки въ карманы.

— Чортъ бы васъ взялъ, землякъ! Вы зачѣмъ это разболтали передъ Анной Николаевной о томъ, чтò я говорилъ вамъ о Митровой?..

Я обернулся къ нему.

— А... значитъ, она васъ на „исповѣдь" позвала!

— Да, поисповѣдывала... Ну, чортъ, а не баба... Глядитъ— какъ сонная, а вдругъ проснулась! Впрочемъ, я радъ, что вы разболтались... По крайней мѣрѣ, я теперь утру носъ нѣкоторымъ франтамъ, въ особенности троимъ, которые пекутъ утокъ за ея счетъ... Знаете, что̀ она мнѣ сказала, а?.. Вы, говоритъ, милый дурачокъ, удержите себя за язычокъ, а тѣмъ господамъ, которые насчетъ интимностей какихъ-то со мной похваляются, скажите, что-де Митрова проситъ передать вамъ, господа хорошіе: двухъ изъ васъ она честью попросила изъ квартиры своей вонъ, а третьяго, болѣе рѣшительнаго, пощечиной выпроводила... Вспомните про это и не очень громко небывшія никогда вещи сочиняйте, а то, можетъ быть, и публично, и скверно... Митрова лѣнива и сонлива, но можетъ и проснуться... Такъ-то... Да, проснулась, кажется, бабёнка, и прелесть какая стала!.. Чортъ возьми, вотъ взять развѣ и жениться на ней, а? — со смѣхомъ заключилъ мой пріятель.

— Да, недурно было бы! Если и она не прочь пойти за васъ замужъ!

— Ah ça, par exemple! — произнесъ небрежно Громченко.

Такъ мы шли за Жоржикомъ, пока онъ не остановился передъ однимъ кафѐ.

Сдѣлавъ театрально-трагическій жестъ, онъ показалъ намъ рукой:

— Здѣсь!..

Потомъ пропустилъ насъ эффектно мимо себя, и когда мы вошли въ отдѣльную комнату при кафѐ, переполненную русской публикой, онъ остановился за нами, какъ конвойный или часовой, вытянувшись въ струнку.

— Вотъ, молъ: преступники на лицо!..

Я разсмѣялся и сталъ оглядывать „собраніе представителей"...

Громченко тихо выругался:

— Все—„мордва"! русскіе не-русскіе и вообще собраніе... насѣкомыхъ... Тьфу! Совѣстно и наскандалить здѣсь!

Онъ былъ недоволенъ и сердито истреблялъ спички, стараясь закурить давно потухшую папиросу.

XIII.—Ванька-художникъ.

Я съ любопытствомъ оглядывался.

Въ центрѣ всей публики, преимущественно женской, стоялъ столикъ. Недалеко отъ него возсѣдалъ, скрестивши руки, самъ „виновникъ торжества“—г. Мордовскій. Какъ и всѣ, онъ былъ въ шляпѣ и низко опустилъ на глаза ея поля. Онъ мрачно глядѣлъ въ землю передъ собой и вообще всей своей фигурой довольно удачно изображалъ оскорбленную невинность...

„Жаль, что здѣсь нѣтъ Ваньки художника! — подумалось мнѣ:—онъ бы тебя запечатлѣлъ какъ слѣдуетъ!..“

Ванька-художникъ былъ мой большой пріятель, тоже сибирскій обитатель и тоже покинувшій Сибирь безъ разрѣшенія „начальства“. Гдѣ онъ былъ теперь, я не зналъ, и равнымъ образомъ не зналъ, почему именно теперь онъ мнѣ вспомнился. Я продолжалъ оглядывать публику. За столикомъ сидѣла не кто другой, какъ сама Ольга Алексѣевна. Лицо ея было блѣдно, а глаза горѣли, но въ остальномъ она держала себя спокойно и даже шутила, улыбалась, обращаясь къ сосѣдямъ. На меня она взглянула раза два мелькомъ и быстро отворачиваясь. Недалеко отъ нея помѣстился польскій еврей, мой оппонентъ въ спорѣ, въ кафè, гдѣ я встрѣчался съ Мордовскимъ.

Физіономій старыхъ колонистовъ среди публики я не замѣтилъ; они отсутствовали, очевидно, не желая принимать участія въ этой комедіи. Вообще, приглядѣвшись къ публикѣ, я убѣдился, что она старательно подобрана, и что вообще ея не такъ ужъ много, какъ то показалось мнѣ сразу.

Съ открытіемъ собранія почему-то медлили—очевидно, гг. устроители еще кого-то поджидали. Наконецъ, эта ожидаемая публика явилась; то была группа изъ пяти или шести дюжихъ хлопцевъ, якобы студентовъ, постоянныхъ завсегдатаевъ извѣстнаго въ Женевѣ „Café lyrique“—большихъ пьяницъ, любителей скандаловъ, не интересующихся ни наукой, ни политикой. Эта группа молодцовъ подозрительно окружила меня. Я обратилъ на это вниманіе, а Громченко сталъ усиленно чесать себѣ переносицу, сердито сопѣлъ и вдругъ перемѣнилъ мѣсто такъ, чтобы отдѣлить меня отъ одного рослаго, уже возбужденнаго пивомъ дѣтины, который сталъ почти рядомъ со мной.

— Понимаете?—шепнулъ мнѣ пріятель.

Я кивнулъ головой. Я начиналъ понимать.

Въ ту же минуту прозвучалъ рѣзко и отчетливо голосъ Ольги Алексѣевны:

— Объявляю собраніе открытымъ... Меня просятъ предсѣдательствовать... Несогласныхъ прошу поднять руку...

Среди наступившей за этимъ тихой, какой-то торжественной минуты подняли руки только я и Громченко, и сейчасъ же ихъ опустили. Ольга Алексѣевна бросила мнѣ болѣе долгій и злобно-торжествующій взглядъ. Затѣмъ она изложила суть столкновенія между мною и Мордовскимъ, его просьбу „общественно обсудить инцидентъ". Послѣ всего этого, предоставивъ слово самому обиженному, она усѣлась маленькимъ Наполеончикомъ въ юбкѣ за свой столикъ.

Мордовскій медленно поднялся, медленно еще болѣе нахлобучилъ на глаза шляпу, сталъ медленно собираться говорить и вдругъ, издавъ какіе-то хриплые звуки, выхватилъ платокъ, поднесъ его къ лицу и снова опустился на свое мѣсто, не сказавъ ни слова. Его плечи и голова стали смѣшно подергиваться. На меня всѣмъ этимъ онъ произвелъ впечатлѣніе очень плохого актера.

Тогда поднялась Ольга Алексѣевна и, указывая на Мордовскаго, трагически проговорила:

— Онъ слишкомъ оскорбленъ!.. Не можетъ говорить! Мы должны уважать это... Попросимъ сторонняго свидѣтеля... Г-нъ Гольдблюмъ... слово за вами!

Гольдблюмъ поднялся. Онъ зачѣмъ-то выпятилъ грудь, поправилъ бородку и тихо началъ:

— Господа, къ великому моему сожалѣнію, я былъ невольнымъ свидѣтелемъ... оскорбленія, которое было нанесено уважаемому г. Мордовскому!

— Понимаете!?—снова шепталъ мнѣ Громченко:—какъ начинаютъ-то: „уважаемый", „онъ не можетъ говорить, мы должны уважать это"... А каково арранжировано-то!..—Онъ былъ уже красенъ и, сжимая кулакъ, сильно выдвинулся впередъ.

Гольдблюмъ витіевато, сознательно усиливая свой особый акцентъ, изложилъ содержаніе сцены въ кафѐ. Причемъ оказалось, что я первый обратился въ сторону Мордовскаго и далъ ему такимъ образомъ поводъ вмѣшаться въ разговоръ, и т. д.

— Слово за вами! —обратилась Ольга Алексѣевна ко мнѣ; я почувствовалъ себя центромъ многихъ враждебныхъ взглядовъ и ощутилъ вокругъ себя напряженное злое вниманіе.

Чтò я имъ могъ сказать? Прежде всего я спросилъ:

— Мнѣ интересно было бы знать, чтò пожелаетъ собраніе „представителей русской колоніи“ услышать отъ меня?..

— Подтвердите фактъ! — свирѣпо взвизгнула Ольга Алексѣевна; она, разговаривая прямо со мной, теряла самообладаніе. Меня тоже начинало захватывать бѣшенство, но наружно я былъ спокоенъ.

— Въ чемъ подтвердить: въ томъ, чтò тамъ ложь, или въ томъ, чтò тамъ правда?..

Гольдблюмъ протестующе поднялся со своего мѣста, но его поспѣшили усадить.

Ольга Алексѣевна молчала, она хотѣла овладѣть собой.

— Разскажите, какъ было дѣло! — раздался откуда-то чей-то необыкновенно мнѣ знакомый голосъ.

— Хорошо, я разскажу, но прежде всего сообщите мнѣ: какой смыслъ всего этого собранія, для чего и кому нужно знать — чтò именно произошло между мной и Мордовскимъ?..

Ольга Алексѣевна молчала, ее вышибло изъ колеи, и опять помимо нея изъ публики одинъ болгаринъ-студентъ взялъ на себя роль выразителя всего собранія.

— Вы обвинили Мордовскаго въ предательствѣ... Нужно доказать!.. — сказалъ онъ. Я повернулся къ нему.

— Я его не обвинялъ. Я ему не подалъ руки и мотивировалъ свой поступокъ... Если онъ полагаетъ, что я долженъ почему-то и что-то доказывать, то онъ ошибается: это его дѣло — доказать свою политическую базу прочности, и не здѣсь, передъ случайнымъ сборищемъ людей, изъ которыхъ кое-кого слѣдуетъ тоже держать на выстрѣлъ отъ всякаго дѣла, а только въ средѣ его, Мордовскаго, бывшихъ товарищей, изъ которыхъ кто въ тюрьмѣ, а кто и въ ссылкѣ...

Я выговорилъ все это при полной тишинѣ.

— Идемъ! — тихо толкнулъ меня Громченко: — лучше не скажете. Точка. Идемъ. Лучше сейчасъ уйдемъ, — сквернымъ пахнетъ.

Но я не хотѣлъ уходить.

Публика не сразу раскусила сказанное, и только Ольга Алексѣевна визгливо закричала:

— Да чтò это такое, господа? Онъ насъ всѣхъ оскорбляетъ!

Собраніе тогда загудѣло...

Но я опять заговорилъ громко, стараясь покрыть шумъ:

— Не обижайтесь, господа! Вѣдь пока чтò — вы въ лучшемъ случаѣ учащіеся... и далеко еще не революціонеры, не дѣятели... Вы устраиваете собранія, читаете брошюры, ибо вы „въ краяхъ

свободы"... На родинѣ вы будете такъ же далеко стоять отъ настоящихъ революціонныхъ дѣлъ, какъ и теперь... Вы туда вернетесь химиками, докторами—и только... Мордовскій унизилъ себя, обращаясь къ вамъ съ просьбой реабилитировать себя... Какой бы онъ ни былъ, — не вамъ всѣмъ, здѣсь случайно присутствующимъ, не только оправдывать, но и судить его... Онъ—одно, а вы—другое!..

Я прервалъ, ибо видѣлъ, что мои сосѣди—„революціонная" молодежь изъ „Café lyrique" — еле удерживаетъ себя на мѣстѣ. Впрочемъ, и всѣ кругомъ были тоже возбуждены, вскочили съ мѣста и инстинктивно двигались ко мнѣ и Громченкѣ.

Въ этотъ критическій моментъ Жоржикъ, растолкавъ публику, вскочилъ на столикъ и, отчаянно жестикулируя, завопилъ:

— Господа, этого оставить нельзя!.. Я попалъ въ кафé, гдѣ былъ оскорбленъ Мордовскій, черезъ пять минутъ послѣ инцидента... Передъ кафé я встрѣтилъ Мордовскаго,—онъ тогда потерялъ разсудокъ и, встрѣтивъ меня, крикнулъ: „Завтра меня уже не будетъ въ живыхъ, отошлите мой прахъ въ Сибирь!.."

„Прахъ", „Сибирь"—это произвело необыкновенный эффектъ.

— Вонъ ихъ!!..—заревѣли вокругъ насъ; молодцы рядомъ встрепенулись, но тутъ произошло нѣчто неожиданное: кѣмъ-то ловко пущенная пивная кружка чуть-было не угодила въ зубы Жоржику, пролетѣла и съ трескомъ разсыпалась у стѣны. Ораторъ на своемъ столѣ растерянно застылъ. Публика тоже на мгновеніе растерялась и оглядывалась.

— Долой „шпика"! Нашли, кого слушать!.. Долой его! Ахъ, вы, идіоты!..—среди тишины это раздавалось изъ одного угла, какъ выстрѣлы. Говорилъ все тотъ же голосъ, показавшійся мнѣ раньше знакомымъ.

Всѣ мгновенно двинулись на него, какъ бы забывъ о насъ; мы тоже стали протискиваться къ неожиданному союзнику. Ему, очевидно, приходилось плохо, ибо онъ крикнулъ:

— Дальше руки... я съ огнемъ... перестрѣляю кавалеровъ, а дѣвицамъ подолы прожгу!..

Когда я и Громченко, наконецъ, протиснулись впередъ, то увидѣли въ углу, за баррикадой изъ двухъ опрокинутыхъ столовъ, обшарпанную фигуру не то итальянца, не то русскаго, который, вытянувъ револьверъ въ рукѣ, готовъ былъ стрѣлять.

Я вглядѣлся и вдругъ узналъ... Ваньку-художника...

А онъ продолжалъ успокоивать публику движеніемъ револьвера и словами:

— Черти, назадъ!.. Говорятъ вамъ, это доподлинный шпикъ!..

Отлично его знаю... Вы лучше его не упускайте, только врядъ-ли вы его теперь найдете... Онъ подъ-шумокъ уже того: тю-тю! далеко!

Это заставило многихъ обернуться. Жоржика на столѣ уже не было, не видно было его и въ кафé. Ольга Алексѣевна и самъ Мордовскій заметались, тщетно разыскивая его и выкрикивали:

— Жоржикъ, Жоржикъ!..

Но Жоржикъ испарился. Этотъ, очевидно, предпочиталъ „не реабилитироваться“. Когда въ этомъ окончательно убѣдились всѣ, то настроеніе публики круто измѣнилось: кто сконфуженно улыбался, а кто во всю хохоталъ.

— Вотъ дѣлà!... Дурацкое положеніе!

Съ этимъ воинственная группа изъ „Café lyrique“ потянулась къ „своимъ дѣламъ“... Это знаменовало полный провалъ „затѣи“. Ольга Алексѣевна о чемъ-то свирѣпо зашепталась съ Мордовскимъ, который сидѣлъ какъ въ воду опущенный.

Дѣвица, съ которой я имѣлъ столкновеніе у Митровой, почему-то метнулась ко мнѣ и предупредила:

— Уходите. Противъ васъ былъ заговоръ, васъ поколотить хотѣли!

— Хотѣли?!..—Я засмѣялся, поблагодарилъ ее за „своевременное“ предупрежденіе, и мы, я, Громченко и Ванька-художникъ, оставили спокойно кафé.

— Собственно, нужно послѣ этой передряги поѣсть и попьянствовать, а?.. У кого изъ васъ водятся франки?..—соображалъ Ванька уже на улицѣ.

Громченко съ восторгомъ ухватился было за это предложеніе, но я отказался. Я вспомнилъ, что мнѣ пора къ Аннѣ Николаевнѣ. Ванька пытливо посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Удивительно. Вы не хотите попьянствовать? Ну, значитъ, съ бабами связались... Упокой, Господи, душу раба твоего... До свиданія!..

— Заходите же ко мнѣ!—крикнулъ я ему въ догонку.

Онъ кивнулъ головой и, подхвативъ Громченко подъ-руку, увлекъ его. Признаться, я не безъ нѣкоторой зависти поглядѣлъ имъ вслѣдъ.

Вотъ она—жизнь по своей вольной волюшкѣ!

Съ этимъ я въ раздумьи повернулъ къ себѣ. Было уже поздно и темно, когда я вошелъ въ садикъ. Однако, на балконѣ я все-таки замѣтилъ двѣ фигуры. Одна, несомнѣнно, была Анна Николаевна, а другой—я не узналъ, и только поднимаясь по лѣстницѣ, предположилъ: не Митрова ли?..

Мое предположеніе оправдалось. Въ общей комнатѣ меня встрѣтили и та, и другая.

— Ну, чтò: *съ нимъ* или *на немъ?*—шутила Митрова.

Я взглянулъ на Анну Николаевну; выраженіе лица ея стало мягче, спокойнѣе, и я сталъ разсказывать въ подробностяхъ о ходѣ собранія, и поневолѣ долженъ былъ остановиться на личности моего Ваньки. Моя характеристика послѣдняго очень заинтересовала Митрову.

— Прелесть мальчикъ! — вслухъ восторгалась она этимъ вѣчно странствующимъ парнемъ. — Обязательно сведите меня съ нимъ.

Я пообѣщалъ и, окончивъ разсказы, устало опустился на стулъ. Наступило молчаніе, причемъ я замѣтилъ, что Митрова и Анна Николаевна обмѣнялись какими-то взглядами. Я насторожился и сразу сообразилъ: зачѣмъ здѣсь Митрова. Почему-то мнѣ стало не совсѣмъ ловко.

Но Митрова, помолчавъ, медленно поднялась и проговорила:

— Ну, дѣти мои...—она ласково положила руку на плечо Аннѣ Николаевнѣ, а другую протянула ко мнѣ—я думаю, что пока у васъ нѣтъ серьезныхъ поводовъ смотрѣть другъ на друга чужими глазами, подайте-ка свои руки и соединимъ ихъ...

Анна Николаевна, которая, очевидно, еще менѣе меня ожидала такой сцены, по обыкновенію чуть порозовѣла. Однако, наши руки соединились въ рукѣ Митровой...

Вдругъ на Митрову нашло какое-то вдохновеніе,—она выпрямилась и хотѣла сказать что-то торжественное...

Но словъ у нея не нашлось, и она съ глазами, полными слезъ, неожиданно обняла, крѣпко поцѣловала Анну Николаевну и закончила:

— Теперь я съ миромъ уйду!.. Но вы меня все-таки проводите немного, обратилась она ко мнѣ.

Я взялся за шляпу, и мы вышли.

Дорогой Митрова мнѣ сказала:

— Слушайте, братишка, еще разъ васъ попрошу: любите ее сильнѣе...

Потомъ она грустно добавила:

— Вотъ я васъ, глупыхъ, помирила и даже *обвѣнчать* хотѣла,—обвѣнчать въ вашемъ сознаніи,—а вотъ самой мнѣ не весело что-то!.. Пусто какъ-то вокругъ меня сейчасъ стало... Чтò это такое—не понимаю, точно у меня чтò отняли! Впрочемъ, оно и правда: вы у меня отняли Анну Николаевну;

нехорошо она меня встрѣтила, какъ камень сидѣла передо мной, пока я ее разубѣждала и просвѣщала. Я ужъ сочла свою миссію погибшей, но вы вернулись, какъ нельзя болѣе кстати... Она мгновенно смягчилась... И то, что̀ я сдѣлала, я совершила уже по какому-то наитію свыше, экспромтомъ... Ну, ступайте теперь домой, дальше я одна пойду.

Мы распрощались.

— Заходите когда-нибудь, навѣстите меня!—крикнула она, уже отходя:—съ Анной Николаевной заходите!—почему-то подчеркнула она.

Я поглядѣлъ ей вслѣдъ. Мнѣ было ее очень жалко. Изъ всего, ею сказаннаго, меня особенно сильно ударила эта боль одиночества, такъ просто и безъискусственно выглянувшая изъ ея сердца. Я пошелъ домой, и вдругъ у меня явилась одна неожиданная идея.

„Недурно бы было—думалось мнѣ,—если бы бродяга Ванька сблизился съ нею. Въ сущности они были бы не солидной, но великолѣпной парой!.. Онъ ничего и ни отъ кого не требуетъ и самъ къ себѣ не предъявляетъ никакихъ требованій. Она—въ этомъ же родѣ... Оба обычно сонно глядятъ куда-то въ туманную даль, но оба способны проснуться, надавать пощечинъ и стрѣлять изъ револьверовъ при случаѣ... Отличная была бы пара!.. Если и не для долгаго счастья, то во всякомъ случаѣ ничѣмъ незахмуреннаго".

— Эй, вы, тамъ, впереди!.. Если русскій, обождите! — по-русски меня окликнулъ кто-то сзади. Я вздрогнулъ отъ неожиданности и остановился. Изъ мрака меня догоняла какая-то фигура... Когда она приблизилась, мы оба расхохотались—то былъ самъ Ванька.

— Чортъ его знаетъ, заблудился въ этихъ проклятыхъ дорожкахъ!..—ругался онъ.

— Да вы чего блуждаете? Гдѣ Громченко?

— А, чортъ его возьми, онъ моментально пьянъ напился, совсѣмъ безъ желудочной выдержки человѣкъ!.. А я вотъ ночлега ищу. Указали мнѣ адресъ, да я здѣсь потерялся...

— Слушайте! — быстро сообразилъ я: — хотите поспать удобно, уютно, сладко?..

— Не мѣшало бы!—зѣвнулъ Ванька.

— Такъ вотъ, летите, догоните даму,—вы ее должны были встрѣтить... скорѣе! Она недалеко ушла: отрекомендуйтесь и скажите, что вы отъ меня.

Ванька не двигался.

— Дама...—размышлялъ онъ:—Ну ее!.. Я лучше къ вамъ.

— Идите за ней... У меня тоже не безъ дамы,—вѣдь я женился...

— Ой-ой!.. Такъ оно и вправду лучше подъ Салэвъ идти ночевать!.. Чортъ!.. Ну и Женева: вездѣ либо дама, либо дѣвица... Женская республика... Женъ-Евъ-ская республика! Ха-ха!

Онъ удовлетворился своимъ каламбуромъ и, кажется, дѣйствительно располагалъ идти ночевать „подъ Салэвъ". Но я его обернулъ и толкнулъ въ направленіи за Митровой.

— Не дурачьтесь! Ступайте! Ее зовутъ Митрова. Великолѣпный человѣкъ, интересный... Она, братъ, изъ двухъ тюремъ бѣжала, — на границѣ, перебираясь, пограничнаго стражника подстрѣлила!!.

Послѣдняя моя импровизація попала въ точку. Ванька любилъ все „героическое". Онъ, не говоря ни слова, устремился за Митровой. Я зажегъ его воображеніе.

Я долго, стоя на мѣстѣ, самъ смѣялся своей шуткѣ, которую не могъ считать неудачной... Потомъ пошелъ домой.

Анна Николаевна еще не спала, она меня поджидала...

Когда я, наконецъ, послѣ этого дня сталъ засыпать, мнѣ было очень покойно и хорошо; мнѣ казалось, что отнынѣ моя жизнь получила какія-то прочныя рамки... Передъ самымъ уже сномъ мнѣ вспомнилось вдругъ, какъ сильно и весело расхохоталась Анна Николаевна, когда я ей разсказывалъ, какъ погналъ я Ваньку вслѣдъ за Митровой!.. Мнѣ стало тоже чрезвычайно весело, и всѣ слѣды непріятныхъ переживаній обволоклись темнымъ сномъ.

XIV.—Осложненія.

Прошло еще нѣсколько недѣль. „Мордва" притаилась и ничѣмъ себя не проявляла, не шевелилась. Инцидентъ съ Жоржикомъ сильно переконфузилъ ее. Тѣмъ болѣе, что Ванька вывѣсилъ въ русской читальнѣ длиннѣйшій перечень дѣяній этого „студента". Очень интересной оказывалась біографія Жоржика: онъ началъ свою „политическую" карьеру въ Кіевѣ, былъ уличенъ въ „сношеніяхъ" и скрылся на нѣкоторое время съ видимыхъ горизонтовъ. Потомъ вынырнулъ въ Берлинѣ, втерся къ нѣмцамъ, соціалъ-демократамъ; съ ихъ рекомендаціями явился въ Женеву и сталъ снова „орудовать". До Берлина онъ побывалъ въ Лондонѣ, гдѣ выдавалъ себя за еврея и мистифицировалъ всякія миссіонерскія общества...

Нечего говорить, что послѣ своей неудачи въ дѣлѣ Мордовскаго онъ мгновенно исчезъ безъ слѣда.

Громченко ходилъ героемъ по Женевѣ и агитировалъ во всю; онъ выпустилъ мою брошюру и былъ очень доволенъ ея успѣхомъ; она ходко пошла среди молодежи, но у стариковъ встрѣтила неодобреніе. По поводу послѣдняго Громченко презрительно выразился:

— Заплѣсневѣли дѣдушки наши!.. Плевать!

Я нѣсколько иначе отнесся къ послѣднему обстоятельству, но все же былъ доволенъ началомъ „дѣла“. Съ Анной Николаевной мы зажили ровной, хорошей жизнью, и я бодро глядѣлъ впередъ, гдѣ мнѣ все начинало казаться опредѣленнымъ и яснымъ.

Именно въ такомъ настроеніи я шелъ однажды по Женевѣ, направляясь въ типографію, куда сдалъ для набора новую рукопись. Въ одной изъ улицъ я неожиданно столкнулся съ Ванькой. Съ того времени я его нигдѣ не встрѣчалъ. Да и теперь, небрежно качнувъ головой, онъ хотѣлъ пройти мимо меня, но я его удержалъ за рукавъ. Онъ, очевидно, почему-то злился на меня.

— Куда?

Онъ остановился и сердито оглядывалъ меня, ничего не отвѣчая на мой вопросъ.

— Хорошъ!?—продолжалъ я.—И глазъ не кажетъ, а еще пріятель по Сибири!

Ванька фыркнулъ, однако пошелъ рядомъ со мной.

Я спросилъ:

— Ну чтò... понравилась вамъ Митрова?

Ванька посмотрѣлъ на меня сбоку, нахмурился и проговорилъ коротко:

— Надя?!..

— То-есть? Чтò сіе значитъ?

— Надя... хорошая Надя, только уже нѣсколько подколотая въ жизни.

„Ну,—подумалось мнѣ,—значитъ, мое сватовство не потерпѣло фіаско“.—Вслухъ я спросилъ:

— Чтò же вы дѣлаете въ Женевѣ?..

— Я?!..

Ванька широко улыбнулся и оглядѣлъ меня. Его, очевидно, разсмѣшило слово „дѣлать“ въ примѣненіи къ его особѣ. Принявъ, однако, болѣе серьезный видъ, онъ прибавилъ:

— Смотрю—и вижу.

Этотъ отвѣтъ меня не очень удовлетворилъ. На языкѣ Ваньки „смотрѣть и видѣть" носило очень широкій и неопредѣленный характеръ. „Нужно посмотрѣть и увидѣть"—съ этимъ Ванька когда-то причастился къ революціи, ходилъ „на пропаганду", работалъ въ летучей типографіи, развозилъ нелегальную литературу и т. д.

— Что же вы здѣсь увидѣли?—спросилъ я.

— Увидѣлъ... немного „братства"... но въ спеціально женской редакціи... Да и вообще здѣшняя атмосфера, несмотря на многое, все же чище, напр., Парижа, куда я все-таки на-дняхъ опять возвращусь, но тому есть особая причина!..—Куда же однако мы теперь?—вдругъ вспомнилъ Ванька.

— Вообще погуляемъ, а вы мнѣ разскажете...

— А не лучше ли бросить якорь въ какомъ-либо кабинетѣ. Здѣсь есть тихонькіе, прелесть какіе. Пойдешь — никто на тебя не посмотритъ, не оглянется... Изумительное проявленіе самаго тонко развитого индивидуализма... Зайдемъ!

Въ эту минуту мы какъ разъ проходили мимо одного такого „прелесть какого" тихонькаго кабачка. Я кивнулъ головой, и мы зашли.

Я спросилъ коньяку, и мы усѣлись.

— Ну, какія же особенныя причины васъ гонятъ въ Парижъ?

— Серьезныя... большія... причинистыя причины: боюсь влюбиться! Ей Богу.

Я засмѣялся. Я былъ радъ, что не ошибся въ своихъ разсчетахъ, направляя Ваньку къ Митровой.

— Влюбиться?.. Въ кого: въ Митрову?

— Да, въ Надю!..—просто отвѣтилъ Ванька.—Мы уже на „ты" и уже одинъ разъ—по-товарищески, конечно,—расцѣловались... Первое время я у нея ночевалъ, но уже три дня избѣгаю ея гостепріимнаго крова. Боюсь... Я не семейная птица... Любовь, настоящая любовь къ женщинѣ мнѣ подрѣжетъ крылья, а мнѣ еще полетать охота, охъ, какая охота!

Онъ широко развелъ руками и захватилъ ими воздухъ, какъ крыльями.

— Понимаете?

— Желаніе еще летать, это я, конечно, понимаю. Но не понимаю вотъ чего: вы боитесь влюбиться,—значитъ, вы еще не влюбились?

— Нѣтъ.

Ванька сидѣлъ задумчиво и даже нѣсколько мрачно. Замѣтивъ у меня въ рукахъ корректурные листки, онъ спросилъ:

— Это—что?

— Оттискъ моей брошюры.

— Охота вамъ этимъ безполезнымъ дѣломъ себя тѣшить!

— Какъ это?

— Ну, конечно, безполезнымъ. Вы вѣдь проѣхали всю Россію, видѣли, какое вездѣ пригнетенное настроеніе. Можете издавать сколько угодно и чего угодно,—оттуда вамъ ни одна собака сочувственно не отбрехнется. Здѣшніе старички это поняли. Вонъ въ Парижѣ тоже издаютъ, но что? — „Матеріалы для исторіи русской революціи“, а вѣдь Парижъ гнѣздо народовольчества. Если это гнѣздо „исторіей“ занялось, то это—дурной признакъ. Вдумайтесь и плюньте. Ну, а пока пойдемте къ Надѣ... Хочется мнѣ на нее посмотрѣть, но самъ я не рѣшаюсь; вѣдь я ей и письмо уже прощальное написалъ, а тѣмъ не менѣе хочется взглянуть на нее еще разъ, только при свидѣтеляхъ!..

Я было-отказался, но Ванька взялъ меня подъ-руку:

— Шалите, братъ, это вы меня—и не безъ умысла—туда къ Надѣ толкнули, теперь не отвертитесь — идемте!

Mea culpa!.. Мы пошли.

Дверь въ квартиру Митровой мы нашли открытой настежь и, войдя въ переднюю, сразу почувствовали какую-то безпокойную атмосферу. Гдѣ-то суетились, что-то кричали. Не успѣли мы войти въ столовую, какъ къ намъ изъ другой комнаты кто-то бросился съ криками:

— Г-нъ докторъ, сюда!..

Мы такъ и остановились. Къ намъ выбѣжала молоденькая Рязанова. Она была очень блѣдна. Узнавъ насъ, она уже шопотомъ проговорила:

— Надя себѣ въ грудь выстрѣлила...

При этомъ сообщеніи мнѣ стало какъ-то страшно, а Ванька, какъ будто тоже подстрѣленный, бросился къ комнаткѣ-уголку Митровой, оттолкнувъ меня и Рязанову.

— Мужъ Нади пріѣхалъ... Онъ тамъ и теперь!—Рязанова по прежнему тихо сообщила мнѣ. — Надя не хотѣла вовсе его принимать, но онъ настоялъ на „десяти минутахъ“ разговора наединѣ. Надя ушла съ нимъ въ свой уголокъ, но разговоръ затянулся,—мы, я и со мной Кудрявая, очень долго здѣсь поджидали конца этого свиданія. Вдругъ оттуда раздался выстрѣлъ. Мы бросились туда, но дверь оказалась запертой изнутри. Впрочемъ, она сейчасъ же открылась, и этотъ господинъ — Надинъ мужъ—крикнулъ намъ: „Ради Бога, доктора!.. Эта сумасшедшая выстрѣлила въ себя“!..

— Зачѣмъ же вы его немедленно не выгнали?..—спросилъ я и заволновался.

— Мы его просили уйти, потомъ подошла Анна Николаевна и тоже упрашивала его.

— Анна Николаевна здѣсь?.. — Я быстро направился къ мѣсту дѣйствія.

Митрова лежала на небольшой кушеткѣ... Она была блѣдна и глаза ея были закрыты. Анна Николаевна хлопотала надъ ней, и среди хлопотъ повернулась къ рослому, тщательно выбритому брюнету, который, скрестивъ руки, стоялъ тоже надъ Митровой:

— Да уходите же, ради Бога!.. Надѣ нужно спокойствіе, вы ее волнуете вашимъ присутствіемъ.

Но брюнетъ только головой покачалъ. Ванька стоялъ у ногъ Митровой. Онъ былъ тоже какъ смерть блѣденъ и сосредоточенно слѣдилъ за движеніями рукъ Анны Николаевны, которая быстро мѣняла компрессы, откидывая на полъ куски алѣвшей отъ крови ваты.

— Уведите его!—строго крикнула Ванькѣ Анна Николаевна.

Ванька словно проснулся. Онъ подошелъ къ брюнету... Тотъ надменно вздернулъ голову, поправилъ пенснэ на носу и проговорилъ:

— Оставьте меня. Я имѣю болѣе правъ присутствовать здѣсь, чѣмъ вы всѣ, вмѣстѣ взятые.

Ванька, однако, подошелъ къ нему не для того, чтобы разговаривать. Прежде чѣмъ брюнетъ успѣлъ мигнуть, онъ былъ уже внѣ комнатки, усиленно болтая руками въ воздухѣ. Ванька, ловко схвативъ его за шею, повернулъ лицомъ впередъ и выставилъ въ переднюю.

— Это... вашъ?..

Онъ подалъ брюнету щегольской цилиндръ, и такъ какъ тотъ медлилъ его надѣть, Ванька ему помогъ и теперь уже тихонько толкнулъ къ дверямъ...

Я слѣдовалъ за ними. Окончивъ свою операцію, Ванька посмотрѣлъ на меня большими глазами и глухо сказалъ:

— Видѣли гадину?!

Въ это время явилась Кудрявая въ сопровожденіи доктора „изъ колоніи“ — русскаго, натурализировавшагося въ Женевѣ. Мы съ Ванькой прошли въ общую. Скоро къ намъ туда присоединилась и Кудрявая.

— Ну, слава Богу!.. Не опасно... но на полъ-пальца выше— и не было бы уже нашей Нади.

Ванька при этомъ извѣстіи необыкновенно оживился. Онъ снова хотѣлъ-было пойти къ раненой, но мы его удержали. Онъ послушно усѣлся и опустилъ руки, которыя упали какъ подстрѣленныя крылья.

— Да, исторія!—проговорила Кудрявая и, оправдывая свою фамилію, лихо повернулась вокругъ себя и прищелкнула пальцами.

— Жаль, что вы не дѣвица,—сказала она мнѣ,—а то я бы вамъ сказала: не выходите замужъ!.. Брр...

Когда мы остались съ Ванькой опять одни, онъ положилъ мнѣ руку на колѣно и тихо проговорилъ:

— А не уѣхать мнѣ отсюда! А все вы, дядя, виноваты!

Онъ покачалъ головой...

Мнѣ было его искренно жаль въ эту минуту, но, съ другой стороны, я былъ почему-то очень доволенъ. Подъ вліяніемъ обстановки, въ которой мы находились, я немедленно же сознался Ванькѣ въ этихъ своихъ „нехорошихъ“ на его счетъ чувствахъ. Онъ тихо усмѣхнулся.

— Да, да... это я угадалъ, но откуда у васъ такая чисто женская тенденція? Должно быть, есть у васъ что-то отъ женщины! Берегитесь! Въ мужской натурѣ это — диссонансъ и опасный...

Онъ снова погрузился въ себя. Глядя на него, мнѣ было неизвѣстно, гдѣ теперь находится болѣе серьезно раненый? Тамъ ли, въ „уголкѣ“, или здѣсь, около меня?.. Тѣмъ не менѣе, я былъ очень радъ.

Черезъ полчаса мы уже могли собраться всѣ около Митровой. Она была уже въ постели, и, блѣдная, на бѣлоснѣжной подушкѣ, подъ бѣлымъ одѣяломъ, она жила только глазами, и они были необыкновенно хороши.

Митрова встрѣтила Ваньку ласково, почти нѣжно, мнѣ же она бросила долгій странный взглядъ. Мнѣ, казалось, что я понялъ его значеніе. Вѣдь изъ всѣхъ присутствующихъ пожалуй я одинъ былъ болѣе другихъ освѣдомленъ о той почвѣ, на которой чуть-было не разыгралась жестокая трагедія.

Анна Николаевна, я и Рязанова — мы скоро ушли, предоставивъ Митрову заботамъ Ваньки и Кудрявой.

Рязанова, молоденькая, почти дѣвочка, съ некрасивымъ, но чрезвычайно милымъ и одухотвореннымъ лицомъ, на улицѣ дала выходъ своимъ чувствамъ. Они были своеобразны.

— Что за чудо... эта наука! Вотъ мы бѣгали, суетились, приходили въ отчаянье, робѣли отъ пустяковъ, но пришелъ че-

ловѣкъ науки, усмѣхнулся и сказалъ:—Вотъ, если бы сюда, чуть повыше—Рязанова показала на свою грудь—то была бы смерть мгновенная, а сюда—смерть черезъ нѣсколько часовъ!.. Обязательно брошу свои „lettres“ и перехожу на медицину!..

Возбужденная, сіяющая, она распростилась съ нами и ушла.

— Славная дѣвочка!—проговорила Анна Николаевна, когда мы пошли уже одни, и вдругъ прибавила:—Если ты не прочь пройтись, пойдемъ, навѣстимъ мертвыхъ!.. Кстати посмотримъ женевское кладбище...

Кладбище находилось далеко; дорогой туда мы все время обсуждали только-что происшедшее съ Митровой.

— Нѣсколько странно мнѣ все это... — выговорила Анна Николаевна.—Между ними, т.-е. между Митровой и ея мужемъ, происходила какая-то борьба, очевидно... На ней все было изорвано...

— Да?..—живо спросилъ я, и для меня уже не было сомнѣнія въ томъ, какъ произошло все дѣло; я добавилъ: — Негодяй!..—Но тутъ же почему-то вспомнилъ сцену у Ольги Алексѣевны, гдѣ я самъ былъ участникомъ, вспомнилъ и угрюмо умолкъ.

— Когда я пришла,—продолжала Анна Николаевна,—около Митровой никого не было. Она была въ полномъ сознаніи... Она думала, что черезъ нѣсколько минутъ умереть, ей было худо, и прежде всего она мнѣ сказала: „Я все свое имущество реализировала, деньги почти всѣ у меня сейчасъ на рукахъ!..“ Она мнѣ указала — гдѣ, и велѣла немедленно ихъ забрать и передать...

Анна Николаевна тяжело перевела духъ. Я ждалъ со жгучимъ интересомъ. Она тихо окончила:

— Тебѣ передать! Для твоихъ „дѣлъ“...

Я удивился.

— Слава Богу, что пока ей вовсе ненуженъ наслѣдникъ, но во всякомъ случаѣ ея выборъ неудаченъ!.. По-моему, деньги для „дѣла“ должны рости изъ „дѣла“, а не падать на него съ неба...

Анна Николаевна опять пытливо поглядѣла на меня, и мы уже молча вступили на кладбище.

Это былъ настоящій городъ смерти съ благоустроенными, правильно разбитыми улицами, соединенными безчисленными переулками, со столбиками, съ указывающими табличками.

— Культурные люди и послѣ смерти культурно устраиваются,—сказала, чуть улыбнувшись, Анна Николаевна.

Я нашелъ, что наши русскія кладбища болѣе поэтичны и болѣе настраиваютъ.

— Слишкомъ ужъ здѣсь много порядка...

Мы недолго блуждали по тихимъ, безмолвнымъ „мертвымъ улицамъ“.

— Вотъ здѣсь посидимъ!—она указала на скамейку.

Мы сѣли, и она долго глядѣла на поднимавшуюся невдалекѣ небольшую гранитную колонку.

— Вонъ тамъ навѣки успокоился одинъ человѣкъ, который при жизни для меня ничѣмъ не являлся, а послѣ смерти пріобрѣлъ надо мной какую-то власть...

Анна Николаевна говорила это въ глубокомъ раздумьи и не сводила глазъ съ гранитной колонки.

— Тамъ лежитъ одинъ эмигрантъ... Онъ былъ молодой, но очень тихихъ, придавленныхъ манеръ человѣкъ... Я его почти не замѣчала, но онъ часто приходилъ ко мнѣ, усаживался въ уголку, сидѣлъ часами, и мы за все время его визита успѣвали перемолвиться развѣ десяткомъ фразъ...

Такъ длилось дѣло около года... Въ одинъ прекрасный день онъ прострѣлилъ себѣ голову; мы его похоронили, а затѣмъ, черезъ мѣсяцъ уже, я получила письмо, пересланное изъ Лондона... Это письмо онъ за часъ до смерти мнѣ написалъ, но послалъ въ Лондонъ кому-то съ просьбой переслать мнѣ не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ... „Когда я буду уже всѣми забытъ“... Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что полюбилъ меня, и умираетъ потому, что я никогда его не полюблю... Съ тѣхъ поръ въ морально-трудныя минуты моей жизни, я всегда почему-то вспоминаю о немъ...

— Значитъ, и сейчасъ мы сюда пришли, потому что переживаемъ морально-трудную минуту?—спросилъ я.

Анна Николаевна кивнула и потомъ тихо сказала:

— Да, очень трудную... Я принимаю одно рѣшеніе, большое, но у меня мало силъ его тебѣ высказать...

Мнѣ стало страшно. Я какъ-то замеръ весь.

— Но я его должна сказать...

Она умолкла и все глядѣла на могильную колонну. Я ждалъ и не шевелился. Вдругъ Анна Николаевна сдѣлала странное движеніе головой, какъ будто бы что-то съ трудомъ глотала, потомъ вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Взглядъ ея сталъ острымъ и брови сдвинулись. Она не то вглядывалась во что-то, не то прислушивалась къ чему-то.

Я быстро схватилъ ее за руки.

— Чтò съ тобой?..

— Ничего... тутъ что-то не хорошо!—Она показала на верхнюю часть груди: — меня какъ-то стошнило и голова закружилась!.. Пойдемъ отсюда...

Сильно опираясь на мою руку, она медленно поднялась съ тяжело опущенной головой.

Мы не пришли, а уже пріѣхали домой. Анна Николаевна глядѣла совсѣмъ нездоровой.

XVI.—Чѣмъ дальше въ лѣсъ...

Послѣ того, какъ Анна Николаевна почувствовала себя очень плохо и даже не довела затѣяннаго на кладбищѣ разговора до конца, я напрасно ждалъ его продолженія въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Намекъ Анны Николаевны на какое-то важное рѣшеніе, принятое ею, и которое такъ и осталось невысказаннымъ, держало меня въ очень тревожномъ настроеніи. Я не рѣшался возобновить неоконченной бесѣды. Обстановка, въ которой она началась, внушала мнѣ неопредѣленныя, но тоскливыя опасенія. Я сталъ держать себя какъ-то насторожѣ. Въ отношеніи Анны Николаевны ко мнѣ тоже прокралась странная неровность. Она или проявляла горячую, какую-то неожиданную нѣжность, или держалась холодно-разсѣянно, но чтò всего было непонятнѣе— ее стало чаще тянуть изъ дому, и она—эта келейница—каждый день куда-нибудь отправлялась. Тѣ дни, пока Митрова была въ постели, эти выходы имѣли видимое оправданіе,—она шла навѣстить больную,—но Митрова скоро оправилась, и черезъ двѣ недѣли ее освободили отъ „подушекъ“, какъ она выразилась; тѣмъ не менѣе, Анна Николаевна и послѣ этого убѣгала изъ дому...

Не подлежало сомнѣнію, что ее гонитъ на улицу нѣчто свое, глубокое внутреннее, чтò, однако, продолжало оставаться для меня мучительной тайной. Я переживалъ непріятное настроеніе, и, по странной игрѣ судьбы, это настроеніе въ противоположность уходамъ Анны Николаевны, меня приковало къ дому. Я взялся за работу, за третью брошюру. Вторая, выпущенная въ публику, ближайшихъ ко мнѣ людей—въ ихъ числѣ и Анну Николаевну—болѣе удовлетворила—чѣмъ первая, даже „старики“ ее одобрили, но—курьезное дѣло—она расходилась слабо, много тише первой, и Громченко изъ себя выходилъ. Кстати сказать, „издательскій комитетъ“ опять возстановился въ прежнемъ видѣ.

Болгаринъ, который было-заколебался, снова сталъ принимать въ немъ дѣятельное участіе немедленно же вслѣдъ за „судбищемъ“. Первую мою брошюру онъ даже перевелъ по-болгарски и хотѣлъ ее самостоятельно издать.

По совѣсти говоря, по мѣрѣ развитія „дѣла“, я начиналъ понимать его „никчемность“, и если взялся за третью брошюру, то больше по инерціи, а отчасти затѣмъ, чтобы задавить какого-то психическаго червя, который непрестанно извивался у меня подъ сердцемъ, родившись въ новой атмосферѣ моихъ отношеній съ Анной Николаевной.

Анна Николаевна, возвращаясь со своихъ „выходовъ“, обыкновенно приносила мнѣ ворохъ маленькихъ новостей.

— „Ванька“ не отходитъ отъ Митровой!—„Ванька“ купилъ краски и пишетъ портретъ Митровой. — „Ванька“ сталъ одѣваться чище... ходитъ въ новомъ котелкѣ, теперь—совсѣмъ швейцарецъ.

Наконецъ, однажды, возвратясь домой, она мнѣ торжествующе сообщила:

— Ванька и Митрова окончательно сошлись.—Говоря это, она внимательно глядѣла на меня и добавила очень медленно:— Послѣ-завтра они ѣдутъ въ Парижъ.

Обыкновенно я эти новости принималъ съ удовлетворенной улыбкой. Я видѣлъ торжество своего желанія—видѣть Ваньку и Митрову „спарованными“, но при послѣднемъ извѣстіи я не удержался отъ маленькаго досадливаго движенія. Мнѣ и вообще не нравилось, что Анна Николаевна какъ-то спеціально-внимательно отнеслась къ отношеніямъ Ваньки съ Митровой; это странно кололо меня въ какое-то уже больное мѣсто:

— Дай имъ Богъ миръ и радость!..—нѣсколько угрюмо отвѣтилъ я на сообщеніе объ ихъ отъѣздѣ.

— Отчего ты не посѣтишь ихъ?—спросила Анна Николаевна:—они очень хотѣли бы тебя видѣть, въ особенности *она*...

Въ тонѣ слова „она“ было что-то такое, отъ чего меня озарило внезапнымъ предположеніемъ, но я его быстро отогналъ... Принять его—значило свести Анну Николаевну съ того пьедестала, на который я ее поставилъ въ моихъ глазахъ.

Однако Анна Николаевна какъ будто увидѣла мгновенно мелькнувшія у меня мысли и отвернулась, чуть покраснѣвъ. Можетъ быть, для того, чтобы спрятаться отъ себя въ эту минуту, она подошла къ піанино и взяла нѣсколько аккордовъ.

Странно и жутко брякнули струны и затихли... Мы оба молчали и какъ будто вслушивались въ дисгармоничное эхо, которое

только для насъ плавало въ этой комнатѣ, свидѣтельницѣ первыхъ минутъ нашей любви.

— Ушла... ушла музыка!..—съ кривой усмѣшкой обратила на меня Анна Николаевна свой блестящій взглядъ.

Да, она уходитъ!—показалось и мнѣ, но я, наклонивъ голову, прошелъ къ себѣ.

Настали жгучія минуты. Мнѣ казалось, что онѣ могутъ вернуть уходящую „музыку"; вѣроятно, это казалось и Аннѣ Николаевнѣ,—по крайней мѣрѣ, она вдругъ появилась въ дверяхъ моей комнаты уже опять тихая, свѣтлая... Но прежде чѣмъ мы могли перемолвиться фразой, изъ садика, черезъ открытую дверь на балконѣ, послышался голосъ Митровой:

— Анна Николаевна! Анна Николаевна!

Мы оба вышли на балконъ. Внизу, на дорожкѣ, покрытой ковромъ всякой осенней листвы, стояла новая чета: Ванька и Митрова. При взглядѣ на Ваньку, я едва удержался, чтобы не расхохотаться; онъ, очевидно, очень скверно чувствовалъ себя въ новомъ довольно щегольскомъ костюмѣ, и сконфуженно приподнялъ свой „котелокъ".

— Мы къ вамъ съ послѣднимъ визитомъ!

Анна Николаевна съ широкимъ радушіемъ открыла руки. „Молодые" вошли. Ванька совсѣмъ какъ-то уничтоженно поздоровался со мной и поглядѣлъ на меня.

Мнѣ стало его жалко, и я подумалъ: „Эхъ, соколъ, соколъ, гдѣ твои крылья?.."

Митрова была прямо-таки прелестна; она двигалась чрезвычайно оживленно, и въ лицѣ ея была утренняя свѣжесть, будто вотъ только-что она проснулась, встала, умылась и ходитъ по благоухающему весеннему саду.

— Чтò вы съ нимъ сдѣлали?—не удержался я и указалъ на Ваньку, который, какъ „бѣдный родственникъ", робко усѣлся на краешекъ стула и опустилъ глаза на полъ.

Митрова громко разсмѣялась.

— Ничего!.. Вотъ только переодѣла его. Онъ долго брыкался, но ничего—я его уломала, наконецъ. Теперь онъ у меня совсѣмъ пай-мальчикъ... Чтò значитъ костюмъ! Это — цивилизація!

Бѣдный Ванька, слушая все это, краснѣлъ и вообще походилъ на прирученнаго дикаря. Митрова продолжала:

— Завтра мы ѣдемъ въ Парижъ. Онъ мнѣ обѣщалъ написать за зиму хорошую картину... У него вѣдь въ Парижѣ есть „своя мастерская"! Воображаю, чтò это такое! Вѣроятно, гдѣ-

нибудь подъ облаками, и ангелы къ нему прилетаютъ позировать... ха-ха-ха!

Я былъ увѣренъ, что Ванька готовъ ее поколотить въ эту минуту,—такъ онъ посмотрѣлъ на нее исподлобья. А она не унималась.

— Но... если онъ не сбѣжитъ отъ меня, я ему устрою настоящую мастерскую... Вѣдь онъ—парень съ несомнѣннымъ талантомъ! Какой онъ портретъ-то съ меня нарисовалъ: одна щека желтая, другая—зеленая! ха-ха-ха!.. Не сбѣжишь?

Ванька крякнулъ, и на этотъ прямо ему поставленный вопросъ отвѣтилъ только:

— Оставь, Надя!.. Охота тебѣ дурачиться...

— А вы постарайтесь, чтобы онъ не сбѣжалъ,—проговорила Анна Николаевна; ей тоже, очевидно, стало очень жаль Ваньку, за счетъ котораго такъ веселилась Митрова. Та пожала плечами.

— Пусть бѣжитъ.

Это было сказано шутливо, но въ шуткѣ этой было какое-то глубокое равнодушіе.

Митрова все время шутила. Просидѣли они не долго, но Ванька вдругъ не выдержалъ этой пытки и заторопился домой.

Они стали собираться. Анна Николаевна на прощанье завела какую-то конфиденціальную бесѣду съ Митровой. Ванька воспользовался этимъ, и мы съ нимъ вышли на балконъ. Тамъ онъ съ остервенѣніемъ снялъ съ себя котелокъ:

— Уфъ!.. ффу-у!..

— Жарко?—освѣдомился я.

Ванька показалъ мнѣ кулакъ и свирѣпо проговорилъ:

— Я или ее убью, или... сбѣгу... Будьте вы прокляты съ вашими „ночлегами“ у дамъ!..

Я чуть не прыснулъ со смѣху.

— Ванька, идемъ!—позвала Митрова.

Анна Николаевна осталась наверху, а я пошелъ немного проводить—до калитки садика—гостей.

— Ну, вы—слушайте!—тихо обратилась ко мнѣ Митрова:—берегите теперь Анну Николаевну; она уже что-то имѣетъ въ головѣ! И скоро безумствовать начнетъ... Вы должны понять, что̀ случилось съ нею...

Это меня какъ молотомъ ударило; я быстро простился съ ними и взбѣжалъ на верхъ. Анна Николаевна была на балконѣ; я сталъ около нея и глядѣлъ на нее... Мнѣ казалось, что теперь мы съ ней неразрывно и навѣки связаны, и я былъ гордъ этимъ и счастливъ.

Анна Николаевна тѣмъ временемъ провожала глазами удаляющуюся пару и тихимъ, задумчивымъ голосомъ говорила:

— Она не любитъ его, не любитъ! Гляди, она подняла хвостъ и впередъ шагаетъ, а онъ понурился и плетется сзади. Бѣдный! Онъ плохо помѣстилъ свой капиталъ... Она забавляется имъ, какъ интересной игрушкой, разрѣшаетъ ему любить себя, но сама не любитъ, не любитъ...

Это резюмѐ и мнѣ показалось правдоподобнымъ, и мнѣ стало немножко не по себѣ: въ такомъ случаѣ выходило, что я ему оказалъ дѣйствительно очень скверную услугу.

Анна Николаевна продолжала:

— И все это потому, что этотъ Ванька слишкомъ человѣкъ... и не совсѣмъ мужчина...

Мой Ванька! отважный, свободолюбивый, гордый?! Онъ—не совсѣмъ мужчина?! Я запротестовалъ. Анна Николаевна со мной не согласилась.

— Да, не совсѣмъ мужчина! Это — вѣрно. Мужчина... съ клыками: онъ сначала больно укуситъ, а потомъ тебя поведетъ властной рукой, куда ему угодно!.. Звѣря-мужчину она бы, Митрова, полюбила...

Нотка ненависти не то къ себѣ, не то къ звѣрю-мужчинѣ чуть зазвучала въ ея послѣднихъ словахъ. Потомъ она умолкла и задумалась.

Я не хотѣлъ ее разспрашивать о „секретѣ", на который намекнула мнѣ Митрова, но такъ какъ было достаточно сыро и свѣжо на дворѣ, я тихонько взялъ и ввелъ ее внутрь.

— Все-таки... самка она!..—проговорила Анна Николаевна, намекая на Митрову.

Мы сидѣли рядомъ на моей кушеткѣ.

— Ты же говорила о ней, что она человѣкъ чистой и хорошей души...

— Ну, такъ чтò же?.. Душа—одно, а физика—другое. Развѣ ты не видишь, какъ она оживилась, расцвѣла, разыгралась!.. Даже красивѣе, обольстительнѣе стала... Это не отъ души, а отъ физики... Я увѣрена, что этотъ „Ванька" души ея и не коснулся... Бѣдный! Свою-то онъ, очевидно, цѣликомъ ей отдалъ!.. И странно, какъ жестоко она съ этой хорошей душой, неожиданно попавшей ей на зубы, обходится. Она будто вымещаетъ на Ванькѣ твоемъ все, чтò претерпѣла когда-то отъ своего „законнѣйшаго" супруга. Кстати о немъ. Онъ уже сдѣлался очень популярнымъ въ Женевѣ. Онъ живо нащупалъ „мордву", а теперь та его нащупываетъ. У него свои интересы, у „мордвы"—соб-

ственныя соображенія, но они сошлись. Онъ выдаетъ себя большимъ либераломъ, заказалъ Мордовскому брошюру о „конституціи“. У него есть еще кое-какія деньги, онъ ихъ „съ пользой“ употребляетъ; онъ разсчитываетъ воздѣйствовать на Митрову общественнымъ путемъ и предложилъ ей „третейскій судъ“... Сообразительный человѣкъ, онъ и жертву изъ себя изобразилъ, онъ и за Ольгой Алексѣевной волочится... „Мордва“ серьезно принялась отстаивать его интересы и уже кое-чего добилась. Митрова даже согласна дать ему нѣкоторое отступное... Противно даже чуть соприкоснуться съ этимъ, съ этимъ... съ позволенія сказать „воздухомъ“...

Такимъ образомъ, у насъ стала налаживаться бесѣда и настроенія въ стилѣ первыхъ дней, но судьбѣ было угодно сегодня мѣшать намъ. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздался тихій голосъ:

— Анна Николаевна здѣсь живетъ?

Мы оба вскочили и бросились въ общую комнату. Тамъ стоялъ и оглядывался человѣкъ небольшого роста въ дорожномъ костюмѣ, довольно пожилой, съ сильно загорѣлымъ лицомъ.

— Не узнали?..—спросилъ онъ, видя, что Анна Николаевна внимательно вглядывается въ него, и поспѣшилъ назвать себя:— Гордѣевъ!

— А! какими судьбами! Сколько лѣтъ... Здравствуйте!

Анна Николаевна дружески протянула ему руку и представила меня:

— Мой мужъ.

Это было въ первый и послѣдній разъ, что она меня такъ назвала.

— Откуда?—спрашивала Анна Николаевна Гордѣева, усаживаясь и усаживая его.

— Изъ Австраліи,—отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто это было совсѣмъ возлѣ Женевы, не дальше, напримѣръ, Морнэ.

Этотъ отвѣтъ Анна Николаевна приняла тоже безъ удивленія и только спросила:

— Вѣдь вы, помнится, отправились въ Канаду?

— Да, я и былъ тамъ; потомъ двинулся на югъ, прошелъ пѣшкомъ штаты, очутился въ Мехико. Потомъ былъ въ Бразиліи, перелѣзъ черезъ Анды и изъ Чили махнулъ-было въ Ново-Зеландію, но не задержался тамъ, отправился въ Австралію... цѣлый годъ быковъ гонялъ и теперь вотъ опять въ Европѣ...

Я съ большимъ интересомъ сталъ разсматривать этого „путешественника“. Лицо и фигура его имѣли очень бодрый видъ,

но глаза были какіе-то странные: одинъ изъ нихъ былъ какъ-то постоянно прищуренъ, будто особенно внимательно всматривался въ какую-то отдаленную точку.

— Ну, а въ Женеву теперь надолго?—спросила Анна Николаевна, и въ голосѣ ея были и грусть, и участіе.

— Да часовъ на пять съ половиной!—отвѣтилъ онъ опять такимъ тономъ, какъ будто говорилъ о цѣлыхъ годахъ.—А потомъ прямо въ Россію!.. Пора... Первымъ долгомъ по Волгѣ прокачусь, посмотрю ее, матушку, послушаю пѣсни наши бурлацкія... А вамъ обязательно, чуть весна настанетъ, молоденькую березку пришлю, живую, зеленую, въ кадочкѣ.

— Спасибо, вѣдь я... не почвенница... я объ этомъ не очень скучаю.

— Э... ну, не говорите такъ, что̀ вы, какъ можно!—засуетился Гордѣевъ.

Онъ прищурилъ и второй глазъ и умолкъ. Анна Николаевна молча смотрѣла на него.

— Не развѣяли вы, какъ видно, вашей тоски по бѣлу-свѣту!

Гордѣевъ замахалъ руками.

— Какая тоска! Тоски нѣтъ вовсе, такъ просто, любовно это тебя туда тянетъ, будто мать тебя къ себѣ зоветъ... Очень просто, безъ всякой тоски...

Я начиналъ понимать трагическій поводъ его „путешествій".

Скоро онъ пересталъ слушать насъ и всецѣло отдался собственному разговору.

— Что̀ же, вы совсѣмъ въ Россію собрались? — спросила опять Анна Николаевна.

— Нѣтъ. Зачѣмъ же. Вотъ проѣдусь по ней только. Я везу съ собой аппаратъ фотографическій, моментальный; то-то видовъ и типовъ нащелкаю себѣ! Есть у меня и фонографъ! Я имъ все себѣ запишу: и ка̀къ городовой кричитъ на народъ, и какъ народъ шумитъ... всѣ волжскія пѣсни запишу!.. Потомъ въ Австралію поѣду, тамъ тоже ничего себѣ, просторно, не тѣсно... Тамъ я австралійцамъ Россію покажу, увидятъ они, что̀ такое березка. Я все запишу, даже шумъ березки!..

Мы удивленно переглянулись съ Анной Николаевной. Намъ обоимъ стало не по себѣ, такъ какъ не подлежало сомнѣнію зловѣщее значеніе этого бреда. Гордѣевъ среди своихъ тирадъ, то тихо грустныхъ, то возбужденныхъ, вдругъ поднялся, точно его что̀ толкнуло.

— Ну, прощайте. Пора идти... Мнѣ еще нужно въ одно мѣсто сходить! Здѣсь, говорятъ, живетъ одинъ столяръ, настоя-

щій пермякъ!.. Погляжу его!.. Только что-то не вѣрится мнѣ: пермякъ въ Женевѣ!!..

Онъ распростился и торопливо вышелъ.

— А былъ человѣкъ!!—чуть слышно проговорила Анна Николаевна, и глаза ея увлажились.

XVI.—Еще о тоскѣ по родинѣ.

На другое утро за чаемъ я прочитывалъ мѣстную французскую газету: „Женевскую трибунку“, какъ ее окрестили русскіе. Среди „Faits divers“ мнѣ случайно бросилась въ глаза фамилія—„Gordéeff“.

„Ужъ не вчерашній ли это Гордѣевъ?“—подумалось мнѣ, и я сталъ читать.

Въ газетахъ сообщалось, что какой-то господинъ вчера въ семь часовъ вечера попалъ случайно подъ вагонъ трамвая, шедшаго въ направленіи Морнѐ. Его извлекли изъ изъ-подъ вагона съ переломомъ въ обѣихъ ногахъ. Неизвѣстный оказался русско-подданнымъ Гордѣевымъ, состояніе его тяжелое, онъ помѣщенъ въ городскую больницу.

Съ этимъ извѣстіемъ я побѣжалъ къ Аннѣ Николаевнѣ, которая только-что поднималась съ постели, и мы рѣшили немедленно послѣ чая отправиться въ больницу. Такъ мы и сдѣлали. Въ больницѣ, послѣ непродолжительныхъ опросовъ, насъ ввели въ небольшую палату, гдѣ мы и нашли Гордѣева. Онъ неподвижно лежалъ въ постели, на высоко положенной подушкѣ, подложивъ подъ забинтованную голову обѣ руки. Когда мы подошли къ нему, онъ медленно, не поворачивая головы, осмотрѣлъ насъ, потомъ остановилъ свой взглядъ на Аннѣ Николаевнѣ.

Онъ былъ очень блѣденъ, но смотрѣлъ не по вчерашнему: глаза его были живѣе, свѣтлѣе и, оба одинаково широко открытые, глядѣли вполнѣ сознательно.

— Здравствуйте,—проговорила Анна Николаевна и подошла совсѣмъ близко къ постели.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ онъ и подалъ ей руку, потомъ спросилъ:—Кажется, Анна Николаевна?

— Я!

— Давненько мы не видѣлись!

Анна Николаевна какъ-то безпомощно посмотрѣла въ мою сторону; тогда я подошелъ тоже и, подавая ему руку, спросилъ:

— А меня вы не помните?

— Нѣтъ! — Онъ чуть качнулъ головой. — Ничего не помню! Странно!.. Я все перезабылъ...

Глаза его снова закрылись, но онъ говорилъ:

— Я выѣхалъ изъ Канады... Такъ!.. Я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ... Такъ!.. Сѣлъ на пароходъ съ билетомъ до Гавра... Такъ... Но гдѣ же Гавръ?.. Гдѣ Парижъ? Отчего я ничего не помню?..

— Онъ снова открылъ глаза, снова глядѣлъ на Анну Николаевну съ мукой, а она отвѣтила волнующимся, тихимъ голосомъ:

— Вы были больны.

Въ это время къ постели подошли съ другой стороны врачъ и молодой человѣкъ.

Гордѣевъ, указывая на послѣдняго, отрекомендовалъ:

— Это мой братъ; онъ недавно пріѣхалъ за мной, чтобъ увезти въ Россію. А это мои товарищи-эмигранты! — показалъ онъ на насъ.

Молодой человѣкъ, подавая намъ руку, чуть отвелъ насъ въ сторону.

— Нужно ему дать покой! Врачъ совѣтуетъ намъ всѣмъ уйти пока отъ больного. Пойдите, проститесь съ нимъ.

Мы вернулись.

— Вы уходите? А вы, Анна Николаевна, завтра придете? — спросилъ больной, и въ тонѣ его слышна была жуткая, тоскливая нотка.

— Обязательно приду.

— Заходите, я радъ буду... Теперь мнѣ трудно, я обязательно хочу припомнить все между Нью-Іоркомъ и сегодняшнимъ утромъ, но нахожу въ головѣ какую-то вертящуюся чепуху, и только одна *вы* иногда тамъ мелькаете опредѣленной фигурой... Вы принесите мнѣ вашу карточку, я хочу имѣть ее... Помните, вы мнѣ въ ней отказали, когда я уѣзжалъ въ Канаду...

Анна Николаевна, чуть сдерживая слезы, отвернулась, и мы поспѣшили выйти въ сопровожденіи молодого человѣка.

— Обязательно я васъ жду завтра, Анна Николаевна! — крикнулъ больной намъ въ догонку.

На улицѣ Анна Николаевна, отирая глаза, спросила у молодого человѣка:

— Вы дѣйствительно его братъ?

— Да, и удивительно, меня онъ сразу узналъ, хотя я пріѣхалъ въ Парижъ, когда онъ былъ въ полномъ безуміи.

Затѣмъ, узнавъ, что братъ его вчера былъ у насъ, онъ сталъ жадно разспрашивать о подробностяхъ.

— Да все это былъ бредъ! — сказалъ онъ, когда мы изложили странныя рѣчи Гордѣева и наши впечатлѣнія. — Онъ не былъ ни въ Австраліи, ни въ Бразиліи, ни въ Чили. Все это такъ, фантазія больного мозга... Все это чистый бредъ: онъ доѣхалъ изъ Канады до Гавра; оттуда его уже больнымъ доставили въ Парижъ, а тамъ помѣстили въ убѣжище безнадежно-сумасшедшихъ. Третьяго дня онъ убѣжалъ оттуда, выпросивъ у меня сорокъ франковъ на дорогу. Мнѣ сейчасъ же дали знать... Васъ зовутъ: Анна Николаевна? — спросилъ въ заключеніе молодой Гордѣевъ.

— Да! А что̀?

— Вотъ именно ваше имя дало намъ слѣдъ послѣ его бѣгства. На одной изъ оставленныхъ картъ — именно Швейцаріи — была помѣтка надъ Женевой: „не забыть навѣстить Анну Николаевну и взять у нея ея карточку“.

Анна Николаевна опять поникла головой и снова поднесла платокъ къ глазамъ, потомъ сказала:

— Онъ вчера говорилъ, уходя, что идетъ разыскивать какого-то столяра-земляка...

— Объ этомъ я ничего не знаю. Но онъ въ „убѣжищѣ“ очень часто приставалъ къ другимъ больнымъ съ вопросомъ: не изъ Перми ли они?.. Вѣроятно, это имѣетъ связь... Вы теперь куда, Анна Николаевна?.. Мнѣ хотѣлось бы разспросить васъ о жизни брата здѣсь передъ его отъѣздомъ въ Канаду...

Анна Николаевна пригласила его къ намъ.

— Хорошо, я разскажу вамъ, что̀ знаю, но онъ здѣсь не долго пробылъ.

Дома она разсказала:

— Я пріѣхала сюда и уже застала здѣсь вашего брата. Онъ производилъ тогда впечатлѣніе очень живого человѣка, очень предпріимчиваго, и страшно рвался назадъ въ Россію, къ дѣлу... Но въ Россіи въ то время провалъ шелъ за проваломъ, и организовать осмысленный налетъ туда энергичныхъ людей все не удавалось... Такъ и шло время. Но Гордѣевъ то приходилъ ко мнѣ и говорилъ: „вотъ черезъ недѣльку укачу въ Россію!“, — то приходилъ и разочарованно заявлялъ: „разстроилось!“... Такъ было разъ шесть, и эти безпрерывныя ожиданія и разочарованія подъ конецъ его измучили...

Анна Николаевна остановилась и потомъ нѣсколько тише продолжала:

— Въ это время ему нужна была чья-либо сторонняя мягкая нравственная помощь, и онъ инстинктивно искалъ ея, искалъ,

конечно, среди женщинъ, но попалъ неудачно... Онъ привязался къ человѣку, который самъ тогда еще недавно пережилъ глубокое личное горе и которому было не до другихъ... Словомъ, онъ ничего не нашелъ тамъ, гдѣ искалъ, и еще болѣе затосковалъ... Тогда ему дали возможность выѣхать изъ Женевы. Онъ выбралъ Канаду... и, кажется, потому, что его съ особенной силой потянуло на родину... Онъ строилъ себѣ планъ черезъ Америку пробраться въ Сибирь. Тамъ онъ разсчитывалъ подложно легализироваться какимъ-то образомъ... Словомъ, онъ уѣхалъ. Изъ Канады онъ два раза мнѣ писалъ, но письма... не дошли до меня.

Гордѣевъ прослушалъ очень внимательно и, собираясь уходить, горячо и долго просилъ Анну Николаевну непремѣнно придти завтра въ больницу. Онъ понялъ, вѣроятно, то недосказанное, что̀ было въ разсказѣ Анны Николаевны, понялъ не менѣе, чѣмъ я.

По его уходѣ, Анна Николаевна тяжело откинулась на спинку кресла, и крупныя слезы свѣтлыми каплями текли по ея щекамъ. Она тихо, съ трудомъ выговорила:

— Тогда я не прочла этихъ несчастныхъ писемъ—сожгла!.. Я была еще во власти „призрака“...

Почему-то я не сталъ ее успокаивать. Сначала я пошелъ въ свою комнату, а потомъ, подъ предлогомъ „дѣла въ типографіи“, вовсе вышелъ изъ дому, оставивъ Анну Николаевну наединѣ съ ея переживанјемъ. Въ моихъ побужденіяхъ былъ легкій, чуть замѣтный налетъ страннаго ревниваго чувства.

Въ типографіи у меня въ сущности не было дѣла. Я зашелъ въ кафе́. Къ своему удовольствію я нашелъ тамъ Узьму; послѣ нѣсколькихъ кружекъ пива онъ глядѣлъ очень добродушно и былъ разговорчивъ. Я подсѣлъ къ нему.

— Ну, что̀? Не тянетъ васъ еще въ вашу Сибирь назадъ?—спросилъ Узьма, посмѣиваясь.

— Нѣтъ. А что̀: развѣ обязательно должно потянуть?

— Обязательно. Ей Богу, вотъ, слушаю я вашего брата, какъ вы разсказываете о Сибири, и очень она мнѣ нравится, такъ бы и поѣхалъ туда... Сталъ бы землю пахать, огороды разводить!.. Рыбу сталъ бы ловить, солить... Благодать!..

Въ эту минуту къ намъ подсѣлъ еще одинъ, такъ называемый „полу-эмигрантъ“; онъ былъ изъ тѣхъ, которые пріѣхали изъ Россіи вполнѣ легально, но, вертясь безконечное время въ заграничныхъ кружкахъ, теряли эту легальность, по крайней мѣрѣ въ своемъ не всегда вѣрномъ и мужественномъ сознаніи.

Звали этого полу-эмигранта Лабушинскій. Это былъ длинный, худой человѣкъ, неладно скроенный и худо сшитый. Блѣдное лицо его оживляли необыкновенно злые черные глазки. Онъ вѣчно прикусывалъ то усъ, то бороду.

— А я давно хотѣлъ васъ поймать,—проговорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—но не хотѣлось мнѣ идти къ вамъ...

— И понятное дѣло, что не хотѣлось!—вставилъ Узьма:— васъ бы Анна Николаевна метлой выгнала...

Лабушинскій крякнулъ и, не обращая вниманія на ядовитаго хохла, продолжалъ:

— Нужно бы все-таки, сэръ, какъ-нибудь дѣло съ Мордовскимъ уладить. Вѣдь, по совѣсти говоря, вы его крѣпко обидѣли и, что̀ называется, „gratuitement“. Опять въ публикѣ пошло большое смущеніе. Вы тамъ съ какими-то брошюрками копошитесь, и Мордовскій уже какое-то дѣло хочетъ дѣлать, а между тѣмъ вы его ославили предателемъ, онъ васъ пускаетъ вездѣ за... провокатора!

Онъ умолкъ и ждалъ эффекта своихъ словъ. Но я мгновенно сообразилъ эту новую тактику „мордвы“ и не шевельнулся даже. Лабушинскій продолжалъ:

— Ну и вотъ: если вы тамъ не хотите Мордовскому дать удовлетвореніе, вы бы хоть о своей репутаціи похлопотали.

Тутъ я засмѣялся. Я понималъ эту игру. Поэтому весело отвѣтилъ:

— Это не клюетъ!.. Гнилыя штуки.

— Напрасно. Оно, конечно, собирать всю колонію: молъ, разсудите насъ, это—чепуха! Изъ этого одна горлодрань выходитъ, но можно вѣдь иначе, къ примѣру такъ: вы выбрали со своей стороны трехъ, и Мордовскій—трехъ; эти шесть, его и ваши, выбираютъ седьмого... Такая компанія разсудитъ дѣло быстро, хорошо, толково... Ну, согласны?

— Не клюетъ!—повторилъ я.

Вмѣшался Узьма и обернулся къ полу-эмигранту:

— Слушайте, Лабушинскій, и что̀ у васъ за страсть эти „суды“ устраивать, а? Это вамъ какую отраду даетъ? Ходитъ себѣ человѣкъ по Женевѣ: то онъ собираетъ публику его самого судить, то съ другими судится, то другихъ убѣждаетъ между собой „посудиться“!.. Откуда вы такой сутяга взялись? Вотъ ужъ не пойму. Ей Богу!..

Лабушинскій выслушалъ все это очень хладнокровно; онъ даже вызывающе глядѣлъ на Узьму и, подмывая его на рѣзкость, приставалъ:

— А вы какъ думаете: взялся я откуда, ну-ка, скажите? А ну?

Узьма отмахнулся.

— Подите вы... Откуда я знаю, откуда какой навозъ выходитъ! Это только въ общемъ извѣстно...

Лабушинскій всталъ и выпрямился.

— Узьма, вы оскорбили меня...

— Да, да—и при свидѣтеляхъ. Теперь судитесь со мной! Вѣдь вамъ только этого и нужно было! Ну, собирайте „колонію"... Узьма васъ навозомъ обозвалъ!

Лабушинскій, сплевывая кусочки волосъ отъ своей бороды, откочевалъ отъ насъ.

— Вы уже обѣдали?—спросилъ меня Узьма.

— Нѣтъ еще.

— Ну, идемте къ тетѣ Любенъ колдуны ѣсть.

Мы пошли ѣсть колдуны. Въ столовой царили обычные шумъ и разговоръ. Когда мы усѣлись, я услышалъ голосъ Рязановой, она кричала на всѣ столы:

— Господа, у кого есть пятьдесятъ франковъ до пятницы? У кого—отзывайтесь! Пятьдесятъ франковъ нужны до зарѣзу!

— У меня сорокъ... могу!—забасилъ какой-то закавказецъ.

— Давайте!

Франки пошли изъ рукъ въ руки и дошли до Рязановой.

— Еще десять! У кого?..

— Вотъ!

Нашлись еще десять франковъ у какого-то студента. Пока Рязанова считала деньги, съ другого конца стола Кудрявая тоже поднялась.

— Рязанова, до вечера три франка мнѣ—можно?

— Можно!.. Ловите!

Три франка мелькнули въ воздухѣ и упали, звеня, на столъ около Кудрявой.

— А можетъ быть вы, Рязанова, мнѣ вчерашніе пятьдесятъ сантимовъ возстановите?—смѣясь, заявляла какая-то бородатая, но тоже студенческая физіономія.

Рязанова принялась высчитывать, поднявъ глаза кверху:

— Двадцать и еще пять—двадцать пять... Семьдесятъ-пять сантимовъ... потомъ тринадцать и восемь... Всего сорокъ-шесть франковъ семьдесятъ-пять сантимовъ... Могу двадцать-пять сантимовъ, пять су?..

Борода смѣялась.

— Спрячьте ихъ! я пошутилъ: мнѣ хотѣлось припугнуть

васъ, чтобы вы поскорѣй ваши деньги спрятали, а то домой ничего не донесете...

— Ладно, что-нибудь донесу!..

Звонъ денегъ надъ столомъ, однако, уже разбудилъ и побочныя денежныя соображенія вокругъ.

— Господа!—послышался чей-то голосъ:—на дняхъ выйдетъ брошюра Мордовскаго: „Историческія основанія для русской конституціи“—кто хочетъ авансомъ записаться?.. Пятьдесятъ сантимовъ! Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ.

Но желающихъ не было. Всѣ молча ѣли.

— Ну? Отзывайтесь, господа, на доброе дѣло!..

— Хорошо доброе дѣло!.. Карманъ Мордовскаго! — пробурчалъ мрачнаго вида господинъ, бросивъ на меня сочувственный взглядъ.

— Кто, кто говоритъ о карманѣ Мордовскаго?—поднялась недалеко свирѣпая мордочка, очевидно, какой-то „мордовки“!..

— Я говорю... — пробасила мрачная фигура—и знаю, что̀ говорю!..

Въ это время кто-то ему подсунулъ „подписной листъ“. Онъ прочелъ:

— „Для пріѣхавшаго изъ Россіи юноши“?!.. Вотъ это — святое, чистое дѣло! Пишите отъ меня два франка!..

Вся эта сцена очень умилила Узьму.

— Вотъ видите, живемъ въ тѣснотѣ... Всѣ колоніи живутъ... такъ!

Онъ спуталъ пальцы рукъ.

— Отсюда тоска, скука... все тѣ же лица, тѣ же люди и рѣчи, сплетни, всякая грязь, „суды“... Лабушинскіе, Мордовскіе... но отсюда же и эта „круговая порука“!.. Всякій „русскій“ франкъ, прежде чѣмъ въ руки швейцарца попадетъ, всю колонію обойдетъ... Да!

И это было несомнѣнное свойство „жен-ев-ской“ республики. Я вспомнилъ Ваньку.

— А вотъ глядите: „нищій-юноша“!.. Недавно пріѣхалъ.— Узьма глазами показалъ мнѣ на какого-то русаго парня, который въ ожиданіи колду̀новъ свирѣпо истреблялъ хлѣбъ.

— Безъ средствъ человѣчина! Ночуетъ въ библіотекѣ, спитъ на читальныхъ столахъ. Вмѣсто подушки у него „Исторія Соловьева“, вмѣсто простынь — „Русскія Вѣдомости“ и „Новое Время“. Обѣдаетъ разъ въ два дня и, конечно, на „круговой“ счетъ... Но учится, зубритъ напропалую... Богатая молодежь! Богатая... не франками... Ну, какъ находите колду̀ны?

Колдуны были не важны, но я промолчалъ.

Вернувшись домой, я нашелъ Анну Николаевну въ прежнемъ настроеніи.

Я прошелъ въ свою комнату, заставилъ себя писать и писалъ до прихода Громченка.

Онъ явился въ очень уныломъ настроеніи.

— Сегодня... только двѣ брошюрки продали!..

Онъ остановился противъ меня.

— И что̀ бы выдумать такое, чтобы оживить дѣло?

— Нужно Россію сюда перенести, или... или самимъ въ Россію съ „дѣломъ" перебраться!..—предложилъ я.

Громченко опять зашагалъ по комнатѣ, наконецъ разрѣшился:

— Нѣтъ, я найду средство!.. Глупости!.. Я найду... Слушайте, садитесь и пишите „открытое письмо г. Мордовскому". Онъ вѣдь подъ-сурдинку распускаетъ слухъ, что вы—провокаторъ! Раздѣлайте его, да хлёстче, чтобъ перья полетѣли, покажите зубы! Публика это любитъ, на это она пойдетъ. Сейчасъ же пишите, чтобъ завтра отпечатать и пустить по женевскому свѣту; ну?..

Я молчалъ...

Ив. Емельянченко.

ИЗЪ
ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ
П. М. Ковалевскаго.

V *).

Портреты.

Рядъ тѣхъ же лицъ, привѣтливый и милый,
Глядитъ съ невозмутимыхъ стѣнъ,
Какъ будто жизнь, со дна могилы,
Вернулася безъ перемѣнъ...

Отпѣтые, оплаканные живы!..
Подъ плитами, — скажите, — чья же пыль?
Глядящіе порою той счастливой,
Безмолвные, нѣмые эти — вы-ль?..

Римъ 1890 г.

VI.

Осень.

Съ неудержимымъ склономъ лѣта,
Какъ эту убыль дня и свѣта,
Какъ это рѣдкое тепло,
Душа встрѣчаетъ тяжело!
Міръ, настигаемый тѣнями,
Какъ будто темными крылами,
Къ какой-то пропасти гонимъ...
И убѣгаетъ вмѣстѣ съ нимъ
У жизни почва подъ ногами.

Pegli. 1890 г.

*) См. выше: янв., 147 стр.—I-IV.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ
ПОНЯТОВСКІЙ
И
Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна

По неизданнымъ источникамъ.

III *).

Графъ Понятовскій въ своихъ запискахъ выставилъ единственною причиною своего отъѣзда изъ С.-Петербурга волю своихъ родителей, желавшихъ, чтобъ онъ вернулся въ Польшу.

Между тѣмъ, были другія причины, несомнѣнно болѣе вѣскія. Великій канцлеръ Бестужевъ былъ горячимъ поклонникомъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Онъ разсчитывалъ на будущее, которое могло привести ее къ престолу. Но, ревниво оберегая свое вліяніе на нее, онъ потому не особенно дружелюбно отнесся къ возникновенію тѣснѣйшихъ сношеній между нею и англійскимъ посломъ, сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ, который, кромѣ того, способствовалъ всѣми средствами сближенію великой княгини съ графомъ Понятовскимъ. Англійскій посолъ возбудилъ подозрѣніе Бестужева, который, сознавая все превосходство Уилльямса, опасался, чтобъ онъ не замѣнилъ его въ довѣріи Екатерины.

*) См. выше: янв., стр. 5.

Съ другой стороны, Бестужевъ могъ бояться, чтобъ эти сношенія великой княгини съ англійскимъ посломъ не повредили ей въ глазахъ Елисаветы Петровны, которая не питала особенно родственныхъ чувствъ къ своей племянницѣ. Бестужевъ зналъ, что за нею очень строго слѣдили; ему было извѣстно, что нашлись бы люди, готовые погубить Екатерину въ глазахъ императрицы.

По этимъ причинамъ канцлеръ видѣлъ въ англійскомъ послѣ человѣка неудобнаго и опаснаго тѣмъ болѣе, что великая княгиня требовала часто отъ канцлера сообщенія дипломатической переписки. Вотъ почему Бестужевъ, уже съ января 1756 года, началъ требовать отъ англійскаго министерства отозванія сэра Чарльза. Но эта интрига ему не удалась, можетъ быть, потому, что Фоксъ никогда бы не позволилъ, чтобы его другъ палъ жертвою иностранныхъ козней. Тогда Бестужевъ придумалъ другое средство, чтобъ ослабить вліяніе Уилльямса на великую княгиню, заключавшееся въ удаленіи Понятовскаго. Весною того же 1756 года Бестужевъ черезъ саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Прассе, далъ понять первому министру Августа III, графу Брюлю, что было бы желательно вызвать обратно въ Варшаву блестящаго молодого человѣка, который сталъ подозрительнымъ и двору, и дипломатамъ.

Графъ Брюль, побуждаемый Прассе, велѣлъ отозвать графа Понятовскаго, родители котораго также требовали его возвращенія въ Варшаву. Какъ бы то ни было, но графъ Понятовскій долженъ былъ удалиться, и отъѣздъ его былъ неминуемъ.

Въ своемъ неудовольствіи великая княгиня удовлетворилась лишь обѣщаніемъ Уилльямса, что Понятовскій вернется въ качествѣ представителя своего государя. Надо было найти способъ, чтобъ обезпечить вѣрныя сношенія между Екатериною и ея приверженцемъ. Уилльямсъ въ своей перепискѣ съ Екатериною указываетъ, что онъ отсовѣтовалъ Понятовскому прибѣгать съ этой цѣлью къ услугамъ камергера графа Романа Воронцова, которому Станиславъ-Августъ хотѣлъ довѣриться. Уилльямсъ даже опасался вмѣшивать въ тайну о перепискѣ канцлера графа Бестужева, но долженъ былъ по неволѣ согласиться на это, такъ какъ отъ него главнымъ образомъ зависѣло возвращеніе Понятовскаго въ С.-Петербургъ (Answers № 16, 23 августа). На этомъ основаніи канцлеръ былъ посвященъ въ эту тайну.

Графъ А. П. Бестужевъ казался очень преданнымъ великой княгинѣ; онъ надѣялся на то, что она вступитъ на престолъ и окажетъ ему тогда свои милости, почему онъ согла-

сился содѣйствовать этимъ сношеніямъ. Съ одной стороны, ему не могло быть пріятнымъ участіе въ нихъ англійскаго посла, къ которому онъ не былъ расположенъ, и вліянія котораго на Екатерину онъ не могъ не опасаться. Но, съ другой стороны, положеніе его было настолько поколеблено, настолько онъ чувствовалъ себя опутаннымъ партіей Шуваловыхъ и Воронцовыхъ, приверженцевъ сближенія съ Франціею,—что, пользуясь по необходимости всѣми способами, онъ старался укрѣпиться въ будущемъ и заручиться благосклонностью великой княгини, а для того ему предстояло въ настоящую минуту поддерживать добрыя отношенія къ Уилльямсу. Вотъ почему канцлеръ обѣщалъ свое содѣйствіе Екатеринѣ во всемъ и даже согласился принять графа Понятовскаго для обсужденія съ нимъ послѣдствій его отъѣзда и возможности его возвращенія, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что молодой графъ, который хвастался, что пять разъ былъ въ Ораніембаумѣ у великой княгини, могъ ихъ всѣхъ погубить (Answers № 11, 9 сентября).

Но не одинъ вопросъ объ отъѣздѣ графа Понятовскаго былъ предметомъ сужденій великой княгини и англійскаго посла; на тайномъ свиданіи, которое имѣло мѣсто между ними 28 іюня (2 іюля) 1756 г., и о которомъ Уилльямсъ сообщилъ лорду Гольдернесу въ депешѣ отъ 9 іюля [1]), Уилльямсъ изложилъ великой княгинѣ свои опасенія относительно предполагавшагося сближенія императорскаго двора съ Франціею, за которое стояли Шуваловы. Развивая ту мысль, что прибытіе французскаго посла могло оказать очень гибельное вліяніе на судьбу великаго князя и Екатерины, онъ напомнилъ ей интриги де-ла-Шетарди и ихъ послѣдствія. Желая оградить ее отъ такой опасности, онъ увѣрилъ ее въ своей готовности ей помочь, чтобъ отразить козни Шуваловыхъ, дѣйствовавшихъ противъ нея. Великая княгиня ему сказала, что она вполнѣ сознавала опасность своего положенія и готова вступить въ борьбу, но что для этого ей нужны средства, такъ какъ при дворѣ безъ денегъ ничего нельзя было предпринять. Если бы англійскій король ссудилъ ее извѣстною суммою, которую она обязуется ему вернуть при первой возможности, она обѣщалась употребить эти деньги исключительно на ихъ дѣло. На вопросъ Уилльямса, какая сумма ей бы понадобилась, она опредѣлила ее въ 20.000 червонцевъ или 10.000 ф. стерлинговъ. Депеша Уилльямса заключалась просьбой о передачѣ ходатайствъ Екатерины на благоусмотрѣніе короля, ру-

---

[1]) Lord Mahon. Hist., IV, p. 381 et 382.

чаясь за то, что великая княгиня употребитъ эти деньги по назначенію. Уилльямсъ просилъ Екатерину не передавать этого разговора Бестужеву, которому она должна была внушить, чтобъ онъ намекнулъ англійскому послу, насколько ссуда извѣстной суммы денегъ со стороны англійскаго короля великой княгинѣ облегчила бы ей возможность предохранить себя отъ французскихъ интригъ и быть полезной Англіи. Графъ Бестужевъ исполнилъ эту просьбу Екатерины. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ, намѣтивъ одну опредѣленную цѣль, разыгрывалъ свою роль отдѣльно.

Изъ переписки, возникшей между Екатериной и Уилльямсомъ, мы узнаёмъ, что 19 августа (Answers № 7 и 9, 19 и 20 августа) Уилльямсъ получилъ увѣдомленіе о согласіи короля ссудить великой княгинѣ 40.000 руб.; поэтому Уилльямсъ предложилъ Екатеринѣ покрыть ея долгъ барону Вольфу, а по выдачѣ остальной суммы кому она прикажетъ—подписать обязательство на имя короля. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, Екатерина пишетъ, что она тронута довѣріемъ короля. „Я надѣюсь его заслужить, — говоритъ она (Letters № 8, 21 августа) и постою за хорошее мнѣніе его величества обо мнѣ... Вы знаете: все, что̀ бы я ни дѣлала, основано на убѣжденіи, въ какомъ я нахожусь, что въ этомъ заключается польза Россіи. Этимъ все сказано (c'est tout dire)“.

Въ 1756 году, государыня проживала въ Петергофѣ съ 7—18 іюня; 16 числа того же мѣсяца Уилльямсъ провелъ тамъ вечеръ съ полковникомъ графомъ Горномъ, который долженъ былъ скоро выѣхать въ Швецію, съ датскимъ посланникомъ барономъ Мальтцаномъ, графомъ Понятовскимъ и барономъ Вольфомъ [1]). Туда пріѣхали изъ Ораніенбаума великій князь и великая княгиня. 26 іюня, дворъ возвратился въ С.-Петербургъ на нѣсколько дней, такъ какъ уже 2 іюля императрица переселилась вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ въ Царское, а великокняжеская чета возвратилась въ Ораніенбаумъ. Отъѣздъ двора совершился послѣ представленія въ оперѣ, на которомъ еще присутствовали всѣ иностранные министры. Утромъ, въ день отъѣзда, графъ Горнъ откланялся императрицѣ на прощальной аудіенціи, а затѣмъ, получивъ приглашеніе великаго князя провести у него два дня въ Ораніен-

---

[1]) Баронъ Яковъ Вольфъ былъ сперва англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ С.-Петербургѣ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, а съ 1751 года былъ назначенъ англійскимъ резидентомъ при русскомъ дворѣ и въ этомъ званіи былъ представленъ императрицѣ.

баумѣ, онъ, какъ намъ уже извѣстно, пробылъ двое сутокъ въ гостяхъ у великокняжеской четы вмѣстѣ съ Понятовскимъ. Екатерина въ своихъ запискахъ упоминаетъ объ этомъ посѣщеніи и говоритъ, что графъ Понятовскій и графъ Горнъ прожили въ Ораніенбаумѣ двое сутокъ и что, два дня спустя, Понятовскій выѣхалъ въ Польшу, а такъ какъ Понятовскій пишетъ въ своихъ запискахъ, что онъ выѣхалъ въ началѣ августа, то пребываніе въ гостяхъ у великаго князя надо отнести къ концу іюля. Выѣхалъ онъ, снабженный письмами Елисаветы Петровны и великаго канцлера, рекомендовавшими его особому вниманію короля Августа III и его министра, графа Брюля.

Съ исходомъ іюля мѣсяца начинается переписка между великой княгиней и сэромъ Чарльзомъ Уилльямсомъ, продолжавшаяся все время, пока отсутствовалъ графъ Понятовскій (съ іюля по декабрь 1756 г.). Она начинается письмомъ Уилльямса отъ 31 іюля (ст. стиля), затѣмъ слѣдуетъ письмо Екатерины, которое, хотя и помѣчено субботой 3 августа, но начато нѣсколькими днями ранѣе. Время доказало, что мѣры, принятыя для сохраненія переписки въ тайнѣ, были удачно задуманы, такъ какъ о ней не сохранилось слѣдовъ ни въ современныхъ запискахъ, ни въ позднѣйшихъ историческихъ трудахъ. Главнымъ посредникомъ, которымъ пользовался Уилльямсъ для передачи этой переписки, былъ нѣкто Свалло, состоявшій впослѣдствіи англійскимъ консуломъ въ С.-Петербургѣ, который съумѣлъ снискать довѣріе великаго князя черезъ его камердинера Брессана. Любимецъ барона Вольфа и англійскаго посла, посредникъ между великимъ княземъ и его заимодавцами, онъ имѣлъ постоянно доступъ въ его дворецъ въ С.-Петербургѣ и Ораніенбаумѣ. Великая княгиня сама ему передавала свои письма или посылала ихъ ему чрезъ своего камеръ-юнкера Льва Нарышкина, который самъ ихъ относилъ Уилльямсу или ихъ отправлялъ къ нему черезъ своего камердинера, получавшаго отвѣтныя письма посла.

Какъ извѣстно изъ записокъ Понятовскаго, Нарышкинъ былъ его другъ и первый способствовалъ сближенію его съ великой княгиней. По опредѣленію Екатерины, Нарышкинъ былъ человѣкъ очень сердечный, но не большого ума и слишкомъ самодовольный (Letters № 29).

Заботясь о сохраненіи въ тайнѣ своей переписки съ Екатериной, Уилльямсъ не опасался нескромности со стороны Нарышкина, но боялся, чтобы сама великая княгиня не выдала себя, такъ какъ, по его мнѣнію, она имѣла слишкомъ большое

довѣріе къ канцлеру графу Бестужеву, расположеніе котораго къ ней ему казалось подозрительнымъ. Поэтому посолъ постоянно твердилъ ей въ своей перепискѣ, чтобы она была осторожнѣй, опасаясь въ особенности шпіонства со стороны нѣкоего Бернарди. Это былъ итальянецъ ювелиръ, служившій посредникомъ между нею и Бестужевымъ и знавшій всѣ темныя дѣла великаго канцлера.

Отъѣздъ графа Понятовскаго огорчилъ великую княгиню. Для нея было большимъ утѣшеніемъ, какъ она пишетъ въ своемъ первомъ письмѣ Уилльямсу, отъ 3 августа, найти въ немъ человѣка, настолько уважавшаго ея отсутствовавшаго приверженца, насколько она сама ему желала добра. Но не одна потребность говорить о вѣрномъ ей человѣкѣ заставляла ее дѣлиться мыслями съ Уилльямсомъ. Она чувствовала себя одинокой среди этого двора, ей большей частью враждебнаго. Самъ канцлеръ хотя и былъ къ ней расположенъ, но слишкомъ завязъ въ разныхъ интригахъ, чтобы вѣрно судить объ общемъ положеніи. Великой княгинѣ нуженъ былъ вѣрный другъ, обладающій опытомъ, человѣкъ съ мужествомъ и умомъ, вполнѣ преданный и осторожный, который, оставаясь, насколько возможно, простымъ зрителемъ всего, что̀ творилось при дворѣ, руководилъ бы ее своими совѣтами и служилъ бы ей проводникомъ по пути, который могъ ее привести къ престолу, но въ равной мѣрѣ—и къ гибели. Екатерина нашла такого друга въ Уилльямсѣ, который, питая къ ней чувства самой горячей преданности, разсчитывалъ обезпечить за своимъ правительствомъ дружбу будущей государыни Россіи.

Мужество, настойчивость, присутствіе великаго духа и ума, которыя проявляла великая княгиня въ теченіе второй половины 1756 года, послѣ отъѣзда графа Понятовскаго, достойны удивленія. Ей приходилось защищаться противъ козней цѣлой партіи царедворцевъ, пытавшихся возбудить противъ нея подозрѣніе императрицы и отстранить великаго князя—тѣмъ самымъ и ее—отъ престола. Защита ея тѣмъ болѣе усложнялась, что за всѣми ея дѣйствіями строго наблюдали, и она не могла довѣряться даже великому канцлеру графу Бестужеву, который преслѣдовалъ главнымъ образомъ свою личную выгоду.

Единственнаго вѣрнаго пособника она нашла себѣ въ лицѣ англійскаго посла и, ведя съ нимъ ежедневно переписку, оставшуюся тайной, несмотря на самый бдительный надзоръ, она со всей силой своей могучей натуры оберегала свою привязанность къ отсутствовавшему графу Понятовскому. Хотя она иногда

впадала въ уныніе, но не сдавалась: такъ, когда Уилльямсъ ей намекнулъ, что въ случаѣ торжества ея враговъ она могла бы найти убѣжище у англійскаго короля, она отвѣтила послу: „je ne demanderai pas de retraite au roi, votre maître, car je suis résolue, vous le savez, de périr ou de régner" (я не попрошу убѣжища у короля, вашего государя, такъ какъ я рѣшилась, какъ это вамъ извѣстно, погибнуть или царствовать) (Letters № 14, 30 августа). Великій канцлеръ былъ посвященъ въ тайну о перепискѣ между Екатериной и Понятовскимъ; ему довѣрились только потому, что на него разсчитывали для возвращенія молодого графа въ С.-Петербургъ въ качествѣ представителя короля Августа III (Answers № 16, 23 августа; Answers № 11, 9 сентября). Но два письма Понятовскому, которыя великая княгиня доставила Бестужеву для пересылки по назначенію, были возвращены канцлеромъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не нашелъ случая ихъ отправить въ Варшаву (Letters № 20, 8 сентября). Этотъ отказъ въ доставленіи писемъ Понятовскому возбудилъ подозрѣніе Уилльямса особенно послѣ разговора, который онъ имѣлъ съ канцлеромъ 6 сентября (Answers № 26, 6 сентября). Бестужевъ ему передалъ, что императрица приписывала проискамъ посла сопротивленіе великаго князя Петра Θедоровича ея предначертаніямъ и была очень недовольна имъ, почему онъ совѣтовалъ Уилльямсу просить о своемъ отозваніи. Пораженный такимъ предложеніемъ, сэръ Чарльзъ, опомнившись, сказалъ, что онъ этого не сдѣлаетъ, такъ какъ онъ не чувствовалъ за собою никакой вины. Упомянувъ затѣмъ о графѣ Понятовскомъ, о томъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ возвратиться въ Петербургъ, канцлеръ вручилъ Уилльямсу письмо Екатерины Понятовскому, пересланное къ Бестужеву, для отправки по назначенію, и просилъ доставить его въ Варшаву. Но Уилльямсъ не попался въ ловушку и отказался на-отрѣзъ исполнить такое порученіе. Бестужевъ ему въ отвѣтъ намекнулъ, что великая княгиня ведетъ съ нимъ тайную переписку. „Это неправда,— воскликнулъ посолъ:—я имѣю переписку съ великой княгиней только черезъ васъ; въ дѣло Понятовскаго меня впутали, не спросившись меня. Но теперь, когда я возбуждаю подозрѣніе, я не буду ни во что вмѣшиваться и буду держаться въ сторонѣ [1]). По мнѣнію Уилльямса, Бестужевъ не могъ выносить вліянія посторонняго лица на великую княгиню; онъ ревниво

---

[1]) Бестужевъ заключилъ свою бесѣду съ посломъ, увѣряя его въ своихъ дружескихъ чувствахъ къ нему.

оберегалъ ея расположеніе къ нему; поэтому онъ, подъ видомъ дружескаго совѣта, далъ понять Уилльямсу, что ему слѣдовало просить объ отозваніи его изъ Петербурга, и не только возбуждалъ препятствія къ возвращенію графа Понятовскаго въ Петербургъ, но уклонялся отъ пересылки писемъ Екатерины къ Понятовскому; наконецъ, онъ хлопоталъ объ отъѣздѣ въ Украйну, подъ предлогомъ его большой славы, преданнаго ей гетмана графа Кирилла Разумовскаго. Все это служило доказательствомъ вѣроломства Бестужева, который думалъ только о себѣ, а самъ ничего не дѣлалъ для другихъ. Почему Уилльямсъ изъ привязанности къ Екатеринѣ, возраставшей съ каждымъ днемъ, а также изъ дружбы къ Понятовскому и для собственной пользы начертилъ великой княгинѣ слѣдующій планъ дѣйствій (Answers № 11, 9 сентября; Answers № 33, 10 сентября). Главнѣйшая задача заключалась въ возвращеніи Понятовскаго, которое могло совершиться только посредствомъ Бестужева, такъ какъ если бы графъ Станиславъ-Августь возвратился безъ оффиціальнаго характера, то его положеніе въ Петербургѣ было бы невозможнымъ, къ нему бы отнеслись какъ къ подозрительной личности, и онъ, Уилльямсъ, не былъ бы въ состояніи его защитить. Хотя Бестужевъ боялся графа и считалъ его слишкомъ смѣлымъ, но Екатерина должна была заявить ему безусловное и настойчивое требованіе о возвращеніи графа; она должна была дать понять канцлеру, что только при возвращеніи графа черезъ посредство Бестужева послѣдній могъ бы разсчитывать на ея расположеніе въ настоящемъ и на покровительство въ будущемъ. Такъ какъ содѣйствіе Бестужева являлось въ этомъ дѣлѣ безусловно необходимымъ, то Екатерина не должна была съ нимъ ссориться. Ей слѣдовало послать Бернарди къ Бестужеву съ заявленіемъ, что она желаетъ, чтобъ Уилльямсъ отправилъ письма Понятовскому. Уилльямсъ на-отрѣзъ откажется, подъ предлогомъ, что не желалъ болѣе вмѣшиваться въ это дѣло, послѣ чего канцлеръ, во избѣжаніе разрыва съ Екатериной, будетъ вынужденъ отправить письма и возвратить Понятовскаго. Если Екатерина сдѣлаетъ видъ, что она разгнѣвана на Уилльямса, тѣмъ лучше, такъ какъ Бестужевъ подумаетъ, что посолъ потерялъ окончательно довѣріе и что съ однимъ Понятовскимъ ему легко будетъ справиться и прибрать его къ рукамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него исчезнетъ всякое подозрѣніе въ существованіи тайной переписки между великой княгиней и Уилльямсомъ. Екатерина должна была внушить Бестужеву, чтобъ онъ обращался къ Уилльямсу съ настойчивымъ требованіемъ подъ угрозой, въ случаѣ его неиспол-

ненія, потери ея расположенія къ нему. Когда онъ увидитъ, что Уилльямсъ упорствуетъ, онъ будетъ считать его потерявшимъ всякое довѣріе великой княгини, а себя—восторжествовавшимъ надъ соперникомъ. Онъ убѣдится въ дѣйствительности расположенія Екатерины къ Понятовскому и въ томъ, что онъ, одинъ, въ состояніи ей угодить; онъ сдѣлаетъ все изъ опасенія, чтобъ Екатерина не обратилась къ другимъ русскимъ пособникамъ. Таковъ былъ путь, намѣченный Уилльямсомъ, которому должна была слѣдовать великая княгиня для того, чтобъ побудить канцлера къ возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ. Кромѣ того, Уилльямсъ ей указалъ, что Бестужевъ держался на своемъ посту только въ виду того кредита, которымъ, какъ предполагали, онъ пользовался у великой княгини. Основываясь на этомъ предположеніи, Шуваловы въ послѣднее время сблизились съ нимъ. Поэтому отъ Екатерины самой зависѣло ихъ привязать къ себѣ, не прибѣгая къ посреднику, который дѣйствовалъ исключительно для своей выгоды. Препятствія, которыя ставилъ Бестужевъ возвращенію графа Понятовскаго, привели великую княгиню въ негодованіе. „У меня голова идетъ кругомъ,—писала она Уилльямсу,—я не знаю, что̀ говорю, что̀ дѣлаю; смѣшно вамъ признаться, что я испытываю такое состояніе въ первый разъ въ жизни. Не бросайте меня въ этомъ бѣдствіи, въ которомъ я нахожусь“ (Letters № 19, 11 сентября; № 20, 8 сентября; № 21 письмо, 13 сентября). Она готова была явиться къ Бестужеву лично и просить его, чтобъ онъ исполнилъ ея просьбу... „Если мнѣ останется только этотъ способъ,—пишетъ она (Letters № 19, 11 сентября),—я очень надѣюсь на него; хотя я хорошо знаю, что канцлеръ любитъ только самого себя, но я считаю, что послѣ денегъ я представляю изъ себя нѣчто, что̀ должно произвести впечатлѣніе на него и у него“. Наконецъ, она готова была предложить Бестужеву часть денегъ, ею полученныхъ отъ англійскаго короля, лишь бы онъ обязался вернуть Понятовскаго къ Рождеству (Letters № 21, 13 сентября).

Ее радовало однако то, что Понятовскій ничего не зналъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя она переживала; но Уилльямсъ совѣтовалъ ей написать обо всемъ графу Станиславу-Августу и самъ ему написалъ письмо въ 12 страницъ, въ которомъ онъ, увѣривъ его въ расположеніи къ нему великой княгини, сообщилъ, какъ онъ предполагалъ дѣйствовать въ будущемъ (Answers № 27, 8 сентября; № 21, 11 сентября; Letters № 18, 7 сентября).

Состоя другомъ и великой княгини, и Понятовскаго, Уилльямсъ

исполнялъ порученія ихъ обоихъ: въ одномъ письмѣ къ Уилльямсу Понятовскій просилъ узнать отъ Екатерины, расположена ли она къ нему по прежнему, на что великая княгиня отвѣтила послу (Letters № 3, 12 августа), что это—сущая правда (une vérité des plus véritables), которую она просила подтвердить ихъ отсутствующему другу. Уилльямсъ написалъ ей въ отвѣтъ, что онъ уже шесть лѣтъ, какъ состоялъ опекуномъ и наставникомъ Понятовскаго, что въ виду сего послѣдній, безъ сомнѣнія, обязанъ былъ ему во многомъ, но что никакое одолженіе не могло быть сравнено съ тѣмъ, которое онъ ему дѣлалъ, передавая ему эту сущую правду (Answers № 8, 13 августа).

Питая къ Понятовскому такое расположеніе, Екатерина писала Уилльямсу, насколько она тронута всѣми заботами, которыя онъ имѣлъ о ихъ общемъ другѣ, сдѣлавъ изъ него то, чѣмъ онъ былъ, и просила его воспроизвести портретъ молодого графа и прислать его ей; онъ бы сохранялся у нея въ ожиданіи истеченія пяти мѣсяцевъ, оставшихся до его пріѣзда (Letters № 9, 23 августа; № 11, 27 августа; № 14, 30 августа).

Отвѣчая великой княгинѣ, Уилльямсъ писалъ, что, любя Понятовскаго какъ своего сына, онъ не усматривалъ въ этомъ никакой заслуги передъ Екатериной. Что же касается портрета, то онъ уклонился отъ исполненія ея просьбы, говоря, что онъ пишетъ портреты слишкомъ реально (Answers № 15, 24 августа; № 18, 30 августа).

Въ своемъ искреннемъ расположеніи къ Понятовскому Екатерина, боясь возбудить его неудовольствіе, пишетъ Уилльямсу (Letters № 3, 12 августа), что гетманъ графъ К. Г. Разумовскій, желая переговорить съ нею наединѣ о положеніи ихъ дѣлъ, просилъ у нея свиданія; она спрашивала Уилльямса, могла ли бы она принять гетмана, не возбудивъ подозрѣнія въ Понятовскомъ? Уилльямсъ ей отвѣтилъ (Answers № 7, 19 августа), что Разумовскій былъ другъ Понятовскаго. „Возможно ли—спрашивалъ Уилльямсъ—знать васъ и васъ же подозрѣвать; я бы не могъ уважать того, которому я бы не довѣрялъ, а то, что я чувствую къ вамъ, превосходитъ уваженіе, это почти обожаніе и обожаніе, основанное на здравомъ разсудкѣ и на разумѣ, которымъ Господь Богъ меня надѣлилъ“.

Заботясь о своемъ другѣ, Екатерина просила Уилльямса (Letters № 15, 31 августа и 1 сентября) выслать Понятовскому 1000 червонцевъ изъ тѣхъ денегъ, которыя она получила отъ англійскаго короля, а въ письмѣ отъ 21 сентября (Answers

№ 21) Уилльямсъ увѣдомилъ великую княгиню о высылкѣ съ англійскимъ курьеромъ денегъ по назначенію.

Слѣдуя совѣтамъ Уилльямса, Екатерина настойчиво потребовала въ своихъ переговорахъ съ Бестужевымъ черезъ довѣреннаго его Бернарди возвращенія Понятовскаго въ Петербургъ и написала графу Бестужеву письмо (Letters № 21, 13 сентября), въ которомъ она, не допуская никакихъ отговорокъ канцлера по этому поводу, послѣ его увѣреній въ преданности, удивлялась тому, что онъ могъ сообразоваться съ мнѣніемъ людей, домогавшихся неисполненія ея желаній, и высказывала, что разъ она требовала, то должна была имѣть предпочтеніе передъ всѣми, и что она добьется со свойственною ей настойчивостью возвращенія Понятовскаго, которое зависѣло исключительно отъ него, Бестужева; поэтому она ставила ему категорическій вопросъ, на который она ждала отъ него безусловнаго отвѣта: обязуется ли онъ въ томъ, что графъ Понятовскій вернется къ Рождеству въ Петербургъ, такъ какъ только при условіи возвращенія его черезъ посредство канцлера она обѣщала ему, Бестужеву, свое личное расположеніе и свое покровительство въ будущемъ. Со своей стороны, Уилльямсъ исполнялъ намѣченную имъ программу. При свиданіи его съ канцлеромъ, котораго онъ нашелъ слаще млека и меда (il était comme la terre de Chanaan tout miel et lait—Answers № 12, 13 сентября), Бестужевъ сталъ уговаривать посла, чтобъ онъ принялъ на себя отправленіе писемъ великой княгини Понятовскому и убѣдилъ Понятовскаго не пріѣзжать въ Петербургъ. Уилльямсъ на-отрѣзъ отказался исполнить подобныя порученія, сославшись на то, что онъ не желалъ вмѣшиваться въ это дѣло и попасться въ западню. Но кромѣ того Уилльямсъ держалъ Бестужева въ своихъ рукахъ тѣмъ, что, располагая большою суммою, которую король прусскій предоставилъ въ его распоряженіе для подкупа, онъ далъ понять канцлеру, что при извѣстныхъ условіяхъ и ему могла перепасть часть этихъ денегъ (Answers № 12, 13 сентября). Независимо отъ того, Уилльямсъ увѣрялъ, что, по его представленію, англійское правительство не уплатитъ Бестужеву пенсіи, которую онъ получалъ отъ короля, до тѣхъ поръ, пока Понятовскій не вернется обратно въ Петербургъ черезъ его посредство (Answers № 34, 8 сентября; Answers № 21, 11 сентября).

Настойчивость Екатерины стала мало-по-малу дѣйствовать на Бестужева. Онъ подослалъ къ ней Бернарди сказать, что если она такъ уже хочетъ возвращенія Понятовскаго, онъ могъ бы вернуться въ качествѣ саксонскаго министра при императорскомъ

дворѣ. Екатерина на-отрѣзъ отказалась отъ такого предложенія, требуя, чтобы канцлеръ исполнилъ то, что̀ обѣщалъ (Letters № 24, 17 сент.).

Сообщая Уилльямсу о такомъ предложеніи, она умоляла его не оставлять ее въ досадѣ, которая все болѣе и болѣе ею овладѣвала, и добавляла, что она готова сама идти ходатайствовать передъ канцлеромъ; она была убѣждена, что возьметъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями, такъ какъ онъ ее любилъ, насколько подобный человѣкъ могъ любить.

Въ виду того, что въ это время король Фридрихъ II напалъ на Саксонію и могъ не выпустить ея короля, вопросъ о назначеніи Понятовскаго представителемъ Августа III, какъ короля польскаго, зависѣлъ отъ того, успѣетъ ли Августъ III прибыть въ Варшаву и созвать сеймъ.

Понятовскій писалъ Уилльямсу, что, по его свѣдѣніямъ, Августа III ожидали въ Варшавѣ: „Если это такъ,—успокаивалъ Уилльямсъ Екатерину (Answers № 30, 19 сентября),—то все будетъ хорошо, и по заключеніи мира между Пруссіею и Саксоніею, Понятовскій вернется въ Петербургъ". Въ отвѣтъ на это сообщеніе Екатерина писала послу (Letters № 25, 21 сент.), что съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ надѣялся на возвращеніе Понятовскаго, она чувствовала себя спокойнѣе, но выражала опасеніе за здоровье графа, такъ какъ все непріятное ему вредно. Уилльямсъ, однако, счелъ нужнымъ объяснить ей, что нельзя было строить какіе-либо планы до пріѣзда Августа III въ Варшаву и созыва сейма, такъ какъ если бы онъ не пріѣхалъ, то возвращеніе Понятовскаго будетъ затруднительнымъ; но даже въ послѣднемъ случаѣ—добавлялъ Уилльямсъ (Answers № 31, 22 сент.)—Бестужевъ могъ воздѣйствовать на кого слѣдовало, и возвращеніе состоится съ замедленіемъ на мѣсяцъ или шесть недѣль.

Вслѣдствіе настояній Екатерины, великій канцлеръ рѣшился дѣйствовать во исполненіе ея желаній. Онъ написалъ письмо министру Августа III, графу Брюлю, въ которомъ изложилъ, что, въ виду существовавшихъ политическихъ усложненій, онъ считалъ необходимымъ присутствіе при императорскомъ дворѣ чрезвычайнаго посланника польскаго королевства, съ цѣлью укрѣпленія узъ дружбы, связывавшихъ оба правительства. Для замѣщенія должности представителя короля польскаго, Бестужевъ указалъ на графа Понятовскаго, какъ на лицо, которое съумѣло снискать благоволеніе императрицы и расположеніе всего ея двора и, вслѣдствіе этого, могло лучше другихъ оказать услуги своему королю и своей странѣ. Копія съ этого письма была

доставлена великой княгинѣ, которая не преминула ее сообщить Уилльямсу съ замѣчаніемъ, что она осталась довольна такимъ шагомъ Бестужева (Letters № 23, 24 сент.).

Уилльямсъ, соглашаясь съ тѣмъ, что письмо канцлера окажетъ свое дѣйствіе, находилъ только одинъ недостатокъ, а именно тотъ, что польскій король не могъ назначить посланника отъ Рѣчи Посполитой безъ одобренія сената; онъ могъ однако безъ его согласія послать изъ Дрездена повѣреннаго по дѣламъ Польши (Answers № 40, 26 сент.). На эту оговорку Уилльямса Екатерина замѣтила, что самъ Брюль убѣдится въ дѣйствительномъ желаніи канцлера, чтобы Понятовскій вернулся, и прибѣгнетъ къ послѣднему способу при невозможности примѣненія перваго (Letters № 26, 26 сент.).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Уилльямсу Понятовскій просилъ написать его отцу и матери, чтобы они содѣйствовали его возвращенію въ Петербургъ. Сообщая объ этой просьбѣ (Answers № 55, 27 сент.; Letters № 43, 19 окт.), Уилльямсъ писалъ Екатеринѣ, что графиня Понятовская—умная женщина, но ханжа, что она любитъ своего сына и питаетъ къ нему, Уилльямсу, какъ ни къ кому иному, большое довѣріе, которымъ онъ не преминетъ всецѣло воспользоваться.

Уилльямсъ, дѣйствительно, написалъ графинѣ Понятовской (Answers № 45, 25 окт.), что если она чувствовала себя чѣмъ-нибудь ему обязанною, то она могла выразить свою благодарность ему возвращеніемъ своего сына. Далѣе, онъ указалъ на ту пользу, которую молодой Понятовскій оказалъ ему своимъ содѣйствіемъ, и на тѣ успѣхи, которые онъ проявилъ въ дѣлахъ: „однимъ словомъ—писалъ Уилльямсъ Екатеринѣ,—я выразилъ все, съ цѣлью добиться того, чего мы оба такъ сильно желаемъ. Какъ мнѣ пріятно сдѣлать вамъ удовольствіе!“

Между тѣмъ, въ городѣ распространились слухи, что Понятовскій арестованъ въ Польшѣ—и что императрица считала его шпіономъ прусскаго короля. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, взволновавшихъ Екатерину, она просила Уилльямса переговорить съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и принять на себя защиту ихъ друга; сама же она собиралась объясниться съ Бестужевымъ, на основаніи какихъ данныхъ императрица обвиняла Понятовскаго въ шпіонствѣ (Letters № 28, 5 окт.). Успокаивая великую княгиню насчетъ того, что приведенные слухи чистѣйшій вздоръ, Уилльямсъ ей сообщилъ содержаніе разговора, который онъ имѣлъ съ Бестужевымъ (Answers № 37, 7 окт.). Канцлеръ больше всего боялся потерять благорасположеніе Екатерины и увѣрялъ

посла, что онъ дѣлалъ все, чтобы Понятовскій вернулся, но еслибъ этого не случилось, то не слѣдовало великой княгинѣ его упрекать. Уилльямсъ на это ему замѣтилъ, что возвращеніе Понятовскаго не было государственнымъ дѣломъ, а дѣломъ дружескаго расположенія, почему Бестужеву надлежало подумать о послѣдствіяхъ неудачи. Уилльямсъ дружески совѣтовалъ канцлеру не шутить съ волею великой княгини, такъ какъ она рѣшилась достигнуть возвращенія Понятовскаго во что̀ бы то ни стало. Исполненіемъ такой воли Екатерины канцлеръ обезпечивалъ за собою навсегда то высокое довѣріе, которымъ онъ пользовался у великой княгини. Послѣдніе доводы посла поразили канцлера, и онъ показался ему очень смущеннымъ. „Господи,—писалъ Уилльямсъ Екатеринѣ,—какъ бы я желалъ, чтобы Понятовскій вернулся для моего собственнаго утѣшенія! Такой привязанный другъ, такой знающій и осторожный пособникъ неоцѣнимъ! Какъ онъ былъ бы мнѣ полезенъ въ эту минуту; онъ, который дѣлитъ со мною и горе, и радость, который любитъ меня, не ожидая какой-либо выгоды, который привязанъ ко мнѣ безъ задней мысли и уважаетъ, потому что знаетъ меня. Правда, что я питаю къ нему нѣжность отца: онъ—мой избранникъ, мой пріемышъ, и я радуюсь, когда вижу ежедневно, что мой разсудокъ не нахвалится вмѣстѣ съ вами моимъ выборомъ, que ma raison et vous se louent de mon choix. Я вамъ скоро пришлю его портретъ въ маломъ и большомъ размѣрѣ“.

Слухъ о пріѣздѣ Августа III въ Варшаву подалъ поводъ Уилльямсу написать (Answers № 56, 22 октября) великой княгинѣ, что по всему вѣроятію Понятовскій могъ скоро вернуться, такъ какъ польскому королю было вполнѣ естественно послать кого-нибудь съ цѣлью извѣстить императрицу о его прибытіи въ королевство, для чего ему надлежало созвать сенатъ и назначить Понятовскаго чрезвычайнымъ посланникомъ при императорскомъ дворѣ. Получивъ это сообщеніе, Екатерина поспѣшила выразить Уилльямсу свою радость (Letters № 46, 23 окт.).

Не довѣряясь, однако, этимъ радужнымъ извѣстіямъ, она, во избѣжаніе случайностей, искала сближенія съ графомъ Петромъ Шуваловымъ для того, чтобы онъ содѣйствовалъ осуществленію ея мечты. Но надо было найти посредника для переговоровъ съ Шуваловымъ помимо Апраксина, которому она не довѣряла, боясь, чтобы онъ не предалъ ее Бестужеву, а замыслы послѣдняго ей казались наиболѣе опасными въ виду его мстительности. (Letters № 46, 23 окт.). На это Уилльямсъ замѣтилъ (Answers № 59, 24 окт.), что ея настойчивое желаніе относительно воз-

вращенія Понятовскаго могло быть исполнено только черезъ посредство одного Бестужева, такъ какъ онъ былъ посвященъ въ тайну; Шуваловы въ этомъ дѣлѣ не могли быть полезными, и имъ не слѣдовало ничего обѣщать, а то Екатерина рисковала бы ничего отъ нихъ не получить. Уилльямсъ полагалъ, что возвращеніе Понятовскаго совершится скоро само собой.

Въ субботу 26 октября, Екатерина черезъ Уилльямса получила письмо отъ графа Станислава-Авг. Понятовскаго и записку отъ его отца и сообщила сэру Чарльзу выдержку изъ письма своего друга (Answers № 52, 26 октября; Letters № 41, 27 октября). Въ немъ онъ разсказывалъ, какъ его мать добилась отъ него признанія, почему онъ такъ страстно желалъ вернуться въ Петербургъ. Когда она узнала отъ него причину, она объявила ему, что не согласна на его отъѣздъ. Отчаяніе его было ужасно, но, несмотря на его слезы и мольбы, мать осталась непреклонной. Его удрученное состояніе замѣтили великій казначей графъ Флеммингъ и его дядя князь Августъ Чарторыйскій, воевода русскій. Когда они узнали, въ чемъ дѣло, графъ Флеммингъ сказалъ, что ему надо спастись, и предложилъ свои услуги, чтобъ уѣхать, несмотря на сопротивленіе графини Понятовской. Затѣмъ, обратившись къ князю Августу, онъ воскликнулъ: „Нечего медлить, — онъ сломалъ себѣ шею, и намъ предстоитъ то же самое, если онъ не вернется. Мы потеряемъ поддержку Екатерины и заслужимъ ея недоброжелательство, если онъ не возвратится“. По обсужденіи положенія, было рѣшено между ними и графомъ Понятовскимъ-отцомъ, что если его сынъ не будетъ отправленъ посланникомъ короля, то онъ поѣдетъ съ дядей канцлеромъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, въ Литву, откуда переправится въ Петербургъ. Графъ Станиславъ-Августъ съ радостью ждалъ моментъ отъѣзда, когда получилось письмо Уилльямса, рисовавшее положеніе дѣлъ въ Петербургѣ. Хотя эти извѣстія смутили отца графа Понятовскаго, но въ заключеніе онъ рѣшился на отъѣздъ своего сына, какъ скоро послѣдуетъ назначеніе его королемъ или вызовъ его изъ Петербурга.

Во время этихъ переговоровъ графъ Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что по многимъ признакамъ его мать очень желала, чтобъ онъ вернулся, лишь бы она могла сказать себѣ, что она на то не дала своего формальнаго согласія. Затѣмъ слѣдовала въ письмѣ Понятовскаго къ Екатеринѣ просьба передать Уилльямсу, чтобъ онъ написалъ отцу его отпустить сына въ Петербургъ, такъ какъ онъ нуждался въ немъ. Этотъ предлогъ былъ необходимъ, чтобъ убѣдить графиню Понятовскую,

которая повторяла, что еслибы Уилльямсъ дѣйствительно нуждался въ ея сынѣ, онъ бы формально потребовалъ отъ отца его возвращенія. Между тѣмъ русскій повѣренный въ дѣлахъ при королѣ Августѣ III Гроссъ донесъ 4 ноября (24 октября) канцлеру изъ Варшавы (Letters, 4 ноября), что еще въ Дрезденѣ онъ получилъ рекомендательныя письма, которыми былъ снабженъ Понятовскій для передачи королю и его первому министру, графу Брюлю. Гроссъ успѣлъ исполнить данное ему порученіе, и когда молодой стольникъ явился въ Варшаву ко двору, онъ былъ принятъ королемъ весьма благосклонно. Графъ Брюль увѣрилъ Гросса, что король Августъ готовъ въ скорости отправить стольника съ порученіемъ императорскому двору, предварительно пожаловавъ ему голубую ленту. Отправка Понятовскаго отъ Рѣчи Посполитой могла бы послѣдовать только на основаніи постановленія сената, но таковое потребовало бы много времени и врядъ ли увѣнчалось бы успѣхомъ. Самъ Понятовскій предпочелъ бы для выигрыша времени отправиться съ порученіемъ отъ короля, получивъ вѣрительныя грамоты, въ виду занимаемой имъ должности стольника великаго княжества литовскаго, не изъ канцеляріи Саксоніи, а изъ литовской канцеляріи.

Выражая великой княгинѣ свою радость въ виду скораго исполненія ея желаній, Уилльямсъ умолялъ Екатерину на колѣняхъ (Answers № 80, 4 ноября; Answers № 46, 6 ноября), чтобы, по пріѣздѣ Понятовскаго, она была осторожной въ виду мнительности канцлера, который успѣлъ удалить гетмана графа Разумовскаго, старался, возстановивъ государыню противъ него, Уилльямса, вынудить его къ отъѣзду, и способенъ въ одну прекрасную ночь заключить подъ стражу самого Понятовскаго. Въ отвѣтъ на это предупрежденіе, великая княгиня написала Уилльямсу, что сама хотѣла посовѣтоваться съ нимъ по сему предмету и будетъ видѣться съ Понятовскимъ согласно указаніямъ посла (Letters, № 47, четвергъ 7 ноября). Въ томъ же письмѣ она сообщала ему, что, согласно увѣдомленію графа Брюля отъ 6 ноября (27 октября), полученному канцлеромъ, графъ Понятовскій выѣзжаетъ черезъ 10 или 11 дней съ порученіемъ отъ короля Августа III, получивъ орденъ Бѣлаго Орла. Еще 5-го ноября саксонскій повѣренный въ дѣлахъ при императорскомъ дворѣ Прассе увѣдомилъ дипломатическій корпусъ о прибытіи графа Понятовскаго. Французскій агентъ Дугласъ и австрійскій посолъ графъ Эстергази были очень поражены такимъ извѣстіемъ. Сообщая объ этомъ великой княгинѣ, Уилльямсъ писалъ (Answers № 48, 8 ноября), что канцлеръ велѣлъ ему передать

черезъ Бернарди, чтобъ онъ предупредилъ графа Понятовскаго не останавливаться у великой княгини во избѣжаніе всякихъ толковъ. Уилльямсъ, однако, отказался вмѣшиваться, сказавъ, что, по всему вѣроятію, Прассе или великая княгиня сняли домъ для помѣщенія графа Понятовскаго.

Недаромъ Уилльямсъ предупреждалъ великую княгиню о готовившихся проискахъ Бестужева въ случаѣ прибытія графа Станислава-Августа. Въ сохранившейся перепискѣ между Екатериной и Уилльямсомъ имѣется журналъ постановленія конференціи, написанный рукою Екатерины и, очевидно, сообщенный ею въ переводѣ англійскому послу. Этотъ переводъ помѣченъ седьмымъ ноября. Въ немъ сказано, что такъ какъ назначеніе графа Понятовскаго посланникомъ не было угодно ея величеству въ виду его тѣсной дружбы съ англійскимъ посломъ, то государыня повелѣла, чтобъ канцлеръ объявилъ секретарю саксонскаго посольства Прассе, что данное ею Понятовскому рекомендательное письмо на имя короля Августа III выдано исключительно по его просьбѣ, что назначеніе его вовсе не угодно ея величеству и что вмѣсто него она желала бы видѣть, въ качествѣ представителя короля, уже состоявшаго при императорскомъ дворѣ графа Герсдорфа, который, какъ саксонскій подданный, вѣрнѣе служилъ бы его выгодамъ и внушалъ бы болѣе довѣрія. Въ случаѣ же неминуемости прибытія графа Понятовскаго было повелѣно имѣть съ нимъ сношенія лишь по такимъ дѣламъ, разрѣшеніе которыхъ не потребовало бы продолжительнаго пребыванія его въ Петербургѣ. Таково содержаніе постановленія конференціи, находящагося (въ переводѣ) въ перепискѣ между Уилльямсомъ и Екатериной; по справкѣ же съ подлинными протоколами бывшей конференціи 1756 года (марта 14—декабря 31), хранящимися въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, оказывается, что 7-го ноября 1756 г. дѣйствительно состоялось засѣданіе конференціи, на которомъ, между прочимъ, имѣлось сужденіе о пріѣздѣ графа Понятовскаго, но протоколъ этого засѣданія отличается отъ передачи его въ перепискѣ Уилльямса, хотя оба документа по своему смыслу имѣютъ одинаковое значеніе.

Засѣданіе 7 ноября 1756 г. состоялось подъ предсѣдательствомъ канцлера графа Бестужева при членахъ князѣ М. Трубецкомъ, А. Бутурлинѣ, князѣ Михаилѣ Голицынѣ, графѣ Михаилѣ Воронцовѣ и графахъ А. и П. Шуваловыхъ.

Въ пятомъ пунктѣ протокола значится слѣдующее: „королевско-польскій дворъ началъ уже дѣйствительно возвращать

свою довѣренность и милость старымъ своимъ и здѣшнимъ партизанамъ князьямъ Чарторижскимъ, чему и доказательствомъ служитъ назначеніе сюда чрезвычайнымъ министромъ стольника литовскаго, графа Понятовскаго. Сіе послѣднее для великой конекціи, въ которой сей стольникъ извѣстнымъ образомъ находится съ англійскимъ посломъ Уилльямсомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, правда, не весьма желательно, но какъ отвращеніе того уже совсѣмъ невозможно, потому что оной теперь въ дорогѣ быть имѣетъ, да и фамилія его тѣмъ крайне огорчена была бы, такъ что здѣшній дворъ, вступавшись столь сильно за оную, супротивленіемъ сему назначенію пришелъ самъ въ нѣкоторое съ собой разнорѣчіе; то останется смотрѣть, каково будетъ нынѣ сего Понятовскаго здѣсь поведеніе, и потому искусно размѣрять, какъ далеко имѣетъ простираться оказуемая ему въ дѣлахъ повѣренность, а между тѣмъ опредѣлено послать рескрипты къ его п—ству генералу фельдмаршалу и кавалеру Степану Ѳедоровичу Апраксину и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ".—Въ томъ же протоколѣ значится рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Назначеніе министромъ къ намъ стольника литовскаго графа Понятовскаго по причинѣ великой его съ аглинскимъ посломъ Уилліамсомъ конекціи при нынѣшнихъ обстоятельствахъ подлинно не можетъ намъ быть пріятно. Но понеже королевское при томъ намѣреніе показать намъ и симъ самымъ выборомъ нѣкоторую угодность всегда однако же признаніе заслуживаетъ, то и надлежитъ, чтобъ посланникъ Гросъ пристойный о томъ комплиментъ его величеству королю учинилъ; но при томъ графу Брилю въ вышшей довѣренности и для единственнаго королевскаго извѣстія внушилъ, что хотя имѣвшее при томъ его величествомъ дружеское къ намъ намѣреніе намъ подлинно пріятно, да и въ протчемъ весьма бы мы тому согласны были, чтобъ симъ способомъ вошли паки въ прежнюю его величества милость и довѣренность князья Чарторыжскіе съ ихъ друзьями, за которыхъ мы у его величества заступленіе чинили и которыхъ мы всегда въ преданствѣ ко двору содержать стараться будемъ; то однакожъ изображенное въ рескриптѣ нашемъ подъ № 4 намѣреніе, единственно къ пользѣ его королевскаго величества клонящееся, неотмѣнно превозмогаетъ надъ всякими посторонними уваженіями и мы подлинно не находимъ теперь лучшаго присовѣтовать, какъ чтобъ, не показывая одному передъ другимъ ни предпочтенія ни огорченія, и содержа всѣхъ равно, равно каждаго принудить къ своей должности. При чемъ надобно, чтобъ Гроссъ

и о томъ въ вышшемъ секретѣ графа Бриля предупредилъ, что буде графъ Понятовскій по пріѣздѣ сюда не найдетъ тотчасъ такой довѣренности, каковой бы въ протчемъ пребывающій между нами тѣснѣйшій союзъ требовалъ, то не умаленіе нашей къ королю дружбы, но сіе единственно причиною тому будетъ, что графъ Понятовскій, будучи персонально въ великой дружбѣ и конекціи съ посломъ Уиліамсомъ, усерднымъ коммисіонеромъ короля прусскаго, предосторожность и благоразуміе требуютъ по меньшей мѣрѣ увѣриться напередъ о молчаливости сего молодого человѣка. Потребное изъ сего рескрипта къ свѣдѣнію нашего генерала-фельдмаршала Апраксина ему уже отъ насъ сообщено" (л. 413).

Какъ въ подлинномъ протоколѣ конференціи, такъ и въ переводѣ, сдѣланномъ Екатериной, высказывается недовѣріе къ Понятовскому и предписывается вести дѣла съ нимъ осторожно. Такъ какъ переводъ, сообщенный Екатериной, болѣе обстоятельно и рѣзко изложенъ, то можно предположить, что это постановленіе было черновое, доставленное кѣмъ-нибудь изъ членовъ или канцеляріей конференціи великой княгинѣ и что оно было затѣмъ измѣнено и смягчено въ подробностяхъ. Но и въ этой измѣненной формѣ протоколъ выражалъ непріязнь и недовѣріе къ Понятовскому, а такъ какъ конференція состоялась подъ предсѣдательствомъ графа Бестужева, то великая княгиня не могла не подозрѣвать въ канцлерѣ коварныхъ цѣлей въ отношеніи ея друга.

Но канцлеръ, однако, продолжалъ увѣрять Екатерину въ своей преданности. Отъ него она узнала, что графъ Понятовскій ему писалъ, прося отвести ему квартиру отъ двора, такъ какъ русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Варшавѣ Гроссъ пользовался даровымъ помѣщеніемъ отъ короля. Увѣдомляя о томъ Уилльямса (Letters № 38, 9 ноября), Екатерина писала, что хотѣла нанять для Понятовскаго домъ пѣвца Марко противъ Казанскаго собора [1]) и что Понятовскій, по пріѣздѣ, долженъ быть покорнымъ какъ ягненокъ для того, чтобы овладѣть Бестужевымъ.

---

[1]) Графъ Понятовскій, по пріѣздѣ, поселился на Адмиралтейской сторонѣ близъ Гостинаго двора, въ домѣ полковника Марка Ѳедоровича Полторацкаго; фасадъ и планъ этого дома хранятся въ московскомъ главномъ архивѣ; этотъ домъ находился, по всему вѣроятію, на мѣстѣ того, который стоитъ на углу Невскаго и Екатерининскаго канала въ Милютиныхъ рядахъ. Маркъ Полторацкій (1729—1795), сынъ соборнаго протоіерея въ г. Сосницѣ, черниговской губерніи, былъ возведенъ въ дворянство при Елисаветѣ Петровнѣ, управлялъ придворной пѣвческой капеллой; умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

„Говорите, что хотите,—писала великая княгиня, но имъ можно овладѣть“ (il est attrapable). Уилльямсъ, однако, настаивалъ на томъ (Answers № 49, 10 и 11 ноября), чтобъ она прервала сношенія съ канцлеромъ, такъ какъ онъ ее предавалъ. По словамъ англійскаго посла, все совершится по желанію канцлера: гетманъ первый уѣдетъ; онъ, Уилльямсъ, принужденъ будетъ удалиться, во избѣжаніе того, чтобъ императрица сама не потребовала его отозванія, а Понятовскому дозволено будетъ остаться только для того, чтобъ сдѣлать комплиментъ, но онъ будетъ подвергнутъ такому надзору въ теченіе своего пребыванія, что Уилльямсъ, какъ ея лучшій другъ, совѣтовалъ ей и не думать о свиданіи съ нимъ, но ожидать терпѣливо болѣе счастливыхъ дней. Онъ убѣждалъ ее обратиться къ графу Александру Ивановичу Шувалову, прося его передать его двоюродному брату, Ивану Ивановичу Шувалову, что она вполнѣ ввѣряетъ себя ему съ тѣмъ, чтобы онъ не держалъ стороны канцлера, который поступилъ предательски съ нею. Уилльямсъ доказывалъ великой княгинѣ, что вліяніе Бестужева на Шуваловыхъ происходило исключительно изъ ихъ предположенія, что онъ пользовался особымъ ея довѣріемъ. Если же Бестужевъ управлялъ Шуваловыми на основаніи этого предположеннаго довѣрія, то не лучше ли Екатеринѣ управлять ими непосредственно. Почему Уилльямсъ убѣждалъ ее переговорить съ Иваномъ Шуваловымъ, ему довѣриться и ему обѣщать свое покровительство въ будущемъ.

Убѣжденія Уилльямса очень смутили Екатерину. Послѣ трехдневныхъ размышленій она, стѣсняясь порвать окончательно съ Бестужевымъ, рѣшилась написать Ивану Ивановичу Шувалову, что, потерявъ довѣріе къ канцлеру, она обращается къ нему, Шувалову, за его содѣйствіемъ, обѣщая свое покровительство въ будущемъ. Это письмо было передано Ивану Ивановичу Нарышкинымъ, принесшимъ Екатеринѣ отвѣтъ Шувалова, который, благодаря за оказанное ему довѣріе, выразилъ свою полную готовность быть полезнымъ великой княгинѣ. Въ то же время Бестужевъ, предчувствуя, что она подозрѣвала его въ измѣнѣ, писалъ ей, что онъ очень опечаленъ ея недовѣріемъ; Екатерина же ему отвѣтила, что, не сомнѣваясь въ его искренности, она просила не обижать ея друзей, намекая на Уилльямса, гетмана Разумовскаго и графа Понятовскаго, которые привязаны къ ней столько же, сколько и онъ самъ (Letters № 36, 13 ноября; № 31, 15 ноября).

18-го ноября, канцлеръ доставилъ великой княгинѣ письмо (Letters № 45, 19 ноября) отъ графа Понятовскаго и донесеніе

отъ Гросса. Послѣдній писалъ, что отъѣздъ графа откладывался до полученія извѣстій изъ С.-Петербурга о томъ, какъ было принято императорскимъ дворомъ его назначеніе. Затѣмъ въ донесеніи описывались интриги французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Дюрана, домогавшагося полученія аудіенціи у короля для того, чтобъ убѣдить его отправить въ С.-Петербургъ другое лицо, а не Понятовскаго. Узнавъ о томъ, Августъ III позвалъ графа въ кабинетъ и объявилъ ему, что онъ назначаетъ его министромъ въ Россію. Въ виду этихъ интригъ Бестужевъ сообщилъ великой княгинѣ, что онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ ее удовлетворить, но она сама видитъ, какъ ему было трудно. На это Екатерина пригрозила ему, что она порветъ съ нимъ всѣ сношенія, если онъ только посмѣетъ ее обмануть, и что, обратившись съ письмомъ къ графу Брюлю, онъ могъ бы устранить всѣ затрудненія къ скорѣйшему пріѣзду графа Понятовскаго изъ Варшавы.

Настойчивость Екатерины понудила канцлера предписать Гроссу, чтобъ было оказано полное довѣріе Понятовскому (Letters № 40, 20-го ноября). Между тѣмъ Уилльямсъ, усмотрѣвъ, что положеніе его при императорскомъ дворѣ сильно поколебалось, вслѣдствіе окончательнаго сближенія Россіи съ Франціей, обратился къ своему правительству съ просьбой его отозвать. Сообщая объ этомъ рѣшеніи, онъ писалъ Екатеринѣ (Answers № 79, 21 ноября), чтобъ она вспомнила его предсказанія о томъ, что ея друзья всѣ потерпятъ: гетманъ Разумовскій первый, Уилльямсъ второй, а за третьяго онъ страшно боялся. Послѣднія слова очень огорчили Екатерину, и она спрашивала (Answers № 84, письмо Екатерины 23 ноября), неужели графъ Понятовскій не съумѣетъ своимъ обращеніемъ съ канцлеромъ привлечь его на свою сторону. Письмомъ отъ 26 ноября графъ Понятовскій сообщалъ великой княгинѣ (Answers № 85, письмо Екатерины 25 ноября), что графъ Брюль подъ разными предлогами откладывалъ его отъѣздъ и выражалъ свое глубокое горе, какъ тяжело будетъ ему, когда онъ пріѣдетъ въ С.-Петербургъ, отказаться въ виду его положенія, какъ министра короля Августа III, отъ всякихъ сношеній съ Уилльямсомъ, правительство котораго держало сторону короля прусскаго. Утѣшая великую княгиню (Answers № 34, 26 ноября), которая очень огорчалась тѣмъ, что оба ея друга будутъ разъединены, Уилльямсъ писалъ, что онъ увѣренъ въ привязанности Понятовскаго къ нему и что если нельзя будетъ имъ видѣться, они оба найдутъ способъ обмѣняться мыслями. Онъ льстилъ себя надеждой, что когда-нибудь Екатерина и король прусскій, въ качествѣ ея по-

собника (lieutenant) сдѣлаютъ Понятовскаго польскимъ королемъ. Но въ ту минуту Уилльямсъ выражалъ свое безпокойство относительно путешествія графа, такъ какъ повсюду царствовала измѣна и ему передавали такіе слухи, которымъ ему не хотѣлось вѣрить.

Великая княгиня испытывала также безпокойство по тому же поводу, хотя Бестужевъ ей сказалъ на андреевскомъ праздникѣ: „назовите меня злодѣемъ (scélérat), но не Бестужевымъ, если Понятовскій не вернется". Но затѣмъ канцлеръ прибавилъ, что замедленіе въ отъѣздѣ Понятовскаго могло произойти только отъ него самого, и передалъ великой княгинѣ, что по разсказу графа Эстергази французскій агентъ Дугласъ имѣлъ письма отъ Дюрана изъ Варшавы, въ которыхъ тотъ жаловался, что Понятовскій назвалъ его негодяемъ (faquin). Эти слухи до крайности возмутили великую княгиню, которая выразила канцлеру свое негодованіе и подозрѣніе въ томъ, что онъ строилъ тайныя козни, чтобъ воспрепятствовать пріѣзду графа. Великая княгиня просила Уилльямса дать ей совѣтъ, какъ преодолѣть этого проклятаго человѣка (Letters № 50, 3 декабря). Уилльямсъ отвѣтилъ, что онъ сильно подозрѣвалъ саксонскаго секретаря Прассе въ томъ, что онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ Эстергази и съ Дугласомъ, чтобъ помѣшать пріѣзду графа Понятовскаго въ Петербургъ (Answers № 69, 7 декабря), но по свѣдѣніямъ Бернарди, сообщеннымъ Екатеринѣ (Letters 54, 8 декабря), Прассе былъ очень заинтересованъ въ пріѣздѣ Понятовскаго въ качествѣ представителя Августа III и въ томъ, чтобы ему были поручены одни польскія дѣла, такъ какъ Бестужевъ обѣщалъ Прассе мѣсто саксонскаго резидента въ Петербургѣ, тогда какъ, если бы пріѣхалъ саксонскій посланникъ, Прассе не могъ бы быть назначенъ резидентомъ. Уилльямсъ, однако, продолжалъ не довѣрять Бестужеву, который, по его мнѣнію, умѣлъ выворачиваться, какъ всякій человѣкъ, лишенный совѣсти. Что же касается Прассе, то онъ былъ опасенъ, насколько могъ быть опаснымъ дуракъ (aussi dangereux qu'une bête peut l'être. Answers 72, 9 декабря). Получивъ отъ канцлера письмо Гросса отъ 5 декабря (24 ноября), по которому Понятовскій, выѣхавъ черезъ четыре или пять дней, долженъ былъ прибыть въ концѣ года [1]), великая княгиня спросила у канцлера, во сколько дней могъ пріѣхать посланникъ изъ Варшавы, такъ какъ ей извѣстно, что для частнаго лица достаточно восьми

---

[1]) Letters № 53, письмо 10 декабря.

дней. Отвѣчая Екатеринѣ (Answers № 66, 11 декабря), что если бы Понятовскій выѣхалъ черезъ пять дней послѣ 5 декабря (24 ноября), то онъ бы долженъ былъ уже быть на мѣстѣ, такъ какъ въ тринадцать дней можно было совершить это путешествіе вполнѣ спокойно,—Уилльямсъ писалъ, что онъ готовилъ ей очень серьезное письмо насчетъ пріѣзда Понятовскаго, излагая въ немъ свои совѣты, свои мысли и подозрѣнія. Между тѣмъ Екатерина получила (Letters № 52 (b), 13 декабря) черезъ канцлера письмо отъ Понятовскаго также отъ 5 декабря (24 ноября), въ которомъ онъ сообщалъ, что надѣялся выѣхать въ слѣдующій четвергъ и прибыть черезъ три недѣли отъ этого дня. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ канцлеръ доставилъ великой княгинѣ записку графа Брюля къ Бестужеву, въ которой саксонскій министръ извинялся въ томъ, что задерживалъ Понятовскаго впредь до пріѣзда въ Варшаву австрійскаго и французскаго пословъ, которымъ миссія Понятовскаго казалась подозрительной. По прочтеніи этой записки, Екатериной овладѣло безпокойство, такъ какъ ни графъ Брольи, ни графъ Штернбергъ не собирались выѣзжать изъ Дрездена и ожиданіе ихъ пріѣзда въ Варшаву могло продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ. Это препятствіе скрывалось Бестужевымъ, на котораго великая княгиня сильно негодовала.

Приближавшійся день рожденія императрицы предполагалось провести внѣ Петербурга, такъ какъ Елисавета Петровна говѣла на Рождество и выѣзжала въ Царское Село, а великіе князья—въ Ораніенбаумъ. Поэтому Екатерина, опасаясь, чтобы Понятовскій не пріѣхалъ во время ея отсутствія, оставила сэру Чарльзу письмо на имя графа (Letters № 52, 16 декабря). Но передъ отъѣздомъ она получила отъ Уилльямса посланіе (Answers № 67, 14 декабря), въ которомъ онъ на колѣняхъ умолялъ ее быть осторожной по пріѣздѣ графа, такъ какъ онъ, Уилльямсъ, былъ убѣжденъ, что канцлеръ рѣшился забрать ее окончательно въ свои руки и не потерпитъ, чтобы кто-либо раздѣлилъ съ нимъ ея милости. Уилльямсъ не сомнѣвался, что Бестужевъ былъ способенъ на все, чтобы достигнуть своей цѣли. Канцлеръ умѣлъ прикрывать дѣйствіями другихъ то, что̀ онъ непосредственно самъ совершилъ; такъ, напр., онъ распространялъ слухъ, что посольство Понятовскаго устроено вице-канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, въ виду того, что рекомендательныя письма императрицы на имя короля польскаго были скрѣплены вице-канцлеромъ, а не имъ, Бестужевымъ; а если какая-нибудь бѣда случится съ Понятовскимъ въ Петербургѣ, то она произойдетъ отъ Бестужева, но онъ съумѣетъ скрыть свое участіе, обманувъ всѣхъ,

въ томъ числѣ и великую княгиню. Посему Уилльямсъ убѣждалъ ее быть очень предусмотрительной въ свиданіяхъ съ Понятовскимъ, а въ особенности видѣться съ нимъ у него или у третьихъ лицъ, но никогда у себя.

20-го декабря, Екатерина вернулась изъ Ораніенбаума, но Понятовскаго еще не было. Она нетерпѣливо его ждала, такъ какъ говорили, что онъ находился въ Ригѣ (Letters № 51, 21 декабря). Три дня спустя, а именно 23 декабря, прибылъ въ Петербургъ посланникъ короля польскаго, графъ Станиславъ-Августъ Понятовскій, которому Августъ III, при его назначеніи, пожаловалъ орденъ Бѣлаго Орла. На слѣдующій день Екатерина сообщила Уилльямсу содержаніе полученнаго ею письма посланника (Letters № 49, 24 декабря). Онъ писалъ, что онъ начертилъ себѣ слѣдующій планъ, съ цѣлью укрѣпить свое нетвердое положеніе при императорскомъ дворѣ. При посѣщеніи канцлера, пріемъ у котораго былъ назначенъ на 24-е декабря отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ, Понятовскій собирался ему высказать свою безусловную преданность. Затѣмъ ему слѣдовало заручиться доброжелательствомъ австрійскаго посла графа Эстергази; когда онъ этого достигнетъ, всѣ происки Дугласа скоро окажутся безсильными. Наконецъ, онъ покажетъ видъ, что не имѣетъ никакихъ сношеній съ англійскимъ посломъ. Понятовскій просилъ Екатерину убѣдить Уилльямса въ необходимости такой тактики для блага ихъ троихъ и съ цѣлью быть полезнымъ послу черезъ нѣкоторое время, чего графъ горячо желалъ изъ благодарности къ нему и по влеченію своего сердца. Такое обращеніе съ Уилльямсомъ было крайне прискорбно, но къ этому его принуждали обстоятельства и онъ полагался на правдивость и разсудительносвь самого Уилльямса.

Екатерина добавляла, что она считала излишнимъ поддерживать ходатайство своего друга, успѣвъ убѣдиться въ строгихъ правилахъ англійскаго посла. „Я болѣе чѣмъ когда-либо вашъ другъ, — писала Екатерина, — и нахожусь въ отчаяніи, что причинила вамъ горе въ отношеніи графа Понятовскаго“.

Уилльямсъ отвѣтилъ Екатеринѣ 26 декабря (Answers № 70, 26 декабря), одобряя планъ дѣйствій графа, которому онъ самъ бы совѣтовалъ не показывать вида, что имѣлъ съ нимъ общеніе. Одинъ графъ могъ бы когда-либо его увѣрить, что онъ отрекался отъ всякой дружбы съ нимъ, а самъ Уилльямсъ считалъ бы себя глупѣйшимъ человѣкомъ на всемъ свѣтѣ, если бы ошибся въ душевныхъ качествахъ Понятовскаго. Если графу тяжело обходиться съ нимъ подобнымъ образомъ, то у него, Уилльямса, душа

скорбитъ изъ-за того только, что отношенія между ними могутъ показаться холодными. Но убѣжденный въ томъ, что такая мѣра полезна и необходима графу, Уилльямсъ не только ея не порицалъ, но безусловно одобрялъ.

Признавая себя причиною, хотя и невольною, неудовольствія обоихъ своихъ друзей, Екатерина выражала свое крайнее прискорбіе и смущеніе (Letters № 55, 30 декабря). Она считала бы себя несчастнѣйшимъ существомъ на свѣтѣ, если бы Небо ей не помогло расплатиться съ Уилльямсомъ. „Сколько я вамъ обязана,— восклицаетъ она, — и какъ бы мнѣ хотѣлось вамъ это выразить!"

Въ своемъ отвѣтѣ великой княгинѣ (Answers № 55, 30 декабря) Уилльямсъ просилъ ее успокоиться. Послѣ сдѣланныхъ ею увѣреній въ душевныхъ качествахъ Понятовскаго, ничто на свѣтѣ не могло разубѣдить его, Уилльямса, въ томъ, что графъ остался его лучшимъ другомъ. Онъ его приметъ какъ сына, увѣренъ въ его любви, а этого для него довольно. Графъ потерялъ бы его дружбу и заслужилъ бы его презрѣніе, если бы онъ отказался отъ даннаго ему порученія. Онъ слишкомъ много былъ обязанъ великой княгинѣ, чтобы не пожертвовать ей всѣмъ, кромѣ чести, такъ какъ иначе онъ бы заслужилъ ея презрѣніе. Но, покинувъ его, графъ не поступилъ бы безчестно, такъ какъ подобное обращеніе съ нимъ служило бы только отговоркой, и онъ, Уилльямсъ, былъ бы готовъ его оправдать въ глазахъ всего свѣта. Въ заключеніе Уилльямсъ писалъ, что онъ обнимаетъ Понятовскаго отъ всей души, любя его какъ сына, а если бы онъ былъ дѣйствительно его сынъ, то онъ, Уилльямсъ, заставилъ бы его дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ графъ, исполняя свой долгъ. „Если же я страдаю,—кончалъ Уилльямсъ,—помните, что это для васъ обоихъ; въ этомъ—мое утѣшеніе; въ такихъ случаяхъ познаются истинные друзья".

IV.

Мы прервали записки Понятовскаго изложеніемъ ближайшихъ причинъ его отъѣзда изъ С.-Петербурга въ августѣ 1756 года и событій, сопровождавшихъ его отъѣздъ, — теперь продолжимъ разсказъ его о томъ, какъ онъ прибылъ въ Варшаву и возвратился въ С.-Петербургъ.

— Какъ я удивился,—говоритъ онъ,—узнавъ, по прибытіи въ Варшаву, въ концѣ августа 1756 года, о походѣ короля прусскаго и о нахожденіи нашего короля Августа III, курфюрста саксон-

скаго, въ осадѣ, въ лагерѣ подъ Струпеномъ. Такъ какъ это событіе замедлило пріѣздъ короля въ Польшу къ сроку, назначенному для открытія сейма, — послѣдній не состоялся... Какъ я сожалѣлъ о томъ, что покинулъ Петербургъ, что поѣхалъ въ Дюнабургъ съ цѣлью получить посольское полномочіе, которое оказалось ничтожнымъ! Какое мною овладѣло безпокойство при видѣ внезапнаго измѣненія всѣхъ обстоятельствъ до такой степени, что я не могъ болѣе надѣяться на возвращеніе въ Россію въ качествѣ друга или, скорѣе, въ качествѣ политическаго друга Уилльямса [1]). Однако, возвращеніе въ Россію было самымъ горячимъ желаніемъ, которое я когда-либо испытывалъ. Пришлось придумать способъ вернуться съ порученіемъ отъ короля польскаго, чтобы ходатайствовать за него и просить у Россіи помощи противъ прусскаго короля. Но сколько препятствій нужно было побороть для того! Мое семейство не пользовалось милостью двора со времени возникновенія острожскаго дѣла [2]). Этому нерасположенію я противопоставилъ убѣдительное письмо Бестужева, который объяснялъ Брюлю, какую пользу я могъ принести саксонскимъ интересамъ. Но самъ Брюль долженъ былъ бороться съ ненавистью, которую питали ко мнѣ его зять, графъ Мнишекъ, и приверженцы послѣдняго [3]). Брюль боялся возбуждать ихъ негодованіе, такъ какъ только-что привлекъ ихъ на свою сторону. Кромѣ того, король не могъ иначе назначить министра отъ Польши, какъ созвавъ сенатъ въ общее собраніе, но созывать таковое казалось неудобнымъ въ тотъ моментъ, когда переворотъ, произведенный прусскимъ королемъ во всей Европѣ, оказывалъ свое дѣйствіе въ самой Польшѣ. Наконецъ, еслибы это собраніе сената и было расположено въ мою пользу, оно, однако, не могло меня снабдить полномочіемъ по дѣламъ Саксоніи, развѣ бы Рѣчь Посполитая, созванная на сеймъ или собранная въ конфедерацію, объявила предварительно, что она желала участвовать нераздѣльно съ королемъ въ дѣлахъ Саксоніи. Но отъ такого рѣшенія польскій народъ былъ очень

---

[1]) Англія стала союзницей Пруссіи, король которой завладѣлъ Саксоніею; курфюрстомъ же саксонскимъ былъ король польскій Августъ III.

[2]) Послѣ смерти Александра, послѣдняго князя Острожскаго, умершаго безъ потомства въ 1673 г., часть княжества была утверждена королемъ Яномъ III за князьями Любомирскими, самъ же Острогъ—за Вишневецкими, отъ которыхъ перешелъ къ князю Сангушко. Князья Чарторыйскіе захватили это наслѣдство совершенно неправильно, и это дѣло тянулось во все время царствованія Августа III.

[3]) Графъ Мнишекъ принадлежалъ къ партіи Потоцкихъ, которые были противниками князей Чарторыйскихъ.

далекъ. Оставался единственный способъ, заключавшійся въ томъ, что король, какъ саксонскій курфюрстъ, назначилъ бы меня своимъ министромъ въ Россіи, такъ какъ саксонскій курфюрстъ былъ воленъ пользоваться услугами кого бы онъ ни пожелалъ изъ какой бы то ни было націи; а всякому поляку дозволялось поступать на службу иностраннаго государя. Самъ отецъ мой былъ уполномоченъ тѣмъ же Августомъ III блюсти его интересъ во Франціи. Ему не былъ присвоенъ публичный характеръ, но его полномочіе исходило отъ одного саксонскаго кабинета. Къ этому способу рѣшились прибѣгнуть и относительно меня; однако, моя семья придумала съ цѣлью придать болѣе значенія моей миссіи, чтобъ мнѣ было выдано подъ печатью Литовскаго княжества нѣчто въ родѣ инструкціи по дѣламъ, существовавшимъ тогда между Россіею и Польшею. Дядя мой, князь Адамъ Чарторыйскій, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, принялъ на себя отвѣтственность за правомѣрность такого порученія. Оставался вопросъ о расходѣ на миссію. У Августа III, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ лишеннаго всякихъ доходовъ съ Саксоніи, не было другихъ средствъ къ жизни, кромѣ доходовъ съ Польши; у него ничего не осталось на покрытіе расходовъ моего посольства, къ тому же при дворѣ мнѣ довольно ясно намекали, что если ожидалась какая-либо польза отъ моихъ заслугъ, то я первый вознаграждался высокимъ значеніемъ возложенныхъ на меня обязанностей посланника. Такимъ образомъ только отъ моего семейства мнѣ пришлось получить то, безъ чего я бы не могъ привести мою миссію въ исполненіе.

Но и среди моего семейства я наткнулся на большія затрудненія. Отецъ мой въ самомъ дѣлѣ желалъ, чтобы мое порученіе, ввѣренное мнѣ, состоялось, но моя мать, хотя и горячо желавшая для меня успѣховъ и повышенія, по своей набожности, терзалась сомнѣніями. Однако, вслѣдствіе настойчиваго желанія моего отца, она уступила, но съ тѣмъ безпокойствомъ, свойственнымъ матери не только набожной, но отлично предвидѣвшей всякаго рода опасности и затрудненія, которымъ могъ подвергнуться ея сынъ, въ особенности любимый ею. Воевода русскій [1]) оказалъ мнѣ большую помощь, чтобъ осилить нерѣшительность моихъ родителей; онъ имѣлъ въ виду тотъ блескъ, который моя миссія могла придать тому семейству, главой котораго онъ какъ будто сдѣлался. Я нашелъ большую подмогу при этомъ дядѣ въ участіи, которое приняла въ успѣхѣ моихъ же-

[1]) Князь Августъ-Александръ Чарторыйскій, дядя Понятовскаго.

ланій его дочь замужемъ за княземъ Любомирскимъ, — стражникомъ, а впослѣдствіи великимъ короннымъ маршаломъ. Я о ней упомянулъ въ первой части этихъ записокъ [1]).

Своимъ дружескимъ расположеніемъ, которое она тогда мнѣ выразила, и своими дѣйствительными стараніями помочь мнѣ вернуться къ другой особѣ, такъ какъ я того горячо желалъ, она возбудила во мнѣ столь живую благодарность къ себѣ и проявила до такой степени свою доброту, что я почувствовалъ къ ней нѣчто въ родѣ дружбы, которую я еще не испытывалъ ни къ одной женщинѣ. Эта женщина была чрезвычайно миловидной и пріятной во всѣхъ отношеніяхъ; ей не было еще двадцати лѣтъ, за нею всѣ ухаживали, но она еще никому не дала предпочтенія. Случалось, однако, каждый день и каждую минуту она сходилась со мною во мнѣніяхъ о вещахъ, о людяхъ, книгахъ и по всякимъ пустымъ вопросамъ; она, однимъ словомъ, не смотря на то, что мы не сговаривались, судила, разсуждала всегда какъ я, по какому бы то ни было предмету, — важному или игривому. Ласковая, какъ никогда женщина не умѣла ласкаться, она поступала такъ тогда изъ чистаго великодушія; въ ней нельзя было ни усматривать, ни подозрѣвать ничего другого, кромѣ желанія сдѣлать одолженіе. Она меня побуждала уѣзжать, я же ей былъ настолько обязанъ, что съ момента моего второго отъѣзда въ С.-Петербургъ я не могъ себѣ дать отчета, не заставляла ли она меня поступать противъ долга чести. Я знаю только, что ея образъ стоялъ если не рядомъ съ великой княгиней, то сопровождалъ все то, что я чувствовалъ, находясь при ней. По волѣ послѣдней, выраженной черезъ Бестужева, мнѣ была пожалована, за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, голубая польская лента.

Наконецъ, я уѣхалъ 15 декабря 1756 г. въ сопровожденіи человѣка, который не имѣлъ цѣны для меня, по имени Огродскій. Воспитанный, по выходѣ изъ краковскаго университета, въ домѣ моего отца, онъ послѣдовалъ за отцомъ въ его путешествіяхъ во Францію; оставленный имъ послѣ того въ Голландіи при моихъ братьяхъ, онъ вмѣстѣ съ ними продолжалъ свое

[1]) Въ первой части говорится, что въ 1752 г. двоюродная сестра Станислава-Августа, княжна Изабелла Чарторыйская, дочь князя Августа-Александра Чарторыйскаго, воеводы русскаго, вышла замужъ за князя Станислава Любомирскаго († 1783 г.), двоюроднаго брата ея матери, рожденной Сенявской. Бракъ этотъ совершился по принужденію, — по волѣ отца княжны. Между нею и графомъ Станиславомъ-Августомъ завязалась очень нѣжная и тѣсная дружба, которая сохранилась въ теченіе всей его жизни.

ученіе подъ наблюденіемъ Каудербаха; онъ затѣмъ завѣдывалъ дѣлопроизводствомъ у канцлера Залусскаго, вмѣстѣ съ нимъ былъ много разъ въ Дрезденѣ и впослѣдствіи поступилъ съ правомъ на пенсію въ саксонскій кабинетъ. Обладая болѣе обширными познаніями въ наукахъ философскихъ и естественныхъ, а также по французской словесности, чѣмъ обыкновенно обладали въ Польшѣ, онъ пріобрѣлъ при дворѣ большой навыкъ къ дѣламъ иностраннымъ и мѣстнымъ. Это былъ рѣдкій человѣкъ. Можно было сказать про него, что онъ не только лично зналъ почти всѣхъ поляковъ и всѣхъ литовцевъ по-именно и въ лицо, но былъ посвященъ въ ихъ дѣла, въ ихъ отношенія и приключенія. Сверхъ того, онъ былъ прилеженъ, точенъ, молчаливъ, скроменъ, терпѣливъ, спокоенъ и такъ нѣжно преданъ моему дому, что онъ признавалъ себя по совѣсти обязаннымъ меня любить, мнѣ быть полезнымъ по мѣрѣ своихъ силъ и за мною ухаживать, какъ тѣлохранитель, но безъ всякой претензіи на обязанности наставника. Таковъ былъ человѣкъ, котораго уступили мнѣ по моему выбору въ качествѣ моего секретаря посольства.

Пріѣхавъ въ Ригу 27 декабря [1]), я остановился въ этомъ городѣ три дня, чтобъ не отказываться отъ приглашенія, которое я получилъ отъ фельдмаршала Апраксина [2]) на балъ въ день рожденія [3]) императрицы Елисаветы. Мнѣ нужно было снискать расположеніе Апраксина. Онъ начальствовалъ надъ войскомъ, которое шло воевать за моего государя; это важное порученіе было ему довѣрено чрезъ посредство Бестужева. Я зналъ Апраксина еще съ перваго моего пребыванія въ Петербургѣ за человѣка, не мало хваставшагося тѣмъ, что былъ однимъ изъ денщиковъ Петра Великаго; но онъ не могъ указать ни на одинъ извѣстный подвигъ, ни на одно заслуженное дѣяніе, соотвѣтствовавшее его настоящему назначенію, на которое года одни ему давали преимущество, называемое старшинствомъ. Первымъ послѣ него въ этомъ войскѣ былъ тотъ генералъ Ливенъ [4]), который въ 1749 г. привелъ обратно русскія войска изъ Германіи. Но самымъ дѣятельнымъ лицомъ этой арміи былъ

---

[1]) 16 декабря стараго стиля.

[2]) Фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ (1702 — 1760), жен. на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой.

[3]) 18/29 декабря.

[4]) Баронъ Юрій Григорьевичъ Ливенъ (Георгъ-Рейнгольдъ), конной гвардіи подполковникъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ (1696—1763). Послѣ мира, заключеннаго въ Ахенѣ въ октябрѣ 1748 г., онъ привелъ за смертью князя Репнина русскія войска на родину.

храбрый генералъ Петръ Панинъ [1]). Онъ въ качествѣ дежурнаго генерала дѣлалъ все у фельдмаршала Апраксина, имѣя въ то же время досугъ, какъ разсказывали, очень усиленно ухаживать за его супругою.

Прибывъ 3-го января 1757 г. въ С.-Петербургъ, я былъ принятъ на аудіенціи 11-го [2]). Рѣчь, которую я держалъ императрицѣ, была произнесена молодымъ человѣкомъ, который, не предвидя, что ее напечатаютъ въ газетахъ, поставилъ себѣ исключительною задачею нарисовать яркими красками предметъ своей миссіи, пользуясь единственнымъ случаемъ, ему представившимся, для изложенія его передъ лицомъ самой государыни, при дворѣ которой, по существовавшему распорядку, не дозволялось ни одному второразрядному министру говорить съ нею о дѣлахъ въ теченіе всего времени его пребыванія при ней.

Вотъ эта рѣчь:

„Имѣю честь обратиться къ вашему императорскому величеству отъ имени его величества короля польскаго. Я повинуюсь его приказаніямъ, какъ вѣрноподданный и горячій патріотъ, утверждая, что дружба моего государя и преданность моей страны ея священной особѣ столь же достовѣрны при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ онѣ были дѣйствительны во всякое время, въ чемъ свидѣтельствуетъ письмо, которое я имѣю честь представить отъ имени короля. Справедливость, которая царствуетъ въ совѣтахъ вашего императорскаго величества, и выгоды этой имперіи, равнымъ образомъ, говорятъ въ пользу короля, моего государя, и противъ наглаго нападенія на его наслѣдственныя области [3]). Въ силу такихъ доводовъ я могъ бы

---

[1]) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (1721—1789), впослѣдствіи генералъ-аншефъ.

[2]) 31 декабря 1756 г. Понятовскій былъ принятъ на аудіенціи. Будучи только чрезвычайнымъ посланникомъ, онъ пріѣхалъ ко двору въ своей каретѣ; въ полдень его принялъ въ галереѣ оберъ-церемоніймейстеръ, который ввелъ его въ пріемный залъ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія конференціи; оттуда онъ прошелъ въ залъ аудіенцій, въ которой находились придворные дамы и кавалеры. Гофмейстеръ и церемоніймейстеръ повели польскаго посланника на аудіенцію, которая состоялась въ присутствіи вице-канцлера. При выходѣ церемоніймейстеръ провелъ Понятовскаго въ галерею, откуда онъ прошелъ въ сопровожденіи камеръ-юнкера ихъ высочествъ въ ихъ апартаменты (камеръ-фурьерскій журналъ 1756 г.).

[3]) Въ августѣ 1756 г. король прусскій Фридрихъ II во время мира напалъ на Саксонію. Онъ оправдывался, сказавъ англійскому посланнику: „sieht meine Nase danach aus, als wäre sie gemacht Nasenstüber in Empfang zu nehmen; bei Gott, die werde ich nicht dulden“ (развѣ мой носъ имѣетъ видъ, что онъ сдѣланъ для того, чтобы воспринимать щелчки; ей-Богу, я ихъ не потерплю). Этимъ нападеніемъ началась семилѣтняя война.

считать вполнѣ обезпеченнымъ успѣхъ того важнаго порученія, возложеннаго на меня къ государынѣ, которая поставила себѣ славною задачею — достиженіе блага своихъ подданныхъ и защиту невинности, хотя бы в. и. в. не изволили объясниться по сему предмету. Но Европа уже освѣдомлена о томъ рескриптами, въ которыхъ она съ благоговѣніемъ признала дочь Петра Великаго [1]). Почему главный предметъ моихъ инструкцій и, я осмѣливаюсь сказать, самый лестный для благихъ качествъ души вашего императорскаго величества заключается въ увѣреніи васъ, государыня, самымъ выразительнымъ и убѣдительнымъ образомъ, въ живой, постоянной и неизмѣнной благодарности, которой душа короля, моего государя, преисполнена къ вашему императорскому величеству. Вы провозгласили, государыня, ваше справедливое негодованіе противъ государя, честолюбіе котораго угрожаетъ всей Европѣ такими же бѣдствіями, какія сегодня постигли Саксонію. Вы обѣщали отомстить за нихъ. Нѣтъ ничего невозможнаго для русской императрицы; но когда императрица Елисавета что-либо предпринимаетъ, то все становится не только возможнымъ, но и осуществится, и король, мой государь, будетъ навѣрно возстановленъ со славою въ своихъ областяхъ, такъ какъ ваше императорское величество того желаете и объявили это. Я воздержусь отъ воспроизведенія ужасной картины набѣга на государство, совершеннаго въ нарушеніе договоровъ во время глубокаго мира, отъ описанія положенія короля, котораго называютъ своимъ другомъ и которому даютъ на выборъ постыдную жизнь или смерть его королевской семьи, подвергнутой крайнимъ лишеніямъ и самымъ невообразимымъ оскорбленіямъ. Я воздержусь отъ изложенія подробностей капитуляціи, нарушенной самымъ жестокимъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, вѣрность которыхъ ихъ государю была бы признана уважительной всякимъ другимъ непріятелемъ. Я не остановлюсь на изображеніи страны, которою завладѣли вражескія войска и которую вотъ уже четыре мѣсяца наполняютъ и опустошаютъ. Я не стану освѣщать новыми красками то, чтò уже слишкомъ извѣстно. Но я убѣжденъ, что жалость вашего императорскаго величества должна быть сильно возбуждена мыслью, что съ каждымъ днемъ бѣдствія невинной Саксоніи отягчаются, и что съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждою недѣлею проволочки увеличивается могущество прусскаго короля. Силы,

[1]) Елисавета Петровна велѣла выдать изъ своей шкатулки 100.000 руб. королю Августу, о чемъ 13 сентября 1756 г. и состоялось постановленіе конференціи и посланъ рескриптъ министру Гроссу.

которыя онъ съумѣлъ найти и употребить въ 1745 г., послѣ пораженій, нанесенныхъ ему въ 1744 г., доказываютъ, что онъ — гидра, которую необходимо задушить тотчасъ по ея появленіи. Сопротивленіе, которое онъ испытываетъ въ Богеміи, его удивляетъ, но вамъ, государыня, предстоитъ нанести ему рѣшительные удары. Такъ какъ другимъ державамъ разстояніе не позволяетъ придти скорѣе на помощь, то оказывается, что вамъ, государыня, предоставлено спасеніемъ угнетеннаго союзника убѣдить весь свѣтъ въ томъ, что захотѣть и исполнить имѣютъ для васъ одно значеніе, и что ничто не останавливаетъ русское войско, ведомое справедливостью къ славѣ. Да угодно будетъ Небу придать моему голосу даръ убѣжденія, и всѣ мои пожеланія будутъ удовлетворены, если я успѣю достойно исполнить волю моего государя и моимъ поведеніемъ заслужить, во время моего пребыванія при высочайшемъ дворѣ вашего императорскаго величества, продолженіе милостей, которыми вамъ, государыня, было угодно столь щедро и почетно осчастливить меня при отъѣздѣ отсюда. Моя благодарность слишкомъ проникнута уваженіемъ, чтобы болѣе говорить; мнѣ остается только выразить мое почтительное благоговѣніе".

Рѣчь эта, какова бы она ни была, — говоритъ далѣе Понятовскій, — имѣла успѣхъ; смѣлость иногда необходима. Императрица слышала одни пошлые комплименты, обыкновенно произносимые лицами, не привычными говорить публично, столь невнятно, что она была не въ состояніи разобрать ихъ слова. Для нея было нѣчто новое, когда она услыхала отъ иностранца лестныя слова, произнесенныя ясно и съ душою, такъ какъ ораторъ былъ воодушевленъ своимъ предметомъ, а сама она при томъ была твердо убѣждена въ неправотѣ прусскаго короля. Она приказала напечатать эту рѣчь [1]).

Въ числѣ визитовъ, которые, я обязанъ былъ сдѣлать при вступленіи въ должность, было посѣщеніе кавалера Уилльямса [2]).

---

[1]) Въ письмѣ Екатерины къ Уилльямсу (Letters, № 58, 31 декабря), которое она написала вечеромъ, великая княгиня, увѣдомляя о томъ, что она и Понятовскій чувствовали себя вполнѣ счастливыми, и что никакой разницы не существовало между настоящимъ и прошедшимъ, сообщала ему, что графа очень хвалили за краснорѣчіе, которое онъ проявилъ во время аудіенціи. „Онъ очень благородно говорилъ,—поясняла Екатерина —и великолѣпно держался". Бестужевъ не присутствовалъ на аудіенціи по случаю болѣзни; отвѣчать на рѣчь посланника было поручено престарѣлому Миниху, самъ же вице-канцлеръ внезапно вышелъ изъ зала аудіенціи.

[2]) Великая княгиня выражала въ своемъ письмѣ Уилльямсу отъ 8 января (Letters, № 57) сожалѣніе Понятовскаго, что онъ не видѣлся еще съ нимъ, но передавала послу нѣжныя чувства, которыя питалъ къ нему графъ. Посѣщеніе великобританскаго посла Понятовскимъ, упоминаемое въ его запискахъ, состоялось 8-го

Я не могу вспомнить безъ смущенія словъ, которыя онъ тогда сказалъ: „Я васъ люблю какъ дитя, которое я воспиталъ, помните это; но вы исполните ваши обязанности; я отъ васъ отрекусь, какъ отъ своего воспитанника, если изъ дружбы ко мнѣ вы сдѣлали бы малѣйшій шагъ или малѣйшую неосторожность, которые бы противорѣчили вашимъ обязанностямъ, связаннымъ съ вашей настоящею должностью". Тяжело мнѣ было исполнить это предписаніе, но я остался ему вѣренъ; я не имѣлъ съ Уилльямсомъ никакихъ сношеній [1]). Частнымъ обра-

---

или 9-го января, такъ какъ въ письмѣ Уилльямса отъ пятницы 10 января (Answers, № 64) говорится, что посолъ собирался посѣтить посланника въ понедѣльникъ въ 6 час. вечера; такое посѣщеніе могло быть только отвѣтнымъ, такъ какъ посолъ не сдѣлалъ бы первымъ визита. Въ понедѣльникъ 13 января Уилльямсъ дѣйствительно отдалъ визитъ графу, такъ какъ великая княгиня писала послу 14 января (Letters, № 62), что она знала о вчерашнемъ визитѣ, на что Уилльямсъ ей отвѣтилъ (Answers, № 65), выражая свою радость въ виду того, что Понятовскій былъ доволенъ его посѣщеніемъ и успокоился. То, что сказалъ Уилльямсъ Понятовскому при ихъ первомъ свиданіи, приведено въ запискахъ Станислава-Августа вполнѣ согласно съ тѣмъ, что писалъ онъ Екатеринѣ въ письмахъ, приведенныхъ выше. За эти дружескія чувства Екатерина благодаритъ Уилльямса въ письмѣ отъ 31 декабря (Letters, № 54). Она пишетъ: „Ахъ, какъ ваше письмо отражаетъ возвышенность вашей души; позвольте мнѣ сказать безъ преувеличенія, что вы достойны всякаго уваженія; я плакала отъ умиленія и восхищалась вашей душой; полагайтесь всегда на меня; я поставлю вамъ памятникъ и провозглашу на весь міръ, что я уважаю добродѣтель, въ этомъ будетъ моя слава".

[1]) Переписка между Уилльямсомъ и великой княгиней показываетъ, что въ началѣ пребыванія Понятовскаго, послѣ обмѣна визитовъ между посломъ и посланникомъ, Уилльямсъ вздумалъ было пригласить графа на обѣдъ. Въ письмѣ отъ 20 января (Answers, № 87) Екатерина въ шутливомъ тонѣ пишетъ сэру Чарльзу, что Понятовскій проситъ его пощадить его невинность, которая бы пострадала отъ обѣда съ нимъ наединѣ безъ оберегателей его чести, саксонскаго резидента Прассе и секретаря посольства Оградскаго, такъ какъ иначе его цѣломудріе, чистое, какъ лилія, и способное, какъ и она, поблекнуть, потерпѣло бы отъ злословія неблагонамѣренныхъ людей, почему Понятовскій просилъ пригласить къ обѣду всѣхъ троихъ или ни одного. На это Уилльямсъ отвѣтилъ (Letters, № 63), что ему никогда въ голову не приходило приглашать къ обѣду одного графа, напротивъ, онъ пригласитъ его обоихъ тѣлохранителей и посадитъ его между ними, такъ что онъ не подастъ ему ни одного блюда безъ того, чтобы предварительно не испросить позволенія Прассе, и не предложитъ ему вина безъ согласія Оградскаго. Однимъ словомъ, онъ угоститъ его хорошимъ обѣдомъ, но дурнымъ обществомъ. Надо полагать, что этотъ обѣдъ состоялся, такъ какъ въ другомъ письмѣ Уилльямса (Answers, № 75) онъ проситъ великую княгиню поблагодарить Понятовскаго за его извиненіе въ томъ, что обѣдъ, назначенный у него на слѣдующій день, не можетъ состояться вслѣдствіе болѣзни его повара. Уилльямсъ не безъ ироніи замѣчаетъ, что онъ гордится тѣмъ, что ему повѣдали такую тайну, какъ болѣзнь повара посланника, но утѣшается тѣмъ, что получилъ записку Екатерины, сообщавшую ему это извѣстіе, и что встрѣтится вечеромъ при дворѣ съ великой княгиней и надѣется быть ея партне-

зомъ я видѣлся съ нимъ только послѣ того, какъ онъ по истеченіи года былъ отозванъ. Я вступилъ въ исполненіе своей должности съ самыми лучшими надеждами на ближайшій успѣхъ, согласно перепискѣ и объясненіямъ русскихъ министровъ, основаннымъ на предписаніяхъ государыни. Но въ дѣйствительности движенія русскихъ войскъ во время этой войны поражали своею медленностью и непослѣдовательностью.

Въ обществѣ было извѣстно,—говоритъ далѣе Понятовскій,—что великій князь увлекался прусскимъ королемъ, что Бестужевъ былъ преданъ великой княгинѣ, что Апраксинъ былъ креатурой Бестужева и что я былъ воспитанникомъ Уилльямса. Отсюда выводили, что секретныя предписанія Бестужева шли въ разрѣзъ съ предначертаніями Елисаветы, но, однако, это предположеніе ни на чемъ не было основано. Личная ненависть къ королю прусскому развилась у Бестужева, приверженца Австріи, по принципу, изъ-за того, что Фридрихъ постоянно ему вредилъ, и, работая надъ его паденіемъ, поносилъ его въ своихъ напечатанныхъ стихотвореніяхъ послѣ того, какъ онъ тщетно пытался его подкупить. Апраксинъ имѣлъ самое искреннее намѣреніе исполнить предначертанія своего покровителя, но великая княгиня, какъ это мы увидимъ ниже, ободряла его самымъ настойчивымъ образомъ. Я преисполненъ былъ чувства своего долга, а кромѣ того, работая надъ гибелью короля прусскаго, я полагалъ принести пользу своей отчизнѣ и королю—курфюрсту Саксонскому. Неспособность Апраксина и его слабость, доходящая до глупости, были, слѣдовательно, единственными причинами всего того, что̀ случилось страннаго въ теченіе этого 1757 года въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ. Вслѣдствіе его тучности, верховая ѣзда была ему затруднительной; онъ поздно вставалъ, такъ какъ онъ балагурилъ до поздней ночи и засыпалъ только послѣ того, какъ два или три гренадера, одинъ послѣ другого, охрипа̀ли, разсказывая ему всякія басни и сказки о привидѣніяхъ до того громко, что ихъ было слышно вокругъ генеральской палатки, тогда какъ въ лагерѣ должно было царить самое глубокое молчаніе. Это происходило постоянно. Тогда еще существовали среди русскаго народа и русскихъ солдатъ разсказчики по призванію, почти на подобіе тѣхъ, которые въ турецкихъ кофейняхъ забавляютъ

ромъ въ игрѣ, если только ему не навредятъ. Кромѣ того, онъ просилъ передать его сыну (Понятовскому), что если бы онъ никогда не угостилъ его обѣдомъ, болѣе не принялъ его и даже болѣе не увидѣлся съ нимъ, то и тогда онъ не пересталъ-бы его любить, такъ какъ онъ убѣжденъ, что поступалъ такъ, вслѣдствіе общаго блага—великой княгини и своего.

праздныхъ и молчаливыхъ мусульманъ. Пробужденіе Апраксина, впрочемъ, не походило на пробужденіе герцога Вандомскаго, которое непріятель скоро замѣчалъ. Апраксинъ ровно ничего не зналъ, до такой степени, что 20 августа 1757 года, въ день битвы при Іегерндорфѣ, онъ воображалъ себя просто въ походѣ, когда сраженіе уже было на половину выиграно. Онъ до того смутился, узнавъ о сраженіи, что не отдалъ никакого приказа во время боя, и былъ такъ удивленъ, когда узналъ о своей побѣдѣ, что ничего другого не съумѣлъ сдѣлать, какъ приказать отступленіе, между тѣмъ какъ магистратъ въ Кёнигсбергѣ уже избралъ уполномоченныхъ для передачи ему ключей отъ города. До такой степени было полнымъ пораженіе пруссаковъ, послѣдовавшее по странному стеченію обстоятельствъ, называемому случаемъ; имъ доказывается отъ времени до времени самымъ способнымъ и гордымъ полководцамъ, что они все-таки — простое орудіе, которымъ Владыка судебъ распоряжается по своему усмотрѣнію. Правда, что пруссаки храбро дрались въ этотъ день; фельдмаршалъ Левальдъ считался однимъ изъ лучшихъ прусскихъ генераловъ; русскіе же не давали никакихъ приказаній; нѣкоторые изъ нихъ поплатились и были убиты. Солдаты, почти одни, сдѣлали все; они знали, что имъ слѣдовало стрѣлять, пока у нихъ были патроны, а не обращаться въ бѣгство. Просто исполняя эти двѣ обязанности, они убили столько пруссаковъ, что судьба вынуждена была уступить поле сраженія русскимъ. Дежурный генералъ, графъ Петръ Панинъ, былъ отправленъ Апраксинымъ въ Петербургъ съ извѣщеніемъ о побѣдѣ; вслѣдствіе отсутствія этого храбраго, умнаго и вѣрнаго офицера, фельдмаршалъ попалъ въ руки тѣхъ, которые захотѣли воспользоваться его неспособностью, представивъ ему, что, въ случаѣ движенія русскихъ войскъ впередъ, они, навѣрно, погибнутъ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Возникло подозрѣніе насчетъ генерала Ливена, находившагося въ этомъ войскѣ однимъ изъ первыхъ по чину послѣ Апраксина, въ томъ, что онъ былъ будто бы подкупленъ прусскимъ королемъ, съ цѣлью побудить фельдмаршала къ этому отступленію; но вся жизнь Ливена была слишкомъ достойна, чтобъ можно было оставить безъ доказательствъ это пятно на его памяти. Отъ кого бы ни исходилъ совѣтъ, данный Апраксину, фельдмаршалъ отступилъ назадъ въ Самогитію [1]), какъ будто бы онъ понесъ пораженіе, и опустошалъ всю непріятельскую страну по мѣрѣ того,

[1]) Прусско-литовское побережье Балтійскаго моря.

какъ онъ ее покидалъ, какъ будто бы онъ подвергался преслѣдованію. Вѣнскій и версальскій дворы громко возопили, что ихъ предали; варшавскій ограничился жалобой на то, что обѣщанныя Саксоніи вспомогательныя войска отступали назадъ. Императрица Елисавета замѣнила Апраксина генераломъ Ферморомъ [1]). Апраксинъ подвергся задержанію, по настоянію враговъ Бестужева и великой княгини, которые надѣялись этимъ шагомъ удовлетворить свое недоброжелательство по отношенію къ обоимъ этимъ лицамъ. Но каково было ихъ удивленіе, когда въ числѣ бумагъ Апраксина нашлись записки великой княгини, въ которыхъ она убѣждала Апраксина дѣйствовать быстро и энергично противъ прусскаго короля. Это на время спасло Бестужева и внесло казавшееся успокоеніе въ императорскую семью.

Сообразно всему вышеизложенному было бы излишнимъ — продолжаетъ Понятовскій — передавать въ малѣйшихъ подробностяхъ тѣ ходатайства и безчисленныя прошенія, которыми я, во все время моего служенія, домогался скорѣйшаго исполненія всего, что̀ такъ усердно обѣщали моему государю. Отвѣты, которые я получалъ, были почти всегда благопріятны, но исполненіе ихъ грѣшило замедленіями или не соотвѣтствовало средствамъ, вслѣдствіе придворныхъ происковъ и общихъ недостатковъ управленія. Августъ III почти полностью былъ лишенъ доходовъ со своего курфюршества въ теченіе семи лѣтъ, пока продолжалась эта страшная война. Если обыкновенные доходы Саксоніи исчислялись тогда въ 9 милліоновъ червонцевъ, можно фактически утверждать, что прусскій король извлекъ разными поборами по крайней мѣрѣ втрое больше. Помножая девять на семь, что̀ составляетъ 63, и утроивая эту цифру, получимъ 189 милліоновъ, которые Саксонія принесла прусскому королю. При ежегодномъ вспомоществованіи въ 700.000 ф. стерл., уплачиваемыхъ Англіею, и при помощи доходовъ, получаемыхъ съ Саксоніи, оказалось возможнымъ невѣроятное, а именно, чтобы бранденбургскій курфюрстъ велъ борьбу съ Россіею, Австріею, Франціею и Швеціею, соединенными вмѣстѣ. Ко всему приведенному надо, однако, прибавить тѣ средства, которыя прусскій король извлекъ изъ способа, впервые примѣненнаго кѣмъ-либо изъ государей — чеканить монету другого государства. Мало того, что онъ приказалъ изготовлять монету съ изображеніемъ Августа III въ монетныхъ дворахъ Саксоніи, но

[1]) Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ († 1771) вступилъ въ русскую службу при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ назначенъ генералъ-аншефомъ вмѣсто фельдмаршала Апраксина; за сраженіе при Цорндорфѣ въ 1758 г. императоръ Францъ I-й возвелъ его въ графское римской имперіи достоинство.

велѣлъ поддѣлывать ее въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ и понизилъ ея цѣнность до того, что она стоила менѣе трети своего дѣйствительнаго достоинства. Такъ какъ главнымъ очагомъ войны была сама Саксонія, въ которой онъ закупалъ съ оружіемъ въ рукахъ все то, что̀ не похищалъ насильно, то онъ расходовалъ лишь одну треть своихъ предполагаемыхъ издержекъ. Но не одной Саксоніи онъ навредилъ такимъ образомъ; Польша потерпѣла столько же—и вотъ какъ это произошло.

Въ дополненіе къ преимуществамъ, которыми пользовался бранденбургскій домъ въ Восточной Пруссіи, онъ пріобрѣлъ, согласно велаускому [1]) договору, еще одно, по которому достоинство монетъ въ обоихъ государствахъ, въ Польшѣ и въ Бранденбургскомъ герцогствѣ, опредѣлялось соглашеніемъ между ними; но этого никогда не соблюдали. Бранденбургскіе курфюрсты ограничились самовластнымъ изготовленіемъ монетъ такого же наименованія, и онѣ считались такой же пробы, какъ польскіе тинфы и шостаки, почему онѣ обращались въ Польшѣ наравнѣ съ польскими монетами. Такъ какъ съ прошлаго столѣтія серебряныя деньги болѣе не чеканились въ Польшѣ, а евреи нашли свою пользу въ покупкѣ старой монеты Яна-Казиміра и Яна III вмѣстѣ съ надломленными червонцами, то къ концу царствованія Августа III появился недостатокъ въ серебряныхъ и даже въ мѣдныхъ деньгахъ. Это обстоятельство побудило этого государя воспользоваться тѣмъ же правомъ, которое себѣ предоставилъ король прусскій, какъ герцогъ бранденбургскій. Правда, существовалъ законъ, запрещавшій нашимъ королямъ вновь открывать монетный дворъ въ Польшѣ безъ согласія сейма, но такъ какъ господствовало мнѣніе, что никакой сеймъ не состоялся бы въ виду извѣстнаго своеволія (liberum veto), то Августъ III рѣшилъ, что онъ могъ обойти законъ для блага страны, приказавъ отчеканить въ Саксоніи тинфы и шостаки пробы временъ Яна-Казиміра и Яна III, которые перешли бы въ обращеніе въ Польшу подобно тому, какъ обращались другія иностранныя деньги. Скоро, однако, обвинили тѣхъ, которые завѣдывали этою чеканкою въ Саксоніи, въ приготовленіи этихъ новыхъ денегъ, достоинствомъ немного ниже ихъ дѣйствительнаго, но разница (даже еслибы таковая и оказалась) была столь незначительной, что она не произвела никакого чувствительнаго вреда, а польза отъ наличности размѣнной монеты была ощутительна.

---

[1]) По этому договору, заключенному 19 сентября 1657 г., Польша признала суверенитетъ Пруссіи.

Подъ прикрытіемъ двойной и одновременной чеканки мелкой монеты и въ Саксоніи, и въ Пруссіи король Фридрихъ успѣлъ — какъ сообщаетъ Понятовскій — наводнить Польшу на 100 милліоновъ этихъ денегъ, прежде чѣмъ большинство населенія Польши, которое уже тогда было въ значительной степени предубѣждено противъ него, догадалось примѣтить ихъ поддѣлку; онѣ входили въ Польшу въ изобиліи, а слѣдовательно съ большою быстротой, такъ какъ прусскій король обратилъ Польшу въ свой складъ. Онъ въ ней покупалъ все потребное по части зернового хлѣба, лошадей, скота, селитры, грубаго полотна и даже сукна. Силезія и прочія области Пруссіи подвергались въ теченіе этой войны столь жестокимъ нашествіямъ и опустошеніямъ, что Польшѣ пришлось замѣстить Силезію въ поставкѣ двухъ послѣднихъ вышеприведенныхъ предметовъ. Когда поляки въ большинствѣ убѣдились въ томъ, что ихъ обманули въ достоинствѣ этихъ прусскихъ денегъ, то они подняли цѣну при продажахъ, но тогда эти деньги понизились на столько же въ дѣйствительной своей цѣнности, и всегда проходило нѣкоторое время, пока не обнаруживался обманъ. Такимъ образомъ къ концу войны въ 1763 г. исчислялось болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ гульденовъ этой поддѣльной монеты въ обращеніи въ Польшѣ. Польскіе евреи, болѣе смекавшіе въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ остальное населеніе страны, скоро снюхались съ прусскими евреями, въ руки которыхъ прусскій король передалъ завѣдываніе своею денежною частью. Знаменитый Ефроимъ руководилъ этимъ дѣломъ. Въ то время польскіе евреи были настолько преданы прусскому королю, что они содержали черезъ всю Польшу, начиная съ силезской границы до Венгріи, Турціи и Крыма, свою собственную почту, которая оказала немалую службу прусскимъ корреспонденціямъ въ этихъ странахъ, а особенно въ Польшѣ, поддерживая энтузіазмъ въ приверженцахъ прусскаго короля, распространяя всякіе слухи, ему выгодные, получая свѣдѣнія о русскихъ и объ австрійцахъ и оказывая другія безчисленныя услуги, послѣдствія которыхъ ежедневно ощущались Августомъ III. Но онъ не былъ въ состояніи имъ противодѣйствовать. Этому препятствовали разныя обстоятельства. Шляхта до такой степени умножила за послѣднее столѣтіе законы, предназначенные исключительно къ обезпеченію ея свободы или скорѣе ея своеволія; она до такой степени ограничила королевскую власть, что, собственно говоря, король сталъ безсильнымъ что-либо повелѣвать или запрещать, не прибѣгая къ созыву сеймовъ. Въ это царствованіе успѣхъ всякаго сво-

боднаго сейма справедливо признавался невозможнымъ; достиженіе реформъ чрезвычайнымъ путемъ конфедераціи всегда считалось графомъ Брюлемъ средствомъ слишкомъ опаснымъ, что привело бы только къ образованію контръ-конфедераціи и, слѣдовательно, къ междоусобной войнѣ, возбуждать которую тогда онъ тѣмъ болѣе боялся, что уже слышно было о попыткахъ прусскаго короля поднять турокъ и татаръ. Если бы они вступили въ дѣло, то, по всему вѣроятію, въ Польшѣ; тогда русскіе, вмѣсто того, чтобы идти на выручку Саксоніи, перенесли бы войну въ Польшу, гдѣ ихъ присутствіе, уже безъ того мало терпимое, увеличило бы число поляковъ, составлявшихъ оппозицію короля. Послѣдній же существовалъ со всѣмъ своимъ дворомъ только на доходы съ королевскихъ имѣній, исчислявшіеся въ 300.000 червонцевъ. Вспомоществованія, получавшіяся съ Франціи, шли на содержаніе въ Дрезденѣ королевы и всей многочисленной королевской семьи и на уплату жалованья тѣмъ немногимъ саксонскимъ войскамъ, которыя избѣгли капитуляціи подъ Струпеномъ или освободились сами впослѣдствіи отъ прусской службы и поступили въ австрійскую или французскую армію.

Таковымъ было, — по словамъ записокъ Понятовскаго, — истинно плачевное состояніе, въ которомъ находился Августъ III изъ-за того, что онъ не согласился быть вынужденнымъ союзникомъ короля прусскаго. Онъ былъ тестемъ дофина, отца Людовика XVI [1]); его супруга была двоюродной сестрой Маріи-Терезіи и дочерью старшаго брата [2]). Онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ на польскій престолъ Россіи и никогда не переставалъ выказывать самую сильную привязанность этому двору. Прусскій король отнялъ у него Саксонію подъ тѣмъ предлогомъ, что ему извѣстны были соглашенія Августа III съ Россіею и Австріею относительно раздѣла его владѣній между обѣими императрицами. Завладѣвъ дрезденскимъ архивомъ, король прусскій воспользовался тѣмъ, что подходило его замысламъ. Онъ, однако, могъ предъявить изъ найденныхъ депешъ только нѣкоторыя мѣста, которыя въ сущности только доказывали, что Августъ III, много вытерпѣвъ отъ прусскаго короля, и какъ его союзникъ въ 1741 г., и какъ союзникъ Маріи-Терезіи въ 1745 г., всегда боялся этого сосѣда, старался

---

[1]) Сынъ Людовика XV, Людовикъ, умершій до него, былъ женатъ на Маріи-Жозефинѣ, дочери Августа III.

[2]) Старшій братъ императора Карла VI, императоръ Леопольдъ I.

сохранить доброжелательство Австріи и Россіи, но все-таки отказывался примкнуть къ наступательному союзу, въ который по содержанію этихъ депешъ его желали увлечь, подъ тѣмъ предлогомъ, что по своему положенію онъ всегда находился подъ огнемъ общаго непріятеля. Прусскій король — какъ говоритъ Понятовскій — особенно напиралъ на фразу, оказавшуюся въ отпускѣ одной изъ саксонскихъ депешъ: „Только тогда, когда всадникъ будетъ сброшенъ съ сѣдла, Саксонія можетъ рѣшиться на болѣе дѣятельное участіе, которое до того момента только повлекло бы ея напрасную гибель"...

С. Горяиновъ.

СИЛЫ ЗЕМЛИ

Романъ Ренэ Базэна.

— *René Bazin.* Le blé qui lève. Paris. 1907. Calmann-Lévy.

V *).

Генералъ съ Жакменомъ пошли впередъ по веселой, прямой, какъ стрѣла, дорожкѣ между луговъ. Г. де-Мексимьё дѣлалъ широкіе жесты, о чемъ-то спрашивалъ, нагибался, сбивалъ тросточкою головки полевыхъ цвѣтовъ. Жакменъ, который былъ много полнѣе его и ниже ростомъ, держался спокойно, отвѣчалъ односложно, кивая головою въ мягкой шляпѣ.

На разстояніи шаговъ пятидесяти позади нихъ шли Мишель и Антуанета. Дѣвушка была безъ накидки и зонтика; она, улыбаясь, указывала на предметы—одушевленные для нея, такъ какъ она любила ихъ: на загородку для кроликовъ, чудную группу вязовъ и дубовъ, рѣку, прудъ, дальнія фермы...

— Вы такъ же, какъ я, любите нашъ край?

— Глубоко люблю, m-lle Антуанета.

— Я обожаю наши луга̀.

— А я—лѣса̀.

— Я люблю здѣшнее солнце.

— А я—уединеніе.

— Значитъ, мы съ вами—Жанъ, который плачетъ, и Жанъ, который смѣется? Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ плачете?

— Довольно часто.

— Здѣсь это запрещено. Мнѣ запрещено мечтать, хотя это

---

*) См. выше: январь, стр. 241.

разрѣшается вообще всѣмъ барышнямъ. Я не имѣю права грустить—если бы даже у меня явилось подобное искушеніе, такъ какъ нѣкто другой имѣетъ на это право, и я должна веселить его, развлекать, бороться съ воспоминаніями прошлаго...

— Это должно быть очень трудно?

Она задумалась и отвѣтила серьезно:

— Нѣтъ, все, что дѣлается съ любовью—легко. Но я должна вамъ сознаться, что мнѣ кое-чего недостаетъ. У насъ нѣтъ сосѣдей, или они наѣзжаютъ на короткое время и остаются чужими для всѣхъ. Пріобрѣсти любовь живущихъ здѣсь—вотъ самое главное, вотъ въ чемъ настоящая жизнь, а у нихъ ея нѣтъ.

— Какъ хорошо вы это сказали!

— Вы находите? Я рада, что мы сходимся во взглядахъ. Но я начинаю думать, что у моего отца очень серьезный разговоръ съ генераломъ. Онъ дѣлаетъ намъ знакъ продолжать прогулку. Не знаете ли вы, въ чемъ дѣло?

— Къ сожалѣнію, не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія.

— Онъ ничего вамъ не говоритъ?

— Ничего.

— Мнѣ, наоборотъ, отецъ все разсказываетъ, и я сержусь, что теперь ничего не знаю. Но вечеромъ онъ навѣрно все скажетъ мнѣ. А кстати, по поводу сосѣдства: вы могли бы, monsieur Мишель, практически разрѣшить этотъ вопросъ.

— Какимъ образомъ?

Молодой, необдуманно веселый, звонкій смѣхъ зазвенѣлъ въ воздухѣ.

— Женитесь! Привезите сюда вашу жену. Она будетъ моимъ другомъ. Хорошо я придумала?

Антуанета увидѣла, что онъ не смѣется, и угадала чутьемъ, что она затронула больное мѣсто. Взволнованная, она остановилась и повернулась къ нему.

— Поглядите на меня!

Передъ нимъ было ея полудѣтское личико, которому нѣжное состраданіе придавало нѣчто материнское, и ея взглядъ такъ глубоко проникъ въ его душу, что Мишель почувствовалъ, что тайна его угадана. Онъ—такой сдержанный—былъ не въ силахъ умолчать о ней на этотъ разъ. Не глядя на Антуанету, онъ отвѣтилъ:

— Это правда. Я очень несчастливъ.

— Давно ли?

— Такъ было всегда.

Ея бѣлокурая голова опустилась, руки сжались.

— А у меня еще хватало духу жаловаться на мою судьбу! Послушайте, тò, чтò я сказала въ шутку, можетъ быть серьезно. Когда вы женитесь, многое забудется, многое сгладится. Вы — не изъ несчастныхъ по призванію. Если я, будучи еще дѣвочкой, могла столько сдѣлать для отца,—чтò же можетъ сдѣлать настоящая женщина?

Ея искренность, увѣренность увлекли Мишеля, — онъ такъ жаждалъ утѣшенія. Его молодость откликнулась на ея молодой порывъ.

— Я не изъ тѣхъ, которыхъ любятъ,—сказалъ онъ и тутъ же покраснѣлъ.

Антуанета осмотрѣла его съ головы до ногъ и отвѣтила совершенно серьезно:

— Зачѣмъ вы это говорите? Вы плохо судите о себѣ и клевещете на насъ. Я думаю, что большинство женщинъ, такъ же, какъ я сама, менѣе цѣнятъ внѣшнюю, наружную красоту человѣка, у котораго онѣ угадываютъ благородный и твердый характеръ.

Онъ протянулъ ей руку.

— Благодарю васъ. Я вижу, вы привыкли утѣшать. Но то, чтò вы мнѣ сказали—нуждается въ повтореніи для того, чтобы я могъ ему повѣрить. Я слишкомъ часто слышалъ противоположное...

— Я готова повторить.

— Мы видимся одинъ разъ въ два-три мѣсяца. Вы успѣете позабыть.

— Я никогда не забываю. Если понадобится, я пріѣду для этого въ Фонтэнейль. Вѣдь я пользуюсь полной свободою.

Она снова разсмѣялась. Они двинулись впередъ по дорожкѣ, залитой солнцемъ; они шли быстро и встрѣтили при выходѣ изъ рощицы генерала и Жакмена, между которыми, очевидно, произошло какое-то соглашеніе, исчезла физическая напряженность, вызываемая серьезнымъ разговоромъ. Остался только оттѣнокъ замѣшательства, котораго Антуанета не замѣтила; она видѣла только, какъ лицо отца засіяло радостью при видѣ ея, но Мишель былъ смущенъ, когда г. Жакменъ, взявъ его за обѣ руки, проговорилъ взволнованно:

— Простите, дорогой сосѣдъ, что я мало занимаюсь вами сегодня, но, кажется, вы и безъ насъ весело провели время? Мнѣ хочется только вамъ сказать, что ваше вліяніе въ Фонтэнейлѣ я считаю очень благотворнымъ. Вы—хорошій человѣкъ и—человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей.

— Я надѣюсь продолжать въ томъ же духѣ, — отвѣтилъ Мишель.

Жакменъ вздрогнулъ, взоръ его выразилъ изумленіе.

— Конечно, другъ мой, вы всегда останетесь тѣмъ, чѣмъ были.

Бесѣдуя о полевыхъ работахъ, объ охотѣ, они вернулись въ замокъ аллеей, проходившей среди большихъ группъ дубовыхъ деревьевъ. Генералъ былъ разсѣянъ, и его серьезность не походила на его обычную щеголеватую манеру держать себя, на его надменную и—порою—остроумную любезность. У подъѣзда онъ простился съ хозяевами.

По возвращеніи домой, генералъ свелъ счеты съ лѣсопромышленникомъ и около пяти часовъ послалъ за Мишелемъ, который нашелъ его за столомъ, заваленнымъ бумагами.

— Садись, мой другъ. Мнѣ нужно съ тобою поговорить. Мишель, я продаю Фонтэнейль.

— Вы продаете Фонтэнейль? Вы?

— Я просилъ тебя сѣсть, а ты вскочилъ! Я не продаю его съ молотка, я просто его продаю, лучше сказать—даже продалъ. Не прерывай меня...

— Я не могу не прервать васъ... Это недостойно!

Мишель, сидѣвшій лицомъ къ свѣту, былъ блѣденъ и сжималъ обѣими руками дерево стола.

— Это недостойно! Что же будетъ со мной?

— Да, это вопросъ. Я ожидалъ его. Мы сейчасъ перейдемъ къ нему. Но не блѣднѣй такимъ образомъ. Съ кѣмъ я говорю? Со взрослымъ человѣкомъ или съ ребенкомъ?

— Съ ребенкомъ, которому много пришлось выстрадать изъ-за отца.

Мужественный голосъ Мишеля дрогнулъ; онъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

Генералъ вставилъ въ глазъ монокль, къ которому онъ прибѣгалъ въ видѣ диверсіи, и черты его лица, весь его военный обликъ сразу приняли выраженіе изящно презрительной ироніи врожденнаго дипломата. Онъ заговорилъ, искусственно растягивая слова:

— Милый мой, ты берешься судить о томъ, что было ранѣе тебя. Въ этомъ—корень многихъ ошибокъ. Отецъ оставилъ мнѣ долги, Фонтэнейль заложенъ.

— Я это зналъ.

— Но ты думалъ, что долги—мои? Затѣмъ—я женился безъ приданаго, и потому именно я не могу ни упрекать твою мать

за большія траты, ни отказывать ей въ деньгахъ. Это было бы мѣщанствомъ. У насъ есть обязательства по отношенію къ свѣту, которыя нельзя порвать. Вотъ мои счета,—генералъ хлопнулъ рукою по связкѣ бумагъ,—я на три четверти разоренъ. Не приходи въ ужасъ. Надо считаться съ фактомъ. Я не игрокъ, я почти не тратился на женщинъ...

— Я не прошу у васъ объясненій.

— Но я желаю дать ихъ тебѣ. Въ чемъ состояли мои траты? Служба государю или отечеству—это одно и то же. Пріемы, представительство, помощь семействамъ нуждающихся офицеровъ... Мексимьё не умѣютъ ничего дѣлать вполовину. Это приводитъ ихъ къ разоренію...

— Къ смерти!

— Нѣтъ, у меня останется жалованье, кое-какая рента. Жить можно.

— А что останется мнѣ? Просить мѣста? „Графъ Мишель де-Мексимьё, помощникъ инспектора окладныхъ сборовъ". Недурно звучитъ? Я не могу не осуждать васъ. Вы дали мнѣ понять, что Фонтэнейль—будетъ моимъ; я вложилъ въ него всю мою жизнь, и вотъ черезъ пять лѣтъ вы все разбиваете однимъ ударомъ! Это жестокій поступокъ.

— Скорѣе несчастіе. Притомъ я только запродалъ землю. Жакменъ никому ничего не скажетъ покуда, даже дочери. До конца года мало ли что можетъ случиться?

— Появятся новые кредиторы. Я еще разъ васъ спрашиваю: что будетъ со мною? Мнѣ двадцать-шесть лѣтъ. Я—агрономъ, сельскій хозяинъ. Что вы предлагаете мнѣ дѣлать?

— Поселиться со мною и съ матерью въ Парижѣ.

— Жить безъ дѣла? Благодарю васъ. Я привыкъ къ работѣ.

Маркизъ выронилъ монокль. Втайнѣ онъ былъ разстроенъ, пристыженъ. Онъ провелъ кончиками пальцевъ по запотѣвшему стеклу и посмотрѣлъ изъ окна. Вечерняя тьма уже заволакивала поля и долины, сглаживая грани. Онъ проговорилъ, не оборачиваясь:

— Самое тяжелое—объявлять о своемъ разореніи. Мнѣ пришлось дважды сдѣлать это сегодня.

Прошло нѣсколько секундъ. Оба молчали и думали; прерванный разговоръ продолжался въ ихъ душѣ. Въ этихъ пылкихъ сердцахъ уже закипали—неизбѣжныя послѣ ироніи и гнѣва слезы, но, согласно традиціямъ, ихъ нужно было скрыть другъ отъ друга. Кресло Мишеля скрипнуло,—генералъ думалъ, что онъ снова начнетъ спорить, но сынъ проговорилъ въ темнотѣ почти обычнымъ своимъ голосомъ:

— Какъ вы думаете, не согласится ли мама поселиться здѣсь? Вамъ остается всего два года до отставки. Мы сохранили бы замокъ и часть земли.

Генералъ отвѣчалъ тремя словами:

— Мой бѣдный другъ!

Мишель вышелъ; отецъ не удерживалъ его. За обѣдомъ слуга доложилъ, что графъ нездоровъ и къ обѣду не будетъ, а рано утромъ генералъ уѣхалъ въ Парижъ.

VI.

Въ ту же ночь Мишель написалъ матери длинное письмо, начинавшееся съ выраженій страданія и становившееся къ концу все болѣе умоляющимъ. Онъ заканчивалъ такъ:

„Не отвѣчайте мнѣ. Подумайте обо всемъ, что̀ я сказалъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣду васъ обнять, узнать вашъ отвѣтъ, поблагодарить васъ".

Въ теченіе первой недѣли апрѣля надежда не покидала Мишеля; поддерживаемый ею, онъ бѣгалъ по полямъ. Время было горячее,—пахали паренину, сѣяли маисъ, клеверъ, сладкую дятлину; близъ прудовъ распахивали новое поле. Стояло половодье, берега опушались побѣгами бодренца, мяты, все наливалось сокомъ; собаки выли по ночамъ. Старый бродяга Грачъ нарядился въ соломенную шляпу, и уже выздоравливавшій Жильберъ Клокэ принимался понемногу за работу, хотя могъ покуда копать землю лишь одною рукой. Какъ же тутъ было не надѣяться?

Если бы онъ могъ уговорить мать пріѣхать сюда на три дня! Она—художница, она придетъ въ восторгъ. А главное—она добра. Она сжалится надъ нимъ, надъ родовымъ помѣстьемъ, принадлежащимъ имъ болѣе трехсотъ лѣтъ. Она согласится.

9-го апрѣля онъ уже былъ въ Парижѣ, на улицѣ Клебéръ. Г-жа де-Мексимьё выбѣжала къ нему навстрѣчу и принялась безъ конца его цѣловать.

— Мой дорогой! Какъ я рада! Вѣдь я съ Рождества тебя не видѣла... Отецъ вернется къ семи часамъ. Мы дома не обѣдаемъ.

Она увлекла его въ залитую солнцемъ комнату, обитую матеріей кремъ съ букетами à la Pompadour. Она безъ умолку болтала. У него хорóшій видъ! Переѣздъ не утомилъ его? Она

увезетъ его обѣдать къ старымъ ихъ друзьямъ. Тѣ будутъ въ восторгѣ.

Мишелю было отрадно сознавать, что имъ занимаются; онъ радовался, видя ее такою веселою, такою еще молодою, и черезъ полчаса онъ, воспользовавшись паузою въ разговорѣ, спросилъ почти безъ страха:

— А моя большая просьба—вы подумали о ней?

Г-жа де-Мексимьё помахала ручкою, словно желая разсѣять, отогнать докучныя слова.

— Не будемъ покуда объ этомъ говорить. Всѣ серьезныя дѣла надо обсуждать возможно позднѣе. Отецъ твой разсказалъ мнѣ о вашемъ разговорѣ. Онъ предоставилъ мнѣ свободу дѣйствій.

— Тѣмъ лучше.

— Не говори: тѣмъ лучше! Это будетъ зависѣть отчасти отъ тебя,—она улыбнулась материнскою улыбкою,—я все тебѣ объясню. Я кое-что придумала. Ты когда ѣдешь?

— Послѣ-завтра вечеромъ.

— Ну, такъ послѣ-завтра въ три часа.

Она еще разъ его поцѣловала—и они разстались.

Мишель отобѣдалъ у старыхъ друзей съ отцомъ, не вспоминавшимъ о непріятной сценѣ, и съ матерью, болѣе нѣжной, чѣмъ когда-либо. Во вторникъ и въ среду онъ дѣлалъ визиты, побывалъ въ Villette, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ, осматривая пригоняемый скотъ и разговаривая съ торговцами и фермерами. Нужно было освѣдомиться о состояніи рынка во Франціи и въ Бельгіи, купить нѣсколько штукъ скота, завязать сызнова торговыя отношенія, могущія оказаться полезными, если ему удастся сохранить имѣнье.

Онъ позавтракалъ довольно поздно въ ресторанѣ „Dagorno" въ улицѣ d'Allemagne, гдѣ собираются землевладѣльцы, крупные фермеры, скотопромышленники. Такъ какъ было два часа, онъ рѣшилъ дойти до улицы Клебѐръ пѣшкомъ.

Но едва онъ очутился одинъ въ толпѣ, какъ сдерживаемая съ трудомъ тревога снова охватила его. Черезъ нѣсколько минутъ вся жизнь его должна рѣшиться. Мрачныя предчувствія обступили его. Напрасно онъ повторялъ себѣ: „она добра"!

Доброта маркизы де-Мексимьё была хорошо извѣстна въ свѣтѣ. Она посѣщала больныхъ и несчастныхъ, играя роль ангела-утѣшителя; разсказывали о томъ, какъ она довезла въ своей каретѣ до ближайшей аптеки упавшаго съ козелъ кучера и оказала ему собственноручно первую помощь. Но доброту

свою она растрачивала какъ-то зря, такъ же, какъ и деньги. Въ сорокъ-восемь лѣтъ она пожинала плоды своего исключительно свѣтскаго воспитанія, т.-е. полнѣйшей пустоты. Она ничего не создала вокругъ себя, растративъ понапрасну время, привязанности, деньги. У нея ни о чемъ не было собственнаго мнѣнія, но она обладала способностью схватывать на лету чужія мнѣнія. Она жила развлеченіями, боялась одиночества и страдала, уѣзжая изъ Парижа на три недѣли.

Мишель мало зналъ ее и потому идеализировалъ свою мать, восполняя пробѣлы воображеніемъ. Какъ она съумѣла бы озарить старый домъ своею добротою, какою матерью и другомъ была бы она для другой, болѣе молодой женщины, если бы онъ вздумалъ жениться! Ему уже рисовались рядомъ два милыхъ образа, и образъ матери — яснѣе другого. Онъ находилъ ее красавицей, для него она не старѣлась,—онъ видѣлъ ее такою, какою она была изображена на пастэли Дюфюба, висѣвшей въ ея салонѣ.

У маркизы были мелкія, правильныя черты и цвѣтъ лица рыжеватой блондинки, придающіе моложавость, но противъ пятидесяти лѣтъ никакая моложавость не можетъ устоять. Кожа еще не поблекла, но тѣло казалось дряблымъ. Это не было старческое разрушеніе, но вѣки отяжелѣли, появились тонкія морщинки, щеки чуть замѣтно отвисли. Но теперь, войдя къ ней ровно въ три часа, Мишель былъ пріятно изумленъ: въ визитномъ платьѣ, въ шляпѣ съ перьями и вуалеткѣ, въ собольей накидкѣ — она казалась тридцатилѣтней.

— Вы только-что вернулись, мама?

— Нѣтъ, я уѣзжаю, но я ждала тебя, какъ было условлено. Пройдемъ въ маленькій салонъ.

Онъ послѣдовалъ за нею, разочарованный, и сѣлъ по другую сторону камина.

— Представь себѣ, что я забыла: я должна быть непремѣнно у г-жи де-Грешелль. Въ годовщину смерти ея дочери у нея всегда собираются близкіе друзья; она такъ бываетъ признательна за вниманіе. Вѣроятно, будетъ музыка, что-нибудь прочтутъ; она находитъ въ этомъ большое утѣшеніе. Поѣдемъ со мною. Развѣ тебѣ такъ необходимо уѣхать сегодня вечеромъ?

— Совершенно необходимо, и я надѣялся, что мы успѣемъ поговорить, что мы проведемъ вмѣстѣ послѣдніе часы. Я долженъ слишкомъ многое вамъ сказать.

— Что̀ такое?

— Разсказать вамъ мою жизнь, которой вы не знаете.

Она улыбнулась и погладила его по рукѣ.

— Милый мой мальчикъ, это фраза изъ какой-то драмы.

— Я не оттуда взялъ ее—во всякомъ случаѣ.

Между бровей его обозначилась морщина.

— Хорошо, я перейду прямо къ заключенію. Отецъ объявилъ мнѣ, что мы разорены.

— Онъ обвинялъ меня? Нѣтъ? Слава Богу! Это было бы слишкомъ несправедливо. Онъ самъ никогда не зналъ цѣны деньгамъ и тратилъ болѣе меня. Въ сущности мое положеніе—щекотливое: онъ женился на мнѣ безъ приданаго и могъ распоряжаться состояніемъ какъ хотѣлъ.

— Мама, я не могу васъ судить. Я прошу напротивъ, чтобы вы разсудили, какъ мнѣ быть? Сознайтесь, что я—единственный неповинный въ вашемъ разореніи. Я привязанъ къ Фонтэнейлю всѣмъ существомъ своимъ. Это—наше наслѣдственное владѣніе. Умоляю васъ спасти его, вернувшись туда.

— Навсегда?

— Конечно. Отецъ говоритъ, что мы не можемъ жить на два дома.

— Поселиться въ деревнѣ—навсегда! О, другъ мой!

Она безсознательно любовнымъ жестомъ оправила свой туалетъ изъ crêpe de Chine.

— Похожа ли я на пастушку, Мишель? Нѣтъ? Почему же ты осуждаешь меня на жизнь въ лѣсу?

— Хорошо осужденіе! Жить просто-на́-просто съ отцомъ и со мною!

— Я не желала бы ничего лучшаго, но... мое здоровье...

— Вамъ нуженъ только отдыхъ.

— Отдыхъ, но—при извѣстныхъ условіяхъ. Какъ мы станемъ жить безъ знакомствъ, безъ связей?..

— Безъ развлеченій? Безъ музыкальныхъ утръ, безъ вечеровъ, спектаклей, болтовни, автомобилей? Что̀ мы станемъ дѣлать, если можемъ принести кому-нибудь пользу? Если мы будемъ дѣлать экономію вмѣсто того, чтобы разоряться? Если мы пріобрѣтемъ любовь окружающихъ? Если мы станемъ думать не только о себѣ, но и о другихъ? Ужасный вопросъ!

— Ты жестокъ, Мишель, очень жестокъ... Совсѣмъ какъ твой отецъ... Ты похожъ на него... Я никогда бы этого не подумала.

Она плакала. Крупныя слезы катились изъ ея глазъ, и для того, чтобы не замочить вуалетки, она отирала платочкомъ лицо, обращенное къ пламени камина.

— Ты жестокъ, ты думаешь только о себѣ...

— А вы, мама, о комъ думаете? Развѣ вы не сознаёте, что изъ насъ троихъ я—младшій, что прежде всего слѣдуетъ подумать о моей будущности? Вы дозволили мнѣ избрать эту карьеру, и теперь вы ломаете всю мою жизнь...

Онъ поднялся и сдѣлалъ къ ней шагъ.

— Поймите, что я всю жизнь мою былъ несчастливъ!

Маркиза зарыдала.

— Ахъ, милый мой мальчикъ... А я?!.. Но не думай, что я не позаботилась о тебѣ. Не гляди на меня съ такимъ укоромъ. Слушай... Я кое-что придумала. Твой отецъ разсказалъ мнѣ о вашей поѣздкѣ въ Vaucreuse. Онъ находитъ m-lle Антуанету Жакменъ очаровательной. Ты—того же мнѣнія?

— Да.

— Ей восемнадцать лѣтъ. Она богата, очень богата... Ну, постарайся ей понравиться, и Фонтэнейль снова будетъ твоимъ!

Сильныя плечи Мишеля дрогнули отъ негодованія. Онъ возвысилъ голосъ.

— Нѣтъ! Прошу васъ, ни слова болѣе... Это средство не по мнѣ! Какое воспоминаніе я увожу съ собою! Послѣднее разочарованіе... Считать меня способнымъ...

— На что̀, Мишель, на что̀? Что̀ же я такого сказала?

— Предложить этой дѣвушкѣ, въ видѣ приданаго, мое разореніе. Еще вчера я могъ бы ее полюбить... А теперь...

Дверь отворилась. Вошелъ генералъ—бодрый, освѣженный; онъ возвращался со свадьбы одного изъ своихъ офицеровъ. Онъ подошелъ къ сыну.

— Ты ѣдешь?

— Сію минуту.

Выраженіе лица Мишеля, видъ маркизы, скрывшей лицо въ мѣху своей накидки, произвели впечатлѣніе на генерала. Ему стало жаль сына.

— Я предупреждалъ тебя, мой другъ. Пятьдесятъ лѣтъ жизни въ Парижѣ—съ этимъ не порвешь. Еще я могъ бы скорѣе примириться, я родился въ деревнѣ, но она—не въ силахъ.

— Я надѣялся... Теперь у меня уже нѣтъ иллюзій. Я хотѣлъ бы только знать: съ вашего ли вѣдома было предложено мнѣ средство для сохраненія Фонтэнейля?

— Какое?

— Филиппъ, я сама его предложила. Мишель, твой отецъ ничего объ этомъ не зналъ!

— Мама предложила мнѣ жениться на m-lle Жакменъ. Я, понятно, отказываюсь...

— Почему?

— Нужно ли это объяснять! Никогда я не соглашусь на то, чтобы владѣлица Фонтэнейля ввела меня въ свой домъ.

Генералъ серьезно выслушалъ его слова, словно принимая рапортъ. Затѣмъ онъ съ живостью протянулъ ему руку.

— Очень хорошо, Мишель. Очень хорошо. Ты—истинный Мексимьё. Ты будешь нынче въ Фонтэнейлѣ? И до которыхъ поръ ты пробудешь тамъ?

— До 31-го декабря.

— Дай Богъ, чтобы ты остался тамъ какъ можно дольше.

Мишель горько усмѣхнулся и пожалъ руку отцу.

— А я? Ты со мною не хочешь и проститься?—воскликнула, поднимаясь съ мѣста, маркиза.

Раздушенная, разряженная, она плакала истинными слезами и почти насильно обняла Мишеля. Ему хотѣлось крикнуть имъ:

— Вы жертвуете моею молодостью вашимъ послѣднимъ годамъ! И вы—мой отецъ и моя мать!

Но у него недостало голоса, быть можетъ—духа, и онъ вышелъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

VII.

Пасха была поздняя, 22-го апрѣля. Колокола звонили во всю въ Ѳомино воскресенье; пономарь Падованъ, толстый, слабосильный человѣкъ, только-что разставилъ на алтарь шесть фарфоровыхъ вазъ съ золочеными пальмами и розами; одну изъ пальмъ онъ поставилъ вверхъ ногами, ворча про себя, что, въ сущности, не стоило бы и доставать ихъ изъ шкафа. Для кого? Много ли прихожанъ было у заутрени? Бѣдный г. кюрэ, не весело ему это видѣть, хотя онъ и бодрится.

Аббатъ Рубіо облачался; пламя свѣчей дрожало въ воздухѣ и было бы почти незамѣтно, если бы порывъ вѣтра не колебалъ, по временамъ, желтоватые свѣточи. „Христосъ воскресъ!“—пѣли колокола:—„Онъ пострадалъ, Онъ вернулся къ жизни, подражайте Ему, придите, нуждающіеся и обремененные, начните новую жизнь, надъ которою смерть безсильна. Я созывалъ вашихъ отцовъ, и они приходили на мой призывъ. Я созываю и васъ“.

Звонъ колокола разносился широкими волнами подъ открытымъ небомъ, и эти волны гармоніи плыли надъ кровлями до-

мовъ, надъ полями, надъ полуодѣвшимися зеленью лѣсами, надъ откликавшимися на звукъ ихъ водами... Но люди не шли на зовъ.

Въ церкви были: мальчуганъ Гомбо̀, сынъ рабочаго-соціалиста, старикъ Дизнёфъ, отставной зуавъ, Мишель де-Мексимьё и его слуга, не считая пономаря Падована. Гдѣ же были прихожане? Одни работали и въ „седьмой день“, другіе—большинство—отравлялись въ трактирахъ плохимъ алкоголемъ, отпуская шуточки, въ которыхъ было больше злобы и сплетничества, чѣмъ настоящей веселости. Съ тѣхъ поръ какъ смягчающее вліяніе религіи было отнято у нихъ, злоба и жажда богатства всецѣло завладѣли ими. Они мечтали о такомъ общественномъ строѣ, при которомъ возможно было бы какъ можно менѣе работать и какъ можно болѣе получать. Некрасивыя дѣвушки увѣряли себя, что шляпки въ тридцать франковъ сдѣлали бы ихъ красавицами.

Священникъ, служа обѣдню, испытывалъ чувство невыразимой грусти: пустая церковь, отсутствіе вѣры, опустошенныя души... И это—въ католической Франціи!

При выходѣ изъ церкви онъ былъ такъ блѣденъ, что старуха-поденщица Перрина съ сожалѣніемъ покачала вслѣдъ ему головою. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ; въ душѣ звучалъ голосъ, подобный раскату грома. Что же сдѣлали его предшественники, проповѣдывавшіе народу Евангеліе? Неужели и имъ не удалось вызвать искру изъ-подъ пепла? Покорились ли они? Или ихъ тоже охватилъ покой смерти? Неужели они жили здѣсь по десяти, двадцати лѣтъ среди такихъ же нравственныхъ мукъ, подавленные сознаніемъ своего безсилія? Онъ здѣсь уже полгода и ничего не сдѣлалъ. Какъ найти дорогу къ сердцу людей, которымъ онъ желаетъ принести любовь и утѣшеніе?

Лицо его было омочено слезами, худое лицо съ черными, жгучими глазами, загорѣлое, обвѣтренное, съ массивною челюстью, привыкшею жевать черствый хлѣбъ; въ чертахъ его свѣтилась вѣра—серьезная, наивная и пылкая.

Приказавъ служанкѣ обождать съ супомъ, онъ сѣлъ за столъ и написалъ письмо матери—маленькой, сухой, съ дѣтскимъ взоромъ старушкѣ, портретъ которой висѣлъ у него на стѣнѣ. Онъ раскрывалъ передъ нею свою душу, жаловался на ужасъ полнаго одиночества. Онъ—посвященный, онъ долженъ отвѣчать за свои неудачи предъ Господомъ. Пусть мать помолится за него.

Аббатъ заклеилъ конвертъ и всталъ, чтобы пойти опустить письмо въ ящикъ.

— Подогрѣйте супъ, Филомена, я сейчасъ вернусь.

— Хорошъ онъ, вашъ супъ, нечего сказать! Онъ въ кашу превратился...

Аббатъ, безъ шляпы, прошелъ черезъ садикъ до угла, къ почтовому ящику. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ высокаго бѣлокураго человѣка съ бородою, который приподнялъ передъ нимъ шляпу.

— Какъ поживаете, Жильберъ Клокэ?

— Не особенно хорошо, хотя теперь мнѣ лучше. Благодарю за вниманіе, господинъ кюрэ.

— Я заходилъ къ вамъ, но тетушка Жюстамонъ меня не впустила, говоря, что вы спите.

— Можно было и разбудить меня, но добрая женщина охраняла меня, извините, какъ собака...

— Если я не ошибаюсь, Жильберъ Клокэ, вы не были у заутрени на Пасху и сегодня тоже не были у обѣдни? А вѣдь вы — мой прихожанинъ.

— Какъ сказать? Я ужъ давно не хожу въ церковь. Здѣсь это не въ обычаѣ.

Аббатъ опустилъ руки—безпомощнымъ движеніемъ.

— Ахъ, другъ мой, какъ тяжело быть служителемъ Господа, Котораго всѣ забыли, Котораго никто здѣсь не любитъ!

Жильберъ былъ тронутъ горестью священника и, покачавъ головою, сказалъ добродушно:

— Нечего печалиться о такой малости, г. кюрэ. Мы, правда, не ходимъ къ обѣднѣ, но мы не такой уже плохой народъ. Прежній священникъ привыкъ къ намъ... Привыкнете и вы.

Онъ почувствовалъ на себѣ взоръ глазъ, похожихъ на глаза Распятаго Христа, и что-то смутное, неопредѣленное зашевелилось у него въ душѣ. Ему стало неловко, и онъ протянулъ руку священнику.

— Не огорчайтесь изъ-за насъ. Я васъ понимаю. Тяжело, когда дѣло не ладится... Прощайте, господинъ кюрэ. До свиданія.

Онъ пошелъ своею дорогой, но продолжалъ думать о разговорѣ съ кюрэ. Сердце у него доброе. Одну минуту Жильберу показалось, что это говоритъ его мать. Набожная была покойница!

Жильберъ шелъ къ Дюржѐ, жившему на самомъ краю поселка, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ домовъ. Онъ засталъ его за обѣдомъ изъ картофеля, приправленнаго масломъ и уксусомъ, и полубутылкою вина. Женщина, смуглая и свѣжая, но съ пятнами

отъ недавнихъ слезъ на скулахъ, вытирала столъ тряпкою.

— Здравствуй, Дюржѐ! Видно, у тебя, какъ и у меня, на мясо денегъ не хватаетъ?

Дюржѐ поднялъ голову. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, съ грубымъ, но честнымъ лицомъ и съ ясными, какъ ключевая вода, глазами, человѣкъ первобытный и необыкновенно цѣльная натура, способная на преданность до самозабвенія тому, кто сумѣлъ бы пріобрѣсти его довѣріе.

— Да, плохи дѣла. Если такъ и дальше пойдетъ, не на что будетъ воспитывать семью.

Лицо его озарилось улыбкой, а взоръ указывалъ на молодую женщину съ замѣтно округлившимся станомъ.

— Кажется, что такъ! — разсмѣялся Жильберъ. — Бѣда въ томъ, что косить негдѣ. Всѣ обзавелись машинами, за исключеніемъ мосьё Мишеля. Я кошу у нихъ уже двадцать лѣтъ — съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ съ фермы. Чтò если я устрою, чтобы тебя наняли?

— Скажу тебѣ спасибо, старина, но ты ошибаешься: всѣ они—одного поля ягода. Онъ тоже покупаетъ машину.

— Чортъ побери! Чтò ты говоришь? Не захочетъ онъ отнять у меня работу!

— Люди слышали, какъ онъ разговаривалъ съ поставщикомъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Знаешь чтò, Дюржѐ, пойдемъ со мной къ мосьё Мишелю. Я знаю его, онъ насъ приметъ. Я увѣренъ, что это все—розсказни и сплетни...

Дюржѐ поглядѣлъ на жену, которая, сдѣлавшись вдругъ очень серьезною, мяла и вертѣла въ рукахъ полотенце.

— Конечно, сходите къ нему, и главное—не спускайте цѣны.

— Вотъ еще! Кажется, ты меня довольно знаешь.

Простившись съ хозяйкою, они вышли, и дорогою Жильберъ предложилъ прихватить съ собою Дизнёфа, также косившаго у Мексимьё лѣтъ двадцать. Толкуя о прежнихъ сѣнокосахъ, они зашли за старикомъ-каменщикомъ, которому было уже лѣтъ шестьдесятъ. Онъ былъ глуховатъ и упрямъ, но Жильберъ жалѣлъ его и думалъ, что, въ виду его возраста, онъ болѣе другихъ нуждается въ помощи.

Всѣ трое, идя рядомъ, поднялись къ зàмку, отдѣленному отъ лѣса зеленою лужайкою. Солнце уже освѣщало заднiй фасадъ и дворъ зàмка. Сторожъ Ренаръ, преисполненный чувства собственнаго достоинства, замѣтилъ группу, поднимавшуюся по каменнымъ ступенямъ террасы.

— Вамъ чего надо?

— Мы хотимъ видѣть мосьё Мишеля,—сказалъ, не останавливаясь, Жильберъ.

— Онъ боленъ и не приметъ васъ. Къ нему уже приходили рабочіе и всякій бродячій народъ. Не можетъ же онъ быть всегда къ вашимъ услугамъ.

— Не съ вами говорятъ, Ренаръ.

Мишель появился на шумъ голосовъ. Онъ былъ блѣденъ и задыхался, хотя сдѣлалъ всего шаговъ тридцать. Сдѣлавъ знакъ Жильберу и другимъ слѣдовать за нимъ, онъ провелъ ихъ во внутренній дворъ.

Отсюда видъ былъ значительнѣе и грандіознѣе: у двери находился длинный вымощенный прямоугольникъ, поддерживаемый тремя бѣлыми колонками. Отсюда бабка Мишеля любовалась широко развернувшимися въ видѣ вѣера полями, перерѣзанными густолиственною аллеей. Тутъ стояла садовая мебель; двоимъ изъ рабочихъ дорога сюда была хорошо знакома, и они вошли не безъ гордости: утерли, молъ, носъ этому Ренару...

Жильберъ на правахъ своего человѣка заговорилъ первый.

— Говорятъ, что вы хвораете, мосьё Мишель? Зачѣмъ же вы къ намъ вышли?

Молодой человѣкъ поздоровался съ ними за руку.

— Все равно. Покуда держусь на ногахъ, я всегда къ вашимъ услугамъ. Въ чемъ дѣло?

Они не сразу отвѣтили. Сначала они усѣлись, поговорили о погодѣ, и, наконецъ, Жильберъ, поглаживая бороду, спросилъ:

— Мосьё Мишель, правда ли, что у васъ будетъ косилка?

— Я подумывалъ объ этомъ, Жильберъ, но ничего еще не рѣшилъ.

— Нехорошо, что вы думали объ этомъ. Развѣ я плохо у васъ работалъ?

— И я тоже,—уже громче проговорилъ старикъ Дизнёфъ;—сколько лѣтъ я работаю на вашихъ лугахъ!

— Рабочему человѣку надо чѣмъ-нибудь жить,—сказалъ Дюрже, вытягивая шею;—машина обкрадываетъ рабочаго.

— Вы не сдѣлаете этого, мосьё Мишель! Это будетъ несправедливо.

Голоса повышались; они придвинули свои стулья къ креслу Мишеля.

— Довольно и безъ васъ найдется буржуа́, которые уже отняли у насъ работу. Вы—послѣдній. Мы работали на вашихъ дѣда и бабку...

— Не покупайте машины, мосьё, не дѣлайте этого ради вашихъ интересовъ!

— Не такъ ты говоришь, Дюржé,—прервалъ Жильберъ;— ради дружбы къ намъ, надо сказать.

— Не надо машинъ! Отдайте намъ работу.

Всѣ трое глядѣли на него загорѣвшимися глазами; во взорѣ старшихъ не было угрозы, но взоръ младшаго выражалъ вызовъ.

— Послушай, Жильберъ, и также вы, Дизнёфъ, выслушайте меня! Въ виду того, что вы — старые друзья нашего дома, я отказываюсь на нынѣшнее лѣто отъ покупки машины, но подъ условіемъ: заработная плата — три франка въ день.

— Это обычная цѣна,—сказалъ Жильберъ.

— Синдикатъ согласенъ на эту плату за весеннія работы,— отозвался Дизнёфъ: — значитъ — по рукамъ.

— Три франка пятьдесятъ!—съ живостью сказалъ Дюржé.

— Я заплачу три франка. Вы можете высчитать, что десять косцовъ по три франка въ день обойдутся мнѣ за восемнадцать— двадцать дней столько же, сколько мнѣ стоила бы машина. Я заключаю ради васъ невыгодную для себя сдѣлку. Согласны?

— Три франка пятьдесятъ! — повторилъ Дюржé:—я не согласенъ взять меньше.

— Тогда я найму только Жильбера и Дизнёфа. Сожалѣю о васъ, Дюржè, такъ какъ вы—хорошій рабочій. До свиданія.

Старшіе были довольны, но не смѣли слишкомъ явно этого выказывать. Дюржè упорно молчалъ и едва кивнулъ головою Мишелю де-Мексимьё. Они вышли втроемъ.

Мишель, опечаленный, поглядѣлъ имъ вслѣдъ; онъ зналъ, о чемъ говорилъ, отчаянно жестикулируя, Дюржè. „Слабыя или мятежныя души? Что дѣлать? И это повсюду теперь, въ городахъ и деревняхъ. Жильберъ понялъ мое намѣреніе, Дизнёфъ— конечно нѣтъ, а Дюржè уходитъ, запасшись лишнимъ аргументомъ противъ „эксплуатаціи богачей". Онъ гордится своею неуступчивостью. Какія слова могутъ ихъ убѣдить, если не убѣждаютъ поступки? Подумаешь, что мы принадлежимъ къ различной породѣ людей. А впрочемъ — не все ли равно? Недолго мнѣ осталось. Другой докончитъ—едва начатое дѣло моей жизни. Другой!"

Въ его воображенія возникъ образъ женщины съ золотистыми волосами. Онъ съ необычайною ясностью увидѣлъ ее вдругъ на усыпанномъ пескомъ дворѣ зàмка; онъ словно воочію увидѣлъ Антуанету Жакменъ, которая, не здороваясь съ нимъ, прошла къ службамъ...

„Другіе займутъ мое мѣсто, и они будутъ лишь изрѣдка вспоминать обо мнѣ...“

Онъ заплакалъ, закрывъ глаза и откинувшись на спинку садоваго кресла.

Мишель де-Мексимьё зналъ о томъ, что онъ очень боленъ. Онъ съ юношескаго возраста страдалъ порокомъ сердца, усилившимся вслѣдствіе пережитыхъ имъ за послѣднее время потрясеній.

Вернувшись изъ Парижа, обезпокоенный припадками удушья и слѣдовавшей за ними лихорадочною слабостью, которую онъ не могъ побороть, какъ прежде, самовнушеніемъ, онъ отправился посовѣтоваться съ врачами, сначала—въ Корбиньи, затѣмъ—въ Неверъ. Первый врачъ сказалъ ему, что это—пустяки, второй—по настоятельной просьбѣ его—оказался откровеннѣе.

— Мнѣ нужно знать: буду ли я жить? Я принадлежу къ людямъ, желающимъ встрѣтить врага лицомъ къ лицу. Говорите.

— Человѣкъ счастливый, такой, какъ вы, графъ, можетъ прожить долго.

— А если бы я не былъ счастливъ?

Докторъ не отвѣчалъ.

— Значитъ, я — осужденъ.

Онъ самъ произнесъ свой приговоръ, но ему самому не хотѣлось вѣрить, что это правда. Призракъ возставалъ передъ нимъ, и онъ отгонялъ его; онъ призывалъ на помощь свою жаждущую жизни молодость, свое благородное честолюбіе, свои усилія — поднять нравственный и умственный уровень деревни. Онъ велъ съ собою ужасную борьбу, борьбу безъ свидѣтелей, безъ помощи, безъ поддержки; она прерывалась лишь необходимостью распорядиться по хозяйству, принять сосѣдняго фермера, поговорить съ кѣмъ-нибудь, но эта борьба возобновлялась постоянно. Тысячи поводовъ и случайностей громко вопіяли: ты умрешь, Мишель де-Мексимьё, проживъ безъ пользы для людей, и ничто не осуществится изъ того, о чемъ ты мечталъ! А этими поводами были: воспоминаніе о разговорахъ съ отцомъ, жестокая мысль объ Антуанетѣ Жакмеиъ, видъ полей и лѣсовъ, которые скоро перейдутъ въ чужія руки, невозможность достигнуть соглашенія съ рабочими, показывавшая, до какой степени зачерствѣли въ ненависти сердца.

Сегодня было воскресенье, рабочій людъ отдыхалъ, жара удерживала всѣхъ по домамъ. Мишель страдалъ. Часы проходили.

Онъ дошелъ до того кульминаціоннаго пункта, когда страданіе, до сихъ поръ проклинаемое, — уже становится пріемле-

мымъ для души. Долгое лѣтнее послѣ-обѣда, уединеніе, высыхающія на лицѣ слезы, на лицѣ, не утратившемъ выраженія твердости и даже озарившемся тихою улыбкою,—все это было слѣдами великой нравственной побѣды: человѣкъ примирялся со смертью.

Его предки были храбрыми и вѣрующими людьми. Довольно плакать о себѣ! Онъ жалѣетъ лишь о томъ, что не могъ послужить народу, и это сожалѣніе онъ унесетъ съ собою въ могилу. Мало есть людей, готовыхъ отдать душу „за други своя". У нихъ останется аббатъ. И затѣмъ,—кто знаетъ, изъ-подъ какой кучи мертвой листвы возникаетъ ландышъ, благоуханіе котораго наполняетъ окрестность? Быть можетъ, спаситель явится изъ ихъ среды, и потому онъ, Мишель, долженъ сойти съ арены первымъ.

Когда слуга Мишеля вошелъ къ нему около шести часовъ вечера, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Г. графу лучше? У вашего сіятельства вашъ обычный здоровый видъ.

День мирно кончался; изъ деревни глухо доносились крики посѣтителей кабачка, пробовавшихъ затянуть пѣсню. Вѣтра не было, и браконьеры знали, что луны тоже не будетъ. Къ вечеру посвѣжѣло, и трàвы жадно пили росу. Женщины и дѣти, стоя на порогѣ домовъ и чувствуя надъ собою силу непонятнаго очарованія, говорили:—Какъ хорошо!

Аббатъ Рубіо, ходившій по аллеѣ и читавшій свой требникъ, проговорилъ:—Слава Господу, несмотря ни на чтò!

А хозяинъ фермы „La Vigie", старый Фортьé, любуясь со своего холма усѣявшими небосводъ звѣздами, сказалъ:—У меня накосятъ и ныньче шестьдесятъ возовъ сѣна!

VIII.

Жильбера Клокэ постигло разочарованіе: онъ не получилъ обѣщанной работы.

Взбѣшенный Дюржé, подстрекаемый Сюпіá, нажаловался предсѣдателю синдиката, Раву́; обычныя фразы насчетъ эксплоатаціи и нарушенія справедливости возымѣли свое дѣйствіе, и Раву́ отъ имени синдиката запретилъ Жильберу и Дизнёфу взять работу по три франка въ день. Сюпіá боялся, что Мишель пріобрѣтетъ въ концѣ концовъ симпатіи населенія, и рѣшилъ подстроить ему ловушку: отказъ рабочихъ принудитъ „буржуа" пріобрѣсти косилку.

Дѣйствительно, къ концу мая ее привезли — новенькую съ иголочки, съ колесами и сидѣньемъ, выкрашенными въ красный цвѣтъ, съ остро отточенными лезвіями.

Жильберу, не спавшему по ночамъ вслѣдствіе того, что имущество Люрё было назначено къ продажѣ съ молотка, пришлось, за неимѣніемъ другой работы, приняться за сборъ колосьевъ, женскую работу, и поденщицы потѣшались надъ нимъ. Онъ думалъ о своей дочери, о стыдѣ, который она навлекла на себя и на него. Онъ еще не зналъ всей глубины своего несчастія, такъ какъ никто не рѣшался ему сказать, что Люрё мошенническимъ образомъ припряталъ до описи лучшую часть скота.

Со времени разрыва съ Мари онъ не бывалъ у нихъ на фермѣ. Дочь явилась къ нему за прощеніемъ и деньгами, но такъ какъ она могла получить отъ него одно лишь прощеніе, то она больше не появлялась.

Наступила пора сѣнокоса, и однажды вечеромъ, призвавъ управляющаго, Мишель, указавъ ему на длинную полосу луговъ, разстилавшуюся между лѣсомъ и загородкою овсянаго поля, сказалъ:

— Завтра начнемъ косить. Пошлите туда къ пяти часамъ двоихъ изъ нашихъ людей.

Заря была свѣтлая; вѣтеръ пробѣгалъ легкою рябью по морю травы и насыщался ея благоуханіемъ. Волны, казавшіяся до восхода солнца сѣрыми, начинали свѣтлѣть, отливать серебромъ и легкимъ багрянцемъ.

Когда рабочіе съ косою и серпомъ вошли черезъ бѣлую калитку на луга, въ травѣ изъ-подъ ногъ ихъ вспорхнула куропатка, взвилась къ небу съ зардѣвшимся въ лучахъ восходящаго солнца крыломъ иволга, и наступило полное ужаса молчаніе среди обитателей травяного моря, выросшихъ и созрѣвшихъ вмѣстѣ съ травою. Даже сверчки—и тѣ на мигъ смолкли. Коса поднималась и опускалась, пролагая передъ собою широкую аллею; серпъ подрѣзалъ колючки по краямъ луговины.

Въ девять часовъ стало жарко. Калитка снова отворилась, чтобы пропустить пару вороныхъ коней, запряженныхъ въ косилку. Гдѣ же были тѣ, которые проклинали лишавшую ихъ хлѣба машину, этого врага, блистающаго, ярко раскрашеннаго, катившагося на своихъ новыхъ колесахъ? Кто же будетъ править ею? Если бы только знали, кто?—вся деревня сбѣжалась бы сюда!

Мишель де-Мексимьé, въ соломенной шляпѣ и бѣломъ полотняномъ костюмѣ, самъ занялъ мѣсто на желѣзномъ сидѣньи,

подъ которымъ находится автоматическая коса. Ренаръ, державшій лошадей за поводья, въ послѣдній разъ сказалъ ему:

— Ваше сіятельство, вы видите, что никакихъ злоумышленниковъ нѣтъ. При вашемъ утомленіи вамъ не слѣдовало бы браться за то, что̀ можетъ сдѣлать рабочій. Если вы позволите, я самъ...

— Благодарю васъ, Ренаръ; я тоже думаю, что эти слухи — вздоръ, но во всякомъ случаѣ, я не изъ тѣхъ, которые подвергаютъ опасности другихъ.

Онъ взялъ ременные повода̀ и свистнулъ. Солнце позолотило крупы лошадей. Зубцы пилы вонзились въ траву, и скошенная, еще влажная отъ росы, трава упала подъ ударомъ. Позади двигавшейся безостановочно, съ мѣрнымъ постукиваніемъ, машины трава ложилась широкою полосою. Мишель радовался превосходному качеству машины и тому, что, наконецъ, онъ работаетъ собственноручно. Онъ быстро подвигался и скоро догналъ рабочихъ, прочищавшихъ путь машинѣ.

— Пропустите! — крикнулъ онъ: — я обойдусь и безъ расчистки!

Онъ жертвовалъ нѣсколькими копнами. Не все ли равно? Съ этимъ годомъ все будетъ кончено для него. Лошади дымились отъ пота. Вдругъ одна изъ нихъ споткнулась, почти упала, но снова вскочила на ноги; машина была отброшена въ сторону и, завертѣвшись на мѣстѣ, свалилась на бокъ. Мишель, отброшенный шага на три, упалъ на сѣно. Машина была сломана.

Онъ вскочилъ, подбѣжалъ къ лошадямъ и остановилъ ихъ. Въ то же время на опушкѣ лѣса показалось двое людей, а третій, прятавшійся въ овсѣ, закричалъ:

— Браво! Доло̀й всѣхъ буржуа̀!

Мишель обернулся въ ту сторону, но люди уже исчезли. Рабочіе сбѣжались, они осматривали мѣсто происшествія.

— Вотъ, поглядите, мосьё Мишель! — сказалъ одинъ.

Онъ держалъ въ рукѣ кусокъ проволоки, бывшей, очевидно, укрѣпленною между двухъ кольевъ и скрывавшейся въ высокой травѣ.

— Это опять штуки Сюпіа́! — воскликнулъ онъ.

— Конечно, это онъ прятался въ овсахъ. Я узналъ его. Надо его словить. Испортилъ машину, негодяй!

— Отведите лошадей, — сказалъ Мишель, останавливая рабочаго. — Богъ съ нимъ — съ Сюпіа̀ и съ другими. Черезъ два дня у меня будетъ новая машина, и я самъ буду править ею. Можете сказать это всѣмъ на деревнѣ.

— Вы не ушиблись, мосьё Мишель?

— Почти что нѣтъ.

— Вы совсѣмъ побѣлѣли... У васъ такой видъ, словно...

Въ эту минуту раздался голосъ:

— Мосьё де-Мексимьё, идите сюда!

Еще не успѣвъ обернуться, Мишель узналъ голосъ Антуанеты Жакменъ. Она стояла на поворотѣ и подзывала его рукою. Мишель пошелъ къ ней по травѣ.—Выбрала время, нечего сказать! Не лучше ли ему ускользнуть подъ какимъ-нибудь предлогомъ? Чѣмъ она можетъ быть для него? Чтò онъ можетъ ей сказать? Что отецъ его разоренъ и что Фонтэнейль уже не принадлежитъ ему?

„Показать ей, что я могъ бы ее полюбить, если уже не люблю? Теперь я болѣе не имѣю на это права. Довѣрить ей мою третью скорбь? Но къ чему омрачать ей жизнь? Прочь слабость! А между тѣмъ я чувствую себя слабѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Зачѣмъ же я иду къ ней?“

И все же онъ шелъ, потому что она приносила съ собою утѣшеніе. Можетъ быть, она угадаетъ то, чего онъ не скажетъ ей?

Мишель очень измѣнился со времени своего посѣщенія зàмка Вокрёзъ. Лицо его исхудало, выраженіе глазъ смягчилось, подернулось грустью. Антуанета, не разъ падавшая съ лошади, хотѣла-было добродушно подшутить надъ нимъ, но едва онъ подошелъ, какъ веселость ея исчезла, смѣнившись состраданіемъ.

— Я надѣюсь, что вы не ранены, мосьё Мишель?

— Нѣтъ, mademoiselle.

— Чтò случилось? Почему косилка такъ подпрыгнула? Она наткнулась на камень?

— Нѣтъ, на западню, разставленную ненавистному „буржуа“. Была протянута проволока съ цѣлью опрокинуть машину...

— Это ужасно! Но вы очень блѣдны, мосьё Мишель. Какой низкій поступокъ! Какая гадость! А я нарочно заѣхала къ вамъ. Мнѣ хотѣлось видѣть дебютъ этой машины, о которой идетъ всюду столько толковъ. И потомъ я хотѣла видѣть васъ... Я вѣдь обѣщала вамъ, помните? Присядемъ подъ этимъ деревомъ. Не хотите? Увѣряю васъ, что вы нуждаетесь въ отдыхѣ...

— Мнѣ нужно пожать дружескую руку.

— Тогда пожмите мою.

Эту молодую дѣвушку, привыкшую утѣшать горести, которыхъ она не понимала, Мишель нашелъ такою же, какъ тогда въ Вокрёзѣ. Она смотрѣла на него съ тревожною нѣжностью, своими широко раскрытыми глазами: солнце играло на

ея лицѣ, отѣненномъ полями соломенной шляпки. Она молчала, но еще немного, и она сказала бы: я люблю васъ.

Мишель испугался этого молчанія, походившаго на признаніе. Онъ нарушилъ очарованіе. Руки ихъ разъединились.

— Такъ я хорошо сдѣлала, что пріѣхала?

— Я не могу вамъ сказать, какъ меня трогаетъ то, что я вижу васъ здѣсь, въ Фонтэнейлѣ.

— Я проѣзжала мимо съ недѣлю тому назадъ и видѣла васъ издали, но я была не одна, а съ миссъ Броунъ, моею воспитательницею, и не могла бы поговорить съ вами просто, по-дружески. А какой смыслъ въ этихъ банально-любезныхъ фразахъ,—не правда ли?

Онъ, умышленно уклоняясь отъ отвѣта, заговорилъ о Фонтэнейлѣ, указывая ей на красивыя мѣста. Вотъ эта длинная луговина, напримѣръ,—она похожа на долину. Антуанета согласилась. Да, у нихъ въ Вокрёзѣ нѣтъ ничего подобнаго.

— У васъ будетъ... такая же.

— Невозможно. Этого можно достигнуть лишь черезъ много, много лѣтъ. А кстати, сколько лѣтъ вашимъ дубамъ? Вотъ этому? Сто-шестьдесятъ? А тому — двѣсти? У насъ такихъ нѣтъ.

— Полюбите эту землю!

— Но я уже люблю ее, какъ... какъ вообще весь этотъ край.

— Не покидайте его. Не уѣзжайте въ Парижъ.

— Нужно поклясться? Я готова.

— Не смѣйтесь. Не принимайте этого въ шутку. Я говорю серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Я прошу васъ, mademoiselle Антуанета, какъ если бы я былъ вашимъ братомъ, не уѣзжать изъ этого края, гдѣ васъ уважаютъ, гдѣ вы лично пользуетесь симпатіями. Я прошу васъ сдѣлать то, чего наши отцы не сдѣлали для него: жить здѣсь. Лишь этимъ однимъ вы сдѣлаете много добра, вы будете настоящею женщиною благороднаго рода, существомъ, вносящимъ съ собою свѣтъ и любовь.

— Увѣряю васъ, что таковы именно мои желанія и честолюбіе, вполнѣ естественныя у всякой женщины, которая была бы на моемъ мѣстѣ. Но ваши слова такъ странны...

— Чѣмъ странны?

— Вы словно говорите о чемъ-то, чего вы желаете, но не увидите.

— Это правда. Я и не увижу этого.

M-lle Жакменъ съ удивленіемъ нагнулась къ нему.

— Васъ здѣсь не будетъ? Гдѣ же вы будете?

Мишель видѣлъ устремленный на него взглядъ Антуанеты, улыбка которой исчезла. Тревога ея возрастала по мѣрѣ того, какъ молчаніе длилось. Лицо его было обращено въ сторону Фонтэнейля.

Онъ сдѣлалъ усиліе и заговорилъ:

— Обѣщайте мнѣ сохранить тайну!

— Обѣщаю.

— Я обрученъ.

Она въ свою очередь отшатнулась, какъ будто между ними прошла смерть. Затѣмъ она выпрямилась.

Теперь передъ нимъ сидѣла другая Антуанета, уже не ребенокъ, но оскорбленная въ своей любви женщина, такая же сильная, какъ онъ самъ. Нѣтъ, она не заплачетъ. Онъ не увидитъ, какой ударъ нанесъ онъ ей своими словами. Тоже поблѣднѣвшая, она гордо откинула назадъ свою точеную головку, ея вѣки презрительно опустились, а съ кончиковъ побѣлѣвшихъ губъ она уронила слова:

— Поздравляю васъ. Но я не вижу, почему вы пожелали первую меня посвятить въ вашу тайну. Слишкомъ много чести. Она молода?

— Нѣтъ.

— Она, по всей вѣроятности, богата? Мексимьё можетъ жениться лишь на богатой.

— Да. Когда пожелаетъ — она можетъ имѣть милліоны. Стòитъ ей только захотѣть.

— Какъ вы говорите объ этомъ! И она увезетъ васъ далеко, такъ какъ вы покидаете Фонтэнейль?

— Очень далеко.

— Это скоро будетъ?

Мишель закрылъ глаза.

— Не знаю.

— Ваши слова становятся все загадочнѣе. Извините, мнѣ пора, меня ждетъ экипажъ. Изъ всего, чтò я сказала вамъ, запомните одно...

Она нервно разсмѣялась, и смѣхъ ея замеръ въ пространствѣ.

— Я пріѣхала лишь затѣмъ, чтобы повторить вамъ ту фразу, помните? Я говорила вамъ, что вы можете нравиться: видите, я была права...

Она постукивала кончикомъ желтой ботинки по травѣ. Мишель впервые собрался съ мужествомъ, чтобы взглянуть ей

въ лицо. Она отодвинулась. Онъ проговорилъ медленно, стараясь продлить свои муки и свое послѣднее видѣніе любви:

— Не говорите такъ со мною. Современемъ вы пожалѣете о вашей несправедливости. Но—заранѣе умоляю васъ: не обвиняйте себя, когда вы поймете, когда вы все узнаете... Я не хочу причинять вамъ огорченій. На васъ нѣтъ по отношенію ко мнѣ ни малѣйшей вины. И увѣряю васъ, что и на мнѣ также нѣтъ вины по отношенію къ вамъ... Вы были первымъ чарующимъ видѣніемъ въ моей жизни, и все, что̀ вы мнѣ сказали, даже самые ваши упреки—показываютъ мнѣ, мимо какого исключительно одареннаго существа мнѣ суждено было пройти. Желаю вамъ быть безконечно счастливою... Прощайте... Благодарю васъ...

— Прощайте.

Она стояла выпрямившись — надменная и безмолвная—до тѣхъ поръ, покуда онъ не повернулъ на выкошенную полосу. Затѣмъ, видя, что онъ уже далеко и не оборачивается къ ней, она оперлась рукою на стволъ дерева, опустила голову на руку и слѣдила за тѣмъ, какъ удалялся тотъ, кого она такъ радостно ждала.

Когда онъ былъ уже у ограды, она все надѣялась, что онъ обернется, но онъ не обернулся. Антуанета замѣтила, что деревья закачались передъ нею. Она заплакала.

Мишель былъ потрясенъ до глубины души.

Подобно всѣмъ людямъ безукоризненной жизни и очень одинокимъ, онъ имѣлъ обыкновеніе строго обсуждать каждый свой поступокъ. Запершись у себя въ кабинетѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ большими шагами, опустивъ глаза внизъ, и тѣнь его скользила передъ нимъ по паркету—отъ одного окна до другого.

„Моей обязанностью было—остаться одинокимъ. Это исполнено. Мнѣ удалось высказать ей мое завѣтное желаніе. Надо чтобы нашъ край не пострадалъ отъ того, что родъ Мексимьё покинетъ его навсегда. Теперь я надѣюсь на лучшее: *она пойметъ*. Она думала, что гордость ея оскорблена, нѣжность ея—отвергнута. Но какъ она была мужественна! Изъ нея выйдетъ женщина съ душою героини. Сколько достоинства выказала она при этомъ первомъ горѣ, которое причинилъ ей я. Я! Боже, какъ мнѣ тяжело! Но я не долженъ поддаваться слабости. Я обѣщалъ это самому себѣ“.

Чтобы не оставаться одному, онъ позвонилъ слугу, затѣмъ, переодѣвшись, прошелъ въ конюшню—осмотрѣть лошадей. Видя это, рабочіе стали перешептываться. Онъ опять сталъ думать о землѣ.

Послѣ завтрака онъ вышелъ, какъ прежде, изъ дому и направился къ главной аллеѣ. Сила воли или сила страданія поддерживала его, и онъ безъ одышки поднимался подъ палящимъ солнцемъ въ гору по дорогѣ, ведшей въ мѣстечко.

Это былъ часъ, когда подъ жужжанье насѣкомыхъ все на деревнѣ спитъ. Мишель отворилъ дверь на кухню въ домикѣ священника, но на вопросъ его:—Дома г. аббатъ?—никто не отозвался. Въ первомъ этажѣ открылось окно, изъ котораго высунулся кюрэ.

— Кто тамъ? Ахъ, это вы, мосьё Мишель? Филомена, должно быть, отдыхаетъ. Я сойду къ вамъ.

— Нѣтъ, г. кюрэ, я къ вамъ поднимусь. Сегодня я могу подняться по лѣстницѣ.

Вышедшій къ нему аббатъ Рубіо ввелъ его въ комнату, обстановка которой состояла изъ стола, четырехъ стульевъ и портрета старушки. На столѣ лежалъ списокъ и книжка съ отмѣтками.

— Я узналъ о сегодняшнемъ происшествіи,—сказалъ священникъ;—это, должно быть, очень тяжело для васъ?

— Да. Это—вознагражденіе за пятилѣтнюю работу и стараніе сблизиться съ людьми.

— Не считайте вашъ трудъ безплоднымъ, мосьё Мишель. Я увѣренъ, что многіе изъ тѣхъ, которые молчатъ, уже оцѣнили ее втайнѣ. И я увѣренъ также, что вы простили имъ.

— Простилъ. Иначе я не былъ бы христіаниномъ.

Аббатъ поднялся; его землистое лицо озарилось радостью. Онъ протянулъ руку.

— Прекрасное христіанское слово!

— Простая истина, въ которую вѣрю я, въ которую вѣрите вы. Я, какъ и вы, мечталъ о ихъ нравственномъ возрожденіи — силою вѣры. Но у меня не будетъ времени, чтобы возвести это зданіе. Я едва-едва успѣю заложить фундаментъ...

Аббатъ Рубіо придвинулся къ нему. Теперь онъ уже не боялся быть самимъ собою. Его наивная, восторженная семинарская душа, душа богослова изъ крестьянъ, уже испытавшая первыя разочарованія,—изливалась въ его рѣчахъ. Онъ разсказывалъ о своихъ несбывшихся надеждахъ, о своихъ призывахъ, оставшихся безъ отвѣта. Въ исповѣдальнѣ, въ своемъ домѣ, на дорогѣ — онъ всюду ждалъ вѣрующихъ, и стыдился своихъ неудачъ, но его симпатія къ людямъ-братьямъ оставалась неистощимою, какъ вода колодца, идущая изъ глубины. Онъ былъ настоящимъ сыномъ народа, невзрачнымъ по внѣшности, но съ

сильнымъ духомъ, и сознаніе величія его миссіи — преображало все его существо. Мишель призналъ въ немъ незаурядную натуру, одного изъ носящихъ въ себѣ искру Божію.

— Вѣрите ли, — говорилъ аббатъ Рубіо, расхрабрившійся до такой степени, что онъ рѣшился назвать Мишеля „своимъ другомъ", — что я по малодушію своему отказался принести жертву: епископъ дважды просилъ меня пойти по сборамъ здѣсь, въ Фонтэнейлѣ, и я дважды отказывался. Теперь, несмотря на мои мольбы, онъ въ третій разъ приказываетъ мнѣ сдѣлать это. Но какъ я пойду? Кто дастъ здѣсь на церковь—хотя бы одинъ грошъ? Я узна́ю только, какъ велико число людей, отрекшихся отъ церкви. Но епископъ требуетъ, и я обязанъ исполнить это послушаніе. Видите, я заготовляю списки.

Наступило молчаніе.

— Г. аббатъ,—началъ Мишель,—я разскажу вамъ исторію, весьма похожую на вашу. Я тоже страшусь жертвы, которой отъ меня требуютъ...

— Неужели она—тяжелѣе моей?

— Да, тяжелѣе. Но думаю, что съ сегодняшняго дня я уже примирился съ нею. Г. аббатъ, я очень боленъ... Не прерывайте меня. Я знаю, что я обреченъ. Я хотѣлъ искупить грѣхи моихъ отцовъ по отношенію къ народу, я хотѣлъ быть братски-справедливымъ, потому что я люблю его. Но у меня не будетъ времени для этого. Думаете ли вы, что мнѣ зачтется передъ Богомъ то, что я безропотно принимаю мою смерть?

— Несомнѣнно. Покорность волѣ Его—самое трудное изъ всѣхъ послушаній.

— Въ такомъ случаѣ, не будучи въ состояніи послужить народу моимъ примѣромъ и трудами, на его благо, я отдаю для его возрожденія мою жизнь. Вотъ все, что̀ мнѣ остается, г. кюрэ. Прощайте.

Онъ улыбнулся, губы его, назвавшія смерть, не дрогнули, онъ словно стоялъ передъ нею лицомъ къ лицу. Въ эту минуту онъ походилъ на юношу передъ первымъ боемъ, впервые обнажающимъ при звукѣ трубъ свою шпагу за короля. Онъ улыбался грозящей опасности, но свидѣтелемъ его мужества былъ деревенскій священникъ,—и король-народъ, за котораго онъ готовъ умереть, даже не узнаетъ объ этомъ...

Все было сказано. Аббатъ молча проводилъ его до дверей; изъ нихъ двоихъ онъ казался наиболѣе потрясеннымъ.

— Я зайду къ вамъ, мосьё Мишель. Ахъ, если бы въ каждомъ домѣ нашлось хотя по одному вѣрующему человѣку!

Когда Мишель проходилъ по улицѣ, нѣсколько женщинъ выглянуло изъ окошекъ. Онѣ рѣшили, что онъ заходилъ къ аббату посидѣть, потолковать... У богачей времени дѣвать некуда.

Пахло сѣномъ; по временамъ казалось, что въ лицо пышетъ жаромъ, какъ изъ горна. Пыль поднималась столбомъ. Бѣлое грозовое облако, отливавшее по краямъ мѣдью, плыло надъ лѣсомъ. Мишель изнемогалъ отъ усталости, но впервые за много лѣтъ онъ ощущалъ въ душѣ вѣянье мира.

IX.

Въ Фонтэнейлѣ только и было разговоровъ, что о продажѣ съ молотка всего инвентаря фермы Люрё, о чемъ оповѣщала красная, наклеенная на стѣнѣ мэріи афиша.

Со времени ея появленія Жильберъ пересталъ показываться въ мѣстечкѣ. Онъ косилъ на отдаленной фермѣ и возвращался домой по субботамъ, избѣгая встрѣчи съ прежними пріятелями. Продажа была назначена на 23-е іюля въ воскресенье. Уже недѣль шесть стояла засуха. Листва безсильно повисла, колосья роняли зерно и люди изнемогали отъ зноя во время жатвы.

Аббатъ Рубіо, только-что вернувшійся—онъ ѣздилъ навѣщать заболѣвшую мать,—шагалъ по дорогѣ; онъ отправлялся по сборамъ. Проходя мимо зàмка, онъ увидѣлъ Мишеля де-Мексимьё, облокотившагося на бѣлыя перила веранды. Молодой человѣкъ казался спокойнымъ и лишь легкій трепетъ пальцевъ и блѣдность—выдавали его нездоровье. Онъ только-что оправился отъ припадка. Онъ пожелалъ аббату успѣха въ добромъ дѣлѣ. Крестьяне знаютъ, что государство ничего не даетъ на содержаніе церкви. Можетъ быть, они отзовутся на ея нужды.

— Зайдите ко мнѣ вечеромъ — разсказать о результатахъ. Мнѣ почему-то думается, что дѣло ваше не такъ безнадежно.

Они пожали другъ другу руки, и аббатъ пошелъ далѣе. Онъ началъ свой обходъ съ Жильбера Клокэ.

Но къ восьми часамъ вечера онъ не вернулся въ зàмокъ. Не пришелъ онъ и въ пятницу, и лишь въ субботу вечеромъ въ аллеѣ вязовъ показался аббатъ Рубіо — самъ на себя непохожій. Казалось, онъ еще болѣе исхудалъ; его ряса побѣлѣла отъ пыли; онъ шелъ, прихрамывая и опираясь на палку, но лицо его свѣтилось радостью. Онъ подходилъ къ террасѣ въ лѣтнихъ сумеркахъ, свѣтлыхъ какъ день, но болѣе мягкихъ.

— Ну, какъ же идетъ вашъ сборъ?—спросилъ Мишель, идя къ нему навстрѣчу.

— Я больше не въ силахъ!—воскликнулъ аббатъ:—но за то во мнѣ воскресла надежда. Вы были правы, мосьё Мишель. Знаете ли, въ скольких домахъ я получилъ отказъ? Всего въ шести. Всѣ остальные дали...

— Это, дѣйствительно, чудо.

— Совершилось и другое чудо: они ближе узнали меня. Мы уже не такъ боимся другъ друга. Если бы вы ихъ слышали, мосьё Мишель! Какъ различно проявили они себя! Какая наивность и какая бѣдность порою! Но сердце человѣческое неисповѣдимо...

Онъ былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ пережитаго—взволнованный, огорченный, обрадованный въ одно и то же время. Аббатъ передалъ Мишелю отвѣты прихожанъ. Жильберъ заявилъ, что хотя онъ мало имѣетъ отношенія къ религіи, но все же хочетъ быть погребеннымъ по-христіански. Порывшись въ старомъ портмонэ, онъ далъ два франка, извиняясь за скромность даянія, но у него горе: имущество дочери пойдетъ на дняхъ съ молотка. У Раву, предсѣдателя синдиката, аббатъ получилъ отпоръ; онъ ушелъ, благословивъ дѣтей, но хозяинъ догналъ его на порогѣ и проговорилъ, словно извиняясь: „Я изъ принципа ничего не даю черноризцамъ, но если у васъ не будетъ хлѣба, я всегда готовъ помочь вамъ и вашей братіи". Тетка Жюстамонъ хотѣла дать деньги тайкомъ отъ мужа, но аббатъ отказался, и тогда она, послѣ нѣкоторой борьбы съ собой, втиснула ему въ руку десять су. У нея было шесть человѣкъ дѣтей. Много интересныхъ эпизодовъ разсказалъ аббатъ, и конечнымъ его выводомъ было: дѣло его не погибло. Да здравствуетъ Фонтэнейль!

— Да здравствуетъ Фонтэнейль!—повторилъ Мишель.

Кюрэ еще не обѣдалъ и второй день не былъ въ церкви, а потому поспѣшилъ проститься. Дорогою онъ встрѣтилъ стараго бродягу Грача, шедшаго искать ночлега.

— Ночуй у меня, Грачъ.

Браконьеръ, несшій подъ плащомъ туго набитый дичью мѣшокъ, расхохотался.

— Вотъ была бы штука! Грачъ — спящій на постели въ священническомъ домѣ! Сюрпризъ для Филомены! Нѣтъ, благодарю васъ, г. кюрэ. У меня есть еще порученіе.

Онъ свернулъ въ сторону, и тѣнь его слилась съ изгородями и кустами.

Грачъ дошелъ незамѣченнымъ до домика Жильбера Клокэ; поселокъ спалъ, слышалась лишь откуда-то пѣсенка матери, убаюкивающей ребенка. Жильберъ сидѣлъ у себя въ саду на пнѣ дерева и думалъ или дремалъ, закрывъ лицо руками.

Грачъ тихо свистнулъ; Жильберъ вскочилъ.

— Не пугайся, старина, я къ тебѣ въ гости.

— Лучше въ другой разъ, Грачъ. У меня горе.

— Я и зашелъ поговорить съ тобой о твоемъ горѣ.

Жильберъ снова опустился на мѣсто. Грачъ стоялъ, прислонившись къ стволу.

— Завтра у Люрё распродажа...

— Не говори мнѣ о нихъ, и если у тебя есть ко мнѣ отъ дочери порученіе, не передавай его. Родная дочь, товарищи, работа, жена—все это было, и ничего этого уже нѣтъ у меня...

— Да, жизнь — какъ море: чѣмъ дальше, тѣмъ солонѣе... Не могу тебѣ помочь, Клокэ, но я знаю, что ты — человѣкъ справедливый...

— Чтò же изъ этого?

— Вотъ чтò. Не позволяй тѣмъ, кто отъ тебя зависитъ— присвоивать чужое добро.

Жильберъ вскочилъ и схватилъ Грача за руку.

— Не говори такъ. Я теряю всѣ мои деньги, скопленныя подъ старость, я лишаюсь отдыха и послѣдняго гроша. Чтò еще могу я отдать?

— Пусти мою руку и выслушай. Судебный приставъ, описывавшій имущество Люрё, не все внесъ въ опись.

— Какъ такъ?

— Онъ не могъ описать того, чтò было спрятано въ лѣсу.

— Спрятано?

— Ну, конечно! Кромѣ тебя, весь Фонтэнейль это знаетъ.

— Воры! Дѣти мои—воры? Ты шутишь, Грачъ? Я выбью изъ тебя охоту шутить.

— Я такъ мало шучу, что стоитъ тебѣ сходить на ферму для того, чтобы убѣдиться, что тамъ въ хлѣву тремя коровами стало меньше, въ овчарнѣ недостаетъ трехъ овецъ, а на конюшнѣ—вороной кобылы, самой лучшей.

— Гдѣ же скотъ?

— Онъ въ безопасномъ мѣстѣ—до окончанія аукціона. Затѣмъ его продадутъ друзьямъ - пріятелямъ, а заимодавцы ничего не получатъ, и у твоего зятя еще останется кое-что на выпивку, Жильберъ.

Рабочій снова потрясъ руку бродяги.

— Не обманывай меня, Грачъ, или я сведу съ тобою счеты. Дочь моя—воровка! Скажи мнѣ имена укрывателей!

Бродяга пошепталъ ему что-то на ухо, затѣмъ накинулъ свой плащъ.

— Прощай; помни, что я оказалъ тебѣ услугу, такъ какъ ты—честный человѣкъ.

Жильберъ вошелъ въ домъ; онъ осмотрѣлся, надѣлъ шапку, взялъ палку и кинулся чуть не бѣгомъ, перепрыгивая через изгороди и канавы, къ фермѣ Люрё. Теплая мгла окутывала сады, огороды, лѣсъ... Вскорѣ въ туманѣ, посеребренномъ еще невидимою луною, показался домъ, въ которомъ произойдетъ завтра распродажа. Жильберъ прислушался. Мужъ и жена, должно быть, спали.

Жильберъ осторожно вошелъ во дворъ, отворилъ двери конюшни, хлѣва, овчарни, свинарника... И убѣдившись въ томъ, что ему сказали правду, онъ крикнулъ не своимъ голосомъ, обернувшись къ дому:

— Воры! Воры!

Затѣмъ онъ кинулся опрометью по дорогѣ.

X.

Послѣ описи имущества Люрё побывалъ у нотаріуса, и тотъ, во избѣжаніе скандала, посовѣтовалъ ему, по соглашенію съ хозяиномъ фермы, добровольно назначить свое имущество къ продажѣ. Многіе такъ дѣлаютъ, чтобы очиститься отъ долговъ. Нужно только дать довѣренность хозяину и сообща назначить день.

Такъ и сдѣлали.

Въ воскресенье 22-го іюля, къ 1 часу дня, нотаріусъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, но подвижной и цвѣтущій, пріѣхалъ на ферму въ своемъ кабріолетѣ. Его сопровождалъ письмоводитель съ портфелемъ. Оцѣнщикъ, старикъ въ черномъ, съ громкимъ гнусавымъ голосомъ, явился ранѣе. Во дворѣ уже были разставлены мебель, утварь, хозяйственныя принадлежности. Въ углу двора была привязана старая бѣлая кобыла, лѣниво отмахивавшаяся хвостомъ отъ мухъ. По срединѣ былъ поставленъ столъ для оцѣнщика, столъ, красовавшійся прежде въ главной комнатѣ фермы и заваленный теперь мелкими вещами.

Публика понемногу собиралась, женщины уже разсаживались у колодца и на бревнахъ. Люрё не показывались.

Когда часы пробили половину второго, мэръ бросилъ папи-

росу, которую курилъ, подошелъ къ клерку и, взявъ у него бумагу, громкимъ голосомъ прочелъ актъ. Затѣмъ онъ уступилъ мѣсто оцѣнщику.

Первыми были проданы стѣнные часы, подаренные Жильберомъ дочери къ свадьбѣ, которые онъ бережно везъ, держа на рукахъ, какъ икону, въ то время какъ будущій зять погонялъ лошадь. За ними послѣдовали другіе мелкіе предметы, но, несмотря на искусство оцѣнщика, продажа шла вяло до трехъ часовъ, покуда не приступили къ оцѣнкѣ скота.

Первою вывели старую кобылу. Послышались смѣхъ, шуточки.

— Многовато ей лѣтъ...

— Потому-то она и побѣлѣла.

— А мнѣ сдается, что она была другой масти, когда Люрё запрягали ее.

— Сто-пятьдесятъ франковъ!—крикнулъ оцѣнщикъ.

Онъ оперся руками о столъ и вглядывался въ лица, какъ вдругъ со стороны дороги раздался насмѣшливый голосъ:

— А ну-ка, покажись, Люрё! Теперь самая для этого пора.

— Это голосъ Грача,—сказалъ нотаріусъ. Всѣ обернулись.

— Погляди, Люрё, — продолжалъ Грачъ, — не твоя ли это вороная кобыла возвращается домой? Смотри!

Дѣйствительно, на поворотѣ дороги показалась красивая вороная лошадь. Она рысцой бѣжала къ знакомой конюшнѣ.

— Люрё! А вотъ и коровы.

Дѣйствительно за лошадью слѣдовали три бѣлыхъ коровы, щипавшихъ по дорогѣ траву.

— Вотъ твои овцы! Вся скотина возвращается домой. А кто же ее гонитъ? Кто за пастуха?

Среди собравшихся поднялись невообразимый гулъ и крикъ, среди которыхъ выдѣлялись голоса женщинъ:

— Клокэ! Жильберъ Клокэ! Вотъ кто пастухъ!

Шумъ возрасталъ. Люди тѣснились у воротъ; они раздались на двѣ стороны, образовавъ живой проходъ, среди котораго двигались животныя—съ вороною лошадью во главѣ. За ними шелъ блѣдный, усталый Жильберъ; онъ глядѣлъ на окна фермы и никому не отвѣчалъ.

Люрё появился на порогѣ, одѣтый въ свое лучшее платье; позади него—вся блѣдная, дрожащая, шла жена, стараясь удержать его. Но онъ не слушалъ ее. Онъ держался нагло, самоувѣренно, въ заломленной на-бекрень шляпѣ.

— Помогите мнѣ, товарищи, выгнать скотину со двора! Она не предназначается къ продажѣ.—Но никто не тронулся съ

мѣста, такъ какъ тутъ были затронуты интересы одного только лица. Онъ самъ кинулся впередъ, чтобы выгнать лошадь, но испуганныя шумомъ животныя заметались по двору; женщины съ криками отскакивали въ сторону. Посреди людского моря лишь одинъ человѣкъ оставался неподвижнымъ: это былъ Клокэ, опиравшійся на свой посохъ.

Люрё, забывъ о лошади, бросился къ нему и поднесъ къ его лицу кулакъ.

— Каналья! Предалъ собственную дочь!

— Прочь руки!—крикнулъ Жильберъ, рука котораго взмахнула какъ сабля.

— Не деритесь такъ больно!

— Не говори такъ скверно! Я никого не предалъ. Я привелъ скотину, такъ какъ она должна быть продана вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ за долгъ. Я всю ночь бѣгалъ за нею.

Онъ оглянулся—вокругъ него виднѣлись любопытныя, взволнованныя, насмѣшливыя лица, но всѣ молчали. Его спокойствіе подавляло ихъ. Люрё понялъ, что никто его не поддержитъ, и кулаки его опустились.

— Есть ли среди васъ хотя одинъ, кто могъ бы сказать, что я поступилъ несправедливо? Если есть, пусть онъ выступитъ и скажетъ.

Люрё пожалъ плечами. Кажется, дѣло касается его одного.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы дочь мою называли воровкой!

— Она-то и посовѣтовала мнѣ припрятать скотъ. Мѣшаетъ вамъ, что-ли, если у насъ хоть что-нибудь останется?

— Да, мѣшаетъ, Люрё. Это—не по закону.

— Тѣмъ хуже для закона. Г. нотаріусъ?

Нотаріусъ уже пробирался среди толпы.

— Что̀ случилось, Люрё? Эти животныя—ваши?

— Мои ли, не мои ли, я не позволю ихъ продавать!

— Вы не первый сыграли со мною такую штуку, Люрё. Вы припрятали ихъ по чужимъ фермамъ.

— Извините, г. нотаріусъ. Ихъ нѣтъ въ описи.

Завязался споръ, но нотаріусъ предъявилъ Люрё бумагу, въ которой тотъ уполномочивалъ его назначить въ продажу *весь* скотъ. Его ли это подпись? Да? Въ такомъ случаѣ аукціонъ продолжается!

Онъ искалъ взглядомъ Жильбера Клокэ, но тотъ исчезъ. Онъ стоялъ у задняго крыльца, гдѣ Мари плакала, прислонившись головою къ двери и закрывъ лицо рукою. Душа его вновь раскрылась для прощенія, для нѣжности. Онъ говорилъ:

— Мари, Мари, я все тебѣ отдалъ, а ты обкрадываешь людей! Мари, у меня нѣтъ больше ни гроша за душою, а ты берешь у меня половину моей чести! Мари, я говорю тебѣ все это, и ты—не отвѣчаешь!

Она продолжала рыдать. Къ ней подошелъ мужъ и увелъ ее въ домъ.

Жильберъ бормоталъ:

— Мари... Бѣдная Мари! Ея душѣ тоже нечѣмъ жить. А вѣдь я воспиталъ ее, какъ могъ...

Онъ почти бѣжалъ по дорогѣ, а вслѣдъ ему несся голосъ оцѣнщика:

— Продается чудная бѣлая тёлка...

Два дня спустя, Жильберъ, возвращаясь съ работы, встрѣтилъ Мишеля де-Мексимьё, но не убѣжалъ отъ него, какъ отъ другихъ. Тотъ дружески поздоровался съ нимъ и положилъ ему руку на плечо.

— Ты хорошо поступилъ въ воскресенье, Жильберъ.

— Это было тяжело для меня, мосьё Мишель.

Они шли рядомъ въ догорающемъ свѣтѣ дня. Мишель не снималъ руки съ плеча рабочаго.

— Знаешь ли, что̀ я часто говорю себѣ, Жильберъ, думая о тебѣ и о другихъ лучшихъ здѣшнихъ людяхъ, похожихъ на тебя?

— Не знаю. Я даже не зналъ, что вы думаете обо мнѣ.

— Мнѣ кажется, что по уму ты выше того положенія, въ которомъ находишься. У тебя есть нѣчто, стоящее выше личныхъ твоихъ интересовъ. У тебя и у многихъ другихъ украли правду, но ты полюбилъ бы ее, если бы узналъ.

— Какую правду, мосьё Мишель?

— Ту, которая дѣлаетъ тебя мнѣ равнымъ и—даже—болѣе благороднымъ, чѣмъ я.

Они замолчали, потому что одинъ не привыкъ говорить о такихъ предметахъ, а другой не находилъ словъ для отвѣта. Но Жильберъ понялъ, что нашелъ душу брата въ человѣкѣ, повидимому, столь далекомъ отъ него во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ небесахъ, надъ самою верхушкою тополя, блеснула звѣзда. Они медленно шли въ мягкомъ сумракѣ.

— Вы всегда были добры ко мнѣ, мосьё Мишель. Я хочу васъ попросить...

— О чемъ, мой другъ?

— Мнѣ хотѣлось бы уѣхать. Послѣ всего, что̀ случилось—

я не могу здѣсь оставаться. Вы одинъ жалѣете меня. Я хотѣлъ бы уѣхать.

— Что же ты станешь дѣлать въ чужомъ краю?

— То же, что здѣсь.

— А куда ты хотѣлъ бы отправиться?

— Я поведу въ сентябрѣ вашихъ воловъ на ярмарку и останусь тамъ съ ними.

Подумавъ съ минуту, Мишель отвѣтилъ:

— Это можно будетъ устроить. Если я рѣшу продать шестерку рабочихъ воловъ, я предупрежу тебя. До свиданія.

Въ теченіе августа они видѣлись нѣсколько разъ, и, не ограничиваясь, какъ прежде, одними привѣтствіями, они подолгу разговаривали. Жильберъ всегда дивился этому, и послѣ каждаго разговора съ Мишелемъ де-Мексимьё, онъ припоминалъ каждое слово, подобно человѣку, вернувшемуся изъ путешествія.

Однажды, въ серединѣ мѣсяца, стоя на поляхъ у стоговъ соломы, Мишель сказалъ ему:

— Теперь вошло въ моду возвышать рабочаго и унижать „аристократа". Суть въ томъ, Клокэ, что тѣ и другіе очень выродились. Мы страдаемъ одною болѣзнью: лѣностью и гордостью. Въ этомъ—источникъ всякой ненависти. А между тѣмъ, и тотъ, и другой принадлежатъ землѣ съ давнишнихъ поръ и между ними скорѣе могло бы установиться соглашеніе. Ты и я, мы оба—люди земли, и въ этомъ одна изъ причинъ нашей дружбы.

Однажды Клокэ настолько расхрабрился, что рѣшился спросить Мишеля, въ чемъ заключается причина его нелюбви къ синдикатамъ? Тутъ они никогда не сойдутся.

Мишель разсмѣялся. Въ этотъ день онъ чувствовалъ себя лучше; его темные глаза искрились, губы раскрывались, жадно впивая воздухъ.

— Ты ошибаешься, Клокэ. Я возмущаюсь низменностью, мелочностью поставленныхъ вамъ цѣлей. Вамъ подрѣзали крылья, какъ курицамъ. Вмѣсто справедливости—алчные аппетиты, вмѣсто любви — слѣпая вражда. Но, можетъ быть, современемъ у васъ откроются глаза, и тогда—живой или мертвый—я буду съ вами. Многое еще хотѣлъ бы я сказать тебѣ, мой старый Клокэ; я жалѣю, что мнѣ скоро уже не придется говорить съ тобою.

— Я тоже, мосьё Мишель.

Клокэ проводилъ его глазами, полными сожалѣнія. У него есть другъ, но, все равно, онъ долженъ будетъ скоро покинуть его.

Онъ не удивился, когда наканунѣ ярмарки въ Корбиньи къ нему вошелъ Ренаръ.

— Клокэ, г. графъ послалъ меня сказать вамъ, что если вы хотите вести на ярмарку шестерку большихъ воловъ, то вамъ необходимо отправиться сегодня въ ночь.

Жильберъ провелъ рукою по бородѣ, подумалъ и отвѣтилъ:

— Я готовъ.

— Еще графъ приказалъ вамъ передать, что въ Корбиньи будетъ много пикардійцевъ. Вѣрнѣе всего, что они купятъ вашихъ воловъ для обработки свекловицы.

— И тогда я долженъ буду отвести ихъ туда?

— Васъ не принуждаютъ...

— Если бы меня принуждали, я бы не пошелъ. Но скажите мнѣ, Ренаръ,—тутъ нѣтъ обиды—почему мосьё Мишель не захотѣлъ самъ поговорить со мною? Вѣдь мы—друзья.

— Онъ боленъ, не встаетъ съ постели. Ну, до свиданія, Жильберъ. Желаю вамъ удачи у пикардійцевъ.

Лицо Жильбера омрачилось. Онъ вошелъ въ домъ, переодѣлся, завязалъ вещи въ узелокъ и прилегъ немного. Еще задолго до разсвѣта онъ постучался въ окно къ теткѣ Жюстамонъ. Поёживаясь отъ холода, она пріотворила окно.

— Тетушка Жюстамонъ, вотъ мой ключъ. Сохраните его до моего возвращенія.

— А вы скоро вернетесь?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Сердце у меня болитъ.

— Желаю вамъ оправиться, бѣдняга Клокэ. Но это бываетъ не легко, когда горе идетъ отъ дѣтей. Не безпокойтесь, я стану открывать окна въ хорошую погоду, пригляжу за пчелами и выкопаю вашъ картофель...

— Я попрошу васъ еще объ одномъ. Я пришлю вамъ мой адресъ. Дайте мнѣ вѣсточку, въ особенности—о мосьё Мишелѣ.

Добрая женщина высунула изъ окна свое широкое лицо, на которомъ Жильберъ въ утреннихъ сумеркахъ прочелъ состраданіе.

— Я не изъ ученыхъ, но мой Этьенъ и дочка—хорошо обучены грамотѣ. Если будутъ новости, дадимъ вамъ знать. Жаль мнѣ, что вы уходите, Жильберъ. Столько лѣтъ были сосѣдями, что словно породнились, право!.. Прощайте.

— Прощайте.

Полчаса спустя, шестерка лучшихъ быковъ, бѣлыхъ, тонкорогихъ, запряженныхъ попарно, мѣрнымъ шагомъ двигалась по дорогѣ въ Корбиньи. Во главѣ первой пары шелъ погонщикомъ Жильберъ Клокэ.

Съ франц. О. Ч.

ПИСЬМА

КЪ

ГРАФИНѢ С. А. ТОЛСТОЙ

Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ѳ. Достоевскаго, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонскаго, Лѣскова, Грегоровіуса, кн. Церетелева и друг. *)

VII.—Н. С. Лѣсковъ.

1.

14-го марта 1879 г. Литейная, д. кн. Мурузи, кв. 44. — Усердно прошу васъ, графиня, извинить мнѣ, что я не могу сегодня воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Я третій день боленъ и не оставляю комнаты.

О Н. я слышалъ, что литературный фондъ (черезъ профессора Манассеина) надѣется помѣстить больного въ клинику Вилье, и это все, что можетъ сдѣлать для него фондъ. Болѣзнь моя мѣшаетъ мнѣ узнать: какъ это будетъ долговременно и прочно. Во всемъ остальномъ, кажется, разсчитывать не на кого, и ваше участіе является едва-ли не единственнымъ средствомъ къ облегченію его суровой доли.

Долги Н. приведены въ ясность. Ихъ не много, но ихъ надо выплатить, тѣмъ болѣе, что вещи, имъ заложенныя, гораздо

---

*) См. выше: январь, стр. 206.

цѣннѣе ссуды. Затѣмъ, какъ я имѣлъ честь говорить вамъ, — все, что можно сберечь, надо положить на текущій счетъ съ ограниченіемъ права брать все вдругъ. Это необходимо въ виду „болѣзни воли", которою страдаетъ Н., извѣстный съ этой стороны и литературному фонду.

Во всякомъ случаѣ, если я окажусь на что-нибудь годнымъ для услугъ вашихъ на пользу этого человѣка, я буду очень радъ, когда вамъ угодно будетъ поручить мнѣ какое вамъ угодно дѣло. Но сегодня прошу васъ извинить меня и простить...

2.

21 марта 1879 г. СПб., Литейная, № 26, кв. 44. — Графиня! Тонъ вашего письма, которое я имѣлъ честь получить сегодня, чрезвычайно меня смущаетъ. Вамъ ли спрашивать меня, чтобы я назначалъ время для переговоровъ о больномъ Н.? Я первый виновникъ этихъ хлопотъ, которыя могли увѣнчаться какимъ-нибудь результатомъ только благодаря вашему участію. Слѣдовательно,—вамъ ли вызывать меня такъ церемонно, когда, по самому роду дѣла, вы имѣете право меня всегда потребовать. Но право это еще сильнѣе, если вы изволите вспомнить о моемъ уваженіи къ талантамъ и непосредственной независимости высокаго характера вашего покойнаго супруга. И, наконецъ, мнѣ самому приноситъ большое счастье видѣть русскую образованную женщину, съ именемъ которой у каждаго, кто васъ знаетъ, соединено воспоминаніе о мягкой снисходительности къ людямъ, требующимъ всего человѣческаго снисхожденія. И вотъ вы опять та же, опять въ хлопотахъ за человѣка, о которомъ забыли всѣ, но, къ сожалѣнію, не настолько полно, чтобы не помнить какихъ-то его несовершенствъ,—мнѣ, впрочемъ, совершенно неизвѣстныхъ. На другой день послѣ вашего вечера [1]) я былъ очень смущенъ тѣмъ, что мнѣ было передано,—будто всѣ читавшіе были недовольны, узнавъ, для кого идетъ сборъ. Но значитъ, если и дѣйствительно *всѣ* такъ настроились, то была одна душа, настроеніе которой было иное,—и эта душа была ваша. Слава Тому, Кто создаетъ и хранитъ въ своей рукѣ всякое душевное изящество. Я невыразимо счастливъ, видя, что васъ не смутило ничто, и

---

[1]) Графиня С. А. Толстая устроила у себя литературный вечеръ (платный) въ пользу больного Н. На вечерѣ читали Ив. С. Тургеневъ, Ѳ. М. Достоевскій, Я. П. Полонскій, Б. М. Маркевичъ и др. Сборъ составилъ около 1.000 р.

вы видите въ больномъ Н. только несчастнаго человѣка, который нуждается въ помощи, но для котораго уже ненужна и безполезна всякая критика его прошлаго.

Я буду у васъ, *когда вы прикажете*, и буду считать большимъ для себя удовольствіемъ въ точности исполнить всякое ваше порученіе...

P.-S. Не осудите меня за желаніе послать вамъ мою новую книжечку. Она изъ того же духовнаго быта, лица котораго доставляли нѣкоторое удовольствіе покойному графу. Это простые, безъискусственные наброски, передающіе однако черты людей настоящей русской породы,—злыхъ, когда ими движетъ „направленіе", и добрыхъ, когда они водятся сердцемъ, а не критикою.

VIII.—Ферд. Грегоровіусъ [1]).

Римъ. 1866—1867 г.—Глубокоуважаемая графиня, миссъ Фрезеръ [2]) передала вамъ вчера мое мнѣніе о русскихъ, которое легко могло бы поставить меня передъ вами въ ложномъ освѣщеніи, если бы я не высказался по этому поводу.

Миссъ Фрезеръ, которая, какъ вы сами слышали, предпочитаетъ Россію собственному отечеству,—чего я по присущей каждому любви къ родинѣ понять не могу,—вчера во время прогулки въ Г. разсказывала съ весьма понятной горячностью о прекрасной жизни въ вашихъ имѣніяхъ. На это я сказалъ ей: я понимаю, что слѣдуетъ любить такихъ превосходныхъ людей, какъ Толстые, и что можно желать жить у нихъ; но я не понимаю, какъ можно, не будучи русскимъ, такъ высоко цѣнить самую жизнь въ Россіи, когда народъ тамъ все еще находится въ состояніи варварства, безъ знаній и культуры. Я не могъ бы вообразить себя въ этомъ положеніи и думаю, что Россіи потребуются вѣка, чтобы вполнѣ достигнуть западной цивилизаціи.

Если миссъ Фрезеръ, которая не всегда ясно понимаетъ нѣмецкій языкъ, меня хорошо поняла, то она будетъ и достаточно правдивой, чтобы подтвердить вѣрность моего указанія.

Я всегда восхищался заслугами вашего отечества въ дѣлѣ распространенія цивилизаціи на обширныя области, вплоть до глубины Азіи; я это всегда считалъ величайшей славой Россіи и всегда утверждалъ, что эта великая держава имѣетъ передъ

---

[1]) Письмо писано по-нѣмецки.

[2]) Гувернантка въ семействѣ графа А. К. Толстого.

собою неизмѣримую будущность, и что ей предстоитъ осуществить высокую культурную миссію. Я всегда признавалъ рѣдкую даровитость вашего народа и часто говорилъ еще съ Куно-Фишеромъ о той живой потребности въ образованіи, о томъ глубокомъ стремленіи къ знанію и о самыхъ познаніяхъ, которыя мы наблюдали среди русскихъ. Но — насколько позволяютъ судить мои наблюденія—мнѣ казалось яснымъ, что въ условіяхъ жизни вашего отечества кроется непримиримое противорѣчіе, ибо въ то время, какъ ваши высшія сословія овладѣли тончайшей цивилизаціей и всѣми благами западной образованности—многомилліонный народъ вашъ остается безъ культуры и оказывается отдѣленнымъ отъ дворянства какъ бы вѣками. Это и не могло быть иначе при сохраненіи унизительной крѣпостной зависимости. Когда ее, наконецъ, упразднили въ Россіи, весь міръ привѣтствовалъ съ радостью этотъ актъ гуманности, какъ важнѣйшее событіе нашего вѣка. Россія въ силу этого акта вступила равноправнымъ членомъ въ рядъ культурныхъ государствъ, и русскій народъ навсегда освобожденъ отъ варварства.

Повѣрьте, глубокоуважаемая графиня, что мое неудачное выраженіе заставило меня провести безсонную ночь въ мысляхъ о васъ и о вашемъ супругѣ, которыхъ я почитаю образцами чистой человѣчности и рѣдкаго развитія, — такъ какъ я опасался, что отрывочно переданное вамъ мисеъ Фрезеръ выраженіе заставитъ васъ видѣть меня инымъ, чѣмъ каковъ я на самомъ дѣлѣ. Если бы не разсказы только-что вернувшагося изъ Польши прусскаго капитана о положеніи мѣстныхъ дѣлъ и о принятыхъ тамъ мѣрахъ, которыя вы же сами, вслѣдствіе словъ принца С., осудили по чувству справедливости, то я бы, вѣроятно, и не сказалъ этого.

Я долженъ былъ все это написать вамъ и просить васъ, чтобы вы не сердились на меня. Если ваша душа и будетъ чужда гнѣва, то ваша любовь къ отечеству могла бы быть оскорблена, такъ какъ вы сами отъ отечества не отрекаетесь. Отдѣльное слово, взятое внѣ связи съ настроеніемъ, убѣжденіемъ и цѣлой цѣпью различныхъ представленій,—какъ бы ничтожно и невинно оно ни было въ этой связи,—уже не разъ разстраивало хорошія отношенія между людьми, и я былъ бы глубоко огорченъ, если бы вы были оскорблены мною, человѣкомъ, который на всю жизнь пребудетъ къ вамъ съ благодарнымъ почтеніемъ.

IX. — Князь А. Н. Церетелевъ [1]).

1.

Буюкдере. 1 августа 1874 г. — ...Я написалъ вамъ длинное письмо о томъ, что̀ вамъ дороже всего. О себѣ предпочитаю не писать...

Представьте, я прочелъ *Emmerson'а* съ *большимъ* наслажденіемъ. Винюсь, что говорилъ про него вздоръ въ Карлсбадѣ, и понимаю, какъ вамъ трудно было сказать, въ *какомъ* родѣ онъ пишетъ. Изъ вашихъ писемъ къ С. я слышу, что здоровье графа лучше. Напишите на досугѣ два слова о немъ, а то съ отъѣздомъ С. я не буду знать, что̀ у васъ дѣлается...

2.

29 октября 1875 г. Пароходъ „Константинъ". — ...Я стою около васъ, и цѣлую вашу руку, и чувствую на себѣ вашъ добрый, грустный взглядъ...

Въ Курскѣ, на вокзалѣ, я встрѣтилъ К. Онъ нарочно для меня остался день, всячески старался занять и развлечь меня, разгоняя то, что̀ онъ называлъ *хандрою*. Онъ поѣхалъ провожать меня въ Кіевъ, и я едва убѣдилъ его, что онъ можетъ безнаказанно оставлять меня одного — онъ все боялся, что я выскочу въ окно. Въ Кіевѣ я очутился въ кругу старыхъ друзей, пріѣхавшихъ нарочно, чтобы провести два дня со мной — Г. и Щ. старшаго. Мы провели все время вчетверомъ, сидя больше въ моей комнатѣ и толкуя о старомъ и прошломъ московской жизни...

У всѣхъ своя жизнь, свой кругъ, свои заботы. Всѣ они къ чему-то прикрѣплены, съ чѣмъ-то связаны. Они любятъ меня, правда, но почти не знаютъ меня. Васъ не удивитъ, что К. былъ мнѣ ближе всѣхъ въ эти часы. Онъ самъ понимаетъ то спокойно-безотрадное воззрѣніе на жизнь, отъ которой уже больше ждать нечего, когда желаній почти нѣтъ, потому что надеждъ нѣтъ, а все кругомъ для насъ одинаково. Но онъ ищетъ еще, сознательно ищетъ опьянѣнія въ обширной дѣятельности, въ

---

[1]) Алексѣй Николаевичъ, племянникъ графини С. А., дипломатъ.

борьбѣ, въ наслажденіи. Для меня это—ein überwundener Standpunkt. „Я боюсь", говоритъ онъ, „дать себѣ спокойно обдумывать смыслъ или безсмыслицу моей дѣятельности, а то я не сяду, какъ ты, у камина—пожалуй, повѣшусь—вотъ я все и хлопочу, и работаю". Онъ едва не проводилъ меня до Одессы. А что—для поверхностнаго взгляда—между нами общаго: онъ ничего, кромѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей", не читаетъ.

Въ понедѣльникъ вечеромъ я пріѣхалъ въ Одессу—въ Одессу, гдѣ меня всегда ждалъ радостный, спокойно-веселый пріемъ брата. Я на другое утро лишь поѣхалъ къ нему—сѣрое, туманное утро, и грязь кругомъ, и грязь на дорожкахъ кладбища, и грязный разсыльный съ №, расторопно отыскивающій и указывающій свѣжую могилу моего брата, — и толпа грязныхъ зѣвакъ кругомъ, остановившихся около меня,—все это было мрачно и тягостно до крайности. Я поскорѣе уѣхалъ. Зимою тѣло брата перевезутъ въ полтавское имѣніе, гдѣ похоронена его мать.

У Демидовой [1]) я отдохнулъ немного. Участіе, съ которымъ она говорила о моемъ братѣ, горячая привязанность къ вамъ всѣмъ—оживили меня,—я радъ былъ хоть поговорить о васъ. Она vaguement говорила о поѣздкѣ въ Петербургъ, — можетъ быть, вы и увидите ее.

Оставилъ я Одессу въ туманѣ, холодѣ. Было тихо. Мы медленно выходили изъ пристани, и одинъ за другимъ стали стушевываться, покрываться сѣро-желтымъ туманомъ дома, постройки, суда, мачты—точно занавѣсъ опускался—впереди его вырѣзался на минуту тяжелый баркасъ—едва замѣтно сѣрѣли въ тонъ паруса — и то покрылъ туманъ — все пусто, тихо, мы одни въ морѣ—я простился съ Россіей.

Теперь погода тиха, синѣетъ небо, солнце свѣтитъ южное. Я пишу одинъ въ дамской каютѣ — пассажировъ почти нѣтъ. Только въ большой каютѣ бѣлокурый австріецъ играетъ уже часъ разные то грустные, то бойко увлекающіе вальсы, а вдали, на палубѣ, слышится однообразный напѣвъ какого-то псалма старчески-дребезжащимъ голосомъ—это паломники.

И когда подумаешь, что завтра придется окунаться въ омутъ пошлостей нашей жизни... дѣлать невыносимые визиты, имѣть дѣло съ людьми, которыхъ не желалъ бы видѣть, и вновь вступать въ то, что зовутъ жизнью,—гадко и грустно на душѣ, и все легче дѣлается, когда поговоришь съ вами...

Я пишу Стасюлевичу и посылаю ему нѣкоторыя замѣтки,

---

[1]) Лидія Алексѣевна, рожденная Писарева.

которыя могли бы служить для полной біографіи Толстого, о которой онъ говорилъ. Я старался исправить особенно ошибки въ появившихся уже статьяхъ. Конечно, мои замѣтки только матеріалъ для того, кто будетъ писать.

Газеты все говорятъ, что Сербія вмѣшается въ войну съ Турціей. Если это случится, я едва-ли устою противъ желанія вырваться изъ рамки... и не очень удивляйтесь, если я попаду въ какой-нибудь сербскій легіонъ. Пока же буду переписывать депеши...

3 [1]).

Горный-Дубнякъ. 19 октября 1877 г.—Наконецъ—побѣды, и побѣды серьезныя. Счастье вернулось къ намъ съ Гурко. Въ теченіе одной недѣли мы заняли 2 укрѣпленныхъ позиціи, взяли 7 пушекъ, захватили около 200 офицеровъ и около 5.000 турецкихъ солдатъ. Къ тому же войска Шевкета-паши, которыя держались на югѣ, скрылись. Все это составляетъ великіе успѣхи.

Что касается до меня, то мнѣ везло какъ всегда. Съ первыхъ же дней у меня было очень много дѣла—распросы, справки, переписка съ румынами, и т. д. 12-го числа я провелъ весь день подъ огнемъ, а 15-го я былъ при взятіи Телеша и даже игралъ роль — парламентера. Подробности вы найдете въ газетахъ,— главнымъ образомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", такъ какъ ихъ корреспондентъ всегда съ нами.

Гурко имѣетъ подъ своей командой около 70 тысячъ человѣкъ, и потому наше положеніе—положеніе лицъ, приближенныхъ къ нему,—сдѣлалось довольно-таки значительнымъ. Натурально, это порождаетъ массу зависти и создаетъ мнѣ завистниковъ и недруговъ. Но въ общемъ меня все-таки любятъ въ достаточной мѣрѣ, а привыкшіе къ моимъ независимымъ манерамъ и къ моимъ откровеннымъ рѣчамъ дѣлаются даже моими друзьями.

Въ концѣ концовъ, мнѣ все равно, часто повторяю я себѣ,— и я думаю, что именно моя независимость, и что мнѣ ничего не надо, что я неуязвимъ, именно это-то и бѣситъ столько людей—якобы моихъ *друзей*...

Я вижу множество людей и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую отвращеніе къ человѣчеству...

---

[1]) Письмо писано по-французски.

4 [1]).

Этрополь. 22 ноября (1877 г.).—Я здоровъ, чувствую себя прекрасно и провожу цѣлые дни и часто цѣлыя ночи въ Балканахъ.

Сегодня я самый счастливый изъ смертныхъ: я только-что открылъ еще одинъ маленькій проходъ въ Балканахъ, который, какъ я надѣюсь, позволитъ намъ обойти турецкія укрѣпленія.

Я вамъ не описываю подробно наши дѣйствія—все это вы найдете въ газетахъ. Скажу только, что въ общемъ дѣла наши идутъ хорошо. Одна часть нашего корпуса уже перевалила черезъ горы—ради каламбура я сказалъ бы вамъ, что *душа* наша давно уже въ Софіи или Адріанополѣ.

Что̀ вы подѣлываете, дорогіе друзья мои? Вотъ уже сколько времени я не получаю ни отъ кого писемъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ, при моихъ долгихъ поѣздкахъ верхомъ, думать о прошедшемъ и переживать прошлое. Я удивляюсь, что не замѣчаю въ себѣ никакихъ перемѣнъ. Тѣмъ не менѣе я постоянно твержу, что здѣшняя школа приноситъ мнѣ много добра. Испытывать большія лишенія, видѣть смерть вблизи—все это укрѣпляетъ характеръ...

X. — Б. М. Маркевичъ [2]).

1.

Петербургъ. 9 марта 1878 г.—Какое счастье знать, что вы выздоровѣли, дорогая, дорогая графиня! И сколько дурныхъ ночей провелъ я, прежде чѣмъ успокоился на вашъ счетъ. По счастью, баронесса Р., получая самыя прямыя извѣстія про васъ черезъ своего мужа, избавляла насъ, по крайней мѣрѣ, отъ мукъ неизвѣстности. Но какъ я внутренно сѣтовалъ на васъ за то, что вы поѣхали въ Яссы, хоть я отлично понималъ, что̀ васъ побуждало къ тому!.. Но теперь, когда все кончилось, и притомъ—не правда ли?—кончилось хорошо, я изъ глубины сердца восклицаю: осанна! и, припадая къ вашимъ добрымъ, красивымъ, бѣлымъ рукамъ (эти бѣдныя красивыя руки должны были очень

[1]) Письмо писано по-французски.

[2]) Всѣ письма Б. М. Маркевича писаны по-французски.

похудѣть!), я цѣлую ихъ съ пыломъ воскресшаго, такъ какъ—надѣюсь, мнѣ не надо васъ въ этомъ убѣждать—послѣдніе клочки моей души улетѣли бы вмѣстѣ съ вами. Вы—атмосфера вершинъ, безъ которой иныя натуры, разъ ощутившія ее, обойтись не могутъ, и я признаюсь, что считаю себя въ числѣ этихъ натуръ—вы это знаете. Княгиня В. — такая натура въ высочайшей степени, и я чуть не бросился къ ней на шею, въ гостяхъ, когда замѣтилъ, что она совсѣмъ поблѣднѣла при извѣстіи о вашей болѣзни.

Баронесса Р. сообщаетъ мнѣ, что вы предполагаете отправиться въ Германію, какъ только наберетесь силъ на путешествіе, а оттуда, можетъ быть, въ Парижъ. Очень хорошо. Но когда же возвратитесь вы въ Красный-Рогъ? Развѣ одна смерть помѣшаетъ мнѣ пріѣхать къ вамъ въ этомъ году,—особенно въ этомъ году. Я счастливъ при мысли, что въ Германіи вы услышите Вагнера, что вы пойдете въ Луврь смотрѣть на Джоконду, что великія созданія цивилизаціи заставятъ васъ забыть хоть на нѣсколько мгновеній про ужасныя горести ея послѣдняго апогея, если только можно назвать цивилизаціей всѣ тѣ дѣйствія, которыя Западъ совершаетъ во имя ея. Недостойна Англія, презрѣнна Австрія, а мы—Боже мой! какъ мы всегда неуклюжи, трусоваты, и стоимъ мы какъ школьники передъ этой Европой, потѣшающейся надъ нами!

Мы живемъ здѣсь, въ политическомъ смыслѣ, со дня на день, ничего не понимая въ игрѣ нашихъ соперниковъ и, къ несчастью, путаясь, какъ мнѣ кажется, еще больше въ своихъ собственныхъ картахъ. И. увѣряетъ, что въ концѣ концовъ мы найдемъ выходъ, — но куда и для чего? — право, не знаю. Не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что наши уступки не приводятъ ни къ чему доброму, а только запутываютъ еще больше наши дѣла и создаютъ новыя затрудненія; но мы продолжаемъ грызть тотъ же плодъ — до тѣхъ поръ, пока серьезно не заболѣемъ. Ахъ, гдѣ же таланты? гдѣ ясная, заранѣе намѣченная цѣль? гдѣ энергія сильныхъ людей?—мы потеряли даже самое преданіе о нихъ.

Какъ это удачно вышло, дорогая графиня, что вы нашли въ Яссахъ добрѣйшую Л. Самарину [1]) и ея кузину. Передайте имъ много нѣжныхъ словъ отъ меня. Я знаю ихъ обѣихъ съ дѣтства и храню о нихъ самыя нѣжныя и горячія воспоминанія отъ дней счастливой молодости...

---

[1]) Александра Николаевна, рожденная Евреинова, супруга П. Ѳ. Самарина.

2.

Петербургъ, Спасская, 15. 2 апрѣля 1883 г.—Дорогая графиня, я умираю отъ желанія провести нѣкоторое время въ Красномъ-Рогѣ у васъ и со всѣми вашими. Найду ли я васъ тамъ между 15 и 25 апрѣля? Разсчитываете ли вы остаться въ Красномъ-Рогѣ совсѣмъ, или поѣдете, какъ въ прошломъ году, въ Погорѣльцы? Я не хочу обременять васъ длиннымъ отвѣтомъ, но если вы желаете принять меня на мѣсяцъ въ апрѣлѣ или маѣ, пришлите мнѣ по телеграфу одно слово: пріѣзжайте!—и я примчусь къ вамъ на крыльяхъ зефира,—конечно, предупредивъ васъ заранѣе о днѣ моего прибытія.

Вы не повѣрите, какъ я радуюсь мысли опять увидѣть Красный-Рогъ!..

3.

Сиверская, 25 мая 1883 г.—Дорогая графиня, тысячу разъ благодарю васъ за ваше доброе и милое письмо. Сердце сердцу вѣсть подаетъ — какъ разъ въ то время, когда до меня дошли ваши строки, я собирался писать вамъ, чтобы объяснить, почему вы не видите меня до сихъ поръ въ Красномъ-Рогѣ. Прежде всего—отвратительная погода, съ которой мое здоровье должно считаться (мы уже два дня на дачѣ, а дождь льетъ не переставая). А затѣмъ — драма, дорогая графиня, драма, за сочиненіе которой я принялся, побуждаемый къ совершенію этого проступка г-жей Савиной. Она задалась мыслью создать себѣ эффектную роль въ лицѣ Ольги Елпидифоровны изъ моего „Перелома“, и такъ какъ, на мою бѣду, я никогда не могъ противостоять желанію красивой женщины, то я и взялся выкроить для нея роль изъ моего романа. Но я вѣдь новичёкъ въ сценическомъ искусствѣ и особенно во всѣхъ его уловкахъ, а потому мнѣ необходимы указанія и поправки во всемъ, что касается сценическихъ эффектовъ. Конечно, г-жа Савина предложила мнѣ любезнымъ образомъ свои добрыя услуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ она тутъ же уѣхала въ Финляндію, гдѣ она проводитъ лѣто, и откуда она возвратится лишь въ половинѣ іюня — спеціально для того, по ея словамъ, чтобы прослушать три первыя дѣйствія, которыя я обѣщалъ приготовить къ этому сроку. (Не будь у меня на рукахъ романа: „Бездна“, который я долженъ продолжать

въ „Русскомъ Вѣстникѣ", я бы закончилъ къ указанному времени всю драму.) Такимъ образомъ, я не могу двинуться съ мѣста до свиданія съ моей любезной сотрудницей. Послѣ этого свиданія надо будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, установить програму послѣдняго дѣйствія, представляющаго всего больше затрудненій, и засѣсть за писаніе безъ отсрочки, а это потребуетъ новыхъ совѣщаній между нами. Однимъ словомъ, я не предвижу возможности пріобрѣсти свободу дѣйствій до августа мѣсяца, когда я предполагаю пріѣхать къ вамъ и когда, какъ я надѣюсь, организмъ мой будетъ въ достаточно подвинченномъ состояніи, чтобы вполнѣ насладиться Краснымъ-Рогомъ—такъ же, какъ и во всѣ предыдущіе мои туда пріѣзды. Я заранѣе думаю объ этомъ, какъ о праздникѣ.

Я не поѣхалъ въ Москву, лихорадочныя и трогательныя волненія которой уложили бы меня въ постель, по словамъ врача, въ двадцать-четыре часа. Но я воображаю себѣ, какъ это должно было быть прекрасно,—вспоминая то, что̀ мнѣ дано было видѣть при коронаціи покойнаго государя...

О происходившемъ въ Москвѣ очевидцы разсказываютъ со слезами. Вы знаете меня за упрямаго монархиста, тѣмъ болѣе убѣжденнаго, что къ преклоненію передъ монархическимъ принципомъ меня не побуждаютъ никакія узы благодарности или особой симпатіи къ лицамъ, и я не въ силахъ передать вамъ всю гамму эмоцій, черезъ которыя я прошелъ со времени отбытія императорскаго поѣзда въ Москву до полученія первыхъ телеграммъ 15-го числа, съ момента раздирающихъ душу мученій до почти-что безумной радости и quasi-личнаго тріумфа. Синтезъ совершившагося въ Москвѣ сводится къ словамъ, сказаннымъ однимъ англійскимъ корреспондентомъ послѣ коронаціонныхъ торжествъ: „Да, сегодня я понялъ, что самодержавіе царя есть единственно истинная, хорошая и необходимая *конституція* въ Россіи". Вамъ извѣстно, дорогая графиня, что и я, въ свою очередь, никогда не исповѣдывалъ ничего другого, кромѣ этой простой формулы...

Моя жена и мой сынъ поручаютъ мнѣ передать вамъ и всѣмъ вашимъ тысячу наилучшихъ пожеланій. Миша [1]) блестящимъ образомъ держитъ экзаменъ и уступаетъ одному только Петру Извольскому [2]) (съ которымъ онъ занимается и который теперь у насъ). Петръ Извольскій выйдетъ, вѣроятно, изъ университета первымъ—у него полныя 5 по всѣмъ предметамъ...

---

[1]) Сынъ Б. М. Маркевича.

[2]) Петръ Петровичъ Извольскій, оберъ-прокуроръ св. синода

XI.—Уйда (Ouida) [1].

1.

[Флоренція, 1873 г.]—Дорогая графиня! Въ понедѣльникъ, между 4 и 6 часами, ко мнѣ пріѣдутъ на чашку чая г-нъ и г-жа Р.

Могу ли я надѣяться, что буду имѣть въ этотъ же день большое удовольствіе показать вамъ и графу мою виллу въ Скандичи?—Я собиралась переѣхать сюда уже три дня тому назадъ, но все будетъ приведено въ порядокъ лишь завтра или послѣ-завтра.

Очень надѣюсь, что вы и графъ поправились, и прошу принять мои самые дружескіе привѣты.

2.

[Флоренція, 1873 г.] — Я такъ жалѣю — заѣзжала къ вамъ три раза и не имѣла счастья застать васъ дома.

Сегодня я была такъ поздно изъ-за моей бѣдной горничной, которая упала на улицѣ, пораженная апоплексическимъ ударомъ, и которую мнѣ пришлось отвезти въ больницу.

Не сдѣлаете ли вы мнѣ большое удовольствіе—не пріѣдете ли вмѣстѣ съ графомъ ко мнѣ обѣдать? Можно будетъ такъ хорошо поговорить.

Сообщите мнѣ, какой день для васъ удобнѣе—понедѣльникъ, вторникъ или среда. Я была бы счастлива принять васъ у себя къ 7 часамъ...

XII. — Карлъ-Александръ, великій герцогъ Веймарскій [1].

[1875 г.]—Графиня! Господь всегда близокъ къ тѣмъ, кого Онъ испытуетъ; Его милосердіе и утѣшительная сила, которая находится только въ Немъ, окружаютъ теперь васъ, когда я молю Его, чтобы Онъ поддержалъ васъ. А такъ какъ Богъ есть прежде всего Богъ правды и любви, то и самое могущественное

---

[1]) Письма писаны по-французски.

[2]) Письмо писано по-французски.

утѣшеніе: новое свиданіе съ тѣми, кого мы любимъ и кто любитъ насъ,—есть истина. Да проникнетъ она въ вашу душу.

Я пишу эти строки, чтобы выразить вамъ, графиня, сочувствіе моей жены, нашихъ дѣтей и мое къ вашему горю. Вы знаете, какъ я любилъ вашего мужа, и потому вы знаете, что̀ я испытываю.

Не забывайте, графиня, что Веймаръ стоитъ на очень знакомомъ вамъ пути, и что у васъ тамъ есть друзья.

XIII.—Графъ А. П. Бобринскій [1]).

1.

8 марта 1860 г. Питеръ. — Я до чрезвычайности обрадовался вашему письму, добрая Софья Андреевна, какъ другу, вернувшемуся невзначай издалека, но досадно мнѣ стало, что К. не зашелъ ко мнѣ, мнѣ столь много надо было бы распросить о Толстомъ и о васъ.

Вы спрашиваете, что̀ я дѣлаю. Пожалѣйте о мнѣ—я ничего не дѣлаю, а сижу въ Питерѣ, ежедневный свидѣтель, какъ по непонятной тѣснотѣ ума и непростительному невѣжеству терзаютъ мое бѣдное отечество, и дай Богъ, чтобы это еще дѣлалось безсознательно; мнѣ же не дано средствъ ни судьбою, ни обстоятельствами ничѣмъ хотя на сколько-нибудь помочь дѣлу. На меня здѣсь или смотрятъ подозрительно, или называютъ мечтателемъ; государь же избѣгаетъ всякаго серьезнаго со мною разговора, хотя довольно любезенъ со мною... Постоянныхъ серьезныхъ занятій мнѣ никакихъ не даютъ, а вотъ уже два года я при царѣ, а пройдутъ еще десять, все будетъ то же, а годы проходятъ, все лучшіе годы, — и все, что въ теченіе ихъ я могъ бы сдѣлать, если я былъ бы независимымъ человѣкомъ, остается несдѣланнымъ, — и тотъ золотой вензель, котораго я такъ желалъ, полагая, что правда не доходитъ, и что если бы дошла, должна бы взять свое, только закабаляетъ меня въ бездѣятельности. Безполезна для добра и не по нутру мнѣ эта тѣсная и непроизводительная жизнь, которою я живу: я или зачахну подъ гнетомъ ея, или, что̀ Боже упаси, свыкнусь и помирюсь съ нею, — и что-жъ тогда, если и явится случай быть полезнымъ, что̀ смогу я, помирившись со зломъ? Нѣтъ, мнѣ не

---

[1]) Алексѣй Павловичъ, бывшій министръ путей сообщенія.

мѣсто здѣсь, здѣсь душный, мертвящій воздухъ, — прочь уйду подальше. Я теперь сознаю свою ошибку, прошу извиненія у Толстого, напрасно я его бранилъ за то, что онъ удалялся, онъ былъ правъ... Но не думайте, что я боюсь зачахнуть отъ ежедневныхъ нравственныхъ страданій—лишь была бы польза, я бы пренебрегъ всѣмъ; но никакой тутъ отъ меня пользы нѣтъ и быть не можетъ: не понять моимъ сотоварищамъ того, что̀ я говорю... Нѣтъ, не тутъ надо работать—вернусь къ старому дѣлу, какъ кротъ буду копаться внизу, готовить почву подъ будущую жатву, лягу въ число сѣмянъ, изъ которыхъ произрастетъ она, истлѣю безъизвѣстно, утѣшусь сознаніемъ будущей пользы, сознаніемъ, что безъ тлѣющаго, прозябающаго сѣмени не быть той прекрасной растительности, которою будущая Русь будетъ радоваться, не быть той тучной жатвѣ, которою она насытится, не быть тому благовонному воздуху, которымъ она свободно вздохнетъ. Намъ тѣсно, и страдаемъ мы, и не можемъ мы, разслабленные, снять съ себя вяжущія насъ узы; но намъ дано жизнью нашею, постоянными усиліями износить эти узы, такъ что легче будетъ потомкамъ разорвать ихъ — по крайней мѣрѣ, потомки не будутъ тосковать о томъ, о чемъ мы тосковали...

Итакъ, я рѣшился оставить Дворъ и вновь слѣдовать по тому пути, съ котораго я сбился ополченіемъ за родину, надѣюсь скоро найти на немъ слѣдъ мой, хотя и занесенный въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, пока я бродилъ по чужимъ слѣдамъ, и когда я снова найду свой слѣдъ, поблагодарю Бога, что дозволено было мнѣ непроизводительно потерять въ жизни только пять лѣтъ, а не всю жизнь, только часть себя, а не все свое человѣчество. Итакъ, когда уйду, не браните меня за слабость, не говорите: онъ оставилъ то, что предпринялъ, но скажите: онъ дѣйствуетъ сознательно, обдуманно, онъ не оставляетъ дѣла, а лишь, сбившись съ пути, возвращается къ нему.—Но не хочу я этимъ сказать, что Толстой вовсе правъ—онъ грѣшитъ тѣмъ, что равнодушенъ къ тому, что дѣлается въ Руси; если онъ отсталъ отъ Двора, то слѣдовало бы предпринять что-либо другое для пользы отечества...

Довольно обо мнѣ, поговоримъ о васъ и о Толстомъ. Напишите, что̀ вы намѣрены дѣлать, дабы мнѣ не потерять случай встрѣтиться съ вами—можетъ быть, и этимъ лѣтомъ; хотѣлось бы мнѣ побывать за границею—можетъ быть, и удастся. Заставьте Толстого написать мнѣ, пусть немного разболтается со мною о себѣ, вѣдь я ему не чужой, я его душою люблю, потому что не знаю многихъ такихъ хорошихъ людей, какъ онъ.

Если онъ хочетъ, чтобы я съѣздилъ къ Сергію и отслужилъ бы панихиду, пусть напишетъ—тотчасъ же поѣду.

Это письмо не для васъ одной. То, что я вамъ пишу, пишется и Толстому; я какъ-то соединяю васъ обоихъ въ моемъ воображеніи...

Гражданскій горизонтъ нашъ все болѣе и болѣе темнѣетъ. Люди, отъ которыхъ зависитъ свѣтъ его, удовлетворяются лишь словомъ: прогрессивныя реформы,—а въ сущности блуждаютъ все въ томъ же тѣсномъ кругу, ни на шагъ не отступая отъ прежнихъ пагубныхъ принциповъ. Вездѣ все тотъ же произволъ, но называютъ его иначе;—разумѣется, въ этомъ есть нѣкоторый успѣхъ, или, лучше, надежда на успѣхъ.

Крестьяне наврядъ пріобрѣтутъ свободу, а ихъ хотятъ приковать къ той же неволѣ подъ другимъ именемъ, обезпечивъ ихъ немного въ матеріальномъ отношеніи. Современемъ,—можетъ быть, и черезъ долгое время,—нѣтъ сомнѣнія, что они добудутъ себѣ свободу, но когда же, и сколько лишеній предстоитъ имъ, сколько новыхъ страданій перестрадаютъ они, и сколько новыхъ преградъ произвольно возводятъ между ними и свободою, которой они такъ жаждутъ и въ которой столь справедливо нуждаются не только для своего блага, но для блага всего отечества. Хотя дѣло все болѣе и болѣе запутывается, но въ честь дворянскихъ депутатовъ, представителей элемента помѣщичьяго, а не петербургскаго бюрократизма, нельзя не сказать, что они лучше питерскихъ бюрократовъ понимаютъ потребности отечества и сочувствуютъ имъ. Въ питерцахъ чиновникъ сгубилъ человѣка безвозвратно; помѣщикъ еще можетъ спастись, хотя рабство, которымъ онъ пользовался, сильно унизило его, но онъ способенъ сочувствовать независимости. Къ несчастію, на депутатовъ чиновники указываютъ царю, какъ на его личныхъ враговъ и какъ на враговъ крестьянъ, и вслѣдствіе этого Богъ знаетъ, что̀ выйдетъ. Правительство уже оказывается со всѣхъ сторонъ несостоятельнымъ удовлетворить требованіямъ обоихъ земледѣльческихъ и другихъ сословій государства...

Прощайте, пишите; на мои отвѣты разсчитывайте... Прошу Толстого поцѣловать вамъ отъ меня ручки, я же дружно ему и вамъ жму руки. Дай вамъ Богъ всего добраго.

2.

17 марта [1860 г.].—Прибавляю еще нѣсколько словъ къ моему письму. Первыя страницы написаны на прошлой недѣлѣ, теперь же я узналъ отъ Ж., что К. пріѣхалъ и возвращается въ Парижъ завтра; ѣду сегодня же къ К. и отдамъ ему это письмо.

Въ теченіе этой недѣли начались петербургскіе выборы, и дѣло пошло очень порядочно. Хотя государь указомъ запретилъ дворянству разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ на выборахъ, но петербургскій губернскій предводитель Петръ Павловичъ Шуваловъ выпросилъ позволеніе представить соображенія дворянства государю—хотя не позволено говорить о вопросѣ на выборахъ, но дозволено дворянству въ уѣздныхъ собраніяхъ частнымъ образомъ представить свои соображенія. Они составлены и приняты въ 6 уѣздахъ единогласно, въ 2 уѣздахъ отвергнуты. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло. Три года отношенія помѣщиковъ съ крестьянами сохраняются на настоящихъ основаніяхъ, но барщина сбавляется съ 3 дней на 2; въ теченіе этого времени крестьяне пріобрѣтаютъ право дѣлать добровольныя соглашенія съ помѣщикомъ насчетъ пользованія землею и усадьбами (усадьбою я называю усадебныя земли; строенія крестьянинъ пріобрѣтаетъ даромъ), или выкупа оныхъ; таковыя условія обязательны для помѣщика по крайней мѣрѣ на 15 лѣтъ, крестьяне же имѣютъ всегда право отъ нихъ отказаться, предупредивъ помѣщика за 6 мѣсяцевъ. По окончаніи 3-лѣтняго срока, даннаго на добровольныя соглашенія, если онаго не послѣдуетъ между помѣщикомъ и крестьянами, крестьянамъ дается право пользоваться усадьбами съ прилегающею къ нимъ землею, въ количествѣ $3^1/_2$ десятинъ удобной земли на душу, съ обязанностью платить за эту землю повинности, которыя въ предѣлахъ отъ 2 р. 60 к. до 3 р. 50 к. за десятину должны быть опредѣлены особою коммиссіею, составленной изъ помѣщиковъ и крестьянъ въ равномъ числѣ. Со стороны помѣщика — онъ не имѣетъ права отказать крестьянамъ въ пользованіи землею, иначе какъ если недоимка крестьянина превзойдетъ годичную повинность, слѣдующую съ него за землю, которою онъ пользуется; другія понудительныя мѣры всѣ отстранены; крестьянинъ же всегда имѣетъ право отказаться отъ пользованія землею. Крестьянинъ имѣетъ право выкупить свою усадьбу у помѣщика капитализаціею повинности

въ шесть процентовъ, т.-е. усадьбу, за которую онъ платитъ ежегодно 3 р., крестьянинъ выкупаетъ 50 р. единовременной уплаты. Помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ крестьянина, желающаго выкупить усадьбу, чтобы онъ выкупилъ при ней и всю полевую землю, находящуюся въ его пользованіи, а при несогласіи крестьянина имѣетъ право отказать ему въ отдѣльномъ выкупѣ усадьбы. До совершенія добровольнаго соглашенія съ помѣщикомъ, крестьянинъ остается крѣпкимъ къ землѣ, что̀ не можетъ, однако, продолжаться далѣе 3 лѣтъ, данныхъ на эти соглашенія; однако и въ теченіе этого времени онъ освобождается вполнѣ отъ помѣщика относительно правъ наказанія и вмѣшательства въ семейныя дѣла и пріобрѣтаетъ право жалобы; затѣмъ, по надѣленіи крестьянина землею, онъ дѣлается вполнѣ свободнымъ. Если помѣщикъ потребуетъ отъ крестьянъ круговую поруку, то онъ обязанъ сложить 10% со всѣхъ повинностей, слѣдующихъ ему отъ крестьянъ, въ видѣ страховой преміи, и въ этомъ случаѣ онъ не имѣетъ права требовать возврата земли отъ крестьянъ, иначе какъ если недоимка простираться будетъ свыше годичныхъ повинностей всего крестьянскаго общества, вошедшаго въ круговую поруку. Жалобы крестьянъ на помѣщика и обратно разбираются въ особомъ присутствіи, состоящемъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ изъ *одного* депутата отъ помѣщиковъ и *одного* депутата отъ правительства, по истеченіи трехъ лѣтъ депутатъ отъ правительства замѣняется *двумя* депутатами отъ крестьянъ.

Это положеніе такъ либерально, что чиновникамъ редакціонныхъ коммиссій не приходило въ голову, что помѣщики могли бы рѣшиться на него, и поэтому чиновники ужасно перепугались, боясь, что государь увидитъ, что они только портятъ и путаютъ дѣло, и злѣйшіе враги свободы. Дай-то Богъ, чтобы онъ дѣйствительно понялъ, что это правда.

Кромѣ того, дворянское собраніе приняло вчера предложеніе, состоящее въ протестѣ противъ стремленія и заявленнаго правительствомъ желанія замѣнить сословіями выбранныхъ должностныхъ лицъ коронными чиновниками; въ немъ дворянство признаетъ вполнѣ право всѣхъ сословій на участіе въ этихъ выборахъ, а протестуетъ противъ уничтоженія издревле существующаго права мѣстнаго самоуправленія. Дай Богъ, чтобы и это удалось.

Вы видите, С. А. и Толстой, что не напрасно надѣюсь я на помѣщичье сословіе относительно помощи моему бѣдному отечеству...

3 [1]).

Лондонъ. 4 (16) ноября 1875 г. — Дорогая и бѣдная графиня, о несчастіи, обрушившемся на васъ и на всѣхъ насъ, я узналъ въ Шанклинѣ. Да услышитъ Господь въ своемъ безграничномъ милосердіи наши молитвы и да поможетъ Онъ вамъ и мнѣ. Смѣю ли я сравнивать мое горе съ вашимъ? Но Богу извѣстно, что покойный былъ самымъ любимымъ моимъ другомъ, что его мнѣ страшно недостаетъ, и что я соединяю мои слезы съ вашими. Я плачу о немъ, и я плачу потому еще, что я не имѣлъ возможности пріѣхать къ нему и повидаться съ нимъ, послѣ того какъ Господь въ своемъ безконечномъ милосердіи соблаговолилъ коснуться моей совѣсти и моего сердца и возродилъ духъ мой къ новой жизни. Какъ отрадно было бы для меня и, надѣюсь, для него перечесть вмѣстѣ слова Того, Кто есть нашъ Спаситель, нашъ Царь, нашъ Богъ,—а теперь этого уже не будетъ! О, сколько разъ въ жизни мы видимъ, что—слишкомъ поздно, и тѣмъ не менѣе мы все надѣемся на завтрашній день, а солнце этого дня не восходитъ для насъ. Но зачѣмъ намъ разсчитывать на наши силы—развѣ мы не видимъ, что ихъ нѣтъ? Возложимъ же все упованіе наше на Того, Кто есть нашъ добрый Учитель, Богъ любви, и предадимъ въ Его руки наши радости и печали.

Обращаться къ вамъ съ словами утѣшенія я не могу — этихъ словъ у меня нѣтъ на сердцѣ; заставлять васъ еще больше плакать о немъ — чрезъ напоминаніе о томъ, чѣмъ онъ былъ для васъ и для меня — было бы жестоко, — къ тому же я самъ слишкомъ страдаю и не рѣшаюсь бередить глубокія раны вашего сердца. Вотъ почему перо вываливалось у меня изъ рукъ всякій разъ, какъ я принимался писать вамъ послѣ полученія письма г-жи X. въ Шанклинѣ. Я не находилъ словъ, чтобы выразить вамъ то, что̀ происходило въ моемъ сердцѣ, да и теперь я пишу вамъ лишь съ величайшимъ трудомъ. Сколько я ни стараюсь, я нахожу только слезы--однѣ слезы могутъ выразить вамъ мое горе, и мы вмѣстѣ можемъ только плакать о нашемъ горѣ. Плакать такъ естественно, плакать такъ справедливо — позвольте же мнѣ плакать вмѣстѣ съ вами и сказать вамъ, что я имѣю на это право, такъ какъ онъ насъ обоихъ

[1]) Письмо писано по-французски.

любилъ и онъ знаетъ, что я разсчитываю на вашу дружбу, такъ же, какъ и я знаю, что вы можете разсчитывать на мою дружбу и располагать мною всегда и всякій разъ, когда вы найдете это нужнымъ. Положимъ, я мало значу; но тотъ, кого мы оплакиваемъ, далъ вамъ этого друга, а онъ меня зналъ.

Чтò еще сказать вамъ?.. Да хранитъ васъ Богъ и да дастъ Онъ вамъ успокоеніе отъ тѣхъ страданій, которыя Онъ послалъ вамъ, въ надеждѣ, что тотъ, кто васъ такъ любилъ, нашелъ вѣчный миръ, — въ надеждѣ, что Спаситель нашъ прострѣтъ вамъ свою руку и никогда не покинетъ васъ.

Я знаю, что нашъ Искупитель еще не открылся вполнѣ ясно вашему сознанію; такъ было недавно и со мною, и съ моею женою. И я молю Его, чтобы Онъ сдѣлалъ это. Велика была бы моя радость, если бы Онъ избралъ меня для того, чтобы передать вамъ и побудитъ васъ принять благую вѣсть о нашемъ, о вашемъ спасеніи. Но да исполнится Его святая воля, какъ Онъ того хочетъ. Я уповаю, что великія страданія, испытанныя вами, приведутъ васъ—черезъ меня ли, или черезъ кого-нибудь другого—къ благодати Его любви, по Его путямъ.

Позвольте мнѣ теперь еще разъ сказать вамъ, какъ я дружески расположенъ къ вамъ, и просить васъ написать мнѣ нѣсколько дружескихъ строкъ, когда вы будете въ силахъ сдѣлать это, еще до моего возвращенія на родину. Пишите, пожалуйста, въ Парижъ, въ домъ моей матери (27, rue Chateaubriand); оттуда письмо перешлютъ мнѣ въ Каннъ, гдѣ я думаю провести остальную часть зимы...

Да будетъ Господь со всѣми вами...

XIV.—Сэръ Роб. Моррiэ [1]).

1 [2]).

2 (14) А. 1888 г.—Дорогая графиня Толстая! Я долженъ выразить вамъ мою глубокую благодарность за то, что вы такъ великолѣпно исполнили наше условіе и познакомили меня съ настоящимъ русскимъ *человѣкомъ*. Надѣюсь, что вы подольете свѣжаго масла въ свой Діогеновъ фонарь и разыщете для меня

[1]) Англійскій посолъ въ Петербургѣ.

[2]) Письмо писано по-англійски.

другого такого же человѣка, — съ тѣмъ, однако, чтобы онъ не уѣзжалъ немедленно въ Римъ.

Я имѣлъ вчера чрезвычайно интересный разговоръ съ г. Соловьевымъ [1]), который былъ такъ добръ, что посѣтилъ меня; сегодня я собираюсь отдать ему визитъ, если только вы сообщите мнѣ его адресъ, котораго онъ мнѣ не оставилъ.

Мнѣ думается, что я благосклоннѣе отношусь къ Россіи, чѣмъ онъ; но вѣдь это зависитъ отъ того, что его чувства острѣе, ибо они проистекаютъ изъ *досады влюбленнаго*, мои же возрастающія симпатіи совершенно платоническаго свойства. Извѣстно, что влюбленные никогда не бываютъ справедливы, такъ какъ любовь и справедливость не совмѣстимы. Горацій говоритъ гдѣ-то, что бородавка на носу возлюбленной повергаетъ влюбленнаго въ состояніе невыразимаго блаженства. Но и обратное также вѣрно — въ зависимости отъ преобладающаго *настроенія* влюбленнаго: когда онъ *à la baisse* [2]), крошечная и нѣжная веснушка на щекѣ прекрасной Елены выростаетъ въ его глазахъ до размѣровъ чудовищной бородавки.

И почему, оставаясь въ Россіи, онъ не попытается обратить Побѣдоносцева, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Римъ для обращенія папы? Одно такъ же безнадежно и привлекательно, какъ и другое.

Если бы онъ остался здѣсь, онъ помогъ бы мнѣ прозрѣть сквозь кору вещей. — Я былъ безконечно доволенъ, узнавши, что онъ принимаетъ мою формулу: чтобы хоть внѣшнимъ образомъ распознать русскихъ, надо Наполеоновское изреченіе — „*Grattez le Russe, et vous arrivez au Tartare*“ [3]) — вывернуть наизнанку — „*Grattez le Tartare, et vous arrivez au Russe*“ [4]). За усвоенной отъ татаръ грубой мужественностью, постоянно обращаемой противъ насъ, людей Запада, и сдѣлавшейся легендарной, таится отъ насъ прекрасная женственность истиннаго національнаго характера. — *Простите мнѣ мою откровенность*: для меня *женственность*, увѣряю васъ, очень высокое качество.

Я особенно былъ очарованъ одной чертой характера г. Соловьева — его способностью къ юмору. — Съ моей точки зрѣнія, юморъ (какъ я его понимаю) — наибожественнѣйшій аттрибутъ человѣка. Отчасти это выражается въ словахъ Эсхила *о не-*

---

[1]) Рѣчь идетъ о Влад. Серг. Соловьевѣ.

[2]) Когда игра идетъ на пониженіе.

[3]) Поскоблите русскаго, и вы найдете татарина.

[4]) Поскоблите татарина, и вы найдете русскаго.

прерывномъ смѣхѣ или вѣчной улыбкѣ вселенной, проявляющейся во всѣхъ мыслимыхъ формахъ — начиная отъ дорогого моего друга Джона Фальстаффа и кончая озаренною солнцемъ рябью океана, къ которой Эсхилъ впервые примѣнилъ это выраженіе. Если я напишу когда-нибудь философское сочиненіе противъ „*Die Welt als Wille und Vorstellung*" [1]) Шопенгауэра, то это будетъ — „*Die Welt als Offenbarung des göttlichen Humors*" [2]).

Міръ такъ смѣшонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ переполненъ паѳосомъ! Божественный юморъ миритъ смѣхъ съ паѳосомъ и сочетаетъ ихъ.

Въ душѣ г. Соловьева горитъ божественный огонь, и это— рѣдкое свойство, особенно рѣдкое, какъ я воображаю себѣ, въ Россіи, гдѣ преобладаетъ *міровая скорбь*, не нашедшая до сихъ поръ своего „искупителя" въ „юморѣ"...

2 [3]).

Среда, 18 апрѣля 1888 г.—Графиня! Я былъ въ отчаяніи, узнавши отъ графини Волькенштейнъ [4]), что вы меня ждали въ понедѣльникъ вечеромъ. Но вѣдь вы меня не приглашали, и я не могъ догадаться, что у васъ будетъ собраніе. Ваша любезная записка заключала въ себѣ лишь гостепріимныя слова: „до скораго свиданія".

Для меня большое горе, что я потерялъ случай поближе познакомиться съ г. Соловьевымъ.

Я буду имѣть честь явиться къ вамъ въ первый же свободный день—надѣюсь, завтра.

Примите, графиня, выраженіе моей глубокой преданности.

XV.—Графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ [5]).

Отрада. 21 октября 1875 г. — Позвольте мнѣ выразить вамъ всю искренность моей печали при извѣстіи — на этотъ разъ, увы, слишкомъ вѣрномъ—о кончинѣ вашего супруга. Выраженіе: *присноподамятный* къ нему вполнѣ примѣнимо.

---

1) Міръ, какъ воля и представленіе.

2) Міръ, какъ откровеніе божественнаго юмора.

3) Письмо писано по-французски.

4) Супруга австрійскаго посла въ Петербургѣ, въ первомъ бракѣ графиня Шлейницъ.

5) Письмо писано по-французски.

Я оплакиваю эту смерть не только какъ личный другъ, но и какъ русскій. Я ставилъ его гораздо выше всѣхъ нашихъ современныхъ литераторовъ,—притомъ не только за его геній, но и—главнымъ образомъ—за его геройскую откровенность.

Близкій другъ государя,—какія великія истины высказывалъ онъ ему передъ тысячной толпой! Примѣры подобной славы и подобнаго тріумфа рѣдко встрѣчаются въ исторіи.

Вы имѣли счастіе цѣнить и вдохновлять его. Пусть же воспоминаніе объ этомъ и вѣра въ божественную благость послужатъ вамъ, графиня, утѣшеніемъ и поддержкою въ вашемъ несчастіи...

XVI. — Княгиня К. Сайнъ-Витгенштейнъ [1]).

1.

Римъ. 25 октября 1875 г.—Дорогая графиня, мнѣ не надо говорить вамъ, какъ горячо сочувствую я вашему горю и вашей утратѣ, которую мы всѣ такъ искренно переживаемъ вмѣстѣ съ вами. Увы! Ударъ поразилъ меня прямо въ сердце—тѣмъ болѣе, что я только-что собиралась писать нашему милому, великому поэту, что первымъ занятіемъ Листа въ его первое осеннее пребываніе въ Villa d'Este въ Тиволи было сочиненіе музыки на ту балладу, которую онъ прислалъ мнѣ изъ Флоренціи. И вотъ музыка написана, окончена — и въ тотъ же день, когда Листъ впервые сыгралъ мнѣ ее, газеты приносятъ намъ роковое извѣстіе!

Не могу вамъ выразить, какъ я страдаю съ вами и за васъ — васъ, которую онъ такъ глубоко обожалъ и съ которою онъ, великій поэтъ, провѣрялъ всякое произведеніе своего пера.

Отчего жестокая судьба не дала ему окончить его трагедію: „Посадникъ"? Какое горе, что задуманное великое твореніе и всѣ его прекрасные планы останутся незавершенными, и потомство лишилось ихъ!

Дорогая графиня, прошу васъ считать меня въ числѣ тѣхъ, кто оплакиваетъ его вмѣстѣ съ вами, вмѣстѣ со всей его родиной. Впослѣдствіи, когда перспектива времени позволитъ вполнѣ оцѣнить его произведенія, — произведенія того, кого я имѣла

[1]) Рожденная Ивановска.—Письма писаны по-французски.

счастливый случай узнать, чью великую душу и чей высокій полетъ я съумѣла—говорю это съ гордостью—понять,—родина будетъ оплакивать эту преждевременную утрату еще больше...

Не забывайте меня, прошу васъ, и если когда-нибудь вы вернетесь въ эти края, гдѣ вы оставили столько друзей, позвольте мнѣ быть одной изъ первыхъ въ ряду тѣхъ, кто встрѣтитъ васъ съ наилучшими привѣтствіями и будетъ снова говорить съ вами о немъ...

2.

Римъ. 29 іюля 1876 г.—Дорогая моя графиня, какъ я вамъ благодарна, что вы тотчасъ же вспомнили обо мнѣ, какъ только вернулись въ Красный-Рогъ, гдѣ вамъ предстоитъ провести столько грустныхъ дней, среди тягостныхъ воспоминаній. Болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ теперь близокъ къ вамъ, онъ витаетъ въ краяхъ, которые ему были такъ дороги, онъ съ вами, въ любимой имъ странѣ. Онъ васъ видитъ и скорбитъ, что вы его не видите; но, я увѣрена, онъ радуется тому, что вы меня не забыли. Я чрезвычайно благодарна вамъ за то, что вы какъ бы сохраняете его для меня, что вы остаетесь для меня тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нѣкогда и чѣмъ, безъ сомнѣнія, онъ пребудетъ на-всегда.

Увидавъ ваши два письма, окаймленныя чернымъ, я была глубоко взволнована. Въ одно мгновеніе я увидала передъ собою большую корзину розъ, услыхала ваше „Христосъ воскресе", вспомнила дорогое и удивительное порфировое яйцо и всю прекрасную пору нашего свиданія: я вспомнила вашу голубую вуаль, ваше прозрачное вечернее платье съ тускло-зеленой отдѣлкой, вашъ превосходный чай; я вспомнила, какъ, напавши на слѣдъ настоящаго *Squaw* изъ племени ирокезецевъ, я повезла къ нему нашего поэта, который умѣлъ цѣнить все первобытное—даже въ дикарѣ, который сдѣлался въ Римѣ скульпторомъ. Возвращайтесь въ Римъ, мы опять поговоримъ о прошломъ и о немъ,—и такъ какъ его письма всегда съ вами, то вы найдете въ нихъ что-нибудь и для меня.

Я такъ счастлива, что Ленбаху удался его портретъ—меня извѣстилъ объ этомъ Шалькъ [1]), но я заранѣе была увѣрена въ успѣхѣ.

Всѣ мои мысли будутъ съ вами въ это время,—вся Россія должна бы присоединиться къ вашему трауру.

---

[1]) Большой любитель живописи и близкій другъ Ленбаха.

Я много думала о милой г-жѣ С. и была бы въ отчаяніи, что она въ Константинополѣ, еслибы не знала, что она имѣетъ защиту со стороны Игнатьева. Мнѣ передавали, что его жена не уѣзжала оттуда. Кромѣ того, я сейчасъ же сообразила, что стаціонеры и другіе корабли должны стоять по близости, и что, вѣроятно, приняты всѣ мѣры для предотвращенія опасности. Но слухи ходятъ, что мусульманскій фанатизмъ подготовляетъ въ Константинополѣ „красный терроръ". Какъ! это извѣстно, и этому не могутъ помѣшать! Но вѣдь это же ужасно! Говорятъ, что въ прокламаціи Мурада имѣются крайне зажигательныя мѣста, которыя не были оффиціально переведены для дипломатовъ. Мнѣ представляется это просто ребячествомъ. Къ сожалѣнію, и дѣти могутъ поджечь съ четырехъ сторонъ. Все это приведетъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что когда-нибудь крестъ замѣнитъ собою луну на святой Софіи. Аминь.

Все, что вы мнѣ пишете про новгородское изображеніе и Софію гностиковъ, меня чрезвычайно интересуетъ. Многіе ученые спорятъ объ этомъ, и системы противорѣчатъ одна другой; но вы съумѣли резюмировать ихъ въ нѣсколькихъ строкахъ. Онѣ содержатъ въ себѣ настоящую сущность того, что̀ говорили и думали въ этомъ порядкѣ идей. Alles ist so menschlich, und Sie haben es so menschlich verstanden [1]). Человѣческое сердце трепещетъ въ этихъ идеяхъ, возвышающихъ конечное до безконечнаго. Мы еще поговоримъ съ вами объ этомъ при свиданіи, и вы мнѣ доскажете тысячу подробностей.

Почему змій играетъ тамъ такую важную роль? А затѣмъ— мы будемъ вмѣстѣ радоваться искупленію черезъ Христа.

Христосъ—глаголъ вѣчности, логосъ, слово, — мысль, перешедшая въ дѣйствіе,—черезъ котораго все совершилось и безъ котораго ничто не совершается. Христосъ—это звено, связующее видимое съ невидимымъ, вещественное съ духовнымъ, время съ вѣчностью...

Я хотѣла бы написать вамъ что-нибудь про вашихъ друзей и знакомыхъ, но всѣ разъѣхались... а я наслаждаюсь своими каникулами, и мнѣ кажется, что онѣ всегда слишкомъ скоро кончаются. Моя гостиная наполнена цвѣтами и погружена во мракъ. Только одна маленькая свѣча освѣщаетъ мою бумагу и послѣднія магноліи, излучающія свое ядовитое благоуханіе.

По вечерамъ я ѣзжу далеко въ Кампанью. Пламя заходящаго солнца наполняетъ своимъ фантастическимъ освѣщеніемъ

[1]) Все это такъ по-человѣчески, и вы такъ по-человѣчески поняли это.

пустыню. Но вотъ появляется луна; своими бѣлыми лучами она придаетъ всему какой-то призрачный видъ. Колеблющіяся тѣни тоскующихъ душъ, сплетаясь въ гирлянды, плачутъ и стонутъ надъ своими могилами. Потомъ спускается и водворяется тишина—мы погружаемся въ черную бездну, а тамъ, на небѣ, загораются милліоны звѣздъ, бодрствующихъ въ сумракѣ, словно отверстыя очи, и считающихъ трепетные удары нашей тайной жизни.

Я вижу теперь все это передъ собою... Когда-то я видѣла то же самое въ нашихъ степяхъ. Ахъ, какъ бы хотѣлось мнѣ увидать ихъ снова! Поклонитесь имъ отъ меня; взгляните за меня съ привѣтомъ и на волны Днѣпра. Это заставитъ васъ вспомнить иногда о той, которая такъ искренно любитъ васъ — въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ.

Возвращайтесь же къ намъ непремѣнно, и мы вмѣстѣ перечитаемъ—одно за другимъ—всѣ его стихотворенія.

XVII.—Браминъ Нисиканта Чатападай [1]).

1.

С.-Петербургъ, Казанская ул., д. 8, кв. 32. 1 (13) сентября 1879 г. — ...Когда же вернетесь вы сюда со всѣми вашими—милыми и близкими? Счастливо ли провели вы вмѣстѣ все это время? Чувствуете ли вы себя опять бодрой? Всѣмъ сердцемъ желаю этого...

У г. Соловьева [2]) находятся мои три тома Фехнера. Какъ-то я заѣзжалъ къ нему въ Hôtel de France, но съ прискорбіемъ узналъ, что онъ два дня тому назадъ уѣхалъ въ Москву. Смѣю ли я просить его вернуть мнѣ эти книги? Полученное отъ него оставляю съ глубочайшею благодарностью у княгини В. И то, что я имѣю отъ васъ, оставляю тоже у княгини В.—съ такою же благодарностью.

А когда соберется г. Соловьевъ въ Индію? *Его*-то мы ужъ навѣрно примемъ въ нашу касту: такого настоящаго индуса и въ самой Индіи не всегда встрѣтишь. Если онъ пока еще употребляетъ мясную пищу (также какъ и я), то это ни въ какомъ

[1]) Письма писаны по-нѣмецки, со вставками по-англійски, а также на санскритскомъ языкѣ, который былъ извѣстенъ графинѣ С. А.—Браминъ этотъ былъ командированъ въ Европу для подготовки къ профессурѣ.

[2]) Владиміра Сергѣевича.

случаѣ не послужитъ препятствіемъ къ тому, чтобы принять его въ нашу касту. У насъ есть такая особенная рѣка, которая очищаетъ отъ всѣхъ грѣховъ,—наипаче же гастрономическихъ. Мой сердечный привѣтъ г. Соловьеву.

Еще одна просьба: не дадите ли вы мнѣ вашъ портретъ на память? Понятно, что я, въ свою очередь, охотно пришлю вамъ мой портретъ.

Мнѣ хотѣлось бы имѣть портреты всякаго и всякой, кто стремится къ высокимъ идеаламъ, кто, блуждая или ошибаясь, *какъ всѣ мы*, направляетъ свои взоры къ наивысшему,—достигается ли оно, возможно ли, или даже желательно ли достиженіе, все равно! Сиддхарта, Спиноза и Лессингъ понимали это иначе, какъ вы знаете.

На сегодня довольно...

2.

С.-Петербургъ, Казанская ул., д. 6, кв. 4. 27 ноября 1879 г.

„Arjuna's Hand and Kapila's Brain,
Holy Buddha's Heart and Kâlidâsa's Strain!" [1])

Идеалъ индуса.

Многоуважаемый другъ! Я былъ сегодня у васъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ васъ дома. Я надѣюсь въ скоромъ времени опять побывать у васъ и узнать, какъ вы теперь себя чувствуете. Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я отъ княгини В., что съ нѣкоторыхъ поръ вамъ нездоровится.

Можетъ быть, вы слишкомъ печалитесь о невозвратной утратѣ, которая выпала на вашу долю три года тому назадъ. Но если вы не можете найти утѣшенія, то что̀ же остается дѣлать другимъ женщинамъ при такихъ условіяхъ? Только очень немногія женщины имѣли подобнаго мужа—вѣдь труды вашего покойнаго супруга возрастаютъ все больше и больше и въ извѣстности, и въ полезномъ значеніи, и прожить одинъ годъ съ такимъ человѣкомъ предпочтительнѣе, чѣмъ прожить съ другими цѣлую жизнь...

Я часто говорилъ вамъ въ теченіе послѣдняго года, что въ нашей литературѣ (индусской и буддистской) вы нашли бы *совершенно особенное утѣшеніе*, если бы вы обратились къ ориги-

---

[1]) Рука Аруны, мозгъ Капилы, святого Будды сердце и порывъ Калидасы.

чаламъ. Къ сожалѣнію, пока объ этомъ нечего и думать, ибо, какъ я узналъ, вы не особенно расположены въ данное время къ какой-либо строгой умственной дѣятельности. Впрочемъ, вы могли бы воспользоваться переводами: именно теперь издаетъ Максъ Мюллеръ „Священныя книги Востока".

Недавно я пріобрѣлъ себѣ первый томъ („Упанишады") и въ свободное время началъ сличать переводъ съ оригинальнымъ текстомъ. Каково же было мое изумленіе! Переводъ такъ далекъ отъ оригинала! Богъ вѣсть почему, но столь многое оказывается утраченнымъ, что, читая переводъ, я почти вовсе не чувствовалъ, что читаю наши превосходныя „Упанишады". Профессоръ Максъ Мюллеръ (котораго я, впрочемъ, глубоко уважаю, какъ вы знаете) многихъ словъ и фразъ совершенно не понялъ,—зачастую онъ не въ состояніи проникнуть *въ самый духъ* стиховъ и выискиваетъ различныя ухищренныя тонкости тамъ, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Приведу для васъ изъ числа многихъ примѣровъ одинъ.

Въ „Châ${}$ndogya Upanishad"'ѣ (VI) встрѣчается слѣдующій хорошо извѣстный стихъ—каждый индусъ знаетъ его наизусть и вполнѣ усвоиваетъ себѣ его значеніе... [1])

Я выписываю слова бенгальскимъ шрифтомъ (ибо мы всегда употребляемъ этотъ шрифтъ, какъ болѣе удобный по сравненію съ Devanagri), а вотъ то же самое латинскимъ шрифтомъ: „Etadâtmyam idam sarvam, tat satyam, sa âtmâ *tat tvam asi, Svetaketo!*"

Вы навѣрно уже раньше слышали или читали эти стихи. Въ переводѣ они значатъ:—Это все содержитъ въ себѣ божественное какъ свою жизнь; это божественное есть истина; это божественное есть міровая душа; это ты и есть, о Светакето!

Къ этому Максъ Мюллеръ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Я сомнѣваюсь, возможно ли связать съ этими словами какія-нибудь опредѣленныя мысли"—а для насъ смыслъ этихъ стиховъ ясенъ какъ день.

При этомъ надо еще принять въ соображеніе, какъ трудно переводить философскія и поэтическія реченія съ санскрита на такой гибридный языкъ, какъ англійскій. Изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, которые я знаю, англійскій языкъ всего менѣе пригоденъ для перевода съ санскрита. Французскій языкъ пригоденъ едва-ли въ бóльшей мѣрѣ. Итальянскій языкъ, насколько я могу судить о немъ, оказывается уже болѣе подходящимъ,

[1]) Слѣдуетъ выписка подлиннаго текста.

точно также и нѣмецкій. Можетъ быть, всего болѣе пригоднымъ должно признать русскій языкъ съ его богатыми склоненіями и причастными формами.

А помните ли вы, что̀ такъ вѣрно и такъ хорошо говоритъ Шопенгауэръ въ своихъ „Parerga“:—Господа европейскіе оріенталисты понимаютъ-де санскритскія произведенія примѣрно такъ же, какъ наши школьники старшаго возраста—греческія.

Я, кажется, уже разсказывалъ вамъ, что когда я пріѣхалъ въ Европу, имена великихъ оріенталистовъ возбуждали во мнѣ энтузіазмъ, доходящій до восхищенія, и почтеніе, доходящее до преклоненія. Тогда я думалъ, что эти господа знаютъ санскритскій языкъ какъ свой собственный, или даже еще лучше. Но какое огромное разочарованіе испыталъ я, когда, обкрадывая свои свободные часы, я перечиталъ мало-по-малу ихъ сочиненія на нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ! Правда, все это очень ученыя и холодныя изслѣдованія; но я никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что господа эти не понимаютъ языка должнымъ образомъ, что они не овладѣли *духомъ* ни языка, ни литературы, что, напр., Альбрехтъ Веберъ не понимаетъ „Сакунталу“ такъ же хорошо, какъ я понимаю „Ифигенію“ или „Фауста“. Да и можно ли было ожидать иного? Я часто говорилъ, что большинство европейскихъ оріенталистовъ не видали ни одной индійской пагоды и ни одного брамина, и ужъ, конечно, не бесѣдовали ни съ однимъ браминомъ — такъ гдѣ же имѣть имъ вѣрное понятіе о нашей поэзіи, философіи или теологіи!

Можно было бы еще многое сказать по этому поводу, но недостатокъ мѣста заставляетъ меня заключить словами Гёте:

„Wer will den Dichter gut verstehen,
Der muss in Dichter's Lande gehen“ [1]).

И *это* гораздо необходимѣе для того, чтобы понять насъ, чѣмъ для того, чтобы понять грековъ, которые все же европейцы и которые имѣли почти тѣ же нравы и обычаи, что̀ и теперешніе европейцы.

Я повторяю вамъ теперь то̀, что̀ я говаривалъ года 3—4 тому назадъ въ Лейпцигѣ передъ большими собраніями — и къ большому неудовольствію оріенталистовъ: у европейцевъ нѣтъ правильнаго представленія ни о древней, ни о новой Индіи. Сами индусы до сихъ поръ еще молчатъ, а потому и европейцы,

---

[1]) Чтобы понять поэта, нужно отправиться въ его страну.

чтобы быть справедливыми и христіанами, должны были бы по большей части тоже молчать, когда рѣчь заходитъ объ Индіи.

Посылаю вамъ двѣ фотографическія карточки—одну для васъ, а другую для вашей племянницы. Въ свою очередь, усердно прошу васъ обѣихъ прислать мнѣ ваши карточки...

Что касается моихъ занятій, то я прилежно изучаю русскій языкъ, русскую литературу, русскую исторію (какъ древнюю, такъ и новую), русскіе нравы и обычаи,—однимъ словомъ, все, что касается Россіи. Кромѣ того, я занимаюсь древней и новой Индіей — поле это безграничное, какъ вы легко можете себѣ представить. Въ крайнихъ потемкахъ наидревнѣйшей исторіи Индіи мнѣ хотѣлось бы найти хоть что-нибудь вѣрное и положительное. *Я ищу, а потому и найду.*

Когда выдается лишній досугъ, я читаю что-нибудь по-французски, и за послѣдніе мѣсяцы я, кажется, уже сдѣлалъ порядочные успѣхи. Но эта литература такъ не похожа на нѣмецкую, хотя тоже имѣетъ свои хорошія стороны. Подумайте, я читаю теперь „Les femmes savantes“!

Прилагаю къ этому письму одинъ индійскій журналъ, въ которомъ говорится кое-что о буддизмѣ; это васъ заинтересуетъ. Только печать отвратительно плоха. Надѣюсь, что и продолженіе вамъ понравится...

3.

Боннъ, Grand-Hôtel Royal. 11 іюля 1880 г. —...Я опять на моей *германской* родинѣ, и снова вокругъ меня свободные, откровенные, правдивые люди, которые любятъ истину и дерзаютъ говорить ее... Впрочемъ, несмотря ни на что, я сохраняю прекрасное воспоминаніе о васъ, такъ много старавшейся о томъ, чтобы расширить область свѣта около меня. Вы, вѣроятно, знали, что я всегда чувствовалъ къ вамъ большую симпатію,—я чувствую ее къ вамъ и до сихъ поръ, не только какъ къ вдовѣ, но и какъ къ личности. Вы думаете, — я не могу представить себѣ всего, что вы пережили и къ чему стремились? Повѣрьте мнѣ, я уже давно зналъ всю вашу жизнь: я прочиталъ ее въ чертахъ вашего лица, въ вашихъ рѣчахъ... никто не можетъ мнѣ сказать чего-либо новаго про васъ...

Я снова перечелъ „Религію Будды“ Кёппена—не позволите ли вы мнѣ сохранить эту книгу, какъ воспоминаніе о васъ? Собственно говоря, книга эта имѣетъ много недостатковъ, но она очень хороша для *того*, кто изслѣдовалъ этотъ предметъ само-

стоятельно и желаетъ продолжать свою работу: въ ней указаны очень многіе вспомогательные источники, имѣющіе большое значеніе для изслѣдователя. Простымъ читателямъ едва-ли можно рекомендовать эту книгу, ибо авторъ, очевидно, не питаетъ сочувствія ни къ сюжету, ни, такъ сказать, къ герою сюжета, а потому и не въ состояніи относиться къ своей задачѣ справедливо.

Чтобы правильно оцѣнить Будду и буддизмъ, надо носить въ самомъ себѣ нѣчто *буддистское*.

Популярная книжечка Милля, которую вы, можетъ быть, видѣли, далеко не такъ научна, но за то гораздо правдивѣе и пригоднѣе для простого читателя.

Кёппенъ придерживается стараго толкованія нирваны — его нельзя упрекать за это, такъ какъ его книга написана нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще не имѣли никакого понятія о настоящемъ смыслѣ этого слова.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, одинъ высокопросвѣщенный собесѣдникъ сообщилъ мнѣ, что и г. Соловьевъ упоминаетъ въ своемъ разсужденіи о нирванѣ какъ объ упраздненіи бытія. Это меня удивило, такъ какъ я думалъ, что онъ уже прочелъ въ „Gegenwart" тотъ небольшой палійскій текстъ изъ „Mihnda Prasna", который я издалъ 4—5 лѣтъ тому назадъ. Вѣдь неправильнымъ истолкованіемъ нирваны онъ унижаетъ буддизмъ и ставитъ его ниже христіанства, какъ это дѣлаютъ миссіонеры и духовныя лица. А я полагалъ, что у него больше любви къ истинѣ, чѣмъ у тѣхъ „едино-спасающихъ" фанатиковъ. Хотя, когда я предложилъ свое истолкованіе нирваны, почти всѣ ученые сомнительно покачали головами, а духовныя лица подняли крикъ, тѣмъ не менѣе мои объясненія были приняты съ тѣхъ поръ многими компетентными сектами. Другое утвержденіе, а именно, что христіанство обязано буддизму *очень многимъ* (я припоминаю, что вы сами какъ-то разъ сдѣлали проницательное замѣчаніе въ этомъ родѣ), будетъ точно также современемъ *фактически* доказано — будьте въ этомъ увѣрены. За послѣдніе мѣсяцы появилось нѣсколько статей и опубликованы нѣкоторыя новыя надписи, доказывающія вѣрность моего утвержденія...

[На отдѣльномъ листкѣ.] „Какъ единый огонь, проникая собою весь міръ, принимаетъ въ каждомъ существѣ свойственный этому существу образъ, такъ и единый духъ, все собою наполняющій, принимаетъ, смотря по существу, то ту, то другую внѣшнюю форму".—Изъ „Катопанишадъ".

„Какъ солнце—око цѣлаго міра—не заражается внѣшними болѣзнями, принадлежащими глазу, такъ и единый духъ, все со-

бою наполняющій, не страдаетъ отъ внѣшнихъ золъ человѣческаго бытія".—Оттуда же.

NB. И мы, индусы, вѣруемъ въ это, не взирая на магометанъ (султанъ Махмудъ, Гуриды, Аурангзибъ и т. д.), не взирая на англійское владычество (голодовки, чума, малярія и т. д.), не взирая на всѣхъ тигровъ и гремучихъ змѣй, и—если позволите—не взирая *даже на философію Шопенгауэра*.—Н. Ч.

„Мудры тѣ люди, которые въ глубинѣ собственнаго существа провидятъ единый, все собою наполняющій, всеустрояющій духъ, распредѣляющій единую сущность по разнымъ образамъ. Только ихъ счастье вѣчно, а *не другихъ людей*".—Изъ „Катопанишадъ".

NB. Эта мысль проходитъ черезъ всю нашу Веданту,—можно сказать, черезъ всю индусскую литературу. Въ „Вишнупуранѣ" (I. „Друвопакьянамъ") семь ришіевъ (мудрецовъ) говорятъ молодому Друвѣ: „Только тотъ достигаетъ высочайшаго счастія, кто позналъ *Вѣчнаго*".—Н. Ч.

„Одни мудрецы называютъ *это* природой; другіе—заблуждающіеся—временемъ; на самомъ дѣлѣ въ этомъ мірѣ царитъ мощь божественнаго начала, и ею приводится въ обращеніе это колесо Брамы (т.-е. все мірозданіе)". — Изъ „Светасветаропанишадъ".

Эти четыре строфы изъ нашей Веданты перевелъ я для васъ. Я буду радъ, если онѣ вамъ понравятся. Мы, индусы, находимъ въ нихъ такъ много смысла, что намъ достаточно одной строфы на день, а иногда и на цѣлую недѣлю.

На слѣдующей страницѣ посылаю моей любознательной ученицѣ двустишіе изъ „Сакунталы":—

„Цвѣтокъ лотоса прекрасенъ и тогда, когда онъ обросъ мохомъ; пятна на лунѣ, хотя и темныя, лишь усиливаютъ ея привлекательность; эта стройная красавица (Сакунтала) кажется еще прелестнѣе въ своемъ рогожномъ одѣяніи: *что только не служитъ къ украшенію милыхъ лицъ*"!?...—1-ый актъ.

XVIII.—М. А. Зичи [1]).

14 марта 1876 г.—Многоуважаемая графиня! Немедленно по полученіи вашего письма я отвѣчалъ вамъ и адресовалъ свое письмо poste restante въ Римъ.

---

[1]) Письмо писано по-французски.

Съ тѣхъ поръ я получилъ другія указанія, но надѣюсь все-таки, что мое письмо попадетъ въ ваши руки.

Съ большимъ удовольствіемъ принимаю вашъ заказъ и беру на себя написать портретъ графа Алексѣя Толстого.

Способъ акварельной живописи, который я теперь употребляю, есть нѣчто среднее между обыкновенной акварелью и живописью масляными красками. Способъ этотъ даетъ мнѣ возможность, буде вы того пожелаете, написать цѣлую фигуру въ натуральную величину. Стекла эта живопись не требуетъ.

Я уѣзжаю изъ Парижа въ концѣ этого мѣсяца и пробуду около шести недѣль въ Буда-Пештѣ (Museumgasse, № 8).

Меня пригласили туда, чтобы исполнить большой заказъ венгерскаго правительства; на этотъ разъ я буду писать масляными красками.

Говорю это для того, чтобы показать, что я чувствую въ себѣ достаточно силъ, чтобы вернуться къ жанру моихъ первыхъ работъ, если меня просятъ или побуждаютъ оставить на время созданный мною способъ живописи.

Примите мою благодарность за добрую память, которую вы соблаговолили сохранить обо мнѣ...

XIX. — Фр. Листъ [1]).

Вилла д'Эсте. 25 октября 1875 г. — Графиня, позволяю себѣ писать вамъ только для того, чтобы поддержать вашу скорбь.

Знаменитый поэтъ, далеко не достигавшій ни благородства души, ни высоты ума вашего супруга, сказалъ:

„Le seul bien qui me reste au monde,
Est d'avoir quelquefois pleuré" [2]).

Я чувствую это *благо*, думая о моемъ великодушномъ другѣ Алексѣѣ Толстомъ. На его памяти — печать безсмертія.

Съ глубокимъ почтеніемъ любящій васъ искренно Ф. Л.

---

[1]) Письмо писано по-французски.

[2]) „Одно осталось благо у меня на свѣтѣ—
То память дней, когда случалось плакать мнѣ".
(Изъ стихотворенія Мюссэ: „Tristesse".)

XX.—М. П. Соловьевъ [1]).

1.

С.-Петербургъ, Николаевская, № 16, кв. 38. 28 марта 1883 г. — Жду... письма и потому еще не пишу С. П., многоуважаемая графиня, а тѣмъ временемъ разскажу вамъ о Рафаэлевскомъ праздникѣ. Онъ сошелъ удачно. Зала была увѣшана прекрасными копіями. Въ глубинѣ, среди темнокрасной драпировки и свѣжей зелени, кротко свѣтила свѣженькая копія Сикстинской Мадонны; подъ ней, среди пѣвчихъ капеллы, одѣтыхъ въ блѣднокрасныя красивыя платья, стоялъ увѣнчанный лаврами Рафаэлевскій бюстъ Лаверецкаго, подъ нимъ—каѳедра, подъ ней—великій князь Владиміръ съ супругой, съ Евгеніей Максимиліановной и Павломъ Александровичемъ; супротивъ рядами: академическій синклитъ, сливки, цѣльное молоко, снятое молоко, кислое молоко и простокваша общества; на заднемъ планѣ—надежда общества, учащаяся молодежь, наши враги, которые современемъ скажутъ намъ:—прочь съ дороги! Многіе понимаютъ Ирода великаго, избившаго младенцевъ. Но не разъ въ это утро чувствовалъ я отсутствіе вашего взгляда въ этомъ морѣ головъ. Капелла пропѣла „Kyrie eleïson" Палестрины въ началѣ и въ концѣ и подѣйствовала превосходно на общее настроеніе. Дискантовъ было мало, но это мнѣ понравилось. Я чувствовалъ строгій рисунокъ, переводя слухъ на зрѣніе, и былъ удовлетворенъ. Цертелевъ написалъ самый подходящій диѳирамбъ. Я былъ немного длиненъ—цѣлой четвертью часа болѣе, чѣмъ слѣдовало, но когда извинился въ томъ передъ великимъ княземъ, великій князь замѣтилъ, что я читалъ менѣе часа: этой неправдой я былъ утѣшенъ. Отъ другихъ я, конечно, слышалъ только пріятныя вещи—другихъ же не говорятъ при даровомъ удовольствіи въ глаза dramatis personis. Иные наивно удивлялись, какъ я осмѣлился высказать похвалу идеализму и укоръ реальщикамъ громко, явно (не прячась за иниціалы, вѣроятно) предъ 700 человѣками. Впрочемъ, о томъ, чтò я читалъ, вы узнаете изъ печатнаго. Я настаиваю, чтобы отпечатано было все: портретъ Рафаэля, музыка Палестрины, рѣчь Исѣева, стихи Цертелева и „лекція" вашего слуги. Такъ, вѣроятно, и будетъ.

---

[1]) Михаилъ Петровичъ, б. начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, художникъ-миніатюристъ.

Чтò скажу еще? Была моя жена, была Юлія Өедоровна Аб., была княгиня Имеретинская... etc., etc. За обѣдомъ потѣшалъ остротами и каламбурами Якоби и были всѣ ортодоксальныя свѣтила академическаго искусства, съ ...Ч. включительно. Кто-то просилъ разрѣшенія перевести мою рѣчь на итальянскій языкъ, ради просвѣщенія бѣдныхъ итальянцевъ: я великодушно изъявилъ согласіе. Въ пустынномъ Эрмитажѣ была въ Loggi'яхъ своя выставка, при чемъ были прекрасные рисунки Рафаэля,—между прочимъ, чудеснѣйшій по точности и ясности рисунка набросокъ къ „Іоанну Предтечѣ", чтò въ Трибунѣ.

Вотъ вамъ листочекъ изъ петербургской жизни. Да проплыветъ онъ хляби вашей черноземной весны и да вызоветъ отъ васъ, скупой на это, отвѣтъ, долженствующій меня радовать...

2.

[Безъ даты.] ...Меня засыпàли вопросами, изъ коихъ я могъ убѣдиться, до какой степени сухо-фактично и бѣдно руководящими идеями преподаваніе исторіи искусства въ академіи. Какъ живо воскресали передо мной наши аудиторіи, нашъ небольшой кружокъ и многіе изъ нашихъ профессоровъ!

Конечно, была масса вопросовъ: напечатаю ли я свои лекціи и когда? Къ сожалѣнію, я не могъ дать на это отвѣтъ безъ Сомова, а сей поклонникъ голландцевъ подчуетъ меня осенней книжкой, чего я вовсе не желаю. N. всякій византизмъ претитъ—совсѣмъ огазетился человѣкъ, и на него надежды плохи; остается, кажется, одинъ Катковъ, но бѣда въ томъ, что даже если и напечатается тамъ моя проповѣдь, платитъ онъ мало, а деньги очень нужны. Кому только онѣ не нужны, проклятыя!

Что же сказать вамъ еще? Моя жизнь какой-то полусонъ между механической дѣятельностью по ремеслу, гдѣ умъ дѣйствуетъ какъ пружина автомата, и міромъ желаній и мечтаній, не имѣющихъ общаго съ дѣйствительностью. Въ двухъ лекціяхъ дѣло будто бы слилось съ запросами души, и я какъ будто жилъ, но такъ ли это—право, боюсь отвѣтить.

Чаще всего безконечно тяну чай у Вышеславцевыхъ. Онъ очень доволенъ моей второй лекціей. Чтò это за тѣни всѣ люди! Еще у женщинъ чаще выдвинется изъ-за показной стороны другая, своя сторона, которой живутъ тѣлесно, и страдаютъ, и наслаждаются, а мужчины всегда строжайше блюдутъ, чтобы представляться существомъ двухъ измѣреній и какъ бы раскрытой

книгой съ процензурованнымъ содержаніемъ. Я задаю вопросъ: неужели взаправду В. только и живетъ искусствомъ, а другіе помыслы, иныя воспоминанія, интересы и страсти чужды ему? Говорятъ, что очень дурно заглядывать въ чужую душу, но, мнѣ кажется, дурно только заглядывать съ нечистымъ намѣреніемъ или изъ празднаго любопытства. Быть назаперти насъ принуждаетъ испорченность общежитія, но мнѣ кажется, что люди лучше, нежели о нихъ думаютъ.

Кн. Г. пришелъ въ голубиную ярость отъ моего второго письма и думаетъ, что я его обвиняю въ уничтоженіи Саваоѳа въ Сіонскомъ соборѣ: конечно, онъ ошибается. Отвергаетъ онъ и апостоловъ въ главѣ, ссылаясь на свою реставрацію: къ сожалѣнію, онъ не правъ, и его рисунокъ теперь не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Между прочимъ, готовясь къ лекціи, я *открылъ* въ миніатюрахъ аѳонской библіи, фотографированной Севастьяновымъ, продолженіе и конецъ ватиканскаго свитка Іисуса Навина. Въ XII вѣкѣ въ Византіи копировали оригиналъ, воспроизведенный уже въ VII ст. въ ватиканскомъ свиткѣ! Слѣдовало бы издать продолженіе, но кому этимъ здѣсь заняться!

А все-таки жизнь уходитъ, „тлится", не давая удовлетворенія мнѣ, пользы другимъ, и жалко становится, когда оглянешься на безплодно и безрадостно пройденный путь. Неужели божья искра, что̀ теплится въ каждомъ, освѣщаетъ только этотъ скучный путь?

С. П. передайте мой задушевный, искренній привѣтъ. Я былъ бы очень радъ получить отъ васъ нѣсколько отвѣтныхъ строкъ...

XXI.—Д. Юмъ [1]).

1.

Петербургъ, Невскій проспектъ, № 6, г. А. Аксакову, съ передачей мнѣ. 19 сентября 1877 г.—Дорогой другъ,—смѣю ли я употребить слово: „другъ" по отношенію къ вамъ? Послѣднія 19 лѣтъ оказались для меня болѣе безоблачными вслѣдствіе моего знакомства съ вашимъ столь мною любимымъ мужемъ и съ вами самими. Онъ былъ для меня идеаломъ всего добраго, правдиваго и благороднаго, и когда я узналъ, что онъ покинулъ свою бренную оболочку, я лишь почувствовалъ, что онъ вступилъ въ свою

[1]) Извѣстный спиритъ.—Письма писаны по-англійски.

настоящую область и нѣсколько приблизился къ Богу. Это и есть причина, почему я отъ всего сердца называю васъ „другомъ".

Послѣдніе пять мѣсяцевъ я провелъ съ моей женой въ Россіи, а теперь уѣзжаю на 2—3 мѣсяца въ Ниццу, такъ какъ мое слабое здоровье не въ состояніи выдержать здѣшнюю суровую зиму. Я возвращусь раннею весною и предполагаю привезти съ собой сына. Вамъ пріятно будетъ услышать, что онъ обѣщаетъ снискать себѣ крупное имя среди живописцевъ. Gudin,... и другіе компетентные судьи говорятъ о немъ какъ о талантѣ *„изъ ряду вонъ"*. Но еще важнѣе то, что онъ въ самомъ дѣлѣ хорошій малый и большое утѣшеніе для насъ обоихъ.

Нашли ли вы время, чтобы сдѣлать выборку (которую вы мнѣ любезно обѣщали) изъ писемъ любимаго вами человѣка?

У меня нѣтъ вашего вѣрнаго адреса, а потому я посылаю это письмо черезъ вашего племянника.

Я напечаталъ книгу: „Свѣтъ и тѣни спиритуализма", и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы прочли ее. Я вамъ ее пришлю, какъ только услышу отъ васъ словечко.

Могу ли я просить васъ о большой милости? Я желалъ бы получить два тома стихотвореній, изданные вами. Я уже выучилъ наизусть „Коль любить, такъ безъ разсудка..."

2.

Швейцарія, Монтрё. 7 мая 1880 г.—Дорогой другъ, я долженъ былъ писать вамъ тысячу лѣтъ тому назадъ, но, по сущей правдѣ, я прошелъ съ октября мѣсяца прошлаго года черезъ столько заботъ и терзаній, что и до сихъ поръ не могу еще придти въ себя.

Въ мартѣ, только-что Бахметевы уѣхали изъ Парижа, меня вызвали туда телеграммой изъ-за опасной болѣзни моего сына, который заболѣлъ оспой. Слава Богу, теперь онъ совсѣмъ поправился,—ужасная болѣзнь не оставила даже никакихъ слѣдовъ.

Въ апрѣлѣ, 7-го числа, я покинулъ съ нимъ Парижъ, и только-что пріѣхалъ сюда, какъ самъ заболѣлъ очень опасно, такъ что боялись за мою жизнь. Я не выходилъ изъ комнаты три недѣли. Случилась же моя болѣзнь вслѣдствіе того, что въ день отъѣзда изъ Парижа я съѣлъ ядовитую устрицу.

Мой сынъ съ нами, и мы составляемъ счастливое тріо. Завтра день его рожденія, ему минетъ 21 годъ. Онъ много и усердно поработалъ здѣсь, написалъ нѣсколько удивительно красивыхъ

этюдовъ. Въ концѣ этого мѣсяца онъ ѣдетъ въ Бретань, на берегъ моря, и будетъ тамъ писать этюды съ натуры; мы же ѣдемъ въ Aix-les-Bains и оттуда въ Виши. Этотъ годъ я недостаточно здоровъ, чтобы предпринять путешествіе въ Россію. Дорогая моя женушка чувствуетъ себя тоже очень нехорошо...

Найдите, пожалуйста, свободную минуту и напишите мнѣ хоть одну строчку, какъ здоровье князя Ц. и всѣхъ васъ. Надѣюсь, что милыя дѣти не забыли про „сыръ съ вареньемъ"...

Вы знаете, какъ много и нѣжно я васъ люблю, и какъ высоко цѣню я вашу дружбу...

XXII.—П. А. Висковатовъ [1]).

Первая встрѣча съ гр. А. Толстымъ.

Разсказъ А. С. Безобразовой.

Посвящается ей и М. В. Гагариной.

Мы съ тобою на террасѣ смотримъ въ ночь: предъ нами море
Ровной гладкой синевою разлилося на просторѣ;
Все усѣяно звѣздами небо синее надъ Ниццей;
Среди пальмъ и кипарисовъ смотрятъ виллы вереницей;
Въ темной зелени садовой ярко блещетъ мраморъ бѣлый;
На дорогу легъ, прорвавшись изъ окошка, лучъ несмѣлый;
Все кругомъ благоухаетъ—небеса и море сини,
А душой еще мы слышимъ звуки музыки Россини.

Чу!.. идетъ по саду кто-то... Въ лучевомъ свѣту предъ нами
Вотъ предсталъ онъ вдохновенный, ясный, съ кроткими очами.
Помню рѣчь его простую, полную любви и свѣта...
Ночь я эту не забуду, не забуду я поэта.

Дерптъ. 21 ноября 1877 г.

Каюсь вамъ, графиня! Я тогда мало зналъ поэта. У меня даже не было его сочиненій!! Александра Сергѣевна или—употребляя форму, подъ коей вы тотчасъ ее узнали—Сашенька Б. стыдила меня и заставила прочесть книгу его стихотвореній. Она была впервые въ рукахъ у меня. Я затѣмъ долго съ нею не разставался и въ декабрѣ 1877 г. писалъ Александрѣ Сергѣевнѣ:—

Права ты! Я постигъ Толстого.
Черезъ тебя онъ руку мнѣ подалъ,

[1]) Павелъ Александровичъ, б. профессоръ дерптскаго университета.

„Средь міра лжи, средь міра мнѣ чужого“,
Когда душой я изнывалъ.
И прежнія опять проснулись силы,
И отряхнулъ отъ вѣкъ я тяжесть сна,
И жизни образы мнѣ стали милы,
И снова на-сердцѣ моемъ весна...

Это чисто субъективное произведеніе я списалъ потому, что оно было написано близъ того перваго, которое я обѣщалъ вамъ прислать и которое можетъ быть для васъ любопытно. Оно было вызвано весьма живымъ разсказомъ Александры Сергѣевны...

Сообщ. Г. Х—о.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

ПОВѢСТЬ.

The Sinews of War. By Eden Phillpots and Arnold Benett. London. 1907.

VII *).

Автомобиль сэра Антони Дидринга ждалъ на улицѣ, недалеко отъ входа, но зданіе суда было окружено возбужденной толпой, и пробить себѣ дорогу черезъ нее было довольно трудно. Толпа взволнованно обсуждала сенсаціонное дѣло. Сэръ Антони, сѣвъ въ автомобиль, затрубилъ самъ въ рожокъ, чтобы разсѣять толпу. Послѣ долгихъ усилій имъ удалось, наконецъ, выбраться изъ толпы, провожавшей ихъ злобными взглядами и восклицаніями; этимъ она выражала свое возмущеніе показной роскошью богачей, разъѣзжающихъ въ автомобиляхъ и готовыхъ давить несчастныхъ пѣшеходовъ. Автомобиль повернулъ за уголъ и помчался со скоростью тридцати верстъ въ часъ.

— Идіоты!—выругался баронетъ, оглядываясь на толпу.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, что̀ означаетъ это похищеніе? Куда ты меня везешь? — спросилъ Филиппъ.

— Мы ѣдемъ завтракать въ ресторанъ „Плоть и Кровь“,— отвѣтилъ Тони.—Тамъ я объясню. Теперь не могу разговаривать.

— Но тебѣ придется скоро повести разговоръ съ полицейскимъ,—сказалъ Филиппъ,—если ты не умѣришь ходъ машины. Впрочемъ, машина не моя, и я не отвѣчаю.—Онъ сдѣлалъ при этомъ жестъ, говорившій, что его собственная жизнь не имѣетъ

*) См выше: январь, стр. 303.

значенія, и онъ не боится за нее. Тони продолжалъ ѣхать тѣмъ же аллюромъ. Онъ проѣхалъ по Оксфордъ-Стриту съ быстротой, изъ-за которой его слѣдовало бы исключить изъ автомобильнаго клуба, и его дальнѣйшій проѣздъ черезъ Ольбермэрль-Стритъ былъ нарушеніемъ всякихъ правилъ и могъ вызвать мятежъ честнаго рабочаго класса. Наконецъ онъ остановился передъ домомъ съ широкими окнами и выскочилъ изъ автомобиля со вздохомъ облегченія.

— Уфъ! — проговорилъ онъ. — Теперь я наконецъ успокоился. — Будьте тутъ къ четыремъ, — сказалъ онъ шофферу.

Шоффёръ почтительно приложилъ руку къ козырьку фуражки, но видно было, что онъ втайнѣ помышляетъ о томъ, что не дурно бы поискать другой службы.

— Я чуть не прошибъ себѣ голову, стараясь протолкаться въ залу засѣданія! — сказалъ Тони, отирая вспотѣвшее лицо. — Но за дверью изнутри стояла толпа народа, и дверь не отворялась. Я заплатилъ полъ-кроны полисмену за то, чтобы онъ держалъ открытой хоть маленькую щелку. Такимъ образомъ мнѣ удалось просунуть носъ въ залу. Но я почти ничего не слышалъ. Ты вѣдь знаешь, какой я нервный! Я былъ внѣ себя. Почему ты не пришелъ вчера? Я цѣлый часъ ждалъ тебя къ обѣду и всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

Филиппъ посмотрѣлъ на его молодое невинное лицо.

— Что̀ случилось? — мягко спросилъ онъ. — Что̀ тебя тревожитъ?

Тони прошепталъ, косясь на лакея, стоявшаго по близости.

— Джиральда! Пойдемъ!

Они вошли въ мраморныя сѣни „Физическаго клуба“, столь же знаменитаго, какъ ресторанъ „Плоть и Кровь“. Этотъ клубъ былъ самымъ моднымъ въ Лондонѣ. Всѣ стремились попасть въ него, и хотя членскій взносъ былъ очень высокій — двадцать гиней въ годъ, но онъ все же насчитывалъ тысячу-восемьсотъ членовъ, въ томъ числѣ четыреста женщинъ. Одной изъ оригинальностей клуба было то, что онъ былъ смѣшанный, а не исключительно мужской.

Отъ вниманія многихъ развитыхъ членовъ аристократіи, плутократіи и артистическихъ круговъ — всѣ они внимательно читаютѣ газеты — не могло ускользнуть то обстоятельство, что британская раса вырождается. Разнообразныя причины, начиная отъ профессіональнаго футбола и до нелѣпо возрастающей маніи конкурсныхъ экзаменовъ, содѣйствовали постепенному физическому упадку нѣкогда геркулесовскаго племени, и патріотически на-

строенные умы рѣшили, что необходимо принять мѣры — и остановить постепенное вырожденіе. Они поняли, что аристократія, плутократія и артисты должны подать благотворный примѣръ остальному населенію, и съ этой цѣлью основанъ былъ „Физическій клубъ". Тамъ были бассейны для плаванія (въ первый годъ вопросъ о совмѣстномъ купаніи дамъ и мужчинъ чуть не привелъ къ закрытію клуба), семнадцать другихъ купальныхъ комнатъ, затѣмъ фехтовальныя залы, билльярдныя, скэтингъ-рингъ, помѣщенія для атлетическихъ игръ, для бокса, для стрѣльбы, бальныя залы и нѣсколько залъ для карточной игры. Кромѣ того, тамъ были маникюры, педикюры, массажисты, парикмахеры, спеціалисты по уходу за лицомъ. Были также собственные американскіе дантисты, свои поля въ Вэмбль-Паркѣ для крикета, футбола и хокэ; затѣмъ нанято было мѣсто въ Виблътонѣ для гольфа. Кромѣ того, ресторанъ былъ лучшій, чѣмъ во всѣхъ другихъ лондонскихъ клубахъ. Не было забыто ничего, что могло бы противодѣйствовать физическому вырожденію. Помѣщеніе клуба было чрезвычайно роскошное; все устроено было красиво, такъ какъ для физическаго благосостоянія необходимо, чтобы ничто не оскорбляло глазъ. Была, конечно, и читальня, но считалось не совсѣмъ приличнымъ показываться тамъ.

Сэръ Антони записалъ имя Филиппа въ книгу въ сафьянномъ переплетѣ, лежавшую въ вестибюлѣ, и провелъ его въ ресторанъ — съ мраморными стѣнами, какъ вестибюль и какъ купальныя комнаты. Музыка не допускалась въ ресторанѣ, чтобы ничто не отвлекало являющихся туда отъ важнаго процесса ѣды—самаго существеннаго въ физической жизни. Когда Тони и Филиппъ вошли въ залу, ихъ встрѣтилъ у дверей знаменитый мэтръ д'отель Дюмилатръ, служившій въ ресторанѣ Сиро въ Монте-Карло. Онъ славился не только своими огромными гастрономическими познаніями, но, главнымъ образомъ, своимъ внушительнымъ видомъ и манерами. Дюмилатръ священнодѣйствовалъ. Каждому входящему въ ресторанъ онъ говорилъ: — „Приблизьтесь съ должной торжественностью къ главному моменту дня, посвятите всѣ силы вашего ума выбору подходящей и тонкой ѣды". — Онъ говорилъ это съ неподражаемой величавостью и убѣждалъ самыхъ равнодушныхъ къ ѣдѣ людей въ чрезвычайной важности процесса принятія пищи.

Дюмилатръ, худой и длинный, провелъ своихъ паціентовъ въ тихій уголокъ залы.

— Подайте намъ легкій, простой лёнчъ, — заказалъ Тони.

— Легкій лёнчъ? Bien!—сказалъ Дюмилатръ и, какъ поэтъ, углубился въ свои мысли, отдаваясь вдохновенію.

Филиппъ и Тони ждали, затаивъ дыханіе.

— Бѣлужья икра,—проговорилъ наконецъ Дюмилатръ, глядя въ глаза Тони. Онъ зналъ, что Тони любитъ икру.—Яйца à la Grand Duc—Baron de Pauillac.—Спаржа Mousseline.—Тутъ онъ остановился и прибавилъ вдохновенно:—Parfait au Mokka.

Онъ самодовольно улыбнулся, сознавая, что исполнилъ въ совершенствѣ свою важную роль въ дѣлѣ спасенія англосаксонской расы.

— Ну, а вино?—сказалъ Тони.—Мнѣ нужно поднять нервы. Шампанскаго, что-ли?

— Какъ прикажете,—отвѣтилъ Дюмилатръ, но по его тону видно было, что шампанское не подходитъ для созданнаго имъ мэню.

— Такъ какое же?

— Мутонъ-Ротшильдъ или еще Сенъ-Жакъ.

— Сенъ-Жакъ,—рѣшилъ Тони и взглянулъ на Филиппа, ища его одобренія.

Дюмилатръ удалился, чтобы дать соотвѣтствующія распоряженія, а два его аколита стали накрывать столъ. Было еще рано, и въ ресторанѣ не было никого кромѣ двухъ пріятелей.

— Филь,—началъ баронетъ, взявшись за икру:—помнишь, я сказалъ тебѣ въ среду, что ходилъ семьдесятъ-пять вечеровъ сряду въ одинъ и тотъ же театръ ради одной актрисы?

— Ты говорилъ семьдесятъ-три,—поправилъ его Филиппъ.

— Ну, можетъ быть семьдесятъ-три—не помню. Словомъ, эта актриса была Джиральда.

— Чортъ возьми! Ты знакомъ съ ней?

— Въ сущности, нѣтъ. Она, видишь ли,—не такая, и хотя я осыпàлъ ее цвѣтами, она не желала завести со мной знакомство. Я уже думалъ, что излечился отъ своей страсти—это была дѣйствительная страсть, другъ мой. Но когда я прочелъ ея имя во вчерашнихъ газетахъ, я чуть съ ума не сошелъ. Нужно разыскать Джиральду, Филь! Можетъ быть, ей грозитъ опасность.

— Она была красива?

— Чтò? Ты спрашиваешь, была ли Джиральда красива? Да она самая красивая актриса во всемъ Лондонѣ! Всѣ молодые люди въ сентъ-джэмскомъ округѣ влюблены въ нее. Неужели ты никогда не видѣлъ ее на сценѣ?

— Нѣтъ.

— Какъ это возможно! Она получаетъ сто гиней въ недѣлю — сто гиней... Да, благодарю васъ, принесите яйца и масла... Взгляни хоть на ея портретъ, если ты ее не видѣлъ живую.

Тони обратилъ вниманіе своего друга на чрезвычайно яркій портретъ масляными красками молодой женщины въ греческомъ костюмѣ. Портретъ висѣлъ надъ большимъ каминомъ въ столовой.

— Это работа знаменитаго Петифера, его подарокъ нашему клубу. Онъ ее изобразилъ богиней Гигеей. Ну что̀, нравится?

Филиппъ долго смотрѣлъ на портретъ.

— Если она дѣйствительно исчезла, — сказалъ онъ, наконецъ, — то ее необходимо разыскать. Нельзя допустить, чтобы пропала такая женщина.

— Конечно,—искренно согласился баронетъ.—Вотъ, напримѣръ, пьеса, въ которой она играла, была бы совершенно неинтересна безъ нея. Я-то ужъ это знаю, видѣвъ ее семьдесятъ... семьдесятъ-три раза.

— А она уже давно на сценѣ?—спросилъ Филиппъ.

— Да, около десяти лѣтъ. Она начала играть въ пятнадцать лѣтъ, въ провинціи, и тамъ пробыла цѣлыхъ восемь лѣтъ. Наконецъ, ее открылъ тамъ и вывезъ сюда Токки-Токки. Черезъ недѣлю она всѣхъ свела съ ума. Ея именемъ названъ одинъ отель въ Блюмсбюри, и отель этотъ всегда переполненъ. Ея имя притягиваетъ всѣхъ, видавшихъ ее.

— Да, вотъ это слава!—пробормоталъ Филиппъ, продолжая упорно глядѣть на портретъ. — И какъ странно, что она—дочь того стараго моряка,—прибавилъ онъ.—Вѣдь ты, я думаю, радъ былъ бы жениться на ней?

— Конечно,—отвѣтилъ баронетъ.—Пусть бы только она согласилась. Я хоть завтра подъ вѣнецъ.

— А между тѣмъ ты ничего о ней не знаешь.

— Я влюбленъ въ нее,—настаивалъ баронетъ.—Ты ее не видѣлъ — и не знаешь, что̀ такое любовь. Ты всегда былъ ледяной сосулькой... Человѣкъ, принесите Parfait au Mokka.

— Ну, а какъ же найти Джиральду?—спросилъ Филиппъ.— Ты что̀ предполагаешь: что она скрывается, или что ее захватили и гдѣ-нибудь прячутъ? Что̀ могло съ ней случиться?

— Да что̀ можетъ случиться съ такой женщиной, какъ она!

Они оба взглянули на прекрасное, гордое лицо на портретѣ. Казалось, что ничего печальнаго нельзя связать съ этимъ существомъ, созданнымъ для радости и наслажденія.

— Я отправлюсь въ Скотлэндъ-Ярдъ, повидаю Варко и по-

стараюсь его убѣдить, что самое важное для разслѣдованія дѣла Поликсфена—это разыскать Джиральду.

— И ты надѣешься получить въ награду ея руку?—спросилъ съ улыбкой Филиппъ.

— Ты не понимаешь любви, — отрывисто сказалъ Тони. — Пойдемъ покурить.

Онъ уплатилъ по счету у кассы, и Дюмилатръ проводилъ ихъ благословляющимъ жестомъ. Было около часу, и въ ресторанѣ собралось уже много членовъ клуба. Читальня же, какъ всегда, была пуста. Тамъ оказался только одинъ знакомый Тони, очень смутившійся тѣмъ, что его тамъ застали; онъ сталъ объяснять, что читаетъ объявленія о сдачѣ квартиръ, и поспѣшилъ уйти. Тони закурилъ папиросу, подошелъ къ большому окну и сталъ глядѣть внизъ на улицу. На углу Пикадилли газетчики продавали первыя изданія вечернихъ газетъ. Огромные плакаты возвѣщали „Сенсаціонное происшествіе на улицѣ“.

— Господи, помилуй!—воскликнулъ вдругъ Тони, и за этимъ послѣдовало нѣсколько менѣе невинныхъ восклицаній.

Филиппъ подошелъ къ окну и выглянулъ на улицу.

— Я не вижу ничего необычнаго,—сказалъ онъ.

— Видишь даму въ открытой коляскѣ, которая ѣдетъ прямо сюда?

— Въ огромной красной шляпѣ?

— Да, это Джози. Я пригласилъ ее сегодня къ завтраку и совершенно забылъ.

— Кто же эта Джози?

— Джозефина Файръ, другъ мой,—вторая звѣзда въ Метро. Она и Джиральда—соперницы.

— Такъ ты и ее любишь?—спросилъ Филиппъ.

— Видишь ли, въ виду неудачи съ Джиральдой... мнѣ пришлось... Джози презабавная... Словомъ, она думаетъ, что я изъ-за нея приходилъ въ театръ семьдесятъ-три раза.

— И на ней ты тоже готовъ жениться, Тони?

— Что̀ объ этомъ говорить теперь!—сказалъ баронетъ.—Ты долженъ позавтракать теперь съ нами. Я одинъ не выдержу. Я слишкомъ разстроенъ.

— Что-жъ, я согласенъ,—сказалъ Филиппъ.—Однимъ завтракомъ больше или меньше въ жизни—не все ли равно!

— Мы должны позавтракать еще разъ. Не могу же я сказать Джози, что забылъ про нее. И потомъ, вотъ еще что̀: я не могу упомянуть имя Джиральды при ней. Это было бы неделикатно. Она и такъ догадывается. Но ты можешь совершенно свободно

завести разговоръ про Джиральду — и непремѣнно это сдѣлай. Джози навѣрное знаетъ много важнаго. Сдѣлай видъ, что ты заинтересованъ Джиральдой. Понялъ? Ну, а теперь идемъ. Коляска ея остановилась.

VIII.

— Какой лёнчъ можете вы намъ предложить, Дюмилатръ?— спросилъ баронетъ.

— Прежде всего,—вмѣшалась Джозефина Файръ,—устрицы, конечно, кольчестэрскія.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Дюмилатръ.

— Затѣмъ, омары подъ майонезомъ, — продолжала Джози, и Дюмилатръ принудилъ себя изобразить улыбку на лицѣ.

— Затѣмъ, фазанъ и сыръ-горгонцолу,—продолжала Джозефина.

— А вино?—спросилъ Тони.

— Какое хотите, — сказала Джозефина.—Но должно быть, конечно, и шампанское.

Она поглядѣла съ торжествующимъ видомъ на двухъ пріятелей, на верховнаго жреца и его двухъ аколитовъ, и они поспѣшили выразить свое одобреніе. Джозефина была въ высшей степени самоувѣрена и не сомнѣвалась, что все, что̀ она дѣлаетъ, должно нравиться. Филиппъ оглянулъ пышную, красивую женщину съ темными глазами и тяжелыми губами, съ экстравагантной прической, — и подумалъ о контрастѣ ея съ женщиной на портретѣ, внутренно удивляясь вкусу Тони, вмѣщающему такія противоположности.

Второй лёнчъ прошелъ подъ предсѣдательствомъ Джозефины, которая управляла и ѣдой, и бесѣдой. Филиппу не пришлось дипломатично вводить имя Джиральды въ разговоръ, потому что съ первыхъ же словъ Джозефина сама заговорила о ней.

— Мнѣ дали, наконецъ, уборную Джиральды, — сказала она. — Это самая лучшая уборная, и, въ сущности, давно слѣдовало отдать ее мнѣ. Я вчера добилась этого отъ Токки-Токки, и потому сегодня въ хорошемъ настроеніи. Не то я была бы въ бѣшенствѣ. А вы знаете, какова я въ такихъ случаяхъ!

— Какъ вы объясняете исчезновеніе Джиральды, миссъ Файръ?—спросилъ Филиппъ.

— Наконецъ-то вы заговорили, мистеръ Мастерсъ!—весело замѣтила она.

— Мастерсъ былъ на слѣдственномъ разбирательствѣ,—ска-

залъ Тони,—и теперь еще подъ этимъ впечатлѣніемъ.—Кромѣ того, онъ заинтересованъ Джиральдой.

— Вотъ какъ! — небрежно сказала Джозефина, у которой былъ только одинъ интересъ въ жизни—она сама. Но даже она увлеклась дѣломъ, которое волновало весь Лондонъ. — У меня есть свое предположеніе. Это даже не предположеніе, а несомнѣнная правда. Я сразу знала, въ чемъ дѣло, какъ только Токки-Токки сказалъ, что Джиральда отказалась играть.

— Что̀ же вы предполагаете?

— Что̀? Конечно, дѣло въ маркизѣ.

— Въ какомъ маркизѣ? Ихъ такъ много, и всѣ они такъ похожи одинъ на другого.

— Если вы интересуетесь Джиральдой, — сказала Джозефина, — то должны же были слыхать о Тото — маркизѣ Стандего. Они убѣжали вдвоемъ—вотъ и все. Онъ моложе ея, помѣшался на любви къ Джиральдѣ — и, навѣрное, женился теперь на ней. Они прячутся первое время отъ родныхъ. Она вѣдь только для виду не подпускала его. Бѣдняжка! Я не осуждаю ее, а жалѣю. Онъ вѣдь пьетъ.

— Развѣ Стандего тоже исчезъ?—спросилъ Тони съ мрачнымъ видомъ. Онъ зналъ маркиза и былъ очень потрясенъ словами Джози.

— А вы видали его со времени исчезновенія Джиральды?— сердито спросила она.

— Кажется, нѣтъ.

— Ну, вотъ видите! —объявила она торжествующимъ тономъ. —Я вамъ говорила, что знаю навѣрное. Налейте мнѣ вина—и себѣ тоже. У васъ лицо какъ у гробовщика на похоронахъ его собственной матери, мистеръ Мастерсъ,—сказала она съ громкимъ смѣхомъ.

Въ эту минуту явился лакей и доложилъ, что по телефону спрашиваютъ сэра Антони, не тутъ ли также миссъ Файръ.

— Тутъ,—отвѣтила за него Джозефина.

— Телефонируетъ одинъ господинъ изъ „Мэтрополитэнъ-Театра“. Онъ желаетъ поговорить съ миссъ Файръ.

— Кто онъ?—быстро спросила Джози.

— Мистеръ Варко, изъ Скотлэндъ-Ярда, — сказалъ лакей, взглянувъ на записку. Джозефина смутилась, но быстро оправилась.

— Если мистеръ Варко или Парко желаетъ немедленно говорить со мной, пусть явится сюда — правда вѣдь, Тони? Я завтракаю.

— А вы знаете мистера Варко или Парко?—спросила она, когда лакей вышелъ.

— Да, — отвѣтили оба вмѣстѣ, и Тони прибавилъ: — Онъ занятъ разслѣдованіемъ дѣла Поликсфена.

Всѣ какъ-то примолкли, и менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ вошелъ м-ръ Варко, прилетѣвшій, повидимому, на крыльяхъ изъ театра, откуда телефонировалъ. Сэръ Антони представилъ его Джози. Его обхожденіе ей понравилось. Если бы не слишкомъ эксцентричныя запонки на маншетахъ и не слишкомъ романтичное выраженіе лица, онъ казался бы безупречнымъ клубменомъ. Онъ отказался отъ завтрака и отъ кофе, потому что уже завтракалъ и пилъ кофе, но согласился выпить рюмочку кюмеля и взялъ папироску изъ золотого портъ-сигара Джози. Онъ такъ беззаботно болталъ о пустякахъ, точно у него не было никакихъ дѣлъ, и досугъ его былъ неограниченъ. Наконецъ, Джозефина напомнила ему о его профессіональныхъ занятіяхъ.

— Такъ вы настоящій сыщикъ?—спросила она.—Въ первый разъ въ жизни вижу сыщика. А что̀ же вы хотите открыть во мнѣ? — спросила она, глядя на него съ подозрительностью, которая была только наполовину притворной.

— Всѣ совершенства грацій, — галантно отвѣтилъ онъ. — Но у меня есть къ вамъ просьба: позвольте мнѣ осмотрѣть вашу уборную, которая, кажется, была уборной миссъ Джиральды. Директоръ далъ разрѣшеніе — но безъ вашего согласія я, конечно, не войду туда. Оставила она тамъ какія-нибудь вещи?

— Тамъ цѣлый складъ вещей. Я ихъ всѣ сложила на полку надъ дверью.

— Если бы вы показали ихъ мнѣ, это было бы для меня драгоцѣннымъ содѣйствіемъ,—сказалъ м-ръ Варко.—И затѣмъ,— продолжалъ онъ, — я бы очень просилъ васъ удѣлить мнѣ нѣсколько времени для бесѣды.

Ему удалось убѣдить Джозефину, что только при помощи ея ума и проницательности можетъ быть разгадана тайна преступленія.

— Приходите сегодня послѣ перваго акта, — сказала она ему.—Хотите еще одну папиросу?

— Филиппъ почти безсознательно сталъ снова смотрѣть на портретъ Джиральды, которая точно высмѣивала сидѣвшихъ за столомъ своей тонкой иронической улыбкой. Теперь онъ уже находилъ нѣкоторое сходство между портретомъ и мертвымъ лицомъ Поликсфена, вспомнилъ о трупѣ стараго капитана, лежавшемъ въ покойницкой съ застывшимъ спокойнымъ лицомъ. Ему казалось, что онъ стоитъ у края пропасти и долженъ не-

премѣнно ринуться въ нее, чтобы постигнуть эту таинственную мрачную драму, которая—онъ самъ не зналъ почему—такъ привлекала его. Онъ видѣлъ несомнѣнную связь между смертью отца и бѣгствомъ дочери. Что же касается дяди Джиральды...

— Узнали вы что-нибудь о братѣ капитана?—спросила какъ разъ въ это время Джози м-ра Варко.

— Нѣтъ. Я думалъ, что вы мнѣ, можетъ быть, что-нибудь скажете.

— Джиральда никогда не говорила о своей роднѣ,—сказала Джозефина. — Мы думали, что она сирота. Ну, а у васъ нѣтъ никакихъ предположеній относительно причины исчезновенія Джиральды?

— Пока нѣтъ.

— Ужъ такъ и быть, я вамъ объясню.—Она гордо улыбнулась, и уже собиралась произнести имя маркиза Стандего, но Филиппъ предупредилъ ее, обращаясь къ сыщику:

— Надѣюсь, что вы прежде всего займетесь тѣмъ, чтобы узнать, гдѣ Джиральда. Это вѣдь самое важное,—настойчиво сказалъ Филиппъ, замѣтивъ въ глазахъ Тони умоляющее выраженіе.

— Вы не первый говорите это, — пробормоталъ Варко. — Вчера вечеромъ у меня былъ одинъ очень извѣстный въ Лондонѣ господинъ и просилъ меня оставить все остальное и разыскивать миссъ Джиральду.

— Кто же это былъ?

— Не знаю, право,—началъ было сыщикъ, но, дѣлая видъ, что повинуется властному приказу Джозефины, — сказалъ наконецъ:

— Это былъ маркизъ Стандего. Маркизъ внѣ себя отъ горя и тревоги.

Наступила пауза. Тони облегченно вздохнулъ.

— Ну, что же вы скажете теперь? — спокойно спросилъ Филиппъ Джозефину, взбѣсивъ ее своимъ презрительнымъ тономъ.

Варко поднялся.—Значитъ, до сегодняшняго вечера?—обратился онъ къ Джозефинѣ.

Всѣ поднялись. Филиппъ, выходя вслѣдъ за всѣми, взглянулъ еще разъ на портретъ, взволнованный мыслью, что оригиналъ его, можетъ быть, убитъ гдѣ-нибудь въ Лондонѣ. Филиппъ былъ странно взволнованъ однимъ только предположеніемъ.

Клубъ былъ переполненъ собравшимися членами. Узнали о томъ, что Джозефина Файръ завтракала съ сэромъ Антони, съ какимъ-то еще неизвѣстнымъ человѣкомъ — и съ знаменитымъ сыщикомъ Варко. Джозефину окружили знакомые, и въ ихъ группѣ непрерывно повторялось имя Джиральды. Наконецъ, Тони

и еще семь членовъ клуба усадили въ коляску соперницу Джиральды.

Выйдя на улицу, Филиппъ видѣлъ на всѣхъ газетныхъ плакатахъ имя Джиральды, и ему казалось, что весь Лондонъ занятъ этой тайной, овладѣвшей и его душою.

IX.

Въ „Углóвомъ Домѣ" навѣрное опять что-нибудь случилось: когда Филиппъ отправился домой вдоль Кингсуэ послѣ двойного завтрака, онъ увидѣлъ, что вся Стрэнджъ-Стритъ полна народа, и всѣ лица устремлены въ одномъ направленіи. Сидѣвшіе наверху омнибусовъ, кучера пріѣзжавшихъ кэбовъ, велосипедисты— всѣ поворачивали головы, чтобы поглядѣть въ томъ направленіи, куда глядѣла толпа. По странному совпаденію, и облака шли въ ту же сторону. Толпа зрителей все обновлялась новоприбывшими, точно тутъ происходило какое-то непрерывное зрѣлище, на которое всѣ приходили по очереди смотрѣть.

— Чтò тутъ происходитъ?—спросилъ Филиппъ какого-то продавца зубочистокъ. Но тотъ былъ занятъ выкрикиваніемъ своего товара, и не отвѣтилъ ему. Напрасно обратился Филиппъ съ тѣмъ же вопросомъ къ господину въ цилиндрѣ. Тотъ высокомѣрно поглядѣлъ на Филиппа, объясняя этимъ взглядомъ, что не разговариваетъ съ человѣкомъ, ему не представленнымъ, и повернулъ голову опять вдоль Стрэнджъ-Стрита.

Наконецъ, какой-то болѣе общительный мальчишка объяснилъ Филиппу, что всѣ смотрятъ на „Углòвый Домъ", и тогда Филиппъ понялъ, что вниманіе толпы обращено туда не потому, что домъ вотъ-вотъ обрушится, или потому что тамъ пущенъ фейерверкъ, а просто потому, что домъ этотъ былъ связанъ съ сенсаціоннымъ убійствомъ.

Тогда онъ сталъ проталкиваться черезъ толпу, не взирая на ругательства столпившихся зѣвакъ. Когда онъ, наконецъ, пробрался съ Кингсуэ въ Стрэнджъ-Стритъ и прошелъ футовъ десять, чей-то голосъ сказалъ ему:

— Если вы направляетесь къ дому, я пойду за вами.

Филиппъ оглянулся и увидѣлъ молодого человѣка, очень стройнаго, одѣтаго клэркомъ и довольно красиваго, если бы не ужасный шрамъ на лѣвой щекѣ. Филиппъ былъ пораженъ красотой мягкаго голоса. Онъ замѣтилъ, что молодой человѣкъ чрезвычайно блѣденъ и тяжело дышитъ, такъ какъ пробираться черезъ толпу

было для него страшно трудно. Филиппъ подумалъ, что онъ, вѣроятно, недавно вышелъ изъ больницы.

— Отлично, идите,—ласково предложилъ Филиппъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они достигли дома, и полицейскій, стоявшій на крыльцѣ, пропустилъ ихъ въ дверь. Молодой человѣкъ быстро побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, не обращая вниманія на мистера Гильгэ, стоявшаго внизу.

— Кто это?—спросилъ Филиппъ хозяина.

— Имя его Джонъ Мередитъ,—отвѣтилъ мистеръ Гильгэ.— Это одинъ изъ нашихъ жильцовъ.

— Онъ, кажется, очень слабаго здоровья—замѣтилъ Филиппъ.

— Да, не силенъ, бѣдняга!

Филиппъ медленно поднялся наверхъ и остановился въ первомъ этажѣ. Тамъ онъ еще медленнѣе пошелъ по коррилору, сначала налѣво, потомъ направо, направляясь въ свою комнату. Видно было, что скоро начнутъ свою работу маляры; на полу лежали доски, ведерки съ краской и лѣстницы; не было только самихъ рабочихъ. Филиппъ какъ-то инстинктивно остановился передъ дверью м-ссъ Оппотери. Онъ услышалъ за дверью легкое движеніе и покашливаніе. Потомъ онъ устыдился того, что такъ невѣжливо остановился у дверей дамы, прошелъ въ свою маленькую спальню, закрылъ за собой дверь и сталъ осматриваться. Онъ только въ первый разъ теперь имѣлъ досугъ осмотрѣть свою комнату при дневномъ свѣтѣ.

Прежде всего, онъ открылъ окно, выглянулъ въ переулокъ и замѣтилъ, что окно было только недавно прорѣзано въ стѣнѣ. Передѣлка прежнихъ большихъ комнатъ въ крошечныя спаленки связана была съ разрѣшеніемъ задачи освѣщенія. Онъ высунулся и взглянулъ въ сторону окна м-ссъ Оппотери, и замѣтилъ, что стѣна между ея комнатой и слѣдующей приходилась какъ-разъ по серединѣ прежняго окна. Архитекторъ оставилъ прежнюю раму, измѣнивъ только распредѣленіе оконныхъ стеколъ. Архитекторъ былъ, видимо, мастеръ своего дѣла. Разглядывая стѣну между своей комнатой и комнатой м-ссъ Оппотери, онъ убѣдился, что она чрезвычайно плотная, и что мистеръ Гильгэ былъ правъ, утверждая, что его стѣны не пронускаютъ звука. Филиппъ сталъ опять разсматривать окно, увидѣлъ, что нѣтъ никакихъ поврежденій на подоконникѣ, никакихъ слѣдовъ крови или застрявшаго гдѣ-нибудь обрывка куртки капитана или клочка волосъ— ничего, что могло бы вызвать подозрѣніе. Несомнѣнно, что черезъ окно, расположенное на высотѣ тринадцати или четырнадцати футовъ, легко можно было выбросить трупъ, но Филиппъ

рѣшилъ съ быстротой выводовъ, свойственной дилеттантамъ, что „капитана снесли по черной лѣстницѣ“. А между тѣмъ по дорогѣ домой онъ твердо рѣшилъ, что трупъ капитана спустили въ окно.

Прямо противъ его окна, на другой сторонѣ переулка, было другое окно, грязное и какое-то зловѣщее—на разстояніи не болѣе восьми футовъ отъ его окна. Онъ сразу сталъ подозрѣвать, что тамъ кроется разгадка преступленія, и сталъ вглядываться, тѣмъ болѣе заинтересованный, что замѣтилъ какія-то странныя движенія длиннаго бѣлаго предмета за стеклами; но потомъ онъ съ разочарованіемъ убѣдился, что въ комнатѣ стоитъ, причесывая волосы, женщина. Онъ все-таки продолжалъ смотрѣть. Женщина вдругъ прекратила свое занятіе, подошла къ окну, открыла его, и Филиппъ увидѣлъ красивое, строгое лицо. Она была очень легко одѣта и, глядя на Филиппа, ясно говорила ему знаками, что его любопытство ей непріятно. Онъ покраснѣлъ, отошелъ и заперъ окно. Черезъ нѣсколько времени онъ даже спустилъ штору, чтобы окончательно прекратить дальнѣйшія разглядыванія. Такъ окончилась первая серія его разслѣдованія обстоятельствъ, при которыхъ убитъ былъ капитанъ.

Становилось уже темно. Онъ увидѣлъ на стѣнѣ вывѣшенное объявленіе о „правилахъ Углѣваго Дома“, зажегъ спичку—электричество еще не дѣйствовало, такъ какъ не наступилъ установленный для этого часъ — и прочелъ о часахъ табль-д'ота. Обѣдъ въ шесть-тридцать; десять пенсовъ. О желаніи обѣдать просили предупредить за часъ; въ противномъ случаѣ, взимались еще лишніе два пенса.

Филиппъ, который какъ разъ собирался отобѣдать въ этотъ день въ хорошемъ ресторанѣ и отложить до слѣдующаго дня экономный образъ жизни, передумалъ и рѣшилъ пообѣдать въ домѣ и познакомиться съ пансіонерами м-ра Гильгэ. Онъ спустился въ контору и заказалъ обѣдъ м-ру Гильгэ, уплатилъ у кассы свои десять пенсовъ и получилъ квитанцію.

Въ конторѣ у мистера Гильгэ оказался посѣтитель, господинъ съ крупнымъ носомъ и самоувѣреннымъ видомъ. Онъ быстро обернулся къ Филиппу.

— М-ръ Мастерсъ, я полагаю?

— Да,—сухо отвѣтилъ Филиппъ, которому не понравился человѣкъ съ носомъ.

— Я спеціальный представитель „Evening Record“. Мы подробно занимаемся этимъ... этимъ дѣломъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ засѣданіи слѣдственнаго суда, и былъ бы вамъ

очень признателенъ, если бы вы удѣлили мнѣ нѣсколько минутъ.

— Я готовъ дать вамъ все время, которое существуетъ,— сказалъ Филиппъ,—то-есть, двадцать-четыре часа каждыя сутки. Возьмите это время цѣликомъ себѣ. Я даже не прошу васъ дѣлить его со мной.

Онъ быстро вышелъ изъ конторы. Такое объясненіе съ представителемъ печати объяснялось только тѣмъ, что Филиппъ былъ золъ на эту газету за то, что во время скандала съ герцогомъ, въ атлетической школѣ, гдѣ служилъ Филиппъ, газета „Evening Record“ отозвалась о немъ въ неподобающемъ тонѣ.

Онъ немного опоздалъ къ обѣду, такъ какъ задремалъ на креслѣ, задумавшись о своемъ будущемъ. Онъ все еще не выспался вполнѣ послѣ ночи убійства. Онъ спустился въ столовую въ нѣсколько нервномъ настроеніи. Прежде всего, онъ боялся, что его будутъ разспрашивать и, можетъ быть, даже относиться къ нему подозрительно, такъ какъ, навѣрное, его имя упоминалось въ отчетахъ слѣдственнаго суда. А затѣмъ, онъ чувствовалъ, что слишкомъ хорошо одѣтъ для этого общества.

За длинными столами въ столовой сидѣло человѣкъ тридцать, приблизительно половина жильцовъ дома мистера Гильгэ. Три мальчика подавали темный супъ, и гости ѣли его одни тихо, другіе съ шумомъ. Комната и сидѣвшіе въ ней производили мрачное впечатлѣніе, и Филиппъ сразу подумалъ о томъ, какъ трагична принадлежность къ хорошему обществу — при отсутствіи денегъ. Тамъ было больше мужчинъ, чѣмъ дамъ, не было совсѣмъ молодыхъ, и Филиппъ былъ единственнымъ человѣкомъ, которому не было еще сорока лѣтъ. Всѣ были въ темныхъ, потертыхъ костюмахъ, съ довольно уже несвѣжимъ бѣльемъ. Филиппъ думалъ, что застанетъ оживленный разговоръ по поводу убійства, а между тѣмъ, напротивъ того, всѣ молчали. Нищета и неудачи сдѣлали всѣхъ жильцовъ мистера Гильгэ эгоистами, занятыми только собой, своими разбитыми надеждами и преслѣдованіями судьбы. Убійство всѣхъ капитановъ торговаго флота — едва-ли отвлекло бы ихъ отъ созерцанія самихъ себя. За обѣдомъ они были заняты только ѣдой. Филиппъ сѣлъ въ концѣ стола, у дверей. Шесть пустыхъ приборовъ отдѣляли его отъ ближайшаго сосѣда, человѣка въ сѣромъ костюмѣ, съ краснымъ галстукомъ. Никто не обнаруживалъ ни малѣйшаго интереса къ нему. Какъ разъ тѣхъ, кого ему хотѣлось увидѣть—м-ссъ Оппотери и Джона Мередита — не было. М-ссъ Оппотери, вѣроятно, опять слегла въ постель послѣ утреннихъ волненій, а у Джона Мередита, можетъ быть, не было десяти пенсовъ на обѣдъ. Сидя за этимъ

столомъ, гдѣ собрались жалкіе, выброшенные за бортъ люди, питаясь жалкой, но приличной пищей въ угрюмой, холодной но приличной обстановкѣ, Филиппъ почувствовалъ, что сердце его сжимается отъ грусти. Ему хотѣлось убѣжать, радоваться чему-нибудь, забыть, что есть на свѣтѣ уродство жизненныхъ неудачъ и униженія. Онъ поклялся себѣ, что не пробудетъ и сутокъ болѣе въ Углѡвомъ Домѣ, и на минуту ему захотѣлось не дождаться жаркого и уйти обѣдать въ „Савой-Отель". Имѣя сто-пятьдесятъ фунтовъ, можно позволить себѣ такую роскошь.

Но вдругъ въ столовую вошелъ м-ръ Варко.

Онъ принялъ видъ бѣднаго, чахоточнаго человѣка, какъ разъ такого, которому мѣсто за обѣдомъ на началахъ благотворительности. Но Филиппъ тотчасъ же все-таки узналъ его и рѣшилъ остаться изъ любопытства. М-ръ Варко робко прошелъ къ другому концу стола, гдѣ оказалось свободное мѣсто, отдалъ свою квитанцію и, ни слова ни съ кѣмъ не говоря, накинулся на ѣду. Когда взглядъ его встрѣтился со взглядомъ Филиппа, послѣдній движеніемъ лба далъ ему понять, что узналъ его, — и отвѣтнымъ знакомъ Варко сказалъ безъ словъ, что довѣряетъ его джентльменству.

Присутствіе сыщика означало, что онъ подозрѣваетъ кого-нибудь изъ живущихъ въ домѣ въ прикосновеніи къ убійству. Взглянувъ на стѣну, гдѣ висѣли напечатанныя правила для жильцовъ дома м-ра Гильгэ, Филиппъ вдругъ увидѣлъ передъ собой лицо Джиральды на мѣстѣ печатной бумажки. Портретъ, который онъ видѣлъ въ клубѣ, точно заколдовалъ его и былъ неотступно передъ его глазами. Чтѡ съ ней? Жива ли она, или погибла — и къ ужасу всего Лондона найдутъ только ея прекрасный трупъ? Филиппъ разсѣянно кончалъ среди этихъ мыслей свой болѣе чѣмъ скромный обѣдъ... Вдругъ Варко быстро поднялся и ушелъ. Филиппъ выпилъ стаканъ воды и тотчасъ же послѣдовалъ за нимъ, — но его и слѣдъ простылъ. Въ конторѣ м-ръ Гильгэ сидѣлъ одинъ и обѣдалъ. Къ нему Филиппъ не рѣшился обратиться съ вопросомъ—можетъ быть, Варко скрывался и отъ него. — Кромѣ того, послѣ слѣдствія, м-ръ Гильгэ измѣнилъ свое отношеніе къ Филиппу. Постоявъ немного у дверей, Филиппъ увидѣлъ, что толпа разсѣялась, небо было звѣздное и луна только-что взошла. Филиппъ пошелъ наверхъ за пальто и шляпой, и видѣлъ, какъ поднимались по-двое обѣдавшіе за столомъ. Ему захотѣлось скорѣе уйти—до того онъ былъ удрученъ благотворительнымъ обѣдомъ, который м-ръ Гильгэ предлагалъ своимъ гостямъ.

Онъ почти безсознательно вышелъ, купилъ сигару и сталъ курить, чтобы успокоить нервы. Но онъ не могъ отдѣлаться отъ воспоминанья о портретѣ. Онъ все думалъ о тайнѣ исчезновенія Джиральды и убійства ея отца. Всѣ старанія сыщиковъ казались ему безнадежными. Онъ не вѣрилъ въ англійскую полицію. Вѣдь вотъ узналъ же онъ сейчасъ же Варко. И какъ узнать хоть что-нибудь? Нельзя же обыскать всѣхъ шестьдесятъ жильцовъ въ домѣ? Какъ доискаться того чужого человѣка, котораго м-ссъ Оппотери видѣла въ комнатѣ капитана? Какъ выискать среди всѣхъ лондонскихъ мальчиковъ того, который отозвалъ ночного сторожа? Всѣ исчезли: и Джиральда, и братъ убитаго. Исчезъ камень съ отпечаткомъ пальцевъ. Исчезли бумаги капитана. А тутъ еще противорѣчивые разсказы о русскомъ тайномъ обществѣ, о зарытомъ кладѣ въ Индія, — очевидныя сказки, возникшія въ воображеніи полупомѣшанной старухи и наивнаго негра.

Проходя мимо Марбль-Арчъ, Филиппъ купилъ новое изданіе „Evening Record“. Подходя къ фонарю, онъ сталъ читать отчетъ о засѣданіи слѣдственнаго суда, а также частныя свѣдѣнія, собранныя спеціальнымъ сотрудникомъ газеты. Съ удивленіемъ онъ прочелъ про себя: „М-ръ Филиппъ Мастерсъ, извѣстный своей странной ролью, которую онъ игралъ въ недавнемъ инцидентѣ въ школѣ Ю-Юитсу, выказываетъ странное нежеланіе что-либо сказать. Нѣтъ сомнѣнія, что у него есть достаточныя причины для такой скрытности“.

Филиппъ понялъ, что это была месть обиженнаго имъ репортера, и пошелъ дальше, не думая о прочитанномъ. Сдѣлавъ довольно большой кругъ, онъ снова вышелъ на Кингсуэ и потомъ прошелъ мимо „Метрополитэнъ-Театра“, какъ разъ въ моментъ разъѣзда. Подъѣзжали коляски, туда усаживали дамъ, и среди открывавшихъ дверцы каретъ Филиппъ увидѣлъ негра, въ которомъ сейчасъ же призналъ мистера Коко, одѣтаго теперь въ живописныя лохмотья, разсчитанныя очевидно на то, чтобы видомъ ихъ разжалобить прекрасныхъ дамъ. До половины двѣнадцатаго Коко бѣгалъ отъ кареты къ каретѣ при разъѣздѣ изъ театра и изъ сосѣдняго Music-Hall. Наконецъ, когда публика разъѣхалась, онъ отошелъ въ тѣнь стѣны, чтобы сосчитать свои заработки.

Филиппъ подошелъ къ нему, и Коко, узнавъ его, радостно привѣтствовалъ его:

— Я узналъ васъ, сэръ!—жалобно сказалъ онъ —Видите, какой видъ пришлось принять... А я вѣдь честный негръ. Я

очень опечаленъ убійствомъ. У капитана не было другого друга, кромѣ меня.

— Полиція, вѣрно, пристаетъ къ вамъ съ разспросами? — спросилъ Филиппъ.

— Ко мнѣ, сэръ? О, нѣтъ. Зачѣмъ? Я разсказалъ на судѣ все, что̀ знаю,—а всякому полицейскому я не стану разсказывать. Спокойной ночи, сэръ.

Онъ прошелъ мимо темнаго театра, потомъ вернулся къ Филиппу.

— Но вамъ я скажу, сэръ, потому что вы джентльменъ. Я сегодня видѣлъ брата капитана. Да, сэръ.

— Какъ? Того, котораго вы видѣли въ отелѣ на Ватерло-Родѣ? Вы увѣрены, что не ошибаетесь?

— Совершенно увѣренъ, сэръ. Онъ проѣхалъ въ кэбѣ вонъ тамъ.—Негръ указалъ на ближайшую улицу.

— Когда это было?

— Часовъ въ семь, сэръ.

— И куда онъ направлялся?

— Вверхъ по Кингсуэ, сэръ.

— Вы не сказали полиціи?

— Нѣтъ. Мнѣ горько, что умеръ капитанъ, но полицію я не люблю. Она слишкомъ неделикатная.

Съ этими словами Коко быстро зашагалъ по направленію къ Стрэнду, и Филиппъ никакъ не смогъ его снова призвать.

Это сообщеніе негра произвело на Филиппа сильное впечатлѣніе, и вдругъ онъ вспомнилъ объ одномъ обстоятельствѣ, совершенной мелочи, какъ ему казалось сначала. Теперь онъ подумалъ, что оно можетъ оказаться чрезвычайно важнымъ. Онъ вспомнилъ, что когда говорилъ съ рабочими утромъ, передъ тѣмъ, какъ открыли трупъ, онъ увидѣлъ, что въ одномъ изъ оконъ Углòваго Дома быстро подняли и опустили штору. — „Тутъ можетъ быть ключъ къ разгадкѣ“,—подумалъ Филиппъ.

Онъ быстро пошелъ по Стрэнджъ-Стриту. Онъ помнилъ навѣрное, что окно, гдѣ это произошло, было въ первомъ этажѣ, ближайшее къ углу Стрэнджъ-Стрита и переулка, и быстрый осмотръ дома подтвердилъ представленіе, сохранившееся у него въ памяти. Окно было теперь освѣщено. Онъ задумчиво поднялся наверхъ. Когда онъ вступилъ въ корридоръ, пробило двѣнадцать, и потухли всѣ огни, кромѣ свѣта въ передней. Онъ остановился въ темнотѣ и вынулъ изъ кармана маленькій электрическій фонарикъ. Случайно уронивъ его на полъ, онъ сталъ

искать на полу, передвинулъ одну изъ досокъ, наваленныхъ малярами, и поднялъ сильный шумъ. Наконецъ, онъ нашелъ фонарикъ, нажалъ кнопку, чтобы зажечь его, и пристально посмотрѣлъ на дверь комнаты, въ которой такъ странно подняли и опустили штору въ то роковое утро. Вдругъ заскрипѣла половица, дверь неожиданно открылась и на порогѣ показался человѣкъ. Это былъ Джонъ Мередитъ.

X.

Филиппъ и Мередитъ съ крайнимъ изумленіемъ оглядѣли другъ друга. Въ корридорѣ было темно, но въ комнатѣ Мередита горѣла свѣча, и на фонѣ мерцающаго свѣта вырисовывался въ дверяхъ силуэтъ молодого человѣка. Филиппа охватило странное чувство тайны, заключенной въ этомъ домѣ, погруженномъ въ сонъ и охраняемомъ внизу простодушнымъ Адріаномъ Гильгэ. Онъ почувствовалъ приливъ странной энергіи; его захватило настоящее, отвлекая отъ мыслей о прошломъ и о будущемъ. Чрезъ нѣсколько секундъ онъ приподнялъ свой маленькій фонарь въ рукѣ, и лицо Мередита освѣтилось блѣднымъ свѣтомъ. На болѣзненномъ красивомъ лицѣ его отражалось сильное волненіе.

— Что̀ случилось?—тихо пробормоталъ онъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Филиппъ. — Я шелъ къ себѣ, уронилъ фонарь и упалъ, зацѣпившись за одну изъ досокъ.

— Вотъ что̀. А я думалъ, что тутъ произошло что-нибудь.

Симпатичный голосъ юноши производилъ странное чарующее впечатлѣніе на Филиппа. Онъ чувствовалъ необъяснимое желаніе защищать Мередита, заботиться о немъ, хотя лицо юноши казалось рѣшительнымъ и весь видъ его, манера покручивать лѣвый усъ, выражали самостоятельность.

— А что̀ же могло случиться?—спросилъ Филиппъ.

— Почему вы остановились у моей двери?—спросилъ Мередитъ, помолчавъ.

— Чтобы вынуть фонарикъ изъ кармана.

— Но почему же именно у моей двери?

Филиппъ улыбнулся этому допросу, довольно дѣтскому по пріемамъ.

— Потому,—отвѣтилъ онъ,—что свѣтъ на лѣстницѣ потушили какъ-разъ тогда, когда я поднялся на первый этажъ. Но я, во всякомъ случаѣ, остановился бы передъ вашей дверью,—

прибавилъ онъ, переходя, въ силу какого-то инстинктивнаго побужденія, къ нападенію.—Меня интересовала одна подробность вашей комнаты. Теперь мое любопытство удовлетворено.

— Чтò же вамъ хотѣлось знать?

— Я хотѣлъ знать, кто ее занимаетъ. Четверть часа тому назадъ мнѣ вдругъ вздумалось узнать, кто здѣсь живетъ.

— На чтò вамъ это знать?

Филиппъ ласково взглянулъ на него.

— Сказать вамъ? Хорошо, я скажу, но не здѣсь. Нельзя стоять въ корридорѣ и разговаривать. Я скажу вамъ завтра утромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прошепталъ Мередитъ съ явнымъ волненіемъ и нетерпѣніемъ. — Скажите сейчасъ. Зайдите ко мнѣ въ комнату.

Филиппъ послѣдовалъ приглашенію, и Мередитъ безшумно заперъ дверь. Прежде всего Филиппа поразилъ образцовый порядокъ и аккуратный видъ маленькой комнаты. Затѣмъ его удивило волненіе молодого человѣка, который, повидимому, все принималъ въ серьёзъ. Онъ не сомнѣвался теперь, что возня со шторой въ комнатѣ Мередита не имѣла никакого отношенія къ убійству. Всѣ его прежнія подозрѣнія казались смѣшными, когда онъ очутился лицомъ къ лицу съ Джономъ Мередитомъ въ его крошечной комнаткѣ. Мередитъ показался ему болѣзненнымъ, истеричнымъ молодымъ человѣкомъ,—вѣроятно, съ нѣсколько романтичнымъ прошлымъ (долженъ же былъ что-нибудь означать шрамъ на щекѣ), и который поэтому имѣлъ основаніе быть взволнованнымъ, когда вдругъ ночью чьи-то шаги остановились прямо у его дверей.

— Простите, что я потревожилъ васъ, — ласково сказалъ Филиппъ. — Вы сочтете меня, быть можетъ, слишкомъ безцеремоннымъ.

— Я прошу васъ сказать, почему васъ интересовала моя комната,—сказалъ Мередитъ твердымъ, слегка повышеннымъ голосомъ. Онъ стоялъ самъ и не просилъ Филиппа сѣсть, такъ какъ въ комнатѣ былъ всего одинъ только стулъ.

— Конечно,—сказалъ Филиппъ,—мнѣ не слѣдовало говорить этого. Но разъ ужъ я сказалъ, то долженъ объяснить, въ чемъ дѣло.

— Конечно,—подтвердилъ Мередитъ.

— Только я предупреждаю васъ,—это скорѣе смѣшно, чѣмъ серьезно.

Онъ разсказалъ Мередиту, какъ онъ былъ пораженъ вне-

запнымъ подозрительнымъ движеніемъ въ окнѣ, гдѣ подняли и потомъ опустили штору какъ-разъ передъ тѣмъ, какъ открылось присутствіе трупа.

— У меня мелькнула безсознательная мысль, — прибавилъ Филиппъ,—что тотъ, кто поднялъ штору, имѣетъ какое-то отношеніе къ убійству. Но, конечно, мысль эта совершенно дикая, и мнѣ страшно совѣстно, что я обезпокоилъ васъ. Стоило разсказать это, чтобы выяснилась нелѣпость такого предположенія...

Въ голосѣ его ясно звучала симпатія, которую успѣлъ внушить ему юноша.

— Вы говорите, что это произошло въ среду утромъ?— спросилъ Мередитъ.

— Да.

— Въ которомъ часу?

— Право, не могу сказать. Между семью и восемью. Во всякомъ случаѣ—сейчасъ же послѣ того, какъ я ушелъ изъ дому, а трупъ капитана найденъ былъ вскорѣ послѣ того. Значитъ, это было навѣрное между семью и восемью часами утра.

— Вы увѣрены, что это было именно окно моей комнаты?

— Совершенно увѣренъ.

— Простите!..—произнесъ Мередитъ упавшимъ голосомъ и сѣлъ на стулъ.

— Чтò съ вами? Вамъ нехорошо? Вы такъ блѣдны!

Мередитъ сдѣлалъ усиліе, чтобы собраться съ силами.

— И вы бы поблѣднѣли, м-ръ Мастерсъ—кажется, вѣдь вы м-ръ Мастерсъ—если бы знали то, чтò знаю я.

— Чтò же вы знаете?

— Я знаю, что не поднималъ штору въ среду утромъ. Я въ предыдущія двѣ ночи плохо спалъ, но во вторникъ вечеромъ заснулъ сразу и проспалъ до одиннадцати часовъ утра, ни разу не проснувшись...

— Значитъ, я все-таки ошибся относительно комнаты.

— Въ томъ-то и дѣло, что, по-моему, вы не ошиблись,— сказалъ Мередитъ твердо и спокойно.

— Другими словами, — сказалъ Филиппъ, — вы полагаете, что кто-то вошелъ въ вашу комнату въ то утро, не разбудивъ васъ.

— Да,—сказалъ Мередитъ, кивнувъ головой.

— Кто-нибудь, причастный къ убійству,—или даже самъ убійца?

— Да.

— Развѣ вы не запираете дверь на ночь?

— Запираю,—сказалъ Мередитъ,—и кладу ключъ подъ подушку.

„Вотъ странная привычка для молодого человѣка!“ — подумалъ Филиппъ.

— Такъ, значитъ,—сказалъ онъ вслухъ,—у вошедшаго долженъ былъ быть ключъ къ вашей двери?

— Очевидно.

— И онъ заготовилъ его заранѣе, такъ что въ его планы входило проникнуть въ вашу комнату?

Мередитъ опять утвердительно кивнулъ головой.

— Почему же именно въ вашу комнату?—рѣзко спросилъ Филиппъ.

— Этого я не могу объяснить себѣ.

— Не сталъ бы вѣдь онъ доставать ключъ, которымъ можно открыть вашу дверь, только для того, чтобы выглянуть именно изъ вашего окна на улицу. Для этого можно было бы воспользоваться какимъ угодно окномъ лицевой стороны. Онъ могъ пройти въ столовую. Почему же онъ остановился именно на вашемъ окнѣ? На *вашей* комнатѣ?

— Никакъ не могу понять,—нервно повторилъ Мередитъ.

— Но почему вы полагаете, что я не ошибся относительно окна?

— Потому что я какъ-то смутно помню, что кто-то вошелъ и вышелъ изъ моей комнаты... Я проснулся съ этимъ впечатлѣніемъ, и оно было очень сильное.

— Когда вы узнали объ убійствѣ?

— Какъ только вышелъ изъ комнаты. Меня, къ счастью, предупредилъ мальчикъ, выметавшій корридоръ.

— Почему „къ счастью“? позвольте спросить.

— Потому что, конечно, это произвело на меня сильное впечатлѣніе.

— Вамъ не сдѣлалось дурно? или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Почему вы это предполагаете?

— Да потому что вы такой слабый съ виду. Больше ни почему.—Филиппъ поглядѣлъ на шрамъ.—Послѣ несчастныхъ случаевъ... часто...

— Конечно, конечно,—оборвалъ его Мередитъ.—Я не очень сильный. Но я не лишился чувствъ, увѣряю васъ.—Онъ улыбнулся и покраснѣлъ.

Филиппу хотѣлось, чтобы онъ объяснилъ происхожденіе шрама, но Мередитъ не сталъ объяснять. Наступила пауза.

— Васъ это убійство интересуетъ?—рѣшился спросить его Филиппъ.

— Да,—сказалъ Мередитъ, помолчавъ.

— И меня также,—сказалъ Филиппъ.

— Это понятно,—объяснялъ Мередитъ.—Капитанъ жилъ въ домѣ, и...

— Конечно. И такъ какъ вы заинтересованы, то я могу сообщить вамъ важную новость. Кстати, вы читали отчеты о слѣдственномъ судѣ? Я васъ не видѣлъ среди публики на разбирательствѣ.

— Я знаю все по отчетамъ.

— Ну, такъ вотъ этотъ таинственный братъ капитана—онъ навѣрное живъ. Его видѣли сегодня.

Голова Мередита слегка откинулась назадъ, и онъ съ трудомъ дышалъ. Потомъ онъ вскочилъ со стула.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, принимая равнодушный видъ. Онъ въ то же время направился къ дверямъ, и Филиппъ, понявъ его намекъ, ушелъ. Онъ видѣлъ совершенно ясно, что Мередитъ хотѣлъ отдѣлаться отъ него, потому что былъ не въ силахъ скрывать свое истерическое волненіе. Онъ едва былъ въ состояніи пробормотать: „Спокойной ночи!"

Въ эту минуту, несмотря на загадочность и подозрительность поведенія Мередита, Филиппъ былъ твердо убѣжденъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ убійству капитана Поликсфена. Но съ другой стороны ясно было, что Мередитъ знаетъ больше, чѣмъ желаетъ показать. Даже полицейскаго не обманула бы эта взволнованная маска полнаго равнодушія и невѣдѣнія, это желаніе представить себя совершенно чужимъ дѣлу. Что Мередитъ испыталъ въ послѣднее время большія душевныя страданія,—было ясно написано на его молодомъ, привлекательномъ лицѣ. Филиппъ почувствовалъ сразу симпатію къ нему и желаніе быть ему другомъ, помочь ему. Стоя въ темномъ корридорѣ, онъ гораздо болѣе волновался личной судьбой Джона Мередита, чѣмъ тайной убійства капитана. Почему какой-то невѣдомый человѣкъ вошелъ тайкомъ въ комнату Мередита утромъ послѣ убійства, поднялъ и опустилъ штору, а затѣмъ вышелъ, ничего не укравъ, ничего не тронувъ въ комнатѣ? А тяжелый сонъ Мередита? Не дали ли ему снотворнаго питья?

Филиппъ вошелъ къ себѣ въ комнату, и, къ крайнему его изумленію, дверь была отперта. Еще большій сюрпризъ ждалъ его, когда онъ вошелъ въ свою комнату. Тамъ находился м-ръ Варко... У него тоже имѣлся электрическій фонарикъ, но го-

раздо меньшій и свѣтившій вдвое ярче, чѣмъ фонарикъ Филиппа. Онъ былъ привѣшенъ къ часовой цѣпочкѣ или, по крайней мѣрѣ, къ подобію часовой цѣпочки. Лучи двухъ фонариковъ встрѣтились и скрестились. М-ръ Варко былъ видимо чѣмъ-то весьма доволенъ и не скрывалъ этого. Онъ даже не извинился передъ Филиппомъ за то, что такъ безцеремонно вторгнулся къ нему.

— Прежде всего,—сказалъ Филиппъ безъ всякихъ вступительныхъ словъ,—задернемъ занавѣску.—Онъ задернулъ маленькую занавѣску на окнѣ.—А затѣмъ—запремъ дверь.—Онъ заперъ дверь. — А теперь, м-ръ Варко, извольте объяснить мнѣ, какой чортъ занесъ васъ въ мою комнату?

Онъ не сердился, но, ради забавы, представился разгнѣваннымъ.

— Это не бѣда,—сказалъ Варко.—Я зашелъ подождать.

— Чего, чортъ васъ побери?! — воскликнулъ Филиппъ: — чтобы васъ здорово поколотили!

Онъ приблизился къ Варко съ поднятыми кулаками. Ростомъ онъ былъ выше тщедушнаго Варко.

— Берегитесь,—сказалъ Варко.—У меня револьверъ!

— Къ чорту вашъ револьверъ!—отвѣтилъ Филиппъ, ставя лампу на столъ.—Бросьте его!

Варко быстро вынулъ револьверъ изъ кармана и взялъ его въ правую руку.

— Бросьте!—сказалъ, улыбаясь, Филиппъ.—Бросьте на кровать!

Онъ схватилъ лѣвую руку Варко обѣими руками и продѣлалъ извѣстный атлетическій пріемъ, выворачивающій пальцы. Варко оставилъ лѣвую руку раскрытой, какъ добычу для нападенія искуснаго атлета, и показалъ этимъ свою неопытность въ дѣлѣ самообороны. Онъ вскрикнулъ отъ боли, когда Филиппъ нагнулъ его надъ кроватью; затѣмъ пальцы его правой руки разжались, и револьверъ безшумно упалъ на одѣяло.

— Ну, вотъ, видите,—засмѣялся Филиппъ.—Вотъ въ чемъ суть пріема. Сжимаешь одну руку, а другая въ это время не въ силахъ что-либо удержать. Я вамъ показалъ это, конечно, для шутки. Васъ вѣдь интересуетъ теоретическое пониманіе „ю-юитсу". И кромѣ того — это вамъ наказаніе за угрозу револьверомъ. Садитесь на постель, оправьтесь. Вы вспотѣли отъ моей шутки... А теперь разскажите, чего вы здѣсь дожидались.

Варко, видя, что ему ничего другого не остается, согласился принять въ шутку нападеніе Филиппа и заговорилъ съ полнымъ спокойствіемъ.

— Я ждалъ васъ, — сказалъ онъ, все еще тряся отъ боли лѣвой рукой.

— Я вамъ нуженъ?

— Нѣтъ. Ничего спѣшнаго я не имѣю вамъ сказать. Но минутъ пять тому назадъ обстоятельства заставили меня искать гдѣ-нибудь убѣжища, и я надѣялся найти его здѣсь. Я постучалъ къ вамъ въ дверь, но, не получивъ отвѣта, самъ вошелъ,— надѣясь на вашъ снисходительный нейтралитетъ въ моемъ предпріятіи.

— Моя первая мысль — сказалъ Филиппъ — при вашемъ видѣ была та, что вы подозрѣваете меня и дѣлаете обыскъ въ моемъ отсутствіи. Вотъ что̀ и привело меня въ шутливое настроеніе.

— Вы совершенно ошибаетесь,—сказалъ Варко.—Я только продолжалъ мое разслѣдованіе дѣла. Вы вѣдь меня видѣли за обѣдомъ?

— Еще бы! Какъ было не видать васъ? Васъ узналъ бы всякій.

— Я знаю, — сказалъ Варко. — Моя цѣль была именно не обманывать тѣхъ, которые меня хорошо знаютъ. Я васъ удивлю, конечно, сказавъ, что въ настоящее время здѣсь въ домѣ живетъ не менѣе пяти извѣстныхъ преступниковъ. Теперь ихъ только четыре. Одинъ удралъ сейчасъ же послѣ обѣда; но такъ какъ я разставилъ на улицѣ людей на случай надобности, то онъ недалеко убѣжитъ. Вотъ видите, какого рода людей привлекаетъ благотворительная затѣя м-ра Гильгэ.

— А убѣжавшій имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ убійству капитана?

— Никакого. Но его разыскивали за кражу каминовъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ домовъ въ Вандвортѣ. Такъ что хорошо, что его застигли.

Филиппъ сталъ проникаться уваженіемъ къ м-ру Варко и интересоваться его пріемами.

— Но для чего переодѣваться такъ, чтобы можно было узнать?—спросилъ онъ.

— А для того, чтобы наблюдать за узнавшими меня,—отвѣтилъ Варко.

— Что̀ же вы заключили, наблюдая за моимъ лицомъ?— спросилъ Филиппъ.

— Ничего, — отвѣтилъ Варко, — потому что относительно васъ я пришелъ уже къ твердому заключенію. Помните, что къ вамъ подходилъ полисменъ, когда вы сидѣли въ сторожевомъ

шатрѣ, и спросилъ: „Что̀ тутъ происходитъ?“ Помните вы это? Онъ не терялъ васъ изъ виду часа два—такъ что вы не могли присутствовать при томъ, какъ закопали трупъ.

— Я отлично помню полисмэна,—сказалъ Филиппъ,—и не понимаю, почему его не привлекли къ слѣдствію. Все-таки на мнѣ лежала тѣнь подозрѣнія, и полисменъ, какъ вы сами говорите, вполнѣ бы возстановилъ мою честь.

— Мы не вызвали его, потому что онъ глупо велъ себя—за это онъ получилъ выговоръ,—и намъ невыгодно выставлять на показъ глупость полиціи. Къ тому же мы существуемъ не для того, чтобы возстановлять честь людей, а для того, чтобы обличать тѣхъ, которые находятся въ подозрѣніи.

— Вы откровенны,—пробормоталъ Филиппъ, задумавшись надъ такимъ чисто-профессіональнымъ опредѣленіемъ обязанностей полиціи.

— Конечно,—согласился Варко.—Я говорю совершенно искренно и откровенно—и могу, кстати, сказать вамъ столь же искренно, что вы мнѣ нравитесь. Вамъ слѣдовало бы поступить въ сыщики.

— Вы льстите мнѣ,—сказалъ, улыбаясь, Филиппъ.—Я за это готовъ дать вамъ нѣсколько уроковъ ю-юитсу. Но продолжайте говорить откровенно и скажите, какихъ результатовъ вы пока добились. Мнѣ это очень любопытно, такъ какъ что̀ бы вы ни открыли,—я все же могу прибавить еще кое-что къ вашимъ открытіямъ.

— Вы меня этимъ очень обяжете,—сказалъ Варко и быстро прибавилъ:—если вы, дѣйствительно, что-нибудь знаете.

— Я знаю,—отвѣтилъ Филиппъ,—что вы видѣли сегодня брата Поликсфена.

— Кто вамъ сказалъ?

Филиппъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Коко.

— Я знаю все про этого таинственнаго брата,—сказалъ Варко съ напускнымъ спокойствіемъ, которымъ не могутъ не щегольнуть и величайшіе люди въ минуты торжества.

— Вы знаете?

— Да. Я даже бесѣдовалъ—Варко точно подыскивалъ слово—съ нимъ.

— Сегодня вечеромъ?

— Да.

— Ну и что?

— И кромѣ того я пилъ шампанское съ миссъ Джозефиной Файръ въ уборной, принадлежавшей прежде миссъ Джиральдѣ.

И кромѣ того я разыскалъ мальчика, котораго послали къ ночному сторожу, чтобы удалить его подъ обманнымъ предлогомъ.

— Поздравляю васъ, м-ръ Варко!

— Да это еще не все. Словомъ, все раскрыто. Иначе развѣ я бы сталъ „облегчать душу словами", какъ говоритъ поэтъ.

— Вы накрыли убійцу?

Варко съ гордостью кивнулъ головой.

— Кто же это?

— Догадайтесь.

— Я не догадливъ,—сказалъ Филиппъ,—но если вы обѣщаете сказать мнѣ, если я угадаю вѣрно, то я согласенъ попытаться.

— Начните,—отвѣтилъ Варко.

— Прежде всего, не тотъ человѣкъ съ видомъ иностранца, котораго м-ссъ Оппотери увидѣла въ комнатѣ капитана. Очевидно, не онъ. Вы не могли, конечно, разслѣдовать, кто онъ былъ?

— Представьте себѣ, что я это установилъ,—возразилъ Варко.

— Кто же онъ былъ?

— Хорошо, что вы говорите въ прошломъ,—сказалъ Варко страннымъ голосомъ.—Этого господина уже не существуетъ.

— Онъ умеръ?

— Его уничтожили—просто уничтожили.

Филиппъ почувствовалъ холодъ въ спинѣ.

— Но, во всякомъ случаѣ, не онъ убилъ,—сухо замѣтилъ Варко.

— Коко?—неувѣреннымъ тономъ спросилъ Филиппъ.

— Чтò вы, чтò вы! Негры способны убить, но никогда не дѣлаютъ это съ какой-либо утонченностью пріемовъ. Нѣтъ, конечно, не Коко. Съ тѣмъ же успѣхомъ вы могли бы назвать м-ра Гильгэ, или слѣдственнаго судью, или Джозефину.

Филиппъ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— М-ръ Джонъ Мередитъ, молодой человѣкъ, живущій въ угловой комнатѣ этого перваго этажа, не имѣетъ никакого отношенія къ убійству?

М-ръ Варко былъ видимо пораженъ этимъ вопросомъ.

— Говорилъ я вамъ, что вамъ слѣдовало бы служить въ нашемъ департаментѣ?—съ улыбкой сказалъ онъ и посмотрѣлъ на часы, приблизивъ ихъ къ лампѣ.

— Не предполагаете же вы, что убійца—Мередитъ?—воскликнулъ Филиппъ, вскочивъ со стула. И въ это время въ умѣ его пронеслась мысль:—„Почему это меня такъ волнуетъ?"

— Я не говорилъ, что это Мередитъ,—отвѣтилъ сыщикъ.

— Правъ я или неправъ?—спросилъ Филиппъ полуобиженно.

Въ эту минуту раздался слабый звукъ колокольчика, но Филиппъ никакъ не могъ опредѣлить, пронесся ли онъ на улицѣ, въ корридорѣ или въ какой-нибудь изъ комнатъ.

— Черезъ полчаса вы все узнаете,—отвѣтилъ Варко и, заговоривъ вдругъ инымъ тономъ, серьезнымъ, оффиціальнымъ и властнымъ, прибавилъ:—Пожалуйста, м-ръ Мастерсъ, не выходите изъ вашей комнаты. Намъ очень важно, чтобы никто намъ не помѣшалъ. Я полагаюсь на васъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты тихими, неслышными шагами. Филиппъ замѣтилъ, что онъ былъ въ войлочныхъ туфляхъ.

Въ эту ночь въ Углðвомъ Домѣ произошло нѣчто необычайное.

Филиппъ прождалъ очень долго. Часовъ у него не было—онъ не успѣлъ взять ихъ изъ заклада,—но у него было ясное сознаніе, что полчаса, назначенные Варко, давно прошли. Онъ слышалъ издали странные тихіе звуки. Тогда онъ тихо подкрался къ двери и повернулъ ручку. Ручка легко поддалась, но дверь не открылась. Она была заперта снаружи.

На минуту онъ вспыхнулъ отъ бѣшенства,—но рѣшилъ, что долженъ оставаться корректнымъ до конца, даже если м-ръ Варко измѣнилъ своему слову. Такъ какъ сыщикъ, очевидно, выполнялъ какой-нибудь задуманный планъ, то было бы неблагородно портить его шансы. Кромѣ того, Филиппъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что сыщикъ, запирая его, дѣйствовалъ некорректно. У него было, вѣроятно, нравственное право запирать двери на ключъ, когда ему это нужно. Филиппъ рѣшилъ поэтому еще подождать. Онъ легъ въ постель и тутъ же заснулъ.

Его разбудило появленіе полиціи для обыска. Отрядъ полиціи, подъ вынужденнымъ руководствомъ м-ра Гильгэ, обыскивалъ всѣ комнаты. Выяснилось, что м-ръ Варко поставилъ отрядъ тайной полиціи на улицѣ, съ приказомъ явиться по первому требованію—и войти безъ призыва, если таковой не послѣдуетъ въ опредѣленный часъ. Часъ этотъ наступилъ, полиція вошла насильно, къ ужасу и возмущенію бѣднаго Гильгэ. Но м-ра Варко не было. Онъ, повидимому, исчезъ съ лица земли. Его подчиненные обыскали весь домъ и не нашли его, а вмѣстѣ съ тѣмъ они были убѣждены, что онъ не вышелъ изъ этого дома. Не было его и на крышѣ. Происходили гнѣвныя сцены между опустивши-

мися аристократами и представителями закона. Почти всѣ жильцы грозили оставить домъ, гдѣ ихъ подвергали такимъ грубымъ, неслыханнымъ оскорбленіямъ. Никто, однако, не съѣхалъ: очень ужъ было дешево жить у Гильгэ. День поднялся и озарилъ бодрствующую общину смятенныхъ душъ.

XI.

Слѣдующій день былъ субботній; обыкновенно очень не интересный и вялый утромъ, онъ сильно оживляется позже днемъ даже въ самыхъ тихихъ далекихъ предмѣстьяхъ. Но это субботнее утро не было нигдѣ скучнымъ. Клэрки, которые переходили мосты и выходили изъ вокзаловъ подземныхъ желѣзныхъ дорогъ только съ цѣлью получить недѣльное жалованье и снова вернуться домой, встрѣчали по пути газетчиковъ, возвѣщавшихъ о спеціальномъ второмъ изданіи „Daily Courier“ съ художественнымъ описаніемъ ночи въ Углóвомъ Домѣ. Ни одна другая утренняя газета не разсказала объ единственномъ въ своемъ родѣ эпизодѣ исторіи современныхъ преступленій—эпизодѣ, возвѣщенномъ „Курьеромъ“ въ слѣдующихъ словахъ: „Тайна Углóваго Дома. Вызовъ Скотлэндъ-Ярду. Сыщикъ Варко исчезъ. Живъ онъ или нѣтъ?“ Вечернія газеты еще не успѣли выйти, и у „Курьера“ была на два часа монополія. И несмотря на то, что „Курьеръ“ недавно перешелъ въ другія руки, измѣнилъ тонъ и политику, и потому принужденъ былъ искать чего-нибудь сенсаціоннаго, чтобы заинтересовать такъ или иначе Лондонъ,—все равно, нравственными или безнравственными средствами,—все же опытные люди чувствовали сразу, что тутъ не утка, а дѣйствительно нѣчто необычайно сенсаціонное. Голоса мальчишекъ, выкрикивавшихъ содержаніе „Курьера“, имѣли дерзко-самоувѣренный тонъ,—и въ устахъ газетчиковъ этотъ тонъ всегда означалъ, что тутъ не обманъ. Дѣло Джиральды и до того преобладало надъ всѣми другими интересами въ городѣ. Теперь же оно сдѣлалось единственнымъ интересомъ всей лондонской жизни. Оно уничтожило спортъ, политику, погоду, вопросъ о подземной дорогѣ. Въ этотъ день даже играли меньше обыкновеннаго въ карты, въ „бриджъ“.

Въ Углóвомъ Домѣ на слѣдующій день поднялась страшная буря. Уже въ девять часовъ у дверей толпились ближайшіе сосѣди и праздные любопытные со всѣхъ сторонъ. Толпу сдерживалъ при входѣ на Стрэнджъ-Стритъ отрядъ полицейскихъ. Но

полиція не могла препятствовать полиціи же, желающей войти въ домъ. А журналиста нашихъ дней, въ особенности сотрудника воскресной газеты, когда дѣло происходитъ въ субботу утромъ, никакая сила, ни человѣческая, ни божеская, не можетъ отвадить, если онъ желаетъ непремѣнно попасть въ домъ. Журналистъ нашихъ дней, получающій пятьдесятъ шиллинговъ въ недѣлю и расходы на кэбы, знаетъ, какая у него сила. А если сосчитать всю полицію—явную и тайную, хроникеровъ будничныхъ и воскресныхъ газетъ и праздношатающихся, которые толпились на улицѣ, то ясно, что Углѳвый Домъ былъ весь заполненъ внутри и снаружи. Главнымъ и самымъ таинственнымъ среди чужихъ, очутившихся въ домѣ, былъ нѣкій сановникъ изъ Скотлэндъ-Ярда, болѣе значительный чѣмъ Варко: король въ своемъ родѣ. Полисмены не называли его по имени; они шопотомъ говорили: „онъ“, кивая головой по направленію къ той комнатѣ, гдѣ предполагалось его присутствіе. Мало кто его видѣлъ. Знали только, что онъ „взялся за дѣло“. И то, что онъ взялся за это дѣло, покинулъ свое логовище, чтобы явиться сюда, придавало дѣлу первостепенную, невообразимую важность въ глазахъ тѣхъ, которые умѣли дѣлать различіе между большимъ и малымъ въ дѣлахъ такого рода.

Эта „особа“ интересовала Филиппа, и Филиппъ вынесъ впечатлѣніе, что его собесѣдникъ умѣлъ отлично слушать то, что ему говорятъ. Онъ поговорилъ также съ м-ромъ Гильгэ. Вскорѣ послѣ этого разговора м-ръ Гильгэ легъ въ постель и послалъ за докторомъ. Обстоятельства слишкомъ осложнились, приняли слишкомъ серьезный оборотъ для разумѣнія м-ра Гильгэ. Онъ отправился къ себѣ сокрушенный, чувствуя себя разбитымъ, несчастнымъ, и ожидая воспаленія мозга.

Послѣ общаго завтрака, — который въ это утро походилъ скорѣе на пикникъ — Филиппъ остался вмѣстѣ съ нѣсколькими другими пансіонерами внизу и проводилъ время въ томъ, что отказывался вступать въ разговоръ съ репортерами и съ жильцами дома. Ему хотѣлось многаго за-разъ: хотѣлось найти себѣ занятіе или мѣсто—но онъ былъ слишкомъ разстроенъ, чтобы обдумать такой важный вопросъ; хотѣлось узнать всю правду отъ Джона Мередита, но его не было видно; за его отсутствіемъ, хотѣлось хоть поболтать съ сэромъ Антони — но трудно было выбраться на улицу; онъ все удивлялся, какъ это репортеры ходятъ взадъ и впередъ. Во всякомъ случаѣ, никто, кромѣ развѣ самого убійцы, не былъ такъ заинтересованъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ Углѳвомъ Домѣ, какъ Филиппъ въ эту ми-

нуту. Онъ точно вступилъ въ самый центръ ихъ; во всякомъ случаѣ, мысль о случившемся не давала ему думать о его личныхъ дѣлахъ.

Вошелъ курьеръ съ большими сѣдыми усами.

— М-ръ Мастерсъ?—спросилъ онъ, оглядывая находившихся въ комнатѣ.

— Чтò?—сердито спросилъ Филиппъ.

Курьеръ передалъ Филиппу визитную карточку, на которой стояло: „Лордъ Назингъ".

— Лордъ Назингъ — сказалъ онъ — желалъ бы имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, сэръ.

Опустившіеся аристократы насторожили уши.

— Кто это лордъ Назингъ?—спросилъ Филиппъ.

— Онъ—онъ... лордъ Назингъ,—объяснилъ курьеръ.—Лордъ Назингъ передалъ черезъ меня, что надѣется быть вамъ полезнымъ.

— А гдѣ же онъ?

— У себя въ кабинетѣ.

— Гдѣ это?

— Въ Стюартъ-Сквэрѣ. У меня тутъ ждетъ кэбъ.

— А мы сможемъ выбраться?

— Конечно. Черезъ переулокъ и дворъ ближайшаго трактира.

Филиппъ подумалъ, что нѣтъ основанія отказаться. Все лучше, чѣмъ бездѣйствіе, рѣшилъ онъ.

— Хорошо. Я иду съ вами,—сказалъ онъ.

Онъ смутно сознавалъ, что лордъ Назингъ чѣмъ-то знаменитъ, но не могъ вспомнить, чѣмъ,—и не хотѣлъ спросить у курьера. Онъ стыдился своего невѣжества относительно исторіи новыхъ назначеній англійскихъ перовъ.

Очутившись на Стюартъ-Сквэрѣ, этомъ жужжащемъ ульѣ прессы между Флитъ-Стритомъ и набережной, кэбъ остановился передъ монументальнымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщались три ежедневныя газеты, двадцать-девять недѣльныхъ и три мѣсячныхъ журнала. Изъ четырехъ огромныхъ зданій въ Лондонѣ, отданныхъ во владѣніе прессѣ, этотъ домъ былъ наиболѣе крупнымъ. Зданіе принадлежало не акціонерному обществу, а одному человѣку. Никласъ Брентъ, воздвигнувшій домъ, былъ единственнымъ сыномъ своего отца и не имѣлъ ни компаньона, ни жены. Зданіе давало четверть милліона дохода въ годъ, и дивиденды росли съ каждымъ днемъ. Три нижнихъ этажа имѣли стеклянные фасады, чтобы можно было видѣть, чтò происходитъ внутри.

Внизу помѣщались машины, которыя печатали первое утреннее изданіе (оно называлось вторымъ) „Evening Record“ по сто-двадцати-тысячъ нумеровъ въ часъ. Этажемъ выше помѣщались наборщики, работавшіе на линотипахъ, набирая донесенія репортеровъ и авторовъ отдѣльныхъ замѣтокъ — сидѣвшихъ этажемъ выше. Во всѣхъ этихъ этажахъ жизнь не прекращалась ни днемъ, ни ночью,—символизируя непрерывную активность своего хозяина.

Курьеръ съ храбростью стараго солдата ринулся въ самый центръ кипучей жизни въ домѣ Брента и не оставлялъ довѣрившагося ему Филиппа, пока не поднялъ его на лифтѣ; затѣмъ, пройдя по длинному корридору, онъ остановился у одной двери. На ней была первоначальная надпись: „М-ръ Брентъ“, но это имя было вычеркнуто и замѣнено другимъ: „Лордъ Назингъ“. Теперь Филиппъ вспомнилъ, кто такой лордъ Назингъ. Курьеръ постучалъ первый въ дверь, вошелъ и вернулся съ благопріятнымъ отвѣтомъ. Филиппа просили войти. Внутреннее убранство было роскошное и въ очень благородномъ вкусѣ— капризъ милліонера, проводившаго досугъ въ томъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе путемъ работы; кромѣ того, онъ вѣрилъ въ соединеніе комфорта и роскоши. Его кабинетъ былъ точнымъ воспроизведеніемъ Наполеоновской комнаты Совѣта въ Фонтэнебло, съ потолкомъ Бушѐ, гобеленами изъ Бовѐ и даже съ знаменитымъ круглымъ столомъ, вся крышка котораго сдѣлана была изъ цѣльнаго куска краснаго дерева.

У круглаго стола, покрытаго письмами и корректурными листами, сидѣлъ блѣдный, одутловатый человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ шнурами отъ телефонныхъ трубокъ, обмотанными вокругъ шеи. Двѣ молодыя женщины писали въ отдаленныхъ углахъ комнаты.

— Нѣтъ! — отчетливо говорилъ онъ въ телефонъ: — Джиральда. Джи-раль-да.—Онъ поднялъ глаза.

— М-ръ Мастерсъ? Присядьте, пожалуйста, на минуту. Я только докончу телефонировать въ Парижъ.

Онъ докончилъ то, что̀, очевидно, составляло часть телефона изъ Лондона въ парижскомъ изданіи „Record“, затѣмъ далъ отбой, освободился отъ шнуровъ съ трубками и обернулся къ Филиппу. Два посланныхъ пришли и ушли. Молодыя женщины тихо удалились изъ комнаты.

— Здравствуйте, м-ръ Мастерсъ. Не сядете ли на это кресло у стола?

— Благодарю,—сказалъ Филиппъ.—Вы лордъ Назингъ?

— Да. Вы знаете, конечно, что я только-что пріобрѣлъ „Daily Courier“.

— Нѣтъ, не зналъ,—сказалъ Филиппъ.

— А между тѣмъ я потратилъ двадцать тысячъ фунтовъ на разглашеніе этого факта. Вотъ доказательство, что нужно рекламировать безъ конца. Ну, такъ вотъ, я купилъ „Курьеръ", и поэтому онъ издается здѣсь, въ этомъ зданіи. Вы, кажется, ищете занятій?

— Да,—сказалъ Филиппъ.

— Не хотите ли поступить къ намъ?—Вопросъ былъ предложенъ ровнымъ, спокойнымъ, холоднымъ голосомъ.

— Я вѣдь не журналистъ.

— Тѣмъ лучше. Мнѣ нужны новые люди. Профессіональные журналисты думаютъ одинъ какъ другой.

— Я не умѣю писать.

— Этого и не нужно,—сказалъ лордъ Назингъ.—Я тоже не пишу самъ. А посмотрите на меня. Я могу нанять умѣющихъ писать за нѣсколько фунтовъ въ недѣлю.

— Но что же вы хотите поручить мнѣ?

— Я хочу, чтобы вы ходили по городу и собирали матеріалъ для „Курьера".

— Какого рода матеріалъ?

— Самый яркій. Самый интересный—исключительно интересный матеріалъ.

— Почему же вы обратились именно ко мнѣ?

— По многимъ причинамъ. Главнымъ образомъ потому, что Ивенвудъ, главный хроникеръ „Record", ничего не могъ вывѣдать у васъ. Его описаніе васъ, затѣмъ—то, что мы знаемъ,—словомъ...

— А за сколько?—спросилъ Филиппъ съ улыбкой.

— Сколько вы требуете?

Филиппу предложили, такимъ образомъ, открыть ротъ, и онъ тотчасъ же рѣшилъ открыть его какъ можно шире.

— Двадцать фунтовъ въ недѣлю,—сказалъ онъ спокойно, барабаня по столу.

Лордъ Назингъ помолчалъ.

— Хорошо. Я дамъ вамъ это,—сказалъ онъ.—Но вы знаете правило дома?

— Нѣтъ,—сказалъ Филиппъ.

— Никакихъ предупрежденій о смѣщеніи не дается, никакихъ предупрежденій объ уходѣ не требуется. У меня болѣе четырехсотъ сотрудниковъ и секретарей. Каждый можетъ уйти— когда пожелаетъ, и я могу разсчитать каждаго, когда захочу. Справедливо вѣдь?

— Вполнѣ,—сказалъ Филиппъ.—Интересно тутъ живется, вѣроятно,—прибавилъ онъ.

— Очень,—отвѣтилъ, смѣясь, лордъ Назингъ.

— Я, конечно, вполнѣ понимаю ваши соображенія,—замѣтилъ Филиппъ.

— Мои соображенія!?—повторилъ лордъ Назингъ почти угрожающимъ тономъ.

— Да,—сказалъ Филиппъ.—Вы поручите мнѣ дѣло Угловаго Дома. Такъ вотъ мнѣ кажется, что кромѣ, конечно, убійцы, никто въ Лондонѣ не знаетъ такъ хорошо это дѣло, какъ я. Я—въ немъ, я знаю всѣ перипетіи. Я отказался давать свѣдѣнія рѐпортерамъ, и „Record" сердитъ на меня за мою скрытность. Я теперь стою дорогого въ Флитъ-Стритѣ. То, чего вы не можете имѣть просто такъ, вы обыкновенно стараетесь добиться другимъ путемъ. Вотъ почему вамъ все удается, лордъ Назингъ. Вы думаете, что достали драгоцѣннѣйшаго для васъ сотрудника для этого дѣла за какіе-нибудь пять фунтовъ въ недѣлю...

— А развѣ это не такъ?

— Конечно,—сказалъ Филиппъ.—Но вы должны мнѣ обезпечить мѣсячное жалованье.

— Невозможно, м-ръ Мастерсъ. Я не могу нарушить наше основное правило.

— Какъ знаете,—сказалъ Филиппъ.—Но, вѣдь, предположимъ, что тайна будетъ завтра раскрыта: я, значитъ, буду завтра выброшенъ на улицу. Я этого не желаю.

Лордъ Назингъ поднялся.

— Вы мнѣ очень нравитесь,—сказалъ онъ.

— Это наше взаимное чувство,—отвѣтилъ Филиппъ.—Прощайте, лордъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ лордъ Назингъ.—Я уступаю, молодой человѣкъ, уступаю. Но вы будете подписывать свои статьи.

— Я буду подписывать все, что напишу,—согласился Филиппъ.—Вы желаете, чтобы я сейчасъ же взялся за дѣло, я полагаю?

— Конечно. Я жду васъ здѣсь въ семь часовъ вечера съ изложеніемъ новыхъ свѣдѣній, а также съ описаніемъ вашей собственной исторіи. Я хочу выпустить спеціальное изданіе „Курьера" завтра. По-вашему, въ чемъ объясненіе бѣды, въ которую запутался Скотлэндъ-Ярдъ?

— По-моему,—сказалъ Филиппъ,—объясненіе самое простое. Покойный Варко...

— Вы думаете, что его уже нѣтъ въ живыхъ?

— Думаю. Покойный Варко слишкомъ много надѣялся на себя. Онъ думалъ, что одинъ сможетъ справиться со всѣмъ этимъ дѣломъ, и, дѣйствительно, почти-что справился. Но именно почти. Кто-то другой оказался на волосъ умнѣе его, и это не кто иной, какъ самъ убійца. Варко открылъ убійцу. Онъ мнѣ это сказалъ. Я увѣренъ, что онъ раскрылъ почти все. Но онъ никому не довѣрялъ—въ этомъ была его ошибка... Онъ хотѣлъ, чтобы все торжество было на сторонѣ Варко, чтобы никто другой въ Скотлэндъ-Ярдѣ ничего не зналъ. И потому убійцѣ стоило только отдѣлаться отъ Варко, чтобы быть въ такой же безопасности, какъ до начала разслѣдованій Варко. Въ Скотлэндъ-Ярдѣ, вѣроятно, существуетъ такая же зависть, какъ и повсюду. Только они въ этомъ не признаются.

— Великолѣпно, великолѣпно!—проговорилъ лордъ Назингъ.—Пойдите и изложите эту теорію... Но послушайте: если Варко убитъ,—гдѣ же его трупъ?

— По моему, въ Углòвомъ Домѣ.

— Вы думаете, что разыщете его?

— Какъ знать?—сказалъ Филиппъ.—Но мнѣ пора идти.

— Да,—согласился лордъ Назингъ.

— А какъ относительно расходовъ?

— Carte blanche,—сказалъ лордъ.

— Я считаю, что если вы говорите carte blanche, то это дѣйствительно...

— Carte blanche,—повторилъ лордъ Назингъ.

— Хорошо,—сказалъ Филиппъ, поднимаясь.—Кромѣ carte blanche для предъявленія кассиру, я попрошу секретаря, умѣющаго хорошо писать, а также фотографа.

— Вы думаете давать фотографическіе снимки?

— Я хочу показать, какъ я понимаю журнализмъ,—сказалъ Филиппъ.

Онъ ушелъ, получивъ бумажку для кассира и заручившись двумя помощниками, секретаремъ и фотографомъ. Новая профессія очень радовала его, но на душѣ у него было мрачно. Ему жалко было Варко. Кромѣ того, имъ овладѣло страшное безпокойство относительно Джона Мередита, а портретъ Джиральды былъ все еще у него передъ глазами и манилъ его къ какому-то далекому счастью.

XII.

Полиція не сдѣлала въ этотъ день никакихъ открытій даже при помощи начальника Скотлэндъ-Ярда. Не было никакого исходнаго пункта. Если бы м-ръ Варко далъ хоть какое-нибудь самое смутное указаніе кому-нибудь изъ своихъ помощниковъ, намекнулъ бы о достигнутыхъ имъ результатахъ, то, быть можетъ, дополнительное слѣдствіе дало бы болѣе плодотворные результаты. Но онъ поступилъ иначе, и теперь расплачивался за свою излишнюю гордость. Газетные хроникеры тоже ничего не добились. Но ихъ вѣдь тормозила полиція—между тѣмъ какъ полицію никто не тормозилъ. Филиппъ, въ качествѣ новоиспеченнаго представителя „Курьера", прохаживался съ царственнымъ видомъ взадъ и впередъ передъ домомъ въ сопровожденіи своихъ двухъ помощниковъ. Онъ выработалъ цѣлый планъ и рѣшилъ тотчасъ же взяться за его осуществленіе, хотя и не надѣялся на немедленный успѣхъ. У него было впереди сорокъ часовъ передъ печатаніемъ обычнаго изданія газеты, а если бы въ теченіе двадцати часовъ произошла какая-нибудь неожиданная удача, то все же останется время для экстреннаго изданія, каковое предполагалъ лордъ Назингъ. На своего фотографа и секретаря, бывшаго также стенографомъ, Филиппъ смотрѣлъ какъ на двѣ забавныя игрушки.

Для выполненія своего плана онъ постучался въ дверь къ Джону Мередиту.

Было ровно двѣнадцать часовъ.

— Кто тамъ?—раздался пріятный голосъ Мередита, въ которомъ слышался испугъ.

— Это я, Мастерсъ. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, если вы можете удѣлить мнѣ немного времени.

Отвѣта не послѣдовало, и когда Филиппъ постучался вторично и повторилъ свою просьбу, раздался снова голосъ Мередита:

— Я не могу разговаривать теперь, — отвѣтилъ Мередитъ, и Филиппу послышались слезы въ его голосѣ.

— А придете вы къ лёнчу?

Опять послѣдовало короткое молчаніе, потомъ взволнованный отвѣтъ:

— Не думаю. Но можетъ быть.

Филиппъ направился къ лѣстницѣ въ нерѣшительности. Онъ такъ надѣялся на бесѣду съ Мередитомъ — вовсе не съ цѣлью непремѣнно напечатать ее въ газетѣ, но для собственнаго уясне-

нія себѣ многаго. Странное поведеніе молодого человѣка наканунѣ, его волненіе при упоминаніи одного имени брата убитаго, ясно запечатлѣлось въ его памяти. А происшествіе со шторой принимало чрезвычайно интересный оборотъ. Кромѣ того, онъ ясно чувствовалъ, что Мередитъ нуждается въ помощи, и ему очень хотѣлось оказать ему эту помощь.

Въ то время какъ Филиппъ стоялъ въ тѣни у лѣстницы, онъ услышалъ, какъ осторожно открыли дверь, услышалъ мягкіе шаги по корридору. Появился Мередитъ въ пальто и шляпѣ. Онъ, видимо, не ожидалъ встрѣчи съ Филиппомъ, оглянулъ его быстрымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась печаль, близкая къ отчаянію, и, не произнеся ни слова, побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Филиппъ, онѣмѣвъ отъ изумленія, вышелъ вслѣдъ за нимъ на улицу. Мередитъ быстро вышелъ, повернулъ направо и пошелъ почти бѣгомъ. На нѣкоторомъ разстояніи за нимъ пошелъ вслѣдъ человѣкъ, отдѣлившійся отъ толпы безъ всякихъ препятствій со стороны полиціи. Филиппъ зналъ, что это сыщикъ. Время до завтрака Филиппъ постарался провести съ фотографомъ—и это его развлекло. Къ лёнчу Мередитъ не явился. Но къ общему изумленію пришла въ столовую м-ссъ Оппотери. Она была въ глубокомъ траурѣ, какъ на судѣ, но съѣла съ важнымъ видомъ сытный завтракъ; отъ саговаго пуддинга она отказалась— это ей казалось суетнымъ баловствомъ въ ея положеніи. Она ни съ кѣмъ не заговаривала и никто не рѣшался обратиться къ ней. У нея былъ еще болѣе строгій видъ, чѣмъ на судѣ, и всѣ снова удивлялись, какъ такія холодныя и устарѣлыя чары могли околдовать капитана Поликсфена, моряка, вѣроятно видавшаго достаточно красивыхъ женщинъ въ разныхъ странахъ.

Филиппъ, который ничего не ѣлъ за завтракомъ, рѣшилъ, что м-ссъ Оппотери—его законная добыча. Онъ не могъ похвастать побѣдами надъ сердцами молодыхъ женщинъ, — такъ какъ въ сущности мало занимался ухаживаніемъ за дамами, — но зато всегда былъ любимцемъ дамъ почтеннаго возраста. Въ его глазахъ было что-то, привлекавшее старыхъ дамъ, и онъ надѣялся, что и на этотъ разъ ему удастся завоевать симпатіи м-ссъ Оппотери. Онъ ждалъ, когда она поднимется отъ стола, чтобы пойти вслѣдъ за нею. Но она осталась сидѣть на мѣстѣ и, вынувъ книжку изъ кармана, стала читать ее. Это былъ молитвенникъ. Всѣ пансіонеры вставали и уходили одинъ за другимъ, и, наконецъ, въ столовой остались только м-ссъ Оппотери и молодой человѣкъ, который хотѣлъ произвести на нее впечатлѣніе. Глаза

ея поднялись со страницъ молитвенника и случайно встрѣтились съ его взглядомъ. Она попалась ему въ сѣти.

— М-ссъ Оппотери!—обратился къ ней Филиппъ съ спокойнымъ улыбающимся выраженіемъ лица.

— Чтò, молодой человѣкъ?—Голосъ у нея былъ глубокій, не совсѣмъ пріятный, но скорѣе привѣтливый.

— Я увѣренъ, что васъ сегодня съ утра мучили, приставая къ вамъ съ разспросами. Но мнѣ поручено разслѣдовать это дѣло для одной большой газеты, и если бы вы согласились...—Онъ не рѣшался продолжать.

— На чтò я должна согласиться? — Она тоже улыбнулась.

— Если бы вы согласились разсказать всю исторію вашихъ отношеній къ покойному капитану Поликсфену.

— Да, меня все утро сегодня терзали, приставая съ разспросами, — сказала м-ссъ Оппотери.—А завтра его похороны. Надѣюсь, что вы пойдете, молодой человѣкъ? Кажется, что обязанность каждаго изъ живущихъ здѣсь отдать ему послѣднюю честь.

Голосъ ея задрожалъ, и она закрыла лицо платочкомъ съ траурной каймой.

— Конечно,—сказалъ Филиппъ.—Конечно!

— Его хоронятъ въ Бромптонѣ, — едва выговорила м-ссъ Оппотери среди рыданій.

Онъ увѣрилъ ее, что непремѣнно будетъ на похоронахъ, и уже хотѣлъ извиниться въ томъ, что обезпокоилъ ее, какъ вдругъ, къ его удивленію, она вытерла глаза платочкомъ и сказала:

— Чтò же вы хотѣли бы узнать отъ меня?

Онъ быстро отвѣтилъ:

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы начали сначала и разсказали все по порядку. Я увѣренъ, что мы нападемъ на какое-нибудь обстоятельство, которое наведетъ насъ на вѣрный слѣдъ.

— Такъ вотъ, слушайте,—сказала она, оглянулась вокругъ и, не ожидая отвѣта, добавила: — Хорошо. Сядьте подлѣ меня. Я нѣсколько глуха.

— Когда вы познакомились съ капитаномъ?—спросилъ Филиппъ, сѣвъ подлѣ старухи и стараясь войти въ роль интервьюэра. Она повернулась на своемъ стулѣ, чтобы поглядѣть ему прямо въ лицо. Губы ея дрожали, и она сначала не могла выговорить ни слова. Страшное рыданье вырвалось у нея, и она прислонилась къ его плечу, на половину теряя сознаніе. Наконецъ, какъ бы стыдясь своей слабости, она сдѣлала усиліе надъ собой и снова откинулась на стулѣ.

— Коньяку, — прошептала она. — Принесите мнѣ рюмочку коньяку, молодой человѣкъ!..

Она тяжело дышала. Филиппъ очень встревожился, выбѣжалъ изъ комнаты, кликнулъ мальчика. Черезъ нѣсколько минутъ добыли коньякъ и дали м-ссъ Оппотери. Потомъ Филиппъ помогалъ ей подняться на лѣстницу. Тѣло у нея было грузное и неуклюжее, и поддерживать ее было трудно. Она остановилась у дверей своей комнаты.

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ, — сказала она.—Вы первый были любезны со мной съ тѣхъ поръ какъ...

— Не говорите объ этомъ, — сказалъ Филиппъ.—Это васъ слишкомъ волнуетъ.

— Да, я не могу говорить, — отвѣтила она. — Но я могу все это написать. Это, быть можетъ, нѣсколько успокоитъ меня. Я напишу сегодня же ночью.

Онъ поблагодарилъ ее.

— Вы позволите мнѣ напечатать въ нашей газетѣ то, что̀ вы напишете?—спросилъ онъ.

— Позволю,—сказала м-ссъ Оппотери.—А эта газета очень богатая и распространенная,—не правда ли?

— Очень,—согласился Филиппъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала м-ссъ Оппотери тихимъ увѣреннымъ голосомъ, — они должны заплатить мнѣ сто гиней за то, что̀ я напишу. И повѣрьте, что моя статья—лучшая. Филиппъ остолбенѣлъ.—Сто гиней!—проговорилъ онъ.

— Да, — сказала м-ссъ Оппотери. — Конечно, деньги эти нужны не мнѣ самой. Я отдамъ ихъ пріюту для бѣдныхъ матросовъ въ Соутгамптонѣ, въ память моего бѣднаго...

Она не могла продолжать отъ душившихъ ее слезъ. Филиппъ согласился. Ему вѣдь дали carte blanche.

Ровно въ семь часовъ онъ явился въ редакцію.

— Въ которомъ этажѣ комната лорда Назинга? — спросилъ онъ.

— Лордъ Назингъ не принимаетъ, — отвѣтилъ мальчикъ у лифта.

Это былъ высокій, развязный мальчикъ, усвоившій себѣ высокомѣрность всѣхъ служащихъ въ домѣ Брента. Филиппъ къ такому тону не привыкъ.

Поэтому онъ захватилъ ухо мальчика между большимъ и указательнымъ пальцемъ и нажалъ на опредѣленной точкѣ за ухомъ. Черезъ пять секундъ лифтъ уже поднималъ ихъ наверхъ.

— А теперь покажите мнѣ, гдѣ кабинетъ лорда Назинга,— сказалъ Филиппъ.—Я что-то не помню.

— Мнѣ не приказано отходить отъ лифта, — возразилъ мальчикъ.

— Идемъ!—сказалъ Филиппъ, и мальчикъ немедленно повиновался ему.

— А теперь постучи въ дверь.

Мальчикъ постучалъ.

— Ну, а теперь можешь вернуться на свое мѣсто, и на слѣдующій разъ уже узнавать меня.

На стукъ въ дверь отвѣта не послѣдовало. Но, въ виду своего точнаго условія съ лордомъ Назингомъ, Филиппъ смѣло вошелъ. Комната была пуста. Надъ круглымъ столомъ горѣла одна электрическая лампа. Кромѣ того, отъ камина шли тусклые желтые лучи электрической печки, поставленной въ каминъ. При этомъ свѣтѣ красиво выдѣлялся узоръ ковра. Филиппъ громко кашлянулъ.

— Кто тутъ?—спросилъ лакей, безшумно появившійся изъ сосѣдней комнаты.

— Мое имя Мастерсъ, — сказалъ Филиппъ. — У меня назначено важное дѣловое свиданіе съ лордомъ Назингомъ въ семь часовъ.

— Совѣтую вамъ не надѣяться на свиданіе сегодня,—сказалъ лакей.

— Послушайте,—началъ Филиппъ,—но въ эту минуту вслѣдъ за лакеемъ явился и самъ лордъ Назингъ. Онъ завязывалъ бѣлый галстукъ поверхъ бѣлоснѣжнаго пластрона рубашки.

— Наконецъ-то! — сказалъ съ облегченіемъ Филиппъ. — Я былъ пораженъ, что вы могли забыть про меня!

Его шумная, самоувѣренная манера обращенія такъ поразила лакея, что онъ быстро вышелъ, чтобы не разсмѣяться.

Лордъ отъ гнѣва выпустилъ изъ рукъ концы галстука, но потомъ разсмѣялся, такъ какъ ничего другого ему не оставалось.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ.—Вы тотъ молодой человѣкъ, которому поручено разслѣдованіе дѣла объ Углǒвомъ Домѣ.

— Да,—сухо сказалъ Филиппъ. — Его уже второй разъ въ этотъ день назвали „молодымъ человѣкомъ", и онъ началъ этимъ тяготиться.

— Чтǒ вы успѣли сдѣлать?

— Вы приглашены куда-нибудь къ обѣду?—спросилъ вдругъ Филиппъ, парируя вопросъ.

— Нѣтъ,—сказалъ лордъ Назингъ, не привыкшій къ такой фамильярности со стороны своихъ легіонеровъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Филиппъ,—пойдемте отобѣдать со мной въ „Савой-Отелѣ", и я разскажу вамъ тамъ обо всемъ. Я слишкомъ утомленъ и не въ состояніи говорить, пока не проглочу стаканъ бургонскаго.

На минуту въ комнатѣ совѣта царило молчаніе.

— Стрэкеръ!—позвалъ лордъ Назингъ.

— Чтò прикажете, милордъ? — Слуга снова вошелъ въ комнату.

— Подайте пальто. М-ръ Мастерсъ былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня къ обѣду въ „Савой".

— Только, если вы ничего противъ этого не имѣете, — прибавилъ Филиппъ, — мы пойдемъ въ Grill-room, такъ какъ я не во фракѣ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своей новой профессіи и находилъ, что быстро двигается впередъ. И дѣйствительно, то, что онъ вышелъ изъ редакціи вмѣстѣ съ лордомъ Назингомъ, произвело общую сенсацію. А появленіе его съ лордомъ Назингомъ въ Grill-room въ „Савой-Отелѣ" было настоящимъ тріумфомъ для Филиппа.

— А теперь, — сказалъ онъ за супомъ, — я вамъ скажу, чтò я сдѣлалъ до сихъ поръ. Я истратилъ сто-восемьдесятъ фунтовъ.

Лордъ Назингъ взглянулъ на него съ изумленіемъ.

— Вы дорого стòящій предметъ роскоши,—сказалъ онъ.— Не удивительно, что вы позвали меня къ обѣду.

— Ничуть. Я очень дешевъ, напротивъ того. За эти пустяшныя деньги я пріобрѣлъ, во-первыхъ, длинную статью м-ссъ Оппотери—статья будетъ доставлена завтра,—въ которой она передаетъ во всѣхъ подробностяхъ всю исторію своихъ отношеній съ убитымъ. Кромѣ того, будутъ тридцать-одинъ интервью съ жильцами дома, которыхъ всего шестьдесятъ — все съ подписанными подтвержденіями правды. Кромѣ того, будетъ моя статья — совершенно единственная въ своемъ родѣ по сенсаціонности. А тутъ еще вотъ чтò. Смотрите!—Онъ вынулъ изъ кармана пачку фотографическихъ снимковъ: вотъ фотографическіе снимки дома, рва съ водопроводными трубами, комнаты капитана, въ которой, вѣроятно, и было совершено убійство. Вотъ группа пансіонеровъ за завтракомъ; вотъ толпа на улицѣ, отдѣльные портреты сорока пансіонеровъ. Посмотрите на эту фотографію м-ссъ Оппотери... А вотъ эти — полицейскихъ и сыщиковъ. Я убѣжденъ, что никогда до

сихъ поръ ни въ какой газетѣ не было фотографій сыщиковъ въ моментъ занятія ихъ своимъ дѣломъ. А вотъ еще фотографія „Волги", послѣдняго судна, подъ командой капитана. Есть еще коллекція фотографій Джиральды.

— Прекрасно, — сказалъ лордъ Назингъ. — Прекрасно. Но гдѣ же убійца?

— Все въ свое время,—отвѣтилъ Филиппъ.—Я взялся вѣдь за свое дѣло всего десять часовъ тому назадъ.

Лордъ Назингъ вдругъ расхохотался.

— Чтò вамъ кажется такимъ забавнымъ? — рѣшился спросить Филиппъ.

— Мнѣ пришла въ голову смѣшная мысль, — отвѣтилъ лордъ Назингъ. — Чтò если убійца — вы? Вѣдь это могло бы быть. Вотъ была бы реклама для „Курьера"!

— Да, дѣйствительно,—подтвердилъ Филиппъ.

Въ концѣ хорошаго, но быстро съѣденнаго обѣда онъ потребовалъ счетъ и открылъ бумажникъ, чтобы вынуть деньги. Онъ развернулъ пачку банковыхъ билетовъ. Первый билетъ былъ въ сто фунтовъ, чтò составляло около половины всего его состоянія. Онъ машинально прочелъ нумеръ и дату: $^{27}/_{9}$. 687.606, Лондонъ, 15-го мая 1904 года. Комната вдругъ закружилась вокругъ него, и все вокругъ показалось призрачнымъ, фантастическимъ. Нумера билетовъ, данныхъ капитану Поликсфену конторскими служащими въ роковой вторникъ, были всюду опубликованы. И этотъ билетъ былъ однимъ изъ нихъ. Филиппъ зналъ нумера наизусть.

Онъ, однако, сдѣлалъ надъ собой усиліе, нашелъ билетъ въ пять фунтовъ, заплатилъ по счету и положилъ все остальное въ бумажникъ.

XIII.

Уходъ Филиппа изъ Grill-room „Савой-Отеля" сопровождался самымъ минимумомъ вѣжливости. Слуга въ гардеробѣ чуть не былъ искалѣченъ на всю жизнь за то, что былъ слишкомъ учтивъ и потому медленно передалъ ему пальто и шляпу. Что касается лорда Назинга, то быстрота, съ которой Филиппъ убѣжалъ отъ него, удивила его не менѣе, чѣмъ поразила бы Людовика XIV, если бы кто-нибудь притащилъ занавѣси отъ постели и положилъ на столъ во время ужина. Единственнымъ утѣшеніемъ лорда Назинга была мысль, что Мастерсъ дѣйствительно самъ убійца.

Филиппъ вскочилъ въ кэбъ и велѣлъ кучеру помчаться во весь опоръ къ Девоншэйръ-Мэншіонсъ. Онъ снова вынулъ бумажникъ изъ кармана. Внутри каретки была прикрѣплена къ стѣнкѣ маленькая лампочка, и Филиппъ могъ спокойно разсмотрѣть на досугѣ свой подозрительный банковый билетъ. Не только не могло быть ошибки относительно нумера билета, но онъ отыскалъ у себя въ бумажникѣ еще одинъ билетъ въ сто фунтовъ — и на этомъ тоже былъ одинъ изъ опубликованныхъ всюду нумеровъ. Такимъ образомъ, у него очутились два банковыхъ билета изъ тѣхъ, которые судоходная компанія уплатила капитану Поликсфену въ самый день убійства. Рука его невольно задрожала, и онъ на минуту забылъ, что онъ журналистъ и, тѣмъ самымъ, невозмутимъ.

Оксвичъ, который съ успѣхомъ могъ бы преподать курсъ невозмутимости молодымъ журналистамъ, открылъ ему дверь въ пятомъ этажѣ Девоншэйръ-Мэншіонсъ...

— Сэръ Антони дома?

— Да, сэръ. Но онъ ждетъ...

— Мнѣ нужно немедленно его видѣть,—сказалъ Филиппъ.— Немедленно.

Оксвичъ умѣлъ сразу понять всякое стеченіе обстоятельствъ и безъ дальнѣйшихъ протестовъ провелъ Филиппа въ гостиную. Сэръ Антони нервно ходилъ по комнатѣ. Въ петличкѣ его торчала великолѣпная роза. Онъ вздрогнулъ, когда открылась дверь.

— Послушай, Тони!—крикнулъ Филиппъ, бросаясь къ нему.

— Послушай, другъ мой,—сказалъ сэръ Антони, останавливая его объясненія быстрымъ потокомъ словъ.—Я страшно радъ тебѣ, но не могу остаться дома. Джозефина обѣдала со мной здѣсь въ ресторанѣ, теперь она зашла на минуту къ Китти, потомъ вернется сюда, мы прорепетируемъ одинъ изъ новыхъ ея вокальныхъ нумеровъ, а потомъ я долженъ отвезти ее въ Метро. Она поетъ въ 9.30. Это очень скучно, но что̀ же дѣлать? Приходится ѣхать съ нею. Мы можемъ условиться, гдѣ встрѣтиться послѣ того.

— Будь тутъ хоть двадцать Джозефинъ, мнѣ все равно!— крикнулъ Филиппъ, вынимая бумажникъ.—Какъ ты объяснишь, что...

Дверь снова открылась.

— Это она,—шепнулъ Тони.—Исчезни, милый мой!—Онъ взглянулъ въ сторону двери, и выраженіе его лица измѣнилось. Онъ, видимо, совершенно растерялся.—Мильдредъ!—воскликнулъ онъ.

— Дорогой мой Тони!—прошептала разряженная и красивая женщина зрѣлыхъ лѣтъ, которая пронеслась по комнатѣ въ облакѣ легкаго шолка и обняла Тони. Замѣтивъ Филиппа, она вскрикнула съ кокетливымъ удивленіемъ.

— Мой другъ, Филиппъ Мастерсъ,—сказалъ Тони, освобождаясь отъ ея объятій.—Это моя сестра, м-ссъ Эпльби.

— Я всегда рада знакомству съ друзьями Тони,—заявила м-ссъ Эпльби, подплывая къ Филиппу.

Было совершенно очевидно, что она признавала въ жизни только превосходную степень во всемъ, что касалось лично ея. Такого рода женщины неизмѣнно останавливаются на возрастѣ тридцати-восьми лѣтъ, очень много тратятъ на туалетъ и вѣчно борются противъ полноты. Онѣ обыкновенно вдовы, и если у нихъ нѣтъ сына, котораго онѣ обожаютъ, то непремѣнно есть молоденькая дочка, обладающая всѣми совершенствами. У м-ссъ Эпльби—какъ выяснилось вскорѣ—былъ сынъ.

— Какъ это ты очутилась въ городѣ?—спросилъ Тони, съ жалкимъ стараніемъ выказать радость по поводу ея пріѣзда.

— Опять изъ-за бѣднаго Ораса,—отвѣтила сестра, опускаясь съ грустнымъ вздохомъ, но очень граціозно, въ кресло.—Онъ опять нездоровъ и вызвалъ меня телеграммой. Кажется, ничего серьезнаго, но что-нибудь необходимо предпринять. Для его возраста—ему четырнадцать лѣтъ, м-ръ Мастерсъ,—онъ удивительно развитой мальчикъ. Учитель долженъ сдерживать его въ работѣ. Но у него слабое здоровье. Онъ не можетъ много учиться. Главное для него—воздухъ. Придется увезти его куда-нибудь. Онъ считаетъ тебя, Тони, вторымъ отцомъ, и я поэтому и...

Въ дверяхъ показался Оксвичъ. Онъ ничего не сказалъ, но прервалъ бесѣду, взглянувъ на сэра Антони съ сложнымъ выраженіемъ испуга, сожалѣнія, безсилія и просьбы. Въ корридорѣ слышались какіе-то голоса.

— И я поэтому...—снова начала м-ссъ Эпльби.

— Подожди минутку, Мильдредъ!—сказалъ Тони, слегка покраснѣвъ, и быстро выбѣжалъ изъ комнаты, закрывъ за собой дверь.

Филиппъ и м-ссъ Эпльби взглянули другъ на друга. Филиппъ былъ какъ въ горячкѣ.

— И такъ какъ я всегда совѣтуюсь съ Тони въ такихъ...—снова начала м-ссъ Эпльби съ улыбкой сирены.

— Да, конечно,—сказалъ Филиппъ и направился за Тони.

— Сестра! Такъ я и повѣрила!—услышалъ онъ раздраженный голосъ.—Зачѣмъ же вашъ дуракъ Оксвичъ меня не пускалъ?

Филиппъ увидалъ уже только шесть вершковъ платья Джозефины, когда она величественно выходила изъ комнаты. Тони поглядѣлъ на Филиппа. Оксвичъ закрылъ дверь въ комнату, гдѣ находилась м-ссъ Эпльби.

— Я пойду за ней. Это необходимо!—сказалъ Тони.

— На вашемъ мѣстѣ, сэръ Антони, я бы отложилъ это на сутки,—сказалъ Оксвичъ тихимъ, почтительнымъ тономъ.

— Невозможно, Оксвичъ.

— Или лучше еще дальше, на сорокъ восемь часовъ,—продолжалъ Оксвичъ.—Простите, сэръ Антони, что я рѣшаюсь говорить вамъ, сэръ Антони.

— Взгляни!—крикнулъ Филиппъ, не стѣсняясь говорить во всеуслышаніе и размахивая пачкой банковыхъ билетовъ.—Взгляни на нумера. Возьми и взгляни, говорю тебѣ!

Сэръ Антони повиновался, нѣсколько испуганный возбужденнымъ, рѣшительнымъ тономъ своего друга.

— Чтò съ ними?—спросилъ сэръ Антони.—Они поддѣльные?

— Лучше бы они были поддѣльными,—отвѣтилъ Филиппъ, и разсказалъ, какъ все произошло. Сэра Антони трудно было убѣдить,—чтò, впрочемъ, было совершенно понятно. Но когда Оксвичъ справился по двумъ газетамъ и убѣдился, что это дѣйствительно нумера банковыхъ билетовъ, принадлежавшихъ убитому капитану, то и баронетъ сталъ выражать восклицаніями свое удивленіе.

— Оксвичъ,—спросилъ онъ, наконецъ,—откуда у насъ были эти билеты?

— Отъ миссъ Файръ,—отвѣтилъ Оксвичъ, тщательно скрывая свое волненіе.—Другихъ билетовъ въ сто фунтовъ у насъ не было. Миссъ Файръ принесла ихъ во вторникъ вечеромъ въ уплату долга. Помните, сэръ Антони, вы еще удивились.

— Я ей одолжилъ денегъ, чтобы помочь выкарабкаться изъ затруднительнаго положенія мужу ея сестры,—поспѣшно объяснилъ Филиппу Тони.—Это было на прошлой недѣлѣ. А во вторникъ она пришла сказать, что ей нужно только триста фунтовъ. Остальные двѣсти—вотъ эти два билета—она вернула мнѣ.

— Въ какое это было время, Оксвичъ?

— Около полуночи, сэръ Антони.

— Я сейчасъ иду къ ней,—сказалъ Филиппъ.—И сейчасъ же...

— Я пойду съ тобой,—взволнованно прошепталъ сэръ Антони.—Это чрезвычайно серьезное обстоятельство.

— Серьезное?—крикнулъ Филиппъ.—Да вѣдь это ключъ ко всей разгадкѣ! Идемъ!

— А какъ же относительно м-ссъ Эпльби, сэръ Антони?— спросилъ Оксвичъ.—Она сообщила мнѣ, что еще не обѣдала.

— О, пойди и скажи м-ссъ Эпльби, Оксвичъ, что... Нѣтъ, я самъ пойду.

Онъ быстро побѣжалъ въ гостиную.

Филиппъ подождалъ еще нѣсколько секундъ, но дольше ждать былъ не въ состояніи. Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, не дожидаясь лифта, и, отказавшись отъ услугъ шестерыхъ слугъ, быстро сѣлъ въ кэбъ, все еще держа въ рукахъ пачку съ билетами.

Приключенія на пути между входомъ за кулисы „Метрополитэнъ-Театра“ и уборной Джозефины были такія сложныя, что описанія ихъ хватило на пять столбцовъ „Курьера“. Ему пришлось имѣть дѣло съ величественной особой, оберегавшей входъ за кулисы и нѣкогда сказавшей: „Нѣтъ“—товарищу министра. Про этого человѣка говорили, что онъ купилъ кабакъ за четверть того, чѣмъ его подкупали претенденты на расположеніе разныхъ королевъ и принцессъ подмостокъ „Метрополитэнъ-Театра“. Филиппъ быстро убѣжалъ отъ двухъ служителей, которыхъ послали вслѣдъ за нимъ, чтобы помѣшать ему идти дальше, потерялся въ хаосѣ кулисъ, очутился передъ рампой—къ счастью, во время антракта—и обратился за содѣйствіемъ къ старой балеринѣ, доброй толстой старухѣ, успѣхи которой относились еще къ временамъ второй имперіи. Въ концѣ концовъ, ему пришлось подкупить мальчика, состоявшаго на побѣгушкахъ, и гардеробщицу Джозефины, которая, по странной случайности, оказалась ея же теткой. Джозефина находилась въ знаменитой уборной, съ зеркалами на всѣхъ стѣнахъ, со множествомъ драгоцѣнныхъ предметовъ роскоши — вазъ, склянокъ и флаконовъ, разорванныхъ конвертовъ, конфектъ, щипцовъ для завивки волосъ, нотъ, опрокинутыхъ стульевъ. Она сидѣла у туалета и дополняла искусствомъ созданное природой. Она смотрѣла въ упоръ на Филиппа, держа въ рукахъ карандашъ для бровей.

— Это я называю дерзостью,—сказала она.—Но если вы думаете, что можете примирить меня съ Тони, то ошибаетесь. Можете пойти и сказать ему, что стыдно дѣйствовать черезъ посредниковъ.

— Да какое мнѣ дѣло до Тони!—крикнулъ Филиппъ.—Тутъ нѣчто гораздо болѣе важное.

— Довольно.—Она сдѣлала величественный жестъ.—Сколько вы заплатили теткѣ, чтобы она не входила сюда? Позовите ее.

Филиппъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко.

— Не волнуйтесь, миссъ Файръ, — сказалъ онъ строгимъ тономъ.—Прежде всего позвольте сообщить вамъ, что я—сотрудникъ „Курьера“. А затѣмъ скажите, знакомы вамъ вотъ эти банковые билеты?

Онъ разложилъ ихъ на ея туалетномъ столѣ.

Она была взбѣшена и разсѣянно взглянула на билеты.

— Какъ это я могу знать?—спросила она ворчливымъ голосомъ.—Я не одинъ билетъ въ сто фунтовъ видѣла въ жизни.

— Но эти билеты вы дали Тони во вторникъ ночью,—сказалъ Филиппъ.

— Ну, такъ что же изъ того?

— А то, что это краденные билеты,—отвѣтилъ онъ и проговорилъ единственное, зловѣщее слово:—Поликсфенъ.

— Ужъ если хотите знать правду,—сказала Джозефина,—то этихъ билетовъ я не давала Тони во вторникъ ночью. Я дала ему два билета, но они были старые, а эти—новенькіе.

— Какъ вы можете это доказать?

— Это можетъ доказать м-ръ Синклэръ.

— А кто этотъ м-ръ Синклэръ?

— М-ръ Синклэръ—помощникъ кассира. Онъ обмѣнялъ мнѣ чекъ во вторникъ днемъ и далъ мнѣ билеты.

— Я хотѣлъ бы повидаться съ м-ромъ Синклэромъ.

— Это очень легко устроить. Тетя!—Она открыла дверь.—Пойди и попроси м-ра Синклэра сейчасъ же придти сюда.—Она закрыла дверь, стояла, глядя въ лицо Филиппу, упершись руками въ бока, и прерывисто дышала. — Вы повидаетесь съ м-ромъ Синклэромъ,—повторила она.—А м-ръ Токки долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы меня не оскорбляли у меня же въ уборной.

— Что вы, дорогая миссъ Файръ! У меня и въ мысляхъ не было оскорбить васъ! Тони мнѣ сказалъ, что эти два билета онъ получилъ отъ васъ.

— Нечего ему было болтать!—рѣзко сказала Джозефина.—Настоящая сорока!

— Не лучше ли развѣ, что пришелъ я, а не полиція?—сказалъ Филиппъ съ улыбкой. — Я вѣдь стараюсь устроить все къ лучшему.

— Еще бы!—пробормотала она.

Въ комнату вошелъ м-ръ Синклэръ въ безукоризненномъ фракѣ, какіе бываютъ только на второстепенныхъ служащихъ въ модныхъ театрахъ. Онъ подтвердилъ слова Джозефины. Затѣмъ онъ провелъ Филиппа въ кассу и показалъ ему записанные

нумера билетовъ, переданныхъ имъ миссъ Файръ во вторникъ. Нумера эти не соотвѣтствовали билетамъ, которые держалъ въ рукахъ Филиппъ.

Филиппъ вышелъ изъ театра и прошелъ мимо Тони, входившаго въ подъѣздъ. Они оба были такъ поглощены своими мыслями, что не узнали другъ друга. Филиппъ медленно направился къ Угловому Дому. Онъ былъ убѣжденъ въ честности Джозефины Файръ и тѣмъ болѣе, конечно, въ честности Тони. Оставались, значитъ, два объясненія необъяснимаго. Былъ Оксвичъ, но Филиппъ не могъ представить себѣ его сообщникомъ воровъ и убійцъ. Или объясненіе—въ немъ самомъ. Не вошелъ ли кто-нибудь въ его спальню, когда онъ спалъ, и не подмѣнилъ ли билеты въ бумажникѣ билетами Поликсфена? Это было почти недопустимо, потому что Филиппъ клалъ свой бумажникъ—какъ Джонъ Мередитъ свой ключъ—подъ подушку. Онъ спалъ очень чутко.

Филиппъ вошелъ въ Угловый Домъ, поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою комнату. Первое, что̀ онъ увидѣлъ, когда зажегъ электричество, былъ его маленькій саквояжъ, лежавшій на кровати. Онъ подошелъ и открылъ его. Камень съ отпечатками пальца былъ тамъ попрежнему—вмѣстѣ съ бѣльемъ. Филиппъ выбѣжалъ въ корридоръ и случайно встрѣтилъ одного изъ мальчиковъ, исполнявшихъ домашнія работы.

— Кто убиралъ сегодня мою комнату?—спросилъ онъ.

— Я, сэръ.

— Что̀ это за чемоданъ у меня на кровати?

— Онъ былъ подъ кроватью,—сказалъ мальчикъ, смущенный грознымъ тономъ.—Я подумалъ, что вы нечаянно толкнули его подъ кровать, и потому положилъ его на видномъ мѣстѣ, чтобы вы его замѣтили.

Съ англійск. З. В.

АЛЬФРЕДЪ де МЮССЕ

I.

Донато Беатриче звали ту,
Чья плоть пріяла этотъ ликъ небесный,
Чью душу свѣтлую свѣтъ осіялъ тѣлесный,
И груди снѣгъ скрывалъ желаній чистоту.

Сынъ Тиціана прикрѣпилъ къ холсту
Любимый образъ—нынѣ всѣмъ извѣстный,
И живописи даръ съ тѣхъ поръ забылъ чудесный,
Чтобъ болѣе ничью не славить красоту.

О, зритель, затаи укоръ неправый;
Въ лицо моей возлюбленной взгляни;
Съ подругою своей, коль ты влюбленъ, сравни,—
И ты, какъ я, поймешь тщету похвалъ и славы;
А этотъ мертвый холстъ—повѣрь словамъ моимъ—
Ничто передъ ея лобзаніемъ однимъ.

II.

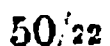
Когда я въ юности читалъ стихи Петрарки,
Я славу равную молилъ себѣ въ удѣлъ;
Онъ, какъ поэтъ, любилъ, онъ, какъ влюбленный, пѣлъ.
Безсмертна пѣснь его—надъ ней безсильны Парки.

Онъ любящей души мгновенный трепетъ жаркій
Подслушать и облечь въ языкъ боговъ съумѣлъ;
Улыбки лучъ поймавъ, ее запечатлѣлъ
Иглою золотой въ кристаллъ алмаза яркій.

О, ты, чей ласковый привѣтъ, на мигъ рожденный,
Мой скрасилъ грустный день, къ забвенью осужденный,
Себя въ преемницы Лауры не готовь.

Во мнѣ Петрарки страсть, но не Петрарки геній,
И я могу платить, по прихоти мгновеній,
Лишь дружбой за привѣтъ, лишь жизнью за любовь.

Н. Минскій.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ
И
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ

(Законопроекты.)

Между законопроектами, внесенными министерствомъ въ Государственную Думу, очень видное мѣсто занимаютъ тѣ, которые касаются неприкосновенности личности и такъ-называемаго исключительнаго положенія. Мы разсмотримъ ихъ вмѣстѣ, потому что только такимъ образомъ можетъ быть установлено ихъ реальное значеніе: исключительное положеніе пріостанавливаетъ дѣйствіе правилъ, ограждающихъ неприкосновенность личности, и при широкомъ распространеніи перваго послѣднія слишкомъ легко могутъ стать мертвою буквой.

Не особенно сложный самъ по себѣ, вопросъ о неприкосновенности личности два раза подвергался подробной разработкѣ въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ. Въ первой Государственной Думѣ онъ возникъ по иниціативѣ ея членовъ и былъ переданъ на разсмотрѣніе коммиссіи пятнадцати, успѣвшей, до роспуска Думы, составить соотвѣтствующій законопроектъ и представить его въ Думу, вмѣстѣ съ обширнымъ объяснительнымъ докладомъ (докладчикомъ коммиссіи былъ проф. Новгородцевъ). Въ теченіе перваго междудумья, особою междувѣдомственною коммиссіей, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Макарова, выработанъ былъ другой проектъ, внесенный во вторую Государственную Думу и переданный ею въ коммиссію тридцати-трехъ. Эта коммиссія закончила обсужденіе проекта, внеся въ него довольно важныя поправки, и выбрала докладчикомъ В. М. Гессена. Дальнѣйшій ходъ дѣла былъ остановленъ роспускомъ

Думы. Въ третью Думу вновь внесенъ законопроектъ коммиссіи А. А. Макарова, безъ всякихъ измѣненій: ни одно изъ замѣчаній, сдѣланныхъ коммиссіею второй Думы, во вниманіе не принято [1]). Въ настоящее время этотъ проектъ разсматривается думскою коммиссіею.

Первыя двѣ статьи правительственнаго законопроекта устанавляютъ, что никто не можетъ быть наказанъ иначе какъ въ порядкѣ, закономъ опредѣленномъ, и судимъ иначе какъ судомъ, которому по закону подвѣдомственно вмѣняемое въ вину дѣяніе. Это, въ сущности, не что иное, какъ повтореніе общихъ началъ, выраженныхъ въ основныхъ законахъ, въ главѣ о правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ (ст. 72 и 74). Самыя эти начала не являются чѣмъ-то новымъ въ нашемъ законодательствѣ: провозглашались они и раньше, но не проводились въ жизнь, а систематически нарушались или вовсе не примѣнялись. Не составляя, поэтому, особенно цѣннаго пріобрѣтенія, обѣ вступительныя статьи не могутъ, однако, быть названы излишними: онѣ рѣзко подчеркиваютъ исходную точку и руководящую мысль законодательнаго акта. Предпослать имъ слѣдовало бы, согласно съ предположеніемъ коммиссіи второй Думы, еще болѣе общее положеніе: *личность неприкосновенна*. Настоящимъ мѣстомъ для такого положенія были бы основные законы, но въ нихъ составъ оно почему-то не вошло, хотя мы и находимъ тамъ другую общую формулу: „жилище каждаго неприкосновенно“ (ст. 75).

За силою статьи третьей правительственнаго законопроекта, никто не можетъ быть задержанъ или заключенъ подъ стражу, либо подвергнутъ личному обыску иначе какъ въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ, и притомъ лишь по предъявленіи письменнаго о томъ требованія отъ подлежащей судебной власти. Дальше слѣдуетъ ссылка на законы уголовнаго судопроизводства, опредѣляющіе условія и порядокъ исполненія подобныхъ требованій. Соотвѣтствующая статья законопроекта, внесеннаго въ первую Думу, подводила подъ дѣйствіе того же правила, кромѣ задержанія, заключенія подъ стражу и личнаго обыска, еще освидѣтельствованіе, полицейскій надзоръ и всякое иное ограниченіе свободы; вмѣстѣ съ тѣмъ она установляла, что судебное требованіе должно заключать въ себѣ точное обозначеніе лица, изложеніе обстоятельствъ дѣла и указаніе на законъ. Именно въ этомъ смыслѣ коммиссія второй Думы предлагала дополнить и измѣнить ст. 3-ю правительственнаго законопроекта. Коммиссія А. А. Ма-

[1]) Законопроектъ, внесенный въ первую Думу, напечатанъ въ книгѣ: „Законодательные проекты и предположенія партіи народной свободы“ (Спб., 1907), а правительственный законопроектъ, съ поправками коммиссіи второй Думы —въ журналѣ „Право“ (1907 г. №№ 49, 51 и 52, статья В. М. Гессена). О первомъ законопроектѣ мы говорили въ сентябрьскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“ 1906-го года.

карова нашла, что принудительное освидѣтельствованіе невозможно безъ задержанія, и потому упоминать о немъ особо нѣтъ надобности. Полицейскій надзоръ не включенъ ею въ число мѣръ, допустимыхъ лишь въ силу судебнаго требованія, на томъ основаніи, что назначеніе его предполагается возложить, въ извѣстныхъ случаяхъ, на уѣздныя и городскія присутствія—смѣшанныя коллегіи, членами которыхъ должны состоять, рядомъ съ административными должностными лицами, представители судебной власти и прокурорскаго надзора. Соображенія междувѣдомственной коммиссіи неубѣдительны. Вѣдь личный обыскъ, какъ и освидѣтельствованіе, неизбѣжно требуетъ *задержанія* (понимаемаго не въ смыслѣ заключенія подъ стражу, а въ смыслѣ лишенія, въ данный моментъ, свободы дѣйствій и передвиженія)—и тѣмъ не менѣе коммиссія совершенно правильно отвела ему мѣсто въ ст. 3-ей. Помимо этого, не всякое задержаніе влечетъ за собою освидѣтельствованіе: приказъ о первомъ не даетъ еще права приступать къ послѣднему; оно должно быть предметомъ *особаго* судебнаго требованія. Что касается до полицейскаго надзора, то, въ виду крайней стѣснительности этой мѣры, едва-ли осторожно предоставлять ее усмотрѣнію смѣшанныхъ коллегій, не отличающихся у насъ, какъ показалъ и постоянно показываетъ опытъ, ни независимостью, ни достаточнымъ вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ. Совершенно правильно, наконецъ, коммиссія второй Думы настаивала на включеніи въ законъ о неприкосновенности личности перечня главныхъ условій, которымъ должно удовлетворять судебное требованіе о лишеніи или ограниченіи свободы. Для частнаго лица справка съ уставомъ уголовнаго судопроизводства гораздо затруднительнѣе, чѣмъ справка съ короткимъ и яснымъ закономъ о неприкосновенности личности.

Статья 3-я формулируетъ общее правило; исключенія изъ него предусмотрѣны слѣдующею, 4-ою статьею правительственнаго законопроекта. Исключенія, безспорно, необходимы: вся задача въ томъ, чтобы сдержать ихъ въ должныхъ предѣлахъ. Предположеніями думскихъ коммиссій эта задача осуществлялась удачнѣе, чѣмъ министерскимъ законопроектомъ. Главное различіе между ними заключается въ томъ, что по проекту побѣгъ или покушеніе на побѣгъ, а также неимѣніе постояннаго мѣста жительства или осѣдлости, *сами по себѣ* даютъ полиціи право задержать подозрѣваемаго, не ожидая судебнаго требованія, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія думскихъ коммиссій эти обстоятельства могутъ вести къ задержанію только въ связи съ другими, *прямо* навлекающими подозрѣніе на данное лицо. Другими словами, достаточнымъ поводомъ для задержанія собственною властью полиціи можетъ служить, по мнѣнію думскихъ коммиссій, только *со-*

совокупность вѣскихъ указаній какъ на виновность даннаго лица, такъ и на вѣроятность намѣренія его скрыться отъ слѣдствія и суда. Именно такова и должна быть, какъ намъ кажется, точка зрѣнія закона.

Кромѣ заподозрѣнныхъ въ преступленіи, полиціи предоставляется право задержанія такихъ лицъ, пребываніе которыхъ на свободѣ угрожаетъ непосредственною опасностью имъ самимъ или ихъ окружающимъ, либо сопряжено съ незаконнымъ нарушеніемъ свободы другихъ лицъ или съ нарушеніемъ общественной благопристойности (сюда подходятъ, напримѣръ, пьяные, умалишенные, больные). По существу этого права между коммиссіями междувѣдомственною и думскими разногласія нѣтъ; неодинаково разрѣшается ими только вопросъ о послѣдствіяхъ задержанія. Думскія коммиссіи требуютъ, чтобы лицо, почему бы то ни было безъ судебнаго предписанія задержанное полиціею, было доставлено, въ теченіе 24 часовъ, къ судьѣ или судебному слѣдователю, а правительственный законопроектъ примѣняетъ этотъ порядокъ только къ лицамъ, заподозрѣннымъ въ преступленіи. И здѣсь преимущество, очевидно, на сторонѣ думскихъ коммиссій: стоитъ только вспомнить, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ повести безконтрольное задержаніе лицъ, признаваемыхъ умалишенными.

На основаніи правительственнаго законопроекта судья или прокуроръ, удостовѣрившись въ незаконномъ содержаніи кого-либо подъ стражей, немедленно освобождаетъ неправильно лишеннаго свободы. Думскія коммиссіи находили, сверхъ того, необходимымъ возложить на судей и прокуроровъ общій надзоръ за точнымъ исполненіемъ правилъ, регулирующихъ лишеніе свободы. Судья или прокуроръ, по мнѣнію думскихъ коммиссій, не долженъ ожидать сообщеній о нарушеніи закона, всегда болѣе или менѣе случайныхъ: онъ обязанъ постоянно стоять на стражѣ личной свободы. Этого мало: по мнѣнію думскихъ коммиссій, онъ долженъ, одновременно съ освобожденіемъ неправильно задержаннаго, принять мѣры къ возбужденію судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ въ противозаконномъ задержаніи. Особенно важнымъ такое обязательное возбужденіе преслѣдованія представляется именно у насъ въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ столь низко цѣнилась личная свобода и столь пышно расцвѣталъ полицейскій произволъ. Рядомъ съ иниціативой судьи и прокурора должно, конечно, существовать самое широкое право жалобы частныхъ лицъ, да и отвѣтственность за нарушенія закона должна быть по возможности серьезной. Совершенно неудовлетворительны, съ этой точки зрѣнія, постановленія правительственнаго законопроекта. За силою ст. 19-ой, жалобы на противозаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ могутъ быть

приносимы какъ самимъ задержаннымъ (или подвергнутымъ обыску, осмотру или выемкѣ), такъ и всякимъ его законнымъ представителемъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь не предусмотрѣны нѣкоторые виды нарушенія неприкосновенности личности (напр., ограниченія въ правѣ избранія мѣста жительства и въ правѣ передвиженія, нарушенія тайны почтовыхъ, телеграфныхъ, телефонныхъ сношеній), недостаточнымъ слѣдуетъ признать пріуроченіе права жалобы, помимо самого потерпѣвшаго, только къ законному его представителю. Для того, кто неправильно задержанъ полиціею, слишкомъ легко можетъ оказаться затруднительнымъ прінсканіе представителя или сношеніе съ представителемъ, уже имѣющимся. Правомъ жалобы, въ вышеприведенныхъ случаяхъ, слѣдовало бы облечь, поэтому, жену потерпѣвшаго и его ближайшихъ родственниковъ, а право *заявленія* о допущенномъ нарушеніи закона предоставить—какъ это предположено второю думскою коммиссіею—всякому желающему. Существованіе послѣдняго права можно вывести и изъ дѣйствующаго закона, но прямое упоминаніе о немъ въ правилахъ, ограждающихъ неприкосновенность личности, тѣмъ не менѣе кажется намъ весьма желательнымъ. Чѣмъ дальше заступничество за лицъ, неправильно лишаемыхъ свободы, отъ нашихъ привычекъ и нравовъ, тѣмъ важнѣе поставить его легальность внѣ всякаго сомнѣнія... Объ отвѣтственности нарушителей закона правительственный проектъ говоритъ только въ общихъ выраженіяхъ, ничѣмъ не обезпечивая ея реальность. Иначе отнеслись къ этому вопросу обѣ думскія коммиссіи: онѣ признали нужнымъ установить, что судебное преслѣдованіе за нарушеніе правилъ о неприкосновенности личности можетъ быть возбуждаемо *помимо согласія на то начальства обвиняемыхъ должностныхъ лицъ*, и что послѣднія, независимо отъ уголовной отвѣтственности, могутъ быть присуждаемы гражданскимъ судомъ къ вознагражденію за убытки, *въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по усмотрѣнію суда*. Только такимъ образомъ неприкосновенность личности можетъ быть ограждена не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ.

По ст. 14-ой правительственнаго законопроекта никто не можетъ быть ограничиваемъ въ избраніи мѣста пребыванія или въ передвиженіи съ одного мѣста на другое, *за исключеніемъ случаевъ, особо въ законѣ указанныхъ*. Послѣдняя оговорка, по справедливому замѣчанію второй думской коммиссіи, въ значительной мѣрѣ уничтожаетъ дѣйствіе закона, открывая широкій просторъ для административной высылки и ссылки. Свобода располагать собою, сохраняя или мѣняя, по собственному усмотрѣнію, мѣсто пребыванія или жительства, должна подлежать стѣсненію, какъ и свобода отъ задержанія, не иначе, какъ по судебному опредѣленію. Нѣтъ причины от-

ступать отъ этого правила и по отношенію къ иностранцамъ... Болѣе удовлетворительны постановленія правительственнаго законопроекта (ст. 15 — 17), касающіяся неприкосновенности жилища. Осмотры, обыски и выемки допускаются не иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, и въ силу постановленія надлежащей судебной власти. Безъ такого постановленія дѣйствія эти могутъ быть производимы полиціею, съ точнымъ соблюденіемъ установленнаго порядка, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ею застигнуто совершающееся или только-что совершившееся преступное дѣяніе, или когда до прибытія представителя судебной власти слѣды преступленія могли бы изгладиться. Въ виду громадныхъ неудобствъ, сопряжённыхъ съ обыскомъ въ ночное время, намъ казалось бы полезнымъ повторить относящіяся сюда процессуальныя правила въ самомъ текстѣ закона о неприкосновенности личности. Со времени изданія судебныхъ уставовъ 1864-го года ночной обыскъ долженъ былъ стать рѣдкимъ исключеніемъ—а между тѣмъ онъ былъ и остается до сихъ поръ явленіемъ обычнымъ, представляя собою, въ большинствѣ случаевъ, ненужное и нерѣдко жестокое издѣвательство надъ спокойствіемъ и достоинствомъ цѣлыхъ семействъ... Что касается, наконецъ, до ст. 18-ой правительственнаго законопроекта, охраняющей тайну почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ сношеній, то получить надлежащее значеніе она можетъ лишь въ такомъ случаѣ, если необходимымъ условіемъ нарушенія тайны будетъ признано, согласно указанію думскихъ коммиссій, состоявшееся по этому предмету опредѣленіе суда.

Несмотря на всѣ недостатки правительственнаго законопроекта о неприкосновенности личности, осуществленіе его даже въ настоящемъ его видѣ было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ, если бы только при этомъ существовала увѣренность, что дѣйствіе его не будетъ парализуемо на каждомъ шагу изъятіями изъ общаго порядка. Такой увѣренности не даетъ проектъ „Исключительнаго положенія", составленный тою же междувѣдомственною коммиссіею А. А. Макарова и также внесенный на разсмотрѣніе третьей Государственной Думы.

На основаніи ст. 15 осн. зак., Государь Императоръ объявляетъ мѣстности на военномъ или исключительномъ положеніи. Коммиссіи А. А. Макарова предстояло, поэтому, опредѣлить, должны ли быть составлены особыя правила для каждаго изъ этихъ двухъ чрезвычайныхъ положеній — при чемъ положеніе исключительное занимало бы какъ бы средину между нормальнымъ и военнымъ,—или же слѣдуетъ ограничиться установленіемъ только одного исключительнаго положенія. Тотъ же вопросъ обсуждался еще раньше въ особомъ совѣщаніи

подъ предсѣдательствомъ графа А. П. Игнатьева. Большинство совѣщанія признало необходимость двухъ различныхъ положеній, на томъ, между прочимъ, основаніи, что въ противномъ случаѣ пришлось бы усилить полномочія правительственной власти въ обыкновенное, мирное время. Коммиссія А. А. Макарова не остановилась передъ этимъ соображеніемъ. Населеніе, по ея мнѣнію, „не менѣе чѣмъ правительство заинтересовано въ томъ, чтобы мирное теченіе общественной жизни ничѣмъ не нарушалось; всѣ мѣропріятія, направленныя къ скорѣйшему возстановленію общественнаго спокойствія, могутъ быть лишь привѣтствуемы населеніемъ, при томъ, конечно, условіи, чтобы мѣры эти были направлены исключительно противъ нарушителей порядка и не стѣсняли правъ мирныхъ гражданъ". Такому заключенію противорѣчитъ тяжелый опытъ послѣднихъ десятилѣтій. Солидарности между правительствомъ и обществомъ въ дѣлѣ охраненія и возстановленія порядка не оказывалось, бо̀льшею частью, никакой. Мотивированныя этой цѣлью мѣры приводили, сплошь и рядомъ, только къ ограниченію общественной и личной самодѣятельности. „Мирные граждане" слишкомъ часто страдали отъ нихъ гораздо больше, чѣмъ „нарушители порядка". Въ массѣ населенія административный произволъ вызывалъ не привѣтъ, не сочувствіе, а глухое недовольство, сдерживаемое только страхомъ... Если мы не возражаемъ противъ установленія *одного* исключительнаго положенія [1]), то насъ побуждаютъ къ этому причины, не имѣющія ничего общаго съ соображеніями коммиссіи А. А. Макарова. Мы думаемъ, что при существованіи двухъ исключительныхъ положеній, одного — болѣе, другого — менѣе уклоняющагося отъ нормы, чаще возникала бы и легче осуществлялась бы мысль о пріостановкѣ дѣйствія общихъ законовъ. Указывалось бы на то, что рѣчь идетъ только о мѣропріятіяхъ сравнительно менѣе острыхъ, сравнительно мало ограничивающихъ свободу гражданъ; между тѣмъ, опасно и тяжело *всякое* исключительное положеніе, потому что оно всегда вноситъ застой въ общественную жизнь, всегда влечетъ за собою множество ни къ чему не ведущихъ и на всѣхъ и каждомъ отзывающихся стѣсненій. Если бы въ 1881-мъ году былъ установленъ только одинъ видъ исключительнаго положенія, оно едва-ли получило бы такую устойчивость и такое широкое распространеніе, какихъ мы были и продолжаемъ быть свидѣтелями, благодаря раздвоенію охраны на усиленную и чрезвычайную.

За силою первой статьи правительственнаго законопроекта, „во

---

[1]) Чтобы не идти въ разрѣзъ съ буквой ст. 15 основн. зак., коммиссія А. А. Макарова предлагаетъ называть исключительное положеніе *военнымъ*, когда поводомъ къ провозглашенію его является война.

время войны или непосредственно передъ началомъ военныхъ дѣйствій, а также въ случаѣ внутреннихъ волненій, когда для обезпеченія государственнаго порядка или общественной безопасности обычныя полномочія органовъ управленія оказываются недостаточными, въ мѣстностяхъ, входящихъ въ районъ военныхъ дѣйствій или имѣющихъ для военныхъ интересовъ особо важное значеніе, или же охваченныхъ внутренними волненіями, можетъ быть введено въ дѣйствіе исключительное положеніе". Сравнивая редакцію этой статьи съ аналогичными законоположеніями нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ, составители законопроекта находятъ, что она даетъ правительству болѣе широкій просторъ, чѣмъ принадлежащій ему въ Пруссіи и Франціи (и тамъ, и тутъ осадное положеніе можетъ быть объявлено, въ невоенное время, лишь при крайней или неминуемой опасности отъ возстанія или возмущенія), но менѣе широкій, чѣмъ въ Австріи (гдѣ достаточнымъ основаніемъ для пріостановки дѣйствія главныхъ гарантій политической свободы признаются внутренніе безпорядки). Со второю частью этого сравненія согласиться трудно, какъ потому, что пріостановка дѣйствія конституціонныхъ гарантій не равносильна осадному положенію, такъ и потому, что терминъ: *внутреннія волненія* еще болѣе эластиченъ, чѣмъ терминъ: *внутренніе безпорядки*. Послѣдній предполагаетъ дѣйствительное нарушеніе порядка, первый—обнимаетъ собою и *возможность* его нарушенія. Правда, въ законопроектѣ упоминается о недостаточности обычныхъ полномочій, какъ объ условіи облеченія власти полномочіями чрезвычайными; но вѣдь понятіе о достаточности или недостаточности также не можетъ быть названо вполнѣ опредѣленнымъ. Ничто не мѣшаетъ объявить нормальныя полномочія власти слишкомъ слабыми, хотя бы они еще не были исчерпаны до конца, хотя бы борьба еще могла, а слѣдовательно и должна была быть ведена обыкновенными, законными средствами. Между тѣмъ, самый актъ объявленія исключительнаго положенія не обставленъ у насъ въ Россіи никакими гарантіями. Не говоримъ уже о Франціи, гдѣ объявленіе осаднаго положенія президентомъ республики, въ промежутокъ между двумя сессіями, влечетъ за собою, ipso jure и въ двухдневный срокъ, созывъ палатъ, отъ которыхъ и зависитъ отмѣнить его или оставить въ силѣ; даже въ Пруссіи и Австріи осадное положеніе объявляется при участіи всего министерства, берущаго на себя, тѣмъ самымъ, если не юридическую, то фактическую за него отвѣтственность. Статья 15-ая дѣйствующихъ у насъ основныхъ законовъ не требуетъ, какъ мы уже видѣли, ничего подобнаго. Иниціативу ея измѣненія междувѣдомственная коммиссія, въ виду ст. 8-ой тѣхъ же законовъ, взять на себя была не въ правѣ: но тѣмъ настоятельнѣе была ея обязанность указать съ возможно

большею точностью, въ какихъ именно случаяхъ можетъ быть объявлено исключительное положеніе. Возстаніе, насильственное сопротивленіе требованіямъ власти, открытые, повторяющіеся безпорядки — вотъ, какъ намъ кажется, единственныя условія, при которыхъ въ мирное время допустимо введеніе исключительнаго положенія.

Вторая статья законопроекта называетъ исключительное положеніе мѣрою временною, но никакого срока для него не назначаетъ. Мотивируется это тѣмъ, что продолжительность дѣйствія причинъ, вызывающихъ объявленіе исключительнаго положенія, заранѣе опредѣлена быть не можетъ, а при установленіи какого-нибудь произвольнаго срока представители власти, находя statu quo для себя удобнымъ, не возбуждали бы вопроса о возвращеніи къ нормальному порядку, пока не истечетъ послѣдній день срока. Но развѣ при отсутствіи заранѣе назначеннаго срока та же причина не можетъ привести къ тому же результату? При безсрочности исключительнаго положенія мѣстнымъ властямъ будетъ еще легче замедлять его отмѣну: достаточно будетъ хранить на этотъ счетъ полное молчаніе, между тѣмъ какъ съ приближеніемъ срока, если онъ опредѣленъ, въ пользу отсрочки должны быть найдены и обоснованы новые мотивы. Правда, продолженіе дѣйствія усиленной и чрезвычайной охраны (ограниченнаго, по закону, годовымъ или полугодовымъ срокомъ) достигалось и достигается до сихъ поръ чрезвычайно легко: но не всегда же мы будемъ жить при такихъ ненормальныхъ условіяхъ. Водвореніе конституціоннаго строя— только вопросъ времени; а при его господствѣ исключительное положеніе не можетъ продолжаться слишкомъ долго. Ограничивъ его дѣйствіе срокомъ—гораздо болѣе короткимъ, по крайней мѣрѣ въ мирное время, чѣмъ установленные теперь для разныхъ видовъ охраны,—законъ способствовалъ бы, тѣмъ самымъ, возможно быстрому его прекращенію. Повторяемъ еще разъ: далеко не одно и то же--молча допускать дальнѣйшее существованіе чрезвычайнаго порядка или ходатайствовать о продленіи его на новый срокъ... Съ точки зрѣнія междувѣдомственной коммиссіи „сущность дѣла заключается не въ томъ, какъ долго дѣйствуютъ въ извѣстной мѣстности исключительные законы, а въ томъ, чтобы чрезвычайныя полномочія предоставлялись мѣстнымъ властямъ лишь тогда, когда это безусловно необходимо, и чтобы тотчасъ же по минованіи обстоятельствъ, вызвавшихъ введеніе исключительнаго положенія, послѣднее немедленно отмѣнялось". Проектированными коммиссіею правилами ни то, ни другое вовсе не достигается, и вопросъ о срокѣ сохраняетъ всю свою силу.

И въ Пруссіи, и въ Австріи, гарантированныя конституціей права гражданъ парализуются осаднымъ положеніемъ лишь тогда и лишь настолько, когда и насколько это будетъ признано нужнымъ. Вполнѣ

возможно, такимъ образомъ, что единственнымъ послѣдствіемъ осаднаго положенія явится тамъ переходъ исполнительной власти отъ гражданскихъ должностныхъ лицъ къ военнымъ. Разъ что ограниченіе свободы не разумѣется само собою, а должно быть выражено прямо, съ указаніемъ его предѣловъ, это невольно располагаетъ къ сдержанности и осторожности. Иначе разрѣшается вопросъ правительственнымъ законопроектомъ объ исключительномъ положеніи. За силою ст. 9-ой, введеніе этого положенія влечетъ за собою ipso jure пріостановленіе, въ данной мѣстности, установленныхъ основными законами для подданныхъ россійской имперіи постановленій о неприкосновенности личности и жилища, о свободѣ передвиженія, о свободѣ собраній, союзовъ и слова. Сразу и безусловно поражаются, такимъ образомъ, всѣ права, свойственныя гражданамъ политически свободнаго государства. Вполнѣ достаточно было бы, иногда, ограничить одно изъ нихъ или просто передать функціи власти въ болѣе энергичныя руки; но, по смыслу проекта, сдѣлать одинъ шагъ въ этомъ направленіи, значитъ обязательно сдѣлать и всѣ остальные. Намъ могутъ возразить, что въ моментъ крайняго общественнаго возбужденія одинаково опасными становятся *всѣ* виды свободы; но вѣдь порядокъ, принятый въ Австріи и Пруссіи, не исключаетъ возможности самыхъ широкихъ мѣропріятій, представляя собою лишь нѣкоторое ручательство въ томъ, что ни одно изъ нихъ не будетъ пущено въ ходъ безъ дѣйствительной надобности. Для государства, какъ и для частнаго лица, возможно *превышеніе необходимой обороны*; законодательство Австріи и Пруссіи уменьшаетъ, а разбираемый нами законопроектъ — увеличиваетъ его вѣроятность.

Пріостановленіе дѣйствія правилъ о личной неприкосновенности выражается въ значительномъ увеличеніи числа случаевъ, въ которыхъ взятіе подъ стражу можетъ быть производимо полиціею безъ судебнаго предписанія, и въ продленіи (съ 24 часовъ до двухъ недѣль) срока, до истеченія котораго арестованный полиціею долженъ быть либо освобожденъ, либо переданъ въ распоряженіе судебной власти. Право ареста предоставляется полиціи по отношенію ко всѣмъ заподозрѣннымъ ею въ преступномъ дѣяніи, прямо или косвенно угрожающемъ государственному порядку или общественной безопасности. Законопроектъ (ст. 10) перечисляетъ длинный рядъ статей уголовнаго уложенія и уложенія о наказаніяхъ, предусматривающихъ такія дѣянія. Мы встрѣчаемъ здѣсь не только пресловутую ст. 129-ую угол. улож., но и ст. 132-ую (составленіе или храненіе сочиненій, не получившихъ распространенія), 164 (недонесеніе), 168 (укрывательство преступника), и такія статьи уложенія о наказ., какъ, напримѣръ, 282-ая (оскорбленіе присутственнаго мѣста), 286-ая (оскорбленіе

чиновника), 618-ая (неповиновеніе рабочихъ хозяину на нѣкоторыхъ заводахъ). Ничего подобнаго въ иностранныхъ законахъ объ осадномъ положеніи мы не находимъ: сферу полицейскаго ареста они не раздвигаютъ, увеличивая только иногда его продолжительность (въ Австріи, напримѣръ — съ 48 часовъ до восьми дней). У насъ расширеніе полицейскихъ полномочій представляется особенно опаснымъ въ виду привычекъ, укоренившихся при многолѣтнемъ дѣйствіи положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Лишенію свободы подвергались и подвергаются у насъ сплошь и рядомъ лица ни въ чемъ опредѣленномъ не уличаемыя и не обвиняемыя, а просто подозрительныя въ глазахъ полиціи. Время ареста бывало и бываетъ, въ такихъ случаяхъ, не временемъ провѣрки и пополненія раньше имѣвшихся свѣдѣній, а временемъ собранія данныхъ, изъ которыхъ составится, *можетъ быть*, достаточный обвинительный матеріалъ. Слишкомъ вѣроятно, что тѣмъ же оно будетъ и при дѣйствіи исключительнаго положенія, проектируемаго междувѣдомственною коммиссіею. Правда, въ ст. 10-ой говорится о лицахъ „изобличаемыхъ, силою представляющихся противъ нихъ уликъ, въ качествѣ соучастниковъ преступныхъ дѣяній"; но гдѣ ручательство въ томъ, что именно *уликами*, въ техническомъ смыслѣ слова, а не догадками будетъ руководиться полиція? Вѣдь отъ нея не требуется даже изложенія этихъ уликъ; для дѣйствительности постановленія объ арестѣ достаточно ссылки на одну изъ статей, указанныхъ въ ст. 10-ой. Распорядиться арестомъ въ правѣ одни только начальники мѣстной полиціи или жандармскихъ управленій, или ихъ помощники; но вѣдь и до сихъ поръ лишеніе свободы, практикуемое на основаніи положенія о чрезвычайной и усиленной охранѣ, исходило и исходитъ не отъ низшихъ полицейскихъ агентовъ. Копія съ постановленія объ арестѣ подлежитъ сообщенію, въ теченіе сутокъ, прокурору *или* его товарищу; но изъ проекта коммиссіи не видно, чтобы прокуратура могла принять мѣры къ освобожденію неправильно арестованнаго. Не ясно ли, затѣмъ, что ограниченіе личной свободы, проектируемое коммиссіей, очень похоже на совершенное ея упраздненіе?

Меньше возраженій возбуждаетъ намѣчаемое коммиссіею ограниченіе неприкосновенности жилища и тайны корреспонденціи [1]). Какъ

[1]) За силою ст. 13-ой проекта, въ жилищахъ лицъ, указанныхъ въ ст. 10-ой, допускается, при достаточныхъ къ тому основаніяхъ, производство уполномоченными на то властями (полиціей, начальниками жандармскихъ управленій и ихъ помощниками, офицерами корпуса жандармовъ) обысковъ и выемокъ безъ постановленія о томъ судебной власти, и, въ случаѣ надобности, въ ночное время. За силою ст. 16-ой, выемка корреспонденціи тѣхъ же лицъ допускается по распоряженію тѣхъ же лицъ, безъ соблюденія установленныхъ для того процессуальныхъ правилъ.

ни серьезны иногда послѣдствія обыска, онъ не такъ остро врѣзывается въ личную жизнь, какъ лишеніе свободы, да и необходимость его легче поддается опредѣленію и контролю. Желательно было бы, однако, допускать ночной обыскъ лишь въ немногихъ, особенно важныхъ случаяхъ, прямо опредѣленныхъ закономъ... Крайне спорной кажется намъ цѣлесообразность ограниченій, которымъ проектъ подвергаетъ свободу передвиженія. На основаніи ст. 14-ой и 15-ой лицамъ, признаваемымъ опасными для общественнаго порядка, а равно не имѣющимъ опредѣленныхъ мѣста жительства, занятій и средствъ къ жизни, можетъ быть, по распоряженію главноначальствующаго, воспрещено жительство въ мѣстности, объявленной въ исключительномъ положеніи. Признаваемымъ опасными для общественнаго порядка лицамъ, имѣющимъ опредѣленное мѣсто жительства, можетъ быть, также по распоряженію главноначальствующаго, воспрещена отлучка изъ даннаго мѣста безъ испрошенія на то разрѣшенія. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи проектъ идетъ очень далеко. Французскій законъ, напримѣръ, разрѣшаетъ удалять изъ мѣстности, объявленной въ осадномъ положеніи, только рецидивистовъ и бездомныхъ. Австрійскій законъ позволяетъ высылать только лицъ, не имѣющихъ въ данной мѣстности опредѣленнаго мѣста жительства, *если они нарушали общественный порядокъ*; тою же оговоркой обусловлено и право воспрещать самовольную отлучку изъ мѣста жительства. Широкій просторъ, предоставляемый междувѣдомственною коммиссіею, въ этой области, усмотрѣнію главноначальствующихъ, особенно опасенъ именно въ Россіи, гдѣ административная высылка давно уже пріобрѣла и сохраняетъ до сихъ поръ колоссальные размѣры. Наивно было бы видѣть какую-нибудь гарантію въ томъ, что правомъ высылать и правомъ воспрещать отлучку изъ мѣста жительства облекается только главноначальствующій въ мѣстности, гдѣ объявлено исключительное положеніе. Съ образомъ дѣйствій русскихъ главноначальствующихъ насъ достаточно ознакомила практика послѣднихъ двухъ лѣтъ; но если бы онъ и измѣнился къ лучшему, начальникъ, живущій въ центрѣ болѣе или менѣе обширной области, неизбѣжно руководствовался бы донесеніями своихъ подчиненныхъ и на каждомъ шагу могъ бы быть введенъ ими въ ошибку. Прибавимъ къ этому, что очень великъ былъ бы соблазнъ избавиться отъ „безпокойныхъ" людей удаленіемъ ихъ за предѣлы области или интернированіемъ ихъ въ дальнемъ городкѣ или въ деревенской глуши.

Иностранныя законодательства объ осадномъ положеніи допускаютъ, въ той или другой формѣ, ограниченіе права собраній и союзовъ. Ихъ примѣру слѣдуетъ и проектъ междувѣдомственной коммиссіи, упуская изъ виду, что у насъ, въ настоящую минуту, это право и при

нормальныхъ условіяхъ сведено къ подобію права. Чтобы стѣснить его еще больше, пришлось не только передать главноначальствующему функціи, обычно принадлежащія другимъ учрежденіямъ, но и приравнять непубличныя собранія къ публичнымъ, если ихъ предметомъ служатъ вопросы государственные и экономическіе (ст. 17). Получается, такимъ образомъ, явная несообразность: полицейскій чиновникъ облекается правомъ проникать въ частную квартиру, если собравшіеся рѣшили потолковать о чемъ-либо болѣе серьезномъ, чѣмъ театръ или погода, и признавать такое собраніе угрожающимъ общественному порядку и безопасности. До крайнихъ предѣловъ доходятъ и полномочія главноначальствующаго по отношенію къ печати: ему разрѣшено, напримѣръ, устанавливать представленіе періодическихъ изданій на предварительный просмотръ, безъ означенія срока, въ продолженіе котораго просмотръ долженъ быть оконченъ (въ Австріи опредѣленъ для этого трехчасовой срокъ). И здѣсь недавнее прошлое заставляетъ ожидать такого пользованія дискреціонною властью, которое окажется равносильнымъ совершенному упраздненію свободы печати.

Безконеченъ рядъ обязательныхъ постановленій, изданіе которыхъ междувѣдомственная коммиссія предоставляетъ главноначальствующему. Нѣтъ, кажется, такой отрасли общественной жизни, которой не могла бы сдавить произвольная, стѣснительная регламентація. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, особенно характерныхъ. Обязательныя постановленія могутъ касаться „недопущенія дѣйствій, направленныхъ къ подготовленію противоправительственныхъ демонстрацій, а равно вызывающаго поведенія по отношенію къ лицамъ, облеченнымъ правительственною властью". Къ первой категоріи объяснительная записка относитъ, между прочимъ, изготовленіе революціонныхъ флаговъ и эмблемъ, составленіе маршрута демонстрацій, срываніе правительственныхъ объявленій, сенсаціонные выкрики продавцевъ печатныхъ произведеній. Объяснить, и то съ большой натяжкой, можно только привлеченіе къ отвѣтственности за срываніе правительственныхъ объявленій, если оно производится систематически, въ широкихъ размѣрахъ и съ цѣлью скрыть отъ населенія то, что̀ должно быть ему извѣстно; но все остальное? Что̀ опаснаго представляютъ собою спрятанные гдѣ-нибудь флаги, которые, можетъ быть, никогда и не были бы пущены въ ходъ? Что̀ серьезнаго въ предполагаемомъ маршрутѣ предполагаемой демонстраціи, которая, можетъ быть, вовсе не состоится или состоится въ другомъ мѣстѣ? При какихъ условіяхъ „сенсаціонный" выкрикъ можетъ быть признанъ подлежащимъ репрессіи? Что это за „вызывающее поведеніе", въ которомъ нѣтъ признаковъ общенаказуемаго проступка?.. Могутъ быть изда-

ваемы, дальше, обязательныя постановленія о стачкахъ и забастовкахъ. Ближайшихъ указаній на содержаніе этихъ постановленій законопроектъ не даетъ. Отсюда, а также изъ объяснительной записки, слѣдуетъ заключить, что стачки и забастовки, при дѣйствіи исключительнаго положенія, могутъ быть запрещаемы вовсе. Другими словами, однимъ почеркомъ пера можетъ быть уничтожена сила закона, изданнаго съ небольшимъ два года тому назадъ, какъ разъ въ самое тревожное время. Нѣкоторыми членами коммиссіи было замѣчено, что нельзя же подвергнуть административному взысканію цѣлыя тысячи рабочихъ. Большинство коммиссіи возразило, что это и не будетъ нужно: „для прекращенія стачки весьма часто достаточно подвергнуть взысканію лишь главнѣйшихъ вожаковъ движенія, что̀ представляется сравнительно легко осуществимымъ". А развѣ неизвѣстны случаи, когда крутая расправа съ „вожаками движенія" скорѣе усиливала его, чѣмъ ослабляла? Да и такъ ли легко отличить вожаковъ отъ толпы, увлекающихъ—отъ увлеченныхъ?.. Къ отвѣтственности, на основаніи обязательныхъ постановленій, могутъ быть привлечены, вопреки принятому самою коммиссіею принципу, виновные въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ общимъ уголовнымъ закономъ (напр. *понужденіе* къ оставленію работъ на фабрикахъ, заводахъ и т. п.). Запрещенію могутъ подлежать всякаго рода *собранія*, хотя бы самыя мирныя и безобидныя. О *сборищахъ* упоминается особо, изъ чего явствуетъ, что остріе обязательнаго постановленія можетъ быть направлено не только противъ безпорядочныхъ скопищъ, грозящихъ общественному спокойствію. При дѣйствіи правилъ, проектированныхъ коммиссіею, ничто не мѣшаетъ сначала разогнать трехъ-четырехъ человѣкъ, собравшихся для дружеской бесѣды, а потомъ возбудить противъ нихъ преслѣдованіе, могущее повлечь за собою лишеніе свободы на срокъ до трехъ мѣсяцевъ или денежный штрафъ до двухъ тысячъ рублей. И такія суровыя кары будутъ налагаемы единолично главноначальствующимъ (или, по его уполномочію, губернаторомъ или градоначальникомъ), безъ мотивировки, безъ выслушанія объясненій обвиняемаго! Что̀ изъ этого выйдетъ — нетрудно себѣ представить, взглянувъ на то, что̀ дѣлается, въ послѣднее время, на всемъ пространствѣ Россіи.

Должностное лицо, облеченное правомъ издавать обязательныя постановленія и карать ихъ нарушителей, должностное лицо, соединяющее съ функціями законодателя функціи судьи и одинаково мало подготовленное къ тѣмъ и другимъ—это, конечно, вопіющая аномалія; но обѣ ея стороны тѣсно связаны между собою. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, предоставить суду примѣненіе такихъ обязательныхъ постановленій, какія предусматриваетъ разбираемый нами законопроектъ;

нельзя требовать отъ суда, чтобы онъ каралъ людей, ни въ чемъ не провинившихся противъ уголовнаго закона. Труднѣе понять, для чего понадобилось разрѣшать главноначальствующему изъятіе изъ вѣдѣнія суда тѣхъ или другихъ проступковъ, влекущихъ за собою, по закону, лишеніе свободы на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ или денежный штрафъ не свыше двухъ тысячъ рублей. Междувѣдомственной коммиссіи кажется естественнымъ, что „проступокъ, не имѣющій въ обыкновенное время серьезнаго значенія, облагается въ уголовномъ законѣ сравнительно незначительнымъ наказаніемъ; но тотъ же проступокъ, совершенный во время разгара безпорядковъ, легко можетъ оказаться весьма существеннымъ съ точки зрѣнія охраненія общественной безопасности, и потому подлежащимъ немедленной репрессіи“. При томъ широкомъ просторѣ въ выборѣ мѣры наказанія, какимъ въ настоящее время пользуется у насъ судъ, ничто не мѣшаетъ ему нѣсколько ее повысить, въ виду особыхъ обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствовалъ обвиняемый; но столь же возможенъ и противоположный случай, когда именно эти обстоятельства даютъ право на снисхожденіе. *Немедленной репрессіи* они не требуютъ никогда; нѣтъ никакого основанія нарушать изъ-за нихъ теченіе правосудія и увеличивать безъ того уже слишкомъ большое, благодаря обязательнымъ постановленіямъ, число поспѣшныхъ, мало обдуманныхъ приговоровъ, меньше всего задающихся мыслью о справедливости.

Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ предоставляетъ усмотрѣнію высшей администраціи изъятіе тѣхъ или иныхъ *отдѣльныхъ дѣлъ* изъ вѣдѣнія гражданскихъ судовъ и передачу ихъ военному суду. Междувѣдомственная коммиссія даетъ предпочтеніе другой системѣ: она опредѣляетъ, какія категоріи дѣлъ *во всякомъ случаѣ* должны подлежать, при дѣйствіи исключительнаго положенія, военному суду. Такихъ категорій оказывается очень много: сюда отнесены не только бунтъ и измѣна, но и почти всѣ главные виды смуты, многіе виды противодѣйствія правосудію и сопротивленія власти, оскорбленіе часовыхъ, караула или тюремной стражи, посягательства на жизнь или здоровье должностныхъ лицъ, совершенные по политическимъ побужденіямъ разбои, поджоги и убійства, квалифицированное участіе въ забастовкахъ и т. п. Перемѣной къ лучшему это признать отнюдь нельзя. Порядокъ, предлагаемый коммиссіей, не ограничитъ, а расширитъ сферу дѣйствій чрезвычайной юстиціи: вѣдь дѣла меньшей важности и теперь—за самыми рѣдкими, быть можетъ, исключеніями— не передаются военному суду. Какъ ни желательно, вообще говоря, положить предѣлы произволу, мы не можемъ радоваться тому, что обращеніе къ военному суду изъ факультативнаго, какимъ оно было до сихъ поръ, сдѣлается обязательнымъ. Мы готовы стоять даже за

дискреціонную власть, если, благодаря ей, уменьшается число дѣлъ, направляемыхъ въ военный судъ... Замѣтимъ, въ добавокъ, что междувѣдомственная коммиссія не только сохраняетъ въ силѣ перечень преступленій, за которыя военнымъ судомъ назначается смертная казнь, но присоединяетъ къ нему изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ. Закрытіе дверей военнаго суда предполагается признать обязательнымъ. За главноначальствующимъ оставляется право не давать хода кассаціоннымъ жалобамъ на рѣшенія военнаго суда — право, въ сущности не находящее для себя оправданія даже въ военное время.

Проектъ междувѣдомственной коммиссіи предоставляетъ главноначальствующему право: 1) закрывать учебныя заведенія; 2) закрывать содержимыя на общественныя или частныя средства библіотеки, читальни, книжныя лавки, типографіи и другія заведенія для производства тисненія; 3) закрывать всякія вообще торговыя и промышленныя заведенія; 4) не разрѣшать замѣщенія опредѣленными лицами должностей по земскимъ и городскимъ установленіямъ; 5) устранять отъ постоянныхъ должностей и временныхъ занятій лицъ, служащихъ по вольному найму въ государственныхъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ, а также въ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для общественнаго пользованія; 6) устранять отъ обязанностей по должности всѣхъ лицъ, служащихъ на общественной службѣ, лицъ духовныхъ и лицъ, занимающихъ на частной службѣ отвѣтственныя мѣста, а также, въ случаѣ привлеченія къ судебной отвѣтственности, за дѣянія, преслѣдуемыя въ порядкѣ публичнаго обвиненія—всѣхъ состоящихъ на государственной службѣ, равно какъ и лицъ духовныхъ; 7) разрѣшать экстренныя, пріостанавливать и закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденій и опредѣлять вопросы, подлежащіе устраненію изъ обсужденія означенныхъ собраній. Междувѣдомственной коммиссіи удалось, такимъ образомъ, разрѣшить задачу, еще недавно казавшуюся неисполнимой: ей удалось расширить предѣлы дискреціонной власти, предоставленной администраціи положеніемъ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Закрывать учебныя заведенія до сихъ поръ можно было только на одинъ мѣсяцъ; теперь предполагается допустить безсрочное ихъ закрытіе. До сихъ поръ можно было устранять отъ должности только чиновниковъ и служащихъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ; теперь право устраненія чиновниковъ предполагается нѣсколько ограничить, но за то создается право устранять духовныхъ лицъ, а также всѣхъ занимающихъ отвѣтственныя мѣста на частной службѣ и служащихъ въ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для общественнаго пользованія. Многолѣтній опытъ дол-

женъ былъ, повидимому, доказать, что не въ безпредѣльности произвола лежитъ гарантія общественнаго порядка и спокойствія. Чѣмъ больше лицъ выбрасывается на улицу путемъ устраненія отъ должности или закрытія учебныхъ, торговыхъ, промышленныхъ заведеній, тѣмъ быстрѣе идетъ накопленіе горючаго матеріала, особенно опасное именно въ минуты общественнаго возбужденія. Кому нечего терять, кто озлобленъ и доведенъ до отчаянія, тотъ всего легче можетъ примкнуть къ врагамъ господствующаго строя. Исключительное положеніе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно проектируется междувѣдомственною коммиссіею, неминуемо должно стать разсадникомъ политической и соціальной смуты.

Въ своей объяснительной запискѣ междувѣдомственная коммиссія нерѣдко ссылается на западно-европейскіе законы объ осадномъ положеніи. Безспорно, нѣкоторые изъ нихъ—въ особенности прусскій—не отличаются большою мягкостью, большимъ уваженіемъ къ праву и свободѣ, хотя, конечно, идутъ въ этомъ отношеніи не такъ далеко, какъ разбираемый нами законопроектъ. Важна, однако, не буква законовъ: важно ихъ примѣненіе. Для изученія нѣкоторыхъ вопросовъ по охраненію государственнаго и общественнаго порядка и спокойствія въ западно-европейскихъ государствахъ былъ командированъ за границу, по порученію особаго совѣщанія, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гр. А. П. Игнатьева, одинъ изъ членовъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Мы имѣли случай ознакомиться съ результатами его трудовъ—и не можемъ не пожалѣть, что меньше всего эти труды коснулись образа дѣйствій западно-европейскихъ правительствъ въ эпохи обращенія къ исключительнымъ порядкамъ. Въ запискахъ, посвященныхъ Франціи, Австріи и Пруссіи, мы находимъ—рядомъ съ подробнѣйшимъ описаніемъ организаціи и функцій полицейскихъ учрежденій—текстъ законовъ объ осадномъ положеніи, но не узнаемъ, когда, почему и какъ они пускались въ ходъ. Насколько намъ извѣстно, во Франціи осадное положеніе, по закону 1849-го года (дополненному въ 1878 г.), было объявлено только одинъ разъ—въ 1871 г., во время парижской коммуны. Въ Пруссіи, послѣ изданія закона 1851-го года, оно въ мирное время не было объявляемо, кажется, ни разу: съ 1878 по 1890 г. дѣйствовало только такъ-называемое малое осадное положеніе, направленное исключительно противъ соціалъ-демократіи и облекавшее администрацію гораздо менѣе обширною властью. Въ Австріи законъ 1867-го года былъ примѣненъ къ Босніи, въ 1878-мъ году. Отсюда ясно, что во всѣхъ этихъ странахъ законы объ осадномъ положеніи имѣютъ дѣйствительно значеніе *чрезвычайныхъ* мѣръ, осуществляемыхъ только при чрезвычайныхъ условіяхъ. Можно ли ожидать, что такимъ же будетъ исключительное положеніе въ Россіи, гдѣ всякія

охраны глубоко въѣлись въ административные нравы, стали чѣмъ-то постояннымъ, привычнымъ, какъ бы нормальнымъ? Очевидно—нѣтъ. Пока не осуществлены условія, устраняющія возможность поспѣшнаго, недостаточно обоснованнаго объявленія исключительнаго положенія, необходимо, по меньшей мѣрѣ, ввести его въ гораздо болѣе узкія границы, точнѣе установить его мотивы и значительно уменьшить создаваемую имъ дискреціонную власть. Утвердить проектъ исключительнаго положенія въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ междувѣдомственной коммиссіи, значило бы совершенно парализовать законъ, ограждающій неприкосновенность личности, и продлить на неопредѣленное время тотъ невозможный порядокъ, который дѣйствуетъ у насъ съ самаго обнародованія манифеста 17-го октября 1905-го года. Какъ бы великъ ни былъ вредъ, который приносило до тѣхъ поръ положеніе объ охранахъ, оно не шло прямо въ разрѣзъ съ характеромъ государственнаго режима; но теперь, когда провозглашенъ конституціонный строй, слишкомъ вопіющей аномаліей является возможность когда угодно, гдѣ угодно и на какое угодно время пріостанавливать дѣйствіе всѣхъ правъ, составляющихъ сущность этого строя.

К. Арсеньевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1908.

Періодическое измѣненіе состава членовъ по назначенію въ Государственномъ Совѣтѣ. — Законна ли и цѣлесообразна ли эта мѣра? — Опредѣленіе Св. Синода по вопросамъ, относящимся къ вѣротерпимости. — Снятіе духовнаго сана съ Г. С. Петрова.— Возобновленіе занятій въ Государственной Думѣ. — Отвѣтъ К. Ѳ. Головину.

Событіями двухъ послѣднихъ лѣтъ Государственный Совѣтъ, преобразованный въ верхнюю палату, не выдвигался на первый планъ: о немъ можно было забыть—такъ незначительна была роль, которую онъ игралъ въ нашей политической жизни. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что это положеніе вещей можетъ существенно измѣниться, какъ только законодательная работа пойдетъ полнымъ ходомъ и отъ Государственнаго Совѣта будетъ зависѣть принятіе или непринятіе законопроектовъ, одобренныхъ Государственною Думою. Далеко не лишенъ значенія, поэтому, вопросъ о составѣ Государственнаго Совѣта [1]). На основаніи ст. 9-ой учрежденія Государственнаго Совѣта, общее число назначенныхъ его членовъ, призываемыхъ Высочайшею властью къ присутствованію въ немъ, не должно превышать общаго числа выборныхъ членовъ. Составъ присутствующихъ въ Совѣтѣ членовъ по Высочайшему назначенію можетъ быть пополняемъ изъ числа этихъ членовъ, какъ не присутствующихъ въ Совѣтѣ, такъ и вновь назначаемыхъ. Члены по Высочайшему назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ. На основаніи ст. 11-ой того же учрежденія, составъ присутствующихъ въ Совѣтѣ членовъ по Высочайшему назначенію, какъ и членовъ по выборамъ, ежегодно публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Эти статьи толкуются въ томъ

[1]) Съ особенною полнотою и обстоятельностью этотъ вопросъ разработанъ въ № 1 „Права“ за текущій годъ.

смыслѣ, что составъ присутствующихъ въ Совѣтѣ членовъ по Высочайшему назначенію можетъ ежегодно подвергаться измѣненію, независимо отъ ихъ желанія. Такое измѣненіе состоялось и годъ тому назадъ, и въ нынѣшнемъ году. Оно, очевидно, несовмѣстимо съ несмѣняемостью назначенныхъ членовъ, установленною закономъ—несмѣняемостью, которая только одна можетъ хоть въ нѣкоторой мѣрѣ обезпечить ихъ независимость. Конечно, членъ Государственнаго Совѣта, не включенный въ число присутствующихъ, сохраняетъ свое званіе и сопряженное съ нимъ содержаніе; но это не можетъ примирить его съ потерей дѣятельности, къ которой онъ еще чувствуетъ себя способнымъ, и съ потерей значенія, которое давали ему его законодательныя функціи. Отъ сознанія возможности такой потери недалеко до усилій предупредить ее, хотя бы цѣною принесенія въ жертву собственнаго убѣжденія.

Чѣмъ же можетъ быть мотивировано толкованіе закона, идущее въ разрѣзъ и съ буквальнымъ, и съ внутреннимъ его смысломъ? Основаніе для него ищутъ, повидимому, въ ст. 11-ой учр. Государственнаго Совѣта, требующей ежегоднаго опубликованія списка присутствующихъ въ Совѣтѣ назначенныхъ членовъ. Но вѣдь такому же опубликованію подлежитъ и списокъ выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, хотя путемъ выборовъ ихъ составъ можетъ быть обновляемъ только разъ въ три года. Ежегодное опубликованіе обоихъ списковъ вызывается, слѣдовательно, не чѣмъ инымъ, какъ возможностью перемѣнъ, зависящихъ отъ смерти, болѣзни, добровольнаго сложенія съ себя обязанностей члена Государственнаго Совѣта. Что оно не имѣетъ другого смысла, это доказывается съ полною ясностью редакціей ст. 67-ой учр. Государственнаго Совѣта, по которой предсѣдатели и члены департаментовъ Государственнаго Совѣта *ежегодно* назначаются Высочайшею властью. Та же формула была бы, безъ сомнѣнія, употреблена и въ ст. 9-ой, если бы имѣлось въ виду періодическое измѣненіе состава назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, реально участвующихъ въ его законодательной работѣ. Противъ такого измѣненія говорятъ и весьма вѣскія практическія соображенія. По справедливому замѣчанію „Права“, крайне неудобно подвергать законопроектъ первому чтенію въ одномъ составѣ собранія, второму—въ другомъ; крайне неудобно выбирать коммиссію, не имѣя увѣренности въ томъ, что всѣ ея члены сохранятъ свои полномочія до конца ея занятій. Совершенно правильно „Право“ указываетъ и на то, что установившійся по отношенію къ Государственному Совѣту порядокъ представляетъ собою худшую форму смѣняемости. Прямое устраненіе должностного лица требуетъ особаго напряженія воли, усложняемаго сознаніемъ впечатлѣнія, которое неиз-

бѣжно будетъ произведено его оглаской. Гораздо менѣе замѣтно и потому гораздо легче осуществимо устраненіе, если можно такъ выразиться, пассивное, путемъ невключенія въ періодически публикуемый списокъ. Этимъ путемъ, въ нынѣшнемъ году, удалено изъ „дѣйствующаго“ состава Государственнаго Совѣта нѣсколько членовъ, стоявшихъ на рубежѣ между центромъ и лѣвой—а соотношеніе партійныхъ группъ въ нашей верхней палатѣ, повидимому, таково, что незначительная, въ численномъ смыслѣ, перемѣна можетъ сильно наклонить вѣсы въ правую сторону. Къ чему можетъ привести такой наклонъ—это не требуетъ поясненія.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что разбираемая нами система имѣетъ одну хорошую сторону. Какъ пополнялся Госуд. Совѣтъ до возведенія его на степень верхней палаты—это слишкомъ хорошо извѣстно. Представляя собою высшую ступень служебной лѣстницы, онъ являлся мѣстомъ успокоенія для бывшихъ министровъ, товарищей министра, генералъ-губернаторовъ, закончившихъ активную службу или признанныхъ болѣе для нея неподходящими. Рядомъ съ ними въ Совѣтъ призывались сенаторы, иногда—изъ числа выдающихся юристовъ, чаще—изъ числа старѣйшихъ по положенію или по времени службы. Назначались также, по временамъ, губернаторы и другія должностныя лица, но и они рѣдко возвышались надъ обычнымъ бюрократическимъ уровнемъ. Подъ вліяніемъ реакціонныхъ настроеній, господствовавшихъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, число членовъ Государственнаго Совѣта, стоявшихъ на высотѣ своего призванія, скорѣе уменьшалось, чѣмъ возрастало. Когда наступилъ рѣшительный поворотъ, въ Государственномъ Совѣтѣ оказались многіе изъ тѣхъ, чьими именами всего ярче характеризовалась осужденная система. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что желательно и цѣлесообразно все то, что̀ можетъ способствовать скорѣйшему обновленію состава Государственнаго Совѣта? Мы думаемъ, что нѣтъ. Пока въ общемъ ходѣ дѣлъ не воспослѣдуетъ новой перемѣны, отъ присутствія въ Государственномъ Совѣтѣ будутъ увольняемы не тѣ изъ назначенныхъ его членовъ, которые всего полнѣе олицетворяютъ собою традиціи стараго режима, а скорѣе тѣ, которые сравнительно меньше состоятъ во власти этихъ традицій. Съ наступленіемъ условій, благопріятныхъ для движенія, на очередь будетъ поставлена, несомнѣнно, реформа Государственнаго Совѣта — реформа, минимальнымъ выраженіемъ которой послужитъ увеличеніе числа выборныхъ членовъ верхней палаты. Вліянію назначенныхъ членовъ будетъ, такимъ образомъ, положенъ предѣлъ, безъ перетолкованія дѣйствующаго закона.

Всматриваясь поближе въ распубликованный, 1-го января, списокъ присутствующихъ членовъ Государственнаго Совѣта, какъ назначен-

ныхъ, такъ и выборныхъ, нельзя не обратить вниманіе на крайнюю малочисленность именъ, пользующихся сколько-нибудь широкою извѣстностью. Весьма различны, притомъ, источники этой извѣстности. Иногда она обусловливается исключительно участіемъ въ наиболѣе крайнихъ проявленіяхъ стараго режима (назовемъ, для примѣра, гг. Горемыкина, Зиновьева, Стишинскаго, Дейтриха, П. Н. Дурново, Саблера, фонъ-Валя, Штюрмера); гораздо рѣже она основывается на противодѣйствіи этимъ проявленіямъ (наиболѣе характерно, въ этомъ отношеніи, имя А. А. Сабурова), еще рѣже — на дѣятельности общественной или научной (А. Ѳ. Кони, В. И. Герье, В. И. Сергѣевичъ). Между выборными членами Государственнаго Совѣта выдѣляются представители академіи наукъ и университетовъ: они всѣ пріобрѣли почетную — а иногда и громкую—извѣстность задолго до вступленія въ Государственный Совѣтъ. Не очень далеко отъ нихъ стоитъ, въ этомъ отношеніи, одинъ изъ представителей бѣлаго духовенства (профессоръ Горчаковъ). Два—три не безъизвѣстныхъ имени можно найти въ спискѣ представителей торговли и промышленности. Между представителями дворянства сколько-нибудь извѣстенъ, внѣ предѣловъ своей губерніи, только одинъ Ѳ. Д. Самаринъ. Пренія въ Государственномъ Совѣтѣ выдвинули одного изъ членовъ отъ землевладѣльческихъ съѣздовъ, И. О. Корвинъ-Милевскаго. Между представителями земскихъ собраній рѣзко выдаются только Д. Н. Шиповъ и М. А. Стаховичъ; затѣмъ можно насчитать еще пять—шесть именъ, болѣе или менѣе знакомыхъ широкимъ кругамъ общества. Есть, очевидно, какой-то основной дефектъ въ организаціи нашей верхней палаты, мѣшающій ей занять видное мѣсто въ нашемъ новомъ государственномъ строѣ.

Однимъ изъ самыхъ тревожныхъ признаковъ надвигающагося обостренія реакціи является опредѣленіе Св. Синода по поводу правительственныхъ законопроектовъ, направленныхъ къ осуществленію свободы совѣсти. Читая это опредѣленіе, можно подумать, что мы живемъ въ началѣ 1904-года, что ничего не измѣнилось въ отношеніяхъ государства къ господствующей церкви, что въ средѣ самой церкви никогда не выражалась готовность вступить на путь уступокъ требованіямъ времени. По убѣжденію Св. Синода, предоставленіе всѣмъ вѣроисповѣданіямъ одинаковаго права пропаганды тяжело отразится на многихъ слабыхъ вѣрою и некрѣпкихъ волею; необходимо, поэтому, оставить въ силѣ обязанность губернаторовъ и полиціи содѣйствовать православному духовному начальству въ охраненіи правъ церкви и незыблемости самой вѣры. Итакъ, вѣковой опытъ оказывается недостаточнымъ для выясненія той простой истины, что администра-

тивной охраной не обезпечивается ни непоколебимость вѣрованій, ни даже неприкосновенность внѣшнихъ рамокъ, въ которыя заключена церковь. Чего нельзя было достигнуть преслѣдованіями и правоограниченіями, въ эпохи полнѣйшаго застоя народной жизни и ничѣмъ не сдержаннаго правительственнаго произвола, о томъ, очевидно, нельзя и мечтать въ обновленномъ обществѣ и преобразованномъ государствѣ. Еще недавно губернаторы считали себя въ правѣ наблюдать, бываютъ ли подвѣдомственныя имъ лица у исповѣди и причастія; еще недавно полиція вооружалась противъ такихъ „оказательствъ" раскола, какъ длинные волосы „лже-поповъ"—но много ли выигрывала отъ этого православная церковь? Не ясно ли, что именно разсчетъ на властную опору парализовалъ усердіе и понижалъ нравственный уровень православнаго духовенства? Въ теченіе цѣлой четверти вѣка управленіе вѣдомствомъ православнаго исповѣданія находилось въ рукахъ самаго умнаго и энергичнаго представителя той системы, возвращенія къ которой желалъ бы, повидимому, Св. Синодъ. И что же? Удалось ли ему осуществить хотя бы одну изъ тѣхъ задачъ, надъ которыми онъ такъ настойчиво работалъ? Удалось ли ему остановить распространеніе штундизма и баптизма, возсоединить съ церковью хоть сколько-нибудь значительную часть старообрядцевъ, сломить „упорство" бывшихъ уніатовъ, предупредить массовыя отпаденія вновь обращенныхъ лютеранъ или „новокрещенцевъ" изъ среды магометанъ и язычниковъ? Нѣтъ; вездѣ и во всемъ его дѣятельность закончилась полнѣйшей неудачей. Гдѣ же основаніе предполагать, что она можетъ быть возобновлена съ бо̀льшими шансами на успѣхъ, при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ? Не пора ли, наоборотъ, покончить разъ навсегда съ традиціями прошлаго и освободить церковь отъ покровительства, покупаемаго цѣною подчиненія? Въ средѣ православнаго духовенства еще недавно замѣтно было движеніе, предвѣщавшее близость внутренняго поворота. Оно затихло, но не прекратилось; нужно воспользоваться имъ, а не ставить ему всяческія преграды. Только въ немъ одномъ—надежда на лучшее будущее для церкви.

Затруднить переходъ изъ православія въ другія исповѣданія предполагается съ одной стороны дозволеніемъ принимать въ нѣдра этихъ исповѣданій только лицъ, „по собственному побужденію къ нимъ приходящихъ", съ другой — установленіемъ для тѣхъ, кто желаетъ отпасть отъ православія, „предварительнаго „пастырскаго увѣщанія". Первая изъ этихъ мѣръ возложила бы на иновѣрное духовенство весьма трудную обязанность: ему пришлось бы удостовѣряться не только въ искренности и убѣжденности неофита, но и въ отсутствіи всякаго посторонняго на него вліянія. Если бы неофиту не удалось

доказать, что до рѣшимости перемѣнить вѣру онъ дошелъ исключительно „собственнымъ умомъ", исполненіе его желанія было бы сопряжено съ немалымъ рискомъ: духовному лицу, совершившему надъ нимъ обрядъ перехода, грозила бы серьезная отвѣтственность, такъ какъ одновременно съ обязанностью была бы, безъ сомнѣнія, установлена и кара за ея нарушеніе. Что касается до предварительнаго „пастырскаго увѣщанія", то можно ли сомнѣваться въ томъ, что въ лучшемъ случаѣ оно окажется ненужною, докучливою формальностью, а въ худшемъ случаѣ—источникомъ злоупотребленій? Вѣдь переходъ въ другое исповѣданіе—не шуточное дѣло: рѣшимость совершить его созрѣваетъ медленно, постепенно, и въ моментъ перваго оффиціальнаго заявленія о ней имѣетъ уже, большею частью, всю твердость обдуманнаго намѣренія. Поколеблетъ ли ее увѣщаніе, предпринимаемое не по свободному побужденію, а по требованію власти? Самая его продолжительность (опредѣляемая Св. Синодомъ въ сорокъ дней) можетъ только утомить увѣщевающаго и ожесточить увѣщеваемаго. Чѣмъ скромнѣе общественное положеніе послѣдняго, тѣмъ легче процедура увѣщанія—сопряженная, напримѣръ, съ явкой въ болѣе или менѣе отдаленное мѣсто жительства духовнаго лица—можетъ обратиться въ настоящее притѣсненіе. Допустимъ, что увѣщеваемый не выдержитъ его и откажется отъ задуманнаго перехода: болѣе ли вѣрнымъ онъ станетъ, послѣ того, сыномъ православной церкви?.. Св. Синодъ предлагаетъ признавать выходъ изъ православной церкви окончательно совершившимся и новую вѣру окончательно принятою только по представленіи удостовѣренія о безуспѣшности увѣщанія. Нетрудно понять, сколько отсюда возникало бы неудобствъ и затрудненій. Выдача удостовѣренія могла бы быть, подъ разными предлогами, откладываема со дня на день, въ надеждѣ, что терпѣніе увѣщаемаго истощится и онъ согласится остаться православнымъ, конечно—только по имени, а не на самомъ дѣлѣ.

Св. Синодъ считаетъ не лишнимъ удержать въ силѣ тѣ статьи устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, которыми воспрещается заводить или распространять между православными какія-либо ереси. Сами по себѣ эти статьи, какъ и многія другія давно устарѣвшія правила того же устава, не имѣютъ серьезнаго значенія: но естественнымъ дополненіемъ ихъ служитъ уголовная санкція, за которую, въ сущности, и высказывается Синодъ. Очень характерны, далѣе, усилія сохранить хотя бы остатки демаркаціонной черты, отдѣлявшей до сихъ поръ духовенство признанныхъ государствомъ церквей отъ представителей старообрядческаго или сектантскаго „наставничества". Нельзя, по мнѣнію Синода, освобождать послѣднихъ отъ свидѣтельской присяги, какъ освобождены отъ нея свя-

щеннослужители и монашествующіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; нельзя распространять на нихъ право отказа отъ оглашенія передъ судомъ признаній, сдѣланныхъ имъ на исповѣди; нельзя придавать свидѣтельской подписи ихъ на завѣщаніи то значеніе, которое имѣетъ, по закону, подпись духовнаго отца завѣщателя. Пока въ глазахъ закона у старообрядцевъ и сектантовъ не могло быть ничего похожаго на правильно организованное духовенство, до тѣхъ поръ правоограниченія, отстаиваемыя Синодомъ, были понятны: они представляли собою только часть, и далеко не самую важную, цѣлой системы. Теперь, когда система поколеблена въ своей основѣ, сохраненіе ихъ въ силѣ было бы нелогичнымъ и нецѣлесообразнымъ. Поддерживая воспоминанія о тяжеломъ прошломъ, оно мѣшало бы дѣлу примиренія; нисколько, въ сущности, не уменьшая авторитетъ „наставниковъ", оно задѣвало бы за живое „наставляемыхъ", ожесточало бы ихъ противъ господствующей церкви. Неизбѣжно возникалъ бы вопросъ, почему старообрядческому священнику—или епископу—нельзя предоставить право, которымъ безспорно пользуется католическій ксендзъ или лютеранскій пасторъ? Прежде въ этомъ была своеобразная логика: согласія или секты, образовавшіяся путемъ отдѣленія отъ православной церкви, разсматривались какъ незаконныя сообщества, не имѣющія права на существованіе и обладающія лишь самозванною іерархіей. Теперь правительство отказалось отъ этого взгляда; не должно быть болѣе мѣста и для всего того, что̀ изъ него вытекало. Разъ что за „наставникомъ" оффиціально признано духовное званіе и разъ что его паства видитъ въ немъ своего духовнаго отца, нѣтъ основанія отказывать его подписи въ значеніи, которое имѣетъ подпись православнаго или католическаго духовника на завѣщаніи его духовнаго сана. Весьма можетъ быть, что эта привилегія будетъ вообще отмѣнена новымъ гражданскимъ уложеніемъ; но пока она существуетъ, ее нельзя признавать въ однихъ случаяхъ и отрицать въ другихъ, совершенно аналогичныхъ. Еще меньше можетъ быть рѣчи о нераспространеніи на „наставниковъ" права и обязанности соблюдать тайну исповѣди. Для многихъ старообрядцевъ таинство покаянія отнюдь не менѣе священно, чѣмъ для православныхъ. Оглашеніе довѣреннаго на исповѣди было бы, со стороны „наставника", такимъ же нарушеніемъ долга, какъ и со стороны православнаго священника. Пока христіанскій духовный санъ считается достаточной гарантіей правдивости и освобождаетъ, поэтому, отъ обязанности приносить свидѣтельскую присягу, до тѣхъ поръ нѣтъ такой категоріи духовныхъ лицъ, которую можно было бы исключить изъ дѣйствія этого правила.

Въ цѣляхъ охраненія достоинства православной церкви и ея служителей отъ нападокъ, оскорбленій и издѣвательствъ въ наше за-

конодательство, по мнѣнію Св. Синода, должны быть введены ясныя и опредѣленныя постановленія, которыми карались бы такія дѣйствія, проявляемыя какъ устно, въ письмѣ и въ печати, такъ и чрезъ посредство театральныхъ и иныхъ зрѣлищъ. Въ такихъ постановленіяхъ и теперь нѣтъ недостатка: укажемъ, въ видѣ примѣра, хотя бы ст. 98 угол. улож., опредѣляющую строгое наказаніе (заключеніе въ тюрьмѣ) за оскорбленіе, нанесенное неправославнымъ православному священнику, съ цѣлью оказать неуваженіе къ вѣрѣ и церкви православной. Что печать достаточно стѣснена и безъ установленія новыхъ каръ—это не требуетъ доказательства. Театральныя и иныя представленія поставлены подъ строгую цензуру и уже по этому одному не могутъ и не должны служить предметомъ уголовнаго преслѣдованія. Принятіе мѣръ, рекомендуемыхъ Синодомъ, могло бы привести только къ учащёнію такихъ случаевъ, какъ недавнее запрещеніе „Черныхъ вороновъ". Никакихъ издѣвательствъ надъ церковью или духовенствомъ эта пьеса, по общему отзыву, въ себѣ не заключаетъ: иначе она, безъ сомнѣнія, и не могла бы попасть на сцену въ обѣихъ столицахъ и выдержать множество представленій. Преслѣдовать и карать обличеніе злоупотребленій, совершаемыхъ подъ прикрытіемъ громкаго имени значитъ оказывать плохую услугу именно тѣмъ, чей авторитетъ имѣется въ виду защитить и охранить.

Привычка обращаться къ „свѣтской рукѣ", прочно укоренившаяся въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія", проявилась недавно и въ опредѣленіи Св. Синода по дѣлу о священникѣ Григоріи Петровѣ. Разсмотрѣвъ напечатанное въ видѣ брошюры письмо его на имя митрополита с.-петербургскаго Антонія, Синодъ нашелъ, что эта брошюра „содержитъ въ себѣ поношеніе православной россійской церкви и отреченіе отъ нея, и вообще воззрѣнія, совершенно противныя православной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе существующей власти и поруганіе существующаго государственнаго строя. Принимая во вниманіе таковой противоцерковный и революціонный характеръ этой брошюры, Св. Синодъ опредѣлилъ лишить священника Григорія Петрова сана, какъ недостойнаго носить оный, и исключить изъ духовнаго званія, а о поруганіи Петровымъ въ его брошюрѣ существующаго государственнаго строя Россіи и отрицаніи имъ существующей власти предоставить г. оберъ-прокурору сообщить подлежащей власти". Мы недоумѣваемъ, на какомъ основаніи Синодъ взялъ на себя роль обвинителя Г. С. Петрова въ государственномъ преступленіи. Брошюра, составлявшая предметъ сужденій Синода, напечатана въ Россіи и, безъ сомнѣнія, представлена, при выходѣ въ свѣтъ, въ подлежащія учрежденія. Отъ этихъ учрежденій и должно зависѣть возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ автора, если къ тому будетъ найдено легальное осно-

ваніе. Побуждать свѣтскую власть къ исполненію лежащихъ на ней обязанностей—не дѣло духовной власти; едва-ли она и обладаетъ всѣми нужными для того свѣдѣніями... Что касается до лишенія духовнаго сана, то случай съ Г. С. Петровымъ напоминаетъ еще разъ всю устарѣлость и несостоятельность правилъ, въ силу которыхъ мѣра спеціальнаго характера влечетъ за собою столь общія и столь тяжкія послѣдствія. Особенно яркой эта аномалія становится теперь, когда исключеніе изъ сословія является однимъ изъ способовъ пораженія политическихъ правъ...

Возвращеніе къ системѣ религіозной нетерпимости было бы особенно опасно въ настоящее время, какъ потому, что оно шло бы въ разрѣзъ съ ожиданіями, внушенными образомъ дѣйствій правительства, такъ и потому, что больше чѣмъ когда-либо многочисленны и безцеремонны добровольцы сыска. Въ газетѣ „Колоколъ", напримѣръ, сообщается длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о сильномъ движеніи среди русскихъ баптистовъ — свидѣтельствующихъ о немъ, конечно, съ цѣлью обратить на него неблагосклонное вниманіе начальства. Перечисляются города, гдѣ состоялись съѣзды баптистовъ; указываются адресы собраній, происходящихъ въ Петербургѣ; называется по имени „главарь" секты; приводятся заглавія изданій, распространяющихъ ея ученіе. Усердствующая газета живетъ, очевидно, заднимъ числомъ, какъ бы забывая, что прошли чудные дни властнаго главы духовнаго вѣдомства. Или, можетъ быть, она не столько смотритъ назадъ, сколько забѣгаетъ впередъ, въ сладкой надеждѣ на близкую перемѣну?..

Засѣданія Государственной Думы, возобновившіяся 8-го января, привели пока къ одному сколько-нибудь крупному результату: послѣ трехдневныхъ преній предложеніе фракціи народной свободы, клонившееся къ пересмотру правилъ 8-го марта 1906-го года о порядкѣ разсмотрѣнія росписи доходовъ и расходовъ, передано на обсужденіе бюджетной коммиссіи. Этимъ ничего еще не предрѣшено по существу; но хорошо уже и то, что не вовсе похороненъ вопросъ, такъ близко затрогивающій одно изъ важнѣйшихъ правъ народнаго представительства. Постановленіе Думы состоялось единогласно, но во время преній нѣкоторые ораторы—въ томъ числѣ правофланговый октябристъ —высказывались за отклоненіе предложенія, находя его преждевременнымъ или даже вовсе непріемлемымъ...

Интересъ особаго рода представлялъ обмѣнъ мыслей, вызванный сообщеніемъ министра юстиціи о привлеченіи къ суду депутата Косоротова. Нѣсколько раньше однородное сообщеніе — о привлеченіи къ суду депутата Колюбакина — было передано на разсмо-

трѣніе особой коммиссіи. Въ ту же коммиссію предполагалось направить и дѣло г. Косоротова: но такъ какъ въ составѣ коммиссіи не было представителя той партіи (соціалъ-демократической), къ которой принадлежитъ г. Косоротовъ, то депутатъ Покровскій предложилъ включить въ нее еще одного члена, избраннаго изъ среды этой партіи. Противъ этого предложенія, поддержаннаго гр. Уваровымъ (октябристомъ), возсталъ гр. В. А. Бобринскій, находя недопустимымъ, чтобы въ дѣлѣ, имѣющемъ судебный характеръ, участвовали представители партій, къ которымъ принадлежатъ обвиняемые. Онъ, очевидно, забылъ, что всѣ вообще думскія коммиссіи состоятъ изъ представителей партій и что если въ данномъ случаѣ осталась непредставленною одна изъ нихъ, то исключительно вслѣдствіе малочисленности какъ самой партіи, такъ и коммиссіи (11 челов., между тѣмъ какъ во многихъ другихъ коммиссіяхъ число членовъ доходитъ до 33 и выше). Аргументируя, далѣе, противъ допущенія въ коммиссію представителя отъ соціалъ-демократической партіи, гр. Бобринскій назвалъ эту партію *преступною*. Въ отвѣтъ на это деп. Покровскій назвалъ преступнымъ поведеніе гр. Бобринскаго. „Соціалъ-демократическая фракція"—воскликнулъ г. Покровскій—„фракція парламентская; всѣ члены Думы равноправны, и тотъ, кто съ уваженіемъ относится къ Думѣ, долженъ помнить это основное правило". Чрезвычайно прискорбно, что приходится напоминать о столь простыхъ истинахъ. Внѣ спора онѣ станутъ только тогда, когда исчезнетъ изъ нашей политической жизни самое понятіе о *легализаціи* партій, проводящее черту между партіями законными и незаконными. Намъ кажется, однако, что не безполезнымъ было бы твердое, авторитетное разъясненіе по этому предмету предсѣдателя Думы. Въ томъ засѣданіи, о которомъ идетъ рѣчь, предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя кн. Волконскій, оставившій безъ вниманія явно неумѣстныя слова гр. Бобринскаго. Справедливость, впрочемъ, заставляетъ насъ признать, что кн. Волконскій отстоялъ свободу рѣчи деп. Покровскаго, отвѣтъ котораго гр. Бобринскому вызвалъ шумъ и крики: „вонъ!.." Въ концѣ концовъ предложеніе пополнить коммиссію однимъ членомъ отъ соціалъ-демократической партіи было отвергнуто большинствомъ 152 голосовъ противъ 108.

Значительною твердостью отличается, въ послѣднее время, предсѣдательствованіе самого Н. А. Хомякова. Прямымъ обращеніемъ къ члену Думы Крупенскому съ просьбою не шумѣть онъ охранилъ порядокъ во время рѣчи депутата Шингарева, возмутившаго правыхъ указаніемъ на необходимость довѣрія къ народному представительству. Замѣтимъ, однако, что не всегда Н. А. Хомяковъ остается въ предѣлахъ безпристрастія, обязательнаго для предсѣдателя. Въ засѣданіи

15-го января депутатъ Воронинъ (с.-д.) утверждалъ, что земство преслѣдуетъ теперь не тѣ задачи, къ какимъ оно стремилось раньше, и сослался, въ подтвержденіе своей мысли, на послѣднія постановленія екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія. Предсѣдатель остановилъ его слѣдующими словами: „личныя симпатіи и антипатіи къ разнымъ земствамъ вы приберегите до другого раза". „Новое Время" пришло въ восторгъ отъ этого „великолѣпнаго" замѣчанія; но неужели такимъ долженъ быть тонъ обращенія предсѣдателя къ депутатамъ? Неужели онъ можетъ преподавать имъ ироническіе совѣты? Одно изъ двухъ: или слова деп. Воронина не имѣли никакого отношенія къ вопросу—въ такомъ случаѣ предсѣдатель долженъ былъ ограничиться указаніемъ ему на это и приглашеніемъ не уклоняться въ сторону; или они не страдали этимъ недостаткомъ — и въ такомъ случаѣ не было повода прерывать оратора. Особенно обязательна для предсѣдателя сдержанность по отношенію къ представителямъ фракцій, находящихся въ меньшинствѣ и не пользующихся расположеніемъ въ Думѣ.

Разбирая въ „Россіи", наше январьское внутреннее обозрѣніе, К. Θ. Головинъ пытается объяснить причины постигшаго насъ „затмѣнія". Онъ приписываетъ намъ и „окаменѣлый отъ бездушнаго долголѣтняго повторенія заученыхъ словъ либерализмъ", и „убѣжденность хорошо выученнаго попугая", и „маниловское сочувствіе давно осмѣянному идеалу", и вѣру въ какой-то „рецептъ наилучшаго государственнаго управленія, написанный въ золотые дни конвента и директоріи". Главная вина наша—въ томъ, что мы считаемъ пассивомъ кабинета П. А. Столыпина роспускъ первой Думы, военно-полевые суды, сенатскія разъясненія, распространительное толкованіе ст. 87-ой. Съ точки зрѣнія К. Θ. Головина, все это—самый несомнѣнный активъ министерства, какъ доказательство „несовмѣстимости его съ революціоннымъ большинствомъ". Не будемъ доказывать сотруднику „Россіи", что революціоннымъ не было большинство ни въ первой, ни во второй Государственной Думѣ; ограничимся вопросомъ, нужно ли стоять на сторонѣ революціи, чтобы осуждать такое отрицаніе правосудія, какимъ были военно-полевые суды, такое издѣвательство надъ правомъ интерпретаціи, какимъ были извѣстные сенатскіе указы, такое нарушеніе закона, подъ предлогомъ его исполненія, какимъ являются, напримѣръ, правила 9-го ноября 1906-го года? Враги у родины могутъ быть различные; ихъ можно искать на самыхъ противоположныхъ концахъ политической лѣстницы. Пускай пишущіе въ „Россіи" вѣрятъ легендамъ объ анти-патріотическихъ поѣздкахъ въ Парижъ, пускай они утверждаютъ, что большинство пер-

вой Думы „не безъ нѣкотораго лицемѣрія поддерживало притязанія лѣвыхъ на принудительное отчужденіе частныхъ земель". Кто смотритъ не черезъ ихъ окошко, тотъ составляетъ себѣ понятіе о партіяхъ и лицахъ не на основаніи тенденціозныхъ слуховъ или извращенныхъ фактовъ; тотъ знаетъ, напримѣръ, что, убѣжденно признавая необходимость широкаго принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, партія народной свободы и близкія къ ней политическія группы глубоко расходились съ крайними лѣвыми относительно его условій и размѣровъ... Рецепта наилучшаго государственнаго управленія не существуетъ; но есть извѣстныя требованія, которымъ долженъ удовлетворять нормальный государственный порядокъ. За эти требованія мы стояли тогда, когда ихъ прямо и рѣшительно отрицала наша государственная власть; за нихъ мы стоимъ и теперь, когда ихъ допускаютъ на словахъ и систематически нарушаютъ на самомъ дѣлѣ. Заранѣе принимаемъ всѣ упреки, которыми могутъ почтить насъ по этому поводу сотрудники „Россіи".

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1908.

I.

— Н. П. Загоскинъ, заслуж. орд. проф., Исторія Императорскаго Казанскаго Университета за первыя сто лѣтъ его существованія, 1804—1904. Томъ четвертый, окончаніе части третьей (1819—1827). Казань 1906. Стр. 692.

Внѣшній видъ этого изданія вызываетъ досадное чувство: зачѣмъ эта ненужная роскошь—форматъ in-folio, великолѣпная, очень дорого стоющая бумага, поля въ четыре пальца шириной? Эта „Исторія" обойдется казанскому университету въ десятки тысячъ рублей; неужели нельзя было издать ее поскромнѣе, и неужели для этихъ денегъ не нашлось бы болѣе разумнаго употребленія? Да и чтò толку? Все равно этотъ роскошный фоліантъ сброшюрованъ дурно, такъ что листы рвутся и выпадаютъ, иллюстраціи неважныя, на обложкѣ помѣченъ 1906-й годъ, на внутренней обложкѣ—1904-й, а изданъ этотъ томъ только настоящей осенью. Нѣтъ, роскошь намъ не дается и не къ лицу. Почему было не издать „Исторію Казанскаго Университета" простыми приличными томами, которые и читать было бы легче, нежели эти полу-пудовые неуклюжіе фоліанты, и стоили бы они дешевле?

А читается эта „Исторія" съ поглощающимъ интересомъ. Надо отдать справедливость проф. Загоскину: въ рамкахъ спеціальнаго историческаго изслѣдованія онъ съумѣлъ дать широкую картину цѣлой эпохи; мѣстныя дѣла и отношенія не носятъ въ его трудѣ случайнаго характера,—они движутся предъ нами непрерывно, какъ волна общей политической жизни Россіи, и въ результатѣ—его страницы, не теряя живописнаго мѣстнаго колорита, превращаются въ необыкновенно-яркую иллюстрацію тѣхъ общихъ условій, какими опредѣлялось

въ данный періодъ политическое и умственное состояніе русскаго общества. Особенно это можно сказать о вышедшемъ теперь четвертомъ томѣ, который цѣликомъ посвященъ исторіи попечительства знаменитаго Магницкаго. Въ общихъ чертахъ этотъ эпизодъ былъ извѣстенъ и раньше, и трудъ проф. Загоскина по существу не вноситъ ничего новаго въ наше представленіе объ эпохѣ; но нарисованная имъ картина, основанная на богатѣйшемъ архивномъ матеріалѣ, полна такихъ живописныхъ подробностей, такъ живо воскрешаетъ людей и нравы, что этой книги не можетъ миновать никто изъ интересующихся прошлымъ русскаго общества.

Магницкій состоялъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа въ теченіе семи лѣтъ, съ 1819 по 1826 г., но жилъ онъ все это время въ Петербургѣ, а Казань, послѣ своей ревизіи въ 1819 году, посѣтилъ только однажды, въ 1825-мъ. Правда, въ 1821 году онъ задумалъ-было объѣхать свой округъ, и документальнымъ свидѣтельствомъ этого намѣренія остался слѣдующій циркуляръ директора казанскаго университета на имя директоровъ училищъ, отъ 18 октября 1821 г.: „М. Г. мой! Господинъ попечитель казанскаго учебнаго округа увѣдомилъ меня, что его превосходительству угодно съ наступленіемъ зимняго пути обозрѣть ввѣренную вамъ гимназію и учебныя заведенія. Почему я считаю нужнымъ предварить о семъ васъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ не излишнимъ нахожу спросить васъ, не нужно ли для гимназіи или подвѣдомственныхъ вамъ заведеній пріобрѣсти литографическій портретъ г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, стоющій 5 рублей“. Само собою разумѣется, говоритъ проф. Загоскинъ, что директоры поспѣшили выразить свое восхищеніе по поводу предстоящаго прибытія попечителя и полную готовность пріобрѣсти по нѣскольку экземпляровъ портрета „неподражаемаго покровителя наукъ и истиннаго отца подчиненныхъ своихъ“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Между тѣмъ Магницкій, исходатайствовавъ себѣ четыре тысячи рублей на путевыя издержки, „за распутицей“ отложилъ свою поѣздку; она такъ и не состоялась, ни въ этомъ, ни въ ближайшіе годы, и денегъ Магницкій не вернулъ. Онъ продолжалъ управлять своимъ округомъ изъ Петербурга, и дальность разстоянія не мѣшала ему съ зоркостью рыси слѣдить за административной и научной дѣятельностью подвѣдомственныхъ ему органовъ и регламентировать ее до мелочей. Чрезъ своихъ ставленниковъ онъ организовалъ на мѣстѣ образцовую систему взаимнаго шпіонства и доносовъ; онъ зналъ все и все направлялъ своими предписаніями.

И личная физіономія этого человѣка—одной изъ отвратительнѣйшихъ фигуръ нашей исторіи,—и характеръ дѣятельности, обнаруженной имъ въ качествѣ попечителя казанск. округа, въ общемъ хорошо

извѣстны. Карьера Магницкаго не была случайностью; напротивъ, весь интересъ его дѣятельности—именно въ томъ, что она была показательной, что общія историческія условія эпохи нашли въ ней наиболѣе яркое свое проявленіе. Документальный разсказъ г. Загоскина производитъ впечатлѣніе какого-то чудовищнаго сна, и нѣтъ ничего удивительнаго, что иные изъ современниковъ Магницкаго готовы были видѣть въ его дѣятельности дьявольскій замыселъ; такъ, Шенигъ пишетъ о немъ въ своихъ мемуарахъ: „Цензурнымъ его притязаніямъ не было конца, они сдѣлались посмѣшищемъ. *Въ этомъ, кажется, и была цѣль Магницкаго: онъ хотѣлъ раздражить умы и, упрочивая достоинство верховной власти, дѣлать ее смѣшною и нелѣпою*"; только имп. Николай „постигъ вредный умъ Магницкаго" и съумѣлъ во-время устранить его отъ политической дѣятельности...

Эта нелѣпая догадка становится почти вѣроятною, когда вы читаете книгу г. Загоскина; конечно, злѣйшій врагъ религіи и самодержавія не могъ бы причинить имъ больше вреда, чѣмъ Магницкій своимъ изувѣрскимъ заступничествомъ. Онъ запрещаетъ университетской библіотекѣ принять присланную въ даръ извѣстнымъ нѣмецкимъ богословомъ Беллерманомъ книгу „Heber Hiob", найдя, что „по странному и уродливому для священной книги наименованію" она „представляется невмѣстною". Когда проф. Симоновъ, по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго путешествія, принесъ въ даръ казанскому университету собранныя имъ коллекціи, Магницкій, извѣщая объ этомъ университетскій совѣтъ, писалъ: „Совѣтъ, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что въ числѣ оружія жителей острова Оно находится значекъ или родъ знамя, отличающій его начальника. Любопытно и, вмѣстѣ, утѣшительно, что, вопреки всѣмъ неистовымъ теоріямъ естественнаго права о равенствѣ и безначаліи естественнаго человѣка, предъ глазами нашими открытые дикіе, истинные сыны природы присылаютъ намъ непреложный знакъ ихъ покорности и естественнаго единодержавія. Я почиталъ бы нужнымъ сообщить нѣкоторое о семъ разсужденіе, къ свѣдѣнію ученаго нашего свѣта, въ „Казанскомъ Вѣстникѣ".—И совѣтъ, заслушавъ предложеніе попечителя, поручилъ составленіе соотвѣтствующей статьи предсѣдателю издательскаго комитета, проф. Городчанинову; результатомъ и явилась замѣтка послѣдняго въ университетскомъ журналѣ — „Нѣчто о естественномъ единодержавіи у дикихъ".

Реакціонное и фарисейское изувѣрство Магницкаго мы знали, но что̀ ново въ книгѣ г. Загоскина, это тѣ черты изувѣрскаго утопизма, которыя выступаютъ здѣсь въ портретѣ Магницкаго. Предъ нами не просто мрачный и жестокій обскурантъ: какое-то вдохновеніе руководило этимъ человѣкомъ, и есть что-то фантастическое въ его само-

забвенной дерзости и въ размахѣ его безумной мысли. Ему мало было гасить духъ въ предѣлахъ казанскаго округа,—онъ стремился раскинуть сѣть своихъ дьявольскихъ замысловъ на всю Россію, отъ Дерпта до Астрахани, отъ Петербурга до Вильны; адская сила, сидѣвшая въ немъ, помрачала даже его практическую смётку и не разъ толкала его на безумства, которыя могли обойтись ему дорого. Такова, напримѣръ, его попытка обличить въ ереси архіепископа Филарета, тогда самаго виднаго іерарха русской церкви, лицо, интимная близость котораго къ престолу ни для кого не была тайною; таковъ же былъ его доносъ въ 1825 г. на членовъ императорской фамиліи по поводу опредѣленія на службу въ Смольный институтъ и въ Инженерное училище профессоровъ Арсеньева и Германа, передъ тѣмъ уволенныхъ изъ петербургскаго университета „за безбожіе и вольнодумство". Смольный институтъ находился въ вѣдѣніи императрицы Маріи Ѳедоровны, Инженерное училище—въ вѣдѣніи вел. кн. Николая Павловича; поэтому Магницкій счелъ долгомъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою довести до свѣдѣнія государя, что „правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены императорской фамиліи даютъ имъ мѣста"; и когда министръ (Шишковъ) оставилъ это дерзкое представленіе безъ отвѣта, Магницкій не задумался повторить его, съ угрозою, что если министръ не хочетъ доложить государю, то *онъ самъ* доложитъ, послѣ чего Шишковъ предложилъ ему не вмѣшиваться, куда не слѣдуетъ.

Еще любопытнѣе, чѣмъ самъ Магницкій, та среда, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Въ первыхъ строкахъ настоящаго тома г. Загоскинъ такими чертами характеризуетъ состояніе казанскаго университета за время попечительства Магницкаго: „Всецѣлое и пассивное подчиненіе фарисейскимъ и фантастическимъ замысламъ попечителя, усердно поддерживавшимся и проводившимся на мѣстѣ его казанскими клевретами, полный упадокъ автономной жизни и самостоятельности профессорской коллегіи, безпощадное гоненіе на свободную науку и на ея представителей"... Будь общественная среда иною, дѣятельность Магницкаго была бы, разумѣется, немыслима; но онъ не встрѣчалъ противодѣйствія; даже лучшіе люди, какъ Лобачевскій, всегда молчали, а подчасъ даже не брезгали становиться его орудіями, огромное же большинство взапуски усердствовало въ практикѣ всевозможныхъ мерзостей. Вотъ—ректоръ университета, „благодушнѣйшій казанскій ученый", проф. Фуксъ; „отсутствіемъ гражданскаго мужества" г. Загоскинъ объясняетъ „такіе печальные факты" изъ его ректорской дѣятельности, какъ привлеченіе „къ краткому въ домѣ своемъ знакомству" и къ приватнымъ у себя „обѣдамъ и бесѣдамъ" университетскихъ преподавателей, съ чисто провокаторскою

цѣлью „въ свободѣ приватныхъ и пріятельскихъ отношеній, въ которыхъ открывается безъ принужденій образъ мыслей каждаго“, узнавать направленіе ихъ мнѣній; „приватные распросы студентовъ“, съ цѣлью вывѣданія отъ нихъ направленія преподаванія отдѣльныхъ профессоровъ; разработка имъ въ духѣ попечительскаго ультра-обскурантизма нормальныхъ плановъ и конспектовъ преподаваній“, и т. п. Или вотъ—почетный смотритель арзамасскихъ училищъ Алексѣевъ: донося директору университета, что онъ „въ обязанность себѣ поставляетъ водворять духъ благочестія въ училища, попеченію его ввѣренныя, всеусерднѣйшее имѣетъ стараніе внушать между воспитанниками страхъ Господень, повиновеніе начальству и взаимную между ими любовь“, онъ проситъ его „посредства къ полученію всемилостивѣйшаго *знака отличія*“, завѣряя, что „тогда признательность моя къ особѣ вашей будетъ исполнена совершенною благодарностью и благодѣтельное ваше ко мнѣ начальство ознаменовано будетъ свойственнымъ особѣ вашей великодушіемъ“.

Книга г. Загоскина богата классическими образчиками россійскаго раболѣпства и казеннаго лиризма. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ отчета, читаннаго учителемъ казанской гимназіи Полиновскимъ на публичномъ актѣ 1822 года: „Въ продолженіе сего академическаго года гимназія, оживляемая животворящимъ Духомъ благодати Божіей, осѣняемая щедротами Помазанника Его, яко же Израиль во дни Соломона мирно и единообразно шествовала, частію предположеннымъ ею самою, а болѣе указуемымъ ей блюстителями истинной мудрости—его сіятельствомъ г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и его превосходительствомъ г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа путемъ къ образованію ввѣренныхъ ей дѣтей не по стихіямъ міра сего, но въ страхѣ Божіи, да измлада священное писаніе умѣютъ“ и т. д.

Глубокая общественная деморализація утучнила ниву для дѣятельности Магницкихъ. На протяженіи сотенъ страницъ вы не встрѣтите ни одного проблеска сознанія своего достоинства, или достоинства корпораціи, или достоинства науки. Въ 1824 году, когда звѣзда Голицына пошла на уклонъ и Магницкій, забывъ всѣ его благодѣянія, перешелъ на сторону его врага — Аракчеева, казанскій ректоръ Фуксъ поспѣшилъ подслужиться временщику, а вмѣстѣ и попечителю, предложивъ совѣту избрать графа Аракчеева почетнымъ членомъ университета „въ засвидѣтельствованіе того, что онъ усовершенствованіемъ артиллеріи довелъ ее до степени первой въ Европѣ и устроилъ воспитаніе военныхъ поселеній въ духѣ, согласномъ съ предметомъ оныхъ“, и совѣтъ *единогласно* утвердилъ предложеніе ректора.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ изложить здѣсь одно изъ самыхъ характерныхъ дѣлъ въ казанскомъ университетѣ, за время попечи-

тельства Магницкаго—исторію ученой карьеры проф. Жобара. Сжатое и очень суммарное изложеніе этого „дѣла" занимаетъ въ книгѣ г. Загоскина 17 страницъ фоліанта; а въ подлинникѣ оно составляетъ три объемистыхъ части въ 2.313 листовъ. Это былъ взбалмошный и наглый французъ, съумѣвшій поддѣлаться къ Магницкому и добиться каѳедры обѣщаніемъ преподавать классическую словесность „по евангелію и писаніямъ отцовъ, съ изъясненіемъ христіанскихъ древностей". Даже тогдашніе казанскіе студенты отказывались его слушать; онъ приносилъ на нихъ оффиціальныя жалобы, но самоувѣренности нисколько не терялъ. Исторія его профессорства — непрерывный рядъ скандаловъ, находившихъ себѣ обильную пищу въ нравахъ университетской коллегіи. Одинъ мелкій эпизодъ этой исторіи можетъ дать ясное представленіе объ этихъ нравахъ. На одномъ изъ засѣданій совѣта Жобаръ передалъ въ собственность университета привезенныя имъ изъ Астрахани куколки и яички шелковичныхъ червей, назвавъ эти послѣднія — „semence de vers à soie". Противъ этого возсталъ проф. Эйхвальдъ, уличая Жобара въ незнаніи его родного языка, такъ какъ приносимые имъ въ даръ предметы слѣдовало назвать „oeufs de vers à soie". Пререканія на эту тему возобновились и въ слѣдующемъ засѣданіи совѣта, причемъ Эйхвальдъ предлагалъ Жобару биться объ закладъ на тысячу рублей противъ двухъ копѣекъ Жобара въ томъ, что его терминологія правильнѣе. Жобаръ сбѣгалъ домой за лексикономъ, но правоты своей не съумѣлъ доказать, и Эйхвальдъ нѣсколько разъ сказалъ ему въ лицо: „Nescis linguam gallicam!" Обиженный Жобаръ проситъ ректора о посредничествѣ, но тщетно; тогда онъ предлагаетъ Эйхвальду публично извиниться передъ нимъ, обѣщая ему за то полное прощеніе обидъ, но Эйхвальдъ въ отвѣтъ продолжаетъ твердить: „вы не знаете французскаго языка"; а тутъ вмѣшивается еще проф. Эрдманъ, обращаясь къ Жобару со словами: „Exhala crapulam tuam!" (т.-е. „ты пьянъ, протрезвись"). Взбѣшенный Жобаръ требуетъ занесенія словъ Эрдмана въ протоколъ засѣданія и обсужденія всего этого инцидента „по всей строгости законовъ". Кончилось тѣмъ, что къ Магницкому въ Петербургъ было отправлено подробное донесеніе о происшедшемъ скандалѣ, вмѣстѣ съ обширнымъ объясненіемъ самого „потерпѣвшаго".

Исчерпать въ короткой замѣткѣ все исторически-характерное и колоритное, что̀ содержитъ въ себѣ огромный томъ проф. Загоскина, разумѣется, невозможно. Но и приведенныхъ нами эпизодовъ достаточно, чтобы показать, какой богатый историческій и бытовой матеріалъ она даетъ для характеристики второй половины царствованія Александра I.

II.

— Владиславъ Максимовъ. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. 1-й. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 216.

Тема, выбранная г. Максимовымъ, уже давно стоитъ на очереди. Юношескія произведенія Некрасова, какъ и позднѣйшая его проза, остаются совершенно неизвѣстными не только публикѣ, но и большинству спеціалистовъ по исторіи русской литературы. У насъ нѣтъ даже сколько-нибудь сносной сводки всего написаннаго Некрасовымъ въ этотъ первый періодъ его литературной дѣятельности. Между тѣмъ, очевидно, что историко-литературное изслѣдованіе его творчества должно начаться именно отсюда, съ первыхъ проблесковъ дарованія, разгорѣвшагося потомъ такъ ярко. Для Некрасова это даже важнѣе, чѣмъ для всякаго другого поэта. Публицистическіе, разсудочные элементы въ его поэзіи настолько первенствуютъ, что разглядѣть стихійныя наклонности его духа, непосредственные источники вдохновенія — трудно. Тѣмъ любопытнѣе выяснить, какими мотивами вдохновлялось его творчество въ самомъ началѣ, въ пору наибольшей непосредственности. Такое изслѣдованіе должно многое уяснить въ вопросѣ о тенденціозности Некрасовской поэзіи.

Г-нъ Максимовъ намѣтилъ широкія рамки для своей работы: вышедшій пока первый томъ обнимаетъ только часть юношескихъ произведеній Некрасова — стихотворный сборникъ „Мечты и звуки“ и опыты въ драматической формѣ. Правда, въ этомъ томѣ много лишняго. Такова, напримѣръ, вся первая глава: „Къ вопросу о томъ, отжилъ ли Некрасовъ“. На протяженіи двадцати слишкомъ страницъ авторъ пересказываетъ содержаніе множества журнальныхъ и газетныхъ статеекъ о поэзіи Некрасова, излагаетъ результаты „анкеты“, произведенной по этому вопросу московской газетой „Новости Дня“, описываетъ Некрасовскія торжества въ Ярославлѣ, Петербургѣ и проч., — все съ цѣлью доказать, что Некрасовъ еще „не отжилъ“. Не говоря уже о наивности этой аргументаціи, она представляется намъ просто излишней въ книгѣ, ставящей себѣ опредѣленную задачу — изучить раннія, забытыя произведенія поэта. Авторъ вообще страдаетъ избыткомъ праздной методичности. На каждомъ шагу онъ формулируетъ нѣкоторый глубокомысленный „вопросъ“ и тотчасъ принимается изъ-за всякаго пустяка строить теорію или схему. Это не лишено комизма. Трудно, напримѣръ, удержаться отъ улыбки, видя, какъ авторъ мучится вопросомъ о *классификаціи* статей, появившихся въ повременной печати по поводу 25-лѣтія смерти Некрасова; послѣ нѣсколькихъ

глубокомысленныхъ научныхъ колебаній онъ наконецъ находитъ искомое рѣшеніе: „Съ наибольшей вѣроятностью, думается, можно утверждать, что присяжная критика сосредоточилось вокругъ толстыхъ журналовъ, въ то время какъ критика болѣе дилеттантская и, слѣдовательно, болѣе чуткая въ отраженіи общественнаго мнѣнія, группируется, преимущественно, вокругъ газетной прессы". Это немножко напоминаетъ тупо-остроумное четверостишіе Алмазова, написанное въ эпоху увлеченія естественными науками:

Я узналъ—то фактъ не новый,
Но научность дорога,—
Я узналъ, что у коровы
Есть дѣйствительно рога.

Съ тою же методичностью г. Максимовъ приступаетъ и къ разбору сборника „Мечты и Звуки". Онъ пишетъ точно по хріѣ: „Обзоръ критическихъ воззрѣній на юношеское творчество Некрасова, въ интересахъ систематизаціи, долженъ составить первую главу нашего очерка"; и дальше слѣдуетъ необыкновенно скучное изложеніе пустѣйшихъ рецензій, вызванныхъ въ печати первымъ сборникомъ Некрасова, и всевозможныхъ позднѣйшихъ отзывовъ объ этомъ сборникѣ, которые, по признанію самого автора, не представляютъ ни малѣйшаго интереса уже потому, что почти всѣ эти критики—самаго сборника не читали, а если и читали, то не дали себѣ труда понять. И опять авторъ понапрасну заклалъ богу „систематизаціи" два десятка страницъ.

И такъ, съ педантической научностью въ мелочахъ, аккуратно раскладывая по ящичкамъ, подравнивая и подчищая, проводитъ нашъ авторъ разборъ юношескихъ произведеній Некрасова. Внѣшняя научность завела его въ тупикъ: его работа построена по совершенно ложному плану. Введенный въ соблазнъ своими предшественниками, утверждавшими, что позднѣйшаго Некрасова невозможно узнать въ его раннихъ произведеніяхъ, онъ всю свою работу посвятилъ доказательству противоположнаго тезиса. Но лучше бы онъ забылъ о своихъ предшественникахъ; что авторъ сборника „Мечты и Звуки" и авторъ „Размышленій у параднаго подъѣзда"—одно и то же лицо, это, такъ сказать, удостовѣрено исторіей, это голый фактъ, не требующій никакихъ доказательствъ. Г. Максимовъ пишетъ о „Мечтахъ и Звукахъ" совершенно такъ, какъ если бы онъ имѣлъ дѣло съ ново-найденнымъ произведеніемъ какого-нибудь древняго автора, дошедшимъ до насъ въ анонимномъ спискѣ, съ какой-нибудь „Аѳинской Политіей", принадлежность которой Аристотелю потребовала отъ ученыхъ обстоятельной аргументаціи. Отъ этого весь его анализъ теряетъ свою цѣнность. Его планъ таковъ: выяснить мотивы юноше-

скаго сборника, и затѣмъ доказать ихъ наличность въ позднѣйшей поэзіи Некрасова; въ результатѣ получается какая-то механическая соразмѣрность, совершенно неумѣстная и скучная въ такой области, какъ анализъ художественнаго творчества. Здѣсь былъ одинъ правильный путь: исходя изъ органическаго единства *всей* поэзіи Некрасова—ранней и позднѣйшей,—намѣтить *сразу* ея основныя черты, общія всему его творчеству, и прослѣдить ихъ эволюцію отъ первыхъ зародышей до полнаго расцвѣта. Такой разборъ дѣйствительно углубилъ бы наше представленіе о Некрасовѣ; то же, что добылъ авторъ, остается мертвымъ матеріаломъ, несмотря на всѣ его психологическія ухищренія. Такъ, напримѣръ, вопросъ о религіозности Некрасова — одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, предстоявшихъ автору,— остается совершенно неяснымъ для читателя и послѣ прочтенія всей книги. Въ ранней поэзіи Некрасова религіозные мотивы звучатъ весьма сильно; какой характеръ приняла его религіозность впослѣдствіи? исчезла ли она и, если нѣтъ, какія приняла формы?—этотъ вопросъ можно было рѣшить только изъ нѣкотораго общаго представленія о душевной жизни Некрасова. Авторъ же выдѣлилъ его въ отдѣльный ящичекъ и рѣшаетъ симметрично: сначала идетъ разборъ юношескихъ стихотвореній на религіозные мотивы, затѣмъ механическая сводка всевозможныхъ мѣстъ изъ позднѣйшихъ поэмъ и стихотвореній, гдѣ говорится о Христѣ, о деревенской церкви и пр., причемъ доказательствами позднѣйшей религіозности поэта являются и такіе примѣры: „Въ поэмѣ „Саша“ старикъ-дѣдъ, возвратившійся домой изъ многолѣтней ссылки, прежде всего благословляетъ снятымъ съ шеи „образомъ распятаго Бога“ „домъ, и семейство, и слугъ“. Княгиня Волконская, въ поэмѣ „Русскія Женщины“, умоляетъ отца благословить ее образкомъ передъ отъѣздомъ къ мужу. Декабристы въ этой же поэмѣ неоднократно называются „избранниками Бога“. Подобныхъ примѣровъ и упоминаній, свидѣтельствующихъ, какъ часто поэтомъ владѣло религіозное чувство, возможно было бы найти у Некрасова не одинъ десятокъ“. Не говоря уже о чудовищности такого отожествленія самого поэта съ его героями,—всѣ сопоставленія автора не имѣютъ никакой цѣны, потому что онъ сравниваетъ вещи по существу различныя: чисто-религіозную вѣру юнаго Некрасова—съ этическимъ представленіемъ о Христѣ или о сельскомъ храмѣ въ его поздней поэзіи. И всему виною „систематизація“, направленная не на общее, а на частности. Въ этомъ духѣ написана вся книга. Интересной могла бы быть та глава, гдѣ авторъ, механически вылущивъ „мотивы“ юношеской поэзіи Некрасова, пытается найти ихъ источники въ его семейной обстановкѣ; но онъ не располагаетъ новыми матеріалами, онъ знаетъ о родителяхъ Некрасова не больше того, что изъ

распространенныхъ біографій знаетъ всякій читатель; и на этихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ онъ строитъ крайне примитивную психологію: романтизмъ и религіозность—отъ матери, дисгармонія—отъ противоположности вліяній матери и отца, и т. п.

Въ общемъ книга г. Максимова принадлежитъ къ худшей категоріи историко-литературныхъ изслѣдованій: это—мертвая и безплодная схоластика. Она и написана необыкновенно скучно. Какъ г. Максимовъ излагаетъ содержаніе драматическихъ произведеній Некрасова,—это можетъ служить образцомъ того, какъ не слѣдуетъ излагать. Невольно вспоминается, какъ живо и выпукло изложено покойнымъ А. Н. Пыпинымъ содержаніе „Трехъ странъ свѣта" въ его книгѣ о Некрасовѣ.

III.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. С.-Петербургъ. 1907. Стр. 164.

У насъ есть двѣ Пушкинскія коммиссіи, одна мертвая, другая живая: московская, состоящая при „Обществѣ Любителей Россійской словесности", ничѣмъ не обнаруживаетъ своего существованія и даже не собирается по году и больше,—петербургская, при Академіи Наукъ, издала уже пять выпусковъ, содержащихъ въ себѣ рядъ цѣнныхъ и талантливыхъ работъ по изученію жизни и творчества Пушкина. Къ сожалѣнію, эти книжки, какъ и прочія академическія изданія, почти не проникаютъ въ публику. Между тѣмъ, ихъ содержаніе интересно не только для спеціалистовъ; многое здѣсь можетъ быть прочитано всякимъ образованнымъ человѣкомъ и многое могло бы принести существенную пользу въ методологическомъ смыслѣ.

Изданный теперь пятый выпускъ очень содержателенъ. Изъ вошедшихъ въ него статей прежде всего слѣдуетъ отмѣтить изслѣдованіе г. Кадлубовскаго: „Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина". Рѣчь идетъ о трехъ-актной комедіи Вольтера „Le droit du Seigneur", оказавшей, какъ доказываетъ авторъ, несомнѣнное вліяніе на обработку лица Татьяны въ „Евгеніи Онѣгинѣ". Авторъ чрезвычайно остороженъ и не увлекается своимъ открытіемъ. Такія сопоставленія обыкновенно вызываютъ въ читателѣ справедливую подозрительность; но здѣсь, въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которыми авторъ ограничиваетъ свою параллель, сходство несомнѣнно. Нѣкоторыя черты, какъ, напримѣръ, вліяніе романовъ на воображеніе Татьяны, чувства, выраженныя ею въ письмѣ къ Онѣгину, и т. п., несомнѣнно заимствованы изъ комедіи Вольтера; мало того, нельзя отрицать, что и нѣкоторыя общія черты типа тожественны у героинь Пушкина и Вольтера, не-

смотря на коренное различіе въ цѣломъ; и, можетъ быть, авторъ нашелъ бы еще больше сходныхъ чертъ и намековъ, если бы привлекъ къ сравненію и *черновики* „Онѣгина".

Чрезвычайно любопытна по содержанію и матеріаламъ, и хорошо написана, статья г. Пиксанова: „Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневникъ"." Автору удалось воспользоваться неизданными письмами Греча къ Булгарину и бумагами Тарасенко-Отрѣшкова, хранящимися въ Публичной Библіотекѣ. Эти матеріалы дали ему возможность не только впервые исчерпывающимъ образомъ разсказать исторію попытки Пушкина издавать газету, но и раскрыть одинъ эпизодъ этой исторіи, остававшійся донынѣ почти неизвѣстнымъ. Эти страницы читаются съ изумленіемъ и болью. Оказывается, что въ августѣ 1832 г. Пушкинъ по собственному почину предложилъ Гречу издавать газету *вмѣстѣ*; по этому дѣлу они нѣсколько разъ видѣлись, и Пушкинъ даже приходилъ къ Гречу договариваться объ условіяхъ [1]). Статья г. Пиксанова—важная страница изъ біографіи Пушкина; но въ концѣ концовъ вопросъ все-таки остается неяснымъ. Самъ Пушкинъ утверждаетъ, что затѣвалъ газету съ исключительной цѣлью подорвать монополію „Сѣверной Пчелы" Греча и Булгарина; но тогда зачѣмъ онъ пошелъ, какъ выражается г. Пиксановъ, „въ грече-булгаринскую Каноссу"? Или дѣло интересовало его только съ матеріальной стороны?—но какъ-разъ въ этой комбинаціи газета не сулила ему большихъ доходовъ. Словомъ, въ этой исторіи не хватаетъ какого-то звена, и какъ-разъ самаго существеннаго; но это уже не вина г. Пиксанова,—здѣсь могутъ помочь опять-таки только новые матеріалы, если ихъ удастся найти.

Проф. Е. А. Бобровъ весьма поверхностно отнесся къ своей задачѣ—прослѣдить вліяніе Пушкина на творчество Полежаева. Въ противоположность А. Н. Пыпину, утверждавшему, что дарованіе Полежаева развилось совершенно независимо отъ вліянія Пушкинской поэзіи, проф. Бобровъ старается выставить Полежаева *ученикомъ* Пушкина. Эта попытка была бы интересна, если бы авторъ не ограничился чисто-внѣшними чертами. Онъ собралъ всѣ мѣста, гдѣ Полежаевъ упоминаетъ о Пушкинѣ, очень подробно (и очень скучно) пересказалъ стихотворенія Полежаева, посвященныя памяти Пушкина,—но въ смыслѣ прямыхъ доказательствъ не идетъ дальше такихъ указаній, которыя никого не убѣдятъ. Если „Сашка" пародируетъ „Онѣгина" и даже начинается сходнымъ стихомъ, если и Полежаевъ, какъ Пушкинъ, однажды называетъ Байрона „пѣвцомъ Гюльнары", то это,

[1]) Надо замѣтить, что впервые этотъ эпизодъ былъ изложенъ въ вышедшей недавно книгѣ М. К. Лемке: „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг."—какъ сказано тамъ, по матеріаламъ Н. О. Лернера.

разумѣется, еще не даетъ права говорить о „вліяніи" Пушкина на Полежаева. Столь же мало убѣдительны и голословныя утвержденія проф. Боброва о сходствѣ *натуръ* Пушкина и Полежаева, о ихъ „конгеніальности": странная мысль, могущая вызвать только улыбку. Одинъ анализъ *художественной манеры* того и другого поэта можетъ дать ключъ къ рѣшенію вопроса, поставленнаго авторомъ,—и тутъ не помогутъ никакія словесныя сопоставленія и огульныя утвержденія, эти худшіе пріемы историко-литературнаго изслѣдованія.

Новыхъ матеріаловъ (исключая указанныхъ выше) въ настоящемъ выпускѣ немного. Любопытна замѣтка В. В. Каллаша, разыскавшаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1842 года извѣстную эпиграмму, приписываемую Пушкину: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ", въ редакціи, свидѣтельствующей, что это имя было вставлено позднѣе и произвольно; любопытенъ отрывокъ изъ дневника Телепневой, сообщающій нѣкоторыя свѣдѣнія о семьѣ Ушаковыхъ и отношеніяхъ къ ней Пушкина; очень цѣнны дополненія къ „Воспоминаніямъ" А. П. Кернъ о Пушкинѣ, заключающіяся въ ея письмѣ къ П. В. Анненкову (это письмо сообщено Б. Л. Модзалевскимъ). Къ письму А. П. Кернъ приложены два прекрасныхъ ея портрета — силуэтъ 1825 года и миніатюра 1840 гг.

IV.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ седьмой. Изданіе Отдѣленія Импер. Росс. Историческаго музея имени Имп. Александра III—Музея П. И. Щукина. Москва. 1907. Стр. 512.

Щукинскіе сборники—тонкое лакомство для любителей историческаго чтенія. Обыкновенно издатели матеріаловъ сосредоточиваютъ свое вниманіе на крупныхъ историческихъ событіяхъ и громкихъ именахъ. Г. Щукинъ этого не ищетъ, хотя и не избѣгаетъ; въ каждомъ его сборникѣ попадаются цѣнные документы для характеристики знаменитыхъ людей нашего прошлаго,—но не въ этомъ центръ тяжести его изданія. Историческій бытъ, какъ онъ отражается въ будничной жизни невидныхъ людей, заурядныхъ корпорацій и учрежденій,—вотъ что̀ даютъ намъ Щукинскіе сборники. Для историка этотъ матеріалъ особенно драгоцѣненъ. Въ этихъ наивныхъ и на видъ безсодержательныхъ дневникахъ, письмахъ, воспоминаніяхъ бытъ и духъ минувшихъ поколѣній раскрываются съ такой непосредственностью, съ такой всесторонней полнотой и цѣльностью, передъ которыми блѣднѣетъ не только талантъ изслѣдователя, но и геній художника. Порою кажется даже, не это ли именно—подлинная „исторія"? Надо только умѣть читать, надо научиться, читая, воспринимать сознаніемъ не

матеріальное содержаніе повѣствуемаго, а его историко-психологическій смыслъ, и оно дастъ вамъ безконечно больше, нежели наилучшая обработка. Всякій историкъ и всякій художникъ, даже Ранке и Л. Толстой, возсоздаютъ прошлое по образу и подобію своего духа, обобщая по нѣкоторой схемѣ, отметая кажущееся имъ случайнымъ, и тѣмъ искажая былую дѣйствительность. Конечно, ихъ созданія имѣютъ высокую цѣнность, но эта цѣнность педагогическая; подлинную же исторію надо искать не у нихъ, а въ живыхъ остаткахъ угасшей жизни, въ ея собственныхъ загробныхъ повѣствованіяхъ. И надо прибавить: умѣющему читать—никакой другой способъ ознакомленія съ прошлымъ не доставитъ такого глубокаго наслажденія; это—живой ароматъ прошлаго, его подлинная поэзія.

Седьмой выпускъ Щукинскаго сборника составленъ по тому же плану: почти весь онъ посвященъ исторіи русской *жизни*, а не крупныхъ событій и лицъ. Передъ нами проходятъ обыкновенные люди, жившіе не мудрствуя; что̀ написано ими, писалось для себя, для жены или друга, большей частью безъ всякой мысли о потомствѣ; въ своихъ дневникахъ и письмахъ они разсказываютъ свою ежедневную жизнь, внѣшнюю и внутреннюю, свои маленькія дѣла, житейскія заботы и тревоги, свои бѣдныя радости и давно утѣшенныя скорби. Каждая строка ихъ писаній насыщена бытомъ и бытовой психологіей. Вотъ старый-старый генералъ, весь поглощенный заботами о долгахъ, о пенсіи, о мельницѣ, о своихъ старческихъ недугахъ. Онъ ведетъ дневникъ—и это было такъ недавно: всего въ 1877—78 гг.,—но какое наслажденіе читать о его жизни! Онъ неизмѣнно отмѣчаетъ, гдѣ обѣдалъ (иногда—и что̀), когда легъ спать, что̀ дѣлалъ за день, какая была погода и болѣла ли поясница, и какъ у него вышелъ „диспутъ" съ женою, какъ видно—Ксантиппой,—и по поводу этой домашней баталіи записываетъ: „Господи! Научи меня, *какъ избыть всякой непріятности!* и что̀ мнѣ дѣлать?"—потому что онъ, дѣйствительно, очень разстроился: „Цѣлую ночь болѣла душа!" и плохо спалъ, и еще на другой день „не былъ въ расположеніи духа, отъ незнанія, что̀ мнѣ дѣлать". Ему 78 лѣтъ, онъ добрый и мирный старичокъ, каждый вечеръ играетъ въ преферансъ по маленькой и вечеромъ записываетъ съ плюсомъ или минусомъ крошечный денежный итогъ игры. У него слабость—балуется стишками. Такъ, напримѣръ, на обѣдѣ воспитанниковъ 1-го кадетскаго корпуса онъ, въ отвѣтъ на почетъ, оказанный ему, какъ старѣйшему (онъ вышелъ изъ корпуса *шестьдесятъ* лѣтъ назадъ), произноситъ рѣчь, которую кончаетъ стихами:

Мы ѣли изъ одного котла,
За ваше здравіе я пью до тла!

и въ отвѣтъ на новую овацію дополняетъ: „если Господь продлитъ мою жизнь, то я —

По чувству говоря,
Явлюсь 17-го февраля,—

т.-е. на обѣдъ будущаго года. Есть у него и болѣе пространныя пьесы, конечно, юбилейнаго и вообще поздравительнаго характера; жаль—слишкомъ длинны, чтобы привести,—но вотъ образчикъ: юбилейный обѣдъ—артиллеристы чествуютъ генералъ-фельдцейхмейстера генералъ-адъютанта А. А. Баранцова; выждавъ время къ концу обѣда, старичокъ выступилъ противъ юбиляра и громогласно сказалъ:

Ваше высокопревосходительство!
Достопочтенный Александръ Алексѣевичъ!
Стою предъ вами съ умиленьемъ
И къ Господу съ благодареньемъ:
Мнѣ жизнь настолько онъ продлилъ!
Чтобъ праздникъ съ вами проводилъ!
и т. д.

Развѣ это не прелесть? и какой художникъ нарисуетъ намъ его живѣе, чѣмъ его дневникъ?

А письма извѣстнаго остряка-стихотворца П. В. Шумахера, занимающія добрую треть сборника! Онъ и самъ очарователенъ со своимъ благодушнымъ юморомъ, тонкимъ вкусомъ и умомъ, со своими привычками стараго холостяка,—а вмѣстѣ съ нимъ, какъ живая, встаетъ передъ нами картина старой интеллигентной Москвы, еще 40-хъ годовъ, даромъ что дѣйствіе происходитъ въ 80-хъ: это Москва Кетчера и Пикулина, домà съ огородами, парниками и прудами, патріархальный бытъ, уютные диваны, дружескіе завтраки съ обильными возліяніями, поиски старинныхъ книгъ съ гравюрами, дружескія письма съ гастрономическими рецептами... все то, чтò беззаботно доживало свой вѣкъ и затѣмъ вдругъ съ этими людьми исчезло безслѣдно, какъ будто и не было никогда.—Или вотъ письма Церпицкаго къ ген. Гродекову, 1884—1895 гг.,—по-истинѣ потрясающая картина нравовъ нашихъ высшихъ военныхъ круговъ, безцѣнный матеріалъ, который—будь онъ напечатанъ пять лѣтъ тому назадъ—самъ по себѣ могъ бы послужить основаніемъ для безошибочнаго пророчества объ исходѣ японской войны. Или—письма Э. Стогова изъ Польши, 1838—40 гг., не менѣе потрясающія, какъ авторитетъ раболѣпнаго, бездушнаго, до звѣрства жестокаго русскаго чиновника, и какъ характеристика цѣлой системы. И таковъ весь сборникъ. Есть въ немъ матеріалы менѣе колоритные, какъ, напримѣръ, письма Каншина, Донауровыхъ, Н. Маркевича и др., но ихъ сравнительно немного.

Литературныя извѣстности представлены въ этомъ выпускѣ письмами Н. Успенскаго, А. Майкова, Я. Полонскаго и другихъ; всѣ эти письма адресованы К. К. Случевскому (г. Щукинъ вообще имѣетъ хорошее обыкновеніе приводить свои матеріалы, такъ сказать, гнѣздами). Великолѣпны по характерности письма Успенскаго, есть кое-что любопытное и въ письмахъ Полонскаго и Майкова.

V.

— А. Нѣмоевскій. Изъ-подъ пыли вѣковъ. II. Ашуръ и Муцуръ. Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. С.-Петербургъ. 1906. Стр. 160.

Эта книга въ художественномъ отношеніи значительно уступаетъ первому выпуску историческихъ разсказовъ Нѣмоевскаго—„Сократу", о которомъ мы дали отчетъ въ одной изъ предыдущихъ книгъ журнала. Взоръ художника оказался недостаточно острымъ, чтобы сквозь мглу тысячелѣтій ясно разглядѣть черты ассирійскаго или египетскаго лица; Эллада ближе къ намъ по времени и по духу, ея голосъ и понынѣ звучитъ въ произведеніяхъ ея мыслителей и поэтовъ, а Ассирія— кто читалъ ея клинописи, кто видѣлъ ея развалины? Только могучій талантъ или духъ по природѣ конгеніальный способны перешагнуть черезъ эту историческую даль; нужно быть Шелли, чтобы создать „Озимандію", или В. Брюсовымъ, чтобы написать „Ассаргадона". Рисунокъ Нѣмоевскаго въ общемъ нечетокъ, его краски тусклы. Но какъ-разъ то, что ослабило его, оказываетъ ему и добрую услугу: очарованіе глубокой древности покоряетъ читателя и приковываетъ его вниманіе. Съ страннымъ волненіемъ вы вглядываетесь въ эти образы, оживающіе отъ тысячелѣтняго сна, въ фигуры боговъ съ головами павіана, козла или пѣтуха, въ лицо царя, борода котораго завита въ трубки и петли и снова въ трубки и петли до самаго конца волосъ,—и хочется заглянуть глубже въ душу этого царя, такъ родственную и такъ далекую. Художникъ едва приподнимаетъ надъ нею завѣсу, но главное все-таки выступаетъ: сумрачная серьезность и дикая, жестокая, непреклонная страстность, которая вспыхиваетъ сразу и безъ пищи не гаснетъ. Нѣмоевскій рисуетъ только боговъ и царей, и это, можетъ быть, вѣрный пріемъ: здѣсь рѣзче очертанія, свободнѣе размахъ. Изъ этихъ очерковъ, рисующихъ древній Востокъ, всего лучше—„Всеподданнѣйшее донесеніе Увегу".

Гораздо больше удались Нѣмоевскому тѣ разсказы, гдѣ древній Востокъ является предъ нами отраженнымъ въ повѣрьяхъ и преданіяхъ далекаго потомства, нынѣшнихъ „сыновъ пустыни". Кочующій бедуинъ, сидя въ часъ заката передъ своимъ шатромъ, разсказываетъ

молодежи о томъ, какъ Соломонъ при помощи Джинновъ (духовъ) построилъ Пальмиру: вдохновленный любовью, онъ захотѣлъ создать для себя отдѣльный край, вдали отъ шума жизни, и лѣнивые, злые, лукавые Джинны, порабощенные его вдохновеніемъ, по-неволѣ принуждены были осуществить его мечту — и мгновенно выросла Пальмира среди песковъ пустыни. — Вотъ, въ дни плодоносныхъ ливней, феллахи собрались въ большой шатеръ, и самый старый изъ нихъ, Ситти-Юсуфъ, разсказываетъ имъ о происхожденіи вселенной. Онъ разсказываетъ, что вначалѣ были только Элохай, духъ Божій, и Тіаматъ, рыба въ великомъ морѣ. И вотъ однажды Элохай длиннымъ мечомъ разсѣкъ чудовище пополамъ, и изъ одной половины сдѣлалъ твердь небесную, изъ другой—твердь земную. Но такъ какъ ему было темно, то онъ сотворилъ свѣтъ. Какъ онъ сдѣлалъ это? „Были люди, которые говорили, что Элохай родилъ Шамаша, бога солнца. Но онъ не могъ родить Шамаша, потому что не имѣлъ жены. Поэтому люди, думавшіе, что Элохай родилъ Шамаша, погибли всѣ до послѣдняго и отъ нихъ ничего не осталось“. Нѣтъ, онъ просто всталъ и сказалъ: „Да будетъ свѣтъ!“ и тотчасъ явился свѣтъ. „Когда феллахъ хочетъ имѣть шатеръ, онъ долженъ выростить верблюда, чтобы онъ былъ большой, долженъ потомъ убить верблюда, снять съ него шерсть, выпрясть изъ шерсти нитки, изъ нитокъ сдѣлать ткань, и вообще долженъ много поработать. А Элохай только говоритъ: „да будетъ!“ и все дѣлается само собою“. Потомъ Элохай взялъ одинъ глазъ Тіамата (они имѣли неодинаковый блескъ) и сдѣлалъ его солнцемъ, другой луною, изъ жилъ его—рѣки, изъ чешуи—звѣзды, и т. д. Кто въ это не вѣритъ, тотъ погибнетъ. Правда, франки, пріѣзжающіе въ Ниппуръ и дѣлающіе тамъ раскопки, не вѣрятъ,—„но они имѣютъ много золота и даютъ феллахамъ хорошій заработокъ“. Когда они найдутъ послѣдній кирпичъ, то повѣрятъ; они очень умные, эти франки, и всѣ носятъ очки, стало быть повѣрятъ. Но поэтому не надо имъ мѣшать искать кирпичи.—Но среди слушателей нашелся скептикъ.—Ты — говоритъ онъ разсказчику—прежде иначе отзывался о франкахъ, я это хорошо помню, а теперь франки дали тебѣ два золотыхъ, чтобы ты уговаривалъ насъ работать при раскопкахъ. Ты измѣнникъ; въ угоду франкамъ ты бѣгаешь по шатрамъ и запрещаешь намъ разбивать кирпичи. Франки платятъ бешликъ за десять кирпичей; почему же феллаху не сдѣлать изъ десяти кирпичей сорокъ, чтобы получить четыре бешлика?—Начинается крупная перебранка, готовая перейти въ драку, но старика спасаетъ хитростью его братъ, начавъ пляску; скоро всѣ охвачены бѣшенымъ танцемъ, и подъ шумокъ братъ требуетъ отъ Ситти-Юсуфа мзду за спасеніе.—Этотъ разсказъ—лучшій въ сборникѣ и, дѣйствительно, очень хорошъ.—М. Г.

VI.

— Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвящ. Саввы, архіепископа тверского и кашинскаго. Т. VI: 1879—1883 гг. Сергіевъ-Посадъ. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящее изданіе прошло, въ свое время, почти незамѣченнымъ, по крайней мѣрѣ мы не имѣли до сихъ поръ случая обратить на него вниманіе читателей. По предположенію издателей, эта „Хроника" будетъ состоять изъ девяти томовъ. Томъ шестой, не такъ давно вышедшій, обнимаетъ собою первое пятилѣтіе (1879—1883 гг.) архипастырскаго служенія преосвящ. Саввы въ тверской епархіи, гдѣ онъ оставался до самой смерти († 13-го октября 1896 г.) — а всего 17 лѣтъ (1879—1896 гг.), — и куда онъ былъ переведенъ изъ харьковской епархіи. Укажемъ кстати на третій томъ „Хроники", какъ на особенно выдающійся по своему интересу, такъ какъ въ этомъ томѣ— 60-ые года; авторъ „Хроники" сдѣлалъ свой трудъ весьма важнымъ, благодаря тому, что въ немъ заключена масса документальныхъ свѣдѣній и подлинныхъ писемъ, тщательно авторомъ сохраненныхъ; такъ, напримѣръ, тамъ можно встрѣтить тексты дворянскихъ конституцій 1865 года и подробно разсказана исторія закрытія московскаго дворянскаго собранія. Въ томъ же отношеніи замѣчателенъ и указываемый нами томъ шестой, охватывающій мрачный періодъ трагическаго конца царствованія Александра II и первые два года — Александра III, начало реакціи. И здѣсь также сохранена форма разсказа, очень часто прерываемаго помѣщеніемъ документовъ и писемъ какъ самого Саввы, такъ—и къ нему отъ лицъ, въ свое время болѣе или менѣе извѣстныхъ. Приведемъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, который относится къ временному посѣщенію Саввою, по долгу службы, Москвы, въ самые дни коронаціи императора Александра III, въ маѣ мѣсяцѣ 1883 года, что̀ послужило поводомъ къ близкому ознакомленію этого ученаго монаха со Дворомъ.

Вотъ какъ преосвящ. Савва разсказываетъ самъ объ этомъ эпизодѣ въ своей жизни:

„25-го мая (1883 г.) въ 5-мъ часу, согласно назначенному мнѣ наканунѣ чрезъ оберъ-прокурора св. сѵнода сроку, я отправился въ Александровскій дворецъ, къ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу. По пріѣздѣ туда, я сначала принятъ былъ воспитателемъ Ихъ Высочествъ, генералъ-адъютантомъ Даниловичемъ, такъ какъ Ихъ Высочества Цесаревичъ и Георгій Александровичъ гуляли въ такое время съ Государемъ Императоромъ, ежедневно въ этомъ часу посѣщавшимъ Ихъ,

въ дворцовомъ саду. Между тѣмъ, въ ожиданіи Ихъ, ген. Даниловичъ велъ со мною бесѣду объ Италіи, гдѣ онъ недавно былъ, и о папахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ быстро вошелъ въ гостиную Государь Наслѣдникъ, а вслѣдъ за нимъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Я поднесъ Ихъ Высочествамъ по экземпляру своей книги: „Указатель патріаршей ризницы". Они съ любопытствомъ начали разсматривать въ книгѣ рисунки древнихъ ризничныхъ вещей — крестовъ наперсныхъ, панагій, митръ и проч.

„Цесаревичъ пригласилъ меня сѣсть съ собою на диванъ. Между тѣмъ, изъ боковой двери появился въ гостиную пятилѣтній малютка Великій Князь Михаилъ Александровичъ и сѣлъ подлѣ меня въ креслѣ, поцѣловавшись предварительно со мною, по обычаю, рука въ руку. Я объяснилъ ему, что его небесный патронъ, Благовѣрный Великій Князь Михаилъ Ярославовичъ Тверскій, нетлѣнно почиваетъ въ тверскомъ каѳедральномъ соборѣ, и потому Его Высочеству слѣдуетъ пожаловать къ намъ въ Тверь для поклоненія своему патрону. Царственный малютка молча и со вниманіемъ выслушалъ мои слова. Едва я сказалъ эти слова, какъ отворяется та же дверь и входитъ къ намъ Великая Княжна Ксенія Александровна и изволила сѣсть въ кресло прямо противъ меня. Генералъ Даниловичъ обратился къ Ея Высочеству съ вопросомъ: „У васъ теперь, кажется, былъ французскій урокъ?" — „Да", — застѣнчиво отвѣчала Царевна.—„И долго продолжался?"—„Полчаса".—Затѣмъ я сказалъ Великой Княжнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ.

„Послѣ сего, обратившись къ Государю Наслѣднику, я сказалъ отъ полноты сердца: „Какъ я счастливъ, что вижу предъ собою все царское семейство". Но на это Цесаревичъ съ живостію сказалъ мнѣ: „Тутъ еще не всѣ; у насъ есть еще Ольга" (род. 1-го іюня 1882 г.). Какъ это мило было слышать изъ устъ царственнаго юноши!—Какъ я долженъ смотрѣть на такой совершенно неожиданный для меня пріемъ всею юною Императорскою семьею? Счастливая ли это только случайность, или дѣйствіе преднамѣренности? — Думаю, что такой любезный пріемъ не могъ быть сдѣланъ мнѣ безъ вѣдома и соизволенія Августѣйшихъ родителей.

„Я забылъ, было, разсказать при семъ еще объ одномъ интересномъ эпизодѣ. Генералъ Даниловичъ отрекомендовалъ мнѣ Цесаревича, какъ хорошаго знатока церковно-богослужебныхъ порядковъ. Это очень пріятно удивило меня. Но чтобы доказать это на опытѣ, генералъ Даниловичъ попросилъ Его Высочество прочитать великую эктенію. Цесаревичъ смѣло и громко началъ читать: *Миромъ Господу помолимся. О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ Господу помолимся* и т. д. Когда онъ остановился, я сказалъ ему: „Ну, Ваше Высочество, если

вы такъ хорошо знаете церковную службу, то вамъ слѣдуетъ отказаться отъ званія наслѣдника престола и принять священный санъ, по примѣру нѣкоторыхъ сыновей древнихъ византійскихъ императоровъ [1]). Цесаревичъ и прочіе всѣ разсмѣялись, и тѣмъ окончилась наша семейная бесѣда" [2]).

Все это происходило наканунѣ праздника Вознесенія, приходившагося въ томъ году 26 мая, когда должно было совершиться торжественное освященіе новаго храма Христа Спасителя, на что былъ, конечно, приглашенъ и преосвящ. Савва, а это подало ему поводъ въ своей „Хроникѣ" перейти къ самому подробному описанію этого торжества. — М. П—въ.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Бернштейнъ, Эд.—Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Отъ 1848 года до изданія закона противъ соціалистовъ. Съ нѣм. I. В. Постманъ. Спб. 908. Ц. 2 р.

Благовѣщенскій, С.—Ручные маслодѣльные заводы. Руководство къ постройкѣ и оборудованію ручныхъ маслодѣльныхъ заводовъ. Спб. 908. Ц. 2 р.

Бодлэръ, Шарль.—Исканія рая. Спб. 908. Ц. 1 р.

Брянчаниновъ, Н.—Впечатлѣнія бытія. Парижъ, 907.

Вагнеръ, Н. П.—Разсказъ о земной жизни Іисуса Христа по св. Евангеліямъ, народнымъ преданіямъ и ученіямъ св. Церкви. Спб. 908. Ц. 80 к.

Васнецовъ, Аполлинарій.—Опытъ анализа понятій, опредѣляющихъ искусство живописи. Живопись. М. 907. Ц. 1 р.

Ветуховъ, А.—Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣру въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I и II. Варш., 907.

Гагенъ, В. А.—Обязательная помощь бѣднымъ въ Германіи. Имперскій законъ 6 іюня 1870 года. Спб. 908. Ц. 50 к.

Газенкампфъ, М.—Мой дневникъ. 1877—78 гг. Изд. исправл. и дополн. Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.

Гарднеръ, Вадимъ.—Стихотворенія. Сборникъ первый. Спб. 908. Ц. 75 к.

Геккель, Э.—Естественная исторія міротворенія. Общепонятное научное изложеніе ученія о развитіи. Ч. I: Общее ученіе о развитіи (Трансформизмъ и Дарвинизмъ). Съ рис. въ текстѣ. Спб. 908. Ц. 2 р.

Гершензонъ, М.—Исторія молодой Россіи. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Гиппіусъ, З.—Черное по бѣлому. Пятая книга разсказовъ. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Грэгамъ, В.—Соціализмъ старый и новый. Съ англ. И. Стеблинъ-Каменскій. Спб. 908. Ц. 1 р.

---

[1]) Такъ, патріархъ константинопольскій Игнатій († 878) былъ сынъ императора Михаила Рангова; Θеофилактъ (933—956)—сынъ императора Романа.

Примѣчаніе автора „Хроники".

[2]) См.: „Хроника моей жизни", т. VI, стр. 884 и слѣд.

Грачева, Е. Руководство по занятію съ отсталыми дѣтьми и идіотами. Спб. 907. Ц. 80 коп.

Грековъ, А.—Правовое положеніе арміи въ государствѣ. Опытъ изслѣдованія правовыхъ основаній жизни арміи въ главнѣйшихъ государствахъ современной Европы. Спб. 908. Ц. 2 р.

Гринъ, А. С.—Шапка-Невидимка. Спб. 908. Ц. 80 к.

Д'Аннунціо, Габріэле.—Франческо де Римини. Съ итал. В. Корзухиной. Спб. 908. Ц. 2 р.

——— Сладострастіе, романъ. Съ итальянск. А. П. Спб. 908.

Дымовъ, Осипъ.—Земля цвѣтетъ. М. 908. Ц. 1 р.

Ильинскій, А.—Общественное служеніе женщины въ христіанской церкви. Спб. 908. Ц. 40 к.

Кадминъ-Вьюговъ, Н.—О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 908 Ц. 35 к.

Карповъ, Николай.—Риемы. Спб. 908. Ц. 75 к.

Клоссовскій, проф. А. — Метеорологія. Общій курсъ. Ч. I: Статическая Метеорологія. Съ 305 рис. и картой. Од. 908.

Ковальскіе, К. и О. — Тамъ, за желѣзными дверями... Драма юности. Спб. 908.

Ковалевскій, проф. П. И.—Міроздавіе. Естественно-историческій очеркъ. Спб. 908. Ц. 80 к.

Кожевниковъ, П.—Разсказы. М. 908. Ц. 80 к.

Кораблевъ, В.—Литературныя замѣтки. Спб. 908. Ц. 1 р.

Курлова, Е.—За идею и другіе разсказы. М. 908. Ц. 50 к.

Курчинскій, М. А. — Муниципальный соціализмъ и развитіе городской жизни. Спб. 907. Ц. 75 к.

Леруа, Максимъ.—Эволюція государственной власти. (Синдикаты чиновниковъ). Съ франц. В. Елпатьевской. Спб. 907. Ц. 70 к.

Львовъ, Т.—Ушла... М. 908. Ц. 50 к.

Максимовъ, Владиславъ.—Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. 1-й. Спб. 908. Ц. 1 р.

Мерчингъ, проф. Г. К.—Примѣненіе теоріи теплопроводности къ опредѣленію возраста земного шара. Спб. 907.

Метерлинкъ.—Т. III. Перев. Л. Вилькиной, съ иллюстраціями. Спб. 908. Ц. 2 руб.

Мирбо, Октавъ.—Садъ пытокъ и смерти. Съ франц. Вѣры Корзухиной. Спб. 908. Ц. 1 р.

Нагуевскій, Д.—Изъ польской Нумизматики и Археологіи. Каз. 908.

Никольскій, проф. В. И.—О русскомъ національномъ самосознаніи. Спб. 907.

Новиковъ, Ив.—Золотые кресты. Романъ. Обложка (?) Н. П. Крымова М. 908. Ц. 1 р. 40 к.

——— Духу Святому. Первая книга стиховъ. Обложка (?) Н. П. Крымова. М. 908. Ц. 1 р.

Оршанскій, проф. И. Г.—Первый шагъ. Мысли о еврейскомъ вопросѣ. М. 907. Ц. 25 к.

Семеновъ Тянъ-Шанскій, А. П.—О направленіи въ развитіи русскаго флота. Спб. 907.

Сиземскій, Л.—Обученіе чтенію въ семьѣ. Нормальная постановка. Спб. 908. Ц. 35 к.

Снарскій, д-ръ А. Т.—Бесѣды о душевныхъ болѣзняхъ и объ уходѣ за душевно-больными. Спб. 908. Ц. 1 р.

Соколовская, Т.—Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. Спб. 908. Ц. 80 к.

Сѣченовъ, Ив. Мих.—Автобіографическія записки. М. 907. Ц. 1 р. 30 к.

Танскій, Виталій.—„Femina sapiens". Спб. 908. Ц. 75 к.

Тицъ, Б.—Ремесленное ученичество и законъ 15-го ноября 1906 года. Спб. 908.

Тхоржевскій, Ив.—Облака. Лирическая сюита (!). Спб. 908. Ц. 50 к.

Фальевъ, Н.—Дуэли, разсказы. Спб. 908. Ц. 3 р.

Френсенъ, Густавъ.—„Рукопись". Жизнь Спасителя. Изд. 2-е. Съ портретомъ автора.

Хавкина, Л. Б.—Индія. Популярный очеркъ со многими рисунками и картой. М. 908. Ц. 80 к.

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Амурско-Приморскаго края золотоноснаго района. Р. Бурея. Спб. 907.

Ш-чъ, Л.—Трагедія шести-милліоннаго народа. Спб. 908. Ц. 10 к.

Шпицеръ, Сем.—Разсказы. Спб. 908. Ц. 60 к.

Якобій, д-ръ П.—Глухонѣмые. Этюды демографіи и сравнительной педагогики. Спб. 907.

Cleinow, G.—Aus Russlands Not und Hoffen. 2—ter Band: Verfassungskämpfe. Berl. 907.

Schlesinger, D-r Martin Ludwig.—Russland im XX Jahrhundert. Mit einer Uebersichtkarte des europäischen und asiatischen Russlands. Berlin. 1908.

— Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812 гг. Т. VI. Спб. 908.

— Извѣстія Имп. Русскаго Географ. Общества, изд. п. р. А. Достоевскаго. Т. XLII. 1906. Вып. IV. Спб. 906.

— Издательство „Посредникъ": 1) Адинъ Балу, Ученіе о христіанскомъ непротивленіи злу насиліемъ. Съ англ. Ц. 45 к.—2) Л. Н. Толстой, Религія и нравственность. Ц. 5 к.—Его же, Недѣланіе. Ц. 5 к.—3) Избранныя мысли Лабрюйера, Ларошфуко, Вовенарга и Монтескье. Ц. 75 к.—4) Арвидъ Эрнефельтъ, Чада земли. Ц. 45 к.—5) Эд. Карпентеръ, „Я поднимаюсь изъ тьмы". Ц. 25 к.—6) Е. Чижовъ, Тайны и чудеса Божьяго міра. Ц. 60 к. М. 908.

— Историческій Сборникъ. „Наша страна", № 1, 1907 г. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Книгоиздательство „Новыя Силы": 1) Швейцарская военная система, какъ примѣръ вооруженной народной силы—боеспособной, дешевой и безопасной для свободы гражданъ. Ф. Волховского. Ц. 20 к. 2) Земельная рента и условія земельнаго обложенія. Къ вопросу о соціализаціи земли, съ предисловіемъ В. Чернова. Ник. Суханова. Ц. 85 коп. 3) В. Украинскій, Крестьянская община и аграрная реформа. Ц. 50 к. 4) А. Бахъ, Экономическіе очерки. Ч. 2-я. Ц. 15 коп. 5) М. Ратнеръ, Аграрный вопросъ и соціалдемократія. Ц. 1 р. 20 к. М. 908.

— Книгоиздательство „Современныя Проблемы": 1) Западный Сборникъ. Кн. 1. М. 908. Ц. 1 р. 2) Д-ръ Н. Котинъ, Непосредственная передача мыслей. М. 908. Ц. 1 р.

— Краткій Обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній за 1905—1906 гг. Спб. 907. Ц. 50 коп.

— Матеріалы для оцѣнки земель Харьк. губерніи. Старобѣльскій уѣздъ. Вып. II: Подворная перепись. Харьк., 907.

— Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Од. 908.

— Отчетъ 24-ый Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ, за 1906 годъ. Спб. 907.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1905—6 гг. Спб. 908.

— Отчеты санитарныхъ врачей Спб. Губернскаго земства за 1906 годъ. Спб. 907.

— Отъ А. Н. Острогорскаго: „На память о 27 сентября 1907 года. Спб. 907.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1904 годъ. Спб. 907.

— Словарь литературныхъ типовъ. Вып. первый: Тургеневъ. Спб. 908. Ц. 1 руб.

— „Солнышко". № 11. Ноябрь. 1907 г.

— Толковая Библія, или Комментарій на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Съ иллюстраціями. Изданіе преемниковъ А. П. Лопухина. Т. IV: Книги Іова, Псалтирь и книги Притчей Соломоновыхъ. Спб. 907.

— Уставъ о гербовомъ сборѣ, по оффиціальному изданію 1903 года. 2-ое исправл. и дополн. изданіе В. Анисимова. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 коп.

— Щукинскій Сборникъ. Вып. VII. М. 907.

ЗАМѢТКА

Изъ области народнаго творчества.

— Жаръ-птица. Свирѣль славянина. К. Д. Бальмонта. Москва, 1907. Цѣна 2 рубля.

Г-нъ Бальмонтъ— своеобразный писатель съ дарованіемъ причудливымъ и неуравновѣшеннымъ, но сильнымъ и яркимъ. Поэтому въ его произведеніяхъ сплошь и рядомъ встрѣчаются изящная тонкость поэтическаго творчества и явная беззаботность по части даже грамматики, глубокіе и чистые поэтическіе образы и вымученная дѣланность, чарующая гармонія стиха и неудобопонятная вычурность, истинное, захватывающее читателя вдохновеніе и „стихотворчество“. Вслѣдствіе этого почти ни объ одномъ изъ сборниковъ произведеній Бальмонта нельзя дать безусловнаго и цѣлостнаго отзыва, хотя для всякаго, кто возьметъ въ руки одну изъ его книгъ, будетъ ясно, что, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, это настоящій поэтъ, „поэтъ Божіею милостью“, конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, отдавая себя на служеніе „злобѣ дня“, онъ влагаетъ въ уста своей музѣ слова бранчивой ненависти... И въ переводахъ своихъ онъ проявляетъ необыкновенно тонкое пониманіе подлинника, сопряженное съ глубокимъ проникновеніемъ въ мысль автора и въ духъ его произведенія. Достаточно, въ этомъ отношеніи, указать на превосходный переводъ имъ „разсказовъ“ и стихотвореній Эдгара Поэ. Между послѣдними „Колокольчики и колокола“ представляютъ настоящій шедёвръ, не только по силѣ стиха, но и по удивительной звукоподражательности. Нельзя не порадоваться, что нынѣ Бальмонтъ обратилъ свое дарованіе на разработку и поэтическое переложеніе народнаго творчества. Здѣсь онъ нашелъ вѣчно свѣжій и богатый матеріалъ. „Жаръ-птица“ представляетъ рядъ замѣчательно красивыхъ, яркихъ и сильныхъ пересказовъ народной ворожбы, былинъ, преданій и миѳологическихъ представленій, перешедшихъ отъ древнихъ славянъ къ русскому народу и вплетенныхъ въ его духовную жизнь. Книга раздѣляется на четыре отдѣла: „Ворожба“, „Зыби глубинныя“, „Живая вода“ и „Тѣни боговъ свѣтлоглазыхъ“. Большая часть этихъ произведеній народной фантазіи разбросана въ малодоступныхъ большой публикѣ спеціальныхъ изданіяхъ или помѣщена частью на скучныхъ страницахъ ученическихъ хрестоматій, — „Жаръ-птица“ закрѣпляетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ и въ увлекательной формѣ. „Народныя повѣрья, — говоритъ

Бальмонтъ въ стихотворномъ предисловіи, — неполныя страницы, — разрозненныя перья—отъ улетѣвшей птицы,—Она вотъ тутъ сидѣла—на камнѣ самоцвѣтномъ — и пѣла здѣсь такъ смѣло — о снѣ своемъ завѣтномъ.—Пропѣла, улетѣла—предъ взоромъ лишь зарницы,—лишь видишь—здѣсь блестѣла—воистину жаръ-птица". Пѣсни этой улетѣвшей птицы, очень красиво и оригинально изображенной на обложкѣ книги г. Сомовымъ, полны глубокимъ и задумчивымъ настроеніемъ, свойственнымъ русскому народному духу, столь ярко уловленному Пушкинымъ въ его дивномъ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ", въ началѣ его сказки „о Медвѣдихѣ съ малыми дѣтушками-медвѣжатушками" и въ его „Старицѣ-пророчицѣ". Свѣжестью, силой и непосредственностью народнаго чувства вѣетъ отъ пѣсенъ „Жаръ-птицы" г. Бальмонта. Особенно удались ему *Заговоры*. Въ „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова (Петербургъ 1841 г.), въ отдѣлѣ „русскаго народнаго чернокнижія", въ *Сказаніяхъ о кудесничествѣ* приведено 64 дословныхъ заговора на самые разнообразные случаи: отъ заговора отъ осы, лютой бѣды, бѣшеной собаки и зубной скорби—до заговора на остуду между молодцомъ и дѣвицей. Ими, повидимому, воспользовался г. Бальмонтъ, помѣстивъ у себя 20 заговоровъ съ почти дословнымъ соблюденіемъ подлинника. Подъ талантливой рукой его суевѣрный страхъ, горячая страсть, нѣжность и жадное упованіе на помощь таинственной силы, заключенные въ этихъ заговорахъ, пріобрѣтаютъ особую прелесть и выразительность. Вотъ, напримѣръ, у Сахарова, заговоръ на любовь красной дѣвицы: „Какъ на морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, есть бѣлъ-горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда черезъ всѣ пути, и дороги, и перепутья. Мечитесь, тоски. Киньтесь, тоски, бросьтесь, тоски, въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясныя очи, въ сахарныя уста, въ ретивое сердце, во все ея тѣло бѣлое, и во всю ея кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ ея жилы, и во всѣ составы, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, нигдѣ-бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась-бы, бросалась-бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери и пробыть безъ него ни единой минуты не могла. Думала-бъ объ немъ не задумала, спала не заспала, ѣла-бы не заѣла, пила-бъ не запила и не боялась-бы ничего, чтобы онъ казался ей милѣе свѣта бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасной" и т. д.

Этотъ заговоръ приводитъ и г. Бальмонтъ, называя его *заговоромъ на тридцать три тоски*. „Тамъ на морѣ Океанѣ—Тамъ на островѣ

Буянѣ,—Свѣтитъ Камень Алатырь,—А кругомъ и даль, и ширь.—На огнѣ тамъ есть доска,—На доскѣ лежитъ тоска,—Не одна тоска, смотри,—Не одна, а тридцать три.—И мечутся тоски,—И кидаются тоски,—И бросаются тоски,—Вдоль дороги, вдоль рѣки.—Черезъ всѣ пути-дороги,—Черезъ горы крутороги,—Перепутьемъ и путемъ,—Мчатся ночью, мчатся днемъ.—Дѣва смотритъ вдоль рѣки.—Вы мечитесь къ ней, тоски,—Къ Дѣвѣ киньтесь, вы, тоски,—Опрокиньтесь, вы, тоски,—Киньтесь въ очи, бросьтесь въ ликъ,—Чтобы міръ въ глазахъ поникъ,—И въ сахарныя уста,—Чтобъ страдала красота. Чтобы молодецъ былъ ей—Свѣта бѣлаго милѣй,—Чтобы Солнце ослѣпилъ,—Чтобы Мѣсяцемъ ей былъ.—Такъ, не помня ничего,—Чтобъ плясала для него,—Чтобъ кидалася она, и металася она,—И бросалася она,—И покорна, и нѣжна".—Не менѣе силенъ по своему содержанію варіантъ заговора на ту же тему, названный г. Бальмонтомъ *заговоромъ семи вѣтровъ*.

Въ немъ добрый молодецъ говоритъ семи вѣтрамъ:—„Вы подите, семь Вѣтровъ,—соберите съ блѣдныхъ вдовъ—всю ихъ жгучую тоску,—слезъ текучую рѣку,—за одинъ возьмите счетъ — всѣ тоски у всѣхъ сиротъ, — всѣ ихъ бросьте вы въ нее, сердце кто томитъ мое, — въ ней зажгитесь вдвое, втрое,—распалите ретивое, — кровь горячую пьяня,—чтобъ возжаждала меня, — чтобъ отъ этой жгучей жажды — разгорѣлась не однажды, — чтобы ей неможно быть,—безъ меня ни ѣсть, ни пить, — чтобъ скучала, замѣчала, — что дышать ей стало мало,—какъ горящимъ въ часъ бѣды,—или рыбѣ безъ воды,—чтобы бѣгала, искала, — страха Божія не знала, — не боялась ничего, — не стыдилась никого, — и въ уста бы цѣловала,—и руками обнимала,—и какъ вьется хмель средь дня,—такъ вилась бы вкругъ меня".

Рѣзкое отличіе отъ этихъ исполненныхъ нарастающей страсти заговоровъ добраго молодца г. Бальмонтъ даетъ опять, согласно Сахаровскому заговору отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткой, заговоръ матери, въ которомъ съ трогательной нѣжностью возносится заклинаніе объ охранѣ „ненаглядного" отъ всего сонмища злыхъ сказочныхъ существъ, которыми окружена жизнь и судьба русскаго человѣка; глубокимъ чувствомъ проникнута и мольба красной дѣвицы отъ призороковъ, недуговъ, злыхъ шептаній, намековъ, испуговъ, готовимыхъ врагами любимому человѣку. „Съ темной зарею — съ вечерней зарею—пусть онъ смѣется со мною одною—съ утренней мглою,—съ красной зарею—пусть онъ подольше помедлитъ со мною". Нельзя не отмѣтить посреди „глубинныхъ зыбей" г. Бальмонта превосходнаго Владимірскаго преданія навожденія и двухъ стихотвореній про горе, а также про загадку и трехъ сестеръ—Ласкавицу, Плясавицу и Летавицу, а въ третьемъ отдѣлѣ книги—„Садко" и „Капля

крови". Не меньшими достоинствами отличаются и „Тѣни боговъ свѣтлоглазыхъ", среди которыхъ предъ читателемъ въ яркихъ образахъ и гармоническихъ стихахъ проходитъ вся славянская и старорусская миѳологія.

Было бы, однако, несправедливо сказать, что всѣ стихотворенія—особливо второй части—удачны и удобопонятны, несмотря на красивыя риѳмы. Къ такимъ относятся, напримѣръ, „Три неба", „Нѣжныя зори" и „Четыре источника".—Г. Бальмонтъ испилъ въ своей книгѣ—жадно и талантливо—отъ живой струи народной поэзіи; было бы чрезвычайно желательно, чтобы онъ продолжалъ работать въ этомъ направленіи, охраняя, разрабатывая и закрѣпляя со свойственнымъ ему вдохновеніемъ и талантомъ поэтическіе образы народнаго творчества, на которыхъ отдыхаетъ душа отъ печальной и низменной повседневности.

Z.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1908 г.

Вопросъ о реформѣ избирательнаго права въ Пруссіи. — Отвѣтъ князя Бюлова. — Уличныя демонстраціи и партійныя пререканія. — Рѣчи въ имперскомъ сеймѣ. — Неудачный проектъ противъ польскаго землевладѣнія. — Особенности Бюлова какъ государственнаго человѣка. — Мнимая реакція въ Германіи. — Австрійскія дѣла. — Португальская катастрофа.

Передовыя прогрессивныя партіи въ Пруссіи вышли наконецъ изъ состоянія созерцательнаго бездѣйствія и стали обнаруживать признаки жизни; безплодные внутренніе раздоры между различными группами лѣвыхъ затихли на время, и соціалъ-демократія заодно съ свободомыслящею буржуазіею рѣшилась открыто выступить съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права. Необходимое фактическое сближеніе свободомыслящихъ съ соціалъ-демократами было достигнуто само собою, помимо участія и желанія вождей, единственно лишь благодаря прямолинейной реакціонной политикѣ правительства. Такъ-называемый „блокъ" либераловъ съ консерваторами не только не принесъ никакой пользы оппозиціи, но скомпрометировалъ ее предъ общественнымъ мнѣніемъ и послужилъ матеріаломъ для насмѣшекъ; князь Бюловъ ясно давалъ понять, что готовъ пользоваться услугами прогрессистовъ въ борьбѣ противъ католическаго центра, но не намѣренъ дѣлать имъ какія-либо уступки въ области либеральныхъ реформъ. Единственный новый законопроектъ, внесенный правительствомъ,—противъ польскаго землевладѣнія, — явился рѣзкимъ отрицаніемъ либерализма и прямымъ вызовомъ по адресу оппозиціи; общество и печать единодушно пришли къ убѣжденію, что настала пора поднять коренной вопросъ прусской политической жизни — вопросъ объ избирательной реформѣ. Соціалъ-демократы организовали съ этою цѣлью многочисленныя публичныя собранія въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ; партія свободомыслящихъ дѣйствовала главнымъ образомъ въ печати и въ парламентѣ.

Въ прусскую палату депутатовъ было внесено „свободомыслящими" предложеніе слѣдующаго содержанія: „просить королевское правительство, еще въ настоящую сессію, представить законопроектъ, которымъ: 1) для выборовъ въ палату депутатовъ было бы введено всеобщее, равное и прямое избирательное право съ тайною подачею

голосовъ, при надлежащемъ измѣненіи соотвѣтственныхъ статей прусскаго конституціоннаго акта; и 2) одновременно съ этимъ, на основаніи предварительныхъ результатовъ народной переписи 1 декабря 1905 года и согласно правиламъ закона 27 іюня 1860 года, установлено было бы новое распредѣленіе избирательныхъ участковъ для выборовъ въ палату депутатовъ и вновь опредѣлено было бы общее число народныхъ представителей". Обсужденіе этого запроса или ходатайства было назначено на 10 января (нов. ст.). Палата депутатовъ имѣла въ этотъ день необычный видъ; толпы народа на прилегающихъ улицахъ невольно поднимали настроеніе внутри парламента; трибуны и хоры были переполнены. Мотивировку предложенія взялъ на себя старѣйшій представитель свободомыслящихъ фракцій, 78-лѣтній Альбертъ Трегеръ; онъ подробно изложилъ всѣ недостатки прусской избирательной системы, которая фактически лишаетъ малоимущіе классы возможности пользоваться политическими правами и предоставляетъ все болѣе возрастающія преимущества сельскимъ округамъ предъ городскими. Бисмаркъ однажды назвалъ эту прусскую систему самою жалкою и нелѣпою изъ всѣхъ избирательныхъ системъ, и пока депутатъ Трегеръ говорилъ объ ея общеизвѣстныхъ вопіющихъ особенностяхъ, консерваторы слушали его безъ протеста; но они тотчасъ начали возражать и шумѣть, когда рѣчь зашла о введеніи всеобщаго, прямого и тайнаго голосованія. Имперскій канцлеръ и прусскій министръ-президентъ, князь Бюловъ, высказался рѣшительно противъ предложенія, но обставилъ свой отвѣтъ туманными дипломатическими фразами, которыя должны были отчасти позолотить поднесенную либераламъ пилюлю. „Со стороны королевскаго правительства—заявилъ онъ—еще теперь, какъ и раньше въ теченіе продолжительнаго времени, обсуждается вопросъ, какъ устранить несомнѣнные недостатки существующаго избирательнаго права. Достижимо ли это въ предѣлахъ существующихъ законовъ или только путемъ коренного ихъ измѣненія,—остается еще неяснымъ. Но уже теперь можно утверждать, что перенесеніе имперскаго избирательнаго права на Пруссію не соотвѣтствовало бы благу государства и потому должно быть отклонено. Я не могу также обѣщать замѣну открытаго голосованія тайнымъ. Всякая здравая реформа прусскаго избирательнаго права должна будетъ поддержать и обезпечить вліяніе широкихъ слоевъ средняго класса на результаты выборовъ, равно какъ и имѣть въ виду справедливое опредѣленіе относительнаго вѣса избирательныхъ голосовъ. Поэтому надо обсудить, можно ли достигнуть этой цѣли только на основѣ количества податныхъ платежей или же — и въ какой мѣрѣ — могутъ быть цѣлесообразно установлены степени избирательнаго права по другимъ признакамъ, какъ возрастъ, имущество, образованіе и т. п. Когда

королевское правительство найдетъ твердую почву для такого преобразованія, — чтò однако не предполагается въ теченіе настоящей сессіи,—внесенъ будетъ въ палату соотвѣтственный законопроектъ".

Этотъ категорическій отрицательный отвѣтъ министра-президента поразилъ даже самыхъ скромныхъ дѣятелей оппозиціи; никто не ожидалъ, что унаслѣдованный отъ Бисмарка принципъ имперскаго избирательнаго права будетъ такъ высокомѣрно и безцеремонно отвергнутъ правительствомъ въ примѣненіи къ Пруссіи. Давно назрѣвшая и всѣми признанная потребность коренной избирательной реформы оказалась въ устахъ Бюлова чѣмъ-то весьма сомнительнымъ и неважнымъ, требующимъ лишь частичныхъ поправокъ и обсужденій; но и эти оговорки не понравились консерваторамъ и были, по ихъ мнѣнію, совершенно излишни. Депутатъ фонъ-Малькевицъ, отъ имени консервативныхъ группъ, отрицалъ вообще необходимость какихъ бы то ни было измѣненій въ прусской избирательной системѣ; существующій порядокъ, по его словамъ, превосходно охраняетъ всѣ законные интересы, и нѣтъ надобности придумывать и обсуждать тѣ нововведенія, о которыхъ говоритъ министръ-президентъ. Націоналъ-либералы, въ лицѣ депутата Краузе, отнеслись вообще одобрительно къ заявленіямъ князя Бюлова, хотя и признавали несостоятельность прусскихъ избирательныхъ порядковъ и совѣтовали измѣнить распредѣленіе избирательныхъ округовъ сообразно измѣнившемуся составу и количеству населенія въ разныхъ мѣстностяхъ монархіи. Впрочемъ, послѣ декларации правительства, парламентскія пренія были уже безцѣльны, и выступавшіе поочередно ораторы различныхъ партій не прибавили ничего новаго къ общеизвѣстнымъ аргументамъ за и противъ избирательной реформы.

Выдающихся ораторовъ нѣтъ теперь ни въ прусской палатѣ депутатовъ, ни въ имперскомъ сеймѣ; нѣтъ людей, способныхъ давать тонъ общественному мнѣнію и вызывать подъемъ настроенія въ народныхъ массахъ. Оппозиція вяло выражаетъ свои пожеланія и робко жалуется на судьбу, воплощаемую для нея торжествующею реакціею; соціалъ-демократія сохраняетъ вліяніе на умы и поступки рабочаго класса скорѣе силою своей партійной организаціи, чѣмъ рѣчами и заявленіями своихъ вождей, и она до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться отъ традиціонной тактики борьбы противъ „буржуазныхъ" демократическихъ партій, съ которыми должно было бы сближать ее единство ближайшихъ политическихъ цѣлей. Казалось, что предводители соціалъ-демократіи рѣшили дѣйствовать заодно съ прогрессистами въ вопросѣ о прусской избирательной реформѣ; но иллюзія молчаливаго соглашенія продолжалась недолго, и обѣ стороны поспѣшили сильнѣе прежняго подчеркнуть свою непримиримую взаимную рознь,—

какъ бы нарочно для того, чтобы облегчить задачу правительства. Соціалъ-демократы устроили народныя демонстраціи на улицахъ Берлина для поддержанія и пропаганды идеи объ избирательной реформѣ, подобно тому какъ это дѣлалось еще недавно рабочимъ классомъ въ Австріи и какъ это много разъ практиковалось въ подобныхъ случаяхъ въ Англіи; свободомыслящіе протестовали противъ перенесенія агитаціи на улицу, такъ какъ уличные безпорядки могли бы напугать буржуазію и дали бы реакціонерамъ удобное оружіе противъ оппозиціи; но соціалисты не считали нужнымъ обращать вниманіе на настроеніе мирныхъ прогрессистовъ, и послѣдствія оказались дѣйствительно печальными.

Въ воскресенье, 12 января, созвано было въ Берлинѣ восемь „митинговъ протеста"; собравшіеся направились потомъ къ центру города, чтобы выразить свои чувства въ трехъ пунктахъ—передъ королевскимъ дворцомъ, передъ зданіемъ палаты депутатовъ и передъ домомъ имперскаго канцлера. По приблизительному оффиціальному подсчету, всего участвовало въ манифестаціи около тридцати тысячъ человѣкъ; пѣшіе и конные отряды полиціи по возможности сдерживали толпу, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вынуждены были пустить въ дѣло холодное оружіе; войска до вечера держались на-готовѣ въ казармахъ. Пострадавшихъ при столкновеніяхъ съ полиціею было около сорока человѣкъ. Соціалъ-демократы заявляли въ своихъ газетахъ, что организованная ими демонстрація имѣла безусловный успѣхъ, что она представляетъ собою только начало массоваго движенія, предназначеннаго сломить упорство правительства, и что въ концѣ концовъ цѣль будетъ достигнута, благодаря энергіи и единодушію пролетаріата; съ своей стороны, передовая либеральная пресса рѣшительно осуждала необдуманное выступленіе соціалъ-демократіи, указывала на опасность полнаго разрыва ея съ прогрессистами и вновь подтверждала неизбѣжность побѣды реакціонныхъ партій надъ разрозненными элементами оппозиціи. Полемика между свободомыслящими и соціалъ-демократами разгорѣлась съ прежнею силою, и о совмѣстныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ для достиженія желаннаго результата нечего и думать.

Вопросъ о прусской избирательной реформѣ былъ перенесенъ въ имперскій сеймъ, причемъ на первый планъ выступаетъ уже соціалъ-демократическая партія. Правительству сдѣланъ былъ запросъ о томъ, „по какимъ основаніямъ имперскій канцлеръ, въ засѣданіи прусской палаты депутатовъ 10 января, объявилъ несогласнымъ съ государственною пользою примѣненіе имперскаго избирательнаго права къ одному изъ союзныхъ государствъ, и какъ относится канцлеръ къ тому обстоятельству, что по случаю созванныхъ 12 января въ Берлинѣ

соціалъ-демократическихъ народныхъ собраній для пропаганды этого имперскаго избирательнаго права приготовлены были въ казармахъ войска съ цѣлью возможнаго вооруженнаго вмѣшательства". Запросъ обсуждался въ имперскомъ сеймѣ 22 января; наканунѣ, 21-го числа, опять происходили въ Берлинѣ уличныя демонстраціи и кровавыя столкновенія, но уже не по поводу избирательнаго права, а по поводу безработицы. Отвѣтъ князя Бюлова на интерпелляцію былъ столь же кратокъ и категориченъ, какъ и данный имъ въ прусской палатѣ депутатовъ. „По первому пункту запроса — сказалъ онъ — я отказываюсь входить въ обсужденіе избирательной реформы для Пруссіи, такъ какъ этотъ предметъ касается внутреннихъ дѣлъ прусскаго государства и подлежитъ исключительной компетенціи прусскихъ законодательныхъ учрежденій. По второму пункту также не предстоитъ надобности отвѣчать по существу. Въ силу своихъ законныхъ полномочій берлинская полиція 12 января приняла необходимыя мѣры для предупрежденія безпорядковъ на улицахъ города; войска держались въ казармахъ по распоряженію военной власти, чтобы быть готовыми немедленно выступить по первому требованію для охраны законнаго порядка". Канцлеръ не ограничился, однако, этимъ формальнымъ отвѣтомъ и заговорилъ также о происходившихъ наканунѣ уличныхъ демонстраціяхъ, хотя послѣднія не имѣли никакой связи съ предметомъ запроса. „Вчера опять дѣло дошло до столкновеній между собравшейся толпой и полиціей,—продолжалъ князь Бюловъ.—При этомъ опять пришлось употребить оружіе. Въ виду такихъ происшествій я чувствую потребность съ этого мѣста, какъ имперскій канцлеръ, независимо отъ предъявленной мнѣ интерпелляціи, обратиться къ странѣ съ словомъ серьезнаго предостереженія. Политика вынесена на улицу. Партіи не нуждаются въ уличныхъ сборищахъ, чтобы заставить выслушать свой голосъ. Улица принадлежитъ общему свободному пользованію. Это есть законъ общественнаго порядка. Каждый гражданинъ обязанъ уважать и соблюдать этотъ законъ. Правительственныя власти уполномочены обезпечить и въ случаѣ надобности вынудить соблюденіе этого закона. Всякая попытка нарушить общественный порядокъ будетъ и должна быть отвергнута. Мы не потерпимъ, чтобы агитаторы претендовали на господство на улицахъ. Было бы роковой ошибкой думать, что демонстраціи введенной въ заблужденіе массы могли вынудить что-нибудь у правительства, проникнутаго сознаніемъ своего долга. Этого никогда и нигдѣ не будетъ въ Германіи. Я увѣренъ, что всѣ обывательскія партіи единодушно осудятъ и отвергнутъ это опасное безчинство. Соціалъ-демократическая партія своею демонстраціей 12 января вступила на скользкій путь. Совѣтую соціалъ-демократамъ не идти дальше по этому пути, и я обращаюсь особенно

къ рабочему населенію съ серьезнымъ, идущимъ отъ доброжелательнаго сердца предостереженіемъ. Я лучше забочусь о рабочихъ, чѣмъ вы, соціалъ-демократы. Я серьезно предостерегаю рабочее населеніе, чтобы оно не давало себя отвлечь отъ пути законности и порядка и не подвергало себя риску ради партійныхъ фанатиковъ и подстрекателей. Послѣдствія падутъ не на правительство, не на органы власти, а на зачинщиковъ и соблазнителей!"

Рѣчь канцлера постоянно прерывалась шумными протестами соціалъ-демократовъ и громкими одобрительными возгласами и рукоплесканіями консерваторовъ; прогрессисты большею частью сохраняли сдержанность при общемъ возбужденіи палаты. Борьба происходила специально между небольшою группою соціалъ-демократовъ, отъ имени которыхъ сдѣланъ былъ запросъ, и консервативно-либеральнымъ большинствомъ, выражавшимъ свое сочувствіе правительству; это настроеніе партій въ имперскомъ сеймѣ позволяло князю Бюлову говорить въ томъ угрожающемъ тонѣ, въ какомъ вообще не принято обращаться къ оппозиціи. Этотъ тонъ относился специально къ противникамъ, лишеннымъ поддержки другихъ оппозиціонныхъ группъ и причисляемымъ обыкновенно къ врагамъ государства. Таковъ былъ первый наглядный результатъ отдѣленія соціалъ-демократіи отъ буржуазныхъ демократическихъ партій въ вопросѣ объ избирательной реформѣ. Правительство воспользовалось этимъ разбродомъ оппозиціи и направило всѣ свои удары противъ той ея части, которая упорно желаетъ вести борьбу одновременно на два фронта—съ органами государственной власти и съ либеральной буржуазіей. Тѣмъ не менѣе, свободомыслящіе оставались вѣрными своимъ идеямъ и высказывались противъ правительства въ имперскомъ сеймѣ при обсужденіи запроса 22 января. Когда депутатъ Зингеръ, отъ имени соціалъ-демократіи, потребовалъ обсужденія запроса, то онъ былъ поддержанъ при этомъ свободомыслящими, поляками и частью центра. Имперскій канцлеръ, министры и всѣ представители союзныхъ правительствъ покинули тогда залъ засѣданій, въ видѣ протеста.

Послѣдовавшія затѣмъ пренія не представляли большого интереса. Соціалъ-демократы выпустили почему-то въ качествѣ оратора одного изъ второстепенныхъ и малоизвѣстныхъ своихъ дѣятелей, депутата Фишера, который своею двухчасовою рѣчью только утомилъ собраніе и навелъ скуку на слушателей. Нѣкоторыя замѣчанія Фишера были, впрочемъ, удачны и остроумны; такъ, онъ напомнилъ, что политика вынесена была на улицу еще въ февралѣ прошлаго года, когда канцлеръ Бюловъ ночью произнесъ рѣчь передъ собравшеюся уличною толпою, и самъ императоръ говорилъ, обращаясь къ той же толпѣ, съ балкона своего дворца. Канцлеръ въ своемъ отвѣтѣ благоразумно

умолчалъ именно о томъ, о чемъ его прежде всего спрашивали,—о законныхъ мотивахъ высказаннаго имъ въ прусскомъ парламентѣ пренебрежительнаго отзыва объ имперскомъ избирательномъ правѣ. Если онъ внѣ имперскаго сейма осуждаетъ основы имперской конституціи, то онъ отвѣтственъ за это предъ имперскимъ сеймомъ, ибо это несовмѣстимо съ должностью канцлера. Благо государства, на которое ссылается канцлеръ,—продолжалъ депутатъ Фишеръ,—есть не что иное, какъ благо прусскаго юнкерства, этой политически отсталой и хозяйственно отжившей касты, привыкшей существовать на счетъ народа и требующей для себя безраздѣльнаго господства въ государствѣ. Южно-германскія страны, входящія въ составъ имперіи, пользуются всеобщимъ избирательнымъ правомъ и смотрятъ на это право какъ на основу своего конституціоннаго строя; какъ же должны отнестись правительства этихъ странъ къ оскорбительнымъ для нихъ словамъ имперскаго канцлера? Выступая въ защиту трехклассной избирательной системы и говоря о какихъ-то ступеняхъ ибирательнаго права, князь Бюловъ забываетъ, что при этой системѣ прусскій министръ-президентъ долженъ подавать свой голосъ въ третьемъ классѣ, а хозяинъ кафè Кекъ—въ первомъ; въ Альтонѣ президентъ полиціи подаетъ голосъ въ третьемъ разрядѣ, а содержатели непотребныхъ заведеній—въ первомъ. Въ силу этой системы партія, собравшая на выборахъ болѣе трехсотъ тысячъ голосовъ, не имѣетъ ни одного представителя въ прусской палатѣ, тогда какъ консерваторы, располагающіе почти одинаковымъ количествомъ голосовъ, имѣютъ 140 депутатовъ. По мнѣнію оратора, рабочему классу ничего другого не остается, какъ возставать противъ этой вопіющей несправедливости путемъ внушительныхъ демонстрацій; что же касается свободомыслящихъ, то своею пассивностью и смиреніемъ они уничтожаютъ свое право на самостоятельное политическое существованіе. Неумѣстныя враждебныя выходки противъ прогрессистовъ могли только повредить аргументаціи соціалъ-демократическаго депутата, но онѣ должны были ярче подчеркнуть предполагаемую рѣшимость пролетаріата довести борьбу до конца даже безъ буржуазныхъ союзниковъ. Депутату Фишеру отвѣчалъ консерваторъ Кретъ, который обрушился на соціалъ-демократію и требовалъ безпощаднаго прекращенія всякихъ уличныхъ волненій при помощи вооруженной силы; націоналъ-либералъ Бассерманъ поддерживалъ точку зрѣнія канцлера и доказывалъ вредъ и опасность массовыхъ демонстрацій. Графъ Гомпешъ отъ имени партіи центра заявилъ, что всеобщее избирательное право должно неизбѣжно существовать въ странѣ, гдѣ существуютъ всеобщее обязательное школьное обученіе, всеобщая воинская повинность и всеобщая обязанность уплаты податей. Депутатъ Трегеръ оправдывалъ

свободомыслящихъ отъ соціалъ-демократическихъ обвиненій и вновь излагалъ взгляды, которые онъ отстаивалъ въ прусской палатѣ. По словамъ депутата Шрадера, довѣріе къ политикѣ канцлера совершенно подорвано въ народныхъ массахъ вызывающимъ поведеніемъ князя Бюлова въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ, и самые умѣренные и спокойные люди изъ среды прогрессистовъ должны признавать требованія рабочихъ по существу справедливыми. Депутатъ фонъ-Пайеръ сообщилъ о томъ раздраженіи, какое возбудили заявленія имперскаго канцлера въ южной Германіи; подобные случаи особенно даютъ чувствовать нѣмцамъ крайнее неудобство исключительной зависимости имперской политики отъ Пруссіи.

Пренія закончились сами собою, безъ какого-либо опредѣленнаго результата; палата отказалась продолжать обсужденіе запроса въ ближайшемъ засѣданіи. Большинство было на сторонѣ правительства; но общее впечатлѣніе не могло считаться благопріятнымъ для князя Бюлова уже потому, что оппозиціонныя рѣчи были несравненно сильнѣе и убѣдительнѣе консервативныхъ и что по адресу канцлера было высказано при этомъ много горькихъ истинъ, которыя остались съ его стороны безъ отвѣта. Въ Пруссіи и Германіи все болѣе распространяется убѣжденіе, что Бюловъ—не государственный человѣкъ, а гибкій, поверхностный дипломатъ, скрывающій безсодержательность и бѣдность своего политическаго багажа подъ ловкими оборотами рѣчи; онъ говоритъ очень гладко и иногда даже красиво, но невольно кажется, что онъ можетъ съ одинаковою увѣренностью высказывать прямо противоположные взгляды и что сущность того или другого мнѣнія для него совершенно безразлична. Онъ не ставитъ себѣ никакихъ общихъ политическихъ цѣлей, не утруждаетъ себя мыслями о будущемъ, а довольствуется преимуществами и интересами настоящаго момента. Если нужно быть либераломъ, онъ будетъ либеральнѣе любого прогрессиста и не остановится предъ самыми широкими перспективами, подкрѣпляя свои мечты подходящими цитатами изъ любимыхъ или популярныхъ писателей; если понадобится быть консерваторомъ или реакціонеромъ, онъ смѣло перещеголяетъ всякаго юнкера и далеко оставитъ за собою желѣзнаго канцлера въ своихъ рѣшительныхъ агрессивныхъ заявленіяхъ. Еще при Бисмаркѣ коренная реформа устарѣлой избирательной системы въ Пруссіи считалась только вопросомъ времени, а при новѣйшемъ культурномъ ростѣ нѣмецкихъ трудящихся классовъ отрицаніе или искусственное умаленіе ихъ политическихъ правъ представляетъ уже явную аномалію, которая не можетъ держаться долго; борьба противъ демократіи на этой почвѣ должна быть признана не только несправедливою, но и вполнѣ безнадежною, безцѣльною и опасною для государства. Мирное развитіе

внутренней государственной жизни немыслимо при возростающемъ политическомъ антагонизмѣ между разными классами населенія, а этотъ антагонизмъ облекается въ самыя уродливыя формы при установленіи законнаго господства богатыхъ надъ малоимущими при помощи соотвѣтственнаго избирательнаго закона. Нѣмецкій рабочій классъ давно уже выросъ изъ того состоянія, при которомъ онъ могъ мириться съ своимъ политическимъ безправіемъ, и государственная власть, которая при Бисмаркѣ употребляла большія усилія къ тому, чтобы привязать къ себѣ рабочее населеніе посредствомъ широкихъ соціальныхъ реформъ, не имѣетъ теперь, конечно, никакого разсчета въ томъ, чтобы отталкивать отъ себя рабочихъ категорическимъ отказомъ въ ихъ политическихъ правахъ. Если одни и тѣ же прусскіе граждане пользуются всѣми избирательными правами въ имперіи и лишены такого же равноправія въ Пруссіи, то эта наглядная несообразность должна рано или поздно исчезнуть, уступивъ мѣсто какому-нибудь одному общему принципу; а такъ какъ нельзя отнять у людей принадлежащія имъ права, то придется поневолѣ, въ интересахъ единства и послѣдовательности, распространить имперское избирательное право на Пруссію. Очевидно, твердый и угрожающій тонъ князя Бюлова не имѣетъ подъ собою никакой разумной основы, и этотъ тонъ едва-ли въ состояніи измѣнить направленіе внутренней политической исторіи прусскаго государства.

Столь же твердою по тону, но слабою и безпринципною по содержанію является политика князя Бюлова по польскому вопросу. Предложенный имъ законопроектъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель для усиленія нѣмецкаго элемента въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи встрѣтилъ энергическія возраженія среди консерваторовъ, аграріевъ и націоналъ-либераловъ, несмотря на принципіальную готовность этихъ партій пожертвовать поляками во имя нѣмецкаго національзма; возраженія были настолько сильны и единодушны, что весь проектъ едва не провалился въ парламентской коммиссіи, и правительство вынуждено было сдѣлать цѣлый рядъ существенныхъ уступокъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ формальный успѣхъ своего предложенія въ прусской палатѣ депутатовъ. Нѣмецкіе патріоты не могли не понимать, что принципъ принудительнаго отчужденія, разъ введенный въ законодательство ради общихъ національно-патріотическихъ цѣлей, составляетъ обоюдоострое оружіе, которымъ не преминутъ воспользоваться въ будущемъ другія партіи и противъ другихъ формъ частной поземельной собственности. Какъ установить заранѣе, что этотъ принципъ можетъ примѣняться един-

ственно и исключительно противъ польскаго, а никакъ не противъ прусско-нѣмецкаго дворянскаго землевладѣнія? Гдѣ гарантія въ томъ, что принудительное отчужденіе не будетъ пущено въ ходъ противъ обширныхъ аристократическихъ помѣстій въ видахъ устраненія земельной тѣсноты для крестьянъ? Если „священный" принципъ наслѣдственной собственности отрицается по отношенію къ польскимъ землевладѣльцамъ, то нѣтъ возможности избѣгнуть этого отрицанія и по отношенію къ другимъ категоріямъ привилегированнаго землевладѣнія, и такимъ образомъ открывается прямой путь къ новому поземельному законодательству, которое несомнѣнно входитъ въ программу соціалистовъ и вовсе, разумѣется, не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ прусскихъ консерваторовъ и князя Бюлова. Канцлеръ и на этотъ разъ увлекся задачей даннаго момента, не думая о послѣдствіяхъ, и онъ былъ противъ воли остановленъ своими собственными союзниками и приверженцами; послѣ долгихъ закулисныхъ переговоровъ состоялся компромиссъ, въ силу котораго переработанный законопроектъ былъ принятъ палатою депутатовъ въ засѣданіи 16 января, большинствомъ 198 противъ 119 голосовъ. Право принудительнаго отчужденія обставлено разными ограничительными оговорками и примѣняется лишь къ пространству въ 70 тысячъ гектаровъ; значительно сокращены также денежные фонды, предоставленные въ распоряженіе поселенческой коммиссіи. Гдѣ, въ какомъ округѣ и относительно какихъ именно владѣльцевъ будетъ произведена экспропріація, — это остается неизвѣстнымъ, и вопросъ всецѣло зависитъ отъ соображеній упомянутой правительственной коммиссіи; но сама эта неизвѣстность ложится тяжелымъ гнетомъ на все польское землевладѣніе восточно-прусскихъ областей и должна заранѣе располагать заинтересованныхъ лицъ къ уступчивости для избѣжанія принудительныхъ мѣръ.

Князь Бюловъ поставленъ былъ въ довольно трудное положеніе при защитѣ своего проекта въ прусской палатѣ депутатовъ, и особенно въ палатѣ господъ; ему приходилось доказывать, что онъ неповиненъ въ посягательствѣ на священный принципъ собственности и что онъ не думаетъ также отнимать какія-либо права у прусскихъ гражданъ польскаго происхожденія. Въ палатѣ господъ, при обсужденіи законопроекта въ засѣданіи 30 января, почти всѣ ораторы оказались проникнутыми оппозиціоннымъ духомъ; всѣ болѣе или менѣе рѣшительно и ядовито возражали противъ нарушенія тѣхъ основъ, на которыхъ держится прусскій общественной строй, воплощаемый палатою господъ, и князь Бюловъ долженъ былъ придумывать разныя сочетанія патріотическихъ фразъ, чтобы избавить себя отъ щекотливыхъ обвиненій и упрековъ. Онъ ссылался на то, что дѣло идетъ о сохраненіи двухъ провинцій для Пруссіи, и что имѣется въ виду

усиленіе нѣмецкаго элемента, а не вытѣсненіе поляковъ; онъ лично ничего не имѣетъ противъ польскихъ обывателей и, напротивъ, считаетъ ихъ способными быть очень полезными прусскими гражданами, если только они будутъ чувствовать себя принадлежащими, безъ задней мысли, къ составу прусскаго государства. А для того, чтобы они это чувствовали, имъ дается урокъ въ видѣ исключительной мѣры, рѣзко отдѣляющей прусскихъ поляковъ отъ полноправныхъ обывателей Пруссіи. Фразеологія канцлера не имѣла никакого успѣха въ палатѣ господъ; она казалась по временамъ ужъ слишкомъ неправдоподобною и старательно обходила именно тѣ пункты, которые наиболѣе нуждались бы въ искреннемъ поясненіи. Потребовались необычныя для верхней палаты продолжительныя и горячія пренія, чтобы передать проектъ на разсмотрѣніе коммиссіи изъ двадцати-пяти членовъ; и очень можетъ быть, что злополучный проектъ подвергнется еще дальнѣйшимъ передѣлкамъ и потеряетъ даже ту долю практическаго значенія, какая за нимъ осталась послѣ переработки въ палатѣ депутатовъ. Въ результатѣ князь Бюловъ, оттолкнувшій отъ себя прогрессистовъ и значительную часть либераловъ, рискуетъ теперь подорвать свой авторитетъ и популярность въ рядахъ консервативныхъ и реакціонныхъ партій.

Говорятъ, что князь Бюловъ служитъ только выразителемъ реакціи, господствующей будто бы вообще въ Пруссіи и Германіи; но вѣрнѣе будетъ сказать, что его политика—не реакціонная, а просто плохая политика. Реакція не обязана быть непремѣнно легкомысленною или глупою; напротивъ, она бываетъ иногда умною и цѣлесообразною, какъ это весьма убѣдительно доказалъ Бисмаркъ въ свое время. Прусское правительство въ нынѣшнемъ его составѣ питаетъ нѣкоторую слабость къ консервативнымъ и реакціоннымъ элементамъ нѣмецкаго общества; но это еще не значитъ, что въ странѣ господствуетъ реакція. Къ симптомамъ реакціи относятъ нерѣдко даже такіе случаи, которые не имѣютъ съ нею ничего общаго,—какъ, напримѣръ, недавній вторичный процессъ противъ Максимиліана Гардена, возбужденный по иниціативѣ прокурорской власти и окончившійся обвинительнымъ приговоромъ. Дѣло Гардена имѣло, правда, большое значеніе для прусской придворной аристократіи; но при разбирательствѣ въ уголовной палатѣ выяснилось, что данныя, послужившія матеріаломъ для разоблаченій Гардена, заключались только въ фантастическихъ показаніяхъ истерической женщины, и что въ сущности Гарденъ напрасно бросилъ тѣнь на интимную жизнь отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ, по его мнѣнію, къ составу такъ-называемой камарильи. Быть можетъ, судъ поступилъ слишкомъ сурово, признавъ Гардена виновнымъ въ клеветѣ и присудивъ его къ четыремъ мѣсяцамъ

тюремнаго заключенія; но и Гарденъ не пощадилъ тѣхъ, которые были имъ обвинены печатно безъ достаточныхъ основаній. Трудно предположить, чтобы прусскій судъ подчинялся посторонним политическимъ внушеніямъ и приговоръ по дѣлу Гардена могъ состояться помимо какой бы то ни было реакціи. Въ Германіи нѣтъ той атмосферы, въ которой могла бы свободно процвѣтать и дѣйствовать реакція въ обычномъ смыслѣ этого слова; нѣтъ тамъ исключительныхъ положеній, нѣтъ почвы для произвола, и закономѣрность не превратилась тамъ въ пустой звукъ, а дѣйствительно служитъ реальною основою всей внутренней жизни страны и народа. Реакціонное или консервативное направленіе зависитъ тамъ прежде всего отъ самого общества, отъ народнаго представительства и отъ общественнаго мнѣнія; оно не навязывается и не можетъ быть навязано націи принудительно, по односторонней волѣ отдѣльныхъ правительственныхъ дѣятелей. Но политика, проводимая княземъ Бюловомъ, отличается странною неустойчивостью, неопредѣленностью и какою-то внутреннею безцѣльностью, и органическіе недостатки ея не могутъ быть приписаны вліянію реакціи.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь, сдѣлалъ въ коммиссіи венгерской делегаціи, 27 января, обычный годичный обзоръ международнаго положенія и внѣшней политики монархіи. Говоря о балканскихъ государствахъ, онъ указалъ на естественную „миссію австрійской имперіи—способствовать хозяйственному и вообще культурному пріобщенію этихъ странъ къ старымъ культурнымъ націямъ“ и прежде всего, конечно, къ самой Австро-Венгріи. Реформы въ Македоніи осторожно подвигаются впередъ, подъ наблюденіемъ двухъ дружественныхъ державъ, и одновременно съ этимъ свирѣпствуетъ въ странѣ истребительная борьба враждебныхъ между собою народностей, при восточной пассивности и нерѣдко также скрытомъ участіи турокъ; положеніе македонскаго вопроса не выходитъ такимъ образомъ изъ заколдованнаго круга, но—заключаетъ министръ—обѣ державы, Австрія и Россія, „твердо рѣшились, вопреки всѣмъ препятствіямъ, слѣдовать по прежнему пути, ибо только благодаря этой методѣ удалось предупредить болѣе крупныя опасности для мира на Балканахъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ“. Въ концѣ своей длинной рѣчи объ отношеніяхъ къ разнымъ другимъ государствамъ и дѣламъ Европы баронъ Эренталь сообщаетъ объ обширномъ планѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, которымъ предстоитъ окончательно утвердить австрійское владычество надъ значительною частью Балканскаго полуострова; онъ откровенно говоритъ о земляхъ

и областяхъ этого полуострова, какъ о законномъ поприщѣ руководящей культурно-политической дѣятельности Австро-Венгріи. О Россіи вовсе не упоминается при этомъ, какъ будто никакого отношенія къ Балканамъ она не имѣетъ; о ней говорится лишь при обзорѣ смѣхотворныхъ попытокъ осуществленія македонской программы турецкихъ реформъ. Балканы принадлежатъ Австріи, — таковъ теперь лозунгъ восточной политики вѣнскаго кабинета, и баронъ Эренталь призналъ своевременнымъ возвѣстить эту истину всѣмъ заинтересованнымъ державамъ. А русская дипломатія будетъ попрежнему помогать австрійцамъ и туркамъ „умиротворять" Македонію и вводить въ ней реформы, для облегченія исторической миссіи Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ; въ то же время у насъ будетъ серьезно обсуждаться вопросъ о затратѣ сотенъ милліоновъ рублей для созданія новаго военнаго флота по старой системѣ, для будущихъ подвиговъ въ Тихомъ океанѣ...

Въ Португаліи неожиданно погибъ король Карлъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ и наслѣдникомъ, при проѣздѣ по улицамъ Лиссабона, 1 февраля (нов. ст.); личности убійцъ пока еще не установлены, но нѣтъ сомнѣнія, что катастрофа произошла по политическимъ причинамъ и имѣетъ связь съ странными реакціонными затѣями нѣкоторыхъ придворныхъ фаворитовъ, во главѣ которыхъ стоялъ министръ-президентъ Франко, присвоившій себѣ роль фактическаго диктатора Португаліи. Почему жертвами этихъ реакціонныхъ фантазеровъ сдѣлались несчастный король и его сынъ — остается неяснымъ; по обыкновенію, и на этотъ разъ съумѣли остаться въ сторонѣ истинные виновники тяжелаго кризиса, навязаннаго странѣ безъ всякаго смысла и повода, въ угоду какому-то ничтожному кружку мелкихъ честолюбцевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptmann. „Kaiser Karls Geisel". 1908 (Berlin, Verl. S. Fischer).

Новая пьеса Гауптмана носитъ названіе „Заложница Карла Великаго" („Kaiser Karls Geisel"). Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ драматическихъ произведеній въ послѣдніе годы, Гауптманъ теперь явился передъ публикой снова въ полномъ расцвѣтѣ таланта. „Заложница Карла Великаго" по своему содержанію ближе всего къ „Потонувшему колоколу". Гауптманъ всегда ищетъ новыхъ путей, создавая то остро-индивидуалистическія драмы, то драмы толпы, въ которыхъ каждое лицо воплощаетъ только одинъ мелькающій моментъ общей жизни. Онъ былъ вначалѣ послѣдовательнымъ натуралистомъ, доводившимъ заботу о полной слитности художественныхъ цѣлей съ правдой жизни до чрезвычайно тщательной разработки разныхъ мѣстныхъ германскихъ нарѣчій. А на ряду съ послѣдовательнымъ натурализмомъ Гауптманъ былъ символистомъ въ своихъ сказочныхъ драмахъ, и писалъ также чисто-психологическія драмы среды, затѣмъ—историческія драмы; попыткой исторической хроники былъ его „Флоріанъ Гайеръ". Каждая пьеса расширяетъ область его умѣнья, въ каждой онъ ставитъ себѣ новую задачу какъ по внутреннему содержанію, такъ и по внѣшнимъ рамкамъ. Но рѣшаетъ онъ эти задачи не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

„Заложница Карла Великаго"—тоже новый экспериментъ, и въ поэтическомъ смыслѣ удачный. По личности героя и по мѣсту дѣйствія (дворъ Карла Великаго въ Аахенѣ) это должна была быть историческая пьеса. Но самый сюжетъ и психологія Карла въ драмѣ таковы, что строго-историческій элементъ уступаетъ мѣсто легендарному. Въ „Флоріанѣ Гайерѣ" Гауптманъ хотѣлъ возсоздать дѣйствительную историческую правду, охарактеризовать извѣстную эпоху въ томъ свѣтѣ, который ему казался наиболѣе вѣрно передающимъ смыслъ и самую жизнь далекой эпохи. Совсѣмъ другое—въ новой драмѣ Гауптмана. Драмѣ предшествуетъ выноска изъ одной итальянской легенды XII-го вѣка, гдѣ говорится о любви престарѣлаго, но еще могучаго императора къ соблазнившей его молодой иноземкѣ и о томъ, какъ страсть отуманила душу стараго короля и отвлекла его отъ служенія государству.

Уже изъ этого видно, что Гауптманъ предпочелъ легенду исторіи и изобразилъ психологію первобытно-могучаго и первобытно-грубаго древняго франка, нереломленную въ поэтическомъ пониманіи ранняго Возрожденія. Если искать въ драмѣ Гауптмана историческаго Карла Великаго, то его трудно усмотрѣть въ философски настроенномъ героѣ съ его тоской и съ его сложной любовью. Столь же не-историчны окружающіе короля: фанатикъ канцлеръ, схоластикъ Алькуинъ, изображенный въ видѣ язычника-эпикурейца, мудро снисходительнаго къ слабостямъ людей, нѣчто вродѣ Анатоля Франса, очутившагося среди франковъ IX-го вѣка—во всемъ этомъ не только мало историческаго, но много противорѣчащаго исторіи.

Но не въ историчности цѣль автора. Онъ беретъ историческую легенду, т.-е. творчество смѣняющихся поколѣній, воображеніе которыхъ захвачено образами излюбленныхъ народныхъ героевъ. Почитая ихъ, они приписываютъ имъ свою психологію, и легенда становится болѣе характерной для творящихъ ее, чѣмъ для героевъ ея. Именно въ этомъ сліяніи двухъ психологій, въ наслоеніи нѣсколькихъ міропониманій и заключается поэзія исторической легенды. Гауптманъ сознательно предпочелъ легенду — и легенду ранняго Возрожденія — чисто историческимъ даннымъ, каковыхъ держался, напр., въ „Флоріанѣ Гайерѣ“. „Заложница Карла Великаго“—историческая легенда, въ противоположность исторической хроникѣ, каковой Гауптманъ назвалъ своего „Флоріана Гайера“, и драма, основанная на этой легендѣ — полу-психологическая, полу-символическая. Судьба короля, соблазненнаго загадочнымъ существомъ, полу-дьяволицей и въ то же время какъ будто святой, отражаетъ власть освобождающей стихіи надъ душами, скованными долгомъ. Въ „Потонувшемъ колоколѣ“ существо, порожденное стихіями, поэтичная Раутенделейнъ, влечетъ литейщика колоколовъ на высоту подвиговъ духа. Тутъ Герзуинда, одержимая дьяволомъ, но таящая въ душѣ любовь къ королю, открываетъ ему міръ освобождающихъ страстей.

Легендарность сюжета позволяетъ Гауптману свободно обращаться съ своимъ матеріаломъ и создать драму любви и долга, показать тайну любовныхъ чаръ, въ которыхъ чистое и святое одинаково овладѣваютъ душой, какъ стихійно-порочное. Драма Гауптмана становится такимъ образомъ современной подъ своимъ легендарнымъ покровомъ. Въ этомъ именно смыслъ всякой легенды: она даетъ образы, но не укрѣпляетъ ихъ неподвижно въ опредѣленной рамкѣ историческихъ условій.

Героемъ своимъ Гауптманъ избралъ самый популярный образъ германскихъ легендъ—Карла Великаго. Въ его лицѣ народная фантазія страннымъ образомъ сочетаетъ представленіе о глубокой старости съ

представленіемъ о нетлѣнности. Карлъ Великій—могучій старецъ съ бѣлой бородой,—но онъ не покоится мертвый въ своей гробницѣ, а спитъ живой, опершись руками на столъ и опустивъ голову на руки. Борода его проросла черезъ столъ, и онъ спитъ вѣковымъ сномъ, зная, что происходитъ на его родинѣ, и каждую минуту готовъ воспрянуть въ прежней силѣ и собственной рукой истребить все зло, пустившее корни въ родной странѣ. Такимъ образомъ, старость Карла— въ воображеніи народа — не близость конца и утрата силъ, а какъ бы особая форма длящейся жизни. Карлъ — вѣчно юный старецъ, таинственный въ своей сказочной, не ослабѣвающей силѣ—и потому подходящій какъ нельзя болѣе къ замыслу Гауптмана. Герой его драмы полюбилъ красоту и молодость, въ лицѣ увлекшей его дѣвочки,—и любовь его такова, что заставляетъ его понять самое противорѣчивое, любить тамъ, гдѣ прямолинейная воля должна осуждать, жалѣть тамъ, гдѣ онъ же самъ страдаетъ. Та, которую онъ полюбилъ, создана по образу и подобію нашего времени, съ его психологіей, съ его исканіями, съ его переоцѣнками прежнихъ цѣнностей,— съ красотой, не похожей на строгость прежнихъ идеаловъ, съ добромъ, въ которомъ не мало того, что называлось зломъ и грѣхомъ. И старый Карлъ, вѣчно юный старецъ, любитъ и чуткой душой понимаетъ ту, которая подъ видомъ дѣвушки изъ саксонскихъ лѣсовъ приходитъ къ нему, непонятная въ своей порочности, неуловимая въ своей святости. Для насъ она—воплощенный духъ свободы, отрѣшающій отъ всѣхъ законовъ; для него она—загадка, въ божественность которой онъ вѣритъ, такъ какъ чтитъ божественность жизни и въ бранномъ подвигѣ, и въ желаніяхъ вѣчно юныхъ чувствъ.

Любовь является къ Карлу въ тотъ моментъ, когда онъ скучаетъ и тяготится властью. Такой моментъ, конечно, едва-ли вообразимъ въ жизни историческаго Карла. Въ героѣ Гауптмана слишкомъ много сверхъ-культурной философіи и, можетъ быть, слишкомъ много политическаго опыта, недоступнаго первобытно могущественному королю франковъ. Но мы уже сказали, что историческаго Карла нужно забыть. Герой Гауптмана—порожденіе легенды, въ зеркалѣ которой отражается обще-человѣческое и отражаемся мы. Поэтому въ Карлѣ и въ его любви къ саксонкѣ отражается столкновеніе правды, созданной закономъ, и правды, освобождающей отъ закона.

Карлъ скучаетъ и тяготится властью, переживая—по волѣ творящаго легенду — чувства грядущихъ культурныхъ временъ. Его тяготитъ однообразіе битвъ и побѣдъ, подобное однообразію будничнаго быта: „Я завтракъ тотъ же каждый день съѣдаю, все тотъ же, отъ яйца до яблока. Такъ почему саксонцамъ не являться каждый день?“ Въ немъ заговорила жажда духа, не удовлетвореннаго властью.

Онъ даже учится на старости лѣтъ, старается одолѣть мудрость схоластической науки. Но въ старцѣ говоритъ живой духъ. Онъ чувствуетъ, что не черезъ посредство „семи искусствъ“ вырвется изъ плѣна его скучающая душа. У него мелькаетъ мысль, уже совершенно не подобающая могущественному королю франковъ. „Нарушить слово“: вотъ въ чемъ онъ прозрѣваетъ радость освобожденія. Онъ смутно сознаетъ, что творить добро, жить и чувствовать полноту своего бытія можно лишь тогда, когда душа не бездѣйствуетъ, покорная преподаннымъ истинамъ, а сама полагается на себя, исполняя лишь то, что̀ создала своего. Вотъ что̀ означаетъ его желаніе „нарушить слово“. Эта тоска среди твердо установленнаго подготовляетъ Карла къ встрѣчѣ съ той, которая мѣняетъ его жизнь. Онъ жаждетъ свободы чувствъ внѣ положеннаго—и вдругъ видитъ передъ собой странно мудрую, загадочную полу-дѣвочку. Для всѣхъ она—порожденіе дьявола, для него — дитя природы, которое онъ хочетъ разгадать и которое ему суждено полюбить. Къ нему приходитъ съ жалобой саксонецъ, у котораго неправильно захватили земли и взяли въ заложницы племянницу. Саксонецъ Беннитъ, первобытный и прямой въ своемъ пониманіи справедливости и добра, кажется Карлу болѣе близкимъ, чѣмъ политики его двора. Въ Беннитѣ есть прямота дикости: она милѣе Карлу, возставшему противъ закона, чѣмъ государственники, окружающіе его. Ясно, что онъ на сторонѣ саксонца, и канцлеръ напрягаетъ всѣ силы своего охранительнаго краснорѣчія, чтобы поколебать пагубныя симпатіи короля. Но онъ не сознаетъ, что, вооружая Карла противъ заложницы, онъ готовитъ еще большую опасность для государства своими описаніями порочныхъ наклонностей Герзуинды. Настоятельница, видимо привязанная къ Герзуиндѣ, не можетъ говорить безъ слезъ объ ея поступкѣ: Герзуинда убѣжала изъ монастыря, отъ опекавшихъ ее монахинь, и хотѣла скрыться у своего дяди. Но ее отняли у него и привели обратно въ монастырь. Самую исторію побѣга разсказываетъ одна изъ монахинь. Въ дополненіе къ ея разсказу канцлеръ Эркамбальдъ поясняетъ, что Герзуинда — дьяволица; онъ видитъ доказательство этого въ ея недѣтскомъ умѣ, поразившемъ самого Карла въ монастырской школѣ, куда онъ приходилъ заниматься съ ученицами. Умъ ея—отъ дьявола, утверждаетъ канцлеръ. Напрасно Беннитъ защищаетъ племянницу, оправдывая ея поведеніе тоской по родинѣ. Карлъ внимательно слушаетъ обѣ стороны, и хулы Эркамбальда производятъ на него обратное дѣйствіе. Въ Герзуиндѣ его привлекаетъ свѣтъ, котораго другіе не видятъ. Но все-таки онъ не склоняется на сторону Беннита, потому что ему хочется сдѣлать для Герзуинды больше, чѣмъ вернуть ее дикарю-дядѣ. Онъ поражаетъ саксонца неожиданной суровостью своего

приговора: Бенниту онъ велитъ покинуть Аахенъ подъ страхомъ смертной казни и ждать на родинѣ справедливаго суда и возвращенія отнятыхъ у него наслѣдственныхъ земель. Но Герзуинду онъ оставляетъ въ монастырѣ и требуетъ отъ монахинь еще болѣе строгаго присмотра за нею.

Напрасно, однако, торжествуетъ Эркамбальдъ, хваля мудрое рѣшеніе Карла и переходя къ докладу о болѣе важныхъ государственныхъ дѣлахъ, чѣмъ исторія саксонской бѣглянки. Карлъ не слушаетъ его. Государственныя заботы тяготятъ его, такъ какъ въ тѣхъ вѣстяхъ, которыя ему приноситъ канцлеръ объ его собственномъ сынѣ и о сосѣдяхъ, онъ видитъ только дрязги и мелкіе интересы. Онъ жаждетъ не упоенія побѣдной волей въ атмосферѣ битвъ, а чувства, въ которомъ проснулась бы тяготѣющая въ бездѣйствіи душа. Карлъ отсылаетъ Эркамбальда со всѣми его важными дѣлами — для того, чтобы повидать Герзуинду и понять ее. Онъ поручаетъ своему вѣрному любимцу, молодому красавцу Рорико, привести къ нему снова заложницу и оставить его съ нею наединѣ. Въ первомъ же разговорѣ съ Герзуиндой, которая является къ королю веселая, беззаботная, чуждая смущенія, намѣчена психологическая загадка, не разрѣшающаяся почти до самаго конца драмы. Герзуинда является въ двойномъ свѣтѣ: всѣ слова и поступки ея обличаютъ необузданный инстинктъ плоти; если раздѣлять добро и зло, то этотъ инстинктъ Герзуинды—порочность и нравственная развращенность; если стоять „по ту сторону добра и зла", — на этой почвѣ, повидимому, стоитъ авторъ,—то можно сказать, что радость жизни заключена для нея въ оргіастическомъ началѣ. А для Карла она — святая, вопреки всѣмъ видимостямъ, всему тому, что она говоритъ и какъ она дѣйствуетъ. Въ этой двойной сущности Герзуинда проходитъ черезъ всю драму—и только въ концѣ ея образъ до нѣкоторой степени выясняется, — или, вѣрнѣе, выясняется, чѣмъ она была для Карла и чему она его научила, что она ему принесла. Въ первой сценѣ она поражаетъ — и втайнѣ притягиваетъ—Карла своею жестокостью, связанной съ чувствомъ свободы. Король хочетъ облагодѣтельствовать ее. Она требуетъ одного—свободы. Король предполагаетъ въ ней тоску по родинѣ, привязанность къ дядѣ, на груди котораго она рыдала. Но нѣтъ. Ей нужна свобода и отъ дяди. Если она плакала въ его объятіяхъ, то только для того, чтобы не смѣяться при видѣ старческихъ слезъ. Къ старости Карла она тоже питаетъ не благоговѣніе, а жестокое презрѣніе, и выводитъ изъ себя гордаго короля, говоря о жалкомъ, голодномъ выраженіи старческихъ глазъ. Она хочетъ свободы, — и Карлъ, все съ тѣмъ же чувствомъ, что за ея недѣтской жестокостью и непонятнымъ влеченіемъ освободиться отъ людей

скрывается незримая красота души, — удовлетворяетъ ея желаніе и отпускаетъ ее на свободу.

Но, отпустивъ Герзуинду, Карлъ не можетъ успокоиться. Стихійно свободное существо связало его, прожившаго всю жизнь въ связанности долгомъ. Незримая, далекая, она управляетъ, однако, его жизнью. Онъ не можетъ долѣе переносить государственныхъ заботъ и оставляетъ все на волю своихъ слугъ и на волю судьбы, а самъ удаляется въ помѣстье графа Рорико и живетъ тамъ вмѣстѣ со своей дочерью, — никого къ себѣ не подпуская. Его мысли заняты одной Герзуиндой. Онъ терзается тѣмъ, что отпустилъ ее, ребенка, и не позаботился о ея сохранности. Теперь, когда онъ не слышитъ ея дерзкихъ словъ, она тѣмъ болѣе представляется ему святой — и потому тѣмъ тяжелѣе ожидающее его разочарованіе. Неизмѣнно вѣря душою въ ея святость, онъ видитъ въ жизни ея слишкомъ очевидную порочность. Онъ тоскуетъ о „святой“, разспрашиваетъ Рорико, что сталось съ той, которую онъ такъ безжалостно толкнулъ въ мракъ,— и узнаетъ отъ Рорико совершенно противоположное своимъ ожиданіямъ. Герзуинда не погибла, какъ онъ боялся, — но она далеко не святая, какъ онъ думалъ. Она преслѣдуетъ Рорико своей любовью и, встрѣтивъ его въ Аахенѣ—повидимому не въ очень добродѣтельной, а тѣмъ болѣе святой обстановкѣ—она ухватилась за него. Когда онъ ускакалъ на лошади, она помчалась вслѣдъ за нимъ и не отставала весь путь, несмотря на всѣ его старанія отогнать ее, несмотря на его жестокія глумленія надъ нею. Наконецъ, онъ сжалился, взялъ ее и привезъ съ собой, закутавъ въ свой плащъ. Теперь она здѣсь, вблизи Карла, — и Карлъ, мысли котораго всецѣло ею поглощены, счастливъ. Онъ сначала подозрѣваетъ Рорико въ томъ, что онъ замаскировалъ своей ненавистью самое обыденное любовное приключеніе. Но, убѣдившись въ искренности Рорико, Карлъ радуется тому, что снова нашелъ Герзуинду. Онъ видитъ въ этомъ указаніе свыше и рѣшаетъ, что отнынѣ не оставитъ Герзуинду и будетъ охранять ея невинную душу отъ соблазна преступной воли. По его приказу, Рорико устраиваетъ неожиданную для Герзуинды, какъ бы случайную встрѣчу ея въ саду съ Карломъ — и снова передъ Карломъ живая загадка: слова Герзуинды будятъ въ немъ гнѣвъ,— но за этими словами онъ видитъ иное, видитъ скрытый ликъ Мадонны. Онъ ожидалъ, что Герзуинда придетъ уничтоженная всѣми ужасами, испытанными на свободѣ. Онъ говоритъ съ ней отеческимъ тономъ, обѣщаетъ милостиво поднять ее со дна пропасти, куда онъ самъ ее толкнулъ. Но Герзуинда совершенно холодна къ его заботливымъ отеческимъ словамъ. Она ни на что не жалуется. Напротивъ того, она вполнѣ удовлетворена своей жизнью, въ которой осуществлялась только ея собственная

воля. Карлъ—въ ужасѣ отъ ея словъ, открывающихъ порочную, распутную жизнь. Онъ видитъ, что люди злоупотребили невинностью ребенка, и грозитъ предать смерти всѣхъ совратителей Герзуинды. Но Герзуинда говоритъ не какъ ребенокъ, а какъ зрѣлая женщина, сама избравшая свободу страсти. Всѣ увѣщанья короля напрасны. Но именно чрезмѣрностью своей кажущейся порочности, тѣмъ, что она отказывается стать женой своего избранника, какъ предлагаетъ король, а хочетъ остаться свободной въ оргіастическомъ смыслѣ слова—именно эта чудовищность желаній заставляетъ Карла больше вѣрить въ скрытую святость, чѣмъ въ кажущуюся порочность, — и онъ рѣшается спасти, хотя и противъ воли, ту, которую полюбилъ. Свое чувство онъ скрываетъ; онъ хочетъ спасти Герзуинду не силой страсти, а чистымъ огнемъ отеческой ласки. Въ этомъ — его ошибка въ отношеніи къ стихійному существу, законъ котораго — горѣнье страсти, любовь, побѣждающая смерть. Карлъ затаилъ свою любовь и потому не могъ спасти Герзуинду. Онъ говоритъ ей, что каково бы ни было ея прошлое въ краткій мигъ свободы, хотя бы и правда была то, въ чемъ она съ такимъ преувеличеннымъ безстыдствомъ сознается,—все же онъ своей чистой волей спасетъ ее. Пусть только она довѣрится и повинуется ему. Онъ предоставляетъ ей жить въ помѣстьи, гдѣ она находится, жить въ роскоши и весельи, среди игръ и радости, съ прислужницами и подругами; она только не должна выходить за стѣны дворца. Если она будетъ послушна, то наступитъ день, когда юная красота ея расцвѣтетъ какъ бѣлая лилія. Тогда она пойметъ, что въ ней отраженъ безгрѣшный ликъ Мадонны и что она должна блюсти его въ чистотѣ. Герзуинда принимаетъ предложеніе Карла — но такъ строптиво говоритъ о налагаемомъ на нее обѣтѣ послушанія, что видно, какъ вся душа ея стремится къ свободѣ и отъ этой святости, и отъ заботъ Карла.

Герзуинда живетъ во дворцѣ Карла, но не на радость ему. Онъ все забылъ, покорный ея чарамъ, не подпускаетъ къ себѣ ничего, напоминающаго о государственныхъ дѣлахъ. Канцлеръ не можетъ добиться, чтобъ его принялъ король. Въ государствѣ смуты, грозятъ враги, а Карлъ занятъ тѣмъ, чтобы разгадать странное существо, соблазняющее его своей свободой, укрѣпляющее въ немъ жажду свободы, но непонятное ему. Она живетъ подъ строгой охраной во дворцѣ, и Карлъ еще болѣе твердо вѣритъ въ ея святость, чѣмъ прежде. Чтобы понять Герзуинду, онъ призываетъ своего друга изъ Британіи, магистра Алькуина; они вдвоемъ вопрошаютъ Герзуинду о добрѣ и злѣ и хотятъ вліять на нее. Но она надъ ними почти смѣется, ускользаетъ отъ ихъ вопросовъ, смущаетъ спокойнымъ отрицаніемъ грѣха, спокойнымъ оправданіемъ всѣхъ влеченій плоти.

Однако Алькуинъ, какъ и Карлъ, понимаетъ, что въ ея радости, въ ея дикомъ смѣхѣ звучитъ глубокая и странная скорбь, что она не легкомысленная хохотунья, а мудрое существо, прозрѣвшее инстинктомъ свободы что-то недоступное тѣмъ, которые разсуждаютъ о добрѣ и злѣ. И все же Карлъ увѣренъ въ ея чистотѣ и нетронутости. Но его ожидаетъ тяжелое испытаніе, котораго не выдерживаетъ его вѣра въ Герзуинду. Канцлеръ Эркамбальдъ, выведенный изъ себя проектомъ короля женить на Герзуиндѣ благороднаго юношу, разсказываетъ ему о сценѣ, разыгравшейся на его глазахъ въ грязномъ кабакѣ, гдѣ собираются матросы и рабочіе: Герзуинда плясала среди нихъ нагая— и пляска ея смѣнилась дикой оргіей, послѣ которой Эркамбальдъ увидѣлъ Герзуинду лежащею на полу, почти неживою. Карлъ сначала не хочетъ вѣрить. Но оказывается, что Герзуинда, которую онъ тутъ же призываетъ, страннымъ образомъ уснула въ саду, собирая виноградъ, и когда она появляется, наконецъ, на властный зовъ короля, то изъ первыхъ же словъ ея выясняется, что Эркамбальдъ не выдумалъ происшествіе въ кабакѣ, — хотя, быть можетъ, не понялъ вполнѣ, какая власть заставляетъ Герзуинду предаваться грѣху. Карлъ, обезумѣвъ отъ гнѣва, тоже судитъ какъ Эркамбальдъ. Онъ видитъ только одно—что Герзуинда позорно обманула его, — что та, которую онъ чтитъ какъ святую, скрывая отъ нея свою страсть,—распутна. Въ порывѣ гнѣва онъ не внимаетъ ея мольбамъ о пощадѣ, ея стараніямъ покорить его сердце лестью, притворной — а быть можетъ и непритворной—любовью къ нему; онъ грозитъ смертью. Подъ этой угрозой въ Герзуиндѣ вскипаетъ ея гордость—и она даетъ волю своему стихійному чувству свободы. Она права передъ собой. Права тѣмъ, что разрушаетъ всѣ преграды. Для нея въ мірѣ есть двѣ силы — любовь и смерть. Онѣ—въ вѣчной борьбѣ, и гдѣ одна ослабѣваетъ, тамъ торжествуетъ другая. Герзуинда покорна лишь влеченіямъ любви и страсти. Страсть разрушаетъ кошмаръ одиночества, страсть разбиваетъ клѣтку. Тотъ, кто не даетъ мнѣ любви—тотъ обрекаетъ меня всеотнимающей смерти,—говоритъ Герзуинда. Она пришла къ Карлу, покорная его страсти, — онъ отнялъ у нея свободу, онъ навязалъ ей законъ, превратилъ домъ жизни въ золоченую клѣтку,—и она не хочетъ оковъ и разбиваетъ ихъ. Въ ея душѣ загорается такая же правда, какъ та, которую Карлъ хотѣлъ воплотить въ ней. Онъ знаетъ одно идеально-прекрасное—святость—и хочетъ привести хоть насильно Герзуинду къ этой его единственной святынѣ. Но свобода — и въ святости, и въ безпредѣльности страсти. Герзуинда ушла отъ его насилія — насилія, правда, во имя любви,—и разбила его законъ въ оргіазмѣ, въ томъ, чтӧ для всѣхъ—грѣхъ.

Карлъ--тотъ Карлъ, котораго изобразилъ Гауптманъ,—понимаетъ

своимъ мудрымъ чутьемъ открывающуюся ему иную правду, и гнѣвъ его смиряется. Онъ видитъ, что Герзуинда права — не предъ нимъ, а передъ собою. Онъ поставилъ преграду ея волѣ закономъ, своимъ закономъ, и она попрала этотъ законъ во имя свободы. Карлъ отмѣняетъ свой суровый приговоръ. Для него она умерла — она чужая, и онъ только не желаетъ ее видѣть. Онъ изгоняетъ ее изъ Аахена, велитъ ей вернуться къ себѣ на родину. Послѣ этого рѣшенія король чувствуетъ облегченіе, радостно зоветъ своего друга Алькуина, чтобы, наконецъ, беззаботно пировать и потомъ охотиться, освободившись отъ навожденія.

Но чары Герзуинды не утратили своей власти надъ душой Карла. Въ драмѣ эта длящаяся власть выражена наружной связью между предпослѣднимъ и послѣднимъ актами. Карлъ далъ своему другу Алькуину мудреное кольцо, распадающееся на семь колечекъ, и предложилъ ему соединить на досугѣ разрозненныя семь колечекъ въ одно. Алькуинъ отказывается разрѣшить трудную задачу, тщетно промучившись надъ нею. И Карлъ тоже бросаетъ колечко на земь, разставаясь съ Герзуиндой. Обѣ игрушки, и загадочная дѣвушка, и странное кольцо, одинаково ему надоѣли. Герзуинда быстро схватываетъ колечко и говоритъ, что не отдастъ его, пока жива.

Она вернулась въ монастырь—Рорико отвезъ ее туда,—хотя Карлъ велѣлъ ей навсегда покинуть Аахенъ. Но она больна и близка къ смерти. Ее отравилъ Эркамбальдъ въ ту ночь, когда она плясала въ кабакѣ. Она — загадочная до конца — приняла противное питье отъ старика Эркамбальда только потому, что старикъ былъ похожъ на короля. Теперь она умираетъ, все прижимая къ груди кольцо Карла. Но Карлъ не успокоился въ своей ненависти. Онъ попрежнему любитъ Герзуинду, понимаетъ соединеніе въ ней двухъ натуръ, вспоминаетъ, съ какой мукой она подчинялась „зову дьявола", и какъ прикосновеніе руки короля, любившаго ее чистой любовью, успокаивало искаженныя черты ея измученнаго лица. Карлъ ищетъ ее всюду — не во гнѣвѣ, а въ любви и съ глубокой мукой—инстинктивно идетъ искать ее въ монастырь, гдѣ впервые видалъ ее, — но приходитъ въ тотъ моментъ, когда она уже умерла. Онъ видитъ мертвую Герзуинду, видитъ, что смерть ея—насильственная, и грозитъ местью невѣдомому убійцѣ, — хотя бы это былъ его собственный сынъ. Эркамбальдъ сознается въ своемъ поступкѣ и готовъ принять смерть за то, что спасъ волю и честь короля. Карлъ понимаетъ и его—и отпускаетъ Эркамбальда безъ кары. Надъ трупомъ Герзуинды онъ хоронитъ жизнь своего сердца, хоронитъ любовь, прозрѣвшую свободу, постигшую тайну грѣха и святости, — хоронитъ все, что̀ дала ему дѣвушка съ такой же судьбой, какъ онъ самъ, т.-е. обреченная страдать въ своей

жаждѣ разбить законъ, разбить всѣ преграды и дышать воздухомъ свободы. Она поплатилась за это жизнью, онъ—счастьемъ жизни. Она должна была умереть, побѣжденная закономъ, убитая преданнымъ слугой короля, какъ представителя власти и закона. Карлъ долженъ былъ убить свое сердце—чтобы снова поднять мечъ, идти на врага и служить своему народу, которому нужнѣе всего сила, власть. Онъ говоритъ присутствующимъ, чтобы они забыли плачущаго, разбитаго горемъ Карла, который говорилъ о своей любви, о томъ, какъ много дала ему дитя-Герзуинда въ мудрости своихъ влеченій. Онъ проситъ забыть это отклоненіе отъ его долга—и возвращается къ своимъ обязанностямъ, похоронивъ свою любовь.

Эта сложная драма разнорѣчивыхъ мотивовъ облечена Гауптманомъ въ покровъ высокаго лиризма и сильныхъ образовъ. Насколько мощенъ и мудръ Карлъ, настолько поэтична въ своей загадочности Герзуинда, родная сестра Раутенделейнъ, Пиппы и всѣхъ другихъ сказочныхъ образовъ Гауптмана, воплощающихъ идеальные порывы души.

Пьеса Гауптмана появилась одновременно съ нѣмецкимъ оригиналомъ въ русскомъ переводѣ съ рукописи, въ сборникѣ издательства „Знаніе".

II.

Max Halbe. Das Wahre Gesicht. Drama. (München, A. Langen).

Максъ Гальбе, авторъ „Молодости", „Ледохода", „Потока" и нѣсколькихъ другихъ хорошо извѣстныхъ и въ Германіи, и отчасти у насъ пьесъ, отличался всегда тѣмъ, что въ изображеніи судебъ человѣческихъ выдвигалъ стихійность, владѣющую дѣйствіями людей, и этой стихійности подчинялъ индивидуальные характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ. Каждая его пьеса представляетъ дѣйствіе одной силы надъ всѣми различными и сталкивающимися между собой индивидуальностями. Пьесы Макса Гальбе пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого отвлеченно-идейный характеръ. Онъ каждый разъ устанавливаетъ какой-нибудь законъ душевной жизни, и задача его—въ томъ, чтобы показать, какъ самыя различныя индивидуальности, самыя противоположныя пониманія добра и зла, подчиняются одному и тому же основному закону—и вслѣдствіе этого не подлежатъ суду и осужденію.

Новая пьеса Макса Гальбе—„Истинный ликъ"—носитъ такой же обобщающій характеръ и сводитъ дѣйствія и судьбу цѣлаго ряда различныхъ людей къ доказательству одной опредѣленной истины. Недостатокъ драмы—тотъ, что авторъ заразилъ и своихъ дѣйствующихъ лицъ исканіемъ единаго для нихъ всѣхъ закона жизни, и каждое изъ нихъ говоритъ объ идеѣ автора, объ „истинномъ ликѣ" въ своей

судьбѣ. Это придаетъ нѣкоторую нарочитость дѣйствію, изъ котораго заинтересованныя въ немъ лица сами постоянно выводятъ философскіе выводы. Но, тѣмъ не менѣе, самый замыселъ интересенъ и связанъ съ очень драматичной, стилизованно-исторической фабулой. Стилизованность фабулы—въ томъ, что историческая эпоха намѣчена въ общихъ чертахъ, безъ опредѣленности момента. Дѣйствіе происходитъ въ Данцигѣ, во время польскаго владычества. Есть польскій король, осаждающій Данцигъ, есть представители борющагося противъ него города, но мы не знаемъ, какой именно король; и тѣ, которые выступаютъ противъ него — тоже сборныя лица безъ опредѣленной исторической окраски.

Въ изображеніи борьбы между королемъ и городомъ авторъ проводитъ слѣдующую идею: судьба человѣка многообразна. Онъ торжествуетъ или падаетъ, онъ стремится удовлетворить свои требованія отъ судьбы, исполняетъ то, что ему кажется его задачей—но какой моментъ его жизни истинный, когда онъ проявляетъ свою сущность, и когда онъ измѣняетъ ей — это знать ему не дано. Каждый разъ, когда человѣкъ избираетъ опредѣленный путь, когда имъ владѣетъ одно опредѣленное чувство, честолюбіе, любовь, жажда мести, все это лишь затмеваетъ его „истинный ликъ"; послѣдніе покровы поднимаетъ смерть, обнажая правду, обнажая истинный ликъ человѣка. Въ драмѣ Гальбе есть одно лицо, не связанное прямо съ ходомъ дѣйствія, но ѳно именно является носителемъ и толкователемъ основной идеи. Это какъ бы резонеръ старой драмы, но облеченный въ поэтичный и символическій нарядъ. Это—великій голландскій художникъ, Янъ Гаарлемскій, живущій въ добровольномъ изгнаніи въ Данцигѣ. На немъ, какъ онъ самъ говоритъ, раскрывая послѣ долгаго молчанія свою душу, тяготѣетъ великое проклятіе, которое люди называютъ его великимъ талантомъ. Онъ видитъ правду, скрывающуюся за обманнымъ ликомъ жизни. Онъ видитъ голый черепъ за цвѣтущимъ лицомъ красавицы. Онъ написалъ нѣкогда символическую картину, выражающую его роковой даръ, изобразилъ поднятіе послѣдней завѣсы, скрывающей истинный ликъ,—изобразилъ весь ужасъ послѣдней истины. Но онъ же, владѣющій мучительнымъ для него даромъ, исполняетъ другую задачу, символизирующую задачу жизни: онъ ткетъ пестрый узоръ красокъ изъ всевозможныхъ оттѣнковъ, возсоздавая покровъ, скрывающій ликъ истины. Правда жизни—въ многообразіи цвѣтовъ и оттѣнковъ, и потому, быть можетъ, тотъ правъ, кто „многоликъ" въ своей жизни, а не одержимъ одной всепоглощающей страстью — и правъ тогда, когда въ этой „многоликости" онъ вѣренъ себѣ, когда за всѣми его, казалось бы, противорѣчивыми и непостоянными чувствами и стремленіями скрывается всегда одинъ и тотъ же истинный

ликъ. Дѣйствіе драмы развиваетъ эту основную идею, показывая нѣсколькихъ людей, изъ которыхъ одни идутъ твердо намѣченнымъ путемъ—ихъ жизнь какъ бы постоянно ломается, являетъ разные лики, застилая истинный; а другіе или, вѣрнѣе, одинъ среди всѣхъ, кажется непостояннымъ, доставляетъ горе любящимъ его своей непостоянностью—а между тѣмъ онъ единственно правый, потому что во всѣхъ своихъ блужданіяхъ онъ вѣренъ себѣ, своему закону—своему истинному лику. Дѣйствіе драмы облекаетъ драматическимъ покровомъ этотъ отвлеченный замыселъ.

Главный герой драмы—Андреасъ Цирнбергъ, сначала капитанъ, а потомъ полковникъ на службѣ города Данцига. Онъ одержимъ честолюбіемъ, опредѣляющимъ всю его жизнь. Уже въ дѣтствѣ честолюбіе подвинуло его на дурной поступокъ. Ихъ было три друга въ дѣтствѣ: онъ, Янъ Гамель и Зебальдъ Мейнертсъ. Они вмѣстѣ продѣлывали разныя шалости, а также разные мальчишескіе подвиги, и Цирнбергъ, мечтавшій только о томъ, чтобы выйти побѣдителемъ изъ всякаго соперничества, подрался однажды съ Гамелемъ изъ-за какой-то молодой красотки и сбросилъ товарища съ высокой лѣстницы, вслѣдствіе чего тотъ сдѣлался горбуномъ. И для искалѣченнаго Яна Гамеля опредѣлилась тогда же задача жизни. Душа его объята жаждой мести; когда, послѣ долгихъ лѣтъ, Янъ Гамель сдѣлался ученымъ городскимъ синдикомъ, а Цирнбергъ вступилъ на путь боевой славы, они снова встрѣчаются, преслѣдующіе каждый свою жизненную цѣль, самовольно опредѣленную и потому скрывающую истинный ликъ ихъ жизни. Только третій изъ товарищей, Зебальдъ Мейнертсъ, свободенъ отъ всепоглощающей страсти; онъ считается вѣтренымъ, совершаетъ легкомысленные поступки, но, оставаясь вѣрнымъ себѣ, своей свободной жизни, проведенной въ скитаніяхъ, онъ—единственно правый изъ всѣхъ. Теперь онъ тоже членъ городского совѣта, товарищъ Гамеля, и встрѣчается съ Цирнбергомъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

Честолюбіе завело далеко Цирнберга и сильно запутало его жизнь. Онъ воевалъ противъ польскаго короля, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, завязалъ нити съ польскимъ станомъ. Онъ женился на красавицѣ Кордулѣ, дочери польскаго вельможи, и гордится тѣмъ, что у него, крестьянскаго сына, такая знатная жена—къ тому же красавица, которую онъ безумно любитъ. Но женитьба не дала ему счастья. Кордула, выданная за него замужъ насильно, его ненавидитъ. Она таитъ въ душѣ любовь къ человѣку, котораго знала, когда ей было семнадцать лѣтъ. Онъ былъ сосѣдомъ помѣстья ея отца, прельстилъ ее нѣжными словами, а потомъ уѣхалъ, навсегда ранивъ ея сердце. Прошло много лѣтъ, она сдѣлалась женой Цирнберга, потомъ оставила его и ушла къ отцу. Дѣйствіе драмы начинается съ того, что Цирнбергъ, сидѣв-

шій въ плѣну у польскаго короля, выпущенъ на волю; онъ стоитъ лагеремъ, собираясь выступить съ городскими войсками противъ польскаго короля, и къ нему пріѣзжаетъ Кордула, за которой онъ послалъ гонца. Она ведетъ себя съ мужемъ какъ военноплѣнная, напоминаетъ ему съ иронической льстивостью, что она—его раба, и мучитъ его своей неискренностью. Въ лагерь являются представители города, Мейнертсъ и Гамель, съ тѣмъ, чтобы объявить ему, что городъ назначилъ его начальствующимъ надъ войсками. Онъ принимаетъ почетное назначеніе, хотя уже до того отецъ его жены почти убѣдилъ его вступить въ сношенія съ польскимъ королемъ, обѣщая ему многія почести. Честолюбіе Цирнберга запутываетъ его; онъ не знаетъ, что подвинетъ его дальше на пути почестей, служба ли городу или королю. Честолюбивая жена мечтаетъ о графской коронѣ и совѣсть Цирнберга молчитъ. Онъ принимаетъ почетное предложеніе города, и Мейнертсъ напоминаетъ другу дѣтства о томъ, что мальчикомъ его выгнали изъ гимназіи и изъ города, а теперь городъ оказываетъ ему высшія почести... „Который изъ двухъ ликовъ истинный?"—спрашиваетъ онъ.—Въ то время какъ Цирнбергъ принимаетъ представителей города, которые оказались его старыми друзьями, входитъ Кордула и блѣднѣетъ при видѣ Мейнертса. Она узнаетъ въ немъ того, кого любила въ юности и не забыла до сихъ поръ. Она старается скрыть волненіе и приписать свою дурноту слишкомъ тѣсной шнуровкѣ. Ей помогаетъ обмануть мужа Янъ Гамель. Онъ сразу понялъ причину волненія Кордулы и обрадовался, увидѣвъ средство удовлетворить своей жаждѣ мести.

Онъ высказываетъ предположеніе, что Кордулѣ сдѣлалось дурно отъ радости за мужа, за оказанную ему высокую честь; она, конечно, подтверждаетъ это объясненіе. Цирнбергъ ничего не подозрѣваетъ, и чтобы не подвергать жену неудобствамъ лагерной жизни, отсылаетъ ее въ Данцигъ, въ ихъ городской домъ. Ея спутчиками оказываются Мейнертсъ и Гамель, возвращающіеся въ городъ. Когда Кордула и Мейнертсъ попадаютъ по дорогѣ одни въ развалившуюся хижину, спасаясь отъ непогоды, Кордула обнаруживаетъ, какова она въ глубинѣ души. Она любитъ Мейнертса, и душа ея въ любви—преданная и чистая. Его измѣна отравила, исказила ея чувства: она сдѣлалась честолюбивой женой Цирнберга, льститъ ему, чтобы подзадорить его честолюбіе, а въ душѣ ненавидитъ его. Который изъ двухъ образовъ Кордулы, изъ двухъ ликовъ, по выраженію автора,—истинный? Презрѣнная ли она интригантка, предающая довѣрчиваго мужа,—или вѣрная, сильная духомъ женщина, какова она въ своей любви къ Мейнертсу? Изъ ихъ бесѣды выясняется свободная натура Мейнертса. Онъ увлекся Кордулой въ тотъ незабвенный весенній вечеръ,

который оба помнятъ, но ушелъ и отъ нея, боясь привязанности. Онъ свободенъ, но платится за эту свободу тоской одиночества. Кордула искушаетъ теперь его, выдаетъ свои чувства, но Мейнертсъ напоминаетъ, что Цирнбергъ—его другъ, и онъ не способенъ стать предателемъ. Кордула злобно иронизируетъ надъ его честностью. Ненависть къ мужу еще усилилась въ ней подъ вліяніемъ вспыхнувшей вновь страсти. Они ѣдутъ въ Данцигъ, охваченные оба возродившимся взаимнымъ чувствомъ, готовые къ предательству—почти оба.

Во второмъ дѣйствіи волна предательства охватываетъ всѣхъ. Въ домѣ Мейнертса живетъ его молодая возлюбленная—Эртке, простая и преданно любящая его. Но онъ въ душѣ уже измѣнилъ ей, охваченный страстью къ Кордулѣ. Дѣвушка это чувствуетъ, говоритъ объ этомъ намеками Яну Гаарлемскому, который пишетъ ея портретъ по заказу Мейнертса. Художникъ утѣшаетъ Эртке, говоря, что въ жизни нѣтъ никакихъ положительныхъ страданій и радостей, нѣтъ добра и зла, а есть только краски, только игра свѣта—только покровы. Эртке въ своей возбужденной ревности готова на всякую месть, но она узнаетъ отъ врача, что жизнь Мейнертса въ опасности, и любовь убиваетъ въ ней всякое злобное чувство. Когда Мейнертсу въ ея присутствіи дѣлается дурно, она выдаетъ свою тревогу. Но Мейнертсъ не ставитъ ни во что мнѣніе врача. Его жизненный девизъ—свобода. И онъ прямо смотритъ въ глаза смерти и говоритъ встревоженной подругѣ, что смерть придетъ къ нему, когда онъ ее позоветъ; онъ не дастъ ей тайно прокрасться къ нему. Домъ Мейнертса полонъ интригъ. Онъ ждетъ къ себѣ Цирнберга, условившись съ нимъ переманить на сторону польскаго короля ремесленные цехи. Но объ этомъ провѣдалъ синдикъ Гамель и является къ Мейнертсу съ угрозами, даетъ ему понять, что знаетъ о его преступной любви къ женѣ Цирнберга и объ интригахъ въ городѣ, совѣтуетъ ему порвать съ Цирнбергомъ и служить попрежнему городу. Мейнертсъ не хочетъ становиться ни на чью сторону, хочетъ быть свободнымъ въ своихъ поступкахъ, и въ ужасѣ отъ того, что нѣтъ мѣста въ жизни для того, кто хочетъ стоять въ толпѣ. Послѣ ухода злобнаго Гамеля, является Цирнбергъ; является неожиданно и жена его, и выясняется, что въ городѣ волненіе, что арестованы главари цеховъ и, значитъ, захвачены письма Мейнертса, устанавливающія его измѣну. Цирнбергъ рѣшается ѣхать въ лагерь и открыто идти противъ города. Мейнертсъ обѣщаетъ тоже пріѣхать въ лагерь, такъ какъ и онъ потерянъ въ глазахъ городского совѣта. Но, главнымъ образомъ, онъ потому обѣщаетъ пріѣхать, что тамъ его ждетъ Кордула.

Духъ предательства все болѣе ростетъ. Цирнбергъ получаетъ тайныя письма о грозящей ему измѣнѣ, подозрѣваетъ жену, хотя не мо-

жетъ себѣ представить, ради кого она бы измѣнила ему. Цирнбергъ смущенъ, подумываетъ о томъ, чтобы все-таки вернуться на службу городу, но Кордула съ ея честолюбіемъ удерживаетъ его. Въ лагерь къ нему является Гамель и уговариваетъ Цирнберга, чтобы онъ вернулся къ исполненію долга; встрѣтивъ тутъ же Мейнертса, Гамель грозитъ ему разоблаченіями, объявляетъ ему войну, и въ бесѣдѣ съ Цирнбергомъ будитъ въ немъ ревность противъ жены и друга. Кордулѣ, однако, удается умиротворить мужа, свести все на честолюбіе. Она зоветъ его на союзъ съ польскимъ королемъ, говоря ему, что всегда будетъ вѣрна побѣдителю... но не останется женой труса. Цирнбергъ почти убѣжденъ ея доводами и идетъ на встрѣчу посланному короля — отцу Кордулы. Мейнертсъ, оставшись наединѣ съ Кордулой, напоминаетъ ей, что явился въ лагерь ради нея—и почти готовъ стать предателемъ города ради нея. Сначала она горда и грозитъ ему смертью. Но онъ не боится и говоритъ, что носитъ въ себѣ свой законъ. Кордула, вновь имъ покоренная, вся отдается прежней любви. У нея вырывается мольба, чтобы онъ убилъ мужа. Мейнертсъ знаетъ, что Цирнбергу грозитъ смерть отъ руки Гамеля, если онъ измѣнитъ городу, и онъ говоритъ объ этомъ Кордулѣ. Духъ разрушенія разжигаетъ ихъ любовь. Мейнертсъ говоритъ о цвѣтущихъ розахъ на краю пропасти. Измѣна рѣшена. Мейнертсъ принимаетъ союзъ съ Цирнбергомъ и отцомъ Кордулы и рѣшаетъ походъ противъ города — также какъ втайнѣ рѣшенъ между Мейнертсомъ и Кордулой ихъ любовный союзъ. Мейнертсъ у себя въ городскомъ домѣ ждетъ тайныхъ писемъ отъ своихъ союзниковъ, а также отъ Кордулы. Эртке узнаетъ отъ врача, что дни Мейнертса сочтены—но въ то же время читаетъ письмо о тайномъ свиданіи съ польской графиней. Мейнертсъ застаетъ ее за чтеніемъ письма и при первыхъ упрекахъ ея говоритъ ей, чтобы она ушла изъ дому. Онъ не хочетъ ни ея заботъ о себѣ, ни ея любви. Эртке въ ужасѣ, умоляетъ его оставить ее и выдаетъ тайну, довѣренную ей врачомъ о томъ, какъ близка его смерть. Мейнертсъ пораженъ неожиданностью, но все-таки прощается съ любившей его дѣвушкой — и, послѣ долгой борьбы съ собой, рѣшаетъ быть вѣрнымъ своей свободѣ, не ждать, пока судьба у него отниметъ радости жизни, а самому отказаться и свободно умереть. Онъ чувствуетъ себя чужимъ всему живущему и хочетъ уйти. Но уже пришла Кордула, охваченная страстью, молящая о любви. Мейнертсъ загадочно радуется тому, что на порогѣ смерти его ждала любовь, затѣмъ призываетъ художника Яна Гаарлемскаго, проситъ его сѣсть тотчасъ же и писать портретъ Кордулы, пока еще не слишкомъ поздно, такъ какъ Янъ умѣетъ создавать „живое, переживающее могилы“. Оставивъ Кордулу и художника, онъ самъ уходитъ. Предатель

Гамель тѣмъ временемъ врывается въ домъ съ солдатами, окружившими всѣ выходы, за Цирнбергомъ и Мейнертсомъ, но хозяина дома нѣтъ. Онъ во второй разъ покинулъ Кордулу, какъ въ молодости. Ушелъ свободный, оставивъ письмо о томъ, что его отозвало нѣчто не терпящее отлагательства. „Мой корабль отплываетъ,—пишетъ онъ.— Прощай, прекрасная. Невѣрный и все же до смерти вѣрный себѣ Зебальдъ Мейнертсъ". Является Цирнбергъ; Гамель открываетъ ему глаза относительно измѣны его друга и жены, но месть Цирнберга не можетъ уже настигнуть преступника — и Кордула тоже успѣла уйти до его прихода.

Кордула—въ своемъ данцигскомъ домѣ, вѣрная велѣнію Мейнертса, позируетъ для портрета художнику Яну. Но она больна, читаетъ притчи Соломона — и думаетъ о Мейнертсѣ. „Кто самый вѣрный и наиболѣе невѣрный? — спрашиваетъ она. — Кто самый божественный и самый презрѣнный? Кого небо и адъ одинаково отринули?" Кордула знаетъ, что ей грозитъ опасность, что ее ищутъ посланные мужа. Она хочетъ искать Мейнертса, но такъ какъ это невозможно, то принимаетъ ядъ и проситъ художника закончить ея портретъ. Когда врываются въ комнату Цирнбергъ и Гамель, когда Цирнбергъ самъ хочетъ убить предательницу, она умираетъ, отнявъ у него радость мести. И тутъ же сообщаютъ о смерти Мейнертса, тоже принявшаго ядъ и умершаго на морскомъ берегу, съ глазами, обращенными вдаль. Онъ умеръ свободно. Остаются съ глазу на глазъ два врага съ дѣтства: Цирнбергъ, отдавшій всю жизнь кумиру честолюбія,—и Гамель, жившій только жаждой мести. Въ ту минуту, когда совершилась судьба Цирнберга—разбилась жизненная цѣль Гамеля. Онъ всю жизнь жилъ прошлымъ—жаждой мщенія. Прошлое въ этотъ мигъ разбилось, и въ немъ не осталось жизни. Цирнбергъ понимаетъ ложность такой жизненной цѣли. Передъ нимъ будущее—и тогда Гамель напоминаетъ ему объ его долгѣ передъ городомъ. Цирнбергъ принимаетъ его указаніе и зоветъ на бой противъ польскаго лагеря. Разбитое честолюбіе выяснило ему его истинный ликъ, призвало его къ правому дѣлу.

Такъ кончается драма о свободныхъ—и о рабахъ долга, о людяхъ, которымъ только смерть раскрываетъ истинный смыслъ жизни.—З. В.

РЕМЕСЛЕННЫЕ СОЮЗЫ

И

СОЦІАЛИЗМЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Письмо въ Редакцію.

I.

Еще восемнадцать лѣтъ тому назадъ, состоя членомъ братства плотниковъ и столяровъ, одного изъ самыхъ многочисленныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ „ремесленныхъ союзовъ" Америки, я весьма близко познакомился и съ духомъ, и съ нравами, и съ методами дѣятельности здѣшнихъ рабочихъ организацій. Заинтересовавшись этимъ новымъ и живымъ дѣломъ и сердечно симпатизируя его развитію, я съ тѣхъ поръ особенно внимательно слѣдилъ за ихъ ростомъ, за ихъ работой, успѣхами и неудачами — составилъ обширную библіотеку по рабочему вопросу, свыше тысячи томовъ, заключающую въ себѣ всю оффиціальную литературу предмета въ формѣ отчетовъ и бюллетеней федеральнаго и всѣхъ бюро труда въ штатахъ, многія періодическія изданія и отчеты разныхъ союзовъ и большинство выдающихся частныхъ книгъ и памфлетовъ,—и постоянно состоялъ и состою въ сношеніяхъ съ вожаками рабочаго движенія на разныхъ поприщахъ. Уже тринадцать лѣтъ тому назадъ, „Вѣстникъ Европы" напечаталъ довольно подробное описаніе американскихъ ремесленныхъ союзовъ [1]). Въ теченіе послѣдняго времени, состоя нѣсколько лѣтъ президентомъ и главноуправляющимъ калифорнскаго лѣсного трѣста, я опять имѣлъ

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", октябрь и ноябрь 1894 г., „Рабочій вопросъ въ С.-А. С.-Штатахъ".

возможность весьма близко всмотрѣться въ ихъ дѣятельность и изучить на практикѣ ихъ современные методы. Благодаря этому многолѣтнему личному опыту, а также нѣсколькимъ самостоятельнымъ литературнымъ работамъ, посвященнымъ исторіи, статистикѣ и теоретическимъ основамъ союзнаго труда въ Америкѣ, я пришелъ ко многимъ существеннымъ выводамъ относительно различныхъ сторонъ его дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ кажутся мнѣ безспорными, и серьезная, безпристрастная критика не дала противъ нихъ никакихъ возраженій. Одинъ изъ нихъ—тотъ, что союзный трудъ, для успѣха своего собственнаго, прямого дѣла, долженъ строго воздерживаться отъ какихъ бы то ни было политическихъ экскурсій. Проявляя обыкновенно удивительныя организаціонныя и созидательныя способности въ сферѣ улучшенія быта и жизненныхъ условій рабочихъ, въ отвоеваніи у капитала бо̀льшей доли въ барышахъ, онъ всегда и неизмѣнно теряетъ многое, а иногда и все прежде выигранное, разъ онъ пускается въ общія дѣла и пытается вліять или захватить управленіе государствомъ, штатомъ или городомъ. Такихъ попытокъ было очень много въ исторіи союзнаго труда въ Америкѣ, и изрѣдка онѣ достигали нѣкоторыхъ наружныхъ успѣховъ, но неизмѣнно только временно и только для того, чтобы еще ярче подчеркнуть неизбѣжно слѣдовавшее за ними пораженіе. Въ дѣйствительно свободной странѣ, каковъ Сѣверо-Американскій Союзъ, никакое классовое управленіе не можетъ имѣть прочнаго успѣха. Энергія и самодѣятельность остальныхъ общественныхъ элементовъ всегда въ состояніи отдѣлаться отъ неизбѣжно слѣдующаго за такой перемѣной режима чьего бы то ни было односторонняго преобладанія. Классовое управленіе не можетъ дать безпристрастія, не можетъ соблюсти и поддержать равновѣсія различныхъ общественныхъ интересовъ и потребностей *всего* населенія, и можетъ держаться только насиліемъ, которое быстро объединяетъ оппозицію и ниспровергаетъ его такъ или иначе. Даже такой безспорно преобладающій по своей численности классъ американскаго населенія, какъ фермерскій, обнимающій собою около двухъ третей всего народа, никогда не могъ достичь какихъ-либо серьезныхъ успѣховъ въ дѣлѣ захвата власти, несмотря на многочисленность, силу и энергію создававшихся съ этой цѣлью организацій. „Грэнжеры", „Гринбакеры", Фермерскій союзъ, „Популисты"—всѣ эти въ свое время гремѣвшія и вселявшія серьезныя опасенія, много-милліонныя организаціи исчезали безвозвратно одна за другой, достигнувъ вначалѣ нѣкоторыхъ успѣховъ, злоупотребивъ затѣмъ захваченной властью въ пользу своихъ узкихъ классовыхъ интересовъ и погибнувъ безславно подъ напоромъ объединенныхъ притѣсненіемъ остальныхъ общественныхъ элементовъ. На что же серьезное могутъ

разсчитывать ремесленные союзы, насчитывающіе въ своей средѣ, maximum, полтора милліона членовъ, раскиданныхъ по всему Союзу и сосредоточенныхъ почти исключительно въ городахъ? Въ своей борьбѣ съ капиталомъ они несомнѣнно пользуются широкими общественными симпатіями, — но разъ они уклоняются отъ этой прямой своей задачи, разъ они начинаютъ стремиться къ борьбѣ съ самимъ обществомъ и къ захвату надъ нимъ власти, эти симпатіи быстро исчезаютъ и замѣняются энергичнымъ противодѣйствіемъ, всегда кончающимся пораженіемъ узурпаторовъ.

Современное состояніе, вліяніе и сила различныхъ ремесленныхъ союзовъ стоятъ въ прямой зависимости отъ ихъ исторіи, — отъ того, предпринимали ли они политическія экскурсіи, и если предпринимали — насколько сознательно и энергично? Тѣ организаціи, которыя, прикрываясь наружной формой обыкновенныхъ ремесленныхъ союзовъ, создавались въ дѣйствительности только съ цѣлями односторонней политической борьбы, были всегда крайне недолговѣчны, и, подобно такимъ же фермерскимъ, быстро распадались послѣ перваго же пораженія и или исчезали навсегда, или реорганизовались на новыхъ началахъ и подъ новымъ предводительствомъ. Таковы „Рыцари труда" съ ихъ платформой 1886 года, „Американскій желѣзно-дорожный Союзъ Дэбса" 1894 года, „Западная федерація рудокоповъ", „Промышленные работники міра" и т. д. Самымъ яркимъ примѣромъ захвата власти союзнымъ трудомъ и его неизбѣжныхъ результатовъ служитъ исторія города Санъ-Франциско за послѣднее десятилѣтіе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, такъ и въ огромномъ большинствѣ всѣхъ подобныхъ попытокъ, болѣе мелкихъ и не имѣвшихъ такихъ печальныхъ или кровавыхъ результатовъ, руководящей силой были соціалисты, иногда открыто, иногда тайно успѣвавшіе захватить оффиціальную власть въ рабочихъ организаціяхъ и пытавшіеся использовать ее въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Я уже не разъ говорилъ, что убѣжденныхъ соціалистовъ-фанатиковъ, на манеръ современныхъ русскихъ большевиковъ, въ Америкѣ, сравнительно, очень мало [1]), но они такъ же фанатичны и агрессивны, такъ же неразборчивы на средства и методы, и иногда успѣваютъ на короткое время установить свое вліяніе, благодаря этимъ своимъ особенностямъ. Нельзя отрицать, что соціалисты умѣютъ производить шумъ и даже добиваться иногда осязательныхъ результатовъ, совершенно не соотвѣт-

[1]) На выборахъ мейора въ городѣ Чикаго въ прошломъ апрѣлѣ, несмотря на самую напряженную агитацію, за соціалистическій тикетъ было подано всего съ небольшимъ 13.000 голосовъ изъ общей суммы около 350.000—а Чикаго, съ его 72% населенія, рожденнаго за границей Союза, считается главнымъ очагомъ соціализма въ Америкѣ.

ствующихъ ихъ дѣйствительнымъ силѣ ч численности. Современная Россія должна быть отлично знакома съ этимъ ихъ свойствомъ,—число соціалистовъ-депутатовъ во второй Думѣ было, конечно, совершенно внѣ всякой пропорціи съ числомъ ихъ сознательныхъ сторонниковъ во всемъ русскомъ народѣ. Будучи по своему существу—и прежде всего—узкими деспотическими сектантами [1]), соціалисты, захвативъ власть въ извѣстной мѣстности и, благодаря этому, потерявъ кооперацію всего внѣшняго для нихъ міра и для руководимыхъ ими рабочихъ организацій,—должны по самой силѣ вещей обращаться немедленно къ насилію для удержанія власти въ своихъ рукахъ, и всѣ наиболѣе вредные методы, дискредитирующіе ремесленные союзы, являются прямымъ послѣдствіемъ этой необходимости. Еслибъ американскій организованный трудъ умѣлъ избѣгать соціалистическихъ вліяній и не подпадалъ бы имъ время отъ времени,—его исторія была бы почти совсѣмъ свободна отъ его сильнѣйшихъ пораженій, и онъ шелъ бы по пути своего дѣйствительнаго прогресса гораздо быстрѣе и безъ лихорадочныхъ, чрезвычайно вредныхъ задержекъ. Пораженіе „Американскаго желѣзно-дорожнаго союза" въ 1894 г. отодвинуло желѣзно-дорожные союзы на цѣлыя двадцать лѣтъ,—его послѣдствія сказываются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень чувствительно и теперь. Настоящій конфликтъ въ Санъ-Франциско и дѣла Мойера, Хэйвуда и Петтибона въ штатѣ Айдахо и Сэнтъ-Джона въ штатѣ Невадѣ, чѣмъ бы они ни кончились въ судебномъ смыслѣ, несомнѣнно подѣйствуютъ самымъ удручающимъ образомъ на все непосредственное будущее организованнаго труда въ Америкѣ. Они вселили уже такія подозрѣнія и опасенія въ обществѣ относительно этого труда вообще, которыя совершенно не заслужены громаднымъ его большинствомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ агрессивнымъ соціализмомъ. Но онъ несомнѣнно пострадаетъ весь за увлеченія нѣкоторыхъ своихъ собратовъ, понесетъ отвѣтственность за то, что они не съумѣли во-время сбросить иго своихъ вожаковъ, профессіональныхъ соціалистовъ, прежде всего пользующихся союзнымъ трудомъ, какъ готовымъ средствомъ, удобнымъ рычагомъ, и совершенно игнорирующихъ его дѣйствительные интересы.

---

[1]) Для убѣжденнаго соціалиста — соціализмъ составляетъ не только политико-экономическое credo, но и религію, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого понятія, и онъ всецѣло подверженъ всѣмъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ этого факта.

II.

Еще въ теченіе девяностыхъ годовъ американскій національный рудокопный союзъ распался на-двое: углекопы Востока и Центра объединились въ „Союзъ объединенныхъ рудокоповъ Америки"—United Miners of America—подъ предводительствомъ извѣстнаго Джона Митчеля, тогда какъ рудокопы металловъ Запада организовали „Западную федерацію рудокоповъ"—Western Federation of Miners. Первые—хотя и вынуждены были пережить двѣ серьезнѣйшія общія и нѣсколько мѣстныхъ стачекъ—благодаря послѣдовательности и энергіи Митчеля, добились существенныхъ уступокъ, пользуются теперь завиднымъ благосостояніемъ и обезпеченнымъ голосомъ въ угольномъ производствѣ;—заработная плата стоитъ въ прямой зависимости отъ цѣны угля на рынкѣ и регулируется взаимными соглашеніями между ассоціацией владѣльцевъ копей и исполнительнымъ комитетомъ организаціи углекоповъ. Установленъ прочный и цѣлесообразный modus vivendi, повидимому исключающій возможность острыхъ столкновеній: спорные вопросы разрѣшаются заранѣе опредѣленными арбитраціонными учрежденіями, которымъ предоставлено въ нихъ конечное слово, обязательное для обѣихъ сторонъ. Хотя соціалисты много разъ пытались и иногда успѣвали захватывать власть въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ организаціяхъ „Союза объединенныхъ рудокоповъ", вліяніе Митчеля и центральной администраціи всегда пересиливало ихъ очень скоро, и имъ ни разу не удалось добиться достаточнаго преобладанія гдѣ-либо, чтобы измѣнить послѣдовательную и закономѣрную, чисто ремесленно-союзную политику этой сильной организаціи. Не такова была исторія „Западной федераціи". Въ первые годы ея существованія ея центральная администрація была очень слаба, мѣстныя организаціи пользовались почти абсолютной автономіей, и еще въ 1899 г. соціалистъ Дэвисъ, вожакъ мѣстнаго рудокопнаго союза, захватилъ власть въ районѣ Coeur d'Alene, въ сѣверной части штата Айдахо, успѣлъ провести на выборахъ всѣхъ мѣстныхъ чиновъ графства, и судебныхъ, и исполнительныхъ, изъ числа своихъ сообщниковъ, и объявилъ общую стачку, быстро обратившуюся въ ужаснѣйшій терроръ, съ убійствами и разрушеніемъ динамитомъ и огнемъ нѣсколькихъ рудниковъ, пользуясь не только бездѣйствіемъ, но и открытымъ потворствомъ всѣмъ своимъ крайностямъ со стороны своихъ ставленниковъ — мѣстныхъ представителей законной власти. Онъ отлично вооружилъ свои силы, захватилъ мѣстную желѣзную дорогу и телеграфъ, и, упразднивъ de facto сначала конституцію своего союза, а затѣмъ законъ и власть,

дѣйствовалъ какъ военный диктаторъ. Захватъ соціалистами власти въ ремесленномъ союзѣ всегда прежде всего мѣняетъ выработанные долгимъ опытомъ и всюду практикуемые пріемы всякой борьбы: закрытыя баллотировки важныхъ вопросовъ, обязательность арбитража несогласій до объявленія стачки, уклоненіе отъ насилій. Союзъ сразу обращается изъ мирнаго учрежденія, функціонирующаго открытыми законными путями, въ воюющую съ нанимателемъ сторону, полагающуюся только на силу. Та же тактика примѣняется соціалистами и въ войнѣ съ обществомъ, неизмѣнно слѣдующей за захватомъ ими власти въ извѣстной мѣстности или городѣ.

Губернаторомъ штата Айдахо былъ нѣкто Стеубенбергъ, человѣкъ очень популярный и извѣстный своими симпатіями къ рабочимъ,—а вся милиція штата была цѣликомъ на Филиппинскихъ островахъ, задержанная тамошнимъ возстаніемъ послѣ испанской войны, такъ что штатъ оставался безъ какой-либо организованной военной силы. Дэвисъ умѣло выбралъ моментъ, разсчитывая на безусловный успѣхъ, и своими публичными заявленіями не оставлялъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ своей конечной цѣли: конфискаціи всего рудничнаго имущества своей мѣстности въ пользу своего союза посредствомъ вырваннаго терроромъ согласія владѣльцевъ на всѣ его условія. Штатъ Айдахо—одинъ изъ самыхъ юныхъ и по числу населенія самыхъ мелкихъ въ Союзѣ: по переписи 1900 г., въ немъ было всего 160.000 жителей, занимавшихся почти исключительно рудокопнымъ дѣломъ. Районъ Кёръ д'Алинъ въ немъ самый богатый и населенный, и побѣда соціалиста Дэвиса означала бы упраздненіе въ немъ всякой законной власти и ея узурпація рудокопнымъ союзомъ — словомъ, достиженіе безусловнаго соціалистическаго милленіума. Стеубенбергъ, однако, не потерялся и не струсилъ;— несмотря на открытыя угрозы смертью, онъ обратился за помощью къ федеральной власти, и президентъ Макъ-Кинлэй немедленно двинулъ въ Айдахо ближайшія федеральныя регулярныя войска, снабдивъ ихъ энергичнымъ начальствомъ, и приказалъ возстановить порядокъ во чтò бы то ни стало. Это была уже не стачка на экономической почвѣ, а организованная открытая попытка ниспровергнуть существующій государственный порядокъ и ввести деспотизмъ соціалистическаго пролетаріата, прикрытый шкуркой ремесленнаго союза. Шумъ въ печати былъ огромный, и общественное мнѣніе страны было серьезно встревожено, тѣмъ болѣе, что Дэвисъ обѣщалъ упорную кровавую войну, если будутъ присланы войска. Но, какъ и обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, весь этотъ шумъ былъ только шумомъ, холостымъ зарядомъ, обычнымъ пріемомъ соціалистической тактики—войска не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія, порядокъ и права собственности были мгновенно возстановлены безъ про-

литія крови, а товарищи разбѣжались во всѣ стороны, оставивъ послѣ себя пожарища и разрушеніе, отъ которыхъ богатый районъ Кёръ д'Алинъ не оправился вполнѣ и до сихъ поръ. Въ результатѣ—милліонные убытки, масса разоренныхъ до тла людей, глубокая ненависть и совершенное распаденіе и мѣстнаго союза, и уничтоженіе союзныхъ вліяній вообще на долгое время.

Дэвисъ и его главные сообщники бѣжали въ штатъ Колорадо и, съ теченіемъ времени, захватили въ свои руки центральную организацію „Западной федераціи", съ Мойеромъ, какъ президентомъ, Хэйвудомъ, какъ казначеемъ-секретаремъ, и Петтибономъ, Адамсомъ и Симпкинсомъ, какъ членами исполнительнаго комитета. Городъ Денверъ, столица штата, былъ главной квартирой. Всѣ эти лица — открытые соціалисты. Уже въ 1902 году, примѣнивъ свою обычную тактику, они успѣли захватить мѣстную власть во многихъ районахъ: штатъ Колорадо, какъ и Айдахо, почти исключительно рудокопный, и рудокопы и въ немъ составляютъ главную массу населенія. Послѣдовали безпрерывныя стачки, укоренилась полная анархія, на которую я обратилъ вниманіе читателей „Вѣстника Европы" еще въ 1904 г. [1]). Это былъ самый безжалостный терроръ, съ десятками убійствъ, поджоговъ, взрывовъ,—и окончился онъ только послѣ объявленія военнаго положенія и насильственнаго выселенія за предѣлы штата нѣсколькихъ сотъ наиболѣе активныхъ членовъ „Западной федераціи". Систематичность преступленій была до того очевидна, что вожаки союза нѣсколько разъ попадали въ тюрьму, и противъ нихъ скопилась цѣлая масса подозрѣній,—но они упорно утверждали, что ихъ организація неповинна въ преступленіяхъ, которыя приписывались ими отдѣльнымъ личностямъ, отнюдь не подлежащимъ ихъ контролю. Прямыхъ уликъ не было. Недоказанность участія въ преступленіяхъ „Западной федераціи", какъ организаціи, связывала руки властей и друзей закона и порядка весьма существенно—судомъ можно было преслѣдовать только отдѣльныя личности, почти всегда безуспѣшно, такъ какъ вся сила организаціи была секретно на ихъ сторонѣ и успѣвала выгораживать ихъ такъ или иначе. Особенности положенія вызвали со стороны властей штата Колорадо небывалый въ Америкѣ административный произволъ, хотя и санкціонированный потомъ верховнымъ судомъ,—но и онъ не только не помогъ дѣлу порядка, а только укрѣплялъ вожаковъ террора, встрѣчая осужденіе консервативныхъ, преданныхъ закономѣрности сферъ. Казалось, что придется отказаться отъ стремленія раскрыть все дѣло и добраться до дѣйствительныхъ виновни-

---

[1]) См. мою статью,—„Вѣстникъ Европы", октябрь 1904 г., „Американская злоба дня", глава III: „Анархія въ штатѣ Колорадо".

ковъ всѣхъ этихъ ужасныхъ преступленій, терроризировавшихъ всю обычную жизнь штата, когда, 30-го декабря 1905 г., Стеубенбергъ, уже давно отслужившій свой губернаторскій срокъ и сдѣлавшійся частнымъ человѣкомъ, былъ разорванъ въ клочки адской машиной, искусно установленной у калитки забора, окружавшаго его домъ,—на глазахъ у жены и дѣтей. Какъ я уже упоминалъ, это былъ очень популярный и симпатичный человѣкъ; власти штата Айдахо, побуждаемые общественнымъ мнѣніемъ, уже успѣвшимъ освободиться отъ страха террора, который все еще связывалъ до извѣстной степени штатъ Колорадо, ассигновали значительныя средства на поимку и осужденіе его убійцъ, и рѣшили, несмотря ни на что, добраться до сути дѣла, такъ какъ личныхъ враговъ у Стеубенберга небыло, и никто не сомнѣвался, что его убійство, такъ или иначе, было запоздалой местью „Западной федераціи" за его участіе въ Кёръ-д'Алинскомъ эпизодѣ. Убійцы были очень скоро открыты, и одинъ изъ нихъ схваченъ — это былъ Гарри Орчардъ, активный членъ союза, участвовавшій и въ Кёръ-д'Алинской, и въ колорадскихъ стачкахъ, канадецъ по происхожденію, уже взрослымъ человѣкомъ переселившійся въ Союзъ. Соучастниками оказались Симпкинсъ и Адамсъ, оба члены исполнительнаго комитета „Западной федераціи"; но Симпкинсу удалось безслѣдно скрыться, и только Адамсъ былъ арестованъ. Улики были такъ неопровержимы, что Орчардъ и Адамсъ вынуждены были сознаться, и въ своихъ сознаніяхъ оговорили Мойера, Хэйвуда и весь исполнительный комитетъ „Западной федераціи", какъ организаторовъ, подстрекателей и финансовыхъ руководителей и убійства Стеубенберга, и цѣлаго ряда преступленій въ штатѣ Колорадо. Показаніе Орчарда заставляетъ содрогаться какъ отъ адской изобрѣтательности этой ужасной шайки, такъ и отъ поразительной извращенности всего ихъ нравственнаго существа. Ужасны теоріи и идеи, доводящія своихъ адептовъ до ужаснаго звѣрства и одичалости. Это не люди, а жесточайшіе психопаты, вредные и опасные для человѣческаго общества гдѣ бы то ни было. Ихъ мѣсто—въ домѣ сумасшедшихъ, на свободѣ ихъ оставлять нельзя, такъ какъ совершенно неизвѣстно, на что̀ ихъ натолкнетъ ихъ больной мозгъ. Обычная мораль и обычная логика для нихъ не существуютъ. Ничѣмъ неограниченное насиліе—ихъ единственное оружіе. Мойеръ, Хэйвудъ и Петтибонъ были выданы властями штата Колорадо властямъ штата Айдахо, и прошлымъ лѣтомъ больше двухъ мѣсяцевъ продолжалось разбирательство дѣла Хэйвуда въ Бойзъ-Сити, столицѣ Айдахо. Соціалисты всей Америки напрягли всѣ усилія, чтобы добиться оправданія; на защиту и расходы собрано было больше полумилліона долларовъ, и шесть знаменитостей между свѣтилами уголовной адвокатуры изъ

Чикаго, Денвера и другихъ городовъ боролись съ прокурорской властью штата Айдахо въ этомъ процессѣ. Городъ Бойзъ-Сити и всѣ его окрестности были запружены соціалистической литературой, и всѣ наиболѣе выдающіеся вожаки соціализма въ странѣ съѣхались туда же, дабы присутствовать при процессѣ, пытаясь всевозможными средствами вліять на общественное мнѣніе маленькаго западнаго городка. Всѣ пружины были пущены въ ходъ: почта властей, свидѣтелей, семей присяжныхъ была полна угрозами смерти, ихъ подъѣзды – подметными угрожающими письмами. Обвинительнаго приговора, какъ бы ни ясны были улики, можно было ожидать только какъ чуда—въ Америкѣ онъ долженъ быть единогласенъ, всѣми 12 присяжными, а при подобныхъ условіяхъ процесса это почти недостижимо. Вся страна была такъ заинтересована этимъ дѣломъ, что судопроизводство печаталось цѣликомъ во всѣхъ газетахъ, съ стенографической точностью и подробностью. Обвиненіе успѣло безусловно доказать и близкую связь убійцъ съ центральной организаціей „Западной федераціи", и снабженіе ихъ средствами изъ казны союза, и многія другія уличающія обстоятельства, какъ искусно ни были заметены слѣды. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что „Западная федерація" пользовалась наемными убійцами, чтобы поддерживать терроръ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Но установить прямого личнаго участія Хэйвуда обвиненію не удалось — онъ былъ только секретаремъ союза; Адамсъ отказался подтвердить свои показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи, и личность Орчарда не внушала ни малѣйшаго довѣрія. Въ своихъ заключительныхъ инструкціяхъ присяжнымъ предсѣдательствовавшій въ судѣ судья Вудсъ установилъ недостаточность уликъ противъ Хэйвуда лично, и онъ былъ оправданъ. Затѣмъ, послѣдовалъ судъ надъ Петтибономъ, противъ котораго имѣются гораздо болѣе прямыя улики, чѣмъ противъ Хэйвуда. Юристы утверждаютъ, что обвиненіе сдѣлало фатальную ошибку, пустивъ сначала дѣло противъ Хэйвуда, а не противъ Петтибона. Какъ бы то ни было, сущность дѣла состояла въ обвиненіи организаціи, и отношеніе къ нему отдѣльныхъ личностей имѣло только второстепенное значеніе, а участіе „Западной федераціи" въ убійствѣ Стеубенберга доказано внѣ всякихъ сомнѣній.

„Западная федерація" насчитываетъ въ своихъ рядахъ до 40.000 членовъ и имѣетъ около четверти милліона опредѣленнаго годового дохода, помимо спеціальныхъ раскладокъ на экстренные расходы въ родѣ вызванныхъ настоящимъ процессомъ. Но, подобно всѣмъ организаціямъ, подпадающимъ господству соціализма, она непрочна, благодаря постояннымъ, и теоретическимъ, и тактическимъ, распрямъ между вожаками. Несмотря на смертельную опасность, которая гро-

зить и ея выборнымъ чинамъ, и многимъ членамъ, вслѣдствіе энергіи, съ которой преслѣдуется убійство Стеубенберга и которая должна бы объединить ея вожаковъ хотя бы временно, въ ея средѣ постоянно происходятъ расколы. Въ южной части штата Невады, доселѣ необитаемой и трудно достижимой, за отсутствіемъ путей сообщенія и воды, за послѣднее время были открыты огромныя новыя металлическія богатства, особенно мѣди и золота, и было основано множество новыхъ рудокопныхъ становъ, какъ Гольдфильдъ, Тонопа, Манхаттанъ, Битти, Райолитъ. Въ нихъ собралось и орудуетъ значительное пришлое населеніе, вычисляемое теперь въ слишкомъ сто тысячъ душъ, состоящее, конечно, преимущественно изъ рудокоповъ. Соціалистъ Сэнтъ-Джонъ отдѣлился отъ „Западной федераціи" и организовалъ извѣстную ихъ часть подъ названіемъ „Промышленныхъ работниковъ міра" — Industrial Workers of the World — и тотчасъ же перешелъ къ насилію, разсчитывая на неустойчивость авторитета закона и власти въ совершенно новыхъ поселеніяхъ и на силу террора. Когда объявленная имъ стачка не достигла цѣли, онъ провозгласилъ „активный" бойкотъ противъ несоюзнаго труда, и одинъ изъ его сообщниковъ хладнокровнѣйшимъ образомъ застрѣлилъ среди бѣлаго дня трактирщика, не отказавшаго въ обѣдѣ несоюзному рабочему. Но населеніе стана, вмѣсто обычнаго подчиненія, проявило самостоятельность и энергію—и убійца, и Сэнтъ-Джонъ, и всѣ его главные сообщники были схвачены и немедленно преданы суду; потребовалось всего нѣсколько недѣль на то, чтобы отправить ихъ на долгіе сроки въ пенитенціарную тюрьму, и терроръ въ штатѣ Невадѣ былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что разоблаченіе тайнъ дѣятельности „Западной федераціи" и „Промышленныхъ работниковъ" надолго освободитъ рудники Запада отъ соціалистическихъ эксцессовъ какого бы то ни было рода.

III.

Когда городъ Санъ-Франциско былъ разрушенъ землетрясеніемъ 18 апрѣля предпрошлаго года, значительная часть нашей религіозной печати заявила, что онъ, подобно древнимъ Содому и Гоморрѣ, вполнѣ заслужилъ эту участь своимъ развратомъ и распущенностью, и былъ справедливо наказанъ божьимъ промысломъ за свои грѣхи. Я лично знаю нѣсколько семей, искренно вѣрившихъ въ истину этого объясненія и навсегда покинувшихъ городъ благодаря этому. Говорятъ, что въ извѣстныхъ сферахъ это объясненіе остается въ силѣ и по настоящій моментъ. Все то, что̀ городу Санъ-Франциско пришлось и

приходится переживать со времени землетрясенія, дѣйствительно не имѣетъ хоть сколько-нибудь подходящей параллели во всей исторіи Союза, и, на мой взглядъ, должно бы послужить самымъ поучительнымъ, самымъ яркимъ доказательствомъ абсолютной несостоятельности и опасности для общаго благосостоянія даже свободной, культурной страны какихъ-либо одностороннихъ крайностей, такъ страстно пропагандируемыхъ теперь извѣстными элементами въ Россіи.

И штатъ Калифорнія, и городъ Санъ-Франциско создались не обычнымъ медленнымъ путемъ другихъ американскихъ земледѣльческихъ и промышленныхъ общинъ, а какъ-то вдругъ, сразу и неожиданно, благодаря страшному обилію золота на поверхности территоріи. Значеніе, вліяніе и богатство общины были созданы и обезпечены прежде всего и весьма наглядно тяжелымъ трудомъ золотоискателей при самыхъ невыгодныхъ жизненныхъ условіяхъ, и чисто рабочіе элементы естественно захватили въ ней сразу преобладающее положеніе. Нигдѣ въ мірѣ не было такого большого процента скороспѣлыхъ богачей, какъ бы волшебствомъ обратившихся изъ поденщиковъ въ милліонеры. Нигдѣ въ мірѣ не было такого полнаго отсутствія вліяній преимуществъ рожденія и наслѣдственныхъ состояній, и всего, что они несутъ съ собою. Личныя качества человѣка были рѣшающимъ факторомъ его значенія въ людской толпѣ и общинѣ. У калифорнійца была своя мораль, свой нравственный и душевный укладъ, такъ какъ скороспѣлый милліонеръ не могъ и не умѣлъ отдѣлаться отъ міровоззрѣнія и импульсовъ рабочаго. Благодаря этому, очень долгое время существовали своеобразныя, исключительныя отношенія между нанимателемъ и рабочимъ, и отсутствовали обычныя повсюду классовыя различія, а когда они и появились, ихъ основы существенно различествовали отъ общепринятыхъ. Интересы рабочаго продолжали преобладать въ Калифорніи гораздо больше, чѣмъ, гдѣ-либо на Востокѣ или въ Центрѣ Союза. Когда завелись въ странѣ ремесленныя организаціи, ихъ идея не встрѣтила въ Калифорніи такого противодѣйствія, какъ на Востокѣ, и въ городѣ Санъ-Франциско онѣ развились и окрѣпли чрезвычайно быстро. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ онѣ уже оказались достаточно сильными и вліятельными, чтобы принудить націю воспретить дальнѣйшую иммиграцію китайцевъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это и на свою численность, онѣ не пытались пускаться въ политику и захватить въ свои руки муниципальную власть въ городѣ, — онѣ чутко охраняли свои прямые интересы и добились того, что, въ среднемъ, и рабочій день въ Санъ-Франциско былъ короче, и заработная плата выше, чѣмъ гдѣ-либо во всемъ остальномъ Союзѣ. Муниципальная власть въ городѣ находилась въ рукахъ то той, то другой политической партіи,

и была болѣе или менѣе чиста отъ нареканій въ какой-либо грязи; въ числѣ мэйоровъ были такіе люди, какъ Сютро, Филанъ, милліонеры съ безупречнымъ характеромъ и огромными опытомъ и работоспособностью. Санъ-Франциско составлялъ исключеніе въ числѣ большихъ городовъ Союза, никогда не имѣвши ни гроша долга, хотя и обладалъ множествомъ примѣрныхъ общественныхъ учрежденій. Хартія, которою онъ управляется, весьма своеобразна. Заключая въ своихъ предѣлахъ около трети населенія штата, городъ всегда пользовался преобладающимъ вліяніемъ въ штатной легислатурѣ, и, вѣря въ добросовѣстность своихъ мэйоровъ, провелъ такой уставъ для своего управленія, который предоставляетъ имъ въ сущности единоличную власть, такъ какъ они назначаютъ всѣхъ членовъ коммиссій, завѣдующихъ отдѣльными частями—полиціей, пожарными, парками, улицами, зданіями и всякой другой собственностью города. Онъ отказался отъ своего права на выборъ всѣхъ этихъ чиновъ, и предоставилъ его мэйору, дѣлая его одного отвѣтственнымъ за всѣ части управленія. Насколько мнѣ извѣстно, хартія города Санъ-Франциско идетъ въ этомъ направленіи дальше хартій всѣхъ остальныхъ крупныхъ городовъ Союза. Все шло хорошо, пока городъ управлялся всѣмъ населеніемъ, и мэйорами были честные, независимые люди. Но, съ теченіемъ времени, нѣкоторые ремесленные союзы города заразились соціалистической пропагандой, и у ея вожаковъ зародилась мысль захватить муниципальную власть въ городѣ, воспользоваться односторонностью его хартіи и установить классовое рабочее управленіе. Помимо общихъ организацій для объединенія однородныхъ ремеслъ, какъ, напр., строительнаго, газетнаго, ресторawnнаго, и т. д., въ Санъ-Франциско издавна существуетъ и общій совѣтъ ихъ, объединяющій весь союзный трудъ города;—захвативъ большинство этого совѣта, соціалисты могли начать дѣйствовать съ большей или меньшей увѣренностью, не обращая особеннаго вниманія на настроеніе и дѣйствительныя желанія рабочихъ массъ, обыкновенно подчиняющихся энергичному и ловкому руководству, часто вопреки своимъ собственнымъ симпатіямъ. Изучая исторію дѣятельности соціалистовъ при посредствѣ ремесленныхъ союзовъ въ Америкѣ, я всюду натыкаюсь на одну и ту же тактику. Открытыя попытки захватить власть въ этихъ организаціяхъ путемъ резолюцій на ихъ общихъ періодическихъ собраніяхъ неизмѣнно кончаются неудачами, забаллотировкой этихъ резолюцій огромными большинствами, есятью и болѣе противъ одного, и въ послѣднее время соціалисты совершенно оставили такія попытки и прибѣгли къ другому, болѣе скорому и дѣйствительному пути. Переманивъ на свою сторону, такъ или иначе, большинство выборныхъ чиновъ извѣстнаго союза, или, чаще, штатной или городской объединительной организаціи, они поль-

зуются оффиціальной властью этихъ чиновъ и руководятъ ею по своему усмотрѣнію, сами оставаясь въ тѣни. Тотъ же методъ былъ употребленъ ими и въ Санъ-Франциско, и они быстро сдѣлались руководителями движенія и безъ его санкціи—общими собраніями рабочихъ. Очень трудно назвать дѣйствительныхъ вожаковъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ они, несомнѣнно, остались очень искусно за кулисами,—открытыми же руководителями считаются Фурузетъ, русскій финнъ, главарь матросскаго союза, Макъ-Карти, ирландецъ, главарь организаціи строительныхъ ремеслъ, Корнилiусъ, главарь трамвайныхъ рабочихъ, норвежецъ Твейтмо, профессіональный агитаторъ муниципальнаго соціализма. Идея возможности захвата власти въ городѣ этими господами казалась настолько невозможной остальному населенію, составляющему громадное большинство, что оно не обратило на нее надлежащаго вниманія, продолжало свое обычное раздѣленіе сообразно своей политической партійности и назначило нѣсколько тикетовъ—а въ результатѣ оказался избраннымъ небольшимъ относительнымъ большинствомъ кандидатъ рабочихъ Шмицъ, скрипачъ-музыкантъ одного изъ театральныхъ оркестровъ, нѣмецкаго происхожденія и безъ какихъ-либо квалификацій для занятія этой должности, кромѣ высокаго роста и оригинальной красивой наружности. Съ нимъ были выбраны и почти всѣ другіе кандидаты рабочихъ на городскія должности—въ совѣтъ наблюдателей, въ судьи, въ шерифы и т. д. Эффектъ былъ необычайный, но ничего не оставалось дѣлать, какъ передать имъ власть. Шмицъ, конечно, немедленно воспользовался всѣми прерогативами своего мѣста и перемѣнилъ весь личный составъ служащихъ, наполнивъ его своими сообщниками—такъ или иначе представителями организованнаго труда. Главнымъ совѣтникомъ Шмица оказался нѣкто Абрагамъ Руфъ, еврей-адвокатъ, человѣкъ абсолютно безпринципный и безнравственный, но удивительно ловкій, находчивый и изощренный во всяческихъ мерзостяхъ. Имѣя за собой судъ, полицію и всѣ городскія исполнительныя коммиссіи и власти, эта достойная пара упразднила законъ и приняла такую тактику, чтобы, съ одной стороны, предоставить неограниченную свободу дѣйствія вожакамъ ремесленныхъ союзовъ, а съ другой—привлекать къ себѣ всѣ продажные капиталистическіе элементы продажей имъ всевозможныхъ привилегій и преимуществъ въ эксплоатаціи городскихъ хартій. Началось нѣчто невозможное, неслыханное, настоящая сатурналія всевозможныхъ преступленій и противъ города, и противъ частныхъ лицъ. Многіе союзы вступили въ сдѣлки съ своими нанимателями, съ подрядчиками и заводчиками, и совмѣстно грабили населеніе. Мнѣ лично достовѣрно извѣстно, напримѣръ, что древообработывающіе заводчики, взамѣнъ анормальнаго увеличенія заработной платы, получили факти-

ческое недопущеніе въ предѣлы города какого бы то ни было обработаннаго древеснаго матеріала, такъ что оказались въ состояніи назначать всѣ цѣны по своему усмотрѣнію, не имѣя никакой конкурренціи. Цѣлый корабельный грузъ обработаннаго въ половыя доски теса не былъ допущенъ къ разгрузкѣ, пока его владѣльцы не согласились уплатить сполна вторично за его обработку;—тесъ былъ доставленъ на мѣстный заводъ и пропущенъ сквозь машины для видимости, хотя машины эти его не коснулись. Было отправлено назадъ нѣсколько вагоновъ школьной мебели, предназначавшейся для городскихъ женшколъ, такъ какъ работа, согласно вышеупомянутой сдѣлкѣ, принадлежала мѣстнымъ заводамъ, хотя они и требовали за нее двойную цѣну. Словомъ, была учреждена самая безжалостная внутренняя таможня для всего, что могло быть сдѣлано дома, и допущенъ ввозъ только сырого товара. Съ другой стороны, стотысячныя взятки были получены съ газовой компаніи за право поднять цѣну на газъ, съ трамвайной—за право перемѣнить кабель на электричество, съ телефонной—за хартію. Публичные и игорные дома, кабаки, рестораны съ продажей питей и нумерами въ верхнихъ этажахъ и тому подобныя учрежденія были обложены тяжелыми секретными налогами въ пользу новой администраціи за потворство и покровительство;—а когда и этого оказалось недостаточнымъ для удовлетворенія разыгравшихся аппетитовъ, родной братъ мэйора открылъ огромный публичный домъ, убившій вокругъ всякую конкурренцію и дававшій баснословные барыши,—пользуясь абсолютной свободой дѣйствія и исключеніемъ относительно исполненія какихъ-либо регулирующихъ постановленій. Особенной протекціей пользовались кабаки, покупавшіе напитки въ складахъ друзей мэйора. Руфъ, котораго якобы нанимали предприниматели, какъ адвоката для защиты всѣхъ своихъ интересовъ, служилъ посредникомъ и щитомъ, дабы не могло сохраниться никакихъ доказательствъ подобныхъ сдѣлокъ. Въ то же время онъ тщательно слѣдилъ за всѣми пружинами вновь созданной политической организаціи, удовлетворялъ недовольныхъ, каралъ непокорныхъ, изобрѣталъ новыя статьи доходовъ и новыя мѣста и оклады за счетъ города для вѣрныхъ. Все шло какъ по маслу, и Шмицъ, незадолго до землетрясенія, былъ выбранъ на третій срокъ, хотя въ городѣ уже сказывалось глухое недовольство и появились нѣкоторые зловѣщіе признаки. „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“,—и подобный режимъ никогда и нигдѣ въ Америкѣ не можетъ продолжаться долго. Неизбѣжному уголовному финалу много помогло землетрясеніе. Масса населенія потеряла все, и разореніе развязало имъ языки. Нѣкто Рудольфъ Спрекельсъ, молодой человѣкъ съ многомилліоннымъ состояніемъ, уроженецъ Санъ-Франциско и постоянный его житель, рѣшился изобличить кошмаръ, одо-

лѣвшій его родной городъ. Предстояло назначеніе новаго грандъ-жюри, учрежденія изъ 19-ти лицъ, ревизующаго всѣ общественныя мѣста и имѣющаго право преданія уголовному суду какъ выборныхъ чиновъ, такъ и гражданъ. Спрекельсъ убѣдилъ городского прокурора Лангдона назначить своимъ товарищемъ нѣкоего Хенлэя, адвоката, получившаго громкую извѣстность своей энергіей, находчивостью и настойчивостью при преслѣдованіи хищниковъ казенныхъ земель въ штатѣ Орегонѣ, далъ ему въ помощь знаменитаго на всемъ тихоокеанскомъ побережьи сыщика Бёрнса и открылъ имъ неограниченный кредитъ на расходы по раскрытію всѣхъ преступленій соціалистической городской администраціи. Хенлэй и Бёрнсъ успѣли провести въ составъ грандъ-жюри независимыхъ и ловкихъ людей — и начали разматывать клубокъ искусно и осторожно. Прежде всего былъ привлеченъ совѣтъ наблюдателей—Board of Supervisors—нѣчто въ родѣ городской думы, состоящій изъ 18-ти членовъ, поголовно ставленниковъ Шмица. Большинство было быстро приперто въ уголъ неопровержимыми доказательствами, такъ что 16-ть изъ нихъ были вынуждены сознаться во всевозможныхъ преступленіяхъ—взяточничествѣ, потворствѣ, вымогательствѣ, и т. д. При ихъ посредствѣ были, затѣмъ, привлечены Руфъ и Шмицъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своей работы грандъ-жюри вынесло 335 преданій суду разныхъ лицъ—и взяточниковъ, и вымогателей, и городскихъ властей разнаго рода и калибра, и дававшихъ взятки компаній и частныхъ лицъ. Первымъ обвиненіемъ было вымогательство Шмица и Руфа у содержателей французскихъ ресторановъ, безукоризненно обставленное прокурорскимъ надзоромъ. Руфъ, сначала наглый и вызывающій, скоро, однако, струсилъ и кончилъ полнымъ сознаніемъ и предательствомъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Шмицъ не сознавался, но былъ осужденъ судомъ присяжныхъ и приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ пенитенціарной тюрьмѣ. Ничто такъ не поражало на моей памяти здѣшней публики, какъ этотъ приговоръ:—никто не ожидалъ, чтобы въ городѣ Санъ-Франциско, при настоящихъ условіяхъ, можно было найти двѣнадцать человѣкъ, которые признали бы Шмица виновнымъ. Соціализмъ такъ фанатиченъ, что еслибъ въ составъ присяжныхъ попалъ хоть одинъ зараженный имъ субъектъ, обвиненія нельзя бы было добиться;—сдѣлалось очевиднымъ, что онъ далеко не такъ распространенъ въ Санъ-Франциско, какъ этого опасалась публика. Много шуму, но никакихъ дѣйствительныхъ корней.

Сначала разоблаченія, а затѣмъ неизбѣжность судебныхъ процессовъ и обнаруженія безграничной преступности рабочаго управленія городомъ быстро довели вожаковъ движенія до чрезвычайной взвинченности и вынудили ихъ на крайнія мѣры. Были объявлены стачки

въ различныхъ отрасляхъ—желѣзодѣлательной, прачешной, телефонной, наконецъ, трамвайной. Забастовали до 40.000 рабочихъ,—и остановили почти всю промышленную жизнь города. Необходимо замѣтить, что, несмотря и на такъ уже анормально-высокую заработную плату, землетрясеніе повысило ее еще больше. Ремесленники въ Санъ-Франциско до стачки получали по 6, 8, 10, даже до 16 долларовъ въ день. Самый послѣдній чернорабочій получалъ не менѣе 2½ долларовъ. Союзы воспользовались землетрясеніемъ, чтобы сразу поднять плату, для чего ограничили число членовъ въ своихъ союзахъ, совсѣмъ прекративъ пріемъ пріѣзжихъ, и, несмотря на огромное требованіе въ виду необходимости очистки развалинъ и быстрой постройки новыхъ помѣщеній, не допускали въ городъ непринадлежащихъ къ мѣстнымъ организаціямъ ремесленниковъ и рабочихъ. Констатировано, напримѣръ, внѣ всякихъ сомнѣній, что хотя мѣстные водо- и газопроводчики и подняли плату до 12 долларовъ въ день, не успѣвая справиться и съ третью необходимой неотложно работы по возстановленію разрушенныхъ сточныхъ, водяныхъ и газовыхъ трубъ,—нѣсколько сотъ наѣхавшихъ изъ разныхъ мѣстъ рабочихъ этихъ ремеслъ вынуждены были искать работы на фермахъ и желѣзныхъ дорогахъ по два доллара въ день, такъ какъ ихъ не допустили въ городъ. Вычислено, что вмѣсто 35 тысячъ, занятыхъ въ настоящее время въ Санъ-Франциско перестройкой города, нужны 90.000, и что это искусственное, преднамѣренное ограниченіе, страшно задерживающее новыя постройки, удвоило ренты и повысило всѣ жизненные расходы гораздо больше, чѣмъ всѣ остальныя неблагопріятныя условія, вмѣстѣ взятыя. Не подлежитъ сомнѣнію, что стачки эти произошли не на экономической почвѣ, а были угрозой, насиліемъ, дабы такъ или иначе удержать въ своихъ рукахъ управленіе несчастнымъ городомъ. Онѣ-то и выяснили больше всего закулисное участіе соціалистовъ, которые созывали частые публичные митинги, произносили зажигательныя рѣчи и предлагали самыя крайнія мѣры. Дабы поддержать броженіе и вызванную стачками анархію, соціалисты многихъ крупныхъ городовъ послали въ Санъ-Франциско своихъ лучшихъ говоруновъ;—особенно отличалась извѣстная Эмма Гольдтманъ, русская еврейка, привлекавшаяся еще по дѣлу объ убійствѣ президента Макъ-Кинлэя. Были даже сдѣланы попытки объявить хартіи трамвайныхъ компаній утраченными и обратить ихъ въ собственность города. Особенно отвратительна была именно стачка трамвайная, сопровождавшаяся многими убійствами, взрывами, разрушеніемъ имущества, избіеніемъ и оскорбленіемъ даже женщинъ и дѣтей, осмѣливавшихся ѣздить въ вагонахъ вопреки бойкоту. Землетрясеніе или разрушило, или повредило всѣ трамвайные пути въ городѣ, нанеся компаніямъ громадные, много-

милліонные безвозвратные убытки. Чтобы привести ихъ въ порядокъ, потребовался огромный новый капиталъ, хотя народонаселеніе города, а слѣдовательно и доходность системъ, убавились на половину. За послѣдніе три года, трамвайный союзъ, пользуясь открытымъ потворствомъ властей города и полиціи, устроилъ нѣсколько стачекъ, и заработная плата была на цѣлую треть выше, чѣмъ, напр., въ нашемъ городѣ. Вожакъ союза, извѣстный Корнилiусъ, получалъ 400 долларовъ въ мѣсяцъ жалованья, разъѣзжалъ по городу въ дорогомъ автомобилѣ и велъ самую роскошную жизнь празднаго набоба. Страшась насилій, компаніи, до возобновленія путей, заключили условіе съ союзомъ о заработной платѣ на одинъ годъ—до 1-го мая 1907 года. Но уже въ слѣдующемъ же декабрѣ союзъ опять устроилъ стачку; несмотря на это условіе,—послѣ многодневныхъ страшныхъ безпорядковъ,—состоялось соглашеніе объ арбитраціи, которая постановила свое рѣшеніе въ мартѣ, принятое обѣими сторонами, а въ маѣ союзъ опять устроилъ новую стачку, отказался на-отрѣзъ отъ арбитраціи и сразу вступилъ на путь насилій. Главнымъ практическимъ аргументомъ въ пользу ремесленныхъ союзовъ всегда было, есть и будетъ то положеніе, что предпринимателю выгоднѣе обезпечить себя взаимнымъ соглашеніемъ со своими рабочими, чѣмъ рисковать острымъ столкновеніемъ съ сомнительнымъ выходомъ—и ремесленные союзы въ Америкѣ тамъ, гдѣ они свободны отъ постороннихъ вліяній, всегда свято выполняютъ такія соглашенія, и ихъ конституціи обставляютъ ихъ чрезвычайно устойчиво и добросовѣстно. Въ зараженномъ Санъ-Франциско они утратили всякій смыслъ—соціализмъ не стѣсняется конституціями и не признаетъ „буржуазной морали", и, разъ это кажется нужнымъ, относится крайне безцеремонно къ какимъ бы то ни было обязательствамъ.

Несмотря на сознаніе членовъ совѣта наблюдателей и Руфа и на осужденіе Шмица, порядокъ и законность въ городѣ Санъ-Франциско еще далеко не ограждены и не обезпечены. И вся власть и полиція все еще находятся въ рукахъ ставленниковъ Шмица и К°, и они, повидимому, все еще надѣются удержать за собой управленіе городомъ. Не только преданіе суду, но и осужденіе присяжными не лишаютъ въ Америкѣ выборныхъ чиновъ ихъ мѣстъ. У обвиненнаго Шмица, хотя онъ и заключенъ въ тюрьму, остались права апелляціи и кассаціи приговора, и онъ можетъ протянуть дѣло нѣсколько лѣтъ. Населеніе страшно деморализировано—оно было существенно перетасовано землетрясеніемъ, составъ избирателей очень неопредѣленъ и все еще находится подъ давленіемъ рабочаго террора, и никакъ нельзя предвидѣть, окажется ли оно способнымъ энергично поддержать обвиненіе. Конечно, мотивы Спрекельса неизвѣстны—на

этотъ счетъ ходятъ всевозможные слухи. Мнѣ пришлось бесѣдовать со многими дѣловыми людьми Санъ-Франциско, совершенно упавшими духомъ. Понадобится долгое время, чтобы возстановилось довѣріе и вытравилась та тлетворная зараза, которая привита городу, благодаря одностороннему рабочему режиму подъ руководствомъ соціализма. Несомнѣнно пострадаютъ прежде всего и больше всего прямые интересы ремесленныхъ союзовъ. Вмѣсто эры согласія и взаимнаго довѣрія, уже наступила эра острой борьбы между капиталомъ и трудомъ, которая неизбѣжно кончится только разгромомъ организацій послѣдняго. Капиталъ остановилъ уже всякій кредитъ, пока не будетъ возстановленъ порядокъ, т.-е. устраненъ произволъ рабочей тиранніи. А безъ кредита разрушенному Санъ-Франциско невозможно возникнуть изъ пепла. Трамвайныя компаніи и большинство крупныхъ подрядчиковъ и предпринимателей всякаго рода безусловно отказываются вступать въ какія-либо соглашенія съ союзами, настаиваютъ на правѣ нанимать трудъ несоюзный, и, повидимому, преобладанію организованнаго труда пришелъ конецъ. Поддавшись вліяніямъ соціализма, онъ въ одинъ годъ потерялъ и общественныя симпатіи, и все то, что успѣлъ отвоевать у капитала, благодаря и особенностямъ исторіи Калифорніи, и нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ осторожной, благоразумной политики.

IV.

Никогда еще результаты вліяній соціализма на дѣятельность ремесленныхъ союзовъ на практикѣ не выяснялись такъ выпукло и безпощадно, какъ это выяснили вышеописанныя происшествія. Наша серьезная печать полна теперь обсужденіемъ этихъ процессовъ и уясненіемъ ихъ общаго значенія для всей страны.

Германская соціалъ-демократія тоже пыталась въ послѣднее время обратить нѣмецкія рабочія массы на насильственный путь. Нью-Іоркъ кишитъ пріѣзжими апостолами соціализма всѣхъ націй, открыто проповѣдующихъ насиліе. Очевидно, что для адептовъ соціализма наступилъ такой историческій моментъ, когда имъ прискучило дальнѣйшее пережевываніе ихъ теорій, съ каждымъ годомъ раздробляющее ихъ на бо̀льшее число отдѣльныхъ кликъ, и что они намѣрены приступить такъ или иначе къ ихъ осуществленію, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Мирная эволюція оказалась слишкомъ медленной, не дала ожидавшихся и предсказывавшихся вожаками результатовъ. Въ соціалистическихъ массахъ зародились сомнѣнія и нетерпѣніе, недовольство продолжающейся неопредѣленностью наступленія давно обѣщаннаго имъ милленіума, и руководители вынуждены перемѣнить тактику.

Въ настоящій моментъ общество имѣетъ дѣло уже не съ кабинетными теоретиками-мечтателями, поѣдающими другъ друга, а съ активнымъ противникомъ, сильнымъ не истиной или численностью, а равносильнымъ религіозному фанатизмомъ и рѣшительно ничѣмъ не ограниченной свободой въ выборѣ методовъ и средствъ. Все позволительно. Въ этомъ смыслѣ современные соціалисты ни въ чемъ не уступаютъ блаженной памяти іезуитамъ съ ихъ знаменитымъ motto—„цѣль оправдываетъ средства". Въ своей борьбѣ съ соціализмомъ общество не должно ни на минуту упускать изъ виду этого факта. Соціализмъ успѣлъ обратиться въ религію, принимаемую на вѣру молодежью, и обычные пути къ умиротворенію человѣческихъ несогласій въ данномъ случаѣ не могутъ быть дѣйствительными. Соціализмъ не подлежитъ воздѣйствію ни логики мысли, ни логики фактовъ. Съ нимъ нельзя разсуждать или переговариваться, такъ какъ онъ глухъ на оба уха ко всему, что съ нимъ несогласно, и способенъ обсуждать только несогласія въ своей собственной сферѣ. Ко всему остальному міру онъ относится безразлично, такъ какъ можетъ дышать только своей собственной атмосферой, тѣмъ воображаемымъ порядкомъ, который угнѣздился въ его больномъ мозгу. Мало того. Онъ рѣшилъ всюду дѣйствовать активно, несмотря на свои настоящія силы. Не важно то, что онъ пишетъ о своей тактикѣ въ публикуемыхъ для общественнаго потребленія платформахъ—важно, какъ онъ дѣйствуетъ. На мой взглядъ, это доказано безусловно всюду, гдѣ онъ выступалъ активно въ послѣднее время. У насъ это начинаютъ понимать повсюду, и процессъ Хэйвуда и положеніе дѣлъ въ Санъ-Франциско подвернулись какъ нельзя больше кстати. Президентъ Рузевельтъ, можетъ быть благодаря близости выборной кампаніи, сдѣлался въ послѣднее время очень осторожнымъ и ловкимъ дипломатомъ-политиканомъ, а и онъ не усумнился въ публичномъ письмѣ обозвать Дэбса, Хэйвуда и Мойера нежелательными гражданами — undesirable citizens. Въ самомъ дѣлѣ, численность убѣжденныхъ соціалистовъ, въ родѣ этихъ господъ, въ Америкѣ крайне незначительна. Они никоимъ образомъ не могутъ разсчитывать на какой-либо прочный успѣхъ своихъ соціалистическихъ начинаній, на сколько-нибудь продолжительный захватъ власти хотя бы въ отдѣльномъ графствѣ. Имъ приходится пускать въ ходъ цѣлую массу ужаснѣйшихъ преступленій, убивать десятки и сотни людей, разрушать и уничтожать стоющее многіе милліоны имущество, разорять цѣлыя мѣстности—только чтобы въ концѣ концовъ видѣть распаденіе своихъ союзовъ и обнищаніе цѣлыхъ тысячъ своихъ послѣдователей. Все, на что они могутъ надѣяться—это большій или меньшій размѣръ разрушенія, — о созиданіи чего-либо, объ укорененіи любезнаго имъ порядка вещей они не могутъ и мечтать при настоящемъ

состоянiи человѣческаго общества въ Союзѣ. Они могутъ добиться только славы Герострата. А исторiя Санъ-Франциско доказываетъ безусловно, какъ немыслимо классовое управленiе рабочимъ классомъ, какъ онъ неспособенъ въ отдѣльности не только на какое-либо созиданiе, но и на сохраненiе уже существующаго. Не подлежитъ сомнѣнiю, что громадное большинство членовъ „Западной федерацiи рудокоповъ“ и ремесленныхъ союзовъ въ городѣ Санъ-Франциско, какъ и всѣ американскiе ремесленники, люди въ своей частной жизни честные, добросовѣстные, не только не склонные къ преступленiю, но и осуждающiе его всѣми силами души. Говорятъ, Шмицъ до своего мэйорства былъ очень симпатичнымъ, честнымъ, добродушнымъ человѣкомъ. Но какъ только власть попала имъ въ руки, они сами оказались въ рукахъ огромной шайки первоклассныхъ мошенниковъ, съ Руфомъ во главѣ, эксплоатировавшихъ во-всю ихъ неопытность и невѣжество, и очень быстро развратившихъ ихъ соблазнами роскоши и опьяненiемъ мишурнымъ могуществомъ. И за матерiальные убытки города, и за преступленiя расплатятся сторицей тѣ же рабочiе и исходящiе отъ нихъ представители власти, какъ Шмицъ и другiе чины, тогда какъ Руфъ заблаговременно перебрался въ лагерь новыхъ хозяевъ положенiя, предалъ своихъ бывшихъ сообщниковъ и, вѣроятно, окажется и сравнительно безнаказаннымъ, и сохранившимъ награбленное золото. Жадный предприниматель, освобожденный на долгое время отъ цѣлесообразнаго контроля поддерживаемыхъ общественнымъ мнѣнiемъ сильныхъ ремесленныхъ союзовъ, наступитъ на горло рабочему и понизитъ заработную плату до возможнаго минимума, возмѣщая свои прежнiе убытки и униженiе, а господа соцiалисты переберутся въ другой городъ и приложатъ всѣ усилiя, чтобы достичь тѣхъ же результатовъ и тамъ.

Борьба общества съ соцiализмомъ не только стòитъ народамъ разныхъ странъ съ каждымъ годомъ все бòльшихъ и бòльшихъ расходовъ, но и задерживаетъ все чувствительнѣе развитiе общаго благосостоянiя. Я имѣю въ виду не одни матерiальные убытки, а и тѣ огромныя умственныя силы, которыя уходятъ на эту борьбу совершенно непроизводительно. Мнѣ кажется, что совокупности всѣхъ цивилизованныхъ странъ мiра было бы гораздо дешевле и цѣлесообразнѣе доставить соцiалистамъ возможность продѣлать гдѣ-нибудь на практикѣ предлагаемый ими золотой вѣкъ. Пусть они устроятъ тамъ на полной свободѣ свой милленiумъ и докажутъ мiру практичность и цѣлесообразность новаго порядка вещей.

Откровенность, съ которою я высказалъ все вышеизложенное о соцiализмѣ въ Америкѣ, можетъ ввести читателя въ заблужденiе. Онъ можетъ упрекнуть меня въ узкости, въ нетерпимости, и потому, за-

канчивая настоящую статью, я считаю необходимымъ оговориться. Моей цѣлью было не опроверженіе соціализма, не полемика на принципіальной почвѣ, а выясненіе тактики современныхъ руководителей этого ученія, ихъ практическихъ пріемовъ, ихъ стремленія добиться насиліемъ и преступленіемъ того, чтò они считаютъ—большинство, конечно, вполнѣ искренно—полезнымъ и даже необходимымъ для человѣческаго общества. Они—безспорно незначительное меньшинство въ любой странѣ, а особенно въ Америкѣ — пытаются навязать свое лекарство громадному большинству противъ его воли, и, не довольствуясь убѣжденіемъ, прибѣгаютъ къ террору въ той или другой формѣ, хотя цѣлительность этого лекарства основана исключительно на теоретическихъ предположеніяхъ и представленіяхъ, по поводу которыхъ они далеко не согласны и между собою,—и не только эта цѣлительность не доказана опытомъ, а и имѣетъ въ своей исторіи только безпрерывный рядъ абсолютныхъ неудачъ. Я возстаю противъ этой тактики насилія, противъ этого стремленія заставить общество повѣрить имъ на слово. Я не могу вѣрить въ цѣлесообразность разрушенія существующаго зданія, продукта совокупной человѣческой мудрости многихъ тысячелѣтій, прежде даже чѣмъ архитекторы согласились между собой о планѣ новаго и заручились добровольнымъ согласіемъ владѣльцевъ на перемѣну.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1908.

Смѣна министра народнаго просвѣщенія. — Чтò должно стоять на очереди: возрожденіе ли внѣшняго могущества, или внутренней силы страны?—Реакція въ земствѣ. — Изъ дѣятельности комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства. — Кровавое столкновеніе въ свіяжскомъ уѣздѣ.—Октябристъ объ обузданіи печати. — О привлеченіи къ суду партіи „народной свободы".

Первое января, шестое декабря—до 1894 г. тридцатое августа—и первый день Пасхи — дни, передъ которыми всегда усиливаются всякаго рода слухи, толки и разговоры, наступленія которыхъ напряженно ждутъ и въ которые покупаютъ и читаютъ „Правительственный Вѣстникъ" даже тѣ, кто вообще никогда не заглядываетъ въ оффиціальную газету. Это—дни наградъ чинами, орденами, медалями и званіями чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ, степеней и ранговъ, канцелярскихъ служителей, курьеровъ, продавщицъ казенныхъ винныхъ лавокъ и отличившихся на поприщѣ торговли и промышленности—обыкновенно неизвѣстно чѣмъ—купцовъ и фабрикантовъ.

Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, какое количество лицъ естественно нервничаетъ и волнуется передъ Новымъ Годомъ, Пасхой и днемъ тезоименитства Государя. При томъ значеніи, которое у насъ долгими-долгими десятилѣтіями закрѣплено за чиновничествомъ, естественно, что ихъ волненіе передается на окружающихъ и даже на обывателей, казалось бы, вовсе не заинтересованныхъ—получитъ или нѣтъ губернаторъ „гофмейстера" или ленту, исправникъ—„владиміра", земскій начальникъ—„анну" или „камеръ-юнкера". Получитъ начальство награду—станетъ сговорчивѣе и добрѣе; не получитъ—жди напастей обиженнаго и раздраженнаго самолюбія. А чтò такое для обывателя темпераментъ „начальства" и состояніе духа — благодушное или раздраженное — объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво засвидѣтельствовала и свидѣтельствуетъ каждый день практика неуклонной „законности". Опытные секретари и чиновники особыхъ порученій весьма часто предупреждаютъ просителей: „подождите, вотъ получитъ ленту—тогда"... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ министерствѣ чуть не за мѣсяцъ до Пасхи, когда министръ ожидалъ получить высокую награду, были остановлены всѣ наиболѣе важныя дѣла. „Не подступишься"—говорили директора департаментовъ.

Но есть и другая, болѣе глубокая причина привычнаго ожиданія этихъ трехъ дней въ году: къ нимъ всегда пріурочивалась въ доконституціонное время смѣна руководителей политики того или иного вѣдомства. А слѣдовательно — и смѣна направленія самой политики въ данной отрасли управленія, такъ какъ, при существовавшей у насъ вѣдомственной обособленности и самостоятельности, въ большинствѣ случаевъ не назначеніе лицъ соотвѣтствовало принятому политическому курсу, а наоборотъ. Можно было думать, что съ образованіемъ представительныхъ учрежденій и совѣта министровъ, т.-е. министерства въ техническомъ смыслѣ понятія, такой обычай навѣки ушелъ въ прошлое. Дѣйствительно, почему общій или частичный министерскій кризисъ долженъ непремѣнно разрѣшаться не тогда, когда онъ возникъ, а въ опредѣленныя даты? Чтò общаго между расколомъ среди членовъ объединеннаго правительства и Новымъ Годомъ и первымъ днемъ Пасхи? Почему утратившій довѣріе монарха министръ не сразу, въ моментъ утраты довѣрія, увольняется въ отставку? Оказывается, обычай въ прошлое не уходилъ. Задолго до перваго января стали передаваться слухи, что на Новый Годъ будетъ уволенъ министръ народнаго просвѣщенія, П. М. фонъ-Кауфманъ, и слухи оправдались.

По обстоятельствамъ, при которыхъ оно состоялось, увольненіе П. М. фонъ-Кауфмана гораздо знаменательнѣе, нежели сама по себѣ замѣна его г. Шварцемъ. П. М. фонъ-Кауфманъ не былъ яркой фигурой въ составѣ кабинета П. А. Столыпина. Въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія онъ былъ дипломатомъ, громко говорившимъ о томъ, чтò безспорно — о необходимости всеобщаго обученія, — а въ остальномъ стремившимся примирить непримиримое: автономію высшей школы съ полицейской точкой зрѣнія на студенческія организаціи и съ антисемитическими требованіями о строгомъ соблюденіи процентной нормы для евреевъ, въ отношеніи же средней школы—полную реорганизацію постановки учебной части съ сохраненіемъ внутренняго строя гимназической жизни, раскрытіе дверей средняго образованія съ повышеніемъ платы за обученіе и укрѣпленіе созданныхъ въ революціонные дни родительскихъ организацій съ лишеніемъ ихъ самостоятельности и значенія. Его заслуги были отрицательнаго свойства: онъ не принесъ дѣлу столько вреда, сколько могъ бы принести другой на его мѣстѣ. Автономія университетовъ, все-таки, не была упразднена. Студенты-старосты, все-таки, не были отданы въ солдаты. Ходатайства общественныхъ учрежденій объ открытіи новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ, все-таки, не встрѣчали, какъ ранѣе, сплошныхъ отказовъ. Земствамъ и городамъ, все-таки, не давалось понять, что новыя среднія учебныя заведенія не

нужны. О приступѣ къ введенію всеобщаго обученія, все-таки, былъ составленъ законопроектъ, который былъ внесенъ во вторую Думу и не взятъ обратно при открытіи третьей.

За всѣ эти „все-таки" реакція вела противъ П. М. фонъ-Кауфмана и его товарища, О. П. Герасимова, упорную и ожесточенную кампанію. Даже неподвижный Государственный Совѣтъ собирался въ сессію второй Думы вспомнить, что ему принадлежитъ право запросовъ, и путемъ запроса добиться ухода П. М. фонъ-Кауфмана. „Русское Знамя" безумолчно говорило о его будто бы еврейскомъ происхожденіи, очевидно считая, что сильнѣе этого аргумента не можетъ быть никакого. Наконецъ, въ травлю вступило „чуткое" „Новое Время" въ лицѣ „архи-чуткаго" г. Меньшикова. О. П. Герасимову было предъявлено самое убійственное по нынѣшнимъ временамъ обвиненіе—въ сочувствіи кадетамъ и даже—о, ужасъ!—въ тайномъ кадетизмѣ. Но при этомъ кампанія противъ министра и товарища министра народнаго просвѣщенія отнюдь не связывалась съ нападками на министерство въ полномъ его составѣ. Отсюда естественно было бы заключить, что кампанія являлась отраженіемъ внутренняго министерскаго кризиса и что основаніемъ толковъ объ отставкѣ П. М. фонъ-Кауфмана служили его несогласія съ П. А. Столыпинымъ. Въ дѣйствительности же, насколько можно судить по толкамъ и разговорамъ послѣ состоявшагося уже увольненія, такихъ несогласій не было.

Вслѣдъ за фактомъ увольненія одного министра народнаго просвѣщенія и назначенія другого въ первый день Новаго Года, увольненіе министра, не утратившаго солидарности съ кабинетомъ, составляетъ второе характерное обстоятельство. Далѣе, по разсказамъ, исходящимъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, оказывается, что П. М. фонъ-Кауфманъ и О. П. Герасимовъ еще за нѣсколько дней до Новаго Года не знали, что имъ предстоитъ отставка. Наконецъ, П. М. фонъ-Кауфманъ не просто уволенъ, а уволенъ съ повышеніемъ—онъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ, т.-е. пожалованъ въ званіе первыхъ чиновъ двора. Сопоставленіе всего этого такъ близко напоминаетъ привычное прошлое, что невольно наводитъ на мысль о томъ, что фактически разница между юридическимъ прошлымъ и настоящимъ вовсе не столь велика, какъ думалось еще недавно.

Не удалось ниспровергнуть конституцію съ одного конца, путемъ обращенія законодательной Думы въ законосовѣщательную, — правая печать усиленно занялась агитаціей противъ объединеннаго и солидарнаго правительства. „Князь Мещерскій — пишетъ „Слово" — продолжаетъ твердить, что для ликвидаціи „политики" остается только упразднить должность предсѣдателя совѣта министровъ и вернуть министрамъ ихъ прежнюю самостоятельность: если бы П. А. Столыпинъ

не былъ отвлеченъ своими обязанностями по совѣту министровъ, то изъ министерства внутреннихъ дѣлъ не вышелъ бы законопроектъ объ упраздненіи земскихъ начальниковъ". Еще откровеннѣе „Мысли" г. Рославлѣва въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ": „Внѣ всякаго сомнѣнія, учрежденіе кабинета министровъ въ такой же, если не въ большей мѣрѣ ограничиваетъ самодержавіе, какъ и учрежденіе Думы. Совершенно понятно, почему конституціоналисты и радикалы цѣпляются за кабинетъ, какъ дѣти за платье матери: въ немъ они видятъ нѣкоторую гарантію прочности учрежденія Думы, нѣкій конституціонный фантомъ. Враги самодержавія смутно сознаютъ, что всякій премьеръ, кто бы онъ ни былъ, всегда будетъ ихъ союзникомъ и на этой почвѣ всегда будетъ тормозить проявленіе всей полноты самодержавной власти. Искреннимъ сторонникомъ идеи самодержавія явился бы премьеръ, отказавшійся отъ своей власти, какъ не уравновѣшенной властью органовъ законодательныхъ. Или народовластіе съ кабинетомъ, или самодержавіе безъ кабинета — такова, казалось бы, логическая альтернатива". Далѣе, г. Рославлевъ пускаетъ угрозу: „Сконцентрированная и обостренная власть исполнительная передъ рыхлой, тупой и аморфной властью законодательной будетъ всегда угрозой не только этой послѣдней, но и режиму, представительницей котораго является"...

Реакціонная волна докатилась до требованія объ ассигнованіи трехъ милліардовъ рублей на постройку боевого флота. Еще всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, предположенія о возрожденіи флота переводились на деньги въ суммѣ 150—200 милліоновъ. Теперь уже отъ милліоновъ перешли къ милліардамъ. Правда, три милліарда требуютъ ассигновать и истратить не сразу, а въ теченіе двѣнадцати лѣтъ. Но, разумѣется, эта разсрочка можетъ ослаблять впечатлѣніе общаго милліарднаго итога только на первый взглядъ.

Цифру въ три милліарда рублей гораздо легче назвать, чѣмъ представить себѣ въ ея конкретномъ значеніи. При условіяхъ, самыхъ заманчивыхъ для банкировъ и самыхъ невыгодныхъ и стѣснительныхъ для государства—вплоть до отдачи на откупъ таможенныхъ доходовъ и до уступки эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ,—ее найти въ одинъ годъ невозможно. Слѣдовательно, вопросъ самъ собою сводится къ неизбѣжности разсрочки. Съ другой стороны, трудно даже вообразить, какое необходимо напряженіе наличныхъ техническихъ силъ и средствъ судостроительныхъ заводовъ Европы и Америки, чтобы они могли скорѣе, чѣмъ въ двѣнадцать лѣтъ, построить броненосцевъ и крейсеровъ на три милліарда рублей. Три милліарда, распредѣленные на двѣнадцать лѣтъ, составятъ 250 милліоновъ еже-

годнаго расхода. Чтобы была ясна и эта цифра, достаточно сказать, что она выше суммы расходовъ, внесенныхъ въ роспись на 1908 г. по четыремъ вѣдомствамъ: по министерствамъ народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и по главному управленію землеустройства и земледѣлія. Если принять, что заемъ на постройку флота будетъ сдѣланъ по шести рублей за номинальные сто, то съ перваго же года населеніе будетъ обречено на вѣчныя времена платить ежегодно 15 милліоновъ, а по истеченіи двѣнадцати лѣтъ—сто восемдесятъ милліоновъ рублей въ годъ.

Посмотримъ теперь, чему равноцѣнна во внутренней жизни страны трата трехъ милліардовъ рублей на постройку боевыхъ кораблей. Когда казалось болѣе или менѣе близкимъ и возможнымъ разрѣшеніе земельнаго вопроса по кадетской программѣ, на основѣ принудительнаго отчужденія земли по „справедливой" оцѣнкѣ, то финансовая сторона дѣла приблизительно исчислялась въ полтора-два милліарда, тоже съ распредѣленіемъ ихъ на десять или двѣнадцать лѣтъ. Свыше милліарда рублей лишнихъ свободно дали бы возможность провести отчужденіе не по „справедливой", а по рыночной оцѣнкѣ, т.-е. вполнѣ удовлетворили бы землевладѣльческій классъ. Слѣдовательно, три милліарда утолили бы земельный голодъ крестьянъ и разрѣшили бы вопросъ къ обоюдной выгодѣ и землевладѣльцевъ, и земледѣльцевъ. Мало того: безвозвратный расходъ трехъ милліардовъ, какъ проектируется на флотъ, освободилъ бы отчуждаемыя земли отъ ипотечнаго долга новыхъ собственниковъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ обремененіе ежегодной смѣты по системѣ государственнаго кредита на 180 милліоновъ рублей было бы не минусомъ, а плюсомъ для народнаго хозяйства, такъ какъ расходъ на выкупъ частновладѣльческихъ земель есть расходъ производительный. Народное хозяйство обогатилось бы. А трата трехъ милліардовъ на флотъ, въ сущности, обойдется народному хозяйству гораздо дороже, нежели сумма процентовъ по займу. Для обслуживанія массы выстроенныхъ кораблей нужна масса людей, которые будутъ отняты отъ производительнаго труда—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, отнятыхъ отъ производительнаго труда людей надо будетъ содержать и обучать, корабли надо будетъ посылать въ плаваніе, для новой громады судовъ надо будетъ имѣть администрацію, и т. д., и т. д. Словомъ, послѣ того какъ три милліарда будутъ истрачены на постройку флота, нынѣшняя смѣта морского министерства—87 милл. рублей—по меньшей мѣрѣ удвоится.

Чтобы поддержать требованіе о возрожденіи флота, въ оборотъ пущены всѣ обычные аргументы, съ той только разницей, что коварство англичанъ нынѣ замѣнено коварствомъ японцевъ. Говорятъ, что будто бы Японія охвачена шовинизмомъ и не сегодня-завтра объ-

явить войну, съ цѣлью обратить въ свою колонію Приамурье и чуть что не Забайкалье. Говорятъ о позорѣ только-что понесеннаго пораженія. Говорятъ, что ни передъ какой тратой на армію и флотъ нельзя останавливаться, ибо чѣмъ больше государство расходуетъ на вооруженныя силы, тѣмъ вѣрнѣе оно гарантируетъ для себя миръ. Нашлись ученые экономисты, которые утверждаютъ, что отвлеченіе изъ населенія солдатъ вовсе ужъ не такъ вредно для народнаго хозяйства, ибо оно уменьшаетъ армію безработныхъ и удерживаетъ отъ паденія заработную плату.

Не будемъ спорить противъ всего, что̀ говорятъ и что̀ утверждаютъ, и перенесемъ вопросъ въ ту плоскость, въ которой онъ только и долженъ быть обсуждаемъ. Что̀ нужнѣе Россіи въ переживаемую эпоху: внутреннее культурно-правовое и экономическое обновленіе или внѣшнее могущество? Какую язву нашей жизни вскрыла война: только ли язву поверхностную — техническія несовершенства постановки военнаго дѣла,—или язву, проникающую въ самыя глубины— гнилость общественнаго и государственнаго строя, при которомъ никакія техническія улучшенія ни въ одной области не могутъ дать плодотворнаго результата? Скажутъ: нужно и внутреннее обновленіе, и внѣшнее могущество; война вскрыла язву; проникающую глубины, но и язву поверхностную нельзя оставлять безъ заживленія. Конечно, да. А потому мы далеки отъ мысли не только рекомендовать роспускъ арміи, но даже сокращеніе ея боевого состава или пріостановку перевооруженія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не забываемъ, что какъ возрожденіе внѣшняго могущества требуетъ денегъ и напряженія личной энергіи въ странѣ, такъ безъ денегъ и безъ напряженія энергіи невозможно и культурно-правовое и экономическое внутреннее обновленіе. Мы не забываемъ, что матеріальныя средства страны имѣютъ предѣлъ и что въ странѣ, охваченной революціей и съ подорваннымъ кредитомъ, этотъ предѣлъ весьма недалекъ. Истратить въ ближайшіе годы милліарды мыслимо или на флотъ, или на внутреннія нужды. Въ первомъ случаѣ, трата для внутреннихъ нуждъ пропадетъ безслѣдно и сама по себѣ будетъ сомнительно цѣлесообразной: на войнѣ столько же побѣждаютъ качества кораблей и пушекъ, сколько и духовныя свойства управляющихъ кораблями и пушками людей. Во второмъ — трата для внѣшняго могущества безслѣдно не пропадетъ, такъ какъ она оживитъ производительныя силы, увеличитъ богатство страны, подниметъ народную энергію и создастъ условія, при которыхъ станетъ возможнымъ возрожденіе внѣшняго могущества безъ коренного потрясенія народнаго хозяйства. Эти условія создадутся не сразу, а черезъ извѣстный періодъ времени, и потому въ данный моментъ, быть можетъ, предстоятъ жертвы внѣшними интересами.

Но такія жертвы неизбѣжны. Если со стороны Японіи дѣйствительно грозитъ опасность и если наличными военными силами эта опасность не предотвратима, то вѣдь не станутъ же японцы ждать, пока заграничныя верфи будутъ строить для насъ броненосцы. Состоится ли ассигнованіе трехъ милліардовъ на флотъ или нѣтъ, Россіи, въ случаѣ войны въ ближайшіе годы, придется разсчитывать, главнымъ образомъ, на духовную мощь солдатъ и народа. А для этого, полагаемъ, ничто такъ не нужно, какъ немедленный приступъ къ внутреннему обновленію. Не заказъ броненосцевъ въ силахъ поднять народный патріотизмъ, а удовлетвореніе сознанныхъ имъ и ясно формулированныхъ потребностей: свѣта знаній, земли и воли.

Вопросъ о трехъ милліардахъ на флотъ составляетъ теперь предметъ оживленныхъ обсужденій въ фракціонныхъ собраніяхъ Думы. Оппозиціонныя фракціи рѣшили голосовать противъ. Октябристы тоже, повидимому, не склонны принять проектъ морского министерства, и послѣднее, что мы прочли въ газетахъ, это слухъ, будто не желающее ссориться съ октябристами правительство намѣрено взять проектъ обратно. „Русское Знамя“ возмущено этимъ слухомъ. „Опять—пишетъ газета — „слабость“ правительства будетъ использована гг. революціонерами, опять пойдутъ „недоразумѣнія“ на мѣстахъ и опять потребуются сильныя мѣры... Неужели же нужно снова допускать до этихъ „сильныхъ мѣръ“ поблажкою пресловутой „дѣятельности“ октябристовъ. Не проще ли убрать этихъ крамольниковъ, сказавъ—„долой ихъ, довольно“!..“

Что „Русское Знамя“ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы закричать: „долой подлую конституцію!“ — это понятно. Но почему газета думаетъ, что если правительство откажется отъ требованія трехъ милліардовъ на флотъ, то опять пойдутъ „недоразумѣнія“ на мѣстахъ и опять потребуются сильныя мѣры? Неужели гг. Булацель и Дубровинъ мечтаютъ поднятымъ шумомъ о Японіи, о войнѣ и о возрожденіи флота отвлечь вниманіе на мѣстахъ отъ внутреннихъ больныхъ вопросовъ? И—что̀, конечно, неизмѣримо важнѣе—неужели слова газеты отражаютъ фантазію не однихъ ея непосредственныхъ руководителей? Неужели реакціонная волна опять готова подняться до внѣшней авантюры, какъ средства противодѣйствія внутреннему движенію?

Въ теченіе минувшихъ декабря и января предметомъ сосредоточеннаго вниманія печати были губернскія земскія собранія. Начиная съ дней свободы и затѣмъ вплоть до роспуска второй Думы, о земствѣ почти вовсе не говорили и не писали. Единственнымъ центромъ общественнаго вниманія была Государственная Дума, естественно

покрывшая собою значеніе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земство, существующее и дѣйствующее на основаніи положенія 1890 г., считалось не только умирающимъ, но уже умершимъ.

Пока шло развитіе освободительнаго движенія, общественная мысль настолько проникалась постепенно нароставшими формулами, что принимала ихъ за реальные факты. Придя—и весьма быстро—къ совершенно вѣрному убѣжденію, что въ обновленной, конституціонной, безсословной и равноправной Россіи не можетъ существовать дворянское, лишенное самостоятельности и окруженное сѣтью административныхъ путъ земство, а также, что реформа земскихъ учрежденій должна быть одною изъ первыхъ,—общество само не замѣтило, какъ сочло, что будто бы земскихъ учрежденій въ лицѣ собраній и управъ, образованныхъ по положенію 1890 г., нѣтъ. Общество помнило о земскихъ школахъ, больницахъ и складахъ и совсѣмъ утратило интересъ къ тѣмъ, кто являются хозяевами земскаго дѣла. Они въ глазахъ общества уже не были хозяевами, а временными управителями. Любопытно вспомнить и отмѣтить, что первая Дума, по тогдашнему отношенію правительства къ земской реформѣ имѣвшая для того полную возможность, не только не озаботилась проведеніемъ не нуждавшагося въ долгой разработкѣ закона о предоставленіи крестьянамъ права избирать земскихъ гласныхъ, объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ, объ отмѣнѣ правилъ о фиксаціи и о другихъ столь же простыхъ частныхъ измѣненіяхъ земскаго положенія, но даже вопроса объ этомъ не возбуждала. Между тѣмъ, Дума, будучи безконечно далекой отъ мысли о роспускѣ, работала въ маѣ и іюнѣ, а въ августѣ предстояли въ половинѣ земскихъ губерній новые выборы. Когда въ кулуарныхъ разговорахъ предлагалось внести законопроектъ о пріостановкѣ выборовъ, то и это не встрѣчало сочувствія. „Пусть выбираютъ!"—самоувѣренно смѣясь, говорили одни. „Нетактично исправлять земское положеніе, когда на очереди его коренное измѣненіе"—замѣчали другіе.

Подъ такимъ настроеніемъ прошли земскіе выборы въ 1906 г. Очень многіе изъ давнихъ земцевъ на выборы не явились. „Не стóитъ ѣздить"—объясняли они. Подъ тѣмъ же настроеніемъ прошли сессіи уѣздныхъ и губернскихъ собраній 1906 г. Общество готовилось ко второй Думѣ и хозяйничаньемъ правыхъ въ земствѣ интересовалось весьма мало. Только передъ роспускомъ второй Думы, когда возникли толки о земскомъ съѣздѣ, стало для всѣхъ очевидно, что собранія и управы по положенію 1890 г.—фактъ, съ которымъ еще долго придется считаться. Выборы 1907 г. проходили уже при иномъ отношеніи лѣвыхъ земцевъ, но было поздно: реакція укоренилась и восторжествовала. Составъ третьей Думы и первые же ея шаги оконча-

тельно разбили иллюзію. А содержаніе думской работы возродило интересъ и къ театрамъ, и къ научнымъ съѣздамъ, и къ дѣятельности земскихъ собраній и городскихъ думъ.

Глубоко печальный итогъ дали, въ общемъ, сессіи земскихъ собраній минувшаго года. „Все наоборотъ" — было главнымъ господствующимъ лозунгомъ. Прежде земство было скупо до послѣдней степени на обязательные расходы,—теперь самыя широкія ассигновки сдѣланы въ цѣломъ рядѣ губерній на воспособленіе полиціи. Прежде земство своими ходатайствами тянуло центральную власть влѣво,— теперь оно возбудило ходатайства о всякаго рода пресѣченіяхъ, недопущеніяхъ и неуклонныхъ преслѣдованіяхъ. Прежде земство, если и становилось иногда и кое-гдѣ на сословно-дворянскую и классовую крупно-землевладѣльческую почву, то тщательно это прикрывало,— теперь „зубры" открыто заговорили въ земствѣ о своихъ интересахъ. Мы никогда не читали отчета о земскомъ собраніи, подобнаго тому, который „Русскія Вѣдомости" заимствовали изъ „Саратовскаго Листка".

Дѣло происходило въ аткарскомъ экстренномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ декабрѣ. „Заключительнымъ аккордомъ дружнаго земскаго концерта было обсужденіе ходатайства гласнаго уѣзднаго земства, земскаго начальника К. П. Леціуса. Прослуживъ 10 лѣтъ земскимъ начальникомъ, г. Леціусъ поступаетъ врачемъ въ земство и желаетъ отдать свои силы и знанія на пользу родного уѣзда, какъ говорится въ ходатайствѣ. Но для пополненія своихъ медицинскихъ знаній ему необходимо поѣхать въ столичныя клиники. И вотъ г. Лецiусъ проситъ ассигновать ему отъ земства сверхъ жалованья примѣрно 300 р. „Если бы не аграрные безпорядки,—говоритъ онъ,—наказавшіе меня на 50.000 руб., я бы никогда не вошелъ съ такимъ ходатайствомъ.—Кр. *Мурашовъ:* Въ земствѣ не было примѣра, чтобы лицу, не прослужившему ни одного дня, выдавались субсидіи. — Гл. *Коревицкій:* К. П. Лецiусъ находится въ исключительномъ положеніи. Онъ—нашъ, свой, родной человѣкъ, притомъ же гласный земства и изъявилъ согласіе поработать родному уѣзду. Кромѣ того, въ послѣднее время всеобщихъ безпорядковъ наши высшія учебныя заведенія не могутъ дать хорошаго контингента врачей для земства, и въ этотъ трудный моментъ свой человѣкъ предлагаетъ услуги.—Гл. *Котовъ* хвалитъ Лецiуса, какъ хирурга и очень полезнаго врача для уѣзда. Кр. *Поликарповъ* предлагаетъ Лецiусу послужить мѣсяца четыре, а тамъ можно будетъ разрѣшить и субсидію. Гг. *Деконскій* и *Глѣбовъ* на всѣ лады расхваливали новаго врача, доказывая, что это—находка для земства, нужно пользоваться случаемъ, привѣтствовать и т. д. Крестьяне, однако, упирались и при баллотировкѣ вопроса встали противъ. Субсидія, конечно, прошла".

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана слѣдующая характерная для „земства наоборотъ“ сводка: „Сегодня открылось губернское земское собраніе. Собралось едва 40 человѣкъ (Воронежъ).— Губернское земское собраніе проходитъ вяло при наличности одной трети всего состава гласныхъ, не возбуждая большого интереса (Кишиневъ).—Сегодня открылось очередное губернское земское собраніе. Изъ 66-ти гласныхъ присутствуютъ меньше половины. Составъ — правый. Оппозиція представлена главнымъ образомъ крестьянствомъ. Публика и представители печати допускаются по именнымъ билетамъ. Доклады принимаются безъ преній (Симбирскъ).—Седьмой день длится губернское земское собраніе вяло и безцвѣтно въ составѣ исключительно правыхъ (Херсонъ).—Собираются гласные очень поздно. Нѣсколько разъ предсѣдатель собранія назначалъ засѣданія въ 11 часовъ, но открываются они ежедневно около $1^1/_2$ часовъ. Немало мѣшаетъ дѣлу буфетъ въ кулуарахъ. Отношеніе къ докладываемымъ вопросамъ большею частью вялое, безучастное (Черниговъ).—Въ орловскомъ губернскомъ земскомъ собраніи всѣ доклады управы приняты безъ преній. Сессія тянулась всего 5 дней. Собранія происходили вяло и безцвѣтно; гласные, видимо, спѣшили домой, мало интересуясь земской прозой.—Сегодняшнее засѣданіе губернскаго земскаго собранія прекращено въ виду отсутствія работы. Въ полтора часа было разсмотрѣно и принято 10 докладовъ (Казань)... Такова — пишетъ г. В. Др. — нарисованная газетами картина общаго настроенія, царившаго въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, частью только-что закрывшихся, частью прерванныхъ рождественскими праздниками“.

Но какъ ни печальны вѣсти, идущія о дѣятельности современнаго земства, земскія собранія, все-таки, остались далеко позади въ откровенности и безудержности реакціонныхъ вожделѣній и стремленій кіевскаго, напримѣръ, комитета по дѣламъ земскаго хозяйства. Земскіе гласные по избранію нигдѣ не додумались и не договорились до того, что̀ постановили мѣстные чиновники въ сочетаніи съ гласными по назначенію.

Вотъ сущность нѣкоторыхъ постановленій, сообщенныхъ корреспондентомъ „Руси“ (№ 11) изъ Кіева:—Оповѣстить возможно шире населеніе о томъ, что расходы по выселенію крестьянъ, причастныхъ къ аграрнымъ безпорядкамъ, правительство всецѣло принимаетъ на себя; ходатайствовать, чтобы высылка порочныхъ членовъ обществъ носила дѣйствительный, а не шуточный характеръ, и чтобы для такой высылки назначить отдаленныя мѣста Восточной Сибири; вмѣнить въ непремѣнную обязанность полиціи, подъ личной ея отвѣтственностью, немедленно арестовывать и представлять въ станъ неизвѣстныхъ лицъ, появляющихся въ деревняхъ, причемъ всѣ подозрительные по

своему поведенію и наклонностямъ крестьяне должны быть подвергнуты особому наблюденію; разрѣшить губернской управѣ кредитъ въ 24.000 р. на выдачу наградныхъ, какъ стражникамъ и урядникамъ по представленіямъ уѣздныхъ исправниковъ, такъ особенно сельскимъ должностнымъ лицамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ по представленіямъ мировыхъ посредниковъ, за обнаруженіе и задержаніе преступныхъ лицъ; просить начальника губерніи вмѣнить въ обязанность должностнымъ лицамъ точное исполненіе законовъ и издаваемыхъ начальникомъ края и губернаторомъ циркулярныхъ распоряженій по предупрежденію и пресѣченію личной и имущественной безопасности, и т. д.

Послѣднее постановленіе въ томъ видѣ, какъ оно приведено, можетъ вызывать недоумѣніе лишь въ одномъ отношеніи: неужели кіевскій губернаторъ не вмѣняетъ въ обязанность должностнымъ лицамъ точное соблюденіе законовъ и циркуляровъ и неужели комитету понадобилось просить его объ этомъ и даже облечь просьбу, обращенную къ своему предсѣдателю, въ форму постановленія? Но если взять постановленіе въ связи съ мотивами, то окажется, что комитетъ былъ далекъ отъ мысли обязывать должностныхъ лицъ точно исполнять законы вообще и своимъ постановленіемъ подчеркивалъ необходимость точнаго исполненія законовъ и распоряженій только „по предупрежденію и пресѣченію личной и имущественной безопасности“. По откровенно-высказанному комитетомъ мнѣнію, „длительнаго свойства пріемы, которые считаются вполнѣ умѣстными и примѣнимыми при нормальномъ теченіи жизни — стремленіе къ просвѣщенію массъ и придерживаніе строгихъ началъ законности,—едва-ли могутъ быть теперь дѣйствительны“. При такомъ своеобразномъ воззрѣніи на „придерживаніе строгихъ началъ законности“ вообще, комитетъ и высказалъ, что онъ иначе смотритъ на законы и иныя мѣры, которые, по нѣсколько рѣзкому выраженію корреспондента, способствуютъ „устроенію зубрамъ Кіевской губерніи безпечальнаго житья въ родовыхъ помѣстьяхъ“. Что касается 24-хъ тысячъ рублей на награды за задержаніе преступныхъ лицъ, то изъ мотивовъ выходитъ, что эти деньги ассигнованы изъ страхового капитала. Любопытно было бы знать, на основаніи какого закона.

Справедливость требуетъ сказать, что и въ средѣ гласныхъ по назначенію кіевскаго комитета нашлись лица, энергично возражавшія противъ принятія такихъ постановленій. Корреспонденція заканчивается слѣдующими строками: „Гласные Еремѣевъ, Плаковъ и Турчановичъ горячо протестовали противъ большей части пунктовъ записки, внесенной частнымъ совѣщаніемъ. Гласный Еремѣевъ заявилъ, что считаетъ позорнымъ для земства способствовать процвѣтанію сельскаго

сыска и доноса, которые несомнѣнно разовьются въ случаѣ ассигнованія особыхъ суммъ для награды стражникамъ и крестьянамъ. Гл. Турчановичъ указалъ на незаконность такого награжденія стражниковъ: никакого другого вознагражденія кромѣ опредѣленнаго по штату жалованья законъ для служащихъ не допускаетъ. Наконецъ, гл. Плаховъ сказалъ, что результатомъ принятія предложеній будетъ то, что когда онъ, къ примѣру, пріѣдетъ въ деревню, то его, какъ лицо незнакомое, сочтутъ тоже подозрительнымъ и препроводятъ въ станъ, и пока будетъ выясняться моя личность, сказалъ гласный, мнѣ придется посидѣть"... Доводы эти, однако, большинства комитета не убѣдили.

„Въ деревнѣ стало недалеко до кольевъ" — писали мы послѣ опубликованія закона 9 ноября 1906 г. и вновь повторяли то же въ сентябрьской хроникѣ прошлаго года по поводу циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ предлагалось губернаторамъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ понудительному выдѣленію изъ общины заявившихъ о томъ требованія крестьянъ.

Кровавая иллюстрація нашего утвержденія имѣла мѣсто въ свіяжскомъ уѣздѣ казанской губерніи. Сначала телеграфъ принесъ краткое извѣстіе о безпорядкахъ въ селѣ Подберезье, сопровождавшихся дракой и стрѣльбой. Затѣмъ изъ Казани была получена столичными газетами болѣе подробная телеграмма, въ которой сообщалось: „Мѣстными газетами получены нѣкоторыя подробности о кровавомъ столкновеніи, происшедшемъ въ селѣ Подберезье, свіяжскаго уѣзда, на почвѣ выдѣленія изъ общины. На сельскомъ сходѣ началась драка, для прекращенія которой прибылъ исправникъ со стражниками. Толпа встрѣтила полицію кольями. Ударили въ набатъ. При столкновеніи раненъ исправникъ. Залпомъ стражниковъ убиты и ранены 10 крестьянъ". Наконецъ, 23 января въ петербургскихъ газетахъ появилась телеграмма съ еще бòльшими подробностями: „Извѣстные безпорядки въ селѣ Подберезье, свіяжскаго уѣзда, произошли вслѣдствіе понужденія къ выдѣлу изъ общины тридцати домохозяевъ. Общество, не соглашаясь, требовало удаленія станового пристава и земскаго начальника, прибывшихъ съ цѣлью способствовать ускоренію дѣла о выдѣлѣ. Приставъ и земскій начальникъ удалились, но черезъ два дня прибылъ исправникъ съ 29 конными стражниками для уговора несогласныхъ. Послѣ ареста шести крестьянъ ударили въ набатъ. Поднялось почти все село, вооруженное кольями. Стражники стрѣляли залпами. Убитыхъ и раненныхъ крестьянъ насчитываютъ около двадцати. Исправникъ избитъ. Арестовано свыше шестидесяти человѣкъ".

Передъ этимъ фактомъ, по степени вызываемой имъ тревоги, блѣднѣютъ всѣ экспропріаціи и всѣ поджоги помѣщичьихъ усадебъ. Легко сказать: въ деревню — въ русскую стомилліонную деревню — внесена рознь! По политической, весьма условной и спорной, предпосылкѣ насильственно ломаются вѣками сложившіяся экономическія отношенія!.. Намъ пришлось слышать, что кое-гдѣ крестьяне уже нашли мирный способъ противодѣйствія закону 9-го ноября. Въ одномъ селѣ, когда, вопреки отказу схода, власти приступили къ принудительному выдѣленію нѣсколькихъ домохозяевъ, все село, какъ одинъ человѣкъ, заявило о выходѣ изъ общины. Разбить на отрубные участки всѣ земельныя угодья безъ остатка оказалось невозможнымъ, и дѣло осталось безъ движенія. Неужели надо ждать, когда этотъ способъ противодѣйствія станетъ общимъ? Неужели и безъ кровавыхъ указаній опыта не ясно, что невозможность примѣнить законъ ко всѣмъ домохозяевамъ общины краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о вопіющей несправедливости его примѣненія къ нѣкоторымъ?..

Насколько извѣстно, законопроектъ, соотвѣтствующій принятому въ порядкѣ 87 статьи закону 9 ноября, внесенъ нынѣ въ Думу съ измѣненіями. Въ какой мѣрѣ эти измѣненія смягчаютъ радикализмъ мѣръ, направленныхъ къ разрушенію общины, мы не знаемъ. Неужели правительство намѣрено и впредь съ прежней прямолинейностью идти къ скорѣйшему упраздненію общины—тамъ, гдѣ общинное владѣніе землей вошло въ нравы и гдѣ немыслимо, чтобы всѣ общинники сразу перешли на отрубные участки? Неужели кровь въ селѣ Подберезье не раскроетъ глазъ правительству и послушному большинству Думы?.. Крупные землевладѣльцы и въ земствѣ, и въ Думѣ—не думаютъ объ интересахъ крестьянства. Такъ пусть они подумаютъ о себѣ—о томъ, чѣмъ имъ угрожаютъ „колья въ деревнѣ"...

Что̀ такое повременная печать въ жизни общества и государства? Полезный она факторъ или вредный? Смѣшно, казалось бы, задаваться даже такими вопросами. А между тѣмъ, задаваться ими приходится, ибо, какъ это ни странно, но существуютъ политическія теченія, которыя твердо держатся убѣжденія, что отъ печати проистекаетъ одинъ вредъ, или, иначе, что виною всего вреднаго, наблюдаемаго въ жизни, является печать. Во весь до-конституціонный періодъ такое убѣжденіе пользовалось у насъ полнымъ авторитетнымъ признаніемъ На немъ былъ построенъ цензурный уставъ. На немъ твердо держалась практика предостереженій, циркуляровъ, сажанія цензоровъ на гауптвахту—словомъ, весь сложный аппаратъ цензурныхъ скорпіоновъ. Съ момента перваго своего появленія на свѣтъ, русскія газеты были

отданы „подъ подозрѣніе“ и въ этомъ безправномъ состояніи находились до 17 октября 1905 года.

Не долго имъ довелось быть свободными отъ подозрѣнія. Кто-то почему-то рѣшилъ, что успокоеніе не наступаетъ не изъ-за чего другого, какъ изъ-за свободы печати, и что печать надо немедленно обуздать. Были изданы временныя правила 24 ноября, и редакторы одинъ за другимъ стали привлекаться на скамью подсудимыхъ. Разсказываютъ, что есть редакторы, которые уже имѣютъ за плечами до десятка обвинительныхъ приговоровъ и которымъ еще предстоитъ вдвое болѣе того процессовъ. Вскорѣ затѣмъ къ судебному преслѣдованію присоединились административные штрафы и пріостановленіе изданій на время дѣйствія военнаго положенія или положенія о чрезвычайной охранѣ. А печать все не смиряется. „Россія“ остается „Россіей“, „Новое Время“ — „Новымъ Временемъ“. Общій же тонъ даютъ все тѣ же, ежедневно караемыя изданія. Зорко слѣдя за политическимъ барометромъ, они то съёживаются, то—чуть станетъ полегче—начинаютъ говорить смѣлѣе и громче. И не только когда они говорятъ громко, но и когда говорятъ еле слышно, съ ихъ столбцовъ не раздается словъ привѣтствія карающей и давящей рукѣ. Печать, въ ея цѣломъ, нельзя заставить измѣнить общественному служенію. Нѣтъ силъ и власти, которыя бы могли передѣлать убѣжденія пишущихъ, т.-е. тѣхъ пишущихъ, чей голосъ опредѣляетъ тонъ и направленіе печатнаго слова. Рептиліи вездѣ были и всегда будутъ. Но ни субсидіи, ни обязательная подписка, никогда не обезпечивали и никогда не могутъ обезпечить за ними прочнаго вліянія на общественное мнѣніе. Въ этомъ—трагизмъ положенія враговъ свободнаго печатнаго слова. И отсюда вытекаетъ нервное отношеніе къ печати со стороны власти, разобщенной съ народомъ и обществомъ и желающей подчинить себѣ общественное настроеніе и общественное мнѣніе.

Весьма характерное отношеніе къ печати проскользнуло въ словахъ одного изъ лидеровъ октябристовъ, члена Думы г. Шубинскаго. Характерное—для Думы „на-оборотъ“ и для партіи, „потерявшей документъ“. 9-го января въ Думѣ происходило совѣщаніе предсѣдателей и секретарей коммиссій. На обсужденіе былъ поставленъ вопросъ о работахъ Думы въ ближайшее время. Въ совѣщаніи было указано, что въ работахъ Думы нѣтъ никакой планомѣрности, что она все время занимается мелкими законопроектами, что общество имѣетъ основанія быть недовольнымъ работой Думы. Изъ сообщеній предсѣдателей коммиссій выяснилось, что ни одинъ проектъ по сколько-нибудь важному вопросу не готовъ и врядъ-ли будетъ изготовленъ ранѣе двухъ мѣсяцевъ. Н. А. Хомяковъ замѣтилъ, что коммиссіямъ слѣдуетъ разобраться въ переданныхъ на ихъ разсмотрѣніе законо-

проектахъ, а не разсматривать первые попавшіеся только потому, что они не требуютъ особыхъ трудовъ. Тутъ выступилъ г. Шубинскій, раскрывшій „корень зла". Онъ заявилъ—значится въ отчетѣ „Рѣчи" (№ 8),—что „во всемъ виновата печать, которая инсинуируетъ на Думу и изо дня въ день представляетъ работы ея въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ". Поэтому г. Шубинскій предложилъ „обуздать" печать. Стоитъ только это сдѣлать, и работы Думы не будутъ встрѣчать осужденія.

Въ данномъ случаѣ предложеніе объ обузданіи печати не имѣло успѣха. Сильную и остроумную отповѣдь г. Шубинскому сдѣлалъ Н. А. Хомяковъ, смыслъ рѣчи котораго сводился къ поговоркѣ, начинающейся словами: „нечего на зеркало пенять"... Но пока у „работоспособной" Думы еще есть надежды, что она что-то можетъ сдѣлать, кромѣ накладыванія трафаретныхъ штемпелей о принятіи на министерскіе проекты по вопросамъ текущаго законодательства. А когда эти надежды исчезнутъ, то, пожалуй, Дума примется и за печать по рецепту г. Шубинскаго.

Во время рождественскихъ праздниковъ полиція искала въ Москвѣ тайную организацію, именуемую партіей народной свободы. Наши слова не шутка. Вотъ сообщеніе по телефону изъ Москвы, которое было напечатано въ петербургскихъ газетахъ: „Во время праздниковъ былъ произведенъ рядъ обысковъ въ квартирахъ видныхъ дѣятелей кадетской партіи. Цѣлью этихъ обысковъ было установить фактъ существованія партіи народной свободы, вопреки неоднократнымъ отказамъ въ легализаціи. Эта цѣль обысками была достигнута. Изъ протоколовъ и другихъ документовъ, отобранныхъ въ квартирахъ Н. М. Кишкина, Н. Н. Щепкина, Н. М. Іорданскаго, М. Е. Комиссарова и О. А. Зерновой, установлено, что эти лица входятъ въ составъ нынѣ дѣйствующаго центральнаго комитета. Документы, отобранные при обыскѣ, даютъ полнѣйшую возможность предъявить къ этимъ лицамъ обвиненіе по 124 ст. за участіе въ тайномъ сообществѣ". И это сообщеніе не вызвало ни оштрафованія, ни опроверженія „Освѣдомительнаго бюро", — слѣдовательно, оно фактически достовѣрно, ибо, при существующемъ надзорѣ за печатью, оно, въ противномъ случаѣ, не осталось бы безъ разъяснительныхъ и карательныхъ послѣдствій.

А между тѣмъ, что̀ такое, какъ не шутка, неизвѣстно зачѣм продѣланная, пять обысковъ съ цѣлью установленія факта существо ванія партіи „народной свободы"? Партія существуетъ третій год никогда ни отъ кого не скрывала своего существованія, вела тр

избирательныя кампаніи, насчитываетъ десятки тысячъ зарегистрованныхъ членовъ, пять разъ собиралась на съѣзды, изъ которыхъ два происходили съ разрѣшенія, а остальные—хотя безъ разрѣшенія, но съ опубликованіемъ въ газетахъ полныхъ отчетовъ,—имѣетъ свой оффиціозъ „Вѣстникъ народной свободы", на обложкѣ котораго еженедѣльно печатается списокъ членовъ центральнаго комитета, и т. д., и т. д. И вдругъ власть, которой принадлежитъ право возбужденія судебнаго преслѣдованія, дѣлаетъ видъ, что она ничего этого не знаетъ! Власть мобилизуетъ обыскные отряды, пишетъ ордера, сзываетъ понятыхъ, нарушаетъ домовое право и удостовѣряетъ то, что̀ всѣмъ извѣстно, какъ столь же беспорная истина, что дважды-два—четыре. Со стороны это просто смѣшно. Но едва-ли смѣялись тѣ, у кого были перевернуты вверхъ дномъ квартиры, разбужены и перепуганы дѣти и кто совершенно зря подверглись всѣмъ унизительнымъ обрядамъ обысковъ—отмыканію запертого, чтенію интимной переписки и обязательному присутствованію при хозяйничаньи въ своей квартирѣ постороннихъ.

Любопытный будетъ процессъ, когда всѣхъ кадетовъ посадятъ на скамью подсудимыхъ! А вѣроятно ихъ придется посадить именно всѣхъ. Въ газетахъ передавалось, что если будутъ привлечены къ отвѣтственности лица, подвергшіяся въ Москвѣ обыску, то всѣ члены партіи совершатъ „явку съ повинной" и принесутъ сознаніе въ принадлежности къ „преступному" сообществу. Не предать ихъ суду будетъ невозможно. И будетъ опять шутка, ибо ст. 124 уголовнаго уложенія имѣетъ въ виду сообщества воспрещенныя, а отказъ въ легализаціи на юридическомъ языкѣ еще не значитъ воспрещеніе.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Ѳеодоровича Кони.

§ 1. Въ память исполнившагося 40-лѣтія государственной и общественной дѣятельности почетнаго члена и почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ, сенатора, тайнаго совѣтника Анатолія Ѳеодоровича Кони однимъ изъ почитателей и бывшихъ сослуживцевъ его по министерству юстиціи внесенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года въ Академію Наукъ капиталъ, для выдачи премій за сочиненія о жизни и дѣятельности лицъ, бывшихъ сотрудниками Императора Александра II въ его великихъ реформахъ или способствовавшихъ ихъ охраненію, правильному осуществленію и практическому развитію.

§ 2. Капиталъ этотъ заключается въ свидѣтельствахъ 4%-ной государственной ренты, на номинальную сумму три тысячи (3000) рублей, съ купонами съ іюня 1906 года. Капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ вслѣдствіе могущихъ быть причисленными къ нему части процентовъ, а также невыданныхъ премій.

§ 3. Премія имени Анатолія Ѳеодоровича Кони состоитъ на первое время изъ пятисотъ (500) рублей и присуждается Академіею Наукъ чрезъ каждое пятилѣтіе изъ суммы процентовъ послѣднихъ пяти лѣтъ.

§ 4. Академія Наукъ присуждаетъ преміи за сочиненія, представленныя самими авторами ихъ; независимо отъ сего, она имѣетъ право присуждать преміи и за такія сочиненія, которыя не были представлены самими авторами къ соисканію. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, Академія Наукъ присуждаетъ полную премію въ помянутомъ размѣрѣ; если же такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ двѣсти-пятьдесятъ (250) рублей каждая.

§ 5. Не присужденныя или почему-либо не выданныя преміи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) половина ихъ причисляется къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго отъ причисленія къ нему части процентовъ и половины не присужденныхъ или не выданныхъ премій Академія Наукъ можетъ увеличить размѣръ и число премій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ право для соисканія такихъ дополнительныхъ премій объявлять особыя задачи по исторіи реформъ царствованія императора Александра II, и б) вторая половина не присужденныхъ или не выданныхъ премій обращается въ особый, имени А. Ѳ. Кони, неприкосновенный капиталъ, и проценты съ этого капитала, по мѣрѣ увеличенія его, предоставляется расходовать, по постановленію Историко-Филологическаго Отдѣленія,

на ученыя предпріятія по изученію эпохи реформъ императора Александра II.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, появившіяся въ печатномъ видѣ въ предшествовавшее конкурсу пятилѣтіе; сочиненія, уже премированныя Академіею Наукъ или иными учеными учрежденіями, на конкурсъ не принимаются.

§ 7. Дѣйствительные члены и почетные академики Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. Право на полученіе премій принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ премированныхъ сочиненій.

§ 9. Преміи присуждаетъ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому предоставляется право приглашать къ разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій постороннихъ лицъ.

§ 10. Назначенныя на конкурсъ сочиненія доставляются въ указанное въ § 9 Отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе марта мѣсяца конкурснаго года.

§ 11. Конкурсъ на преміи Анатолія Ѳеодоровича Кони будетъ происходить въ 1911, 1916, 1921, 1926 гг. и т. д. За три мѣсяца до наступленія конкурснаго пятилѣтія Историко-Филологическое Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи премій.

§ 12. Отчетъ о присужденіи премій и объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи Наукъ на проценты съ неприкосновеннаго капитала имени А. Ѳ. Кони (см. § 5) читается въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года.

§ 13. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ употребляются проценты, оставшіеся отъ суммы, назначенной въ преміи.

§ 14. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи Наукъ. Объ измѣненіяхъ въ настоящихъ правилахъ сообщается, лишь для свѣдѣнія, учредителю преміи.

II. — Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ по-

требностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19; четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Январь—Февраль, 1908.

Книга первая. — Январь. стр.

Книга вторая. — Февраль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи**, по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона, 1808—1812 г.г. Т. VI. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Спб. 909. Стр. 221—508. Съ портр. Коленкура и Лористона.

Новый томъ служитъ обширнымъ дополненіемъ къ предыдущему, и оба вмѣстѣ обнимаютъ интересную эпоху, предшествовавшую окончательному разрыву союзниковъ, имп. Александра I и Наполеона, и приведшую къ грандіозной войнѣ 12-го года. Въ нынѣ вышедшемъ VI-омъ томѣ, въ дополненіе къ „докладамъ“ и „письмамъ“ (Rapports et Lettres) французскаго посланника при нашемъ Дворѣ, Коленкура, помѣщены его же „Вѣсти и Слухи“ (Nouvelles et On dit) изъ Петербурга. Для насъ они представляютъ значительный интересъ, заключая въ себѣ характеристики нашихъ государственныхъ дѣятелей того времени и мелочи общественной жизни у насъ въ ту эпоху. Главную же часть тома составляютъ доклады и письма преемника Коленкура, генерала Лористона, отъ 12-го мая 1811 до 28-го іюня 1812 г., когда послѣдовалъ окончательный разрывъ и война сдѣлалась неизбѣжною. Въ виду приближающагося столѣтія со времени отечественной войны, весьма кстати появляются впервые въ печати документы, возвращающіе насъ къ воспоминаніямъ и подробностямъ той памятной борьбы.

— **Соціализмъ — старый и новый**, Вильяма Грагама. Съ англ. И. Стеблинъ-Каменскій. Спб. 908. Ц. 1 р. Второе изданіе.

Соціализмъ и вызываемые имъ вопросы, задачи и требованія, въ наше время, возбуждаютъ къ себѣ интересъ не однихъ его изслѣдователей, и обращаютъ на себя всеобщее вниманіе, а потому книга, которая могла бы руководить при этомъ большинство публики и давала бы ей болѣе вѣрное средство разобраться среди положеній науки, иногда противорѣчивыхъ, была бы весьма желательна. Такою книгою является именно столько же общедоступный, сколько и основательный трудъ извѣстнаго англійскаго ученаго Грагама. Задача ея—по словамъ автора—состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы дать точное понятіе о современномъ соціализмѣ, его формахъ, цѣляхъ и о его происхожденіи; кромѣ того, авторъ имѣетъ въ виду показать, насколько примѣненіе ученія соціализма желательно и осуществимо на дѣлѣ; наконецъ, какія соціалистическія мѣропріятія слѣдуетъ считать благодѣтельными, какъ необходимыя дополненія къ господствующимъ въ наше время системамъ. Первыя главы этой книги посвящены интересной исторіи соціализма во всѣ времена, начиная съ библейскаго соціализма и переходя затѣмъ къ евангельскому — и до самаго начала девятнадцатаго вѣка. Затѣмъ, слѣдуетъ исторія современнаго намъ соціализма, отъ Сенъ-Симона до Карла Маркса. Въ заключеніе, авторъ останавливается подробнѣе на осуществимомъ государственномъ соціализмѣ и на самопроизвольномъ стремленіи къ соціализму.

— **Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I.** Историческіе очерки А. Н. Пыпина. Изд. 4-ое. Спб. 908. Ц. 3 руб.

Этотъ трудъ покойнаго А. Н. принадлежитъ къ числу наиболѣе обработанныхъ имъ при первыхъ трехъ изданіяхъ, которыми онъ пользовался каждый разъ, какъ для неизбѣжныхъ поправокъ, такъ и для необходимыхъ дополненій въ виду чрезвычайнаго роста изслѣдованій интересной эпохи Александра I. Занявъ вполнѣ самостоятельное мѣсто между крайностями оптимизма и пессимизма во взглядахъ на эпоху Александра I, А. Н. Пыпинъ усвоилъ себѣ собственную точку зрѣнія на изучаемую имъ эпоху, а именно, такою точкою зрѣнія было историческое сравненіе, какъ временъ, характеровъ, такъ и общественныхъ положеній. Это сравненіе—какъ говоритъ авторъ—„невольно приводитъ къ инымъ впечатлѣніямъ, чѣмъ простое безотносительное наблюденіе; то сочувственное къ этой эпохѣ и къ личности императора, на чемъ мы останавливались прежде, не потеряло для насъ своей цѣны“... Такая точка зрѣнія, твердо установленная авторомъ, и является причиною того, что этотъ трудъ не утратилъ своего значенія и до настоящаго времени.

Грачева, Е. — Руководство по занятію съ отсталыми дѣтьми и идіотами. Спб. 1907. Ц. 80 коп.

Особое занятіе съ дѣтьми отсталыми, сравнительно съ ихъ сверстниками - однолѣтками и съ дѣтьми отъ рожденія слабоумными, у насъ еще довольно новое дѣло, но это дѣло представляется чрезвычайно важнымъ, если представить себѣ, что, безъ такой особой школы для подобныхъ дѣтей, общество осталось бы обременено значительнымъ числомъ нетрудоспособныхъ членовъ, ложащихся всею тяжестью на семьи и на общество. Мы имѣемъ въ Петербургѣ такой пріютъ, основанный архимандритомъ Игнатіемъ для дѣтей-идіотовъ и эпилептиковъ; авторъ названнаго выше руководства стоитъ во главѣ этого пріюта, а потому и составленное имъ руководство является плодомъ солиднаго опыта и личныхъ наблюденій. Цѣль автора состоитъ въ томъ, чтобы дать рѣшительный отвѣтъ на два вопроса, которые многимъ представляются еще спорными: возможно ли развить отсталаго ребенка — и нужно ли это?—и конечно, даетъ отвѣтъ положительный, что и понятно: тѣ вопросы совершенно аналогичны съ вопросами: можно ли ребенка съ отсталымъ здоровьемъ укрѣплять и нужно ли это? Настоящее руководство весьма полезно и для всѣхъ учащихъ въ общихъ школахъ для малолѣтнихъ, такъ какъ во всякой школѣ имѣются болѣе или менѣе отсталыя дѣти, и потому указанія руководства г-жи Грачевой, какія можно принимать мѣры съ увѣренностью въ успѣхѣ, чтобы облегчить отсталымъ и слабоумнымъ дѣтямъ ихъ школьный трудъ и укрѣпить ихъ силы — такія указанія могутъ быть весьма небезполезны и въ общихъ школахъ для малолѣтнихъ.

